

ЛЕНИН И СТАЛИН

СБОРНИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ
К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ВКП(б)

том III

ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП(б)

1937

ЛЕНИН
и
СТАЛИН
СБОРНИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ
К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ВКП(б)
ТОМ III
ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП(б) 1937

Отв. корректора *Р. Френкель* и *Е. Николаева*.

Сдано в печать с матриц 2 декабря 1937 г. Формат 60X92¹/₁₈. Печ. л. 46³/₄. Тип. зн. в 16. листе 103 800. Тираж 50 тыс. экз. Партиздат № 95 Уполномоченный Главлита № Б-32360. Заказ № 873.

Бумага фабрики «Сокол». Цена 3 р. 50 к. Переплет 1 руб.

Набрано и сматрицировано на фабрике книги «Красный пролетарий» Партиздата ЦК ВКП(б).

Москва, Краснопролетарская, 16.

Отпечатано с матриц в 17-й ф-ке национальной книги Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига».

Москва, Шлюзовая наб., 10.

Содержание

Тема XII БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПАРТИЯ НА ПОВОРОТЕ К РЕКОНСТРУКТИВНОМУ ПЕРИОДУ

5

И. Сталин. К ИТОГАМ РАБОТ XIV КОНФЕРЕНЦИИ РКП(б). Доклад активу московской организации РКП(б) 9 мая 1925 г.
5

И. Сталин. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ПОЛИТИЧЕСКОМУ ОТЧЕТУ ЦК XIV СЪЕЗДУ ВКП(б)
27

РЕЗОЛЮЦИЯ XIV СЪЕЗДА ВКП(б) ПО ОТЧЕТУ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
47

И. Сталин. О ХОЗЯЙСТВЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. Доклад активу ленинградской организации о работе пленума ЦК ВКП(б) 13 апреля 1926 г.
55

И. Сталин. О СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ УКЛОНЕ В НАШЕЙ ПАРТИИ. Доклад и заключительное слово Всесоюзной конференции ВКП(б) 1 — 3 ноября 1926 г.
72

РЕЗОЛЮЦИЯ XV КОНФЕРЕНЦИИ ВКП(б) О БОПОППОЗИЦИОННОМ БЛОКЕ В ВКП(б)
135

И. Сталин. ЕЩЕ РАЗ О СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ УКЛОНЕ В НАШЕЙ ПАРТИИ. Доклад на VII расширенном пленуме ИККИ 7—13 декабря 1926 г.
145

РЕЗОЛЮЦИЯ VII РАСШИРЕННОГО ПЛЕНУМА ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА ПО «РУССКОМУ» ВОПРОСУ
201

И. Сталин. ТРОЦКИСТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ. Из речи на заседании объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 23 октября 1927 г.
204

И. Сталин. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА XV СЪЕЗДУ ВКП(б) 2—19 декабря 1927 г.
218

И. Сталин. Заключительное слово по политотчету ЦК XV съезду ВКП(б)
259

РЕЗОЛЮЦИИ XV СЪЕЗДА ВКП(б)
268

И. Сталин. ОТВЕТ гг. ОЛЕХОВИЧУ и АРИСТОВУ. По поводу письма в редакцию «Пролетарской революции» «О некоторых вопросах истории большевизма»
271

Приложение к теме XII. ВАЖНЕЙШИЕ ДАТЫ (1925—1927)
275

Тема XIII. ПАРТИЯ БОЛЬШЕВИКОВ В БОРЬБЕ ЗА ПЕРВУЮ ПЯТИЛЕТКУ
279

И. Сталин. НА ХЛЕБНОМ ФРОНТЕ. Из беседы со студентами Института красной профессуры, Комкадемии и Свердловского университета 28 мая 1928 г.
279

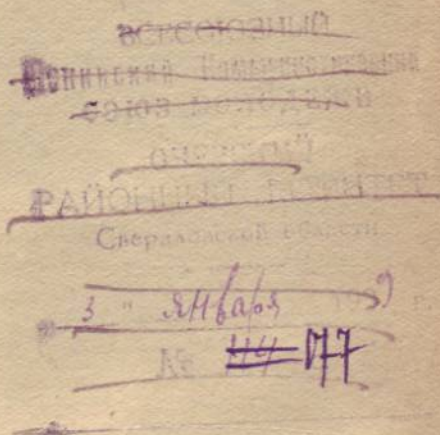
И. Сталин. ЛЕНИН И ВОПРОС О СОЮЗЕ С СЕРЕДНЯКОМ. Ответ тов. С.	287
И. Сталин. ОБ ИТОГАХ ИЮЛЬСКОГО ПЛЕНУМА ЦК ВКП(б). Доклад на собрании актива ленинградской организации ВКП(б) 13 июля 1928 г.	294
И. Сталин. О ПРАВОЙ ОПАСНОСТИ В ВКП(б). Речь на пленуме МК и МКС 19 октября 1928 г.	305
И. Сталин. ОБ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СТРАНЫ И О ПРАВОМ УКЛОНЕ В ВКП(б) Речь на пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 г.	314
И. Сталин. О ПРАВОМ УКЛОНЕ В ВКП(б). Из речи на пленуме ЦК ВКП(б). Апрель 1929 г.	337
И. Сталин. ГОД ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА. К XII годовщине Октября	377
И. Сталин. К ВОПРОСАМ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ В СССР. Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г.	385
И. Сталин. К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ ЛИКВИДАЦИИ КУЛАЧЕСТВА КАК КЛАССА	401
И. Сталин. ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ ОТ УСПЕХОВ. К вопросам колхозного движения	404
И. Сталин. ОТВЕТ ТОВАРИЩАМ КОЛХОЗНИКАМ	408
И. Сталин. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА XVI СЪЕЗДУ ВКП(б). Доклад и заключительное слово. 27 июня—2 июля 1930 г.	422
О ФРАКЦИОННОЙ РАБОТЕ СЫРЦОВА, ЛОМИНАДЗЕ И ДР. Постановление ЦК и ЦКК. 1 декабря 1930 г.	500
И. Сталин. О ЗАДАЧАХ ХОЗЯЙСТВЕННИКОВ. Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. 4 февраля 1931 г.	501
И. Сталин. НОВАЯ ОБСТАНОВКА — НОВЫЕ ЗАДАЧИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА. Речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г.	508
И. Сталин. БЕСЕДА С НЕМЕЦКИМ ПИСАТЕЛЕМ ЭМИЛЕМ ЛЮДВИГОМ. 13 декабря 1931 г.	523
Приложение к теме XIII: ВАЖНЕЙШИЕ ДАТЫ (1928—1932)	533
Тема XIV. ПАРТИЯ БОЛЬШЕВИКОВ В БОРЬБЕ ЗА ВТОРУЮ ПЯТИЛЕТКУ	538
И. Сталин. ИТОГИ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ. Доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). 7 января 1933 г.	538
И. Сталин. О РАБОТЕ В ДЕРЕВНЕ. Речь на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). 11 января 1933 г.	566
И. Сталин. РЕЧЬ НА ПЕРВОМ ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ КОЛХОЗНИКОВ-УДАРНИКОВ. 19 февраля 1933 г.	576
И. Сталин. ОТЧЕТНЫЙ ДОКЛАД XVII СЪЕЗДУ ПАРТИИ О РАБОТЕ ЦК ВКП(б). 26 января 1934 г.	586
И. Сталин. РЕЧЬ В КРЕМЛЕВСКОМ ДВОРЦЕ НА ВЫПУСКЕ АКАДЕМИКОВ КРАСНОЙ АРМИИ. 4 мая 1935 г.	637
И. Сталин. РЕЧЬ НА ПРИЕМЕ КОЛХОЗНИЦ-УДАРНИЦ СВЕКЛОВИЧНЫХ ПОЛЕЙ РУКОВОДИТЕЛЯМИ ПАРТИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВА. 10 ноября 1935 г.	642
И. Сталин. РЕЧЬ НА ПЕРВОМ ВСЕСОЮЗНОМ СОВЕЩАНИИ СТАХАНОВЦЕВ. 17 ноября 1935 г.	643
И. Сталин. РЕЧЬ НА СОВЕЩАНИИ ПЕРЕДОВЫХ КОМБАЙНЕРОВ И КОМБАЙНЕРОК. 1 декабря 1935 г.	654
И. Сталин. РЕЧЬ НА СОВЕЩАНИИ ПЕРЕДОВЫХ КОЛХОЗНИКОВ И КОЛХОЗНИЦ ТАДЖИКИСТАНА И ТУРКМЕНИСТАНА С РУКОВОДИТЕЛЯМИ ПАРТИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВА. 4 декабря 1935 г.	659
И. Сталин. БЕСЕДА С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ АМЕРИКАНСКОГО ГАЗЕТНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «СКРИППС-ГОВАРД НЬЮСПЕЙПЕРС» Г-НОМ РОЙ ГОВАРДОМ. 1-го марта 1936 г.	660
И. Сталин. МАДРИД. ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ИСПАНИИ. ТОВАРИЩУ ХОЗЕ ДИАС	668
И. Сталин. О ПРОЕКТЕ КОНСТИТУЦИИ СОЮЗА ССР. Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном, Съезде Советов. 25 ноября 1936 г.	668
КОНСТИТУЦИЯ (ОСНОВНОЙ ЗАКОН) СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК.	690
И. Сталин. О НЕДОСТАТКАХ ПАРТИЙНОЙ РАБОТЫ И МЕРАХ ЛИКВИДАЦИИ ТРОЦКИСТСКИХ И ИНЫХ ДВУРУШНИКОВ. Доклад и заключительное слово на пленуме ЦК ВКП(б) 3—5 марта 1937 г.	706
Приложение к теме XIV: ВАЖНЕЙШИЕ ДАТЫ (1933—1937)	733

ЛЕНИН И СТАЛИН

СБОРНИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ
К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ВКП(б)

ТОМ III

3474.

ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП(б) • 1937

© Электронная книга: Зотов Ю.М., Очер, 2012

Электронный вариант в основном соответствует типографскому оригиналу. Существуют различия в оформлении (колоннотитулы, шрифты). Незначительны отличия постраничного распределения текста, возможны ошибки оптического распознавателя текста. Особенности написания отдельных слов и сочетаний помечены: (так в книге - Ю.З.).

Тема XII БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПАРТИЯ НА ПОВОРОТЕ К РЕКОНСТРУКТИВНОМУ ПЕРИОДУ

*И. Сталин. К ИТОГАМ РАБОТ XIV КОНФЕРЕНЦИИ РКП(б).
Доклад активу московской организации РКП(б) 9 мая 1925 г.*

Товарищи! Я думаю, что не имеет смысла подробно разбирать здесь резолюции, принятые на XIV конференции нашей партии. Это отняло бы много времени, да и нет нужды в этом. Я думаю, что можно было бы ограничиться отмечением основных линий, проходящих красной нитью через эти резолюции. Это дало бы нам возможность подчеркнуть основные выводы принятых резолюций. А это, в свою очередь, облегчило бы изучение этих резолюций в дальнейшем.

Если обратиться к резолюциям, то разнообразные вопросы, затронутые в них, можно было бы свести к шести основным группам вопросов. Первая группа вопросов— это вопросы, касающиеся международного положения. Вторая группа вопросов— это вопросы, касающиеся очередных задач компартий капиталистических стран. Третья группа вопросов— это вопросы, касающиеся очередных задач коммунистических элементов колониальных и зависимых стран. Четвертая группа вопросов— это вопросы, касающиеся судеб социализма в нашей стране в связи с нынешней международной обстановкой. Пятая группа вопросов— это вопросы, касающиеся нашей партийной политики в деревне и задач партруководства в новых условиях. И, наконец, шестая группа— это вопросы, касающиеся основного нерва всей нашей индустрии, а именно— металлопромышленности.

I. Международное положение

В чем состоит новое и особенное в международном положении, которое определяет в основном характер переживаемого момента?

Новое, открывшееся за последний период и наложившее печать на международное положение, состоит в том, что в Европе начался отлив революции,

началось некоторое затишье, то, что называется у нас временной стабилизацией капитализма, *при* одновременном росте хозяйственного развития и политической мощи Советского Союза.

А что такое отлив революции, затишье? Не есть ли это начало конца мировой революции, начало ликвидации мировой пролетарской революции? Ленин говорил, что после победы пролетариата в нашей стране началась новая эпоха, эпоха мировой революции, эпоха, полная конфликтов и войн, наступлений и отступлений, побед и поражений, эпоха, ведущая к победе пролетариата в основных странах капитализма. Если начался отлив революции в Европе, не значит ли это, что положение Ленина о новой эпохе, об эпохе мировой революции, теряет тем самым силу? Не значит ли это, что тем самым отменена пролетарская революция на Западе?

Нет, не значит.

Эпоха мировой революции есть новый этап революции, целый стратегический период, охватывающий целый ряд лет, а пожалуй, и ряд десятилетий. На протяжении этого периода могут и должны быть отливы и приливы революции. Наша революция прошла в своем развитии два этапа, два стратегических периода и вступила после Октября в третий этап, в третий стратегический период. Первый этап (1900—1917 гг.) продолжался свыше 15 лет. Он имел своей целью свержение царизма, победу буржуазно-демократической революции. На протяжении этого периода мы имели целый ряд отливов и приливов революции. Мы имели прилив в 1905 году. Прилив этот кончился временным поражением революции. Мы имели потом отлив, длившийся целый ряд лет (1907—1912 гг.). Мы имели дальше новый прилив, открывшийся ленскими событиями (1912 г.), сменившийся потом новым отливом во время войны. 1917 год (февраль) открыл новый прилив, увенчавшийся победой народа над царизмом, победой буржуазно-демократической революции. После каждого отлива ликвидаторы уверяли, что с революцией кончено. Однако революция, пройдя ряд отливов и приливов, привела к победе в феврале 1917 года.

Второй этап революции начался с февраля 1917 года. Он имел целью выход из империалистической войны, свержение буржуазии и победу диктатуры пролетариата. Этап этот или этот стратегический период длился всего 8 месяцев. Но это были 8 месяцев глубочайшего революционного кризиса, когда война и разруха подстегивали революцию, ускоряя до крайности ее бег. Именно поэтому эти 8 месяцев революционного кризиса могут и должны сойти по крайней мере за 8 лет обычного конституционного развития. Этот стратегический период, как и предыдущий стратегический период, характеризуется не сплошным подъемом революции по прямой восходящей линии, как это обычно представляют обыватели от революции, а наличием моментов отлива и прилива. Мы имели в этот период величайший прилив революционного движения в дни июльской демонстрации. Мы имели, далее, отлив революции после июльского поражения большевиков. Отлив этот сменился новым приливом непосредственно после корниловщины, приливом, кончившимся победой Октябрьской революции. Ликвидаторы этого периода болтали о полной ликвидации революции после июльского поражения. Однако революция,

пройдя через ряд испытаний и отливов, увенчалась, как известно, победой пролетарской диктатуры.

После победы Октября мы вступили в третий стратегический период, в третий этап революции, имеющий своей целью свержение буржуазии в мировом масштабе. Как долго протянется этот период, — трудно сказать. Несомненно, во всяком случае, что он будет длителен, так же как несомненно и то, что он будет иметь свои приливы и отливы. Мировое революционное движение вступило в данный момент в полосу отлива революции, причем этот отлив по ряду причин, о которых я буду говорить ниже, должен смениться приливом, который может кончиться победой пролетариата, но может и не кончиться победой, а смениться новым отливом, который, в свою очередь, должен смениться новым приливом революции. Ликвидаторы нашего периода говорят, что наступившее затишье есть конец мировой революции. Но они ошибаются, так же как они ошибались раньше, в периоды первого и второго этапа революции, когда каждый отлив революционного движения принимали за разгром революции.

Таковы колебания внутри каждого этапа революции, внутри каждого стратегического периода.

О чем говорят эти колебания? Говорят ли они о том, что положение Ленина о новой эпохе мировой революции потеряло или может потерять свое значение? Нет. Конечно, нет! Они говорят лишь о том, что революция развивается обычно не по прямой восходящей линии, в порядке непрерывного нарастания подъема, а путем зигзагов, путем наступлений и отступлений, путем приливов и отливов, закаляющих в ходе развития силы революции и подготавливающих ее окончательную победу.

Таков исторический смысл наступившей полосы отлива революции, исторический смысл переживаемого нами затишья.

Но отлив есть лишь одна сторона дела. Другая сторона дела состоит в том, что, наряду с отливом революции в Европе, мы имеем бурный рост хозяйственного развития Советского Союза и нарастание его политической мощи. Иначе говоря, мы имеем не только стабилизацию капитализма. Мы имеем вместе с тем стабилизацию советского строя. Мы имеем, таким образом, две стабилизации: временную стабилизацию капитализма и стабилизацию советского строя. Достижение некоторого временного равновесия между этими двумя стабилизациями — такова характерная черта переживаемого нами международного положения.

Но что такое стабилизация? Не есть ли это застой, и, если стабилизация является застоєм, можно ли ее применить к советскому строю? Нет. Стабилизация не есть застой. Стабилизация есть закрепление данного положения и дальнейшее развитие. Мировой капитализм не только закрепился на основе данного положения. Он идет дальше и развивается вперед, расширяя сферу своего влияния и умножая свои богатства. Неверно, что капитализм не может развиваться, что теория загнивания капитализма, высказанная Лениным в его «Империализме», исключает, будто бы, развитие капитализма. Ленин вполне доказал в своей брошюре об «Империализме», что

рост капитализма не отменяет, а предполагает и подготавливает факт прогрессивного загнивания капитализма.

Мы имеем, таким образом, две стабилизации. На одном полюсе стабилизуется капитализм, закрепляя достигнутое положение и развиваясь дальше. На другом полюсе стабилизуется советский строй, закрепляя за собой завоеванные позиции и двигаясь вперед по пути к победе.

Кто кого — в этом вся суть.

Почему одна стабилизация идет параллельно с другой, откуда эти два полюса? Потому, что единого и всеохватывающего капитализма нет уже больше в мире. Потому, что мир раскололся на два лагеря — на лагерь капитализма, во главе с англо-американским капиталом, и лагерь социализма, во главе с Советским Союзом. Потому, что международное положение все больше и больше будет определяться соотношением сил между этими двумя лагерями.

Таким образом, характерным для данного момента является не только то, что капитализм и советский строй стабилизировались, но и то, что силы этих двух лагерей достигли некоторого временного равновесия, с некоторым плюсом для капитала и, стало быть, с некоторым минусом для революционного движения, его наступившее затишье, в сравнении с революционным подъемом, есть несомненный, хотя и временный, минус для социализма.

Какова разница между этими двумя стабилизациями? Куда ведет одна и другая стабилизация?

Стабилизация в условиях капитализма, усиливая временно капитал, обязательно ведет вместе с тем к обострению противоречий капитализма: а) между империалистическими группами разных стран; б) между рабочими и капиталистами каждой страны; в) между империализмом и колониальными народами всех стран.

Стабилизация же в условиях советского строя, усиливая социализм, обязательно ведет вместе с тем к смягчению противоречий и к улучшению взаимоотношений: а) между пролетариатом и крестьянством нашей страны; б) между пролетариатом и колониальными народами угнетенных стран; в) между диктатурой пролетариата и рабочими всех стран.

Дело в том, что капитализм не может развиваться без усиления эксплуатации рабочего класса, без полуголодного существования большинства трудящихся, без усиления гнета колониальных и зависимых стран, без конфликтов и столкновений между различными империалистическими группами буржуазии. Между тем как советский строй и диктатура пролетариата могут развиваться лишь при условии неуклонного подъема материального и культурного состояния рабочего класса, при условии неуклонного улучшения положения всех трудящихся советской страны, при условии прогрессивного сближения и объединения рабочих всех стран, при условии сплочения угнетенных народов колониальных и зависимых стран вокруг революционного движения пролетариата. Путь развития капитализма есть путь обнищания и полуголодного существования громадного большинства трудящихся при покупке и подкармливании незначительной верхушки этих трудящихся. Путь

развития диктатуры пролетариата есть, наоборот, путь неуклонного подъема благосостояния громадного большинства трудящихся.

Именно поэтому развитие капитализма не может не порождать условий, обостряющих противоречия капитализма. Именно поэтому капитализм не в силах разрешить эти противоречия.

Конечно, если бы не существовало закона о неравномерности капиталистического развития, ведущего к конфликтам и войнам между капиталистическими странами из-за колоний; если бы капитализм мог развиваться без вывоза капиталов в отсталые страны, в страны дешевого сырья и рабочих рук; если бы излишки капиталистического накопления «метрополий» отвлекались не на вывоз капиталов, а на серьезное развитие земледелия и улучшение материального положения крестьянства; если бы, наконец, эти излишки употреблялись на поднятие жизненного уровня всей массы рабочего класса,— то тогда не было бы и речи об усилении эксплуатации рабочего класса, об обнищании крестьянства в условиях капитализма, об усилении гнета в колониальных и зависимых странах, о конфликтах и войнах между капиталистами.

Но тогда капитализм не был бы капитализмом.

Все дело в том, что капитализм не может развиваться, не обостряя всех этих противоречий и не накапливая тем самым условий, облегчающих, в конечном счете, падение капитализма.

Все дело в том, что диктатура пролетариата, наоборот, не может развиваться дальше, не создавая условий, поднимающих революционное движение всех стран на высшую ступень и подготавливающих окончательную победу пролетариата.

Такова разница между двумя стабилизациями.

Вот почему стабилизация капитализма не может быть ни длительной, ни прочной.

Рассмотрим вопрос о стабилизации капитализма конкретно.

В чем выразилась конкретно стабилизация капитализма?

Во-первых, в том, что Америке, Англии и Франции удалось сговориться временно о способах и размерах ограбления Германии. Иначе говоря, им удался сговор, называемый ими дауэсизацией Германии. Можно ли назвать этот сговор сколько-нибудь прочным? Нет, нельзя. Потому, во-первых, что он заключен без хозяина, т. е. без германского народа; во-вторых, потому, что этот сговор означает двойной гнет над германским народом, гнет национальной буржуазии и гнет иностранной буржуазии. Думать, что такая культурная нация, как Германия, и такой культурный пролетариат, как германский, согласятся нести двойное ярмо без ряда серьезных попыток революционного взрыва,— значит верить в чудеса. Даже такой, в сущности, реакционный факт, как выборы Гинденбурга, не оставляет сомнения в том, что временный сговор Антанты против Германии непрочен, до смешного непрочен.

Во-вторых, стабилизация капитализма выразилась в том, что английскому, американскому и японскому капиталу удалось временно сговориться насчет установления сферы влияния в Китае, в этом обширнейшем рынке международного капитала, насчет способов его ограбления. Можно ли считать

этот сговор сколько-нибудь прочным? Опять-таки нельзя. Во-первых, потому, что сговорившиеся дерутся и будут драться на смерть между собой из-за доли в грабеже; во-вторых, потому, что сговор этот произошел за спиной китайского народа, который не хочет и не будет подчиняться законам чужестранных грабителей. Разве рост революционного движения в Китае не говорит о том, что махинации чужестранных империалистов обречены на провал?

В-третьих, стабилизация капитализма выразилась в том, что империалистическим группам передовых стран удалось временно сговориться насчет взаимного невмешательства в дело ограбления и угнетения «своих» колоний. Можно ли считать этот сговор или эту попытку сговориться сколько-нибудь прочной? Нет, нельзя. Во-первых, потому, что каждая из империалистических групп старается и будет стараться отхватить в свою пользу кусочек чужих колоний; во-вторых, потому, что зажим и угнетательская политика империалистических групп в колониях лишь закаляют и революционизируют эти колонии, обостряя тем революционный кризис. Империалисты пытаются «утихомирить» Индию, обуздать Египет, приручить Марокко, связать по рукам и ногам Индо-Китай, Индонезию и пускают в ход все и всякие ухищрения и махинации. Возможно, что им удастся добиться в этом отношении некоторых «результатов». Но едва ли можно сомневаться в том, что махинаций этих нехватит и не может хватить надолго.

В-четвертых, стабилизация капитализма может выразиться в том, что империалистические группы передовых стран попытаются сговориться насчет единого фронта против Советского Союза. Допустим, что сговор этот удастся состряпать. Допустим, что нечто вроде единого фронта удастся им составить, используя все и всякие комбинации, вплоть до мошеннических подделок в связи с софийским взрывом и пр. Есть ли основание считать, что сговор против нашей страны, или стабилизация в этой области, может быть сколько-нибудь прочным, сколько-нибудь успешным? Я думаю, что таких оснований нет. Почему? Потому, во-первых, что угроза единого фронта и объединенного наступления капиталистов создала бы величайший обруч, спаивающий всю страну вокруг Советской власти как никогда и превращающий ее в несокрушимую крепость в большей степени, чем это имело место, например, во время нашествия «14 государств». Вспомните угрозу небезызвестного Черчилля о нашествии 14 государств. Вы знаете, что достаточно было высказать эту угрозу, чтобы вся страна объединилась вокруг Советской власти против империалистических хищников. Потому, во-вторых, что поход против советской страны обязательно развяжет целый ряд революционных узлов в тылу у противников, разлагая и деморализуя ряды империализма. А что узлов этих накопилось за последнее время целая уйма и что они не сулят империализму ничего хорошего,— в этом едва ли может быть сомнение. Потому, в-третьих, что наша страна уже не одинока, ибо у нее имеются союзники в лице рабочих Запада и угнетенных народов Востока. Едва ли можно сомневаться в том, что война против Советского Союза будет означать войну империализма против своих собственных рабочих и колоний. Мне не нужно доказывать, что, ежели нападут на нашу страну, мы не будем

сидеть сложа руки, что мы примем все меры к тому, чтобы взнудать революционного льва во всех странах мира. Руководители капиталистических стран не могут не знать, что мы имеем по этой части некоторый опыт.

Таковы факты и соображения, говорящие о том, что стабилизация капитализма не может быть прочной, что эта стабилизация означает рождение условий, ведущих к поражению капитализма, что стабилизация советского строя, наоборот, означает неуклонное накопление условий, ведущих к укреплению диктатуры пролетариата, к повышению революционного движения всех стран и к победе социализма.

Эта принципиальная противоположность двух стабилизаций, капиталистической и советской, является выражением противоположности между двумя системами хозяйства и управления, между системой капитализма и системой социализма.

Кто не понял этой противоположности, тот никогда не поймет основной сути современного международного положения.

Такова общая картина международного положения в данный момент.

II. Очередные задачи коммунистических партий капиталистических стран

Перехожу ко второй группе вопросов.

Новое и особенное в положении коммунистических партий капиталистических стран в данный момент состоит в том, что период прилива революции сменился периодом ее отлива, периодом затишья. Задача состоит в том, чтобы использовать переживаемый период затишья для укрепления коммунистических партий, для их большевизации, для превращения их в действительно массовые партии, опирающиеся на профсоюзы, для сплочения трудовых элементов непролетарских классов и, прежде всего, крестьянства вокруг пролетариата, наконец, для подготовки пролетариев в духе революции и диктатуры пролетариата.

Я не буду перечислять всех очередных задач, стоящих перед коммунистическими партиями Запада. Если прочтете соответствующие резолюции, особенно резолюцию расширенного пленума Коминтерна о большевизации, вам не трудно будет понять, в чем именно состоят конкретно эти задачи. Я хотел бы остановиться на основной задаче, на той задаче коммунистических партий Запада, выяснение которой облегчает разрешение всех остальных очередных задач.

Что это за задача?

Эта задача состоит в том, чтобы сомкнуть коммунистические партии Запада с профсоюзами. Эта задача состоит в том, чтобы развить и довести до конца кампанию об единстве профдвижения, обязательно и безусловно войти всем коммунистам в профсоюзы, повести там систематическую работу по объединению рабочих в единый фронт против капитала и создать, таким образом, условия, дающие возможность коммунистическим партиям опереться на профсоюзы.

Без проведения этой задачи невозможно ни превращение коммунистических партий в действительно массовые партии, ни подготовка условий, необходимых для победы пролетариата.

Профсоюзы и партии на Западе не то, что профсоюзы и партия у нас. Взаимоотношения между профсоюзами и партиями на Западе далеко не совпадают с теми взаимоотношениями, которые сложились у нас в России. Профсоюзы появились у нас после партии и вокруг партии рабочего класса. Профсоюзов не было еще у нас, когда партия и ее организации руководили уже не только политической, но и экономической борьбой рабочего класса, вплоть до мелких и мельчайших забастовок. Этим, главным образом, объясняется тот исключительный авторитет, которым пользовалась наша партия среди рабочих до Февральской революции в сравнении с теми зачатками профсоюзов, которые существовали у нас тогда там и сям. Настоящие профсоюзы появились у нас только после февраля 1917 года. Уже перед Октябрем мы имели оформленные профессиональные организации, пользовавшиеся среди рабочих громадным авторитетом. Ленин уже тогда говорил, что без такой опоры, как профсоюзы, невозможно ни завоевать, ни удержать диктатуры пролетариата. Наиболее мощное развитие получили у нас профсоюзы после взятия власти, особенно в условиях нэпа. Несомненно, что теперь наши мощные профсоюзы составляют одну из основных опор диктатуры пролетариата. Самое характерное в истории развития наших профсоюзов состоит в том, что они возникли, развивались и окрепли после партии, вокруг партии и в дружбе с партией.

Совершенно в другой обстановке развивались профсоюзы на западе Европы. Во-первых, они возникли и окрепли там задолго до появления партии рабочего класса. Во-вторых, не профсоюзы развились там вокруг партии рабочего класса, а, наоборот, сами партии рабочего класса вышли из профсоюзов. В-третьих, так как экономическая область борьбы, самая близкая для рабочего класса, уже была, так сказать, завоевана профсоюзами, то партиям пришлось заняться, главным образом, парламентской политической борьбой, что не могло не отразиться на характере их работы и удельном их весе в глазах рабочего класса. И именно потому, что партии возникли там после профсоюзов, именно потому, что профсоюзы родились задолго до партий, и они собственно и составляли основные крепости пролетариата в его борьбе с капиталом,— именно поэтому партии, как самостоятельные силы, не опиравшиеся на профсоюзы, оказались отодвинутыми на задний план.

Но из этого следует, что если коммунистические партии хотят стать действительно массовой силой, способной двинуть вперед революцию, они должны сомкнуться с профсоюзами и опереться на них.

Не учитывать этой особенности положения на Западе — это значит наверняка погубить дело коммунистического движения.

Там, на Западе, все еще имеются теперь отдельные «коммунисты», которые не хотят понять этой особенности и которые продолжают носиться с антипролетарским и антиреволюционным лозунгом «вон из профсоюзов». Нужно сказать, что никто не может так повредить коммунистическому движению на Западе, как эти и подобные им «коммунисты». Эти люди думают «атаковать» профсоюзы извне, считая их вражеским лагерем. Они не понимают, что при такой политике рабочие будут их расценивать именно как врагов. Они не понимают, что плохи ли, хороши ли профсоюзы, но массовый рабочий считает

их все же своими крепостями, помогающими ему сохранить заработную плату, рабочий день и пр. Они не понимают, что такая политика не облегчает, а подрывает дело проникновения коммунистов в миллионные массы рабочего класса.

«Вы атакуете мою крепость,— может сказать таким «коммунистам» средний массовый рабочий,— вы хотите разрушить то дело, которое я создавал десятилетиями, доказывая мне, что коммунизм лучше тред-юнионизма. Я не знаю, может быть, вы и правы в своих теоретических выкладках насчет коммунизма,— где же мне, простому рабочему, разобраться в ваших теориях,—но я знаю одно, что у меня есть свои профсоюзные крепости, они вели меня на борьбу, они отстаивали меня — плохо ли, хорошо ли — от нападок со стороны капиталистов, и всякий, кто думает разрушить эти крепости, тот разрушает мое собственное рабочее дело. Перестаньте атаковать мои крепости, войдите в профсоюзы, поработайте там лет пять, а то и больше, помогите их улучшить и укрепить, а я погляжу на вас, какие вы есть ребята, и, если вы окажетесь действительно подходящими ребятами, я, конечно, не откажусь поддержать вас» и т. д.

Так или приблизительно так встречает нынешний средний массовый рабочий антипрофессионалистов.

Кто не понял этой особенности в психологии среднего рабочего в Европе, тот ничего не поймет в положении наших коммунистических партий в данный момент.

В чем сила социал-демократии на Западе?

В том, что она опирается на профсоюзы.

В чем слабость наших коммунистических партий на Западе?

В том, что они еще не сомкнулись, а некоторые элементы этих коммунистических партий не хотят сомкнуться с профсоюзами.

Поэтому основная задача коммунистических партий Запады в данный момент состоит в том, чтобы развить и довести до конца кампанию о единстве профдвижения, войти всем коммунистам поголовно в профсоюзы, повести там систематическую терпеливую работу по делу сплочения рабочего класса против капитала и добиться, таким образом, того, чтобы коммунистические партии могли опереться на профсоюзы.

Таков смысл решений расширенного пленума Коминтерна об очередных задачах коммунистических партий Запады в данный момент.

III. Очередные задачи коммунистических элементов колониальных и зависимых стран

Перехожу к третьей группе вопросов. Новое в этой области состоит в следующем:

а) ввиду усиленного вывоза капитала из передовых стран в отсталые, поощряемого стабилизацией капитализма, капитализм в колониальных странах развивается и будет развиваться быстрым темпом, ломая старые формы социально-политических условий и насаждая новые;

б) пролетариат в этих странах растет и будет расти усиленным темпом;

в) растет и будет расти революционное рабочее движение и революционный кризис в колониях;

г) в связи с этим нарастают и будут нарастать известные слои национальной буржуазии, наиболее богатые и наиболее могущественные, которые, боясь революции в своей стране больше, чем империализма, предпочитают сделку с империализмом делу освобождения своей страны от империализма, предавая тем самым свою собственную родину (Индия, Египет и пр.);

д) ввиду всего этого освобождение этих стран от империализма может быть проведено лишь в борьбе с соглашательской национальной буржуазией;

е) из этого вытекает, что вопрос о союзе рабочих и крестьян и о гегемонии пролетариата в промышленно развитых и развивающихся колониях должен стать вопросом актуальным, так же, как он стал актуальным перед первой революцией в России в 1905 году.

До сего времени дело обстояло так, что о Востоке говорили обычно как о целом и единообразном. Теперь ясно для всех, что единого, единообразного Востока нет больше, что есть теперь колонии развитые и развивающиеся капиталистически и колонии отсталые и отстающие, в отношении которых не может быть никакой единообразной мерки.

До сих пор национальное освободительное движение представляли так, что его рассматривали как сплошной фронт всех национальных сил колониальных и зависимых стран, от крайних реакционных буржуа до крайних революционных пролетариев. Теперь, после раскола национальной буржуазии на революционное и антиреволюционное крыло, картина национального движения принимает несколько иной вид. Наряду с революционными элементами национального движения из буржуазии нарождаются элементы соглашательские, реакционные, предпочитающие сделку с империализмом делу, освобождения своей страны.

Отсюда задача коммунистических элементов колониальных стран: сомкнуться с революционными элементами буржуазии, и прежде всего с крестьянством, против блока империализма и соглашательских элементов «своей» буржуазии для того, чтобы повести во главе с пролетариатом действительную революционную борьбу за освобождение от империализма.

Вывод один: целый ряд колониальных стран приближается ныне к своему 1905 году.

Задача состоит в том, чтобы сплотить передовые элементы рабочих колониальных стран в единую коммунистическую партию, способную руководить нарастающей революцией.

Вот что говорит Ленин о нарастающем революционном движении в колониальных странах еще в 1922 году:

«Теперешние «победители» в первой империалистической войне не в силах победить даже в маленькой, ничтожно маленькой Ирландии, не в силах победить даже той путаницы, которая создалась между ними самими в финансовых и валютных вопросах. А Индия и Китай кипят. Это—свыше 700 миллионов человек. Это, с добавлением окрестных и вполне подобных им азиатских стран, большая половина населения земли. Там надвигается, неудержимо и все быстрее

надвигается, 1905 год, — с тем существенным и громадным отличием, что в 1905 году революция в России могла еще пройти (по крайней мере, сначала) изолированно, т. е. не втягивая сразу в революцию другие страны. А рас-
тущая в Индии и в Китае революция уже сейчас втягиваются и втянулись в революционную борьбу, в революционное движение, в международную револю-
цию» (см. т. XXVII, стр. 293).

Колониальные страны стоят перед своим 1905 годом — таков вывод. Та-
ков же смысл резолюций по колониальному вопросу, принятые расширенным
пленумом Коминтерна.

IV. О судьбах социализма в Советском Союзе

Перехожу к четвертой группе вопросов.

До сих пор я говорил о резолюциях нашей конференции по вопросам, каса-
ющимся непосредственно Коминтерна. Теперь мы переходим к вопросам, имею-
щим прямое отношение и к Коминтерну и к РКП и являющимся, таким образом,
соединяющим звеном между вопросами внешними и внутренними.

Как должна отразиться временная стабилизация капитализма на судь-
бах социализма в нашей стране? Не есть ли эта стабилизация конец или
начало конца социалистического строительства в нашей стране?

Можно ли вообще построить собственными силами социализм в нашей стра-
не, отсталой в технико-экономическом отношении, при условии сохранения ка-
питализма в других странах на более или менее продолжительный период?

Можно ли создать полную гарантию от опасностей интервенции, а значит
и реставрации старых порядков в нашей стране при наличии капиталис-
тического окружения, да еще стабилизированного в данный момент?

Все это — такие вопросы, которые неизбежно встают перед нами в свя-
зи с новой обстановкой в области международных отношений и которых мы не
можем обойти, не дав на них точного и определенного ответа.

Наша страна представляет две группы противоречий. Одна группа про-
тиворечий — это внутренние противоречия, существующие между про-
летариатом и крестьянством. Другая группа противоречий — это проти-
воречия внешние, имеющиеся между нашей страной, как страной социализма,
и всеми остальными странами, как странами капитализма.

Рассмотрим обе эти группы противоречий в отдельности.

Что некоторые противоречия между пролетариатом и крестьянством су-
ществуют, — этого, конечно, нельзя отрицать. Достаточно вспомнить все
то, что происходило у нас и происходит в связи с политикой цен на сельс-
скохозяйственные продукты, в связи с лимитами, в связи с кампанией пониже-
ния цен на фабрикаты и пр., чтобы понять всю реальность этих противоре-
чий. Два основных класса стоят перед нами: класс пролетариев и класс
частых собственников, т. е. крестьянства. Отсюда неизбежность противो-
речий между ними. Весь вопрос в том, можем ли мы своими собственными сила-
ми преодолеть эти противоречия, существующие между пролетариатом и кре-
стьянством. Когда говорят: можно ли построить социализм своими собствен-
ными силами? — то этим хотят сказать: преодолимы ли противоречия, су-

существующие между пролетариатом и крестьянством в нашей стране, или непреодолимы?

Ленинизм отвечает на этот вопрос положительно; да, мы можем построить социализм, и мы его будем строить вместе с крестьянством, под руководством рабочего класса.

Где основания, мотивы для такого ответа?

Мотивы такого ответа состоят в том, что, кроме противоречий между пролетариатом и крестьянством, имеются еще общие интересы по коренным вопросам развития, которые покрывают и, во всяком случае, могут покрыть эти противоречия и которые являются базой, основой союза рабочих и крестьян.

В чем состоят эти общие интересы?

Дело в том, что существуют два пути развития земледелия: путь капиталистический и путь социалистический. Путь капиталистический означает развитие через обнищание большинства крестьянства во имя обогащения верхних слоев городской и сельской буржуазии. Путь социалистический, наоборот, означает развитие через неуклонное поднятие благосостояния большинства крестьянства. Как пролетариат, так и, в особенности, крестьянство заинтересованы в том, чтобы развитие пошло по второму пути, по пути социалистическому. Ибо этот путь является единственным спасением крестьянства от обнищания и полуголодного существования. Нечего и говорить, что диктатура пролетариата, имеющая в своих руках основные нити хозяйства, примет все меры к тому, чтобы победил второй путь, путь социалистический. Само собой понятно, с другой стороны, что крестьянство кровно заинтересовано в том, чтобы развитие пошло по этому второму пути.

Отсюда общность интересов пролетариата и крестьянства, покрывающая противоречия между ними.

Вот почему говорит ленинизм, что мы можем и должны построить полное социалистическое общество вместе с крестьянством, на основе союза рабочих и крестьян.

Вот почему говорит ленинизм, опираясь на общие интересы пролетариев и крестьян, что мы можем и должны преодолеть своими собственными силами противоречия, существующие между пролетариатом и крестьянством.

Так смотрит на это дело ленинизм.

Но не все, видимо, товарищи согласны с ленинизмом. Вот что, например, говорит т. Троцкий по вопросу о противоречиях между пролетариатом и крестьянством:

«Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение *только* (Курсив мой. - *И. Ст.*) в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата».

Иначе говоря, преодолеть своими собственными силами и исчерпать внутренние противоречия в нашей стране, противоречия между пролетариатом и крестьянством, мы не в силах, мы не в состоянии, ибо только в результате

мировой революции и только на основе мировой революции мы сможем, оказываясь, исчерпать эти противоречия и построить, наконец, социализм.

Нечего и говорить, что это положение не имеет ничего общего с ленинизмом.

Тот же товарищ продолжает дальше:

«Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни минуты».

Иначе говоря, пока западный пролетариат не возьмет власть и не окажет нам поддержки, нам нельзя и мечтать об удержании власти на сколько-нибудь продолжительный период.

Дальше:

«Безнадежно думать,—... что, например, революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы».

Иначе говоря, мы, оказывается, не только не можем построить социализм, но не можем даже устоять хотя бы на короткий срок «перед лицом консервативной Европы», хотя весь мир знает, что мы не только удержались, но и отбили ряд бешеных атак консервативной Европы на нашу страну.

И наконец:

«Подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным *только после победы* (Курсив мой. — *И.Ст.*) пролетариата в важнейших странах Европы»

Кажется, ясно.

Я привел, товарищи, эти цитаты для того, чтобы противопоставить их цитатам из сочинений Ленина и дать вам, таким образом, возможность уловить основную суть вопроса о возможности построения полного социалистического общества в стране пролетарской диктатуры, окруженной капиталистическими государствами.

Перейдем теперь к цитатам из сочинений Ленина.

Вот что писал Ленин еще в 1915 году во время империалистской войны:

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы *против* остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств»... Ибо «невозможно свободное объединение наций в социализме без более или менее долгой, упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами» (см. т. XVIII, стр. 232—233).

Иначе говоря, страна пролетарской диктатуры, окруженная капиталистами, может, оказывается, не только исчерпать собственными силами

внутренние противоречия между пролетариатом и крестьянством, но она может и должна еще построить социализм, организовать у себя социалистическое хозяйство и поставить вооруженную силу для того, чтобы пойти на помощь пролетариям окружающих стран в их борьбе за свержение капитала.

Таково основное положение ленинизма о победе социализма в одной стране.

То же самое говорит Ленин, хотя и в несколько другой форме, в 1920 году на VIII съезде советов, в связи с вопросом об электрификации нашей страны:

«Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны. Иначе страна остается мелко-крестьянской, и надо, чтобы мы это ясно сознали. Мы более слабы, чем капитализм, не только в мировом масштабе, но и внутри страны. Всем это известно. Мы это сознали, и мы доведем дело до того, чтобы хозяйственная база из мелко-крестьянской перешла в крупно-промышленную. Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим *окончательно*» (Курсив мой.— *И. Ст.*) (см. т. XXVI, стр. 46—47).

Иначе говоря, Ленин вполне сознает технические трудности построения социализма в нашей стране, но он вовсе не делает из этого абсурдного вывода о том, что «подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы», а считает, что мы можем своими собственными силами преодолеть эти трудности для того, чтобы добиться «окончательной победы», т. е. постройки полного социализма.

А вот что говорит Ленин спустя год после этого, в 1921 году:

«10—20 лет правильных соотношений с крестьянством и обеспечена победа *во всемирном масштабе* (Курсив мой.— *И. Ст.*) (даже при затылке пролетарских революций, кои растут)» (План и конспекты брошюры «О продовольственном налоге». 1921 г.— см. т. XXVI, стр. 313).

Иначе говоря, Ленин вполне сознает политические трудности построения социализма в нашей стране, но он вовсе не делает из этого неправильного вывода о том, что «без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти», а считает, что при правильной политике в отношении крестьянства мы вполне можем добиться «победы во всемирном масштабе» в смысле построения полного социализма.

А что такое правильная политика в отношении крестьянства? Правильная политика в отношении крестьянства есть нечто, зависящее целиком и полностью от нас и только от нас, как партии, руководящей строительством социализма в нашей стране.

То же самое, но еще с большей определенностью, говорит Ленин в 1922 году в своих заметках о кооперации:

«В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д., — разве это не

все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, *разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества?* (Курсив мой - И. Ст.) Это еще не построение социалистического общества, но это *все необходимое и достаточное для этого построения*» (Курсив мой - И. Ст.) (см. т. XXVII, стр. 392).

Иначе говоря, при диктатуре пролетариата у нас имеются, оказываются, все данные, необходимые для того, чтобы построить полное социалистическое общество, преодолевая все и всякие внутренние затруднения, ибо мы можем и мы должны преодолеть их своими собственными силами.

Кажется, ясно.

Возражение о том, что сравнительная экономическая отсталость нашей страны исключает возможность построения социализма, Ленин берет в атаку и опрокидывает его, как нечто несовместимое с социализмом.

«До бесконечия шаблонным является у них довод, — говорит Ленин, — который они выучили наизусть во время развития западно-европейской социал-демократии, и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные «ученые» господа из них, объективных экономических предпосылок для социализма» (см. т. XXVII, стр. 399).

В противном случае нечего было брать власть в октябре и устраивать Октябрьскую революцию. Ибо если возможность и необходимость построения полного социалистического общества исключается по тем или иным соображениям, то тем самым теряет смысл и Октябрьская революция. Кто отрицает возможность построения социализма в одной стране, тот должен обязательно отрицать и правомерность Октябрьской революции. И наоборот: кто не верит в Октябрь, тот не должен признавать возможности победы социализма в условиях капиталистического окружения. Связь между неверием в Октябрь и непризнанием социалистических возможностей в нашей стране — полная и непосредственная.

«Я знаю, — говорит Ленин, — есть, конечно, мудрецы, считающие себя очень умными и даже называющие себя социалистами, которые уверяют, что не следовало брать власти до тех пор, пока не разразится революция во всех странах. Они не подозревают, что, говоря так, они отходят от революции и переходят на сторону буржуазии. Ждать, пока трудящиеся классы совершат революцию в международном масштабе, — это значит всем застыть в ожидании. Это бессмыслица» (см. т. XXIII, стр. 9).

Так обстоит дело с противоречиями первого порядка, с противоречиями внутреннего характера, с вопросом о возможности построения социализма в условиях капиталистического окружения.

Перейдем теперь к противоречиям второго порядка, к противоречиям внешним, имеющимся между нашей страной, как страной социализма, и всеми остальными странами, как странами капитализма.

В чем состоят эти противоречия?

Они состоят в том, что, пока есть капиталистическое окружение, должна быть и опасность интервенции со стороны капиталистических стран, а пока есть такая опасность, должна быть и опасность реставрации, опасность восстановления старых порядков.

Можно ли считать эти противоречия вполне преодолимыми для одной страны? Нет, нельзя. Ибо усилий одной страны, если даже эта страна является страной диктатуры, недостаточно для того, чтобы полностью гарантировать ее от опасности интервенции. Полная гарантия от интервенции, а значит, и окончательная победа социализма возможна, ввиду этого, лишь в международном масштабе, лишь в результате совместных усилий пролетариев ряда стран, или — еще лучше — лишь в результате победы пролетариев нескольких стран.

Что такое окончательная победа социализма?

Окончательная победа социализма есть полная гарантия от попыток интервенции, а, значит, и реставрации, ибо сколько-нибудь серьезная попытка реставрации может иметь место лишь при серьезной поддержке извне, лишь при поддержке международного капитала. Поэтому поддержка нашей революции со стороны рабочих всех стран, а тем более победа этих рабочих хотя бы в нескольких странах, является необходимым условием полной гарантии первой победившей страны от попыток интервенции и реставрации, необходимым условием окончательной победы социализма.

«Пока наша Советская Республика, — говорит Ленин, — останется одинокой окраиной всего капиталистического мира, до тех пор думать... об исчезновении тех или иных опасностей было бы совершенно смешным фантазерством и утопизмом. Конечно, пока такие коренные противоположности остались, остаются и опасности, и от них никуда не убежишь» (см. т. XXVI, стр. 29).

И далее:

«Мы живем не только в государстве, но и в *системе государств*, и существование Советской Республики рядом с империалистскими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов либо одно, либо другое победит» (см. т. XXIV, стр. 122).

Вот почему говорит Ленин, что:

«окончательно победить можно только в мировом масштабе и только совместными усилиями рабочих всех стран» (см. т. XXIII, стр. 9).

Так обстоит дело с противоречиями второго порядка.

Кто смешивает первую группу противоречий, совершенно преодолимых усилиями одной страны, со второй группой противоречий, требующих для своего разрешения усилий пролетариев нескольких стран, — тот допускает грубейшую ошибку против ленинизма, тот либо путаник, либо неисправимый оппортунист.

Некоторым образчиком такой перепутаницы могло бы послужить письмо одного товарища, присланное мне в январе этого года, по вопросу о победе социализма в одной стране. Он пишет с недоумением

«Вы говорите, что ленинская теория... заключается в том, что *социализм может победить в одной стране*. Я, к сожалению, не нашел указаний в соответствующих местах у Ленина о победе социализма в одной стране».

Беда, конечно, не в том, что этот товарищ, которого я считаю одним из лучших товарищей из нашей учащейся молодежи, не нашел указаний в соответствующих местах Ленина о победе социализма в одной стране». Придет время, когда он прочтет и найдет, наконец, такие указания. Беда в том, что он спутал противоречия внутренние с противоречиями внешними и запутался вконец в этой перепутанице. Не лишне будет, быть может,

познакомить вас с моим ответом на письмо этого товарища. Вот он:

«Речь идет не *о полной* победе, а о победе вообще, т. е. о том, чтобы прогнать помещиков и капиталистов, взять власть, отбить атаки империализма и начать строить социалистическое хозяйство,— все это может вполне удасться пролетариату в одной стране, но полная гарантия от реставрации может быть обеспечена лишь в результате «общих усилий пролетариев нескольких стран». Глупо было бы начинать революцию в России при убеждении, что победивший пролетариат России, при явном сочувствии со стороны пролетариев других стран, но при отсутствии победы в нескольких странах, «не может устоять против консервативной Европы». Это не марксизм, а самый заурядный оппортунизм. Если бы такая теория была правильной, то не был бы прав Ильич, утверждающий, что Россию *нэповскую* превратим в социалистическую, что мы имеем «*все* необходимое для построения *полного* социалистического общества» (см. «О кооперации»)....— Самое опасное в нашей политической практике — это попытка рассматривать победившую пролетарскую страну, как нечто пассивное, способное лишь топтаться на месте до момента появления помощи со стороны победивших пролетариев других стран. Допустим, что лет пять-десять не будет еще победы революции на Западе; допустим, что за этот период наша республика все же просуществует, как республика, строящая социалистическую экономику в условиях *нэпа*; думаете ли вы, что за эти пять—десять лет наша страна будет заниматься толчением воды, а не организацией социалистического хозяйства? Стоит поставить этот вопрос, чтобы понять всю опасность теории отрицания победы социализма в одной стране. Но значит ли это, что победа эта будет полной, окончательной? Нет, не значит, ибо пока есть капиталистическое окружение, всегда будет опасность интервенции». (Январь 1925 года.)

Так обстоит дело с вопросом о судьбах социализма в нашей стране с точки зрения известной резолюции XIV конференции нашей партии

V. Политика партии в деревне

Перехожу к пятой группе вопросов.

Раньше, чем перейти к резолюциям XIV конференций, трактующим о политике партии в деревне, я хотел бы остановиться в нескольких словах на шумихе, которую подняла буржуазная печать в связи с той критикой наших собственных недочетов в деревне, которую предприняла наша партия. Буржуазная пресса скачет и играет, уверяя всех и вся, что открытая критика наших собственных недочетов является признаком слабости Советской власти, признаком ее разложения и распада. Нечего и говорить, что вся эта шумиха является насквозь фальшивой и лживой.

Самокритика есть признак силы, а не слабости нашей партии. Только сильная партия, имеющая корни в жизни и идущая к победе, может позволить себе ту беспощадную критику своих собственных недостатков, которую она допустила и будет всегда допускать на глазах перед всем народом. Партия, скрывающая правду перед народом, партия, боящаяся света и критики, есть не партия, а клика обманщиков, обреченных на гибель. Господа буржуа меряют нас на свой аршин. Они боятся света и старательно прячут правду от народа, прикрывая свои недочеты парадной вывеской благополучия. И вот, они думают, что и мы, коммунисты, должны прятать правду перед народом. Они боятся света, потому что стоит им допустить сколько-нибудь серьезную

самокритику, сколько-нибудь свободную критику своих собственных недочетов, чтобы не осталось камня на камне от буржуазного строя. И вот, они думают, что если мы, коммунисты, допускаем самокритику, то это признак того, что мы окружены и висим в воздухе. На свой аршин меряют нас они, почтенные буржуа и социал-демократы. Только партии, уходящие в прошлое и обреченные на гибель, могут бояться света и критики. Мы не боимся ни того, ни другого, не боимся потому, что мы — партия восходящая, идущая к победе. Вот почему самокритика, ведущаяся уже несколько месяцев, является признаком величайшей силы, а не слабости кашей партии, средством ее укрепления, а не разложения.

А теперь перейдем к вопросу о политике партии в деревне.

Какие новые моменты можно было бы отметить в деревне в связи с новой обстановкой внутреннего и международного характера?

Я думаю, что можно было бы отметить четыре основных факта:

1) изменение международной обстановки и замедленный темп революции, диктующие выбор наименее болезненных, хотя бы и длительных, путей для приобщения крестьянства к социалистическому строительству, для строительства социализма вместе с крестьянством;

2) хозяйственный рост деревни и процесс расслоения крестьянства, требующие ликвидации пережитков военного коммунизма в деревне;

3) политическая активность крестьянства, требующая изменения старых методов руководства и администрирования в деревне;

4) перевыборы советов, вскрывшие тот несомненный факт, что в целом ряде районов нашей страны *середняк оказался на стороне кулака против бедняка*.

В чем состоит, в связи с этими новыми фактами, основная задача партии в деревне?

Некоторые товарищи, исходя из факта дифференциации деревни, приходят к тому выводу, что основная задача партии — это разжечь классовую борьбу в деревне. Это, товарищи, неверно. Это — пустая болтовня. Не в этом теперь наша главная задача. Это — перепевы старых меньшевистских песен из старой меньшевистской энциклопедии.

Главное теперь вовсе не в том, чтобы разжечь классовую борьбу в деревне. *Главное теперь состоит в том, чтобы сплотить середняков вокруг пролетариата, завоевать их вновь*. Главное теперь состоит в том, чтобы сомкнуться с основной массой крестьянства, поднять ее материальный и культурный уровень и двинуться вперед вместе с этой основной массой по пути к социализму. Главное состоит в том, чтобы строить социализм вместе с крестьянством, обязательно вместе с крестьянством и обязательно под руководством рабочего класса, ибо руководство рабочего класса является основной гарантией того, что строительство пойдет по пути к социализму.

В этом теперь основная задача партии.

Может быть не лишне будет вспомнить слова Ильича на этот счет, сказанные им в момент введения нэпа и сохранившие до сего времени всю свою силу:

«Весь гвоздь в том, чтобы двигаться теперь вперед несравненно более широкой и мощной массой, не иначе как вместе с крестьянством» (см. т. XXVII, стр. 272).

И далее:

«Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством, и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда и ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем» (см. т. XXVII, стр. 231—232).

В связи с этим перед нами стоят две основные задачи в деревне.

1) Во-первых, надо добиться того, чтобы крестьянское хозяйство было включено в общую систему советского хозяйственного развития. Раньше дело происходило так, что мы имели два параллельных процесса: город шел своим путем, деревня— своим. Капиталист старался включить крестьянское хозяйство в систему капиталистического развития. Но это включение происходило в порядке обнищания крестьянских масс и обогащения верхней прослойки крестьянства. Известно, что этот путь оказался чреватой революцией. После победы пролетариата включение крестьянского хозяйства в общую систему советского хозяйственного развития состоит в том, чтобы создать условия, могущие двинуть вперед народное хозяйство на основе постепенного, но неуклонного подъема благосостояния большинства крестьян, т. е. по пути, противоположному тому, по которому капиталисты вели и приглашали идти крестьянство до революции.

Но как включить крестьянское хозяйство в систему хозяйственного строительства? Через кооперацию. Через кооперацию кредитную, кооперацию сельскохозяйственную, кооперацию потребительскую, кооперацию промысловую.

Таковы те пути и дорожки, через которые медленно, но основательно должно включиться крестьянское хозяйство в общую систему социалистического строительства.

2) Вторая задача состоит в том, чтобы постепенно, но неуклонно проводить линию ликвидации старых методов администрирования и руководства в деревне, линию оживления советов, линию превращения советов в настоящие выборные органы, линию насаждения в деревне начал советской демократии. Ильич говорил, что пролетарская диктатура есть высший тип демократии для большинства трудящихся. Ильич говорил, что этот высший тип демократии может быть введен лишь после взятия власти пролетариатом и после того, как мы получим возможность укрепить эту власть. Так вот, эта фаза укрепления Советской власти и насаждения советской демократии уже началась. Мы должны идти этим путем осторожно и не торопясь, создавая в ходе работы вокруг партии многочисленный актив из беспартийного крестьянства.

Если первая задача, задача включения крестьянского хозяйства в общую систему хозяйственного строительства, дает нам возможность запрячь крестьянство в общую упряжку с пролетариатом по пути построения социализма, то вторая задача, задача насаждения советской демократии и оживления советов в деревне, должна дать нам возможность переделать наш государственный аппарат, связать его с народными массами, сделать его здоровым и честным, простым и дешевым, для того, чтобы создать условия,

облегчающие переход от общества с диктатурой пролетариата в общество безгосударственное, в общество коммунистическое.

Таковы основные линии резолюций, принятых XIV конференцией нашей партии по вопросу о политике нашей партии в деревне.

Сообразно с этим должен измениться и метод партийного руководства в деревне.

У нас есть люди в партии, утверждающие, что коль скоро имеется нэп, а капитализм начинает временно стабилизироваться, то наша задача состоит в том, чтобы провести политику максимального зажима как в партии, так и в государственном аппарате, так, чтобы все скрипело кругом. Я должен сказать, товарищи, что эта политика является неправильной и гибельной. Нам нужен теперь не максимальный зажим, а максимальная гибкость как в политике, так и в организации, максимальная гибкость как в политическом, так и в организационном руководстве. Без этого нам не удержать руля при настоящих сложных условиях. Максимальная гибкость нужна нам для того, чтобы сохранить руль за партией и обеспечить партии полное руководство.

Далее. Необходимо, чтобы коммунисты в деревне отказались от уродливых форм администрирования. Нельзя выезжать на одних лишь распоряжениях в отношении к крестьянству. Надо научиться терпеливо разъяснять крестьянам непонятные для них вопросы, надо научиться убеждать крестьян, не щадя на это дело ни времени, ни усилий. Конечно, гораздо легче и проще издать распоряжение и поставить точку, как это делают часто некоторые наши предвики. Но не все то хорошо, что просто и легко. Недавно секретарь одной из волостей, оказываясь, ответил: «А зачем нам газеты? Без газет спокойнее и лучше, а то еще прочтут мужики, и пойдут всякие распросы, и потом не оберешься возни с ними». И этот секретарь называется коммунистом! Едва ли нужно доказывать, что это не коммунист, а одно несчастье. Дело в том, товарищи, что руководить нынче без «возни» никак нельзя, а без газет — тем более. Эту простую истину надо понять и усвоить, если мы хотим удержать за партией и Советской властью руководство в деревне.

Дальше. Чтобы руководить нынче, надо уметь хозяйничать, надо знать и понимать хозяйство. На одной лишь трескотне о «мировой политике», о Чемберлене и Макдональде теперь далеко не уедешь. У нас пошла полоса хозяйственного строительства. Поэтому руководить может тот, кто понимает толк в хозяйстве, кто умеет дать мужику полезные советы по части хозяйственного развития, кто умеет притти на помощь мужику в деле хозяйственного строительства. Изучать хозяйство, сомкнуться с хозяйством, войти во все детали хозяйственного строительства — такова теперь задача коммунистов в деревне. Без этого нечего и мечтать о руководстве.

По-старому теперь руководить нельзя, ибо политическая активность крестьянства поднялась, и нужно, чтобы эта активность вылилась в форму советскую, чтобы она шла через советы, а не помимо советов. Руководит тот, кто оживляет советы и создает крестьянский актив вокруг партии в деревне.

По-старому руководить нынче нельзя, ибо поднялась хозяйственная активность деревни, и нужно, чтобы эта активность вылилась в форму; кооперации, чтобы она шла через кооперацию, а не помимо кооперации. Руководит тот, кто насаждает в деревне кооперативную общественность.

Таковы в общем конкретные задачи партийного руководства в деревне.

VI. О металлопромышленности

Перехожу к последней группе вопросов, затронутых XIV конференцией нашей партии.

В чем состоит новое и особенное в нашем хозяйственном развитии? Состоит оно в том, что наши хозяйственные планы стали отставать от действительного развития нашего хозяйства, они оказываются недостаточными и, сплошь и рядом, не поспевают за действительным ростом хозяйства.

Одним из ярких выражений этого факта является наш государственный бюджет. Вы знаете, что в продолжение полугода мы должны были менять наш государственный бюджет трижды ввиду быстрого роста доходных частей нашего бюджета, не предусмотренного нашими сметными предположениями. Иначе говоря, наши сметные предположения и наши бюджетные планы не поспевали за ростом государственных доходов, ввиду чего в государственной кассе оказались излишки. Это значит, что соки хозяйственной жизни нашей страны прут вверх с неудержимой силой, опрокидывая все и всякие научные планы наших финансовых специалистов. Это значит, что мы переживаем не менее, если не более, мощный хозяйственный трудовой подъем, чем это имело место, например, в Америке после гражданской войны.

Наиболее ярким выражением этого нового явления в жизни нашего хозяйства можно считать рост нашей металлопромышленности. В прошлом году металлическое производство составляло 191 млн. довоенных рублей. В ноябре прошлого года годовой план на 1924/25 г. был составлен на сумму 273 млн. довоенных рублей. В январе этого года план этот, ввиду его несоответствия темпу фактического роста металлической промышленности, был изменен и доведен до суммы в 317 миллионов. В апреле этого года расширенный план оказался опять несостоятельным, ввиду чего пришлось его довести до суммы в 350 миллионов. Теперь нам говорят, что и этот план оказался недостаточным, ибо его придется расширить дальше, доведя до 360—370 миллионов.

Иначе говоря, производство металлопромышленности в этом году, по сравнению с производством в прошлом году, возросло почти вдвое. Я уже не говорю о колоссальном росте нашей легкой промышленности, о росте транспорта, топливной промышленности и пр.

О чем все это говорит? О том, что в смысле налаживания индустрии, представляющей основную базу социализма, мы вышли уже на широкую дорогу развития. Что касается металлической индустрии, представляющей основную пружину всей индустрии вообще, то мертвая полоса осталась позади и наша металлопромышленность имеет все основания идти в гору, к полному расцвету. Тов. Дзержинский прав, говоря, что наша страна может и должна стать металлической.

Едва ли нужно еще доказывать громадное значение этого факта как для внутреннего развития нашей страны, так и для международной революции.

Несомненно, что, с точки зрения внутреннего развития, развитие нашей металлопромышленности, значение ее роста колоссально, ибо оно означает рост всей нашей индустрии и всего нашего хозяйства, ибо металлическая промышленность есть основная база промышленности вообще, ибо ни легкая промышленность, ни транспорт, ни топливо, ни электрификация, ни сельское хозяйство не могут быть поставлены на ноги без мощного развития металлической промышленности. Рост металлической индустрии есть основа роста всей индустрии вообще и народного хозяйства вообще.

Вот что говорит Ленин о «тяжелой индустрии», подразумеваемая под тяжелой индустрией, главным образом, индустрию металлическую:

«Спасением для России является не только хороший урожай в крестьянском хозяйстве, — этого еще мало, — и не только хорошее состояние легкой промышленности, поставляющей крестьянству предметы потребления, — этого тоже еще мало, — нам необходима также *тяжелая* индустрия. А для того, чтобы привести ее в хорошее состояние, потребуется много лет работы».

И далее:

«Без спасения тяжелой промышленности, без ее восстановления мы не сможем построить никакой промышленности, а без нее мы вообще погибнем, как самостоятельная страна» (см. т. XXVII, стр. 349).

Что касается международного значения развития нашей металлической промышленности, то оно, можно сказать, неизмеримо. Ибо что такое бурный рост металлопромышленности при диктатуре пролетариата, как не прямое доказательство того, что пролетариат способен не только разрушать старое, но и строить новое, что он способен построить своими собственными силами новую промышленность и новое общество, свободное от эксплуатации человека человеком? А доказать это на деле, а не из книжки — это значит двинуть вперед дело международной революции наверняка и окончательно. Паломничество западно-европейских рабочих в нашу страну — не случайность. Оно имеет величайшее агитационное и практическое значение для развития революционного движения во всем мире. То, что приезжают к нам рабочие, щупают у нас каждый уголок на фабриках и заводах, — это обстоятельство говорит о том, что они не верят книгам и хотят убедиться собственным опытом в способности пролетариата строить новую промышленность, создавать новое общество. И когда они убедятся в этом, можете быть уверены, что дело международной революции будет двинуто вперед семимильными шагами.

«Сейчас, — говорит Ленин, — главное свое воздействие на *международную* революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой. Все на Советскую Российскую Республику смотрят, все трудящиеся во всех странах мира, без всякого исключения и без всякого преувеличения... На этом поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу — и тогда мы выигрываем в международном масштабе *наверняка и окончательно*» (Курсив мой. — *И. Ст.*)

Поэтому вопросы хозяйственного строительства приобретают для нас значение совершенно исключительное. На этом фронте мы должны одержать победу медленным, постепенным, —быстрым нельзя,—но неуклонным повышением и движением вперед» (см. т. XXVI, стр. 410—411).

Таково международное значение роста нашей индустрии вообще, металлопромышленности в особенности.

Сейчас у нас имеется около 4 миллионов индустриального пролетариата. Этого, конечно, мало, но это все же кое-что для того, чтобы, строить социализм и построить оборону нашей страны на страх врагам пролетариата. Но мы не можем и не должны остановиться на этом. Нам нужно миллионов 15—20 индустриальных пролетариев, электрификация основных районов нашей страны, кооперированное сельское хозяйство и высоко развитая металлическая промышленность. И тогда нам не страшны никакие опасности. И тогда мы победим в международном масштабе.

Историческое значение XIV конференции в том именно и состоит, что она ясно наметила путь к этой великой цели.

А путь этот правилен, ибо он есть путь Ленина, несущий нам окончательную победу.

Таковы в общем итоги работ XIV конференции нашей партии.

«Вопросы ленинизма», стр. 108-133, изд. 9-е.

И. Сталин. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ПОЛИТИЧЕСКОМУ ОТЧЕТУ ЦК XIV СЪЕЗДУ ВКП(б)

Товарищи, я не буду отвечать на отдельные записки по отдельным вопросам, потому что вся моя заключительная речь будет по существу ответом на эти записки.

Затем, на личные нападки и всякого рода выходки чисто личного характера я не намерен отвечать, так как полагаю, что у съезда имеется достаточно материалов для того, чтобы проверить мотивы и подоплеку, этих нападок

Не буду также касаться «пещерных людей», — людей, которые где-то там, под Кисловодском, собирались и всякие комбинации строили насчет органов ЦК. Что же, это их дело, пусть комбинируют, я к этому делу непричастен. Хотел бы только подчеркнуть, что тов. Лашевич, который здесь с апломбом выступал против комбинаторской политики, сам оказался в числе комбинаторов, при чем в совещании «пещерных» людей под Кисловодском играл он, оказывается, далеко не маловажную роль. Что ж, бог с ним. (*Смех.*)

Перейду к делу.

1. Тов. Сокольников и дауэсизация нашей страны

Сначала отдельные возражения. Первое возражение тов. Сокольникову. Он сказал в своей речи: «Когда Сталин намечал две генеральных линии, две линии в строительстве нашего хозяйства, то он ввел нас в заблуждение, потому что он должен был иначе формулировать эти две линии, должен был говорить не о ввозе оборудования, а о ввозе готовых товаров». Я утверждаю, что это заявление тов. Сокольникова выдает его с головой, как сторонника тезисов тов. Шанина. Я хочу сказать, что здесь тов. Сокольников выступает по сути дела сторонником дауэсизации нашей страны. О чем я говорил в докладе? Разве я говорил об экспортно-импортном плане? Конечно, нет. Всякому известно, что мы *вынуждены сейчас* ввозить оборудование, но тов. Сокольников превращает эту нужду в принцип, в теорию, в перспективу развития. Вот в чем ошибка тов. Сокольникова. Я говорил в докладе о двух основных, руководящих, генеральных линиях по построению нашего хозяйства. Я говорил об этом для того, чтобы выяснить вопрос о путях обеспечения нашей стране самостоятельного хозяйственного развития в обстановке капиталистического окружения, Я говорил в докладе о нашей генеральной линии, о нашей перспективе в том смысле, чтобы страну нашу превратить из аграрной в индустриальную. Что такое аграрная страна? Аграрная страна, это — такая страна, которая вывозит сельско-хозяйственные продукты и ввозит оборудование, но сама этого оборудования (машины и пр.) не производит или почти не производит своими собственными силами. Если мы застрянем на той ступени развития, на которой нам приходится ввозить оборудование и машины, а не производить их собственными силами, то мы не можем быть гарантированы от превращения нашей страны в придаток капиталистической системы. Именно поэтому мы должны держать курс на развитие у нас производства средств производства. Неужели тов. Сокольников не может понять этой элементарной вещи? А ведь об этом только и говорил я в докладе.

Чего требует план Дауэса? Он требует, чтобы Германия выкачивала денюжки на предмет выплаты репарационных платежей за счет рынков, главным образом, советских, наших. Что из этого следует? Из этого следует то, что Германия будет давать нам оборудование, мы его будем ввозить, а вывозить будем сельско-хозяйственные продукты. Мы, т. е. наша промышленность, будем, таким образом, находиться на привязи у Европы. Это и есть основа плана Дауэса. По этому поводу я говорил в своем докладе, что план Дауэса, поскольку он затрагивает нашу страну, построен на песке. Почему? «Потому, — говорил я, — что мы вовсе не хотим остаться аграрной страной для какой бы то ни было другой страны, хотя бы для Германии, ибо мы сами будем производить машины и прочие средства производства». Превратить нашу страну из аграрной в индустриальную, способную производить своими собственными силами необходимое оборудование, — вот в чем суть, основа нашей генеральной линии. Мы должны поставить дело так, чтобы помыслы и стремления хозяйственников были направлены в эту именно сторону, в сторону превращения нашей страны из страны, ввозящей оборудование, в страну,

производящую это оборудование. Ибо в этом основная гарантия хозяйственной самостоятельности нашей страны. Ибо в этом гарантия того, что наша страна не будет превращена в придаток капиталистических стран. Тов. Сокольников не хочет понять этой простой и очевидной вещи. Они, авторы плана Дауэса, хотели бы ограничить нас производством, скажем, ситца, но нам этого мало, ибо мы хотим производить не только ситец, но и машины, необходимые для производства ситца. Они хотели бы, чтобы мы ограничивались производством, скажем, автомобилей, но нам этого мало, ибо мы хотим производить не только автомобили, но и машины, производящие автомобили. Они хотят ограничить нас производством, скажем, башмаков, но нам этого мало, ибо мы хотим производить не только башмаки, но и машины, производящие башмаки. И т. д. и т. п. Вот в чем разница двух генеральных линий, и вот чего не хочет понять тов. Сокольников. Отказаться от нашей линии — значит отойти от задач социалистического строительства, значит — стать на точку зрения дауэсизации нашей страны.

2. Тов. Каменев и наши уступки крестьянству

Второе возражение тов. Каменеву. Он сказал, что мы, приняв известные решения на XIV партийной конференции по линии хозяйственной, по линии оживления советов, по линии ликвидации пережитков военного коммунизма, по линии уточнения вопроса об аренде и наемном труде, — мы сделали тем самым уступки кулаку, а не крестьянству, что это есть уступки не крестьянству, а капиталистическим элементам. Верно ли это? Я утверждаю, что это неверно, что это есть клевета на партию. Я утверждаю, что так не может подходить к вопросу марксист, что так может подходить к вопросу только либерал.

Что такое те уступки, которые мы сделали на XIV партконференции? Укладываются ли эти уступки в рамки нэпа, или нет? Безусловно укладываются. Может быть, мы расширили нэп на апрельской конференции? Пусть ответит оппозиция: расширили ли мы нэп в апреле, или нет? Если мы его расширили, почему они голосовали за решения XIV конференции? И разве не известно, что мы все против расширения нэпа? В чем же тогда дело? Да в том, что тов. Каменев запутался, ибо нэп включает в себя допущение торговли, капитализма, наемного труда, а решения XIV конференции есть выражение нэпа, введенного при Ленине. Знал ли Ленин, что нэп будет использован на первых порах прежде всего капиталистами, купцами, кулаками? Конечно, знал. Но говорил ли Ленин, что, вводя нэп, мы делаем уступки спекулянтам и капиталистическим элементам, а не крестьянству? Нет, не говорил, и не мог этого сказать. Наоборот, он всегда утверждал, что, допуская торговлю и капитализм и меняя политику в направлении нэпа, мы делаем уступки крестьянству ради сохранения и укрепления смычки с ним, ибо крестьянство не может жить при данных условиях без товарооборота, без допущения некоторого оживления капитализма, ибо смычку мы не можем наладить теперь иначе, как через торговлю, ибо мы только таким образом можем укрепить смычку и построить фундамент социалистической экономики. Вот как подходил к вопросу об уступках

Ленин. Вот как надо подходить к вопросу об уступках в апреле 1925 г. Позвольте прочесть вам мнение Ленина на этот предмет. Вот как он обосновывает переход партии к новой политике, к политике нэпа в своем докладе о «Продналоге» на совещании секретарей ячеек Московской губернии:

«Я хочу остановиться на вопросе, как эта политика примирима с точки зрения коммунизма, и как выходит то, что коммунистическая Советская власть способствует развитию свободной торговли. Хорошо ли это с точки зрения коммунизма? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно внимательно присмотреться к тем изменениям, которые произошли в крестьянском хозяйстве. Сначала положение было таково, что мы видели напор всего крестьянства против власти помещиков. Против помещиков шли одинаково и бедняки и кулаки, хотя, конечно, с разными намерениями: кулаки шли с целью отобрать землю у помещика и развить на ней свое хозяйство. Вот тогда и обнаружились между кулаками и беднотой различные интересы и стремления. На Украине эта рознь интересов и сейчас видна с гораздо большей ясностью, чем у нас. Беднота непосредственно этот переход земли от помещиков могла использовать очень мало, ибо у нее не было для этого ни материалов, ни орудий. И вот мы видим, что беднота организуется, чтобы не дать кулакам захватить отобранные земли. Советская власть оказывает помощь возникшим комитетам бедноты у нас и комнезамам на Украине. *Что же получилось в результате? В результате получилось, что преобладающим элементом в деревне явились середняки...* Меньше стало крайностей в сторону кулачества, меньше в сторону нищеты, и большинство населения стало приближаться к середняцкому. Если нам нужно поднять производительность нашего крестьянского хозяйства, то мы должны считаться, в первую очередь, с середняком. *Коммунистической партии и пришлось сообразно с этим строить свою политику... Значит, изменение в политике по отношению к крестьянству объясняется тем, что изменилось положение самого крестьянства. Деревня стала более середняцкая, и для поднятия производительных сил мы должны с этим считаться*» (Курсив везде мой. — И. Ст.) (Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 195—196.)

И дальше, в том же томе, на стр. 146, Ленин делает общий вывод:

«Нам нужно строить нашу государственную экономику применительно к экономике середняка, которую мы за три года не могли переделать и еще за десять лет не переделаем».

Иначе говоря, мы ввели свободу торговли, мы допустили оживление капитализма, мы ввели нэп для того, чтобы поднять рост производительных сил, увеличить количество продуктов в стране, укрепить смычку с крестьянством. Смычка, интересы смычки с крестьянством, как основа наших уступок по линии нэпа, — вот как подходит к делу Ленин.

Знал ли тогда Ленин, что нэпом, уступками крестьянству воспользуются спекулянты, капиталисты, кулаки? Конечно, знал. Значит ли это, что уступки эти были, по сути дела, уступками спекулянту и кулаку? Нет, не значит. Ибо нэп вообще и торговля в частности используются не только капиталистами и кулаками, но и государственными и кооперативными органами, ибо торгуют не только капиталисты и кулаки, но и госорганы и кооперация, при чем госорганы и кооперация, когда они научатся торговать, будут брать верх (уже берут верх!) над частниками, смыкая нашу, индустрию с крестьянским хозяйством.

Что-же получается из этого? Из этого получается то, что наши уступки идут в основном по линии укрепления смычки и ради смычки.

Кто этого не понимает, тот подходит к делу не как ленинец, а как либерал.

3. Чьи просчеты?

Третье возражение тов. Сокольникову. Он говорит: «Немалые уроны, которые мы потерпели на хозяйственном фронте, начиная с осени, идут как раз по линии переоценки наших сил, по линии переоценки социалистической зрелости, переоценки возможностей для нас, для государственного хозяйства руководить всем народным хозяйством уже теперь».

Оказывается, что просчеты по заготовкам и внешней торговле, — я имею в виду пассивное сальдо за 1924/25 год, — эти просчеты объясняются не ошибкой наших регулирующих органов, а переоценкой социалистической зрелости нашего хозяйства. И в этом, оказывается, виноват тов. Бухарин, «школа» которого специально культивирует дело увлечения социалистической зрелостью нашего хозяйства.

Конечно, в речах «можно» куролесить сколько угодно, как это часто делает тов. Сокольников. Но надо все-таки знать предел. Как можно говорить такую несообразность и прямую неправду перед съездом? Разве неизвестно тов. Сокольникову о специальном заседании Политбюро в начале ноября, где вопрос о заготовках и внешней торговле обсуждался, где ошибки регулирующих органов были исправлены Центральным Комитетом, большинством Центрального Комитета, якобы переоценивающего наши социалистические возможности? Как можно говорить на съезде такие пустяки? И при чем тут «школа» Бухарина или сам тов. Бухарин? Что за манера валить с большой головы на здоровую! Разве тов. Сокольников не знает, что стенограмма речей на заседании ЦК по вопросу о просчетах была разослана всем губкомам? Как можно говорить против очевидных фактов? Куролесить в речах «можно», но надо же знать предел.

4. Как тов. Сокольников защищает бедноту

Четвертое возражение тоже против тов. Сокольникова. Он здесь заявил, что он, как наркомфин, видите ли, всячески старается обеспечить подходность нашего сельхозналога, но ему мешают, мешают потому, что не дают защитить бедноту и обуздать кулака. Это неверно, товарищи. Это клевета на партию. Вопрос о формальном изменении сельско-хозяйственного налога по линии доходности, — я говорю о формальном, потому что фактически он есть подходный налог, — этот вопрос был поставлен на пленуме ЦК в октябре этого года, но никто, кроме тов. Сокольникова, не поддержал постановку этого вопроса на съезде, так как вопрос еще не был подготовлен к постановке на съезде. Тогда тов. Сокольников не настаивал на своем предложении. А теперь оказывается, что тов. Сокольников не прочь использовать это дело против ЦК, конечно, не ради интересов бедноты, а ради интересов оппозиции. Так вот, если тов. Сокольников говорит здесь о бедноте, то позвольте

сообщить вам один факт, вскрывающий подлинную позицию тов. Сокольников, этого присяжного будто бы защитника бедноты. Не так давно наркомфин РСФСР тов. Милютин принял решение о том, чтобы освободить от налога ниже рубля бедняцкие крестьянские хозяйства. Из докладной записки тов. Милютина в ЦК видно, что вся сумма этого налога ниже рубля, налога, раздражающего крестьянство, составляет около 300—400 тыс. рублей по всей РСФСР, что одних расходов на взимание этого налога потребует не намного меньше суммы этого налога. Что же делает тов. Сокольников, этот защитник бедноты? Он берет и отменяет это решение тов. Милютина. ЦК получает от 15 губкомов по этому поводу протесты. Тов. Сокольников упорствует. Потребовалось давление ЦК, чтобы тов. Сокольников отказался от отмены совершенно правильного решения наркомфина РСФСР о невзимании налога ниже рубля. Это называется у тов. Сокольникова «защита» интересов бедноты. И такие товарищи, имеющие за собой такой груз, имеют — ну, как бы помягче сказать, — смелость выступать против ЦК. Странно, товарищи, странно.

5. Идеи́нная борьба или клевета?

Наконец, еще одно возражение. Я имею в виду возражение авторам «Сборника материалов по спорным вопросам». Вчера здесь роздали секретно, только для членов съезда, только что изданный «Сборник материалов по спорным вопросам». В этом сборнике, между прочим, говорится о том, что я принял делегацию селькоров в апреле этого года, высказал сочувствие идее восстановления частной собственности на землю. Оказывается, в «Бедноте» были помещены аналогичные «впечатления» одного из селькоров, мне неизвестные, мною не просмотренные. Об этом я узнал в октябре этого года. Еще раньше, в апреле, Рижское агентство, которое отличается от всех прочих агентств тем, что фабрикует все ложные слухи про нашего брата, сделало подобное же сообщение в заграничную прессу, о чем нам сообщили наши люди телеграммой из Парижа на имя наркоминдела, требуя опровержения. Я тогда же ответил тов. Чичерину через своего помощника, заявив, что «если тов. Чичерин считает нужным опровергать всякую глупость и сплетню, пусть опровергает» (см. архив ЦК).

Известно ли все это авторам этого сакраментального «сборника»? Конечно, известно. Зачем же они продолжают распространять всякую чепуху и небылицу обо мне? Как могут они, как может оппозиция прибегать к методам Рижского агентства? Неужели они до этого докатились? (*Голос: «Позор!»*.)

Далее, зная нравы «пещерных» людей, зная, что они способны повторить методы Рижского агентства, я послал в редакцию «Бедноты» опровержение. Опровергать такую глупость смешно, но зная, с кем я имею дело, я послал все же опровержение. Вот оно:

«Письмо в редакцию «Бедноты».

Тов. редактор! Недавно я узнал от товарищей, что в напечатанном в «Бедноте» от 5/IV 1925 г. наброске впечатлений одного из селькоров о беседе со мной делегации селькоров, которого я не имел случая в свое время прочесть, сооб-

щается, что я отнесся будто бы сочувственно к идее закрепления владения землей на 40 и больше лет, к идее частной собственности на землю и т. п. Хотя это фантастическое сообщение и не требует опровержения ввиду его очевидной вздорности, тем не менее, может быть, нелишне будет просить у вас разрешения заявить в «Бедноте», что сообщение это представляет грубейшую ошибку, и оно должно быть целиком отнесено за счет фантазии его автора.

И. Сталин».

Известно ли это письмо товарищам авторам «сборника»? Несомненно, известно. Так зачем же они продолжают распространять сплетни, небывлицы? Что это за метод борьбы? Говорят, что это идейная борьба. Да нет же, товарищи, это не есть идейная борьба. На нашем простом русском языке это называется просто *клеветой*.

Позвольте теперь перейти к основным принципиальным вопросам

6. О нэпе

Вопрос о нэпе. Я имею в виду тов. Крупскую и ее речь, сказанную по вопросу о нэпе. Она говорит: «Нэп является в сущности капитализмом, допускаемым на известных условиях, капитализмом, который держит на цепи пролетарское государство»... Верно ли это? И да, и нет. Что мы держим капитализм на цепи и будем держать, пока он существует, это факт, это верно. Но чтобы нэп являлся капитализмом, — это чепуха, несусветная чепуха. Нэп есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма, при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики. Кто не понимает этой переходной, двойственной природы нэпа, тот отходит от ленинизма. Если бы нэп был капитализмом, то тогда нэповская Россия, о которой говорил Ленин, была бы Россией капиталистической. Но разве нынешняя Россия есть капиталистическая, а не переходная от капитализма к социализму? Почему же тогда Ленин не сказал просто: «Россия капиталистическая будет Россией социалистической», а предпочел дать другую формулу: «Россия *нэповская* будет Россией социалистической»? Согласна ли оппозиция с тов. Крупской, что нэп есть капитализм, или не согласна? Я думаю, что не найдется ни одного члена съезда, который бы согласился с формулой тов. Крупской. Тов. Крупская (да простит она меня) сказала о нэпе сущую чепуху. Нельзя выступать здесь с защитой Ленина против Бухарина с этакой чепухой.

7. О госкапитализме

С этим вопросом связана ошибка тов. Бухарина. В чем состояла его ошибка? По каким вопросам Ленин спорил с Бухариным? Ленин утверждал, что категория госкапитализма совместима с системой диктатуры пролетариата. Бухарин это отрицал. Он считал — и левые коммунисты вместе с ним, а

в том числе и тов. Сафаров, считали, что нельзя совместить категорию госкапитализма с системой диктатуры пролетариата, Ленин был прав, конечно. Бухарин был неправ. Он эту свою ошибку признал. Вот в чем состоит ошибка Бухарина. Но это было в прошлом. Если он теперь, в 1925 г., в мае, повторяет, что он имеет разногласия с Лениным по вопросу о госкапитализме, то я полагаю, что это простое недоразумение. Либо он должен от этого заявления отказаться прямо, либо это—недоразумение, потому что та линия, которую он защищает теперь по вопросу о природе госпромышленности, есть линия Ленина. Не Ленин пришел к Бухарину, а наоборот, Бухарин пришел к Ленину. И именно поэтому мы стоим и будем стоять за Бухарина. (*Аплодисменты.*)

Основная ошибка т.т. Каменева и Зиновьева состоит в том, что они рассматривают вопрос о госкапитализме схоластически, не диалектически, вне связи с исторической обстановкой. Такой подход к вопросу противен всему духу ленинизма. Как ставил вопрос Ленин? В 1921 году Ленин, зная, что наша промышленность мало развита, а крестьянство нуждается в товарах, зная, что ее (промышленность) сразу не поднимешь, что рабочие, в силу известной обстановки, заняты не столько промышленностью, сколько приготвлением зажигалок,— в этой обстановке Ленин считал, что лучшая возможность из всех возможностей— привлечь заграничный капитал, наладить с его помощью промышленность, ввести таким образом госкапитализм и *через* него устроить смычку Советской власти с деревней. Такой путь был тогда безусловно правилен, ибо других возможностей удовлетворить крестьянство у нас тогда не было, ибо промышленность у нас хромала, транспорт стоял, или почти стоял, не было, нехватало топлива. Считал ли тогда Ленин допустимым и желательным госкапитализм, как преобладающую форму нашего хозяйства? Да, считал. Но это было тогда, в 1921 году. А теперь? Можно ли сказать теперь, что у нас нет нашей промышленности, транспорт стоит, нет топлива и т. д.? Нет, нельзя. Можно ли отрицать, что наша промышленность и торговля уже устанавливают смычку индустрии (*нашей* индустрии) с крестьянским хозяйством *непосредственно*, своими собственными силами? Нет, нельзя. Можно ли отрицать, что в области промышленности «госкапитализм» и «социализм» уже поменялись ролями, ибо социалистическая промышленность стала господствующей, а удельный вес концессий и аренды (первые имеют 50 тыс. рабочих, вторая — 35 тыс.) минимален? Нет, нельзя. Еще в 1922 г. Ленин сказал, что с концессиями и арендой у нас не вышло.

Что же из этого следует? Из этого следует то, что со времени 1921 г. обстановка изменилась у нас существенно, что за это время наша социалистическая промышленность и советско-кооперативная торговля успели уже стать преобладающей силой, что смычку между городом и деревней уже научились устанавливать собственными силами, что наиболее яркие формы госкапитализма — концессии и аренда — не получили за это время серьезного развития, что говорить *теперь*, в 1925 году, о госкапитализме, как преобладающей форме нашего хозяйства, значит исказить социалистическую природу нашей государственной промышленности, значит не понимать всей разницы между прошлой и нынешней обстановкой, значит — подходить к

вопросу о госкапитализме не диалектически, а схоластически, метафизически.

Не угодно ли послушать тов. Сокольникова? Он говорит в своей речи: «Наша внешняя торговля ведется как государственно-капиталистическое предприятие... Наши внутренние торговые общества — также государственно-капиталистические предприятия. И я должен сказать, товарищи, что Государственный банк является точно так же государственно-капиталистическим предприятием. Наша денежная система? Наша денежная система основана на том, что в советском хозяйстве, в условиях строящегося социализма, взята денежная система, проникнутая принципами капиталистической экономики».

Так говорит тов. Сокольников.

Скоро он договорится до того, что Народный Комиссариат Финансов объявит он тоже госкапитализмом. До сих пор я думал, до сих пор мы все думали, что Госбанк есть часть государственного аппарата. До сих пор я думал, и мы все думали, что наш Внешторг, если не считать облагающих его госкапиталистических учреждений, есть часть государственного аппарата, что наш государственный аппарат есть аппарат государства типа пролетарского. Мы все так думали до сих пор, ибо пролетарская власть является *единственным* хозяином этих институтов. А теперь по Сокольникову выходит, что эти институты, являющиеся частью нашего госаппарата, являются госкапиталистическими. Может быть, наш советский аппарат представляет тоже госкапитализм, а не пролетарский тип государства, как утверждал Ленин? Отчего бы нет? Разве наш советский аппарат не пользуется «денежной системой, проникнутой принципами капиталистической экономики»? Вот до какой чепухи может договориться человек.

Позвольте прежде всего привести мнение Ленина по вопросу о природе и значении Государственного банка. Я хотел бы, товарищи, сослаться на одно место из книги Ленина, написанной в 1917 г. Я имею в виду брошюру «Удержат ли власть большевики?», где он стоял еще на точке зрения контроля над промышленностью (а не национализации) и где, несмотря на это, считал Государственный банк в руках пролетарского государства на $\frac{9}{10}$ социалистическим аппаратом. Вот что он писал о Госбанке:

«Крупные банки *есть* тот «государственный аппарат», который нам *нужен* для осуществления социализма и который мы *берем готовым* у капитализма, при чем нашей задачей является здесь лишь *отсечь* то, что *капиталистически уродует* этот превосходный аппарат, сделать его *еще крупнее*, еще демократичнее, еще всеобъемлющее. Количество перейдет в качество. Единый, крупнейший из крупнейших Государственный банк с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике, — это уже девять десятых *социалистического* аппарата. Это — общегосударственное *счетоводство*, общегосударственный *учет* производства и распределения продуктов, это, так сказать, нечто вроде *скелета* социалистического общества». (Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 231.)

Сравните слова Ленина с речью тов. Сокольникова — и поймете, куда катится тов. Сокольников. Я не удивлюсь, если он объявит НКФ госкапитализмом

В чем тут дело? Откуда такие ошибки у тов. Сокольникова?

Да в том, что тов. Сокольников не понимает двойственной природы нэпа,

двойственной природы торговли в нынешних условиях борьбы социалистических элементов с элементами капиталистическими, он не понимает диалектики развития в обстановке диктатуры пролетариата, в обстановке переходного периода, где методы и оружие буржуазии используются социалистическими элементами для преодоления и ликвидации элементов капиталистических. Дело вовсе не в том, что торговля и денежная система являются методами «капиталистической экономии». Дело в том, что социалистические элементы нашего хозяйства, борясь с элементами капиталистическими, овладевают этими методами и оружием буржуазии для преодоления капиталистических элементов, что они *успехом* используют их *против* капитализма, *успехом* используют их для построения социалистического фундамента нашей экономики. Дело в том, стало быть, что, благодаря диалектике нашего развития, функции и назначение этих инструментов буржуазии меняются *принципиально*, коренным образом, меняются в пользу социализма, в ущерб капитализму. Ошибка тов. Сокольникова состоит в том, что он не понял всей сложности и противоречивости происходящих в нашей экономике процессов.

Позвольте теперь сослаться на Ленина в вопросе об историческом характере госкапитализма, привести цитату по вопросу о том, когда и почему он предлагал госкапитализм, как главную форму, чем он был вынужден к этому, и при каких именно конкретных условиях он его предлагал. (*Голос*: «Просим!».)

«Мы ни в коем случае не можем забывать того, что мы часто наблюдаем—социалистического отношения рабочих на принадлежащих государству фабриках, где рабочие сами собирают топливо, сырье и продукты, или когда рабочие стараются распределять правильно продукты промышленности среди крестьянства, довозят их средствами транспорта. *Это есть социализм*. Норядом с ним существует мелкое хозяйство, которое сплошь и рядом существует *независимо* от него. Почему оно может существовать независимо от него? *Потому*, что крупная промышленность не восстановлена, *потому*, что социалистические фабрики могут получить, может быть, только десятую долю того, что они должны получать; и поскольку они не получают, оно остается независимым от социалистических фабрик. Неимоверное разорение страны, недостаток топлива, сырья и транспорта приводят к тому, что мелкое производство существует *отдельно* от социализма. И я говорю: при таких условиях государственный капитализм — что это такое? Это будет объединение мелкого производства. Капитал объединяет мелкое производство, капитал вырастает из мелкого производства. На этот счет нечего закрывать глаза. Конечно, *свобода торговли означает рост капитализма*; из этого никак вывернуться нельзя, и кто вздумает вывертываться и отмахиваться, тот только тешит себя словами. Если есть мелкое хозяйство, если есть свобода обмена — появляется капитализм. *Но страшен ли этот капитализм нам, если мы имеем в руках фабрики, заводы, транспорт и заграничную торговлю?* И вот я говорил тогда, буду повторять теперь и считаю, что это неопровержимо, что этот капитализм нам не страшен. Таким капитализмом являются концессии» (Курсив везде мой.—И. Ст.). (Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 197.)

Вот как Ленин подходил к вопросу о госкапитализме.

В 1921 году, когда своей промышленности у нас почти не было, сырья нехватало, а транспорт стоял, Ленин предлагал госкапитализм, как средство, через которое он думал связать крестьянское хозяйство с индуст-

рией. И это было правильно. Но значит ли это, что Ленин считал этот путь желательным *при всяких условиях*? Конечно, не значит. Он *шел* на смычку через госкапитализм потому, что не было у нас развитой социалистической промышленности. Ну, а теперь? Можно ли сказать, что у нас нет теперь развитой госпромышленности? Конечно, нельзя сказать. Развитие пошло по Другому руслу, концессии почти не привились, госпромышленность выросла, выросла госторговля, выросла кооперация, и смычка между городом и деревней стала устанавливаться через социалистическую промышленность. Мы оказались в лучшем положении, чем думали сами. Как можно после этого говорить, что госкапитализм есть главная форма нашего хозяйствования? Беда оппозиции состоит в том, что она не хочет понять этих простых вещей.

8. Тов. Зиновьев и крестьянство

Вопрос о крестьянстве. Я говорил в своем докладе, и здесь ораторы утверждали, что у тов. Зиновьева имеется уклон в сторону недооценки середняка, что он стоял определенно, недавно еще, на точке зрения нейтрализации среднего крестьянства и только теперь, после борьбы в партии, пытается переключаться, обосноваться на другой точке зрения, на точке зрения прочного союза с середняком. Верно ли все это? Позвольте сослаться на некоторые документы.

В статье «О большевизации» тов. Зиновьев в этом году писал:

«Есть ряд задач, которые *совершенно общи всем партиям Коминтерна*. Таковы, например... верный подход к крестьянству. Есть три слоя в земледельческом населении всего мира, которые могут и должны быть завоеваны нами и стать союзниками пролетариата (сельскохозяйственный пролетариат, полупролетарии — парцелльные крестьяне и мелкое крестьянство, не прибегающее к найму чужой рабочей силы). Есть другой слой крестьянства (середняки), который должен быть по крайней мере *нейтрализован нами*» (Курсив везде мой. — И. Ст.).

Так пишет тов. Зиновьев о середняке, спустя четыре года после VIII съезда партии, где Ленин отверг лозунг нейтрализации середняка, заменив его лозунгом прочного союза с середняком. Тов. Бакаев спрашивает, что тут страшного? А я вас попрошу сравнить статью тов. Зиновьева с тезисом Ленина о ставке на середняка и ответить, отошел тов. Зиновьев от тезиса Ленина, или не отошел... (*Возглас с места*: «Подразумеваются другие страны, кроме России». *Шум.*) Не выходит, товарищ, ибо в статье тов. Зиновьева говорится о «задачах, которые *совершенно общи всем партиям Коминтерна*». Неужели вы будете отрицать, что наша партия есть тоже часть Коминтерна? Тут прямо сказано: «*всем партиям*». (*Возглас со стороны Ленинградской делегаций*: «Вопределенные моменты». *Общий смех.*)

Сравните эту цитату из статьи тов. Зиновьева о *нейтрализации* с цитатой из речи Ленина на VIII съезде партии о том, что нам нужен *прочный союз* с середняком, и вы поймете, что между ними нет ничего общего.

Характерно, что, прочтя эти строки в статье тов. Зиновьева, тов. Ларин, этот сторонник «второй революции» в деревне, не замедлил к ним присоединиться. Я думаю, что, хотя тов. Ларин на-днях и выступал против т.т. Каменева и Зиновьева, и выступал он довольно удачно, но это не исключает того, что у нас есть с ним разногласия, и мы должны здесь немножечко отмежеваться от него. Вот как отзывается тов. Ларин об этой статье тов. Зиновьева:

«Вполне правильно формулировал «верный подход к крестьянству» с точки зрения общих задач *всех* (Курсив мой - *И.См.*) партий Коминтерна его председатель, тов. Зиновьев».

Я вижу, что тов. Ларин протестует, заявляя, что он оговаривается в своей книге о своем несогласии с тов. Зиновьевым, поскольку тов. Зиновьев распространяет лозунг нейтрализации середняка и на Россию. Это верно, что он в своей книге оговаривается об этом, утверждая, что нейтрализация недостаточна для нас, что нам нужна сделать «шаг дальше» в сторону «соглашения с середняком против кулака». Но тут, к сожалению, припутывается тов. Лариным его схема «второй революции» против засилья кулака, что не разделяется нами, что сближает его с тов. Зиновьевым и что заставляет меня несколько отмежеваться от него.

Как видите, в приведенном мною документе тов. Зиновьев высказывается прямо и определенно за лозунг нейтрализации среднего крестьянства, вопреки Ленину, провозглашающему недостаточность нейтрализации и необходимость прочного союза с середняком.

Следующий документ. Тов. Зиновьев в своей книге «Ленинизм», цитируя следующее место из Ленина, относящееся к 1918 году: «с крестьянством вообще — до конца буржуазно-демократической революции; с беднейшей, пролетарской и полупролетарской частью крестьянства — вперед, к социалистической революции», — делает такой вывод:

«Основная... проблема, занимающая нас сейчас... освещена в приведенных положениях Ленина полностью и до конца. *Ничего здесь не прибавишь, ни одного слова неубавишь* (Курсив мой - *И.См.*). Здесь все сказано с ильичевской скупостью и выпуклостью, сжато и ясно — так, что просится в хрестоматию».

Такова по Зиновьеву *исчерпывающая* характеристика ленинизма по крестьянскому вопросу. С крестьянством вообще против царя и помещиков, это — буржуазная революция. С беднотой против буржуазии, это — Октябрьская революция. Это все хорошо. Два ленинских лозунга даны. А как быть с третьим лозунгом Ленина — с середняком против кулака за социалистическое строительство? Куда девался этот третий лозунг Ленина? Его нет у тов. Зиновьева. Он пропал. Хотя тов. Зиновьев и утверждает, что «ничего здесь не прибавишь», однако, если мы тут не прибавим третьего лозунга Ленина о прочном союзе пролетариата и бедноты с середняком, то рискуем исказить Ленина, как искажает его тов. Зиновьев. Можно ли считать случайностью, что третий лозунг Ленина, являющийся теперь для нас наиболее актуальным лозунгом, пропал, оказался утерянным у тов. Зиновьева?

вьева? Нет, нельзя считать случайностью, ибо он стоит на точке зрения нейтрализации середняка. Разница между первым и вторым документом состоит лишь в том, что в первом он высказался против лозунга прочного союза с середняком, а во втором замолчал этот лозунг.

Третий документ — статья тов. Зиновьева «Философия эпохи». Я говорю о первоначальной редакции этой статьи, без тех изменений и добавлений, которые были потом внесены членами ЦК. Характерная черта этой статьи состоит в том, что она так же, как и второй документ совершенно замалчивает вопрос о середняке и, обходя этот животрепещущий вопрос, толкует о каком-то неопределенном народническом равенстве без указания классовой подоплеки равенства. Там есть деревенская беднота, есть кулак, есть капиталист, есть выпады по адресу Бухарина, есть эс-эровское равенство, есть Устрялов, но нет середняка и кооперативного плана Ленина, хотя статья и называется «Философия эпохи». Когда тов. Молотов прислал мне эту статью (я был тогда в отъезде), я ответил грубой и резкой критикой. Да, товарищи, человек я прямой и грубый, это верно, я этого не отрицаю. (Смех.) Я ответил грубой критикой, ибо нельзя терпеть, чтобы тов. Зиновьев в продолжение года систематически замалчивал или искажал характернейшие черты ленинизма в крестьянском вопросе, очередной лозунг нашей партии о союзе с основной массой крестьянства. Вот как я ответил тогда тов. Молотову:

«Статья тов. Зиновьева «Философия эпохи» представляет искривление партии в духе Ларина. Она толкует о XIV конференции, но главная тема этой конференции — среднее крестьянство и кооперация — обойдена. Среднее крестьянство и кооперативный план Ленина исчезли. Это не случайность. Говорить после этого о «борьбе за истолкование» решений XIV конференции — значит вести линию на нарушение этих решений. Смешивать Бухарина со Столыпиным, как это делает тов. Зиновьев, — значит лгать на Бухарина. Этак можно смешать со Столыпиным и Ленина, который говорил: «торгуйте и учитесь торговать». Лозунг о равенстве в данный момент есть эс-эровская демагогия. Никакого равенства не может быть, пока есть классы и пока есть труд квалифицированный и неквалифицированный (см. «Революция и государство» Ленина). Надо говорить не о неопределенном равенстве, а об уничтожении классов, о социализме. Называть нашу революцию «неклассической» — значит скатиться к меньшевизму. Статью надо переделать, по-моему, коренным образом, так, чтобы она не носила характера платформы к XIV съезду.

12 сентября 1925 г.

И. Сталин».

Все это я готов и сейчас отстаивать. Каждое слово, каждую фразу.

Нельзя говорить о равенстве в основной руководящей статье, не давая строгого определения, о каком равенстве идет речь — равенстве крестьян с рабочим классом, равенстве внутри крестьянства, равенстве внутри рабочего класса, между квалифицированными и неквалифицированными, или о равенстве в смысле уничтожения классов. Нельзя замалчивать в руководящей статье очередные лозунги партии о работе в деревне. Нельзя играть фразой о равенстве, ибо это есть игра с огнем, так же как нельзя играть фразой о ленинизме, замалчивая очередной лозунг ленинизма в вопросе о крестьянстве.

Таковы три документа: статья тов. Зиновьева (январь 1925 г.) за нейтрализацию середняка, книга тов. Зиновьева «Ленинизм» (сентябрь 1925 г.), замалчивающая третий лозунг Ленина о середняке, и новая статья тов. Зиновьева «Философия эпохи» (сентябрь 1925 г.), замалчивающая середняка и кооперативный план Ленина.

Случайно ли это постоянное вихляние тов. Зиновьева в крестьянском вопросе?

Вы видите, что оно не случайно.

Недавно в докладе по отчету ЦК в Ленинграде тов. Зиновьев, наконец, решился высказаться за лозунг прочного союза с середняком. Это после борьбы, после тренировок, после столкновений в ЦК. Это очень хорошо. Но я не уверен, что потом он от этого не откажется. Ибо, как показывают факты, тов. Зиновьев никогда не страдал той твердостью линии в крестьянском вопросе, какая нам нужна. (*Аплодисменты.*)

Вот несколько фактов из области колебаний тов. Зиновьева в крестьянском вопросе. В 1924 году тов. Зиновьев отстаивал на пленуме ЦК «крестьянскую» политику организации беспартийных крестьянских фракций в центре и на местах с еженедельной газетой. Это предложение было отклонено ввиду возражений в ЦК. Немного раньше этого тов. Зиновьев даже бравировал тем, что у него есть «крестьянский уклон». Вот что он говорил, например, на XII съезде партии: «Когда мне говорят: у вас «уклон», вы уклоняетесь в сторону крестьянства,— я отвечаю: да, мы не только «уклоняться» должны в сторону крестьянства и его хозяйственных потребностей, но нам надо *поклониться* и, если нужно, *преклониться* перед хозяйственными потребностями того крестьянина, который идет за нашим пролетариатом». Вы слышите: «уклониться», «поклониться», «преклониться». (*Смех, аплодисменты.*) Потом, когда с крестьянством стало лучше, когда наше положение улучшилось в деревне, тов. Зиновьев сделал «поворот» от увлечения, взяв под подозрение середняка и провозгласив лозунг нейтрализации. Спустя некоторое время он сделал новый «поворот», потребовал по сути дела пересмотра решений XIV конференции («Философия эпохи») и, обвиняя в крестьянском уклоне чуть ли не весь ЦК, стал «уклоняться» более решительно против середняка. Наконец, к XIV съезду партии он опять делает еще один «поворот», уже в сторону союза с середняком и, пожалуй, начнет еще хвастать, что вновь готов «преклониться» перед крестьянством.

Какая гарантия, что тов. Зиновьев не колеблется еще разочек?

Но это ведь качка, товарищи, а не политика. (*Смех, аплодисменты.*) Это ведь истерика, а не политика. (*Возгласы: «Правильно!».*)

Говорят, что не надо обращать специального внимания на борьбу против второго уклона. Это неверно. Если есть у нас два уклона— уклон Богушевского и уклон тов. Зиновьева,— то вы должны понять, что Богушевский ни в какое сравнение с тов. Зиновьевым не идет. Богушевский человек конченный (*Смех.*) У Богушевского нет своего органа. А уклон в сторону нейтрализации середняка, уклон против прочного союза с середняком, уклон зиновьевский имеет свой орган и до сих пор еще продолжает бороться с ЦК. Этот орган называется «Ленинградской Правдой». Ибо что такое состря-

панный недавно в Ленинграде термин «средняцкий большевизм», о котором с пеной у рта говорит «Ленинградская Правда», как не показатель того, что эта газета отошла от ленинизма в крестьянском вопросе? Разве не ясно, хотя бы из одного этого обстоятельства, что борьба со вторым уклоном труднее, чем борьба с первым уклоном, уклоном Богушевского? Вот почему, имея пред собою такого представителя второго уклона, или такого защитника и покровителя второго уклона, каким является «Ленинградская Правда», мы должны принять все меры, чтобы партия была особенно подготовлена к борьбе с этим уклоном, который силен, который сложен и против которого надо сосредоточить огонь. Вот почему этот второй уклон должен быть предметом особого внимания нашей партии. (*Голоса: «Правильно!». Аплодисменты.*)

9. К истории разногласий

Позвольте теперь перейти к истории нашей внутренней борьбы внутри большинства Центрального Комитета. С чего началась наша размолвка? Началась она с вопроса о том, «как быть с тов. Троцким». Это было в конце 1924 года. Группа ленинградцев вначале предлагала исключение тов. Троцкого из партии. Я имею тут в виду период дискуссии 1924 года. Ленинградский губком вынес постановление об исключении тов. Троцкого из партии. Мы, т.-е. большинство ЦК, не согласились с этим (*голоса: «Правильно!»*), имели некоторую борьбу с ленинградцами и убедили их выбросить из своей резолюции пункт об исключении. Спустя некоторое время после этого, когда собрался у нас пленум ЦК, и ленинградцы вместе с тов. Каменевым потребовали немедленного исключения тов. Троцкого из Политбюро, мы не согласились и с этим предложением оппозиции, получили большинство в ЦК и ограничились снятием тов. Троцкого с поста наркомвоена. Мы не согласились с т.т. Зиновьевым и Каменевым потому, что знали, что политика отсечения чревата большими опасностями для партии, что метод отсечения, метод пускания крови — а они требовали крови — опасен, заразителен: сегодня одного отсекали, завтра другого, послезавтра третьего, — что же у нас останется в партии? (*Аплодисменты.*)

В этом первом столкновении внутри большинства ЦК сказалась основная разница между нами в вопросах организационной политики в партии.

Второй вопрос, который вызвал у нас разногласия, это — вопрос, связанный с выступлением тов. Саркиса против тов. Бухарина. Это было на XXI конференции в январе 1925 года. Тов. Саркис выступил тогда с обвинением тов. Бухарина в синдикализме. Вот его слова:

«Мы читали в московской «Правде» статью тов. Бухарина о рабочих и сельских корреспондентах. Такие взгляды, какие развивает тов. Бухарин, в нашей организации не имеют сторонников. Но такие взгляды, можно сказать, взгляды своего рода *синдикалистские, не большевистские*, антипартийные, имеются у ряда даже ответственных товарищей (повторяю, не в ленинградской, а в других организациях). Взгляды эти трактуют о независимости и экстерриториальности разных массовых рабоче-крестьянских общественных организаций от коммунистической партии». (Стенографический отчет XXI ленинградской конференции.)

Это выступление было, во-первых, принципиальной ошибкой тов. Саркиса, ибо тов. Бухарин был абсолютно прав в вопросе о рабселькоровском движении, во-вторых, здесь было допущено, не без поощрения со стороны руководителей ленинградской организации, грубейшее нарушение элементарных правил товарищеского обсуждения вопроса. Нечего и говорить, что это обстоятельство не могло не ухудшить отношений внутри ЦК. Дело кончилось открытым признанием в печати со стороны Саркиса своей ошибки.

Этот инцидент показал, что открытое признание своей ошибки является лучшим способом избежать открытой дискуссии и изжить разногласия в порядке внутреннем.

Третий вопрос, это — вопрос о ленинградском комсомоле. Тут сидят члены губкомов, и они, вероятно, помнят, что у Политбюро было соответствующее решение насчет ленинградского губкомла, пытавшегося созвать в Ленинграде почти что всероссийскую конференцию Комсомола без ведома и согласия ЦК союза молодежи. С решением ЦК РКП вы знакомы. Мы не могли допустить, чтобы рядом с Центральным Комитетом Комсомола существовал еще другой центр, конкурирующий с ним и противопоставляющий себя этому центру. Мы, как большевики, не могли допустить двоецентриа. Вот почему ЦК счел нужным принять меры к освежению ЦК молодежи, допустившего этот сепаратизм, и к снятию тов. Сафарова с поста руководителя ленинградского губкомла.

Этот инцидент показал, что ленинградские товарищи имеют тенденцию превратить свою ленинградскую организацию в центр борьбы против ЦК.

Четвертый вопрос, это — вопрос, поставленный тов. Зиновьевым, об организации в Ленинграде специального журнала под названием «Большевик» с редакцией в составе т.т.: Зиновьева, Сафарова, Бардина, Саркиса и Тарханова. Мы не согласились с этим, заявив, что такой журнал, параллельный московскому «Большевику», неминуемо превратится в орган группы, во фракционный орган оппозиции, что такой шаг опасен и подорвет единство партии. Иначе говоря, мы запретили выход журнала. Теперь нас хотят запугать словом «запрещение». Но это пустяки, товарищи. Мы не либералы. Для нас интересы партии выше формального демократизма. Да, мы запретили выход фракционного органа и подобные вещи будем и впредь запрещать. *(Голоса: «Правильно! Ясно!». Бурные аплодисменты.)*

Этот инцидент показал, что ленинградская верхушка хочет обособиться в особую группировку.

Дальше, вопрос о тов. Бухарине. Я имею в виду лозунг «обогащайтесь». Я имею в виду апрельскую речь тов. Бухарина, когда у него вырвалось слово «обогащайтесь». Через два дня открылась апрельская конференция нашей партии. Не кто иной, как я, в президиуме конференции, в присутствии т.т. Сокольникова, Зиновьева, Каменева и Калинина, заявил, что лозунг «обогащайтесь» не есть наш лозунг. Я не помню, чтобы тов. Бухарин возражал против этого протеста. Когда тов. Ларин потребовал слова на конференции, кажется, против Бухарина, то не кто иной, как тов. Зиновьев, потребовал тогда недопущения выступления против Бухарина. Однако, после этого тов.

Крупская присылает статью против тов. Бухарина, требуя ее напечатания. Тов. Бухарин, конечно, не остается в долгу и в свою очередь пишет статью против тов. Крупской. Большинство ЦК решает не печатать ни одной дискуссионной статьи, не открывать дискуссии и предложить тов. Бухарину заявить в печати об ошибочности лозунга «обогащайтесь», с чем он соглашается и что он выполняет потом, после своего возвращения из отпуска, в статье против Устрялова. Теперь думают т.т. Каменев и Зиновьев кое-кого запугать жупелом «запрещение», по-либеральному возмущаясь, что мы запретили печатание статьи тов. Крупской. Никого вы этим не запугаете. Во-первых, мы не напечатали не только статью тов. Крупской, но и статью тов. Бухарина. Во-вторых, почему бы не запретить к печатанию статью тов. Крупской, если этого требуют от нас интересы единства партии? А чем, собственно, отличается тов. Крупская от всякого другого ответственного товарища? Не думаете ли, что интересы отдельных товарищей должны быть поставлены выше интересов партии и ее единства? Разве товарищам из оппозиции не известно, что для нас, для большевиков, формальный демократизм — пустышка, а реальные интересы партии — все? (*Анло-дисменты.*) Пусть укажут товарищи хоть одну статью в центральном органе партии, в «Правде», которая бы оправдывала прямо или косвенно лозунг «обогащайтесь». Они не укажут, ибо нет таких статей в природе. Был случай, единственный случай, когда в «Комсомольской Правде» тов. Стецкий написал статью, где он лозунг «обогащайтесь» старается оправдать в мягкой, в еле заметной форме. И что же? На другой же день после этого Секретариат ЦК призывает к порядку редакцию этой газеты в специальном письме за подписью Молотова, Андреева и Сталина. Это было 2 июня 1925 года. А спустя несколько дней Оргбюро ЦК постановляет, при полном согласии тов. Бухарина, предрешисть снятие редактора этой газеты. Вот выдержки из этого письма:

«Гор. Москва, 2 июня 1925 г. Всем членам редакции «Комсомольской Правды» и завед. Отделом Печати ЦК РКП(б) тов. Варейкису. Считаем, что некоторые места в статьях тов. Стецкого «Новый этап новой экономической политики» вызывают сомнения. В этих статьях, правда, в мягкой форме, проводится лозунг «обогащайтесь». Лозунг этот не наш, он неправилен, он вызывает целый ряд сомнений и недоразумений, и ему не должно быть места в руководящей статье в «Комсомольской Правде». Наш лозунг — социалистическое накопление. Мы снимаем административные преграды, стоящие на пути поднятия благосостояния деревни. Эта операция, безусловно, облегчает всякое накопление — и частно-капиталистическое, и социалистическое. Но никогда еще партия не говорила, что она своим лозунгом ставит частное накопление»...

Известны ли все эти факты оппозиции? Конечно, известны. Почему же, в таком случае, не прекращают они травлю против тов. Бухарина? Доколе будут они кричать об ошибке тов. Бухарина?

Я знаю ошибки некоторых товарищей, например, в октябре 1917 года, в сравнении с которыми ошибка тов. Бухарина не стоит даже внимания. Эти товарищи не только ошибались тогда, но имели «смелость» дважды нарушить важнейшее постановление ЦК, принятое под руководством и в присутствии Ленина. И все же партия забыла об этих ошибках, как только эти

товарищи признали свои ошибки. Но тов. Бухарин допустил в сравнении с этими товарищами незначительную ошибку. И он не нарушил ни одного постановления ЦК. Чем объяснить, что, несмотря на это, все еще продолжается разнузданная травля тов. Бухарина? Чего, собственно, хотят от Бухарина? Они требуют крови тов. Бухарина. Именно этого требует тов. Зиновьев, заостряя вопрос в заключительном слове на Бухарине. Крови Бухарина требует? Не дадим вам его крови, так и знайте. (*Аплодисменты. Крики: «Правильно!».*)

Так обстоит дело с вопросом об ошибке тов. Бухарина.

Дальше вопрос о статье тов. Зиновьева «Философия эпохи» и о докладе тов. Каменева на собрании московского пленума осенью этого года, в конце лета, — вопрос, который тоже обострил наши внутривнутрипартийные отношения. Я об этом уже говорил в своей речи и повторяться не буду. Речь шла тогда о «Философии эпохи», об ошибках этой статьи, о том, как мы эти ошибки исправляли, об ошибках тов. Каменева в связи с хлебо-фуражным балансом ЦСУ, о том, как тов. Каменев принял на веру цифры ЦСУ насчет 61 % товарных излишков в верхних группах крестьянства и потом как он под давлением наших товарищей должен был исправить свою ошибку в своем особом заявлении в СТО, напечатанном в газетах, о том, что больше половины излишков находится в руках середняков. Все это, несомненно, обостряло наши отношения

В дальнейшем вопросы, связанные с октябрьским пленумом — новые осложнения, где оппозиция требовала открытой дискуссии, где всплыл вопрос о так называемом «термидоре» тов. Залуцкого, и в конце всего этого — ленинградская конференция, которая с первого же дня открыла огонь против ЦК. Я имею в виду выступления таких товарищей, как Сафаров, Саркис, Шелавин и др. Я имею в виду выступление тов. Зиновьева, одну из последних его речей при закрытии конференции, где он призвал конференцию к войне против москвичей, предложив избрать делегацию из людей, готовых к борьбе против ЦК. Так было дело. Именно поэтому не попали в ленинградскую делегацию такие испытанные рабочие-большевики, как т.т. Комаров и Лобов (они не приняли платформу борьбы против ЦК). Их заменили в делегации т.т. Гордон и Тарханов. Поставьте на одну чашку весов Гордона и Тарханова, на другую — Комарова и Лобова, и любой беспристрастный человек скажет, что первые не выдержат сравнения со вторыми. (*Аплодисменты.*) А в чем состоит вина т.т. Лобова и Комарова? Вся вина Комарова и Лобова состоит в том, что они не захотели пойти против ЦК. В этом вся их вина. Ведь всего месяц назад предлагали ленинградцы тов. Комарова первым секретарем своей организации. Так ведь было дело. Так или нет? (*Голоса из ленинградской делегации: «Так, так».*) Что же такое могло случиться с Комаровым за месяц? (*Бухарин: «Он переродился за месяц».*) Что же могло случиться за месяц, что члена ЦК Комарова, которого вы сами предлагали первым секретарем вашей организации, вышибли из секретариата ЛК и не сочли возможным избрать его одним из делегатов на съезд? (*Голос со стороны ленинградцев: «Он оскорбил конференцию».* *Голос: «Это ложь, тов. Намумов».* *Шум.*)

10. Платформа оппозиции

А теперь перейдем к платформе товарищей Зиновьева и Каменева, Сокольников и Лашевича. Пора и о платформе оппозиции поговорить. Она у них довольно оригинальная. Много разнообразных речей у нас было сказано со стороны оппозиции. Каменев говорил одно, тянул в одну сторону, Зиновьев говорил другое, тянул в другую сторону, Лашевич — третье, Сокольников — четвертое. Но, несмотря на разнообразие, все они сходились на одном. На чем же, в чем же их платформа? Их платформа — реформа Секретариата ЦК. Единственное общее, что вполне объединяет их, — вопрос о Секретариате. Это странно и смешно, ко это факт.

Этот вопрос имеет свою историю. В 1923 году, после XII съезда, люди, собравшиеся в «пещере» (*смех*), выработали платформу об уничтожении Политбюро и политизировании Секретариата, т.-е. о превращении Секретариата в политический и организационный руководящий орган в составе Зиновьева, Троцкого и Сталина. Каков смысл этой платформы? Что это значит? Это значит руководить партией без Рыкова, без Калинина, без Томского, без Молотова, без Бухарина. Из этой платформы ничего не вышло не только потому, что она была в то время беспринципной, но и потому, что без указанных мной товарищей руководить партией невозможно. На вопрос, заданный мне в письменной форме из недр Кисловодска, я ответил отрицательно, заявив, что, если товарищи настаивают, я готов очистить место без шума, без дискуссии, открытой или скрытой, и без требования гарантий прав меньшинства. (*Смех.*)

Это была, так сказать, первая стадия.

А теперь у нас наступила, оказывается, вторая стадия, противоположная первой. Теперь требуют уже не политизирования, а техницирования Секретариата, не уничтожения Политбюро, а его полновластия.

Что же, если превращение Секретариата в простой технический аппарат представляет действительное удобство для тов. Каменева, может быть, следовало бы и согласиться с этим. Боюсь только, что партия с этим не согласится. (*Голос: «Правильно!»*.) Будет ли, сможет ли технический Секретариат подготавливать те вопросы, которые он должен подготавливать и для Оргбюро и для Политбюро, я в этом сомневаюсь.

Но когда говорят о полновластном Политбюро, то такая платформа стоит того, чтобы отдать ее курам на смех. Разве Политбюро не полновластно? Разве Секретариат и Оргбюро не подчинены Политбюро? А пленум ЦК? Почему о пленуме ЦК не говорит наша оппозиция? Не думает ли она сделать Политбюро полновластнее пленума?

Нет, положительно не везет оппозиции с ее платформой или платформами о Секретариате.

11. Их «миролюбие»

Что же дальше, спросите вы, что предпринять для того, чтобы выйти из создавшегося положения? Этот вопрос занимал нас все время как во время съезда, так и перед съездом. Нам нужно единство партийных рядов, — вот в чем теперь вопрос. Оппозиция любит говорить о трудностях. Но есть одна

трудность, которая опаснее всех трудностей и которую создала нам оппозиция, это — опасность разброда и дезорганизации партии. (*Аплодисменты.*) Надо, прежде всего, преодолеть эту трудность. Мы это имели в виду, когда за два дня до съезда обратились к оппозиции с компромиссными условиями соглашения, рассчитанными на возможное примирение. Вот текст этого обращения:

«Нижеподписавшиеся члены ЦК полагают, что подготовка к партийному съезду велась рядом руководящих товарищей ленинградской организации вразрез с линией ЦК партии и против сторонников этой линии в Ленинграде. Нижеподписавшиеся члены ЦК считают совершенно правильной резолюцию московской конференции как по существу, так и по форме и полагают, что ЦК обязан давать отпор всем и всяческим тенденциям, идущим против партийной линии и дезорганизующим партию.

Однако, в целях единства партии, мира внутри партии, предупреждения возможной опасности отчуждения ленинградской организации, одной из лучших организаций РКП, от ЦК партии — нижеподписавшиеся считают возможным — при закреплении съездом четкой и ясной политической линии ЦК — пойти на ряд уступок. Ввиду этого мы вносим следующие предложения:

1. При составлении резолюции по отчету ЦК принять за основу резолюцию московской конференции, смягчив отдельные формулировки.
2. Печатание письма ленинградской конференции и ответа МК на письмо, как в газетах, так и в бюллетенях, признать в интересах единства нецелесообразным.
3. Членам Политбюро... не выступать друг против друга на съезде.
4. В речах на съезде отмежеваться от Саркиса (регулирование состава партии) и Сафарова (госкапитализм).
5. Ошибку насчет Комарова, Лобова и Москвина исправить организационно.
6. Решение ЦК о включении в Секретариат ЦК ленинградца провести немедленно после съезда.
7. В видах усиления связи с ЦО в редакционную коллегию ЦО включить одного работника из Ленинграда.
8. Ввиду слабости редактора «Ленинградской Правды» (тов. Гладнев) признать необходимой замену его более сильным товарищем по соглашению с ЦК.

*Калинин, Сталин, Бухарин, Рыков, Рудзутак,
Томский, Молотов, Дзержинский.*

15/XII 1925 г.»

Вот какой компромисс предлагали мы, товарищи. Но оппозиция не пошла на соглашение. Она предпочла миру открытую и жестокую борьбу на съезде. Таково миролюбие оппозиции.

12. Партия добьется единства

В основном мы и теперь остаемся на точке зрения этого документа. В нашем проекте резолюции мы, как знаете, уже смягчили некоторые формулировки в интересах мира в партии.

Мы против отсечения. Мы против политики отсечения. Это не значит, что вождям позволено будет безнаказанно ломаться и садиться на голову. Нет уж, извините. Поклонов в отношении вождей не будет. (*Возгласы: «Правильно!». Аплодисменты.*) Мы за единство, мы против отсечения. Политика отсечения противна нам. Партия хочет единства, и она добьется его *вместе* с т. т. Каменевым и Зиновьевым, если они этого захотят, *без них* — если они этого не захотят. (*Возгласы: «Правильно!». Аплодисменты.*)

А чего требует единство? Того, чтобы меньшинство подчинялось большинству. Без этого не бывает и не может быть никакого единства, никакой партии.

Мы против специального дискуссионного листа. В «Большевике» имеется дискуссионный отдел. Этого будет вполне достаточно. Нельзя увлекаться дискуссией. Мы — партия, правящая страной, — не забывайте этого. Не забывайте, что каждая размолвка вверху отдается в стране, как минус для нас. Я уже не говорю о загранице.

Органы ЦК, должно быть, останутся в том же виде, в каком они существуют. Едва ли партия согласится их ломать. (*Возгласы: «Правильно!». Аплодисменты.*) Политбюро и так полновластно, оно выше всех органов ЦК, кроме пленума. А высший орган — пленум, о котором иногда забывают. Пленум решает у нас все, и он призывает к порядку своих лидеров, когда они начинают терять равновесие. (*Возгласы: «Правильно!». Смех. Аплодисменты.*)

Единство у нас должно быть, и оно будет, если партия, если съезд проявит характер и не поддастся запугиванию. (*Голоса: «Не поддадимся, тут народ стреляный».*) Если кто-либо из нас будет зарываться, нас будут призывать к порядку, — это необходимо, это нужно. Руководить партией вне коллегии нельзя. Глупо мечтать об этом после Ильича (*аплодисменты*), глупо об этом говорить.

Коллегиальная работа, коллегиальное руководство, единство в партии, единство в органах ЦК при условии подчинения меньшинства большинству, — вот что нам нужно теперь.

Что касается ленинградских рабочих-коммунистов, то я не сомневаюсь, что они всегда будут в первых рядах нашей партии. Вместе с ними строили мы партию, вместе с ними ее выносили, вместе с ними подняли знамя восстания в октябре 1917 года, вместе с ними победили буржуазию, вместе с ними боролись и будем бороться с трудностями на путях нашего строительства. Я не сомневаюсь, что ленинградские рабочие-коммунисты не отстанут от своих друзей в других промышленных центрах в борьбе за железное, ленинское единство партии. (*Бурные аплодисменты. «Интернационал»*)

«Вопросы ленинизма», стр. 400—429, изд. 3-е.

РЕЗОЛЮЦИЯ XIV СЪЕЗДА ВКП(б) ПО ОТЧЕТУ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА

XIV съезд ВКП(б) всецело одобряет политическую и организационную линию ЦК, которая обеспечила партии, рабочему классу и всей стране общий подъем народного хозяйства и укрепила позиции социализма как вовне, так и внутри страны.

Благодаря этой политике в области *международной* Советский Союз получил ряд новых признаний со стороны капиталистических государств, заключил с ними ряд новых торговых договоров и концессий, увеличил свой внешний товарооборот и укрепил свое международное положение.

Благодаря той же политике в области *внутренней* Советский Союз оказался в состоянии обеспечить твердый государственный бюджет, быстро двинуть вперед при общем подъеме зарплаты и производительности труда развертывание промышленности и дальнейшее развитие сельского хозяйства, доведя их продукцию почти до довоенного уровня и обеспечивая растущую роль социалистических элементов во всем народном хозяйстве.

Благодаря той же политике советская власть упрочила союз рабочего класса с крестьянством и обеспечила пролетарское руководство в нем, подняла фактическую роль и значение кооперации, сплотила на базе социалистического строительства большие слои технической и иной интеллигенции под руководством пролетариата, укрепила сотрудничество народов Советского Союза и, при успешном проведении районирования, начала подводить материально-хозяйственный базис под области, автономные и союзные республики.

Констатируя эти успехи, съезд вместе с тем отмечает ошибки в области хлебозаготовок и внешней торговли, что вызвало угрозу нашей твердой валюте, этому необходимому условию нашего хозяйственного развития, и привело к пассивности торгового баланса. Одобрив решения ЦК партии, принятые в начале ноября этого года, исправляющие эти ошибки, съезд поручает ЦК усилить руководство работой хозяйственных наркоматов и зорко следить за тем, чтобы такие ошибки впредь не имели места.

В новый отчетный год партия начинает свою работу в новых условиях как внешнего, так и внутреннего порядка.

В области *международных отношений* налицо закрепление и расширение «передышки», превратившейся в целый период так называемого мирного сожительства СССР с капиталистическими государствами, несмотря на то, что противоречия между этими двумя лагерями не ослабевают, а возрастают. Это обеспечивает как возможность внутреннего строительства, так и — благодаря в первую очередь экономическим сношениям с границей — известные выгоды для ускорения этого строительства в СССР. С другой стороны, растущие связи нашего хозяйства с мировым капитализмом повышают нашу зависимость от этого последнего, что влечет за собой целый ряд новых опасностей и чего не может не учитывать партия в своей работе по социалистическому строительству и обеспечению за нашей страной необходимой экономической самостоятельности.

Внутри капиталистических стран необходимо отметить частичную стабилизацию капитализма и относительное укрепление политической власти буржуазии в Европе; небывало возросшую роль САСШ, граничащую с их мировой финансовой гегемонией; постепенное падение роли Британской империи, как мировой державы; противоречия между побежденными и победителями в империалистской войне, противоречия в лагере самих победителей, противоречия между Соединенными штатами Америки и Европой; подрыв всей системы империализма со стороны пробуждающихся колониальных и полуколониальных народов (Китай, Индия, Сирия, Марокко), движение которых, приняв местами форму освободительных национальных войн, достигло огромных, ранее

невиданных размеров; наконец, рост — в новых формах — рабочего движения в Европе и его тесной связи с пролетариатом СССР (борьба за единство профдвижения, рабочие делегации в СССР и т. п.).

Относительная стабилизация и так называемое «замирение» Европы под гегемонией англо-американского капитала привели к целой системе экономических и политических блоков, последним из которых является конференция в Локарно и так называемые «гарантийные договоры», острием своим направленные против СССР. Эти блоки и договоры, прикрываемые якобы пацифистской Лигой наций и фальшивой шумихой II Интернационала о разоружении, означают по сути дела не что иное, как расстановку сил для новой войны. Против этих блоков капиталистических государств под гегемонией Англо-Америки, сопровождаемых бешеным ростом вооружений и чреватых поэтому опасностью новых войн, в том числе опасностью интервенции, вырастает сближение пролетариата передовых стран с пролетариатом СССР под лозунгом, прежде всего, борьбы за мир, борьбы против новых империалистических войн и вооруженных нападений на СССР.

Учитывая эти обстоятельства, съезд поручает ЦК руководствоваться в своей политике следующими основными положениями:

а) укреплять всемерно союз пролетариата СССР, как базы мировой революции, с западно-европейским пролетариатом и угнетенными народами, держа курс на развитие и победу международной пролетарской революции;

б) вести политику мира, которая должна стоять в центре всей внешней политики правительства и определять все его основные выступления;

в) вести экономическое строительство под таким углом зрения, чтобы СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, превратился в страну, производящую машины и оборудование, чтобы таким образом СССР в обстановке капиталистического окружения отнюдь не мог превратиться в экономический придаток капиталистического мирового хозяйства, а представлял собой самостоятельную экономическую единицу, строящуюся по-социалистически и способную, благодаря своему экономическому росту, служить могучим средством революционизирования рабочих всех стран и угнетенных народов колоний и полуколоний;

г) готовить по возможности экономические резервы, могущие обеспечить страну от всех и всяких случайностей как на внутреннем, так и на внешнем рынке;

д) принимать все меры по укреплению обороноспособности страны и усилению мощи Красной армии и Красного флота, морского и воздушного.

В области *экономического строительства* съезд исходит из того, что наша страна, страна диктатуры пролетариата, имеет «все необходимое для построения полного социалистического общества» (*Ленин*). Съезд считает, что борьба за победу социалистического строительства в СССР является основной задачей нашей партии. Отчетный год вполне доказал правильность этих положений. До захвата власти в других странах со стороны пролетариата, но при несомненной его поддержке, без так называемой «помощи» со стороны иностранного капитала и в непрерывной борьбе с частным капиталом в нашей стране, рабочий класс в союзе с основной массой крестьянства

уже достиг первых серьезных успехов в социалистическом строительстве.

Истекший год был отмечен бурным ростом народного хозяйства в целом с приближением его к довоенному уровню и ростом его отдельных отраслей: промышленности, сельского хозяйства, транспорта, внешней торговли, внутренней торговли, кредитной системы и банков, государственных финансов и пр. Внутри народного хозяйства, со всем разнообразием его составных частей (натурально-крестьянское хозяйство, мелкое товарное производство, частнохозяйственный капитализм, государственный капитализм и социализм), резко повышается удельный вес *социалистической* промышленности, государственной и кооперативной торговли, национализированного кредита и других командных высот пролетарского государства.

Таким образом, *налицо экономическое наступление* пролетариата на базис новой экономической политики и продвижение экономики СССР в сторону социализма. Государственная социалистическая промышленность все более становится авангардом народного хозяйства, ведущим за собой народное хозяйство в целом.

Съезд отмечает, что эти успехи не могли быть достигнуты без активного участия широких рабочих масс в общей работе по строительству социалистической промышленности (кампании по поднятию производительности труда, производственные совещания и т. д.).

Одновременно развиваются, однако, и особые *противоречия* этого роста и специфические *опасности и трудности*, этим ростом определяемые. Сюда относятся: абсолютный рост частного капитала при относительном падении его роли, в особенности частного торгового капитала, перекидывающего свои операции на обслуживание деревни; рост кулацких хозяйств в деревне вместе с ростом дифференциации этой последней; рост новой буржуазии в городах, стремящейся хозяйственно сомкнуться с торгово-капиталистическими и кулацкими хозяйствами в их борьбе за подчинение основной массы середняцких хозяйств.

Исходя из этого, съезд поручает ЦК руководствоваться в области экономической политики следующими директивами:

а) во главу угла поставить задачу всемерного обеспечения победы социалистических хозяйственных форм над частным капиталом, укрепление монополии внешней торговли, рост социалистической госпромышленности и вовлечение под ее руководством и при помощи кооперации все большей массы крестьянских хозяйств в русло социалистического строительства;

б) обеспечить за СССР экономическую самостоятельность, оберегающую СССР от превращения его в придаток капиталистического мирового хозяйства, для чего держать курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства и образование резервов для экономического маневрирования;

в) основываясь на решениях XIV партконференции, всемерно способствовать росту производства и товарооборота в стране;

г) использовать все ресурсы, соблюдать строжайшую экономию в расходовании государственных средств, увеличивать скорость оборота госпромышленности, торговли и кооперации для повышения темпа социалистического накопления;

д) развертывать нашу социалистическую промышленность на основе повышенного технического уровня, однако, в строгом соответствии как с емкостью рынка, так и с финансовыми возможностями государства;

е) всемерно содействовать развитию советской местной промышленности (район, округ, губерния, область, республика), всячески стимулируя местную инициативу в деле организации этой промышленности, рассчитанной на удовлетворение разнообразнейших потребностей населения вообще, крестьянства в особенности;

ж) поддерживать и толкать вперед развитие сельского хозяйства по линии повышения земледельческой культуры, развития технических культур, повышения техники земледелия (тракторизация), индустриализации сельского хозяйства, упорядочения дела землеустройства и всемерной поддержки разнообразных форм коллективизации сельского хозяйства.

Съезд считает, что одним из необходимых условий для решения этих задач является борьба с неверием в дело строительства социализма в нашей стране и с попытками рассматривать наши предприятия, являющиеся предприятиями «последовательно-социалистического типа» (*Ленин*), как предприятия государственно-капиталистические. Такие идейные течения, делая невозможным сознательное отношение масс к строительству социализма вообще и социалистической промышленности в частности, способны лишь затормозить рост социалистических элементов хозяйства и облегчить борьбу с ними со стороны частного капитала. Съезд считает поэтому необходимой широкую воспитательную работу для преодоления этих извращений ленинизма

В области соотношений между классами съезд отмечает следующие главные явления, определяемые в своей основе хозяйственным развитием СССР: рост индустриального пролетариата, усиление кулаков в деревне, рост новой буржуазии в городе, подъем активности всех классов и групп в нашей стране. Одной из основных форм классовой борьбы в настоящее время является борьба между капиталистическими и социалистическими элементами хозяйства, борьба между буржуазией и пролетариатом за овладение основной массой крестьянства. Эта борьба находит и свое политическое выражение, главным образом, в попытках кулацких элементов деревни овладеть середняцкими слоями и подчинить, таким образом, советы своему влиянию.

Если беднота и, прежде всего, батраки являются *опорой* пролетариата в деревне, то середняк является и должен являться его *прочным союзником*. Нельзя ни на одну минуту забывать, что в результате уничтожения помещичьего землевладения и перехода помещичьих земель в руки крестьянства, в результате политики комбедов и раскулачивания в деревне, наконец, ввиду изъятия земли из товарооборота (национализация земли) середняцкие слои крестьянства чрезвычайно усилились и что эти слои составляют теперь, несмотря на процесс дифференциации, основную массу крестьянства. Не имея этой массы в качестве прочного союзника или ограничиваясь одной лишь нейтрализацией этих слоев, теперь, после упрочения пролетарской диктатуры, нельзя строить социализм. Ибо основной путь строительства социализма в деревне заключается в том, чтобы при возрастающем экономическом руководстве со стороны социалистической госпромышленности, го-

сударственных кредитных учреждений и других командных выюот, находящихся в руках пролетариата, вовлечь в кооперативную организацию основную массу крестьянства и обеспечить этой организации социалистическое развитие, используя, преодолевая и вытесняя капиталистические ее элементы. Поэтому всякая недооценка середняка, непонимание его исключительно важной роли, попытка повернуть партию от лозунга прочного союза с ним к устаревшему лозунгу его нейтрализации, «боязнь середняка» объективно приводит к подрыву пролетарской диктатуры, ибо тем самым разрывается рабоче-крестьянский блок.

Борьба против кулачества должна итти как путем организации бедноты против кулака, так и путем укрепления союза пролетариата и бедноты с середняком на предмет отрыва середняка от кулачества в целях изоляции кулака.

Непонимание всей важности борьбы по обеим этим линиям связано с двумя уклонами от правильной партийной линии, намеченной XIV партконференцией и октябрьским пленумом ЦК.

Съезд решительно осуждает уклон, состоящий в недооценке дифференциации в деревне, не видящий опасностей, связанных с ростом кулачества и различных форм капиталистической эксплуатации, не желающий понять всей необходимости отпора кулачеству и ограничения его эксплуататорских стремлений, не видящий обязанности для партии пролетариата организовывать и спланировать бедноту и батрачество против кулака и в борьбе с ним.

Но в то же время съезд с такой же решительностью осуждает попытки затушевывать основной вопрос коммунистической политики в деревне, вопрос о борьбе за середняка, как центральную фигуру земледелия, и о кооперации, как основной организационной форме движения деревни к социализму.

Съезд особенно подчеркивает необходимость борьбы с этим последним уклоном. При относительно большей подготовленности партии к непосредственной борьбе с кулаком и к преодолению первого уклона гораздо более трудную задачу представляет преодоление второго уклона, ибо его преодоление требует более сложных приемов борьбы по сочетанию методов политической изоляции кулачества с методами вовлечения основной массы крестьянства в русло социалистического строительства. Тем более, что в настоящих условиях этот второй уклон грозит возвратом к политике раскулачивания, срывом нынешней линии партии в деревне, линии, уже обеспечившей серьезные политические успехи, срывом смычки между пролетариатом и крестьянством и, стало быть, срывом всей нашей строительной работы.

Съезд целиком и полностью одобряет решения XIV партконференции по крестьянскому вопросу (в том числе о расширении арендных прав и права найма рабочей силы, о помощи кустарной промышленности, о переходе от системы административного нажима к экономическому соревнованию и экономической борьбе, об оживлении советов и т. д.), направленные на дальнейшее улучшение политики партии по линии укрепления смычки рабочего класса с крестьянством. Съезд констатирует, что только этот поворот партийной политики, вытекающий из изменившихся отношений между классами, коренным образом улучшил положение в деревне, поднял авторитет пролетариата и его

партии среди крестьянства и создал прочную базу для широкой организаторской работы по вовлечению крестьянства в социалистическое строительство.

Одновременно съезд целиком и полностью одобряет решения октябрьского пленума ЦК о работе среди деревенской бедноты. Лишь в той мере, в какой подъем производительных сил деревни будет сопровождаться—в теперешних условиях возросшей активности всех классовых группировок — организацией маломощных крестьян и батрачества, будет обеспечено надлежащее соотношение классовых сил и руководство индустриального пролетариата. Одобряя решения ЦК о материальной помощи бедноте и об организации групп бедноты, съезд подчеркивает, что здесь не может быть и речи ни о возврате к комбедам, ни о возврате к системе нажима периода военного коммунизма, практике «раскулачивания» и т. п. Речь идет об организации деревенской бедноты, которая с помощью партии и государственной власти в борьбе на хозяйственном и политическом фронте (колхозы, артели, товарищества, кооперация, кресткомы, советы) должна изжить остатки иждивенческой психологии, стать на путь организованного классового отпора кулаку и превратиться в надежную опору пролетарской политики в ее борьбе за сплочение середняков вокруг пролетариата.

Съезд констатирует, что сельскохозяйственная кооперация и по своей хозяйственной работе, и с точки зрения вовлечения масс, и с точки зрения правильного социалистического руководства все еще далека от выполнения своей великой роли. Съезд вменяет в обязанность всем членам партии самым внимательным образом следить за развитием сельскохозяйственной кооперации и принимать все меры, обеспечивающие ее правильный рост.

Возросшая *активность масс*, наряду с возросшей активностью всех классовых групп и прослоек, сама стала — на основе хозяйственного подъема — фактором первостепенной политической важности. Пролетариат и его партия, как основная руководящая общественная сила, должны использовать этот рост в целях еще большего вовлечения масс в процесс социалистического строительства на всех фронтах этого строительства и для борьбы с бюрократизмом госаппарата. В *городах* рост активности масс нашел свое выражение в оживлении городских советов, профсоюзов, рабочей кооперации и т. д. В *деревне* возросшая активность середняцких и бедняцких масс нашла свое выражение в оживлении советов и кооперации. Съезд еще раз подчеркивает, что нельзя в настоящих условиях укреплять диктатуру пролетариата методами военного коммунизма и административного нажима; что нельзя строить кооперацию вне ее добровольчества, отчетности выборных органов перед избирателями, доверия к этим органам со стороны пайщиков; что оживление советов, рост связи их с широкими кругами трудящегося населения является необходимой предпосылкой всей дальнейшей работы партии и советской власти.

Оживление деревенских советов и кооперации, развязывающее инициативу и активность в среде крестьянства, предполагает — с точки зрения сохранения и укрепления пролетарского руководства — оживление и сплочение, возрастание активности и усиление организаций пролетариата.

та. Только при таком условии может быть упрочена пролетарская диктатура и обеспечено проведение правильной, с точки зрения социализма, политической линии. Отсюда, прежде всего, лозунг оживления профсоюзов — этой массовой рабочей организации, которая стремится охватить поголовно весь пролетариат. Профсоюзная демократия должна быть тем методом, который облегчит участие масс в их общей работе, расширит возможность подбора новых выдвиженцев, обновит руководящий кадр профсоюзных организаций и поможет классовому сплочению и повышению классового самосознания пролетарских масс.

Для того, чтобы должным образом провести всю эту работу по оживлению массовых организаций пролетариата и крестьянства, необходимо, чтобы и руководящая сила этих организаций, т. е. ВКП, стала во всех своих составных частях на путь последовательной внутрипартийной демократии. Съезд одобряет ноябрьское обращение пленума ЦК о внутрипартийной демократии и предлагает партийным организациям иметь в виду следующие задачи в этой области:

- а) поднятие активности широких партийных масс в деле обсуждения и разрешения важнейших вопросов партийной политики;
- б) последовательное проведение выборности руководящих партийных органов с выдвижением новых сил на руководящую работу, расширение партактива и образование новых партийных кадров на помощь старым;
- в) повышение квалификации партийного актива, в частности повышение его теоретического уровня;
- г) распространение основ ленинского учения в самых широких кругах партии.

Укрепление *партии* и усиление ее руководящей роли во всех областях нашей строительной работы, необходимое в теперешней сложной обстановке более, чем когда бы то ни было, предполагает также и правильное регулирование состава партии. Съезд считает необходимым вести в данной области политику, направленную к поднятию качественного состава партийных организаций, ко все большему вовлечению рабочих в партию и к постоянному повышению удельного веса пролетарского партийного ядра. Вместе с тем, подтверждая необходимость строгого проведения установленных мер ограничения по отношению к приему в партию непролетарских элементов, съезд отвергает политику, ведущую к чрезмерному разбуханию партийных рядов и наполнению их полупролетарскими элементами, не прошедшими школы профсоюзов и пролетарских организаций вообще. Съезд осуждает такие попытки, как попытки, ничего общего с ленинизмом не имеющие, отрицающие правильное соотношение между партией (авангардом класса) и классом и делающие невозможным коммунистическое руководство.

Руководящая роль партии может быть полностью обеспечена лишь при абсолютном единстве воли, сплоченности партийных рядов, сохранении и укреплении большевистской пролетарской дисциплины в партии.

Съезд одобряет политику ЦК, которая была направлена на то, чтобы не допустить открытой дискуссии с некоторыми руководителями ленинградской организации и их отдельными единомышленниками из состава ЦК, стараться изжить разногласия в порядке внутреннем и обеспечить коллективное руководство партии.

Съезд поручает ЦК вести решительную борьбу со всякими попытками подрыва единства партии, откуда бы они ни исходила и кем бы они ни возглавлялись. Съезд выражает твердую уверенность в том, что ленинградская организация станет в первых рядах борцов за сплоченность и единство нашей ленинской партии, единство, которое должно быть сохранено и укреплено во что бы то ни стало.

Съезд приветствует укрепление связи между пролетариатом Советского Союза и пролетариатом всех стран. Съезд видит в этом рост влияния Советского Союза, как базы международного рабочего движения. Съезд предлагает ЦК и впредь всемерно укреплять узы международной солидарности, под знаком которых родилась, билась за свое господство и окрепла диктатура пролетариата.

«ВКП(б) в резолюциях», ч. II, стр. 47—53.

И. Сталин. О ХОЗЯЙСТВЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. Доклад активу ленинградской организации о работе пленума ЦК ВКП(б) 13 апреля 1926 г.

Товарищи! Позвольте приступить к докладу.

Порядок дня апрельского пленума ЦК нашей партии состоял из четырех пунктов.

Первый пункт — о хозяйственном положении нашей страны и о хозяйственной политике нашей партии.

Второй пункт — о реорганизации наших хлебозаготовительных аппаратов в направлении их упрощения и удешевления.

Третий пункт — план работы Политбюро нашего ЦК и пленума ЦК на 1926 год под углом зрения разработки основных узловых вопросов нашего хозяйственного строительства.

Четвертый пункт — о замене секретаря ЦК тов. Евдокимова другим кандидатом — тов. Шверником

Если не считать последнего вопроса о замене одного секретаря другим, то все остальные вопросы, представлявшие главную ось прений на пленуме ЦК, можно было бы свести к одному основному вопросу — к вопросу о хозяйственном положении нашей страны и о политике партии. Поэтому я буду в своем докладе касаться одного основного вопроса — о хозяйственном положении нашей страны.

1. Два периода нэпа

Основной факт, определяющий нашу политику, состоит в том, что в своем хозяйственном развитии наша страна вступила в новый период нэпа, в новый период новой экономической политики, в период прямой индустриализации.

Пять лет прошло с тех пор, как Владимир Ильич провозгласил новую экономическую политику. Основная задача, стоявшая тогда перед нами, перед партией, состояла в том, чтобы в условиях новой экономической политики, в условиях развернутого товарооборота построить социалистический фундамент нашего народного хозяйства. Эта стратегическая задача стоит перед нами и теперь, как наша основная задача. К этой основной задаче мы подходили тогда, в первый период нэпа, начиная с 1921 года, под углом зрения развития прежде всего сельского хозяйства. Тов. Ленин говорил: наша задача — построить социалистический фундамент народного хозяйства; для того, чтобы построить такой фундамент, необходимо иметь развитую индустрию, развитую промышленность, ибо промышленность есть основа, начало и конец социализма, социалистического строительства; но для того, чтобы развить индустрию, необходимо *начать* дело с сельского хозяйства.

Почему?

Потому, что для того, чтобы развернуть промышленность в условиях той экономической разрухи, которую мы тогда переживали, необходимо создать прежде всего некоторые рыночные, сырьевые и продовольственные предпосылки для индустрии, для промышленности. Нельзя развивать промышленность на пустом месте, нельзя развивать индустрию, ежели нет сырья в стране, ежели нет продовольствия для рабочих и ежели нет сколько-нибудь развитого сельского хозяйства, представляющего основной рынок для нашей индустрии. Стало быть, чтобы развивать индустрию, надо было иметь, по крайней мере, три предпосылки: во-первых, — внутренний рынок, а у нас он по преимуществу крестьянский; во-вторых, — надо было иметь более или менее развитое сырьевое производство в сельском хозяйстве (свекла, хлопок и т. д.); и в-третьих, — необходимо было, чтобы деревня могла отделить известный минимум сельско-хозяйственных продуктов для питания промышленности, для питания рабочих. Вот почему Ленин говорил, что построение социалистического фундамента нашего хозяйства, построение индустрии мы должны начать с сельского хозяйства.

Тогда многие не верили в это дело. Особенно возражала тогда по этому поводу так называемая «рабочая» оппозиция. Дескать, как это так: партия называется у нас рабочей партией, а дело развития хозяйства она начинается с сельского хозяйства. Как, дескать, это понять? Возражали тогда и другие оппозиционеры, полагавшие, что индустрию можно строить при всяких условиях, даже на пустом месте, не считаясь с реальными возможностями. Но история хозяйственного развития нашей страны за этот период наглядно показала, что партия была права, что для того, чтобы построить социалистический фундамент нашего хозяйства, для того, чтобы развернуть индустрию, надо было начать дело с сельского хозяйства.

Таков был первый период новой экономической политики.

Теперь мы вступили во второй период нэпа. Самое важное и самое характерное в состоянии нашего хозяйства состоит теперь в том, что центр тяжести переместился теперь в сторону индустрии. Ежели тогда, в первый период новой экономической политики, нам надо было начинать с сельского хозяйства, ибо развитие всего народного хозяйства упиралось в сельское

хозяйство, то теперь для того, чтобы продолжать строительство социального фундамента нашего хозяйства, для того, чтобы двинуть вперед хозяйство в целом, необходимо сосредоточить внимание именно на индустрии. Теперь само сельское хозяйство не может двигаться вперед, ежели вовремя не подашь сельско-хозяйственных машин, тракторов, изделий промышленности и т. д. Поэтому, ежели тогда, в первый период новой экономической политики, дело развития народного хозяйства в целом упиралось в сельское хозяйство, то теперь оно упирается и уже уперлось в прямое развертывание индустрии.

2. Курс на индустриализацию

Вот в чем суть и основной смысл того лозунга, того курса на индустриализацию страны, который был провозглашен XIV партсъездом и который проводится ныне в жизнь. Из этого основного лозунга исходил в своей работе в апреле этого года пленум Центрального Комитета. Стало быть, очередная и основная задача состоит теперь в том, чтобы ускорить темп развития нашей промышленности, двинуть вперед во-всю нашу индустрию, используя имеющиеся ресурсы, и ускорить тем самым развитие хозяйства в целом.

Эта задача принимает особенно острый характер именно теперь, в данный момент, между прочим потому, что у нас, в силу известного развития хозяйства, сложилось некоторое несоответствие между спросом на изделия промышленности в городе и деревне и между предложением этих изделий со стороны промышленности, что спрос на продукты промышленности растет быстрее, чем сама промышленность, что имеющийся у нас товарный голод со всеми вытекающими из него последствиями является выражением и результатом этого несоответствия. Едва ли нужно доказывать, что быстрое развитие нашей индустрии является наиболее верным средством для ликвидации этого несоответствия и изживания товарного голода.

Некоторые товарищи думают, что индустриализация представляет вообще развитие всякой промышленности. Есть даже такие чудаки, которые полагают, что еще Иван Грозный, который когда-то создавал некоторый зародыш промышленности, был индустриалистом. Если идти по этому пути, тогда Петра Великого надо назвать первым индустриалистом. Это, конечно, неверно. Не всякое развитие промышленности представляет собой индустриализацию. Центр индустриализации, основа ее состоит в развитии тяжелой промышленности (топливо, металл и т. п.), в развитии, в конце концов, производства средств производства, в развитии своего собственного машиностроения. Индустриализация имеет своей задачей не только то, чтобы вести наше народное хозяйство в целом к увеличению в нем доли промышленности, но она имеет еще ту задачу, чтобы в этом развитии обеспечить за нашей страной, окруженной капиталистами, хозяйственную самостоятельность, уберечь ее от превращения в придаток мирового капитализма. Не может страна диктатуры пролетариата, находящаяся в капиталистическом окружении, остаться хозяйственно самостоятельной, если она сама не производит у себя

дома орудий и средств производства, если она застревает на той ступени развития, где ей приходится держать народное хозяйство на привязи у капиталистически развитых стран, производящих и вывозящих орудия и средства производства. Застрять на этой ступени — значит отдать себя на подчинение мировому капиталу.

Возьмите Индию. Всем известно, что Индия есть колония. Возьмите концессии Англии в Китае, живущие на правах колоний. Есть ли в этих концессиях и в Индии промышленность? Безусловно, есть. Развивается ли она? Да, развивается. Но там развивается такая промышленность, которая не производит орудий и средств производства. Там орудия производства ввозятся из Англии. Поэтому (хотя, конечно, не только поэтому) там промышленность целиком подчинена английской индустрии. Это особый метод империализма — развивать в колониях промышленность таким образом, чтобы она находилась на привязи у метрополии, у империализма. Но из этого следует, что индустриализация нашей страны не может исчерпываться развитием всякой промышленности, развитием, скажем, легкой промышленности, хотя легкая промышленность и ее развитие нам абсолютно необходимы. Из этого следует, что индустриализация должна пониматься прежде всего как развитие у нас тяжелой промышленности и, особенно, как развитие нашего собственного машиностроения, этого основного нерва индустрии вообще. Без этого нечего и говорить об обеспечении экономической самостоятельности нашей страны.

3. Вопросы социалистического накопления

Но, товарищи, для того, чтобы индустриализацию двинуть вперед, необходимо обновить старое оборудование наших заводов и построить новые заводы. Тот период развития нашей промышленности, который мы переживаем сейчас, характеризуется тем, что мы уже загрузили старые заводы и фабрики, оставленные нам капиталистами царского периода, загрузили целиком, и теперь для того, чтобы двигаться дальше, надо технику улучшить, надо переоборудовать старые заводы, построить новые. Без этого невозможно теперь двигаться вперед. Но для того, чтобы обновить нашу промышленность на основе новой техники, для этого требуются, товарищи, большие и очень большие капиталы. А капиталов у нас мало, как это всем вам известно. В этом году нам удастся вложить в основное дело капитальных затрат на промышленность миллионов восемьсот с лишним. Этого, конечно, мало. Но это все-таки кое-что. Это первое наше серьезное вложение в нашу промышленность. Я говорю, что этого, мало, потому что наша промышленность могла бы с удобством поглотить вдвое больше этой суммы. Нам нужно двигать вперед нашу промышленность. Нам нужно расширять нашу индустрию возможно быстрым темпом, увеличивать количество рабочих вдвое, втрое. Нам нужно превратить нашу страну из страны аграрной в страну индустриальную, и чем скорее — тем лучше. Но для всего этого требуются большие капиталы.

Поэтому вопрос о накоплении для развития промышленности, вопрос о со-

циалистическом накоплении приобретает теперь для нас первостепенное значение.

Можем ли мы, в состоянии ли мы, будучи предоставлены себе самим, без займов извне, на основе внутренних сил нашей страны обеспечить для нашей индустрии такое накопление и такие резервы, которые необходимы для проведения курса на индустриализацию, для победы социалистического строительства в нашей стране?

Это вопрос серьезный, на который следует обратить особое внимание.

История знает различные способы индустриализации. Англия индустриализовалась благодаря тому, что она грабила десятки и сотни лет колонии, собирала там «добавочные» капиталы, вкладывала их в свою промышленность и ускоряла темп своей индустриализации. Это один способ индустриализации. Германия ускорила свою индустриализацию в результате победоносной войны с Францией в 70-х годах прошлого столетия, когда она, взяв пять миллиардов контрибуции у французов, влила их в свою промышленность. Это второй способ индустриализации. Оба эти способа для нас закрыты, ибо мы — страна советов, ибо колониальные грабежи и военные захваты в целях грабежа несовместимы с природой Советской власти. Россия, старая Россия, сдавала кабальные концессии и получала кабальные займы, стараясь таким образом выбраться постепенно на путь индустриализации. Это есть третий способ. Но это — путь кабалы или полукабалы, путь превращения России в полуколонию. Этот путь тоже закрыт для нас, ибо не для того мы вели трехлетнюю гражданскую войну, отражая всех и всяких интервенционистов, чтобы потом, после победы над интервенционистами, добровольно пойти в кабалу к империалистам. Остается четвертый путь индустриализации, путь собственных сбережений для дела промышленности, путь социалистического накопления, на который неоднократно указывал тоз. Ленин, как на единственный путь индустриализации нашей страны.

Итак, возможна ли индустриализация нашей страны на основе социалистического накопления?

Есть ли у нас источники такого накопления, достаточные для того, чтобы обеспечить индустриализацию?

Да, возможна. Да, есть у нас такие источники.

Я мог бы сослаться на такой факт, как экспроприация помещиков и капиталистов в нашей стране в результате Октябрьской революции, уничтожение частной собственности на землю, фабрики, заводы и т. д. и передача их в общенародную собственность. Едва ли нужно доказывать, что этот факт представляет довольно солидный источник накопления.

Я мог бы сослаться, далее, на такой факт, как аннулирование царских долгов, снявшее с плеч нашего народного хозяйства миллиарды долгов. Не следует забывать, что при оставлении этих долгов нам пришлось бы платить ежегодно несколько сот миллионов одних лишь процентов, в ущерб промышленности, в ущерб всему нашему народному хозяйству. Нечего и говорить, что это обстоятельство внесло большое облегчение в дело нашего накопления.

Я мог бы указать на нашу национализированную промышленность, которая

восстановилась, которая развивается и которая дает некоторые прибыли, необходимые для дальнейшего развития промышленности. Это тоже источник накопления

Я мог бы указать на нашу национализированную внешнюю торговлю, дающую некоторую прибыль и представляющую, стало быть, некий источник накопления

Можно было бы сослаться на нашу более или менее организованную внутреннюю торговлю, тоже дающую известную прибыль и представляющую таким образом некий источник накопления.

Можно было бы указать на такой рычаг накопления, как наша банковская система, дающая известную прибыль и питающая по мере сил нашу промышленность.

Наконец, мы имеем такое оружие, как государственная власть, которая распоряжается государственным бюджетом и которая собирает малую толику денег для дальнейшего развития народного хозяйства вообще, нашей индустрии в особенности.

Таковы, в основном, главные источники нашего внутреннего накопления.

Они интересны в том отношении, что дают нам возможность создавать те необходимые резервы, без которых невозможна индустриализация нашей страны.

Но возможность не есть еще реальность, товарищи. При неумелом ведении дела между возможностью накопления и действительным накоплением может получиться довольно значительное расстояние. Поэтому мы не можем успокаиваться на одних лишь возможностях. Мы должны возможность социалистического накопления превратить в действительное накопление, если мы в самом деле думаем создать необходимые резервы для нашей индустрии.

Отсюда вопрос: как нужно вести дело накопления, чтобы из этого получился толк для промышленности, на какие узлы хозяйственной жизни следует нам прежде всего нажимать, чтобы возможность накопления превратить в действительное социалистическое накопление?

Существует ряд каналов накопления, из которых следовало бы отметить, по крайней мере, главные.

Во-первых. Необходимо, чтобы излишки накопления в стране не расплылись, а собирались в наших кредитных учреждениях, кооперативных и государственных, а также в порядке внутренних займов, на предмет их использования для нужд прежде всего промышленности. Понятно, что вкладчики должны получать за это известный процент. Нельзя сказать, чтобы в этой области дело обстояло у нас сколько-нибудь удовлетворительно. Но задача улучшения нашей кредитной сети, задача поднятия авторитета кредитных учреждений в глазах населения, задача организации дела внутренних займов несомненно стоит перед нами как очередная задача, и мы ее должны разрешить во что бы то ни стало.

Во-вторых. Необходимо тщательно закрывать все те дорожки и щели, по которым протекает часть излишков накопления в стране в карманы частного капитала в ущерб социалистическому накоплению. Для этого необходимо вести такую политику цен, которая бы не создавала провала между ценами

оптовыми и ценами розничными. Нужно принять все меры к снижению розничных цен на продукты промышленности и цен на продукты сельского хозяйства для того, чтобы приостановить или, по крайней мере, довести до минимума утечку излишков накопления в карманы частного. Это один из важнейших вопросов нашей хозяйственной политики. Отсюда идет одна из серьезных опасностей как для дела нашего накопления, так и для червонца.

В-третьих. Необходимо, чтобы внутри самой промышленности, в каждой ее отрасли откладывались известные запасы на предмет амортизации предприятий, на предмет их расширения, на предмет их дальнейшего развития. Это дело необходимое, абсолютно нужное, его надо двинуть вперед во что бы то ни стало.

В-четвертых. Нужно, чтобы в руках государства скапливались известные резервы, необходимые для страховки страны от всякого рода случайностей (недород), для питания промышленности, для поддержания сельского хозяйства, для развития культуры и т. д. Жить и работать теперь без резервов нельзя. Даже крестьянин с его маленьким хозяйством не может теперь обходиться без известных запасов. Тем более не может обойтись без резервов государство великой страны.

Нам нужно прежде всего иметь резерв по внешней торговле. Нам нужно построить наш вывоз и ввоз таким образом, чтобы в руках государства оставался известный резерв, известный актив по внешней торговле. Это совершенно необходимо не только как страховка от неожиданностей на внешних рынках, но и как средство для поддержания нашего червонца, который устойчив пока что, но который может колебнуться, если мы не добьемся активного баланса по внешней торговле. Усиление нашего экспорта, приспособление нашего импорта к экспортным возможностям, — такова задача. Мы не можем сказать, как это говорили в старое время: «Сами не доедим, а вывозить будем». Мы не можем этого сказать, так как рабочие и крестьяне хотят кормиться по-человечески, и мы их целиком поддерживаем в этом. Но мы могли бы все же без ущерба для народного потребления принять все меры к тому, чтобы экспорт наш увеличился и чтобы в руках государства оставался известный валютный резерв. Если мы в 1923 году сумели перейти от совзнака к твердой валюте, то это, между прочим, потому, что мы имели тогда, в результате активного баланса нашей внешней торговли, известный валютный запас. Если мы хотим поддержать наш червонец, то мы должны и впредь поставить дело внешней торговли так, чтобы у нас оставался в руках валютный резерв, как база для нашего червонца.

Нам нужно, далее, иметь некоторые резервы по линии внутренней торговли. Я имею в виду, главным образом, создание хлебных резервов в руках государства для вмешательства в дела хлебного рынка на предмет борьбы с кулачеством и с прочими хлебными спекулянтами, непомерно вздувающими цены на сельско-хозяйственные продукты. Это необходимо хотя бы для того, чтобы предупредить опасность искусственного вздорожания жизни в промышленных центрах и срыва заработной платы рабочих.

Нам нужна, наконец, такая налоговая политика, которая, перекладывая налоговое бремя на плечи имущих слоев, создавала бы вместе с тем известный резерв в руках государства по линии государственного бюджета. Ход исполнения нашего 4-миллиардного государственного бюджета показывает, что мы можем получить превышение доходов над расходами миллионов на сто. Кое-кому из товарищей эта цифра кажется колоссальной. Но у этих товарищей зрение, видимо, слабое, иначе бы они заметили, что стомиллионный резерв для такой страны, как наша, является каплей в море. Некоторые думают, что нам вообще не нужно этого резерва. Ну, а как быть, если у нас случится в этом году недород или какое-либо другое бедствие? На чьи средства будем оборачиваться? Нам ведь даром помощи не дадут и не дадут. Стало быть, надо иметь свой собственный запасец. А если неожиданностей не случится в этом году, то мы отдадим этот резерв на дело народного хозяйства и, прежде всего, на дело промышленности. Не беспокойтесь,— эти резервы не пропадут.

Таковы, в общем, товарищи, те узловые пункты нашей хозяйственной жизни, на которые прежде всего следует нажимать для того, чтобы возможность внутреннего накопления в нашей стране для дела ее индустриализации превратилась в действительное социалистическое накопление.

4. Правильное использование накопления. Резкий экономии

Но дело не исчерпывается и не может исчерпываться одним лишь накоплением. Надо еще уметь расходовать накапливаемые резервы разумно, расчетливо, так, чтобы ни одна копейка народного добра не пропадала даром, чтобы использование накопления шло по основной линии удовлетворения важнейших запросов индустриализации нашей страны. Без этих условий мы рискуем нарваться на расхищение накопленных средств, на распыление их по каналам всякого рода мелких и крупных расходов, не имеющих ничего общего ни с развитием индустрии, ни с продвижением вперед народного хозяйства в целом. Уметь расходовать средства разумно, расчетливо,— это важнейшее искусство, которое не дается сразу. Нельзя сказать, чтобы мы, наши советские и кооперативные органы, отличались в этом отношении большим умением. Наоборот, все данные говорят о том, что дела у нас обстоят в этом отношении далеко не благополучно. Это тяжело признать, товарищи, но это факт, который не покроешь никакими резолюциями. Бывают случаи, когда наши управляющие органы попадают в положение того крестьянина, который накопил малую годичку денег и вместо того, чтобы починить на эти деньги плуг и обновить свое хозяйство, купил большущий граммофон и... прогорел. Я уже не говорю о фактах прямого расхищения накопленных резервов, о фактах прожорливости целого ряда органов нашего государственного аппарата, о фактах воровства и т. д.

Необходимо поэтому принять ряд таких мер, которые способны уберечь наше накопление от распыления, от расхищения, от растаскивания его по ненужным каналам, от отклонения его от основной линии строительства нашей индустрии.

Необходимо, во-первых, чтобы наши промышленные планы строились не путем бюрократических измышлений, а в тесной связи с состоянием нашего народного хозяйства, с учетом ресурсов, резервов нашей страны. Нельзя отставать в планировании промышленного строительства от развития промышленности. Но нельзя также забегать вперед, отрываясь от сельского хозяйства и отвлекаясь от темпа накопления в нашей стране. Запросы нашего внутреннего рынка и размеры наших ресурсов — вот база развертывания нашей промышленности. Наша индустрия базируется на внутреннем рынке. В этом отношении хозяйственное развитие нашей страны напоминает развитие Северо-Американских Соединенных Штатов, индустрия которых выросла на базе внутреннего рынка, в отличие от Англии, базирующей свою индустрию скорее на внешние рынки. В Англии имеется ряд отраслей промышленности, работающих процентов на 40—50 на внешние рынки. Америка, наоборот, все еще базируется на свой внутренний рынок, выводя на внешние рынки не более 10—12% своего производства. Индустрия нашей страны в еще большей степени, чем индустрия Америки, будет опираться на внутренний рынок, прежде всего на крестьянский рынок. В этом основа смычки индустрии с крестьянским хозяйством. То же самое надо сказать о темпе нашего накопления, о резервах, имеющихся в нашем распоряжении для развития нашей промышленности. У нас любят иногда строить фантастические промышленные планы, не считаясь с нашими ресурсами. Люди забывают иногда, что нельзя строить ни промышленных планов, ни тех или иных «широких» и «всеобъемлющих» предприятий без известного минимума средств, без известного минимума резервов. Забывают об этом и забегают вперед. А что значит забегать вперед в деле промышленного планирования? Это значит строить не по средствам. Это значит раскричать о широких планах, нанять новые тысячи и десятки тысяч рабочих, поднять шумиху, а потом, когда обнаружится недостаток в средствах, распустить рабочих, рассчитать их, терпя на этом колоссальные убытки, внося в дело строительства разочарование и создавая политический скандал. Нужно ли нам это? Нет, товарищи, этого нам не нужно. Нам не нужно ни отставать от хода развития индустрии, ни забегать вперед. Нам нужно идти в уровень с развитием, нам нужно двигать вперед индустрию, не отрывая ее, однако, от ее базы. Наша промышленность является руководящим началом во всей системе народного хозяйства, она тянет, она ведет вперед наше народное хозяйство, включая сюда и сельское хозяйство. Она реорганизует все наше народное хозяйство по своему образу и подобию, она ведет за собой сельское хозяйство, вовлекая крестьянство через кооперацию в русло социалистического строительства. Но наша промышленность может выполнить с честью эту руководящую и преобразующую роль лишь в том случае, если она не оторвется от сельского хозяйства, если она не отвлечется от темпа нашего накопления, от ресурсов и резервов, имеющихся в нашем распоряжении. Командный состав в армии, отрывающийся от своей армии и теряющий с нею связь, не есть командный состав. Равным образом индустрия, отрывающаяся от народного хо-

зяйства в целом и теряющая с ним связи, не может быть руководящим началом народного хозяйства.

Вот почему правильное и разумное промышленное планирование является одним из необходимых условий целесообразного использования накопления.

Необходимо, во-вторых, сократить и упростить, удешевить и оздоровить наш государственный и кооперативный аппарат, наши наркоматские и хозрасчетные учреждения снизу доверху. Раздутые штаты и беспримерная прожорливость наших управляющих органов стали притчей во языцех. Недаром Ленин твердил десятки и сотни раз, что рабочие и крестьяне не выдержат громоздкости и дороговизны нашего государственного аппарата, что нужно его сократить и удешевить во что бы то ни стало, всеми путями, всеми средствами. Надо, наконец, взяться за это дело по-настоящему, по-большевистски, и навести строжайший, зверский режим экономии. (*Аплодисменты.*) Надо, наконец, взяться за это дело, если мы не хотим допустить и впредь распыления нашего накопления во вред промышленности. Вот вам живой пример. Говорят, что экспорт нашего хлеба невыгоден, нерентабелен. А почему он невыгоден? Потому, что на заготовку хлеба заготовительный аппарат тратит больше, чем следует. Установлено всеми нашими планирующими органами, что на заготовку одного пуда хлеба достаточно 8 копеек. А на деле получилось, что вместо 8 коп. истратили 13 копеек на пуд, на 5 копеек больше. А как это могло случиться? Да случилось это так, что каждый более или менее самостоятельный работник по заготовке, коммунист или беспартийный, — это все равно, — раньше, чем приняться за заготовку хлеба, находит нужным раздуть штат своих работников, обзаводится армией стенографисток и машинисток, обзаводится обязательно автомобилем, нагромождает кучу непроизводительных расходов, и потом, после подсчета, оказывается, что экспорт у нас нерентабелен. Если считать, что мы заготавливаем сотни миллионов пудов хлеба, а на каждом пуде переплачиваем пять копеек, то получатся десятки миллионов впустую истраченных денег. Вот куда идут и будут еще идти накапливаемые нами средства, если мы не примем строжайших мер против прожорливости нашего государственного аппарата. Я привел тут один лишь единственный пример. Но кому не известно, что таких примеров у нас сотни и тысячи? Пленум Центрального Комитета решил упростить и удешевить наш заготовительный аппарат. Соответствующую резолюцию пленума вы, должно быть, уже читали, — она опубликована в печати. Эту резолюцию мы будем проводить со всей строгостью. Но этого, товарищи, мало. Это только один уголок неустройства и недочетов нашего государственного аппарата. Мы должны пойти дальше и принять меры к тому, чтобы был сокращен и удешевлен весь государственный аппарат в целом, наркоматский и хозрасчетный, весь кооперативный аппарат и вся товаропроводящая сеть снизу доверху.

Нам необходимо, в-третьих, повести решительную борьбу со всякого рода излишествами в наших управляющих органах и в нашем быту, с тем преступным обращением с народным добром и с государственными резервами, которое наблюдается у нас за последнее время. У нас царит теперь разгул, вакханалия всякого рода празднеств, торжественных собраний, юбилеев,

открытый памятников и т. д. Десятки и сотни тысяч ухлопываются на эти «дела». Юбиларов всякого рода и охотников до торжеств у нас такая уйма, готовность праздновать 6-месячный, годовой, двухлетний и т. д. юбилей такая сногшибательная, что нужны поистине десятки миллионов денег, чтобы удовлетворить спрос. Товарищи, надо положить конец этой недостойной коммунистов распушенности. Надо, наконец, понять, что, имея за спиной нужды нашей промышленности, имея перед лицом такие факты, как массу безработных и беспризорных, — мы не можем и не имеем права допускать этот разгул и эту вакханалию расточительности. Знаменательнее всего то, что у беспартийных замечается иногда более бережное отношение к средствам нашего государства, чем у партийных. Коммунист действует в таких случаях смелее и решительнее. Ему ничего не стоит раздать ряду служащих пособие, назвав его тантьемой, хотя тут тантьемой и не пахнет. Ему ничего не стоит перешагнуть через закон, обойдя его, нарушить его. Беспартийный тут осторожнее и сдержаннее. Объясняется это, пожалуй, тем, что коммунист иногда считает законы, государство и т. п. вещи делом семейным. (Смех.) Именно поэтому иному коммунисту не стоит иногда большого труда перешагнуть, наподобие свиньи (извиняюсь, товарищи, за выражение), в огород государства и хапануть там или показать свою щедрость за счет государства. (Смех.) Надо положить конец, товарищи, этому безобразию. Надо открыть решительную борьбу против разгула и расточительности наших управляющих органов и в нашем быту, если мы хотим действительно приберечь наше накопление для нужд нашей промышленности.

Нам необходимо, в-четвертых, вести систематическую борьбу с воровством, с так называемым «веселым» воровством в органах нашего государства, в кооперации, в профсоюзах и т. д. Есть воровство стыдливое, скрытое, и есть воровство смелое, «веселое», как говорят об этом в печати. Недавно я читал в «Комсомольской Правде» заметку тов. Окунева о «веселом» воровстве. Был, оказывается, этакий фертик, молодой человек с усиками, который весело воровал в одном из наших учреждений, воровал он систематически, не покладая рук, и воровал всегда удачно. Заслуживает тут внимания не столько сам вор, сколько тот факт, что окружающая публика, зная о воре, не только не боролась с ним, а, наоборот, не прочь была хлопать его по плечу и хвалить его за ловкость, ввиду чего вор стал в глазах публики своего рода героем. Вот что заслуживает внимания и вот что опаснее всего, товарищи. Когда ловят шпиона или изменника, негодование публики не знает границ, она требует расстрела. А когда вор орудует на глазах у всех, расхищая государственное добро, окружающая публика ограничивается добродушными смешками и похлопыванием по плечу. Между тем ясно, что вор, расхищающий народное добро и подкапывающийся под интересы народного хозяйства, есть тот же шпион и предатель, если не хуже. Голубчика этого, фертика с усиками, конечно, арестовали в конце концов. Но что значит арест одного «веселого» вора? Таких воров у нас сотни и тысячи. Всех не изведешь с помощью ГПУ. Тут нужна другая мера, более действительная и более серьезная. Эта мера состоит в том, чтобы создать вокруг таких

воришек атмосферу общего морального бойкота и ненависти окружающей публики. Эта мера состоит в том, чтобы поднять такую кампанию и создать такую моральную атмосферу среди рабочих и крестьян, которая исключала бы возможность воровства, которая делала бы невозможными жизнь и существование воров и расхитителей народного добра, веселых и невеселых. Борьба с воровством, как одно из средств охраны нашего накопления от расхищения, — такова задача.

Нам нужно, наконец, повести кампанию за уничтожение прогулов на заводах и фабриках, за поднятие производительности труда, за укрепление трудовой дисциплины на наших предприятиях. Десятки и сотни тысяч рабочих дней теряются для промышленности ввиду прогулов. Сотни тысяч и миллионы пропадают ввиду этого в ущерб нашей промышленности, в ущерб индустрии. Мы не можем двинуть вперед нашу индустрию, мы не можем поднять заработную плату, если не прекратятся прогулы, если производительность труда застрянет на одной точке. Надо разъяснять рабочим, особенно тем из них, которые недавно поступили на фабрики и заводы, надо разъяснять, что, допуская прогулы и не двигая вперед производительности труда, они действуют во вред общему делу, во вред всему рабочему классу, во вред нашей промышленности. Борьба с прогулами, борьба за поднятие производительности труда в интересах нашей промышленности, в интересах всего рабочего класса в целом, — такова задача.

Таковы пути и средства, необходимые для того, чтобы уберечь наше накопление и наши резервы от распыления, от расхищения, чтобы направить это накопление и эти резервы на нужды индустриализации нашей страны.

5. Надо создать кадр строителей индустрии

Я говорил о курсе на индустриализацию. Говорил о путях накопления резервов для развития индустриализации. Говорил, наконец о средствах рационального использования накопления для нужд индустрии. Но всего этого еще недостаточно, товарищи. Для того, чтобы провести директиву партии об индустриализации нашей страны, необходимо, кроме всего прочего, создать кадр новых людей, кадр новых строителей индустрии. Никакая задача, а особенно такая большая задача, как индустриализация нашей страны, не может быть проведена без живых людей, без новых людей, без кадра новых строителей. Раньше, в период гражданской войны, нам особенно нужны были командные люди по строительству армии и ведению войны, комполки и комбриги, начдивы и комкоры. Без этих новых командных людей, вышедших из низов и поднявшихся вверх благодаря своим способностям, мы не смогли бы построить армии, мы не смогли бы победить наших многочисленных врагов. Это они, новые командные люди, спасли тогда нашу армию и нашу страну, — конечно, при общей поддержке рабочих и крестьян. Но теперь у нас период строительства индустрии. Тепер мы перешли от фронтов гражданской войны к фронту индустрии. Сообразно с этим нам нужны теперь новые командные люди по индустрии, хорошие директора фабрик и заводов, хорошие тресто-

вики, дельные торговцы, дельные синдикатчики, разумные планировщики по строительству промышленности. Теперь нам нужно выковать новых комполков и комбригов, начдивов и комкоров по хозяйству, по промышленности. Без таких людей нам нельзя двигаться вперед ни на шаг.

Поэтому задача состоит в том, чтобы создать многочисленные кадры строителей индустрии из рядов рабочих и советской интеллигенции, той самой советской интеллигенции, которая связала свою судьбу с судьбой рабочего класса и которая строит вместе с нами социалистический фундамент нашего хозяйства.

Задача состоит в том, чтобы создать такой кадр и выдвинуть его на первый план, оказывая ему всемерную поддержку.

У нас повелось в последнее время хлестать хозяйственников, как разложившихся, при чем часто единичные явления отрицательного характера склонны распространить на весь кадр хозяйственников. Всяк, кому не лень, находит нередко нужным лягнуть хозяйственников, обвиняя их во всех смертных грехах. От этой скверной привычки надо отказаться, товарищи, раз навсегда. Нужно понять, что семья без уroda не бывает. Нужно понять, что задача индустриализации нашей страны и выдвижения новых кадров строителей промышленности требует не бичевания хозяйственников, а наоборот, — всемерной их поддержки в деле строительства нашей промышленности. Окружить хозяйственников атмосферой доверия и поддержки, помочь им в деле формирования новых кадров строителей промышленности, сделать пост строителя индустрии почетным постом социалистического строительства, — вот в каком направлении должны теперь работать наши партийные организации.

6. Надо поднять активность рабочего класса

Таковы ближайшие задачи, стоящие перед нами в связи с курсом на индустриализацию нашей страны.

Можно ли осуществить эти задачи без прямой помощи, без прямой поддержки рабочего класса? Нет, нельзя. Двинуть вперед нашу промышленность, поднять ее производительность, создать новые кадры строителей индустрии, вести правильно социалистическое накопление, использовать разумно накопление на нужды промышленности, установить строжайший режим экономии, подтянуть государственный аппарат, сделать его дешевым и честным, очищать его от скверны и грязи, которые пристали к нему в период нашего строительства, вести систематическую борьбу с расхитителями и расточителями государственного добра, — все это такие задачи, которые неспособна осилить никакая партия без прямой и систематической поддержки миллионных масс рабочего класса. Поэтому задача состоит в том, чтобы втянуть миллионные массы беспартийных рабочих во всю нашу строительную работу. Нужно, чтобы каждый рабочий, каждый честный крестьянин помогал партии и правительству проводить в жизнь режим экономии, бороться с расхищением и распылением государственных резервов, изгонять вон воров и мошенников, какой бы формой они ни прикрывались, оздоравливать и уде-

шевлиять наш государственный аппарат. В этом отношении производственные совещания могли бы оказать неоценимую услугу. Одно время производственные совещания были у нас в большом ходу. Теперь что-то не слышно о них. Это большая ошибка, товарищи. Нужно оживить производственные совещания во что бы то ни стало. Нужно ставить перед производственными совещаниями не только мелкие вопросы по санитарии. Программу производственных совещаний нужно сделать шире и богаче содержанием. На производственных совещаниях надо ставить основные вопросы строительства промышленности. Только таким путем можно будет поднять активность миллионных масс рабочего класса и сделать их сознательными участниками строительства промышленности.

7. Надо укреплять союз рабочих и крестьян

Но говоря о поднятии активности рабочего класса, нельзя забывать и о крестьянстве. Ленин учил нас, что союз рабочего класса и крестьянства есть основной принцип диктатуры пролетариата. Этого мы не должны забывать. Развитие промышленности, социалистическое накопление, режим экономии,— все это такие задачи, без разрешения которых мы не можем одолеть частный капитал и ликвидировать трудности нашей хозяйственной жизни. Но ни одна из этих задач не может быть разрешена без наличия Советской власти, без диктатуры пролетариата. А диктатура пролетариата опирается на союз рабочего класса и крестьянства. Поэтому все наши задачи могут повиснуть в воздухе, если мы подорвем или ослабим союз рабочего класса и крестьянства.

У нас имеются в партии люди, рассматривающие трудящиеся массы крестьянства как чужеродное тело, как объект эксплуатации для промышленности, как нечто в роде колонии для нашей индустрии. Эти люди — опасные люди, товарищи. Крестьянство не может быть для рабочего класса ни объектом эксплуатации, ни колонией. Крестьянское хозяйство есть рынок для промышленности, так же, как и промышленность является рынком для крестьянского хозяйства. Но крестьянство для нас не только рынок. Оно является еще союзником рабочего класса. Именно поэтому поднятие крестьянского хозяйства, массовое кооперирование крестьянства, улучшение его материального положения является предпосылкой, без которой не может быть обеспечено сколько-нибудь серьезное развитие нашей промышленности. И наоборот,— развитие промышленности, производство сельскохозяйственных машин и тракторов, массовое снабжение крестьянства продуктами промышленности являются той предпосылкой, без которой не может быть двинуто вперед сельское хозяйство. В этом одна из серьезнейших основ союза рабочего класса и крестьянства. Мы не можем поэтому согласиться с теми товарищами, которые то и дело требуют усиления нажима на крестьянство в смысле чрезмерного увеличения налогов, в смысле повышения цен на промышленные изделия и т. д. Мы не можем с ними согласиться, так как они, сами того не замечая, подрывают союз рабочего класса и крестьянства, расша-

тывают диктатуру пролетариата. Ну, а мы хотим укрепить, а не подорвать союз рабочего класса и крестьянства.

Но мы защищаем не всякий союз рабочего класса и крестьянства. Мы стоим за такой союз, где руководящая роль принадлежит рабочему классу. Почему? Потому, что без руководящей роли рабочего класса в системе союза рабочих и крестьян невозможна победа трудящихся и эксплуатируемых масс над помещиками и капиталистами. Я знаю, что некоторые товарищи не согласны с этим. Они говорят: союз — дело хорошее, но зачем еще руководство рабочего класса? Эти товарищи глубоко ошибаются. Она ошибаются, так как не понимают, что только такой союз рабочих и крестьян может победить, которым руководит наиболее испытанный и наиболее революционный класс, класс рабочих. Почему погибло восстание крестьян при Пугачеве или при Стеньке Разине? Почему тогда не сумели крестьяне добиться изгнания помещиков? Потому, что у них не было, да и не могло быть тогда такого революционного руководителя, как рабочий класс. Почему французская революция кончилась победой буржуазии и возвращением изгнанных ранее помещиков? Потому, что у французских крестьян не было тогда, да и не могло быть, такого революционного руководителя, как рабочий класс. Наша страна является единственной страной в мире, где союз рабочих и крестьян одержал победу над помещиками и капиталистами. А чем это объяснить? Тем, что во главе революционного движения в нашей стране стоял и продолжает стоять испытанный в боях класс рабочих. Стоит только подорвать у нас идею руководства рабочего класса, чтобы от союза рабочих и крестьян не осталось камня на камне, а капиталисты и помещики вернулись обратно в свои старые гнезда.

Вот почему мы должны сохранить и укреплять союз рабочего класса и крестьянства в нашей стране.

Вот почему мы должны сохранить и укреплять руководство рабочего класса в системе этого союза.

8. Надо проводить внутрипартийную демократию

Я говорил о поднятии активности рабочего класса, о том, чтобы втянуть миллионные массы рабочего класса в дело строительства нашего хозяйства, в дело строительства индустрии. Но поднятие активности рабочего класса — дело серьезное и большое. Для того, чтобы поднять активность рабочего класса, нужно прежде всего активизировать самую партию. Нужно, чтобы сама партия твердо и решительно стала на путь внутрипартийной демократии, чтобы наши организации втягивали в обсуждение вопросов нашего строительства широкие массы партии, творящие судьбу нашей партии. Без этого нечего и говорить об активизации рабочего класса. Я особенно подчеркиваю это потому, что наша Ленинградская организация пережила недавно такой период, когда некоторые руководители не хотели говорить о внутрипартийной демократии иначе, как с усмешкой. Я имею в виду тот период перед съездом партии, во время съезда и непосредственно после съезда, когда партийным коллективам в Ленинграде не давали собираться, когда некото-

рые организаторы коллективов,— простите меня за прямоту,— играли роль околоточного по отношению к коллективам, когда они запрещали коллективам собираться. На этом и срезала себя так называемая новая оппозиция. Ежели членам нашего ЦК с помощью ленинградского актива удалось в две недели оттеснить и изолировать оппозицию, которая вела у вас борьбу с решениями XIV съезда, то это потому, что разъяснительная кампания о решениях съезда совпала с той тягой к демократизму, которая была, которая рвалась и которая прорвалась, наконец, в Ленинградской организации. Я хотел бы, товарищи, чтобы вы учли этот недавний урок. Я хотел бы, чтобы вы, учтя этот урок, честно и решительно проводили внутрипартийную демократию, подымала активность партийных масс, втягивали их в обсуждение основных вопросов социалистического строительства и убеждали их в правильности тех решений, которые вынесены апрельским пленумом ЦК нашей партии. Я хотел бы, чтобы вы именно убеждали партийные массы, так как метол убеждения есть основной метод нашей работы в рядах рабочего класса.

9. Надо охранять единство партии

Некоторые товарищи думают, что внутрипартийная демократия означает свободу фракционных группировок. Ну, уж на этот счет извините, товарищи! Мы не так понимаем внутрипартийную демократию. Ничего общего между внутрипартийной демократией и между свободой фракционных группировок нет и не может быть. Что такое внутрипартийная демократия? Внутрипартийная демократия есть поднятие активности партийных масс и укрепление единства партии, укрепление сознательной пролетарской дисциплины в партии. Что такое свобода фракционных группировок? Свобода фракционных группировок есть разложение партийных рядов, расщепление партии на отдельные центры, ослабление партии, ослабление диктатуры пролетариата. Что может быть тут общего между ними? У нас имеются в партии люди, которые спят и видят, что открылась общепартийная дискуссия. У нас есть люди, которые не мыслят партию без дискуссий, которые претендуют на звание профессиональных дискуссантов. Подальше от нас этих профессиональных дискуссантов! Нам нужны теперь не надуманная дискуссия и не превращение нашей партии в дискуссионный клуб, а усиление нашей строительной работы вообще, усиление индустриального строительства в особенности, укрепление боевой и сплоченной, единой и нераздельной партии; твердо и уверенно руководящей нашей строительной работой. Тот, кто добивается нескончаемых дискуссий, тот, что добивается свободы фракционных группировок,— тот подрывает единство партии, тот подкапывается под мощь нашей партии. Чем были мы сильны в прошлом и чем мы сильны теперь? Правильной политикой и единством наших рядов. Правильная политика дана нам XIV съездом нашей партии. Теперь задача состоит в том, чтобы обеспечить единство наших рядов, единство нашей партии, готовой проводить решения партийного съезда, несмотря ни на что.

Таков, в основном, смысл решений пленума ЦК нашей партии.

10. Выводы

Позвольте теперь перейти к выводам.

Во-первых, мы должны двигать вперед индустрию нашей страны, как основу социализма и как руководящую силу, ведущую вперед народное хозяйство в целом.

Во-вторых, мы должны создать новые кадры строителей индустрии, как прямых и непосредственных проводников курса на индустриализацию.

В-третьих, мы должны ускорить темп нашего социалистического накопления и накапливать резервы для нужд нашей промышленности.

В-четвертых, нужно поставить правильное использование накапливающихся резервов и установить строжайший режим экономии.

В-пятых, нужно поднимать активность рабочего класса и вовлечь миллионные массы рабочих в дело строительства социализма.

В-шестых, нужно укреплять союз рабочего класса и крестьянства и руководство рабочего класса внутри этого союза.

В-седьмых, нужно подымать активность партийных масс и проводить внутрипартийную демократию.

В-восьмых, мы должны охранять и укреплять единство нашей партии, сплоченность наших рядов.

Сумеет ли мы выполнить эти задачи? Да, сумеем, если мы этого захотим. А мы этого хотим, это видят все. Да, сумеем, ибо мы — большевики, ибо мы не боимся трудностей, ибо трудности существуют для того, чтобы бороться с ними и преодолевать их. Да, сумеем, ибо политика наша правильна, и мы знаем, куда идем. И мы пойдем вперед твердо и уверенно по пути к цели, по пути к победе социалистического строительства.

Товарищи, маленькой группой являлись мы в Ленинграде в феврале 1917 года, 9 лет назад. Старики-партийцы помнят, что мы, большевики, составляли тогда незначительное меньшинство Ленинградского Совета. Старики-большевики должны помнить, что над нами тогда издевались многочисленные враги большевизма. Но мы шли вперед и брали позицию за позицию, ибо политика наша была правильна, и мы вели борьбу сплоченными рядами. Потом эта маленькая сила разрослась в великую силу. Мы разбили буржуазию и свергли Керенского. Мы организовали власть советов. Мы разбили Колчака и Деникина. Мы прогнали из нашей страны англо-французских и американских насильников. Мы преодолели хозяйственную разруху. Наконец, мы восстановили нашу промышленность и наше сельское хозяйство. Теперь перед нами встала новая задача — задача индустриализации нашей страны. Наиболее серьезные трудности остались позади. Можно ли сомневаться, что мы справимся и с этой новой задачей индустриализации нашей страны? Конечно, нельзя сомневаться. Наоборот, у нас есть теперь все данные для того, чтобы преодолеть трудности и провести в жизнь новые задачи, поставленные перед нами XIV съездом нашей партии.

Вот почему я думаю, товарищи, что на новом фронте индустрии мы должны победить наверняка. *(Бурные аплодисменты.)*

Сталин, О хозяйственном положении Советского Союза, Партиздат, 1937 г.

И. Сталин. О СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ УКЛОНЕ В НАШЕЙ ПАРТИИ. Доклад и заключительное слово Всесоюзной конференции ВКП(б) 1 — 3 ноября 1926 г.

1. Этапы развития оппозиционного блока

Товарищи! Первый вопрос, которого нужно коснуться в докладе, это - вопрос об образовании оппозиционного блока, об этапах его развития и, наконец, о его начавшемся уже развале. Эта тема является, помоему, необходимой темой, как введение в существо вопроса о тезисах об оппозиционном блоке.

Еще на XIV съезде тов. Зиновьев дал сигнал к подтягиванию всех оппозиционных течений и к объединению их в одну силу. Товарищи-делегаты конференции должно быть помнят эту речь тов. Зиновьева. Не может быть никакого сомнения, что такой призыв не мог не найти отклика в рядах троцкистов, которые с самого начала придерживались той мысли, что группировки должны быть более или менее свободны, и они должны более или менее объединяться для того, чтобы вести борьбу против той основной линии партии, которая тов. Троцкого давно уже не удовлетворяет.

Это была, так сказать, подготовительная работа по формированию блока.

Первый этап

Первый серьезный шаг по формированию блока был предпринят оппозицией во время апрельского пленума ЦК, в связи с тезисами тов. Рыкова о хозяйственном положении. Полной сговоренности между новой оппозицией и троцкистами тогда не было еще, но что блок в основном был уже готов — в этом нельзя было уже сомневаться. Товарищи, читавшие стенограмму апрельского пленума, поймут, что это совершенно верно. В основном обе группы успели уже сговориться, но были оговорки, из-за которых им пришлось внести к тезисам тов. Рыкова не общие всей оппозиции поправки, а два параллельных ряда поправок. Один ряд поправок, исходивший от «новой оппозиции», во главе с Каменевым, и другой ряд поправок, исходивший от группы троцкистов. Но что в основном они били в одну точку, и что пленум уже тогда говорил, что они реставрируют в новой форме «Августовский блок», это — несомненный факт.

В чем же состояли тогда эти оговорки?

Вот что говорил тогда тов. Троцкий:

«Недостатком поправок тов. Каменева я считаю то, что в них дифференциация деревни поставлена как бы до некоторой степени независимо от индустриали-

зации. Между тем, значение и социальный вес крестьянской дифференциации и ее темпа определяется ростом и темпом индустриализации по отношению к деревне в целом».

Оговорка немаловажная.

В ответ на это Каменев в свою очередь делает оговорку в отношении троцкистов:

«Не имею возможности, — говорит он, — присоединяться к той их части (т.-е. части поправок Троцкого к проекту резолюций Рыкова), которая оценивает прошлую хозяйственную политику партии, которую я на 100 проц. защищал».

Новой оппозиции не нравилось, что тов. Троцкий критикует хозяйственную политику, которой руководил тов. Каменев за предыдущий период. А тов. Троцкому в свою очередь не нравилось, что вопросы дифференциации отыраются новой оппозицией от вопроса об индустриализации.

Второй этап

Второй этап, это — июльский пленум ЦК. На этом пленуме мы имеем уже формально сколоченный блок, блок без оговорок. Оговорки тов. Троцкого сняты, сданы в архив, так же, как оговорки тов. Каменева сняты и сданы в архив. У них теперь имеется уже общая «декларация», которая всем вам хорошо известна, товарищи, как документ антипартийный. Таковы характерные черты второго этапа в развитии оппозиционного блока.

Сколотился блок и оформился он в этот период не только на почве взаимного отказа от поправок, но и на почве взаимной «амнистии». Мы имеем за этот период интересное заявление тов. Зиновьева насчет того, что оппозиция, ее основное ядро в 1923 г., т.-е. троцкисты были правы в вопросе о перерождении партии, т.-е. в главном вопросе о практической позиции троцкизма, вытекающем из его принципиальной позиции. Мы имеем, с другой стороны, не менее интересное заявление тов. Троцкого о том, что его «Уроки Октября», направленные специально против

Каменева и Зиновьева, как «правого крыла» партии, повторяющего теперь октябрьские ошибки, — являются ошибкой, что начало правого уклона в партии и перерождения надо отнести не к Каменеву и к Зиновьеву, а, скажем, к Сталину.

Вот что говорил тов. Зиновьев в июле этого года:

«Мы говорим, что сейчас уже не может быть никакого сомнения в том, что основное ядро оппозиции 1923 г., как это выявила эволюция руководящей линии фракции (т.-е. большинства ЦК), *правильно предупреждало* об опасностях сдвига с пролетарской линии и об угрожающем росте аппаратного режима».

Иначе говоря: недавние утверждения тов. Зиновьева и резолюция XIII съезда о том, что Троцкий ревизует ленинизм, что троцкизм является мелкобуржуазным уклоном, — все это было ошибкой, недоразумением, что опасность не в троцкизме, а в ЦК.

Это есть беспринципнейшая «амнистия» троцкизма.

С другой стороны, Троцкий в июле месяце заявляет:

«Несомненно, что в «Уроках Октября» я связывал оппортунистические сдвиги политики с именами Зиновьева и Каменева. Как свидетельствует опыт идейной борьбы в ЦК, это было грубой ошибкой. Объяснение этой ошибки кроется в том, что я не имел возможности следить за идейной борьбой внутри семерки и во-время установить, что оппортунистические сдвиги вызывались группой, возглавляемой тов. Сталиным против тт. Зиновьева и Каменева».

Это значит, что тов. Троцкий открыто отрекся от своих нахуливающих «Уроков Октября», дав тем самым «амнистию» Зиновьеву и Каменеву в обмен за ту «амнистию», которую он получил от Каменева и Зиновьева. Прямая и открытая беспринципная сделка.

Итак, отказ от апрельских оговорок и взаимная «амнистия» за счет принципов партии, — вот те элементы, которые определили полное оформление блока, как блока против партии.

Третий этап

Третий этап в развитии блока, это — открытые выступления оппозиции против партии в конце сентября и в начале октября этого года в Москве и Ленинграде, это тот период, когда лидеры блока, отдохнув там, на юге, и набравшись сил, вернулись в центр и пошли в прямую атаку на партию. Раньше чем перейти от нелегальных форм борьбы против партии к открытым формам борьбы, они здесь, в Политбюро (меня не было тогда в Москве), оказываются, говорили: «Мы вам покажем, мы пойдем на рабочие собрания, и пусть рабочие скажут, кто прав, мы вам покажем». И они стали путешествовать от ячеек к ячейкам. Но результаты этого выступления оказались, как вам известно, плачевными для оппозиции. Вы знаете, что они потерпели поражение. Из печати известно, что как в Ленинграде, так и в Москве, как в промышленных районах Советского Союза, так и в непромышленных районах оппозиционный блок получил решительный отпор со стороны партийных масс. Сколько голосов они получили, сколько высказалось за ЦК, я повторять не буду, это известно из печати. Ясно одно, что расчеты оппозиционного блока не оправдались. С этого момента начинается поворот оппозиции в сторону мира в партии. Поражение оппозиции не прошло, очевидно, даром. Это было 4 октября, когда оппозиция внесла в ЦК заявление о мире и когда впервые, после ругани и наскоков, мы услышали от оппозиции слова, напоминающие слова партийцев: пора прекратить «внутрипартийную распрю» и наладить «совместную работу».

Таким образом, оппозиция, потерпев поражение, оказалась вынужденной притти к тому, к чему ее неоднократно призывал ЦК, — к вопросу о мире в партии.

Естественно, что ЦК, верный директивам XIV съезда о необходимости единства, охотно согласился с предложением оппозиции, хотя он и знал, что предложение оппозиции не вполне искренно.

Четвертый этап

Четвертый этап, это — период, когда было выработано известное «заявление» лидеров оппозиции от 16 октября этого года. Обычно его квалифицируют как капитуляцию. Я не буду резкой квалификации давать, но ясно,

что заявление это говорит не о победах оппозиционного блока, а об его поражении. Истории наших переговоров я рассказывать не стану, товарищи. Переговоры велись при стенографических записях, и вы имеете возможность познакомиться с этим делом по стенограмме. Я хотел бы остановиться только на одном инциденте. Оппозиционный блок предлагал в первом абзаце «заявления» сказать, что они остаются при своих взглядах, и остаются не просто, а «полностью» на своих старых позициях. Мы убеждали оппозиционный блок не настаивать на этом. Почему? По двум причинам. Во-первых, потому, что если они, отказавшись от фракционности, отказались вместе с тем от теории и практики свободы фракций, отмежевались от Оссовского, «рабочей оппозиции», группы Маслова—Урбанса, то это значит, что оппозиция отказалась тем самым не только от фракционных методов борьбы, но и от некоторых политических позиций. Можно ли после этого говорить, что оппозиционный блок остается «полностью» при своих ошибочных взглядах, при своих идейных позициях? Конечно, нельзя. Во-вторых, мы говорили оппозиции, что ей самой невыгодно кричать о том, что они, оппозиционеры, остаются, да еще «полностью», на старых позициях, ибо рабочие с полным основанием скажут: значит, оппозиционеры хотят драться и впредь, значит мало им наклали, значит надо их и впредь бить. (Смех; возгласы: «Правильно!») Тем не менее они не согласились с нами и приняли лишь предложение исключить слово «полностью», сохранив фразу о том, что они остаются на старых позициях. Пусть теперь они расхлебывают кашу, которую они тем самым заварили на свою голову. (Голоса: «Правильно!»)

Ленин и вопрос о блоке в партии

Тов. Зиновьев говорил недавно, что у ЦК нет оснований ругать их блок, так как Ильич одобрял будто бы вообще блоки в партии. Я должен сказать, товарищи, что заявление тов. Зиновьева не имеет ничего общего с позицией Ленина. Ленин никогда не одобрял вообще блоки в партии. Ленин стоял лишь за принципиальные и революционные блоки против меньшевиков, ликвидаторов, отзовистов. Ленин всегда боролся против беспринципных и антипартийных блоков в партии. Кому неизвестно, что Ленин три года боролся против «Августовского блока» Троцкого, до полной победы над ним, как против антипартийного и беспринципного блока. Ильич никогда не стоял за всякие блоки. Ильич стоял только за такие блоки в партии, которые являются принципиальными, во-первых, и, во-вторых, которые преследуют цель укрепления партии против ликвидаторов, против меньшевиков, против колеблющихся элементов. История нашей партии знает опыт такого блока ленинцев с плехановцами (это было в 1911—1912 г.г.) против блока ликвидаторов, когда сформировался против партии «Августовский блок», куда входили Потресов и прочие ликвидаторы, Алексинский и другие отзовисты, и во главе которого стоял тов. Троцкий. Был один блок, блок антипартийный, «Августовский блок», беспринципный, авантюристский, и был другой блок, блок ленинцев с плехановцами, т.-е. революционными меньшевиками (тогда Пле-

ханов был революционным меньшевиком). Вот такие блоки Ленин признавал, и мы все признаем такие блоки.

Если блок внутри партии повышает боеспособность партии и ведет ее вперед, то мы за него, за такой блок. Ну, а ваш блок, товарищи из оппозиции, разве он, этот самый блок, повышает боеспособность нашей партии, разве он, этот самый блок, является принципиальным? Какие принципы вас объединяют, скажем, с группой Медведева? Какие принципы вас объединяют, скажем, с группой Суварина во Франции или Маслова в Германии? Какие принципы объединяют вас самих, «новую оппозицию», которая считала еще недавно троцкизм разновидностью меньшевизма, с троцкистами, которые считали еще недавно лидеров «новой оппозиции» оппортунистами? И затем, разве ваш блок, товарищи из оппозиции, направлен в сторону и в пользу партии, а не против партии? Разве он повысил боеспособность и революционность нашей партии хотя бы на йоту? Ведь весь мир знает теперь, что за 8 или 6 месяцев существования вашего блока вы старались тащить партию назад, к «революционной» фразе, к беспринципности, вы старались разложить партию и довести ее до паралича, до раскола. Нет, товарищи, оппозиционный блок не имеет ничего общего с тем блоком, который Ленин с плехановцами заключил в 1912 г. против «Августовского блока» оппортунистов. Наоборот, нынешний оппозиционный блок напоминает в основном «Августовский блок» Троцкого как своей беспринципностью, так и своей оппортунистической основой. Организуя такой блок, товарищи из оппозиции отошли, таким образом, от той основной линии, которую вообще Ленин старался проводить. Ленин всегда говорил нам, что самая правильная политика есть принципиальная политика. Оппозиция, сколотившись в одну группу, решила, наоборот, что самая правильная политика есть политика беспринципная.

Поэтому оппозиционный блок не может существовать долго, он должен неминуемо распасться и разложиться.

Таковы этапы развития оппозиционного блока.

Процесс разложения оппозиционного блока

Чем характеризуется теперь состояние оппозиционного блока? Его можно было бы охарактеризовать как состояние постепенного распада блока, как состояние постепенного отпадения от блока его составных элементов, как состояние разложения блока. Только так можно охарактеризовать нынешнее состояние оппозиционного блока. Оно так и должно быть, ибо блок беспринципный, блок оппортунистический в рядах нашей партии долго существовать не может. Мы знаем уже, что группа Маслова и Урбанса отпадает от оппозиционного блока. Мы слышали уже вчера, что Медведев и Шляпников отказались от допущенных ими грехов и отходят от блока. Известно, кроме того, что внутри блока, т.-е. между оппозицией «новой» и оппозицией «старой», тоже имеется размолвка, которая должна будет сказаться на этой конференции.

Выходит, таким образом, что блок-то они сформировали и сформировали его с большой помпой, а результат получился обратный тому, чего они ожидали от блока. Получилось то, что с точки зрения арифметики они должны

были получить плюс, ибо сложение сил дает плюс, но не учли того, что, кроме арифметики, есть еще алгебра, что не всякое сложение сил дает плюс (*смех*), ибо дело зависит не только от сложения сил, но и от того, какие знаки стоят перед слагаемыми. (*Продолжительные аплодисменты.*) Получилось то, что они, сильные по части арифметики, оказались слабыми по части алгебры, при чем, складывая силы, они не только не увеличили свою армию, а, наоборот, довели ее до минимума, довели ее до развала.

Чем была сильна зиновьевская группа?

Тем, что она вела решительную борьбу против основ троцкизма. Но коль скоро зиновьевская группа отказалась от своей борьбы с троцкизмом, она, так сказать, оскопила себя, лишила себя силы.

Чем была сильна группа Троцкого?

Тем, что она вела решительную борьбу против ошибок Зиновьева и Каменева в октябре 1917 г. и против их рецидива в настоящем. Но коль скоро эта группа отказалась от борьбы с уклоном Зиновьева и Каменева, она оскопила себя, лишила себя силы.

Получилось сложение сил оскопленных. (*Смех, продолжительные аплодисменты.*) Ясно, что из этого не могло получиться ничего, кроме конфуза. Ясно, что честнейшие из группы тов. Зиновьева должны были отойти после этого от Зиновьева, так же как лучшие люди из троцкистов должны были покинуть Троцкого.

На что рассчитывает оппозиционный блок?

Каковы перспективы оппозиции? На что они рассчитывают? Я думаю, что они рассчитывают на ухудшение положения в стране и партии. Сейчас они свертывают свою фракционную работу, так как времена нынче «трудные» для них. Но если они не отказываются от своих принципиальных взглядов, если они решили остаться на старых своих позициях, то из этого следует, что они будут выжидать, ждать «лучших времен», когда им можно будет, накопивши силы, вновь выступить против партии. В этом не может быть никаких сомнений. Недавно один из оппозиционеров, перешедший недавно на сторону партии, рабочий тов. Андреев, сообщил о планах оппозиции поразительную вещь, которую необходимо, по-моему, отметить на конференции. Вот что об этом рассказывал нам тов. Ярославский в своем докладе на октябрьском пленуме ЦК и ЦКК:

«Андреев, который вел в течение довольно долгого времени работу в оппозиции, в конце концов пришел к убеждению, что он не может больше работать с ними. Его привело к этому, главным образом, то обстоятельство, что он услышал от оппозиции две вещи: первая — то, что оппозиция натолкнулась на «реакционное» настроение рабочего класса, а вторая — то, что экономическое положение оказалось не так плохо, как они думали».

Я думаю, что тов. Андреев, бывший оппозиционер, а ныне партиец, высказал то, что у оппозиции на душе, и чего она не решится сказать открыто. Чувствуют они, очевидно, что экономическое положение теперь лучше, чем они предполагали, а настроение рабочих не так плохо, как они хотели бы, т. е. «реакционно». Отсюда политика свертывания «работы». Ясно, что если

потом несколько обострится экономическое положение, — в чем оппозиционеры убеждены,— и в связи с этим ухудшится настроение рабочих,— в чем они тоже убеждены,— то они не замедлят развернуть «работу», развернуть свои идейные позиции, от которых они не отказались, и пойти на открытую борьбу с партией.

Вот каковы товарищи, перспективы оппозиционного блока, который распадается, но еще не распался и, пожалуй, не распадется скоро

без решительной и беспощадной борьбы со стороны партии. Но раз они готовятся к борьбе и ждут «лучших времен» для того, чтобы возобновить открытую борьбу с партией, то и партии зевать не полагается. Отсюда задачи партии: вести решительную идейную борьбу против ошибочных идейных позиций оппозиции, на основе которых она остается, разоблачать оппортунистическую сущность этих идей, какими бы революционными фразами они ни облекались, вести дело к тому, чтобы оппозиция была вынуждена отказаться от своих ошибок под страхом окончательного разгрома.

II. Основная ошибка оппозиционного блока

Перехожу, товарищи, ко второму вопросу, к вопросу об основной ошибке оппозиционного блока в основном вопросе о характере и перспективах нашей революции.

Основной вопрос, разделяющий партию с оппозиционным блоком,— это вопрос о том, возможна ли победа социализма в нашей стране, или, что то же, каков характер и каковы перспективы нашей революции.

Вопрос этот, товарищи, не нов, он более или менее подробно обсужден, между прочим, на апрельской конференции 1925 г., на XIV конференции. Теперь, в новой обстановке, он снова всплыл, и нам придется заняться этим вопросом вплотную, при чем, так как на недавнем объединенном заседании пленумов ЦК и ЦКК тт. Троцкий и Каменев бросили обвинение в том, что в тезисах об оппозиционном блоке неправильно переданы их взгляды, я вынужден привести в своем докладе ряд документов и цитат, подтверждающих основные положения тезисов об оппозиционном блоке. Заранее извиняюсь, товарищи, но я вынужден так поступить.

Перед нами стоят три вопроса:

1) Возможна ли победа социализма в нашей стране, учитывая то обстоятельство, что наша страна является единственной пока что страной диктатуры пролетариата, что пролетарская революция в других странах еще не победила, что темп мировой революции замедлился.

2) Если она, эта победа, возможна, то можно ли назвать такую победу полной победой, окончательной победой

3) Если такую победу нельзя назвать окончательной, то какие условия необходимы для того, чтобы она, эта победа, стала окончательной.

Таковы три вопроса, которые объединяются в общий вопрос о возможности победы социализма в одной стране, т.-е. в нашей стране.

Предварительные замечания

Как марксисты решали этот вопрос раньше, скажем, в 40-х годах прошлого столетия, 50—60-х годах, вообще в период, когда монополистического капитализма не было еще, когда закон неравномерного развития капитализма не был еще открыт и не мог быть открыт, когда в связи с этим вопрос о победе социализма в отдельных странах не ставился еще в той плоскости, в какой он был поставлен впоследствии? Мы все, марксисты, начиная с Маркса и Энгельса, придерживались тогда того мнения, что победа социализма в одной отдельно взятой стране невозможна, что для того, чтобы социализм победил, необходима одновременная революция в ряде стран, в ряде, по крайней мере, наиболее развитых, цивилизованных стран. И это было правильно тогда. Для характеристики этих взглядов я хотел бы привести одну характерную цитату из набросков Энгельса «Принципы коммунизма», ставящую вопрос в самой резкой форме. Этот набросок послужил потом основой «Коммунистического Манифеста». Он написан в 1847 г. Вот что говорит Энгельс в этом наброске, опубликованном всего несколько лет тому назад.

«Может ли эта революция (т.-е. революция пролетариата. *И. Ст.*) произойти в одной какой-нибудь стране?

Ответ: *Нет*. Крупная промышленность уже тем, что она создала мировой рынок, так связала между собою все народы земного шара, в особенности цивилизованные народы, что каждый из них зависит от того, что происходит у другого. Затем крупная промышленность так уравнила общественное развитие во всех цивилизованных странах, что всюду буржуазия и пролетариат стали двумя решающими классами общества и борьба между ними — главной борьбой нашего времени. *Поэтому коммунистическая революция будет не только национальной, но произойдет одновременно во всех цивилизованных странах, т.-е. по крайней мере в Англии, Америке, Франции и Германии.* В каждой из этих стран она будет развиваться быстрее или медленнее, в зависимости от того, в какой из этих стран более развита промышленность, больше накоплено богатств и имеется более значительное количество производительных сил. Поэтому она осуществится медленнее и труднее всего в Германии, быстрее и легче всего в Англии. Она окажет также значительное влияние на остальные страны мира и совершенно изменит и чрезвычайно ускорит их прежний ход развития. Она есть всемирная революция и будет поэтому иметь всемирную арену» (Курсив мой. - *И. Ст.*) (Ф. Энгельс, «Принципы коммунизма». См. «Коммунистический Манифест», ГИЗ, 1923 г., стр. 317).

Это писано в 40-х годах прошлого столетия, когда монополистического капитализма не было еще. Характерно, что тут нет даже упоминания о России, Россия вообще отсутствует. И это вполне понятно, так как России, с ее революционным пролетариатом, России, как революционной силы, не было еще тогда, да и не могло быть.

Правильно ли было то, что сказано здесь в этой цитате, в условиях домонополистического капитализма, правильно ли это было в тот период, когда Энгельс писал об этом? Да, правильно.

Правильно ли это положение теперь, в новых условиях монополистического капитализма и пролетарской революции? Нет, уже неправильно.

В старый период, в период домонополистического капитализма, в период доимпериалистический, когда земной шар не был еще поделен между финансовыми группами, когда насильственный передел уже поделенного не являлся еще вопросом жизни и смерти капитализма, когда неравномерность экономического развития не была и не могла быть столь острой, какой она стала потом, когда противоречия капитализма не были еще доведены до той степени развития, когда они превращают капитализм цветущий в капитализм умирающий, открывая возможность победы социализма в отдельных странах, — в этот старый период формула Энгельса была, бесспорно, правильной. В новый период, в период развития империализма, когда неравномерность развития капиталистических стран превратилась в решающую силу империалистического развития, когда конфликты и войны между империалистами ослабляют фронт империализма и делают возможным его прорыв в отдельных странах, когда закон о неравномерности развития открытый Лениным, превратился в исходный пункт теории о победе социализма в отдельных странах, — в этих условиях старая формула Энгельса становится уже неправильной, в этих условиях она неизбежно должна быть заменена другой формулой, говорящей о возможности победы социализма в одной стране.

Величие Ленина, как продолжателя Маркса и Энгельса, в том именно и состоит, что он не был никогда рабом буквы в марксизме. В своих исследованиях он следовал указанию Маркса, неоднократно говорившего, что марксизм есть не догма, а руководство к действию. Ленин знал это и, строго различая между буквой и сутью марксизма, никогда не считал марксизм догмой, а старался применить марксизм, как основной метод, в новой обстановке капиталистического развития. В том именно и, состоит величие Ленина, что он открыто и честно, без колебаний, поставил вопрос о необходимости новой формулы о возможности победы пролетарской революции в отдельных странах, не боясь того, что оппортунисты всех стран будут цепляться за старую формулу, стараясь прикрыть именем Маркса и Энгельса свое оппортунистическое дело.

С другой стороны, было бы странно требовать от Маркса и Энгельса, какими бы они ни были гениальными мыслителями, чтобы они предусмотрели в точности за 50-60 лет до развитого монополистического капитализма все возможности классовой борьбы пролетариата, появившиеся в период монополистического, империалистического капитализма.

И это не первый случай, когда Ленин, исходя из метода Маркса, продолжает дело Маркса и Энгельса, не цепляясь за букву марксизма. Я имею в виду другой аналогичный случай, а именно — случай с вопросом о диктатуре пролетариата. Известно, что по этому вопросу Маркс высказал ту мысль, что диктатура пролетариата, как слом старого государственного аппарата и создание нового аппарата, нового пролетарского государства, является необходимым этапом развития к социализму в странах континента, допустив исключение для Англии и Америки, где, по заявлению Маркса, милитаризм и бюрократизм слабо развиты или вовсе не развиты и где, поэтому, возможен другой путь, «мирный» путь перехода к социализму. Это было совершенно правильно в 70-х годах.

Рязанов. — И тогда не было правильно.

Сталин. — Я думаю, что в 70-х годах, когда милитаризм в Англии и Америке не был так развит, как впоследствии развился,—это положение было совершенно правильно. В том, что это положение было правильно, вы могли бы убедиться по известной главе брошюры тов. Ленина «О продналоге», где Ленин считает не исключенным развитие социализма в Англии 70-х годов в порядке соглашения между пролетариатом и буржуазией в стране, где пролетариат составляет большинство, где буржуазия привыкла идти на компромиссы, где милитаризм был слаб, бюрократия была слаба. Но это положение, будучи правильным в 70-х годах прошлого столетия, стало уже неправильным после XIX столетия, в период империализма, когда Англия стала не менее бюрократической и не менее, если не более, милитаристической, чем любая другая страна континента. В связи с этим тов. Ленин говорит в своей брошюре «Государство и революция», что «ограничение Маркса насчет континента отпадает» теперь, потому что наступили новые условия, делающие излишним допущенное для Англии исключение.

В том именно и состоит величие Ленина, что он не отдавал себя в плен букве, что он умел схватывать сущность марсизма и, исходя из него, развивать дальше положения Маркса к Энгельса.

Вот как обстояло, товарищи, дело с вопросом о победе резолюции в отдельных странах в период доимпериалистический, в период домонополистического капитализма.

Ленинизм или троцкизм?

Из марксистов Ленин был *первый*, который подверг действительно марксистскому анализу империализм, как новую, последнюю фазу капитализма, по-новому поставил вопрос о возможности победы социализма в *отдельных* капиталистических странах и разрешил его в *положительном* смысле. Я имею в виду брошюру Ленина «Империализм». Я имею в виду статью Ленина «О лозунге Соединенных Штатов Европы», вышедшую в свет в 1915 г. Я имею в виду полемику между Троцким и Лениным о лозунге Соединенных Штатов Европы или всего мира, когда Ленин впервые выставил тезис о возможности победы социализма в одной стране.

Вот что писал тогда Ленин в этой статье:

«Как самостоятельный лозунг, лозунг «Соединенные Штаты мира» был бы однако едва ли правилен, во-первых, потому, что он сливается с социализмом; во-вторых, потому, что он мог бы породить неправильное толкование о невозможности победы социализма в одной стране и об отношении такой страны к остальным. Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы *против* остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств»... ибо «невозможно свободное объединение наций в социализме без более или менее долгой, упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами» (см. т. XVIII, стр. 232-233)

Так писал Ленин в 1915 г.

Что это за закон неравномерного развития капитализма, действие которого в условиях империализма ведет к возможности победы социализма в одной стране?

Говоря об этом законе, Ленин исходил из того, что капитализм старый, домонополистический, уже перерос в империализм; что мировое хозяйство развивается в условиях бешеной борьбы главнейших империалистических групп за территории, за рынки, за сырье и т. д.; что раздел мира на сферы влияния империалистических групп уже закончен; что развитие капиталистических стран протекает не равномерно, не так чтобы одна шла за другой или параллельно другой, а скачкообразно, путем оттеснения одних стран, ушедших ранее вперед, и выдвигения новых стран на первый план; что такой порядок развития капиталистических стран неизбежно вызывает конфликты и войны между капиталистическими державами за новый передел уже поделенного мира; что эти конфликты и войны ведут к ослаблению империализма; что мировой фронт империализма становится в связи с этим легко уязвимым для его прорыва в тех или иных странах; что ввиду этого становится возможной победа социализма в отдельных странах.

Известно, что еще совсем недавно Англия шла впереди всех других империалистических государств. Известно также, что впоследствии Германия стала перегонять Англию, требуя для себя места «под солнцем» за счет других государств и прежде всего за счет Англии. Известно, что империалистическая война (1914—1918 г.г.) возникла именно в связи с этим обстоятельством. Теперь, после империалистической войны, Америка забежала далеко вперед, оставив позади как Англию, так и другие европейские державы. Едва ли можно сомневаться, что это обстоятельство чревато новыми большими конфликтами и войнами.

То обстоятельство, что империалистический фронт был прорван в связи с империалистской войной в России, это обстоятельство говорит о том, что в современных условиях развития капитализма цепь империалистического фронта будет прорываться не обязательно в той стране, где промышленность более всего развита, но там, где эта цепь слабее, где пролетариат имеет серьезного союзника, например, крестьянство, против империалистической власти, как это имело место в России. Вполне возможно, что в будущем цепь империалистического фронта прорвется в одной из таких стран, как, скажем, Индия, где пролетариат имеет серьезного союзника в лице мощного революционного освободительного движения

Говоря о возможности победы социализма в одной стране, Ленин полемизировал, как известно, прежде всего с тов. Троцким, так же, как и с социал-демократией.

Как реагировал тов. Троцкий на статью Ленина и тезис Ленина о возможности победы социализма в одной стране?

Вот что писал тогда Троцкий (в 1915 г.) в ответ на статью Ленина:

«Единственное сколько-нибудь конкретное историческое соображение,— говорит тов. Троцкий,— против лозунга Соединенных Штатов было сформулировано в швейцарском «Социал-Демократе» (тогдашний центральный орган большевиков, где и была напечатана вышеупомянутая статья Ленина. *И. См.*) в

следующей фразе: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма». Отсюда «Социал-Демократ» сделал тот вывод, что возможна победа социализма в одной стране, и что незачем поэтому диктатуру пролетариата в каждом отдельном государстве обуславливать созданием Соединенных Штатов Европы. Что капиталистическое развитие разных стран неравномерно, это совершенно бесспорное соображение. Но самая эта неравномерность весьма неравномерна. Капиталистический уровень Англии, Австрии, Германии или Франции неодинаков. Но по сравнению с Африкой и Азией все эти страны представляют собой капиталистическую «Европу», созревшую для социальной революции. Что ни одна страна не должна «дождаться» других в своей борьбе, это элементарная мысль, которую полезно и необходимо повторять, дабы идея параллельного интернационального действия не подменялась идеей выжидательного интернационального бездействия. Не дожидаясь других, мы начинаем и продолжаем борьбу на национальной почве в полной уверенности, что наша инициатива даст толчок к борьбе в других странах; а если бы этого не произошло, то безнадежно думать, — так свидетельствуют и опыт истории, и теоретические соображения, — что, например, революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы, или социалистическая Германия могла бы остаться изолированной в капиталистическом мире» (Курсив мой. - И. Ст.).

Так писал тов. Троцкий в 1915 г. в парижском журнале «Наше Слово», при чем эта статья была перепечатана в России впоследствии в составе сборника статей тов. Троцкого под названием «Программа мира», вышедшего впервые в августе 1917 г.

Вы видите, что в этих двух цитатах Ленина и Троцкого противопоставляются друг другу два совершенно различных тезиса. В то время как Ленин считает, что победа социализма в одной стране возможна, что пролетариат, захватив власть, не только может удержать ее, но он может пойти еще дальше, экспроприировав капиталистов и организовав социалистическое хозяйство для того, чтобы оказать действенную поддержку пролетариям капиталистических стран, — тов. Троцкий, наоборот, считает, что если победившая революция в одной стране не вызовет в самый ближайший срок победы революции в других странах, то пролетариат победившей страны не сумеет даже удержать власти (не говоря уже о том, что он не сможет организовать социалистическое хозяйство), ибо, говорит Троцкий, безнадежно думать, что революционная власть в России может устоять перед лицом консервативной Европы.

Это две совершенно различные точки зрения; две совершенно различные установки. У Ленина пролетариат, взявший власть, представляет активнейшую и инициативнейшую силу, организующую социалистическое хозяйство и идущую дальше на поддержку пролетариев других стран. У Троцкого, наоборот, пролетариат, взявший власть, превращается в полупассивную силу, требующую немедленной помощи в виде немедленной победы социализма в других странах и чувствующую себя как на бивуаке, под страхом немедленной потери власти. Ну, а если не подойдет немедленная победа революции в других странах, — как тогда? Тогда сворачивай работу. (*Голос с места: «И в кусты».*) Да, и в кусты. Это совершенно правильно. (*Смех.*)

Могут сказать, что это расхождение между Лениным и Троцким пред-

ставляет область прошлого, что потом это расхождение в ходе работы могло дойти до минимума или даже совершенно стереться. Да, могло дойти до минимума и даже стереться. Но, к сожалению, не произошло ни то, ни другое. Наоборот, это расхождение осталось во всей своей силе вплоть до самой смерти тов. Ленина. Оно продолжает существовать и теперь, как видите сами. Наоборот, я утверждаю, что это расхождение между Лениным и Троцким и полемика на этой почве продолжались все время, при чем соответствующие статьи Ленина и Троцкого появлялись одна за другой, и скрытая полемика продолжалась, правда, без наименования лиц.

Вот некоторые факты на этот счет.

В 1921 г., когда мы ввели нэп, Ленин вновь ставит вопрос о возможности победы социализма уже в более конкретной форме, о возможности построения социалистического фундамента нашей экономики на рельсах нэпа. Вы помните, в 1921 г., при введении нэпа, одна часть нашей партии, особенно «рабочая оппозиция», обвиняла Ленина в том, что он, вводя нэп, сворачивает с пути социализма. Видимо, в ответ на это Ленин несколько раз заявлял тогда в своих выступлениях и статьях, что, вводя нэп, мы имеем в виду не отход от нашего пути, а продолжение его в новых условиях на предмет построения «социалистического фундамента нашей экономики», «вместе с крестьянством», «под руководством рабочего класса» (см. «Продналог» и другие статьи Ленина на тему о нэпе).

Как бы в ответ на это тов. Троцкий в январе 1922 г. печатает «Предисловие» к своей книге «1905», где он сообщает, что строительство социализма в нашей стране вместе с крестьянством представляет вещь неосуществимую, ибо жизнь нашей страны будет протекать по линии враждебных столкновений между рабочим классом и крестьянством, пока не победит пролетариат на Западе.

Вот что говорит тов. Троцкий в этом «Предисловии»:

«Пролетариат, взявший власть, «придет во *враждебные столкновения* (Курсив мой- И. Ст.) не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти», что «противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране с подавляющим большинством крестьянского населения смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата».

И здесь, как видите, противопоставляются друг другу два различных тезиса. В то время как Ленин допускает возможность строительства социалистического фундамента нашей экономики вместе с крестьянством и под руководством рабочего класса, у Троцкого, наоборот, выходит, что руководство крестьянством со стороны пролетариата и совместное строительство социалистического фундамента — вещи неосуществимые, так как политическая жизнь страны будет протекать во *враждебных* столкновениях между рабочей властью и большинством крестьянства, а эти столкновения могут быть разрешены лишь на арене мировой революции.

Далее. Мы имеем выступление Ленина на пленуме Моссовета спустя год после этого, в 1922 г., где он еще раз возвращается к вопросу о построении социализма в нашей стране. Он говорит:

«Социализм уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего, или какой-нибудь отвлеченной картины, или какой-нибудь иконы. Насчет икон мы остались мнения старого, весьма плохого. Мы социализм протаскили в повседневную жизнь и тут должны разобраться. Вот что составляет задачу нашего дня, вот что составляет задачу нашей эпохи. Позвольте мне закончить выражением уверенности, что как эта задача ни трудна, как она ни нова по сравнению с прежней нашей задачей, и как много трудностей она нам ни причиняет, — все мы вместе, не завтра, а в несколько лет, все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая» (см. т. XVIII, ч. 2, стр. 108).

Как бы в ответ на это или, может быть, в разъяснение того, что было сказано тов. Троцким в вышеупомянутой его цитате, тов. Троцкий печатает в 1922 г. «Послесловие» к своей брошюре «Программа мира», где он говорит:

«Несколько раз повторяющееся в «Программе мира» утверждение, что пролетарская революция не может победоносно завершиться в национальных рамках, покажется, пожалуй, некоторым читателям опровергнутым почти пятилетним опытом нашей Советской Республики. Но такое заключение было бы неосновательно. Тот факт, что рабочее государство удержалось против всего мира в одной стране, и притом отсталой, свидетельствует о колоссальной мощи пролетариата, которая в других, более передовых, более цивилизованных странах способна будет совершать поистине чудеса. Но, отстояв себя в политическом и военном смысле, как государство, мы к созданию социалистического общества не пришли и даже не подошли... До тех пор, пока в остальных европейских государствах у власти стоит буржуазия, мы вынуждены, в борьбе с экономической изолированностью, искать соглашения с капиталистическим миром; в то же время можно с уверенностью сказать, что эти соглашения, в лучшем случае, могут помочь нам залечить те или другие экономические раны, сделать тот или иной шаг вперед, но что *подлинный подъем* социалистического хозяйства в России станет возможным *только после победы* (Курсив мой.—И. Ст.) пролетариата в важнейших странах Европы».

И здесь, как видите, противопоставляются друг другу два противоположных тезиса Ленина и Троцкого. В то время как Ленин считает, что мы уже протаскили социализм в повседневную жизнь и что, несмотря на трудности, имеем все возможности из России нэповской сделать Россию социалистическую, Троцкий, наоборот, полагает, что мы не только не можем сделать Россию нынешнюю Россией социалистической; но мы не можем даже добиться подлинного подъема социалистического хозяйства до победы пролетариата в других странах.

Наконец, мы имеем записи тов. Ленина в виде статей «О кооперации» и «О нашей революции» (против Суханова), данные перед смертью Лениным и оставленные нам в виде его политического завещания. Эти записи замечательны в том отношении, что в них Ленин вновь ставит вопрос о возможности победы социализма в нашей стране и дает такие формулировки, которые не оставляют места для каких бы то ни было сомнений. Вот что говорит он в записях «О нашей революции»:

«...До бесконечия шаблонным является у них (у героев II Интернационала. *И. Ст.*) довод, который они выучили наизусть во время развития европейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные «ученые» господа из них, объективных экономических предпосылок для социализма. И никому не приходит в голову спросить себя: а не могли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистическую войну, не мог ли он под влиянием безвыходности своего положения броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации»...

«Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»...

«Для создания социализма,— говорите вы,— требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? Б каких книжках читали вы, что подобные видоизменения обычного исторического периода недопустимы или невозможны?» (см. т. XVIII, ч. 2, стр. 118—120).

А вот что говорит Ленин в статьях «О кооперации»:

«В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д., — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую прежде третируют как торговую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, *разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества?* Это еще не построение социалистического общества, но это *все необходимое и достаточное* для этого построения» (Курсив везде мой - *И. Ст.*) (см. т. XVIII, ч. 2, стр. 140).

Итак, мы имеем, таким образом, две линии в основном вопросе о возможности победоносного строительства социализма в нашей стране, о возможности победы социалистических элементов нашего хозяйства над элементами капиталистическими, ибо, товарищи, возможность победы социализма в нашей стране означает не что иное, как возможность победы социалистических элементов нашего хозяйства над элементами капиталистическими,— линию Ленина и ленинизма, и линию Троцкого и троцкизма. Ленинизм решает этот вопрос положительно. Троцкизм, наоборот, отрицает возможность победы социализма в нашей стране на основе внутренних сил нашей революции. Если первая линия есть линия нашей партии, то вторая линия является приближением ко взглядам социал-демократии.

Поэтому и говорится в проекте тезисов об оппозиционном блоке, что троцкизм есть социал-демократический уклон в нашей партии.

Из этого же вытекает тот несомненный факт, что наша революция является революцией *социалистической*, что она представляет не только сигнал, толчок и исходный пункт мировой революции, но и базу, базу необходимую и достаточную для построения полного социалистического общества в нашей стране.

Итак, мы можем и должны победить капиталистические элементы нашего хозяйства, мы можем и должны построить социалистическое общество в нашей стране. Но можно ли назвать эту победу полной, окончательной? Нет, нельзя назвать. Победить наших капиталистов мы можем, строить социализм и построить его мы в состоянии, но это еще не значит, что мы в состоянии тем самым гарантировать страну диктатуры пролетариата от опасностей извне, от опасностей интервенции и связанной с нею реставрации, восстановления старых порядков. Мы живем не на острове. Мы живем в капиталистическом окружении. То обстоятельство, что мы строим социализм и революционизируем тем самым рабочих капиталистических стран,— не может не вызывать ненависть и вражду со стороны всего капиталистического мира. Думать, что капиталистический мир может равнодушно смотреть на наши успехи на хозяйственном фронте, успехи, революционизирующие рабочий класс всего мира,— это значит впасть в иллюзию. Поэтому, пока мы остаемся в капиталистическом окружении, пока пролетариат не победил по крайней мере в ряде стран, мы не можем считать свою победу окончательной, какие бы успехи ни оказали в своем строительстве, мы не можем считать страну диктатуры пролетариата гарантированной от опасностей извне. Поэтому, чтобы победить полностью, чтобы победить окончательно, нужно добиться того, чтобы нынешнее капиталистическое окружение сменилось окружением социалистическим, нужно добиться того, чтобы пролетариат победил по крайней мере еще в нескольких странах. Только тогда можно считать нашу победу полной и окончательной.

Вот почему победу социализма в нашей стране мы рассматриваем не как самоцель, не как нечто самодовлеющее, а как подспорье, как средство, как путь для победы пролетарской революции в других странах.

Вот что писал на этот счет тов. Ленин:

«Мы живем,— говорит Ленин,— не только в государстве, но и в системе государств, и существование Советской Республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немислимо. Б конце концов либо одно, либо другое победит. А пока это наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской Республикой и буржуазными государствами неизбежен. Это значит, что пролетариат, как господствующий класс, если только он хочет и будет господствовать, должен доказать это также с военной организацией» (см. т. XVI, стр. 102).

Из этого следует, что опасность военной интервенции существует и будет еще существовать долгое время. Другой вопрос, могут ли сейчас капиталисты предпринять против Республики Советов серьезную интервенцию. Это еще вопрос. Тут много зависит от поведения рабочих капиталистических стран, от их сочувствия стране пролетарской диктатуры, от степени их приверженности делу социализма. Что рабочие капиталистических стран не могут сейчас поддержать нашу революцию революцией против своих капиталистов,— это пока что факт. Но что капиталисты не в состоянии поднять «своих» рабочих войной против нашей республики,— это тоже факт. А воевать со страной диктатуры пролетариата без рабочих нельзя по нынешним временам без опасности подвергнуть капитализм смертельному риску. Об этом говорят бесчисленные рабочие делегации, приезжающие в нашу страну для проверки нашей работы по строитель-

ству социализма. Об этом говорит то громадное сочувствие, которое питает к Республике Советов рабочий класс всего мира. На этом сочувствии и базируется теперь международное положение нашей республики. Без него мы имели бы теперь ряд новых попыток интервенции, перерыв нашей строительной работы и отсутствие периода «передышки».

Но если сейчас капиталистический мир кг в состоянии пойти военной интервенцией против нашей страны, то это еще не значит, что он никогда не будет в состоянии сделать это. Во всяком случае капиталисты не спят, и они принимают все меры к тому, чтобы ослабить международные позиции нашей республики и создать предпосылки для интервенции. Поэтому нельзя считать исключенными как попытки интервенции, так и связанную с ними возможность реставрации старых порядков.

Ленин прав поэтому, когда он говорит:

«Пока наша Советская Республика останется одинокой окраиной всего капиталистического мира, до тех пор думать... об исчезновении тех или иных опасностей было бы совершенно смешным фантазерством и утопизмом. Конечно, пока такие коренные противоположности остались, остаются и опасности, и от них никуда не убежишь» (см. т. XVII, стр. 408—409).

Вот почему говорит Ленин, что:

«Окончательно победить можно только в мировом масштабе и только совместными усилиями рабочих всех стран» (см. т. XV, стр. 287).

Итак, что такое победа социализма в нашей стране?

Это значит завоевать диктатуру пролетариата и построить социализм, преодолев, таким образом, капиталистические элементы нашего хозяйства на основе внутренних сил нашей революции.

Что такое окончательная победа социализма в нашей стране?

Это значит создание полной гарантии от интервенции и попыток реставрации на основе победы социалистической революции по крайней мере в нескольких странах.

Если возможность победы социализма в одной стране означает возможность разрешения внутренних противоречий, вполне преодолимых для одной страны (мы имеем в виду, конечно, нашу страну), то возможность окончательной победы социализма означает возможность разрешения противоречий внешних между страной социализма и странами капитализма, противоречий, преодолимых лишь силами пролетарской революции в нескольких странах.

Кто смешивает эти два ряда противоречий, тот либо безнадежный путаник, либо неисправимый оппортунист.

Такова основная линия нашей партии.

Резолюция XIV конференции ВКП(б)

Впервые эта линия получила свое официальное партийное выражение в известной резолюции XIV конференции по вопросу о Международном положении, стабилизации капитализма и строительстве социализма в одной стране. Я думаю, что эта резолюция является одним из важнейших партийных документов в истории нашей партии не только потому, что она представляет величайшую демонстрацию в пользу ленинской линии в вопросе о строительстве социализма в нашей стране, но и потому, что она является вместе с тем

прямым осуждением троцкизма. Я думаю, что было бы нелишним отметить важнейшие пункты этой резолюции, принятой, как это ни странно, по докладу тов. Зиновьева. *(В зале движение.)*

Вот что говорится в этой резолюции о победе социализма в одной стране:

«Вообще победа социализма *(не в смысле окончательной победы)* безусловно возможна в одной стране».

По вопросу об окончательной победе социализма в резолюции сказано:

«...Наличие двух прямо противоположных общественных систем вызывает постоянную угрозу капиталистической блокады, других форм экономического давления, вооруженной интервенции, реставрации. Единственной гарантией окончательной победы социализма, т.-е. гарантией от реставрации, является следовательно, победоносная социалистическая революция в ряде стран».

А вот что сказано в резолюции по вопросу о построении полного социалистического общества и о троцкизме:

«Из этого отнюдь не вытекает, что, невозможна постройка полного социалистического общества в такой отсталой стране, как Россия, без «государственной помощи» (Троцкий) более развитых в технико-экономическом отношении стран. Составной частью троцкистской теории перманентной революции является утверждение, что «подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы» (Троцкий, 1922 г.), — утверждение, обрекающее пролетариат СССР в нынешний период на фаталистическую пассивность. Против подобных «теорий» тов. Ленин писал: «До бесконечия шаблонным является у них довод, который они выучили наизусть во время развития западно-европейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные «ученые» господа из них, объективных предпосылок для социализма» (Заметки о Суханове). (Резолюция XIV конференции РКП «О задачах Коминтерна и РКП(б) в связи с расширенным пленумом ИККИ».)

Я думаю, что эти основные пункты резолюции XIV конференции не нуждаются в пояснениях. Невозможно выразиться более ясно и определенно. Особое внимание обращает на себя то место резолюции, где между троцкизмом и сухановщиной ставится знак равенства. А что такое сухановщина? Мы знаем из известных статей Ленина против Суханова, что сухановщина есть разновидность социал-демократизма, меньшевизма. Это особенно необходимо подчеркнуть для того, чтобы понять, почему тов. Зиновьев, защищавший на XIV конференции эту резолюцию, отошел потом от нее, примкнув к точке зрения Троцкого, в блоке с которым он состоит теперь.

В связи с международным положением резолюция отмечает далее два уклона от основной линии партии, могущие создать опасности для партии.

Вот что говорится в резолюции об этих опасностях:

«Б связи с сложившимся на международной арене положением нашей партии в данный период могут угрожать две опасности:

1) уклон к пассивности, вытекающий из чрезмерно расширительного толкования наметившейся кое-где стабилизации капитализма и замедленного темпа международной революции, отсутствие достаточного импульса к энергичной и систематической работе над построением социалистического общества в СССР, несмотря на замедленный темп международной революции, и 2) уклон к национальной ограниченности, забвение обязанностей международных пролетар-

ских революционеров, бессознательное пренебрежение к теснейшей зависимости судеб СССР от развивающейся, хотя и медленно, международной пролетарской революции, непонимание того, что не только международное движение нуждается в существовании, упрочении и усилении мощи первого в мире пролетарского государства, но и диктатура пролетариата в СССР нуждается в помощи со стороны международного пролетариата». (Резолюция XIV конференции РКП «О задачах Коминтерна и РКП(б) в связи с расширенным пленумом ИККИ».)

Из этой цитаты видно, что XIV конференция, говоря о первом уклоне, имела в виду уклон к неверию в победу социалистического строительства в нашей стране, распространенный среди троцкистов; говоря же о втором уклоне, она имела в виду уклон к забвению интернациональных перспектив нашей революции, имеющий некоторое распространение среди некоторых работников по линии международной политики, сбивающихся иногда на позицию установления «сфер влияния» в зависимых странах.

Заклеймив оба эти уклона, партия в целом и ее Центральный Комитет этим самым объявили войну опасностям, идущим по линии этих уклонов.

Таковы факты.

Как могло случиться, что таз. Зиновьев, защищавший резолюцию XIV конференции в специальном докладе, отошел потом от линии этой резолюции, являющейся вместе с тем линией ленинизма; как могло случиться, что он, отходя от ленинизма, бросал вместе с тем по адресу партии смехотворное обвинение в национальной ограниченности, прикрывая свой отход от ленинизма этим обвинением,— об этом фокусе я постараюсь рассказать вам, товарищи, сейчас.

Переход «новой оппозиции» к троцкизму

Расхождение нынешних лидеров «новой оппозиции», тт. Каменева и Зиновьева, с Центральным Комитетом нашей партии по вопросу о строительстве социализма в нашей стране впервые приняло открытую форму накануне XIV конференции. Я имею в виду одно из заседаний Политбюро ЦК накануне конференции, где Каменев и Зиновьев попытались защищать по этому вопросу своеобразную точку зрения, не имеющую ничего общего с линией партии и совпадающую в основном с позицией Суханова.

Вот что писал на этот счет Московский Комитет ВКП, в ответ на известное заявление бывшей ленинградской верхушки, в декабре 1925 г., т.-е. спустя 7 месяцев:

«Не так давно тт. Каменев и Зиновьев защищали в Политбюро ту точку зрения, будто бы мы не сможем справиться с внутренними трудностями из-за нашей технической и экономической отсталости, если только нас не спасет международная революция. Мы же, вместе с большинством ЦК, думаем, что можем строить социализм, строим и построим его, несмотря на нашу техническую отсталость и вопреки ей. Мы думаем, что это строительство будет итти, конечно, гораздо медленнее, чем в условиях мировой победы, но тем не менее мы идем и будем итти вперед. Мы точно так же полагаем, что точка зрения тт. Каменева и Зиновьева выражает неверие во внутренние силы нашего рабочего класса и идущих за ним крестьянских масс. Мы полагаем, что она есть отход от ленинской позиции» (см. «Ответ»).

Я должен, товарищи, отметить, что это заявление Московского Комитета, напечатанное в «Правде» в день открытия XIV съезда, тт. Каменев и Зиновьев не попытались даже опровергнуть, молчаливо признав тем самым, что обвинения, выдвинутые Московским Комитетом, соответствуют действительности.

На самой XIV конференции тт. Каменев и Зиновьев признали формально правильность партийной линии по вопросу о строительстве социализма в нашей стране. Они были вынуждены к этому, видимо, тем обстоятельством, что точка зрения Каменева и Зиновьева не нашла сочувствия среди членов ЦК. Более того, как я уже говорил, Зиновьев даже защищал в специальном докладе на XIV конференции известную резолюцию XIV конференции, являющуюся, как вы имели возможность убедиться в этом, выражением линии нашей партии. Но последующие события показали, что Зиновьев и Каменев защищали партийную линию на XIV конференции лишь формально, по внешности, оставаясь на деле на своих позициях. Появление в свет книги тов. Зиновьева «Ленинизм», в сентябре 1925 г., представляет в этом отношении «событие», проводящее водораздел между Зиновьевым, защищавшим на XIV конференции линию партии, и Зиновьевым, отошедшим от партийной линии, от ленинизма — к идейной позиции троцкизма.

Вот что пишет тов. Зиновьев в своей книге:

«Под окончательной победой социализма следует понимать, по крайней мере: 1) уничтожение классов и, стало быть, 2) упразднение диктатуры одного класса, в данном случае диктатуры пролетариата»... «Чтобы еще точнее уяснить себе,— говорит дальше тов. Зиновьев,— как стоит вопрос у нас в СССР в 1925 г., надо различать две вещи: 1) обеспеченная *возможность* строить социализм — такая возможность строить социализм вполне, разумеется, *может* мыслиться и в рамках одной страны, и 2) окончательное построение и упрочение социализма, т.-е. осуществление социалистического строя, социалистического общества...».

Вы видите, что тут все перепутано и перевернуто вверх дном. По Зиновьеву выходит, что победить, в смысле победы социализма в одной стране — это значит иметь возможность строить социализм, но не иметь возможности построить его. Строить, будучи уверенным, что не построишь. Вот что называется, оказывается, у Зиновьева победой социализма в одной стране. (Смех.) Что касается построения социалистического общества, то он спутывает его с вопросом об окончательной победе, демонстрируя тем самым полное свое непонимание вопроса в целом о победе социализма в нашей стране. Строить социалистическое хозяйство, зная, что не построишь — вот до чего докатился тов. Зиновьев.

Нечего и говорить, что такая позиция не имеет ничего общего с основной линией ленинизма о строительстве социализма. Нечего и говорить, что такая позиция, ослабляя волю пролетариата к строительству социализма в нашей стране и тормозя тем самым развязывание революции в других странах, опрокидывает вверх дном самые основы интернационализма. Это есть та позиция, которая прямо подходит и подает руку идейной позиции троцкизма.

То же самое нужно сказать о выступлениях тов. Зиновьева на XIV съезде в декабре 1925 г. Вот что он говорил на XIV съезде, критикуя тов. Яковлева:

«Вы посмотрите, до чего, напр., договорился тов. Яковлев на последней Курской губпартконференции. «Можем ли мы в одной стране,— спрашивает он,— будучи окружены со всех сторон капиталистическими врагами, можем ли мы в таких условиях в одной стране построить социализм?». И отвечает: «На основе всего сказанного мы вправе сказать, что мы не только строим социализм, но что мы, несмотря на то, что мы пока что одни, что мы пока единственная в мире советская страна, советское государство,— мы этот социализм построим» («Курская Правда», № 279 от 8 декабря 1925 г.). *Разве это ленинская постановка вопроса, разве здесь не отдает душком национальной ограниченности?* (Курсив мой. — И. См.).

Выходит, что тов. Яковлев, защищавший в основном линию партии и ленинизма, заслуживает обвинения в национальной ограниченности. Выходит, что защищать линию партии, закреплённую в известной резолюции XIV конференции,— значит впасть в национальную ограниченность. Это и называется у нас: докатился! В этом, собственно, и кроется фокус, разыгрываемый тов. Зиновьевым и состоящий в том, что свой отход от ленинизма к позиции троцкизма старается он прикрыть смехотворными обвинениями по адресу ленинцев в национальной ограниченности.

Поэтому тезисы об оппозиционном блоке говорят сущую правду, утверждая, что новая оппозиция перешла на сторону троцкизма в основном вопросе о возможности победы социализма в нашей стране, или— что одно и то же — в вопросе о характере и перспективах нашей революции.

Несколько особое положение занимает в этом вопросе *формально* тов. Каменев, что должно быть здесь отмечено. Это факт, что тов. Каменев, вопреки тов. Зиновьеву, заявил открыто как на XIV партконференции, так и на XIV партсъезде о своей солидарности с линией партии в вопросе о строительстве социализма в нашей стране. Тем не менее XIV съезд партии не принял всерьёз заявление тов. Каменева, не поверил ему на слово, отнеся его в своей резолюции по отчету ЦК к группе товарищей, отошедших от ленинизма. Почему? Потому, что тов. Каменев не захотел и не счел нужным подкрепить свое заявление о солидарности с линией партии делом. А что значит подкрепить свое заявление делом? Это значит порвать с теми, которые ведут борьбу с линией партии. Партия знает немало примеров, когда люди, заявлявшие словесно о своей солидарности с партией, продолжали, вместе с тем, политическую дружбу с элементами, ведущими борьбу против партии. Ленин в таких случаях обычно говорил, что такие «сторонники» партийной линии хуже ее противников. Известно, напр., что тов. Троцкий в эпоху империалистской войны заявлял неоднократно о своей солидарности и преданности принципам интернационализма. Однако, Ленин его называл тогда «пособником социал-шовинистов». Почему? Потому, что, заявляя о своем интернационализме, тов. Троцкий не хотел в то же время рвать с Каутским и Мартовым, Потресовым и Чхеидзе. И Ленин был, конечно, прав. Ты хочешь, чтобы твое заявление было принято всерьёз,— тогда подкрепи свое заявление делом и. прекрати политическую дружбу с людьми, ведущими борьбу против линии партии.

Вот почему я думаю, что заявления тов. Каменева о его солидарности с линией партии в вопросе о строительстве социализма не могут быть приняты всерьез, коль скоро он не хочет подкрепить слово делом и продолжает оставаться в блоке с троцкистами.

Отписка тов. Троцкого. Тов. Смилга. Тов. Радек

Могут сказать, что все это хорошо и правильно. Но нет ли каких-либо оснований и документов, говорящих о том, что лидеры оппозиционного блока не прочь повернуть от социал-демократического уклона к ленинизму? Вот, напр., книжка тов. Троцкого: «К социализму или к капитализму?» Не является ли она, эта книжка, признаком того, что тов. Троцкий не прочь отказаться от своих принципиальных ошибок? Некоторые даже думают, что тов. Троцкий действительно отказался, или старается отказаться, в этой книжке от своих принципиальных ошибок. Я, грешный человек, в данном случае страдаю некоторым неверием в это дело (*смех*) и должен сказать, что такие предположения, к сожалению, совершенно не соответствуют действительности.

Вот, напр., наиболее яркое место из книги тов. Троцкого «К социализму или к капитализму?»:

«Государственная Плановая Комиссия (Госплан) опубликовала сводную таблицу по «контрольным» цифрам народного хозяйства СССР на 1925/26 г. Все это звучит очень сухо и, так сказать, бюрократично. Но в этих сухих статистических колонках и почти столь же сухих и сдержанных пояснениях к ним звучит великолепная историческая музыка растущего социализма».

Что это такое: «великолепная историческая музыка растущего социализма»? Каков смысл этой «великолепной» фразы, если вообще есть в этой фразе какой-либо смысл? Есть ли тут ответ, хотя бы намек ответа, на вопрос о возможности победы социализма в нашей стране? Об исторической музыке растущего социализма можно было говорить и в 1917 г., когда мы свергли буржуазию, и в 1920 г., когда мы вышибли вон интервенционистов из нашей страны, ибо это была действительно великолепная историческая музыка растущего социализма, когда мы, свергнув буржуазию в 1917 г. и изгнав вон интервенционистов, дали всему миру великолепные факты силы и могущества растущего социализма в нашей стране. Но имеет ли это и может ли иметь какое бы то ни было отношение к вопросу о возможности победоносного строительства социализма в нашей стране? Мы можем, — говорит Троцкий, — идти к социализму. Но можем ли *прийти* к социализму, — вот в чем вопрос. Итти, зная, что не придеешь к социализму, — разве это не глупость? Нет, товарищи, «великолепная» фраза тов. Троцкого о музыке и прочем представляет не ответ на вопрос, а адвокатскую отговорку и «музыкальную» отписку от вопроса. (*Голоса с мест*: «Правильно!»)

Я думаю, что эту великолепную и музыкальную отписку тов. Троцкого можно было бы поставить на одну доску с той отпиской в вопросе о квалификации ленинизма, которую дал в свое время тов. Троцкий в своей брошюре «Новый курс». Не угодно ли послушать:

«Ленинизм, как система революционного действия, предполагает воспитанное размышлением и опытом революционное чутье, которое в области общественной — то же самое, что мышечное ощущение в физическом труде».

Ленинизм, как «мышечное ощущение в физическом труде». Не правда ли — и ново, и оригинально, и глубокомысленно. Вы поняли что-нибудь? (Смех.) Все это очень красочно, музыкально и, если хотите, даже великолепно. Не хватает только «мелочи»: простого и человеческого определения ленинизма.

Ленин имел в виду такие именно случаи особого увлечения Троцким музыкальной фразой, когда он писал о Троцком следующие, напр. горькие, но правдивые слова:

«Не все то золото, что блестят. Много блеску и шуму в фразах Троцкого, но содержания в них нет» (см. т. XII, ч. 2, стр. 449).

Так обстоит дело с книжкой тов. Троцкого «К социализму или к капитализму?», выпущенной в свет в 1925 г.

Что касается более позднего времени, напр., 1926 г., то мы имеем документ от сентября 1926 г., подписанный тов. Троцким, который не оставляет никаких сомнений в том, что Троцкий продолжает оставаться на своей, отвергнутой партией, точке зрения. Я имею в виду письмо тов. Троцкого к оппозиционерам.

Вот что говорится в этом документе:

«Ленинградская оппозиция своевременно забила тревогу по поводу замазывания дифференциации деревни, по поводу роста кулака и роста его влияния не только на стихийные процессы хозяйства, но и на политику Советской власти; по поводу того, что в рядах нашей собственной партии создалась, под покровительством Бухарина, теоретическая школа, которая явно отражает давление мелкобуржуазной стихии нашего хозяйства; *ленинградская оппозиция энергично выступила против теории социализма в одной стране, как теоретического оправдания национальной ограниченности*»... (Курсив мой. - И. Ст.) (Из приложений к стенограмме заседаний ПБ ЦК ВКП(б) от 8 и 11 октября 1926 г. по вопросу о внутрипартийном положении.)

Тут, в этом документе, подписанном тов. Троцким, сказано все: и то, что лидеры «новой оппозиции» отошли от ленинизма к троцкизму, и то, что тов. Троцкий продолжает оставаться целиком и полностью на старых своих позициях социал-демократического уклона в нашей партии.

Ну, а как другие лидеры оппозиционного блока, например, тов. Смилга или тов. Радек? Я думаю, что эти товарищи являются тоже лидерами оппозиционного блока. Смилга и Радек, — чем они не лидеры? Как они расценивают позицию партии, позицию ленинизма в вопросе о строительстве социализма в нашей стране?

Вот что говорил, напр., тов. Смилга в сентябре 1926 г. в Комакадемии: «Я утверждаю, — говорит он, — что он (Бухарин. И. Ст.) находится целиком в плену восстановительной идеологии, он считает доказанным, что экономическая отсталость нашей страны не может быть препятствием для построения социалистическо-

го строя в России... Я считаю, что, безусловно, занимаясь социалистическим строительством, мы строим социализм. Но, спрашивается, дает ли восстановительный период основания для проверки, для ревизии центрального пункта марксизма и ленинизма, который заключается в том, что в одной технической отсталой стране социализм построить невозможно» (Курсив мой. — И. Ст.).

Тоже, как видите, «позиция», целиком совпадающая с позицией г. Суханова в основном вопросе о характере и перспективах нашей революции. Разве не верно, что позиция Смильги вполне отвечает позиции тов. Троцкого, которую я назвал, и назвал по праву, позицией социал-демократического уклона? (*Голоса: «Правильно!»*) Можно ли считать, что оппозиционный блок ответственен за подобные выступления тов. Смильги? Можно и должно. Пытался ли когда-либо оппозиционный блок отмежеваться от тов. Смильги? Нет, не пытался. Наоборот, он всемерно поощрял тов. Смильгу в его выступлениях в Комакадемии.

А вот и другой лидер, тов. Радек, выступавший в Комакадемии совместно со Смильгой и разносивший там «в пух и прах» нашего брата. (*Смех.*) У нас есть документ, говорящий о том, что тов. Радек хихикал и издевался над теорией построения социализма в нашей стране, называя ее теорией строительства социализма «в одном уезде», или даже «на одной улице», при чем на реплику товарищей с мест о том, что эта теория есть «ленинская идея», тов. Радек ответил:

«Вы плохо читали Ленина; если бы Владимир Ильич был жив, он бы сказал, что это — щедринская идея. У Щедрина в «Помпадурах» есть помпадур единственный, который либерализм строит в одном уезде».

Можно ли назвать это пошлое и либеральнее хихиканье тов. Радека насчет идеи строительства социализма в одной стране иначе, как полным разрывом с ленинизмом? Отвечает ли оппозиционный блок за эту пошлость тов. Радека? Безусловно, да. Почему же он не отмежевывается от нее? Потому, что оппозиционный блок не думает покидать своей позиции отхода от ленинизма.

Решающее значение вопроса о перспективах нашего строительства

Могут спросить: к чему все эти споры о характере и перспективах нашей революции, к чему споры о том, что будет в будущем или что может быть в будущем, — не лучше ли отбросить все эти споры в сторону и заняться практической работой?

Я считаю, товарищи, что такая постановка вопроса в корне неправильна, ибо она не имеет ничего общего с ленинизмом

Мы не можем двигаться вперед, не зная, куда нужно двигаться, не зная цели движения. Мы не можем строить без перспектив, без уверенности, что, начав строить социалистическое хозяйство, можем его построить. Без ясных перспектив, без ясных целей партия не может руководить строительством. Мы не можем жить по рецепту Бернштейна: «Движение — все, цель — ничто». Мы, наоборот, как революционеры, должны подчинять свое движение

вперед, свою практическую работу — основной классовой цели пролетарского строительства. Без этого — в болото оппортунизма, неминуемо и безусловно.

Далее. Без ясных перспектив нашего строительства, без уверенности построить социализм рабочие массы не могут *сознательно* участвовать в этом строительстве, они не могут *сознательно* руководить крестьянством. Без уверенности построить социализм не может быть воли к строительству социализма. Кому охота строить, зная, что не построить? Отсутствие социалистических перспектив нашего строительства ведет поэтому к ослаблению воли пролетариата к этому строительству неминуемо и безусловно.

Дальше. Ослабление воли пролетариата к строительству социализма не может не вызвать усиления капиталистических элементов нашего хозяйства. Ибо что значит строить социализм, как не то, чтобы побороть капиталистические элементы нашего хозяйства. Упадочные и пораженческие настроения в рабочем классе не могут не окрылять надежд капиталистических элементов на реставрацию старых порядков. Кто недооценивает решающего значения социалистических перспектив нашего строительства, тот помогает капиталистическим элементам нашего хозяйства, тот культивирует капитулянтство.

Наконец, ослабление воли пролетариата к победе над капиталистическими элементами нашего хозяйства, тормозя наше социалистическое строительство, не может не задерживать развязывание международной революции во всех странах. Не следует забывать, что мировой пролетариат смотрит на наше хозяйственное строительство и на наши успехи на этом фронте с надеждой, что мы выйдем из этой борьбы победителями, что нам удастся построить социализм. Бесчисленное количество рабочих делегаций, приезжающих к нам с Запада и щупающих каждый уголок нашего строительства, говорит о том, что наша борьба на фронте строительства имеет громадное международное значение, в смысле ее революционизирующего значения для пролетариев всех стран. Кто пытается свертывать социалистические перспективы нашего строительства, тот пытается гасить надежды международного пролетариата на нашу победу, а кто гасит эти надежды, тот нарушает элементарные требования пролетарского интернационализма. Ленин был тысячу раз прав, когда он говорил:

«Сейчас главное свое воздействие на *международную* революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой. Все на Советскую Российскую Республику смотрят, все трудящиеся во всех странах мира, без всякого исключения и без всякого преувеличения... На этом поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу — и тогда мы выиграли в международном масштабе *навсегда и окончательно* (Курсив мой. — И. Ст.). Поэтому вопросы хозяйственного строительства приобретают для нас значение совершенно исключительное. На этом фронте мы должны одержать победу медленным, постепенным, — быстрым нельзя, — но неуклонным повышением и движением вперед» (см. т. XVIII, ч. 1, стр. 282).

Вот почему я думаю, что наши споры по вопросу о возможности победы социализма в нашей стране имеют важнейшее значение, ибо в этих спо-

рах куется и определяется решение вопроса о перспективах нашей работы, о классовых целях этой работы, об основной установке этой работы на ближайший период.

Вот почему я думаю, что вопрос о социалистических перспективах нашего строительства имеет для нас первостепенное значение.

Политические перспективы оппозиционного блока

Политические перспективы оппозиционного блока вырастают из их основной ошибки о характере и перспективах нашей революции.

Так как международная революция затягивается, а веры во внутренние силы нашей революции не имеется у оппозиции, то перед нею стоят две перспективы:

либо перерождение партии и госаппарата, фактический отход «лучших элементов» (т.-е. оппозиции) коммунизма от власти и образование из этих элементов новой, «чисто-пролетарской» партии, стоящей в оппозиции к официальной, не «чисто» пролетарской партии (перспектива Оссовского);

либо попытки выдавать свое собственное нетерпение за действительность, отрицание частичной стабилизации капитализма и «сверхчеловеческие», «героические» прыжки и вторжения как в область внутренней политики (сверхиндустриализация), так и в область внешней политики (ультра-левые фразы и жесты).

Я думаю, что из всех оппозиционеров Оссовский является наиболее смелым и наиболее мужественным. Если бы у оппозиционного блока хватило мужества и последовательности, то он должен был бы стать на путь Оссовского. Но так как у оппозиционного блока нехватает ни последовательности, ни мужества, то он скатывается на путь второй перспективы, на путь «сверхчеловеческих» прыжков и «героических» вторжений в область объективного хода вещей.

Отсюда отрицание частичной стабилизации капитализма, лозунг отхода или даже выхода из профсоюзов на Западе, требование взорвать Англо-Русский Комитет, требование индустриализовать нашу страну, чуть ли не в полгода и т. д.

Отсюда авантюризм в политике оппозиционного блока.

В связи с этим приобретает особое значение теория оппозиционного блока (она же — теория троцкизма) о перепрыгивании через крестьянство у нас, в нашей стране, в деле индустриализации нашей страны, о перепрыгивании через реакционность профсоюзов там, на Западе, особенно в связи с забастовкой в Англии.

Оппозиционный блок думает, что если партия выработала правильную линию, то этого вполне достаточно для того, чтобы партия стала массовой тотчас же и немедленно, чтобы партия могла повести массы на решающие битвы тотчас же и немедленно. Оппозиционный блок не понимает, что такое отношение к вопросу о руководстве массами не имеет ничего общего с позицией ленинизма.

Были ли правильны апрельские тезисы Ленина о советской революции, данные весной 1917 г.? Да, были правильны. Почему же Ленин тогда не призывал к немедленному свержению правительства Керенского? Почему он бо-

ролся с ультра-левыми группами в нашей партии, выкинувшими тогда лозунг немедленного свержения Временного Правительства? Потому, что Ленин знал, что для совершения революции недостаточно иметь правильную партийную линию. Потому, что Ленин знал, что для совершения революции необходимо еще одно обстоятельство, а именно, чтобы массы, широкие рабочие массы, убедились *на своем собственном опыте* в правильности линии партии. А для этого, в свою очередь, необходимо время, неустанная работа партии в массах, неустанная работа по убеждению масс в правильности линии партии. Именно поэтому Ленин, давая свои революционные апрельские тезисы, вместе с тем давал лозунг о «терпеливой» пропаганде в массах в пользу правильности этих тезисов. На эту терпеливую работу ушло тогда 8 месяцев. Но эти месяцы были революционными месяцами, которые равняются, по крайней мере, годам обычного «конституционного» времени. Мы выиграли Октябрьскую революцию потому, что умели различать между правильной линией партии и между тем, чтобы массы призвали правильность этой линии. Этого не понимают и не хотят понять оппозиционные герои «сверхчеловеческих» прыжков.

Была ли правильна позиция английской компартии в период забастовки в Англии? Да, в основном она была правильна. Почему же ей не удалось повести *сразу* за собой миллионные массы английских рабочих? Потому, что она не успела, и не могла успеть, убедить массы в короткий срок в правильности своей линии. Потому, что между выработкой правильной линии партии и между тем, чтобы партия повела за собой миллионные массы, существует промежуток, более или менее длительный промежуток, в продолжение которого партия должна вести неустанную работу по убеждению масс в правильности своей политики. Этот промежуток нельзя перепрыгнуть. Глупо думать, что его можно перепрыгнуть. Его можно лишь изжить и преодолеть в терпеливой работе по политическому просвещению масс.

Этих азбучных истин ленинского руководства массами оппозиционный блок не понимает, и в этом надо искать источник его политических ошибок.

Вот один из многочисленных образчиков политики «сверхчеловеческих» прыжков и отчаянных жестов тов. Троцкого:

«Российский пролетариат,— говорил в свое время тоз. Троцкий,— оказавшись у власти, хотя бы лишь вследствие временной конъюнктуры нашей буржуазной революции, встретит организованную вражду со стороны мировой реакции и готовность к организованной поддержке со стороны мирового пролетариата. Предоставленный своим собственным силам, рабочий класс России будет неизбежно раздавлен контрреволюцией в тот момент, когда крестьянство отвернется от него. Ему ничего другого не останется, как связать судьбу своего политического господства и, следовательно, судьбу всей российской революции, с судьбой социалистической революции в Европе. Ту колоссальную государственно-политическую силу, которую даст ему временная конъюнктура российской буржуазной революции, он обрушит на чашу весов классовой борьбы всего капиталистического мира. *С государственной властью в руках, с контрреволюцией за спиной, с европейской реакцией пред собою, он бросит своим братьям во всем мире старый призванный клич, который будет на этот раз кличем последней атаки: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»* (Курсив мой.— И. Ст.)

Не угодно ли: пролетариат, оказывается, должен взять власть в России, но, взяв власть, он должен обязательно передрасться с крестьянством, и вот после того, как пролетариат передерется с ним, он должен броситься в отчаянную схватку с мировой буржуазией, имея «контрреволюцию за спиной» и «европейскую реакцию» перед собой.

Что тут, в этой «схеме» тов. Троцкого, имеется немало «музыкального», «сверхчеловеческого» и «отчаянно великолепного», — с этим пожалуй, можно согласиться. Но что тут нет ни грана ни марксизма ни революционности, что тут мы имеем дело лишь с пустой игрой в революцию и с авантюризмом в политике, — в этом тоже не может быть сомнения.

А между тем, не подлежит сомнению, что эта «схема» тов. Троцкого является прямым выражением нынешних политических перспектив оппозиционного блока, результатом и плодом троцкистской теории перепрыгивания» через неизжившие себя формы движения.

III. Политические и организационные ошибки оппозиционного блока

Политические и организационные ошибки оппозиционного блока являются прямым продолжением его главной ошибки в основном вопросе о характере и перспективах нашей революции.

Говоря о политических и организационных ошибках оппозиции, я имею в виду такие вопросы, как вопрос о гегемонии пролетариата в деле хозяйственного строительства, вопрос об индустриализации, вопрос о партийном аппарате и «режиме» в партии и т. д.

Партия исходит из того, что в своей политике вообще, в экономической политике в особенности, нельзя отрывать сельское хозяйство от индустрии, что развитие этих двух основных отраслей хозяйства должно пойти по линии их сочетания, по линии их объединения в социалистическом хозяйстве.

Отсюда наш социалистический метод индустриализации страны через *неуклонное улучшение* материального положения трудящихся масс, в том числе и основной массы крестьянства, как основной базы развертывания индустриализации. Я говорю о социалистическом методе индустриализации в отличие от капиталистического метода индустриализации, проводимого через *обнищание* миллионных масс трудящихся слоев.

В чем состоит основной минус капиталистического метода индустриализации? В том, что он ведет к разрыву интересов индустриализации с интересами трудящихся масс, к обострению внутренних противоречий в стране, к обнищанию миллионных масс рабочих и крестьян, к обращению прибылей не на улучшение материального и культурного положения широчайших масс внутри страны, а на вывоз капитала и на расширение базы капиталистической эксплуатации внутри и вне страны.

В чем состоит основной плюс социалистического метода индустриализации? В том, что он ведет к единству интересов индустриализации

и интересов основных масс трудящихся слоев населения, в том, что он ведет не к обнищанию миллионных масс, а к улучшению материального положения этих масс, не к обострению внутренних противоречий, а к их сглаживанию и разрешению, в том, что он неуклонно расширяет внутренний рынок и подымает емкость этого рынка, создавая таким образом прочную внутреннюю базу для развертывания индустриализации.

Отсюда прямая заинтересованность основных масс крестьянства в социалистических путях индустриализации.

Отсюда возможность и необходимость осуществления гегемонии пролетариата в отношении крестьянства в деле социалистического строительства вообще, индустриализации страны в частности.

Отсюда идея смычки социалистической индустрии с крестьянским хозяйством — прежде всего через массовое кооперирование крестьянства, идея руководящей роли индустрии в отношении сельского хозяйства.

Отсюда наша налоговая политика, политика снижения цен на промтовары и т. д., учитывающие интересы сохранения экономического сотрудничества пролетариата и крестьянства, интересы укрепления союза рабочих и крестьян.

Оппозиционный блок, наоборот, исходит из противопоставления индустрии сельскому хозяйству и сбивается на путь отрыва индустрии от сельского хозяйства. Он не понимает и не признает, что нельзя двигать вперед индустрию, обходя интересы сельского хозяйства, грубо нарушая эти интересы. Он не понимает, что если индустрия является руководящим началом народного хозяйства, то сельское хозяйство, в свою очередь, представляет ту базу, на основе которой может развиваться у нас индустрия.

Отсюда рассматривание крестьянского хозяйства как «колонии», которую должно «эксплуатировать» пролетарское государство (Преображенский).

Отсюда боязнь хорошего урожая (Троцкий), являющегося, будто бы, силой, могущей дезорганизовать нашу экономику.

Отсюда своеобразная политика оппозиционного блока, сбивающаяся на путь обострения внутренних противоречий между индустрией и сельским хозяйством, на путь капиталистических методов индустриализации страны.

Не угодно ли, напр., послушать тов. Преображенского, являющегося одним из лидеров оппозиционного блока? Вот что он говорит в одной из своих статей:

«Чем более экономически-отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства... — тем больше социалистическое накопление вынуждено опираться на *эксплуатацию досоциалистических форм хозяйства*... Наоборот, чем более экономически и индустриально развитой является та или другая страна, в которой побеждает социальная революция..., чем более для пролетариата данной страны является необходимым уменьшить неэквивалентность обмена своих продуктов на продукты *колоний*, т.-е. уменьшить *эксплуатацию последних*, — тем более центр тяжести социалистического накопления будет перемещаться на производственную основу социалистических форм, т.-е. опираться на прибавочный продукт собственной промышленности и собственного земледелия».

Едва ли нужно доказывать, что тов. Преображенский сбивается на путь непримиримых противоречий между интересами нашей индустрии и интересами крестьянского хозяйства нашей страны, — стало быть, на путь капиталистических методов индустриализации.

Я думаю, что тов. Преображенский, приравнивая крестьянское хозяйство к «колонии» и пытаясь строить отношения между пролетариатом и крестьянством как отношения *эксплуатации*, — подрывает тем самым, пытается подорвать, сам того не понимая, основы всякой возможной индустриализации.

Я утверждаю, что эта политика не имеет ничего общего с политикой партии, строящей дело индустриализации на основе экономического *сотрудничества* между пролетариатом и крестьянством.

То же самое, или почти то же самое, нужно сказать о тов. Троцком, который боится «хорошего урожая» и думает, видимо, что хороший урожай представляет опасность с точки зрения хозяйственного развития нашей страны. Вот что он говорил, напр., на апрельском пленуме:

«В этих условиях (Троцкий говорит об условиях современной диспропорции. — *И. Ст.*) *хороший урожай*, т.-е. потенциально-возросшее число товарных излишков сельского хозяйства, *может стать фактором, не ускоряющим темп хозяйственного развития в сторону социализма, а, наоборот, дезорганизуя экономику, обостряющим взаимоотношения между городом и деревней, а внутри самого города — между потребителями и государством, практически говоря, хороший урожай — при отсутствии промтоваров — может означать перегонку зерна в увеличенном количестве на самогонивозросшие городские хвосты. Политически это будет означать борьбу крестьянина против монополии внешней торговли, т.-е. против социалистической промышленности*» (Курсивной. — *И. Ст.*).

Стоит только сопоставить это более чем странное заявление тов. Троцкого с заявлением тов. Ленина в период самого обостренного товарного голода о том, что «хороший урожай является спасением страны», чтобы понять всю неправильность заявления тов. Троцкого.

Тов. Троцкий, видимо, не признает того положения, что индустриализация может развиваться у нас лишь через постепенное улучшение материального положения трудовых масс деревни.

Тов. Троцкий, видимо, исходит из того, что индустриализация должна осуществляться у нас через некоторый, так сказать, «нехороший урожай».

Отсюда практические предложения оппозиционного блока насчет поднятия отпускных цен, налогового нажима на крестьянство и т. д., предложения, ведущие не к укреплению экономического сотрудничества между пролетариатом и крестьянством, а к его разложению, не к подготовке условий для гегемонии пролетариата в области хозяйственного строительства, а к подрыву этих условий, не к смычке индустрии с крестьянским хозяйством, а к их размычке.

Несколько слов о дифференциации крестьянства. Всем известны шум и паника оппозиции по поводу роста дифференциации. Всем известно, что никто так не разводил панику насчет роста частного мелкого капитала в деревне, как оппозиция. Что же, однако, получается на деле? А вот что. Во-первых,

дифференциация среди крестьянства, как это показал в своем докладе тов. Рыков, происходит в совершенно своеобразных формах, в обстановке нашей действительности, не через «вымывание» середняка, а наоборот, через его усиление, при значительном сужении крайних полюсов, при чем такие факторы, как национализация земли, массовое кооперирование крестьянства, наша налоговая политика и т. д. не могут не создавать известных рамок и ограничений для самой дифференциации. Во-вторых,— и это главное,— рост частного мелкого капитала в деревне покрывается и перекрывается таким решающим фактом, как развитие нашей индустрии, укрепляющей позиции пролетариата и социалистических форм хозяйства и представляющей основное противоядие против всех и всяких форм частного капитала.

Все эти обстоятельства, видимо, прошли мимо поля зрения новой оппозиции, продолжающей, по инерции, кричать и разводить панику насчет частного капитала в деревне.

Может быть, не лишне будет напомнить оппозиции слова Ленина на этот предмет. Вот что говорит на этот счет тов. Ленин:

«Всякое улучшение положения крупного производства, возможность пустить некоторые крупные фабрики — настолько упрочивает положение пролетариата, что бояться стихии мелкой буржуазии, даже возрастающей, нечего. Не того надо бояться, что мелкая буржуазия и мелкий капитал вырастут. Надо бояться того, что слишком долго продолжается состояние нужды, недостатка продуктов, из которого вытекает уже обессиление пролетариата, его невозможность противостоять стихии мелкобуржуазных колебаний. При увеличении количества продуктов никакое развитие мелкой буржуазии не будет большим минусом, поскольку это дает развитие крупной промышленности»... (см. т. XVIII, ч. 1, стр. 154—155).

Поймут ли когда-либо товарищи из оппозиции, что паника насчет дифференциации и частного капитала в деревне есть обратная сторона неверия в возможность победоносного социалистического строительства в нашей стране.

Несколько слов о борьбе оппозиции против партийного аппарата и «режима» в партии.

К чему сводится на деле борьба оппозиции против партийного аппарата, представляющего руководящее ядро нашей партии? Едва ли нужно доказывать, что борьба оппозиции в этой области сводится, в конце концов, к попыткам дезорганизовать партийное руководство и разоружить партию в ее борьбе за улучшение государственного аппарата, за изгнание бюрократизма из этого аппарата, за руководство государственным аппаратом.

К чему ведет борьба оппозиции с «режимом» в партии? К тому, чтобы разложить железную дисциплину в партии, без которой немыслима диктатура пролетариата, к тому, чтобы расшатать, в конце концов, основы диктатуры пролетариата.

Партия права поэтому, утверждая, что политические и организационные ошибки оппозиции являются отражением напора непролетарских элементов на нашу партию, на диктатуру пролетариата.

Таковы, товарищи, политические и организационные ошибки оппозиционного блока.

IV. Некоторые выводы

Недавно на пленуме ЦК и ЦКК тов. Троцкий заявил, что принятие конференцией тезисов об оппозиционном блоке должно неминуемо повести к исключению лидеров оппозиции из партии. Я должен заявить, товарищи, что это заявление тов. Троцкого лишено всякого основания, что оно является насквозь фальшивым. Я должен заявить, что принятие тезисов об оппозиционном блоке может иметь лишь одну цель: решительную борьбу с принципиальными ошибками оппозиции на предмет их полного преодоления.

Всем известно, что X съезд нашей партии принял резолюцию об анархо-синдикалистском уклоне. А что такое анархо-синдикалистский уклон? Нельзя сказать, чтобы анархо-синдикалистский уклон был «лучше» социал-демократического уклона. Однако, из факта принятия резолюции об анархо-синдикалистском уклоне никто еще до сих пор не делал вывода о том, что члены «рабочей оппозиции» подлежат исключению из партии.

Тов. Троцкий не может не знать, что XIII съезд нашей партии объявил троцкизм «явно выраженным мелкобуржуазным уклоном». Однако никто еще до сих пор не считал, что принятие такой резолюции должно повести к исключению лидеров троцкистской оппозиции из партии.

Вот соответствующее место из резолюции XIII съезда:

«В лице нынешней оппозиции мы имеем перед собою не только попытку ревизии большевизма, не только прямой отход от ленинизма, но и *явно выраженный мелкобуржуазный уклон*. Не подлежит никакому сомнению, что эта «оппозиция» объективно отражает напор мелкой буржуазии на позиции пролетарской власти и ее политику». (Из резолюции XIII съезда.)

Пусть объяснит нам тов. Троцкий, чем лучше мелкобуржуазный уклон уклона социал-демократического.. Разве трудно понять, что социал-демократический уклон является разновидностью мелкобуржуазного уклона. Разве трудно понять, что, говоря о социал-демократическом уклоне, мы лишь уточняем то, что сказано у нас в резолюции XIII съезда. Мы вовсе не объявляем лидеров оппозиционного блока социал-демократами. Мы только говорим, что у оппозиционного блока наметился социал-демократический уклон, и предупреждаем, что еще не поздно отойти от этого уклона, к чему мы и призываем оппозиционный блок

А вот что сказано о троцкизме в известной резолюции ЦК и ЦКК в январе 1925 г.:

«По существу дела современный троцкизм есть фальсификация коммунизма в духе приближения к европейским образцам псевдо-марксизма, т. е., в конце концов, в духе «европейской» социал-демократии». (Из резолюции пленума ЦК и ЦКК 17 января 1925 г.)

Должен сказать, что обе эти резолюции писаны в основном рукой тов. Зиновьева. Однако не только партия в целом, но даже Зиновьев — в частности, не делали из этого вывода о том, что лидеры троцкистской оппозиции должны быть исключены из партии.

Может быть, не лишне будет отметить отзыв тов. Каменева о троцкизме, приравнивающего троцкизм к меньшевизму? Слушайте:

«Троцкизм был всегда наиболее благовидной, наиболее прикрытой, наиболее приспособленной к обману именно революционно настроенной части рабочих *формой меньшевизма*». (Сборник статей «За ленинизм». Л. Каменев, «Партия и троцкизм», стр. 51.)

Все эти факты известны Троцкому не меньше, чем любому из нас. Однако, никто еще не ставил вопроса об исключении тов. Троцкого и его единомышленников на основании резолюций, скажем, XIII съезда.

Вот почему я думаю, что заявление тов. Троцкого на пленуме ЦК и ЦКК является неискренним, насквозь фальшивым.

Одобрив в основном тезисы об оппозиционном блоке, октябрьский пленум ЦК и ЦКК имел в виду не репрессии, а необходимость идейной борьбы с принципиальными ошибками оппозиции, от которых оппозиция все еще не отказывается и за которые она намерена бороться и впредь в рамках устава, как она сообщает об этом в своем «заявлении» от 16 октября. Поступая так, пленум ЦК и ЦКК исходил из того, что борьба с принципиальными ошибками оппозиции является единственным средством их преодоления, а преодоление этих ошибок — единственным путем действительного единства в нашей партии. Разбив оппозиционный блок и заставив его отказаться от фракционности, партия добилась этим необходимого минимума, без которого невозможно единство в партии. Это, конечно, не мало. Но этого недостаточно. Для того, чтобы добиться полного единства, необходимо сделать еще шаг вперед, добиваясь отказа оппозиционного блока от его принципиальных ошибок и ограждая таким образом партию и ленинизм от наскоков и попыток ревизии.

Это — первый вывод.

Отклонив принципиальную позицию оппозиционного блока и отбросив прочь попытки оппозиции к новой дискуссии, партийные массы сказали: сейчас не время для болтовни, пора взяться вплотную за дело социалистического строительства. Отсюда вывод: поменьше болтовни, побольше творческой положительной работы, вперед за социалистическое строительство!

Это — второй вывод.

А третий вывод состоит в том, что в ходе внутрипартийной борьбы и в ходе отражения наскоков оппозиции партия сплотилась воедино, как никогда, *на основе* социалистических перспектив нашего строительства.

Это — третий вывод.

Партия, сплотившаяся *на основе* социалистических перспектив нашего строительства, это — тот самый рычаг, который так нужен теперь для того, чтобы двинуть вперед социалистическое строительство в нашей стране.

Этот рычаг выковали мы в борьбе с оппозиционным блоком.

Борьба сплотила нашу партию вокруг ее ЦК на основе социалистических перспектив нашего строительства. Конференция должна оформить это сплочение тем, что она, я надеюсь, единогласно примет тезисы, предложенные ей Центральным Комитетом.

Я не сомневаюсь, что конференция выполнит это свое дело с честью. (*Бурные, продолжительные аплодисменты; все делегаты встают; овация.*)

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

I. О некоторых общих вопросах

Марксизм не догма, а руководство к действию

Товарищи! В своем докладе я говорил, что марксизм не догма, а руководство к действию, что известная формула Энгельса, данная в 40-х годах прошлого столетия, была правильна в свое время, но теперь она стала недостаточной. Я говорил, что она должна быть ввиду этого заменена формулой Ленина о том, что при новых условиях развития капитализма и классово-вой борьбы пролетариата победа социализма в отдельных странах вполне возможна и вероятна.

Мне возражали во время прений. Особенно постарался в этом отношении тов. Зиновьев. Я вынужден поэтому вновь поставить этот вопрос и осветить его более подробно.

Я думаю, что тов. Зиновьев не читал «Принципов коммунизма» Энгельса, а если читал, — не понял их, иначе он не стал бы возражать, иначе он учел бы тот факт, что за старую формулу Энгельса цепляется теперь социал-демократия в своей борьбе с ленинизмом, иначе тов. Зиновьев понял бы, что, идя по стопам социал-демократии, можно нарваться на некоторые опасности «перерождения».

Вот что говорит Энгельс в своих «Принципах коммунизма», представляющих собой изложение отдельных положений в виде вопросов и ответов.

«Вопрос: Возможно ли произвести отмену частной собственности сразу?

Ответ: Нет, невозможно, точно так же, как нельзя сразу увеличить имеющиеся средства производства в таких пределах, какие необходимы для создания общественного производства. Поэтому революция пролетариата, которая по всей вероятности произойдет, сумеет только постепенно преобразовать нынешнее общество и лишь после этого отменит частную собственность, когда уже будет создана необходимая для этого масса средств производства.

Вопрос: Каков будет ход этой революции?

Ответ: Прежде всего, она создаст демократический строй и тем самым, прямо или косвенно, политическое господство пролетариата».

Речь идет здесь, очевидно, о свержении буржуазии и завоевании диктатуры пролетариата. Вы знаете, товарищи, что этот пункт у нас уже осуществлен, осуществлен с избытком. (*Голоса:* «Верно», «Правильно».) Дальше:

«Демократия была бы совершенно бесполезна для пролетариата, если ею не воспользоваться немедленно, как средством для проведения широких мероприятий, непосредственно посягающих на частную собственность и обеспечивающих существование пролетариата. Главнейшие мероприятия эти, с необходимостью вытекающие из существующих ныне условий, суть следующие:

1) Ограничение частной собственности: прогрессивный налог, высокий налог на наследства, отмена наследования в боковых линиях (братьев, племянников и т. д.), принудительные займы и т. д.».

Вы знаете, что эти мероприятия осуществлены и осуществляются у нас с избытком. Дальше:

«2) Постепенная экспроприация земельных собственников, фабрикантов, вла-

дельцев железных дорог и морских судов, частью посредством конкуренции со стороны государственной промышленности, частью непосредственно, путем выкупа ассигнатами».

Вы знаете, что эти мероприятия также проведены у нас еще в первые годы нашей революции. Дальше:

«3) Конфискация имущества всех эмигрантов и бунтовщиков, восставших против большинства народа».

Вы знаете, что мы уже конфисковали и переконфисковали так, что дальше некуда идти. *(Смех.)* Дальше:

«4) Организация труда или предоставление занятий пролетариям в национальных имениях, фабриках и мастерских, благодаря чему будет устранена конкуренция рабочих между собой, и фабриканты, поскольку они еще останутся, будут вынуждены платить такую же высокую плату, как и государство».

Известно, что на этом пути мы стоим, на этом пути мы одерживаем ряд побед, и в основном этот пункт уже осуществляется. Дальше:

«5) Одинаковый принудительный труд для всех членов общества до полной отмены частной собственности. Образование промышленных армий, в особенности для сельского хозяйства».

Вы знаете, что мы пробовали этот путь в период военного коммунизма, в виде организации трудовых армий. Но на этом пути больших результатов не добились. Мы пошли потом к этой цели обходными путями, и нет оснований сомневаться в том, что добьемся в этой области решающих успехов. Далее:

«6) Централизация кредитной системы и торговли деньгами в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом. Закрытие всяких частных банков и банкирских контор».

Это также, товарищи, как вам хорошо известно, в основном уже осуществлено у нас. Далее:

«7) Увеличение числа национальных фабрик, мастерских, железных дорог и морских судов, обработка всех земель, остающихся невозделанными, и улучшение обработки возделанных уже земель соответственно тому, как увеличиваются капиталы и растет число рабочих, которыми располагает нация».

Вы знаете, что и это дело осуществляется и идет у нас вперед, чему содействует всемерно и национализация земли, и национализация основных отраслей промышленности. Дальше:

«8) Воспитание всех детей с того момента, как они могут обходиться без материнского ухода, в государственных учреждениях и на государственный счет».

Это дело у нас осуществляется, но оно далеко еще не осуществлено, так как, разоренные войной и интервенцией, мы еще не в состоянии взять на попечение государства воспитание всех детей в государстве. Дальше:

«9) Сооружение больших дворцов в национальных владениях, в качестве общих жилищ для коммун граждан, которые будут заниматься промышленностью, сельским хозяйством и соединять преимущества городского и сельского образа жизни, не страдая от их односторонности и недостатков».

Речь идет, очевидно, о жилищном вопросе в большом масштабе. Вы знаете, что это дело мы двигаем вперед, и ежели оно в основном еще не осуществлено и не скоро, пожалуй, будет осуществлено, то это потому, что, получив в наследство разоренную промышленность, мы не успели еще и не могли успеть накопить достаточные фонды для широкого жилищного строительства. Дальше:

«10) Разрушение всех нездоровых и плохо построенных жилищ и кварталов в городах».

Этот пункт является составной частью предыдущего пункта, — по этому сказанное насчет предыдущего пункта должно быть отнесено и к этому пункту. Дальше:

«11) Одинаковое право наследования для брачных и внебрачных детей».

Мне кажется, что это дело идет у нас, так сказать, удовлетворительно. Наконец, последний пункт:

«12) Концентрация всего транспортного дела в руках нации».

Вы знаете, что это дело уже осуществлено у нас полностью.

Такова, товарищи, программа пролетарской революции, данная Энгельсом в его «Принципах коммунизма».

Вы видите, товарищи, что девять десятых этой программы *уже* осуществлено нашей революцией.

Дальше:

«Вопрос: Может ли эта революция (о которой говорилось выше. — И. Ст.) произойти в одной какой-нибудь стране (Курсив в звездой. — И. Ст.)?»

Ответ: Нет. Крупная промышленность уже тем, что она создала мировой рынок, так связала между собой все народы земного шара, в особенности цивилизованные народы, что каждый из них зависит от того, что происходит у другого. Затем крупная промышленность так уравнила общественное развитие во всех цивилизованных странах, что всюду буржуазия и пролетариат стали двумя решающими классами общества и борьба между ними — главной борьбой нашего времени. Поэтому коммунистическая революция будет не только национальной, но произойдет одновременно во всех цивилизованных странах, т.-е, по крайней мере в Англии, Америке, Франции и Германии... (Курсив везде мой. — И. Ст.) (см. Ф. Энгельс, «Принципы коммунизма»).

Вот как обстоит дело, товарищи.

Энгельс говорил, что пролетарская революция с изложенной выше программой *не может* произойти в отдельной стране. А факты говорят, что в новых условиях классовой борьбы пролетариата, в условиях империализма *муже произвели* в основном такую революцию в отдельной стране, в нашей стране, осуществив девять десятых ее программы.

Тов. Зиновьев может сказать, что мы ошиблись, осуществив эту программу, осуществив эти пункты. (Смех.) Очень может быть, что мы допустили некоторую «национальную ограниченность», осуществив эти пункты. (Смех.) Очень может быть. Но одно все же ясно, что то, что считал Энгельс в 40-х годах прошлого столетия, в условиях монополистического капитализма, неосуществимым и невозможным для одной страны, стало осуществимым и возможным в нашей стране, в условиях империализма.

Конечно, если бы Энгельс был, жив, он не стал бы цепляться за старую формулу, а, наоборот, всемерно приветствовал бы нашу революцию, говоря: «К чорту все старые формулы, да здравствует победоносная революция в СССР!». (*Аплодисменты.*) Но не так думают господа из лагеря социал-демократов. Они цепляются за старую формулу Энгельса для того, чтобы, прикрывшись ею, облегчить себе борьбу против нашей революции, против большевиков. Это их дело, конечно. Плохо только, что тов. Зиновьев старается подражать этим господам, становясь в данном случае на путь социал-демократии.

Приводя формулу Энгельса и развивая ее подробно, я имел в виду три соображения: во-первых, путем противопоставления формулы Ленина о возможности победы социализма в одной стране формуле Энгельса, являющейся наиболее крайним и резким выражением точки зрения марксистов известного периода,— создать максимальную ясность в вопросе; во-вторых, разоблачить реформизм и аппиреволюционализм социал-демократии, старающейся прикрыть свой оппортунизм ссылкой на старую формулу Энгельса; в-третьих, показать, что Ленин был *первый*, который разрешил вопрос о победе социализма в одной стране.

Надо признать, товарищи, что именно Ленин, а не кто-либо другой, открыл истину о возможности победы социализма в одной стране. Нельзя отнять у Ленина то, что принадлежит ему по праву. Не надо бояться правды, надо иметь мужество сказать правду, надо иметь мужество сказать открыто, что Ленин был *первый* из марксистов, который по-новому поставил вопрос о победе социализма в одной стране и разрешил его в положительном смысле.

Я этим вовсе не хочу сказать, что Ленин, как мыслитель, был выше Энгельса или Маркса. Я хочу этим сказать только две вещи. Во-первых: нельзя требовать от Энгельса или Маркса, какими бы они ни были гениальными мыслителями, чтобы они предусмотрели в период домонополистического капитализма все возможности классовой борьбы пролетариата и пролетарской революции, открывшиеся спустя более чем полстолетие, в период развитого монополистического капитализма. Во-вторых: нет ничего удивительного в том, что Ленин, как гениальный ученик Энгельса и Маркса, сумел подметить новые возможности пролетарской революции в новых условиях развития капитализма и открыл, таким образом, истину о возможности победы социализма в одной стране.

Нужно уметь различать между буквой и сущностью марксизма, между отдельными положениями и методом марксизма. Ленину удалось открыть истину о победе социализма в одной стране потому, что он считал марксизм не догмой, а руководством к действию, он не был рабом буквы и умел схватывать главное, основное в марксизме. Вот что говорит на этот счет Ленин в своей брошюре «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»:

«Наша теория не догма, *а руководство к действию*, — говорили Маркс и Энгельс, и величайшей ошибкой, величайшим преступлением таких «патентованных» марксистов, как К. Каутский, Отто Бауэр и т. п., является то, что они этого не поняли, не сумели применить в самые важные моменты революции пролетариата» (см. т. XVII, стр. 159).

Вот путь, путь Маркса, Энгельса и Ленина, на котором мы стоим и на

котором должны стоять и впредь, если мы хотим оставаться революционерами до конца. Ленинизм отстоял себя как марксизм эпохи империализма и пролетарской революции потому, что он стоял и продолжает стоять на этом пути. Отойти от этого пути, значит — попасть в болото оппортунизма. Соскользнуть с этого пути, значит — поплестись в хвосте за социал-демократией, что и произошло в данном случае с тов. Зиновьевым.

Тов. Зиновьев говорил здесь, что впоследствии Маркс и Энгельс смягчили старую формулу Энгельса, допустив возможность того, что пролетарская революция может *начаться* и в отдельных странах. Он приводил цитату Энгельса о том, что «немцы начнут, а французы доделают». Все это верно. Это известно теперь каждому совпартшкольцу. Но дело в том, что не об этом идет теперь речь, тов. Зиновьев. Одно дело сказать: начинай революцию, тебя в ближайшее же время поддержит победоносная революция в других странах, при чем, в случае такой победы в других странах, ты можешь рассчитывать на победу. Это одно дело. Другое дело сказать: начинай революцию и двигай ее дальше, зная, что, если даже не подоспел в ближайшее время победа революции в других странах, условия борьбы теперь, в период развитого империализма, таковы, что ты можешь все же победить для того, чтобы разжечь потом революцию в других странах. Это другое дело. И если я приводил старую формулу Энгельса, то не для того, чтобы пройти мимо факта о том, что Энгельс и Маркс впоследствии смягчили эту резкую и крайнюю формулу, а для того, чтобы: а) создать ясность в вопросе путем противопоставления двух противоположных формул, б) вскрыть оппортунизм социал-демократии, старающейся прикрыться старой формулой Энгельса, и в) показать, что Ленин был первый, который по-новому поставил вопрос о победе социализма в одной стране и разрешил его в положительном смысле.

Как видите, товарищи, я был прав, говоря, что тов. Зиновьев не читал «Принципов коммунизма», а если и читал, то не понял их, трактуя старую формулу Энгельса по социал-демократически и скатившись, таким образом, на путь оппортунизма.

Некоторые замечания Ленина о диктатуре пролетариата

Я говорил, дальше, в своем докладе, что мы имеем более или менее аналогичный случай в вопросе о диктатуре пролетариата в обстановке развитого империализма. Я говорил, что в вопросе о диктатуре пролетариата, понимаемой как слом старого буржуазного государственного аппарата и постройка нового пролетарского аппарата, Маркс сделал в свое время (в 70-х годах XIX столетия) исключение для Англии и, пожалуй, для Америки, где милитаризм и бюрократизм были развиты тогда мало и где могла быть тогда возможность достижения политического господства пролетариата другими путями, «мирными» путями. Я говорил, что это исключение или ограничение, допущенное Марксом для Англии и Америки, будучи тогда правильным, стало, по мнению Ленина, неправильным и излишним в нынешних условиях развитого империализма, когда милитаризм и бюрократия расцвели в Англии и Америке так же, как и в других странах.

Рязанов. Не стало, а было.

Голос с места. Не мешайте, тов. Рязанов.

Рязанов. Я не мешаю.

Сталин. Позвольте, товарищи, сослаться на Маркса. Вот что писал Маркс в своем письме к Кугельману в апреле 1871 г.:

«...Если ты заглянешь в последнюю главу моего «18-е Брюмера», ты увидишь, что следующей попыткой французской революции я объявляю: не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а *сломать* ее, и именно таково предварительное условие всякой действительной народной революции *на континенте* (Курсив мой. — *И. Ст.*). Как раз в том и состоит попытка наших героических парижских товарищей». (Цитирую по книге *Ленина* «Государство и революция» — т. XIV, ч. 2, стр. 326.)

Так писал Маркс в 1871 г.

За эту цитату ухватились, как известно, все и всякие социал-демократы и первым долгом Каутский, утверждая, что насильственная революция пролетариата не является обязательным методом движения к социализму, что диктатура пролетариата не должна быть понята обязательно как слом старого буржуазного государственного аппарата и постройка нового пролетарского аппарата, что мирный путь перехода от капитализма к социализму является тем самым путем, за который и должен бороться пролетариат.

Как реагировал на это обстоятельство тов. Ленин? Вот что он писал на этот счет в своей книге «Государство и революция»:

«Интересно отметить особо два места в приведенном рассуждении Маркса. Во-первых, он ограничивает свой вывод континентом. Это было понятно в 1871 г., когда Англия была еще образцом страны чисто капиталистической, но без военщины и в значительной степени без бюрократии. Поэтому Маркс исключал Англию, где революция, и даже народная революция, представлялась и была тогда возможной *без* предварительного условия разрушения «готовой государственной машины». *Теперь* (Курсив мой. — *И. Ст.*), в 1917 г., в эпоху первой великой империалистической войны, *это ограничение Маркса отпадает* (Курсив мой. — *И. Ст.*), и Англия и Америка, крупнейшие и последние во всем мире представители англо-саксонской «свободы» в смысле отсутствия военщины и бюрократизма, скатились вполне в общеевропейское грязное, кровавое болото бюрократически-военных учреждений, все себе подчиняющих, все собой подавляющих. Теперь и в Англия и в Америке «предварительным условием всякой действительно народной революции» являются *ломка, разрушение* «готовой» (изготовленной там в 1914—1917 г.г. до «европейского», общеимпериалистического, совершенства) «государственной машины» (см. т. XIV, ч. 2, стр. 327).

Вы видите, что мы имеем тут случай, более или менее аналогичный тому случаю, о котором я докладывал в связи со старой формулой Энгельса.

Ограничение или исключение, допущенное Марксом для Англии и Америки, имело свои основания, пока не было развитого империализма и развитой бюрократии в этих странах. Это ограничение отпало, по мнению Ленина, в новых условиях монополистического капитализма, когда милитаризм и бюрократия развились в Англии и Америке не меньше, если не больше, чем в странах европейского континента.

Поэтому насильственная революция пролетариата, диктатура пролетариата, является неизбежным и обязательным условием движения к социализму

во всех без исключения империалистических государствах.

Поэтому оппортунисты всех стран, цепляясь за допущенное Марксом условно ограничение и ратуя против диктатуры пролетариата, защищают не марксизм, а свое собственное оппортунистическое дело.

Ленин пришел к этому выводу потому, что он умел различать между буквой марксизма и сущностью марксизма, он рассматривал марксизм не как догму, а как руководство к действию.

Было бы странно требовать, чтобы Маркс предусмотрел за несколько десятилетий все и всякие возможности развития капитализма и классовой борьбы в будущем. Но было бы еще более странно удивляться тому, что Ленин подметил и обобщил эти возможности в новых условиях развития капитализма, когда эти возможности появились и развились в более чем достаточной степени.

Тут была реплика с места, кажется, тов. Рязанова, о том, что ограничение, допущенное Марксом для Англии и Америки, неправильно не только для нынешних условий классовой борьбы, но оно было неправильно и для тех условий, когда Маркс допускал это ограничение. Я не согласен с тов. Рязановым. Я думаю, что тов. Рязанов ошибается. Во всяком случае, Ленин думает об этом иначе, заявляя совершенно определенно, что Маркс был прав, делая такое допущение для Англии и Америки 70-х годов. Вот что пишет об этом тов. Ленин в своей брошюре «О продналоге»:

«Когда мы спорили в ВЦИК с тов. Бухариным, он заметил между прочим: в вопросе о высоких жалованиях специалистам «мы» «правее Ленина», ибо никакого отступления от принципов здесь не видим, памятуя слова Маркса, что при известных условиях рабочему классу всего целесообразнее было бы «откупиться от этой банды» (именно от банды капиталистов, т.-е. *выкупить* у буржуазии землю, фабрики, заводы и прочие средства производства). Это — чрезвычайно интересное замечание. Вдумайтесь в мысль Маркса. Дело шло об Англии 70-х годов прошлого века, о кульминационном периоде домонополистического капитализма, о стране, в которой тогда всего меньше было военщины и бюрократии, о стране, в которой тогда всего более было возможностей «мирной» победы социализма в смысле «выкупа» буржуазии рабочими. И Маркс говорил: при известных условиях рабочие вовсе не откажутся от того, чтобы буржуазию выкупить. Маркс не связывал себе — и будущим деятелям социалистической революции — рук насчет форм, приемов, способов переворота, превосходно понимая, какая масса новых проблем тогда встанет, как изменится вся обстановка в ходе переворота, как часто и сильно будет она меняться в ходе переворота. Ну, а у Советской России — *после* взятия власти пролетариатом, *после* подавления военного и саботажнического сопротивления эксплуататоров — неужели не очевидно, что *некоторые* условия сложились по типу тех, которые могли бы сложиться полвека тому назад в Англии, если бы она мирно стала тогда переходить к социализму? Подчинение капиталистов рабочим в Англии могло бы тогда быть обеспечено следующими обстоятельствами: 1) полным преобладанием рабочих, пролетариев в населении, вследствие отсутствия крестьянства (в Англии в 70-х годах были признаки, позволявшие надеяться на чрезвычайно быстрые успехи социализма среди сельских рабочих); 2) превосходной организованностью пролетариата в профессиональных союзах (Англия была тогда первой в мире страной в указанном отношении); 3) сравнительно высокой культурностью пролетариата, вышколенного вековым развитием политической свободы; 4) долгой привычкой великолепно организованных капиталистов Англии — тогда они были наилучше организованными ка-

питалистами из всех стран мира (теперь это первенство перешло к Германии)—к решению компромиссом политических и экономических вопросов. Вот в силу каких обстоятельств могла тогда явиться мысль *о возможности мирного подчинения* (Курсив мой.—И. Ст.) капиталистов Англии ее рабочим... Бухарин — превосходно образованный марксист-экономист. Поэтому он вспомнил, что Маркс был глубочайше прав, когда учил рабочих важности сохранить организацию крупнейшего производства именно в интересах облегчения перехода к социализму и полной допустимости мысли о том, чтобы *хорошо заплатить капиталистам*, выкупить их, ежели (в виде *исключения*: Англия была тогда исключением) обстоятельства сложатся так, что *заставят* капиталистов мирно подчиниться и культурно, организованно перейти к социализму на условиях выкупа» (см. т. XVIII, ч. 1, стр. 209—211).

Я думаю, что прав тут Ленин, а не тов. Рязанов.

Я очень уважаю тов. Рязанова, но должен признаться, что еще больше уважал и продолжаю уважать тов. Ленина.

О неравномерности развития капиталистических стран

Я говорил в своем докладе, что Ленин открыл и обосновал закон неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран, что, исходя из этого закона, исходя из факта развития и обострения неравномерности, Ленин пришел к идее о возможности победы социализма в одной стране. Против этого положения возражали тов. Троцкий и тов. Зиновьев. Тов. Троцкий говорил, что это положение Ленина неправильно теоретически. А тов. Зиновьев вместе с тов. Троцким заявили, что раньше, в период домонополистического капитализма, неравномерности развития было больше, чем теперь, в период монополистического капитализма, что связывать идею о возможности победы социализма в одной стране с законом неравномерности капиталистического развития нельзя.

Что тов. Троцкий возражает против известного теоретического положения Ленина о законе неравномерного развития, в этом нет ничего удивительного, ибо известно, что этот закон опрокидывает теорию тов. Троцкого о перманентной революции

Кроме того, тов. Троцкий явным образом сбивается здесь на обывательскую точку зрения. Он смешивает здесь *экономическое неравенство* отдельных стран в прошлом — каковое неравенство не всегда вело, и не могло вести, к скачкообразности развития этих стран — *с неравномерностью экономического и политического развития* в период империализма, когда экономического неравенства между странами меньше, чем это было в прошлом, но неравномерности экономического и политического развития несравненно больше, чем прежде, и проявляется она острее, чем раньше, при чем неравномерность эта ведет обязательно и неминуемо к скачкообразности развития, ведет к тому, что оставшие в промышленном отношении страны в более или менее короткий срок перегоняют ушедшие вперед страны, что не может не создать, таким образом, предпосылок для грандиозных империалистических войн и возможности победы социализма в одной стране.

Едва ли нужно доказывать, что такое смешение двух разнородных

понятий не говорит, и не может говорить о высоком «теоретическом» уровне тов. Троцкого.

Но я не могу понять тов. Зиновьева, который был ведь большевиком и нюхал кое-что от большевизма. Как можно утверждать, что неравномерности развития раньше было больше, чем теперь, в условиях монополистического капитализма, не рискуя попасть в болото ультраимпериализма и каутскианства? Как можно утверждать, что идея победы социализма в одной стране не связана с законом неравномерности развития? Разве не известно, что Ленин выводил эту идею именно из закона неравномерности развития? О чем говорят, например, следующие слова Ленина:

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. *Отсюда следует* (Курсив мой.—И. Ст.), что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране» (см. т. XIII, стр. 133).

Из чего исходит закон неравномерности развития? Он исходит из того, что:

1) капитализм старый, домонополистический, перерос и развился в капитализм монополистический, в империализм;

2) раздел мира на сферы влияния империалистических групп и держав уже закончен;

3) развитие мирового хозяйства протекает в обстановке отчаянной смертельной борьбы империалистических групп за рынки, за сырье, за расширение старых сфер влияния;

4) это развитие происходит не равномерно, а скачкообразно, в порядке вытеснения с рынков забежавших вперед держав и выдвижения вперед новых;

5) такой порядок развития определяется возможностью для одних империалистических групп быстрее всего развить технику, удешевлять товары и захватывать рынки в ущерб другим империалистическим группам;

6) периодические переделы уже поделенного мира становятся, таким образом, абсолютной необходимостью;

7) переделы эти могут происходить, таким образом, лишь насильственным путем, в порядке проверки могущества тех или иных империалистических групп силой;

8) это обстоятельство не может не вести к усиленным конфликтам и к грандиозным войнам между империалистическими группами;

9) такое положение неизбежно ведет ко взаимному ослаблению империалистов и создает возможность прорыва империалистического фронта в отдельных странах;

10) возможность прорыва империалистического фронта в отдельных странах не может не создавать благоприятных условий для победы социализма в одной стране.

Чем определяется обострение неравномерности и решающее значение неравномерного развития в условиях империализма?

Двумя главными обстоятельствами: во-первых, тем, что раздел мира

между империалистическими группами закончен, «свободных» земель нет больше в природе и передел поделенного является, абсолютной необходимостью для достижения экономического «равновесия» путем империалистических войн; во-вторых, тем, что небывалое раньше колоссальное развитие техники, в широком смысле этого слова, облегчает одним империалистическим группам перегонять и опережать другие империалистические группы в борьбе за завоевание рынков, в борьбе за захват источников сырья и т. д.

Но эти обстоятельства развились и дошли до высшей точки лишь в период развитого империализма. Да иначе оно и не могло быть, ибо только в период империализма мог закончиться передел мира, а колоссальные технические возможности появились лишь в период развитого империализма.

Этим и нужно объяснить тот факт, что, если раньше Англия могла стоять впереди всех государств в промышленном отношении, оставляя их позади в продолжение более чем сотни лет, то потом, в период монополистического капитализма, Германии понадобились каких-нибудь два десятка лет для того, чтобы начать опережать Англию, а Америке понадобилось и того меньше для того, чтобы перегнать европейские государства.

Как можно после этого утверждать, что неравномерности развития раньше было больше, чем теперь, что идея победы социализма в одной стране не связана с законом неравномерного развития капитализма в период империализма?

Разве не ясно, что только обыватели в теории могут смешивать экономическое неравенство промышленных стран в прошлом с законом неравномерности экономического и политического развития, получившим особую силу и остроту лишь в период развитого монополистического капитализма?

Разве не ясно, что только полное невежество в области ленинизма могло продиктовать тов. Зиновьеву и его друзьям более чем странные возражения против известных положений Ленина, связанных с законом о неравномерности экономического и политического развития капитализма.

II. Тов. Каменев прочищает дорогу для тов. Троцкого

В чем состоит основной смысл выступления тов. Каменева на этой конференции? Если отвлечься от некоторых мелочей и обычной дипломатии тов. Каменева, то смысл его выступления состоит в том, чтобы облегчить тов. Троцкому защиту своей позиции, облегчить ему борьбу с ленинизмом в основном вопросе о возможности победы социализма в одной стране.

Для этой цели тов. Каменев взял на себя «труд» доказать, что основная статья Ленина (1915 г.), трактующая о возможности победы социализма в одной стране, не касается будто бы России, что Ленин, говоря о такой возможности, имел в виду не Россию, а другие капиталистические страны. Тов. Каменев взял на себя этот сомнительный «труд» для того, чтобы прочистить таким образом путь тов. Троцкому,

«схему» которого убивает, и не может не убивать, статья Ленина, написанная в 1915 г.

Грубо говоря, тов. Каменев взял на себя роль, так сказать, дворника у тов. Троцкого (*смех*), прочищающего ему дорогу. Конечно, печально видеть директора Института Ленина в роли дворника у тов. Троцкого, не потому, что труд дворника представляет что-либо плохое, а потому, что тов. Каменев, человек, несомненно, квалифицированный, я думаю, мог бы заняться другим, более квалифицированным трудом. (*Смех.*) Но он взял на себя эту роль добровольно, на что он имел, конечно, полное право, и с этим ничего не поделаешь.

Посмотрим теперь, выполнил ли тов. Каменев эту более чем странную роль.

Тов. Каменев заявил в своей речи, что основное положение Ленина в его статье от 1915 г., положение, которое определило всю линию нашей революции и нашего строительства, что это положение, говорящее о возможности победы социализма в одной стране, не касается и не может касаться России, что Ленин, говоря о возможности победы социализма в одной стране, имел в виду не Россию, а только другие капиталистические страны. Это невероятно и чудовищно, это очень походит на прямую клевету на тов. Ленина, но Каменеву, видимо, нет дела до того, что может подумать партия в связи с этой фальсификацией Ленина. Он заботится лишь об одном: прочистить дорогу тов. Троцкому любой ценой.

Как же он пытается обосновать это странное утверждение?

Он говорит, что, спустя две недели после упомянутой статьи тов. Ленина, Ленин дал известные тезисы о характере предстоящей революции в России, где он сказал, что задача марксистов исчерпывается тем, чтобы добиться победы буржуазно-демократической революции в России, что, сказав это, Ленин будто бы исходит из того, что революция в России должна застрять на ее буржуазной фазе, не перерастая в революцию социалистическую. Ну, а так как статья Ленина о возможности победы социализма в одной стране трактует не о буржуазной революции, а о революции социалистической, то ясно, что Ленин не мог иметь в виду России в этой статье.

Таким образом, по Каменеву выходит, что Ленин понимал размах русской революции, как левый буржуазный революционер или как реформист типа социал-демократов, по мнению которых революция буржуазная не должна перерасти в революцию социалистическую, по мнению которых между революцией буржуазной и революцией социалистической должен существовать длительный исторический интервал, длительный перерыв, промежуток, по крайней мере, в несколько десятков лет, в продолжение которого капитализм будет процветать, а пролетариат будет прозябать.

Выходит, что Ленин в 1915 г., когда он писал свою статью, не думал, не хотел и не добивался того, чтобы от победы буржуазной революции перейти немедленно к революции социалистической.

Вы скажете, что это невероятно и чудовищно. Да, это утверждение тов. Каменева действительно невероятно и чудовищно. Но Каменева этим не смущай.

Позвольте привести некоторые документы, говорящие о том, что тов. Каменев грубо фальсифицирует тов. Ленина в этом вопросе.

Вот что писал о характере русской революции тов. Ленин еще в 1905 г., когда размах русской революции не был и не мог быть таким мощным, каким он стал впоследствии, в результате империалистической войны, к февралю 1917 г.:

«От революции демократической мы *сейчас же* (Курсив мой.- И. Ст.) начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции» (см. т. VI, стр. 449).

Эта цитата взята из статьи Ленина, вышедшей в свет в сентябре 1905 г.

Знает ли о существовании этой статьи тов. Каменев? Я думаю, что директор Ленинского Института должен знать о ее существовании.

Выходит, таким образом, что победу буржуазно-демократической революции Ленин мыслил не как окончание борьбы пролетариата и революции вообще, а как первый этап и переходную ступень к революции социалистической.

Но, может быть, Ленин впоследствии изменил свой взгляд на характер и размах русской революции? Возьмем другой документ. Я имею в виду статью Ленина, вышедшую в свет в 1915 г., в ноябре месяце, спустя два месяца после выхода в свет основной статьи тов. Ленина о возможности победы социализма в одной стране. Вот что он говорит там:

«Пролетариат борется и будет беззаветно бороться за завоевание власти, за республику, за конфискацию земель, *то-есть* за привлечение крестьянства, за *исчерпание* его революционных сил, за участие «непролетарских народных масс» в освобождении *буржуазной* России от *военно-феодального империализма*» (=царизма). И этим освобождением буржуазной России от царизма, от земельной власти помещиков пролетариат воспользуется *немедленно* (Курсив мой.- И. Ст.) не для помощи зажиточным крестьянам в их борьбе с сельским рабочим, а для совершения социалистической революции в союзе с пролетариями Европы» (см. т. XIII, стр. 214).

Вы видите, что как здесь, так и в предыдущей цитате, как в 1905 г., так и в 1915 г. Ленин одинаково исходил из того, что революция буржуазная должна перерасти в России в революцию социалистическую, что победа буржуазно-демократической революции в России является первым этапом русской революции, необходимым для того, чтобы перейти *немедленно* ко второму ее этапу, к революции социалистической.

Ну, а как быть с тезисами Ленина в 1915 г., на которые ссылался в своей речи тов. Каменев и в которых говорится о задачах буржуазно-демократической революции в России? Не противоречат ли эти тезисы идее перерастания буржуазной революции в революцию социалистическую? Конечно, не противоречат. Наоборот, основой этих тезисов является именно идея перерастания буржуазной революции в революцию социалистическую, идея перерастания первого этапа русской революции во второй этап. Во-первых, Ленин вовсе не говорит в этих тезисах, что размах русской революции и задачи марксистов в России *исчерпываются* задачами свер-

жения царя и помещиков, задачами буржуазно-демократической революции. Во-вторых, Ленин ограничивается в этих тезисах характеристикой задач буржуазно-демократической революции потому, что он считает эту революцию *первым* этапом и *ближайшей* задачей русских марксистов. В-третьих, Ленин исходит из того, что осуществление своих задач русские марксисты должны *начать* не со второго этапа (как это предлагал тов. Троцкий по схеме «без царя, но правительство рабочее»), а с первого этапа, с этапа буржуазно-демократической революции.

Есть ли тут какое-либо противоречие, хотя бы тень противоречия с идеей перерастания буржуазной революции в революцию социалистическую? Ясно, что нет.

Выходит, что тов. Каменев явным образом сфальсифицировал позицию Ленина.

Но мы имеем свидетелей против тов. Каменева не только в лице документов, исходящих от Ленина. Мы имеем еще свидетелей в лице живых людей, вроде, напр., тов. Троцкого, вроде XIV конференций нашей партии и, наконец, как это ни странно, в лице самих Каменева и Зиновьева.

Известно, что статья Ленина о возможности победы социализма в одной стране была выпущена в свет в 1915 г. Известно, что тов. Троцкий, полемизировавший тогда с тов. Лениным по вопросу о победе социализма в одной стране, тотчас же, т.-е. в том же 1915 г., ответил на эту статью специальной критической статьей. Что же сказал тогда тов. Троцкий, в 1915 г., в своей критической статье? Как он расценил статью тов. Ленина? Понял ли он ее так, что, говоря о победе социализма в одной стране, Ленин не имел в виду Россию, или как-либо иначе, скажем, так, как мы ее понимаем теперь все? Вот цитата из этой статьи тов. Троцкого:

«Единственное сколько-нибудь конкретное историческое соображение против лозунга Соединенных Штатов было сформулировано в швейцарском «Социал-Демократе» (тогдашний центральный орган большевиков, где и была напечатана вышеупомянутая статья Ленина.—*И. Ст.*) в следующей фразе: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма». Отсюда «Социал-Демократ» делает тот вывод, что возможна победа социализма в одной стране, и что незачем поэтому диктатуру пролетариата в каждом отдельном государстве обуславливать созданием Соединенных Штатов Европы... Что ни одна страна не должна «дожидаться» других в своей борьбе, это — элементарная мысль, которую полезно и необходимо повторять, дабы идея параллельного интернационального действия не подменялась идеей выжидательного интернационального бездействия. Не дожидаясь других, мы начинаем и продолжаем борьбу на национальной почве в полной уверенности, что наша инициатива даст толчок к борьбе в других странах; а если бы этого не произошло, то безнадежно думать, — так свидетельствуют и опыт истории и теоретические соображения, — что, напр., *революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы* (Курсив мой.— *И. Ст.*), или социалистическая Германия могла бы остаться изолированной в капиталистическом мире».

Выходит, что тов. Троцкий понял тогда статью Ленина не так, как ее старается теперь «понять» тов. Каменев, а так, как ее понимал Ленин, как

понимает ее партия и как понимаем ее мы все, иначе тов. Троцкий не подкрепил бы себя в своей полемике с Лениным аргументом *от России*.

Выходит, что тов. Троцкий свидетельствует тут, в этой цитате, против своего нынешнего союзника, против тов. Каменева.

Почему же он не выступил в таком случае на этой конференции против тов. Каменева? Почему тов. Троцкий не заявил здесь открыто и честно, что тов. Каменев явным образом искажает Ленина? Думает ли тов. Троцкий, что его умолчание в данном случае можно квалифицировать как образец честной полемики? Да потому не выступил здесь тов. Троцкий против Каменева, что он не хотел, видимо, пугаться в сомнительное «дело» прямого оклеветания Ленина, — он эту черную работу предоставил тов. Каменеву.

А как смотрит на это дело партия, в лице ее, напр., XIV конференции? Вот что говорится на этот счет в резолюции XIV конференции, трактующей о возможности победы социализма в одной стране:

«Из «неравномерности экономического и политического развития, каковая неравномерность есть безусловный закон капитализма», тов. Ленин справедливо выводил две вещи: а) возможность «победы социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране» и б) возможность, что эти немногие, или даже одна страна, не обязательно будут странами самого развитого капитализма. (См., в особенности, заметки о Суханове.) *Опыт русской революции доказал* (Курсив мой. — *И. Ст.*), что такая первая победа в одной стране не только возможна, но что при ряде благоприятных обстоятельств эта первая страна победоносной пролетарской революции может (при известной поддержке международного пролетариата) продержаться и упрочиться на долгий период даже в том случае, когда эта поддержка не выливается в форме прямых пролетарских революций в других странах». (Из резолюции XIV партконференции «О задачах Коминтерна и РКП(б) в связи с расширенным пленумом ИККИ».)

Выходит, что партия в целом, в лице ее XIV конференции, свидетельствует против тов. Каменева, против его утверждения о том, что Ленин в своей статье о победе социализма в одной стране не имел будто бы в виду Россию. Иначе конференция не сказала бы, что «опыт русской революции доказал» правильность известной статьи Ленина о победе социализма в одной стране.

Выходит, что XIV конференция поняла статью тов. Ленина так же, как понимал ее Ленин, как понимал ее Троцкий и как понимаем ее все мы.

А как отнеслись тт. Каменев и Зиновьев к этой резолюции XIV конференции? Разве это не факт, что проект резолюции был выработан и принят *единогласно* комиссией, в состав которой входили тт. Зиновьев и Каменев? Разве это не факт, что тов. Каменев был председателем XIV конференции, принявшей *единогласно* упомянутую выше резолюцию, а тов. Зиновьев — докладчиком по этой резолюции? Как могло случиться, что тт. Каменев и Зиновьев голосовали за эту резолюцию, за все ее пункты? Не ясно ли, что тов. Каменев понимал тогда статью Ленина, цитата из которой прямо внесена в резолюцию XIV конференции, иначе, чем он старается теперь ее «понять»? Какому Каменеву верить: тому ли, который, будучи председателем XIV конференции, голосовал за резолюцию XIV конференции, или

тому, который выступает теперь, на XV конференции, в роли дворника при тов. Троцком?

Выходит, что тов. Каменев периода XIV конференции свидетельствует против тов. Каменева периода XV конференции.

А почему молчит тов. Зиновьев и не пытается поправить тов. Каменева, явным образом фальсифицирующего и ленинскую статью 1915 г., и резолюцию XIV конференции? Разве это не факт, что тов. Зиновьев, а не кто-либо другой, защищал на XIV конференции резолюцию о победе социализма в одной стране?

Выходит, что не все тут обстоит чисто у тов. Зиновьева. (*Голоса*: «Со всем нечисто».) Где же тут честная полемика?

Выходит, что гг. Каменеву и Зиновьеву теперь не до честной полемики.

А вывод? Вывод такой, что тов. Каменев не сумел выполнить роли дворника при тов. Троцком. Он не оправдал надежд тов. Троцкого.

III. Невероятная путаница, или тов. Зиновьев о революционности и интернационализме

Перехожу к тов. Зиновьеву. Если тов. Каменев во всем своем выступлении старался прочистить дорогу тов. Троцкому, то тов. Зиновьев взял на себя задачу доказать, что лидеры оппозиции являются единственными революционерами и единственными интернационалистами чуть ли не во всем мире.

Разберем его «доводы».

Он берет слова тов. Бухарина о том, что при рассмотрении вопросов внутреннего порядка (строительство социализма) следует методологически отвлечься от вопросов внешнего порядка, он сличает, далее, это положение тов. Бухарина с тезисами об оппозиционном блоке, где говорится о возможности победы социализма в нашей стране, и приходит к выводу, что Бухарин и ЦК, утвердивший в основном тезисы, забывают, будто бы, тем самым о международных задачах нашей революции, об интересах международной революции.

Правильно ли все это? Все это пустяки, товарищи. Секрет тут состоит в том, что тов. Зиновьев слаб в вопросах методологии, путается в трех соснах и выдает свою собственную путаницу за действительность. Бухарин говорит, что нельзя смешивать вопросы строительства социализма с вопросами создания гарантии от интервенций в нашу страну, вопросы внутренние с вопросами внешними. Бухарин вовсе не говорит, что вопросы внутренние не связаны с вопросами внешними, с вопросами международными. Он говорит лишь то, что нельзя вопросы первого порядка путать с вопросами второго порядка. Это — основное и элементарное требование методологии. Кто же тут виноват, если тов. Зиновьев не понимает элементарных вопросов методологии?

Мы исходим из того, что наша страна представляет два ряда противоречий: противоречий внутреннего порядка и противоречий внешнего порядка. Противоречия внутреннего порядка состоят, прежде всего, в борьбе социалистических и капиталистических элементов за руководство крестьянством. Мы говорим, что эти противоречия мы можем преодолеть своими

собственными силами, мы можем победить капиталистические элементы нашего хозяйства, вовлечь в социалистическое строительство основные массы крестьянства и построить социалистическое общество. Противоречия внешнего порядка состоят в борьбе между страной социализма и капиталистическим окружением. Мы говорим, что разрешить эти противоречия собственными силами мы не можем, что для разрешения этих противоречий необходима победа социализма по крайней мере в нескольких странах. Именно поэтому мы и говорим, что победа социализма в одной стране является не самоцелью, а подспорьем, средством и орудием для победы пролетарской революции во всех странах.

Правильно ли все это? Пусть докажет тов. Зиновьев, что это неправильно.

Бедра тов. Зиновьева состоит в том, что он не видит разницы между этими двумя рядами противоречий, он путает их безбожно и выдает свою собственную путаницу за «подлинный» интернационализм, полагая, что кто отвлекается методологически от вопросов внешнего порядка при рассмотрении вопросов внутреннего порядка, тот забывает об интересах международной революции.

Это очень смешно, но надо же понять, что это неубедительно.

Что касается тезисов, которые, якобы, упускают из виду международный момент нашей революции, то стоит прочесть эти тезисы, чтобы понять, что тов. Зиновьев опять запутался. Вот что сказано в тезисах:

«Партия исходит из того, что наша революция является революцией социалистической, что Октябрьская революция представляет не только сигнал, толчок и исходный пункт социалистической революции на Западе, но она является вместе с тем, во-первых, базой дальнейшего развертывания мировой революции и, во-вторых, открывает собой переходный период от капитализма к социализму в СССР (диктатура пролетариата), на протяжении которого пролетариат, при правильной политике в отношении крестьянства, может и будет с успехом строить полное социалистическое общество, если, конечно, мощь международного революционного движения, со стороны, и мощь пролетариата СССР, с другой, будут достаточно велики для того, чтобы, оградить СССР от военной интервенции империализма».

Вы видите, что международный момент учтен в тезисах целиком и полностью.

Дальше. Тов. Зиновьев, а вместе с ним и тов. Троцкий приводят цитаты из сочинений Ленина о том, что «полная победа социалистической революции немыслима в одной стране, а требует самого активного сотрудничества по меньшей мере нескольких передовых стран», — и странным образом приходят к тому выводу, что построение социализма в одной стране — дело непосильное для пролетариата нашей страны. Но это же путаница, товарищи! Разве партия когда-либо говорила, что *полная победа, окончательная победа социализма* в нашей стране возможна и посильна для пролетариата одной страны? Где это было и когда, — пусть укажут нам. Разве партия не говорит и не говорила всегда вместе с Лениным, что полная, окончательная победа социализма возможна лишь при победе социализма в нескольких странах? Разве партия не разъясняла десятки и сотни раз, что нельзя путать победу социализма в одной стране с полной, окончательной его победой? Партия всегда

исходила из того, что победа социализма в одной стране есть возможность построения социализма в этой стране, при чем эта задача может быть разрешена силами одной страны, полная же победа социализма есть гарантия от интервенций и реставрации, при чем эта задача может быть разрешена лишь при условии победы революции в нескольких странах. Как можно после всего этого путать безбожно одну задачу с другой задачей? Кто же тут виноват, что тов. Зиновьев, а вместе с ним и тов. Троцкий путают безбожно победу социализма в одной стране с полной, окончательной его победой? Прочли бы хоть известную резолюцию XIV конференции, где этот вопрос разъяснен с точностью, могущей удовлетворить даже совпартишкольца.

Тов. Зиновьев, а вместе с ним и тов. Троцкий приводят ряд цитат из сочинений Ленина периода Брестского мира, где говорится о том, что внешний враг может разгромить нашу революцию. Но разве трудно понять, что эти цитаты не имеют отношения к вопросу о возможности построения социализма в нашей стране? Тов. Ленин говорит, что мы не обеспечены от возможности интервенций, и это совершенно правильно. Но разве партия говорила когда-либо, что мы можем гарантировать нашу страну от опасности интервенций своими лишь собственными силами? Разве партия не утверждала и не продолжает утверждать, что гарантию от интервенции может дать нам лишь победа пролетарской революции в нескольких странах? Как можно *на этом основании* утверждать, что построение социализма в нашей стране непосредственно пролетариату нашей страны? Не пора ли прекратить это сознательное смешивание вопросов внешних, вопросов прямой борьбы с мировой буржуазией, с вопросами строительства социализма в нашей стране, с вопросами внутренними?

Дальше. Тов. Зиновьев приводит цитату из «Коммунистического Манифеста»: «Соединение усилий по крайней мере цивилизованных стран есть одно из первых условий освобождения пролетариата», сличает эту цитату с цитатой из одной рукописи тов. Ленина о том, что «для победы социализма нужны совместные усилия рабочих нескольких передовых стран», — и приходит к тому выводу, что наша партия пошла, как будто, против этих общепринятых и безусловных положений, забыв об интернациональных условиях победы пролетарской революции. Ну, разве это не смешно, товарищи? Где и когда это было, чтобы наша партия недооценивала решающее значение интернациональных усилий рабочего класса и интернациональных условий победы революции в нашей стране? А что такое Коминтерн, если не выражение объединения усилий пролетариев не только передовых стран, но и всех стран мира как для революции мировой, так и для развития нашей революции? А кто взял на себя инициативу основания Коминтерна и кто является его передовым отрядом, как не наша партия? А что такое политика единого фронта профсоюзов, как не объединение усилий рабочих не только передовых стран, но и всех вообще стран? Кто может отрицать первостепенную роль нашей партии в деле проведения политики единого фронта профсоюзов во всем мире? Разве это не факт, что наша революция всегда поддерживала и продолжает поддерживать развитие революции во всех странах? Разве это не факт, что рабочие всех стран своим сочувствием нашей революции и

своей борьбой против попыток интервенции поддерживали и продолжают поддерживать нашу революцию? Что это, как не объединение усилий рабочих всех стран для победы нашей революции? А борьба английских рабочих против Керзона в связи с известной нотой? А поддержка английских углекопов со стороны рабочих СССР? Я мог бы, товарищи, привести еще ряд известных фактов такого же порядка, если бы была в этом необходимость.

Где же тут забвение интернациональных задач нашей революции?

В чем же тут секрет? А секрет состоит тут в том, что тов. Зиновьев пытается подменить вопросом о совместных усилиях пролетариев всех стран для победы социализма в нашей стране кардинальный вопрос о возможности построения социализма в нашей стране, кардинальный вопрос о том, может ли устоять при современных международных условиях пролетарская власть перед лицом консервативной Европы.

Тов. Троцкий, нынешний учитель тов. Зиновьева, говорит:

«Безнадежно думать... что, напр., революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы».

Тов. Троцкий, нынешний учитель тов. Зиновьева, говорит:

«Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни минуты».

А партия утверждает, что обе эти цитаты из сочинений тов. Троцкого являются выражением социал-демократического уклона, выражением неверия в силы нашего пролетариата и нашей революции.

Вот в чем вопрос, тов. Зиновьев, и вот о чем идет у нас спор.

Тов. Зиновьев, приводя цитаты из Ленина и из «Коммунистического Манифеста», пытается подменить этот основной вопрос другим вопросом, вопросом о соединении усилий пролетариев передовых стран для победы социализма в нашей стране.

Вот в чем секрет упражнений тов. Зиновьева насчет забвения интернациональных задач нашей революции нашей партией.

Вот в чем секрет фокусов, путаницы и неразберихи у тов. Зиновьева.

И вот эту невероятную путаницу, эту кашу и неразбериху в своей собственной голове тов. Зиновьев имеет скромность выдавать за «настоящую» революционность и «настоящий» интернационализм оппозиционного блока.

Не смешно ли все это, товарищи?

Нет, товарищи из оппозиции, чтобы быть интернациональным революционером в наше время, находясь в рядах нашей партии, надо укреплять всемерно и поддерживать всеми силами нашу партию, являющуюся вместе с тем передовым отрядом Коминтерна. А вы ее разрушаете и развенчиваете.

Чтобы быть интернационалистом в наше время, надо укреплять всемерно и поддерживать всеми силами Коммунистический Интернационал. А вы его разлагаете и разрушаете, поддерживая и инструктируя всех и всяких Масловых и Сувариных.

Пора понять, товарищи из оппозиции, что нельзя быть революционером и интернационалистом, находясь в состоянии войны с нашей парти-

ей, являющейся передовым отрядом Коммунистического Интернационала. *(Аплодисменты.)*

Пора понять, товарищи из оппозиции, что, открыв войну против Коминтерна, вы перестали быть революционерами и интернационалистами. *(Аплодисменты.)*

Пора понять, что вы не революционеры и интернационалисты, а болтуны от революции и от интернационализма. *(Аплодисменты.)*

Пора понять, что вы не революционеры дела, а революционеры крикливых фраз и кинематографической ленты. *(Смех; аплодисменты.)*

Пора понять, что вы не революционеры дела, а кино-революционеры. *(Смех; аплодисменты.)*

IV. Тов. Троцкий фальсифицирует ленинизм.

Фокусы тов. Троцкого, или вопрос о «перманентной революции»

Перехожу к выступлению тов. Троцкого.

Тов. Троцкий заявил, что теория перманентной революции не имеет никакого отношения к обсуждаемому вопросу о характере и перспективах нашей революции. Это очень странно, если не сказать больше. Как же так? Разве теория перманентной революции не является теорией движущих сил революции? Разве это не так, что теория перманентной революции трактует, прежде всего, о движущих силах нашей революции? Ну, а что такое вопрос о характере и перспективах нашей революции, как не вопрос о движущих силах этой революции? Как можно говорить, что теория перманентной революции не имеет никакого отношения к обсуждаемому вопросу? Это неверно, товарищи. Это — уловка, фокус. Это — попытка спрятать концы в воду. Это — попытка спрятаться. Напрасный труд, тов. Троцкий! Не пытайтесь спрятаться, — все равно не спрячетесь. Тов. Троцкий в другом месте своей речи старался «намекнуть», что он давно уже перестал придавать серьезное значение теории перманентной революции. А тов. Каменев в своей речи «дал понять», что тов. Троцкий, пожалуй, не прочь отвернуться от теории перманентной революции, если он уже не отвернулся от нее. Чудеса, да и только!

Давайте разберем вопрос: верно ли, что теория перманентной революции не имеет отношения к обсуждаемому вопросу, и если это неверно, можно ли поверить тов. Каменеву, что тов. Троцкий не придает значения теории перманентной революции и почти что отказался от нее? Обратимся к документам. Я имею в виду прежде всего письмо тов. Троцкого тов. Ольминскому в декабре 1921 г., опубликованное в печати в 1925 г., — письмо, от которого тов. Троцкий никогда не пытался отказаться и не отказался доныне ни прямо, ни косвенно, и которое ввиду этого остается в полной силе. Что же сказано в этом письме о перманентной революции? Слушайте:

«Я вовсе не считаю, чтобы в несогласиях своих с большевиками я был во всем неправ. Неправ я был — и коренным образом — в оценке меньшевистской фракции, переоценивая ее революционные возможности и надеясь на то, что удастся изолировать в ней и свести на-нет правое крыло. Эта фундаментальная

ошибка вытекала, однако, из того, что *к обеим фракциям, и большевистской, и меньшевистской, я подходил* с точки зрения идей перманентной революции и диктатуры пролетариата, тогда как и большевики, и меньшевики стояли в тот период на точке зрения буржуазной революции и демократической республики. Я считал, что разногласия между обеими фракциями принципиально не так глубоки, и надеялся (надежду эту я высказывал не раз в письмах и на докладах), что самый ход революции приведет обе фракции к позиции перманентной революции и завоевания власти рабочим классом, что отчасти и произошло в 1905 г. (Предисловие тов. Ленина к статье Каутского о движущих силах русской революции и вся линия газеты «Начало».)

Считаю, что моя оценка движущих сил революции была безусловно правильной, выводы же, какие я из нее делал в отношении обеих фракций, были безусловно неправильны. Только большевизм сосредоточил в своих рядах, благодаря своей непримиримой линии, действительно революционные элементы как старой интеллигенции, так и передового слоя рабочего класса. Только благодаря тому, что большевизму удалось создать эту революционно сколоченную организацию, оказался возможным столь быстрый поворот от революционно-демократической позиции к революционно-социалистической.

И сейчас я мог бы без труда разбить мои полемические статьи против меньшевиков и большевиков на две категории: одни,— посвященные анализу внутренних сил революции, ее перспективам (теоретический польский орган Розы Люксембург, «Neue Zeit»), и другие,— посвященные оценке фракций русских социал-демократов, их борьбе и пр. Статьи первой категории я и сейчас мог бы дать без поправок, так как они вполне и целиком совпадают с позицией нашей партии, начиная с 1917 г. Статьи второй категории явно ошибочны, и переиздавать их не стоило бы» (см. «Ленин о Троцком», 1925 г., с предисловием тов. Ольминского).

Что же из этого получается?

Выходит, что тов. Троцкий ошибался в вопросах организационных, в вопросах же оценки нашей революции, в вопросе о перманентной революции он был и остался прав.

Правда, тов. Троцкий не может не знать, что Ленин боролся против теории перманентной революции до конца своих дней. Но это его не смущает.

Выходит, далее, что обе фракции, и меньшевики, и большевики, должны были притти к теории перманентной революции, но на деле пришли к этой теории только большевики, ввиду наличия у них революционно-сколоченной организации рабочих и старой интеллигенции, и пришли они не сразу, а «начиная» с 1917 г.

Выходит, наконец, что теория перманентной революции «вполне и целиком совпала с позицией нашей партии, начиная с 1917 г.».

Судите теперь сами, похоже ли это на то, что тов. Троцкий не придает большого значения теории перманентной революции? Нет, не похоже. Наоборот, ежели теория перманентной революции действительно совпала, «начиная с 1917 г.», с позицией партии, то из этого можно сделать только один вывод,— что Троцкий придавал и продолжает придавать этой теории решающее значение для всей нашей партии.

Но что значит «совпала»? Как могла совпасть теория перманентной революции с позицией нашей партии, если доказано, что наша партия в лице Ленина вела все время борьбу с этой самой теорией? Одно из двух: либо наша партия не имела своей теории и вынуждена была потом, ходом вещей,

принять теорию перманентной революции тов. Троцкого, либо она имела свою теорию, но она, эта теория, была незаметным образом вытеснена теорией перманентной революции тов. Троцкого, «начиная с 1917 г.».

Это «недоумение» разъяснил нам потом тов. Троцкий в своем «Предисловии» к книге «1905», написанном в 1922 г. Излагая сущность теории перманентной революции и давая анализ оценки нашей революции с точки зрения теории перманентной революции, Троцкий приходит к следующему выводу:

«Хотя и с перерывом в 12 лет, эта оценка подтвердилась целиком».

Иначе говоря: теория перманентной революции, «сконструированная» тов. Троцким в 1905 г., «подтвердилась целиком» в 1917 г., спустя 12 лет.

Но как она могла подтвердиться? А большевики,— куда же они девались? Неужели они шли на революцию без всякой своей теории, неужели они только и оказались способными сколотить революционную интеллигенцию, революционных рабочих? И затем, на почве чего они сколотили рабочих, на основе каких принципов? Была же у большевиков какая-нибудь теория, оценка революции, оценка движущих сил революции? Неужели, кроме теории перманентной революции, никакой другой теории у нашей партии не существовало? Судите сами: жили мы, большевики, оказывается, и развивались без перспектив и без революционной теории; жили этак мы с 1903 г. до 1917 г.; а потом, «начиная с 1917 г.», глотнули незаметно теорию перманентной революции и стали на ноги. Бесспорно, это — очень интересная сказка. Но как же это могло пройти незаметно, без борьбы, без встряски в партии? Как же это могло случиться так просто, ни с того, ни с сего? Ведь известно, что Ленин и его партия боролись с теорией перманентной революции с первых же дней ее появления в свет.

Впрочем, это «недоумение» разъясняет нам тов. Троцкий в другом документе. Я имею в виду «Примечание» к статье Троцкого «Наши разногласия», написанное в 1922 г.

Вот соответствующее место из этой статьи:

«Если меньшевики, исходя из абстракции: *«наша революция буржуазна»*, приходят к идее приспособления всей тактики пролетариата к поведению либеральной буржуазии вплоть до завоевания ею государственной власти,— то большевики, исходя из такой же голой абстракции: *«демократическая, а не социалистическая диктатура»*, приходят к идее буржуазно-демократического самоограничения пролетариата, в руках которого находится государственная власть. Правда, разница между ними в этом вопросе весьма значительна: в то время как антиреволюционные стороны меньшевизма скажутся во всей силе уже теперь, антиреволюционные черты большевизма грозят огромной опасностью только в случае революционной победы».

Выходит, что не только меньшевизм имел свои антиреволюционные стороны, но и большевизм не был свободен от «антиреволюционных черт», которые грозили «огромной опасностью только в случае революционной победы».

Освободились ли потом большевики от «антиреволюционных черт» большевизма, и если да, то каким образом?

Это «недоумение» разъясняет нам тов. Троцкий в «Примечании» к статье «Наши разногласия». Слушайте:

«Этого, как известно, не случилось, так как под руководством тов. Ленина большевизм совершил (не без внутренней борьбы) свое идейное перевооружение в этом важнейшем вопросе весной 1917 г., т.-е. до завоевания власти»

Итак, «перевооружение» большевиков, «начиная с 1917 г.», на основе теории перманентной революции, спасение большевиков, в связи с этим, от «антиреволюционных черт большевизма», наконец, тот факт, что теория перманентной революции «подтвердилась», таким образом, «целиком», — таков вывод тов. Троцкого.

А куда девались ленинизм, теория большевизма, большевистская оценка нашей революции, ее движущих сил и т. д.? Они либо не «подтвердились целиком», либо вовсе не «подтвердились», либо рассеялись по воздуху, уступив место теории перманентной революции на предмет «перевооружения» партии.

Итак, жили-были на свете большевики, «сколачивали» они кое-как партию, «начиная» с 1903 г., но не имели революционной теории, блуждали-блуждали, «начиная» с 1903 г., и кое-как добрались до 1917 г., потом, заметив тов. Троцкого с теорией перманентной революции в руках, решили «перевооружиться» и, «перевооружившись», растеряли последние остатки ленинизма, ленинской теории революции, произведя, таким образом, «полное совпадение» теории перманентной революции с «позицией» нашей партии.

Это очень интересная сказка, товарищи. Это, если хотите, — один из тех великолепных фокусов, какие можете встретить в цирке. Но у нас ведь не цирк, а конференция нашей партии. И мы ведь не нанимали тов. Троцкого в цирковые артисты. К чему же эти фокусы?

Как расценивал тов. Ленин теорию перманентной революции тов. Троцкого? Вот что он пишет об этой теории в одной из своих статей, высмеивая ее как «оригинальную» и «прекрасную» теорию:

«Выяснить соотношение классов в предстоящей революции — главная задача революционной партии... Эту задачу неправильно решает в «Нашем слове» Троцкий, повторяющий свою «оригинальную» теорию 1905 г. и не желающий подумать о том, в силу каких причин жизнь шла целых десять лет мимо этой прекрасной теории. Оригинальная теория Троцкого берет у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завоеванию им политической власти, а у меньшевиков — «отрицание» роли крестьянства»... Тем самым «Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под «отрицанием» роли крестьянства понимают *нежелание* поднимать крестьян на революцию» (см. т. XIII, стр. 213, 214).

Выходит, что, по Ленину, теория перманентной революции является полуменьшевистской теорией, игнорирующей революционную роль крестьянства в русской революции.

Непонятно только, как могла «совпасть вполне и целиком» эта полуменьшевистская теория с позицией нашей партии, хотя бы «начиная с 1917 г.».

А как расценивает наша партия теорию перманентной революции? Вот что сказано о ней в известной резолюции XIV партконференции:

«Составной частью троцкистской теории перманентной революции является утверждение, что «подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным *только после победы* пролетариата в важнейших странах Европы» {Троцкий, 1922 г.}, утверждение, обрекающее пролетариат СССР в нынешний период на фаталистическую пассивность. Против подобных «теорий» тов. Ленин писал: «До бесконечия шаблонным является у них довод, который они выучили наизусть во время развития западно-европейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные «ученые» господа из них, объективных предпосылок для социализма» (Заметки о Суханове). (Резолюция XIV партконференции.)

Выходит, что теория перманентной революции является той же суханевщиной, которую клеймит тов. Ленин в своих записках «О нашей революции» как социал-демократизм.

Непонятно только, как могла «переворужить» такая теория нашу большевистскую партию.

Тов. Каменев «дал понять» в своей речи, что тов. Троцкий отворачивается от своей теории перманентной революции, приводя в подтверждение этого следующую, более чем двусмысленную цитату из последнего письма тов. Троцкого оппозиционерам от сентября 1926 г.:

«Мы исходим из того, что, как неопровержимо показал опыт, во всех скольконибудь принципиальных вопросах, где кто-либо из нас расходился с Лениным, правота была безусловно на стороне Владимира Ильича».

Но тов. Каменев умолчал, что вслед за этим, в том же самом письме, тов. Троцкий сделал следующее заявление, опрокидывающее предыдущее его заявление:

«Ленинградская оппозиция энергично выступила против теории социализма в одной стране, как теоретического оправдания национальной ограниченности».

Какое значение может иметь первое, двусмысленное и ни к чему не обязывающее заявление тов. Троцкого перед лицом второго его заявления, опрокидывающего первое?

Что такое теория перманентной революции? Отрицание ленинской «теории социализма в одной стране».

Что такое ленинская «теория социализма в одной стране»? Отрицание теории перманентной революции тов. Троцкого.

Не ясно ли, что тов. Каменев, приводя первую цитату из письма Троцкого и умалчивая о второй цитате, пытался запутать и обмануть нашу партию.

Но обмануть нашу партию не так-то легко, товарищи из оппозиции.

Жонглирование цитатами, или тов. Троцкий фальсифицирует ленинизм

Обратили ли вы внимание, товарищи, что вся речь Троцкого пересыпана самыми разнообразными цитатами из сочинений Ленина? Читаешь эти цитаты, вырванные из разных статей Ленина, и не понимаешь, чего больше добивается тов. Троцкий: того ли, чтобы подкрепить ими свою позицию, или того, чтобы «поймать» тов. Ленина в «противоречиях». Он привел одну группу

цитат из трудов Ленина, говорящих о том, что опасность интервенции может быть преодолена лишь в случае победы революции в нескольких странах, думая, очевидно, «разоблачить» этим партию, но он не понял, или не хочет понять того, что эти цитаты говорят не против позиции партии, а за нее и против позиции Троцкого, ибо удельный вес опасности извне расценивается партией в полном согласии с линией Ленина. Он привел другую группу цитат, говорящих о том, что *полная победа социализма невозможна без победы революции в нескольких странах*, стараясь всячески жонглировать этими цитатами, но он не понял, или не хочет понять того, что нельзя смешивать в одну кучу полную победу социализма (гарантия от интервенции) с победой социализма вообще (построение социалистического общества), не понимая, или не желая понять того, что эти цитаты из Ленина говорят не против партии, а за партию и против позиции тов. Троцкого.

Но, приводя кучу всяких, не относящихся к делу, цитат, тов. Троцкий не захотел, однако, остановиться на основной статье Ленина о возможности победы социализма в одной стране (1915 г.), полагая, видимо, что тов. Каменев благополучно освободил его своим выступлением от этой статьи. Однако, можно считать теперь окончательно доказанным, что тов. Каменеву не удалось выполнить свою роль, и статья тов. Ленина остается во всей своей силе.

Тов. Троцкий привел, далее, цитату из известной статьи тов. Ленина об отсутствии разногласий между ними по крестьянскому вопросу в области текущей политики. Но он забыл сказать, что эта статья Ленина не только не решает, но даже и не задает вопроса о разногласиях между Троцким и Лениным по вопросу о крестьянстве, *в связи с возможностью построения полного социалистического общества в нашей стране.*

Этим, собственно, и объясняется, что операции тов. Троцкого с цитатами превратились в пустое жонглирование цитатами.

Тов. Троцкий пытался доказать наличие «совпадения» своей позиции с позицией Ленина по вопросу о возможности построения социалистического общества в нашей стране, на основе внутренних сил нашей революции. Но как можно доказать недоказуемое?

Как совместить тезис Ленина о том, что «возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране», с тезисом Троцкого о том, что «безнадежно думать... что, например, революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы»?

Как совместить, далее, тезис Ленина о том, что «победивший пролетариат этой страны (одной страны.—И. Ст.), экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира», с тезисом тов. Троцкого о том, что «без прямой *государственной* (Курсив мой.—И. Ст.) поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру»?

Как совместить, наконец, тезис Ленина о том, что «только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах», с тезисом Троцкого о том, что «противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата»?

И затем: чем, собственно, отличается позиция Троцкого в вопросе о победе социализма в нашей стране от позиции О. Бауэра, состоящей в том, что «в России, где пролетариат составляет только незначительное меньшинство нации, он может утвердить свое господство только временно», что «он должен неизбежно вновь потерять его, как только крестьянская масса нации сделается достаточно зрелой в культурном отношении для того, чтобы самой взять власть в свои руки», что «только завоеванием политической власти со стороны пролетариата индустриального Запада можно обеспечить длительное господство индустриального социализма» в России?

Разве не ясно, что Троцкий ближе к Бауэру, чем к Ленину? И разве не верно, что позиция Троцкого есть позиция социал-демократического уклона, что Троцкий отрицает по сути дела социалистический характер нашей революции?

Тов. Троцкий пытался обосновать свой тезис о невозможности удержать пролетарскую власть перед лицом консервативной Европы рассуждением о том, что нынешняя Европа не является консервативной, что она более или менее либеральна и что если бы Европа была действительно консервативной, то пролетариат нашей страны не смог бы удержать власть. Но разве трудно понять, что тов. Троцкий запутался тут целиком и окончательно? Как назвать, напр., нынешнюю Италию, или Англию, или Францию, — консервативной или либеральной? Что представляет собой нынешняя Северная Америка, — консервативную или либеральную страну? И какое значение может иметь для целостности и сохранности нашей республики это «тонкое» и смехотворное подчеркивание разницы между консервативной и «либеральной» Европой? Разве республиканская Франция и демократическая Америка не так же интервенировали нашу страну в период Колчака и Деникина, как монархическая и консервативная Англия?

Тов. Троцкий особенно много места уделил вопросу о середняке. Он привел цитату из сочинений Ленина периода 1905 г., где Ленин предсказывает возможность отхода части середняков, после победы *буржуазной* революции, на сторону контр-революции, стараясь, видимо, доказать этим, что эта цитата «совпадает» с позицией Троцкого по вопросу о крестьянстве после победы *социалистической* революции. Нетрудно понять, что тов. Троцкий сравнивает тут вещи несравнимые. Тов. Троцкий склонен рассматривать среднее крестьянство как «вещь в себе», как нечто постоянное и раз навсегда данное. Но большевики никогда не смотрели так на среднее крестьянство. Тов. Троцкий, видимо, забыл, что у большевиков имеются три плана в отношении основной массы крестьянства: один план — рассчитанный на период буржуазной революции, другой план — рассчитанный на период пролетарс-

кой революции, и третий план — рассчитанный на период после упрочения Советской власти. В первый период большевики говорили: вместе со всем крестьянством, против царя и помещиков, при нейтрализации либеральной буржуазии, за буржуазно-демократическую революцию. Во второй период большевики говорили: вместе с беднейшим крестьянством, против буржуазии и кулаков, при нейтрализации среднего крестьянства, за социалистическую революцию. А что значит нейтрализация среднего крестьянства? Это значит — держать его под политическим наблюдением пролетариата, не доверять ему и принимать все меры к тому, чтобы он не вырвался из рук. В третий период, в тот период, который мы переживаем теперь, большевики говорят: вместе с беднотой, при прочном союзе с середняком, против капиталистических элементов нашего хозяйства в городе и деревне, за победу социалистического строительства. Кто смешивает эти три плана, три разные линии, отражающие три различных периода нашей революции, тот ничего не понимает в большевизме.

Ленин был совершенно прав, говоря, что после победы *буржуазной* революции часть середняков уйдет в контр-революцию. Оно так и случилось в период, например, «Уфимского правительства», когда часть середняков в Поволжья ушла в контр-революцию, к кулакам, а большая часть середняков колебалась между революцией и контр-революцией. Да иначе и не могло быть. Средняк на то и середняк, чтобы он выжидал и колебался: «чья возьмет, кто его знает, уж лучше выждать». Только после первых серьезных побед над внутренней контр-революцией и особенно после упрочения Советской власти середняк стал определенно поворачивать в сторону Советской власти, решив, очевидно, что без власти нельзя, большевистская власть сильна, и работа с этой властью является единственным выходом. В этот именно период и сказал тов. Ленин вещие слова о том, что «мы вошли в такую стадию социалистического строительства, когда надо выработать конкретно, детально, на опыте работы в деревне, основные правила и указания, какими мы должны руководствоваться для того, чтобы по отношению к среднему крестьянству стать на почву прочного союза» (речь на VIII съезде, т. XVI, стр. 94).

Вот как обстоит дело с вопросом о середняках.

Ошибка тов. Троцкого состоит в том, что он подходит к вопросу о среднем крестьянстве метафизически, рассматривает среднее крестьянство как «вещь в себе» и запутывает тем самым вопрос, искажая и фальсифицируя ленинизм.

Наконец, дело вовсе не в том, что у пролетариата могут быть и будут еще противоречия и конфликты с известной частью середняков. Разногласие между партией и оппозицией состоит вовсе не в этом. Разногласие тут состоит в том, что партия считает эти противоречия и возможные конфликты *вполне преодолимыми* на основе собственных сил нашей революции; тогда как тов. Троцкий и оппозиция считают, что эти противоречия и конфликты могут быть преодолены *«только»* в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата.

Тов. Троцкий, жонглируя цитатами, пытается упрятать эти разногласия куда-то в угол. Но я уже говорил, что обмануть нашу партию не удастся.

А вывод? Вывод такой, что надо быть диалектиком, а не фокусником. Почулились бы вы, товарищи из оппозиции, диалектике у тов. Ленина, почитали бы его произведения, — пригодилось бы. (*Аплодисменты; смех.*)

«Мелочи» и курьезы

Тов. Троцкий упрекал меня, как автора тезисов, в связи с тем, что там говорится о революции «самой по себе», как революции социалистической. Тов. Троцкий находит, что такое обращение с революцией является метафизикой. Я никак не могу согласиться с этим.

Почему говорится в тезисах о революции «Самой по себе», как революции социалистической? Потому, что этим подчеркивается вся разница в оценке нашей революции между взглядами нашей партии и взглядами оппозиции. В чем состоит эта разница? В том, что партия рассматривает нашу революцию как революцию социалистическую, как революцию, представляющую некую самостоятельную силу, способную идти на борьбу против капиталистического мира, тогда как оппозиция рассматривает нашу революцию как бесплатное приложение к будущей, еще не победившей пролетарской революции на Западе, как придаточное приложение к будущей революции на Западе, как нечто, не имеющее никакой самостоятельной силы. Стоит только сравнить оценку Ленина пролетарской диктатуры в нашей стране с оценкой оппозиционного блока, чтобы понять всю пропасть между ними. В то время как Ленин расценивает пролетарскую диктатуру как инициативнейшую силу, которая, организовав социалистическое хозяйство, должна пойти потом на прямую поддержку мирового пролетариата, на борьбу с капиталистическим миром, оппозиция, наоборот, рассматривает пролетарскую диктатуру в нашей стране как пассивную силу, живущую под страхом немедленной потери власти «перед лицом консервативной Европы».

Разве не ясно, что слово «метафизика» пушено в ход для того, чтобы прикрыть им наготу социал-демократической оценки нашей революции со стороны оппозиции?

Тов. Троцкий говорил, далее, о том, что я заменил неточную и неправильную формулировку вопроса о победе социализма в одной стране, данную в моей книжке «Основы ленинизма» в 1924 г., другой формулировкой, более точной и правильной. Тов. Троцкий, видимо, недоволен этим. Почему, на каком основании, — он так и не сказал. Что может быть плохого в том, что я исправил неправильную формулировку, заменив ее правильной? Я вовсе не считаю себя безгрешным. Я думаю, что партия может только выиграть, если ошибка, допущенная тем или иным товарищем, признается им и исправляется потом. Что хочет, собственно, сказать тов. Троцкий, подчеркивая этот факт? Может быть, он хочет последовать хорошему примеру и заняться, наконец, исправлением своих многочисленных ошибок? (*Аплодисменты; смех.*) Что же, я готов ему помочь в этом деле, если тут нужна моя помощь, готов его подтолкнуть и помочь ему. (*Аплодисменты; смех.*) Но тов. Троцкий преследует, видимо, какую-то другую цель. Если это верно, то я должен сказать, что его попытка есть попытка с негодными средствами.

Тов. Троцкий уверял в своей речи, что он не такой уж плохой коммунист, как его изображают представители большинства партии. Он привел целый ряд цитат из своих статей, говорящих о том, что он, тов. Троцкий, признавал и продолжает признавать «социалистический характер» нашей работы, что он не отрицает «социалистического характера» нашей государственной промышленности и т. д. и т. п. Экая, подумаешь, новость! Этого еще не хватало, чтобы тов. Троцкий отрицал социалистический характер нашей работы, нашей госпромышленности и т. д. Эти факты признаются теперь всеми, вплоть до нью-йоркской биржи, вплоть до наших эзпманов, не говоря уже об О. Бауэре. Теперь все видят, и враги и друзья, что мы строим промышленность не так, как строят ее капиталисты, что мы вносим в развитие нашей хозяйственной и политической жизни некие новые элементы, не имеющие ничего общего с капитализмом.

Нет, товарищи из оппозиции, не в этом теперь дело.

Дело обстоит теперь более серьезно, чем это может показаться оппозиционному блоку.

Дело идет теперь не о социалистическом характере нашей промышленности, а о том, чтобы построить социалистическое хозяйство в целом, несмотря на капиталистическое окружение, несмотря на наличие врагов, внутренних и внешних, ждущих гибели пролетарской диктатуры. Дело идет о том, чтобы добиться полного торжества ленинизма в нашей партии.

Дело теперь не в мелочах и курьезах. Мелочами и курьезами теперь не отговариваться от партии. Партия требует теперь большего от оппозиции.

Либо вы проявите мужество и сумеете открыто и честно отказаться от своих принципиальных ошибок, либо вы этого не сделаете, и тогда получите от партии заслуженную квалификацию вашей позиции, как позиции социал-демократического уклона.

Одно из двух. От вас зависит сделать выбор. (*Голоса: «Правильно!». Аплодисменты.*)

V. Практическая платформа оппозиции. Требования партии

От жонглирования цитатами лидеры оппозиции пробовали перейти к разногласиям практического характера. Тт. Троцкий и Каменев, так же, как и тов. Зиновьев, пытались формулировать эти разногласия, утверждая вместе с тем, что важны не теоретические разногласия, а разногласия практические. Я должен, однако, сказать, что ни одна из формулировок наших разногласий, данных оппозицией на этой конференции, не отличается ни объективностью, ни полнотой.

Вы хотите знать, товарищи из оппозиции, в чем наши практические разногласия, вы хотите знать, чего от вас требует партия?

Слушайте:

1) Партия не может больше терпеть и не будет терпеть, чтобы вы каждый раз, когда вы остаетесь в меньшинстве, выходили на улицу, объявляли кризис в партии и трепали партию. Этого партия больше терпеть не будет. (*Голоса: «Правильно!». Аплодисменты.*)

2) Партия не может и не будет терпеть того, чтобы вы, потеряв надежду получить большинство в нашей партии, подбирали и накапливали всякие недовольные элементы, как материал для новой партии. Этого не может и не будет терпеть партия. *(Аплодисменты.)*

3) Партия не может и не будет терпеть того, чтобы вы, шельмуя партийный руководящий аппарат и ломая режим в партии, ломая железную дисциплину в партии, объединяли и оформляли все и всякие осужденные партией течения в новую партию, под флагом свободы фракций. Партия этого терпеть не будет. *(Аплодисменты.)*

4) Мы знаем, что у нас имеются большие трудности на путях строительства социализма. Мы видим эти трудности и имеем возможность преодолевать их. Мы приветствовали бы всякую помощь со стороны оппозиции в деле преодоления этих трудностей. Но партия не может и не будет терпеть того, чтобы вы делали попытки использовать эти трудности для ухудшения нашего положения, для нападения на партию, для атак против партии. *(Аплодисменты.)*

5) Партия понимает больше, чем все оппозиции, взятые вместе, что продвижение индустриализации и построение социализма возможны лишь при неуклонном подъеме материального и культурного положения рабочего класса. Партия принимает и будет принимать все меры к тому, чтобы материальное и культурное положение рабочего класса улучшалось неуклонно. Но партия не может и не будет терпеть того, чтобы оппозиция выходила на улицу с демагогическими заявлениями о немедленном подъеме заработной платы на 30—40%, зная наверняка, что промышленность не может выдержать такого подъема зарплаты в данную минуту, зная наверняка, что подобные демагогические выступления имеют своей целью не улучшение положения рабочего класса, а культивирование недовольства среди отсталых слоев трудящихся и организацию недовольства против партии, против авангарда рабочего класса. Партия не может и не будет терпеть этого. *(Голоса: «Правильно!». Аплодисменты.)*

6) Партия не будет и не может терпеть того, чтобы оппозиция продолжала и впредь подрывать основы смычки рабочих и крестьян, основы союза рабочих и крестьян, пропагандируя идею повышения отпускных цен и усиления налогового нажима на крестьянство, пытаясь «сконструировать» отношения между пролетариатом и крестьянством не как отношения экономического сотрудничества, а как отношения эксплуатации крестьянства пролетарским государством. Партия не может и не будет этого терпеть. *(Аплодисменты.)*

7) Партия не может и не будет терпеть того, чтобы вы, товарищи из оппозиции, продолжали и впредь сеять идейную сумятицу в партии, преувеличивать наши трудности, культивировать пораженческие настроения, проповедывать идею невозможности построения социализма в нашей стране и подрывать тем самым основы ленинизма. Партия не может и не будет терпеть этого. *(Голоса: «Правильно!». Аплодисменты.)*

8) Партия не может и не будет терпеть, — хотя это не только ее дело, но дело всех секций Коминтерна, — чтобы вы продолжали и впредь тормозить Коминтерн, разлагать его секции и развенчивать руководство Коминтерна. Партия не может и не будет терпеть этого. *(Аплодисменты.)*

Вот в чем состоят, товарищи из оппозиции, наши практические разногласия.

Вот в чем суть политической и практической платформы оппозиционного блока, и вот против чего борется теперь наша партия.

Тов. Троцкий, излагая в своей речи некоторые пункты этой платформы и старательно скрывая другие пункты, спрашивал: что же тут социал-демократического? Станный вопрос! А я спрашиваю: что же тут коммунистического, в этой платформе оппозиционного блока? Что же тут не социал-демократического? Разве не ясно, что практическая платформа оппозиционного блока проходит по линии отхода от ленинизма, по линии приближения к социал-демократии?

Вы хотели знать, чего требует от вас партия,— теперь вы знаете, чего она от вас требует. Либо вы выполните эти условия, являющиеся вместе с тем условиями полного единства в нашей партии, либо вы этого не делаете,— и тогда партия, побив вас вчера, начнет добивать вас завтра. (*Аплодисменты.*)

VI. Итог

Каковы итоги, результаты нашей внутрипартийной борьбы?

У меня имеется документ от сентября 1926 г., подписанный тов. Троцким. Этот документ замечателен в том отношении, что там имеется некая попытка предвосхитить итоги внутрипартийной борьбы, имеется некий прогноз и некая обрисовка перспектив нашей внутрипартийной борьбы. В этом документе сказано:

«Объединенная оппозиция показала в апреле и в июле и покажет в октябре, что единство ее взглядов только укрепляется под влиянием грубой и нелояльной травли, и партия поймет, что только на основе взглядов объединенной оппозиции есть выход из нынешнего жестокого кризиса» (см. письмо Троцкого оппозиционерам, сентябрь 1926 г.— приложение к стенограмме заседаний Политбюро от 8 и 11 октября 1926 г.).

Вы видите, что это почти что предсказание. (*Голос: «Именно — почти что».*) Это почти что пророчество чисто марксистского типа, предвидение на целых два месяца. (*Смех.*)

Конечно, тут имеются некоторые преувеличения. (*Смех.*) Тут говорится, напр., о нынешнем жестоком кризисе нашей партии. Но мы, слава богу, живы и здоровы и кризиса даже не заметили. Есть, конечно, некий кризис, но не кризис партии, а кризис некоей фракции, называемой фракцией оппозиционного блока. Но нельзя же выдавать кризис маленькой фракции за кризис миллионной партии

В документе тов. Троцкого говорится дальше, что оппозиционный блок укрепляется и будет еще укрепляться в будущем. Я думаю, что тут тоже есть некоторое преувеличение. (*Смех.*) Нельзя отрицать тот факт, что оппозиционный блок разлагается, что от него откалываются лучшие элементы оппозиции, что он задыхается во внутренних противоречиях. Разве это не факт, что тов. Крупская, например, уходит от оппозиционного блока? (*Бурные аплодисменты.*) Случайно ли это?

В документе тов. Троцкого говорится, наконец, что только на основе взглядов объединенной оппозиции есть выход из нынешнего кризиса. Я ду-

маю, что тут тоже имеется у тов. Троцкого некоторое преувеличение. (Смех.) Товарищи из оппозиции не могут не знать, что партия объединилась и сплотилась воедино не на основе взглядов оппозиционного блока, а в борьбе с этими взглядами и против этих взглядов, на основе социалистических перспектив нашего строительства. Преувеличение в документе тов. Троцкого явное.

Но ежели отвлечься от всех этих преувеличений, допущенных тов. Троцким в его документе, то от прогноза, как будто ничего, собственно, и не остается, товарищи. (Смех.)

Как видите, итог получается обратный тому итогу, который обрисовал нам тов. Троцкий в своем прогнозе.

Я кончаю, товарищи. Тов. Зиновьев хвастал одно время, что он умеет прикладывать ухо к земле (смех), и когда он прикладывает его к земле, то он слышит шаги истории. Очень может быть, что это так и есть на самом деле. Но одно все-таки надо признать, что тов. Зиновьев, умеющий прикладывать ухо к земле и слышать шаги истории, не слышит иногда некоторых «мелочей». (Сырцов: «Он другим ухом слушал».) Может быть, оппозиция и умеет, действительно, прикладывать уши к земле и слышать такие великолепные вещи, как шаги истории. Но нельзя не признать, что, умея слышать великолепные вещи, она не сумела услышать ту «мелочь», что партия давно уже повернулась спиной к оппозиции, а оппозиция осталась на мели. Этого они не слышали. (Голоса: «Правильно!»)

Что же из этого следует? А то, что у оппозиции, очевидно, уши не в порядке. (Смех.)

Отсюда мой совет: товарищи из оппозиции, лечите свои уши! (Бурные, продолжительные аплодисменты. Конференция стоя провожает тов. Сталина.)

Сб. «Об оппозиции», стр. 325—419, Гиз, 1928 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ XV КОНФЕРЕНЦИИ ВКП(б) ОБ ОППОЗИЦИОННОМ БЛОКЕ В ВКП(б)

Характерной чертой переживаемого периода является усложнение борьбы между капиталистическими государствами и нашей страной, с одной стороны, и между социалистическими элементами и элементами капиталистическими внутри нашей страны, с другой стороны.

Если попытки мирового капитала к экономическому окружению нашей страны, к ее политической изоляции, к замаскированной блокаде и, наконец, к прямой мести за помощь рабочих СССР борющимся рабочим Запада и угнетенным народам Востока создают трудности внешнего порядка, то переход нашей страны от восстановительного периода к периоду перестройки промышленности и хозяйства вообще на основе высшей техники и усложняющаяся в связи с этим борьба между капиталистическими и социалистическими элементами нашего хозяйства создают трудности внутреннего порядка.

Партия видит эти трудности и имеет возможность преодолевать их. Партия, при поддержке миллионных масс пролетариата, уже преодолевает эти трудности, уверенно ведя страну по пути к социализму. Но не все отряды нашей партии верят в возможность дальнейшего поступательного движения. Некоторые части нашей партии, правда, малочисленные, испугавшись трудностей, испытывают усталость и колебания, впадают в отчаяние и культивируют упадочные настроения, заражаются неверием в творческие силы пролетариата и приходят к идеологии капитулянства.

В этом смысле нынешний переломный период напоминает до известной степени переломный период октября 1917 года. Как тогда, в октябре 1917 г., сложная обстановка и трудности перехода от буржуазной революции к революции пролетарской породили колебание одной части партии, пораженчество и неверие в возможность взятия власти и удержания ее пролетариатом (Каменев, Зиновьев), так и теперь, в нынешний переломный период, трудности перехода к новой фазе социалистического строительства порождают колебание в некоторых кругах нашей партии, неверие в возможность победы социалистических элементов нашей страны над элементами капиталистическими, неверие в возможность победоносного строительства социализма в СССР.

Оппозиционный блок является выражением этих упадочных и пораженческих настроений в рядах одной части нашей партии.

Партия видит трудности и имеет возможность преодолевать их. Но, чтобы побороть эти трудности, нужно прежде всего преодолеть упадочные настроения и пораженческую идеологию в рядах одной части партии.

Оппозиционный блок в своем документе от 16 октября 1926 г., отказываясь от фракционности и отмежевываясь от явно меньшевистских группировок внутри ВКП и вне ее, вместе с тем заявляет, что он остается на своих старых принципиальных позициях, не отказывается от своих принципиальных ошибок и будет защищать эти ошибочные взгляды в рамках устава партии. Из этого следует, что оппозиционный блок думает и впредь культивировать в партии упадочные настроения и капитулянство, что он думает и впредь пропагандировать в партии свои ошибочные взгляды.

Поэтому очередная задача партии состоит в том, чтобы вскрыть принципиальную несостоятельность основных взглядов оппозиционного блока, разъяснить их несовместимость с основами ленинизма и повести решительную идейную борьбу с принципиальными ошибками оппозиционного блока аа предаст их полного преодоления.

I. Переход «новой оппозиции» к троцкизму в основном вопросе о характере и перспективах нашей революции

Партия исходит из того, что наша революция является революцией социалистической, что Октябрьская революция представляет не только сигнал, толчок и исходный пункт социалистической революции на Запа-

де, но она является вместе с тем, во-первых, базой дальнейшего развертывания мировой революции и, во-вторых, открывает собой переходный период от капитализма к социализму в СССР (диктатура пролетариата), на протяжении которого пролетариат, при правильной политике в отношении крестьянства, может и будет с успехом строить полное социалистическое общество, если, конечно, мощь международного революционного движения, с одной стороны, и мощь пролетариата СССР,— с другой, будут достаточно велики для того, чтобы оградить СССР от военной интервенции империализма.

Троцкизм придерживается совершенно других взглядов на характер и перспективы нашей революции. Несмотря на то, что троцкизм шел в Октябре 1917 г. с партией, он исходил и продолжает исходить из того, что наша революция *сама по себе* не является, *по существу дела*, социалистической, что Октябрьская революция есть *лишь* сигнал, толчок и исходный пункт социалистической революции на Западе, что если наступит затычка мировой революции и победоносная социалистическая революция на Западе не подоспеет в самый близкий период, то пролетарская власть в России должна будет пасть или переродиться (что одно и то же) под напором неизбежных столкновений между пролетариатом и крестьянством.

В то время как партия, организуя Октябрьскую революцию, исходила из того, что «возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране», что «победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство», может и должен встать *«против* остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств» (Ленин, т. XIII, стр. 133),— троцкизм, наоборот, сотрудничая с большевиками в период Октября, исходил из того, что «безнадежно думать... что, например, революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы».

В то время как партия исходит из того, что в Советском Союзе имеется «все необходимое и достаточное» «для построения полного социалистического общества» (Ленин, «О кооперации»), троцкизм, наоборот, исходит из того, что «подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы».

В то время как партия исходит из того, что «10—20 лет правильных соотношений с крестьянством, и обеспечена победа в всемирном масштабе» (Ленин, план брошюры «О продналоге»), троцкизм, наоборот, исходит из того, что правильных соотношений с крестьянством не может быть у пролетариата до победы мировой революции, что пролетариат, взявший власть, «придет во враждебные столкновения не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти», что «противоречия в положении рабочего правитель-

ства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата».

Конференция констатирует, что такие взгляды т. Троцкого и его единомышленников по основному вопросу о характере и перспективах нашей революции не имеют ничего общего со взглядами нашей партии, с ленинизмом.

Конференция считает, что такие взгляды, принижая историческую роль и удельный вес нашей революции, как базы дальнейшего развития мирового революционного движения, ослабляя волю советского пролетариата к дальнейшему строительству социализма и препятствуя таким образом развязыванию сил международной революции, противоречат тем самым принципам действительного интернационализма и основной линии Коммунистического Интернационала.

Конференция считает, что эти взгляды т. Троцкого и его единомышленников являются прямым приближением ко взглядам социал-демократии в лице ее нынешнего лидера Отто Бауэра, утверждающего, что «в России, где пролетариат составляет только незначительное меньшинство нации, он может утвердить свое господство только временно», что «он должен неизбежно вновь потерять его, как только крестьянская масса нации сделается достаточно зрелой в культурном отношении для того, чтобы самой взять власть в свои руки», что «временное господство индустриального социализма в аграрной России есть только пламя, которое призывает пролетариат индустриального Запада к борьбе», что «только завоеванием политической власти со стороны пролетариата индустриального Запада можно обеспечить длительное господство индустриального социализма» в России (*О. Бауэр*, см. «Большевизм или социал-демократия» на немецком языке).

Конференция квалифицирует поэтому подобные взгляды т. Троцкого и его единомышленников, как *социал-демократический уклон* в нашей партии в основном вопросе о характере и перспективах нашей революции.

Основным фактом в развитии внутрипартийных отношений в ВКП после XIV съезда (осудившего принципиальные взгляды «новой оппозиции») является то обстоятельство, что «новая оппозиция» (тт. Зиновьев, Каменев), боровшаяся раньше против троцкизма, против социал-демократического уклона в нашей партии, перешла на сторону идейных позиций троцкизма, что она целиком и полностью сдала свои прежние общепартийные позиции троцкизму, выступая теперь за троцкизм с таким же жаром, с каким она выступала раньше *против* троцкизма.

Переход «новой оппозиции» на сторону троцкизма определили два главных обстоятельства:

а) усталость, колебания, чуждые пролетариату упадочные настроения и пораженчество среди сторонников «новой оппозиции» перед лицом новых трудностей в переживаемый переломный период, причем нынешние колебания и пораженчество гг. Каменева и Зиновьева возникли не случайно, а как повторение, рецидив тех колебаний и упадочных настроений, которые проявили эти товарищи девять лет назад, в октябре 1917 г., перед лицом трудностей тогдашнего переломного периода;

б) полное поражение «новой оппозиции» на XIV съезде и возникшее в связи с этим стремление добиться во что бы то ни стало объединения с троцкистами для того, чтобы объединением двух групп, троцкистов и «новой оппозиции», возместить слабость и оторванность этих групп от пролетарских масс, тем более, что идейные позиции троцкизма вполне отвечали нынешним упадочным настроениям «новой оппозиции».

Этим же нужно объяснить тот факт, что оппозиционный блок превратился в сборный пункт всех и всяких, осужденных партией и Коминтерном, обанкротившихся течений внутри ВКП (б) и вне ее, от «демократических централистов» и «рабочей оппозиции» в ВКП(б) до ультра-левых оппортунистов в Германии и ликвидаторов суваринского толка во Франции.

Отсюда же вытекает та неразборчивость в средствах и беспринципность в политике, которые легли в основу существования блока троцкистов и «новой оппозиции» и без которых они не могли бы собрать воедино разнообразные антипартийные течения.

Таким образом троцкисты, с одной стороны, и «новая оппозиция», — с другой, вполне закономерно встретились на *общей* платформе социал-демократического уклона и беспринципного объединения разнообразных антипартийных элементов в борьбе против партии, образовав таким образом оппозиционный блок, представляющий — в новой форме — нечто вроде рецидива августовского блока (1912—1914 годы).

II. Практическая платформа оппозиционного блока

Практическая платформа оппозиционного блока является прямым продолжением основной ошибки этого блока в вопросе о характере и перспективах нашей революции.

Важнейшие особенности практической платформы оппозиционного блока сводятся к следующим основным пунктам:

а) *Вопросы международного движения.* Партия исходит из того, что передовые капиталистические страны переживают, в общем и целом, состояние частичной, временной стабилизации, что нынешний период является периодом межреволюционным, обязывающим коммунистические партии к подготовке пролетариата к предстоящей революции, что наступление капитала, тщетно пытающегося упрочить стабилизацию, не может не вызывать ответной борьбы и объединения сил рабочего класса против капитала, что компартии должны вмешаться в обостряющуюся классовую борьбу и превратить атаки капитала в контратаки пролетариата на предмет завоевания диктатуры пролетариата, что для достижения этих целей коммунистические партии должны овладеть миллионными массами рабочего класса, все еще примыкающими к реформистским профсоюзам и ко II Интернационалу, что тактика единого фронта является, таким образом, необходимой и обязательной для коммунистических партий.

Оппозиционный блок исходит из совершенно других предпосылок. Не веря во внутренние силы нашей революции и впадая в отчаяние перед лицом затяжки мировой революции, оппозиционный блок скатывается с почвы марксистского анализа классовых сил революции на почву «ультра-левого»

самообмана и «революционного» авантюризма, отрицает наличие частичной капиталистической стабилизации и сбивается, таким образом, на путь путчизма.

Отсюда требование оппозиции о пересмотре тактики единого фронта и срыве Англо-русского комитета, непонимание роли профсоюзов и лозунг о замене профсоюзов новыми, вымышленными «революционными» организациями пролетариата.

Отсюда поддержка со стороны оппозиционного блока ультра-левых крикунов и оппортунистов в Коммунистическом Интернационале (например, в германской партии).

Конференция считает, что политика оппозиционного блока в области международной не отвечает интересам интернационального революционного движения.

б) *Пролетариат и крестьянство в СССР*. Партия исходит из того, что «высший принцип диктатуры — это сохранение союза пролетариата с крестьянством, дабы пролетариат мог удерживать руководящую роль и государственную власть» (*Ленин*, т. XVIII, ч. 1, стр. 306), что пролетариат может и должен быть гегемоном в отношении основной массы крестьянства в области экономической, в области строительства социализма, так же как он был в октябре 1917 г. гегемоном крестьянства в области политической, в деле свержения власти буржуазии и установления диктатуры пролетариата, что индустриализация страны может быть проведена лишь в том случае, если она будет опираться на постепенное улучшение материального положения большинства крестьянства (беднота, середняки), представляющего основной рынок для нашей индустрии, что ввиду этого должна проводиться такая экономическая политика (политика цен, налоговая политика и т. д.), которая укрепляет смычку индустрии с крестьянским хозяйством и сохраняет союз рабочего класса и основной массы крестьянства.

Оппозиционный блок исходит из совершенно других предпосылок. Отходя от основной линии ленинизма в крестьянском вопросе, не веря в гегемонию пролетариата в отношении крестьянства в деле социалистического строительства и рассматривая крестьянство, главным образом, как враждебную среду, оппозиционный блок предлагает такие экономические и финансовые мероприятия, которые способны лишь разложить смычку города с деревней, развалить союз рабочего класса и крестьянства и подорвать тем самым всякую возможность действительной индустриализации. Таковы, например: а) предложение оппозиции о повышении отпускных цен на промтовары, каковое повышение не может не вызвать повышения розничных цен, обнищания бедноты и значительных слоев середняков, понижения емкости внутреннего рынка, разлада между пролетариатом и крестьянством, падения курса червонца и снижения, в конце концов, реальной заработной платы; б) предложение оппозиции о максимальном налоговом нажиме на крестьянство, каковой нажим не может не образовать трещины в деле союза рабочих и крестьян.

Конференция считает, что политика оппозиционного блока в отношении крестьянства не отвечает интересам индустриализации страны и диктатуры пролетариата.

в) *Борьба против партийного аппарата под флагом борьбы с бюрократизмом в партии.* Партия исходит из того, что партийный аппарат и партийные массы составляют единое целое, что партийный аппарат (ЦК, ЦКК, областные организации партии, губкомы, окркомы, укомы, бюро ячеек и т. д.) олицетворяет собой руководящий элемент партии в целом, что партийный аппарат вмещает в себя лучших людей пролетариата, которых можно и нужно критиковать за ошибки, которых можно и нужно «освежать», но которых нельзя шельмовать, не рискуя разложить партию и оставить ее безоружной.

Оппозиционный блок исходит, наоборот, из противопоставления партийных масс партийному аппарату, старается принизить руководящую роль партийного аппарата, сводя ее к функциям регистратора и пропагандиста, натравливает партийные массы на партийный аппарат и дискредитирует, таким образом, партийный аппарат, ослабляя его позиции в деле руководства государством.

Конференция считает, что такая политика оппозиционного блока, не имея ничего общего с ленинизмом, способна привести лишь к разоружению партии в ее борьбе против бюрократизма государственного аппарата, за действительную переделку этого аппарата и тем самым за укрепление диктатуры пролетариата.

г) *Борьба против «режима» в партии под флагом борьбы за внутрипартийную демократию.* Партия исходит из того, что «кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата» (Ленин, т. XVII, стр. 136), что внутрипартийная демократия необходима не для ослабления и развала пролетарской дисциплины в партии, а для ее укрепления и упрочения, что без железной дисциплины в партии, без твердого режима в партии, подкрепляемого сочувствием и поддержкой миллионов масс пролетариата, невозможна диктатура пролетариата.

Оппозиционный блок исходит, наоборот, из противопоставления внутрипартийной демократии партийной дисциплине, смешивает свободу фракций и группировок с внутрипартийной демократией и старается использовать такого рода демократию для развала партийной дисциплины и подрыва единства партии. Естественно, что призыв оппозиционного блока к борьбе против «режима» в партии, ведущий на деле к защите свободы фракций и группировок в партии, является тем самым призывом, который с увлечением подхватывается антипролетарскими элементами нашей страны, как якорь спасения от режима диктатуры пролетариата.

Конференция считает, что борьба оппозиционного блока против «режима» в партии, не имея ничего общего с организационными принципами ленинизма, способна привести лишь к подрыву единства партии, к ослаблению диктатуры пролетариата и к развязыванию антипролетарских сил в стране, старающихся ослабить и развалить диктатуру.

Одним из средств разложения партийной дисциплины и обострения борьбы внутри партии оппозиционный блок избрал метод всесоюзной дискуссии, навязать которую (дискуссию) попытался он в октябре этого года. Считая необходимым свободное обсуждение вопросов разногласий в теоретических журналах нашей партии и признавая за каждым членом партии право

свободной критики недостатков нашей партийной работы, конференция напоминает вместе с тем слова Ленина о том, что наша партия является не дискуссионным клубом, а боевой организацией пролетариата. Конференция считает, что всесоюзная дискуссия может быть признана необходимой лишь в том случае, если а) эта необходимость признается, по крайней мере, несколькими местными парторганизациями губернского или областного масштаба; б) если внутри ЦК нет налицо достаточно твердого большинства в важнейших вопросах партийной политики; в) если, несмотря на наличие твердого большинства в ЦК, стоящего на определенной точке зрения, ЦК все же считает необходимым проверить правильность своей политики путем дискуссионного обсуждения в партии. При этом во всех этих случаях всесоюзная дискуссия может начинаться и проводиться лишь после соответствующего решения ЦК.

Конференция констатирует, что в момент, когда оппозиционный блок требовал открытия всесоюзной дискуссии, не имелось в наличии ни одного из этих условий.

Конференция считает поэтому, что ЦК партии поступил вполне правильно, признав дискуссию нецелесообразной и осудив оппозиционный блок за его попытки навязать партии всесоюзную дискуссию по уже решенным партийным вопросам.

Подводя итоги анализу практической платформы оппозиционного блока, конференция устанавливает, что эта платформа знаменует собой отход оппозиционного блока от классовой линии пролетарской революции в важнейших вопросах международной и внутренней политики.

III. Революционные слова и оппортунистические дела оппозиционного блока

Характерной особенностью оппозиционного блока является тот факт, что он, будучи на деле выражением социал-демократического уклона в нашей партии, защищая на деле оппортунистическую политику, старается, тем не менее, облечь свои выступления в революционную фразеологию, старается критиковать партию «слева», старается рядиться в «левую» тогу. Объясняется это обстоятельство тем, что коммунистические пролетарии, к которым, главным образом, и апеллирует оппозиционный блок, являются наиболее революционными из всех пролетариев в мире, что они, воспитанные в духе революционных традиций, просто не будут слушать откровенных критиков справа, ввиду чего оппозиционный блок, для того, чтобы сбыть свой оппортунистический товар, вынужден приклеить к нему ярлык революционности, хорошо зная, что только при такой уловке можно будет привлечь к себе внимание революционных пролетариев.

Но так как оппозиционный блок является все же проводником социал-демократического уклона, так как он защищает на деле оппортунистическую политику, то слова и дела оппозиционного блока неизменно вступают между собою в конфликт. Отсюда внутренняя противоречивость в работе оппозиционного блока. Отсюда разлад между словом и делом, между революционной фразой и оппортунистическим делом.

Оппозиция крикливо критикует партию и Коминтерн «слева» и предлагает вместе с тем пересмотр тактики единого фронта, срыв Англо-русского комитета, отход от профсоюзов, замену их новыми «революционными» организациями, думая всем этим двинуть вперед революцию, а на деле получается из этого помощь Томасу и Удегесту, отрыв компартий от профсоюзов, ослабление позиций мирового коммунизма, — стало быть, замедление революционного движения. На словах — «революционеры», а на деле — пособники Томасов и Удегестов.

Оппозиция с большим шумом «разносит» партию «слева» и требует, вместе с тем, повышения отпускных цен на промтовары, думая этим ускорить индустриализацию, а на деле должна получиться из этого дезорганизация внутреннего рынка, развал смычки индустрии с крестьянским хозяйством, падение курса червонца, падение реальной заработной платы и, стало быть, — подрыв какой бы то ни было индустриализации. На словах — индустриалисты, а на деле — пособники противников индустриализации.

Оппозиция обвиняет партию в нежелании борьбы с бюрократизмом госаппарата и предлагает, вместе с тем, повышение отпускных цен, думая, очевидно, что повышение отпускных цен не имеет отношения к вопросу о бюрократизме госаппарата, а на деле выходит, что из этого должна получиться полная бюрократизация государственного хозяйственного аппарата, ибо высокие отпускные цены являются вернейшим средством захирения промышленности и бюрократизации хозяйственного аппарата. На словах — против бюрократизма, а на деле — защитники и проводники бюрократизации государственного аппарата.

Оппозиция шумит и кричит против частного капитала и предлагает, вместе с тем, извлечь из области обращения государственные капиталы в пользу промышленности, думая этим подорвать частный капитал, а на деле получается из этого всемерное усиление частного капитала, ибо извлечение государственных капиталов из обращения, представляющего основную область работы частного капитала, не может не отдать торговлю в полное распоряжение частного капитала. На словах — борьба с частным капиталом, а на деле — помощь частному капиталу.

Оппозиция кричит о перерождении партийного аппарата, а на деле получается, что когда ЦК ставит вопрос об исключении одного из действительно переродившихся коммунистов, г. Оссовского, оппозиция проявляет максимум лояльности к этому господину, голосуя против его исключения. На словах — против перерождения, а на деле — пособники и защитники перерождения.

Оппозиция кричала о внутрипартийной демократии и требовала, вместе с тем, всесоюзной дискуссии, думая этим реализовать внутрипартийную демократию, а на деле оказалось, что, навязывая громадному большинству партии дискуссию от лица ничтожного меньшинства ее, оппозиция совершила грубейший акт нарушения какой бы то ни было демократии. На словах — за внутрипартийную демократию, а на деле — нарушение основных принципов всякой демократии.

В переживаемый нами период обостренной классовой борьбы в рабочем движении может иметь место лишь одна из двух возможных политик: либо

политика меньшевизма, либо политика ленинизма. Попытки оппозиционного блока занять среднее положение между двумя противоположными линиями, под прикрытием «левой», «революционной» фразеологии и при заострении критики против ВКП, должны были привести, и действительно привели, к сползанию оппозиционного блока в лагерь противников ленинизма.

Враги ВКП и Коминтерна знают цену «революционной» фразеологии оппозиционного блока. Поэтому, проходя мимо этой фразеологии, как ничего не стоящей, они единодушно восхваляют оппозиционный блок за его неревolutionные дела, подхватывая оппозиционный лозунг борьбы с основной линией ВКП и Коминтерна, как свой собственный лозунг. Нельзя считать случайностью тот факт, что эсеры и кадеты, русские меньшевики и немецкие «левые» социал-демократы — все они нашли возможным выразить открыто сочувствие борьбе оппозиционного блока против партии, рассчитывая на то, что борьба оппозиционного блока приведет к расколу, а раскол развяжет анти-пролетарские силы нашей страны, на радость врагам революции.

Конференция считает, что партия должна обратить особое внимание на разоблачение «революционной» маскировки и выявление оппортунистической сущности оппозиционного блока.

Конференция считает, что партия должна охранять единство своих рядов, как зеницу ока, считая, что единство нашей партии является основным противоядием против всех и всяких контрреволюционных поползновений врагов революции.

IV. Выводы

Подводя итоги пройденной стадии внутрипартийной борьбы, XV конференция ВКП констатирует, что партия выявила в этой борьбе свой огромный идейный рост, отвергла без колебаний принципиальные взгляды оппозиции и добилась быстрой и решительной победы над оппозиционным блоком, заставив его открыто отказаться от фракционности и вынудив его отмежеваться от явно оппортунистических группировок внутри и вне ВКП.

Конференция констатирует, что, в результате попыток оппозиционного блока навязать партии дискуссию и подорвать ее единство, партийные массы еще более сплотились вокруг ЦК, изолировали тем самым оппозицию и обеспечили таким образом действительное единство рядов нашей партии.

Конференция считает, что только при активной поддержке широких партийных масс ЦК мог добиться таких успехов, что активность и сознательность, проявленные партийными массами в борьбе с дезорганизаторской работой оппозиционного блока, являются лучшими показателями того, что партия живет и развивается на началах действительной внутрипартийной демократии.

Одобрив целиком и полностью политику ЦК в его борьбе за обеспечение единства, конференция считает, что задачи партии в дальнейшем должны состоять в следующем:

1. Следить за тем, чтобы достигнутый минимум, необходимый для единства партии, был действительно проведен в жизнь.

2. Вести решительную идейную борьбу с социал-демократическим уклоном в нашей партии, разъясняя массам ошибочность принципиальных взглядов оппозиционного блока и выставляя на свет оппортунистическое содержание этих взглядов, какими бы «революционными» фразами они ни прикрывались.

3. Добиваться того, чтобы оппозиционный блок признал ошибочность своих взглядов.

4. Всемерно охранять единство партии, пресекая все и всякие попытки возобновления фракционности и нарушения дисциплины.

«ВКП(б) в резолюциях», ч. 2, стр. 154—161.

И. Сталин. ЕЩЕ РАЗ О СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ УКЛОНЕ В НАШЕЙ ПАРТИИ. Доклад на VII расширенном пленуме ИККИ 7—13 декабря 1926 г.

I. Предварительные замечания

Товарищи, раньше чем перейти к существу вопроса, позвольте сделать несколько предварительных замечаний.

Противоречия внутрипартийного развития

Первый вопрос, это — вопрос о борьбе внутри нашей партии, о борьбе, которая не вчера началась и которая не прекращается. Если взять историю нашей партии с момента ее зарождения в виде группы большевиков в 1903 г. и проследить ее последующие этапы вплоть до нашего времени, то можно сказать без преувеличения, что история нашей партии есть история борьбы противоречий внутри этой партии, история преодоления этих противоречий и постепенного укрепления нашей партии на основе преодоления этих противоречий. Можно подумать, что русские люди слишком драчливы, любят дискуссировать, плодят разногласия, и потому развитие партии идет у них через преодоление внутрипартийных противоречий. Это неверно, товарищи. Дело тут не в драчливости. Дело тут в наличии принципиальных разногласий, возникающих в ходе развития партии, в ходе борьбы пролетариата. Дело тут в том, что противоречия можно преодолеть лишь путем борьбы за те или иные принципы, за те или иные цели борьбы, за те или иные методы борьбы, ведущей к цели. Можно и нужно идти на всякие соглашения с инакомыслящими внутри партии по вопросам текущей политики, по вопросам чисто практического характера. Но если вопросы эти связаны с принципиальными разногла-

сиями, то никакое соглашение, никакая «средняя» линия не может спасти дело. Нет и не может быть «средней» линии в вопросах принципиального характера. Либо одни, либо другие принципы должны быть положены в основу работы партии. «Средняя» линия по вопросам принципиальным есть «линия» засорения голов, «линия» затушевывания разногласий, «линия» идейного перерождения партии, «линия» идейной смерти партии.

Как живут и развиваются нынче социал-демократические партии на Западе? Есть ли у них противоречия внутри партии, принципиальные разногласия? Конечно, есть. Вскрывают ли они эти противоречия и стараются ли их преодолеть честно и открыто на глазах у партийных масс? Нет. Конечно, нет. Практика социал-демократии состоит в том, чтобы скрывать, прятать эти противоречия и разногласия. Практика социал-демократии состоит в том, чтобы превращать свои конференции и съезды в пустой маскарад парадного благополучия, старательно скрывая и замазывая внутренние разногласия. Но из этого ничего, кроме засорения голов и идейного обнищания партии, не может получиться. В этом одна из причин падения западно-европейской социал-демократии, когда-то революционной, а ныне реформистской.

Но мы так не можем жить и развиваться, товарищи. Политика «средней» принципиальной линии не есть наша политика. Политика «средней» принципиальной линии есть политика увядающих и перерождающихся партий. Такая политика не может не вести к превращению партии в пустой бюрократический аппарат, вращающийся на холостом ходу и оторванный от рабочих масс. Этот путь не есть наш путь.

Все прошлое нашей партии является подтверждением того положения, что история нашей партии есть история преодоления внутрипартийных противоречий и неуклонного укрепления рядов нашей партии на основе этого преодоления.

Возьмем первый период, период «Искры», или период II съезда нашей партии, когда впервые появились разногласия внутри нашей партии между большевиками и меньшевиками и когда верхушка нашей партии распалась, в конце концов, на две части: на часть большевистскую (Ленин) и часть меньшевистскую (Плеханов, Аксельрод, Мартов, Засулич, Потресов). Ленин был тогда в единственном числе. Если бы вы знали, сколько было тогда криков и воплей о «незаменимых», отошедших от Ленина! Однако, практика борьбы и история партии показали, что это расхождение имело под собой принципиальную базу, что это расхождение являлось необходимым этапом для зарождения и развития действительно революционной и действительно большевистской партии. Практика борьбы показала тогда, что, во-первых, дело не в количестве, а в качестве, и, во-вторых, дело не в формальном единстве, а в том, чтобы единство имело принципиальную основу. История показала, что Ленин был прав, а «незаменимые» были неправы. История показала, что без преодоления этих противоречий между Лениным и «незаменимыми» мы не имели бы настоящей революционной партии.

Возьмем следующий период, период кануна революции 1905 г., когда большевики и меньшевики стояли друг против друга все еще внутри одной партии, как два лагеря с двумя совершенно различными платфор-

ми, когда большевики стояли на пороге формального раскола нашей партии и когда они для отстаивания линии нашей революции были вынуждены созвать свой особый съезд (III съезд). Чем взяла тогда верх большевистская часть партии, чем она завоевала симпатии большинства партии? Тем, что она не замазывала принципиальных разногласий и боролась за преодоление этих разногласий путем изоляции меньшевиков.

Я мог бы сослаться, далее, на третью стадию развития нашей партии, на период после поражения революции 1905 г., на период 1907 г., когда одна часть большевиков, так называемые «отзовисты», во главе с Богдановым, отошла от большевизма. Это был критический период в жизни нашей партии. Это был тот период, когда целый ряд большевиков из старой гвардии покинул Ленина и его партию. Меньшевики кричали тогда о гибели большевиков. Однако, большевизм не погиб, и практика борьбы за какие-нибудь полтора года показала, что Ленин и его партия были правы, ведя борьбу за преодоление противоречий внутри рядов большевизма. Эти противоречия были преодолены не путем их замазывания, а путем их вскрытия и путем борьбы ко благу и выгоде нашей партии.

Я мог бы сослаться, дальше, на четвертый период в истории нашей партии, на период 1911—1912 г.г., когда большевики восстановили разбитую было царской реакцией партию и изгнали вон ликвидаторов. И тут, как и в предыдущие периоды, большевики шли к восстановлению и укреплению партии не через замазывание принципиальных разногласий с ликвидаторами, а через их вскрытие и преодоление.

Я мог бы указать затем на пятую стадию в развитии нашей партии, на период перед Октябрьской революцией 1917 г., когда одна часть большевиков во главе с известными лидерами большевистской партии колебнулась и не захотела идти на восстание, считая его авантюрой. Известно, что и это противоречие было преодолено большевиками не путем замазывания разногласий, а путем открытой борьбы за Октябрьскую революцию. Практика борьбы показала, что без преодоления этих разногласий мы могли бы поставить Октябрьскую революцию в критическое положение.

Я мог бы указать, наконец, на дальнейшие периоды развития нашей внутрипартийной борьбы, на период Брестского мира, период 1921 г. (профсоюзная дискуссия) и остальные периоды, которые вам известны и о которых я не буду здесь распространяться. Известно, что во все эти периоды, как и в прошлом, наша партия росла и крепла через преодоление внутренних противоречий.

Что же из этого получается?

Выходит, что ВКП росла и крепла через преодоление внутрипартийных противоречий.

Выходит, что преодоление внутрипартийных разногласий путем борьбы является законом развития нашей партии.

Могут сказать, что это — закон для ВКП, а не для других пролетарских партий. Это неверно. Этот закон является законом развития для всех сколько-нибудь больших партий, все равно, идет ли речь о пролетарской партии СССР или о партиях на Западе. Если можно в маленькой партии маленькой страны так или иначе замазать разногла-

сия, покрыв их авторитетом одного или нескольких лиц, то в большой партии с ее разнообразными районами развитие через преодоление противоречий является неминуемым элементом роста и укрепления партии. Так шло дело в прошлом. Так идет дело в настоящем. Я хотел бы тут сослаться на авторитет Энгельса, который руководил вместе с Марком пролетарскими партиями на Западе не один десяток лет. Дело идет о восьмидесятих годах прошлого столетия, когда в Германии царил исключительный закон против социалистов, Маркс и Энгельс сидели в Лондоне в эмиграции, а заграничный нелегальный орган германской социал-демократии «Социал-Демократ» направлял на деле работу германской социал-демократии. Бернштейн был тогда революционным марксистом (он не успел еще перебраться к реформистам), Энгельс находился с ним в оживленной переписке по самым злободневным вопросам политики германской социал-демократии. Вот что он писал тогда Бернштейну (1882 г.):

«Как видно, *всякая* рабочая партия большой страны может развиваться только во внутренней борьбе, в полном соответствии с законами диалектического развития. Германская партия стала тем, что она есть, в борьбе эйзенахцев и лассальянцев, где самое трение играло главную роль. Единство стало возможно лишь тогда, когда намеренно вскормленный Лассалем в качестве орудия сброд износился, и здесь это произошло с нашей стороны со слишком большой поспешностью. Во Франции люди, которые хотя и пожертвовали бакунистскими теориями, но продолжают действовать бакунистскими методами борьбы и вместе с тем хотят принести в жертву своим социальным целям классовый характер движения, также должны сперва износиться, прежде чем опять станет возможно единство. Желать проповедывать единство при таких условиях было бы чистой глупостью. Моральными проповедями нельзя предупредить детских болезней, которыми при современных условиях надо переболеть» (см. «Архив Маркса и Энгельса», кн. I, стр. 324—325) (По оплошности, в тексте, опубликованном в газетах, эта цитата была приведена не вся.— *И. Ст.*).

Ибо, говорит Энгельс в другом месте (1885 г.):

«Противоречия никогда не могут быть затушеваны надолго, они решаются борьбой» (см. там же, стр. 371).

Вот чем, прежде всего, нужно объяснить наличие противоречий внутри нашей партии и развитие нашей партии через преодоление этих противоречий путем борьбы.

Источники противоречий внутри партии

Но откуда берутся эти противоречия и разногласия, где их источник? Я думаю, что источники противоречий внутри пролетарских партий кроются в двух обстоятельствах.

Что это за обстоятельства?

Это, во-первых, давление буржуазии и буржуазной идеологии на пролетариат и его партию в обстановке борьбы классов,— давление, которому нередко поддаются наименее устойчивые слои пролетариата, а значит — и наименее устойчивые слои пролетарской партии. Нельзя считать, что пролетариат является совершенно изолированным от общества, стоящим вне общества. Пролетариат является частью общества, связанной с его разнообразными слоями многочисленными нитями. Но партия есть часть

пролетариата. Поэтому и партия не может быть свободной от связей и влияния разнообразных слоев буржуазного общества. Давление буржуазии и ее идеологии на пролетариат и его партию выражается в том, что буржуазные идеи, нравы, обычаи, настроения нередко проникают в пролетариат и его партию через известные слои пролетариата, так или иначе связанные с буржуазным обществом.

Это, во-вторых, разнородность рабочего класса, наличие разных слоев внутри рабочего класса. Я думаю, что пролетариат, как класс, можно было бы разделить на три слоя.

Один слой, это — основная масса пролетариата, его ядро, его постоянная часть, это — та масса «чистокровных» пролетариев, которая давно уже порвала связи с классом капиталистов. Этот слой пролетариата является наиболее надежной опорой марксизма.

Второй слой, это — недавние выходцы из непролетарских классов, из крестьянства, из мещанских рядов, из интеллигенции. Это — выходцы из других классов, недавно только влившиеся в состав пролетариата и внесшие в рабочий класс свои навыки, свои привычки, свои колебания, свои шатания. Этот слой представляет наиболее благоприятную почву для всяких анархистских, полуанархистских и «ультра-левых» группировок.

Наконец, третий слой — это рабочая аристократия, верхушка рабочего класса, наиболее обеспеченная часть пролетариата с ее стремлением к компромиссам с буржуазией, с ее преобладающим настроением приспособления к сильному миру, с ее настроением «выйти в люди». Этот слой представляет наиболее благоприятную почву для откровенных реформистов и оппортунистов.

Несмотря на внешнюю разницу, эти последние два слоя рабочего класса представляют более или менее общую среду, питающую оппортунизм вообще, оппортунизм открытый, поскольку берут верх настроения рабочей аристократии, и оппортунизм, прикрытый «левой» фразой, поскольку берут верх настроения не вполне порвавших еще с мелкобуржуазной средой полумещанских слоев рабочего класса. Тот факт, что «ультра-левые» настроения сплошь и рядом совпадают с настроением открытого оппортунизма — этот факт не представляет ничего удивительного. Ленин говорил не раз, что «ультра-левая» оппозиция есть изнанка правой, меньшевистской, откровенной оппортунистической оппозиции. И это совершенно правильно. Если «ультра-левый» стоит за революцию только потому, что он ждет *завтра же* победы революции, то ясно, что он должен впасть в отчаяние и разочароваться в революции, если произойдет заминка революции, если революция не победит *завтра же*.

Естественно, что при каждом повороте в развитии классовой борьбы, при каждом обострении борьбы и усилении трудностей разница во взглядах, в навыках и в настроениях различных слоев пролетариата должна неминуемо сказаться в виде известных разногласий в партии, а давление буржуазии и ее идеологии неминуемо должно обострить эти разногласия, дав им выход в виде борьбы внутри пролетарской партии.

Таковы источники внутрипартийных противоречий и разногласий.

Можно ли уйти от этих противоречий и разногласий? Нет, нельзя. Ду-

мать, что можно уйти от этих противоречий, это значит обманывать себя. Энгельс был прав, когда он говорил, что замазывать противоречия внутри партии надолго невозможно, что эти противоречия решаются борьбой.

Это не значит, что партия должна быть превращена в дискуссионный, клуб. Наоборот, пролетарская партия есть и должна остаться боевой организацией пролетариата. Я хочу лишь сказать, что нельзя отмахиваться и закрывать глаза на разногласия внутри партии, если эти разногласия имеют принципиальный характер. Я хочу лишь сказать, что только путем борьбы за принципиальную линию можно будет уберечь пролетарскую партию от давления и влияния буржуазии. Я хочу лишь сказать, что только путем преодоления внутривнутрипартийных противоречий можно будет добиться оздоровления и укрепления партии.

II. Особенности оппозиции в ВКП

Позвольте теперь перейти от предварительных замечаний к вопросу об оппозиции в ВКП.

Прежде всего я хотел бы отметить некоторые особенности нашей внутрипартийной оппозиции. Я имею в виду ее внешние, бросающиеся в глаза особенности, не касаясь пока разногласий по существу. Я думаю, что эти особенности можно было бы свести к трем главным особенностям. Это, во-первых, то, что оппозиция в ВКП является оппозицией *объединенной*, а не какой-либо «просто» оппозицией. Это, во-вторых, то, что оппозиция старается прикрыть свой оппортунизм «левой» фразой, шеголяя «революционными» лозунгами. Это, в-третьих, то, что оппозиция ввиду своей принципиальной бесформенности то и дело жалуется на то, что ее не поняли, что лидеры оппозиции представляют по сути дела фракцию «непонятых». (Смех.)

Начнем с первой особенности. Чем объясняется тот факт, что оппозиция выступает у нас как *объединенная* оппозиция, как блок всех и всяких течений, осужденных ранее партией, при чем она выступает не как-нибудь «просто», а во главе с троцкизмом?

Объясняется это следующими обстоятельствами.

Во-первых, тем, что все течения, объединившиеся в блоке,— и троцкисты, и «новая оппозиция», и остатки «демократического централизма», и остатки «рабочей оппозиции»,— все они являются более или менее оппортунистическими течениями, либо боровшимися с ленинизмом с начала своего возникновения, либо начавшие борьбу с ним в последнее время. Нечего и говорить, что эта *общая* черта должна была облегчить их объединение в блоке в борьбе против партии.

Во-вторых, переломным характером переживаемого периода, тем обстоятельством, что нынешний переломный период заново поставил ребром основные вопросы нашей революции, и, так как все эти течения расходились и продолжают расходиться с нашей партией по тем или иным вопросам революции, то естественно, что итоговый характер нынешнего периода, подводя баланс всем нашим разногласиям, должен был толкнуть все эти течения в один блок, в блок против основной линии нашей партии. Нечего и говорить, что

это обстоятельство не могло не облегчить объединения разнообразных оппозиционных течений в один общий лагерь.

В-третьих, тем обстоятельством, что могучая сила и сплоченность нашей партии, с одной стороны, слабость и оторванность от масс всех без исключения оппозиционных течений, с другой стороны, не могли не сделать разрозненной борьбы этих течений против партии явно безнадёжной, ввиду чего оппозиционные течения неминуемо должны были стать на путь *объединения* сил для того, чтобы сложением отдельных групп компенсировать их слабость и поднять тем самым, хотя бы внешним образом, шансы оппозиции.

Ну, а чем объясняется тот факт, что именно троцкизм выступает во главе оппозиционного блока?

Тем, во-первых, что троцкизм является наиболее законченным течением оппортунизма в нашей партии из всех существующих оппозиционных течений (V конгресс Коминтерна был прав, квалифицировав троцкизм как мелкобуржуазный уклон).

Тем, во-вторых, что ни одно оппозиционное течение в нашей партии не умеет так ловко и искусно маскировать свой оппортунизм «левой» и рrrрреволюционной фразой, как троцкизм. (*Смех.*)

И это не первый случай, когда в истории нашей партии троцкизм выступает во главе оппозиционных течений против нашей партии.

Я хотел бы сослаться на известный прецедент в истории нашей партии, имевший место в 1911—1914 г.г., когда был образован во главе с Троцким блок оппозиционных антипартийных течений в виде так называемого «Августовского блока». Я хотел бы сослаться на этот прецедент, так как он представляет некий прототип нынешнего оппозиционного блока. Тогда тов. Троцкий объединил против партии ликвидаторов (Потресов, Мартов и др.), отзовистов («впередовцы») и свою собственную группу. А теперь он попытался объединить в оппозиционный блок «рабочую оппозицию», «новую оппозицию» и свою собственную группу. Известно, что Ленин боролся тогда против «Августовского блока» в продолжение трех лет. Вот что писал тогда Ленин об «Августовском блоке» на пороге его оформления:

«Мы заявляем поэтому *от имени партии в целом*, что Троцкий ведет антипартийную политику; что он *разрывает* партийную *легальность*, вступает на путь *авантюры* и *раскола*... Умалчивает Троцкий об этой бесспорной правде потому, что для *реальных* целей его политики правда непереносима. А реальные цели все больше выясняются и становятся очевидными даже для наименее дальновидных партийцев. Эти реальные цели — *антипартийный блок Потресовых с впередовцами*, каковой блок Троцким поддерживается и организуется... Этот блок, конечно, поддержит «фонд» Троцкого и антипартийную конференцию, им созываемую, ибо и г. Потресовы и впередовцы получают здесь то, что им нужно: свободу своих фракций, освящение их, прикрытие их деятельности, адвокатскую защиту ее перед рабочими. И вот именно с точки зрения «принципиальных основ» мы не можем не признать этот блок *авантюризмом* в самом точном значении слова. Сказать, что он видит настоящих марксистов, действительных защитников принципиальности социал-демократизма в Потресове, в отзовистах, Троцкий *не смеет*. В том и суть позиции авантюриста, что ему приходится перманентно увлиивать... Блок Троцкого с Потресовым и впередовцами есть авантюра именно с точки зрения «принципиальных основ». Не менее верно это с точки зрения *партийно-политических задач*... Годичный опыт после пленума пока-

зал на деле, что именно группа Потресова, именно фракция впередовцев и *воплощают это* буржуазное влияние на пролетариат... Наконец, в-третьих, политика Троцкого есть авантюра в смысле *организационном*, ибо, как мы уже указали, она рвет партийную легальность и, организуя конференцию от имени одной заграничной группы (или от имени блока *двух* антипартийных фракций, голосовцев и впередовцев), она прямо вступает на путь раскола» (см. т. XI, ч. 2, стр. 189—194).

Так отзывался Ленин о первом блоке антипартийных течений во главе с Троцким.

То же самое нужно сказать в основном, но с еще большей резкостью, о нынешнем блоке антипартийных течений, тоже во главе с тов. Троцким.

Вот причины того, почему наша оппозиция выступает теперь в виде оппозиции и выступает не просто, а во главе с троцкизмом.

Так обстоит дело с первой особенностью оппозиции.

Перейдем ко второй особенности. Я уже говорил, что вторая особенность оппозиции состоит в усиленном ее стремлении прикрывать свое оппортунистическое дело «левой», «революционной» фразой. Я не считаю возможным распространяться здесь о фактах, демонстрирующих постоянные расхождения между «революционными» словами и оппортунистическими делами в практике нашей оппозиции. Достаточно просмотреть хотя бы тезисы об оппозиции, принятые на XV конференции ВКП, чтобы понять механику этой маскировки. Я хотел бы только привести несколько примеров из истории нашей партии, говорящих о том, что все оппозиционные течения в нашей партии за период после взятия власти старались прикрывать свои нереволуционные дела «революционной» фразой, неизменно критикуя партию и ее политику «слева».

Возьмем, напр., «левых» коммунистов, выступавших против партии в период Брестского мира (1918 г.). Известно, что они критиковали партию «слева», выступая против Брестского мира и квалифицируя политику партии, как оппортунистическую, непролетарскую, соглашательскую в отношении империалистов. А на деле оказалось, что, выступая против Брестского мира, «левые» коммунисты мешали партии получить передышку для организации и укрепления Советской власти, помогали эс-эрам и меньшевикам, стоявшим тогда против Брестского мира, облегчали дело империализма, стремившегося задушить Советскую власть в самом ее зародыше.

Возьмем «рабочую оппозицию» (1921 г.). Известно, что она также критиковала партию «слева», всячески «громя» политику нэпа, «разнося» в пух и прах положение Ленина о том, что восстановление индустрии нужно начать с развития сельского хозяйства, дающего сырьевые и продовольственные предпосылки для промышленности, «разнося» это положение Ленина как забвение интересов пролетариата и как крестьянский уклон. А на деле оказалось, что без политики нэпа, без развития сельского хозяйства, создающего сырьевые и продовольственные предпосылки для промышленности, у нас не было бы никакой промышленности, а пролетариат пребывал бы в состоянии деклассированности. Кроме того, известно, куда стала расти после всего этого «рабочая оппозиция», вправо или влево.

Возьмем, наконец, троцкизм, критикующий нашу партию вот уже несколько

лет «слева» и являющийся, вместе с тем, как правильно выразился V конгресс Коминтерна, мелкобуржуазным уклоном. Что может быть общего между мелкобуржуазным уклоном и действительной революционностью? Разве не ясно, что «революционная» фраза является тут лишь прикрытием мелкобуржуазного уклона?

Я уже не говорю о «новой оппозиции», «левые» выкрики которой призваны прикрыть ее пленение троцкизмом. О чем говорят все эти факты?

О том, что «левая» маскировка оппортунистического дела является одной из характернейших черт всех и всяких оппозиционных течений в нашей партии за период после взятия власти. Чем объясняется это явление?

Объясняется это революционностью пролетариата СССР, громадными революционными традициями, заложенными в недрах нашего пролетариата. Объясняется это прямой ненавистью рабочих СССР к антиреволюционным, к оппортунистическим элементам. Объясняется это тем, что наши рабочие просто не будут слушать откровенного оппортуниста, ввиду чего «революционная» маскировка является той приманкой, которая должна хотя бы внешним образом привлечь внимание рабочих и вселить в них доверие к оппозиции. Наши рабочие не могут, напр., понять, как это до сих пор не догадаются английские рабочие утопить таких предателей, как Томас, бросить их в колодезь. (Смех.) Всякий, знающий наших рабочих, легко поймет, что таким людям и таким оппортунистам, как Томас, просто не было бы житья среди рабочих. А между тем известно, что английские рабочие не только не собираются топить господ Томасов, но еще переизбирают их в Генсовет, да переизбирают их не просто, а с демонстрацией. Ясно, что такие рабочие не нуждаются в революционной маскировке оппортунизма, ибо они и так не прочь принять их в свою среду. А чем это объясняется? Объясняется это отсутствием революционных традиций у английских рабочих. Они, эти революционные традиции, нарождаются теперь. Они нарождаются и развиваются, и нет оснований сомневаться в том, что английские рабочие закаляются в революционных боях. Но пока этого нет, разница между английскими и советскими рабочими остается. Этим, собственно, объясняется тот факт, что оппортунистам в нашей партии рискованно подходить к рабочим СССР без некоторой «революционной» маскировки. Вот где кроются причины «революционной» маскировки оппозиционного блока.

Наконец, о третьей особенности оппозиции. Я уже говорил, что эта особенность состоит в принципиальной неоформленности оппозиционного блока, в его беспринципности, в его аморальности и в вытекающих отсюда постоянных жалобах лидеров оппозиции на то, что их «не поняли», «искажили», приписали им то, чего они «не говорили», и т. д. Это поистине фракция «непонятых». История пролетарских партий говорит, что эта особенность («не поняли!») является самой обычной и самой распространенной особенностью оппортунизма вообще. Вы должны знать, товарищи, что точь-в-точь то же самое «случилось» с известными оппортунистами Бернштейном, Фольмаром, Ауэром и другими в рядах германской социал-демократии в конце 90-х и начале 900-х

годов, когда германская социал-демократия была революционной, и когда эти завзятые оппортунисты в продолжение ряда лет жаловались на то, что их «не поняли», что их «исказили». Известно, что фракцию Бернштейна обозвали тогда германские революционные социал-демократы фракцией «непонятых». Нельзя считать случайностью тот факт, что оппозиционный блок приходится, таким образом, занести в разряд фракции «непонятых». Таковы главнейшие особенности оппозиционного блока.

III. Разногласия в ВКП

Перейдем к разногласиям по существу.

Я думаю, что наши разногласия можно было бы свести к нескольким основным вопросам. Я не буду касаться этих вопросов подробно, так как времени для этого мало, а доклад и так затягивается. Тем более, что вы имеете материалы по вопросам ВКП, которые, правда, страдают некоторыми ошибками в переводе, но в основном они дают все же правильное представление о разногласиях в нашей партии.

Вопросы социалистического строительства

Первый вопрос: Первый вопрос, это — вопрос о возможности победы социализма в одной стране, вопрос о возможности победоносного строительства социализма. Речь идет, конечно, не о Черногории или даже не о Болгарии, а о нашей стране, о СССР. Речь идет о такой стране, где был и развивался империализм, где имеется известный минимум крупной промышленности, где имеется известный минимум пролетариата, где имеется партия, руководящая пролетариатом. Итак, возможна ли победа социализма в СССР, возможно ли построить в нем социализм на основе внутренних сил нашей страны, на основе тех возможностей, которые имеются в распоряжении пролетариата СССР? Но что значит построить социализм, если перевести эту формулу на конкретный классовый язык? Построить социализм в СССР — это значит преодолеть в ходе борьбы своими собственными силами нашу, советскую, буржуазию. Стало быть, вопрос сводится к тому, способен ли пролетариат СССР преодолеть свою собственную, советскую, буржуазию. Поэтому, когда говорят о том, возможно ли построить социализм в СССР, хотя бы сказать: способен ли пролетариат СССР преодолеть своими собственными силами буржуазию СССР. Так и только так стоит вопрос при разрешении проблемы о построении социализма в нашей стране. Партия отвечает на этот вопрос положительно, ибо она исходит из того, что пролетариат СССР, пролетарская диктатура в СССР имеет возможность преодолеть буржуазию СССР своими собственными силами. Если бы это было неправильно, если бы партия не имела оснований утверждать, что пролетариат СССР способен построить социалистическое общество, несмотря на сравнительную техническую отсталость нашей страны, то партия не имела бы оснований оставаться больше у власти, она должна была бы бросить власть, так или иначе и перейти на положение оппозиционной партии. Ибо одно из двух: *либо* мы можем строить социализм и построить его в конечном счете, преодолевая

свою «национальную» буржуазию,— и тогда партия обязана остаться у власти и руководить социалистическим строительством в стране во имя победы социализма во всем мире; *либо* мы не в состоянии своими собственными силами преодолеть свою буржуазию,— и тогда, имея в виду отсутствие немедленной поддержки извне, со стороны победоносной революции в других странах, мы должны честно и открыто отойти от власти и вести курс на организацию новой революции в СССР в будущем. Может ли партия обманывать свой класс, в данном случае рабочий класс? Нет, не может. Такую партию следовало бы четвертовать. Но именно потому, что наша партия не имеет права обманывать рабочий класс, она должна была бы сказать прямо, что отсутствие уверенности в возможности построения социализма в нашей стране ведет к отходу от власти и к переходу нашей партии от положения правящей к положению оппозиционной партии.

Мы завоевали диктатуру пролетариата и создали тем самым *политическую* базу для продвижения к социализму. Можем ли мы создать своими собственными силами *экономическую* базу социализма, новый экономический фундамент, необходимый для построения социализма? В чем состоит экономическая суть и экономическая база социализма? Не в том ли, чтобы насадить на земле «рай небесный» и всеобщее довольство? Нет, не в этом. Это есть бытовательское, мещанское представление об экономической сути социализма. Создать экономическую базу социализма — это значит сомкнуть сельское хозяйство с социалистической индустрией в одно целостное хозяйство, подчинить сельское хозяйство руководству социалистической индустрии, наладить отношения между городом и деревней на основе прямого обмена продуктов сельского хозяйства и индустрии, закрыть и ликвидировать все те каналы, при помощи которых рождаются классы и рождается, прежде всего, капитал, создать, в конце концов, такие условия производства и распределения, которые ведут прямо и непосредственно к уничтожению классов.

Вот что говорил на этот счет тов. Ленин в период, когда вводили нэп, и когда вопрос о построении социалистического фундамента народного хозяйства встал перед партией во весь рост:

«Замена разверстки налогом, его принципиальное значение: от «военного» коммунизма к *правильному* социалистическому фундаменту. Ни разверстки, ни налога, а обмен продуктов крупной («социализированной») промышленности на крестьянские продукты, такова экономическая *суть* социализма, его база» («Ленинский сборник» IV, стр. 372).

Вот как понимает Ленин вопрос о создании *экономической* базы социализма.

Но для того, чтобы сковать сельское хозяйство с социализированной индустрией, для этого необходимо прежде всего иметь богатую сеть органов распределения продуктов, богатую сеть органов кооперации, как потребительской, так и сельскохозяйственной, производственной. Ленин исходил именно из этого положения, когда он говорил в своей брошюре «О кооперации», что:

«Кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом» (см. т. XVIII, ч. 2, стр. 144).

Итак, может ли пролетариат СССР построить своими собственными силами экономическую базу социализма в условиях капиталистического окружения нашей страны?

Партия отвечает на этот вопрос *положительно* (см. резолюцию XIV конференции ВКП). Ленин отвечает на этот вопрос положительно (см. хотя бы его брошюру «О кооперации»). Вся практика нашего строительства дает на этот вопрос положительный ответ, ибо доля социалистического сектора нашего хозяйства растет из года в год за счет доли частного капитала как в области производства, так и в области обращения, причем роль частного капитала в ее отношении к роли социалистических элементов нашего хозяйства падает из года в год.

Ну, а как отвечает на этот вопрос оппозиция?

Она дает на этот вопрос *отрицательный* ответ.

Выходит, что победа социализма в нашей стране возможна, что возможность построения экономической базы социализма можно считать обеспеченной. Значит ли это, что такую победу можно назвать полной победой, окончательной победой, гарантирующей страну строящегося социализма от всякой опасности извне, от опасности империалистической интервенции и связанной с нею реставрации? Нет, не значит. Если вопрос о построении социализма в СССР является вопросом о преодолении своей, «*национальной*», буржуазии, то вопрос об окончательной победе социализма является вопросом о преодолении *мировой* буржуазии. Партия говорит, что осилить своими собственными силами мировую буржуазию пролетариат одной страны не в состоянии. Партия говорит, что для окончательной победы социализма в одной стране необходимо преодоление или, по крайней мере, нейтрализация мировой буржуазии. Партия говорит, что такая задача по силам лишь пролетариату нескольких стран. Поэтому окончательная победа в той или иной стране означает победу пролетарской революции, по крайней мере, в нескольких странах. Вопрос этот не вызывает в нашей партии особых разногласий, и поэтому я не буду о нем распространяться, отсылая интересующихся к материалам, розданным на днях членам расширенного пленума ИККИ.

Факторы «передышки»

Второй вопрос. Второй вопрос касается проблемы об условиях нынешнего международного положения СССР, об условиях того периода «передышки», на протяжении которого началась и развернулась у нас работа по строительству социализма. Мы можем и должны строить социализм в СССР. Но чтобы строить социализм, надо прежде всего существовать. Надо, чтобы была «передышка» от войны, надо, чтобы не было попыток интервенции, надо, чтобы был завоеван некоторый минимум международных условий, необходимых для того, чтобы существовать и строить социализм. Спрашивается: на чем держится нынешнее международное положение Республики Советов, чем определяется нынешний «мирный» период развития нашей страны в ее отношении к странам капиталистическим, на чем базируется та «передышка» или тот период «передышки», который завоеван, который не дает возможности капиталистическому миру для немедленных попыток серьезной

интервенции и который создает необходимые внешние условия для строительства социализма в нашей стране, если доказано, что опасность интервенции существует и будет еще существовать, и что эта опасность может быть ликвидирована лишь в результате победы пролетарской революции в ряде стран?

Нынешний период «передышки» базируется, по крайней мере, на четырех основных фактах.

Во-первых, на противоречиях в лагере империалистов, которые не ослабевают и которые затрудняют сговор против Республики Советов.

Во-вторых, на противоречиях между империализмом и колониальными странами, на росте освободительного движения в колониальных и зависимых странах.

В-третьих, на росте революционного движения в капиталистических странах и растущем сочувствии пролетариев всех стран к Республике Советов. Пролетарии капиталистических стран *еще* не в силах поддерживать пролетариев в СССР прямой революцией против своих капиталистов. Но капиталисты империалистических государств *уже* не в силах двинуть «своих» рабочих против пролетариата СССР, ибо сочувствие пролетариев всех стран к Республике Советов растет и не может не расти изо дня в день. А воевать теперь без рабочих нельзя.

В-четвертых, на силе и могуществе пролетариата СССР, на успехах его социалистического строительства, на силе организованности его Красной армии

Сочетание этих и подобных им условий создает тот период «передышки», который является характерной чертой нынешнего международного положения Республики Советов.

Единство и нераздельность «национальных» и интернациональных задач революции

Третий вопрос. Третий вопрос касается проблемы о «национальных» и интернациональных задачах пролетарской революции в той или иной стране. Партия исходит из того, что «национальные» и интернациональные задачи пролетариата СССР сливаются в одну общую задачу освобождения пролетариев всех стран от капитализма, что интересы строительства социализма в нашей стране целиком и полностью сливаются с интересами революционного движения всех стран в один общий интерес победы революции во всех странах.

Что было бы, если бы пролетарии всех стран не сочувствовали и не поддерживали Республику Советов? Была бы интервенция и разгром Республики Советов.

Что было бы, если бы удалось капиталу разгромить Республику Советов? Наступила бы эпоха самой черной реакции по всем капиталистическим и колониальным странам, стали бы душить рабочий класс и угнетенные народы, были бы ликвидированы позиции международного коммунизма.

Что будет, если сочувствие и поддержка Республике Советов со стороны пролетариев всех стран будут усиливаться и нарастать? Это коренным образом облегчит строительство социализма в СССР.

Что будет, если будут нарастать в СССР успехи социалистического строительства? Это коренным образом улучшит революционные позиции пролетариев всех стран в их борьбе с капиталом, подорвет позиции международного капитала в его борьбе с пролетариатом и подымет шансы мирового коммунизма до высшей степени.

Но из этого следует, что интересы и задачи пролетариата СССР переплетаются и неразрывно связываются с интересами и задачами революционного движения во всех странах и, наоборот, задачи революционных пролетариев всех стран неразрывно связываются с задачами и успехами пролетариев СССР на фронте социалистического строительства.

Поэтому противопоставлять «национальные» задачи пролетариев той или иной страны задачам интернациональным — значит допускать глубочайшую ошибку в политике.

Поэтому изображать рвение и страстность в борьбе пролетариев СССР на фронте социалистического строительства как признак «национальной замкнутости» и «национальной ограниченности», как это делают иногда наши оппозиционеры, — значит сойти с ума или впасть в детство.

Поэтому утверждение единства и нераздельности интересов и задач пролетариев одной страны с интересами и задачами пролетариев всех стран являются вернейшим путем победы революционного движения пролетариев всех стран.

Именно поэтому победа пролетарской революции в одной стране является не самоцелью, а средством и подспорьем для развития и победы революции во всех странах.

Поэтому строить социализм в СССР — это значит делать общее дело пролетариев всех стран, это значит ковать победу над капиталом не только в СССР, но и во всех капиталистических странах, ибо революция в СССР есть часть мировой революции, ее начало и база ее развертывания.

К истории вопроса о строительстве социализма

Четвертый вопрос. Четвертый вопрос касается истории обсуждаемого вопроса. Оппозиция уверяет, что вопрос о строительстве социализма в одной стране поставлен впервые в нашей партии в 1925 г. Во всяком случае тов. Троцкий прямо заявил на XV конференции: «Почему требуют теоретического признания построения социализма в одной стране? Откуда взялась эта перспектива? Почему до 1925 г. никто этого вопроса не выдвигал?»

Выходит, таким образом, что до 1925 г. вопрос этот не выдвигался в нашей партии. Выходит, что только Бухарин и Сталин выдвинули этот вопрос в партии и выдвинули его в 1925 г.

Верно ли это? Нет, не верно.

Я утверждаю, что вопрос о строительстве социалистического хозяйства в одной стране впервые был выдвинут в партии Лениным еще в 1915 г. Я утверждаю, что возражал тогда Ленину не кто иной, как тов. Троцкий. Я утверждаю, что с того времени, т.-е. со времени 1915 г. вопрос о строительстве социалистического хозяйства в одной стране неоднократно трактовался в нашей печати и в нашей партии.

Обратимся к фактам.

а) 1915 год. Статья Ленина в центральном органе большевиков (в «Социал-Демократе»): «О лозунге Соединенных Штатов Европы». Вот что говорит Ленин в этой статье:

«Как самостоятельный лозунг, лозунг «Соединенные Штаты мира» был бы, однако, едва ли правилен, во-первых, потому, что он сливается с социализмом; во-вторых, потому, что он мог бы породить неправильное толкование о невозможности победы социализма в одной стране и об отношении такой страны к остальным. Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, *экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство*, встал бы против остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств»... ибо «невозможно свободное объединение наций в социализме без более или менее долгой, упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами» (см. т. XIII, стр. 133) (Курсив мой. — *И. См.*).

А вот возражение тов. Троцкого, данное в том же 1915 г. в руководимом Троцким «Нашем Голосе»:

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма». Отсюда «Социал-демократ» (центральный орган большевиков с 1915 г., где и была напечатана названная статья Ленина. *И. См.*) делал тот вывод, что возможна победа социализма в одной стране, и что незачем поэтому диктатуру пролетариата в каждом отдельном государстве обуславливать созданием Соединенных Штатов Европы... Что ни одна страна не должна «дожидаться» других в своей борьбе, это элементарная мысль, которую полезно и необходимо повторять, дабы идея параллельного интернационального действия не подменялась идеей выжидательного интернационального бездействия. Не дожидаясь других, мы начинаем и продолжаем борьбу на национальной почве в полной уверенности, что наша инициатива даст толчок борьбе в других странах; а если бы этого не произошло, то *безнадежно думать*, — так свидетельствуют и опыт истории и теоретические соображения, — что, например, *революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы, или социалистическая Германия могла бы остаться изолированной в капиталистическом мире*. Рассматривать перспективы социальной революции в национальных рамках значило бы становиться жертвой той самой *национальной ограниченности*, которая составляет сущность социал-патриотизма».

Вы видите, что вопрос об «организации социалистического производства» ставился Лениным уже в 1915 г., на пороге буржуазно-демократической революции в России, в период империалистической войны, когда вопрос о перерастании буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую стоял на очереди.

Вы видите, что возражал тогда тов. Ленину не кто иной, как тов. Троцкий, который, очевидно, знал, что в статье Ленина речь идет о «победе социализма» и о возможности «организации социалистического производства в одной стране».

Вы видите, что обвинение насчет «национальной ограниченности» было вы-

ставлено впервые тов. Троцким еще в 1915 г., при чем это обвинение было направлено не против Бухарина или Сталина, а против Ленина.

Теперь тов. Зиновьев то и дело пускает в ход смехотворное обвинение насчет «национальной ограниченности». Но он, видимо, не понимает, что он повторяет и реставрирует тем самым фразу тов. Троцкого, направленную против Ленина и его партии.

б) 1919 год. Статья Ленина: «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата». Вот что пишет Ленин в этой статье:

«Как бы ни лгали, ни клеветали буржуа всех стран и их прямые и прикрытые пособники («социалисты» II Интернационала), остается несомненным: *с точки зрения основной экономической проблемы диктатуре пролетариата у нас обеспечена победа, победа коммунизма над капитализмом.* Буржуазия всего мира именно потому бешенствует и неистовствует против большевизма, организует военные нашествия, заговоры и пр. против большевиков, что она превосходно понимает *неизбежность нашей победы в перестройке общественного хозяйства, если нас не задавить военной силой. А задавить нас таким образом ей не удастся!*» (Курсив мой. — И. Ст.) (см. т. XVI, стр. 330).

Вы видите, что в этой статье Ленина речь идет об «экономической проблеме диктатуры пролетариата», о «перестройке общественного хозяйства» в направлении «победы коммунизма». А что такое «экономическая проблема диктатуры пролетариата» и «перестройка общественного хозяйства» при диктатуре пролетариата? Это есть не что иное, как строительство социализма в одной стране, в нашей стране.

в) 1921 год. Брошюра Ленина «О продналоге». Известное положение о том, что мы можем и должны построить «социалистический фундамент нашей экономики» (см. «О продналоге»).

г) 1922 год. Выступление тов. Ленина в Моссовете, где он говорит о том, что «мы протащили социализм в повседневную жизнь», что «из России неповской будет Россия социалистическая» (см. т. XVIII, ч. 2, стр. 108). Возражения тов. Троцкого в его «Послесловии» к «Программе мира» в 1922 г. без прямого указания на то, что он полемизирует с Лениным. Вот что говорит тов. Троцкий в этом «Послесловии»:

«Несколько раз повторяющееся в «Программе мира» утверждение, что пролетарская революция не может победоносно завершиться в национальных рамках, покажется, пожалуй, некоторым читателям опровергнутым почти пятилетним опытом нашей Советской Республики. Но такое заключение было бы неосновательно. Тот факт, что рабочее государство удержалось против всего мира в одной стране, и притом отсталой, свидетельствует о колоссальной мощи пролетариата, которая в других, более передовых, более цивилизованных странах способна будет совершать поистине чудеса. Но, отстояв себя в политическом и военном смысле, как государство, мы к созданию социалистического общества не пришли и даже не подошли. Борьба за революционно-государственное самосохранение вызвала за этот период чрезвычайное понижение производительных сил; социализм же мыслим только на основе их роста и расцвета. Торговые переговоры с буржуазными государствами, концессии, Генуэзская конференция и пр. являются слишком ярким свидетельством *невозможности изолированного социалистического строительства в национально-государственных рамках... подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы*» (Курсив мой. — И. Ст.).

Кому возражает здесь тов. Троцкий насчет «невозможности изолированного социалистического строительства в национально-государственных рамках»? Уж, конечно, не Бухарину или Сталину. Тов. Троцкий возражает здесь тов. Ленину, и возражает он не по какому-либо другому вопросу, а по основному вопросу — о возможности «социалистического строительства в национально-государственных рамках».

д) 1923 год. Брошюра Ленина «О кооперации», представляющая его политическое завещание. Вот что говорит Ленин в этой брошюре:

«В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д., — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали как торговую и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, — разве это *не все необходимое* для построения *полного социалистического общества*? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и *достаточное* для этого построения» (Курсив мой. — *И. См.*) (см. т. XVIII, ч. 2, стр. 140).

Кажется, трудно выразиться яснее. У тов. Троцкого выходит, что «социалистическое строительство в национально-государственных рамках» *невозможно*. Ленин же утверждает, что мы, т.-е. пролетариат СССР, теперь, в период диктатуры пролетариата, имеем «*все необходимое*» и «*достаточное*» «для построения *полного социалистического общества*». Противоположность во взглядах полная.

Таковы факты.

Вы видите, таким образом, что вопрос о строительстве социализма в одной стране был выдвинут в нашей партии еще в 1915 г., выдвинут он был лично Лениным, с которым спорил по этому вопросу не кто иной, как тов. Троцкий, обвиняя Ленина в «национальной ограниченности».

Вы видите, что с тех пор этот вопрос не сходил с порядка дня работы нашей партии вплоть до смерти тов. Ленина.

Вы видите, что этот вопрос несколько раз возбуждался в той или иной форме тов. Троцким в виде скрытой, но совершенно определенной полемики с тов. Лениным, при чем каждый раз трактовался этот вопрос у тов. Троцкого не в духе Ленина и ленинизма, а против Ленина и ленинизма.

Вы видите, что тов. Троцкий говорит *прямую неправду*, уверяя, что вопрос о строительстве социализма в одной стране не выдвигался никем до 1925 г.

Особо важное значение вопроса о строительстве социализма в СССР в данный момент

Пятый вопрос. Пятый вопрос касается проблемы об актуальности задачи строительства социализма в данный момент. Почему вопрос о строительстве социализма приобрел особо актуальный характер именно теперь, именно в последнее время? Почему, напр., в 1915, 1918, 1919, 1921, 1922, 1923 г.г. вопрос о строительстве социализма в СССР

обсуждался от случая к случаю, в отдельных статьях, а в 1924, 1925, 1926 г. г. этот вопрос занял особо выдающееся место в нашей партийной практике? Чем это объясняется?

Объясняется это, по-моему, тремя главными причинами.

Во-первых, тем, что за последние годы замедлился темп революции в других странах, наступила так называемая «частичная стабилизация капитализма». Отсюда вопрос — не ведет ли частичная стабилизация капитализма к ослаблению или даже к уничтожению возможностей строительства социализма в нашей стране? Отсюда возросший интерес к вопросу о судьбах социализма и социалистического строительства в нашей стране.

Во-вторых, тем, что мы ввели нэп, допустили частный капитал и совершили некоторое отступление для того, чтобы перегруппировать силы и пойти потом в наступление. Отсюда вопрос — не может ли введение нэпа способствовать ослаблению возможностей социалистического строительства в нашей стране? Отсюда новый источник растущего интереса к вопросу о возможности социалистического строительства в нашей стране.

В-третьих, тем обстоятельством, что мы выиграли гражданскую войну, прогнали интервенционистов и завоевали передышку от войны, завоевали период передышки, представляющий благоприятные условия для того, чтобы ликвидировать хозяйственную разруху, восстановить производительные силы страны и заняться строительством новой экономики в нашей стране. Отсюда вопрос — в каком направлении нужно вести строительство хозяйства, в сторону социализма или в какую-либо другую сторону? Отсюда вопрос — если вести строительство в сторону социализма, то есть ли основания рассчитывать на то, что мы имеем возможность строить социализм в условиях нэпа и при частичной стабилизации капитализма? Отсюда громадный интерес всей партии и всего рабочего класса к вопросу о судьбах социалистического строительства в нашей стране. Отсюда ежегодные подсчеты всякого рода данных, производимые органами партии и Советской власти с точки зрения усиления удельного веса социалистических форм хозяйства в области промышленности, в области торговли, в области земледелия.

Вот вам три главные причины, говорящие о том, что вопрос о строительстве социализма стал для нашей партии и для нашего пролетариата, так же, как для Коминтерна, актуальнейшим вопросом.

Оппозиция думает, что вопрос о строительстве социализма в СССР имеет лишь теоретический интерес. Это неверно. Это глубочайшее заблуждение. Такая трактовка вопроса может быть объяснена лишь полной оторванностью оппозиции от нашей партийной практики, от нашего хозяйственного строительства, от нашего кооперативного строительства. Вопрос о строительстве социализма теперь, когда мы ликвидировали хозяйственную разруху, восстановили промышленность и вступили в полосу перестройки всего народного хозяйства на новой технической основе, — вопрос о строительстве социализма имеет теперь громадное практическое значение. Куда вести дело при хозяйственном строительстве, в каком направлении строить, что строить, каковы должны быть перспективы нашего строительства, —

все это такие вопросы, без разрешения которых честные и вдумчивые хозяйственники не могут сделать ни шага вперед, если они хотят отнестись к делу строительства действительно сознательно и обдуманно. Строим ли мы для того, чтобы унавозить почву для буржуазной демократии, или для того, чтобы построить социалистическое общество,— в этом теперь корень нашей строительной работы. Есть ли у нас возможность строить социалистическое хозяйство теперь, в условиях нэпа, при частичной стабилизации капитализма,— в этом теперь один из важнейших вопросов нашей партийной и советской работы.

Ленин ответил на этот вопрос *положительно* (см. хотя бы брошюру «О кооперации»). Партия ответила на этот вопрос *положительно* (см. резолюцию XIV конференции ВКП). Ну, а оппозиция? Я уже говорил, что оппозиция отвечает на этот вопрос *отрицательно*. Я уже говорил в своем докладе на XV конференции ВКП, а теперь вынужден повторить здесь, что тов. Троцкий, лидер оппозиционного блока, еще совсем недавно, в сентябре 1926 г., заявил в известном своем обращении к оппозиционерам, что «теорию социализма в одной стране» считает он «теоретическим оправданием национальной ограниченности» (см. доклад Сталина на XV конференции ВКП).

Сравните эту цитату тов. Троцкого (1926 г.) с его статьей в 1915 г., где он, полемизируя с Лениным по вопросу о возможности победы социализма в одной стране, впервые поставил вопрос о «национальной ограниченности» тов. Ленина и ленинцев,— и вы поймете, что тов. Троцкий остался на своей старой позиции социал-демократического отрицания в вопросе о строительстве социализма в одной стране.

Именно поэтому утверждает партия, что троцкизм есть социал-демократический уклон в нашей партии.

О перспективах революции

Шестой вопрос. Шестой вопрос касается проблемы о перспективах пролетарской революции. Тов. Троцкий говорил в своей речи на XV конференции: «Ленин считал, что за 20 лет мы никак не построим социализма, при отсталости нашей крестьянской страны, и за 30 лет не построим. Допустим 30—50 лет, как минимум».

Я должен заявить здесь, товарищи, что эта перспектива, выдуманная тов. Троцким, не имеет ничего общего с перспективой тов. Ленина о революции в СССР. Спустя несколько минут тов. Троцкий сам начинает бороться в своей речи с этой перспективой. Но это уж его дело. Но я должен заявить, что ни Ленин, ни партия не могут отвечать за эту выдуманную тов. Троцким перспективу и за вытекающие из нее выводы. Тот факт, что тов. Троцкий, сочинив эту перспективу, начинает потом в своей речи бороться со своим же собственным сочинением,— этот факт говорит лишь о том, что тов. Троцкий окончательно запутался и поставил себя в смешное положение.

Ленин вовсе не говорил, что «мы никак не построим социализма» за 30 или 50 лет. На самом деле Ленин вот что говорил:

«10-20 лет правильных соотношений с крестьянством и обеспечена победа во всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарских революций, кои рас-

тут), иначе 20—40 лет мучений белогвардейского террора» («Ленинский сборник» IV, стр. 374).

Можно ли из этого положения Ленина сделать тот вывод, что мы «никак не построим социализма за 20—30 или 50 лет»? Нет, нельзя. Из этого положения можно сделать лишь следующие выводы: а) при правильных соотношениях с крестьянством нам обеспечена победа (т.-е. победа социализма) в 10—20 лет; б) победа эта будет победой не только в СССР, но победой «во всемирном масштабе»; в) если мы не получим победы за этот срок, то это будет признаком того, что нас разгромили, и режим диктатуры пролетариата сменился режимом белогвардейского террора, который может продлиться 20—40 лет.

Можно, конечно, соглашаться или не соглашаться с этим положением Ленина и с выводами, из него вытекающими. Но искажать его, как делает это тов. Троцкий, нельзя.

А что значит победа «во всемирном масштабе»? Значит ли это, что такая победа равнозначна победе социализма в одной стране? Нет, не значит. Ленин строго различает в своих сочинениях победу социализма в одной стране от победы «во всемирном масштабе». Говоря о победе «во всемирном масштабе», Ленин хочет сказать, что успехи социализма в нашей стране, победа социалистического строительства в нашей стране имеет такое громадное международное значение, что она (победа) не может ограничиться нашей страной, а должна вызвать мощное движение к социализму во всех капиталистических странах, при чем, если она не совпадает во времени с победой пролетарской революции в других странах, то она во всяком случае должна открыть собой мощное движение пролетариев других стран к победе мировой революции. Вот какова перспектива революции по Ленину, если иметь в виду перспективу победы революции, о чем, собственно, и идет речь у нас, в партии.

Смешивать эту перспективу с перспективой тов. Троцкого насчет 30—50 лет — значит клеветать на Ленина.

Как стоит вопрос на деле

Седьмой вопрос. Допустим, говорит нам оппозиция, но с кем лучше, в конце концов, держать союз — с мировым пролетариатом или с крестьянством нашей страны, кому отдать предпочтение — мировому пролетариату или крестьянству СССР? При этом дело изображается так, как будто стоит пролетариат СССР и перед ним два союзника — мировой пролетариат, который готов опрокинуть немедленно свою буржуазию, но ждет нашего предпочтительного согласия на это, и наше крестьянство, которое готово помочь пролетариату СССР, но не вполне уверено, что пролетариат СССР примет эту помощь. Это, товарищи, детская постановка вопроса. Такая постановка вопроса не имеет ничего общего ни с ходом революции в нашей стране, ни с соотношением сил на фронте борьбы между мировым капитализмом и социализмом. Извините за выражение, но так могут поставить вопрос только институтки. К сожалению, не так обстоит дело, как это изображают нам некоторые оппозиционеры, при чем нет оснований сомневаться в том, что мы с удо-

вольствием приняли бы помощь и с той и с другой стороны, если бы это зависело только от нас. Нет, не так стоит вопрос в действительной жизни.

Вопрос стоит вот как: *так как* темп мирового революционного движения замедлился, победы социализма на Западе нет еще, а пролетариат СССР стоит у власти, укрепляет ее из года в год, спланирует вокруг себя основные массы крестьянства, имеет уже серьезные успехи на фронте социалистического строительства и с успехом укрепляет узы дружбы с пролетариями и угнетенными народами всех стран, — то есть ли основания отрицать то, что пролетариат СССР может преодолеть свою буржуазию и продолжать победоносное строительство социализма в нашей стране, несмотря на капиталистическое окружение?

Вот как стоит вопрос теперь, если, конечно, исходить не из фантазий, как это делает оппозиционный блок, а из действительного соотношения сил на фронте борьбы между социализмом и капитализмом

Партия отвечает на этот вопрос, что пролетариат СССР в состоянии при таких условиях преодолеть свою, «национальную», буржуазию и строить с успехом социалистическое хозяйство.

Оппозиция же говорит, что:

«Без прямой *государственной* (Курсив мой. — И. Ст.) поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру».

А каков смысл этой цитаты тов. Троцкого и что значит «*государственная*» поддержка европейского пролетариата? Это значит, что без *предварительной* победы пролетариата на Западе, без *предварительного* захвата власти пролетариатом на Западе пролетариат СССР не только не может преодолеть свою буржуазию и строить социализм, но он не может даже удержаться у власти.

Вот как стоит вопрос и вот где корень наших разногласий.

Чем отличается эта позиция тов. Троцкого от позиции Отто Бауэра?

К сожалению, ничем.

О шансах на победу

Восьмой вопрос. Допустим, говорит оппозиция, но у кого больше шансов на победу — у пролетариата СССР или у мирового пролетариата?

«Можно ли представить себе, — говорит тов. Троцкий в своей речи на XV конференции ВКП(б), — что в течение 30—50 лет европейский капитализм будет гнить, а пролетариат окажется неспособным совершить революцию? Я спрашиваю: почему я должен брать эту предпосылку, которую нельзя иначе назвать, как предпосылкой необоснованного черного пессимизма за счет европейского пролетариата?.. Я утверждаю, что у меня нет никаких теоретических или политических оснований думать, что нам вместе с крестьянством легче построить социализм, чем европейскому пролетариату взять власть».

Во-первых, следует без оговорок отбросить перспективу застоя в Европе «в течение 30—50 лет». Никто не обязывал тов. Троцкого исходить

из этой перспективы пролетарской революции в капиталистических странах Запада, не имеющей ничего общего с перспективой нашей партии. Тов. Троцкий сам связал себя с этой выдуманной перспективой и сам же должен отвечать за последствия такой операции. Я думаю, что эти сроки должны быть сокращены по крайней мере вдвое, если иметь в виду действительную перспективу пролетарской революции на Западе.

Во-вторых, тов. Троцкий решает без оговорок, что у пролетариев Запада гораздо больше шансов преодолеть мировую буржуазию, которая стоит сейчас у власти, чем у пролетариата СССР свою, «национальную», буржуазию, которая политически уже разгромлена, а в экономическом отношении вынуждена отступать перед напором диктатуры пролетариата и социалистических форм нашего хозяйства. Я считаю, что такая постановка вопроса неправильна. Я считаю, что, ставя так вопрос, тов. Троцкий выдает себя с головой. Разве не то же самое говорили нам меньшевики в октябре 1917 г., когда они кричали со всех крыш, что у пролетариев Запада имеется гораздо больше шансов свергнуть буржуазию и захватить власть, чем у пролетариев России, где техника мало развита и где пролетариат малочисленен? И разве это не факт, что, несмотря на причитания меньшевиков, у пролетариев России в октябре 1917 г. оказалось больше шансов взять власть и свергнуть буржуазию, чем у пролетариев Англии, Франции или Германии? Разве практика революционной борьбы во всем мире не показала и не доказала, что нельзя ставить вопрос так, как ставит его тов. Троцкий.

Вопрос о том, у кого больше шансов на скорую победу, решается не путем противопоставления пролетариата одной страны пролетариату других стран или крестьянства нашей страны пролетариату других стран. Такое противопоставление есть детская игра в сравнение. Вопрос о том, у кого больше шансов на скорую победу, решается реальной международной обстановкой, реальным соотношением сил на фронте борьбы между капитализмом и социализмом. Может случиться, что пролетарии Запада победят свою буржуазию и захватят власть раньше, чем мы успеем построить социалистический фундамент нашей экономики. Это вовсе не исключено. Но может случиться и то, что пролетариату СССР удастся построить социалистический фундамент нашей экономики раньше, чем пролетарии на Западе свергнут свою буржуазию. Это тоже не исключено.

Решение вопроса о шансах на скорую победу зависит тут от реальной обстановки на фронте борьбы между капитализмом и социализмом и только от нее.

Практически-политические разногласия

Таковы основы наших разногласий.

Из этих основ вытекают разногласия практически-политического характера как в области внешней и внутренней политики, так и в области чисто партийной. Эти разногласия составляют предмет *девятого вопроса*.

а) Партия, исходя из факта частичной стабилизации капитализма, счи-

тает, что мы переживаем межреволюционный период, что мы идем в капиталистических странах к революции, и основная задача компартии состоит в том, чтобы проложить дорогу к массам, укрепить связи с массами, овладеть массовыми организациями пролетариата и подготовить широкие массы рабочих к грядущим революционным схваткам.

Но оппозиция, не веря во внутренние силы нашей революции и боясь частичной стабилизации капитализма, как факта, могущего погубить нашу революцию, считает (или считала) возможным отрицать факт частичной стабилизации капитализма, считает (или считала) английскую забастовку признаком окончания стабилизации капитализма, а когда все-таки оказалось, что стабилизация является фактом, оппозиция утверждает, что тем хуже для фактов и что можно, значит, перепрыгнуть через факты, демонстрируя крикливыми лозунгами о пересмотре тактики единого фронта, о разрыве с профессиональным движением на Западе и т. д. Но что значит не считаться с фактами, с объективным ходом вещей? Это значит сойти с почвы науки и стать на почву знахарства.

Отсюда авантюризм в политике оппозиционного блока.

б) Партия, исходя из того, что индустриализация является основным путем социалистического строительства, а основным рынком для социалистической индустрии является внутренний рынок нашей страны, считает, что индустриализация должна развиваться на базе неуклонного улучшения материального положения основной массы крестьянства (не говоря уже о рабочих), что смычка между индустрией и крестьянским хозяйством, между пролетариатом и крестьянством и руководство пролетариата в этой смычке является, как выражается Ленин, «альфой и омегой Советской власти» и победы нашего строительства, что в связи с этим наша политика вообще, налоговая политика и политика цен в частности, должна быть построена так, чтобы она шла навстречу интересам этой смычки.

Но оппозиция, не веря в возможность привлечения крестьянства к делу строительства социализма и полагая, очевидно, что индустриализацию можно строить в ущерб основной массе крестьянства, сбивается на путь капиталистических методов индустриализации, на путь рассматривания крестьянства как «колонии», как объекта «эксплоатации» со стороны пролетарского государства, и предлагает такие меры индустриализации (усиление налогового нажима на крестьянство, повышение отпускных цен на промышленные товары и т. д.), которые способны лишь расстроить смычку индустрии с крестьянским хозяйством, подорвать экономическое положение бедноты и середняка и разрушить самые основы индустриализации.

Отсюда скептическое отношение оппозиции к идее блока между пролетариатом и крестьянством и гегемонии пролетариата в этом блоке,— отношение, свойственное социал-демократии.

в) Мы исходим из того, что партия, коммунистическая партия, является основным инструментом диктатуры пролетариата, что руководство *одной* партии, которая не делит и не может делить это руководство с другими партиями, является тем основным условием, без которого немислима скольконибудь прочная и развитая диктатура пролетариата. Ввиду этого мы считаем недопустимым существование фракций внутри нашей партии, ибо ясно

само собой, что наличие организованных фракций внутри партии ведет к расщеплению единой партии на параллельные организации, к образованию зародышей и ячеек новой партии или новых партий в стране и, значит, к разложению диктатуры пролетариата.

Но оппозиция, не возражая открыто против этих положений, исходит тем не менее в своей практической работе из необходимости ослабления единства партии, из необходимости свободы фракций внутри партии, а, значит, из необходимости образования элементов для новой партии.

Отсюда раскольническая политика в практической работе оппозиционного блока.

Отсюда вопли оппозиции о «режиме» в партии, являющиеся по сути дела отражением протестов непролетарских элементов в стране против режима диктатуры пролетариата.

Отсюда вопрос о двух партиях.

Такова, товарищи, общая сумма наших разногласий с оппозицией.

IV. Оппозиция за работой

Перейдем теперь к вопросу о том, как проявились эти разногласия в практической работе.

Итак, как выглядела на деле наша оппозиция в ее практической работе, в ее борьбе с партией?

Известно, что оппозиция орудовала не только в нашей партии, но и в других секциях Коминтерна, напр., в Германии, во Франции и т. д. Поэтому вопрос надо поставить так: как выглядела на деле практическая работа оппозиции и ее последователей как в ВКП, так и в других секциях Коминтерна?

а) Практическая работа оппозиции и ее последователей в ВКП. Оппозиция начала свою «работу» с того, что выставила против партии тягчайшие обвинения. Оппозиция заявляла, что партия «сползает на рельсы оппортунизма». Оппозиция утверждала, что политика партии «идет вразрез с классовой линией революции». Оппозиция утверждала, что партия перерождается и идет к термидору. Оппозиция заявляла, что наше государство есть «далеко не пролетарское государство». Обо всем этом заявлялось либо в открытых декларациях и речах представителей оппозиции (июльский пленум ЦК и ЦКК 1926 г.), либо в подпольных документах оппозиции, распространявшихся ее сторонниками.

Но, выставляя против партии эти тяжкие обвинения, оппозиция тем самым создавала почву для организации внутри партии новых параллельных ячеек, для организации нового параллельного центра партии, для создания новой партии. Один из сторонников оппозиции, г. Оссовский, прямо заявил в своих статьях, что существующая партия, наша партия, защищает интересы капиталистов, что ввиду этого необходимо организовать новую партию, «чисто пролетарскую партию», которая бы существовала и подвизалась на-ряду (так в книге-Ю.3.) с существующей партией. Оппозиция может сказать, что она не может отвечать за позицию Оссовского. Но это неверно. Она целиком и полностью отвечает за «деяние» г. Оссовского. Известно, что Оссовский открыто причислял себя к сторонникам оппози-

ции, против чего оппозиция ни разу не попыталась возразить. Известно, далее, что тов. Троцкий защищал Оссовского на июльском пленуме ЦК против Молотова. Известно, наконец, что, несмотря на единодушное мнение партии против Оссовского, оппозиция голосовала в ЦК против исключения Оссовского из партии. Все это говорит о том, что оппозиция брала на себя моральную ответственность за «деяния» Оссовского.

Вывод: практическая работа оппозиции в ВКП проявила себя в позиции Оссовского, в его позиции о допустимости образования новой партии.

Да иначе и не могло быть. Ибо одно из двух: *либо* оппозиция, выставя эти тяжкие обвинения против партии, сама не верила в серьезность этих обвинений и выставляла их лишь для демонстрации, — и тогда она вводила в заблуждение рабочий класс, что преступно; *либо* оппозиция верила и продолжает верить в серьезность своих обвинений, — и тогда она должна была держать курс и действительно держала курс на разгром руководящих кадров партии, на образование новой партии.

Вот какова была физиономия нашей оппозиции в ее практической работе против ВКП к октябрю 1926 г.

б) Практическая работа последователей оппозиции в германской компартии. Исходя из обвинений против партии, выставленных нашей оппозицией, «ультра-левые» в Германии во главе с г. Коршем сделали свои «дальнейшие» выводы и поставили точки над *i*. Известно, что Корш, этот идеолог «ультра-левых» в Германии, утверждает, что наша социалистическая промышленность является «чисто капиталистической промышленностью». Известно, что Корш именует нашу партию партией «кулакизированной», а Коминтерн — «оппортунистической» организацией. Известно, далее, что Корш проповедует ввиду этого необходимость «новой революции» против существующей власти в СССР. Оппозиция может сказать, что она не может отвечать за позицию Корша. Но это неверно. Оппозиция целиком и полностью отвечает за «деяния» г. Корша. То, что говорит Корш, это есть естественный вывод из тех предпосылок, которые преподают своим сторонникам лидеры нашей оппозиции в виде известных обвинений против партии. Ибо если партия сползает на рельсы оппортунизма, если ее политика расходится с классовой линией революции, если она перерождается и идет к термидору, а наше государство является далеко не пролетарским государством, то вывод отсюда может быть только один — новая революция против «кулакизированной» власти. Кроме того, известно, что «ультра-левые» в Германии, и веддингцы в том числе, голосовали против исключения Корша из партии, взяв тем самым на себя моральную ответственность за контр-революционную пропаганду Корша. Ну, а кому неизвестно, что «ультра-левые» стоят за оппозицию в ВКП?

в) Практическая работа последователей оппозиции во Франции. То же самое надо сказать и о последователях оппозиции во Франции. Я имею в виду Суварина и его группу, подвизающуюся в известном журнале во Франции. Исходя из предпосылок, данных нашей оппозицией в ее обвинениях против партии, Суварин приходит к тому выводу, основным врагом революции является партийная бюрократия, руководящая верхушка нашей партии. Суварин утверждает, что «спасение» может быть только в одном: в новой револю-

ции против руководящей верхушки в составе партии и в составе власти, в новой революции, прежде всего, против секретариата. Там, в Германии — новая революция против существующей власти в СССР. Здесь, во Франции — новая революция против секретариата ЦК. Ну, а как организовать эту новую революцию? Можно ли ее организовать без особой партии, приноровленной к целям новой революции? Конечно, нельзя. Отсюда вопрос о создании новой партии. Оппозиция может сказать, что она не отвечает за писания Суварина. Но это неверно. Известно, во-первых, что Суварин и его группа являются сторонниками оппозиции, особенно ее троцкистской части. Известно, во-вторых, что еще совсем недавно оппозиция проектировала устроить г. Суварина в редакцию центрального органа компартии Франции. Правда, проект этот не удался. Но это не вина, а беда нашей оппозиции.

Таким образом выходит, что оппозиция в ее практической работе, если взять ее не в том виде, в каком она сама себя рисует, а в том, в каком она проявляется в ходе работы как у нас, в СССР, так и во Франции и Германии, — выходит, я говорю, что оппозиция в своей практической работе вплотную подошла к вопросу о разгроме существующих кадров нашей партии и образовании новой партии.

V. За что хвалят оппозицию враги диктатуры пролетариата

За что хвалят оппозицию социал-демократы и кадеты, или иначе — чьи настроения отражает оппозиция?

Вы, должно быть, обратили внимание, что так называемый «русский вопрос» стал в последнее время злободневным вопросом социал-демократической и буржуазной печати на Западе. Случайно ли это? Конечно, не случайно. Рост социализма в СССР и развертывание коммунистического движения на Западе не могут не рождать величайшей тревоги в рядах буржуазии и ее агентов в рабочем классе — социал-демократических лидеров. Водораздел между революцией и контр-революцией проходит теперь по линии злобной ненависти одних и товарищеской дружбы других в отношении пролетарской партии в СССР. Величайшее международное значение «русского вопроса» является теперь фактом, с которым не могут уже не считаться враги коммунизма. Два фронта образовались вокруг русского вопроса: фронт противников Республики Советов и фронт ее самоотверженных друзей. Чего хотят противники Республики Советов? Они добиваются того, чтобы создать идейные и моральные предпосылки в широких массах населения для борьбы с пролетарской диктатурой. Чего хотят друзья Республики Советов? Они добиваются того, чтобы создать идейные и моральные предпосылки среди широких слоев пролетариата для поддержки, для защиты Республики Советов.

Посмотрим теперь, за что хвалят социал-демократы и кадеты из русской эмиграции нашу оппозицию.

Вот что говорит, напр., Пауль Леви, известный социал-демократический лидер в Германии:

«Мы были того мнения, что особые интересы рабочих, в конечном счете интересы социализма, находятся в противоречии с существованием крестьянской собственности, что тождественность интересов рабочих и крестьян является лишь видимостью, и что дальнейшее развитие русской революции обострит и сделает более явственным это противоречие. Идею общности интересов мы считаем видоизмененной идеей коалиции. Если вообще марксизм имеет хотя тень обоснованности, если история развивается диалектически, то это противоречие должно было разбить коалиционную идею так же, как она уже разбита в Германии... Для нас, рассматривающих события в СССР со стороны, из Западной Европы, ясно: *наши взгляды совпадают с взглядами оппозиции...* Факт налицо, что в России снова начинается самостоятельное, антикапиталистическое движение под знаком классовой борьбы» («Лейпцигер Фольксцейтунг», 30 июля 1926 г.).

Что тут, в этой цитате, имеется некоторая путаница в вопросе о «тождественности» интересов рабочих и крестьян, это очевидно. Но что Пауль Леви хвалит нашу оппозицию за ее борьбу с идеей блока рабочих и крестьян, с идеей союза рабочих и крестьян, — это также несомненно.

Вот что говорит о нашей оппозиции небезызвестный Дан, лидер «русской» социал-демократии, лидер «русских» меньшевиков, ратующих за реставрацию капитализма в СССР.

«Своей критикой существующего строя, почти дословно повторяющей критику социал-демократии, большевистская оппозиция *подготавливаетумы...* к восприятию положительной платформы социал-демократии».

И дальше:

«Оппозиция взращивает не только в рабочих, но и в среде рабочих-коммунистов ростки таких идей и настроений, которые при умелом уходе легко *могут дать социал-демократические плоды*» («Социалистический Вестник», № 17—18).

Кажется, ясно.

А вот что пишет о нашей оппозиции центральный орган партии Милюкова «Последние Новости»:

«Сегодня оппозиция подрывает диктатуру, каждое новое издание оппозиции выговаривает все более «страшные» слова, сама оппозиция эволюционирует в сторону все более резких наскоков на господствующую систему, и этого пока достаточно, чтобы благодарственно воспринять ее как рупор для широких слоев политически недовольного населения» («Последние Новости», № 1990).

И дальше:

«Самый страшный враг для Советской власти теперь есть тот, который подползает к ней незаметно, охватывает ее своими щупальцами со всех сторон и ликвидирует ее раньше, чем она замечает, что ликвидирована. Именно эту роль, неизбежную и нужную в подготовительном периоде, из которого мы еще не вышли, играет советская оппозиция» («Последние Новости», № 1983, 27 августа с. г.).

Я думаю, что комментарии тут излишни.

Я ограничиваюсь только этими цитатами, ввиду краткости времени, хотя можно было бы привести десятки и сотни таких же цитат.

Вот за что хвалят нашу оппозицию социал-демократы и кадеты.

Случайно ли это? Нет, не случайно.

Из этого видно, что оппозиция отражает не настроение пролетариата нашей страны, а настроения непролетарских элементов, недовольных диктатурой пролетариата, озлобленных против диктатуры пролетариата и ждущих с нетерпением ее разложения, ее падения.

Таким образом, логика фракционной борьбы нашей оппозиции привела на деле к тому, что фронт нашей оппозиции слился объективно с фронтом противников и врагов диктатуры пролетариата.

Хотела ли этого оппозиция? Конечно, она этого не хотела. Но дело зависит тут не от того, чего хочет здесь оппозиция, а от того, к чему объективно ведет ее фракционная борьба. Логика фракционной борьбы сильнее желаний тех или иных людей. И именно поэтому сложилось дело так, что фронт оппозиции слился на деле с фронтом противников и врагов диктатуры пролетариата.

Ленин учил нас, что основная обязанность коммунистов состоит в защите и укреплении диктатуры пролетариата. А дело обернулось так, что оппозиция ввиду ее фракционной политики очутилась в лагере противников диктатуры пролетариата.

Вот почему мы говорим, что оппозиция порвала с ленинизмом не только в теории, но и на практике.

Да иначе и не могло быть. Соотношение сил на фронте борьбы между капитализмом и социализмом таково, что в рядах рабочего класса возможна теперь лишь одна из двух политик: либо политика коммунизма, либо политика социал-демократизма. Попытка оппозиции занять третью позицию при заострении борьбы против ВКП неминуемо должна была кончиться тем, что оппозиция была сброшена ходом фракционной борьбы в лагерь противников ленинизма.

Оно так и случилось, как видно из приведенных фактов.

Вот за что хвалят оппозицию социал-демократы и кадеты.

VI. Поражение оппозиционного блока

Я говорил выше, что в своей борьбе против партии оппозиция орудовала тягчайшими обвинениями против партии. Я говорил, что в своей практической работе оппозиция подошла к самому порогу вопроса о расколе и образовании новой партии. Отсюда вопрос — как долго удалось оппозиции удержаться на этой раскольнической позиции? Факты говорят, что ей удалось удержаться на этой позиции всего несколько месяцев. Факты говорят, что к началу октября этого года оппозиция оказалась вынужденной признать свое поражение и отступить.

Чем было вызвано отступление оппозиции?

Я думаю, что отступление оппозиции было вызвано следующими причинами.

Во-первых, тем, что в СССР у оппозиции не оказалось армии. Очень может быть, что построение новой партии представляет увлекательную задачу. Но ежели после дискуссии оказывается, что новую партию не из кого строить, то ясно, что отступление является тут единственным выходом.

Во-вторых, тем, что в ходе фракционной борьбы к оппозиции пристали всякие грязные элементы, как у нас, в СССР, так и за границей, а соци-

ал-демократы и кадеты стали расхваливать ее во-всю (так в книге-Ю.3.), срамя и позоря ее в глазах рабочих своими поцелуями. Перед оппозицией оставался выбор: либо принять эти похвалы и поцелуи врагов, как должное, либо сделать крутой поворот к отступлению с тем, чтобы механически отпали от оппозиции приставшие к ней грязные хвосты. Отступив и расписываясь в своем отступлении, оппозиция признала, что второй выход является для нее единственным приемлемым выходом

В-третьих, тем обстоятельством, что положение в СССР оказалось лучше, чем предполагала оппозиция, а партийные массы оказались сознательнее и сплоченнее, чем это могло показаться оппозиции в начале борьбы. Конечно, если бы в стране был кризис, если бы недовольство рабочих нарастало, и если бы партия проявила меньшую сплоченность, — то оппозиция пошла бы по другому пути и она не решилась бы на отступление. Но факты показали, что расчеты оппозиции провалились и в этой области.

Отсюда поражение оппозиции.

Отсюда ее отступление.

Поражение оппозиции прошло три этапа.

Первый этап — это «заявление» оппозиции от 16 октября 1926 г. Оппозиция отказалась в этом документе от теории и практики свободы фракций и от фракционных методов борьбы, признав открыто и недвусмысленно свои ошибки в этой области. Но оппозиция отказалась не только от этого. Поскольку она отмежеввалась в своем «заявлении» от «рабочей оппозиции» и от всяких Коршей и Сувариных, оппозиция отказалась тем самым и от тех своих идейных позиций, которые сближали ее недавно с этими течениями.

Второй этап — это фактический отказ от тех обвинений, которые выставляла недавно оппозиция против партии. Надо признать и, признав это, надо подчеркнуть, что оппозиция не решилась повторить свои обвинения против партии на XV конференции ВКП. Если сравнить протоколы июльского пленума ЦК и ЦКК с протоколами XV конференции ВКП, то нельзя не отметить, что от старых обвинений в оппортунизме, в термидорианстве, в сползании с классовой линии революции и т. д. — не осталось и следа на XV конференции. Если принять, кроме того, во внимание то обстоятельство, что целый ряд делегатов обратился к оппозиции с вопросом о старых обвинениях, а оппозиция продолжала на этот счет упорно молчать, то нельзя не признать, что оппозиция отказалась на деле от своих старых обвинений против партии. Можно ли квалифицировать это обстоятельство как фактический отказ оппозиции от ряда своих идейных позиций? Можно и должно. Это есть сознательное свертывание боевого знамени оппозиции перед лицом своего поражения. Да иначе и не могло быть. Обвинения были выставлены в расчете на построение новой партии. Но раз эти расчеты отпали — должны были отпасть, по крайней мере временно, и обвинения.

Третий этап — это полная изоляция оппозиции на XV конференции ВКП. Следует отметить, что оппозиция не получила на XV конференции ни одного голоса, оказавшись, таким образом, в полной изоляции. Представьте себе тот шум и гам, который подняла оппозиция в конце сентября этого года, отправляясь в поход, в открытый поход против партии, и сравните эту шуми-

ху с тем фактом, что оппозиция осталась на XV конференции, как говорят, в единственном числе, и вы поймете, что нельзя было пожелать оппозиции «лучшего» поражения.

Можно ли отрицать тот факт, что оппозиция отказалась на деле от своих обвинений против партии, не решилась повторить их на XV конференции, несмотря на требования делегатов?

Нет, нельзя, ибо это есть факт.

Почему же стала оппозиция на этот путь, почему она свернула свое знамя?

Потому, что развертывание идейного знамени оппозиции означает, обязательно и неминуемо, теорию двух партий, оживление всяких Кацев, Коршей, Масловых, Сувариных и других грязных элементов, развязывание антипролетарских сил в нашей стране, похвалы и поцелуи со стороны социал-демократии и либеральных буржуа из русской эмиграции.

Идейное знамя оппозиции убивает оппозицию, — вот в чем вопрос, товарищи.

Поэтому, чтобы не сгнить окончательно, оппозиция оказалась вынужденной отступить и отбросить прочь свое знамя.

В этом основа поражения оппозиционного блока.

VII. Практический смысл и значение XV конференции ВКП

Я кончаю, товарищи. Мне остается сказать лишь несколько слов о выводах с точки зрения смысла и значения XV конференции ВКП.

Первый вывод состоит в том, что конференция подвела итог внутрипартийной борьбе после XIV съезда, оформила ту победу, которую одержала партия над оппозицией и, изолировав оппозицию, положила конец той фракционной вакханалии, которую навязала нашей партии оппозиция в предыдущий период

Второй вывод состоит в том, что конференция сплотила нашу партию больше, чем когда бы то ни было, на основе социалистической перспективы нашего строительства, на основе идеи борьбы за победу социалистического строительства, против всех оппозиционных течений нашей партии, против всех уклонов в нашей партии. Актуальнейший вопрос в нашей партии теперь — это вопрос о построении социализма в нашей стране. Ленин был прав, когда говорил, что весь мир смотрит на нас, на наше хозяйственное строительство, на наши успехи на фронте строительства. Но для того, чтобы добиться успехов на этом фронте, необходимо, чтобы основной инструмент диктатуры пролетариата, наша партия, был готов к этому делу, чтобы он сознавал важность этой задачи и чтобы он мог послужить рычагом победы социалистического строительства в нашей стране. Смысл и значение XV конференции состоят в том, что она оформила и увенчала дело вооружения нашей партии идеей победы социалистического строительства в нашей стране.

Третий вывод состоит в том, что конференция дала решительный отпор всем и всяким идейным шатаниям в нашей партии и облегчила тем самым полное торжество ленинизма в ВКП.

Если расширенный пленум Исполнительного Комитета Коминтерна одобрит решения XV конференции ВКП и признает правильной политику нашей партии

в отношении оппозиции, в чем я не имею оснований сомневаться, то это приведет к четвертому выводу — о том, что XV конференция подготовила некоторые немаловажные условия необходимые для того, чтобы ленинизм восторжествовал во всем Коминтерне, в рядах революционного пролетариата всех стран и народов. *(Бурные аплодисменты. Овации всего пленума.)*

ИЗ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО СЛОВА

II. Вопрос о победе социализма в отдельных капиталистических странах

Я говорил об отдельных ошибках оппозиции и фактических неверностях, замеченных в речах лидеров оппозиции. Я постарался исчерпать этот вопрос в первой части заключительного слова в виде отдельных замечаний. Позвольте теперь перейти прямо к существу дела.

Предпосылки пролетарских революций в отдельных странах в период империализма

Первый вопрос — это вопрос о возможности победы социализма в отдельных капиталистических странах в период империализма. Речь идет, как видите, не об одной какой-либо стране, а обо всех более или менее развитых империалистических странах.

В чем состоит основная ошибка оппозиции в вопросе о победе социализма в отдельных капиталистических странах?

Основная ошибка оппозиции состоит в том, что она не понимает или не хочет понять всей разницы между капитализмом доимпериалистическим и капитализмом империалистическим, она не понимает экономической сущности империализма и смешивает между собою две различные фазы капитализма — фазу доимпериалистическую с фазой империалистической.

Из этой ошибки оппозиции вытекает другая ее ошибка, состоящая в том, что она не понимает смысла и значения закона неравномерности развития в период империализма, противопоставляет этому закону тенденцию к нивелировке и скатывается, таким образом, на каутскианскую позицию ультраимпериализма.

Эти две ошибки ведут к третьей ошибке оппозиции, к ошибке в том, что она механически распространяет формулы и положения, выросшие на основе доимпериалистического капитализма, на империалистический капитализм, ввиду чего и приходит она к отрицанию возможности победы социализма в отдельных капиталистических странах.

В чем состоит разница между старым, домонополистическим капитализмом и новым, монополистическим капитализмом, если выразить эту разницу в двух словах?

Состоит она в том, что развитие через свободную конкуренцию сменилось развитием через грандиозные монополистические союзы капиталистов, что старый, «культурный», «прогрессивный» капитал сменился капиталом фи-

нансовым, капиталом «загнивающим», что «мирное» расширение капитала и распространение его на «свободные» территории сменилось развитием скачкообразным, развитием через передел уже поделенного мира посредством военных столкновений между капиталистическими группами, что капитализм старый, развивавшийся в целом по линии восходящей, сменился, таким образом, капитализмом умирающим, капитализмом, развивающимся в целом по линии нисходящей. Вот что говорит Ленин на этот счет:

«Вспомним, на чем основана смена предыдущей, «мирной», эпохи капитализма современной, империалистической: на том, что свободная конкуренция уступила место монополистическим союзам капиталистов, и на том, что весь земной мир (земной шар?—*И. Ст.*) поделен. Ясно, что оба эти факта (и фактора) имеют действительно мировое значение: свободная торговля и мирная конкуренция были возможны и необходимы, пока капитал мог беспрепятственно увеличивать колонии и захватывать в Африке и т. п. незанятые земли, при чем концентрация капитала была еще слаба, монополистических предприятий, т.-е. столь громадных, что они господствуют во *всей* данной отрасли промышленности, еще не было. Возникновение и рост таких монополистических предприятий делает *невозможной* прежнюю свободную конкуренцию, вырывает почву из-под ног нее, а раздел земного шара *заставляет* от мирного расширения перейти к вооруженной борьбе за *передел* колоний и сфер влияния» (см. т. XIII, стр. 151).

И далее:

«*Нельзя* жить по-старому в сравнительно спокойной культурной, мирной обстановке *плавной эволюционирующей* (Курсив мой.— *И. Ст.*) и расширяющегося постепенно на новые страны капитализма, ибо наступила другая эпоха. Финансовый капитал *вытесняет* и вытеснит данную страну из ряда великих держав, отнимет ее колонии и ее сферы влияния» (см. т. XIII, стр. 153—154).

Отсюда основной вывод Ленина о характере империалистического капитализма:

«Понятно, почему империализм есть *умирающий* капитализм, *переходный* к социализму: монополия, вырастающая из капитализма, есть *уже* умирание капитализма, начало перехода его в социализм. Гигантское *обобществление* труда империализмом (то, что апологеты — буржуазные экономисты зовут «переплетением») означает то же самое» (см. т. XIII, стр. 470).

Беда нашей оппозиции состоит в том, что она не понимает всей важности этой разницы между капитализмом доимпериалистическим и капитализмом империалистическим.

Таким образом, исходным пунктом позиции нашей партии является признание того факта, что капитализм нынешний, капитализм империалистический является капитализмом умирающим.

Это не означает еще, к сожалению, что капитализм уже умер. Но это, несомненно, означает, что капитализм в целом идет не к возрождению, а к умиранию, что капитализм в целом развивается не по восходящей линии, а по линии нисходящей.

Из этого общего вопроса вытекает вопрос о неравномерности развития в период империализма.

О чем обычно идет речь у ленинцев, когда они говорят о неравномерности развития в период империализма?

Не о том ли, что существует большая разница в уровне развития различных капиталистических стран, что одни страны отстают от других в своем развитии, что разница эта все более и более увеличивается?

Нет, не об этом. Смешивать неравномерность развития при империализме с разницей в уровне развития капиталистических стран, — значит впадать в обывательщину. Именно в эту обывательщину впадала оппозиция, когда она спугала на XV конференции ВКП вопрос о неравномерности *развития* с вопросом о разнице в уровне хозяйственного положения различных капиталистических стран. Именно, исходя из этой путаницы, оппозиция пришла тогда к тому совершенно неправильному выводу, что раньше неравномерность развития была больше, чем при империализме. Именно поэтому и говорил на XV конференции тов. Троцкий, что «в XIX столетии эта неравномерность была *больше*, чем в XX» (см. речь тов. Троцкого на XV конференции ВКП). То же самое говорил тогда тов. Зиновьев, утверждая: «неверно, что неравномерность капиталистического развития до начала империалистической эпохи была меньше» (см. речь тов. Зиновьева на XV конференции ВКП). Правда, теперь, после дискуссии на XV конференции, оппозиция нашла нужным изменить фронт, заявляя в своих речах на расширенном пленуме ИККИ нечто совершенно противоположное, или стараясь просто замолчать эту свою ошибку. Вот, напр., заявление тов. Троцкого в его речи на расширенном пленуме: «Что касается темпа развития, то империализм эту неравномерность *обострил бесконечно*». Что же касается тов. Зиновьева, то он в своей речи на пленуме ИККИ счел благоразумным просто умолчать об этом вопросе, хотя он не мог не знать, что спор шел именно о том, усиливается действие закона неравномерности в период империализма или ослабляется. Но это говорит лишь о том, что дискуссия кое-чему научила оппозицию и не прошла для нее без пользы.

Итак: вопрос о неравномерности развития в период империализма нельзя смешивать с вопросом о разнице в уровне хозяйственного положения различных капиталистических стран.

Может быть, ослабление разницы в уровне развития капиталистических стран и развитие нивелировки этих стран ослабляют действие закона неравномерности развития при империализме? Увеличивается или уменьшается эта разница в уровне развития? Несомненно, уменьшается. Растет или падает нивелировка? Безусловно, растет. Не противоречит ли рост нивелировки усилению неравномерности развития при империализме? Нет, не противоречит. Наоборот, нивелировка есть тот фон и та база, на основе которой и возможно усиление действия неравномерности развития при империализме. Только люди, не понимающие экономической сущности империализма, вроде наших оппозиционеров, могут противопоставлять нивелировку закону неравномерности развития при империализме. Именно потому, что отставшие страны ускоряют свое развитие и нивелируются с передовыми странами, — именно поэтому обостряется борьба за опережение одних стран другими, именно поэтому *создается возможность* для одних стран перегнать другие страны и вытеснить их из рынков, создавая тем самым предпосылки для военных столкновений, для ослабления мирового фронта капитализма, для про-

рыва этого фронта пролетариями различных капиталистических стран. Кто не понял этой простой вещи, тот ничего не понял в вопросе об экономической сущности монополистического капитализма.

Итак: нивелировка является одним из условий для усиления неравномерности развития в период империализма.

Может быть, неравномерность развития при империализме состоит в том, что одни страны догоняют другие и потом опережают их в хозяйственном отношении *в обычном порядке*, в порядке, так сказать, *эволюционном*, без скачков, без военных катастроф, без переделов уже поделенного мира? Нет, не в этом. Такая неравномерность была и в период домонополистического капитализма, о чем знал Маркс и о чем писал Ленин в своем «Развитии капитализма». Тогда развитие капитализма шло более или менее плавно, более или менее эволюционно, и одни страны опережали другие в продолжение долгого периода времени без скачков и без обязательных военных столкновений мирового масштаба. Речь идет теперь не об этой неравномерности.

Что же такое в таком случае закон неравномерности развития при империализме?

Закон неравномерности развития в период империализма означает скачкообразное развитие одних стран в отношении других, быстрое оттеснение с мирового рынка одних стран другими, периодические переделы *уже поделенного мира* в порядке военных столкновений и военных катастроф, углубление и обострение конфликтов в лагере империализма, ослабление фронта мирового капитализма, возможность прорыва этого фронта пролетариями отдельных стран, возможность победы социализма в отдельных странах.

В чем состоят основные элементы закона неравномерности развития при империализме?

Во-первых, в том факте, что мир уже поделен между империалистическими группами, «свободных», незанятых территорий нет больше в мире, и для того, чтобы занять новые рынки и источники сырья, для того, чтобы расшириться, — надо взять у других эту территорию силой.

Во-вторых, в том, что небывалое развитие техники и усиливающаяся нивелировка в уровне развития капиталистических стран создали возможность и облегчили дело скачкообразного опережения одних стран другими, дело вытеснения более могучих стран менее могучими, но быстро развивающимися странами.

В-третьих, в том, что старое распределение сфер влияния между отдельными империалистическими группами приходит каждый раз в столкновение с новым соотношением сил на мировом рынке, что для установления «равновесия» между старым распределением сфер влияния и между новым соотношением сил необходимы периодические переделы мира путем империалистических войн.

Отсюда — усиление и обострение неравномерности развития в период империализма.

Отсюда — невозможность разрешения конфликтов в лагере империализма мирным порядком

Отсюда — несостоятельность каутскианской теории ультра-импе-

риализма, проповедующей возможность мирного разрешения этих конфликтов.

Но из этого следует, что оппозиция, отрицающая факт усиления и обострения неравномерности развития в период империализма, скатывается на позицию ультра-империализма.

Таковы характерные черты неравномерности развития в период империализма.

Когда был закончен раздел мира между империалистическими группами?

Ленин говорит, что раздел мира был закончен в начале XX столетия.

Когда был поставлен впервые на деле вопрос о переделе уже поделенного мира?

В период первой всемирной империалистической войны.

Но из этого следует, что закон неравномерности развития *при империализме* мог быть открыт и обоснован лишь в начале XX столетия.

Об этом я и говорил в своем докладе на XV конференции ВКП, когда сказал, что закон неравномерности развития при империализме был открыт и обоснован тов. Лениным

Всемирная империалистическая война была первой попыткой переделить уже поделенный мир. Эта попытка стоила капитализму победы революции в России и расшатки основ империализма в колониальных и зависимых странах.

Нечего и говорить, что за первой попыткой передела должна последовать вторая попытка, к чему уже идет подготовительная работа в лагере империалистов.

Едва ли можно сомневаться, что вторая попытка передела обойдется мировому капитализму много дороже, чем первая.

Таковы перспективы развития мирового капитализма с точки зрения закона неравномерности в условиях империализма.

Вы видите, что эти перспективы ведут прямо и непосредственно к возможности победы социализма в отдельных капиталистических странах в период империализма.

Известно, что Ленин возможность победы социализма в отдельных странах выводил прямо и непосредственно из закона неравномерности развития капиталистических стран. И Ленин был совершенно прав. Ибо закон неравномерности развития при империализме уничтожает всякую почву для «теоретических» упражнений всех и всяких социал-демократов насчет невозможности победы социализма в отдельных капиталистических странах.

Вот что говорит Ленин на этот счет в своей программной статье, писанной в 1915 г.:

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. *Отсюда следует* (Курсив мой.— И. Ст.), что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране» (см. т. XIII, стр. 133).

Выводы:

а) Основная ошибка оппозиции состоит в том, что она не видит разницы между двумя фазами капитализма или избегает подчеркнуть эту разницу. А почему она избегает этого? Потому, что эта разница ведет к закону неравномерности развития в период империализма.

б) Вторая ошибка оппозиции состоит в том, что она не понимает или недооценивает решающего значения закона неравномерности развития капиталистических стран при империализме. А почему она недооценивает этого? Потому, что правильная оценка закона неравномерности развития капиталистических стран ведет к выводу о возможности победы социализма в отдельных странах.

в) Отсюда третья ошибка оппозиции, состоящая в отрицании возможности победы социализма в отдельных капиталистических странах при империализме.

Кто отрицает возможность победы социализма, тот вынужден замолчать значение закона неравномерности развития при империализме, а кто вынужден замалчивать значение закона неравномерности, тот не может не затушевывать разницы, существующей между капитализмом доимпериалистическим и капитализмом империалистическим.

Так обстоит дело с вопросом о предпосылках пролетарских революций в капиталистических странах.

Каково практическое значение этого вопроса?

С точки зрения практики, перед нами встают две линии. Одна линия — это линия нашей партии, зовущей пролетариев отдельных стран готовиться к грядущей революции, следить зорко за ходом событий и быть готовыми к тому, чтобы при благоприятных условиях прорвать самостоятельно фронт капитала, взять власть и расшатывать основы мирового капитализма. Другая линия — это линия нашей оппозиции, сеющей сомнения насчет целесообразности самостоятельного прорыва капиталистического фронта и призывающей пролетариев отдельных стран к тому, чтобы они ждали момента «всеобщей развязки».

Если линия нашей партии есть линия на усиление революционного натиска на свою буржуазию и развязывание инициативы пролетариев отдельных стран, то линия нашей оппозиции есть линия пассивного выжидания и связывания инициативы пролетариев отдельных стран в их борьбе против своей буржуазии.

Первая линия есть линия активизации пролетариев отдельных стран.

Вторая линия есть линия ослабления воли пролетариата к революции, линия пассивности и выжидания.

Ленин был тысячу раз прав, когда он писал следующие вещие слова, имеющие прямое отношение к нашим нынешним спорам

«Я знаю, что есть мудрецы, считающие себя очень умными и даже называющие себя социалистами, которые уверяют, что не следовало брать власти до тех пор, пока не разразится революция во всех странах. Они не подозревают, что, говоря так, они отходят от революции и переходят на сторону буржуазии. Ждать, пока трудящиеся классы совершат революцию в международном масштабе, это значит всем застыть в ожидании. Это — бессмыслица» (см. т. XV, стр. 287).

Этих слов Ленина забывать нельзя.

Как тов. Зиновьев «обрабатывает» Ленина

Я говорил о предпосылках пролетарских революций в отдельных капиталистических странах. Я хотел бы теперь сказать несколько слов о том, как тов. Зиновьев искажает или «обрабатывает» основную статью Ленина о предпосылках пролетарских революций и о победе социализма в отдельных капиталистических странах. Я имею, в виду известную статью Ленина «О лозунге Соединенных Штатов Европы», писанную в 1915 г. и несколько раз цитировавшуюся во время наших прений. Меня упрекал тов. Зиновьев, что я цитировал эту статью не полностью; при этом он старается дать этой статье такое истолкование, которое не может быть названо иначе, как полным искажением взглядов Ленина, его основной линии по вопросу о победе социализма в отдельных странах. Позвольте привести эту цитату полностью, при чем строчки, пропущенные мною в прошлый раз, ввиду краткости времени, я постараюсь отметить курсивом. Вот эта цитата:

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы *против* остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств. *Политической формой общества, в котором побеждает пролетариат, свергая буржуазию, будет демократическая республика, все более централизующая силы пролетариата данной нации или данных наций в борьбе против государств, еще не перешедших к социализму. Невозможно уничтожение классов без диктатуры угнетенного класса, пролетариата. Невозможно свободное объединение наций в социализме без более или менее долгой, упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами*» (см. т. XIII, стр. 133).

Приводя эту цитату, тов. Зиновьев делает два замечания: первое — о демократической республике и второе — об организации социалистического производства.

Поговорим сначала о первом замечании. Тов. Зиновьев думает, что если Ленин говорит здесь о демократической республике, то речь может идти, самое большее, о взятии власти пролетариатом, при чем тов. Зиновьев не постыдился сделать тут довольно туманный, но настойчивый намек на то, что у Ленина речь идет здесь, пожалуй, о буржуазной республике. Верно ли это? Конечно, неверно. Для того, чтобы опровергнуть этот не совсем чистоплотный намек тов. Зиновьева, достаточно прочесть последние строчки цитаты, где говорится о «борьбе *социалистических* республик с отсталыми государствами». Ясно, что, говоря о демократической республике, Ленин имел в виду не буржуазную республику, а социалистическую республику. Ленин не знал еще в 1915 г. советской власти как государственной формы диктатуры пролетариата. Ленин знал еще в 1905 г., что отдельные советы являются зачатком революционной власти в период свержения царизма. Но объединенную в государственном масштабе советскую власть, как государственную форму диктатуры пролетариата, он еще не знал тогда. Рес-

публику Советов, как государственную форму диктатуры пролетариата, Ленин открыл лишь в 1917 г. и подробно разработал вопрос об этой новой форме политической организации переходного общества летом 1917 г., главным образом в своей книге «Государство и революция». Этим, собственно, и объясняется, что Ленин говорит в цитате не о советской республике, а о демократической республике, понимая под этим, как видно из цитаты, республику социалистическую. Ленин здесь поступил так же, как поступали в свое время Маркс и Энгельс, которые до Парижской Коммуны формой политической организации переходного общества считали республику вообще, а после Парижской Коммуны расшифровали этот термин, сказав, что республика эта должна быть республикой типа Парижской Коммуны. Я уже не говорю о том, что если бы Ленин имел в виду в своей цитате буржуазно-демократическую (так в книге-Ю.З.) республику, то не могло быть речи о «диктатуре пролетариата», «экспроприации капиталистов» и т. д.

Вы видите, что попытку тов. Зиновьева «обработать» Ленина нельзя назвать успешной.

Перейдем ко второму замечанию тов. Зиновьева. Тов. Зиновьев уверяет, что фразу тов. Ленина об «организации социалистического производства» нужно понять не так, как ее вообще должны понять нормальные люди, а как-то иначе, а именно так, что Ленин имел тут в виду лишь *приступ* к организации социалистического производства. Почему, на каком основании, — тов. Зиновьев так и не объяснил. Позвольте заявить, что тов. Зиновьев делает тут еще одну попытку «обработать» Ленина. В цитате прямо сказано, что «победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и *организовав* у себя социалистическое производство, встал бы против остального, капиталистического, мира». Тут сказано — «*организовав*», а не «организуя». Надо ли еще доказывать, что тут есть разница? Надо ли еще доказывать, что если бы Ленин имел в виду лишь *приступ* к организации социалистического производства, то он бы сказал — «организуя», а не «организовав». Стало быть, Ленин имел в виду не только приступ к организации социалистического производства, но и возможность организовать социалистическое производство, возможность построить социалистическое производство в отдельных странах.

Вы видите, что и эту вторую попытку тов. Зиновьева «обработать» Ленина нужно считать более чем неудачной.

Тов. Зиновьев старается прикрыть эти свои попытки «обработать» Ленина смешками насчет того, что «нельзя строить социализм по щучьему велению в две недели или в два месяца». Боюсь, что тов. Зиновьеву нужны эти смешки для того, чтобы сделать «хорошую мину при плохой игре». Да где же нашел тов. Зиновьев таких людей, которые собираются строить социализм в две недели, в два месяца или в два года? Почему бы ему не назвать таких людей, если они вообще существуют в природе? Да он не назвал их потому, что нет таких людей в природе. Фальшивые смешки понадобились тов. Зиновьеву для того, чтобы прикрыть свою «работу» по «обработке» Ленина и ленинизма.

Итак:

а) исходя из закона неравномерности развития при империализме, Ленин

пришел в своей основной статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы» к тому выводу, что победа социализма в отдельных капиталистических странах возможна;

б) под победой социализма в отдельных странах Ленин понимает захват власти пролетариатом, экспроприацию капиталистов и организацию социалистического производства, при чем все эти задачи являются не самоцелью, а средством для того, чтобы встать против остального, капиталистического мира и помочь пролетариям всех стран в их борьбе против капитализма;

в) тов. Зиновьев попытался обкарнать эти положения ленинизма и «обработать» Ленина применительно к нынешней полуменьшевистской позиции оппозиционного блока. Но попытка эта оказалась попыткой с негодными средствами.

Я думаю, что дальнейшие комментарии тут излишни.

III. Вопрос о строительстве социализма в СССР

Позвольте теперь перейти, товарищи, к вопросу о строительстве социализма в СССР, в нашей стране.

«Маневры» оппозиции и «национал-реформизм» партии Ленина

Тов. Троцкий заявил в своей речи, что самой крупной ошибкой Сталина является теория о возможности строительства социализма в одной стране, в нашей стране. Выходит, таким образом, что речь идет не о теории Ленина насчет возможности построения социализма в нашей стране, а о какой-то, никому неизвестной, «теории» Сталина. Я понимаю это так, что тов. Троцкий задался целью вести борьбу против теории Ленина, но так как открыто вести борьбу против Ленина — дело рискованное, то он решил провести эту борьбу под видом борьбы с «теорией» Сталина. Тов. Троцкий хочет этим облегчить себе борьбу с ленинизмом, маскируя эту борьбу своей критикой «теории» Сталина. Что дело обстоит именно таким образом, что Сталин тут не при чем, что ни о какой «теории» Сталина не может быть и речи, что никогда Сталин не претендовал на что-либо новое в теории, а добивался лишь того, чтобы облегчить полное торжество ленинизма в нашей партии, вопреки ревизионистским потугам тов. Троцкого, — это я постараюсь показать ниже. А пока отметим, что заявление тов. Троцкого насчет «теории» Сталина есть маневр, уловка, трусливая и неудачная уловка, рассчитанная на то, чтобы прикрыть этой уловкой свою борьбу с ленинской теорией победы социализма в отдельных странах, борьбу, ведущую свое начало с 1915 г. и продолжающуюся до наших дней. Является ли этот прием тов. Троцкого признаком честной полемики, — пусть судят об этом товарищи.

Исходным пунктом решений нашей партии по вопросу о возможности строительства социализма в нашей стране являются известные программные труды тов. Ленина. В этих трудах Ленина говорится, что победа социализма в отдельных странах в условиях империализма возможна, что победа диктатуры пролетариата в деле разрешения экономической проблемы этой диктату-

ры обеспечена, что мы, пролетарии СССР, имеем все необходимое и достаточное для построения полного социалистического общества.

Я только что привел цитату из известной статьи Ленина, где он впервые ставил вопрос о возможности победы социализма в отдельных странах, и которую ввиду этого я не буду здесь повторять. Статья эта написана в 1915 г. В этой статье говорится, что победа социализма в отдельных странах, взятие власти пролетариатом, экспроприация капиталистов и организация социалистического производства — возможны. Известно, что тов. Троцкий тогда же, в том же 1915 г., выступил печатно против этой статьи Ленина, назвав ленинскую теорию социализма в одной стране теорией «национальной ограниченности».

Спрашивается, при чем тут «теория» Сталина?

Я привел, далее, в своем докладе цитату из известного сочинения Ленина «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», где говорится прямо и определенно, что победу пролетариата СССР в смысле осуществления экономической проблемы диктатуры пролетариата нужно считать обеспеченной. Сочинение это писано в 1919 г. Вот эта цитата:

«Как бы ни лгали, ни клеветали буржуа всех стран и их прямые и прикрытые пособники («социалисты» II Интернационала), остается несомненным: *с точки зрения основной экономической проблемы диктатуры пролетариата у нас обеспечена победа, — победа коммунизма над капитализмом.* Буржуазия всего мира именно потому бешенствует и неистовствует против большевизма, организует военные нашествия, заговоры и пр. против большевиков, что она превосходно понимает *неизбежность нашей победы в перестройке общественного хозяйства, если нас не задавить военной силой. А задавить нас таким образом ей не удастся*» (Курсив мой. — *И. Ст.*) (см. том XVI, стр. 350).

Вы видите, что Ленин прямо говорит здесь о возможности победы пролетариата СССР в деле перестройки общественного хозяйства, в деле разрешения экономической проблемы диктатуры пролетариата.

Известно, что тов. Троцкий и оппозиция в целом не согласны с основными положениями, данными в этой цитате.

Спрашивается, при чем же тут «теория» Сталина?

Я привел, наконец, цитату из известной брошюры Ленина, брошюры «О кооперации», писанной в 1923 г. В этой цитате говорится:

«В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д., — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, — разве это не *все необходимое* для построения *полного социалистического общества*? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и *достаточное* для этого построения» (Курсив мой. — *И. Ст.*) (см. т. XVIII, ч. 2, стр. 140).

Вы видите, что эта цитата не оставляет никаких сомнений насчет возможности построения социализма в нашей стране.

Вы видите, что в этой цитате перечислены главные факторы построения социалистического хозяйства в нашей стране: пролетарская власть,

крупное производство в руках пролетарской власти, союз пролетариата и крестьянства, руководство пролетариата в этом союзе, кооперация.

Тов. Троцкий пытался недавно, на XV конференции ВКП, противопоставить этой цитате другую цитату из Ленина, где говорится о том, что «Советская власть плюс электрификация есть социализм». Но противопоставлять эти цитаты друг другу — значит исказить основной смысл брошюры Ленина «О кооперации». Разве электрификация не есть составная часть крупного производства и разве она возможна вообще в нашей стране без крупного производства, сосредоточенного в руках пролетарской власти? Не ясно ли, что слова Ленина в брошюре «О кооперации» насчет крупного производства, как одного из факторов строительства социализма, включают в себя и электрификацию?

Известно, что оппозиция ведет более или менее явную, а чаще всего скрытую борьбу против основных положений, изложенных в этой цитате из брошюры Ленина «О кооперации».

Спрашивается, при чем же тут «теория» Сталина?

Таковы основные положения ленинизма в вопросе о строительстве социализма в нашей стране.

Партия утверждает, что этим положениям ленинизма коренным образом противоречат известные положения тов. Троцкого и оппозиционного блока о том, что «строительства социализма в национально-государственных рамках *невозможно*», что «теория социализма в одной стране есть *теоретическое оправдание национальной ограниченности*», что «без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России *не сможет удержаться у власти*» (Троцкий).

Партия утверждает, что эти положения оппозиционного блока являются выражением социал-демократического уклона в нашей партии.

Партия утверждает, что формула тов. Троцкого насчет «прямой государственной поддержки европейского пролетариата» есть формула полного разрыва с ленинизмом. Ибо, что значит поставить строительство социализма в нашей стране в зависимость от «прямой государственной поддержки европейского пролетариата»? Ну, а как быть, если европейскому пролетариату не удастся взять власть в ближайшие годы? Можно ли вертеться нашей революции на холостом ходу в ожидании победы революции на Западе в продолжение неопределенного времени? Можно ли рассчитывать на то, что буржуазия нашей страны согласится ждать победы революции на Западе, отказавшись от своей работы и от своей борьбы против социалистических элементов нашего хозяйства? Не вытекает ли из этой формулы тов. Троцкого перспектива постепенной сдачи своих позиций капиталистическим элементам нашего хозяйства и потом перспектива ухода нашей партии от власти, в случае затяжки победоносной революции на Западе?

Не ясно ли, что мы имеем тут дело с двумя совершенно различными линиями, из которых одна есть линия партии и ленинизма, а другая — линия оппозиции и троцкизма?

Я спрашивал в своем докладе тов. Троцкого и продолжаю спрашивать: разве это не верно, что теорию Ленина о возможности победы социализма в отдельных странах тов. Троцкий квалифицировал в 1915 г. как теорию

«национальной ограниченности»? Но я не получил ответа. Почему? Неужели фигура умолчания является тут признаком мужества в полемике?

Я спрашивал, далее, тов. Троцкого и продолжаю спрашивать: разве это не верно, что он повторил обвинение насчет «национальной ограниченности» против теории строительства социализма еще совсем недавно, в сентябре 1926 г., в известном своем документе, обращенном к оппозиции? Но я и на этот раз не получил ответа. Почему? Не потому ли, что фигура умолчания является тоже своего рода «маневром» у тов. Троцкого?

О чем все это говорит?

О том, что тов. Троцкий остается на своих старых позициях борьбы с ленинизмом в основном вопросе о строительстве социализма в нашей стране.

О том, что тов. Троцкий, не имея мужества выступить прямо против ленинизма, пытается прикрыть эту свою борьбу критикой несуществующей «теории» Сталина.

Перейдем к другому «маневру», к тов. Каменеву. Он, видимо, заразился у тов. Троцкого и стал тоже маневрировать. Но маневр у него получился грубее, чем у тов. Троцкого. Если тов. Троцкий пытался обвинять одного Сталина, то тов. Каменев взял да бросил обвинение всей партии, заявив, что она, т. е. партия, «подменяет международную революционную перспективу национально-реформистской перспективой». Не угодно ли: наша партия, оказывается, подменяет международную революционную перспективу перспективой национал-реформистской. Но так как наша партия является партией Ленина, так как она в своих решениях по вопросу о строительстве социализма опирается целиком и полностью на известные положения Ленина, то выходит, что ленинская теория строительства социализма является теорией национал-реформизма. Ленин — «национал-реформист», — вот какой глупостью угощает нас тов. Каменев.

Есть ли у нашей партии какие-либо решения по вопросу о строительстве социализма в нашей стране? Да, есть, и даже очень определенные решения. Когда были приняты партией эти решения? Они были приняты на XIV конференции нашей партии в апреле 1925 г. Я имею в виду известную резолюцию XIV конференции о работе ИККИ и социалистическом строительстве в нашей стране. Является ли эта резолюция ленинской? Да, является, ибо за это могут нам поручиться такие компетентные люди, как тов. Зиновьев, который держал доклад на XIV конференции в *защиту* этой резолюции, и тов. Каменев, который председательствовал на этой конференции и который голосовал *за* эту резолюцию.

Почему же тогда гг. Каменев и Зиновьев не постарались уличить партию в противоречиях, в расхождении с резолюцией XIV конференции по вопросу о строительстве социализма в нашей стране, которая (резолюция) была принята, как известно, *единогласно*?

Чего же, казалось бы, легче: у партии имеется специальная резолюция по вопросу о строительстве социализма, голосовали за нее Каменев и Зиновьев, оба эти товарища обвиняют партию в национал-реформизме, — почему

бы этим товарищам не аргументировать от такого важного партийного документа, как резолюция XIV конференции, которая трактует о строительстве социализма в нашей стране и которая является, очевидно, ленинской с начала до конца?

Обратили ли вы внимание, что оппозиция вообще, Каменев в особенности, обходили резолюцию XIV конференции, как кот горячую кашу? (Смех.) Откуда у них такая боязнь резолюции XIV конференции, принятой по докладу тов. Зиновьева и проведенной при активном содействии тов. Каменева? Почему Каменев и Зиновьев боятся даже мельком упомянуть об этой резолюции? Разве она, эта резолюция, не трактует о строительстве социализма в нашей стране? Разве вопрос о строительстве социализма не является основным спорным вопросом нашей дискуссии?

В чем же тут дело?

Да в том, что тт. Каменев и Зиновьев, будучи в 1925 г. за резолюцию XIV конференции, отреклись потом от этой резолюции, отреклись, стало быть, от ленинизма, перешли на сторону троцкизма, и теперь они боятся коснуться хотя бы мельком этой резолюции, опасаясь быть изобличенными.

О чем говорит эта резолюция?

Вот цитата из этой резолюции.

«Вообще победа социализма (не в смысле окончательной победы) безусловно возможна в нашей стране».

И далее:

«. . . Наличие двух прямо противоположных общественных систем вызывает постоянную угрозу капиталистической блокады, других форм экономического давления, вооруженной интервенции, реставрации. Единственной гарантией окончательной победы социализма, т. е. гарантией от реставрации, является, следовательно, победоносная социалистическая революция в ряде стран. Из этого отнюдь не вытекает, что невозможно построить капиталистическое общество в такой отсталой стране, как Россия, без «государственной помощи» (Курсив мой. — И. Ст.) (Троцкий) более развитых в технико-экономическом отношении стран. Составной частью троцкистской теории перманентной революции является утверждение, что «подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы» (Троцкий, 1922 г.), — утверждение, обрекающее пролетариат СССР в нынешний период на фаталистическую пассивность. Против подобных «теорий» тов. Ленин писал: «До бесконечия шаблонным является у них довод, который они выучили наизусть во время развития западно-европейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не выросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные «ученые» господа из них, объективных предпосылок для «социализма» (Заметки о Суханове)» (Резолюция XIV конференции РКП «О задачах Коминтерна и РКП(б) в связи с расширенным пленумом ИККИ»).

Вы видите, что резолюция XIV конференции является точным изложением основных положений ленинизма в вопросе о возможности строительства социализма в нашей стране.

Вы видите, что в резолюции квалифицируется троцкизм как противовес ленинизму, а ряд тезисов резолюции исходит из прямого отрицания основ троцкизма.

Вы видите, что резолюция целиком отражает те споры, которые разыгались теперь вновь по вопросу о построении социалистического общества в нашей стране.

Вы знаете, что мой доклад был построен на основе руководящих положений этой резолюции.

Вы помните, должно быть, что я упоминал в своем докладе специально о резолюции XIV конференции, обвиняя тт. Каменева и Зиновьева в нарушении этой резолюции, в отходе от этой резолюции.

Почему же тт. Каменев и Зиновьев не попытались рассеять это обвинение?

В чем тут секрет?

А секрет тут в том, что Каменев и Зиновьев давно уже отреклись от этой резолюции и, отрекшись,— перешли на сторону троцкизма.

Ибо одно из двух: *либо* резолюция XIV конференции является не ленинской,— тогда тт. Каменев и Зиновьев, голосовав за эту резолюцию, не были ленинцами; *либо* эта резолюция является ленинской,— и тогда тт. Каменев и Зиновьев, порвав с этой резолюцией, перестали быть ленинцами.

Некоторые ораторы говорили тут (в том числе, кажется, тов. Ризе), что не Зиновьев и Каменев перешли к троцкизму, а, наоборот, Троцкий перешел к Зиновьеву и Каменеву. Это все пустяки, товарищи. Факт отречения Каменева и Зиновьева от резолюции XIV конференции является прямым доказательством того, что именно Каменев и Зиновьев перешли на сторону троцкизма.

Итак:

Кто отрекся от ленинской линии в вопросе о строительстве социализма в СССР, формулированной в резолюции XIV конференции ВКП? Выходит, что тт. Каменев и Зиновьев.

Кто «подменил международную революционную перспективу» троцкизмом? Выходит, что тт. Каменев и Зиновьев.

Если теперь Каменев шумит и кричит о «национал-реформизме» нашей партии, то это потому, что он пытается этим отвести внимание товарищей от своего грехопадения и свалить с больной головы на здоровую.

Вот почему «маневр» тов. Каменева насчет «национал-реформизма» нашей партии есть уловка, некрасивая и грубая уловка, рассчитанная на то, чтобы криком о «национал-реформизме» нашей партии прикрыть свое отречение от резолюции XIV конференции, свое отречение от ленинизма, свой переход на сторону троцкизма.

Мы строим и можем построить экономическую базу социализма в СССР

1) Я говорил в своем докладе, что *политическая* база социализма у нас уже создана — это диктатура пролетариата. Я говорил, что *экономическая* база социализма далеко еще не создана и ее надо еще создавать. Я говорил, далее, что вопрос стоит ввиду этого так: имеем ли возможность построить своими собственными силами экономическую базу социализма в нашей стране? Я говорил, наконец, что, если этот вопрос переложить на классовый, то

он примет следующий вид: имеем ли возможность преодолеть своими собственными силами нашу, советскую, буржуазию?

Тов. Троцкий утверждает в своей речи, что, говоря о преодолении буржуазии СССР, я имел в виду ее политическое преодоление. Это неверно, конечно. Это — фракционное увлечение тов. Троцкого. Из моего доклада видно, что, говоря о преодолении буржуазии СССР, я имел в виду ее экономическое преодоление, ибо политически она уже преодолена.

Что значит преодолеть экономически буржуазию СССР? Или иначе: что значит создать экономическую базу социализма в СССР?

«Создать экономическую базу социализма — это значит сомкнуть сельское хозяйство с социалистической индустрией в одно целостное хозяйство, подчинить сельское хозяйство руководству социалистической индустрии, наладить отношения между городом и деревней на основе прямого обмена продуктов сельского хозяйства и индустрии, закрыть и ликвидировать все те каналы, при помощи которых рождаются классы и рождается, прежде всего, капитал, создать, в конце концов, такие условия производства и распределения, которые ведут прямо и непосредственно к уничтожению классов» (см. доклад Сталина на VII расширенном пленуме ИККИ).

Вот как я определял в своем докладе существо экономической базы социализма в СССР.

Это определение есть точное изложение определения «экономической сути», «экономической базы» социализма, данного Лениным в его известном наброске брошюры «О продналоге».

Правильно ли это определение, и можем ли мы рассчитывать на возможность построения экономической базы социализма в нашей стране, — вот в чем теперь основной вопрос наших разногласий.

Тов. Троцкий даже не затронул этого вопроса. Он просто обошел его, считая, видимо, что благоразумнее будет помолчать.

А что мы строим и можем построить экономическую базу социализма, это видно хотя бы из того, что:

а) наше социализированное производство есть производство крупное и объединенное, тогда как ненационализированное производство в нашей стране есть производство мелкое и распыленное, при чем известно, что превосходство крупного производства, да еще объединенного, над мелким производством является неоспоримым фактом;

б) наше социализированное производство уже руководит и начинает подчинять себе мелкое производство, все равно, идет ли речь о городском мелком производстве или о сельском;

в) на фронте борьбы социалистических элементов нашего хозяйства с элементами капиталистическими первые имеют несомненный перевес сил против вторых и шаг за шагом двигаются вперед, преодолевая капиталистические элементы нашего хозяйства как в области производства, так и в области обращения.

Я уже не говорю о других факторах, ведущих к победе социалистических элементов нашего хозяйства над элементами капиталистическими.

Какие имеются основания предполагать, что процесс преодоления капиталистических элементов нашего хозяйства не будет продолжаться и впредь?

2) Тов. Троцкий говорил в своей речи:

«Сталин говорит, что мы проводим строительство социализма, т. е. добиваемся уничтожения классов и государства, т. е. преодолеваем нашу буржуазию. Да, товарищи, но ведь государству нужна армия против внешних врагов» (цитирую по стенограмме.— *И. См.*).

Что это значит? Каков смысл этой цитаты? Из этой цитаты можно сделать только один вывод: так как построение экономической базы социализма означает уничтожение классов и государства и так как армия нам все-таки понадобится для защиты социалистического отечества, между тем как армия без государства невозможна (так думает тов. Троцкий), — то выходит, что мы не можем построить экономической базы социализма до того момента, пока не исчезнет необходимость вооруженной защиты социалистического отечества.

Это, товарищи, смешение всех понятий. Либо здесь под государством понимается просто аппарат вооруженной защиты социалистического общества, что абсурдно, ибо государство есть, прежде всего, орудие одного класса против других классов, при чем, само собой понятно, что, коль скоро нет классов, не может быть и государства. Либо армия защиты социалистического общества не мыслится здесь без наличия государства, что опять-таки абсурдно, ибо теоретически можно вполне допустить такое состояние общества, при котором нет классов, нет государства, но есть вооруженный народ, защищающий свое бесклассовое общество от внешних врагов. Социология дает немало примеров того, что в истории человечества бывали общества, которые не имели классов, не имели государства, но защищались так или иначе от внешних врагов. То же самое надо сказать о будущем бесклассовом обществе, которое, не имея классов и государства, может все же иметь социалистическую милицию, необходимую для защиты от внешних врагов. Я считаю мало вероятным, чтобы дело могло дойти у нас до такого состояния, ибо не подлежит сомнению, что успехи социалистического строительства в нашей стране, а тем более победа социализма и уничтожение классов, — это такие всемирно-исторического значения факты, которые не могут не вызвать могучего порыва пролетариев капиталистических стран к социализму, которые не могут не вызвать революционных взрывов в других странах. Но теоретически вполне допустимо такое состояние общества, при котором мыслимо существование социалистической милиции без наличия классов и государства.

Впрочем, вопрос этот освещен в известной степени в программе нашей партии. Вот что сказано там:

«Красная армия, как орудие пролетарской диктатуры, должна по необходимости иметь открыто классовый характер, т. е. формироваться исключительно из пролетариата и близких ему полупролетарских слоев крестьянства. *Лишь в связи с уничтожением классов подобная классовая армия превратится во всенародную социалистическую милицию*» (Курсив мой.— *И. См.*) (см. Программу ВКП(б)).

Тов. Троцкий, видимо, забыл этот пункт нашей программы.

3) Тов. Троцкий говорил в своей речи о зависимости нашего народного хозяйства от мирового капиталистического хозяйства и уверял, что «от

изолированного военного коммунизма «мы все более и более приходим к *сращиванию* с мировым хозяйством».

Выходит, таким образом, что наше народное хозяйство с его борьбой капиталистических и социалистических элементов *сращивается* с мировым *капиталистическим* хозяйством. Я говорю о *капиталистическом* мировом хозяйстве, так как другого мирового хозяйства не существует в природе в настоящий момент.

Это неверно, товарищи.. Это — абсурд. Это — фракционное увлечение тов. Троцкого.

Никто не отрицает, что существует зависимость нашего народного хозяйства от мирового капиталистического хозяйства. Этого никто не отрицал и не отрицает, так же как никто не отрицает того, что существует зависимость каждой страны и каждого народного хозяйства, не исключая и американского народного хозяйства, от международного капиталистического хозяйства. Но зависимость эта обоюдная. Не только наше хозяйство зависит от капиталистических стран, но и капиталистические страны зависят от нашего хозяйства, от нашей нефти, от нашего хлеба, от нашего леса, наконец, от нашего необъятного рынка. Мы получаем кредиты, скажем, от «Стандарт-Ойль». Получаем кредиты от германских капиталистов. Но получаем их не ради наших прекрасных глаз, а потому, что капиталистические страны нуждаются в нашей нефти, в нашем хлебе, в нашем рынке для сбыта оборудования. Нельзя забывать того, что наша страна представляет одну шестую часть света, представляет громадный рынок для сбыта, и капиталистические страны не могут обойтись без тех или иных связей с нашим рынком. Все это есть зависимость капиталистических стран от нашего хозяйства. Зависимость тут обоюдная.

Значит ли это, что зависимость нашего народного хозяйства от капиталистических стран исключает возможность построения социалистического хозяйства в нашей стране? Конечно, не значит. Представлять социалистическое хозяйство как абсолютно замкнутое и абсолютно независимое от окружающих народных хозяйств,— значит утверждать глупость. Можно ли утверждать, что социалистическое хозяйство не будет иметь абсолютно никакого экспорта и импорта, не будет ввозить не имеющих в стране продуктов и вывозить в связи с этим своих продуктов? Нет, нельзя утверждать. А что такое экспорт и импорт? Это есть выражение зависимости одних стран от других. Это есть выражение экономической взаимозависимости.

То же самое нужно сказать о капиталистических странах нашего времени. Вы не можете представить ни одной страны, которая бы не имела экспорта и импорта. Возьмем Америку, самую богатую страну из всех стран мира. Можно ли сказать, что нынешние капиталистические государства, скажем, Англия или Америка, являются абсолютно независимыми странами? Нет, нельзя сказать. Почему? Потому, что они зависят от экспорта и импорта, они зависят от сырья из других стран (Америка зависит, напр., от каучука и прочих предметов сырья), они зависят от рынков сбыта, куда они сбывают свое оборудование и прочие готовые товары.

Значит ли это, что если нет абсолютно независимых стран, то тем самым

исключается самостоятельность отдельных народных хозяйств? Нет, не значит. Наша страна зависит от других стран, так же как и другие страны зависят от нашего народного хозяйства, но это еще не означает, что наша страна потеряла, тем самым, или потеряет свою самостоятельность, что она не может отстоять своей самостоятельности, что она должна превратиться в винтик международного капиталистического хозяйства. Надо различать между зависимостью одних стран от других и между экономической самостоятельностью этих стран. Отрицание абсолютной независимости отдельных народно-хозяйственных единиц еще не означает и не может означать отрицания экономической самостоятельности этих единиц.

Но тов. Троцкий говорит не только о зависимости нашего народного хозяйства. Он превращает эту зависимость в сращивание нашего хозяйства с капиталистическим мировым хозяйством. Но что значит сращивание нашего народного хозяйства с капиталистическим мировым хозяйством? Это значит превращение его в придаток мирового капитализма. Но разве наша страна представляет придаток мирового капитализма? Конечно, нет! Это — глупость, товарищи. Это — не серьезно. Если бы это было верно, то мы не имели бы никакой возможности отстоять нашу социалистическую промышленность, нашу монополию внешней торговли, наш национализированный транспорт, наш национализированный кредит, наше плановое руководство хозяйством. Если бы это было верно, то мы бы уже стояли на пути перерождения нашей социалистической промышленности в обычную капиталистическую промышленность. Если бы это было верно, то мы не имели бы успехов на фронте борьбы социалистических элементов нашего хозяйства с элементами капиталистическими.

4) Тов. Троцкий говорил в своей речи, что «в действительности мы все время будем находиться *под контролем* мирового хозяйства».

Выходит, таким образом, что наше народное хозяйство будет развиваться под контролем мирового капиталистического хозяйства, ибо другого мирового хозяйства, кроме капиталистического, нет сейчас в природе.

Верно ли это? Нет, неверно. Это — мечта капиталистических акул, которая никогда не будет проведена в жизнь.

Что такое контроль капиталистического мирового хозяйства? Контроль в устах капиталистов не есть пустое слово. Контроль в устах капиталистов — это нечто реальное.

Капиталистический контроль — это значит, прежде всего, финансовый контроль. Но разве наши банки не национализированы и разве они работают под руководством европейских капиталистических банков? Финансовый контроль — это значит насаждение в нашей стране отделений крупных капиталистических банков, это значит образование так называемых «дочерних» банков. Но разве есть у нас такие банки? Конечно, нет! И не только нет, но и не будет их никогда, пока жива Советская власть.

Капиталистический контроль — это значит контроль над нашей промышленностью, денационализация нашей социалистической промышленности, денационализация нашего транспорта. Но разве наша промышленность не национализирована, и разве она не растет именно как национализированная

промышленность? Разве кто-либо собирается денационализировать хотя бы одно из национализированных предприятий? Я не знаю, конечно, какие предположения имеются там, в Концесском. (Смех.) Но что денационализаторам не будет житья в нашей стране, пока живет Советская власть,— в этом можете не сомневаться.

Капиталистический контроль — это значит право распоряжения нашим рынком, это значит ликвидация монополии внешней торговли. Я знаю, что капиталисты Запада не раз бились лбами об стену, стараясь прошибить броню монополии внешней торговли. Известно, что монополия внешней торговли есть щит и ограда нашей молодой социалистической промышленности. Но разве капиталисты сумели уже добиться успехов в деле ликвидации монополии внешней торговли? Разве трудно понять, что, пока есть Советская власть, монополия внешней торговли будет жить и здравствовать, несмотря ни на что.

Капиталистический контроль означает, наконец, контроль политический, уничтожение политической самостоятельности нашей страны, приспособление законов страны к интересам и вкусам международного капиталистического хозяйства. Но разве наша страна не есть политически самостоятельная страна? Разве наши законы диктуются не интересами пролетариата и трудящихся масс нашей страны? Отчего бы не привести фактов, хотя бы один факт, говорящий о потере политической самостоятельности нашей страны? Пусть попробуют привести.

Вот как понимается у капиталистов контроль, если, конечно, говорить о действительном контроле, а не болтать впустую о каком-то бесплотном контроле.

Если речь идет о таком действительном капиталистическом контроле,— а речь может идти только о таком контроле, ибо пустой болтовней о бесплотном контроле могут заниматься только плохие литераторы,— то я должен заявить, что такого контроля у нас нет, и не будет его никогда, пока жив наш пролетариат и пока есть у нас диктатура пролетариата. (Аплодисменты.)

5) Тов. Троцкий говорил в своей речи:

«Речь идет о том, чтобы в окружении капиталистического мирового хозяйства построить изолированное социалистическое государство. Это может быть достигнуто лишь тем, что производительные силы этого изолированного государства будут выше производительных сил капитализма, так как в перспективе не на год или на десять лет, а на полстолетие, *даже столетие* может упрочиться лишь то государство, та новая общественная форма, производительные силы которой окажутся более мощными, чем производительные силы старой хозяйственной системы».

Выходит, таким образом, что необходимо лет пятьдесят или даже сто лет для того, чтобы социалистическая система хозяйства доказала на деле свое превосходство с точки зрения развития производительных сил над капиталистической системой хозяйства.

Это неверно, товарищи. Это — смешение всех перспектив.

Для того, чтобы феодальная система хозяйства доказала свое превосходство над рабской системой хозяйства, на это ушло, кажется, около двухсот лет, если не меньше. Да иначе и не могло быть, так как темп раз-

вития был тогда страшно медленный, а техника производства была более чем примитивна.

Для того, чтобы буржуазная система хозяйства доказала свое превосходство над феодальной системой хозяйства, на это ушло что-то около ста лет или и того меньше. Уже в недрах феодального общества буржуазная система хозяйства показала, что она стоит выше, много выше, чем феодальная система хозяйства. Разница в сроках объясняется тут более быстрым темпом развития и более развитой техникой буржуазной системы хозяйства.

С тех пор техника обнаружила небывалые успехи, а темп развития стал прямо бешеным. Спрашивается, какое имеется основание у тов. Троцкого предположить, что социалистической системе хозяйства потребуются для доказательства своего превосходства над капиталистической системой хозяйства что-то около ста лет? Разве тот факт, что во главе производства будут стоять не тунеядцы, а сами производители, — разве этот факт не является величайшим фактором того, что социалистическая система хозяйства будет иметь все шансы для того, чтобы двинуть вперед хозяйство семимильными шагами и доказать свое превосходство над капиталистической системой хозяйства в более короткий срок? Разве тот факт, что социалистическое хозяйство является наиболее объединенным хозяйством, что социалистическое хозяйство ведется в плановом порядке, — разве этот факт не говорит за то, что социалистическое хозяйство будет иметь все плюсы для того, чтобы доказать свое превосходство в сравнительно короткий срок над капиталистической системой хозяйства, раздираемой внутренними противоречиями и разъедаемой кризисами?

Не ясно ли после всего этого, что оперировать тут перспективой в пятьдесят и в сто лет, — это значит страдать суеверной верой запуганного мещанина во всемогущество капиталистической системы хозяйства? (Голоса: «Правильно!»)

А выводы какие? Выводов тут два.

Во-первых. В своих возражениях по вопросу о строительстве социализма в нашей стране тов. Троцкий отступил от старой базы полемики на новую базу. Раньше оппозиция возражала с точки зрения внутренних противоречий, с точки зрения противоречий между пролетариатом и крестьянством, считая эти противоречия непреодолимыми. Теперь тов. Троцкий подчеркивает противоречия внешние, противоречия между нашим народным хозяйством и мировым капиталистическим хозяйством, считая эти противоречия непреодолимыми. Если раньше тов. Троцкий считал, что камнем преткновения для социалистического строительства в нашей стране являются противоречия между пролетариатом и крестьянством, то теперь он меняет фронт, отступает на другую базу критики партийной позиции и утверждает, что камнем преткновения для социалистического строительства являются противоречия между нашей системой хозяйства и капиталистическим мировым хозяйством. Тем самым он признал на деле несостоятельность старых аргументов оппозиции.

Во-вторых. Но отступление тов. Троцкого есть отступление в дебри, в болота. Тов. Троцкий по сути дела отступил к Суханову, прямо и открыто.

К чему сводятся по сути дела «новые» аргументы тов. Троцкого? Они сводятся к тому, что ввиду своей экономической отсталости мы не доросли до социализма, что у нас нет объективных предпосылок для построения социалистического хозяйства, что наше народное хозяйство превращается ввиду этого и должно превратиться в придаток капиталистического мирового хозяйства, в подконтрольную хозяйственную единицу мирового капитализма.

Но это есть «сухановщина», откровенная и ничем неприкрытая «сухановщина».

Оппозиция скатилась к меньшевику Суханову, к его позиции прямого отрицания возможности победоносного социалистического строительства в нашей стране.

Мы строим социализм в союзе с мировым пролетариатом

Что мы строим социализм в союзе с крестьянством, этого, кажется, не решается отрицать прямо наша оппозиция. Строим ли мы социализм в союзе с мировым пролетариатом, — в этом оппозиция имеет поползновение сомневаться. Некоторые оппозиционеры даже утверждают, что наша партия недооценивает значение этого союза. А один из них, тов. Каменев, дошел даже до того, что стал обвинять партию в национал-реформизме, в подмене международной революционной перспективы национал-реформистской перспективой.

Это, товарищи, глупость. Непроходимая глупость. Только сумасшедшие могут отрицать величайшее значение союза пролетариев нашей страны с пролетариями всех остальных стран в деле строительства социализма. Только сумасшедшие могут обвинять нашу партию в недооценке дела союза пролетариев всех стран. Только в союзе с мировым пролетариатом и можно строить социализм в нашей стране. Весь вопрос в том, как понимать этот союз. Когда пролетарии СССР взяли власть в октябре 1917 г., — то это была помощь пролетариям всех стран, это был союз с ними.

Когда пролетарии Германии подняли революцию в 1918 г., — то это была помощь пролетариям всех стран, особенно же пролетариям СССР, это был союз с пролетариатом СССР.

Когда пролетарии Западной Европы расстраивали дело интервенции СССР, не перевозили вооружения для контр-революционных генералов, устраивали комитеты действия и подрывали тыл своих капиталистов, — это была помощь пролетариям СССР, это был союз западно-европейских пролетариев с пролетариями СССР. Без такого сочувствия и без этой поддержки со стороны пролетариев капиталистических стран мы не могли бы выиграть гражданскую войну.

Когда пролетарии капиталистических стран присылают к нам целый ряд делегаций, контролируют наше строительство и потом разносят молву об успехах нашего строительства по всей рабочей Европе, — то это есть помощь пролетариям СССР, это есть величайшая поддержка пролетариям СССР, это есть союз с пролетариями СССР и узда против возможной империалистической интервенции в нашу страну. Без такой поддержки и без такой узды мы не имели бы теперь передышки, а без

передышки у нас не было бы развернутой работы по строительству социализма в нашей стране.

Когда пролетарии СССР укрепляют свою диктатуру, ликвидируют хозяйственную разруху, развертывают строительную работу и делают успехи в деле строительства социализма, — то это есть величайшая поддержка пролетариям всех стран, их борьбе против капитализма, их борьбе за власть, ибо существование советской республики, ее стойкость, ее успехи на фронте социалистического строительства являются величайшим фактором мировой революции, подбадривающим пролетариев всех стран в их борьбе против капитализма. Едва ли можно сомневаться в том, что уничтожение советской республики повлекло бы за собой самую черную и самую злую реакцию во всех капиталистических странах.

Сила нашей революции и сила революционного движения капиталистических стран состоит в этой взаимной поддержке и в этом союзе пролетариев всех стран.

Таковы разнообразные формы союза пролетариев СССР с мировым пролетариатом.

Ошибка оппозиции состоит в том, что она не понимает или не признает этих форм союза. Беда оппозиции состоит в том, что она признает лишь одну форму союза, форму «прямой государственной поддержки» пролетариата СССР со стороны пролетариев Западной Европы, т. е. ту форму, которая не имеет пока, к сожалению, применения, при чем судьбу социалистического строительства в СССР ставит она в прямую зависимость от этой поддержки в будущем. Оппозиция думает, что, только признавая такую форму поддержки, можно сохранить за партией «международную революционную перспективу». Но я уже говорил, что в случае затяжки мировой революции такая позиция может повести лишь к непрерывным уступкам капиталистическим элементам нашего хозяйства и, в конце концов, к капитулянству, к пораженчеству.

Выходит, таким образом, что «прямая государственная поддержка», предлагаемая оппозицией, как единственная форма союза с мировым пролетариатом, является, в случае затяжки мировой революции, прикрытием капитулянства.

«Международная революционная перспектива» тов. Каменева, как прикрытие капитулянства, — вот, оказывается, куда ведет дело тов. Каменев. Поэтому можно лишь удивляться той смелости, с которой выступил здесь тов. Каменев, обвиняя нашу партию в национал-реформизме.

Откуда взялась — как бы это помягче сказать — такая смелость у тов. Каменева, который никогда не отличался у нас ни революционностью, ни интернационализмом?

Откуда такая смелость у тов. Каменева, который всегда был у нас большевиком среди меньшевиков и меньшевиком среди большевиков? (Смех.)

Откуда набрался этой смелости тов. Каменев, которого Ленин с полным основанием назвал в свое время «штрейкбрехером» Октябрьской революции?

Тов. Каменев желает знать, является ли пролетариат СССР интернациональным. Я должен заявить, что пролетариат СССР не нуждается в аттестации «штрейкбрехера» Октябрьской революции.

Вы хотите знать меру интернационализма пролетариата СССР? Спросите английских рабочих, спросите германских рабочих (*бурные аплодисменты*), спросите турецких рабочих, спросите китайских рабочих,— и они вам расскажут об интернационализме пролетариата СССР.

Вопрос о перерождении

Таким образом, можно считать доказанным, что оппозиция стоит на точке зрения прямого отрицания возможности строительства социализма в нашей стране.

Но отрицание возможности строительства социализма ведет к перспективе перерождения партии, а перспектива перерождения, в свою очередь, ведет к отходу от власти и к вопросу об образовании новой партии.

Тов. Троцкий сделал вид, что он не может относиться к этому вопросу серьезно. Это — маскировка.

Не может быть сомнения в том, что ежели мы не можем строить социализм, а революция в других странах затягивается, между тем как капитал у нас растет, так же, как растет «сращивание» нашего народного хозяйства с мировым капиталистическим хозяйством,— то, *с точки зрения оппозиции*, остаются только два выхода:

а) либо остаться у власти и проводить политику буржуазной демократии, участвовать в буржуазном правительстве, проводить, стало быть, «мильеранизм»;

б) либо отойти от власти, чтобы не переродиться, и на-ряду (так в книге-Ю.З.) с официальной партией образовать новую партию, чего, собственно, и добивалась и продолжает, по сути дела, добиваться наша оппозиция.

Теория двух партий или теория новой партии есть прямой результат отрицания возможности строительства социализма, прямой результат перспективы перерождения.

И тот и другой выходы ведут к капитулянтству, к пораженчеству.

Как стоял вопрос в период гражданской войны? Вопрос стоял так: если мы не сумеем организовать армию и дать отпор врагам, то диктатура падет, и мы потеряем власть. Тогда война была на первом месте.

Как стоит вопрос теперь, когда гражданская война кончилась, и задачи хозяйственного строительства стали на первое место? Теперь вопрос стоит так: если мы не можем строить социалистическое хозяйство, то диктатура пролетариата, идя на все более и более серьезные уступки буржуазии, должна будет переродиться и поплестись в хвосте за буржуазной демократией.

Могут ли коммунисты согласиться вести буржуазную политику при перерождающейся диктатуре?

Нет, не могут и не должны.

Отсюда выход: отойти от власти и создать новую партию, очистив дорогу реставрирующемуся капитализму.

Капитулянтство, как естественный результат нынешней позиции оппозиционного блока,— таков вывод.

IV. Оппозиция и вопрос об единстве партии

Перехожу к последнему вопросу, к вопросу об оппозиционном блоке и единстве нашей партии.

Как сложился оппозиционный блок?

Партия утверждает, что оппозиционный блок сложился путем перехода «новой оппозиции», путем перехода тт. Каменева и Зиновьева на сторону троцкизма.

Тт. Зиновьев и Каменев отрицают это, намекая на то, что не они пришли к Троцкому, а Троцкий пришел к ним.

Обратимся к фактам.

Я говорил о резолюции XIV конференции по вопросу о строительстве социализма в нашей стране. Я говорил о том, что Каменев и Зиновьев отреклись от этой резолюции, которую не приемлет и не может принять тов. Троцкий, отреклись для того, чтобы сблизиться с Троцким и перейти на сторону троцкизма. Верно это или нет? Да, верно. Пытались ли тт. Каменев и Зиновьев противопоставить что-либо этому утверждению? Нет, не пытались. Они обошли вопрос молчанием.

У нас имеется, далее, резолюция XIII конференции нашей партии, квалифицирующая троцкизм как мелкобуржуазный уклон и ревизию ленинизма. Резолюция эта утверждена, как известно, V конгрессом Коминтерна. Я говорил в своем докладе, что тт. Каменев и Зиновьев отреклись от этой резолюции, признав в специальных своих заявлениях правоту троцкизма в его борьбе с партией в 1923 г. Верно это или нет? Да, верно. Пытались ли тт. Зиновьев и Каменев противопоставить что-либо этому утверждению? Нет, не пытались. Они ответили молчанием.

Еще факты.

Тов. Каменев писал о троцкизме в 1925 г. следующее:

«Тов. Троцкий стал тем каналом, по которому мелкобуржуазная стихия проявляет себя внутри нашей партии. Весь характер его выступлений, все его историческое прошлое показывает, что это так. В своей борьбе с партией он стал уже в стране символом для всего, что направлено против нашей партии»... «Мы должны принять все меры, чтобы охранить от заразы этого небольшевистского учения те слои партии, на которые оно рассчитывает, именно — нашу молодежь, тот будущий состав, который должен взять в руки судьбы партии. И поэтому усиление всяческого рода разъяснений о неправильности позиций тов. Троцкого, о том, что *надо выбрать между троцкизмом и ленинизмом, что нельзя сочетать того и другого* (Курсив мой.— *И. Ст.*),— это должно быть очередной задачей нашей партии».

Хватит ли у тов. Каменева смелости повторить теперь эти слова? Если он готов их повторить, почему он находится теперь в блоке с тов. Троцким? Если он не решается их повторить, то не ясно ли, что тов. Каменев отошел от своих старых позиций и перешел на сторону троцкизма?

Тов. Зиновьев писал о троцкизме в 1925 г. следующее:

«Последнее выступление тов. Троцкого («Уроки Октября») есть не что иное, какужедовольнооткрытаяпопыткаревизицилидажепрямойликвидации—основ ленинизма (Курсив мой.— И. Ст.). Пройдет самое короткое время, и это будет ясно всей нашей партии и всему Интернационалу».

Сравните эту цитату Зиновьева с заявлением Каменева в своей речи: «Мы с Троцким потому, что он не ревизует основных идей Ленина»,— и вы поймете всю глубину падения тт. Каменева и Зиновьева. Тов. Зиновьев писал о Троцком в том же 1925 г. следующее:

«Теперь решается вопрос, что такое РКП в 1925 г. В 1903 г. он решался отношением к первому параграфу устава, а в 1925 г.— отношением к Троцкому, к троцкизму. Кто говорит, что троцкизм может стать «законным оттенком» в большевистской партии, тот сам перестает быть большевиком. *Кто хочет теперь строить партию в союзе с Троцким, в сотрудничестве с тем троцкизмом, которыйоткровенновыступаетпротивбольшевизма, тототступаетотосновленинизма* (Курсив мой.— И. Ст.). Надо понять, что троцкизм — пройденный этап, что строить ленинскую партию теперь возможно только вопреки троцкизму».

Хватит ли у тов. Зиновьева смелости повторить теперь эти слова? Если он готов повторить, почему он состоит теперь в блоке с тов. Троцким? Если он не может их повторить, то не ясно ли, что тов. Зиновьев отошел от ленинизма и перешел к троцкизму? О чем говорят все эти факты?

О том, что оппозиционный блок сложился путем перехода тт. Каменева и Зиновьева на сторону троцкизма.

Какова платформа оппозиционного блока?

Платформа оппозиционного блока есть платформа социал-демократического уклона, платформа правого уклона в нашей партии, платформа собирания всех и всяких оппортунистических течений для организации борьбы против партии, против ее единства, против ее авторитета. Тов. Каменев говорит о правом уклоне в нашей партии, кивая в сторону Центрального Комитета. Но это — уловка, грубая и фальшивая уловка, имеющая своей целью прикрыть кричащими обвинениями против партии оппортунизм оппозиционного блока. На самом деле выражением правого уклона в нашей партии является оппозиционный блок. Мы судим об оппозиции не по ее заявлениям, а по ее делам. А дела оппозиции говорят о том, что она является сборным пунктом и очагом всех и всяких оппортунистических элементов от Оссовского и «рабочей оппозиции» до Суварина и Маслова, Корша и Рут Фишер. Восстановление фракционности, восстановление теории свободы фракций в нашей партии, собирание всех оппортунистических элементов нашей партии, борьба против единства партии, борьба против ее руководящих кадров, борьба за образование новой партии,—

вот куда гнет теперь оппозиция, если судить по выступлению тов. Каменева. Выступление тов. Каменева есть в этом отношении поворотный пункт от «заявления» оппозиции в октябре 1926 года к восстановлению раскольнической линии оппозиции.

Что такое оппозиционный блок с точки зрения единства партии?

Оппозиционный блок есть зародыш новой партии внутри нашей партии. Разве это не факт, что оппозиция имела свой центральный комитет и свои параллельные местные комитеты? Оппозиция уверяла в своем «заявлении» от 16 октября 1926 г., что она отреклась от фракционности. Но разве выступление тов. Каменева не говорит о том, что она вновь вернулась к фракционной борьбе? Какая гарантия, что она уже не восстановила центральную и местные параллельные организации оппозиции? Разве это не факт, что оппозиция собирала специальные членские взносы для своей кассы? Какая гарантия, что она не стала вновь на этот раскольнический путь?

Оппозиционный блок есть зародыш новой партии, подрывающий единство нашей партии.

Задача состоит в том, чтобы разбить этот блок и ликвидировать его. *(Бурные аплодисменты.)*

Товарищи, диктатура пролетариата при господстве империализма в других странах, когда одна страна, только одна страна, сумела прорвать фронт капитала, — диктатура пролетариата при таких условиях не может существовать ни одной минуты без единства партии, вооруженной железной дисциплиной. Попытки подорвать единство партии, попытки к образованию новой партии должны быть уничтожены в корне, если мы хотим сохранить диктатуру пролетариата, если мы хотим строить социализм.

Поэтому задача состоит в том, чтобы ликвидировать оппозиционный блок и упрочить единство нашей партии.

V. Заключение

Я кончаю, товарищи.

Если подвести прениям итог, то можно прийти к одному общему выводу, не допускающему никаких сомнений, а именно — к выводу о том, что XIV съезд нашей партии был прав, сказав, что оппозиция страдает неверием в силы нашего пролетариата, неверием в возможность строительства социализма в нашей стране.

Это — тот общий осадок впечатления и тот общий вывод, который не мог не сложиться у товарищей.

Таким образом, перед вами стоят две силы. С одной стороны — наша партия, уверенно ведущая вперед пролетариат СССР, строящая социализм и зовущая пролетариев всех стран к борьбе. С другой стороны — оппозиция, ковыляющая за нашей партией, как дряхлый старик, с ревматизмом в ногах, с болью в пояснице, с мигренью в голове, — оппозиция, сеющая кругом пессимизм и отравляющая атмосферу болтовней о том, что ничего у нас с социализмом в СССР не выйдет, что у них там, у буржуа, все обстоит хорошо, а у нас, у пролетариев, все обстоит плохо.

Таковы, товарищи, две силы, стоящие перед вами.

Вы должны сделать выбор между ними. *(Смех.)*

Я не сомневаюсь, что вы сделаете правильный выбор. (Аплодисменты.)

Оппозиция в своем фракционном ослеплении рассматривает нашу революцию как нечто, лишенное всякой самостоятельной силы, как нечто вроде бесплатного приложения к будущей еще не победившей революции на Западе.

Тов. Ленин не так смотрел на нашу революцию, на Республику Советов. Тов. Ленин считал Республику Советов факелом, освещающим путь пролетариям всех стран.

Вот что говорил об этом тов. Ленин:

«Пример Советской Республики будет стоять перед ними (т. е. пролетариями всех стран.—*И. Ст.*) на долгое время. Наша социалистическая Республика Советов будет стоять прочно, как факел международного социализма и как пример перед всеми трудящимися массами. Там — драка, война, кровопролитие, жертвы миллионов людей, эксплуатация капитала, здесь — настоящая политика мира и социалистическая Республика Советов» (см. ђ. XV, ђђђ. 88).

Вокруг этого факела создались два фронта: фронт врагов пролетарской диктатуры, старающихся развенчать этот факел, поколебать его и погасить его, и фронт друзей диктатуры пролетариата, старающихся подержать факел и раздуть его пламя.

Задача состоит в том, чтобы поддержать этот факел и упрочить его существование во имя победы мировой революции.

Товарищи! *Я не сомневаюсь, что вы примете все меры к тому, чтобы факел этот горел и освещал дорогу всем угнетенным и поработенным.*

Я не сомневаюсь, что вы примете все меры к тому, чтобы пламя этого факела раздувалось во-всю (так в книге-Ю.З.) на страх врагам пролетариата.

Я не сомневаюсь, что вы примете все меры к тому, чтобы такие факелы зажглись во всех частях света на радость пролетариям всех стран. (Продолжительные, долгонесмолкающие аплодисменты. Все делегаты встают и поют «Интернационал». Троекратное «ура».)

Сб. «Об оппозиции», стр. 438—481, 511—548.

РЕЗОЛЮЦИЯ VII РАСШИРЕННОГО ПЛЕНУМА ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА ПО «РУССКОМУ» ВОПРОСУ

Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала, обсудив вопрос об оппозиционном блоке в ВКП(б), постановляет:

1. Оппозиция в ВКП(б) по своему идейному содержанию представляет по существу дела правую опасность внутри ВКП(б), прикрытую иногда левыми фразами.

2. Ее характерной чертой является недооценка внутренних сил развития в Союзе Советских Социалистических Республик, что выражается в отрицании возможности построения социализма в Союзе Советских Социалистических Республик. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала полагает, что Советская Страна объективно является главным организующим центром международной революции. Расширенный пленум констатирует, что ВКП(б) всей своей прошлой и всей своей настоящей работой доказала не на словах, а на деле свой интернационализм и дала величайшие образцы этого интернационализма. Расширенный пленум считает клеветой на ВКП(б) обвинения в национальной ограниченности. Ориентируясь во всей своей работе на международную революцию, считая, что окончательная победа социализма возможна лишь как победа мировой революции, что только эта революция может гарантировать Союз Советских Социалистических Республик от войны и интервенции и поможет еще более ускорить темп хозяйственного развития в Союзе Советских Социалистических Республик, ВКП(б) совершенно правильно ведет политику социалистического строительства в полной уверенности, что Союз Советских Социалистических Республик имеет внутри страны «все необходимое и достаточное» для построения полного социалистического общества. Отрицание этой возможности со стороны оппозиции есть не что иное, как отрицание предпосылок для социалистической революции в России, т. е. социалдемократический (так в книге-Ю.З.) уклон.

3. Из этого отрицания, т. е. из этой оппортунистической тенденции, вытекает с необходимостью неверная оценка нэпа, как систематического отступления — и только (тогда как на рельсах нэпа Союз Советских Социалистических Республик движется непрестанно по направлению к социализму), неверная оценка государственных предприятий и всей экономики в Союзе Советских Социалистических Республик, преувеличение кулацкой опасности, непонимание путей социалистического развития в деревне, неверная оценка характера государственной власти («далеко не пролетарское государство» т. Троцкого, заявление т. Каменева и т. д.) и, наконец, утверждение о перерождении пролетарской диктатуры и ВКП(б) вплоть до возмутительных и стоящих на грани контрреволюции разговоров о термидоре. Всеми этими насквозь неверными и прямо клеветническими утверждениями оппозиция в ВКП(б) оказывает объективно поддержку врагам пролетарской диктатуры и ренегатам коммунизма (Корш, Маслов, Рут Фишер, Суварин, меньшевики и социалисты-революционеры, международная социал-демократия) в их стараниях сеять в рядах пролетариата неверие в пролетарскую революцию и в возможность построения социализма.

4. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала констатирует, что фактически позиция ряда крупнейших оппозиционных вождей в важнейших вопросах социалистического строительства повлекла бы за собой подрыв диктатуры и действительную помощь буржуазным элементам страны. Сюда относятся: *политика высоких цен* на продукты промышленности, которая означала бы на деле понижение заработной платы, подрыв червонца, удар по деревенской

бедноте, помощь кулаку, бюрократизацию государственно-хозяйственного аппарата; предложение об изъятии государственных капиталов из торговли, под предлогом усиления промышленного строительства, что означало бы власть частного капитала в обращении и его непосредственную смычку с крестьянством, политика непомерного *обложения крестьянства*, что привело бы к подрыву источников сырья для социалистической промышленности и к разрушению союза между рабочим классом и крестьянством и т. д.

5. Расширенный пленум отмечает кричащий оппортунистический уклон группы Шляпникова—Медведева (составной части оппозиционного блока), которая договорилась до реабилитации социал-демократических вождей, до ликвидаторства по отношению к Коммунистическому Интернационалу и Профинтерну, до ликвидаторства по отношению к социалистическому строительству Союза Советских Социалистических Республик.

Заявление тт. Шляпникова и Медведева, в котором они отказались от наиболее откровенно-оппортунистических частей своей платформы, лишний раз подчеркивает, что политика ВКП(б) в ее борьбе против правого уклона была совершенно правильна и что очагом правой опасности внутри ВКП(б) является оппозиционный блок и его союзники.

6. Расширенный пленум констатирует таким образом, что оппозиция в ВКП(б) по существу дела представляет правую опасность внутри партии. Ведя с нарушением элементарнейших партийных норм борьбу против партии, отказываясь — и в теории, и на практике — от учения Ленина об организационном вопросе, стремясь после полного своего поражения внутри ВКП(б) и даже после своей капитуляции (см. заявление от 16 октября) перенести борьбу в другие коммунистические партии, создавая платформу для всех оппозиционных элементов в Коммунистическом Интернационале и даже вне его, оппозиция оказывает тем самым услугу противникам коммунизма.

7. Ввиду вышесказанного, расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала вменяет в обязанность всем секциям Коммунистического Интернационала вести решительную борьбу как против всяких попыток оппозиции в ВКП(б) и ее сторонников в других коммунистических партиях нарушить идейное и организационное единство рядов Коммунистического Интернационала, так и против тех чрезвычайно вредных последствий и влияния, которое может иметь используемая нашими противниками пропаганда оппозиции на работу наших партий по завоеванию широких масс международного пролетариата на сторону революции и социализма. Эта борьба против оппозиции в особенности необходима в настоящее время, когда империалистские государства пытаются окружить Союз Советских Социалистических Республик, когда социалдемократия поддерживает эти тенденции под прикрытием пацифистских фраз и когда ренегаты коммунизма (Корш, Шварц и др.) открыто проповедуют вред защиты Союза Советских Социалистических Республик против империалистских государств.

Расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала вменяет также всем секциям и в первую голову самой ВКП(б) в обязанность охранять всеми мерами единство ленинской партии, руководительницы первого в мире пролетарского государства.

8. Расширенный пленум утверждает резолюцию XV конференции ВКП(б) об оппозиционном блоке, осуждающую платформу и работу оппозиционного блока, как выражение социалдемократического уклона и как угрозу единству ВКП(б), и постановляет приложить резолюцию XV конференции ВКП(б) к настоящему постановлению, как решение VII расширенного пленума Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала.

Коммунистический Интернационал в документах,
стр. 680—682.

И. Сталин. ТРОЦКИСТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ. Изречена на заседании объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 23 октября 1927 г.

II. О «платформе» оппозиции

Следующий вопрос. Почему мы не напечатали известную «платформу» оппозиции? Зиновьев и Троцкий объясняют это тем, что ЦК и партия «боятся» правды. Верно ли это? Конечно, неверно. Более того, глупо говорить о том, что партия или ЦК боятся правды. У нас имеются стенограммы пленумов ЦК и ЦКК. Эти стенограммы печатаются в нескольких тысячах экземпляров и раздаются членам партии. Там имеются речи оппозиционеров, так же как и речи представителей партийной линии. Они читаются десятками и сотнями тысяч членов партии. (*Голоса: «Правильно».*) Если бы мы боялись правды, мы бы не распространяли этих документов. Эти документы тем, собственно, и хороши, что они дают партийцам возможность сравнивать позицию ЦК со взглядами оппозиции и выносить свои решения. Где же тут боязнь правды? В октябре 1926 года лидеры оппозиции хорохорились, утверждая так же, как и теперь они утверждают, что ЦК боится правды, прячет их платформу, скрывает ее от партии и т. д. Именно поэтому сунулись они тогда в ячейки по Москве (вспомните «Авиоприбор») (так в книге-Ю.З.), по Ленинграду (вспомните Путилов) и т. д. И что же? Оказалось, что рабочие-коммунары наклали нашим оппозиционерам, да наклали им так основательно, что лидеры оппозиции вынуждены были сбегать с поля борьбы. Почему же они тогда не решились пойти дальше по всем ячейкам и проверить, кто из нас боится правды — оппозиционеры или ЦК? Да потому, что они струхнули, испугавшись действительной (а не вымышленной) правды. А теперь? Разве теперь у нас, говоря по совести,

нет дискуссии в ячейках? Укажите хоть одну ячейку, где имеется хоть один оппозиционер, где проходило хотя бы одно заседание ячейки за последние 3—4 месяца без выступлений со стороны оппозиции, без дискуссии. Разве это не факт, что последние 3—4 месяца оппозиция везде, где только она может, выступает на ячейках со своими контр-резолуциями. (*Голоса: «Совершенно правильно»*) Почему же Троцкий и Зиновьев не попробуют притти на ячейки и высказать свои взгляды? Характерный факт. В августе этого года, после пленума ЦК и ЦКК, Троцкий и Зиновьев прислали заявление, что они хотели бы выступить на Московском активе, если нет возражений со стороны ЦК. ЦК на это ответил (и ответ этот был разослан местным организациям), что ЦК не имеет возражений против выступления Троцкого и Зиновьева, с тем, однако, чтобы они, как члены ЦК, защищали решения ЦК. И что же? Они отказались от выступления. (*Общий смех.*) Да, товарищи, кто-то из нас действительно боится правды, но не ЦК и, тем более, на партия, а лидеры нашей оппозиции.

Почему же, в таком случае, не напечатали «платформу» оппозиции? Потому, прежде всего, что ЦК не хотел и не имел права легализовать фракцию Троцкого, легализовать вообще фракционные группировки. Ленин говорит в резолюции X съезда «Об единстве», что наличие «платформы» есть один из основных признаков фракционности. Несмотря на это, оппозиция составила «платформу» и потребовала ее напечатания, нарушив тем самым решение X съезда. Что было бы, если бы мы напечатали «платформу» оппозиции? Это означало бы, что мы согласны участвовать в работе оппозиции по нарушению решения X съезда. Могли ли пойти на это ЦК и ЦКК? Ясно, что ни один уважающий себя ЦК не мог пойти на этот фракционный шаг. (*Голоса: «Правильно!»*)

Далее. В той же резолюции X съезда «Об единстве», писанной рукой Ленина, говорится, что «съезд предписывает немедленно *распустить* все без изъятия образовавшиеся на той или иной платформе группы», что «неисполнение этого постановления съезда должно вести за собой безусловное и немедленное исключение из партии». Директива ясная и определенная. А что было бы, если бы ЦК и ЦКК напечатали «платформу» оппозиции? Можно ли было это назвать распусшением всех без изъятия образовавшихся на той или иной «платформе» групп? Ясно, что нет. Наоборот, это означало бы, что ЦК и ЦКК сами берутся не распускать, а помогать организации групп и фракций на основе «платформы» оппозиции. Могли ли пойти на этот раскольнический шаг ЦК и ЦКК? Ясно, что не могли.

Наконец, «платформа» оппозиции содержит такие клеветы на партию, которые, если бы они были опубликованы, нанесли бы и партии и нашему государству непоправимый вред. В самом деле, в «платформе» оппозиции говорится, что наша партия готова, будто бы, уничтожить монополию внешней торговли и платить по всем долгам, стало быть, и по военным долгам. Всякому известно, что это есть гнусная клевета на нашу партию, на наш рабочий класс, на наше государство. Допустим, что мы напечатали бы «платформу» с подобной клеветой на партию и на государство. Что вышло бы из

этого? Из этого получилось бы лишь то, что международная буржуазия стала бы еще больше нажимать на нас, требуя таких уступок, на которые мы никак не можем пойти (например, уничтожение монополии внешней торговли, платежи по военным долгам и т. д.), и угрожая нам войной. Если такие члены ЦК, как Троцкий и Зиновьев, делают ложный донос на нашу партию империалистам всех стран, уверяя их, что мы готовы идти на максимальные уступки вплоть до отмены монополии внешней торговли, то это может означать лишь одно: нажимайте дальше, господа буржуа, на партию большевиков, угрожайте им войной, они, большевики, готовы на все и всякие уступки, если вы будете нажимать. *Ложный донос* Зиновьева и Троцкого на нашу партию господам империалистам для усугубления наших трудностей по внешней политике, — вот к чему сводится «платформа» оппозиции. Кому это во вред? Ясно, что это во вред пролетариату СССР, компартии СССР, всему нашему государству. Кому это на пользу? Это на пользу империалистам всех стран. Теперь я вас спрашиваю — могли ли мы пойти на напечатание такой гнусности в нашей печати? Ясно, что не могли.

Вот какие соображения заставили нас отказаться от напечатания «платформы» оппозиции.

III. Ленин о дискуссии и оппозиции вообще

Следующий вопрос. Тов. Зиновьев разорвался здесь, пытаясь доказать, что Ленин стоял будто бы всегда и во всякое время за дискуссию, при этом он сослался на факт дискуссии по платформам перед X съездом и на самом съезде. Но он «забыл» упомянуть о том, что Ленин считал дискуссию перед X съездом ошибкой. Он «забыл» сказать, что в резолюции X съезда «Об единстве партии», написанной рукой Ленина и представляющей *директиву* для развития нашей партии, предписывается не дискуссия по «платформам», а распускание всех и всяких групп, образовавшихся на той или иной «платформе». Он «забыл», что Ленин высказывался на X съезде за «недопущение» впредь в партии какой бы то ни было оппозиции. Он «забыл» сказать, что Ленин считал совершенно недопустимым превращение нашей партии в «дискуссионный клуб».

Вот, например, как расценивал Ленин дискуссию перед X съездом:

«Мне сегодня пришлось уже об этом говорить и, разумеется, я мог только осторожно сказать, что едва ли многие из вас не оценят эту дискуссию, как непомерную роскошь. От себя же лично я не мог не добавить, что, на мой взгляд, эта роскошь была действительно совершенно непозволительной, и что, допустив такую дискуссию, мы, несомненно, сделали ошибку» (см. протоколы X съезда, стр. 16).

А вот что говорил Ленин на X съезде о всякой возможной оппозиции после X съезда:

«Сплочение партии, недопущение оппозиции в партии, — политический вывод из современного момента...» «Не надо теперь оппозиции, товарищи! Я думаю, что партийному съезду придется этот вывод сделать, придется сделать тот

вывод, что для оппозиции теперь конец, крышка, теперь довольно нам оппозиции!» (см. там же, стр. 61 и 63).

Вот как смотрел Ленин на вопрос о дискуссии и об оппозиции вообще.

IV. Оппозиция и «третья сила»

Следующий вопрос. Для чего понадобилось сообщение тов. Менжинского о белогвардейцах, с которыми связана часть «работников» нелегальной антипартийной типографии троцкистов?

Во-первых, для того, чтобы рассеять ту ложь и клевету, которые распространяет оппозиция в своих антипартийных листах по этому вопросу. Оппозиция уверяет всех и всякого, что дело о белогвардейцах, связанных так или иначе с союзниками оппозиции, вроде Щербакова, Тверского и других,— есть выдумка, вымысел, пущенный в ход для опорочивания оппозиции. Сообщение тов. Менжинского с показаниями арестованных не оставляет никакого сомнения в том, что одна часть «работников» нелегальной антипартийной типографии троцкистов связана, безусловно связана, с контрреволюционными элементами из белогвардейцев. Пусть оппозиция попробует опровергнуть эти факты и документы.

Во-вторых, для того, чтобы разоблачить ту ложь, которую распространяет теперь масловский орган в Берлине («Фане дес Коммунизмус», т.-е. «Знамя Коммунизма»). Мы только что получили последний номер этого грязного листка ренегата Маслова, занятого тем, чтобы клеветать на СССР и выдавать государственные тайны СССР буржуазии. В этом органе печати опубликованы, конечно, в перевранном виде, показания арестованных белогвардейцев и их союзников из нелегальной антипартийной типографии во всеобщее сведение. (*Голоса*: «Здорово!») Откуда мог получить Маслов эти сведения? Сведения эти являются секретными, так как не все еще разысканы и арестованы из того кружка белогвардейцев, который замешан в деле организации заговора по типу заговора Пилсудского. С этими показаниями познакомились в ЦКК Троцкий, Зиновьев, Смилга и другие оппозиционеры. Им было воспрещено, пока что, снять копию с этих показаний. Но они, видимо, все-таки сняли копию и постарались переслать Маслову. Но что значит передать эти сведения Маслову для публикации? Это значит дать предостережение тем белогвардейцам, которые еще не разысканы и не арестованы, дать предостережение о том, что большевики намерены их арестовать. Хорошо ли это, допустимо ли это для коммунистов? Ясно, что недопустимо. Статья в органе Маслова имеет пикантный заголовок: «Сталин раскалывает ВКП. Белогвардейский заговор. Письмо из СССР». (*Голоса*: «Мерзавцы!») Могли ли мы после всего этого, после того, как Маслов при помощи Троцкого и Зиновьева напечатал ко всеобщему сведению перевранные показания арестованных,— могли ли мы после всего этого не отчитаться перед пленумом ЦК и ЦКК, противопоставив сплетням действительные факты и действительные показания?

Вот почему ЦК и ЦКК сочли нужным предложить тов. Менжинскому сделать сообщение о фактах.

Что вытекает из этих показаний, из сообщения тов. Менжинского? Обвиняли ли мы когда-либо или обвиняем ли мы теперь оппозицию в устройстве военного заговора? Конечно, нет. Обвиняли ли мы когда-либо или обвиняем ли мы теперь оппозицию в участии в этом заговоре? Конечно, нет. (*Муралов*: «На прошлом пленуме обвиняли».) Неверно, тов. Муралов, у нас имеются два извещения ЦК и ЦКК о нелегальной антипартийной типографии и о беспартийных интеллигентах, связанных с этой типографией. Вы не найдете в этих документах ни одной фразы, ни одного слова, говорящих о том, что мы обвиняем оппозицию в причастности к военному заговору. ЦК и ЦКК утверждают в этих документах лишь то, что оппозиция, организовав нелегальную типографию, связалась с буржуазными интеллигентами, а часть этих интеллигентов, в свою очередь, оказалась в связях с белогвардейцами, замышляющими о военном заговоре. (*Муралов*: «А в стенограмме записано?» *Голос с места*: «В какой стенограмме?») Я бы просил тов. Муралова указать соответствующее место в документах, изданных Политбюро ЦК и Президиумом ЦКК в связи с этим вопросом. Тов. Муралов не укажет, ибо таких мест не существует в природе. В чем же мы обвиняли, в таком случае, и продолжаем обвинять оппозицию? В том, во-первых, что оппозиция, ведя раскольническую политику, организовала антипартийную нелегальную типографию. В том, во-вторых, что для организации этой типографии оппозиция вошла в блок с буржуазными интеллигентами, часть которых оказалась в прямой связи с контр-революционными заговорщиками. В том, в-третьих, что, привлекая к себе буржуазных интеллигентов и конспирируя с ними против партии, оппозиция оказалась, помимо своей воли, помимо своего желания, в окружении так называемой третьей силы. У оппозиции оказалось гораздо больше доверия к этим буржуазным интеллигентам, чем к своей собственной партии. Иначе они бы не требовали освобождения «всех арестованных» в связи с нелегальной типографией, вплоть до Щербакова, Тверского, Большакова и др., оказавшихся в связях с контрреволюционными элементами. Оппозиция хотела иметь антипартийную нелегальную типографию; она обратилась для этого к помощи буржуазных интеллигентов; а часть из этих последних оказалась в связях с прямыми контр-революционерами, — вот какая цепочка получилась, товарищи. Оппозицию облепили, помимо ее воли, помимо ее желания, антисоветские элементы, старающиеся использовать в своих целях раскольническую работу оппозиции.

Таким образом, оправдалось предсказание Ленина, данное еще на X съезде нашей партии (см. резолюцию X съезда «Об единстве партии»), где он говорил, что к борьбе в нашей партии обязательно примазаться третья сила, т.-е. буржуазия, для того, чтобы использовать работу оппозиции в своих классовых целях.

Говорят, что контр-революционные элементы проникают иногда и в советские органы, например, на фронтах, вне всякой связи с оппозицией. Это верно. Но тогда советские органы арестовывают их и расстреливают. А как поступила оппозиция? Она потребовала *освобождения* арестованных при

нелегальной типографии буржуазных интеллигентов, связанных с контр-революционными элементами. Вот в чем беда, товарищи. Вот к какому результату приводит раскольническая работа оппозиции. Вместо того, чтобы подумать обо всех этих опасностях, вместо того, чтобы подумать о той яме, в которую тащат себя наши оппозиционеры,— вместо этого они изощряются в клевете на партию и всеми силами стараются дезорганизовать, расколоть нашу партию.

Говорят о бывшем врангелевском офицере, обслуживающем ОГПУ в деле раскрытия контр-революционных организаций. Оппозиция скачет и играет, подымая шум по поводу того, что бывший врангелевский офицер, к которому обратились союзники оппозиции, все эти Щербаковы и Тверские, оказался агентом ОГПУ. Но что же тут плохого, если этот самый бывший врангелевский офицер помогает Советской власти раскрывать контр-революционные заговоры? Кто может отрицать за Советской властью право привлечения на свою сторону бывших офицеров для того, чтобы использовать их в деле раскрытия контр-революционных организаций? Щербаков и Тверской обратились к этому бывшему врангелевскому офицеру не как к агенту ОГПУ, а как к бывшему врангелевскому офицеру для того, чтобы использовать его *против* партии и *против* Советской власти. Вот в чем дело и вот в чем беда нашей оппозиции. И когда ОГПУ, идя по этим следам, наткнулось совершенно неожиданно для себя на нелегальную антипартийную типографию троцкистов, то оказалось, что господа Щербаковы, Тверские и Большаковы, налаживая блок с оппозицией, уже имеют блок с контр-революционерами, с бывшими колчаковскими офицерами, вроде Кострова и Новикова, о чем докладывал сегодня тов. Менжинский. Вот в чем дело, товарищи, и вот в чем беда нашей оппозиции.

Раскольническая работа оппозиции ведет к смычке с буржуазными интеллигентами, а смычка с буржуазными интеллигентами облегчает обволакивание оппозиции всякого рода контр-революционными элементами,— такова горькая истина.

V. Как «готовится» к съезду оппозиция

Следующий вопрос. О подготовке съезда. Тт. Зиновьев и Троцкий разорялись здесь, утверждая, что мы готовим съезд путем репрессий. Странно, что они ничего, кроме репрессий, не видят. А решение пленума ЦК и ЦКК о дискуссии, более чем за месяц до съезда,— что же это, по-вашему, подготовка съезда или нет? А непрерывная дискуссия в ячейках и прочих организациях партии, продолжающаяся вот уже три-четыре месяца? А обсуждение стенограмм и решений пленума за последние полгода, особенно за последние три-четыре месяца по всем вопросам внутренней и внешней политики? Как же назвать все это иначе, как не подъемом активности партийных масс, вовлечением их в обсуждение важнейших вопросов нашей политики, подготовкой партийных масс к съезду? Кто же тут

виноват, если парторганизации не поддерживают при этом оппозицию? Очевидно, виновата в этом оппозиция, линия которой является линией полного банкротства, политика которой является политикой блока со всеми антипартийными элементами вплоть до ренегатов Маслова и Суварина против партии и Коминтерна. Тт. Зиновьев и Троцкий, очевидно, думают, что съезд надо готовить путем организации нелегальных антипартийных типографий, путем организации нелегальных антипартийных собраний, путем ложных доносов на нашу партию империалистам всех стран, путем дезорганизации и раскола нашей партии. Согласитесь, что это довольно странное понимание подготовки партийного съезда. И когда партия принимает решительные меры, вплоть до исключения, против дезорганизаторов и раскольников, оппозиция кричит о репрессиях. Да, партия применяет и будет применять репрессии против дезорганизаторов и раскольников, ибо нельзя раскалывать партию ни при каких условиях, ни перед съездом, ни во время съезда. Ибо партия совершила бы самоубийство, если бы она позволила зарвавшимся раскольникам, союзникам разных там Щербаковых, разрушать партию из-за того, что у нас остается до съезда всего один месяц. Тов. Ленин не так смотрел на дело. Вы знаете, что в 1922 году Ленин предлагал исключить из ЦК тов. Шляпникова не за организацию антипартийной типографии и не за союз с буржуазными интеллигентами, а за одно лишь то, что тов. Шляпников осмелился выступить в партийной ячейке с критикой решений ВСНХ. Сравните теперь это поведение Ленина с тем, что делает теперь партия в отношении оппозиции — и вы поймете, до чего распустили мы дезорганизаторов и раскольников. Вы не можете не знать, что в 1917 году, перед Октябрьским восстанием, Ленин несколько раз предлагал исключить из партии Каменева и Зиновьева за одно лишь то, что они критиковали неопубликованное решение партии в полусоциалистической, в полубуржуазной газете — в «Новой Жизни». А сколько секретных решений ЦК и ЦКК публикует теперь наша оппозиция на страницах масловской газеты в Берлине, которая есть буржуазная, антисоветская, контрреволюционная газета! А мы все это терпим, терпим без конца, давая тем самым возможность раскольникам из оппозиции разрушать нашу партию. Вот до какого позора довела вас оппозиция! Но терпеть этого без конца мы не можем, товарищи. *(Голоса: «Правильно!» Аплодисменты.)*

Говорят об арестах исключенных из партии дезорганизаторов, ведущих антисоветскую работу. Да, мы их арестовываем и будем арестовывать, если они не перестанут подкапываться под партию и Советскую власть. *(Голоса: «Правильно! правильно!»)* Говорят, что история нашей партии не знает таких примеров. Это неправда. А группа Мясникова? А группа «Рабочей Правды»? Кому неизвестно, что члены этих групп арестовывались при прямой поддержке со стороны тт. Зиновьева, Троцкого и Каменева? Почему можно было арестовывать исключенных из партии дезорганизаторов года три-четыре тому назад, а теперь нельзя этого делать, когда некоторые бывшие члены троцкистской оппозиции доходят до прямой смычки с контр-революционерами? Вы слышали сообщение тов. Менжинско-

го. В этом сообщении говорится, что некий Степанов (военный), член партии, сторонник оппозиции, находится в прямых связях с контр-революционерами, с Новиковым, Костровым и другими, чего не отрицает и сам Степанов в своих показаниях. Что прикажете делать с этим типом, являющимся до сих пор оппозиционером? Целовать его или арестовать? Что же тут удивительного, если ОГПУ арестовывает таких типов? (*Голоса с мест*: «Правильно, совершенно правильно!» *Аплодисменты.*)

Ленин говорил, что можно довести дело до полного разрушения партии, ежели делать потачку дезорганизаторам и раскольникам. Это совершенно правильно. Именно поэтому, я думаю, пора отказаться нам от потачек лидерам оппозиции и пора сделать вывод об исключении тт. Троцкого и Зиновьева из ЦК нашей партии. (*Голоса*: «Правильно!») Это есть тот элементарный вывод и та элементарная минимальная мера, которая должна быть предпринята для того, чтобы уберечь партию от раскольнической работы дезорганизаторов. На прошлом пленуме ЦК и ЦКК в августе этого года меня ругали некоторые члены пленума за мягкость в отношении Троцкого и Зиновьева, за то, что я отговаривал пленум от немедленного исключения Троцкого и Зиновьева из ЦК. (*Голоса с мест*: «Правильно, и теперь ругаем».) Возможно, что я тогда передобрал и допустил ошибку, предлагая более умеренную линию в отношении Троцкого и Зиновьева. (*Голоса*: «Правильно!» *Тов. Петровский*: «Правильно, всегда будем ругать за гнилую «веревочку»!) Но теперь, товарищи, после всего того, что мы пережили за эти три месяца, после того, как оппозиция нарушила ею же данное обещание о ликвидации своей фракции в специальном «заявлении» от 8 августа, обманув еще раз партию,— после всего этого для мягкости не остается уже никакого места. Теперь надо стоять нам в первых рядах тех товарищей, которые требуют исключения тт. Троцкого и Зиновьева из ЦК. (*Бурные аплодисменты. Голоса*: «Правильно! правильно!» *Голос с места*: «Троцкого надо исключить из партии».) Это пусть решает съезд, товарищи. Исключая из ЦК Троцкого и Зиновьева, мы должны представить на усмотрение XV съезда все те материалы о раскольнической работе оппозиции, которые у нас накопились и на основании которых съезд будет иметь возможность принять соответствующее решение.

VI. От ленинизма к троцкизму

Следующий вопрос. Тов. Зиновьев затронул в своей речи интересный вопрос об «ошибках» партийной линии за последние два года и о «правильности» линии оппозиции. Я хотел бы ответить на это в двух словах выяснением вопроса о *банкротстве* линии оппозиции и о *правильности* политики нашей партии за последние два года. Но я слишком злоупотребляю вашим вниманием, товарищи. (*Голоса*: «Просим, просим продолжать!» *Председатель*: «Возражений нет?» *Голоса*: «Просим, просим!»)

В чем состоит основной грех оппозиции, определивший банкротство оппозиционной политики? Основной грех оппозиции состоит в том, что она пыга-

лась, пытается и будет еще пытаться подкрасить и заменить ленинизм троцкизмом. Было время, когда Каменев и Зиновьев защищали ленинизм от покушений Троцкого. Тогда и Троцкий не был так смел. Это была одна установка. Но потом Зиновьев и Каменев, испугавшись новых трудностей, перекинулись на сторону Троцкого, создали вместе с Троцким нечто вроде ухудшенного «Августовского блока» и попали, таким образом, в плен к троцкизму. И здесь оправдалось предсказание Ленина о том, что октябрьская ошибка Зиновьева и Каменева не является «случайностью». От борьбы за ленинизм Зиновьев и Каменев перешли на линию борьбы за троцкизм. Это уже совершенно другая установка. Этим, собственно, и объясняется, что Троцкий стал теперь смелее. В чем состоит основная задача нынешнего объединенного блока, возглавляемого тов. Троцким? В том, чтобы поменьку да полегоньку перевести партию с ленинских рельс на рельсы троцкизма. Вот в чем основной грех оппозиции. Ну, а партия хочет остаться ленинской партией. Естественно, что партия повернула спиной к оппозиции, подымая все выше и выше знамя ленинизма. Вот почему вчерашние лидеры партии стали теперь отщепенцами.

Оппозиция думает «объяснить» свое поражение личным моментом, грубостью Сталина, неуступчивостью Бухарина и Рыкова и т. д. Слишком дешевое объяснение! Это знахарство, а не объяснение. Троцкий ведет борьбу с ленинизмом с 1904 г. За период с 1904 года до Февральской революции 1917 года тов. Троцкий вертелся все время вокруг да около меньшевиков, ведя отчаянную борьбу против партии Ленина. За этот период тов. Троцкий потерпел целый ряд поражений от партии Ленина. Почему? Может быть, виновата тут грубость Сталина? Но Сталин не был еще тогда секретарем ЦК, он обретался тогда вдали от заграницы, ведя борьбу в подпольи, а борьба между Троцким и Лениным разыгрывалась за границей, — при чем же тут грубость Сталина? За период от Октябрьской революции до 1922 года тов. Троцкий, находясь уже в партии большевиков, успел произвести две «грандиозные» вылазки против Ленина и его партии: в 1918 году — по вопросу о Брестском мире и в 1921 году — по вопросу о профсоюзах. Обе эти вылазки кончились поражением тов. Троцкого. Почему? Может быть, тут виновата грубость Сталина? Но Сталин не был еще тогда секретарем ЦК, на секретарских постах стояли тогда всем известные троцкисты, — при чем же тут грубость Сталина? В дальнейшем партия имела целый ряд новых вылазок со стороны Троцкого (1923 г., 1924 г., 1926 г., 1927 г.), при чем каждая вылазка оканчивалась новым поражением тов. Троцкого.

Не ясно ли из всего этого, что борьба тов. Троцкого против ленинской партии имеет далеко идущие, глубокие исторические корни? Не ясно ли из этого, что нынешняя борьба партии против троцкизма есть продолжение той борьбы, которую вела партия во главе с Лениным с 1904 года?

Не ясно ли из всего этого, что попытки троцкистов подменить ленинизм троцкизмом являются основной причиной провала и банкротства всей линии оппозиции?

Наша партия родилась и выросла в буре революционных битв. Она не

есть такая партия, которая выросла в период мирного развития. Именно поэтому она полна революционных традиций и свободна от фетишистского отношения к своим лидерам. Плеханов был одно время самым популярным человеком в партии. Более того, он был основателем партии, при чем с его популярностью не может идти ни в какое сравнение популярность Троцкого или Зиновьева. И все-таки, несмотря на это, партия отвернулась от Плеханова, как только Плеханов стал отходить от марксизма к оппортунизму. Что же тут удивительного, если такие, не столь «великие» люди, как Троцкий и Зиновьев, оказались в хвосте у партии после того, как они стали отходить от ленинизма?

Но самым ярким показателем оппортунистического перерождения оппозиции, самым ярким признаком банкротства и падения оппозиции является ее голосование против «Манифеста» ЦИК'а Союза ССР. Оппозиция против перехода на семичасовой рабочий день! Оппозиция против «Манифеста» ЦИК'а Союза ССР! Весь рабочий класс СССР, вся передовая часть пролетариев всех стран с восторгом встречают «Манифест», дружно аплодируют идее перехода на семичасовой рабочий день, — а оппозиция голосует против «Манифеста», присоединяя свой голос к общему хору буржуазных и меньшевистских «критиков», присоединяя свой голос к клеветникам из «Форвертса». Я не думал, что оппозиция может дойти до такого позора.

VII. О некоторых важнейших итогах партийной политики за последние годы

Перейдем теперь к вопросу о линии нашей партии за последние два года, к проверке этой линии, к оценке этой линии. Тт. Зиновьев и Троцкий говорили, что линия нашей партии оказалась несостоятельной. Обратимся к фактам. Возьмем четыре основных вопроса нашей политики и проверим линию нашей партии за последние два года с точки зрения этих вопросов. Я имею в виду такие решающие вопросы, как вопрос о крестьянстве, вопрос о промышленности и ее переоборудовании, вопрос о мире и, наконец, вопрос о роле коммунистических элементов во всем мире.

Вопрос о крестьянстве. Каково было положение у нас два-три года тому назад? Вы знаете, что положение в деревне было у нас тогда тяжелое. наших предвиков и вообще сельских работников жгли и убивали. Сельское хозяйство утощали обрезками. Кое-где, особенно на окраинах, мы имели бандитские выступления. А в такой стране, как Грузия, мы имели даже восстания. Естественно, что в такой обстановке кулак забирал силу, середняк сплавивался вокруг кулака, а беднота распылялась. Особенно тяжело отзывался на положении страны тот факт, что производительные силы деревни росли чрезвычайно медленным темпом, часть пахотных земель совершенно не обрабатывалась, посевная площадь представляла каких-нибудь 70—75% довоенной площади. Это было в период до XIV конференции нашей партии. На XIV конференции партия предприняла маневр в виде некоторых уступок в пользу середняка, рассчитанный на то, чтобы двинуть вперед крестьян-

ское хозяйство более быстрым темпом, увеличить производство продовольственных и сырьевых продуктов сельского хозяйства, установить прочный союз с середняком и двинуть вперед дело изоляции кулачества. На XIV съезде нашей партии оппозиция, во главе с Зиновьевым и Каменевым, попыталась подорвать этот маневр партии, предлагая заменить его, по сути дела, политикой раскулачивания, политикой восстановления комбедов. Это была, по сути дела, политика восстановления гражданской войны в деревне. Партия отбила эту атаку оппозиции, утвердив решения XIV конференции, одоблив политику оживления советов в деревне и выдвинув лозунг индустриализации, как основной лозунг социалистического строительства. Партия стала твердо на линии прочного союза с середняком и изоляции кулачества. Чего добились этим партией? Она добились умиротворения деревни, улучшения отношений с основными массами крестьянства, создания условий для организации бедноты в самостоятельную политическую силу, дальнейшей изоляции кулачества и постепенного охвата со стороны государственных и кооперативных органов индивидуальных хозяйств миллионов крестьянства. А что такое умиротворение деревни? Это есть одно из основных условий для строительства социализма. Нельзя строить социализм, имея бандитские выступления и восстания среди крестьян. В настоящее время мы имеем расширение посевной площади до размеров довоенного уровня (95%), умиротворенную деревню, союз с середняком, более или менее организованную бедноту, окрепшие советы в деревне, возросший авторитет пролетариата и его партии в деревне. Мы создали, таким образом, условия, дающие возможность двинуть дальше наступление на капиталистические элементы в деревне и обеспечить дальнейшее успешное строительство социализма в нашей стране.

Вот вам результаты нашей партийной политики в деревне за два года.

Выходит, таким образом, что политика нашей партии в основном вопросе о взаимоотношениях между пролетариатом и крестьянством оказалась правильной.

Вопрос о промышленности. История говорит, что ни одно молодое государство в мире не подымало еще своей промышленности, особенно тяжелой промышленности, без помощи извне, без займов извне или без ограбления чужих стран, колоний и т. д. Это — обычный путь капиталистической индустриализации. Англия подняла в прошлом свою индустрию тем, что она сотни лет собирала соки со всех стран, со всех колоний, вкладывая награбленное в свою промышленность. Германия стала подыматься за последнее время оттого, что она имеет займы из Америки в несколько миллиардов рублей. Но мы не можем идти ни по одному из этих путей. Колониальные грабежи исключаются всей нашей политикой. А займов нам не дают. Оставался в нашем распоряжении один единственный путь, указанный Лениным, а именно: поднятие своей промышленности, переоборудование своей промышленности на основе внутренних накоплений. Оппозиция все время каркала, что внутренних накоплений нехватит на переоборудование нашей промышленности. Еще в апреле 1926 года на пленуме ЦК оппозиция утверждала, полемизируя с тов. Рыковым, что своих внутренних накоплений нехватит у нас для того, что-

бы подвинуть вперед переоборудование промышленности. Оппозиция пророчила тогда провал за провалом. А между тем на проверку оказалось, что нам удалось за эти два года двинуть вперед дело переоборудования нашей промышленности. Это факт, что за два года мы сумели вложить в нашу промышленность более двух миллиардов рублей. Это факт, что этих вложений оказалось достаточно для того, чтобы двинуть дальше переоборудование нашей промышленности и индустриализацию страны. Мы добились того, чего не добивалось еще ни одно государство в мире: мы подняли нашу промышленность, мы начали ее переоборудовать, мы двинули вперед это дело за счет своих собственных накоплений.

Вот вам результаты нашей политики в вопросе о переоборудовании нашей промышленности.

Только слепые могут отрицать тот факт, что политика нашей партии оказалась здесь в основном правильной.

Вопрос о внешней политике. Целью нашей внешней политики, если иметь в виду дипломатические отношения с буржуазными государствами, является сохранение мира. Чего добились мы в этой области? Мы добились того, что отстояли, — плохо ли, хорошо ли, — но все же отстояли *мир*. Мы добились того, что, несмотря на капиталистическое окружение, несмотря на враждебную работу со стороны капиталистических правительств, несмотря на провокационные выходки в Пекине, Лондоне, Париже, — несмотря на все это мы не поддались на провокацию и сумели отстоять дело мира. *У нас нет войны*, несмотря на неоднократные пророчества Зиновьева и других, — вот основной факт, против которого бессильны кликушества нашей оппозиции. А это важно для нас, ибо только в условиях мира можно двигать дальше, с желательной для нас быстротой, строительство социализма в нашей стране. А ведь сколько у нас было пророчеств насчет войны! Тов. Зиновьев пророчил, что война будет у нас весной этого года. Потом он стал пророчить, что война начнется, по всей вероятности, осенью этого года. Между тем, мы уже перед зимой, а войны все нет.

Вот вам результаты нашей мирной политики.

Этих результатов не видят только слепые и глухие.

Наконец, четвертый вопрос, — вопрос о состоянии коммунистических сил во всем мире. Только слепые могут отрицать, что компартии растут во всем мире, от Китая до Америки, от Англии до Германии. Только слепые могут отрицать, что элементы кризиса капитализма нарастают, а не падают. Только слепые могут отрицать, что рост социалистического строительства в нашей стране, успехи нашей политики внутри страны являются одной из основных причин роста коммунистического движения во всем мире. Только слепые могут отрицать поступательный рост влияния и авторитета Коммунистического Интернационала во всех странах мира.

Таковы результаты линии нашей партии по четырем основным вопросам внутренней и внешней политики за два последние года.

А что означает правильность политики нашей партии? Она может означать, помимо всего прочего, лишь одно: полное банкротство политики нашей оппозиции.

VIII. Назад к Аксельроду

Все это хорошо,— могут нам сказать. Линия оппозиции неправильна и антипартийна. Ее поведение нельзя назвать иначе, как раскольниковством. Исключение тт. Зиновьева и Троцкого является, следовательно, естественным выходом из создавшегося положения. Все это так. Но ведь было время, когда мы все говорили, что лидеров оппозиции надо сохранить в ЦК, что их не нужно отсекают. Откуда теперь такая перемена? Чем объяснить этот поворот? Есть ли тут вообще поворот? Да, есть. Чем его объяснить? Объясняется это коренным изменением принципиальной линии и организационной «схемы» лидеров оппозиции. Изменились лидеры оппозиции и, прежде всего, тов. Троцкий, изменились к худшему. Естественно, что должна была измениться и политика партии в отношении этих товарищей.

Возьмем, например, такой важный *принципиальный* вопрос, как вопрос о перерождении нашей партии. Что такое перерождение нашей партии? Это есть отрицание наличия диктатуры пролетариата в СССР. Какой позиции держался в этой области тов. Троцкий, скажем, года три тому назад? Вы знаете, что либералы и меньшевики, сменовеховцы и всякие ренегаты твердили тогда о неизбежности перерождения нашей партии. Вы знаете, что они брали тогда примеры из области Французской революции, утверждая, что большевики должны потерпеть такое же крушение, какое потерпели в свое время якобинцы во Франции. Вы знаете, что исторические аналогии с Французской революцией (крушение якобинцев) являлись тогда и продолжают являться теперь основным аргументом всех и всяких меньшевиков и сменовеховцев против сохранения диктатуры и возможности строительства социализма в нашей стране. Как смотрел на это дело года три назад тов. Троцкий? Он относился тогда к таким аналогиям безусловно отрицательно. Вот что он писал тогда в своей брошюре «Новый курс» (1924 г.):

«Исторические аналогии с Великой Французской революцией (крушение якобинцев!), которыми питаются и утешаются либерализм и меньшевизм, *поверхностны и несостоятельны*» (Курсив мой. — *И. Ст.*).

Ясно и определенно! Кажется, трудно выразиться решительнее и определеннее. Правильно ли это утверждение тов. Троцкого насчет исторических аналогий с Французской революцией, усиленно выдвигаемых всякого рода сменовеховцами и меньшевиками? Безусловно, правильно.

А теперь? Продолжает ли тов. Троцкий держаться этой позиции? К сожалению, нет. Даже наоборот. За эти три года тов. Троцкий успел эволюционировать в сторону «меньшевизма» и «либерализма». Теперь он сам утверждает, что исторические аналогии с Французской революцией являются признаком не меньшевизма, а «настоящего», «подлинного» «ленинизма». Читали ли вы стенограмму заседания Президиума ЦКК в июле этого года? Если читали, то нетрудно понять, что тов. Троцкий опирается теперь в своей борьбе против партии на меньшевистские теории перерождения нашей партии по типу крушения якобинцев в период Французской револю-

ции. Теперь болтовня о «термидоре» является у Троцкого признаком хорошего тона.

От троцкизма к «меньшевизму» и «либерализму» в основном вопросе о перерождении,— таков путь троцкистов за последние три года.

Изменились троцкисты. Должна была измениться и политика партии в отношении троцкистов.

Возьмем теперь такой не менее важный вопрос, как вопрос *организационный*, вопрос о партийной дисциплине, о подчинении меньшинства большинству, о роли железной дисциплины в партии в деле укрепления диктатуры пролетариата. Всем известно, что железная дисциплина в нашей партии является одним из основных условий сохранения диктатуры пролетариата и успешного строительства социализма в нашей стране. Всем известно, что меньшевики всех стран стараются подкопаться, прежде всего под железную дисциплину нашей партии. Было время, когда тов. Троцкий понимал и ценил наличие железной дисциплины в нашей партии. Разногласия нашей партии с Троцким, собственно говоря, никогда не прекращались. Однако, тов. Троцкий и троцкисты умели подчиняться решениям нашей партии. Всем известны неоднократные заявления тов. Троцкого о том, что, какова бы ни была наша партия, он готов «держатъ руки по швам», если партия обяжет. И нужно сказать, что троцкистам нередко удавалось сохранить свою лояльность в отношении партии и ее руководящих органов.

А теперь? Можно ли сказать, что троцкисты, нынешняя оппозиция, готовы подчиняться решениям партии, держать руки по швам и т. д.? Нет, теперь уже этого не скажешь. После двукратного нарушения своего же собственного обещания о подчинении решениям партии, после двукратного обмана партии, после организации нелегальных типографий совместно с буржуазными интеллигентами, после неоднократного заявления Зиновьева и Троцкого с этой самой трибуны о том, что они рвут и будут и впредь рвать дисциплину нашей партии,— после всего этого едва ли найдется в нашей партии хоть один человек, который бы нашел в себе мужество поверить, что лидеры оппозиции готовы держать руки по швам перед партией. Теперь оппозиция перешла на новые рельсы, на рельсы раскола партии, на рельсы создания новой партии. Теперь наиболее популярной брошюрой среди оппозиционеров является не большевистская брошюра Ленина «Шаг вперед, два назад», а старая меньшевистская брошюра тов. Троцкого «Наши политические задачи» (изданная в 1904 г.), направленная против организационных принципов ленинизма, против брошюры Ленина «Шаг вперед, два назад». (*Голоса*: «Переиздать ее надо!») Вы знаете, что основная суть этой старой брошюры Троцкого состоит в отрицании ленинского понимания партии и партийной дисциплины. В этой брошюре Троцкий иначе не называет Ленина, как «Максимилиан Ленин», намекая на то, что Ленин является повторением Максимилиана Робеспьера с его стремлением к личной диктатуре. В этой своей брошюре тов. Троцкий прямо говорит, что партийной дисциплине нужно подчиняться лишь постольку, поскольку решения партии не противоречат желаниям и взглядам тех, кои призваны подчиняться партии. Это есть чисто меньшевистский организационный принцип. Брошюра эта

интересна, между прочим, тем, что ее посвящает тов. Троцкий меньшевику П. Аксельроду. Там так и сказано: «Дорогому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду». (*Смех. Голоса: «Явный меньшевик!»*)

От лояльности в отношении партии к политике раскола в партии, от брошюры Ленина «Шаг вперед, два назад» к брошюре Троцкого «Наши политические задачи», от Ленина к Аксельроду,— таков организационный путь нашей оппозиции.

Изменились троцкисты. Должна была измениться и организационная политика партии в отношении троцкистской оппозиции.

Ну, что же,— скатертью дорога к «дорогому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду»! Скатертью дорога! Только торопитесь, тов. Троцкий, так как «Павел Борисович», в виду его дряхлости, может в скором времени помереть, а вы можете не успеть к «учителю». (*Продолжительные аплодисменты.*)

Сб. «Об оппозиции», стр. 719—744.

И. Сталин. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА XV СЪЕЗДУ ВКП(б) 2—19 декабря 1927 г.

1. Нарастающий кризис мирового капитализма и внешнее положение СССР

Наша страна, товарищи, живет и развивается в обстановке капиталистического окружения. Ее внешнее положение зависит не только от ее внутренних сил, но и от состояния этого капиталистического окружения, от положения капиталистических стран, окружающих нашу страну, от их силы и слабости, от силы и слабости угнетенных классов во всем мире, от силы и слабости революционного движения этих классов. Я уже не говорю о том, что наша революция есть часть международного революционного движения угнетенных классов. Вот почему я полагаю, что отчет ЦК должен быть начат с обрисовки международного положения нашей страны, с обрисовки положения в капиталистических странах и состояния революционного движения во всех странах.

1. Экономика мирового капитализма и обострение борьбы за внешние рынки

а) Первый вопрос, это— состояние производства и торговли в крупнейших капиталистических странах.

Основной факт в этой области, товарищи, состоит в том, что *производство* капиталистических стран за эти два года, за отчетный период перевалило за довоенные нормы, пошло дальше довоенных норм. Вот некоторые данные

на этот счет. Индекс мировой продукции *чугуна*: в 1925 г.— 97,6 проц. от довоенного, в 1926 г.— уже 100,5 проц. от довоенного, за 1927 г. нет полных данных, есть данные за первое полугодие, которые говорят о дальнейшем росте производства чугуна. Индекс мировой продукции *стали*: в 1925 г.— 118,5 проц., в 1926 г.— 122,6 проц. от довоенного. Индекс мирового производства *угля*: в 1925 г.— 97,9 проц., в 1926 г.— некоторое падение — 96,8 процентов. Здесь сказалось, очевидно, влияние английской забастовки. Мировое потребление *хлопка*: в 1925/26 г.—108,3 проц. от довоенного, в 1926/27 г.— 112,5 проц. от довоенного. Мировой сбор пяти *хлебов*: в 1925 г.— 107,2 проц. от довоенного, в 1926 г.— 110,5 проц., в 1927 г.— 112,3 процента.

Так медленно, мелкими шажками, продвигается вперед общий индекс мирового производства, переваливая за довоенный уровень.

Но зато есть некоторые капиталистические страны, которые не идут, а скачут вперед, оставляя позади довоенный уровень, например, Северо-американские соединенные штаты и отчасти Япония. Данные о Северо-американских соединенных штатах: рост обрабатывающей промышленности в 1925 г.— 148 проц. от довоенного, в 1926 г.— 152 проц. от довоенного; рост добывающей промышленности в 1925 г.— 143 проц. от довоенного, в 1926 г.— 154 процента.

Рост мировой *торговли*. Мировая торговля идет не так быстро, как производство, обычно она отстает от производства, но она все-таки подошла к довоенной норме. Индекс внешнего товарооборота во всем мире и в важнейших странах в 1925 г.— 98,1 проц. от довоенного, в 1926 г.— 97,1 проц. По отдельным странам: Северо-американские соединенные штаты в 1925 г.— 134,3 проц. от довоенного, в 1926 г.— 143 проц.; Франция— 98,2 проц. и 99,2 проц.; Германия— 74,8 проц. и 73,6 проц.; Япония— 176,9 и 170,1 процента.

В общем и целом мировая торговля уже подошла к довоенной норме, а в некоторых странах, например, в Северной Америке и Японии, уже перевалила за довоенные нормы.

Наконец, третий ряд фактов, говорящих о техническом прогрессе, о рационализации капиталистической промышленности, о создании новых отраслей, об усилении трестирования, об усилении картелирования промышленности в международном масштабе. Факты эти известны, я думаю, всем. Поэтому я не буду распространяться об этом. Отмечу лишь, что капитал преуспел не только по линии роста продукции, так же как и по линии торговли, но и в области улучшения техники производства, в области технического прогресса, в области рационализации производства, причем все это повело к дальнейшему усилению крупнейших трестов и к организации новых мощных монополистических картелей.

Вот факты, товарищи, которые следует отметить и из которых надо исходить.

Означает ли все это, что тем самым стабилизация капитализма стала прочной, устойчивой? Конечно, нет! Еще на XIV съезде говорилось в докладе, что капитализм может дойти до довоенной нормы, может перевалить через эту довоенную норму, может рационализировать свое производство, но что это еще не значит,— далеко еще не значит,— что стабилизация

капитализма может от этого стать прочной, что капитализм может вернуть себе былую довоенную устойчивость. Наоборот, из самой стабилизации, из того, что производство растет, из того, что торговля растет, из того, что технический прогресс и производственные возможности возрастают, в то время как мировой рынок, пределы этого рынка и сферы влияния отдельных империалистических групп остаются более или менее стабильными, — именно из этого вырастает самый глубокий и самый острый кризис мирового капитализма, чреватый новыми войнами и угрожающий существованию какой бы то ни было стабилизации.

Из частичной стабилизации вырастает усиление кризиса капитализма, нарастающий кризис разваливает стабилизацию — такова диалектика развития капитализма в данный исторический момент.

б) Наиболее характерным в этом росте производства и торговли мирового капитализма является тот факт, что развитие идет *неравномерно*. Развитие совершается не так, чтобы капиталистические страны двигались вперед одна за другой, плавно и равномерно, не мешая друг другу и не опрокидывая друг друга, а наоборот, — путем вытеснения и упадка одних стран, путем выдвижения и подъема других, в порядке смертельной борьбы континентов и стран за первенство на рынке. Перемещается хозяйственный центр из Европы в Америку, из Атлантического океана в Великий океан. Тем самым повышается удельный вес Америки и Азии в мировом товарообороте за счет Европы. Некоторые цифры: если доля Европы в мировой внешней торговле составляла в 1913 г. 58,5 проц., доля Америки — 21,2 проц., а доля Азии — 12,3 проц., то в 1925 г. доля Европы упала до 50 проц., доля Америки возросла до 26,6 проц., а доля Азии возросла до 16 процентов. Наряду со странами рвущегося вперед капитализма (САСШ (Северо-американские соединенные штаты, ныне США-Ю.З.), и отчасти Японии) мы имеем страны хозяйственного упадка (Англия). Наряду с растущей капиталистической Германией и поднимающимися странами-выдвиженцами последних лет (Канада, Австралия, Аргентина, Китай, Индия), мы имеем страны стабилизирующегося капитализма (Франция, Италия). Растет количество претендентов на рынки сбыта, растут производственные возможности, растет предложение, а размеры рынков и границы сфер влияния остаются более или менее стабильными.

Такова основа растущих непримиримых противоречий современного капитализма.

в) Это противоречие между ростом производственных возможностей и относительной стабильностью рынков легло в основу того факта, что проблема рынков является теперь основной проблемой капитализма. Обострение проблемы рынков сбыта вообще, обострение проблемы внешних рынков в особенности, обострение проблемы рынков для вывоза капитала в частности, — таково нынешнее состояние капитализма. Этим, собственно, и объясняется, что недогрузка заводов и фабрик становится обычным явлением. Усиление таможенных преград лишь подливает масла в огонь. Капитализму становится тесно в рамках нынешних рынков и сфер влияния. Мирные попытки решения проблемы рынков не дали и не могли дать результатов. Известная декларация банкиров в 1926 г. насчет свободы торговли кончилась, как известно, крахом. Экономическая конференция Лиги наций в 1927 г.,

ставившая себе целью «объединение экономических интересов» капиталистических стран, кончилась также крахом. Мирный путь разрешения проблемы рынков остается для капитализма закрытым. Остается *единственный* для капитализма «выход»: *новый* передел колоний и сфер влияния путем силы, путем военных столкновений, путем новых империалистических войн.

Из стабилизации рождается нарастание кризиса капитализма.

2. Международная политика капитализма и подготовка новых империалистических войн

а) В связи с этим вопрос о переделе мира и сфер влияния, представляющих основу внешних рынков, является теперь в политике мирового капитализма основным вопросом. Я уже говорил, что нынешнее распределение колоний и сфер влияния, установленное в результате последней империалистической войны, успело уже устареть. Оно не удовлетворяет теперь ни Северную Америку, которая старается внедриться в Азию (прежде всего в Китай), не довольствуясь Южной Америкой, ни Англию, из рук которой ускользают доминионы и ряд важнейших рынков Востока, ни Японию, которой то и дело «мешают» в Китае Англия и Америка, ни Италию и Францию, имеющих бесчисленное количество «предметов спора» как в Придунайских странах, так и в Средиземном море, ни, тем более, Германию, которая все еще остается без колоний. Отсюда «общее» стремление к новому переделу рынков и источников сырья. Нечего и доказывать, что азиатские рынки и пути к ним являются главной ареной борьбы. Отсюда ряд узловых проблем, представляющих целые очаги для новых столкновений. Отсюда так называемая Тихоокеанская проблема (антагонизм Америка—Япония—Англия), как источник борьбы за первенство в Азии и на путях к ней. Отсюда проблема Средиземного моря (антагонизм Англия—Франция—Италия), как источник борьбы за преобладание на берегах Средиземного моря, как источник борьбы за кратчайшие пути к Востоку. Отсюда обострение проблемы нефти (антагонизм Англия—Америка), ибо воевать без нефти нельзя, а кто имеет преимущество в деле нефти, тот имеет шансы на победу в грядущей войне.

Недавно был опубликован в английской печати «последний» план Чемберлена об «улажении» проблемы Средиземного моря. Я не могу ручаться за достоверность этого плана. Но что появление в печати плана Чемберлена является симптомом, в этом не может быть сомнения. Состоит он, этот план, в том, что он передает «мандат» на Сирию из рук Франции в руки Италии, Танжер (так в книге-Ю.3.) передается Франции за финансовую компенсацию в пользу Испании, Германии возвращается Камерун, Италия обязывается перестать «шебаршить» на Балканах и т. д. Все это под флагом борьбы с Советами. Известно, что теперь не предпринимается вообще ни одна пакость без того, чтобы не примешать Советы к грязному делу. В чем, однако, состоит действительный смысл этого плана? Смысл плана состоит в том, чтобы выжить французскую буржуазию из Сирии. Сирия исстари представляла ворота на Восток, в Месопотамию, в Египет и т. д. Из Сирии можно вредить Англии и в районе Суэцкого канала и в районе Месопотамии. И вот Чемберлен хочет, видимо, положить конец этой неприятной вещи. Нечего и говорить, что факт появления в печати этого плана нельзя

назвать случайностью. Ценность этого факта состоит в том, что он дает яркую характеристику той грызни, тех конфликтов и военных столкновений, которыми чреваты нынешние отношения между так называемыми «великими державами».

Что касается нынешнего состояния проблемы нефти и борьбы вокруг нее, то об этом довольно красноречиво говорит в своем октябрьском номере известный американский журнал «Уорлд'с Уорк»:

«Существует весьма реальная угроза миру и взаимному пониманию между англо-саксонскими народами... Поддержка американских деловых людей министерством будет неизбежно становиться сильнее по мере того, как нужда в этом будет возрастать. Если британское правительство будет отождествлять себя с британской *нефтяной* промышленностью, то рано или поздно американское правительство будет отождествлять себя с американской *нефтяной* промышленностью. Борьба не может перейти в область правительств без того, чтобы не увеличилась чрезвычайно *опасность войны*».

Сомнения невозможны: дело идет к организации новых коалиций держав на предмет подготовки новых войн за внешние рынки, за источники сырья, за пути к ним.

б) Были ли попытки к «мирному улажению» назревающих военных конфликтов за отчетный период? Да, были. Их было больше, чем можно было бы ожидать. Но они ни к чему, ровно ни к чему не привели. Более того, эти попытки оказались лишь прикрытием подготовительной работы «держав» к новым войнам, прикрытием, имеющим своей целью обман рабочих и крестьян.

Возьмем Лигу наций, являющуюся, по мнению лживой буржуазной прессы и не менее лживой социал-демократической прессы, орудием мира. К чему привела болтовня Лиги наций по вопросу о мире, о разоружении, о сокращении вооружений? Ни к чему хорошему, кроме обмана масс, кроме новых вспышек вооружения, кроме нового обострения назревающих конфликтов. Разве можно считать случайностью тот факт, что три года болтает Лига наций о мире и разоружении, три года поддерживает эту лживую болтовню так называемый II Интернационал, а «нации» все вооружаются и вооружаются, расширяя старые конфликты между «державами», нагромождая новые конфликты и подрывая таким образом дело мира? О чем говорит провал тройственной конференции по сокращению морских вооружений (Англия, Америка и Япония), как не о том, что Тихоокеанская проблема является источником новых империалистических войн, что «державы» не хотят ни разоружаться, ни сокращать вооружений? Что сделала Лига наций для того, чтобы предотвратить эту опасность? Или возьмем, например, недавние выступления советской делегации в Женеве по вопросу о действительном (а не декоративном) разоружении. Чем объяснить тот факт, что прямая и честная декларация т. Литвинова о полном разоружении повергла в паралич Лигу нации и оказалась для нее «полной неожиданностью»? Не говорит ли этот факт о том, что Лига наций есть не инструмент мира и разоружений, а инструмент прикрытия новых вооружений и подготовки новых войн? Подкупная буржуазная пресса всех стран, от Японии до Англии, от Франции до Америки, кричит во всю глотку о «неискренности» советских предложений по разоружению. Почему же, в таком случае, не проверить искрен-

ность советских предложений и не приступить теперь же практически к разоружению или, по крайней мере, к серьезному сокращению вооружений? За чем же стало дело? Или, например, нынешняя система «договоров дружбы» капиталистических государств, договор Франции с Югославией, договор Италии с Албанией, подготавливаемый Пилсудским «договор дружбы» между Польшей и Литвой, «система Локарно», «дух Локарно» и т. д., — что это, как не система подготовки новых войн и расстановки сил для будущих военных столкновений? Или, например, возьмем следующие факты: с 1913 г. по 1927 г. *численность армий* Франции, Англии, Италии, Северо-американских соединенных штатов, Японии выросла с 1 888 тыс. до 2 262 тыс.; за тот же период *военные бюджеты* тех же стран выросли с 2 345 млн. зол. рублей до 3 948 млн.; число *самолетов в строю* этих пяти стран выросло с 1923 г. по 1927 г. с 2 655 до 4 340; *тоннаж крейсеров* этих пяти держав вырос с 724 тыс. тонн в 1922 г. до 864 тысяч тонн в 1926 г.; положение *в военно-химическом* деле иллюстрируется следующим заявлением начальника военно-химической службы Северо-американских соединенных штатов, ген. Фрейса: «Одна аэрохимическая бомба весом в 450 килограммов, снаряженная люизитом, может сделать необитаемыми десять кварталов Нью-Йорка, а 100 тонн люизита, сброшенных 50 самолетами, могут сделать необитаемым весь Нью-Йорк, по крайней мере, на неделю». О чем говорят эти факты, как не о том, что подготовка новых войн идет на всех парах?

Таковы результаты «мирной политики» и политики «разоружения» буржуазных государств вообще, Лиги наций в особенности, социал-демократического прислужничества капиталу в частности.

Раньше рост вооружений оправдывали наличием вооруженной с ног до головы Германии. Теперь это «оправдание» отпадает. Разве не ясно, что рост вооружений диктуется неизбежностью новых империалистических войн между «державами», что «дух войны» является основным содержанием «духа Локарно».

Я думаю, что нынешние «мирные отношения» можно было бы уподобить старой поношенной рубашке, состоящей из заплат, связанных между собой тоненькой ниточкой. Стоит только дернуть более или менее серьезно эту ниточку, оборвать ее в том или ином месте, чтобы развалилась вся рубашка, чтобы ничего, кроме заплат, не осталось от нее. Стоит потрясти нынешние «мирные отношения» где-либо в Албании или в Литве, в Китае или в Северной Америке, чтобы развалилось все это «здание мирных отношений». Так было дело перед последней империалистической войной, когда убийство в Сараево привело к войне. Так обстоит дело теперь.

Из стабилизации вырастает неизбежность новых империалистических войн.

3. Состояние мирового революционного движения и предвестники нового революционного подъема

а) Чтобы вести войну, недостаточно роста вооружений, недостаточно организации новых коалиций. Для этого необходимо еще укрепление тыла в странах капитализма. Ни одна капиталистическая страна не может вести

серьезной войны, не укрепив предварительно свой собственный тыл, не обуздав «своих» рабочих, не обуздав «своих» колоний. Отсюда постепенная фашизация политики буржуазных правительств. Нельзя назвать случайностью тот факт, что во Франции господствует теперь правый блок, в Англии — блок Хикса—Детердинга—Уркварта, в Германии — буржуазный блок, в Японии — военная партия, в Италии и Польше — фашистские правительства.

Отсюда нажим на рабочий класс, закон о профсоюзах в Англии, закон о «вооружении нации» во Франции, ликвидация 8-часового рабочего дня в ряде стран, повсеместное наступление буржуазии на пролетариат.

Отсюда усиленный нажим на колонии и зависимые страны, усиление состава империалистических войск в этих странах, численность которых достигает миллиона, причем из них свыше 700 тыс. солдат расквартировано в британских «сферах влияния» и «владениях».

б) Нетрудно понять, что этот зверский нажим фашизированных правительств не мог остаться без ответного движения со стороны угнетенных народов в колониях и рабочего класса в метрополиях. Такие факты, как рост революционного движения в Китае, в Индонезии, в Индии и т. д., не могут не иметь решающего значения для судеб мирового империализма. Судите сами. Из 1 905 миллионов населения *всего земного шара* 1 134 миллиона живут в колониях и полуколониях, 143 миллиона живут в СССР, 261 миллиона — в промежуточных странах и только 363 миллиона — в крупных империалистических странах, угнетающих колонии и полуколонии. Ясно, что революционное пробуждение колониальных стран предвещает конец мирового империализма. Тот факт, что китайская революция не привела еще к прямой победе над империализмом, этот факт не может иметь решающего значения в смысле перспектив революции. Великие народные революции никогда вообще не побеждают до конца в первом туре своих выступлений. Они растут и укрепляются в порядке приливов и отливов. Так было везде, в том числе и в России. Так будет в Китае. Самым важным результатом китайской революции является тот факт, что она разбудила от вековой спячки и привела в движение сотни миллионов эксплуатируемых и угнетенных, разоблачила вконец контр-революционность генеральских клик, сорвала маску с гоминдановских прислужников контр-революции, укрепила авторитет коммунистической партии среди народных низов, подняла движение в целом на высшую стадию, на стадию организации советов, и пробудила новые надежды среди миллионов угнетенных классов Индии, Индонезии и т. д. Только слепые и малодушные могут сомневаться в том, что китайские рабочие и крестьяне идут к новому революционному подъему.

Что касается революционного движения рабочего класса Европы, то и здесь, и в этой области, мы имеем явные признаки полевления рабочих низов и революционного оживления. Такие факты, как английская общая и угольная забастовки, революционное выступление рабочих в Вене, революционные демонстрации во Франции и Германии в связи с убийством Сакко и Ванцетти, избирательные успехи Германской и Польской компартий, явная дифференциация рабочего движения в Англии, в силу которой рабочие идут влево, а вожди вправо, в лоно явного социал-империализма, вырождение II

Интернационала в прямой придаток империалистической Лиги наций, падение авторитета социал-демократических партий в широких массах рабочего класса, повсеместный рост влияния и авторитета Коминтерна и его секций среди пролетариев всех стран, рост авторитета СССР среди угнетенных классов всего мира, «конгресс друзей СССР» и т. д., — все эти факты с несомненностью говорят о том, что Европа вступает в новую полосу революционного подъема. Если такой факт, как убийство Сакко и Ванцетти, мог послужить поводом для демонстраций рабочего класса, то это с несомненностью говорит о том, что в недрах рабочего класса накопилась революционная энергия, которая ищет и будет искать повода, случая, иногда самого незначительного с виду случая, для того, чтобы прорваться во-вне и обрушиться на капиталистический режим.

Мы живем накануне нового революционного подъема как в колониях, так и в метрополиях.

Из стабилизации вырастает новый революционный подъем.

4. Капиталистический мир и СССР

а) Таким образом, мы имеем все признаки глубочайшего кризиса и распадающейся неустойчивости мирового капитализма. Если *временный* послевоенный кризис 1920/21 г. с его хаосом внутри и распадом связей во-вне капиталистических стран можно считать изжитым, в результате чего и наступил период частичной стабилизации, то *основной* кризис капитализма, наметившийся в результате победы Октябрьской революции и отпадения СССР от мировой капиталистической системы, не только не изжит, а наоборот, все более и более углубляется, расшатывая самые основы существования мирового капитализма. Стабилизация не только не помешала развитию этого основного кризиса, а наоборот, дала почву и источник для его дальнейшего развития. Растущая борьба за рынки, необходимость нового передела мира и сфер влияния, крах буржуазного пацифизма и Лиги наций, лихорадочная работа по созданию новых коалиций и расстановке сил в виду новых войн, бешеный рост вооружений, зверский нажим на рабочий класс и колониальные страны, рост революционного движения в колониях и в Европе, рост авторитета Коминтерна во всем мире, наконец, укрепление мощи Советского Союза и усиление его авторитета среди рабочих Европы и трудящихся масс колоний, — все это такие факты, которые не могут не расшатывать самой основы мирового капитализма.

Стабилизация капитализма становится все более и более гнилой и неустойчивой.

Если года два назад можно было и нужно было говорить об отливе революционных волн в Европе, то теперь мы имеем все основания утверждать, что *Европа явным образом вступает в полосу нового революционного подъема*. Я уже не говорю о колониальных странах, где положение империалистов становится все более и более катастрофическим.

б) Рухнули надежды капиталистов на приручение СССР, на его капиталистическое перерождение, на падение его авторитета среди рабочих Европы и трудящихся масс колоний. СССР растет и развивается именно как страна строящегося социализма. Его влияние среди рабочих и

крестьян всего мира растет и укрепляется. Самое существование СССР, как страны строящегося социализма, является одним из величайших факторов разложения мирового империализма и подрыва его устойчивости как в Европе, так и в колониях. СССР явным образом становится знаменем рабочего класса Европы и угнетенных народов колоний. Поэтому, чтобы расчистить почву для будущих империалистических войн, поосновательнее зажать «свой» рабочий класс и обуздать «свои» колонии на предмет укрепления капиталистического тыла, — надо прежде всего обуздать СССР, этот очаг и рассадник революции, представляющий к тому же один из величайших рынков сбыта для капиталистических стран. Отсюда оживление интервенционистских тенденций среди империалистов, политика изоляции СССР, политика окружения СССР, политика подготовки условий для войны с СССР.

Усиление интервенционистских тенденций в лагере империалистов и угроза войны (в отношении СССР) есть один из основных фактов нынешнего положения.

Наиболее угрожаемой и пострадавшей стороной в обстановке развивающегося кризиса капитализма является английская буржуазия. Она и взяла на себя инициативу в деле усиления интервенционистских тенденций. Ясно, что помощь советских рабочих английским углекопам и сочувствие рабочего класса СССР революционному движению в Китае не могли не подлить масла в огонь. Все эти обстоятельства определили разрыв Англии с СССР и ухудшение отношений с рядом других государств.

в) Борьба двух тенденций в отношениях между капиталистическим миром и СССР, тенденции военной агрессии (Англия прежде всего) и тенденции продолжения мирных отношений (ряд других капиталистических стран), является ввиду этого основным фактом в системе наших внешних отношений в данный момент.

Факты, отмечающие тенденцию мирных отношений за отчетный период: договор с Турцией о ненападении; гарантийный договор с Германией; таможенное соглашение с Грецией; соглашение с Германией о кредитах; признание Уругваем; гарантийный договор с Афганистаном; гарантийный договор с Литвой; парафирование гарантийного договора с Латвией; торговый договор с Турцией; урегулирование конфликта с Швейцарией; договор о нейтралитете с Персией; улучшение отношений с Японией; рост экономических связей с Америкой и Италией.

Факты, отмечающие тенденцию военной агрессии за отчетный период: английская нота по поводу денежной помощи бастующим углекопам; налет в Пекине, в Тяньцзине и Шанхае; налет на Аркос; разрыв Англии с СССР; убийство Войкова; террористические акты английских наймитов в СССР; обострение отношений с Францией по вопросу об отзыве Раковского.

Если года два назад можно было и нужно было говорить о периоде некоторого равновесия и «мирного сожительства» между СССР и капиталистическими странами, то теперь мы имеем все основания утверждать, что период «мирного сожительства» отходит в прошлое, уступая место периоду империалистических наскоков и подготовки интервенции против СССР. Попытки Англии создать единый фронт против СССР пока еще не уда-

лись. Причины этой неудачи: противоречие интересов в лагере империалистов, заинтересованность некоторых стран в экономических связях с СССР, мирная политика СССР, противодействие рабочего класса Европы, боязнь империалистов развязать революцию у себя дома в случае войны с СССР. Но это еще не значит, что Англия бросит свою работу по организации единого фронта против СССР, что ей не удастся организовать такой фронт. Угроза войны остается в силе, несмотря на временные неудачи Англии.

Отсюда задача учесть противоречия в лагере империалистов, оттянуть войну, откупившись от капиталистов, и принять все меры к сохранению мирных отношений. Мы не можем забыть слов Ленина о том, что очень многое в деле нашего строительства зависит от того, удастся ли нам оттянуть войну с капиталистическим миром, которая неизбежна, но которую можно оттянуть либо до того момента, пока не вызреет пролетарская революция в Европе, либо до того момента, пока не назреют вполне колониальные революции, либо, наконец, до того момента, пока капиталисты не передерутся между собой из-за дележа колоний. Поэтому сохранение мирных отношений с капиталистическими странами является для нас обязательной задачей.

Основа наших отношений с капиталистическими странами состоит в допущении сосуществования двух противоположных систем. Практика вполне оправдала ее. Камнем преткновения является иногда вопрос о долгах и кредитах. Наша политика тут ясна. Она базируется на формуле: «даешь — даю». Даешь кредиты для оплодотворения нашей промышленности, — получаешь известную долю довоенных долгов, которую рассматриваем мы как добавочные проценты на кредиты. Не даешь — не получаешь. Факты говорят, что мы имеем некоторые достижения в области получения промышленных кредитов. Я имею в виду в данном случае не только Германию, но и Америку, но и Англию. В чем тут секрет? В том, что наша страна представляет величайший рынок для ввоза оборудования, а капиталистические страны нуждаются в сбыте как раз этого рода продуктов.

5. Выводы

В итоге мы имеем:

Во-первых, рост противоречий внутри капиталистического окружения; необходимость для капитализма нового передела мира путем войны; интервенционистские тенденции одной части капиталистического мира во главе с Англией; нежелание впутываться в дела войны с СССР другой части капиталистического мира, предпочитающей налаживание хозяйственных связей с СССР; наличие борьбы этих двух тенденций и известную возможность для СССР учесть эти противоречия для сохранения мира.

Во-вторых, мы имеем разваливающуюся стабилизацию; рост колониально-революционного движения; признаки нового революционного подъема в Европе; рост авторитета Коминтерна и его секций во всем мире; явный рост симпатий рабочего класса Европы к СССР; растущую мощь СССР внутри страны и укрепляющийся авторитет рабочего класса нашей страны среди угнетенных классов всего мира.

Отсюда задачи партии:

1) По линии международного революционного движения:

- а) борьба за развитие коммунистических партий во всем мире;*
- б) борьба за укрепление революционных профсоюзов и единого фронта рабочих против наступления капитала;*
- в) борьба за укрепление дружбы между рабочим классом СССР и рабочим классом капиталистических стран;*
- г) борьба за усиление смычки между рабочим классом СССР и освободительным движением колониальных стран.*

2) По линии внешней политики СССР:

- а) борьба против подготовки новых империалистских войн;*
- б) борьба с интервенционистскими тенденциями Англии и усиление обороноспособности СССР;*
- в) политика мира и сохранение мирных отношений с капиталистическими странами;*
- г) расширение нашего товарооборота с внешним миром на основе укрепления монополиевнешней торговли;*
- д) сближение с так называемыми «слабыми» и «неполноправными» государствами, терпящими гнет и эксплуатацию господствующих империалистических держав.*

II. Успехи социалистического строительства и внутреннее положение СССР

Позвольте, товарищи, перейти к внутреннему положению нашей страны, к успехам нашего социалистического строительства, к вопросу о судьбе диктатуры пролетариата, об ее развитии, об ее укреплении.

XIV съезд нашей партии поручил Центральному комитету вести дело развития нашего народного хозяйства под углом зрения следующих основных задач: во-первых, чтобы политика наша способствовала поступательному росту производства всего народного хозяйства в целом; во-вторых, чтобы политика партии способствовала ускорению темпа развития индустрии и обеспечению за индустрией руководящей роли во всем народном хозяйстве; в-третьих, чтобы в ходе развития народного хозяйства обеспечивался все более растущий удельный вес социалистического сектора народного хозяйства, социалистических форм хозяйства за счет частно-товарного и капиталистического секторов; в-четвертых, чтобы все наше хозяйственное развитие в целом, организация новых отраслей индустрии, развитие известных отраслей по сырью и т. д., — велось по такой линии, чтобы общее развитие обеспечивало экономическую независимость нашей страны, чтобы наша страна не превращалась в придаток капиталистической системы мирового хозяйства; в-пятых, чтобы диктатура пролетариата, блок рабочего класса и крестьянских масс и руководство рабочего класса в этом блоке укреплялись; и, в-шестых, чтобы материальное и культурное положение рабочего класса и деревенской бедноты неуклонно повышалось.

Что сделано в области выполнения этих задач нашей партией, Центральным комитетом нашей партии за отчетный период?

1. Народное хозяйство в целом

Первый вопрос — развитие народного хозяйства в целом. Я привожу здесь некоторые основные цифры по вопросу о росте народного хозяйства в целом, и в частности промышленности и сельского хозяйства, за отчетный период. Я беру эти цифры из известных выкладок Госплана. Я имею в виду контрольные цифры Госплана на 1927/28 г. и черновую наброску пятилетнего плана.

а) Рост производства всего народного хозяйства за два года. Если в 1924/25 г. валовая продукция сельского хозяйства составляла по новым расчетам Госплана 87,3 проц. от довоенного, а продукция всей промышленности составляла 63,7 проц. от довоенного, то теперь, спустя два года, в 1926/27 г., продукция сельского хозяйства составляет уже 108,3 проц., а продукция промышленности — 100,9 процента. По контрольным цифрам Госплана на 1927/28 г. предполагается дальнейшее увеличение продукции сельского хозяйства до 111,8 проц. от довоенного, а промышленности — до 114,4 процента.

Рост торгово-посреднического оборота в стране за два года. Если принять размеры оборотов 1924/25 г. за 100 (14 613 млн. черв. руб.), то в 1926/27 г. мы имеем увеличение на 97 проц. (28 775 млн. руб.), а в 1927/28 г. предполагается дальнейший рост до 116 процентов (33 440 млн. руб.).

Развитие нашей кредитной системы за два года. Если принять сводные балансы всех наших кредитных учреждений к 1 октября 1925 г. за 100 (5 343 млн. черв. руб.), то на 1 июля 1927 г. мы имеем рост на 53 проц. (8 175 млн. руб.). Нет оснований сомневаться в том, что 1927/28 г. даст дальнейший рост нашей национализированной кредитной системы.

Развитие железнодорожного транспорта за два года. Если мы имели грузооборот по всей нашей железнодорожной сети за 1924/25 г. 63,1 проц. от довоенного, то теперь, в 1926/27 г., мы имеем 99,1 проц., а в 1927/28 г. будем иметь 111,6 процента. Я уже не говорю о том, что за эти два года наша железнодорожная сеть увеличилась с 74,4 тыс. км до 76,2 тыс. км, что составляет увеличение против довоенного уровня на 30,3 проц., а против 1917 г. — на 8,9 процента.

Рост государственного бюджета за два года. Если сводный бюджет (единный государственный бюджет плюс местные бюджеты) составлял у нас на 1925/26 г. 72,4 проц. от довоенного (5 024 млн. руб.), то к настоящему моменту, т. е. на 1927/28 г., сводный бюджет должен составить 110—112 проц. от довоенного (более 7 миллиардов рублей). Прирост за два года — 41,5 процента.

Рост внешней торговли за два года. Если общий оборот внешней торговли в 1924/25 г. составлял у нас 1 282 млн. руб., т. е. около 27 проц. от довоенного, то теперь, в 1926/27 г., мы имеем оборот на 1 483 млн. руб., т. е. 35,6 проц. от довоенного, а в 1927/28 г. предполагается иметь 1 626 млн. руб. т. е. 37,9 проц. от довоенного. Причины замедленного темпа развития внешней торговли: во-первых, тот факт, что буржуазные государства нередко ставят препятствия нашей внешней торговле, переходящие иногда в скрытую блокаду; во-вторых, тот факт, что мы не можем торго-

вать по буржуазной формуле: «сами не доедим, а вывозить будем». Plusом является тут активное сальдо по Внешторгу за 1926/27 г. в сумме 57 млн. руб. Это первый год после 1923/24 г., когда баланс внешней торговли сводится с плюсом.

В итоге мы имеем следующую картину общего роста всего национального дохода за два года: если считать, что в 1924/25 г. национальный доход СССР составлял 15 589 млн. черв. руб., то в 1925/26 г. мы имели 20 252 млн. руб., т. е. прирост за год на 23,9 проц., а в 1926/27 г.— 22 560 млн. руб., т. е. прирост за год на 11,4 процента. По контрольным цифрам Госплана в 1927/28 г. мы будем иметь 24 208 млн. руб., т. е. прирост на 7,3 процента.

Если принять во внимание, что средний ежегодный прирост национального дохода Соединенных штатов не превышает 3—4 проц. (только один раз в 80-х годах прошлого века Соединенные штаты имели около 7 проц. прироста национального дохода), а ежегодный прирост национального дохода других стран, напр. Англии и Германии, не превышает 1—3 проц., то нужно признать, что *темп роста национального дохода СССР за последние годы является рекордным* по сравнению с крупными капиталистическими странами Европы и Америки.

Вывод: народное хозяйство нашей страны растет быстрым темпом.

Задача партии: двигать дальше развитие народного хозяйства нашей страны по всем отраслям производства.

б) Рост народного хозяйства идет у нас не вслепую, не в порядке простого количественного роста продукции, а в известном, строго определенном направлении. Решающими факторами в деле развития народного хозяйства за последние два года являются два основных обстоятельства. Во-первых, развитие нашего народного хозяйства идет *под знаком индустриализации* страны, под знаком растущей роли промышленности в отношении сельского хозяйства. Во-вторых, развитие народного хозяйства, индустриализация страны протекает *в направлении увеличения удельного веса и командующей роли социалистических форм хозяйства* как в области производства, так и в области товарооборота за счет частнотоварного и капиталистического секторов.

Цифры о росте удельного веса промышленности в системе народного хозяйства (без транспорта и электрификации). Если доля валовой продукции промышленности по отношению ко всей продукции народного хозяйства в 1924/25 г. составляла по довоенным ценам 32,4 проц., а доля сельского хозяйства — 67,6 проц., то в 1926/27 г. доля промышленности выросла до 38 проц., при падении доли сельского хозяйства до 62 проц. В 1927/28 г. доля промышленности должна вырасти до 40,2 проц., а доля сельского хозяйства должна снизиться до 59,8 процента.

Цифры о росте удельного веса *производства орудий и средств производства*, представляющего основной стержень индустрии, по отношению ко *всей* промышленности за два года: в 1924/25 г. доля производства средств производства — 34,1 проц., в 1926/27 г.— 37,6 проц., а в 1927/28 г. предполагается довести до 38,6 процента. Цифры о росте удельного веса производства средств производства в *государственной* крупной промышленнос-

ти за два года: в 1924/25 г. — 42,0 проц., 1926/27 г. — 44,0 проц., а в 1927/28 г. предполагается довести до 44,9 процента.

Что касается *товарной* продукции промышленности и ее удельного веса во всей массе товаров, то доля промышленности выросла за два года с 53,1 проц. в 1924/25 г. до 59,5 проц. в 1925/27 г., а в 1927/28 г. она должна достигнуть 63,7 проц., тогда как доля товарной продукции сельского хозяйства составляла в 1924/25 г. 46,9 проц., в 1926/27 г. снизилась да 40,5 проц., а в 1927/28 г. должна снизиться до 39,3 процента.

Вывод: страна наша становится индустриальной страной.

Задача партии: двигать дальше всеми мерами индустриализацию нашей страны.

Цифры о росте удельного веса и командующей роли социалистических форм хозяйства за счет частнотоварного и капиталистического секторов за два года. В то время как *капитальные вложения* обобщественного сектора народного хозяйства (государственная и кооперативная промышленность, транспорт, электрификация и т. д.) росли от 1 231 млн. руб. в 1924/25 г. до 2 633 млн. в 1926/27 г., а в 1927/28 г. вложения должны вырасти до 3 456 млн., что составляет рост вложений с 43,8 проц. в 1924/25 г. до 65,3 проц. в 1927/28 г., — вложения необщественного сектора народного хозяйства все время падали относительно и росли лишь незначительно в абсолютных цифрах с 1 577 млн. в 1924/25 г. до 1 717 млн. в 1926/27 г., а в 1927/28 г. должны дойти до 1 836 млн., что дает *падение* удельного веса вложений необщественного сектора с 56,2 проц. в 1924/25 г. до 34,7 проц. в 1927/28 г.

В то время как *валовая продукция* обобщественного сектора *промышленности* выросла с 81 проц. в 1924/25 г. до 86 проц. всей промышленности в 1926/27 г., а в 1927/28 г. должна увеличиться до 86,9 проц., — роль необщественного сектора промышленности падала из года в год: с 19 проц. продукции всей промышленности в 1924/25 г. до 14 проц. в 1926/27 г., а в 1927/28 г. должна уменьшиться до 13,1 процента. Что касается роли частного капитала в *крупной* (цензовой) промышленности, то она падает не только относительно (3,9 проц. в 1924/25 г. и 2,4 проц. в 1926/27 г.), но и абсолютно (169 млн. довоенных рублей в 1924/25 г. и 165 млн. довоенных рублей в 1926/27 г.).

Такое же оттеснение частно-капиталистических элементов имеем мы в области *товарооборота* страны. В то время как доля обобщественного сектора во всем торгово-посредническом обороте составляла в 1924/25 г. 72,6 проц., в опте — 90,6 проц., а в рознице — 57,3 проц., в 1926/27 г. удельный вес обобщественного сектора возрос во всем обороте до 81,9 проц., в опте — до 94,9 проц., в рознице — до 67,4 проц., тогда как доля частного сектора упала за это время от 27,4 проц. во всем торгово-посредническом обороте до 18,1 проц., в опте — от 9,4 проц. до 5,1 проц., в рознице — от 42,7 проц. до 32,6 проц., причем в 1927/28 г. предполагается дальнейшее снижение удельного веса частного сектора по всем видам торговли.

Вывод: страна наша идет к социализму уверенно и быстро, оттесняя на задний план и вытесняя шаг за шагом из народного хозяйства капиталистические элементы.

Этот факт вскрывает перед нами основу вопроса: кто — кого? Этот вопрос был поставлен Лениным в 1921 г., после введения новой экономической политики. Сумеем ли мы связать нашу социализированную индустрию с крестьянским хозяйством, оттеснив частного торговца, частного капиталиста и научившись торговать, или частный капитал одолеет нас, учинив раскол между пролетариатом и крестьянством, — вот как стоял тогда вопрос. Теперь мы можем сказать, что в основном в этой области мы имеем уже решающие успехи. Отрицать это могут разве только слепые или умалишенные. Но теперь вопрос кто — кого приобретает уже другой характер. Теперь этот вопрос переносится из области торговли в область производства, в область производства кустарного, в область производства сельскохозяйственного, где частный капитал имеет свой известный удельный вес и откуда его нужно систематически выживать.

Задача партии: расширять и укреплять наши социалистические, командные высоты во всех отраслях народного хозяйства как в городе, так и в деревне, держа курс на ликвидацию капиталистических элементов в народном хозяйстве.

2. Темп развития нашей крупной социалистической промышленности

а) Рост продукции крупной национализированной промышленности, составляющей более 77 проц. *всей* промышленности в стране. Если в 1925/26 г. прирост продукции (по довоенным рублям) крупной национализированной промышленности по сравнению с предыдущим годом составлял 42,2 проц., в 1925/27 г. — 18,2 проц., а в 1927/28 г. составит 15,8 проц., то по черновой и значительно преуменьшенной пятилетней наметке Госплана прирост продукции за пять лет составит 76,7 проц., со средне-арифметическим ежегодным приростом продукции в 15 проц. и с увеличением промышленной продукции в 1931/32 г. *вдвое* по сравнению с довоенной продукцией.

Если взять валовую продукцию всей промышленности страны, и крупной (государственной и частной) и мелкой, то ежегодный средне-арифметический прирост продукции составит по пятилетней наметке Госплана около 12 проц., что даст увеличение всей промышленной продукции в 1931/32 г. почти на 70 проц. по сравнению с довоенным уровнем.

В Америке ежегодный прирост всей промышленной продукции за пятилетие в 1890—1895 гг. составлял 8,2 проц., за пятилетие в 1895 — 1900 гг. — 5,2 проц., за пятилетие в 1900—1905 гг. — 2,6 проц., за пятилетие в 1905—1910 гг. — 3,6 процента. В России за десятилетие в 1895—1905 гг. средний годовой прирост — 30,7 проц., за восьмилетие в 1905 — 1913 гг. — 8,1 процента.

Процент ежегодного прироста продукции нашей социалистической промышленности, а также продукции всей промышленности есть рекордный процент, какого не имеет ни одна крупная капиталистическая страна в мире.

И это несмотря на то, что как американская промышленность, так и особенно русская довоенная промышленность обильно оплодотворялись мощным притоком иностранного капитала, тогда как наша национализированная промышленность вынуждена базироваться на своих собственных накоплениях.

И это несмотря на то, что наша национализированная промышленность вступила уже в период реконструкции, когда переоборудование старых заводов и строительство новых получает решающее значение для прироста промышленной продукции.

Потемпусвоегоразвитиянашапромышленностьвообще,нашасоциалистическая промышленность в особенности, обгоняет и перегоняет развитие промышленности капиталистических стран.

б) Чем объяснить этот небывалый темп развития нашей крупной промышленности?

Тем, во-первых, что она есть промышленность национализированная, ввиду чего она свободна от корыстных и антиобщественных интересов капиталистических групп и имеет возможность развиваться с точки зрения интересов общества в целом.

Тем, во-вторых, что она есть самая крупная и самая концентрированная промышленность из всех существующих промышленностей в мире, ввиду чего она имеет все возможности побивать частную капиталистическую промышленность.

Тем, в-третьих, что государство, держа в своих руках национализированный транспорт, национализированный кредит, национализированную внешнюю торговлю, общий государственный бюджет, имеет все возможности руководить национализированной промышленностью в плановом порядке, как единым промышленным хозяйством, что дает громадные преимущества перед всякой другой промышленностью и что ускоряет темп ее развития во много раз.

Тем, в-четвертых, что национализированная промышленность, как самая крупная и самая мощная промышленность, имеет все возможности проводить политику неуклонного снижения себестоимости, снижения отпускных цен и удешевления своей продукции, расширяя тем самым рынок для своей продукции, подымая емкость внутреннего рынка и создавая для себя постоянно растущий источник для дальнейшего развертывания производства.

Тем, в-пятых, что национализированная промышленность может, по многим причинам, а между прочим и потому, что она держится политики снижения цен, развиваться в обстановке постепенного сближения между городом и деревней, между пролетариатом и крестьянством, в противовес капиталистической промышленности, развивающейся в условиях нарастающей враждебности между буржуазным городом, который выматывает соки у крестьянства, и между разоряющейся деревней.

Тем, наконец, что национализированная промышленность опирается на рабочий класс, как на гегемона всего нашего развития, ввиду чего она имеет возможность с большей легкостью развивать технику вообще, производительность труда в частности и применять рационализацию производства и управления, имея поддержку со стороны широких масс

рабочего класса, чего нет и не может быть при капиталистической системе промышленности.

Обо всем этом с несомненностью говорят быстрый рост нашей техники за последние два года и быстрое развитие новых отраслей промышленности (машиностроение, станкостроение, турбостроение, авто- и авиастроение, химия и т. д.).

Об этом же говорит проводимая у нас рационализация производства *при* сокращении рабочего дня (7-часовой рабочий день) и *при* неуклонном подъеме материального и культурного положения рабочего класса, чего нет и не может быть при капиталистической системе хозяйства.

Небывалый темп развития нашей социалистической промышленности есть прямое и несомненное доказательство превосходства советской системы производства перед системой капиталистической.

Ленин был прав, говоря еще в сентябре 1917 г., до взятия власти большевиками, что мы, установив диктатуру пролетариата, можем и должны «догнать передовые страны и перегнать их также и экономически» (т. XXI, стр. 191).

Задача партии: закрепить достигнутый темп развития социалистической промышленности и усилить его в ближайшем будущем на предмет создания благоприятных условий, необходимых для того, чтобы, догнать и перегнать передовые капиталистические страны.

3. Темп развития нашего сельского хозяйства

а) В деревне, наоборот, мы имеем сравнительно медленный рост продукции. Если в 1925/26 г. прирост валовой продукции (по довоенным рублям) по сравнению с предыдущим годом составлял 19,2 проц., в 1926/27 г. — 4,1 проц., в 1927/28 г. составит 3,2 проц., то по черновой и значительно преуменьшенной пятилетней наметке Госплана прирост продукции за пять лет составит 24 проц., со средне-арифметическим ежегодным приростом продукции в 4,8 проц. и с увеличением сельскохозяйственной продукции в 1931/32 г. на 28—30 проц. по сравнению с довоенной продукцией.

Это есть более или менее сносный ежегодный прирост сельскохозяйственной продукции. Но его никак нельзя назвать ни рекордным в сравнении с капиталистическими странами, ни достаточным для того, чтобы сохранить в будущем необходимое равновесие между сельским хозяйством и нашей национализированной промышленностью.

В САСШ ежегодный прирост валовой продукции сельского хозяйства равнялся по десятилетию 1890—1900 гг. — 9,3 проц., по десятилетию 1900—1910 гг. — 3,1 проц., по десятилетию 1910—1920 гг. — 1,4 проц. В довоенной России ежегодный прирост сельскохозяйственной продукции равнялся по десятилетию 1900—1911 гг. — 3,2 проц. — 3,5 проц. Правда, ежегодный прирост нашей сельскохозяйственной продукции за пятилетие 1926/27—1931/32 гг. составит 4,8 проц., причем, как видно, процент прироста сельскохозяйственной продукции при советских условиях возрос в сравнении с приростом в период капиталистической России. Но на следует забывать, что в то время как валовая продукция национализированной промышленности увеличится в 1931/32 г. *вдвое* по сравнению с

довоенной промышленной продукцией, а продукция всей промышленности даст в 1931/32 г. превышение довоенного уровня около 70 проц., продукция сельского хозяйства превысит к этому времени довоенную сельскохозяйственную продукцию лишь на 28—30 проц., т. е. *менее, чем на треть*.

Ввиду этого темп развития нашего сельского хозяйства нельзя признать достаточно удовлетворительным.

б) Чем объяснить такой сравнительно медленный темп развития сельского хозяйства в сравнении с темпом развития нашей национализированной промышленности? Объясняется это как чрезмерной отсталостью нашей сельскохозяйственной техники и слишком низким уровнем культурного состояния деревни, так и, особенно, тем, что наше распыленное сельскохозяйственное производство не имеет тех преимуществ, которыми обладает наша крупная, объединенная национализированная промышленность. Сельскохозяйственное производство прежде всего не национализировано и не объединено, а распылено и разбросано по кусочкам. Оно не ведется в плановом порядке и подчинено пока что в огромной своей части стихии мелкого производства. Оно не объединено и не укрупнено по линии коллективизации, ввиду чего представляет еще удобное поле для эксплуатации со стороны кулацких элементов. Эти обстоятельства лишают распыленное сельское хозяйство тех колоссальных преимуществ крупного, объединенного и в плановом порядке ведомого производства, какими обладает наша национализированная промышленность.

Где выход для сельского хозяйства? Может быть, в замедлении темпа развития нашей промышленности вообще, нашей национализированной промышленности в частности? Ни в коем случае! Это было бы реакционнойшей, антипролетарской утопией. (*Голоса: «Правильно!»*) Национализированная промышленность должна и будет развиваться ускоренным темпом. В этом гарантия нашего продвижения к социализму. В этом гарантия того, что будет, наконец, индустриализировано само сельское хозяйство.

Где же выход? Выход в переходе мелких и распыленных крестьянских хозяйств в крупные и объединенные хозяйства на основе общественной обработки земли, в переходе на коллективную обработку земли на базе новой, высшей техники. Выход в том, чтобы мелкие и мельчайшие крестьянские хозяйства постепенно, но неуклонно, не в порядке нажима, а в порядке показа и убеждения, объединять в крупные хозяйства на основе общественной, товарищеской, коллективной обработки земли, с применением сельскохозяйственных машин и тракторов, с применением научных приемов интенсификации земледелия. Других выходов нет. Без этого наше сельское хозяйство не в состоянии ни догнать, ни перегнать наиболее развитые в сельскохозяйственном отношении капиталистические страны (Канада и т. п.). Все наши мероприятия по ограничению капиталистических элементов сельского хозяйства, развитию социалистических элементов в деревне, вовлечению крестьянских хозяйств в русло кооперативного развития, плановому воздействию государства на деревню по линии охвата крестьянского хозяйства как со стороны снабжения и сбыта, так и со стороны производства,— все эти мероприятия являются мероприятиями, правда ре-

тающими, но все же подготовительными для перевода сельского хозяйства на рельсы коллективизма.

в) Что сделано партией в этом направлении за два года? Сделано немало. Но далеко еще не все, что можно было бы сделать. Что касается охвата сельского хозяйства, так сказать, *извне*, по линии снабжения сельского хозяйства необходимыми изделиями и по линии сбыта сельскохозяйственных продуктов, то здесь мы имеем следующие достижения: сельскохозяйственная кооперация объединяет теперь около одной трети всех крестьянских дворов; потребительская кооперация увеличила охват снабжения деревни с 25,6 проц. в 1924/25 г. до 50,8 проц. в 1926/27 г.; кооперативные и государственные органы увеличили охват сбыта сельскохозяйственной продукции с 55,7 проц. в 1924/25 г. до 63 проц. в 1926/27 г. Что же касается охвата сельского хозяйства, так сказать, *изнутри*, по линии сельскохозяйственного производства, то в этой области сделано у нас страшно мало. Достаточно сказать, что колхозы и совхозы дают в настоящее время всего 2 проц. с лишним всей сельскохозяйственной продукции и 7 проц. с лишним товарной продукции. Причин здесь, конечно, немало, и объективных и субъективных. Неумелый подход к делу, недостаточное внимание к этому делу со стороны наших работников, консерватизм и отсталость крестьян, недостаток средств, необходимых для финансирования дела перевода крестьян на общественную обработку земли, и т. д. А средства требуются тут немалые. Ленин говорил на X съезде, что у нас нет еще фондов, необходимых для подчинения сельского хозяйства государственному или коллективному началу. Я думаю, что теперь эти фонды у нас будут, и они должны возрастать с течением времени. А между тем дело принимает такой оборот, что без объединения распыленных крестьянских хозяйств, без перевода их на общественную обработку земли нет возможности двинуть дальше серьезно ни интенсификацию, ни механизацию сельского хозяйства, нет возможности поставить дело так, чтобы наше сельское хозяйство могло догнать в темпе своего развития капиталистические страны, вроде, например, Канады. Поэтому задача состоит в том, чтобы сосредоточить внимание наших деревенских работников на этом важном деле. Я думаю, что прокатные пункты при органах наркомземов и сельскохозяйственной кооперации должны сыграть в этом деле крупнейшую роль. Вот один из примеров того, как совхозы помогают иногда крестьянам перейти на коллективную обработку земли к громадной выгоде для крестьян. Я имею в виду помощь Объединения украинских совхозов тракторами крестьянам Одесского района и напечатанное недавно в «Известиях» письмо этих крестьян в благодарность за оказанную помощь. Позвольте зачитать текст письма. (Голоса: «Просим!»)

«Мы, переселенцы хуторов им. Шевченко, Красина, Калинина, «Червона зирка» и «Восходящее солнце», приносим нашу глубочайшую благодарность советской власти за ту огромную помощь, которая была нам оказана в деле восстановления нашего хозяйства. Большинство из нас — беднота, без лошадей, без инвентаря, не могли обработать отведенную нам землю и *вынуждены были сдавать ее в аренду старожилам-кулакам за часть урожая*. Урожай получился скверный, так как известно, что арендатор не станет чужую землю хорошо обрабатывать. Те небольшие кредиты, какие получались от государства, проедались нами, и с каждым годом мы больше беднели. В этом году к нам при-

ехал представитель Объединения украинских совхозов и предложил нам вместо денежных кредитов обработать тракторами наши земли. Бее переселенцы, кроме отдельных кулачков, дали свое согласие, хотя мало верили, что работа будет сделана по-хозяйски. На великую нашу радость и на зло кулакам тракторы вспахали всю целину и перелог под пар, 5—6 раз перепаживали и боронили для очистки от сорняков и, наконец, засеяли чистосортной пшеницей все поле. Теперь уже кулаки над работой тракторного отряда не смеются. В этом году в нашем районе крестьяне вследствие отсутствия дождей почти не засеяли озимых, а на тех землях, где и засеяно, нет еще всходов. *А на наших переселенческих полях зеленеют сотни десятин прекрасной пшеницы на парах, какой нет в самых богатых немецких колониях.*

Кроме посева озимой пшеницы, тракторы подняли на зябь всю площадь под яровые. *Теперь у нас нет ни одной десятины земли, не поднятой или сданной в аренду. У нас нет ни одного бедняка, который не имел бы несколько десятин озимой пшеницы по пару.* После той работы тракторов, какую мы видели, не хотим больше вести бедняцкое мелкое хозяйство, *а решили организовать общестественное тракторное хозяйство, в котором не будет отдельных крестьянских клочков посевов.* Организацию для нас тракторного хозяйства взял уже на себя совхоз им. Тараса Шевченко, с которым мы заключили договор» («Известия» № 267, 22 ноября 1927 г.).

Побольше бы таких примеров, товарищи, и тогда можно было бы продвигнуть это дело далеко вперед.

Задача партии: расширять охват крестьянского хозяйства кооперацией и государственными органами по линии сбыта и снабжения и поставить очередной практической задачей нашего строительства в деревне постепенный перевод распыленных крестьянских хозяйств на рельсы объединенных, крупных хозяйств, на общественную, коллективную обработку земли на основе интенсификации и механизации земледелия в расчете, что такой путь развития является важнейшим средством ускорения темпа развития сельского хозяйства и преодоления капиталистических элементов в деревне.

Таковы в целом итоги и достижения в области хозяйственного строительства.

Это не значит, что у нас все обстоит благополучно в этой области, Нет, товарищи, у нас далеко не все обстоит благополучно.

У нас есть, например, элементы товарного голода. Это — минус в нашем хозяйстве. Но минус пока еще, к сожалению, неизбежный. Ибо тот факт, что мы развиваем производство орудий и средств производства более быстрым темпом, чем легкую промышленность,— этот факт сам по себе предопределяет, что у нас будут еще элементы товарного голода на ближайший ряд лет. Но мы иначе не можем поступать, если мы хотим двигать вперед всемерно индустриализацию страны. Есть люди, например наша оппозиция, которые черпают материалы для своей идеологии в спекулянтских хвостах и кричат о товарном голоде, требуя вместе с тем «сверхиндустриализации». Но это чепуха, товарищи. Так могут говорить лишь невежды. Мы не можем и не должны свертывать тяжелую индустрию ради всемерного развития легкой промышленности. Да и легкую промышленность невозможно развивать в достаточной степени без ускоренного развития тяжелой индустрии. Можно было бы увеличить ввоз готовых товаров и заткнуть та-

ким образом товарный голод, на чем одно время настаивала оппозиция. Но это такая глупость, от которой должна была отказаться оппозиция. Другой вопрос: насколько умело ведется у нас дело смягчения элементов товарного голода, что вполне возможно в наших условиях и на чем всегда настаивала партия. Я думаю, что именно в этой области не все обстоит у нас благополучно.

Далее, мы имеем такой факт, как сравнительно немалое количество капиталистов как в области промышленности, так и в области торговли. Удельный вес этих элементов не так уж мал, как это иногда изображают у нас некоторые товарищи. Это — тоже минус в балансе нашего хозяйства. Я читал недавно интересную во всех отношениях книгу т. Ларина: «Частный капитал в СССР». Я рекомендовал бы товарищам прочесть эту книжку. Вы увидите из этой книжки, как ловко и умело прикрывается капиталист под флагом промысловой кооперации, под флагом сельскохозяйственной кооперации, под флагом тех или иных торговых органов. Все ли делается для того, чтобы ограничить, сократить и выжить, наконец, из сферы народного хозяйства капиталистические элементы? Я думаю, что не все. Мне известно, например, что в области кустарной промышленности вообще, в области кожевенной и текстильной промышленности в частности, имеется немалое количество новых миллионеров, закабаляющих себе кустарей и вообще мелких производителей. Все ли делается для того, чтобы окружить и вытеснить экономически эти эксплуататорские элементы, связав кустарей с кооперацией или с государственными органами? Едва ли можно сомневаться в том, что далеко не все делается в этой области. А между тем этот вопрос имеет для нас серьезнейшее значение.

Мы имеем, далее, известный рост кулачества в деревне. Это — минус в балансе нашего хозяйства. Все ли делается для того, чтобы ограничить и изолировать экономически кулачество? Я думаю, что не все. Неправы те товарищи, которые думают, что можно и нужно покончить с кулаком в порядке административных мер, через ГПУ: сказал, приложил печать и точка. Это средство — легкое, но далеко не действительное. Кулака надо взять мерами экономического порядка, на основе революционной законности. А революционная законность не есть пустая фраза. Это не исключает, конечно, применения некоторых необходимых административных мер против кулака. Но административные меры не должны замещать мероприятий экономического порядка. Нужно обратить серьезное внимание на извращения партийной линии в области борьбы с кулачеством в практике наших кооперативных органов, особенно по линии сельскохозяйственного кредита.

Мы имеем, далее, такой факт, как чрезвычайно медленный темп снижения себестоимости в промышленности, отпускных цен на промышленные товары, и, особенно, розничных цен на городские товары. Это также минус в балансе нашего хозяйственного строительства. Нельзя не отметить, что мы имеем тут громадное сопротивление аппарата, и государственного, и кооперативного, и партийного. Наши товарищи, видимо, не понимают, что политика снижения цен на промтовары является одним из основных рычагов улучшения нашей промышленности, расширения рынка и усиления того самого источни-

ка, на базе которого может только разворачиваться наша индустрия. Едва ли можно сомневаться, что только путем беспощадной борьбы с этой инертностью аппарата, с этим сопротивлением аппарата в деле проведения политики снижения цен можно будет ликвидировать этот минус.

Наконец, мы имеем такие минусы, как водка в бюджете, крайне медленный темп развития внешней торговли и недостаток резервов. Я думаю, что можно было бы начать постепенное свертывание водки, вводя в дело, вместо водки, такие источники дохода, как радио и кино. В самом деле, отчего бы не взять в руки эти важнейшие средства и не поставить на этом деле ударных людей из настоящих большевиков, которые могли бы с успехом раздуть дело и дать, наконец, возможность свернуть дело водки? Что касается внешней торговли, то мне кажется, что целый ряд трудностей, имеющихся у нас в области хозяйства, упирается в недостаточность экспорта. Можем ли мы двинуть вперед дело экспорта? Я думаю, что можем. Все ли делается для того, чтобы раздуть во-всю экспорт? Я думаю, что не все. То же самое надо сказать о резервах. Неправы те товарищи, которые говорят, иногда по легкомыслию, а иногда по незнанию с делом, что у нас нет резервов. Нет, товарищи, у нас есть кое-какие резервишки. Все органы нашего государства, от уездных и губернских до областных и центральных, стараются резервировать кое-что про черный день. Но резервов этих мало. Это надо признать. Поэтому задача состоит в том, чтобы увеличить резервы елико возможно, даже за счет сокращения иногда некоторых текущих потребностей.

Таковы, товарищи, теневые стороны нашего хозяйственного строительства, на которые надо обратить внимание и которые нужно ликвидировать во что бы то ни стало, чтобы иметь возможность двигаться вперед более ускоренным темпом.

4. Классы, государственный аппарат, культурное развитие страны

От вопросов о хозяйственном положении страны перейдем к вопросам о политическом положении.

а) *Рабочий класс.* Цифры о количественном росте рабочего класса и вообще лиц наемного труда. Лиц наемного труда (без безработных) было в 1924/25 г. 8 215 тыс., в 1926/27 г.— 10 346 тыс. Прирост в 25 проц. Из них рабочих физического труда, включая сельскохозяйственных и сезонных, в 1924/25 г. было 5 448 тыс., в 1926/27 г.— 7 060 тыс. Прирост в 29,6 проц. Из них рабочих крупной промышленности в 1924/25 г. было 1 794 тыс., в 1926/27 г.— 2 388 тыс. Прирост в 33 проц.

Материальное положение рабочего класса. Доля лиц наемного труда в национальном доходе составляла в 1924/25 г. 24,1 проц., а в 1926/27 г. возросла эта доля до 29,4 проц., что превышает довоенные размеры доли лиц наемного труда в национальном доходе на 30 проц., тогда как доля других социальных групп в национальном доходе, в том числе буржуазии, уменьшилась за этот период (например, доля буржуазии упала с 5,5 проц. до 4,8 проц.). Реальная заработная плата рабочих по всей государственной промышленности, без начислений, составляла в 1924/25 г. 25,18 московс-

ких условных рублей в месяц, в 1926/27 г.— 32,14 руб., что дает повышение за два года на 27,6 проц. и превышает довоенный уровень на 5,4 проц. С начислениями (соцстрах, культнужды, коммунальные услуги и пр.) зарплата составляла в 1924/25 г. 101,5 проц. от довоенного, а в 1926/27 г.— 128,4 проц. от довоенного. Фонды социального страхования выросли с 461 млн. руб. в 1924/25 г. до 852 млн. в 1926/27 г., т. е. на 85 проц., что дало возможность провести через дома отдыха и санатории 513 тыс. чел., обеспечить пособиями 460 тыс. безработных и 700 тыс. пенсионеров (инвалидов труда и гражданской войны) и выдавать больным рабочим за период болезни полный заработок. Расходы, т. е. затраты на рабочее жилищное строительство два года назад, в 1924/25 г., составляли 132 млн. с лишним, в 1925/26 г.— 230 млн. с лишним, в 1926/27 г.— 282 млн., в 1927/28 г. составят 391 млн. с лишним, включая сюда 50 млн., определенных по Манифесту ЦИКа. Всего за три истекших года на рабочее жилищное строительство, без индивидуального, израсходовано по линии промышленности, транспорта, исполкомов и кооперации 644,7 млн. руб., а вместе с назначением на 1927/28 г.— 1 036 млн. руб. Эти ассигнования за три года позволили отстроить 4 594 тыс. кв. метров жилой площади, удовлетворить 257 тыс. рабочих, а вместе с семьями — около 900 тыс. человек.

Вопрос о безработице. Я должен сказать, что тут имеются расхождения между ВЦСПС и Наркомтрудом. Я беру цифры Наркомтруда потому, что они захватывают действительно безработный элемент, связанный с биржами труда. По данным Наркомтруда, число безработных возросло за два года с 950 тыс. до 1 048 тыс. Из них индустриальных рабочих 16,5 проц., лиц же интеллигентного труда и неквалифицированных — 74 проц. Таким образом безработица наша имеет основным своим источником перенаселение деревни и только побочным своим источником некоторую ненасыщенность нашей промышленности известным минимальным составом индустриальных рабочих.

Итог: несомненный подъем материального уровня рабочего класса в целом.

Задача партии: продолжать линию на дальнейшее улучшение материального и культурного положения рабочего класса, на дальнейшее повышение зарплаты рабочего класса.

б) *Крестьянство.* Я думаю, что по вопросу о дифференциации крестьянства не стоит приводить цифры, так как доклад мой и так затянулся, а цифры всем известны. Не подлежит сомнению, что дифференциацию при пролетарской диктатуре нельзя отождествлять с дифференциацией при капиталистических порядках. При капитализме растут крайности: беднота и кулачество, а середняк вымывается. У нас, наоборот, растет середняк за счет известной части бедноты, которая подымается в середняки, растет кулак, а беднота уменьшается. Этот факт говорит о том, что центральной фигурой земледелия как был, так и остается середняк. Блок с ним, при опоре на бедноту, имеет решающее значение для судеб всего нашего строительства, для диктатуры пролетариата.

Общий рост материального положения в деревне. У нас имеются цифры о росте доходов крестьянского населения. Доходы крестьянского населе-

ния равнялись два года назад, в 1924/25 г.— 3 548 млн. руб., в 1926/27 г. эти доходы выросли до 4 792 млн. руб., т. е. на 35,1 проц., при росте крестьянского населения за этот период всего на 2,38 проц. Это есть несомненный показатель того, что в деревне происходит улучшение материального положения.

Это не значит, что крестьянство улучшило свое материальное положение во всех районах страны. Известно, что кое-где за эти два года имелись пестрые урожаи, а результаты недорода 1924 г. не вполне еще изжиты. Отсюда государственная помощь трудовому крестьянству вообще и крестьянской бедноте в частности. Помощь трудовому крестьянству от государства в 1925/26 г.— 373 млн. руб., в 1926/27 г.— 427 млн. руб. Специальная помощь деревенской бедноте за 1925/26 г.: по линии ассигнований на беднейшие хозяйства — 38 млн. руб., налоговые льготы бедняцким хозяйствам — 44 млн. руб., страховые льготы беднейшему крестьянству — 9 млн. руб., всего 91 млн. руб. Специальная помощь деревенской бедноте за 1926/27 г.— по тем же рубрикам: 39 млн. руб., 52 млн. руб., 9 млн. руб., всего около 100 млн. руб.

Итог: улучшение материального положения основных масс крестьянства.

Задача партии: продолжать линию на дальнейшее улучшение материального и культурного положения основных масс крестьянства, и прежде всего крестьянской бедноты, укреплять союз рабочего класса с крестьянством, подымать авторитет рабочего класса и его партии в деревне.

в) *Новая буржуазия. Интеллигенция.* Характерной чертой новой буржуазии является то, что она, в противоположность рабочему классу и крестьянству, не имеет оснований быть довольной советской властью. Ее недовольство не есть нечто случайное. Оно имеет свои корни в жизни. Я говорил вам о росте нашего народного хозяйства, я говорил о росте нашей промышленности, о росте социалистических элементов народного хозяйства, о падении удельного веса частника, о вытеснении мелких торговцев. Но что это значит? Это значит, что если наша промышленность и наши торговые органы растут, то десятки тысяч мелких и средних капиталистов разоряются. Сколько лавок мелких и средних закрыто за эти годы? Тысячи. А сколько мелких промышленников пролетаризировалось? Тысячи. А сколько служилого элемента освобождено при сокращении штатов нашего государственного аппарата? Сотни и тысячи. Продвижение вперед нашей промышленности, продвижение вперед наших торговых и кооперативных органов, улучшение нашего госаппарата есть продвижение и улучшение с плюсом для рабочего класса, с плюсом для основных масс крестьянства, но с минусом для новой буржуазии, с минусом для средних слоев вообще, для средних слоев в городе в особенности. Можно ли удивляться, что недовольство советской властью среди этих слоев растет? Ясно, что нельзя удивляться. Отсюда контрреволюционные настроения в этой среде. Отсюда сменеховская идеология, как модный товар на политическом рынке новой буржуазии.

Но было бы ошибочно думать, что весь служилый элемент, вся интеллигенция переживает состояние недовольства, состояние ропота или брожения против советской власти. Наряду с ростом недовольства в недрах новой буржуазии мы имеем факт дифференциации интеллигенции, факт отхо-

да от сменевеховства, отхода сотен и тысяч трудовой интеллигенции в сторону советской власти. Этот факт, товарищи, является благодетельным фактом, который должен быть отмечен. Застрельщиком является здесь техническая интеллигенция, ибо она, будучи тесно связана с процессом производства, не может не видеть, что большевики ведут дело нашей страны вперед, к лучшему. Такие гигантские предприятия, как Волховстрой, Днепрострой, Свирьстрой, Туркестанская дорога, Волго-Дон, целый ряд новых гигантов-заводов, с судьбой которых связана судьба целых слоев технической интеллигенции, не могут пройти без известного благотворного влияния на эти слои. Это есть не только вопрос о куске хлеба для них. Это есть вместе с тем дело чести, дело творчества, естественно сближающее их с рабочим классом, с советской властью. Я уже не говорю о сельской трудовой интеллигенции, особенно о сельском учительстве, которое давно повернулось в сторону советской власти и которое не может не приветствовать развитие школьного дела в деревне. Поэтому наряду с ростом недовольства среди известных слоев интеллигенции мы имеем факт смычки трудовой интеллигенции с рабочим классом.

Задача партии состоит в том, чтобы продолжать линию на изоляцию новой буржуазии и укреплять смычку рабочего класса с трудовой советской интеллигенцией города и деревни.

г) *Государственный аппарат и борьба с бюрократизмом.* О бюрократизме говорят так много, что нет нужды распространяться об этом. Что элементы бюрократизма имеются у нас и в государственном, и в кооперативном, и в партийном аппарате, в этом не может быть сомнения. Что борьба с элементами бюрократизма необходима, и она, эта задача, будет стоять перед нами все время, пока имеется у нас государственная власть, пока существует государство,— это тоже факт. Но надо все-таки знать пределы. Доводить дело борьбы с бюрократизмом в государственном аппарате до изничтожения государственного аппарата, развенчивания государственного аппарата, до попыток его слома,— это значит идти против ленинизма, это значит забывать, что наш аппарат является советским аппаратом, представляющим высший по типу государственный аппарат в сравнении со всеми существующими в мире государственными аппаратами. В чем состоит сила нашего государственного аппарата? В том, что он связывает власть с миллионными массами рабочих и крестьян через советы. В том, что советы есть школа управления для десятков и сотен тысяч рабочих и крестьян. В том, что государственный аппарат не отгораживается от миллионных народных масс, а сливается с ними через бесчисленное множество массовых организаций, всякого рода комиссий, секций, совещаний, делегатских собраний и т. д., облегающих советы и подпирающих таким образом органы власти. В чем слабость нашего государственного аппарата? В наличии бюрократических элементов в нем, портящих и извращающих его работу. Чтобы изгнать из него бюрократизм,— а изгнать его нельзя в один-два года,— нужно систематически улучшать государственный аппарат, сближать его с массами, обновлять его за счет новых, преданных делу рабочего класса людей, переделывать его в духе коммунизма, а не ломать его, а не развенчивать его. Ленин был тысячу раз прав, когда он говорил:

«Без аппарата мы бы давно погибли. Без систематической, упорной борьбы за улучшение аппарата мы погибнем до создания базы социализма».

Я не буду распространяться о тех недочетах в нашем государственном аппарате, которые и так бросаются в глаза. Я имею в виду прежде всего «матушку-волокиту». У меня в руках целая кипа материалов по части волокиты, изобличающих преступную халатность ряда судебных, административных, страховых, кооперативных и других организаций. Вот вам крестьянин, 21 раз ездивший в одно страховое учреждение для того, чтобы добиться правды, и все-таки ничего не добившийся. Вот другой крестьянин, старик 66 лет, 600 верст прошедший пешком для того, чтобы добиться ясности у уездного собеса, и все-таки ничего не добившийся. А вот вам старуха, крестьянка 55 лет, прошедшая пешком 500 верст и исколесившая на лошадях более 600 верст по приглашению нарсуда и все же не добившаяся правды. Таких фактов уйма. Перечислять их не стоит. Но это есть позор для нас, товарищи! Как можно терпеть такие безобразия?

Наконец, факты о «задвиженцах». Оказывается, что, кроме выдвинутых из рабочих, существуют еще «задвиженцы», оттертые на задний план своими же товарищами не за неспособность или неумение работать, а за добросовестность и честность в работе. Вот вам рабочий, слесарь-инструментальщик, выдвинутый на известную должность на заводе, как человек способный и неподкупный. Он работает год-другой, работает честно, наводит порядок, изничтожает бесхозяйственность и расточительность. Но, работая таким образом, он задевает интересы некоторой теплой компании из «коммунистов», нарушает их спокойствие. И что же? Теплая компания из «коммунистов» ставит ему палки в колеса и вынуждает его таким образом «задвинуться». «Умнее нас захотел быть, не даешь нам жить и наживаться спокойно,— задвигайся, братец». А вот другой рабочий, тоже слесарь-инструментальщик, настройщик болторезных станков, выдвинут на известную должность на заводе. Работает ревностно и честно. Но, работая так, нарушает спокойствие кое-кого. И что же? Нашли случай и отделались от «беспокойного» товарища. С чем же ушел этот товарищ-выдвинутец, с каким чувством? А вот с каким: «Везде, куда меня назначали, я старался оправдать оказанное мне доверие. Но вот это выдвижение, которое сыграло со мною злую шутку, я никогда не забуду. Меня облили грязью. Мое желание вывести все на чистую воду так и осталось желанием. Ни завком, ни заводууправление, ни ячейка меня и слушать не хотели. Для выдвижения я умер, и пусть меня золотом осыпят,— я никуда не пойду» («Труд» № 128 от 9 июня 1927 г.). Но это ведь позор для нас, товарищи! Как можно терпеть такие безобразия?

Задача партии состоит в том, чтобы, борясь против бюрократизма и за улучшение государственного аппарата, выжигать каленым железом такие безобразия в нашей практике, о которых я только что говорил.

д) О ленинском лозунге насчет культурной революции. Вернейшим средством против бюрократизма является поднятие культурного уровня рабочих и крестьян. Можно ругать и поносить бюрократизм в государственном аппарате, можно шельмовать и пригвождать к позорному столбу бюрократизм в

нашей практике, но если нет известного уровня культурности среди широких рабочих масс, создающего возможность, желание, умение контролировать государственный аппарат снизу, силами самих рабочих масс, бюрократизм будет жить, несмотря ни на что. Поэтому культурное развитие рабочего класса и трудящихся масс крестьянства не только в смысле развития грамотности, хотя грамотность является основой всякой культурности, но, прежде всего, в смысле приобретения навыков и умения войти в дело управления страной, является основным рычагом улучшения государственного и всякого иного аппарата. В этом смысл и значение ленинского лозунга о культурной революции. Вот что говорил на этот счет Ленин в марте 1922 г., перед открытием XI съезда нашей партии, в своем письме в ЦК на имя т. Молотова:

«Главное, чего нам нехватает,— культурности, умения управлять... Экономически и политически вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социальной экономической экономики. Дело «только» в культурных силах пролетариата и его авангарда» (т. XXVII, стр. 207).

Этих слов Ленина нельзя забывать, товарищи. *(Голоса: «Правильно!»)*
Отсюда задача партии: усилить борьбу за культурный подъем рабочего класса и трудящихся слоев крестьянства.

А каков итог по линии внутреннего политического положения нашей страны?

Итог таков, что *советская власть является самой прочной властью из всех существующих в мире властей. (Бурные аплодисменты.)*

Но если советская власть является самой крепкой властью из всех существующих в мире властей, которой может позавидовать любое буржуазное правительство, то это еще не значит, что у нас все обстоит в этой области благополучно. Нет, товарищи, у нас имеются минусы и в этой области, чего не можем и не должны скрывать, как большевики. У нас есть, во-первых, безработица. Это есть минус, который мы должны преодолеть или, по крайней мере, довести до минимума во что бы то ни стало. У нас есть, во-вторых, недостатки в жилищном строительстве для рабочих, жилищный кризис, который мы также должны преодолеть или, по крайней мере, довести до минимума в ближайшие годы. У нас имеются некоторые ростки антисемитизма не только в известных кругах средних слоев, но и среди известной части рабочих и даже среди некоторых звеньев нашей партии. С этим злом надо бороться, товарищи, со всей беспощадностью. У нас имеется еще такой минус, как ослабление антирелигиозной борьбы. У нас имеется, наконец, страшная культурная отсталость не только в широком смысле этого слова, но и в узком его смысле, в смысле элементарной грамоты, ибо процент неграмотности в СССР все еще немал.

Все эти и подобные им минусы должны быть ликвидированы, товарищи, если мы хотим двигаться вперед более или менее ускоренным темпом.

Чтобы кончить с этим отделом моего отчета, разрешите сказать несколько слов о наиболее характерных назначениях за отчетный период. Я не буду касаться назначения заместителей председателя СНК СССР

т. Рыкова. Не буду также касаться назначения наркомов по ВСНХ, Наркомторгу и ОГПУ СССР. Я хотел бы коснуться трех назначений, имеющих показательное значение. Вы знаете, что председателем ВСНХ РСФСР утвержден т. Лобов. Это — рабочий-металлист. Вы знаете, что председателем Московского совета избран, вместо Каменева, т. Уханов, рабочий-металлист. Вы знаете также, что председателем Ленинградского совета избран, вместо Зиновьева, т. Комаров, также рабочий-металлист. Стало быть, «лорд-мэрами» обеих столиц состоят у нас рабочие-металлисты. (*Аплодисменты.*) Правда, они не из дворян, но управляют хозяйством столиц лучше всяких дворян. (*Аплодисменты.*) Вы скажете, что это есть тенденция к металлизации. Я думаю, что в этом нет ничего плохого. (*Голоса: «Наоборот, очень хорошо».*) Пожелаем капиталистическим странам, пожелаем Лондону, пожелаем Парижу того, чтобы они догнали нас, наконец, и выставили в «лорд-мэры» своих собственных металлистов. (*Бурные, продолжительные аплодисменты; все стоя приветствуют т. Сталина.*)

III. Партия и оппозиция

1. Состояние партии

Я не буду, товарищи, распространяться о численном и идейном росте нашей партии, не буду приводить цифр, так как об этом подробно доложит вам т. Косиор. Не буду также говорить о социальном составе нашей партии и о цифрах в связи с этим, так как об этом даст вам исчерпывающие данные т. Косиор в своем отчете. Я хотел бы сказать несколько слов о повышении, о качественном улучшении руководящей работы нашей партии в области хозяйства, так же как и в области политики. Было время, товарищи, года два-три, назад, когда одна часть товарищей, кажется, во главе с Троцким (*смех. Голоса: «Кажется?»*), упрекала наши губкомы, наши обкомы, наш ЦК, утверждая, что партийные организации не компетентны и зря вмешиваются в хозяйственные дела страны. Да, было такое время. Теперь едва ли у кого повернется язык для того, чтобы бросить парторганизациям подобное обвинение. Что губкомы и обкомы овладели делом хозяйственного руководства, что парторганизации стоят во главе хозяйственного строительства, а не в хвосте его, — это такой в глаза бьющий факт, отрицать который решатся разве только слепые или умалишенные. Уже тот факт, что мы решились поставить на этом съезде вопрос о пятилетнем плане хозяйственного строительства, уже этот факт говорит о том, что партия продвинулась далеко вперед в деле планового руководства нашим хозяйственным строительством как на местах, так и в центре. Иные думают, что тут нет ничего особенного. Нет, товарищи. Это есть нечто особенное и важное, которое должно быть отмечено. Ссылаются иногда на американские, на германские хозяйственные органы, которые будто бы также в плановом порядке руководят народным хозяйством. Нет, товарищи, этого еще не добились и не добьются там, пока существуют там капиталистические порядки. Чтобы руководить в плановом порядке, надо иметь другую, социалистическую, а не капиталистическую систему промышленности, надо

иметь, по крайней мере, национализированную промышленность, национализированную кредитную систему, национализированную землю, социалистическую смычку с деревней, власть рабочего класса в стране и т. п. Правда, у них тоже имеется нечто вроде планов. Но это есть планы-прогнозы, планы-догадки, которые ни для кого не обязательны и на основе которых невозможно руководить хозяйством страны. Не то у нас. Наши планы есть не планы-прогнозы, не планы-догадки, а *планы-директивы*, которые *обязательны* для руководящих органов и которые *определяют* направление нашего хозяйственного развития в *будущем* в масштабе *всей* страны. Вы видите, что мы имеем здесь *принципиальную* разницу. Вот почему я говорю, что даже простой факт постановки на съезде вопроса о пятилетнем плане хозяйственного развития, даже этот факт является признаком повышения нашей плановой руководящей работы.

Не буду я также распространяться о росте внутрипартийной демократии в нашей партии. Только слепые не видят, что внутрипартийная демократия, действительная внутрипартийная демократия, действительный подъем активности партийных масс — у нас растет и развивается. Болтают о демократии. Но что такое демократия в партии? Демократия для кого? Если под демократией понимают свободу для пары-другой оторванных от революции интеллигентов болтать без конца, иметь свой печатный орган и т. д., то такой «демократии» нам не нужно, ибо она есть демократия для ничтожного меньшинства, ломающего волю громадного большинства. Если же под демократией понимается свобода для партийных масс решать вопросы нашего строительства, подъем активности партийных масс, втягивание их в дело руководства партией, развитие в них чувства хозяина в партии, то такая демократия у нас есть, она нам нужна, и мы ее будем развивать неуклонно, несмотря ни на что. (*Аплодисменты.*)

Я не буду, товарищи, также распространяться о том, что вместе с внутрипартийной демократией у нас растет шаг за шагом коллегиальность руководства. Возьмите наши ЦК и ЦКК. Они составляют вместе руководящий в 200—250 товарищей центр, регулярно собирающийся и решающий важнейшие вопросы нашего строительства. Это один из самых демократических и коллегиально действующих центров, какой когда-либо имела наша партия. И что же? Разве это не факт, что решение важнейших вопросов нашей работы все более и более переходит из рук узкой верхушки в руки этого широкого центра, связанного теснейшим образом со всеми отраслями строительства и со всеми районами нашей необъятной страны?

Я не буду также распространяться о росте наших партийных кадров. Бесспорно, что за эти последние годы старые кадры нашей партии пронизались идущими вверх новыми кадрами, состоящими главным образом из рабочих. Ежели раньше мы считали наши кадры сотнями и тысячами, то теперь мы должны считать их десятками тысяч. Я думаю, что если начать с самых низовых организаций, с цеховых, с звеновых, и идти доверху по всему Союзу, наши партийные кадры, в громадном своем большинстве состоящие из рабочих, составят теперь не менее 100 тыс. человек. Это есть величайший рост нашей партии. Это есть величайший

рост нашего кадрового состава, рост его идейно-организационного опыта, рост его коммунистической культуры.

Наконец, еще один вопрос, о котором нет нужды распространяться, но который следовало бы отметить. Это вопрос о росте авторитета партии среди беспартийных рабочих и вообще трудящихся масс в нашей стране, среди рабочих и вообще угнетенных классов во всем мире. Едва ли можно теперь сомневаться, что наша партия становится знаменем освобождения для трудящихся масс всего мира, а звание большевика — почетным званием для лучших людей рабочего класса.

Такова в общем, товарищи, картина наших достижений в области партийного строительства.

Это не значит, товарищи, что у нас нет недостатков в партии. Нет, недостатки есть, и недостатки серьезные. Позвольте сказать несколько слов об этих недостатках.

Возьмем, например, дело руководства хозяйственными и иными организациями со стороны партийных организаций. Все ли обстоит здесь у нас благополучно? Нет, не все. У нас нередко решаются вопросы не только на местах, но и в центре, так сказать, в семейном порядке, домашним образом. Иван Иванович, член руководящей верхушки такой-то организации, допустил, скажем, грубейшую ошибку и испортил дело. Но Иван Федорович его не хочет критиковать, выявлять его ошибки, исправлять его ошибки. Не хочет, так как не имеет желаний «нажить себе врагов». Допустили ошибку, испортили дело, — эка важность! А кто из нас не ошибается? Сегодня я его, Ивана Федоровича, пощажу. Завтра он меня, Ивана Ивановича, пощадит. Ибо какая есть гарантия, что я также не ошибусь? Чинно и хорошо. Мир и благоволение. Запущенная ошибка есть порча нашего великого дела? Ничего! Авось как-либо выедем на кривой. Вот, товарищи, обычное рассуждение некоторых наших ответственных работников. Но что это значит? Ежели мы, большевики, которые критикуют весь мир, которые, говоря словами Маркса, штурмуют небо, если мы ради спокойствия тех или иных товарищей откажемся от самокритики, — то разве не ясно, что ничего, кроме гибели нашего великого дела, не может из этого получиться? (Голоса: «Правильно!» *Аплодисменты.*) Маркс говорил, что пролетарская революция тем, между прочим, и отличается от всякой другой революций, что она сама себя критикует и, критикуя себя, укрепляется. Это очень важное указание Маркса. Если мы, представители пролетарской революции, будем закрывать глаза на наши недочеты, будем разрешать вопросы семейным порядком, замалчивая взаимно свои ошибки и загоняя болячки вовнутрь нашего партийного организма, — то кто же будет исправлять эти ошибки, эти недочеты? Разве не ясно, что мы перестанем быть пролетарскими революционерами, и мы наверняка погибнем, ежели не вытравим из своей среды эту обывательщину, эту семейность в решении важнейших вопросов нашего строительства? Разве не ясно, что, отказываясь от честной и прямой самокритики, отказываясь от честного и открытого исправления своих ошибок, мы закрываем себе дорогу для продвижения вперед, для улучшения нашего дела, для новых успехов нашего дела? Ведь наше развитие идет не в порядке плавного, огульного подъема вверх. Нет, товарищи, у нас

есть классы, у нас есть противоречия внутри страны, у нас есть прошлое, у нас есть настоящее и будущее, у нас есть противоречия между ними, и мы не можем продвигаться вперед в порядке плавного покачивания на волнах жизни. Наше продвижение протекает в порядке борьбы, в порядке развития противоречий, в порядке преодоления этих противоречий, в порядке выявления и ликвидации этих противоречий. Никогда не будем мы в силах, пока есть классы, иметь такое состояние, когда можно будет сказать: ну, слава богу, теперь все хорошо. Никогда этого не будет у нас, товарищи. Всегда у нас что-либо отмирает в жизни. Но то, что отмирает, не хочет умирать просто, а борется за свое существование, отстаивает свое отжившее дело. Всегда у нас рождается что-либо новое в жизни. Но то, что рождается, рождается не просто, а пищит, кричит, отстаивая свое право на существование. (*Голоса: «Правильно!» Аплодисменты.*) Борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся,— вот основа нашего развития. Не отмечая и не выявляя открыто и честно, как это подобает большевикам, недочеты и ошибки в нашей работе, мы закрываем себе дорогу вперед. Ну, а мы хотим двигаться вперед. И именно потому, что мы хотим двигаться вперед, мы должны поставить одной из своих важнейших задач честную и революционную самокритику. Без этого нет движения вперед. Без этого нет развития. Но именно по этой линии у нас все еще хромает дело. Более того, достаточно некоторых успехов, чтобы забыли о недостатках, успокоились и зазнались. Два-три больших успеха— и уже море по колено. Еще два-три больших успеха — и уже зазнались, шапками закидаем. Но ошибки остаются, недочеты живут, болячки загоняются вовнутрь нашего партийного организма.

Второй недостаток. Он состоит в перенесении метода администрирования в партию, в замене метода убеждения, имеющего решающее значение в партии, методом администрирования. Этот недостаток представляет не менее значительную опасность, чем первый недостаток. Почему? Потому, что он создает опасность превращения наших партийных организаций, являющихся организациями самостоятельными,— в пустые канцелярские учреждения. Если считать, что у нас имеется не менее 60 тыс. наиболее активных работников, разбросанных по всяким хозяйственным, кооперативным и государственным учреждениям и борющихся там с бюрократизмом, то надо признать, что часть из них, борясь с бюрократизмом в этих учреждениях, иногда сама заражается бюрократизмом и привносит его в партийную организацию. И это не вина, товарищи, а беда наша, ибо, пока есть государство, этот процесс будет продолжаться в большей или меньшей степени. И именно потому, что этот процесс имеет некоторые корни в жизни; именно поэтому необходимо нам вооружиться для борьбы с этим недостатком, подымая активность партийных масс, вовлекая их в решение вопросов нашего партийного руководства и насаждая систематически внутрипартийную демократию.

Третий недостаток. Состоит он, этот недостаток, в желании ряда наших товарищей плыть по течению, плавно и спокойно, без перспектив, без заглядывания в будущее, так, чтобы кругом чувствовалось праздничное и торжественное настроение, чтобы каждый день были у нас торжествен-

ные заседания, да чтобы везде были аплодисменты, и чтобы каждый из нас попадал по очереди в почетные члены всяких президиумов. (*Смех, аплодисменты.*) Вот это безудержное желание видеть везде праздничное настроение, эта тяга к декорациям, ко всяким юбилеям, нужным и ненужным, это желание плыть, покуда плывется, не оглядываясь, куда же это нас несет (*смех, аплодисменты*)— все это и составляет существо третьего недостатка нашей партийной практики, основу наших недочетов в нашем партийном быту. Видали ли вы гребцов, гребущих честно, в поте лица, но не видящих того, куда их несет течение? Я видал таких гребцов на Енисее. Это — честные и неутомимые гребцы. Но беда их состоит в том, что они не видят и не хотят видеть того, что их может прибить волной к скале, где им грозит гибель. То же самое бывает с некоторыми нашими товарищами. Гребут честно, не покладая рук, плывут плавно, отдаваясь течению, а куда их несет, не только не знают, но даже не хотят знать. Работа без перспектив, работа без руля и без ветрил,— вот к чему приводит желание плыть обязательно по течению. А результаты? Результаты ясные: сначала они обкладываются плесенью, потом они становятся серенькими, потом их засасывает тина обывательщины, а потом они превращаются в заурядных обывателей. Это и есть путь действительного перерождения.

Вот, товарищи, некоторые недостатки в нашей партийной практике и в нашем партийном быту, о которых я хотел сказать вам несколько горьких слов.

А теперь позвольте перейти к вопросам дискуссии и нашей так называемой оппозиции

2. Итоги дискуссии

Имеет ли какой-либо смысл, какую-либо ценность дискуссия? Иногда говорят: на кой чорт вы раздули дискуссию, кому она нужна, не лучше ли было бы разрешить спорные вопросы внутренним порядком, не вынося сора из избы? Это неправильно, товарищи. Дискуссия иногда абсолютно необходима и безусловно полезна. Весь вопрос в том, какая дискуссия. Если дискуссия протекает в товарищеских рамках, в рамках партийных, если она ставит своей целью честную самокритику, критику партийных недостатков, если она, стало быть, улучшает наше дело и вооружает рабочий класс, то такая дискуссия нужна и полезна. Но бывает другого рода дискуссия, ставящая своей целью не улучшение нашего общего дела, а его ухудшение, не укрепление партии, а ее развенчивание. Такая дискуссия ведет обычно не к вооружению пролетариата, а к его разоружению. Нам такой дискуссии не нужно. (*Голоса: «Правильно!» Аплодисменты.*)

Когда оппозиция требовала открытия всесоюзной дискуссии месяца за три до съезда, до выработки тезисов ЦК, до опубликования этих тезисов, она пыталась навязать нам такого рода дискуссию, которая неминуемо облегчила бы дело наших врагов, дело врагов рабочего класса, дело врагов нашей партии. Именно поэтому ЦК воспротивился планам оппозиции. И именно потому, что он воспротивился планам оппозиции, нам удалось поставить дискуссию на правильные рельсы, дав ей базу в виде тезисов ЦК к съез-

ду. Теперь мы можем сказать без колебаний, что дискуссия в целом дала плюс. Что касается вынесения сора из избы, то это чепуха, товарищи. Мы никогда не боялись и не будем бояться открыто критиковать себя и свои ошибки перед лицом всей партии. Сила большевизма в том, собственно, и состоит, что он не боится критики и в критике своих недостатков черпает энергию для дальнейшего продвижения вперед. Нынешняя дискуссия является, таким образом, признаком силы нашей партии, признаком ее могущества.

Не следует забывать, что во всякой большой партии, особенно в такой партии, как наша, которая стоит у власти и где имеется известная часть крестьян и служилого элемента, накапливаются в течение известного времени известные индифферентные, равнодушные к вопросам партийной практики элементы, голосующие закрыв глаза и плывущие по течению. Наличие большого количества таких элементов есть зло, с которым надо бороться. Эти элементы составляют болото нашей партии. Дискуссия есть апелляция к этому болоту. Апеллируют к нему оппозиционеры для того, чтобы оторвать от него некоторую часть. И они действительно отрывают худшую его часть. Апеллирует к нему партия для того, чтобы оторвать от него лучшую его часть, приобщить к активной партийной жизни. В результате болото вынуждено самоопределиться, несмотря на всю его инертность. И оно действительно самоопределяется в результате этих апелляций, отдавая одну часть оппозиции, другую — партии и переставая, таким образом, существовать как болото. В общем балансе нашего партийного развития это есть плюс. В результате нынешней дискуссии у нас стало меньше болота, либо оно вовсе перестало или перестает существовать. В этом — плюс дискуссии.

Итоги дискуссии? Итоги известны. На вчерашний день за партию голосовало, оказывается, 724 тыс. товарищей, за оппозицию — 4 тыс. с лишним. Вот вам итог. Грохотали у нас оппозиционеры, что ЦК оторвался от партии, партия оторвалась от класса, что если бы да кабы, да во рту росли грибы, то они, оппозиционеры, имели бы наверняка 99% на своей стороне. Но так как грибы во рту не растут, то оказалось, что у оппозиции даже 1% не имеется. Таков итог.

Как могло случиться, что вся партия в целом, а за нею и рабочий класс так круто изолировали оппозицию? Ведь там, во главе оппозиции, стоят известные люди с именами, люди, умеющие себя рекламировать (*голоса*: «Правильно!»), люди, не страдающие скромностью (*аплодисменты*), умеющие себя расхваливать и показать товар лицом. А случилось это потому, что руководящая группа оппозиции оказалась группой мелкобуржуазных интеллигентов, оторванных от жизни, оторванных от революции, оторванных от партии, от рабочего класса. (*Голоса*: «Правильно!» *Аплодисменты*.) Я говорил недавно об успехах нашей работы, о наших достижениях в области промышленности, в области торговли, в области хозяйства в целом, в области внешней политики. Но оппозиции нет дела до этих достижений. Она их не видит, либо не хочет видеть. Не хочет видеть отчасти по своему невежеству, отчасти по известному упорству оторванных от жизни интеллигентов.

3. Основные расхождения между партией и оппозицией

Вы спросите, в чем же в конце концов состоят разногласия между партией и оппозицией, по каким вопросам проходят эти разногласия? По всем вопросам, товарищи. (*Голоса: «Правильно!»*) Недавно я читал заявление одного беспартийного рабочего в Москве, который вступает или уже вступил в партию. Вот как он формулирует вопрос о разногласиях между партией и оппозицией:

«Раньше мы искали, в чем разногласия между партией и оппозицией. А теперь уже не найдешь, в чем они согласны с партией. (*Смех, аплодисменты.*) Оппозиция против партии по всем вопросам, поэтому, если бы я был сторонником оппозиции, я не вступил бы, в партию». (*Смех. Аплодисменты.*) (См. «Известия» № 264.)

Вот до чего метко и коротко вместе с тем умеют выражаться иногда рабочие. Я думаю, что это самая меткая и самая верная характеристика отношений оппозиции к партии, к ее идеологии, к ее программе, к ее тактике. Именно потому, что оппозиция расходится с партией по всем вопросам, именно поэтому оппозиция есть группа со своей идеологией, со своей программой, со своей тактикой, со своими организационными принципами. Все, что только необходимо для новой партии, все это имеется у оппозиции. Нехватает только «мелочи», нехватает силушки для этого. (*Смех. Аплодисменты.*)

Я мог бы назвать семь основных вопросов, по которым проходят разногласия между партией и оппозицией.

Первое. Вопрос о возможности победоносного социалистического строительства в нашей стране. Я не буду ссылаться на документы и заявления оппозиции по этому вопросу. Они всем известны и повторять их незачем. Ясно для всех, что оппозиция отрицает возможность победоносного строительства социализма в нашей стране. Отрицая же такую возможность, она скатывается прямо и открыто на позицию меньшевиков. Такая установка оппозиции по данному вопросу не нова для ее нынешних руководителей. Из этой установки исходили Каменев и Зиновьев, когда они отказались идти на Октябрьское восстание. Они прямо говорили тогда, что, подымая восстание, мы идем к гибели, что нужно ждать Учредительного собрания, что условия для социализма не созрели и не скоро созреют. Из этой же установки исходил Троцкий, когда он шел на восстание. Ибо он прямо говорил, что ежели победоносная пролетарская революция на Западе не подоспеет на помощь в более или менее близком будущем, то глупо было бы думать, что революционная Россия может устоять против консервативной Европы.

В самом деле, как шли тогда на восстание Каменев и Зиновьев, с одной стороны, Троцкий, с другой стороны, и Ленин с партией — с третьей стороны? Это очень интересный вопрос, о котором стоило бы, товарищи, сказать несколько слов. Вы знаете, что Каменев и Зиновьев шли на восстание из-под палки. Ленин их погонял палочкой, угрожая исключением из партии (*смех, аплодисменты*), и они вынуждены были волочиться на восстание (*смех, аплодисменты*). Троцкий шел на восстание добровольно. Но он шел не просто, а с оговорочкой, которая уже тогда сближала его с Каменевым и Зиновье-

вым. Интересно, что именно перед Октябрем, в июне 1917 г., Троцкий считал уместным переиздать в Ленинграде свою старую брошюру «Программа мира», как бы желая этим сказать, что он идет на восстание под своим собственным флагом. О чем же он говорит в этой брошюре? Он полемизирует там с Лениным по вопросу о возможности победы социализма в одной стране, считает эту мысль Ленина неправильной и утверждает, что власть придется взять, но ежели не подоспелет помощь со стороны победивших западноевропейских рабочих, то безнадежно думать, что революционная Россия может устоять перед лицом консервативной Европы, а кто не верит в критику Троцкого, тот страдает национальной ограниченностью. Вот выдержка из тогдашней брошюры Троцкого:

«Не дожидаясь других, мы начинаем и продолжаем борьбу на национальной почве в полной уверенности, что наша инициатива даст толчок борьбе в других странах; а если бы этого не произошло, то безнадежно думать — так свидетельствуют и опыт истории и теоретические соображения — что, напр., революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы»... «Рассматривать перспективы социальной революции в национальных рамках значило бы становиться жертвой той самой национальной ограниченности, которая составляет сущность социал-патриотизма».

Вот, товарищи, троцкистская оговорочка, которая во многом объясняет нам корни и подпочву нынешнего его блока с Каменевым и Зиновьевым.

А как шел Ленин на восстание, как шла партия? Тоже с оговорочкой? Нет, Ленин и его партия шли на восстание без оговорок. Вот выдержка из одной замечательной статьи Ленина «Военная программа пролетарской революции», опубликованной за границей в сентябре 1917 г.:

«Победивший в одной стране социализм отнюдь не исключает разом вообще все войны. Наоборот, он их предполагает. Развитие капитализма совершается в высшей степени неравномерно в различных странах. Иначе и не может быть при товарном производстве. Отсюда непреложный вывод: социализм не может победить одновременно *во всех* странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными. Это должно вызывать не только трения, но и прямое стремление буржуазии других стран к разгрому победоносного пролетариата социалистического государства. В таких случаях война с нашей стороны была бы законной и справедливой. Это была бы война за социализм, за освобождение других народов от буржуазии» (Ленин, «Военная программа пролетарской революции», Соч., т. XIX, стр. 324—325).

Вы видите, что мы имеем тут совершенно другую установку. Если Троцкий шел на восстание с оговорочкой, сближающей его с Каменевым и Зиновьевым, утверждая, что сама по себе пролетарская власть не может представлять чего-либо особенного, ежели не подойдет своевременно помощь извне, то Ленин, наоборот, шел на восстание без оговорок, утверждая, что пролетарская власть в нашей стране должна послужить базой для того, чтобы помочь пролетариям других стран освободиться от ига буржуазии.

Вот как шли большевики на Октябрьское восстание, и вот почему Троц-

кий и Каменев с Зиновьевым нашли общий язык на десятом году Октябрьской революции.

Можно было бы изобразить в форме диалога беседу между Троцким, с одной стороны, и Каменевым и Зиновьевым, с другой стороны, при образовании оппозиционного блока

Каменев и Зиновьев Троцкому: «Вот видите, дорогой товарищ, мы сказались в конце концов правы, сказав, что не надо было идти на Октябрьское восстание, что надо было ждать Учредительного собрания и пр. Теперь все видят, что страна перерождается, власть перерождается, мы идем к гибели, и никакого социализма у нас не будет. Не надо было идти на восстание. А вы шли на восстание добровольно. Вы допустили большую ошибку».

Троцкий им в ответ: «Нет, дорогие коллеги, вы несправедливы ко мне. На восстание-то я шел, но как я шел, вы об этом забыли сказать. Ведь я шел на восстание не прямо, а с оговоркой. (*Общий смех.*) И поскольку теперь выяснилось, что помощи извне неоткуда ждать, ясно, что дело идет к гибели, как я и предсказал в свое время в «Программе мира»».

Зиновьев с Каменевым: «Это, пожалуй, что так. Мы забыли об оговорочке. Теперь ясно, что наш блок идейно обоснован». (*Общий смех. Аплодисменты.*)

Вот как сложилась установка оппозиции на отрицание возможности победоносного социалистического строительства в нашей стране.

А что означает эта установка? Она означает капитулянтство. Перед кем? Очевидно, перед капиталистическими элементами нашей страны. Еще перед кем? Перед всемирной буржуазией. А левые фразы, революционные жестикующие, — куда они девались? Они рассеялись в прах. Потрясите хорошенько нашу оппозицию, отбросьте прочь революционную фразеологию, — и вы увидите, что на дне там сидит у них капитулянтство. (*Аплодисменты.*)

Второе. Вопрос о диктатуре пролетариата. Есть у нас диктатура пролетариата или нет ее? Вопрос несколько странный. (*Смех.*) Те менее, оппозиция ставит его в каждом своем заявлении. Оппозиция говорит, что у нас термидорианское перерождение. А что это значит? Это значит, что у нас нет диктатуры пролетариата, что у нас проваливаются и идут вспять и экономика, и политика, что мы идем не к социализму, а к капитализму. Все это странно и глупо немножко. Но оппозиция настаивает на своем. Вот вам, товарищи, еще одно расхождение. На этом и базируется известный тезис Троцкого о Клемансо. Ежели власть переродилась или перерождается, то стоит ли ее щадить, защищать, отстаивать? Ясно, что не стоит. Ежели наступит благоприятная обстановка для «снятия» такой власти, скажем, ежели враг подойдет на 80 километров от Москвы, — то разве не ясно, что надо использовать обстановку для того, чтобы вымести эту власть и поставить новую, клемансистскую, т. е. троцкистскую. Ясно, что тут нет ничего ленинского. Это есть меньшевизм чистой воды. Оппозиция пришла к меньшевизму.

Третье. Вопрос о блоке рабочего класса с середняком. Оппозиция все время скрывала свое отрицательное отношение к идее такого блока. Ее платфор-

ма, ее контртезисы замечательны не столько тем, что сказано там, сколько тем, что постаралась скрыть от рабочего класса оппозиция. Но вот нашелся человек, И. Н. Смирнов, тоже один из лидеров оппозиции, у которого хватило мужества сказать правду об оппозиции, вытащить ее на свет божий. И что же оказалось? Оказалось, что мы идем к гибели и, ежели хотим спастись, должны учинить разлад с середняком. Не очень умно. Но зато ясно. И здесь меньшевистские уши показались, наконец, ко всеобщему сведению.

Четвертое. Вопрос о характере нашей революции. Ежели отрицается возможность построения социализма в нашей стране, ежели отрицается наличие диктатуры пролетариата, необходимость блока рабочего класса с крестьянством, — то что же остается тогда от нашей революции, от ее социалистического характера? Ясно, что ничего, ровно ничего. Пролетариат пришел к власти, довел до конца буржуазную революцию, крестьянству нечего делать теперь с революцией, так как оно уже получило землю, — значит, пролетариат может уходить, очистив место другим классам. Вот вам установка оппозиции, ежели добраться до корней оппозиционных взглядов. Вот вам все корни капитулянтства нашей оппозиции. Недаром ее расхваливает Абрамович.

Пятое. Вопрос о ленинской установке при руководстве колониальными революциями. Ленин исходил из различия между странами империалистскими и странами угнетенными, между политикой коммунизма в странах империализма и политикой коммунизма в странах колониальных. Исходя из этого различия, он говорил еще во время войны, что идея защиты отечества, неприемлемая и контрреволюционная для коммунизма в странах империализма, вполне приемлема и справедлива в странах угнетенных, ведущих войну против империализма. Именно поэтому он допускал на известной стадии и на известный срок возможность блока и даже союза с национальной буржуазией колониальных стран, ежели она ведет войну против империализма и ежели она не мешает коммунистам воспитывать рабочих и крестьянскую бедноту в духе коммунизма. Грехопадение оппозиции состоит тут в том, что она окончательно рвет с этой установкой Ленина, скатываясь к установке II Интернационала, отрицающего целесообразность поддержки революционных войн колониальных стран против империализма. Этим именно и объясняются все те злоключения, которые претерпела наша оппозиция в вопросе китайской резолюции. Вот вам еще одно расхождение.

Шестое. Вопрос о тактике единого фронта в мировом рабочем движении. Грехопадение оппозиции состоит здесь в том, что она рвет с ленинской тактикой в вопросе о постепенном завоевании миллионных масс рабочего класса на сторону коммунизма. Миллионные массы рабочего класса завоевываются на сторону коммунизма не только при условии правильности политики партии. Правильная политика партии — большое дело, но это далеко еще не все. Для того, чтобы миллионные массы рабочего класса перешли на сторону коммунизма, для этого необходимо, чтобы массы сами убеждались на своем собственном опыте в правильности политики коммунизма. А чтобы массы убедились, для этого необходимо время, для этого необходима искусная и умелая работа партии по подводу масс к своим позициям, искусная и умелая

работа партии по убеждению миллионных масс в правильности своей политики. Мы были правы еще в апреле 1917 г., ибо мы знали, что дело идет к свержению буржуазии и к установлению советской власти. Но мы не звали тогда широкие массы рабочего класса к восстанию. Почему? Потому, что массы еще не имели возможности убедиться в правильности нашей действительно правильной политики. Только тогда, когда мелкобуржуазные партии эсеров и меньшевиков оскандалились вконец в основных вопросах революции, только тогда, когда массы стали убеждаться в правильности нашей политики, только тогда мы повели массы на восстание. И именно потому, что мы во-время повели массы на восстание, именно поэтому мы одержали тогда победу. Вот в чем корни идеи единого фронта. Тактика единого фронта для того, собственно, и пущена в ход Лениным, чтобы облегчить миллионным массам рабочего класса капиталистических стран, зараженным пред-рассудками социал-демократического соглашательства, перейти на сторону коммунизма. Грехопадение оппозиции состоит в том, что она начисто отрицает эту тактику. Увлеченная одно время, глупо и неразумно увлеченная этой тактикой, она всячески приветствовала дело соглашения с Генсоветом в Англии, полагая, что это соглашение является «одной из серьезнейших гарантий мира», «одной из серьезнейших гарантий против интервенции», одним из серьезнейших средств «обезвреживания реформизма в Европе». Но, жестоко разочаровавшись в своих надеждах на обезвреживание реформизма при помощи Перселей и Хиксов, она ударилась потом в другую крайность, отрицая начисто идею тактики единого фронта. Вот вам, товарищи, еще одно расхождение, демонстрирующее полный отход оппозиции от ленинской тактики единого фронта.

Седьмое. Вопрос о ленинской партийности, о ленинском единстве в ВКП и в Коминтерне. Оппозиция здесь начисто рвет с ленинской организационной установкой, становясь на путь организации второй партии, на путь организации нового Интернационала. Вот вам семь основных вопросов, говорящих о том, что по этим вопросам оппозиция скатилась к меньшевизму.

Можно ли считать эти меньшевистские взгляды оппозиции совместимыми с идеологией нашей партии, с программой нашей партии, с ее тактикой, с тактикой Коминтерна, с организационной установкой ленинизма? Ни в коем случае, ни на одну минуту.

Вы скажете: как могла народиться у нас такая оппозиция, где ее социальные корни? Я думаю, что социальные корни оппозиции таятся в факте разорения мелкобуржуазных слоев города, в обстановке нашего развития, в факте недовольства этих слоев режимом диктатуры пролетариата, в стремлении этих слоев изменить этот режим, «улучшить» его в духе установления буржуазной демократии. Я уже говорил выше, что в результате нашего продвижения вперед, в результате роста нашей промышленности, в результате роста удельного веса социалистических форм хозяйства одна часть мелкой буржуазии, особенно городской буржуазии, разоряется и идет ко дну. Оппозиция отражает ропот и недовольство этих слоев режимом пролетарской революции.

Вот где социальные корни оппозиции.

4. Что же дальше?

Как быть дальше с оппозицией? Раньше чем перейти к этому вопросу, я хотел бы вам рассказать историю одного опыта совместной работы с Троцким, проделанной в 1911 г. т. Каменевым. Это очень интересный вопрос. Тем более, что он мог бы дать нам некий ключ к тому, чтобы

правильно подойти к поставленному вопросу. В 1910 г. был пленум нашего ЦК за границей. Он обсуждал вопрос о взаимоотношениях большевиков с меньшевиками, в частности с Троцким (мы составляли тогда часть одной общей с меньшевиками партии и именовали себя фракцией). Пленум высказался за примирение с меньшевиками, а, значит, и с Троцким, вопреки Ленину, против Ленина. Ленин остался в меньшинстве. А как же Каменев? Каменев взялся осуществлять сотрудничество с Троцким. И он осуществлял это сотрудничество не без ведома и согласия Ленина, ибо Ленин хотел на опыте доказать Каменеву вред и недопустимость сотрудничества с Троцким против большевизма.

Послушайте, как рассказывает об этом т. Каменев:

«В 1910 году большинством нашей фракции была проделана попытка примирения и соглашения с т. Троцким. Владимир Ильич относился к этой попытке резко отрицательно и, как бы «в наказание» за мою настойчивость в попытке добиться соглашения с т. Троцким, настоял на том, чтобы именно я был делегирован Центральным комитетом в качестве представителя последнего в редакцию газеты т. Троцкого. К осени 1910 г.— после нескольких месяцев работы в этой редакции — я убедился, что Владимир Ильич прав в своем отрицательном отношении к моей «примирительной» линии, и с его согласия я вышел из редакции органа т. Троцкого. Наш тогдашний разрыв с т. Троцким был отмечен рядом резких статей в центральном органе партии. Именно тогда Владимир Ильич и предложил мне написать брошюру, которая подводила бы итог нашим разногласиям и с ликвидаторами-меньшевиками и с т. Троцким. «Вы проделали опыт соглашения с самым левым (троцкистским) крылом антибольшевистских группировок, вы убедились в невозможности соглашения, вы и должны написать итоговую брошюру»,— говорил мне Владимир Ильич. Естественно, что Владимир Ильич особенно настаивал на том, чтобы именно в области отношений между большевизмом и тем, что мы тогда называли троцкизмом, все было договорено... до конца».

А какие получились от этого результаты? Слушайте дальше:

«Опыт совместной работы с Троцким,— смею сказать, опыт искренно мной проделанный, о чем только и свидетельствуют эксплуатируемые ныне Троцким мои письма и частные разговоры,— показал, что примиренчество неудержимо скатывается к защите ликвидаторства, решительно становится на сторону последнего».

И далее:

«О, если бы «троцкизм» победил, как настроение в партии,— какое раздолье было бы для ликвидаторства, для отзовизма, для всех противоборствующих партии течений».

Вот вам, товарищи, опыт совместной работы с Троцким. (*Голос:* «Поучительный опыт».) Результаты этого опыта изобразил тогда т. Каменев в специальной брошюре, вышедшей в 1911 г. под названием «Две партии». Я не сомневаюсь, что брошюра эта принесла пользу всем тем товарищам, которые еще имели иллюзии насчет сотрудничества с Троцким. И вот у меня такой вопрос: не попытался ли бы тов. Каменев написать еще одну бро-

шюру, тоже под названием «Две партии», насчет нынешнего опыта его сотрудничества с Троцким? (*Общий смех. Аплодисменты.*) Может быть, это было бы небесполезно. Конечно, я не могу дать тов. Каменеву гарантию, что теперь Троцкий, так же, как и тогда, не использует его писем и интимных разговоров против него. (*Общий смех.*) Но едва ли стоит этого бояться. Во всяком случае, тут надо выбирать: либо боязнь того, что Троцкий использует письма Каменева и разгласит его тайные разговоры с Троцким, и тогда опасность остаться вне партии, либо отбросить всякую боязнь и остаться в партии. Так стоит теперь вопрос, товарищи. Либо одно, либо другое.

Говорят, что оппозиция имеет в виду послать съезду некое заявление насчет того, что она, оппозиция, подчиняется и будет подчиняться всем решениям партии (*голос:* «Так же, как в октябре 1926 года?»), распустил свою фракцию (*голос:* «Мы слышали это два раза») и будет отстаивать свои взгляды, от которых она не отказывается (*голоса:* «О-о!», «Нет, мы уж лучше их сами распустим!»), в рамках партийного устава. (*Голоса:* «С оговорочками». «У нас рамки не резиновые.») Я думаю, товарищи, что ничего из этой штуки не выйдет. (*Голоса:* «Правильно!» *Продолжительные аплодисменты.*) У нас тоже имеется, товарищи, некий опыт заявлений (*аплодисменты*), некий опыт двух заявлений (*голоса:* «Правильно!»), от 16 октября 1926 г. и от 8 августа 1927 г. К чему этот опыт привел? Хотя я не собираюсь писать брошюру «Две партии», однако смею заявить, что этот опыт привел к самым отрицательным результатам (*голоса:* «Правильно!»), к обману партии дважды, к ослаблению партийной дисциплины. Какие имеет теперь оппозиция основания требовать от нас, чтобы мы, съезд великой партии, съезд партии Ленина, после такого опыта могли поверить им на слово? (*Голоса:* «Это была бы глупость». «Кто поверит, тому влетит.»)

Говорят, что они ставят также вопрос о возвращении в партию исключенных. (*Голоса:* «Не пройдет». «Пусть идут в меньшевистское болото».) Я думаю, товарищи, что это тоже не выйдет. (*Продолжительные аплодисменты.*)

Почему партия исключила Троцкого и Зиновьева? Потому, что они — организаторы всего дела оппозиции (*голоса:* «Правильно!»), потому, что они поставили себе целью ломать законы партии, потому, что они возомнили, что их не осмелятся тронуть, потому, что они захотели создать себе в партии дворянское положение. Но разве мы хотим иметь в партии дворян, пользующихся привилегиями, и крестьян, лишенных этих привилегий? Неужели мы, большевики, выкорчевавшие с корнями дворянское сословие, будем теперь восстанавливать его в нашей партии? (*Аплодисменты.*) Вы спрашиваете: почему мы исключили Троцкого и Зиновьева из партии? Потому, что мы не хотим иметь в партии дворян. Потому, что закон у нас в партии один, и все члены партии равны в своих правах. (*Возгласы:* «Правильно!» *Продолжительные аплодисменты.*) Если оппозиция хочет жить в партии, пусть она подчиняется воле партии, ее законам, ее указаниям без оговорок, без экивоков. Не хочет она этого, — пусть уходит, где ей привольнее будет. (*Голоса:* «Правильно!» *Аплодисменты.*) Новых законов, льготных для оппозиции, мы не хотим и не будем создавать. (*Аплодисменты.*)

Спрашивают об условиях. Условие у нас одно: оппозиция должна разружиться целиком и полностью и в идейном и в организационном отношении. (*Возгласы: «Правильно!» Продолжительные аплодисменты.*) Она должна отказаться от своих антибольшевистских взглядов открыто и честно, перед всем миром (*Возгласы: «Правильно!» Продолжительные аплодисменты.*) Она должна заклеить ошибки, ею совершенные, ошибки, превратившиеся в преступление против партии, открыто и честно, перед всем миром. Она должна передать нам свои ячейки для того, чтобы партия имела возможность распустить их без остатка. (*Возгласы: «Правильно!» Продолжительные аплодисменты.*) Либо так, либо пусть уходят из партии. А не уйдут — вышибем. (*Возгласы: «Правильно!» Продолжительные аплодисменты.*)

Так обстоит дело, товарищи, с оппозицией.

IV. Общий итог

Я кончаю, товарищи. Каков общий итог за отчетный период? Итог следующий:

1) мы отстояли мир с окружающими государствами, несмотря на величайшие трудности, несмотря на провокационные выпады буржуазии «великих держав»;

2) мы укрепили смычку рабочего класса СССР с рабочими империалистических стран и колоний, несмотря на уйму препятствий, несмотря на море клеветы подкупной стоустой буржуазной прессы;

3) мы подняли авторитет пролетарской диктатуры, среди миллионов трудящихся масс во всех частях света;

4) мы как партия помогли Коминтерну и его секциям у крепить свое влияние во всех странах мира;

5) мы сделали все, что только может сделать одна страна, для развития и ускорения мирового революционного движения;

6) мы подняли нашу социалистическую индустрию, установив для ее развития рекордный темп и утвердив ее гегемонию во всем народном хозяйстве;

7) мы установили смычку социалистической индустрии с крестьянским хозяйством;

8) мы укрепили союз рабочего класса с середняком при опоре на бедноту;

9) мы укрепили диктатуру пролетариата в нашей стране, не-смотря на враждебное международное окружение, показав рабочим всех стран, что пролетариат умеет не только разрушать капитализм, ни и строить социализм;

10) мы укрепили партию, отстояли ленинизм и разбили на-голову (так в книге Ю.З.) оппозицию.

Таков общий итог.

Вывод какой? Вывод один: мы стоим на правильном пути, политика нашей партии правильна. (*Голоса: «Правильно!» Аплодисменты.*)

А из этого следует, что, двигаясь по этому пути, мы придем наверняка к победе социализма в нашей стране, к победе социализма во всех странах. (*Продолжительные аплодисменты.*)

Это еще не значит, что у нас не будет трудностей на нашем пути. Трудности будут. Но мы их не боимся, ибо мы — большевики, закаленные в огне революции. Трудности будут. Но мы их преодолеем, как преодолевали до сих пор, ибо мы — большевики, выкованные железной партией Ленина для того, чтобы бороться с трудностями и преодолевать их, а не хныкать и плакаться.

И именно потому, что мы — большевики, мы победим наверняка.

Товарищи! К победе коммунизма в нашей стране, к победе коммунизма во всем мире — вперед! *(Бурные и продолжительные аплодисменты. Все встают и устраивают тов. Сталину овацию. Поют «Интернационал».)*

И. Сталин. Заключительное слово по политотчету ЦК XV съезду ВКП(б)

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Товарищи! После речей целого ряда делегатов мне остается сказать немного. О речах тт. Евдокимова и Муралова я не имею сказать что-либо по существу, так как они не дают для этого материала. О них можно было бы сказать лишь одно: да простит им аллах прегрешения их, ибо они сами не ведают, о чем болтают. *(Смех, аплодисменты.)* Я хотел бы остановиться на речах т. Раковского и, особенно, т. Каменева, речь которого является самой фарисейской и самой лживой из всех речей оппозиционеров. *(Голоса: «Правильно!»)*

1. О речи тов. Раковского

а) *О внешней политике.* Я думаю, что т. Раковский зря затронул здесь вопрос о войне и внешней политике. Всем известно, что т. Раковский нагнул на московской конференции по вопросу о войне. Сюда пришел он и взял слово, видимо, для того, чтобы исправить глупость. А вышло еще глупее. *(Смех.)* Я думаю, что было бы выгоднее для т. Раковского помолчать о внешней политике.

б) *О левом и правом.* Тов. Раковский утверждает, что оппозиция является левым сектором нашей партии. Это курам на смех, товарищи. Такие заявления делаются, очевидно, для самоутешения политических банкротов. Доказано, что оппозиция есть меньшевистское крыло нашей партии, что оппозиция скатилась к меньшевизму, что оппозиция превратилась объективно в орудие для буржуазных элементов. Все это доказано и передоказано. Какая же может быть тут речь о левизне оппозиции? Где же это слышано, чтобы меньшевистская группа, объективно превратившаяся в орудие для третьей силы, для буржуазных элементов, чтобы такая группа была левей, чем большевики? Разве не ясно, что оппозиция есть правое, меньшевистское крыло в ВКП? Тов. Раковский, очевидно, окончательно запутался и спутал правое с левым. Помните гоголевского Селифа-на: «Эх, ты... Не знает, где право, где лево!»

в) *Опомощи оппозиции.* Тов. Раковский заявляет, что оппозиция готова поддерживать партию, если нападут на нас империалисты. Эдакая, подумаешь, милость! Они, маленькая группа, представляющая едва полпроцента в нашей

партии, они милостиво обещают нам помощь, если нападут на нашу страну империалисты. Не верим мы в вашу помощь, и не нужна она нам, товарищи из оппозиции! Мы просим вас лишь об одном: не мешайте нам, перестаньте нам мешать! Все остальное сделаем сами, можете быть уверены в этом. (*Голоса: «Правильно!» Аплодисменты.*)

г) О «сигнализаторах». Тов. Раковский заявляет, далее, что оппозиция сигнализирует нам об опасностях, о трудностях, о гибели нашей страны. Вот уж действительно сигнализаторы, спасающие партию от гибели, когда сами гибнут и действительно нуждаются в спасении! Сами еле на ногах стоят, а лезут спасать других! Не смешно ли это, товарищи? (*Смех.*) Представьте себе маленькую лодку, которая еле держится на поверхности моря и вот-вот должна погибнуть, и представьте себе великолепный пароход, который мощно прорезает волны и уверенно двигается вперед. Что бы вы сказали, если бы эта маленькая лодочка сунулась спасать громадный пароход? (*Смех.*) Не правда ли, это было бы более чем смешно? В таком именно положении находятся теперь наши сигнализаторы из оппозиции. Они сигнализируют нам об опасностях, о трудностях, о гибели и обо всем, о чем угодно, а сами идут ко дну, не замечая, что они уже спустились на дно. Говоря о себе как о сигнализаторах, оппозиционеры претендуют тем самым на руководство партией, рабочим классом, страной. Спрашивается — на каком основании? Разве они, оппозиционеры, доказали на деле, что способны вообще руководить чем-либо, не говоря уже о руководстве партией, классом, страной? Разве это не факт, что оппозиция во главе с такими людьми, как Троцкий, Зиновьев, Каменев, руководит всей группой вот уже два года? Разве это не факт, что, руководя своей группой, лидеры оппозиции привели ее к окончательному краху? Разве это не факт, что оппозиция вела свою группу за эти два года от поражения к поражению? О чем это говорит, как не о том, что лидеры оппозиции оказались несостоятельными, что их руководство оказалось руководством на поражение, а не на победу? Но ежели лидеры оппозиции оказались несостоятельными в малом, то какое имеется основание думать, что они окажутся состоятельными в большом? Разве не ясно, что людям, обанкротившимся на руководстве маленькой группой, никто не решится поручить руководство таким большим делом, как партия, рабочий класс, страна? Вот чего не хотят понять наши сигнализаторы.

2. О речи тов. Каменева

Я перехожу к речи т. Каменева. Речь эта является самой лживой, самой фарисейской, самой шулерской и мошеннической из всех оппозиционных речей, произнесенных здесь, с этой трибуны. (*Голоса: «Правильно!» Аплодисменты.*)

а) *Два лица в одном естестве.* Первое чем занялся т. Каменев в своей речи, — это замести следы. Представители партии говорили здесь о достижениях нашей партии, об успехах нашего строительства, об улучшении нашей работы и т. д. Они говорили, далее, о меньшевистском грехопаде-

нии товарищей из оппозиции, о том, что они скатились к меньшевизму, отрицая возможность успешного строительства социализма в нашей стране, отрицая существование пролетарской диктатуры в СССР, отрицая целесообразность политики союза рабочего класса с середняком, распространяя клевету насчет термидора и т. д. Они говорили, наконец, о том, что такие взгляды оппозиции несовместимы с принадлежностью к нашей партии, что оппозиция должна отказаться от этих меньшевистских взглядов, если она хочет остаться в партии. И что же? Тов. Каменев не нашел ничего лучшего, как обойти эти вопросы, замести следы и пройти мимо. Его спрашивают о важнейших вопросах нашей программы, нашей политики, нашего строительства. А он обходит их, как будто это его и не касается. Можно ли назвать такое поведение т. Каменева серьезным отношением к делу? Ясно, что нельзя. Чем объяснить такое поведение оппозиции? Его можно объяснить лишь одним: желанием обмануть партию, усыпить ее бдительность, надуть еще раз партию. У оппозиции два лица: одно — фарисейски-ласковое, другое — меньшевистско-антиреволюционное. Она показывает партии свое фарисейски-ласковое лицо, когда партия нажимает на нее и требует от нее отказа от фракционности, от политики раскола. Она показывает свое меньшевистско-антиреволюционное лицо, когда она берется апеллировать к непролетарским силам, когда она берется апеллировать к улице против партии, против советской власти. Сейчас она обращается к нам, как видите, своим фарисейски-ласковым лицом, желая еще раз обмануть партию. Вот почему т. Каменев постарался замести следы, обходя важнейшие вопросы наших разногласий. Можно ли терпеть дальше эту двойственность, это двуличие? Ясно, что нельзя терпеть больше ни одной минуты. Одно из двух: либо оппозиция хочет говорить с партией серьезно,— и тогда она должна сбросить маску; либо она думает и впредь сохранить два лица, но тогда ей придется остаться вне партии. (*Голоса: «Правильно!»*)

б) *О традициях большевизма.* Каменев уверяет, что в традициях нашей партии, в традициях большевизма нет того, чтобы можно было требовать от члена партии отказа от некоторых взглядов, несовместимых с нашей партийной идеологией, с нашей программой. Верно ли это? Конечно, не верно. Более того,— это ложь, товарищи! Разве это не факт, что мы все, вместе с Каменевым, исключали из партии Мясникова и мясниковцев? За что мы их исключали? Да за то, что их меньшевистские взгляды оказались несовместимыми со взглядами партии. Разве это не факт, что мы все, вместе с Каменевым, исключали из партии одну часть «рабочей оппозиции»? За что же мы их исключали? Да за то, что их меньшевистские взгляды оказались несовместимыми со взглядами нашей партии. А за что исключили из партии Оссовского, Дашковского? За что исключили из Коминтерна Маслова, Рут Фишер, Каца и др.? За то, что их взгляды оказались несовместимыми с идеологией Коминтерна, с идеологией ВКП. Наша партия не была бы ленинской партией, если бы она считала допустимым существование антиленинских элементов в составе наших организаций. Почему бы, в таком случае, не ввести в нашу партию меньшевиков? Как быть с такими людьми, которые, будучи в нашей партии, скатились к меньшевизму и

ведут пропаганду за свои антиленинские взгляды? Что может быть общего между ленинской партией и такими людьми? Тов. Каменев клеветает на нашу партию, он рвет с традициями нашей партии, он рвет с традициями большевизма, утверждая, что можно терпеть в составе нашей партии людей, исповедующих и проповедующих меньшевистские взгляды. И именно потому, что т. Каменев, а вместе с ним и вся оппозиция, топчут ногами революционные традиции нашей партии,— именно поэтому партия ставит вопрос об отказе оппозиции от ее антиленинских взглядов.

в) *Мнимая принципиальность оппозиции.* Тов. Каменев уверяет, что ему и другим оппозиционерам трудно отказаться от своих взглядов, так как они привыкли по-большевистски защищать свои взгляды. Он говорит, что было бы беспринципностью со стороны оппозиции, если бы она отказалась от своих взглядов. Выходит, таким образом, что лидеры оппозиции являются высоко-принципиальными людьми. Так ли уж это верно, товарищи? Так ли уж они, лидеры оппозиции, дорожат своими принципами, своими взглядами, своими убеждениями? Не похоже что-то, товарищи. Не похоже, если иметь в виду историю образования оппозиционного блока. (Смех.) Дело обстоит совсем наоборот. История говорит, факты говорят, что никто еще не перескакивал так легко от одних принципов к другим, никто еще не менял так легко и свободно своих взглядов, как лидеры нашей оппозиции. Почему бы и теперь не отказаться им от своих взглядов, если этого требуют интересы партии?

Вот вам несколько примеров из истории троцкизма.

Известно, что Ленин, собирая партию, созвал конференцию большевиков в 1912 г. в Праге. Известно, что эта конференция имела величайшее значение в истории нашей партии, ибо она положила между большевиками и меньшевиками и объединила большевистские организации по всей стране в единую большевистскую партию. Известно, что в том же 1912 г. произошло меньшевистское совещание августовского блока во главе с Троцким. Известно, далее, что это совещание объявило войну большевистской конференции и призвало рабочие организации к ликвидации ленинской партии. В чем же обвиняло тогда совещание августовского блока Троцкого большевистскую конференцию в Праге? Во всех смертных грехах. Оно обвиняло ее в узурпаторстве, в сектантстве, в организации государственного переворота и чорт знает еще в чем. Вот как отзывалось тогда совещание августовского блока о большевистской конференции в Праге в своем заявлении II Интернационалу:

«Совещание заявляет, что эта конференция (конференция большевиков в Праге в 1912 г. — *И. Ст.*) является *открытой попыткой группой лиц*, которые совершенно сознательно вели партию к расколу, *узурпировать знамя партии*, и выражает свое глубокое сожаление по поводу того, что несколько партийных организаций и товарищей пали жертвой этого *обмана* и этим содействовали раскольнической и узурпаторской политике *ленинской секты*. Совещание высказывает свое убеждение, что все партийные организации в России и за границей будут протестовать против *произведенного государственного переворота*, не будут признавать избранных конференцией центральных инстанций и всеми средствами будут содействовать восстановлению единства партии

при помощи созываемой действительной общей партийной конференции». (Из заявления августовского блока во II Интернационал, опубликованного в «Форвертсе» 26 марта 1912 г.)

Вы видите, что тут есть все: и ленинская секта, и узурпация, и государственный переворот (термидор!).

И что же? Прошло несколько лет,— и Троцкий отказался от этих своих взглядов на большевистскую партию. И не только отказался, но приполз на брюхе к большевистской партии, войдя в нее как один из ее активных членов. *(Смех.)*

Какое имеется основание предполагать после всего этого, что Троцкий и троцкисты не сумеют еще раз отказаться от своих взглядов насчет термидорианских тенденций («государственный переворот») в нашей партии, насчет узурпации и т. д.?

Другой пример из той же области. Известно, что в конце 1924 г. Троцкий издал брошюру под названием «Уроки Октября». Известно, что в этой брошюре Троцкий квалифицировал Каменева и Зиновьева как правое, полуменьшевистское крыло нашей партии. Известно, что брошюра Троцкого послужила причиной целой дискуссии в нашей партии. И что же? Прошло всего около года,— и Троцкий отказался от своих взглядов, провозгласив, что Зиновьев и Каменев представляют не правое крыло нашей партии, а ее левое, революционное крыло.

Еще пример, уже из области истории зиновьевской группы. Известно, что Зиновьев и Каменев написали целый ворох брошюр против троцкизма. Известно, что еще в 1925 г. Зиновьев и Каменев объявили, вместе со всей партией, о несовместимости троцкизма с ленинизмом. Известно, что Зиновьев и Каменев, вместе со всей партией, проводили резолюции как на съездах нашей партии, так и на V конгрессе Коминтерна о мелкобуржуазном уклоне троцкизма. И что же? Не прошло и года после этого, как они отреклись от своих взглядов, отказались от них и провозгласили, что группа Троцкого является подлинно ленинской и революционной группой в составе нашей партии. *(Голос: «Взаимная амнистия!»)*

Таковы, товарищи, факты, количество которых можно было бы увеличить при желании.

Не ясно ли из этого, что высокая принципиальность лидеров оппозиции, о которой здесь повествует нам т. Каменев, является сказкой, не имеющей ничего общего с действительностью? Не ясно ли, что никому еще в нашей партии не удавалось так легко и свободно отречься от своих принципов, как Троцкому, Зиновьеву и Каменеву? *(Смех.)* Спрашивается: какое имеется основание предполагать, что лидеры оппозиции, отказывавшиеся несколько раз от своих принципов, от своих взглядов, не сумеют еще раз отказаться от них? Не ясно ли, что наши требования об отказе оппозиции от своих меньшевистских взглядов не так уж тяжелы для лидеров оппозиции, как это старается изобразить т. Каменев? *(Смех.)* Не впервые им приходится отказываться от своих взглядов —почему бы им не отказаться от них еще разок? *(Смех.)*

г) *Либо партия, либо оппозиция.* Каменев уверяет, что нельзя требовать от оппозиционеров отказа от некоторых их взглядов, ставших несовмести-

мыми с идеологией и программой партии. Я уже говорил, насколько несерьезно это уверение Каменева, если иметь в виду прошлое и настоящее оппозиционного блока. Но допустим на минутку, что т. Каменев прав. Но что же тогда получается? Может ли партия, наша партия, отказаться от своих взглядов, убеждений, принципов? Можно ли требовать от нашей партии, чтобы она отказалась от своих взглядов, от своих принципов? У партии составилось определенное убеждение о том, что оппозиция должна отказаться от своих антиленинских взглядов, что без этого она будет вынуждена вылететь из партии. Если нельзя требовать от оппозиции отказа от ее убеждений, то почему можно требовать от партии отказа от ее взглядов и убеждений насчет оппозиции? А ведь у Каменева выходит, что оппозиция не может отказаться от своих антиленинских взглядов, а партия должна отказаться от своих взглядов насчет того, что невозможно оставить оппозицию в нашей партии без отказа оппозиции от своих антиленинских взглядов. Где же тут логика? (*Смех. Аплодисменты.*) Тов. Каменев уверяет, что оппозиционеры являются мужественными людьми, отстаивающими свои убеждения до конца. Я мало верю в мужество и принципиальную выдержанность лидеров оппозиции. Я особенно мало верю в мужество, например, Зиновьева или Каменева (*смех*), которые вчера разносили Троцкого, а сегодня с ним лобызаются. (*Голос: «Привыкли в чехарду играть!»*) Но допустим на минутку, что некоторая доля мужества и принципиальной выдержки осталась еще у лидеров нашей оппозиции. Какое есть основание предполагать, что у партии имеется меньше мужества и принципиальной выдержки, чем, скажем, у Зиновьева, Каменева или Троцкого? Какое имеется основание предположить, что партии легче будет отказаться от своих убеждений насчет оппозиции, насчет несовместимости ее меньшевистских взглядов с идеологией и программой партии, чем у лидеров оппозиции, меняющих то и дело свои взгляды, как перчатки? (*Смех.*) Не ясно ли из этого, что Каменев требует от партии отказа от ее взглядов насчет оппозиции и ее меньшевистских ошибок? Не слишком ли далеко заходит т. Каменев? Не согласится ли он признать, что опасно заходить так далеко? Вопрос стоит так: либо партия, либо оппозиция. Либо оппозиция отказывается от своих антиленинских взглядов, либо она этого не сделает,— и тогда в партии не останется от нее даже воспоминания. (*Голоса: «Правильно!» Аплодисменты.*)

д) *Оппозиция порвала с традициями большевизма.* Каменев утверждает, что в большевистских традициях нет того, чтобы требовать от членов партии отказа от их взглядов. Тов. Рыков вполне доказал, что это неверно. Факты говорят, что Каменев говорит прямую неправду. Но вот вопрос: есть ли в большевистских традициях то, что позволяла и продолжает позволять себе оппозиция? Оппозиция организовала фракцию и превратила ее в партию внутри нашей большевистской партии. Но где это слыхано, чтобы большевистские традиции позволяли кому-нибудь допускать такое безобразие? Как можно говорить о большевистских традициях, допуская вместе с тем раскол в партии и образование в ней новой, антибольшевистской партии? Далее. Оппозиция организовала нелегальную типографию, заключив блок с

буржуазными интеллигентами, которые, в свою очередь, оказались в блоке с явными белогвардейцами. Спрашивается: как можно говорить о традициях большевизма, допуская это безобразие, граничащее с прямой изменой партии и советской власти? Наконец, оппозиция организовала антипартийную, антисоветскую демонстрацию, апеллируя к улице, апеллируя к непролетарским элементам. Но как можно говорить о большевистских традициях, апеллируя к улице против своей партии, против своей советской власти? Где же это слыхано, чтобы большевистские традиции допускали такое безобразие, граничащее с прямой контрреволюционностью? Не ясно ли, что т. Каменев говорит о традициях большевизма для того, чтобы прикрыть свой разрыв с этими традициями во имя интересов своей антибольшевистской группы? Из апелляции к улице ничего у оппозиции не получилось, так как она оказалась ничтожной группой. Но это не вина, а беда ее. А что, если бы у оппозиции оказалось немного больше сил? Не ясно ли, что апелляция к улице превратилась бы в прямой путч против советской власти? Разве трудно понять, что эта попытка оппозиции, по сути дела, ничем не отличается от известной попытки левых эсеров в 1918 г.? (*Голоса: «Правильно!»*) По правилу, за такие попытки оппозиции мы должны были бы их всех переарестовать 7 ноября. (*Голоса: «Правильно!» Продолжительные аплодисменты.*) Мы не сделали этого только потому, что пожалели оппозицию, проявили великодушие и хотели дать ей возможность одуматься. А они расценили наше великодушие как слабость. Не ясно ли, товарищи, что разговоры Каменева о большевистских традициях есть пустая и фальшивая болтовня, долженствующая прикрыть разрыв оппозиции с традициями большевизма?

е) *Об единстве мнимом и единстве подлинном.* Тов. Каменев пел здесь об единстве. Он прямо заливался, прося партию притти на помощь и учинить единство «во что бы то ни стало». Они, видите ли, против политики двух партий. Они, видите ли, за единство партии «во что бы то ни стало». А между тем нам известно наверняка, что в тот самый момент, когда Каменев пел здесь об единстве партии, его единомышленники выносили на своих нелегальных собраниях резолюции о том, что заявление оппозиции об единстве есть маневр, рассчитанный на сохранение своих сил и продолжение своей раскольнической политики. С одной стороны — песни об единстве на съезде ленинской партии. С другой стороны — работа оппозиционеров в подпольи по расколу партии, по организации второй партии, по подрыву единства партии. Это называется у них единством «во что бы то ни стало». Не пора ли бросить эту преступную игру?

Каменев говорил об единстве. Единство с кем? Единство с партией или с Щербаковым? Не пора ли понять, что нельзя соединять в одном единстве и партию и Щербакова? Каменев говорил об единстве. Единстве с кем? С Масловым и Сувариным или с Коминтерном и ВКП? Не пора ли понять, что нельзя говорить об единстве ВКП и Коминтерна, оставаясь в единстве с Масловыми и с Сувариными? Не пора ли понять, что невозможно соединить ленинские взгляды с меньшевистскими взглядами оппозиции? Соединить Ленина с Абрамовичем? Нет уж, товарищи! Пора бросить игру!

Вот почему я думаю, что разговоры Каменева об единстве «во что бы то ни стало» есть фарисейская игра, рассчитанная на обман партии.

Нам нужно настоящее единство, а не игра в единство. Есть ли у нас настоящее, ленинское единство в нашей партии? Да, есть. Ежели 99% нашей партии голосует за партию и против оппозиции, то это есть настоящее и подлинное пролетарское единство, какого не бывало еще в нашей партии. Вот вам съезд партии, в составе которого не имеется ни одного оппозиционного делегата. (*Аплодисменты.*) Что это, как не единство нашей ленинской партии? Это и называется у нас ленинским единством большевистской партии.

ж) *«Оппозиция—крышка!»* Партия сделала все, что только можно было сделать, для того чтобы поставить оппозицию на ленинский путь. Партия проявила максимум мягкости и великодушия для того, чтобы дать оппозиции одуматься и исправить свои ошибки. Партия предложила оппозиции отказаться открыто и честно, перед лицом всей партии, от своих антиленинских взглядов. Партия предложила оппозиции признать свои ошибки и заклеить их, чтобы раз навсегда освободиться от них. Партия предложила оппозиции разоружиться полностью и в идейном и в организационном отношении.

Чего добивается этим партия? Она добивается того, чтобы покончить с оппозицией и перейти к положительной работе. Она добивается того, чтобы ликвидировать, наконец, оппозицию и получить возможность взяться вплотную за наше великое дело строительства. Ленин говорил на X съезде: «Не надо теперь оппозиции, для оппозиции теперь конец, крышка, теперь довольно нам оппозиции!» Партия хочет, чтобы этот лозунг Ленина был, наконец, осуществлен в рядах нашей партии. (*Продолжительные аплодисменты.*) Разоружится оппозиция — хорошо. Не хочет она разоружаться — сами разоружим. (*Голоса: «Правильно!» Аплодисменты.*)

Итог

Из речи Каменева видно, что оппозиция не намерена разоружиться полностью. Заявление оппозиции от 3 декабря говорит о том же. Видимо, оппозиция предпочитает остаться вне партии. Ну, что же, — пусть остается вне партии; в том, что они предпочитают остаться вне партии, в том, что они отсекают себя от партии, — в этом нет ничего ни ужасного, ни особенного, ни удивительного. Если просмотреть историю нашей партии, то станет ясным, что всегда, при известных серьезных поворотах нашей партии, известная часть старых лидеров выпадала из тележки большевистской партии, очищая место для новых людей. Поворот — это серьезное дело, товарищи. Поворот опасен для тех, кто не крепко сидит в партийной тележке. При повороте не всякий может удержать равновесие. Повернул тележку, глядь — и кое-кто выпал из нее. (*Аплодисменты.*)

Возьмем 1903 г., период второго съезда нашей партии. Это был период поворота партии от соглашения с либералами к смертельной борьбе с либеральной буржуазией, от подготовки борьбы с царизмом к открытой борьбе с ним за полный разгром царизма и феодализма. Во главе партии стояла

тогда шестерка: Плеханов, Засулич, Мартов, Ленин, Аксельрод, Потресов. Поворот оказался роковым для пяти членов этой шестерки. Они выпали из тележки. Ленин остался в единственном числе. (*Аплодисменты.*) Получилось так, что старые лидеры партии, основатели партии (Плеханов, Засулич, Аксельрод) плюс двое молодых (Мартов, Потресов) оказались против одного, тоже молодого, т. Ленина. Если бы вы знали, сколько было тогда воплей, плача и завываний о том, что партия погибнет, партия не устоит, что без старых лидеров ничего не выйдет. Однако вопли и жалобы отпали, а факты остались. А факты были таковы, что именно благодаря отходу пятерки удалось партии выбраться на дорогу. Теперь ясно каждому большевику, что без решительной борьбы Ленина с пятеркой, без оттеснения пятерки наша партия не могла бы сплотиться как партия большевиков, способная повести пролетариев на революцию против буржуазии. (*Голоса: «Верно!»*)

Возьмем следующий период, период 1907/08 гг. Это был период поворота нашей партии от открытой революционной борьбы с царизмом к обходным путям борьбы, к использованию всех и всяких легальных возможностей — от страховых касс до думской трибуны. Это был период отступления, после того как мы оказались разбитыми в революции 1905 г. Поворот этот требовал от нас усвоения новых методов борьбы, для того чтобы, собравшись с силами, вновь пойти на открытую революционную борьбу против царизма. Но поворот этот оказался роковым для целого ряда старых большевиков. Выпал из тележки Алексинский. Он был одно время совсем недурным большевиком. Выпал Богданов. Он был одним из серьезнейших лидеров нашей партии. Выпал Рожков — бывший член ЦК нашей партии. И так дальше. Воплей и завываний насчет гибели партии было тогда, пожалуй, не меньше, чем в 1903 г. Однако вопли отпали, а факты остались. Факты же говорили о том, что наша партия не сумела бы выбраться на дорогу в новых условиях борьбы без очищения ее от колеблющихся и тормозящих дело революции людей. Чего добивался тогда Ленин? Только одного: поскорее освободить партию от неустойчивых и хныкающих элементов, чтобы они не путались в ногах. (*Аплодисменты.*)

Вот как росла, товарищи, наша партия.

Наша партия есть живой организм. Как и во всяком организме, в ней происходит обмен веществ: старое, отживающее, — выпадает (*аплодисменты*), новое, растущее, — живет и развивается. (*Аплодисменты.*) Отходят одни, и вверху и внизу. Растут новые, и вверху и внизу, ведя дело вперед. Так росла наша партия. Так будет она расти и впредь.

То же самое надо сказать о настоящем периоде нашей резолюции. Мы переживаем теперь период поворота от восстановления промышленности и сельского хозяйства к реконструкции всего народного хозяйства, к перестройке его на новой технической базе, когда строительство социализма является уже не перспективой только, а живым практическим делом, требующим преодоления серьезнейших трудностей внутреннего и внешнего порядка. Вы знаете, что этот поворот оказался роковым для лидеров нашей оппозиции, испугавшихся новых трудностей и вознамерившихся повернуть партию в сторону капитуляции. И если теперь выпадут из те-

лежки некоторые лидеры, не желающие твердо сидеть в тележке, то в этом нет ничего удивительного. Это только избавит партию от людей, путающихся в ногах и мешающих ей двигаться вперед. Видимо, они серьезно хотят освободиться от нашей партийной тележки. Ну, что же, если кое-кто из старых лидеров, превращающихся в хламье, намерены выпасть из тележки, — туда им и дорога! (*Бурные, продолжительные аплодисменты. Весь съезд встает и устраивает т. Сталину овацию.*)

«XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)». Стенографический отчет, ч. I, стр. 66—80, 358—367, Партиздат, 1935 г.

РЕЗОЛЮЦИИ XV СЪЕЗДА ВКП(б)

Об оппозиции

Пятнадцатый съезд, заслушав доклад комиссии, тщательно изучившей все материалы, касающиеся оппозиции, констатирует следующее:

1. Оппозиция в области *идеологической* от разногласий тактического характера перешла к разногласиям *программного* характера, ревизуя взгляды Ленина и скатившись к позиции меньшевизма. Отрицание возможности победоносного строительства социализма в СССР и, следовательно, отрицание социалистического характера нашей революции; отрицание социалистического характера государственной промышленности; отрицание социалистических путей развития в деревне в условиях пролетарской диктатуры и политики союза пролетариата с основными массами крестьянства на базе социалистического строительства; наконец, фактическое отрицание пролетарской диктатуры в СССР («термидор») и связанное с этим капитулянтство и пораженчество, — вся эта идейная установка превратила троцкистскую оппозицию в орудие мелкобуржуазной демократии внутри СССР и в вспомогательный отряд международной социал-демократии за его пределами.

2. В области *тактической* оппозиция, усиливая и обостряя свою работу против партии, перешла за грань не только устава партии, но и за грань советской легальности (нелегальные собрания, нелегальные типографии, нелегальные органы печати, насильственный захват помещений и т.д.). Завершением этой антисоветской тактики явился переход к открытой борьбе против режима пролетарской диктатуры, к устройству уличных демонстраций против партии и советского правительства 7 ноября 1927 г. Антисоветская тактика оппозиции, применяемая и за границей, связанная с пропагандой клеветнических наветов против СССР, фактически поставила оппозицию в один ряд с открытыми врагами страны диктатуры пролетариата.

3. В области *организационных* вопросов оппозиция, опираясь на ревизию ленинских взглядов, от фракционности перешла к созданию своей собствен-

ной троцкистской партии. Комиссия установила с полной очевидностью наличие у оппозиции своего центрального комитета, областных, губернских, городских и районных центров, технического аппарата, членских взносов, печатных органов и т. д. и т. п. За границей троцкистская партия связалась не только с фракционными группками антиленинского толка, имеющимися внутри партий Коминтерна, но и с организациями, группами и отдельными лицами, никогда к Коммунистическому Интернационалу не принадлежавшими, равно как и с исключенными из Коминтерна врагами и изменниками коммунистического движения (Маслов, Рут Фишер, Корш, Суварин, Росмер, Роланд Гольст, Либерс и т. д. и т. п.). Такая *организационная* практика оппозиции привела к тому, что внутри СССР оппозиция связалась с беспартийными буржуазными интеллигентами (Щербаков и К⁰), в свою очередь связанными с открытыми контрреволюционерами, а за пределами СССР — стала предметом широчайшей поддержки со стороны буржуазии всех стран.

Исходя из всего вышеизложенного, XV съезд считает, что ЦК и ЦКК поступили правильно, исключив Троцкого и Зиновьева 14 ноября 1927 г. из рядов ВКП(б), а других оппозиционных членов ЦК и ЦКК — из состава этих последних и поставив вопрос об оппозиции в целом на обсуждение съезда.

Съезд в своей резолюции по отчету ЦК заявил, что принадлежность к троцкистской оппозиции и пропаганда ее взглядов являются несовместимыми с принадлежностью к ВКП(б). Съезд считает в связи с этим, что оппозиция должна разоружиться и идейно и организационно, решительно осудив изложенные выше ее взгляды как антиленинские, как меньшевистские и взяв на себя обязательство защищать взгляды и решения партии, ее съездов, ее конференций, ее ЦК.

Оппозиция, однако, отвергла это требование партии. В документе оппозиции от 3 декабря 1927 г., за подписью 121 активных деятелей оппозиции, оппозиция не только не отказывается, а, наоборот, настаивает на пропаганде своих меньшевистских взглядов.

После принятия съездом резолюции по отчету ЦК в комиссию поступило 2 новых документа оппозиции от 10 декабря 1927 г., из которых один (за подписью Раковского, Муралова и Радека) настаивает на необходимости не только сохранения этих меньшевистских взглядов, но и на необходимости их пропаганды, а другой (за подписью Каменева, Бакаева, Евдокимова и Авдеева) настаивает на сохранении меньшевистских взглядов оппозиции при отказе от их пропаганды, что противоречит требованию идейного разоружения и означает отказ от защиты решений партии.

Констатируя явное разноречие между двумя оппозиционными группками, съезд считает вместе с тем оба заявления оппозиции совершенно неудовлетворительными.

Исходя из вышесказанного и принимая во внимание двукратное нарушение оппозицией ее торжественных обещаний об отказе от фракционности, съезд постановляет:

1. Исключить из партии следующих активных деятелей троцкистской оппозиции:

1) Авдеева Ив., 2) Александрова А., 3) Аусема, 4) Баташева А., 5) Баранова С., 6) Бакаева Ив., 7) Будзинскую, 8) Богуславского М., 9) Ваганяна, 10) Бардина И., 11) Врачева И., 12) Гессена С., 13) Гордова И., 14) Гертка Ар., 15) Гуральского А., 16) Дробниса, 17) Дмитриева Т., 18) Евдокимова Г., 19) Зорина С., 20) Залуцкого П., 21) Ильина, 22) Каменева Л., 23) Кавтарадзе С., 24) Касперского, 25) Красовскую М., 26) Ковалевского, 27) Куклина А. С., 28) Каспарову В., 29) Командира, 30) Кагалина, 31) Кострицкого, 32) Конькову А., 33) Катылынова И. Н., 34) Лашевича М., 35) Левина В., 36) Лубина Г., 37) Лелозола П., 38) Лиздиня, 39) Лобанова Г., 40) Муралова Н., 41) Миничева А., 42) Николаева Н., 43) Натансона М.Я., 44) Пятакова Ю., 45) Пономарева В., 46) Питашко, 47) Петерсона А., 48) Паульсон И., 49) Рейнгольда И., 50) Равич О., 51) Радека К., 52) Раковского Хр., 53) Роккана, 54) Рафаила Р., 55) Румянцева В., 56) Сафарова Г., 57) Смильгу И., 58) Соколова, 59) Соловьева К., 60) Сосновского Л., 61) Смирнова И. Н., 62) Сенькова З., 63) Тужикова, 64) Тартаковскую Ф., 65) Тарханова О., 66) Тарасова И. И., 67) Уконен, 68) Федорова Гр., 69) Фортина Ив., 70) Филиппова Ив., 71) Харитоновна Н., 72) Чернова, 73) Шепшелеву М., 74) Эшба Е., 75) Лилину З. И.

2. Исключить из партии группу Сапронова как явно антиреволюционную:

1) Заварьяна Н., 2) Емельянова (Калина) Б., 3) Мино М. Н., 4) Минькова М. И., 5) Смирнова В. М., 6) Хоречко Т., 7) Оборина В. П., 8) Шрайбера С., 9) Смирнова М., 10) Пилипенко Ф. И. 11) Дунэ Э., 12) Слидовкера А. Л., 13) Тихонова Л., 14) Устимчика, 15) Большакова А., 16) Кириллова Д. И., 17) Микини П. П., 18) Проняева М. В., 19) Варгузова В. Ф., 20) Строганова П. Л., 21) Пенько М. С., 22) Черсанова П. С., 23) Путилипа Д. Г.

3. Поручить ЦК и ЦКК принять все меры идейного воздействия на рядовых членов троцкистской оппозиции с целью их убеждения при одновременном очищении партии от всех явно неисправимых элементов троцкистской оппозиции

По заявлению оппозиции от 19 декабря

1. Не рассматривать заявление исключенных из партии Каменева, Зиновьева и др., внесенное 19 декабря 1927 г., ввиду того, что XV съезд уже исчерпал вопрос об оппозиции в резолюции от 18 декабря.

2. Предложить ЦК и ЦКК принимать заявления исключенных из партии активных деятелей бывшей оппозиции лишь в индивидуальном порядке и принимать решения по заявлениям лишь спустя шесть месяцев после подачи заявлений при условии, что: а) поведение подавших заявления соответствует обязательствам, взятым на себя авторами заявлений; б) сами заявления бывших оппозиционеров вполне отвечают требованиям XV съезда (см. резолюцию XV съезда об оппозиции) и, следовательно, исходят из отказа от «платформы 83-х», «платформы 3 сентября» и «платформы 15-ти».

По отдельным организационным вопросам

1. Во изменение устава всесоюзные партийные съезды созывать не реже одного раза в два года.

2. Пленумы ЦКК созываются раз в 3 месяца в период между съездами. Для руководства всей текущей работой органов ЦКК образуется президиум в составе 21 члена и 9 кандидатов, а также образуется для рассмотрения дел по нарушению партэтики, устава и программы ВКП(б) Партколлегия ЦКК.

3. Президиум ЦКК делегирует в Политбюро четырех членов и четырех кандидатов.

4. Члены партии, отказывающиеся правдиво отвечать на вопросы контрольных комиссий, подлежат немедленному исключению из партии.

5. Всесоюзная дискуссия может быть признана необходимой лишь в том случае, если: а) эта необходимость признается, по крайней мере, несколькими местными парторганизациями губернского или областного масштаба; б) если внутри ЦК нет налицо достаточно твердого большинства в важнейших вопросах партийной политики; в) если, несмотря на наличие твердого большинства в ЦК, стоящего на определенной точке зрения, ЦК все же считает необходимым проверить правильность своей политики путем дискуссионного обсуждения в партии. При этом во всех этих случаях всесоюзная дискуссия может начинаться и проводиться лишь после соответствующего решения ЦК.

«XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)». Стенографический отчет, ч. II, стр. 1270—1273, Партиздат, 1935 г.

И. Сталин. ОТВЕТ гг. ОЛЕХНОВИЧУ И АРИСТОВУ. По поводу письма в редакцию «Пролетарской революции» «О некоторых вопросах истории большевизма»

(Письмо товарища Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция», «О некоторых вопросах истории большевизма» помещен в «Вопросах ленинизма» изд. 10-е, и в I томе настоящего издания, стр. 636—646.)

Товарищу *Олехновичу*.

Ваше письмо получил. Отвечаю с запозданием ввиду перегруженности работой.

Никак не могу согласиться с Вами, товарищ Олехнович. И вот почему.

1. Не верно, что «троцкизм *никогда* фракцией коммунизма не был». Поскольку троцкисты порвали организационно — хотя бы и временно — с меньшевизмом, свернули — хотя бы и временно — свои антибольшевистские взгляды, были приняты в ВКП(б) и Коминтерн и подчинялись решени-

ям этих последних, — троцкизм несомненно был частью, фракцией коммунизма. Троцкизм был фракцией коммунизма и в *широком* смысле слова, т. е. как *часть* мирового коммунистического движения, сохраняющая свою групповую особенность, и в *узком* смысле слова, т. е. как более или менее организованная *фракция* внутри ВКП(б), боровшаяся за влияние в партии. Смешно было бы отрицать всем известные факты о троцкистах, как о фракции в ВКП(б), зафиксированные в резолюциях съездов и конференций ВКП(б). ВКП(б) не терпит фракций и не может пойти на их легализацию? Да, не терпит и не может пойти на их легализацию. Но это еще не значит, что троцкисты не составляли на деле фракцию. Именно потому, что троцкисты имели на деле свою фракцию, за легализацию которой боролись они, — именно поэтому — между прочим поэтому — оказались они потом выброшенными из партии.

Вы пытаетесь отыгаться на том, что стараетесь отделить *троцкизм от троцкистов*, полагая, что то, что относится к троцкизму, не может относиться к троцкистам. Иначе говоря, Вы хотите сказать, что троцкизм не был никогда фракцией коммунизма, а Троцкий и троцкисты были фракцией коммунизма. Это схоластика и самообман, товарищ Олехнович! Не может существовать троцкизм без носителей троцкизма, т. е. без троцкистов, так же как не могут существовать троцкисты без троцкизма, — пусть завуалированного и свернутого, но все же троцкизма, — в противном случае они перестали бы быть троцкистами.

В чем состояла характерная черта троцкистов, когда они составляли фракцию коммунизма? Она состояла в том, что троцкисты «перманентно» колебались между большевизмом и меньшевизмом, при чем колебания эти доходили до высшей точки при каждом повороте партии и Коминтерна, раздражаясь во фракционную борьбу против партии. Что это значит? Это значит, что троцкисты не были *действительными* большевиками, хотя и состояли в партии и подчинялись ее решениям, что их нельзя было также называть *настоящими* меньшевиками, хотя они и колебались часто в сторону меньшевизма. Эти колебания и легли в основу внутрипартийной борьбы между ленинцами и троцкистами за период пребывания троцкистов в нашей партии (1917—1927 гг.). Основу же самых колебаний троцкистов составлял тот факт, что, свернув свои антибольшевистские взгляды и войдя таким образом в партию, троцкисты *не отказались* все же от этих взглядов, ввиду чего они, эти самые взгляды, давали о себе знать с особенной силой при каждом повороте партии и Коминтерна.

Вы, очевидно, не согласны с таким толкованием вопроса о троцкизме. Но тогда Вы должны притти к одному из двух *неправильных* выводов. *Либо* Вы должны притти к тому, что, войдя в партию, Троцкий и троцкисты *начисто* отказались от своих взглядов и превратились в *действительных* большевиков, что неправильно, ибо при таком предположении становится непопятной и необъяснимой та непрерывная внутрипартийная борьба троцкистов против партии, которая наполняет весь период пребывания троцкистов в нашей партии. *Либо* Вы должны притти к тому, что троцкизм (троцкисты) «*все время* являлся фракцией меньшевизма», что опять-таки неправильно,

так как Ленин и ленинская партия допустили бы *принципиальную* ошибку, приняв *меньшевиков* в состав коммунистической партии хотя бы на одну минуту.

2. Не верно, что троцкизм «*все время* являлся фракцией меньшевизма, одной из разновидностей буржуазной агентуры в рабочем движении», так же как неправильна Ваша попытка *отделить* «отношение партии к троцкизму, как к теории и практике буржуазной агентуры в рабочем движении» от «отношения партии на определенном историческом отрезке времени к Троцкому и троцкистам».

Во-первых, как я уже говорил выше, Вы допускаете ошибку, ошибку схоластическую, искусственно отрывая троцкизм от троцкистов и наоборот, — троцкистов от троцкизма. История нашей партии говорит, что такой отрыв, поскольку он допускался той или иной частью нашей партии, шел всегда и *целиком* на пользу троцкизму, облегчая последнему прятать концы в воду при вылазках против партии. Могу сказать Вам на ухо, что Вы окажете Троцкому и троцкистским контрабандистам величайшую услугу, вводя в обиход нашей политической практики метод искусственного отрыва вопроса о троцкизме от вопроса о троцкистах.

Во-вторых, допустив эту ошибку, Вы вынуждены допустить и *другую*, выпекающую из нее ошибку, предположив, что «на определенном историческом отрезке времени» партия рассматривала Троцкого и троцкистов, как *действительных* большевиков. Но такое предположение совершенно неправильно и в корне несовместимо с фактами из истории *внутрипартийной* борьбы между троцкистами и ленинцами. Чем объяснить, в таком случае, непрерывную борьбу между партией и троцкистами за весь период пребывания троцкистов в партии? Не думаете ли Вы, что это была склока, а не принципиальная борьба?

Вы видите, что Ваша «поправка» к моему «письму» в редакцию «Пролетарской революции» приводит к абсурду.

На самом деле троцкизм был фракцией меньшевизма до вступления троцкистов в нашу партию, он стал временно фракцией коммунизма после вступления троцкистов в нашу партию, он стал вновь фракцией меньшевизма после изгнания троцкистов из нашей партии. «Собака вернулась к своей блевотине».

Стало быть:

а) нельзя утверждать, что «на определенном историческом отрезке времени» партия считала Троцкого и троцкистов *действительными* большевиками, ибо такое предположение коренным образом противоречит фактам из истории нашей партии за период 1917—1927 гг.;

б) нельзя считать, что троцкизм (троцкисты) «*все время* являлся фракцией меньшевизма», ибо такое предположение привело бы к тому, что в период 1917—1927 гг. партия наша оказалась бы партией *блока* между большевиками и меньшевиками, а не партией *большевистско-монолитной*, что совершенно неправильно и несовместимо с основами большевизма;

в) нельзя искусственно отрывать вопрос о троцкизме от вопроса о троцкистах, не рискуя превратиться в невольное орудие троцкистских махинаций.

Какой же выход остается? Остается одно: согласиться с тем, что «на

определенном историческом отрезке времени» троцкизм представлял фракцию коммунизма, — фракцию, колебавшуюся между большевизмом и меньшевизмом

И. Сталин, 15. I. 1932 г.

Тов. Аристову.

У Вас недоразумение, т. Аристов.

Противоречия между статьей «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов» (1924 г.) и «Письмом в редакцию «Пролетарской революции» (1931 г.) нет. Эти два документа отмечают *разные* стороны вопроса, и это показалось Вам «противоречием». Но «противоречия» здесь нет.

В статье «Октябрьская революция» говорится о том, что в 1905 году не Роза Люксембург, а Парвус и Троцкий *выдвигали* теорию «перманентной» революции *против* Ленина. Это вполне соответствует исторической действительности. Именно Парвус, приехавший в 1905 году в Россию и редактировавший специальную газету, где он *активно* выступал за «перманентную» революцию *против* ленинской «концепции», именно Парвус, а потом, вслед за Парвусом и вместе с ним Троцкий, — именно эта двойка бомбардировала тогда ленинскую схему революции, противопоставляя ей теорию «перманентной» революции. Что касается Розы Люксембург, то она находилась тогда за кулисами, воздерживалась от активной борьбы с Лениным на этой почве, предпочитая, видимо, не ввязываться пока-что в борьбу.

В полемике против Радека в статье «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов» я заострил вопрос на Парвусе потому, что Радек, говоря о 1905 годе и «перманентной» революции, *намеренно* умалчал о Парвусе. А умалчал он о Парвусе потому, что после 1905 года Парвус стал одиозной фигурой, сделался миллионером, превратился в прямого агента германских империалистов, и Радек не хотел связывать теорию «перманентной» революции с одиозным именем Парвуса, хотел обойти историю. Ну, а я пошел на перерез и расстроил маневр Радека, восстановив историческую правду и воздав должное Парвусу.

Так обстоит дело со статьей «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов».

Что касается «Письма в редакцию «Пролетарской революции», то там говорится уже о *другой* стороне вопроса, а именно — о том, что теорию «перманентной» революции *сочинили* Роза Люксембург и Парвус. И это также соответствует исторической действительности. Не Троцкий, а Роза Люксембург и Парвус *сочинили* теорию «перманентной» революции. Не Роза Люксембург, а Парвус и Троцкий *выдвигали* в 1905 году теорию «перманентной» революции и активно боролись за нее *против* Ленина. Впоследствии Роза Люксембург также стала активно бороться против ленинской схемы революции. Но это было уже *после* 1905 года.

Все.

И. Сталин.

25. I. 32 г.

«Большевик» № 16 за 1932 г., стр. 46—48.

Приложение к теме XIII. ВАЖНЕЙШИЕ ДАТЫ (1925—1927)

1925

Январь

17—20 января. Пленум ЦК РКП(б). Решение о снятии Троцкого с работы в Реввоенсовете.

20 января. Назначение М. В. Фрунзе наркомвоенмором и председателем Реввоенсовета.

27 января. Речь товарища Сталина на XIII московской губпартконференции «О политике партии в отношении крестьянства».

Февраль

3 февраля. Беседа товарища Сталина с членом германской компартии Герцогом «О перспективах РКП и о большевизации».

Март

21 марта — 6 апреля. V расширенный пленум ИККИ. Осуждение троцкистской оппозиции. Выступление товарища Сталина о задачах чехословацкой компартии.

22 марта. Опубликовано в «Правде» статья товарища Сталина «К международному положению и задачам компартий».

Апрель

6 апреля. Выступление товарища Сталина на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) с речью «О комсомольском активе в деревне». *27—29 апреля.* XIV Всесоюзная партконференция. Решение о развитии металлической индустрии как основы народного хозяйства. Конференция резко осудила контрреволюционную теорию Троцкого о невозможности победы социализма в одной стране, подчеркнула в противовес троцкизму возможность построения полного социалистического общества в нашей стране и определила ясную перспективу дальнейшего развития СССР по пути социализма. Она указала на две основные задачи партии в деревне: 1) добиться того, чтобы крестьянское хозяйство было вовлечено в общую систему социалистического хозяйственного развития через кооперацию; 2) постепенно, но неуклонно проводить линию ликвидации старых методов администрирования и руководства в деревне, проводить линию оживления советов и насаждения в деревне начал советского демократизма.

Май

9 мая. Доклад товарища Сталина активу московской организации «К итогам работ XIV конференции РКП(б)».

18 мая. Речь товарища Сталина на собрании студентов КУТВ «О политических задачах Университета народов Востока».

Июнь

9 июня. Речь товарища Сталина «Вопросы и ответы» в Свердловском университете.

Июль

3—10 июля. Пленум ЦК РКП(б).

4 июля. В «Правде» опубликовано интервью товарища Сталина с японским корреспондентом газеты «Ничи-Ничи» Фусе «О революционном движении на Востоке».

Октябрь

8—10 октября. Пленум ЦК РКП(б).

29 октября. Опубликована статья товарища Сталина «О задачах Комсомола».

31 октября. Смерть М. В. Фрунзе.

Ноябрь

6 ноября. Назначение К. Е. Ворошилова наркомвоенмором и председателем Реввоенсовета.

Декабрь

18—31 декабря. XIV съезд партии—съезд индустриализации. Политотчет ЦК делает товарищ Сталин. Борьба против антипартийной «новой оппозиции», возглавляемой Зиновьевым и Каменевым. Съезд также осудил реставраторскую линию Сокольников, направленную на аграризацию Советской страны, на превращение ее в отсталый придаток капиталистическому миру. Одобрив решения XIV партийной конференции по крестьянскому вопросу, съезд призвал партию к борьбе с двумя уклонами: с правым уклоном, недооценивающим дифференциацию в деревне и опасность роста кулачества, не понимающим необходимости отпора кулачеству и сплочения бедноты и батрачества против кулака, и с троцкистским уклоном, отрицающим возможность и необходимость союза со средним крестьянством как центральной фигурой земледелия и отрицающим роль кооперации как организационной формы движения деревни к социализму. Решительно осуждая эти два уклона, съезд призвал партию сосредоточить огонь против троцкизма, на позиции которого стали Каменев и Зиновьев, «ибо его преодоление требует более сложных приемов борьбы по сочетанию методов политической изоляции кулачества с методами вовлечения основной массы крестьянства в русло социалистического строительства». Съезд утвердил предложение ЦК о переименовании партии из РКП(б) в ВКП(б) и внес ряд изменений в партийный устав.

1926**Январь**

1 января. Пленум ЦК ВКП(б).

Февраль

10—12 февраля. Чрезвычайная ленинградская партконференция осудила каменевско-зиновьевскую оппозицию и полностью присоединилась к решениям XIV съезда.

17 февраля—15 марта. VI расширенный пленум ИККИ. Участвовало 130 делегатов (77 с решающим и 53 с совещательным голосом) из 32 стран. В комиссии пленума по германскому вопросу товарищ Сталин в кратких и исчерпывающих словах гениально определил задачи, стоявшие перед германской компартией.

18 февраля. Опубликованы в «Правде» № 40 две речи товарища Сталина на заседании Президиума ИККИ о борьбе с правыми и ультралевыми уклонами среди компартий Запада.

Март

VII съезд ВЛКСМ.

Апрель

6—9 апреля. Пленум ЦК ВКП(б).

Июнь

8 июня. Доклад товарища Сталина на собрании главных железнодорожных мастеровских в Тифлисе об английской забастовке и событиях в Польше.

Июль

12 июля. Закладка в Сталинграде первого в СССР тракторного завода.

14—23 июля. Объединенный пленум ЦК и ЦКК. Пленум, рассмотрев вопрос об антипартийной фракционной деятельности троцкистов-зиновьевцев, исключил Лашевича из состава кандидатов в члены ЦК, вывел Зиновьева из состава членов Политбюро.

20 июля. Умер Ф. Э. Дзержинский.

Октябрь

9 октября. Опубликовано постановление Политбюро о нарушении единства партии в связи с раскольническими выступлениями Троцкого, Зиновьева и др. на «Авиоприборе» в Москве и «Красном путиловце» в Ленинграде.

23 октября. Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б).

26 октября—3 ноября. XV Всесоюзная конференция ВКП(б). Доклад товарища Сталина «О социал-демократическом уклоне в нашей партии».

Ноябрь

3 ноября. Объединенный пленум ЦК и ЦКК утвердил председателем ЦКК т. Орджоникидзе. Пленум избрал кандидатом в члены Политбюро т. Чубаря.

Ноябрь—декабрь

22 ноября—16 декабря. VII расширенный пленум Исполкома Коминтерна. В своем докладе «Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии» товарищ Сталин дал развернутую беспощадную критику взглядов троцкизма, в особенности по вопросу о возможности построения социализма в одной стране. На заседании югославской комиссии пленума ИККИ товарищ Сталин произнес программную речь о национальной политике Коминтерна.

19 декабря. Пуск первенца электрификации — Волховской гидроэлектростанции.

1927**Январь**

14 января. Речь товарища Сталина на XV московской губпартконференции.

Февраль

7—12 февраля. Пленум ЦК ВКП(б). Пленум обсудил вопросы капитального строительства в промышленности.

Март

1 марта. Речь товарища Сталина на собрании рабочих Сталинских железнодорожных мастеровских Октябрьской дороги о международном и внутреннем положении СССР.

29 марта. Речь товарища Сталина на V Всесоюзной конференции ВЛКСМ.

Апрель

13—16 апреля. Пленум ЦК ВКП(б).

21 апреля. Опубликовано тезисы товарища Сталина «Вопросы китайской революции».

Май

18—30 мая. VIII пленум Исполкома Коминтерна. Пленум принял постановление о несовместимости оппозиционной деятельности Троцкого и Вуйовича с пребыванием их в составе членов и кандидатов Исполкома Коминтерна. Речь товарища Сталина «Революция в Китае и задачи Коминтерна». Пленум со всей решительностью поставил перед всеми секциями Коминтерна вопрос о военной опасности.

26 мая. Разрыв Англией дипломатических и торговых отношений с СССР.

Июль

28 июля. Опубликовано статья товарища Сталина «Заметки на современные темы».

Июль—август

29 июля—9 августа. Объединенный пленум ЦК и ЦКК. Принято постановление об исключении из партии Зиновьева и Троцкого, замененное после их заявления от 8 августа строгим выговором с предупреждением. С большой речью «Международное положение и оборона СССР» выступил товарищ Сталин

23 августа. Казнь Сакко и Ванцетти. Эта казнь вызвала бурные протесты мирового пролетариата.

Сентябрь

9 сентября. Беседа товарища Сталина с первой американской рабочей делегацией.

27 сентября. На объединенном заседании Президиума ИККИ и ЦКК товарищ Сталин произносит речь «Политическая физиономия русской оппозиции».

Октябрь

10 октября. Опубликовано постановление об исключении Троцкого и Вуйовича из состава ИККИ.

16 октября. Опубликовано юбилейный (к 10-летию Октябрьской революции) манифест ЦИК СССР о введении 7-часового рабочего дня, освобождении бедноты от сельскохозяйственного налога и т. д. Троцкий, Зиновьев, Каменев на заседании ЦИК голосовали против принятия исторического решения о 7-часовом рабочем дне.

21—23 октября. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) рассмотрел директивы к составлению пятилетнего плана народного хозяйства. Пленум исключил Троцкого и Зиновьева из состава ЦК. Товарищ Сталин выступил с речью «Троцкистская оппозиция прежде и теперь».

Ноябрь

5 ноября. Беседа товарища Сталина с иностранными рабочими делегациями.

6—7 ноября. Опубликовано статья товарища Сталина «Международный характер Октябрьской революции».

7 ноября. Празднование 10-летия Октябрьской революции. Многомиллионные демонстрации рабочих и трудящихся под ленинскими знаменами ЦК ВКП(б). Антисоветское выступление кучки троцкистов-зиновьевцев на улицах Москвы и Ленинграда.

10 ноября. Всемирный конгресс друзей СССР в Москве, в котором приняли участие иностранные рабочие делегации, приехавшие на празднование X годовщины Октября.

15 ноября. Опубликовано постановление ЦК и ЦКК ВКП(б) об антипартийных и антисоветских выступлениях лидеров оппозиции и об исключении из партии Троцкого и Зиновьева.

23 ноября. Речь товарища Сталина на XVI московской губпартконференции о борьбе и разгроме троцкистско-зиновьевской оппозиции.

Декабрь

2—19 декабря. XV съезд ВКП(б)—съезд коллективизации. Товарищ Сталин выступил с политотчетом ЦК. Съезд объявил принадлежность к троцкистско-зиновьевской антисоветской группе и пропаганду ее взглядов несовместимыми с пребыванием в рядах ВКП(б) и исключил троцкистов из партии. Приняты директивы по составлению пятилетнего плана народного хозяйства.

Тема XIII. ПАРТИЯ БОЛЬШЕВИКОВ В БОРЬБЕ ЗА ПЕРВУЮ ПЯТИЛЕТКУ

И. Сталин. НА ХЛЕБНОМ ФРОНТЕ. Из беседы со студентами Института красной профессуры, Комкадемии и Свердловского университета 28 мая 1928 г.

ВОПРОС. Что следует считать основным в наших затруднениях по хлебному делу? В чем состоит выход из этих затруднений? Каковы должны быть выводы в связи с этими затруднениями в отношении темпа развития нашей индустрии вообще, особенно с точки зрения соотношения между легкой и тяжелой индустрией?

ОТВЕТ. При первом взгляде может показаться, что наши хлебные затруднения являются случайностью, результатом лишь плохого планирования, результатом лишь ряда ошибок в деле хозяйственного сбалансирования. Но это может показаться лишь при первом взгляде. На самом деле причины затруднений лежат здесь гораздо глубже. Что плохое планирование и ошибки по хозяйственному сбалансированию сыграли здесь значительную роль, — в этом не может быть никакого сомнения. Но объяснять все плохим планированием и случайными ошибками, — значит впадать в грубейшую ошибку. Было бы ошибочно преуменьшать роль и значение планирования. Но было бы еще большей ошибкой преувеличивать роль планового начала, думая, что мы уже достигли той степени развития, когда имеется возможность планировать и регулировать все и вся. Не следует забывать, что кроме элементов, поддающихся нашему плановому воздействию, в составе нашего народного хозяйства имеются еще другие элементы, не поддающиеся пока что планированию, имеются, наконец, враждебные нам классы, которые не могут быть преодолены в порядке простого госплановского планирования. Вот почему я думаю, что нельзя сводить все к простой случайности, к ошибкам планирования и т. д.

Итак, в чем состоит основа наших затруднений на хлебном фронте?

Основа наших хлебных затруднений состоит в том, что рост производства товарного хлеба идет у нас медленней, чем рост потребностей на хлеб. Растет промышленность. Растет количество рабочих. Растут города. Растут, наконец, районы производства технического сырья (хлопок, лен, свекла и т. д.), предъявляющие спрос на товарный хлеб. Все это ведет к быстрому росту потребностей на хлеб, на товарный хлеб. А производство товарного хлеба растет убийственно медленным темпом. Нельзя сказать, что заготовленного хлеба, имеющегося в распоряжении государства, было у нас, в этом году меньше, чем в прошлом или позапрошлом году. Наоборот, в этом году у нас имелось в руках государства гораздо больше хлеба, чем в прошлые годы. И все же мы стоим перед затруднениями по хлебу. Вот некоторые цифры. В 1925/26 году мы сумели заготовить к 1 апреля 434 млн. пуд. хлеба. Из них вывезли за границу 123 млн. пуд. Оставалось, следовательно, в стране заготовленного хлеба 311 млн. пуд. В 1926/27 году мы имели к 1 апреля заготовленного хлеба 596 млн. пуд. Из них вывезли за границу 153 млн. пуд. Оставалось в стране заготовленного хлеба 443 млн. пуд. В 1927/28 г. мы имели к 1 апреля заготовленного хлеба 576 млн. пуд. Из них вывезли за границу 27 млн. пуд. Осталось в стране заготовленного хлеба 549 млн. пуд. Иначе говоря, мы имели в этом году к 1 апреля заготовленного хлеба для потребностей страны на 100 млн. пуд. больше, чем в прошлом году, и на 230 млн. пуд. больше, чем в позапрошлом году. И все-таки мы имеем в этом году затруднения на хлебном фронте.

Я уже говорил в одном из своих докладов, что эти затруднения были использованы капиталистическими элементами деревни и, прежде всего, кулаками для того, чтобы сорвать советскую хозяйственную политику. Вы знаете, что советская власть предприняла ряд мер, имеющих своей целью ликвидировать антисоветское выступление кулачества. Я не буду поэтому распространяться здесь об этом. Меня интересует в данном случае другой вопрос. Я имею в виду вопрос о причинах медленного роста производства товарного хлеба, вопрос о том, что рост производства товарного хлеба идет у нас медленней, чем рост потребностей на хлеб, несмотря на то, что мы уже достигли довоенных норм посевных площадей и валовой продукции хлеба.

В самом деле, разве это не факт, что мы уже достигли довоенных корм посевных площадей? Да, факт. Разве это не факт, что валовая продукция хлеба уже в прошлом году равнялась довоенной норме производства, т. е. доходила до 5 млрд. пуд. хлеба? Да, факт. Чем объяснить в таком случае, что, несмотря на эти обстоятельства, мы производим товарного хлеба вдвое меньше, а вывозим за границу хлеба раз в двадцать меньше, чем в довоенное время? Объясняется это, прежде всего и главным образом, изменением строения нашего сельского хозяйства в результате Октябрьской революции, переходом от крупного помещичьего и крупного кулацкого хозяйства, дававшего наибольшее количество товарного хлеба, к мелкому и среднему крестьянскому хозяйству, дающему наименьшее количество товарного хлеба. Уже одно то, что до войны мы имели 15—16 млн. индивидуальных крестьянских хозяйств, а теперь мы имеем 24—25 млн. крестьянских хо-

зяйств,— уже одно это говорит о том, что основной базой нашего сельского хозяйства является мелкое крестьянское хозяйство, дающее минимум товарного хлеба. Сила крупного хозяйства в земледелии, является ли оно помещичьим, кулацким или коллективным хозяйством, состоит в том, что оно, это крупное хозяйство, имеет возможность применять машины, использовать данные науки, применять удобрения, подымать производительность труда и давать, таким образом, наибольшее количество товарного хлеба. И, наоборот, слабость мелкого крестьянского хозяйства состоит в том, что оно лишено, или почти лишено, этих возможностей, ввиду чего и является оно хозяйством полупотребительским, малотоварным. Взять, например, колхозы и совхозы. Они дают у нас товарного хлеба в 47,2 % всего своего валового производства. Иначе говоря, они дают товарного хлеба больше, чем помещичье хозяйство в довоенное время. А мелкие и средние крестьянские хозяйства? Они дают у нас товарного хлеба всего лишь в 11,2% всей суммы своей продукции. Разница, как видите, довольно красноречивая.

Вот вам несколько цифр, вскрывающих картину строения хлебного производства в прошлом, в довоенный период, и в настоящем, в послеоктябрьский период. Цифры эти даны членом коллегии ЦСУ т. Немчиновым. Они, эти цифры, не претендуют на точность, как оговаривается в своей записке т. Немчинов,— они дают возможность сделать лишь приблизительные расчеты. Но эти цифры вполне достаточны для того, чтобы понять разницу между периодом довоенным и периодом послеоктябрьским с точки зрения строения хлебного производства вообще и производства товарного хлеба в особенности.

До войны:	Валовая продукция хлеба		Товарный хлеб (внедеревенский)		% товарности
	Млн. пуд.	%	Млн. пуд.	%	
1. Помещики	600	12,0	281,6	21,6	47
2. Кулаки	1.900	38,0	650,0	50,0	34
3. Средняки и бедняки	2.500	50,0	369,0	28,4	14,7
Итого	5.000	100	1 300,6	100	26
В 1926/27 году:					
1. Совхозы и колхозы	80,0	1,7	37,8	6,0	47,2
2. Кулаки	617,0	13,0	126,0	20,0	20,0
3. Средняки и бедняки	4.052,0	85,3	466,2	74,0	11,2
Итого	4.749,0	100	630,0	100	13,3

О чем говорит эта таблица?

Она говорит, во-первых, о том, что производство подавляющей массы хлебных продуктов перешло от помещиков и кулаков к мелким и средним крестьянам. Это значит, что мелкие и средние крестьяне, освободившись вовсе от помещичьего гнета и подорвав, в основном, силу кулачества, получили возможность серьезнейшим образом улучшить свое материальное положение. Это — результат Октябрьской революции. В этом сказывается, прежде всего, тот решающий выигрыш, который получили основные массы крестьянства от Октябрьской революции.

Она говорит, во-вторых, о том, что основными держателями товарного хлеба являются у нас мелкие и, прежде всего, средние крестьяне. Это значит, что не только с точки зрения валовой продукции хлеба, но и с точки зрения производства товарного хлеба СССР стал, в результате Октябрьской революции, страной мелкокрестьянского хозяйства, а середняк — «центральной фигурой» земледелия.

Она говорит, в-третьих, о том, что ликвидация помещичьего (крупного) хозяйства, сокращение кулацкого (крупного) хозяйства более чем втрое и переход к мелкому крестьянскому хозяйству, представляющему лишь 11% товарности, при отсутствии сколько-нибудь развитого крупного общественного хозяйства в области хлебного производства (колхозы, совхозы) должны были привести и действительно привели к резкому сокращению производства товарного хлеба по сравнению с довоенным временем. Это факт, что мы имеем теперь вдвое меньше товарного хлеба, несмотря на довоенную норму валовой продукции хлеба. Вот где основа наших затруднений на хлебном фронте. Вот почему нельзя считать наши затруднения в области хлебозаготовок простой случайностью.

Нет сомнения, что известную отрицательную роль сыграло здесь также и то обстоятельство, что наши торговые организации взяли на себя ненужную обязанность снабжения хлебом ряда мелких и средних городов, что не могло не уменьшить, в известной степени, хлебных запасов государства. Но нет никаких оснований сомневаться, что основой наших затруднений на хлебном фронте является не это обстоятельство, а факт медленного развития товарности нашего сельского хозяйства при усиленном росте потребности на товарный хлеб. Где выход из положения?

Есть люди, которые усматривают выход из положения в возврате к кулацкому хозяйству, в развитии и развертывании кулацкого хозяйства. Эти люди не решаются говорить о возврате к помещичьему хозяйству, понимая, видимо, что опасно болтать о таких вещах в наше время. Но они тем охотнее говорят о необходимости всемерного развития кулацкого хозяйства в интересах... Советской власти. Эти люди полагают, что Советская власть могла бы опереться сразу на два противоположных класса, — на класс кулаков, хозяйственным принципом которых является эксплуатация рабочего класса, и на класс рабочих, хозяйственным принципом которых является уничтожение всякой эксплуатации. Фокус, достойный реакционеров. Не стоит и доказывать, что эти реакционные «планы» не имеют ничего общего с интересами рабочего класса, с принципами марксизма, с задачами ленинизма. Разговоры о том, что кулак «не хуже» городского капиталиста, что кулак представляет ничуть не большую опасность, чем городской нэпман, что ввиду этого нам нечего «опасаться» теперь кулачества, — такие разговоры являются пустой либеральной болтовней, усыпляющей бдительность рабочего класса и основных масс крестьянства. Не следует забывать, что если в индустрии мы можем противопоставить мелкому капиталисту в городе крупную социалистическую промышленность, дающую $\frac{9}{10}$ всей массы промышленных товаров, то крупному кулацкому производству в деревне мы можем противопоставить по линии производства лишь неокрепшие еще колхозы и совхозы, производящие в 8 раз меньше хлеба,

чем кулацкие хозяйства. Не понимать значения крупного кулацкого хозяйства в деревне, не понимать того, что удельный вес кулачества в деревне во сто крат выше, чем удельный вес капиталистов в городской промышленности,— это значит сойти с ума, порвать с ленинизмом, перебежать на сторону врагов рабочего класса.

Итак, где же выход из положения?

1) Выход состоит, прежде всего, в том, чтобы перейти от мелких, отсталых и распыленных крестьянских хозяйств к объединенным, крупным, общественным хозяйствам, снабженным машинами, вооруженным данными науки и способным произвести наибольшее количество товарного хлеба. Выход — в переходе от индивидуального крестьянского хозяйства к коллективному, к общественному хозяйству в земледелии.

К организации колхозов Ленин звал партию еще с первых дней Октябрьской революции. С тех пор пропаганда идеи колхозов не прекращалась у нас в партии. Однако, призыв к колхозам нашел массовый отклик лишь в последнее время. Объясняется это, прежде всего, тем, что широкое развитие кооперативной общественности в деревне подготовило перелом в настроении крестьянства в пользу колхозов, а наличие ряда колхозов, дающих уже теперь 150—200 пудов урожая с десятины и представляющих 30—40% товарности, создало серьезную тягу бедноты и низших слоев середнячества к колхозам. Не малое значение имеет здесь также то обстоятельство, что только в последнее время получило государство возможность серьезно финансировать колхозное движение. Известно, что в этом году государство отпустило на помощь колхозам вдвое больше денег, чем в прошлом году (более 60 млн. рублей). XV съезд партии был совершенно прав, признав, что условия для массового колхозного движения уже созрели, что усиление колхозного движения является одним из серьезнейших средств для поднятия товарности хлебного производства в стране.

Валовая продукция хлеба в колхозах в 1927 г. составляла, по данным ЦСУ, не менее 55 млн. пудов с общей средней товарностью в 30%. Широкая волна образования новых колхозов и расширение старых в начале этого года должны дать значительное увеличение производства хлеба в колхозах к концу года. Задача состоит в том, чтобы сохранить нынешний темп развития колхозного движения, укрупнить колхозы, откинуть дутые колхозы, заменив их действительными колхозами, и установить такой режим, чтобы колхозы сдавали государственным и кооперативным организациям весь свой товарный хлеб под угрозой лишения субсидий и кредитов со стороны государства. Я думаю, что при соблюдении этих условий мы могли бы добиться того, чтобы года через 3—4 иметь от колхозов миллионов 40—50 пуд. товарного хлеба.

Иногда колхозное движение противопоставляют кооперативному движению, полагая, очевидно, что колхозы — одно, а кооперация — другое. Это, конечно, неправильно. Некоторые доходят даже до того, что колхозы противопоставляют кооперативному плану Ленина. Нечего и говорить, что такое противопоставление не имеет ничего общего с истиной. На самом деле колхозы есть вид кооперации, наиболее яркий вид производственной кооперации. Есть кооперация сбытовая, есть снабженческая, есть и производствен-

ная. Колхозы представляют неразрывную составную часть кооперативного движения, вообще, ленинского кооперативного плана, в частности. Проводить ленинский кооперативный план — это значит подымать крестьянство от кооперации сбытовой и снабженческой к кооперации производственной, к кооперации, так сказать, колхозной. Этим, между прочим, объясняется тот факт, что колхозы стали у нас возникать и развиваться лишь в результате развития и усиления сбытовой и снабженческой кооперации.

2) Выход состоит, во-вторых, в том, чтобы расширить и укрепить старые совхозы, организовать и развить новые крупные совхозы. Валовая продукция хлеба в нынешних совхозах составляла в 1927 году, по данным ЦСУ, не менее 45 млн. пуд. с товарностью в 65%. Несомненно, что при известной поддержке со стороны государства совхозы могли бы значительно поднять производство хлеба. Но задача этим не ограничивается. Имеется решение Советской власти, в силу которого организуются в районах, свободных от крестьянских наделов, новые крупные совхозы (от 10 тысяч до 30 тысяч десятин каждый), которые должны дать лет через 5—6 миллионов 100 пудов товарного хлеба. К организации этих совхозов уже приступлено. Задача состоит в том, чтобы провести в жизнь это решение Советской власти во что бы то ни стало. Я думаю, что при условии выполнения этих задач мы могли бы добиться того, чтобы иметь от старых и новых совхозов года через 3—4 миллионов 80—100 пудов товарного хлеба.

3) Выход состоит, наконец, в том, чтобы систематически подымать урожайность мелких и средних индивидуальных крестьянских хозяйств. Мы не можем и не должны поддерживать индивидуальное крупное кулацкое хозяйство. Но мы можем и должны поддерживать индивидуальное, мелкое и среднее крестьянское хозяйство, подымая его урожайность и вовлекая его в русло кооперативной организованности. Задача эта старая, провозглашенная у нас с особой силой еще в 1921 году при замене продразверстки продналогом. Эта задача подтверждена нашей партией на XIV и XV съездах. Важность этой задачи подчеркивается теперь затруднениями на хлебном фронте. Поэтому она, эта задача, должна выполняться с такой же настойчивостью, с какой будут выполняться первые две задачи, задача о колхозах и задача о совхозах.

Все данные говорят, что урожайность крестьянского хозяйства можно было бы поднять в продолжение нескольких лет процентов на 15—20. Сейчас имеется у нас в употреблении не менее 5 миллионов сох. Одна только замена их плугами могла бы дать серьезнейший прирост производства хлеба в стране. Я уже не говорю о снабжении крестьянских хозяйств известным минимумом удобрений, очищенными семенами, машинами мелкого типа и т. д. Метод контрактации, метод заключения договоров с целыми деревнями и селами на предмет снабжения их семенами и т. д. при обязательном условии получения от них соответствующего количества хлебных продуктов, — этот метод является лучшим способом поднятия урожайности крестьянских хозяйств и вовлечения крестьян в кооперацию. Я думаю, что при серьезной работе в этом направлении мы могли бы иметь года через 3—4 не менее 100 млн. пудов нового товарного хлеба от мелких и средних индивидуальных крестьянских хозяйств.

Таким образом, при условии выполнения всех этих задач мы могли бы иметь через 3—4 года в распоряжении государства новых 200—250 млн. пудов товарного хлеба, более или менее достаточного для того, чтобы должным образом маневрировать как внутри страны, так и вне ее.

Таковы, в основном, мероприятия, необходимые для того, чтобы выйти из затруднения на хлебном фронте.

Соединить эти основные мероприятия с текущими мероприятиями по улучшению планирования в области снабжения деревни товарами, освободив наши торговые организации от обязанности снабжения хлебом целого ряда мелких и средних городов,— такова теперь задача.

Не следует ли наряду с этими мероприятиями принять еще ряд других мероприятий, скажем, мероприятий по замедлению темпа развития нашей индустрии, рост которой создает усиленный рост потребности на хлеб, обгоняющий пока что рост производства товарного хлеба? Нет, не следует. Ни в коем случае! Замедлить темп развития индустрии значит ослабить рабочий класс, ибо каждый шаг вперед в деле развития индустрии, каждая новая фабрика, каждый новый завод представляют, по выражению Ленина, «новую крепость» рабочего класса, усиливающую его позиции в борьбе с мелко-буржуазной стихией, в борьбе с капиталистическими элементами нашего хозяйства. Наоборот, мы должны сохранить нынешний темп развития индустрии, мы должны при первой возможности развить его дальше для того, чтобы забросать деревню товарами и изъять оттуда побольше хлеба, для того, чтобы снабжать сельское хозяйство и, прежде всего, колхозы и совхозы машинами, для того, чтобы индустриализовать сельское хозяйство и поднять товарность его продукции.

Может быть, следовало бы для большей «осторожности» задержать развитие тяжелой промышленности с тем, чтобы сделать легкую промышленность, работающую, главным образом, на крестьянский рынок, базой нашей индустрии? Ни в коем случае! Это было бы самоубийством, подрывом всей нашей промышленности, в том числе и легкой промышленности. Это означало бы отход от лозунга индустриализации нашей страны, превращение нашей страны в придаток капиталистической системы хозяйства. Мы исходим здесь из известных руководящих положений Ленина, данных им на IV конгрессе Коминтерна и безусловно обязательных для всей нашей партии. Вот что говорил на этот счет Ленин на IV конгрессе Коминтерна:

«Спасением для России является не только хороший урожай в крестьянском хозяйстве,— этого еще мало,— и не только хорошее состояние легкой промышленности, поставляющей крестьянству предметы потребления,— этого тоже еще мало,— нам необходима также *тяжелая* индустрия».

Или еще:

«Мы экономим на всем, даже на школах. Это должно быть, потому что мы знаем, что без спасения тяжелой промышленности, без ее восстановления мы не сможем построить никакой промышленности, а без нее мы вообще погибнем, как самостоятельная страна» (т. XXVII, стр. 349).

Этих указаний Ленина забывать нельзя.

Как будет обстоять дело с союзом рабочих и крестьян в связи с

намеченными мероприятиями? Я думаю, что эти мероприятия могут лишь облегчить дело укрепления союза рабочих и крестьян. В самом деле, если колхозы и совхозы будут развиваться ускоренным темпом; если в результате прямой помощи мелким и средним крестьянам урожайность их хозяйств будет подниматься, а кооперация будет охватывать все более широкие массы крестьянства; если государство получит новые сотни миллионов пудов товарного хлеба, необходимого для маневрирования; если в результате этих и подобных им мероприятий кулачество будет обуздываться и постепенно преодолеваться, — то разве не ясно, что противоречия между рабочим классом и крестьянством внутри союза рабочих и крестьян будут при этом все более и более сглаживаться, потребность в чрезвычайных мерах по заготовке хлеба будет отпадать, широкие массы крестьянства будут все более поворачиваться в сторону коллективных форм хозяйства, а борьба за преодоление капиталистических элементов в деревне будет принимать все более массовый и организованный характер. Разве не ясно, что дело союза рабочих и крестьян может лишь выиграть от таких мероприятий?

Следует только иметь в виду, что союз рабочих и крестьян в условиях диктатуры пролетариата не есть простой союз. Это есть особая форма классового союза рабочего класса и трудящихся масс крестьянства, ставящая своей целью: а) усиление позиций рабочего класса, б) обеспечение руководящей роли рабочего класса внутри этого союза, в) уничтожение классов и классового общества. Всякое иное понимание союза рабочих и крестьян есть оппортунизм, меньшевизм, эс-эрство, — все что угодно, только не марксизм, только не ленинизм.

Как совместить идею союза рабочих и крестьян с известным положением Ленина о том, что крестьянство является «последним капиталистическим классом»? Нет ли тут противоречия? Противоречие тут только видимое, кажущееся. На самом деле тут нет никакого противоречия. В том же самом докладе на III конгрессе Коминтерна, где Ленин характеризует крестьянство как «последний капиталистический класс», в этом же самом докладе Ленин еще и еще раз обосновывает необходимость союза рабочих и крестьян, заявляя, что «высший принцип диктатуры — это поддержание союза пролетариата с крестьянством, чтобы он мог удерживать руководящую роль и государственную власть». Ясно, что Ленин, во всяком случае, не усматривает здесь никакого противоречия.

Как нужно понимать положение Ленина о том, что крестьянство есть «последний капиталистический класс»? Не значит ли это, что крестьянство состоит из капиталистов? Нет, не значит. Это значит, во-первых, что крестьянство является особым классом, строящим хозяйство на основе частной собственности на орудия и средства производства и отличающимся, ввиду этого, от класса пролетариев, строящих хозяйство на основе коллективной собственности на орудия и средства производства. Это значит, во-вторых, что крестьянство является таким классом, который выделяет из своей среды, порождает и питает капиталистов, кулаков и вообще разного рода эксплуататоров.

Не является ли это обстоятельство непреодолимым препятствием для дела организации союза рабочих и крестьян? Нет, не является. Союз

пролетариата с крестьянством в условиях диктатуры пролетариата не есть союз со всем крестьянством. Союз пролетариата с крестьянством является союзом рабочего класса с трудящимися массами крестьянства. Такой союз не может быть осуществлен без борьбы с капиталистическими элементами крестьянства, без борьбы с кулачеством. Такой союз не может быть прочным без организации бедноты, как опоры рабочего класса в деревне. Поэтому союз рабочих и крестьян в нынешних условиях диктатуры пролетариата может быть осуществлен лишь под известным лозунгом Ленина: обопрись на бедноту, устраивай прочный союз с середняком, ни на минуту не прекращай борьбу с кулачеством. Ибо только при проведении этого лозунга может быть осуществлено дело вовлечения основных масс крестьянства в русло социалистического строительства.

Вы видите, таким образом, что противоречие между двумя формулами Ленина является лишь мнимым, кажущимся противоречием. На самом деле между ними нет никакого противоречия.

«Вопросы ленинизма», стр. 315—324, изд. 9-е.

И. Сталин. ЛЕНИН И ВОПРОС О СОЮЗЕ С СЕРЕДНЯКОМ. Ответ тов. С.

Печатается с некоторыми сокращениями.- *И. Ст.*

Товарищ С!

Неверно, что лозунг Ленина «уметь достигать соглашения с средним крестьянством, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту», данный в известной его статье о Питириме Сорокине, — является будто бы лозунгом «периода комбедов», лозунгом «конца периода так называемой нейтрализации среднего крестьянства». *Это совершенно неверно*. Комбеды были основаны в июне 1918 года. К концу октября 1918 года мы имели уже перевес наших сил в деревне против кулачества и *поворот* середняка в сторону Советской власти. На базе этого поворота и возникло решение ЦК об уничтожении двоевластия между советами и комбедами, о перевыборах волостных и сельских советов, о растворении комбедов во вновь избранных советах и, следовательно, о ликвидации комбедов. Советское оформление этого решения было принято, как известно, 9 ноября 1918 г. на VI съезде советов. Я имею в виду постановление VI съезда советов от 9 ноября 1918 г. о перевыборах сельских и волостных советов и растворении комбедов в советах. А когда появилась статья Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина», где он вместо лозунга нейтрализации середняка провозглашает лозунг соглашения с середняком? Она появилась 21 ноября 1918 года, т. е. почти через две неде-

ли *после* этого постановления VI съезда советов. В этой статье Ленин прямо говорит, что политика соглашения с середняком диктуется *поворотом* середняка в нашу сторону. Вот слова Ленина:

«В деревне наша задача — уничтожить помещика, сломить сопротивления эксплуататора и спекулянта-кулака; опереться для этого мы можем прочно *только* на полупролетариев, на «бедноту». Но средний крестьянин нам не враг. Он колебался, колеблется и будет колебаться: задача воздействия на колеблющихся *не одинакова* с задачей низвержения эксплуататора и победы над активным врагом. Уметь достигать соглашения с средним крестьянином — ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь *только* на бедноту — это задача момента, ибо именно теперь *поворот в среднем крестьянстве в нашу сторону неизбежен* (Курсив везде мой. — *И. Ст.*) в силу вышеизложенных причин» (т. XXIII, стр. 294).

Что же из этого следует?

А из этого следует то, что лозунг Ленина относится не *к старому* периоду, не к периоду комбедов и нейтрализации середняка, а *к новому* периоду, периоду соглашения с середняком. Он отражает, таким образом, не *конец* старого периода, а *начало* нового периода.

Но ваше утверждение о лозунге Ленина неверно не только формально, не только, так сказать, в хронологическом отношении, — оно неверно и по существу. Известно, что лозунг Ленина о соглашении с середняком, как новый лозунг, получил общепартийное провозглашение на VIII съезде нашей партии (март 1919 г.). Известно, что VIII съезд партии является тем самым съездом, который обосновал основы нашей политики прочного союза с середняком. Известно, что наша программа, программа ВКП, принята также на VIII съезде партии. Известно, что в этой программе имеются специальные пункты об отношении партии к различным группировкам в деревне: к бедноте, к середнякам, к кулачеству. Что сказано в этих пунктах программы ВКП о социальных группировках в деревне и об отношении партии к ним? Слушайте:

«Во всей своей работе в деревне РКП попрежнему *опираться на пролетарские и полупролетарские слои ее*, организует, прежде всего, их в самостоятельную силу, создавая партийные ячейки в деревне, организации бедноты, особого типа профессиональные союзы пролетариев и полупролетариев деревни и т. д., сближая их всемерно с городским пролетариатом и вырывая их из-под влияния деревенской буржуазии и мелко-собственнических интересов. По отношению к кулачеству, к деревенской буржуазии, политика РКП состоит в *решительной борьбе против их эксплуататорских поплзновений, в подавлении их сопротивления советской политике*.

По отношению к среднему крестьянству политика РКП состоит в постепенном и планомерном вовлечении его в работу социалистического строительства. Партия ставит своей задачей отделять его от кулаков, привлекать его на сторону рабочего класса внимательным отношением к его нуждам, борясь с его отсталостью мерами идейного воздействия, отнюдь не мерами подавления, стремясь во всех случаях, где затронуты его жизненные интересы, *к практическим соглашениям с ним*, идя на уступки ему в определении способов проведения социалистических преобразований» (Курсив везде мой. — *И. Ст.*) («VIII съезд РКП», стенограф, отчет, стр. 396).

Попробуйте-ка найти хотя бы малейшую, хотя бы словесную разницу между этими пунктами программа и лозунгом Ленина! Вы не найдете этой раз-

ницы, ибо ее не существует в природе. Более того. Не может быть никакого сомнения, что лозунг Ленина не только не противоречит решениям VIII съезда о середняке, а, наоборот, — является самой точной и самой удачной формулировкой этих решений. А ведь это факт, что программа ВКП принята в марте 1919 г. на VIII съезде партии, специально обсуждавшем вопрос о середняке, а статья Ленина против Питирима Сорокина, провозгласившая лозунг о соглашении с середняком, появилась в печати в ноябре 1918 г., за четыре месяца до VIII съезда партии.

Разве не ясно, что VIII съезд партии *целиком и полностью подтвердил* лозунг Ленина, провозглашенный в его статье против Питирима Сорокина, как лозунг, которым обязана партия *руководствоваться* в своей работе в деревне *за весь нынешний период социалистического строительства?*

В чем состоит соль лозунга Ленина?

Соль лозунга Ленина состоит в том, что он замечательно метко схватывает *триединую* задачу партийной работы в деревне, выраженную в одной сжатой формуле: а) *обопри*сь на бедноту, б) устраивай *соглашение* с середняком, в) ни на минуту не прекращай *борьбу* с кулаком. Попробуйте-ка взять из этой формулы одну из ее частей, как базу для работы в деревне в данный момент, забыв об остальных ее частях, — и вы обязательно попадете в тупик. Можно ли в условиях нынешней фазы социалистического строительства устраивать действительное и прочное соглашение с середняком, не опираясь на бедноту и не ведя борьбы с кулаком? Нельзя. Можно ли в условиях нынешнего развития вести успешную борьбу с кулаком, не опираясь на бедноту и не имея соглашения с середняком? Нельзя. Как удачнее всего выразить в одном обобщающем лозунге эту триединую задачу партийной работы в деревне? Я думаю, что лозунг Ленина является наиболее удачным выражением этой задачи. Надо признать, что удачнее Ленина не скажешь...

Почему необходимо подчеркнуть целесообразность лозунга Ленина *именно теперь*, именно в *данных условиях* работы в деревне?

Потому, что именно теперь замечается тенденция отдельных товарищей разорвать на части *триединую* задачу партийной работы в деревне и оторвать эти части друг от друга. Это целиком подтверждено практикой нашей хлебозаготовительной кампании в январе-феврале этого года. Что с середняком надо установить соглашение — это знают все большевики. Но как установить это соглашение — это не всякий понимает. Одни думают установить соглашение с середняком путем отказа от борьбы с кулачеством или путем ослабления этой борьбы: дескать, борьба с кулачеством может отпугнуть часть середнячества, зажиточную его часть. Другие думают установить соглашение с середняком путем отказа от работы по организации бедноты или путем ослабления этой работы: дескать, организация бедноты ведет к обособлению бедноты, а обособление может отпугнуть от нас середняков. В результате этих отклонений от правильной линии получается забвение того марксистского положения, что середняк есть класс колеблющийся, что соглашение с середняком можно сделать прочным лишь при условии решительной борьбы с кулачеством и усиления

работы среди бедноты, что без этих условий середняк может колебнуться к кулачеству, как к силе. Вспомните слова Ленина, сказанные им на VIII съезде партии:

«Необходимо определить отношение к классу, который *не имеет, определенного устойчивого положения* (Курсив мой. — И. Ст.). Пролетариат в массе за социализм, буржуазия в массе против социализма, — определить отношение между двумя этими классами легко. А когда мы переходим к такому слою, как среднее крестьянство, то оказывается, что *это — такой класс, который колеблется*. Он отчасти собственник, отчасти труженик. Он не эксплуатирует других представителей трудящихся. Ему десятилетия приходилось с величайшим трудом отстаивать свое положение, он испытал на себе эксплуатацию помещиков и капиталистов, он вынес все, и в то же время он — собственник. Поэтому наше отношение к этому колеблющемуся классу представляет громадные трудности» («VIII съезд РКП», стеногр. отчет, стр. 346).

Но бывают и другие отклонения от правильной линии, не менее опасные, чем предыдущие. Бывает, что ведут борьбу с кулачеством, но ведут ее так неуклюже и бессмысленно, что удары падают по середняку и бедняку. В результате кулак остается целехонек, дело союза с середняком получает трещину, а часть бедноты попадает временно в лапы кулака, ведущего подкопную борьбу против советской политики. Бывают и такие случаи, когда борьбу с кулачеством пытаются превратить в раскулачивание, а хлебозаготовительную работу — в продразверстку, забывая, что раскулачивание при наших условиях есть глупость, а продразверстка означает не союз, а борьбу с середняком.

Отчего происходят эти отклонения от партийной линии?

От непонимания того, что тройственная задача партийной работы, в деревне является *единой и нераздельной* задачей. От непонимания того, что *нельзя отрывать* задачу борьбы с кулачеством от задачи соглашения с середняком, а обе эти задачи — от задачи превращения бедноты в опору партии в деревне *.

* Из этого следует, что отклонения от правильной линии создают двоякого рода опасность для дела союза рабочих и крестьян: опасность со стороны тех, которые думают превратить, скажем, временные чрезвычайные меры по хлебозаготовкам в постоянный или длительный курс партии, и опасность со стороны тех, которые думают использовать снятие чрезвычайных мер для развязывания кулака, для объявления полной свободы торговли, без регулирования торговли органами государства. Поэтому для обеспечения правильной линии необходима борьба на два фронта.

Пользуюсь случаем отметить, что наша печать не всегда соблюдает это правило, проявляя иногда некоторую однобокость. Бывает, например, что разоблачают тех, которые хотят превратить чрезвычайные меры по хлебозаготовкам, имеющие временный характер, в постоянный курс нашей политики, создавая угрозу смычке. Это очень хорошо. Но нехорошо и неправильно, когда одновременно с этим не уделяют достаточного внимания и не разоблачают как следует тех, которые угрожают смычке с другого бока, не разоблачают тех, которые отдаются мелко-буржуазной стихии, требуют ослабления борьбы с капиталистическими элементами деревни и установления полной свободы торговли, без регулирующей роли государства, подрывая, таким образом, смычку с другого конца. Это уже нехорошо. Это — однобокость.

Бывает и то, что разоблачают тех, которые отрицают, скажем; возможность и целесообразность поднятия индивидуальных мелких и средних крестьянских хо-

Что нужно сделать для того, чтобы эти задачи не отрывались друг от друга в ходе нашей текущей работы в деревне?

Для этого нужно, по меньшей мере, дать такой руководящий лозунг, который бы объединил все эти задачи в одну общую формулу, который бы не допускал, следовательно, отрыва этих задач друг от друга.

Есть ли у нас в партийном арсенале такая формула, такой лозунг?

Да, есть. Такой формулой является лозунг Ленина: «уметь достигать соглашения с средним крестьянином, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту».

Вот почему я думаю, что этот лозунг является наиболее целесообразным и всеохватывающим лозунгом, что его нужно выдвигать на первый план *именно теперь, именно в данных условиях* работы в деревне.

Вы считаете лозунг Ленина «оппозиционным» лозунгом и спрашиваете в своем письме: «Как могло случиться, что... этот оппозиционный лозунг печатался к 1 мая 1928 г. в «Правде»... чем можно объяснить появление этого лозунга на страницах «Правды», органа ЦК ВКП, есть ли это лишь техническая опечатка или же это компромисс с оппозицией по вопросу о середняке!» Грозно сказано, — нечего и говорить! А все же, осторожнее «на поворотах», т. С: как бы вам не пришлось при вашей ретивости притти к выводу о *запрещении* печатания нашей программы, целиком подтверждающей лозунг Ленина (факт!), выработанной в основном Лениным (отнюдь не оппозиционер!) и принятой VIII съездом партии (тоже не оппозиционной!). Побольше уважения к известным пунктам нашей программы о социальных группировках в деревне! Побольше уважения к решениям VIII съезда партии о среднем крестьянстве!.. Что касается вашей фразы о «компромиссе с оппозицией по вопросу о середняке», то она, эта фраза, я думаю, не стоит того, чтобы ее опровергать: она сказана вами, должно быть, сгоряча.

Вас, кажется, смущает то обстоятельство, что в лозунге Ленина и в программе ВКП, принятой на VIII съезде, говорится о *соглашении* с середняком, тогда как в своей речи при открытии VIII съезда Ленин говорит о *прочном союзе* с середняком. Вы усматриваете в этом, должно быть, что-то вроде противоречия. Вы, возможно, склонны даже предположить, что политика *соглашения* с середняком есть нечто вроде отхода от политики *союза* с ним. Это неверно, т. С. Это — большое заблуждение. Так могут думать только люди, умеющие читать буквы лозунга, но не умеющие вникать в смысл лозунга. Так могут думать люди, не знающие истории лозунга о союзе, о соглашении с середняком. Так могут думать лишь люди, способные предположить, что Ленин, заявивший в своей вступительной речи на VIII

зайств, являющихся на данной стадии базой сельского хозяйства. Это очень хорошо. Но нехорошо и неправильно, когда одновременно с этим не разоблачают тех, которые принижают значение колхозов и совхозов и не видят того, что задача поднятия индивидуального мелкого и среднего крестьянского хозяйства должна быть дополнена практической задачей поднятия колхозно-совхозного строительства. Это уже — однобокость.

Чтобы обеспечить правильную линию, надо вести борьбу *на два фронта* и отбросить всякую однобокость.

съезде о политике «прочного союза» с середняком, совершил *отход* от себя самого, сказав в другой своей речи *на том же* съезде и в программе партии, принятой на VIII съезде, что нам нужна теперь политика «соглашения» с середняком.

В чем же тут дело? Дело в том, что Ленин и партия в лице VIII съезда не усматривают *никакой разницы* между понятием «соглашение» и понятием «союз». Дело в том, что везде, во всех своих речах на VIII съезде Ленин проводит *знак равенства* между понятием «союз» и понятием «соглашение». То же самое надо сказать о резолюции VIII съезда «Об отношении к среднему крестьянству», где между понятием «соглашение» и понятием «союз» проводится *знак равенства*. И так как Ленин и партия считают политику соглашения с середняком не случайной и скоропреходящей, а *длительной* политикой, они имели и имеют все основания именовать политику соглашения с середняком политикой прочного союза с ним и, наоборот, политику прочного союза с середняком — политикой соглашения с ним. Стоит ознакомиться с стенографическим отчетом VIII съезда партии и резолюцией того же съезда о середняке, чтобы убедиться в этом.

Вот выдержка из речи Ленина на VIII съезде:

«Сплошь и рядом по неопытности советских работников, по трудности вопроса удары, которые предназначались для кулаков, падали на среднее крестьянство. Здесь мы погрешили чрезвычайно. Собранный в этом отношении опыт поможет нам сделать все для того, чтобы избежать этого в дальнейшем. Вот задача, которая стоит перед нами не теоретически, а практически. Вы прекрасно знаете, что эта задача трудная. У нас нет таких благ, которые мы могли бы дать среднему крестьянину, а он — материалист, практик и требует конкретных материальных благ, которых мы сейчас дать не можем и без которых страна должна обходиться, быть может, еще месяцы тяжелой борьбы, обещающей теперь полную победу. Но мы можем многое сделать в нашей административной практике: улучшить наш аппарат, исправить массу злоупотреблений. Мы можем линию нашей партии, которая недостаточно шла *на блок, на союз, на соглашение* (Курсив везде мой — И. Ст.) со средним крестьянством, — мы эту линию можем и должны выравнять и выправить» (VIII съезд РКП», стенограф. отчет, стр. 24—25).

Вы видите, что Ленин не делает разницы между «соглашением» и «союзом».

А вот выдержки из резолюции VIII съезда «Об отношении к среднему крестьянству»:

«Смешивать средних крестьян с кулачеством, распространять на них в той или иной степени меры, направленные против кулачества, значит нарушать самым грубым образом не только все декреты Советской власти и всю ее политику, но и все основные принципы коммунизма, указывающие на *соглашение* пролетариата с средним крестьянством в период решительной борьбы пролетариата за свержение буржуазии, как на одно из условий безболезненного перехода к устранению всякой эксплуатации.

Среднее крестьянство, имеющее сравнительно крепкие экономические корни, в силу отсталости сельско-хозяйственной техники от промышленной даже в передовых капиталистических странах, не говоря уже о России, будет держаться довольно долгое время после начала пролетарской революции. Поэтому тактика советских работников в деревне, равно как и деятелей

партии, должна быть рассчитана на *длительный период сотрудничества* со средним крестьянством...

...Вполне правильная политика Советской власти в деревне обеспечивает, таким образом, *союз и соглашение* победоносного пролетариата со средним крестьянством...

...Политика рабоче-крестьянского правительства и коммунистической партии должна вестись и впредь в этом *духе соглашения* пролетариата и беднейшего крестьянства со средним крестьянством» (Курсив везде мой - И. Ст.) («VIII съезд РКП», стенограф. отчет, стр. 417—420).

Как видите, резолюция также не делает разницы между «соглашением» и «союзом».

Нелишне будет заметить, что в этой резолюции VIII съезда нет ни единого слова о «прочном союзе» с середняком. Значит ли это, однако, что резолюция *отходит* тем самым от политики «прочного союза» с середняком? Нет, не значит. Это значит лишь то, что резолюция проводит знак равенства между понятием «соглашение», «сотрудничество», и понятием «прочный союз». Оно и понятно: не может быть «союза» с середняком без того, чтобы не было «соглашения» с ним, а союз с середняком не может быть «прочным», если нет «длительного» соглашения и сотрудничества с ним.

Таковы факты.

Одно из двух: *либо* Ленин и VIII съезд партии *отошли* от ленинского заявления о «прочном союзе» с середняком, *либо* нужно отбросить это несерьезное предположение и признать, что Ленин и VIII съезд партии не делают *никакой* разницы между понятием «соглашение» и понятием «прочный союз».

Итак, кто не хочет быть жертвой пустого буквоедства, кто хочет вникать в смысл ленинского лозунга, говорящего об опоре на бедноту, о соглашении с середняком и о борьбе с кулачеством, тот не может не понять, что политика *соглашения* с середняком есть политика *прочного союза* с ним.

Ваша ошибка состоит в том, что вы не поняли жульнической уловки оппозиции и поддались ее провокации, загнав себя в капкан, поставленный для вас противником. Оппозиционные жулики кричат и шумят, уверяя, что они стоят за лозунг Ленина о соглашении с середняком, при чем они делают провокаторский намек насчет того, что «соглашение» с середняком — одно, а «прочный союз» с ним — нечто другое. Этим они хотят убить двух зайцев: во-первых, — скрыть свою действительную позицию о среднем крестьянстве, состоящую не в соглашении с середняком, а в *«разладе с середняком»* (см. известную речь оппозиционера Смирнова, процитированную мною на XVI московской губпартконференции); во-вторых, — поймать на *мнимой* разнице между «соглашением» и «союзом» простаков из большевиков и запутать их вконец, отпихнув их от Ленина.

А что делают в ответ на это некоторые наши товарищи? Вместо того, чтобы сорвать маску с оппозиционных мошенников, вместо того, чтобы уличить их в обмане партии насчет их действительной позиции, — вместо этого они ловятся на удочку, лезут в капкан и дают себя отпихнуть от Ленина. Оппозиция производит шум насчет лозунга Ленина, оппозиционеры корчат из себя сторонников ленинского лозунга, — значит я должен отме-

жеваться от этого лозунга, чтобы не смешали меня с оппозицией, иначе меня могут обвинить в «компромиссе с оппозицией», — такова логика этих товарищей!

И это не единственный пример жульнических приемов оппозиции. Возьмите, например, лозунг самокритики. Большевики не могут не знать, что лозунг самокритики является основой нашего партийного действия, средством укрепления пролетарской диктатуры, душой большевистского метода воспитания кадров. Оппозиция подымает шум, уверяя, что лозунг самокритики выдуман ею, оппозицией, что партия перехватила у нее этот лозунг и капитулировала, таким образом, перед оппозицией. Поступая так, оппозиция хочет добиться, по крайней мере, двух вещей: во-первых, — скрыть от рабочего класса и обмануть его насчет того, что между оппозиционной самокритикой, имеющей своей целью *разрушение* партийности, и большевистской самокритикой, ставящей своей целью *укрепление* партийности, лежит пропасть; во-вторых, — поймать на удочку кой-кого из простаков и заставить их отмежеваться от партийного лозунга о самокритике.

А как реагируют на это некоторые наши товарищи? Вместо того, чтобы сорвать маску с мошенников из оппозиции и отстоять лозунг большевистской самокритики, — они лезут в капкан, отпихиваются от лозунга самокритики, пляшут под дудку оппозиции и... капитулируют перед ней, ошибочно предполагая, что отмежевываются от оппозиции.

Таких примеров можно было бы привести целую кучу.

Но мы не можем плясать в своей работе под чью бы то ни было дудку. Мы тем более не можем руководствоваться в своей работе тем, что говорят про нас оппозиционеры. Мы должны идти своей дорогой, отметая прочь и жульнические выходки оппозиции и ошибки некоторых наших большевиков, поддающихся провокации оппозиционеров. Вспомните слова Маркса: «Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят что угодно»!

12 июня 1928 г.

«Правда» № 152, 3 июля 1928 г.

«Вопросы ленинизма», стр. 220—228, изд. 10-е.

И. Сталин. ОБ ИТОГАХ ИЮЛЬСКОГО ПЛЕНУМА ЦК ВКП(б). Доклад на собрании актива ленинградской организации ВКП(б) 13 июля 1928 г.

Товарищи! Только что закончившийся пленум Центрального Комитета вел свою работу по линии двух групп вопросов. Первую группу вопросов составляют вопросы, имеющие отношение к основным проблемам Коммунистического Интернационала в связи с ожидаемым VI конгрессом. Вторую группу — вопросы, имеющие отношение к делу нашего строительства в СССР по

линия сельско-хозяйственной,— хлебная проблема и хлебозаготовки,— и по линии обеспечения нашей промышленности технической интеллигенцией, кадрами технической интеллигенции из людей рабочего класса.

Начнем с первой группы вопросов.

I. Вопросы Коминтерна

1. Основные проблемы VI конгресса Коминтерна

Какие основные проблемы стоят в данный момент перед VI конгрессом Коминтерна?

Если иметь в виду пройденный этап между конгрессом пятым и конгрессом шестым, то, прежде всего, нужно остановиться на тех противоречиях, которые назрели за это время в лагере империалистов. Что это за противоречия? Тогда, к пятому конгрессу, у нас мало еще говорили об англо-американском противоречии как основном. Тогда принято было говорить даже об англо-американском союзе. Но зато тем охотнее говорили о противоречиях между Англией и Францией, между Америкой и Японией, между победителями и побежденными. Разница между тем периодом и нынешним периодом состоит в том, что из ряда противоречий, имеющих в лагере капиталистов, основным противоречием стало противоречие между капитализмом американским и капитализмом английским. Возьмете ли вопрос о нефти, имеющей решающее значение как для строительства капиталистического хозяйства, так и для войны; возьмете ли вопрос о рынках для сбыта товаров, имеющих серьезнейшее значение для жизни и развития мирового капитализма, ибо нельзя производить товаров, не имея обеспеченного сбыта этих товаров; возьмете ли вопрос о рынках для вывоза капитала, представляющего характернейшую черту империалистического этапа; возьмете ли, наконец, вопрос о путях, ведущих к рынкам сбыта или к рынкам сырья,— все эти основные вопросы толкают к одной основной проблеме, к проблеме борьбы за мировую гегемонию между Англией и Америкой. Куда бы ни сунулась Америка, эта страна гигантски растущего капитализма, в Китай ли, в колонию ли, в Южную ли Америку, в Африку ли,— везде она натывается на громадные препятствия в виде заранее укрепленных позиций Англии.

Этим, конечно, не отменяются остальные противоречия в лагере капитализма: между Америкой и Японией, Англией и Францией, Францией и Италией, Германией и Францией и т. д. Но это значит, что эти противоречия упираются тем или иным боком в основное противоречие между Англией, звезда которой закатывается, и Америкой, звезда которой находится в состоянии восхождения.

Чем чревато это основное противоречие? Оно безусловно чревато войной. Когда два гиганта друг с другом сталкиваются, когда им тесно на земном шаре, они стараются помериться силами для того, чтобы разрешить спорный вопрос о мировой гегемонии путем войны.

Это первое, что нужно иметь в виду.

Второе противоречие — это противоречие между империализмом и колониями. Мы имели это противоречие и к V конгрессу. Но оно только теперь приняло особо острый характер. Тогда у нас не было такого мощного разви-

тия китайского революционного движения, такой мощной встряски миллионов масс китайских рабочих и крестьян, которая имела место год назад и которая имеет место теперь. Но это не все. У нас не было также в тот момент, к V конгрессу Коминтерна, того мощного оживления рабочего движения и национальной освободительной борьбы в Индии, какое имеем теперь. Эти два основных факта ставят вопрос о колониях и полуколониях ребром.

Чем чревато нарастание этого противоречия? Оно чревато национальными войнами в колониях и интервенцией со стороны империализма.

Это обстоятельство также надо иметь в виду.

Наконец, третье противоречие, противоречие между капиталистическим миром и СССР, противоречие, которое не ослабевает, а усиливается. Если к V конгрессу Коминтерна можно было говорить, что установилось некоторое, правда, неустойчивое, но более или менее длительное равновесие между двумя мирами, между двумя антиподами, между миром советов и миром капитализма, то теперь мы имеем все основания утверждать, что сроки этого равновесия приходят к концу.

Нечего и говорить, что нарастание этого противоречия не может не быть чревато опасностью интервенции.

Надо полагать, что VI конгресс учтет и это обстоятельство.

Таким образом, все эти противоречия неминуемо ведут к одной основной опасности, — к опасности новых империалистических войн и интервенций.

Поэтому опасность новых империалистических войн и интервенций является основным вопросом современности.

Самой распространенной формой убаюкивания рабочего класса и отвлечения его от борьбы с опасностью войны является нынешний пацифизм с его Лигой Наций, проповедью «мира», «запрещением» войны, болтовней о «разоружении» и т. д.

Многие думают, что империалистический пацифизм есть инструмент мира. Это в корне неверно. Империалистический пацифизм есть инструмент подготовки войны и прикрытия этой подготовки фарисейскими фразами о мире. Без такого пацифизма и его инструмента, Лиги Наций, подготовка войн в нынешних условиях невозможна.

Есть дурачки, которые думают, что ежели есть империалистический пацифизм, то значит не будет войны. Это совершенно неверно. Наоборот, кто хочет добиться правды, тот должен перевернуть это положение и сказать: так как процветает империалистический пацифизм с его Лигой Наций, то наверняка будут новые империалистические войны и интервенции.

И самое важное во всем этом состоит в том, что социал-демократия является главным проводником империалистического пацифизма в рабочем классе, — стало быть, она является основной опорой капитализма в рабочем классе в деле подготовки новых войн и интервенций.

Но для того, чтобы подготовить новые войны, недостаточно одного лишь пацифизма, если даже он, этот пацифизм, поддерживается такой серьезной силой, как социал-демократия. Для этого нужны еще некоторые средства подавления масс в центрах империализма. Нельзя воевать для империализма, не укрепляя империалистический тыл. Нельзя укрепить тыл,

не подавляя рабочих. Для этого и существует фашизм.

Отсюда обострение внутренних противоречий в странах капитализма, противоречий между трудом и капиталом.

С одной стороны, устами социал-демократии проповедывать пацифизм, чтобы тем успешнее готовиться к новым войнам; с другой стороны, подавлять в порядке применения фашистских методов рабочий класс в тылу, коммунистические партии в тылу, чтобы тем успешнее вести потом войну, интервенцию, — таков путь подготовки новых войн.

Отсюда задачи коммунистических партий:

Во-первых, неустанная борьба с социал-демократизмом по всем линиям, и по линии экономической, и по линии политической, включая сюда разоблачение всякого рода пацифизма на предмет завоевания большинства рабочего класса.

Во-вторых, создание единого фронта рабочих передовых стран и трудовых масс колоний для того, чтобы предотвратить опасность войны, или, когда война наступит, превратить империалистическую войну в войну гражданскую, разгромить фашизм, свергнуть капитализм, установить Советскую власть, освободить колонии от рабства, организовать всемирную защиту первой в мире рабочей республики.

Таковы основные проблемы и задачи, стоящие перед VI конгрессом.

Эти проблемы и задачи учитываются Исполкомом Коминтерна, в чем не трудно убедиться, если просмотрите порядок дня VI конгресса Коминтерна.

2. Программа Коминтерна

В тесной связи с вопросом об основных проблемах международного рабочего движения стоит вопрос о программе Коминтерна.

Важнейшее значение программы Коминтерна состоит в том, что она научно формулирует коренные проблемы коммунистического движения, намечает основные пути разрешения этих проблем и создает, таким образом, для секций Коминтерна ту ясность целей и средств, без которой невозможно уверенное движение вперед.

Несколько слов об особенностях проекта программы Коминтерна, представленной программной комиссией Исполкома Коминтерна. Можно было бы отметить, по крайней мере, семь таких особенностей.

1) Проект дает программу не для тех или иных отдельных национальных компартий, а для всех компартий, вместе взятых, схватывая общее и основное для них. Отсюда ее принципиально-теоретический характер.

2) Раньше обычно давали программу для «цивилизованных» наций. В отличие от этого проект программы имеет в виду все нации мира, и белых, и черных, и метрополии, и колонии. Отсюда ее всеобъемлющий, глубоко интернациональный характер.

3) Проект берет за отправной пункт не тот или иной капитализм той или иной страны или части света, а всю мировую систему капитализма, противопоставляя ей мировую систему коммунистического хозяйства. Отсюда ее отличие от всех имеющихся до сих пор программ.

4) Проект исходит из неравномерности развития мирового капитализма и делает вывод о возможности победы социализма в отдельных странах, при-

ходя к перспективе образования двух параллельных центров притяжения — мирового центра капитализма и мирового центра социализма, ведущих борьбу за обладание миром.

5) Проект выставляет вместо лозунга Соединенных Штатов Европы лозунг федерации отпавших и отпадающих от империалистической системы хозяйства советских республик развитых стран и колоний, противопоставляющей себя в своей борьбе за мировой социализм мировой капиталистической системе.

6) Проект делает упор против социал-демократии, как основной опоры капитализма в рабочем классе и как главного противника коммунизма, находя, что все остальные течения в рабочем классе (анархизм, анархо-синдикализм, гильдейский социализм и т. д.) являються, по сути дела, разновидностью того же социал-демократизма.

7) Проект выдвигает на первый план упрочение коммунистических партий как на Западе, так и на Востоке, как предварительное условие обеспечения гегемонии пролетариата, а потом и диктатуры пролетариата.

Пленум ЦК одобрил, в основном, проект программы Коминтерна и обязал товарищей, имеющих отдельные поправки к проекту, внести их в программную комиссию VI конгресса.

Так обстоит дело с вопросами Коминтерна..

Перейдем теперь к вопросам нашего внутреннего строительства.

II. Вопросы социалистического строительства в СССР

1. Вопрос о политике хлебозаготовок

Позвольте дать маленькую историческую справку. Что имели мы к 1 января этого года? Вы знаете из партийных документов, что к 1 января этого года мы имели дефицит в 128 миллионов пудов хлеба в сравнении с тем, что имелось у нас в прошлом году. О причинах этого явления я не буду распространяться: они изложены в известных партийных документах, опубликованных в печати. Для нас важно теперь то, что мы имели дефицит в 128 миллионов пудов. А между тем, нам оставалось до распутицы всего 2—3 месяца. Мы стояли, таким образом, перед выбором: либо наверстать потерянное и установить нормальный темп хлебозаготовок для будущего, либо стать перед неизбежностью серьезного кризиса всего нашего народного хозяйства. Что нужно было предпринять для того, чтобы наверстать потерянное? Надо было, прежде всего, ударить по кулакам и спекулянтам, взвинчивавшим цены на хлеб и угрожавшим стране голодом. Надо было, вторых, завезти максимум товарной массы в хлебные районы. Надо было, наконец, поднять на ноги все наши партийные организации и создать перелом во всей нашей работе по хлебозаготовкам, изгнав из практики самотек. Мы были вынуждены, таким образом, пустить в ход чрезвычайные меры. Предпринятые меры оказали свое действие, мы сумели к концу марта собрать 275 миллионов пудов хлеба. Мы не только наверстали потерянное, мы не только предупредили общехозяйственный кризис, мы не только догнали прошлогодний темп хлебозаготовок, но мы имели все возможности выйти из

заготовительного кризиса безболезненно, если бы в дальнейшие месяцы (апрель, май, июнь) сохранили сколько-нибудь нормальный темп заготовок.

Однако, в результате гибели озимых посевов на юге Украины и отчасти на Северном Кавказе, Украина полностью, а Северный Кавказ частично выпали, как снабжающие районы, лишив республику 2—3 десятков миллионов пудов хлеба. Это обстоятельство, соединенное с тем, что было допущено нами перерасходование хлеба, поставило нас перед неизбежностью нажать сильнее на остальные районы и задеть, таким образом, страховые фонды крестьянства, что не могло не ухудшить положения.

Если мы сумели собрать в январе—марте почти 300 миллионов пудов, имея дело с маневренными запасами крестьянства, то за апрель—июнь нам не удалось собрать и сотни миллионов, ввиду того, что нам пришлось здесь задеть страховые запасы крестьянства, при условиях, когда виды на урожай не были еще выяснены. Ну, а хлеб все-таки надо было собрать. Отсюда повторные рецидивы чрезвычайных мер, административный произвол, нарушение революционной законности, обход дворов, незаконные обыски и т. д., ухудшившие политическое состояние страны и создавшие угрозу смычке.

Была ли это размычка? Нет, это не было размычкой. Может быть, это была пустяковина какая-нибудь? Нет, это не было пустяковиной. Это была угроза смычке рабочего класса и крестьянства. Этим собственно и, объясняется, что у некоторых работников нашей партии не хватило спокойствия и твердости для того, чтобы трезво и без преувеличений оценить создавшееся положение.

В дальнейшем хорошие виды на урожай и частичное снятие чрезвычайных мер внесли успокоение и улучшили положение.

В чем существо наших затруднений на хлебном фронте? Где основа этих затруднений? Разве это не факт, что мы имеем теперь посевные площади по зерновым хлебам почти такие же, как в довоенное время (всего на 5 проц. меньше)? Разве это не факт, что мы производим теперь почти столько же хлеба, сколько в довоенное время (около 5 миллиардов, всего на 200—300 миллионов меньше)? Чем объяснить, что, несмотря на это обстоятельство, мы производим товарного хлеба вдвое меньше, чем в довоенное время? Объясняется это распыленностью, парцеллностью нашего сельского хозяйства. Если до войны мы имели около 16 миллионов крестьянских хозяйств, то теперь мы имеем их не менее 24 миллионов, при чем дальнейшее дробление крестьянских дворов имеет тенденцию не прекращаться. А что такое мелкое крестьянское хозяйство? Это есть наименее товарное, наименее рентабельное и наиболее натуральное хозяйство, дающее каких-нибудь 12—15 процентов товарности. Между тем, города и промышленность у нас растут во-всю, строительство развивается и спрос на товарный хлеб возрастает с неимоверной быстротой. Вот где основа наших затруднений на хлебном фронте.

Вот что говорит на этот счет Ленин в своей брошюре «О продналоге»:

«Если крестьянское хозяйство может развиваться дальше, необходимо прочно обеспечить и дальнейший переход, а дальнейший переход неминуемо состо-

ит в том, чтобы наименее выгодное и наиболее отсталое, мелкое, обособленное крестьянское хозяйство, постепенно объединяясь, сорганизовало общественное, крупное земледельческое хозяйство. Так представляли себе все это социалисты всегда. Именно так смотрит и наша коммунистическая партия» (т. XXVI, стр. 299).

Вот в чем, оказывается, основа наших затруднений на хлебном фронте. Где выход из положения?

Выход, прежде всего, в том, чтобы поднимать мелкое и среднее крестьянское хозяйство, оказывая ему всяческую поддержку в деле развития его урожайности, его производительности. Сменить соху на плуг, дать чистосортные семена, снабдить удобрением, снабдить машинами мелкого типа, охватить индивидуальные крестьянские хозяйства широкой сетью кооперации, заключая договоры (контрактации) с целыми селами, — такова задача. Есть такой способ заключения договоров между сельскохозяйственной кооперацией и целыми селами, ставящий своей целью снабжать крестьян семенами, получать, таким образом, повышенный результат по линии урожайности, обеспечить для государства своевременную поставку хлеба со стороны крестьян, выдавать им за это премию в виде некоторой доплаты на конвенционную цену и создавать устойчивое взаимоотношение между государством и крестьянством. Опыт говорит, что этот метод дает ошутительный эффект.

Есть люди, думающие, что индивидуальное хозяйство исчерпало себя, что его не стоит поддерживать. Это неверно, товарищи. Эти люди не имеют ничего общего с линией нашей партии. Есть, с другой стороны, люди, которые думают, что индивидуальное крестьянское хозяйство является началом и концом сельского хозяйства вообще. Это также неверно. Более того, такие люди не имеют ничего общего с ленинизмом. Нам не нужно ни хулителей, ни певцов индивидуального крестьянского хозяйства. Нам нужны трезвые политики, умеющие взять у индивидуального крестьянского хозяйства максимум того, что можно взять, и умеющие вместе с тем постепенно переводить индивидуальное хозяйство на рельсы коллективизма.

Выход, во-вторых, в том, чтобы объединить постепенно обособленные мелкие и средние крестьянские хозяйства в крупные коллективы и товарищества, как совершенно добровольные объединения, работающие на базе новой техники, на базе тракторов и прочих сельскохозяйственных машин. В чем состоит преимущество колхозов? В том, что они имеют возможность использовать все данные науки и техники, они более рентабельны и устойчивы, они более производительны и товарны. Не нужно забывать, что они имеют от 30 до 35 проц. товарности, а урожайность на десятину доходит у них иногда до 200 пудов и больше.

Выход, наконец, в том, чтобы улучшить старые совхозы и поставить новые крупные совхозы. Следует помнить, что совхозы являются наиболее товарными хозяйственными единицами. У нас есть совхозы, которые дают не менее 60 % товарности.

Задача состоит в том, чтобы правильно сочетать все эти три задачи и повести усиленную работу по всем этим трем каналам. Особенность переживаемого момента состоит в том, что выполнение первой задачи по подня-

тию индивидуального мелкого и среднего крестьянского хозяйства, представляющей все еще главную задачу нашей работы в области сельского хозяйства, стало уже недостаточно для разрешения общей задачи в целом. Особенность переживаемого момента состоит в том, чтобы дополнить первую задачу двумя новыми практическими задачами о поднятии колхозов и улучшении дела совхозов.

Но кроме причин основных, имеются еще причины специфические, причины временные, превратившие наши заготовительные затруднения в заготовительный кризис. Что это за причины? К числу таких причин резолюция пленума относит:

а) нарушение рыночного равновесия и обострение этого нарушения благодаря более быстрому росту платежеспособного спроса со стороны крестьянства в сравнении с предложением промтоваров, вызванное повышением доходности деревни ввиду ряда урожаев, в особенности повышением доходности ее зажиточных и кулацких слоев;

б) неблагоприятное соотношение цен на хлеб в сравнении с ценами на другие продукты сельского хозяйства, что ослабляло стимул к реализации хлебных излишков и чего, однако, не могла изменить партия весной этого года, не нарушая интересов маломощных слоев деревни;

в) ошибки планового руководства, главным образом по линии своевременного завоза товаров и налогового обложения (низкий налог на имущие слои деревни), а также по линии неправильного расходования хлеба;

г) недостатки заготовительных и партийных, советских организаций (отсутствие единого фронта, отсутствие активности, ставка на самотек);

д) нарушение революционной законности, административный произвол, обход дворов, частичное закрытие местных рынков и т. д.;

е) использование всех этих минусов капиталистическими элементами города и деревни (кулаки, спекулянты) для подрыва хлебозаготовок и ухудшения политического положения в стране.

Если причины общего характера требуют целого ряда лет для их ликвидации, то причины специфического, временного характера вполне возможно уничтожить теперь же, для того, чтобы предупредить возможность повторения хлебозаготовительного кризиса.

Что требуется для того, чтобы ликвидировать эти специфические причины?

Для этого необходимы:

а) немедленная ликвидация практики обхода дворов, незаконных обысков и всякого рода нарушений революционной законности;

б) немедленная ликвидация всех и всяких рецидивов prodrazверстки и каких бы то ни было попыток закрытия базаров, с обеспечением гибких форм регулирования торговли со стороны государства;

в) известное повышение цен на хлеб, с варьированием по районам и зерновым культурам;

г) организация правильного завоза товаров в хлебозаготовительные районы;

д) правильная организация дела снабжения хлебом, не допускающая перерасходов;

е) обязательное образование государственного хлебного резерва.

Честное и систематическое проведение этих мероприятий в условиях нынешнего благоприятного урожая должно создать обстановку, исключающую необходимость применения каких бы то ни было чрезвычайных мер в предстоящую хлебозаготовительную кампанию.

Очередная задача партии состоит в том, чтобы следить за точным проведением этих мероприятий.

В связи с хлебными затруднениями перед нами встал вопрос о смычке, о дальнейшей судьбе союза рабочих и крестьян, о средствах упрочения этого союза. Говорят, что у нас нет больше смычки, что смычку сменила размычка. Это, конечно, глупость, достойная паникеров. Когда нет смычки, крестьянин теряет веру в завтрашний день, он уходит в себя, он перестает верить в прочность Советской власти, являющейся основным заготовителем крестьянского хлеба, он начинает сокращать свои посевы и во всяком случае не рискует расширять их, боясь, что пойдут опять обходы дворов, обыски и т. д. и отберут у него хлеб. А что мы имеем на самом деле? Мы имеем расширение ярового клина по всем районам. Это факт, что в основных районах хлебного производства крестьянин расширил яровой клин от 2 до 15 и 20%. Разве не ясно, что крестьянин не верит в вечность чрезвычайных мер, и он имеет все основания рассчитывать на повышение хлебных цен. Какая же это размычка? Это, конечно, не значит, что у нас нет или не было угрозы смычке. Но делать отсюда вывод о размычке — значит потерять голову и попасть в рабство стихии.

Некоторые товарищи думают, что для того, чтобы укрепить смычку, необходимо перенести центр тяжести с тяжелой индустрии на легкую индустрию (текстиль), полагая, что текстиль является основной и исчерпывающей «смычковой» промышленностью. Это неверно, товарищи. Это совершенно неверно. Конечно, текстильная промышленность имеет громадное значение для того, чтобы установить товарооборот между социалистической индустрией и крестьянским хозяйством. Но думать на этом основании, что текстиль является исчерпывающей базой для смычки — значит допускать грубейшую ошибку. На самом деле смычка между индустрией и крестьянским хозяйством проходит не только по линии ситца, необходимого для личного потребления крестьянина, но и по линии металла, по линии семян, удобрений, машин всякого рода, необходимых для крестьянина, как производителя хлеба. Я уже не говорю о том, что сама текстильная промышленность не может развиваться и существовать без развития тяжелой индустрии.

Смычка нужна нам не для того, чтобы сохранить и увековечить классы. Смычка нужна нам для того, чтобы приблизить крестьянство к рабочему классу, перевоспитать крестьянство, переделать его психологию индивидуалиста, переработать его в духе коллективизма и подготовить, таким образом, ликвидацию, уничтожение классов на базе социалистического общества. Кто этого не понимает или не хочет признать, тот не марксист, не ленинец, а крестьянский философ, смотрящий назад, а не вперед.

А как переработать, переделать крестьянина? Его можно переделать, прежде всего и главным образом, на базе новой техники, на базе коллективного труда.

Вот что говорит на этот счет Ленин:

«Дело переработки мелкого земледельца, переработки всей его психологии и навыков есть дело, требующее поколений. Решить этот вопрос по отношению к мелкому земледельцу, оздоровить, так сказать, всю его психологию может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе, электрификация в массовом масштабе. Вот что в корне и с громадной быстротой переделало бы мелкого земледельца» (т. XXVI, стр. 239).

Дело ясное: кто думает обеспечить смычку только лишь по линии текстиля, забывая о металле и машинах, преобразующих крестьянское хозяйство на базе коллективного труда, тот увековечивает классы, тот не пролетарский революционер, а крестьянский философ. А вот что говорит Ленин в другом месте:

«Лишь в том случае, если удастся на деле показать крестьянам преимущества общественной, коллективной, товарищеской, артельной обработки земли, лишь, если удастся помочь крестьянину при помощи товарищеского, артельного хозяйства, тогда только рабочий класс, держащий в своих руках государственную власть, действительно докажет крестьянину свою правоту, действительно привлечет на свою сторону прочно и настоящим образом многомиллионную крестьянскую массу» (т. XXIV, стр. 579).

Вот как обеспечивается действительное и прочное привлечение миллионных масс крестьянства на сторону рабочего класса, на сторону социализма.

Иногда говорят, что для обеспечения смычки у нас имеется лишь один резерв, резерв уступок крестьянству. Исходя из этого, создают иногда теорию непрерывных уступок, полагая, что непрерывными уступками рабочий класс может усилить себя. Это неверно, товарищи. Это совершенно неверно. Такая теория может лишь погубить все дело. Это есть теория безнадежности. Для того, чтобы укрепить смычку, надо иметь в своем распоряжении, кроме резерва уступок, целый ряд других резервов в виде хозяйственных опорных пунктов в деревне (развитые кооперативы, колхозы, совхозы), так же как в виде политических опорных пунктов (усиленная работа среди бедноты и обеспеченная поддержка со стороны бедноты). Середняк есть класс колеблющийся. Если нет у нас поддержки бедноты, если с Советской властью слабо в деревне, середняк может колебнуться в сторону кулака. И, наоборот, если поддержка бедноты обеспечена, можно сказать с уверенностью, что середняк колебнется в сторону Советской власти. Поэтому систематическая работа среди бедноты и обеспечение бедноты как семенами, так и дешевым хлебом является очередной задачей партии.

2. Вопрос о создании кадров по промышленному строительству

Перейдем теперь к вопросу об обеспечении нашей промышленности новыми кадрами технической интеллигенции.

Речь идет о наших затруднениях по линии промышленности, о затруднениях, вскрывшихся в связи с шахтинским делом.

В чем состоит существо шахтинского дела с точки зрения улучшения промышленности? Существо и смысл шахтинского дела состоит в том, что

мы оказались почти безоружными и совершенно отсталыми, до безобразия отсталыми в деле обеспечения нашей промышленности известным минимумом преданных делу рабочего класса специалистов. Урок, вытекающий из шахтинского дела, состоит в том, чтобы ускорить темп образования, создания новой технической интеллигенции из людей рабочего класса, преданных делу социализма и способных руководить техникой нашей социалистической промышленностью.

Это не значит, что мы отбрасываем прочь тех специалистов, которые мыслят не по-советски или которые являются не коммунистами, но которые согласны сотрудничать с Советской властью. Нет, не значит. Мы всемерно, всеми силами будем и впредь привлекать беспартийных специалистов, беспартийных техников, готовых идти рука об руку с Советской властью в деле строительства нашей промышленности. Мы вовсе не требуем, чтобы они отреклись теперь же от своих взглядов или чтобы они изменили их немедленно. Мы требуем только одного — чтобы они честно сотрудничали с Советской властью, раз они согласились на это добровольно.

Но дело в том, что таких людей из старых специалистов, готовых идти рука об руку с Советской властью, становится относительно все меньше. Дело в том, что абсолютно необходима для них новая смена. И вот партия считает, что новую смену надо создавать ускоренным темпом, если мы не хотим оказаться перед новыми неожиданностями, и создавать ее нужно из людей рабочего класса. Это и значит создать новую техническую интеллигенцию, способную удовлетворить нужды нашей промышленности.

Факты показали, что Наркомпрос не справился с этой важной задачей. У нас нет оснований предположить, что Наркомпрос, предоставленный себе самому и мало связанный к тому же с производством, при его инертности и консерватизме, справится с этой задачей в ближайшем будущем. Поэтому партия пришла к такому выводу, что необходимо разделить труд ускоренного образования новой технической интеллигенции между тремя наркоматами — между Наркомпросом, ВСНХ и НКПС. Партия считает, что этот путь является наиболее целесообразным путем, способным обеспечить необходимый темп работы в этом важном деле. Отсюда — передача нескольких втузов ВСНХ и НКПС.

Это, конечно, не значит, что передачей втузов исчерпывается задача ускоренного формирования новых кадров технической интеллигенции. Несомненно, что обеспечение учащихся в материальном отношении должно сыграть здесь важнейшую роль. Поэтому Советская власть пошла на то, что затраты на образование новых кадров приравняла по своему удельному весу к затратам на капитальное строительство промышленности и решила выделять добавочно на это дело более 40 миллионов рублей ежегодно.

III. Заключение

Надо признаться, товарищи, что мы учились всегда на наших трудностях и ошибках. До сих пор, по крайней мере, дело обстояло так, что история учила нас и закаляла нашу партию на затруднениях, на тех

или иных кризисах. Так было дело в 1918 году, когда мы, в связи с затруднениями на восточном фронте, в связи с неудачами в борьбе с Колчаком, поняли наконец необходимость создания регулярной пехоты и действительно создали ее. Так было дело и в 1919 г., когда мы, в связи с затруднениями на Деникинском фронте, в связи с рейдом Мамонтова в тыл наших армий, поняли, наконец, необходимость в сильной кавалерии и действительно создали ее на страх врагам рабочего класса. Я думаю, что приблизительно таким же образом обстоит теперь у нас дело. Хлебные затруднения не пройдут для нас даром. Они расшевелият большевиков и заставят их взяться вплотную за развитие сельского хозяйства, особенно за развитие зернового хозяйства. Без этих затруднений едва ли большевики взяли бы серьезно за зерновую проблему. То же самое надо сказать о шахтинском деле и связанных с ним затруднениях. Уроки шахтинского дела не пройдут и не могут пройти даром для нашей партии. Я думаю, что эти уроки заставят нас поставить ребром вопрос о создании новой технической интеллигенции, способной обслужить нашу социалистическую промышленность. Впрочем, вы видите, что мы уже сделали первый серьезный шаг в деле разрешения проблемы технической интеллигенции. Будем надеяться, что этот шаг будет не последним. *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)*

«Вопросы ленинизма», стр. 334—346, изд. 9-е.

И. Сталин. О ПРАВОЙ ОПАСНОСТИ В ВКП(б). Речь на пленуме МК и МКС 19 октября 1928 г.

Я думаю, товарищи, что надо прежде всего отвлечься от мелочей, от личных моментов и т. д. для того, чтобы разрешить интересующий нас вопрос о правом уклоне. Есть ли у нас в партии правая, оппортунистическая опасность; существуют ли объективные условия, благоприятные для такой опасности; как бороться с этой опасностью,— вот какие вопросы стоят теперь перед нами. Но мы не разрешим этого вопроса, если не очистим его от всех тех мелочей и наносных элементов, которые облепили его и которые мешают нам понять существо вопроса.

Неправ т. Запольский, когда он думает, что вопрос о правом уклоне есть случайный вопрос. Он утверждает, что все дело здесь не в правом уклоне, а в склоке, в личных интригах и т. д. Допустим на минутку, что склока и личные интриги играют здесь некоторую роль, как и во всякой борьбе. Но объяснять все склокой и не видеть за склокой существа вопроса,— значит сойти с правильного, с марксистского пути. Не может быть, чтобы такая большая, старая, сплоченная организация, какой несомненно являет-

ся московская организация, могла быть всколыхнута снизу доверху и приведена в движение усилиями нескольких склочников или интриганов. Нет, товарищи, таких чудес не бывает на свете. Я уже не говорю о том, что нельзя так легко расценивать силу и мощь московской организации. Очевидно, что здесь действовали более глубокие причины, не имеющие ничего общего ни со склокой, ни с интригой.

Неправ также т. Фрунтов, который хотя и признает наличие правой опасности, но не считает ее достойной того, чтобы ею могли серьезно заниматься серьезные деловые люди. У него выходит так, что вопрос о правом уклоне есть предмет занятий крикунов, а не деловых людей. Я вполне понимаю т. Фрунтова, который до того поглощен повседневной практической работой, что ему некогда думать о перспективах нашего развития. Но это еще не значит, что мы должны узкий и деловой практицизм некоторых партийных работников превратить в догмат нашего строительства. Здоровое делячество — дело хорошее, но если оно теряет перспективы в работе и не подчиняет свою работу основной линии партии, — оно превращается в минус. А между тем нетрудно понять, что вопрос о правом уклоне есть вопрос об основной линии нашей партии, есть вопрос о том, правильна или неправильна та перспектива развития, которая дана нашей партией на XV съезде.

Неправы и те товарищи, которые при обсуждении проблемы о правом уклоне заостряют вопрос на лицах, представляющих правый уклон. Укажите нам правых или примиренцев, говорят они, назовите лиц, чтобы мы могли расправиться с ними. Это неправильная постановка вопроса. Лица, конечно, играют известную роль. Но дело тут не в лицах, а в тех условиях, в той обстановке, которые порождают правую опасность в партии. Можно отвести лиц, но это еще не значит, что мы тем самым подорвали корни правой опасности в нашей партии. Поэтому вопрос о лицах не решает дела, хотя и представляет несомненный интерес. Нельзя не вспомнить, в связи с этим, об одном эпизоде в Одессе, имевшем место в конце 1919 и начале 1920 года, когда наши войска, прогнав деникинцев из Украины, добивали последние остатки деникинских войск в районе Одессы. Одна часть красноармейцев с остервенением искала тогда в Одессе Антанту, будучи уверена, что ежели они поймут ее, Антанту, то войне будет конец. (*Общий смех.*) Можно представить, что красноармейцы могли бы поймать кого-либо из представителей Антанты в Одессе. Но этим, конечно, не был бы решен вопрос об Антанте, так как корни Антанты лежат не в Одессе, хотя она и была тогда последней территорией деникинцев, а в мировом капитализме. То же самое можно сказать о некоторых наших товарищах, которые в вопросе о правом уклоне заостряют дело на лицах, представляющих правый уклон, забывая об условиях, порождающих этот уклон.

Поэтому мы должны выяснить здесь прежде всего вопрос об условиях возникновения правого, а также «левого» (троцкистского) уклона от ленинской линии.

Правый уклон в коммунизме *в условиях капитализма* означает тенденцию, склонность одной части коммунистов, правда, не оформленную и, пожалуй, не

осознанную еще, но все же склонность к отходу от революционной линии марксизма в сторону социал-демократии. Когда известные круги коммунистов отрицают целесообразность лозунга «класс против класса» в избирательной борьбе (Франция), или выступают против самостоятельных кандидатур от компартии (Англия), или не хотят заострять вопроса о борьбе с «левой» социал-демократией (Германия) и т. д. и т. п., — то это значит, что внутри компартий имеются люди, старающиеся приспособить коммунизм к социал-демократизму. Победа правого уклона в компартиях капиталистических стран означала бы идейный разгром компартий и громадное усиление социал-демократизма. А что такое громадное усиление социал-демократизма? Это есть усиление и укрепление капитализма, ибо социал-демократия является главной опорой капитализма в рабочем классе. Стало быть, победа правого уклона в компартиях капиталистических стран ведет к нарастанию условий, необходимых для *сохранения* капитализма.

Правый уклон в коммунизме *в условиях советского развития*, где капитализм уже свергнут, но где еще не вырваны его корни, означает тенденцию, склонность одной части коммунистов, правда, не оформленную и, пожалуй, еще не осознанную, но все же склонность к отходу от генеральной линии нашей партии в сторону буржуазной идеологии. Когда некоторые круги наших коммунистов пытаются тащить партию назад от решений XV съезда, отрицая необходимость наступления на капиталистические элементы деревни, или требуют свертывания нашей индустрии, считая нынешний темп ее развития гибельным для страны, или отрицают целесообразность ассигновок на колхозы и совхозы, считая их (ассигновки) выброшенными на ветер деньгами, или отрицают целесообразность борьбы с бюрократизмом на базе самокритики, полагая, что самокритика расшатывает наш аппарат, или требуют смягчения монополии внешней торговли и т. д. и т. п., — то это значит, что в рядах нашей партии имеются люди, которые пытаются приспособить, может быть сами того не замечая, дело нашего социалистического строительства ко вкусам и потребностям «советской» буржуазии. Победа правого уклона в нашей партии означала бы громадное усиление капиталистических элементов в нашей стране. А что значит усиление капиталистических элементов в нашей стране? Это значит ослабление пролетарской диктатуры и усиление шансов на восстановление капитализма. Стало быть победа правого уклона в нашей партии означала бы нарастание условий, необходимых для *восстановления* капитализма в нашей стране.

Существуют ли у нас, в нашей советской стране, условия, делающие *возможным* восстановление (реставрацию) капитализма? Да, существуют. Это, может быть, покажется странным, но это факт, товарищи. Мы свергли капитализм, установили диктатуру пролетариата и развиваем усиленным темпом нашу социалистическую промышленность, смыкая с ней крестьянское хозяйство. Но мы еще не вырвали корней капитализма. Где же они, эти самые корни гнездятся? Они гнездятся в товарном производстве, в мелком производстве города и особенно деревни. Сила капитализма состоит, как говорит Ленин, «в силе *мелкого производства*. Ибо мелкого производства ос-

талось еще на свете, к сожалению, очень и очень много, а мелкое производство *рождает* капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» (см. т. XXV, стр. 173). Ясно, что поскольку мелкое производство имеет у нас массовый и даже преобладающий характер и поскольку оно *рождает* капитализм и буржуазию, особенно в условиях нэпа, постоянно и в массовом масштабе, — у нас имеются условия, делающие *возможным* восстановление капитализма.

Существуют ли у нас, в нашей советской стране, средства и силы, необходимые для того, чтобы уничтожить, ликвидировать *возможность* восстановления капитализма? Да, существуют. На этом именно и зиждется правильность тезиса Ленина о *возможности* построения в СССР полного социалистического общества. Для этого необходимо упрочение пролетарской диктатуры, укрепление союза рабочего класса и крестьянства, развитие наших командных высот под углом индустриализации страны, быстрый темп развития индустрии, электрификация страны, перевод всего народного хозяйства на новую техническую базу, массовое кооперирование крестьянства и поднятие урожайности его хозяйства, постепенное объединение индивидуальных крестьянских хозяйств в общественные хозяйства, развитие совхозов, ограничение и преодоление капиталистических элементов города и деревни и т. д. и т. п.

Вот что говорит на этот счет Ленин:

«Пока мы живем в мелко-крестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Это необходимо запомнить. Каждый, внимательно наблюдавший за жизнью деревни, в сравнении с жизнью города, знает, что мы корней капитализма не вырвали и фундамент, основу у внутреннего врага не подорвали. Последний держится на мелком хозяйстве, и чтобы подорвать его, есть одно средство — перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства. Такой базой является только электричество. Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны. Иначе страна остается мелко-крестьянской, и надо, чтобы мы это ясно сознали. Мы более слабы, чем капитализм, не только в мировом масштабе, но и внутри страны. Всем это известно. Мы это сознали, и мы доведем дело до того, чтобы хозяйственная база из мелко-крестьянской перешла в крупно-промышленную. Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, — только тогда мы победим окончательно» (т. XXVI, стр. 46—47).

Выходит, во-первых, что, пока мы живем в мелко-крестьянской стране, пока мы не выкорчевали еще корней капитализма, для капитализма имеется более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Бывает, что срубили дерево, а корней не выкорчевали: нехватило сил. Из этого и вытекает *возможность* восстановления капитализма в нашей стране.

Выходит, во-вторых, что кроме возможности восстановления капитализма существует еще у нас *возможность победы социализма*, ибо мы *можем* уничтожить *возможность* восстановления капитализма, можем выкорчевать корни капитализма и добиться окончательной победы над капитализмом, *если* поведем усиленную работу по электрификации страны, *если* под промышленность, сельское хозяйство и транспорт подведем техническую базу современной

крупной промышленности. Из этого и вытекает *возможность* победы социализма в нашей стране.

Выходит, наконец, что нельзя строить социализм только в промышленности, предоставив сельское хозяйство на произвол стихийного развития, исходя из того, что деревня «сама пойдет» за городом. Наличие социалистической промышленности в городе представляет основной фактор социалистического преобразования деревни. Но это еще не значит, что этот фактор является вполне достаточным. Чтобы социалистический город мог до конца повести за собой крестьянскую деревню, для этого необходимо, как говорит Ленин, «перевести хозяйство страны, *в том числе и земледелие*, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства».

Не противоречит ли эта цитата Ленина другой его цитате о том, что «нэп вполне обеспечивает нам *возможность* постройки фундамента социалистической экономики»? Нет, не противоречит. Наоборот, они вполне совпадают друг с другом. Ленин вовсе не говорит, что нэп дает нам социализм в готовом виде. Ленин говорит лишь о том, что нэп обеспечивает нам *возможность* построения фундамента социалистической экономики. Между *возможностью* построения социализма и *действительным его построением* существует большая разница. Нельзя смешивать возможность с действительностью. Именно для того, чтобы эту возможность превратить в действительность, именно для этого Ленин и предлагает в своей большой цитате электрификацию страны и подведение технической базы современной крупной промышленности под промышленность, сельское хозяйство и транспорт, как условие для окончательной победы социализма.

Но осуществить это условие построения социализма в один-два года нет возможности. Нельзя в один-два года индустриализовать страну, построить мощную промышленность, кооперировать миллионные массы крестьянства, подвести новую техническую базу под земледелие, объединить индивидуальные крестьянские хозяйства в крупные коллективы, развить совхозы, ограничить и преодолеть капиталистические элементы города и деревни. Для этого нужны годы и годы усиленной строительной работы пролетарской диктатуры. И пока этого не сделано,— а этого не сделаешь сразу,— мы остаемся все еще мелко-крестьянской страной, где мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно и в массовом масштабе и где опасность восстановления капитализма остается в силе. И так как пролетариат живет не в безвоздушном пространстве, а в самой действительной и реальной жизни со всем ее разнообразием, то нарождающиеся на базе мелкого производства буржуазные элементы «окружают пролетариат со всех сторон мелко-буржуазной стихией, пропитывают его ею, развращают его ею, вызывают постоянно внутри пролетариата рецидивы мелко-буржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходов от увлечения к унынию» (Ленин, т. XXV, стр. 189) и вносят, таким образом, в пролетариат и его партию известные колебания, известные шатания.

Вот где корень и основа всякого рода колебаний и уклонов от ленинской линии в рядах нашей партии.

Вот почему вопрос о правом или «левом» уклоне в нашей партии нельзя считать пустяковым вопросом.

В чем состоит опасность *правого*, откровенно оппортунистического уклона в нашей партии? В том, что он *недооценивает* силу наших врагов, силу капитализма, не видит опасности восстановления капитализма, не понимает механики классовой борьбы в условиях диктатуры пролетариата и потому так легко идет на уступки капитализму, требуя снижения темпа развития нашей индустрии, требуя облегчения для капиталистических элементов деревни и города, требуя отодвигания на задний план вопроса о колхозах и совхозах, требуя смягчения монополии внешней торговли и т. д. и т. п. Несомненно, что победа правого уклона в нашей партии развязала бы силы капитализма, подорвала бы революционные позиции пролетариата и подняла бы шансы на восстановление капитализма в нашей стране.

В чем состоит опасность *«левого»* (троцкистского) уклона в нашей партии? В том, что он *переоценивает* силу наших врагов, силу капитализма, видит только возможность восстановления капитализма, но не видит возможности построения социализма силами нашей страны, впадает в отчаяние и вынужден утешать себя болтовней о термидорианстве нашей партии. Из слов Ленина о том, что, «пока мы живем в мелко-крестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма», — из этих слов Ленина «левый» уклон делает тот неправильный вывод, что в СССР невозможно вообще построить социализм, что с крестьянством ничего не выйдет, что идея союза рабочего класса и крестьянства есть отжившая идея, что если не подоспеет помощь со стороны победившей революции на Западе, то диктатура пролетариата в СССР должна пасть или переродиться, что если не будет принят фантастический план сверхиндустриализации, проводимый хотя бы ценой раскола с крестьянством, то надо считать дело социализма в СССР погибшим. Отсюда авантюризм в политике «левого» уклона. Отсюда «сверхчеловеческие» прыжки в политике. Несомненно, что победа «левого» уклона в нашей партии привела бы к отрыву рабочего класса от его крестьянской базы, к отрыву авангарда рабочего класса от остальной рабочей массы, — следовательно, к поражению пролетариата и к облегчению условий для восстановления капитализма.

Как видите, обе эти опасности, и «левая» и правая, оба эти уклона от ленинской линии, и правый и «левый», ведут к одному и тому же результату, хотя и с разных концов.

Какая из атих опасностей хуже? Я думаю, что *обе* хуже. Разница между этими уклонами с точки зрения успешной борьбы с ними состоит в том, что «левый» уклон более ясен в данный момент для партии, чем правый уклон. То обстоятельство, что с «левым» уклоном идет у нас усиленная борьба вот уже несколько лет, это обстоятельство, конечно, не могло пройти даром для партии. Ясно, что партия за годы борьбы с «левым», троцкистским уклоном научилась многому и ее уже нелегко провести «левыми» фразами. Что касается правой опасности, которая существовала и раньше и которая теперь выступает более выпукло ввиду усиления мелко-буржуазной сти-

хии в связи с заготовительным кризисом прошлого года, то она, я думаю, не так ясна для известных слоев нашей партии. Поэтому задача состоит в том, чтобы, не ослабляя ни на йоту борьбы с «левой», троцкистской опасностью, сделать ударение на борьбе с правым уклоном и принять все меры к тому, чтобы опасность этого уклона стала для партии столь же ясной, как ясна для нее троцкистская опасность.

Вопрос о правом уклоне стоял бы у нас, может быть, не так остро, как он стоит теперь, если бы он не был связан с вопросом о *трудностях* нашего развития. Но в том-то и дело, что наличие правого уклона усложняет трудности нашего развития и тормозит дело преодоления этих трудностей. И именно потому, что правая опасность затрудняет борьбу за преодоление трудностей, именно поэтому вопрос о преодолении правой опасности приобретает для нас особо важное значение.

Два слова о характере наших трудностей. Следует иметь в виду, что наши трудности не есть трудности застоя или упадка. Бывают трудности при упадке хозяйства или при его застое, при чем люди стараются сделать менее болезненным застой или менее глубоким упадок хозяйства. Наши трудности не имеют ничего общего с такими трудностями. Характерная черта наших трудностей состоит в том, что они есть трудности *подъема*, трудности роста. Когда у нас говорят о трудностях, речь идет обычно о том, на сколько процентов *поднять* промышленность, на сколько процентов *увеличить* посевные площади, на сколько пудов *поднять* урожайность и т. д. и т. д. И именно потому, что наши трудности являются трудностями подъема, а не упадка или застоя, именно поэтому они не должны представлять для партии чего-либо особо опасного. Но трудности являются все же трудностями. И так как для преодоления трудностей необходимо напряжение всех сил, необходимы твердость и выдержка, а твердости и выдержки не у всякого хватает, может быть, потому, что имеется усталость и надорванность, или потому, что предпочитают жить поспокойнее, без борьбы и треволнений,— то тут именно и начинаются колебания и шатания, повороты в сторону линии наименьшего сопротивления, разговоры о снижении темпа развития индустрии, об облегчениях для капиталистических элементов, об отрицании колхозов и совхозов и вообще всего того, что выходит за пределы обычной и спокойной обстановки повседневной работы. Но мы не можем двигаться вперед, не преодолевая трудностей, стоящих перед нами. А чтобы преодолеть трудности, надо, прежде всего, побороть правую опасность, надо, прежде всего, преодолеть правый уклон, тормозящий дело борьбы с трудностями и пытающийся подорвать волю нашей партии к борьбе за преодоление трудностей. Речь идет, конечно, о действительной, а не о словесной, бумажной борьбе с правым уклоном. У нас есть в партии люди, которые непрочь провозглашать, для очистки совести, борьбу с правой опасностью, вроде того, как попы провозглашают иногда «аллилуйя, аллилуйя», но не принимают никаких, ровно никаких практических мер к тому, чтобы поставить борьбу с правым уклоном на должную ногу и преодолеть его, этот самый уклон, на деле. Такое течение называется у нас *примиренческим* течением в отношении правого, открыто оппортунистического уклона. Нетрудно

понять, что борьба с такого рода примиренчеством является составной частью общей борьбы с правым уклоном, с правой опасностью. Ибо невозможно преодолеть правый, оппортунистический уклон, не ведя систематической борьбы с примиренчеством, укрывающим под свое крылышко оппортунистов.

Вопрос о носителях правого уклона представляет несомненный интерес, хотя он и не решает дела. Мы имели случай столкнуться с носителями правой опасности в низовых организациях нашей партии во время хлебозаготовительного кризиса в прошлом году, когда целый ряд коммунистов в волостях и селах выступал против политики партии, ведя дело на смычку с кулацкими элементами. Вы знаете, что такого рода элементы были у нас вычищены из партии весной этого года, о чем специально упоминается в известном документе ЦК нашей партии в феврале этого года. Но было бы неправильно сказать, что таких элементов не осталось у нас в партии. Если подняться выше, к уездным, губернским парторганизациям, и покопаться хорошенько в советском и кооперативном аппарате, то вы без труда могли бы найти здесь носителей правой опасности и примиренчества с ней. Известны «письма», «заявления» и прочие документы ряда работников нашего партийного и советского аппарата, где тяга к правому уклону сказалась со всей определенностью. Вы знаете, что об этих письмах и документах упоминалось в стенограмме июльского пленума ЦК. Если подняться еще выше и поставить вопрос о ЦК, то надо признать, что и в составе ЦК имеются некоторые, правда, самые незначительные, элементы примиренческого отношения к правой опасности. Стенограмма июльского пленума ЦК является прямым тому доказательством. Ну, а как в Политбюро? Есть ли в Политбюро какие-либо уклоны? В Политбюро нет у нас ни правых, ни левых, ни примиренцев с ними. Это надо сказать здесь со всей категоричностью. Пора бросить сплетни, распространяемые недоброжелателями партии и всякого рода оппозиционерами, о наличии правого уклона или примиренческого отношения к нему в Политбюро нашего ЦК.

Были ли колебания и шагания в московской организации или в ее верхушке, в Московском Комитете? Да, были. Глупо было бы теперь утверждать, что не было там шатаний, колебаний. Чистосердечная речь тов. Пенькова является прямым тому доказательством. Тов. Пеньков не последний человек в московской организации и в Московском Комитете. Вы слышали, что он прямо и открыто признал свои ошибки по целому ряду важнейших вопросов нашей партийной политики. Это не значит, конечно, что Московский Комитет в целом был подвержен колебаниям. Нет, не значит. Такой документ, как обращение Московского Комитета к членам московской организации в октябре этого года, с несомненностью говорит о том, что Московскому Комитету удалось преодолеть колебания некоторых своих членов. Я не сомневаюсь, что руководящему ядру Московского Комитета удастся окончательно выправить положение.

Некоторые товарищи недовольны тем, что в это дело вмешались районные организации, поставив вопрос о ликвидации ошибок и колебаний тех или

иных руководителей московской организации. Я не знаю, чем можно оправдать такое недовольство. Что может быть плохого в том, что районные активы московской организации подняли свой голос, потребовав ликвидации ошибок и колебаний? Разве наша работа не идет под знаком самокритики снизу? Разве это не факт, что самокритика подымает активность партийных и вообще пролетарских низов? Что же тут плохого или опасного, если районные активы оказались на высоте положения?

Правильно ли поступил ЦК, вмешавшись в это дело? Я думаю, что ЦК поступил правильно. Тов. Берзин думает, что ЦК поступает круто, ставя вопрос о смене одного из районных руководителей, против которого поднялась районная организация. Это совершенно неверно. Я мог бы напомнить т. Берзину о некоторых эпизодах 1919 или 1920 года, когда некоторые члены ЦК, допустившие некоторые, я думаю, не очень серьезные, ошибки в отношении партийной линии, были, по предложению Ленина, примерно наказаны, при чем один из них был направлен в Туркестан, а другой чуть было не поплатился исключением из состава ЦК. Прав ли был Ленин, поступая так? Я думаю, что он был совершенно прав. В ЦК тогда положение было не такое, как теперь. Половина ЦК шла тогда за Троцким, а в самом ЦК не было устойчивого положения. Ныне ЦК поступает несравненно более мягко. Почему? Может быть, мы хотим быть добрее Ленина? Нет, не в этом дело. Дело в том, что положение ЦК теперь более устойчивое, чем тогда, и ЦК имеет теперь возможность поступить более мягко. Неправ и т. Сахаров, утверждая, что ЦК опоздал со своим вмешательством. Неправ, так как он, очевидно, не знает, что вмешательство ЦК началось, собственно говоря, с февраля месяца этого года. Тов. Сахаров может убедиться в этом, если он имеет желание. Правда, вмешательство ЦК не дало сразу положительных результатов. Но странно было бы обвинять в этом ЦК.

Выводы: 1) правая опасность представляет серьезную опасность в нашей партии, ибо она коренится в социально-экономической обстановке нашей страны; 2) опасность правого уклона усугубляется наличием трудностей, которые невозможно преодолеть, не преодолевая правого уклона и примиренчества с ним; 3) в московской организации были колебания и шатания, были элементы неустойчивости; 4) ядро Московского Комитета с помощью ЦК и районных активов приняло все меры к тому, чтобы колебания были ликвидированы; 5) не может быть сомнений, что Московскому Комитету удастся преодолеть наметившиеся раньше ошибки; 6) задача состоит в том, чтобы ликвидировать внутреннюю борьбу, сплотить воедино московскую организацию и успешно провести перевыборы ячеек на базе развернутой самокритики. *(Аплодисменты.)*

«Вопросы ленинизма», стр. 229—239, изд. 10-е.

**И. Сталин. ОБ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СТРАНЫ И О
ПРАВОМ УКЛОНЕ В ВКП(б) Речь на пленуме ЦК ВКП(б)
19 ноября 1928 г.**

Я буду говорить, товарищи, по трем основным вопросам, поставленным в тезисах Политбюро. По вопросу об индустриализации страны и о том, что командующим фактором в деле индустриализации является развитие производства средств производства при обеспечении возможно быстрого темпа этого развития. Затем по вопросу о том, что темп развития сельского хозяйства у нас чрезмерно отстает от темпа развития индустрии и что поэтому наиболее жгучим вопросом современности в нашей внутренней политике является вопрос о сельском хозяйстве и особенно вопрос о зерновой проблеме, вопрос о том, как поднять, реконструировать сельское хозяйство на базе новой техники. И, наконец, третий вопрос — это вопрос об уклонах, о борьбе на два фронта и о том, что главной опасностью в данный момент является у нас правая опасность.

I. Вопрос о темпе развития индустрии

Исходным пунктом наших тезисов является положение о том, что быстрый темп развития индустрии вообще, производства средств производства в особенности, представляет основное начало и ключ индустриализации страны, основное начало и ключ преобразования всего нашего народного хозяйства на базе социалистического развития. Но что значит быстрый темп развития индустрии? Это значит — побольше капитальных вложений в промышленность. А это ведет к напряженности всех наших планов, и бюджетного и внебюджетного. И действительно, характерная черта наших контрольных цифр за последние три года, за период реконструкции, состоит в том, что они составляются и осуществляются у нас под знаком напряженности. Возьмем ли наши контрольные цифры, просмотрите ли наши бюджетные наметки, побеседуете ли с нашими партийными товарищами — как с теми, которые ведут работу по линии партийных организаций, так и с теми, которые руководят нашим советским, хозяйственным и кооперативным строительством, — везде и во всем сквозит одна характерная черта — напряженность наших планов. Возникает вопрос, нужна ли нам вообще эта напряженность работы? Нельзя ли обойтись без напряженности? Разве нельзя вести работу более медленным темпом, в более «спокойной» обстановке? Не объясняется ли взятый нами быстрый темп развития индустрии беспокойностью характера членов Политбюро и Совнаркома? Конечно, нет. В Политбюро и Совнаркоме сидят

люди трезвые и спокойные. Говоря абстрактно, отвлекаясь от внешней и внутренней обстановки, мы могли бы, конечно, вести дело более медленным темпом. Но дело в том, что, во-первых, нельзя отвлекаться от внешней и внутренней обстановки, и, во-вторых, если исходить из окружающей нас обстановки, то нельзя не признать, что именно она, эта обстановка, диктует нам быстрый темп развития нашей индустрии.

Позвольте перейти к рассмотрению этой обстановки, этих условий внешнего и внутреннего порядка, диктующих нам быстрый темп развития индустрии.

Внешние условия. Мы пришли к власти в стране, техника которой является страшно отсталой. Наряду с немногочисленными крупными промышленными единицами, более или менее базирующимися на новой технике, мы имеем сотни и тысячи фабрик и заводов, техника которых не выдерживает никакой критики с точки зрения современных достижений. А между тем, мы имеем вокруг себя целый ряд капиталистических стран, обладающих гораздо более развитой и современной промышленной техникой, чем наша страна. Посмотрите на капиталистические страны, и вы увидите, что там техника не только идет, но прямо бежит вперед, перегоняя старые формы промышленной техники. И вот выходит, что, с одной стороны, мы имеем в нашей стране наиболее передовую власть во всем мире, Советскую власть, с другой стороны, мы имеем чрезмерно отсталую технику промышленности, представляющей базу социализма и Советской власти. Думаете ли вы, что можно добиться окончательной победы социализма при наличии этого противоречия? Что нужно сделать, чтобы ликвидировать это противоречие? Для этого необходимо добиться того, чтобы догнать и перегнать передовую технику развитых капиталистических стран. Мы догнали и перегнали передовые капиталистические страны в смысле установления нового политического строя, советского строя. Это хорошо. Но этого мало. Для того, чтобы добиться окончательной победы социализма, нужно еще догнать и перегнать эти страны также в технико-экономическом отношении. Либо мы этого добьемся, либо нас затрут. Это верно не только с точки зрения построения социализма. Это верно также с точки зрения отстаивания независимости нашей страны в обстановке капиталистического окружения. Невозможно отстоять независимость нашей страны, не имея достаточной промышленной базы для обороны. Невозможно создать такую промышленную базу, не обладая высшей техникой в промышленности. Вот для чего нужен нам и вот что диктует нам быстрый темп развития индустрии.

Технико-экономическая отсталость нашей страны не нами выдумана. Эта отсталость есть вековая отсталость, переданная нам в наследство всей историей нашей страны. Она, эта отсталость, чувствовалась как зло и раньше, в период дореволюционный, и после, в период пореволюционный. Когда Петр Великий, имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны, то это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости. Вполне понятно, однако, что ни один из старых классов, ни феодальная аристократия, ни буржуазия, не мог разрешить задачу ликвидации

отсталости нашей страны. Более того, эти классы не только не могли разрешить эту задачу, но они были неспособны даже поставить ее, эту задачу, в сколько-нибудь удовлетворительной форме. Вековую отсталость нашей страны можно ликвидировать лишь на базе успешного социалистического строительства. А ликвидировать ее может только пролетариат, построивший свою диктатуру и держащий в своих руках руководство страной.

Глупо было бы утешать себя тем, что так как отсталость нашей страны не нами придумана, а передана нам в наследство всей историей нашей страны, то мы не можем и не должны отвечать за нее. Это неверно, товарищи. Раз мы пришли к власти и взяли на себя задачу преобразования страны на основе социализма, мы отвечаем и должны отвечать за все, и за плохое и за хорошее. И именно потому, что мы отвечаем за все, мы должны ликвидировать нашу технико-экономическую отсталость. Мы должны сделать это обязательно, если в самом деле хотим догнать и перегнать передовые капиталистические страны. А сделать это можем только мы, большевики, и никто больше. И именно для того, чтобы провести в жизнь эту задачу, мы должны систематически осуществлять быстрый темп развития нашей индустрии. А что мы уже осуществляем быстрый темп развития индустрии, это видят теперь все.

Вопрос о том, чтобы догнать и перегнать передовые капиталистические страны в технико-экономическом отношении,— этот вопрос не представляет для нас, большевиков, чего-либо нового или неожиданного. Этот вопрос ставился у нас еще в 1917 г., в период перед Октябрьской революцией. Его ставил Ленин еще и сентябре 1917 г., накануне Октябрьской революции, в период империалистической войны, в своей брошюре «Грозящая катастрофа и как с ней бороться».

Вот что говорил Ленин на этот счет:

«Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему *политическому* строю догнала передовые страны. Но этого мало. Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и *экономически*... (Курсив мой.- И. Ст.) Погибнуть, или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей» (т. XXI, стр. 191).

Вот как круто ставил Ленин вопрос о ликвидации нашей технико-экономической отсталости.

Ленин писал все это накануне Октябрьской революции, в период до взятия власти пролетариатом, когда у большевиков не было еще ни власти, ни социализированной промышленности, ни широко разветвленной сети кооперации, охватывающей миллионы крестьянства, ни колхозов, ни совхозов. Теперь, когда мы уже имеем кое-что существенное для того, чтобы ликвидировать в корне нашу технико-экономическую отсталость, мы могли бы перефразировать слова Ленина примерно таким образом: «Мы догнали и *перегнали* передовые капиталистические страны в *политическом* отношении, построив диктатуру пролетариата. Но этого мало. Мы должны использовать

диктатуру пролетариата, нашу социализированную промышленность, транспорт, кредитную систему и т. д., кооперацию, колхозы, совхозы и т. д. для того, чтобы догнать и *перегнать* передовые капиталистические страны *также и экономически*».

Вопрос о быстром темпе развития индустрии не стоял бы у нас так остро, как стоит он теперь, если бы мы имели такую же развитую промышленность и такую же развитую технику, как, скажем, в Германии, если бы удельный вес индустрии во всем народном хозяйстве стоял у нас также высоко, как стоит он, например, в Германии. *При этом условии* мы могли бы развивать индустрию менее быстрым темпом, не боясь отстать от капиталистических стран и зная, что мы можем их одним ударом перегнать. Но тогда у нас не было бы той серьезной технико-экономической отсталости, которая имеется теперь. Но в том-то и дело, что мы стоим в этом отношении позади Германии и мы далеко еще не догнали ее в технико-экономическом отношении. Вопрос о быстром темпе развития индустрии не стоял бы так остро в том случае, если бы мы представляли не *единственную* страну диктатуры пролетариата, а *одну из стран* пролетарской диктатуры, если бы мы имели пролетарскую диктатуру не только в нашей стране, но и в других, более передовых странах, скажем, в Германии и Франции. *При этом условии* капиталистическое окружение не могло бы представлять для нас той серьезной опасности, какую оно представляет теперь, вопрос об экономической самостоятельности нашей страны, естественно, отошел бы на задний план, мы могли бы включиться в систему более развитых пролетарских государств, мы могли бы получать от них машины для оплодотворения нашей промышленности и сельского хозяйства, снабжая их сырьем и продовольственными продуктами, мы могли бы, следовательно, развивать нашу индустрию менее быстрым темпом. Но вы знаете хорошо, что мы не имеем еще этого условия и мы все еще являемся *единственной* страной пролетарской диктатуры, окруженной капиталистическими странами, многие из которых стоят далеко впереди нас в технико-экономическом отношении.

Вот почему вопрос о том, чтобы догнать и перегнать экономически передовые страны, Ленин ставил как вопрос жизни и смерти нашего развития.

Таковы *внешние условия*, диктующие нам быстрый темп развития нашей индустрии.

Внутренние условия. Но кроме внешних условий есть еще внутренние условия, диктующие быстрый темп развития нашей индустрии, как ведущего начала всего нашего народного хозяйства. Я имею в виду чрезмерную отсталость нашего земледелия, его техники, его культуры. Я имею в виду наличие в нашей стране преобладающего большинства мелких товаропроизводителей с их раздробленным и совершенно отсталым производством, в сравнении с которым наша крупная социалистическая промышленность выглядит как остров среди моря, остров, база которого расширяется с каждым днем, но который все еще представляет остров среди моря. У нас говорят обычно, что индустрия есть ведущее начало всего народного хозяйства, в том числе и сельского хозяйства, что индустрия есть тот ключ, при

помощи которого можно перестроить отсталое и раздробленное земледелие на базе коллективизма. Это совершенно верно. И от этого мы не должны отступать ни на одну минуту. Но надо помнить и то, что если индустрия является ведущим началом, то сельское хозяйство представляет базу развития индустрии и как рынок, поглощающий продукцию индустрии, и как поставщик сырья и продовольствия, и как источник экспортных резервов, необходимых для того, чтобы ввести оборудование для нужд народного хозяйства. Можно ли двигать вперед индустрию, оставляя сельское хозяйство в условиях совершенно отсталой техники, не обеспечивая для индустрии сельско-хозяйственной базы, не реконструируя сельское хозяйство и не подгоняя его к индустрии? Нет, нельзя. Отсюда задача — обеспечить сельское хозяйство максимально орудиями и средствами производства, необходимыми для того, чтобы ускорить и двинуть вперед дело его реконструкции на новой технической базе. Но для того, чтобы добиться осуществления этой задачи, необходим быстрый темп развития нашей индустрии. Конечно, реконструкция раздробленного и распыленного сельского хозяйства — дело несравненно более трудное, чем реконструкция объединенной и централизованной социалистической промышленности. Но задача эта стоит перед нами, и мы должны ее разрешить. А разрешить ее невозможно иначе как на базе быстрого темпа развития промышленности. Нельзя без конца, т. е. в продолжение слишком долгого периода времени, базировать Советскую власть и социалистическое строительство на двух *разных* основах, на основе самой крупной и объединенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства. Нужно постепенно, но систематически и упорно переводить сельское хозяйство на новую техническую базу, на базу крупного производства, подтягивая его к социалистической промышленности. Либо мы эту задачу разрешим, — и тогда окончательная победа обеспечена, либо мы от нее отойдем, задачи этой не разрешим, — и тогда возврат к капитализму может стать неизбежным явлением.

Вот что говорит на этот счет Ленин:

«Пока мы живем в мелко-крестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Это необходимо запомнить. Каждый, внимательно наблюдавший за жизнью деревни, в сравнении с жизнью города, знает, что мы корней капитализма не вырвали и фундамент, основу у внутреннего врага не подорвали. Последний держится на мелком хозяйстве, и чтобы подорвать его, есть одно средство — перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства. Такой базой является только электричество. Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны» (т. XXVI, стр. 46).

Как видите, под электрификацией страны Ленин понимает не изолированное построение отдельных электростанций, а постепенный «перевод хозяйства страны, в том числе и земледелия (Курсив мой. — *И. Ст.*), на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства», связанного так или иначе, прямо или косвенно, с делом электрификации.

Речь эту говорил Ленин на VIII съезде советов в декабре 1920 г., перед самым введением нэпа, когда он обосновывал так называемый план электрификации, т. е. план Гозлро. Некоторые товарищи говорят на этом основании, что положения, высказанные в этой цитате из Ленина, неприменимы уже к нынешней действительности. Почему, спрашивается? Потому, говорят, что с тех пор утекло много воды. Это, конечно, верно, что с тех пор утекло много воды. Мы имеем теперь развитую социалистическую промышленность, мы имеем колхозы, как массовое явление, мы имеем старые и новые совхозы, мы имеем богатую сеть развитых кооперативных организаций, мы имеем прокатные пункты для обслуживания крестьянских хозяйств, мы применяем теперь метод контрактации, как новую форму смычки, и мы можем пустить в ход все эти и ряд других рычагов для того, чтобы перевести постепенно сельское хозяйство на базу новой техники. Все это верно. Но верно также и то, что, несмотря на все это, мы все еще остаемся страной мелко-крестьянской, с преобладанием мелкого производства. А это — основное. И пока это основное остается, сохраняет силу и тезис Ленина о том, что, «пока мы живем в мелкокрестьянской стране, для капитализма у нас есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма», что, стало быть, опасность реставрации капитализма не есть пустая фраза.

То же самое говорит Ленин, но в более резкой форме, в своем плане брошюры «О продналоге», писанном уже *после* введения нэпа (апрель—май 1921 г.):

«Если электрификация через 10—20 лет, ни капли не страшен индивидуализм мелкого земледельца и свободная торговля *его* в местном обороте. Если не электрификация, *все равно* неизбежен возврат к капитализму».

И далее там же:

«10—20 лет правильных соотношений с крестьянством и обеспечена победа во всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарских революций, кои растут), иначе 20—40 лет мучений белогвардейского террора» (т. XXVI, стр. 313).

Вот как круто ставит вопрос Ленин: либо электрификация, т. е. «перевод хозяйства страны, в том числе и земледелия, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства», либо возврат к капитализму.

Вот как понимает Ленин вопрос о «правильных соотношениях с крестьянством». Дело тут не в том, чтобы ласкать крестьянина и в этом видеть установку правильных соотношений с ним, ибо на ласке далеко не уедешь, а дело в том, чтобы помочь крестьянину перевести свое хозяйство на «новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства», ибо в этом основной путь избавления крестьянства от нищеты.

А перевести хозяйство страны на новую техническую базу невозможно без быстрого темпа развития нашей индустрии и, прежде всего, производства средств производства.

Так обстоит дело с внутренними условиями, диктующими нам быстрый темп развития индустрии.

Вот на каких условиях внешнего и внутреннего порядка зиждется напряженность контрольных цифр нашего народного хозяйства.

Вот где основа того, что наши хозяйственные планы, и бюджетный и внебюджетный, проходят у нас под знаком напряженности, под знаком серьезных вложений в дело капитального строительства, имеющих своей целью сохранение быстрого темпа развития индустрии.

Могут спросить, — а где это сказано в тезисах, в каком месте тезисов? (*Голос:* «Да, где это сказано?») Об этом в тезисах говорит сумма капитальных вложений в промышленность на 1928/29 г. Ведь тезисы называются у нас тезисами о контрольных цифрах. Так, кажется, товарищи? (*Голос:* «Да».) Так вот в этих тезисах говорится, что мы вкладываем в промышленность на капитальные работы в 1928/29 г. 1 650 млн. руб. Иначе говоря, мы вкладываем в этом году в промышленность на 330 млн. рублей больше, чем в прошлом году. Выходит, таким образом, что мы не только темп развития индустрии сохраняем, но делаем еще шаг вперед, вкладывая в промышленность больше, чем в прошлом году, т. е. подымая капитальные работы в промышленности и абсолютно и относительно. В этом гвоздь тезисов о контрольных цифрах народного хозяйства. А некоторые товарищи слона то и не приметили. Критиковали вкривь и вкось по мелочам тезисы о контрольных цифрах, а самого важного не заметили.

II. Зерновая проблема

Я говорил до сих пор о первом основном вопросе тезисов, о темпе развития индустрии. Перейдем теперь ко второму основному вопросу, к вопросу о зерновой проблеме. Характерная черта тезисов состоит в том, что они делают упор на проблеме развития сельского хозяйства вообще, зернового хозяйства в особенности. Правильна ли такая установка тезисов? Я думаю, что правильна. Еще на июльском пленуме, говорилось, что наиболее узким местом в развитии нашего народного хозяйства является *чрезмерная* отсталость сельского хозяйства вообще, зернового хозяйства в особенности. Когда говорят о том, что у нас сельское хозяйство отстает от промышленности, и жалуется на это обстоятельство, это, конечно, несерьезно. Сельское хозяйство всегда отставало и будет отставать от промышленности. Это особенно верно в наших условиях, где промышленность максимально сконцентрирована, а сельское хозяйство максимально распылено. Понятно, что объединенная промышленность будет развиваться быстрее, чем распыленное сельское хозяйство. Отсюда, между прочим, и вытекает ведущая роль промышленности в отношении сельского хозяйства. Поэтому обычное отставание сельского хозяйства от промышленности не дает еще оснований для постановки проблемы о зерне. Проблема сельского хозяйства и в частности зернового хозяйства появляется на сцену лишь тогда, когда обычное отставание сельского хозяйства от индустрии превращается в *чрезмерную* отсталость темпа его развития. Характерная черта нынешнего состояния народного хозяйства заключается в том, что мы имеем перед собой *чрезмерное* отставание темпа развития зернового хозяйства от темпа развития индустрии, как факт, при колоссальном росте спроса на товар-

ный хлеб со стороны растущих городов и промышленных пунктов. При этом задача состоит не в том, чтобы *снизить* темп развития индустрии до уровня зернового хозяйства (это перепутало бы все и повернуло бы развитие вспять), а в том, чтобы подогнать развитие зернового хозяйства к темпу развития индустрии и *поднять* темп развития зернового хозяйства до уровня, обеспечивающего быстрое продвижение вперед всего народного хозяйства, и промышленности, и земледелия. Либо мы разрешим эту задачу, и тем самым будет решена зерновая проблема, либо мы ее не разрешим, и тогда неизбежен разрыв между социалистическим городом и мелко-крестьянской деревней. Так стоит у нас вопрос, товарищи. Такова суть зерновой проблемы.

Не значит ли это, что мы имеем теперь дело с «застоем» в развитии зернового хозяйства или даже с его «деградацией»? Тов. Фрумкин так именно и ставит вопрос в своем втором письме, которое роздали мы сегодня по его требованию членам ЦК и ЦКК. Он прямо говорит в этом письме, что мы имеем в сельском хозяйстве «застой». «Мы не можем,— говорит он,— и не должны писать в печати о деградации, но внутри партии мы не должны скрывать, что это отставание равносильно деградации». Правильно ли это утверждение т. Фрумкина? Конечно, неправильно. Мы, члены Политбюро, совершенно не согласны с таким утверждением, а тезисы Политбюро в корне расходятся с подобным освещением вопроса о состоянии зернового хозяйства.

В самом деле, что такое деградация и в чем она должна выразиться в сельском хозяйстве? Она должна выразиться, очевидно, в движении сельского хозяйства назад, вниз, в движении от новых форм хозяйствования к старым, средневековым его формам. Она должна выразиться в переходе крестьянства, скажем, от трехполья к переложному хозяйству, от плуга и машин к сохе, от очищенных и чистосортных семян к неочищенным и беспородным семенам, от современной культуры земледелия к низшей культуре и т. д. и т. п. Но разве мы наблюдаем теперь подобные факты? Разве неизвестно всем и каждому, что крестьянство десятками и сотнями тысяч дворов переходит ежегодно от трехполья к четырех- и многополью, от беспородных семян к чистосортным семенам, от сохи к плугу и машинам, от низшей культуры земледелия к высшей его культуре? Какая же это деградация?

Тов. Фрумкин любит вообще хватать за фалды тех или иных членов Политбюро для обоснования своей точки зрения. Вполне возможно, что он и в данном случае постарается схватить за фалды т. Бухарина, чтобы доказать, что т. Бухарин говорит «то же самое» в своей статье «Заметки экономиста». Но т. Бухарин говорит далеко не «то же самое». Тов. Бухарин поставил в своей статье отвлеченный, теоретический вопрос о возможности или об опасности деградации. Говоря отвлеченно, такая постановка вопроса вполне возможна и закономерна. А что делает т. Фрумкин? Он превращает абстрактный вопрос о возможности деградации в *факт* деградации сельского хозяйства. И это называется у него анализом состояния зернового хозяйства! Не смешно ли это, товарищи?

Хороша была бы Советская власть, если бы она привела сельское хозяйство к деградации на 11-м году своего существования! Да такую

власть следовало бы прогнать, а не поддерживать. И рабочие давно бы прогнали такую власть, если бы она привела сельское хозяйство к деградации. О деградации поют нам всякого рода буржуазные спецы, которые спят и видят во сне, что сельское хозяйство деградирует. О деградации пел нам одно время Троцкий. Я не ожидал, что т. Фрумкин встанет на этот сомнительный путь.

На чем основывает т. Фрумкин свое утверждение о деградации? Прежде всего на том, что в этом году посевных площадей под зерновыми культурами оказалось у нас меньше, чем в прошлом году. Чем объяснить этот факт? Может быть, политикой Советской власти? Конечно, нет. Объясняется это гибелью озимых в степной полосе Украины и отчасти на Северном Кавказе и засухой летом этого года в той же полосе Украины. Если бы не было этих климатических неблагоприятных условий, от которых целиком и полностью зависит сельское хозяйство, мы имели бы в этом году посевных площадей под зерновыми культурами по крайней мере на миллион десятин больше, чем в прошлом году. Он основывает, далее, свое утверждение на том, что мы имеем в этом году валовой продукции зерна лишь немногим больше, чем в прошлом году (на 70 млн. пудов больше), а пшеницы и ржи миллионов на 200 пудов меньше. А чем объясняется все это? Теми же явлениями засухи и гибели озимых от заморозков. Если бы не было этих неблагоприятных климатических условий, мы имели бы валовой продукции хлеба в этом году миллионов на 300 пудов больше, чем в прошлом году. Как можно отвлекаться от таких факторов, как засуха, заморозки и т. д., имеющих решающее значение для урожая в тех или иных районах? Мы ставим теперь задачу расширить посевные площади на 7%, повысить урожайность на 3% и увеличить валовую продукцию зерновых продуктов, кажется, на 10%. Не может быть сомнений в том, что мы примем все меры к выполнению этих задач. Но не исключено, что, несмотря на наши мероприятия, мы опять нарвемся на частичный неурожай, на заморозки или засуху в тех или иных районах, при чем возможно, что эти обстоятельства поведут к известному снижению валовой продукции зерновых культур в сравнении с нашими планами или даже в сравнении с валовой продукцией этого года. Будет ли это означать, что сельское хозяйство «деградирует», что в этой «деградации» виновата политика Советской власти, что мы «лишили» крестьянина хозяйственного стимула, что мы «отняли» у него хозяйственную перспективу?

Несколько лет тому назад Троцкий впадал в ту же ошибку, утверждая, что «дождичек» не имеет значения для сельского хозяйства. Тов. Рыков ему возражал при поддержке громадного большинства членов ЦК. Теперь т. Фрумкин впадает в ту же ошибку, отвлекаясь от условий климата, имеющих решающее значение для сельского хозяйства, и стараясь свалить все на политику нашей партии.

Каковы пути и способы, необходимые для того, чтобы поднять темп развития сельского хозяйства вообще, зернового хозяйства в особенности? Таких путей или каналов имеется три: а) поднятие урожайности и расширение посевных площадей индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств; б) дальнейшее развитие колхозов; в) расширение старых и развитие новых совхозов. Об этом говорилось еще в резолюции июльского пле-

нума. Тезисы повторяют сказанное на июльском пленуме, но ставят вопрос более конкретно, дают ему цифровое выражение в смысле известных вложений на это дело. Тов. Фрумкин и здесь нашел повод придрататься. Он думает, что ежели на первом месте ставится индивидуальное хозяйство, а на втором и третьем — колхозы и совхозы, то это означает не что иное, как победу его точки зрения. Это смешно, товарищи. Понятно, что ежели подойти к делу с точки зрения удельного веса тех или иных форм сельского хозяйства, то на первое место надо поставить индивидуальное хозяйство, ибо оно дает почти в шесть раз больше товарного хлеба, чем колхозы и совхозы. Но если подойти к делу с точки зрения типа хозяйства, с точки зрения того, какая из форм хозяйства является наиболее близкой нам, то на первое место надо поставить колхозы и совхозы, представляющие высший тип сельского хозяйства в сравнении с индивидуальным крестьянским хозяйством. Неужели еще надо доказывать, что обе точки зрения одинаково приемлемы для нас?

Что требуется для того, чтобы пошла у нас работа по всем этим трем каналам, чтобы добиться практически повышения темпа развития сельского хозяйства и, прежде всего, зернового хозяйства?

Для этого необходимо, прежде всего, повернуть внимание наших партийных кадров в сторону сельского хозяйства и заострить его на конкретных вопросах зерновой проблемы. Надо бросить общие фразы и болтовню о сельском хозяйстве *вообще* и перейти, наконец, к разработке *практических* мероприятий по поднятию зернового хозяйства сообразно с разнообразными условиями различных районов. Пора перейти от слов к делу и заняться, наконец, конкретным вопросом о том, *как* поднять урожайность и расширить посевные площади индивидуальных бедняцко-средняцких хозяйств, *как* улучшить и развить дальше колхозы и совхозы, *как* организовать помощь колхозов и совхозов крестьянам по линии снабжения их лучшими семенами, лучшей породой скота, *как* организовать помощь крестьянам машинами и прочими орудиями через прокатные пункты, *как* расширить и улучшить дело контрактации и вообще сельско-хозяйственной кооперации и т. д. и т. п. (*Голос*: «Это практицизм».) Такой практицизм нам абсолютно необходим, ибо без него мы рискуем утопить серьезнейшее дело разрешения зерновой проблемы в пустой болтовне о сельском хозяйстве вообще. ЦК поставил себе задачей организовать конкретные доклады наших основных работников по главным хлебным районам в Совнарком и в Политбюро по вопросам сельско-хозяйственного развития. На этом пленуме вы имеете заслушать доклад т. Андреева о путях разрешения зерновой проблемы на Северном Кавказе. Я думаю, что в дальнейшем нам придется заслушать по очереди подобные же доклады от Украины, ЦЧО, Поволжья, Сибири и т. д. Это абсолютно необходимо для того, чтобы повернуть внимание партии в сторону зерновой проблемы и перевести, наконец, наши партийные кадры на рельсы конкретной постановки вопросов, связанных с зерновой проблемой.

Необходимо, во-вторых, добиться того, чтобы наши партийные работники в деревне строго различали в своей практической работе середняков от кулаков, не валили их в одну кучу и не попадали по середняку, когда надо

бить кулака. Пора, наконец, ликвидировать эти, с позволения сказать, ошибки. Взять, например, вопрос об индивидуальном обложении. У нас имеется постановление Политбюро и соответствующий закон об индивидуальном обложении не более 2—3% дворов, т. е. наиболее богатой части кулачества. А что происходит на деле? Существует целый ряд районов, где обкладывают 10, 12, а то и больше процентов, задевая, таким образом, средняцкую часть крестьянства. Не пора ли положить конец этому преступлению? И вот вместо того, чтобы наметить конкретные меры к ликвидации этих и подобных им безобразий, наши дорогие «критики» изощряются в словах, предлагая заменить слова «наиболее богатая часть кулаков» словами «наиболее мощная часть кулаков» или «наиболее верхушечная часть кулаков». Как будто это не одно и то же! Доказано, что кулаков у нас имеется около 5%. Доказано, что закон облагает в порядке индивидуального обложения лишь 2—3% дворов, т. е. наиболее богатую часть кулаков. Доказано, что на практике этот закон нарушается в целом ряде районов. А «критики», вместо того чтобы наметить конкретные меры ликвидации этих явлений, разводят словесную критику, не желая понять, что этим не меняется дело ни на йоту. Чистые начетчики.

(Голос: «Предлагают обложить индивидуально всех кулаков».) Ну, тогда надо требовать отмены закона о 2—3% индивидуальном обложении. Между тем я не слышал, чтобы кто-либо требовал отмены закона об индивидуальном обложении. Говорят, что произвольное расширение индивидуального обложения имеет своей целью пополнение местного бюджета. Но нельзя пополнять местный бюджет путем нарушения закона, путем нарушения директивы партии. Партия у нас существует, она еще не ликвидирована. Советская власть существует, она еще не ликвидирована. И если нехватает средств для местного бюджета, надо поставить вопрос о местном бюджете, а не нарушать закон, не отменять указаний партии.

Необходимо, затем, развить дальше стимулирование индивидуальных бедняцко-средняцких хозяйств. Несомненно, что уже состоявшееся повышение цен на хлеб, практическое проведение в жизнь революционной законности, практическая помощь бедняцко-средняцким хозяйствам в порядке контрактации и т. д. значительно усилят хозяйственный стимул крестьянина. Тов. Фрумкин думает, что мы убили или почти убили этот стимул, отняв у крестьянина хозяйственную перспективу. Это, конечно, чепуха. Если это верно, то тогда непонятно, на чем же, собственно, держится смычка, союз рабочего класса и основных масс крестьянства? Нельзя же думать, что союз этот есть моральный союз. Надо же, наконец, понять, что союз рабочего класса и крестьянства есть союз по расчету, союз интересов двух классов, классовый союз рабочих и основных масс крестьянства, имеющий своей целью взаимную выгоду. Понятно, что если бы мы убили или почти убили хозяйственный стимул крестьянства, лишив крестьян хозяйственной перспективы, то у нас не было бы смычки, не было бы союза рабочего класса и крестьянства. Очевидно, что речь может идти здесь не о «создании» или «развязывании» хозяйственного стимула бедняцко-средняцких масс, а о том, чтобы усилить этот стимул и развить его дальше к взаимной выгоде рабочего класса и основных масс крестьян-

ства. Об этом именно и говорят тезисы о контрольных цифрах народного хозяйства.

Необходимо, наконец, усилить снабжение деревни товарами. Я имею в виду как потребительские товары, так и особенно товары производственного характера (машины, удобрения и т. д.), могущие поднять производство сельскохозяйственных продуктов. Нельзя сказать, чтобы в этой области все обстояло у нас благополучно. Вы знаете, что явления товарного голода далеко еще не ликвидированы и, пожалуй, не скоро будут у нас ликвидированы. В некоторых кругах нашей партии существует иллюзия о том, что мы можем теперь же ликвидировать товарный голод. Это, к сожалению, неверно. Нужно иметь в виду, что явления товарного голода связаны, во-первых, с ростом благосостояния рабочих и крестьян и колоссальным ростом платежеспособного спроса на товары, производство которых растет ежегодно, но которые не покрывают всего спроса, и, во-вторых, с нынешним периодом реконструкции промышленности. Реконструкция промышленности означает передвижку средств из области производства средств потребления в область производства средств производства. Без этого не бывает и не может быть серьезной реконструкции промышленности, особенно в наших, советских условиях. Но что это значит? Это значит, что вкладываются деньги в строительство новых предприятий, растет количество городов и новых потребителей, тогда как новые предприятия могут дать новую массу товаров лишь через 3—4 года. Легко понять, что это обстоятельство не может благоприятствовать делу ликвидации товарного голода. Значит ли это, что мы должны сложить руки и признать свое бессилие перед явлениями товарного голода? Нет, не значит. Дело в том, что мы можем и должны принять конкретные меры к тому, чтобы ослабить, умерить товарный голод. Это можно сделать и это мы должны сделать теперь же. Для этого надо нажать на усиление таких отраслей промышленности, которые связаны непосредственно с подъемом сельско-хозяйственного производства (Сталинградский тракторный завод, Ростовский сельмаги, Воронежский триерный (так в книге-Ю.З.) завод и т. д. и т. п.). Для этого необходимо, далее, усилить, по мере возможности, те отрасли промышленности, которые связаны с увеличением товарной массы дефицитного характера (сукно, стекло, гвозди и т. д.). И т. д. и т. п...

Тов. Кубяк говорил, что по контрольным цифрам народного хозяйства индивидуальному крестьянскому хозяйству предоставляется в этом году меньше средств, чем в прошлом году. Я думаю, что это неверно. Тов. Кубяк, видимо, не считает того, что в порядке контрактации мы предоставляем в этом году около 300 млн. рублей кредита (почти на 100 млн. больше, чем в прошлом году). Если учесть это обстоятельство,— а его нельзя не учесть,— то выходит, что мы даем в этом году на развитие индивидуального крестьянского хозяйства больше, чем в прошлом году. Что касается старых и новых совхозов и колхозов, то на это дело вкладывается в этом году около 180 млн. руб. (больше, чем в прошлом году, миллионов на 75).

Следует обратить особое внимание на колхозы, совхозы и метод контрактации. Нельзя рассматривать эти вещи только лишь как средство усиления наших ресурсов по линии товарного хлеба. Они являются вместе с

тем *новой формой смычки* рабочего класса и основных масс крестьянства. О методе контрактации у нас уже говорилось достаточно, и я не буду распространяться об этом. Всякому понятно, что метод массовой контрактации облегчает дело объединения усилий индивидуальных крестьянских хозяйств, вносит элемент постоянства во взаимоотношения между государством и крестьянством и укрепляет, таким образом, смычку между городом и деревней. Я хотел бы обратить ваше внимание на колхозы и особенно совхозы, как на рычаги, облегчающие дело преобразования сельского хозяйства на базе новой техники, производящие у крестьян революцию в головах и помогающие им освободиться от косности, от рутины. Появление тракторов, крупных сельско-хозяйственных машин и тракторных колонн в наших хлебных районах не может пройти даром для хозяйств окрестных крестьян. Помощь окрестным крестьянам семенами, машинами, тракторами несомненно будет оценена крестьянством и учтена как признак силы и могущества рабочего государства, старающегося вывести его на широкую дорогу серьезного подъема сельского хозяйства. Этого обстоятельства мы не учитывали до сих пор и, пожалуй, не учитываем еще в достаточной степени. Но я думаю, что это самое главное из того, что дают и могли бы дать в данный момент колхозы и совхозы в деле разрешения зерновой проблемы и укрепления смычки в новых ее формах.

Таковы в общем те пути и способы, по линии которых должна пойти наша работа в деле разрешения зерновой проблемы.

III. О борьбе с уклонами и примиренчеством с ними

Перейдем теперь к третьему основному вопросу наших тезисов, к вопросу об уклонах от ленинской линии.

Социальная база уклонов — это факт преобладания мелкого производства в нашей стране, факт вырастания из мелкого производства капиталистических элементов, факт окружения нашей партии мелко-буржуазной стихией, наконец, факт заражения этой стихией некоторых звеньев нашей партии. Вот вам в основном социальная база уклонов. Все они, эти уклоны, носят мелко-буржуазный характер.

К чему сводится правый уклон, о котором главным образом идет здесь речь? Куда он тянет? Он тянет по линии приспособления к буржуазной идеологии, по линии приспособления нашей политики ко вкусам и потребностям «советской» буржуазии.

Чем угрожает нам правый уклон, если он победит в нашей партии? Это будет идейный разгром нашей партии, развязывание капиталистических элементов, нарастание шансов на реставрацию капитализма или, как говорил Ленин, на «возврат к капитализму».

Где главным образом гнездятся тенденции к правому уклону? В наших советских и хозяйственных, кооперативных и профессиональных аппаратах, а также в аппарате партии, особенно в ее низовых деревенских звеньях.

Есть ли у нас среди членов партии люди, выражающие правый уклон? Безусловно, есть. Тов. Рыков приводил пример с т. Шатуновским, высказывавшимся против строительства Днепростроя. Не может быть сомнения,

что т. Шатуновский допустил правый уклон, уклон к открытому оппортунизму. Но я думаю все же, что т. Шатуновский не типичен для характеристики правого уклона, для характеристики его физиономии. Я думаю, что здесь пальму первенства надо предоставить т. Фрумкину. (Смех.) Я имею в виду его первое письмо (июнь 1928 г.) и потом его второе письмо, розданное здесь членам ЦК и ЦКК (ноябрь 1928 г.). Разберем оба эти письма. Возьмем «основные положения» первого письма.

1) *«Деревня, за исключением небольшой части бедноты, настроена против нас»*. Верно ли это? Ясно, что неверно. Если бы это было верно, то у нас не осталось бы даже воспоминания от смычки. А ведь с июня месяца (письмо писано в июне) прошло уже почти полгода, и всякий, кто только не слеп, видит, что смычка рабочего класса и основных масс крестьянства остается и крепнет. Для чего пишет т. Фрумкин эту несообразность? Для того, чтобы поугатать партию и сделать ее уступчивой в отношении правого уклона.

2) *«Установка, взятая в последнее время, привела основные массы середняка к беспросветности, к бесперспективности»*. Верно ли это? Совершенно неверно. Ясно, что если бы мы весной этого года имели хозяйственную беспросветность и бесперспективность основных масс середняка, середняк не расширял бы ярового клина во всех главных районах хлебного производства. У нас бывают яровые посевы в апреле— мае. Ну, а письмо т. Фрумкина писано в июне месяце. Кто является у нас, при Советской власти, основным заготовителем хлебных продуктов? Государство и связанная с ним кооперация. Ясно, что если бы середняцкие массы страдали хозяйственной бесперспективностью, если бы они находились в состоянии «размычки» с Советской властью, они не стали бы расширять яровой клин в угоду государству, как основному заготовителю хлеба. Тов. Фрумкин говорит явную несообразность. И здесь т. Фрумкин старается поугатать партию «ужасами» бесперспективности, чтобы сделать ее уступчивой в отношении его, т. Фрумкина, точки зрения.

3) *«Надо вернуться к XIV и к XV съездам»*. Что XV съезд приплетен здесь ни к селу ни к городу, это не подлежит сомнению. Соль здесь не в XV съезде, а в лозунге: назад к XIV съезду. А что это значит? Это значит отказаться от «усиления наступления на кулака» (см. резолюцию XV съезда). Говорю это не для того, чтобы охаять XIV съезд. Ничего подобного! Говорю это к тому, что своим призывом вернуться к XIV съезду т. Фрумкин отрицает тот шаг вперед, который прошла партия от XIV до XV съезда, и, отрицая этот шаг вперед, он тянет партию назад. Июльский пленум ЦК имел суждение по этому вопросу. Он прямо заявил в своей резолюции, что люди, пытающиеся обойти решение XV съезда — «развивать дальше наступление на кулачество», — являются «выражением буржуазных тенденций в нашей стране». Скажу прямо т. Фрумкину, что когда Политбюро формулировало этот пункт резолюции июльского пленума, оно имело в виду т. Фрумкина и его первое письмо.

4) *«Максимальная помощь бедноте, идущей в коллективы»*. Максимальную помощь бедноте, идущей в коллективы или даже не идущей, мы всегда оказы-

вали по мере сил и возможностей. В этом нет ничего нового. Новое в решениях XV съезда в сравнении с XIV съездом состоит не в этом, а в том, что XV съезд поставил всемерное развитие колхозного движения как одну из важнейших задач дня. Говоря о максимальной помощи бедноте, идущей в коллективы, т. Фрумкин по сути дела отговаривается, отписывается от задачи партии о всемерном развитии колхозного движения, поставленной XV съездом. По сути дела т. Фрумкин против развертывания работы по усилению социалистического сектора в деревне по линии колхозов.

5) *«Не вести расширение совхозов в ударном и сверхударном порядке»*. Тов. Фрумкин не может не знать, что мы только начинаем вести серьезную работу по расширению старых совхозов и созданию новых. Тов. Фрумкин не может не знать, что мы даем на это дело гораздо меньше средств, чем следовало бы дать, если бы у нас имелись для этого какие-либо резервы. Слова «в ударном и сверхударном порядке» приведены здесь для того, чтобы навести «ужас» на людей и прикрыть этим свое нежелание сколько-нибудь серьезного расширения совхозов. Тов. Фрумкин по сути дела высказывается здесь против усиления социалистического сектора в деревне по линии совхозов.

Соберите теперь все эти положения т. Фрумкина, и вы получите букет, характеризующий правый уклон.

Перейдем ко второму письму т. Фрумкина. Чем отличается второе письмо от первого? Тем, что оно усугубляет ошибки первого письма. В первом говорилось о бесперспективности середняцкого хозяйства. А во втором говорится о «деградации» сельского хозяйства. В первом письме говорилось о том, чтобы вернуться к XIV съезду в смысле ослабления наступления на кулака. Во втором же письме говорится о том, что «мы не должны мешать производству кулацких хозяйств». В первом письме ничего не сказано о промышленности. А второе письмо развивает «новую» теорию о том, чтобы давать поменьше на промышленное строительство. Впрочем, есть два пункта, по которым оба письма сходятся: насчет колхозов и совхозов — там и здесь т. Фрумкин высказывается против развертывания колхозов и совхозов. Ясно, что второе письмо есть усугубление ошибок первого письма.

О теории «деградации» я уже говорил. Не может быть сомнений, что эта теория есть измышление буржуазных спецов, готовых кричать о гибели Советской власти. Тов. Фрумкин дал себя запугать буржуазным спецам, ютящимся около Наркомфина, а теперь сам пытается поугавать партию, желая сделать ее уступчивой в отношении правого уклона. Насчет колхозов и совхозов тоже говорили в достаточной мере. Поэтому не стоит повторять сказанного. Рассмотрим остальные два пункта: о кулацком хозяйстве и о капитальных вложениях в промышленность.

О *кулацком хозяйстве*. Тов. Фрумкин говорит, что «мы не должны мешать производству кулацких хозяйств». Что это значит? Это значит не мешать кулаку развивать свое эксплуататорское хозяйство. Но что значит не мешать кулаку развивать свое эксплуататорское хозяйство? Это значит развязать капитализм в деревне, дать ему волю, дать ему свободу. Получается старый лозунг французских либералов: «лессе фер, лессе пассе», т. е. не мешайте буржуазии делать свое дело, не мешайте буржу-

азии двигаться свободно. Этот лозунг выставляли старые французские либералы во время Французской революции, во время борьбы с феодальной властью, которая стесняла буржуазию и не давала ей развиваться. Выходит, что мы должны теперь перейти от *социалистического* лозунга — «все возрастающего ограничения капиталистических элементов» (см. тезисы о контрольных цифрах) к *буржуазно-либеральному* лозунгу — не стеснять развития капитализма в деревне. Что же, неужели мы думаем превратиться из большевиков в либералов? Что может быть общего между этим либеральным лозунгом т. Фрумкина и линией партии?

(Фрумкин: «Тов. Сталин, читайте и другие пункты».) Я читаю весь пункт: «Мы не должны мешать производству и кулацких хозяйств, *борясь одновременно с их кабальной эксплуатацией*». Что же, т. Фрумкин, неужели вы думаете, что вторая половина фразы улучшает дело, а не ухудшает его? Что значит борьба с кабальной эксплуатацией? Ведь лозунг борьбы с кабальной эксплуатацией есть лозунг буржуазной революции против феодальных или полуфеодальных методов эксплуатации. Мы этот лозунг действительно выставляли, когда шли на буржуазную революцию, делая разницу между кабальной формой эксплуатации, которую стремились мы ликвидировать, и между некабальной, так называемой «прогрессивной» формой эксплуатации, которую мы не могли тогда ограничивать и уничтожить, поскольку буржуазные порядки оставались в силе. Но тогда мы шли к буржуазно-демократической республике. А теперь у нас, если не ошибаюсь, революция социалистическая, которая держит курс и не может не держать курса на уничтожение всех форм эксплуатации, и кабальных и некабальных. Как же вы хотите, т. Фрумкин, чтобы мы от социалистической революции, которую развиваем и двигаем вперед, повернулись вспять и возвратились к лозунгам буржуазной революции? Как можно, т. Фрумкин, договориться до такой чепухи?

Далее. Что значит не мешать кулацкому хозяйству? Это значит дать кулаку волю. А что значит дать ему волю? Это значит дать ему власть. Когда буржуазные либералы Франции требовали от феодальной власти не мешать буржуазии развиваться, они это выражали в конкретных требованиях о том, чтобы предоставить буржуазии власть. И они были правы. Чтобы развиваться как следует, буржуазия должна иметь власть. Стало быть, если быть последовательным, надо сказать: припустите кулака к власти. Ибо надо же это понять, что нельзя не стеснять развитие кулацкого хозяйства, отбирая у кулака власть и сосредоточивая ее в руках рабочего класса. Вот какие выводы напрашиваются при чтении второго письма т. Фрумкина.

О *капитальном строительстве промышленности*. При обсуждении контрольных цифр мы имели три цифры: ВСНХ требовал 825 млн. рублей, Госплан давал 750 млн. руб., Наркомфин же соглашался дать лишь 650 млн. руб. Какое решение принял по этому вопросу ЦК нашей партии? Он определил 800 млн. руб., т. е. ровно на 150 млн. руб. больше, чем предлагал Наркомфин. То, что Наркомфин давал меньше, в этом нет, конечно, ничего удивительного: скупость Наркомфина всем известна, он не может не быть скупым. Но дело теперь не в этом. Дело в том, что т. Фрумкин отстаивает цифру 650 млн.

руб. не из скупости, а на основании новоиспеченной теории «о возможностях», утверждая в своем втором письме и в специальной статье в печатном органе Наркомфина, что *мы наверняка ухудшим дело нашего хозяйства, если отпустим ВСНХ на капитальное строительство больше 650 млн. руб.* А что это значит? Это значит, что т. Фрумкин стоит против сохранения нынешнего темпа развития индустрии, не понимая, очевидно, что снижение этого темпа действительно ухудшило бы положение всего нашего народного хозяйства.

Соедините теперь эти два пункта во втором письме т. Фрумкина, пункт о кулацком хозяйстве и пункт о капитальном строительстве промышленности, прибавьте к этому теорию «деградации»,— и вы получите физиономию правого уклона.

Вы хотите знать, что такое правый уклон и как он выглядит? Читайте оба письма т. Фрумкина, изучайте их и разумеите.

Так обстоит дело с физиономией правого уклона.

Но тезисы говорят не только о правом уклоне. Они говорят еще о так называемом «левом» уклоне. Что такое «левый» уклон? Есть ли у нас действительно так называемый «левый» уклон в партии? Есть ли у нас в партии антисередняцкие тенденции, как говорится у нас в тезисах, тенденции сверхиндустриалистские и т. д.? Да, есть. К чему они сводятся? Они сводятся к уклону к троцкизму. Еще июльский пленум говорил об этом. Я имею в виду известную резолюцию июльского пленума о хлебозаготовительной политике, где говорится о борьбе на два фронта: против тех, которые тянут назад от XV съезда,— это правые,— и против тех, которые хотят чрезвычайные меры превратить в постоянный курс партии,— это «левые», тенденция к троцкизму. Ясно, что элементы троцкизма и тенденция к троцкистской идеологии имеются у нас внутри партии. Кажется, около 6 000 человек голосовало против нашей платформы во время дискуссии перед XV съездом партии. (*Голос*: «Десять тысяч».) Я думаю, что если десять тысяч голосовало против, то дважды десять тысяч сочувствующих троцкизму членов партии не голосовало вовсе, так как не пришло на собрание. Это те самые троцкистские элементы, которые не вышли из партии и которые, надо полагать, не освободились еще от троцкистской идеологии. Кроме того, я думаю, что часть троцкистов, оторвавшаяся потом от троцкистской организации и вернувшаяся в партию, не успела еще распротиться с троцкистской идеологией и тоже, должно быть, непрочь распространять свои взгляды среди членов партии. Наконец, мы имеем факт некоторого возрождения троцкистской идеологии в некоторых организациях нашей партии. Соедините все это вместе, и вы получите все необходимые элементы для того, чтобы иметь в партии уклон к троцкизму.

Оно и понятно: не может быть, чтобы при наличии мелко-буржуазной стихии и при давлении этой стихии на нашу партию у нас не было троцкистских тенденций в партии. Одно дело — кадры троцкистов арестовать и выслать. Другое дело — с идеологией троцкизма покончить. Это будет труднее. И мы говорим: где есть правый уклон, там должен быть и «левый» уклон. «Левый» уклон есть тень правого уклона. Ленин говорил, имея в виду

отзовистов, что «левые» — те же меньшевики, только наизнанку. Это совершенно правильно. То же самое надо сказать о нынешних «левых». Люди, уклоняющиеся к троцкизму, — это по сути дела те же правые, только наизнанку, правые, прикрывающиеся «левой» фразой.

Отсюда борьба на два фронта, и против правого уклона и против «левого» уклона.

Могут сказать: если «левый» уклон есть по сути дела тот же правый оппортунистический уклон, то где же между ними разница и где тут собственно два фронта? В самом деле, если победа правых означает поднятие шансов на реставрацию капитализма, а победа «левых» ведет к тем же результатам, то какая между ними разница и почему одних называют правыми, других — «левыми»? И если есть между ними разница, то в чем она состоит? Разве это не верно, что оба уклона имеют один социальный корень, оба они являются мелко-буржуазными уклонами? Разве это не верно, что оба эти уклона в случае их победы ведут к одним и тем же результатам? В чем же тогда разница между ними?

Разница состоит в том, что платформы у них разные, требования разные, подход и приемы разные. Если, например, правые говорят: *«Не надо было строить Днепрострой»*, а «левые», наоборот, возражают: *«Что нам один Днепрострой, подавайте нам каждый год по Днепрострою»* (смех), — то надо признать, что разница, очевидно, есть. Если правые говорят: *«Не тронь кулака, дай ему свободно развиваться»*, а «левые», наоборот, возражают: *«Бей не только кулака, но и середняка, потому что он такой же частный собственник, как и кулак»*, — то надо признать, что разница, очевидно, есть. Если правые говорят: *«Наступили трудности, не пора ли спасовать»*, а «левые», наоборот, возражают: *«Что нам трудности, чихать нам на ваши трудности, — летим во-всю вперед»* (смех), то надо признать, что разница, очевидно, есть.

Вот вам картина специфической платформы и специфических приемов «левых». Этим, собственно, и объясняется, что «левым» иногда удастся заманить к себе часть рабочих при помощи «левых» трескучих фраз и изображать из себя наиболее решительных противников правых, хотя весь мир знает, что социальные корни у них, у «левых», те же, что и у правых, и они нередко идут на соглашение, на блок с правыми для борьбы против ленинской линии.

Вот почему для нас, ленинцев, обязательна борьба на два фронта — как против правого уклона, так и против «левого» уклона.

Но если троцкистская тенденция представляет «левый» уклон, не значит ли это, что «левые» стоят левее ленинизма? Нет, не значит. Ленинизм есть *самое левое* (без кавычек) течение в мировом рабочем движении. Мы, ленинцы, входили во II Интернационал до периода начала империалистской войны как крайняя левая фракция социал-демократов. Мы не остались во II Интернационале и мы проповедывали раскол во II Интернационале потому, что мы именно как крайняя левая фракция не хотели жить в одной партии с мелко-буржуазными изменниками марксизма, с социал-пацифистами и соци-

ал-шовинистами. Эта тактика и эта идеология легли впоследствии в основу большевистских партий всего мира. В своей партии мы, ленинцы, — *единственные* левые без кавычек. Поэтому мы, ленинцы, не «левые» и не правые в своей собственной партии. Мы — партия марксистов-ленинцев. И мы боремся в своей партии не только с теми, кого мы называем открыто оппортунистическими уклонистами, но и с теми, которые хотят быть «левее» марксизма, «левее» ленинизма, прикрывая левыми, трескучими фразами свою правую, оппортунистическую природу. Всякий поймет, что когда людей, не освободившихся еще от троцкистских тенденций, называют «левыми», то это надо понимать иронически. Ленин называл «левых коммунистов» левыми, иногда в кавычках, иногда без кавычек. Но всякий поймет, что левыми называл их Ленин иронически, подчеркивая этим, что левые они только на словах, по видимости, а на деле представляют мелко-буржуазные правые тенденции. О какой левизне (без кавычек) троцкистских элементов может быть речь, если они вчера еще объединялись в едином антиленинском блоке с открыто оппортунистическими элементами, смыкаясь прямо и непосредственно с антисоветскими слоями страны? Разве это не факт, что мы вчера еще имели открытый блок «левых» и правых против ленинской партии при несомненной поддержке этого блока со стороны буржуазных элементов? И разве это не говорит о том, что они, «левые» и правые, не могли бы объединиться в едином блоке, если бы у них не было общих социальных корней, если бы они не имели общую оппортунистическую природу? Блок троцкистов распался год назад. Часть правых, вроде т. Шатуновского, отошла от блока. Стало быть, правые блокисты будут выступать отныне именно как правые, а «левые» будут прикрывать свою правизну «левыми» фразами. Но какая есть гарантия, что «левые» и правые не найдут вновь друг друга? (Смех.) Ясно, что тут нет и не может быть никакой гарантии.

Но если мы стоим за лозунг борьбы на два фронта, не значит ли это, что мы тем самым провозглашаем необходимость *центризма* в нашей партии? Что значит борьба на два фронта? Не есть ли это центризм? Вы знаете, что троцкисты так именно и изображают дело: есть «левые», это, дескать, «мы» — троцкисты, «настоящие ленинцы», есть «правые», это — все остальные; есть, наконец, «центристы», которые колеблются между «левыми» и правыми. Можно ли считать правильным такой взгляд на нашу партию? Ясно, что нельзя. Так могут говорить лишь люди, у которых смешались все понятия и которые давно уже порвали с марксизмом. Так могут говорить лишь люди, которые не видят и не понимают *принципиальной разницы* между партией социал-демократической довоенного периода, которая была партией *блока* пролетарских и мелкобуржуазных интересов, и между партией коммунистической, которая есть *монолитная* партия революционного пролетариата. Центризм не есть пространственное понятие: на одном месте сидят, скажем, правые, на другом — «левые», а посерединке — центристы. Центризм есть понятие политическое. Его идеология есть идеология приспособления, идеология подчинения пролетарских интересов интересам мелкой буржуазии *в составе одной общей партии*. Эта идеология чужда и противна ленинизму. Центризм есть явление естественное для II Интернаци-

онала периода довоенного времени. Там были правые (большинство), были левые (без кавычек) и были центристы, вся политика которых состояла в том, чтобы подкрасить левыми фразами оппортунизм правых и подчинить левых правым. В чем состояла тогда политика левых, ядро которых составляли большевики? В решительной борьбе с центристами, в борьбе за раскол с правыми (особенно после начала империалистской войны) и в организации нового революционного Интернационала из действительно левых, действительно пролетарских элементов. Почему могло тогда возникнуть такое расположение сил внутри II Интернационала и такая политика большевиков в нем? Потому, что II Интернационал был тогда партией *блока* пролетарских и мелкобуржуазных интересов в угоду мелко-буржуазным социал-пацифистам, социал-шовинистам. Потому, что большевики не могли тогда не сосредоточивать огня против центристов, пытавшихся подчинить пролетарские элементы интересам мелкой буржуазии. Потому, что большевики обязаны были тогда проповедывать идею раскола, ибо без этого пролетарии не могли бы организовать свою собственную революционно-марксистскую партию.

Можно ли утверждать, что в нашей партии имеется такое же расположение сил и что в ней должна практиковаться та же политика, которую практиковали большевики в партиях II Интернационала периода довоенного времени? Ясно, что нельзя. Нельзя, так как это значило бы не понимать *принципиальной* разницы между партией блока пролетарских и мелко-буржуазных элементов и между *монолитной* партией революционного пролетариата. Там (у социал-демократии) была одна классовая подоснова партии. Здесь (у коммунистов) совершенно другая подоснова партии. Там (у социал-демократии) центризм был естественным явлением, так как партия блока разнородных интересов не может обойтись без центристов, и большевики обязаны были вести линию раскола. Здесь (у коммунистов) центризм беспредметен и несовместим с ленинской партийностью, так как коммунистическая партия есть *монолитная* партия пролетариата, а не партия блока разнородных классовых элементов. И так как господствующей силой нашей партии является самое левое течение мирового рабочего движения (ленинцы), то политика раскола в нашей партии не имеет и не может иметь никакого оправдания с точки зрения ленинизма. (*Голос*: «Раскол в партии возможен у нас или нет?») Дело идет не о возможности раскола, а о том, что политика раскола в нашей монолитной ленинской партии не может быть оправдана с точки зрения ленинизма. Кто не понимает этой принципиальной разницы, тот идет вразрез с ленинизмом, тот рвет с ленинизмом.

Вот почему я думаю, что только люди, сошедшие с ума и растерявшие последние остатки марксизма, могут серьезно утверждать, что политика нашей партии, политика борьбы на два фронта есть политика центризма.

Ленин всегда вел борьбу на два фронта в нашей партии, как против «левых», так и против явно меньшевистских уклонов. Просмотрите брошюру Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», просмотрите историю нашей партии, и вы поймете, что наша партия росла и крепла в борьбе

с обоими уклонами — и с правым и с «левым». Борьба с отзовистами и с «левыми» коммунистами, с одной стороны, борьба с открыто оппортунистическим уклоном до Октябрьской революции, во время Октябрьской революции и после нее, с другой стороны, — вот какие фазы прошла наша партия в своем развитии. Всем известны слова Ленина о том, что нам надлежит вести борьбу как с оппортунизмом, так и с «левыми» доктринерами.

Значит ли это, что Ленин был центристом, что он вел политику центризма? Ясно, что не значит.

Что же собою представляют в таком случае наши правые и «левые» уклонисты? Что касается правого уклона, то это, конечно, не то, что оппортунизм социал-демократов довоенного периода. Уклон к оппортунизму не есть еще оппортунизм. Мы знаем, как Ленин разъяснял в свое время понятие уклон. Уклон вправо — это нечто такое, что еще не вылилось в оппортунизм и что можно исправить. Поэтому нельзя отождествлять уклон вправо с законченным оппортунизмом. Что касается «левого» уклона, то он представляет нечто прямо противоположное тому, что представляли собою крайние левые во II Интернационале довоенного периода, т. е. большевики. Они не только не левые без кавычек, они по сути дела те же правые уклонисты, с той, однако, разницей, что бессознательно прикрывают свою действительную природу «левыми» фразами. Было бы преступлением против партии не видеть всей глубины разницы между «левыми» уклонистами и подлинными ленинцами, *единственными левыми* (без кавычек) в нашей партии. (*Голос: «А легализация уклонов?»*) Если открытая борьба с уклонами есть легализация, то надо признать, что Ленин давно их «легализовал».

Они, эти уклонисты, и правые и «левые», рекрутируются из самых разнообразных элементов непролетарских слоев, элементов, отражающих давление мелко-буржуазной стихии на партию и разложение отдельных звеньев партии. Часть выходцев из других партий; люди с троцкистскими тенденциями в партии; осколки бывших фракций в партии; бюрократизирующиеся (и обюрократившиеся) члены партии в государственном, хозяйственном, кооперативном, профсоюзном аппарате, смыкающиеся с явно буржуазными элементами этих аппаратов; зажиточные члены партии в наших деревенских организациях, срастающиеся с кулачеством, и т. д. и т. п., — такова питательная среда уклонов от ленинской линии. Ясно, что ничего подлинно левого и ленинского не могут воспринять эти элементы. Они могут вскормить лишь открыто оппортунистический уклон или так называемый «левый» уклон, маскирующий свой оппортунизм левыми фразами.

Вот почему борьба на два фронта является единственно правильной политикой партии.

Далее. Правильно ли сказано в тезисах, что *основным методом* борьбы с правым уклоном должен быть у нас метод развернутой идеологической борьбы? Я думаю, что правильно. Хорошо было бы вспомнить тут опыт борьбы с троцкизмом. С чего мы начали борьбу с ним? Может быть, с оргвыводов? Нет, конечно, нет. Мы начали ее с идеологической борьбы. Она велась у нас с 1918 по 1925 г. Уже в 1924 году наша партия, а в 1925 году V конгресс Коминтерна вынесли резолюцию о троцкизме, как о мелко-буржу-

азном уклоне. Однако, Троцкий сидел у нас и в ЦК и в Политбюро. Факт это или нет? Факт. Стало быть, мы «терпели» Троцкого и троцкистов в составе ЦК. Почему мы допускали их пребывание в составе руководящих органов партии? Потому, что троцкисты в то время, несмотря на разногласия с партией, подчинялись решениям ЦК и оставались лояльными. Когда мы стали применять в сколько-нибудь широком масштабе оргвыводы? Только после того, когда троцкисты организовались во фракцию, создали свой фракционный центр, превратили свою фракцию в новую партию и стали звать людей на антисоветские демонстрации. Я думаю, что по этому же пути должны мы пойти в борьбе с правым уклоном. Правый уклон не есть еще нечто оформившееся и выкристаллизовавшееся, хотя он и усиливается в партии. Он только оформляется и кристаллизуется. Есть ли у правых уклонистов фракция? Я думаю, что нет. Можно ли сказать, что они не подчиняются решениям нашей партии? Я думаю, что у нас нет еще оснований обвинять их в этом. Можно ли утверждать, что правые уклонисты обязательно сорганизируются в свою фракцию? Я в этом сомневаюсь. Отсюда вывод: основным методом борьбы с правым уклоном должен быть у нас *на данной стадии* метод развернутой идеологической борьбы. Это тем более правильно, что среди некоторых членов нашей партии имеется обратная тенденция — начать борьбу с правым уклоном не с идеологической борьбы, а с оргвыводов. Они прямо говорят: ты дай нам правых этак человек 10 или 20, мы их раскложем мигом и покончим таким образом с правым уклоном. Я думаю, товарищи, что такие настроения неправильны и опасны. Именно для того, чтобы не плыть по таким настроениям, а поставить борьбу с правым уклоном на правильные рельсы, именно поэтому необходимо сказать ясно и решительно, что основным методом нашей борьбы с правым уклоном является *на данной стадии* борьба идеологическая.

Значит ли это, что мы исключаем всякие организационные выводы? Нет, не значит. Но это, несомненно, значит, что организационные выводы должны играть здесь подчиненную роль, и если нет факта нарушения партийных решений со стороны правых уклонистов, то мы не должны их выкидывать из тех или иных руководящих организаций и учреждений. {Голос: «А московская практика?») Я думаю, что среди московских руководящих товарищей мы правых не имели. Там было неправильное отношение к правым настроениям. Скорее всего можно сказать, что там была примиренческая тенденция. Но я не могу сказать, что в Московском Комитете существовал правый уклон. {Голос: «А организационная борьба была?») Организационная борьба была, хотя она и занимала подчиненное место. Она была потому, что по Москве идут перевыборы на базе самокритики и районные активы имеют право смещать своих секретарей. (Смех.) (Голос: «Разве перевыборы секретарей у нас были объявлены?») Перевыборов секретарей никто не запрещал. Существует июньское воззвание ЦК, где прямо говорится о том, что развертывание самокритики может превратиться в пустой звук, если за низовыми организациями не будет обеспечено право смещать любого секретаря, любой комитет. Что вы можете возразить против такого воззвания? (Голос: «До партконференции?») Да, хотя бы до партконференции.

Я вижу улыбку авгура на лицах некоторых товарищей. Это нехорошо, товарищи. Я вижу, что у некоторых из вас имеется неудержимое желание поскорей поснимать с постов тех или иных выразителей правого уклона. Но это не решение вопроса, дорогие товарищи. Конечно, снять с постов легче, чем повести широкую и осмысленную разъяснительную кампанию о правом уклоне, о правой опасности и о борьбе с ней. Но самое легкое не есть самое хорошее. Потрудитесь-ка организовать широкую разъяснительную кампанию против правой опасности, потрудитесь не жалеть на это времени, и тогда вы увидите, что чем шире и глубже кампания, тем хуже для правого уклона. Вот почему я думаю, что центром нашей борьбы против правого уклона должна быть борьба идеологическая.

Что касается Московского Комитета, то я не знаю, что можно еще добавить к тому, что сказал на пленуме МК и МКК т. Угланов в своем заключительном слове. Он прямо заявил: «Если вспомнить немножко историю, вспомнить, как я в 1921 г. в Ленинграде дрался с т. Зиновьевым, то тогда «побоище» было немного крупнее. Тогда мы очутились победителями, потому что были правы. Сейчас нас побили, потому что мы ошиблись. На пользу пойдет». Выходит, что т. Угланов вел борьбу теперь так же, как он вел в свое время борьбу против Зиновьева. Против кого же, собственно, он вел борьбу в последнее время? Видимо, против политики ЦК. Против кого же еще? На какой же базе могла вестись эта борьба? Очевидно, на базе примиренчества с правым уклоном.

Поэтому тезисы совершенно правильно подчеркивают необходимость борьбы против примиренчества с уклонами от ленинской линии, особенно же против примиренчества с правым уклоном, как одну из очередных задач нашей партии.

Наконец, последний вопрос. В тезисах говорится о том, что мы должны особенно подчеркнуть для данного времени необходимость борьбы с правым уклоном. Что это значит? Это значит, что правая опасность является в данный момент главной опасностью в нашей партии. Борьба с троцкистскими тенденциями и притом борьба сосредоточенная идет у нас вот уже десяток лет. Результатом этой борьбы является разгром основных кадров троцкизма. Нельзя сказать, чтобы борьба с открыто оппортунистическим уклоном велась за последнее время столь же интенсивно. А не велась она особенно интенсивно потому, что правый уклон находится у нас еще в периоде формирования и кристаллизации, усиливаясь и нарастая ввиду усиления мелко-буржуазной стихии, выросшей в связи с нашими хлебозаготовительными затруднениями. Поэтому главный удар должен быть направлен против правого уклона.

Заканчивая свое слово, я хотел бы, товарищи, отметить еще один факт, о котором здесь не говорили и который имеет, по-моему, немаловажное значение. Мы, члены Политбюро, предложили вам свои тезисы о контрольных цифрах. Я в своей речи защищал эти тезисы, как безусловно правильные. Я не говорю об отдельных исправлениях, которые могут быть внесены в эти тезисы. Но что в основном они правильны и обеспечивают нам правильное проведение ленинской линии, — в этом не может быть никакого сомнения. И вот я должен заявить вам, что эти тезисы приняты нами в Политбюро единоглас-

но. Я думаю, что этот факт имеет кое-какое значение ввиду тех слухов, которые то и дело распространяются в наших рядах всякими недоброжелателями, противниками и врагами нашей партии. Я имею в виду слухи о том, что будто бы у нас, в Политбюро, имеются правый уклон, «левый» уклон, примиренчество и черт знает еще что. Пусть эти тезисы послужат еще одним, сотым или сто первым доказательством того, что мы все в Политбюро едины до конца и будем едины. Я бы хотел, чтобы настоящий пленум так же единодушно принял эти тезисы за основу.

(Аплодисменты.)

«Вопросы ленинизма», стр. 357—384, изд. 9-е.

И. Сталин. О ПРАВОМ УКЛОНЕ В ВКП(б). Из речи на пленуме ЦК ВКП(б). Апрель 1929 г.

1. Классовые сдвиги и наши разногласия

В чем состоят наши разногласия, с чем они связаны?

Они связаны прежде всего с вопросом о классовых сдвигах, происходящих в последнее время в нашей стране и в капиталистических странах. Некоторые товарищи думают, что разногласия в нашей партии имеют случайный характер. Это неверно, товарищи. Это совершенно неверно. Разногласия в нашей партии возникли на почве тех классовых сдвигов, на почве того обострения классовой борьбы, которое происходит в последнее время и которое создает перелом в развитии. Главная ошибка группы т. Бухарина состоит в том, что она не видит этих сдвигов и этого перелома, не видит и не хочет их замечать. Этим собственно и объясняется то непонимание новых задач партии и Коминтерна, которое составляет характерную черту новой оппозиции.

Заметили ли вы, товарищи, что руководители новой оппозиции в своих речах на пленуме ЦК и ЦКК совершенно обошли вопрос о классовых сдвигах в нашей стране, ни единым словом не упомянули об обострении классовой борьбы и не дали даже отдаленного намека на то, что наши разногласия связаны с этим именно обострением классовой борьбы? Они говорили обо всем, и о философии, и о теории, но не сказали ни единого слова о тех классовых сдвигах, которые определяют ориентацию и практику нашей партии в данный момент. Чем объясняется эта странность? Может быть, забывчивость? Конечно, нет! Политики не могут забывать о главном. Объясняется это тем, что они не видят и не понимают новых революционных процессов, происходящих теперь как у нас в нашей стране, так и в капиталистических странах. Объясняется это тем, что они проглядели главное, проглядели те классовые сдвиги, которых не имеет права проглядывать политик. Этим

собственно и объясняется растерянность и безоружность, которую проявляет новая оппозиция перед лицом новых задач нашей партии.

Вспомните о последних событиях в нашей партии. Вспомните о тех лозунгах, которые дала за последнее время партия в связи с новыми классовыми сдвигами в нашей стране. Я говорю о таких лозунгах, как лозунг *самокритики*, лозунг заострения *борьбы с бюрократизмом и чистка совappарата*, лозунг *организации новых хозяйственных кадров и красных специалистов*, лозунг *усиления колхозного и совхозного движения*, лозунг *наступления на кулака*, лозунг *снижения себестоимости* и коренного *улучшения практики профсоюзной работы*, лозунг *чистки партии* и т. д. Некоторым товарищам эти лозунги показались сногшибательными и головокружительными. А между тем ясно, что эти лозунги являются самыми необходимыми и актуальными лозунгами партии в данный момент.

Началось дело с того, что мы, в связи с шахтинским делом, заново поставили вопрос о новых хозяйственных кадрах, вопрос о выработке красных специалистов из людей рабочего класса на смену старым спецам. Что выяснилось в связи с шахтинским делом? Выяснилось то, что буржуазия далеко еще не добита, что она организует и будет еще организовывать вредительство в нашем хозяйственном строительстве, что наши хозяйственные, профсоюзные и отчасти партийные организации проглядели подкопную работу наших классовых врагов, что надо, стало быть, наши организации укреплять и улучшать всеми силами, всеми средствами, развивая и укрепляя их классовую бдительность.

В связи с этим заострился вопрос о лозунге *самокритики*.. Почему? Потому, что нельзя улучшать наши хозяйственные, профсоюзные и партийные организации, нельзя двигать вперед дело строительства социализма и обуздания буржуазного вредительства, не развивая во-всю критику и самокритику, не ставя под контроль масс работу наших организаций. А ведь это факт, что вредительство имело и продолжает иметь место не только в угольных районах, но и в области металла, но и в области военной промышленности, но и в НКПС, в золотой и платиновой промышленности и т. д. и т. п. Отсюда — лозунг *самокритики*.

Далее, в связи с хлебозаготовительными затруднениями, в связи с выступлением кулачества против советской политики цен, мы заострили вопрос о всемерном развитии колхозов и совхозов, о наступлении на кулака, об организации хлебозаготовок в порядке нажима на кулацко-зажиточные элементы. Что выяснили хлебозаготовительные затруднения? Они выяснили то, что кулак не дремлет, кулак растет, он организует подкопы против политики Советской власти, а наши партийные, советские и кооперативные организации, во всяком случае часть из них, либо не видят врага, либо приспосабливаются к нему вместо того, чтобы бороться с ним.

Отсюда новое заострение лозунга *самокритики*, лозунга проверки и улучшения наших партийных, кооперативных и вообще заготовительных организаций.

Далее, в связи с новыми задачами реконструкции промышленности и сельского хозяйства на базе социализма, возник лозунг о систематическом снижении себестоимости, об укреплении трудовой дисциплины, о развер-

тивании социалистического соревнования и т. д. Эти задачи потребовали пересмотра всей практики профессиональных союзов и советского аппарата, коренного оживления этих организаций и чистки этих организаций от элементов бюрократизма.

Отсюда заострение лозунга о борьбе с бюрократизмом в профсоюзах и соаппарате.

Наконец, вопрос о лозунге чистки партии. Было бы смешно думать, что можно укрепить наши советско-хозяйственные, профсоюзные и кооперативные организации, можно очистить их от скверны бюрократизма, не отточив самую партию. Не может быть сомнения, что бюрократические элементы живы не только в хозяйственно-кооперативных и в профсоюзно-советских организациях, но и в организациях самой партии. Если партия является руководящей силой всех этих организаций, то ясно, что чистка партии представляет то необходимое условие, без которого не может быть проведено до конца оживление и улучшение всех прочих организаций рабочего класса. Отсюда — лозунг о чистке партии.

Случайны ли эти лозунги? Нет, не случайны. Вы сами видите, что они не случайны. *Они составляют необходимые звенья одной неразрывной цепи, называемой наступлением социализма против элементов капитализма.*

Они связаны прежде всего с периодом реконструкции нашей промышленности и нашего сельского хозяйства на базе социализма. А что собой представляет реконструкция народного хозяйства на базе социализма? Она представляет наступление социализма против капиталистических элементов народного хозяйства по всему фронту. Это есть серьезнейший сдвиг рабочего класса нашей страны в сторону построения социализма. Но чтобы провести эту реконструкцию, надо прежде всего улучшить и укрепить кадры социалистического строительства как хозяйственно-советские и профсоюзные, так и партийно-кооперативные, надо отточить все наши организации, очистить их от скверны, надо поднять активность миллионных масс рабочего класса и крестьянства.

Далее, эти лозунги связаны с фактом сопротивления капиталистических элементов народного хозяйства против наступающего социализма. Нельзя считать случайностью так называемое шахтинское дело. «Шахтинцы» сидят теперь во всех отраслях нашей промышленности. Многие из них выловлены, но далеко еще не все выловлены. Вредительство буржуазной интеллигенции есть одна из самых опасных форм сопротивления против развивающегося социализма. Вредительство тем более опасно, что оно связано с международным капиталом. Буржуазное вредительство есть несомненный показатель того, что капиталистические элементы далеко еще не сложили оружия, что они накапливают силы для новых выступлений против Советской власти. Что касается капиталистических элементов деревни, то тем более нельзя считать случайностью выступление кулачества, продолжающееся вот уже второй год против советской политики цен. Многие еще до сих пор не могут объяснить того факта, что кулак давал хлеб в порядке самотека до 1927 г., а после 1927 г. он перестал давать хлеб в порядке самотека. Но в этом обстоятельстве нет ничего удивительного. Если раньше кулак был еще сравнительно слаб, не имел возможности се-

рьезно устроить свое хозяйство, не имел достаточных капиталов для укрепления своего хозяйства, ввиду чего он был вынужден выносить все или почти все излишки своего хлебного производства на рынок, то теперь, после ряда урожайных годов, когда он успел обстроиться хозяйственно, когда ему удалось накопить необходимые капиталы, — он получил возможность маневрировать на рынке, он получил возможность отложить хлеб, эту валюту валют, в резерв для себя, предпочитая вывозить на рынок мясо, овес, ячмень и прочие второстепенные культуры. Смешно было бы теперь надеяться, что можно взять хлеб у кулака добровольно. Вот где корень того сопротивления, которое оказывает теперь кулак политике Советской власти.

А что собой представляет сопротивление капиталистических элементов города и деревни наступлению социализма? Это есть перегруппировка сил классовых врагов пролетариата, имеющая своей целью отстоять старое против нового. Нетрудно понять, что эти обстоятельства не могут не вызывать обострения борьбы классов. Но чтобы отбить сопротивление классовых врагов и очистить путь для продвижения социализма, нужно, кроме всего прочего, отточить все наши организации, очистить их от бюрократизма, улучшить их кадры и мобилизовать миллионные массы рабочего класса и трудящихся слоев деревни против капиталистических элементов города и деревни.

Вот на почве каких классовых сдвигов возникли нынешние лозунги нашей партии.

То же самое надо сказать о классовых сдвигах в капиталистических странах. Смешно было бы думать, что стабилизация капитализма осталась без изменений. Тем более смешно было бы утверждать, что стабилизация укрепляется, становится прочной. На самом деле стабилизация капитализма подтачивается и расшатывается с каждым месяцем, с каждым днем. Обострение борьбы за рынки и сырье, рост вооружений, рост антагонизма между Америкой и Англией, рост социализма в СССР, полевание рабочего класса капиталистических стран, полоса забастовок и классовых битв в странах Европы, рост революционного движения в колониях, в том числе в Индии, рост коммунизма во всех странах мира — все это такие факты, которые с несомненностью говорят о том, что в странах капитализма нарастают элементы нового революционного подъема.

Отсюда — задача заострения борьбы против социал-демократии, и прежде всего против ее «левого» крыла как социальной опоры капитализма. Отсюда — задача заострения борьбы против правых элементов в компартиях как агентуры социал-демократического влияния. Отсюда — задача заострения борьбы против примиренчества с правым уклоном как убежища оппортунизма в компартиях. Отсюда — лозунг очищения компартий от социал-демократических традиций. Отсюда — так называемая новая тактика коммунизма в профсоюзах. Некоторые товарищи не понимают смысла и значения этих лозунгов. Но марксист всегда поймет, что без проведения в жизнь этих лозунгов немыслима подготовка пролетарских масс к новым классовым боям, немыслима победа над социал-демократией, невозможно провести отбор действительных лидеров коммунистического движения, способных повести рабочий класс на борьбу за свержение капитализма.

Вот, товарищи, те классовые сдвиги в нашей стране и в странах капитализма, на основе которых выросли нынешние лозунги нашей партии как по линии ее внутренней политики, так и по линии Коминтерна.

Наша партия видит эти классовые сдвиги. Она понимает значение новых задач и мобилизует силы для разрешения этих задач. Поэтому она встречает события во всеоружии. Поэтому она не боится трудностей, стоящих перед ней, ибо она готова их преодолеть.

Беда новой оппозиции, беда группы т. Бухарина состоит в том, что она не видит этих классовых сдвигов и не понимает новых задач партии. И именно потому, что она их не понимает, она переживает состояние полной растерянности, она готова бежать от трудностей, отступить перед ними, сдать позиции.

Видали ли вы рыбаков перед бурей на большой реке, вроде Енисея? Я их видал не раз. Бывает, что одна группа рыбаков перед лицом наступившей бури мобилизует все свои силы, воодушевляет своих людей и смело ведет лодку навстречу буре: «Держись, ребята, крепче за руль, режь волны, наша возьмет!» Но бывает и другой сорт рыбаков, которые, чуя бурю, падают духом, начинают хныкать и деморализуют свои же собственные ряды: «Вот беда, буря наступает, ложись, ребята, на дно лодки, закрой глаза, авось как-нибудь вынесет на берег». (*Общий смех.*) Нужно ли еще доказывать, что установка и поведение группы т. Бухарина, как две капли воды, похожи на установку и поведение второй группы рыбаков, в панике отступающих перед трудностями?

Мы говорим, что в Европе созревают условия нового революционного подъема, что это обстоятельство диктует нам новые задачи по усилению борьбы с правым уклоном в компартиях и изгнанию правых уклонистов из партии, по усилению борьбы с примиренчеством, прикрывающим правый уклон, по усилению борьбы с социал-демократическими традициями в компартиях и т. д. и т. п. А т. Бухарин нам отвечает, что все это пустяки, что никаких таких новых задач нет у нас, что на самом деле дело идет о том, что большинство ЦК желает «прорабатывать» его, т. е. т. Бухарина.

Мы говорим, что классовые сдвиги в нашей стране диктуют нам новые задачи, требующие систематического снижения себестоимости и укрепления трудовой дисциплины на предприятиях, что проведение этих задач невозможно без коренной перемены всей практики в работе профессиональных союзов. А т. Томский нам отвечает, что все это — пустяки, что никаких таких новых задач нет у нас, что на самом деле дело идет о том, что большинство ЦК желает «прорабатывать» его, т. е. т. Томского.

Мы говорим, что реконструкция народного хозяйства диктует нам новые задачи по усилению борьбы с бюрократизмом советско-хозяйственного аппарата, по очищению этого аппарата от гнилых и чуждых элементов, от вредителей и т. д. и т. п. А т. Рыков нам отвечает, что все это — пустяки, что никаких таких новых задач нет у нас, что на самом деле дело идет о том, что большинство ЦК желает «прорабатывать» его, т. е. т. Рыкова.

Ну, разве это не смешно, товарищи? Разве не ясно, что тт. Бухарин, Рыков и Томский ничего кроме своего пупа не видят на свете?

Несчастье группы т. Бухарина состоит в том, что она не видит новых классовых сдвигов и не понимает новых задач партии. И именно потому, что она их не понимает, она вынуждена плестись в хвосте за событиями и пасовать перед трудностями.

Вот где корень наших расхождений.

II. Разногласия по линии Коминтерна

Я уже говорил, что т. Бухарин не видит и не понимает тех новых задач Коминтерна по изгнанию правых из компартий, обузданию примиренчества и очищению компартий от социал-демократических традиций, которые диктуются нарастающими условиями нового революционного подъема. Это положение целиком подтвердилось нашими разногласиями во вопросам Коминтерна.

С чего начались разногласия в этой области?

Началось дело с тезисов т. Бухарина на VI конгрессе по международному положению. Обычно тезисы рассматривались предварительно в делегации ВКП. Однако, в данном случае это условие не было соблюдено. Вышло так, что тезисы за подписью т. Бухарина, направленные в делегацию ВКП, одновременно были разосланы иностранным делегациям VI конгресса. Но тезисы оказались неудовлетворительными в целом ряде пунктов. Делегации ВКП пришлось внести в тезисы около 20 поправок.

Это обстоятельство создало некоторую неловкость в положении т. Бухарина. А кто в этом виноват? Для чего понадобилось т. Бухарину разослать тезисы иностранным делегациям до рассмотрения их делегацией ВКП? Могла ли делегация ВКП не вносить поправок, если тезисы оказались неудовлетворительными? И вот получилось так, что из делегации ВКП вышли, по сути дела, новые тезисы по международному положению, которые стали противопоставляться иностранными делегациями старым тезисам, подписанным т. Бухариным. Ясно, что этой неловкости не было бы, если бы т. Бухарин не поторопился с рассылкой своих тезисов иностранным делегациям.

Я хотел бы отметить четыре основные поправки, внесенные в тезисы т. Бухарина делегацией ВКП. Я хотел бы отметить эти основные поправки для того, чтобы яснее демонстрировать характер разногласий по вопросам Коминтерна.

Первый вопрос — это вопрос о характере стабилизации капитализма. У т. Бухарина выходило в его тезисах так, что ничего нового, расшатывающего капиталистическую стабилизацию, не происходит в данный момент, что, наоборот, капитализм *реконструируется* и держится в основном более или менее *прочно*. Ясно, что с такой характеристикой так называемого третьего периода, т. е. того периода, который мы теперь переживаем, делегация ВКП не могла согласиться. Она не могла согласиться с этим, так как сохранение такой характеристики третьего периода могло бы дать пищу нашим критикам говорить о том, что мы становимся на точку зрения так называемого «оздоровления» капитализма, т. е. на точку зрения Гильфердинга, на точку зрения, на которой мы, коммунисты, не можем стоять. Ввиду этого делегация ВКП внесла поправку, из которой видно, что капи-

талистическая стабилизация не прочна и не может быть прочной, что она расшатывается и будет расшатываться ходом событий, ввиду обострения кризиса мирового капитализма. Этот вопрос имеет, товарищи, решающее значение для секций Коминтерна, Расшатывается или упрочивается капиталистическая стабилизация, — от этого зависит вся установка компартий в их повседневной политической работе. Переживаем ли мы период упадка революционного движения, период простого собирания сил, или переживаем период нарастания условий нового революционного подъема, период подготовки рабочего класса к грядущим классовым боям, — от этого зависит тактическая установка компартий. Поправка делегации ВКП, принятая потом конгрессом, тем собственно и хороша, что она дает ясную установку на вторую перспективу, на перспективу нарастания условий нового революционного подъема.

Второй вопрос — это вопрос о борьбе с социал-демократией. В тезисах т. Бухарина говорилось о том, что борьба с социал-демократией является одной из основных задач секций Коминтерна. Это, конечно, верно. Но этого недостаточно. Для того, чтобы борьба с социал-демократией шла с успехом, необходимо заострить вопрос на борьбе с так называемым «левым» крылом социал-демократии, с тем самым «левым» крылом, которое, играя «левыми» фразами и ловко обманывая таким образом рабочих, тормозит дело отхода от социал-демократии. Ясно, что без разгрома «левых» социал-демократов невозможно преодоление социал-демократии вообще. А между тем в тезисах т. Бухарина вопрос о «левой» социал-демократии оказался совершенно обойденным. Это, конечно, большой недостаток. Поэтому делегации ВКП пришлось внести соответствующую поправку в тезисы т. Бухарина, принятую потом конгрессом.

Третий вопрос — это вопрос о примиренчестве в секциях Коминтерна. В тезисах т. Бухарина говорилось о необходимости борьбы с правым уклоном, но там не оказалось ни единого слова о борьбе против примиренчества с правым уклоном. Это, конечно, большой недостаток. Дело в том, что, когда объявляется война правому уклону, правые уклонисты обычно перекрашиваются в примиренцев и ставят партию в затруднительное положение. Чтобы предупредить этот маневр правых уклонистов, необходимо поставить вопрос о решительной борьбе с примиренчеством. Поэтому делегация ВКП сочла необходимым внести соответствующую поправку в тезисы т. Бухарина, принятую потом конгрессом.

Четвертый вопрос — это вопрос о дисциплине. В тезисах т. Бухарина не оказалось упоминания о необходимости сохранения железной дисциплины в компартиях. Это тоже не маловажный недостаток. Почему? Потому, что в период усиления борьбы с правым уклоном, в период проведения лозунга очищения компартий от оппортунистических элементов, правые уклонисты обычно организуются во фракцию, создают свою собственную фракционную дисциплину, а дисциплину партии ломают и разрушают. Чтобы оградить партию от фракционных вылазок правых уклонистов, необходимо поставить вопрос о железной дисциплине партии и о безусловном подчинении членов партии этой дисциплине. Без этого нечего и думать о серьезной борьбе с

Третий этап наших разногласий связывается с вопросом о борьбе с правыми в германской компартии, с вопросом о разгроме фракции Брандлера и Тальгеймера и исключении лидеров этой фракции из германской компар-

тии. «Позиция» т. Бухарина и его друзей в этом кардинальном вопросе состояла в том, что они все время уклонялись от участия в решении этого вопроса. По сути дела решался вопрос о судьбе германской компартии. А т. Бухарин и его друзья, зная об этом, тем не менее все время тормозили дело, систематически уклоняясь от участия в заседаниях соответствующих инстанций. Ради чего? Ради того, должно быть, чтобы остаться «чистенькими» и перед Коминтерном и перед правыми в германской компартии. Ради того, чтобы потом ложно было сказать: «Это не мы, бухаринцы, а они, большинство ЦК, провели исключение Брандлера и Тальгеймера из компартии». И это называется борьбой с правой опасностью!

Наконец, *четвертый этап наших разногласий*. Он связан с требованием т. Бухарина перед ноябрьским пленумом ЦК об отзыве т. Неймана из Германии и о том, чтобы призвать к порядку т. Тельмана, выступавшего, якобы, в одной из своих речей с критикой доклада т. Бухарина на VI конгрессе. Мы, конечно, не могли согласиться с т. Бухариным, не имея в руках ровно никаких документов, подтверждающих требование т. Бухарина. Тов. Бухарин обещался представить документы против Неймана и Тельмана. Однако, никаких документов он не представил. Вместо документов он разослал членам делегации ВКП известную речь т. Эмбер-Дро (так в книге-Ю.З.) в Политсекретариате ИККИ, ту самую речь, которую потом президиум ИККИ квалифицировал как речь оппортунистическую. Рассылая речь Эмбер-Дро членам делегации ВКП и рекомендуя ее как материал против Тельмана, т. Бухарин хотел доказать правильность своего требования об отзыве т. Неймана и о том, чтобы призвать к порядку т. Тельмана. На деле же он доказал этим, что он солидарен с т. Эмбер-Дро, позиция которого считается ИККИ позицией оппортунистической.

Вот, товарищи, главные пункты наших разногласий по вопросам Коминтерна.

Тов. Бухарин думает, что, ведя борьбу против правого уклона и примиренчества с ним в секциях Коминтерна, очищая германскую и чехословацкую компартии от социал-демократических элементов и традиций, выбрасывая из компартий Брандлеров и Тальгеймеров, мы «разлагаем» тем самым Коминтерн, «губим» Коминтерн. Мы же думаем, наоборот, что, проводя такую политику и заостряя вопрос на борьбе с правым уклоном и примиренчеством с ним, мы укрепляем Коминтерн, очищаем его от оппортунистов, большевизируем его секции и помогаем компартиям готовить рабочий класс к грядущим революционным схваткам.

Вы видите, что это не простые оттенки в рядах ЦК ВКП, а довольно серьезные разногласия по коренным вопросам политики Коминтерна.

III. Разногласия по линии внутренней политики

Я говорил перед этим о классовых сдвигах и о классовой борьбе в нашей стране. Я говорил, что группа т. Бухарина заражена слепотой и не видит этих сдвигов, не понимает новых задач партии. Я говорил, что на этой почве возникли у новой оппозиции растерянность, боязнь трудностей, готовность спастись перед ними. Нельзя сказать, чтобы эти ошибки новой оппозиции упали с неба. Наоборот, они связаны с той полосой развития,

которая уже пройдена и которая называется периодом *восстановления* народного хозяйства, когда строительство шло мирным путем, так сказать, в порядке самотека, когда не было еще тех классовых сдвигов, которые имеются теперь, когда не было еще того обострения классовой борьбы, которое мы наблюдаем теперь. Но теперь у нас новая полоса развития, отличная от старого периода, от периода восстановления. Теперь у нас новый период строительства, период *реконструкции* всего народного хозяйства на базе социализма. Этот новый период вызывает новые классовые сдвиги, обострение классовой борьбы. Он требует новых приемов борьбы, перегруппировки наших сил, улучшения и укрепления всех наших организаций. Несчастье группы т. Бухарина в том именно и состоит, что она живет в прошлом, она не видит характерных особенностей этого нового периода и не понимает необходимости новых приемов борьбы. Отсюда ее слепота, растерянность, паника перед трудностями.

а) О классовой борьбе

В чем состоит теоретическая основа этой слепоты и этой растерянности группы т. Бухарина?

Я думаю, что теоретической основой этой слепоты и растерянности является неправильный, немарксистский подход т. Бухарина к вопросу о классовой борьбе в нашей стране. Я имею в виду немарксистскую теорию т. Бухарина о вращении кулачества в социализм, непонимание механики классовой борьбы в обстановке диктатуры пролетариата.

Здесь цитировали несколько раз известное место из книжки т. Бухарина «Путь к социализму» о вращении кулачества в социализм. Но оно цитировалось здесь с некоторыми пропусками. Позвольте процитировать его полностью. Это необходимо, товарищи, для того, чтобы продемонстрировать всю глубину отхода т. Бухарина от марксистской теории классовой борьбы. Слушайте:

«Основная сеть наших кооперативных крестьянских организаций будет состоять из кооперативных ячеек не кулацкого, а «трудового» типа, ячеек, вращающихся в систему наших общегосударственных органов и становящихся таким путем звеньями *единой цепи социалистического хозяйства*. С другой стороны, *кулацкие кооперативные гнезда будут точно так же через банки и т. д. вращать в эту же систему*; но они будут до известной степени *чужеродным телом, подобно, например, концессионным предприятиям*» (Курсив мой — И. Ст.).

Цитируя это место из брошюры т. Бухарина, некоторые товарищи почему-то пропускали последнюю фразу о концессионерах. Тов. Розит, желая, видимо, помочь т. Бухарину, воспользовался этим и кричал здесь с места, что Бухарина искажают. А между тем суть всей цитаты состоит именно в последней фразе о концессионерах. Ибо если концессионеры ставятся на одну доску с кулаками, а кулаки вращаются в социализм, то что из этого получается? Из этого получается только одно, а именно, что концессионеры также вращаются в социализм, что не только кулаки, но и концессионеры вращаются в социализм. (*Общий смех.*)

Вот что получается из этого, т. Розит.

Розит. У т. Бухарина сказано — «чужеродным телом».

Сталин. У Бухарина сказано, т. Розит, не «чужеродным телом», а «до известной степени чужеродным телом». Стало быть, кулаки и концессионеры являются «до известной степени» чужеродным телом в системе социализма. Но в том-то именно и состоит ошибка т. Бухарина, что кулаки и концессионеры, будучи «до известной степени» чужеродным телом, все же врастают в социализм. Вот до какой чепухи доводит теория т. Бухарина. Капиталисты города и деревни, кулаки и концессионеры, врастающие в социализм, — вот до какой глупости договорился т. Бухарин. Нет, товарищи, не нужно нам такого «социализма». Пусть возьмет его себе т. Бухарин.

До сих пор мы, марксисты-ленинцы, думали, что между капиталистами города и деревни, с одной стороны, и между рабочим классом, с другой стороны, существует *непримиримая* противоположность интересов. На этом именно и зиждется марксистская теория классовой борьбы. А теперь, согласно теории Бухарина *о мирном вращении* капиталистов в социализм, все это переворачивается вверх дном, непримиримая противоположность классовых интересов эксплуататоров и эксплуатируемых исчезает, эксплуататоры врастают в социализм.

Розит. Неверно это, диктатура пролетариата предполагается.

Сталин. Но диктатура пролетариата есть самая острая форма классовой борьбы.

Розит. Вот в том-то и дело.

Сталин. А у Бухарина выходит, что в эту самую диктатуру пролетариата врастают капиталисты. Как же вы не понимаете этого, т. Розит? Против кого же надо вести борьбу, против кого же надо вести самую острую форму классовой борьбы, если капиталисты города и деревни врастают в систему диктатуры пролетариата? Диктатура пролетариата нужна для того, чтобы вести непримиримую борьбу с капиталистическими элементами, для того, чтобы подавлять буржуазию и вырвать капитализм с корнями. Но если капиталисты города и деревни, если кулак и концессионер врастают в социализм, нужна ли вообще после этого диктатура пролетариата, и если она нужна, то для подавления какого класса?

Розит. В том-то и дело, что вращение у Бухарина предполагает классовую борьбу.

Сталин. Я вижу, что т. Розит поклялся услужить т. Бухарину. Но услуга у него получается медвежья, ибо он, желая спасти Бухарина, на самом деле топит его без остатка. Недаром сказано, что «услужливый медведь опаснее врага». (*Общий хохот.*)

Одно из двух: либо между классом капиталистов и классом рабочих, пришедших к власти и организовавших свою диктатуру, имеется непримиримая противоположность интересов, либо этой противоположности интересов нет, и тогда остается одно — объявить гармонию классовых интересов.

Либо марксова теория борьбы классов, *либо* теория вращающегося капита-

листов в социализм. *Либо* непримиримая противоположность классовых интересов, *либо* теория гармонии классовых интересов. Одно из двух.

Можно еще понять «социалистов» типа Брентано или Сиднея Вебба, проповедующих вращение социализма в капитализм и капитализма в социализм, ибо эти «социалисты» являются на деле антисоциалистами, буржуазными либералами. Но нельзя понять человека, желающего быть марксистом и вместе с тем проповедующего теорию вращающегося капитализма в социализм.

Тов. Бухарин попытался в своей речи подкрепить теорию вращающегося кулака в социализм ссылкой на известную цитату из Ленина. При этом он утверждает, что Ленин говорит *то же самое*, что и Бухарин. Это неверно, товарищи. Это грубая и непозволительная клевета на Ленина. Вот текст этой цитаты из Ленина:

«Конечно, в нашей советской республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и «нэпманы», т. е. буржуазия» (Ленин, Как нам реорганизовать Рабкрин, Сочинения, т. XXVII, стр. 405).

Вы видите, что здесь нет ни одного слова насчет вращающегося капитализма в социализм. Здесь говорится лишь о том, что мы «допустили» к сотрудничеству рабочих и крестьян «на известных условиях» и нэпманов, т. е. буржуазию. Что это значит? Значит ли это, что мы тем самым допустили возможность вращающегося нэпмана в социализм? Конечно, не значит. Так могут толковать цитату из Ленина лишь люди, потерявшие стыд. Это значит лишь то, что мы буржуазию *сейчас* не уничтожаем, что мы ее *сейчас* не конфискуем, а допускаем ее существование на известных условиях, т. е. при безусловном подчинении законам диктатуры пролетариата, т. е. при возрастающем ограничении капиталистов, имеющем своей целью постепенное вытеснение их из народнохозяйственной жизни. Можно ли провести в жизнь вытеснение капиталистов и уничтожение корней капитализма без ожесточенной классовой борьбы? Нет, нельзя. Можно ли уничтожить классы при теории и практике вращающегося капитализма в социализм? Нет, нельзя. Такая теория и практика могут лишь культивировать и увековечить классы, ибо она, эта теория, противоречит теории классовой борьбы. Ну, а цитата из Ленина целиком и полностью базируется на марксистской теории классовой борьбы в обстановке диктатуры пролетариата. Что может быть общего между теорией Бухарина о вращающемся кулаке в социализм и между теорией Ленина о диктатуре, как об ожесточенной классовой борьбе? Ясно, что тут нет и не может быть ничего общего. Тов. Бухарин думает, что при диктатуре пролетариата классовая борьба должна *погаснуть* и *ликвидироваться* для того, чтобы получилось уничтожение классов. Ленин же, наоборот, учит, что классы могут быть уничтожены лишь путем упорной классовой борьбы, становящейся в условиях диктатуры пролетариата *еще более ожесточенной*, чем до диктатуры пролетариата.

«Уничтожение классов,— говорит Ленин,— дело долгой, трудной, упорной *классовой борьбы*, которая *после* свержения власти капитала, *после* разрушения буржуазного государства, *после* установления диктатуры пролета-

риата *не исчезает* (как воображают пошляки старого социализма и старой социал-демократии), а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее» (Ленин, Привет венгерским рабочим. Сочинения, т. XXIV, стр. 315).

Вот что говорит Ленин об уничтожении классов.

Уничтожение классов *путем жесточайшей классовой борьбы пролетариата*, — такова формула Ленина.

Уничтожение классов *путем потухания классовой борьбы и вставания капиталистов в социализм*, — такова формула т. Бухарина.

Что может быть общего между этими двумя формулами? Ясно, что между ними нет и не может быть ничего общего.

Бухаринская теория вставания кулаков в социализм представляет, таким образом, отход от марксистско-ленинской теории классовой борьбы. Она есть приближение к теории катедер-социализма.

В этом основа всех ошибок т. Бухарина и его друзей.

Могут сказать, что не стоит долго распространяться о бухаринской теории вставания кулаков в социализм, так как она сама говорит — и не только говорит, а кричит — против т. Бухарина. Это неверно, товарищи! Пока эта теория лежала под спудом, можно было не обращать на нее внимания: мало ли какие глупости имеются в писаниях различных товарищей! Мы так и поступали до последнего времени. Но в последнее время обстановка несколько изменилась. Мелко-буржуазная стихия, разыгравшаяся в последние годы, стала одухотворять эту антимарксистскую теорию, придавая ей актуальный характер. Теперь уже нельзя сказать, что она лежит под спудом. Теперь она, эта странная теория т. Бухарина, имеет претензию стать знаменем правого уклона в нашей партии, знаменем оппортунизма. Поэтому мы не можем уже пройти мимо этой теории. Поэтому мы обязаны ее расколотить как теорию неправильную и вредную, для того чтобы облегчить нашим партийным товарищам борьбу с правым уклоном.

б) Об обострении классовой борьбы

Вторая ошибка т. Бухарина, вытекающая из первой его ошибки, состоит в неправильном, в немарксистском подходе к вопросу об обострении классовой борьбы, об усилении сопротивления капиталистических элементов социалистической политике Советской власти. О чем идет здесь речь? Не о том ли, что капиталистические элементы растут быстрее, чем социалистический сектор нашего хозяйства, и что ввиду этого они усиливают свое сопротивление, подрывая социалистическое строительство? Нет, не об этом. Да к тому же неверно, что капиталистические элементы растут будто бы быстрее социалистического сектора. Если бы это было верно, то социалистическое строительство было бы уже на краю гибели. Речь идет о том, что социализм успешно наступает на капиталистические элементы, социализм растет *быстрее* капиталистических элементов, удельный вес капиталистических элементов ввиду этого *падает*, и именно потому, что удельный вес капиталистических элементов *падает*, капиталистические элементы чувствуют смертельную опасность и усиливают свое

сопротивление. А усилить свое сопротивление они пока еще имеют возможность не только потому, что мировой капитализм оказывает им поддержку, но и потому, что, несмотря на падение их удельного веса, несмотря на снижение их относительного роста в сравнении с ростом социализма, абсолютный рост капиталистических элементов все же происходит, и это дает им известную возможность накапливать силы для того, чтобы сопротивляться росту социализма. На этой основе и возникают *на данной стадии развития, при данных условиях* соотношения сил, обострение классовой борьбы и усиление сопротивления капиталистических элементов города и деревни. Ошибка т. Бухарина и его друзей состоит в том, что они не понимают этой простой и очевидной истины. Их ошибка состоит в том, что они подходят к делу не по-марксистски, а по-обывательски, пытаясь объяснить обострение классовой борьбы всякого рода случайными причинами, скажем «негодностью» советского аппарата, «неосторожной» политикой местных товарищей, «отсутствием» гибкости, «перегибами» и т. д. и т. п.

Вот, например, цитата из брошюры т. Бухарина «Путь к социализму», демонстрирующая совершенно немарксистский подход к вопросу об обострении классовой борьбы:

«То тут, то там классовая борьба в деревне вспыхивает в прежних своих проявлениях, при чем это обострение вызывается обычно кулацкими элементами. Когда, например, кулаки или наживающиеся за чужой счет и пролезшие в органы Советской власти люди начинают стрелять по селькорам, — это есть проявление классовой борьбы в самой острой форме. (Это неверно, так как самая острая форма борьбы есть восстание. — *И. Сталин.*) Однако, такие случаи бывают обычно там, где еще советский местный аппарат является слабым. *По мере удушения этого аппарата*, по мере укрепления всех низовых ячеек Советской власти, по мере улучшения и усиления местных деревенских партийных и комсомольских организаций *такого рода явления* будут, как это совершенно очевидно, становиться все более редкими, в конце концов *бесследно исчезнут*» (Курсив мой — *И. Ст.*).

Выходит, таким образом, что обострение классовой борьбы объясняется причинами аппаратного характера, годностью или негодностью, слабостью или силой наших низовых организаций. Выходит, например, что вредительство шахтинских буржуазных интеллигентов, которое есть форма сопротивления буржуазных элементов Советской власти и форма обострения классовой борьбы, объясняется не соотношением классовых сил, не ростом социализма, а негодностью нашего аппарата. Выходит, что до появления массового вредительства в шахтинском районе аппарат был у нас хороший, а потом, в момент проявления массового вредительства, аппарат стал почему-то никуда негодным. Выходит, что до прошлого года, когда заготовки шли самотеком и особого обострения классовой борьбы не было у нас, наши организации на местах были хороши или даже идеальны, а с прошлого года, когда сопротивление кулачества приняло особо острые формы, наши организации стали вдруг плохими и никуда негодными. Это не объяснение, а издевка над объяснением. Это не наука, а знахарство.

Чем объясняется это обострение?

Двумя причинами.

Во-первых, нашим продвижением вперед, нашим наступлением, ростом социалистических форм хозяйства и в промышленности и в сельском хозяйстве, ростом, который сопровождается соответствующим вытеснением соответствующих отрядов капиталистов города и деревни. Дело обстоит так, что мы живем по формуле Ленина — «кто кого»: мы ли их, капиталистов, положим на обе лопатки и дадим им, как выражался Ленин, последний решительный бой, или они нас положат на обе лопатки.

Во-вторых, тем, что капиталистические элементы не хотят добровольно уходить со сцены: они сопротивляются и будут сопротивляться социализму, ибо видят, что наступают последние дни их существования. А сопротивляться они могут пока еще, так как, несмотря на падение их удельного веса, абсолютно они все-таки растут: мелкая буржуазия, городская и деревенская, выделяет из своей среды, как говорил Ленин, ежедневно, ежечасно капиталистов и капиталистиков, и они, эти капиталистические элементы, принимают все меры к тому, чтобы отстоять свое существование.

Не бывало еще в истории таких случаев, чтобы умирающие классы добровольно уходили со сцены. Не бывало еще в истории таких случаев, чтобы умирающая буржуазия не испробовала всех остатков своих сил для того, чтобы отстоять свое существование. Хорошо ли будет у нас низовой советский аппарат или плох, наше продвижение вперед, наше наступление будет сокращать капиталистические элементы и вытеснять их, а они, умирающие классы, будут сопротивляться, несмотря ни на что.

Вот в чем социальная основа обострения классовой борьбы. Ошибка т. Бухарина и его друзей состоит в том, что они рост сопротивления капиталистов отождествляют с ростом их удельного веса. Но это отождествление не имеет под собой никакой почвы. Не имеет почвы, так как если они, капиталисты, сопротивляются, то это вовсе не значит, что они стали сильнее, чем мы. Дело обстоит как раз наоборот. Отживающие классы сопротивляются не потому, что они стали сильнее, чем мы, а потому, что социализм растет быстрее, чем они, и они становятся слабее, чем мы. И именно потому, что они становятся слабее, они чувствуют последние дни своего существования и вынуждены сопротивляться всеми силами, всеми средствами.

Вот в чем механика обострения классовой борьбы и сопротивления капиталистов в данный исторический момент.

В чем должна состоять политика партии ввиду такого положения вещей?

Она должна состоять в том, чтобы будить рабочий класс и эксплуатироваемые массы деревни, подымать их боеспособность и развивать их мобилизационную готовность для борьбы против капиталистических элементов города и деревни, для борьбы против сопротивляющихся классовых врагов. Марксистско-ленинская теория борьбы классов тем, между прочим, и хороша, что она облегчает мобилизацию рабочего класса против врагов диктатуры пролетариата.

В чем состоит вред бухаринской теории вrastания капиталистов в социализм и бухаринского понимания вопроса об обострении классовой борьбы?

В том, что она усыпляет рабочий класс, подрывает мобилизационную готовность революционных сил нашей страны, демобилизует рабочий класс и облегчает наступление капиталистических элементов против Советской власти.

в) О крестьянстве

Третья ошибка т. Бухарина касается вопроса о крестьянстве. Известно, что вопрос о крестьянстве является у нас одним из важнейших вопросов в нашей политике. Крестьянство в наших условиях состоит из различных социальных группировок, а именно: из бедноты, середняков и кулаков. Понятно, что наше отношение к этим группировкам не может быть одинаково. Беднота как *опора* рабочего класса, середняк как *союзник* и кулак как *классовый враг*, — таково наше отношение к этим социальным группировкам. Все это понятно и общеизвестно. Однако, т. Бухарин смотрит на это дело несколько иначе. При характеристике крестьянства у него выпадает факт дифференциации, исчезает куда-то наличие социальных группировок и остается лишь одно серое пятно, называемое деревней. У него и кулак — не кулак, и середняк — не середняк, а какая-то сплошная нищета в деревне. Он так и говорил здесь в своей речи: разве наш кулак может быть назван кулаком? Да это ведь нищий, — говорил он. А наш середняк — разве он похож на середняка? — заявлял здесь т. Бухарин. — Это ведь нищий, живущий впроголодь. Понятно, что такой взгляд на крестьянство является в корне ошибочным взглядом, несовместимым с ленинизмом

Ленин говорил, что крестьянство есть *последний капиталистический класс*. Верно ли это положение? Да, безусловно верно. Почему крестьянство квалифицируется как последний капиталистический класс? Потому, что из двух основных классов, из которых состоит наше общество, крестьянство является тем классом, хозяйство которого базируется на частной собственности и мелком товарном производстве. Потому, что крестьянство, пока оно остается крестьянством, ведущим мелкотоварное производство, выделяет и не может не выделять из своей среды капиталистов постоянно и непрерывно. Это обстоятельство имеет для нас решающее значение в вопросе о нашем марксистском отношении к проблеме союза рабочего класса и крестьянства. Это значит, что нам нужен не *всякий* союз с крестьянством, а лишь такой *союз*, который базируется на борьбе с капиталистическими элементами крестьянства. Как видите, тезис Ленина о крестьянстве, как о последнем капиталистическом классе, не только не противоречит идее союза рабочего класса и крестьянства, а, наоборот, дает этому союзу основание как союзу рабочего класса и крестьянства, направленному против капиталистических элементов нашего хозяйства. Ленин выставил этот тезис для того, чтобы показать, что союз рабочего класса и крестьянства может быть прочным лишь в том случае, если он базируется на борьбе с теми самыми капиталистическими элементами, которые выделяет из себя крестьянство.

Ошибка т. Бухарина состоит в том, что он не понимает и не приемлет этой простой вещи, он забывает о социальных группировках в деревне, у него исчезают из поля зрения кулаки и беднота и остается одна лишь сплошная середняцкая масса. Это есть несомненный уклон т. Бухарина вправо в противоположность «левому», троцкистскому уклону, который не видит в деревне других социальных группировок, кроме бедноты и кулаков, и у которого исчезают из поля зрения середняки.

В чем состоит разница между троцкизмом и группой т. Бухарина в вопросе о союзе с крестьянством? В том, что троцкизм высказывается *против* политики *прочного* союза с середняцкими массами крестьянства, а бухаринская группа стоит *за всякий* союз с крестьянством. Нечего и доказывать, что обе эти установки неправильны и они стоят друг друга.

Ленинизм безусловно стоит за прочный союз с основными массами крестьянства, за союз с середняками, но не за всякий союз, а за такой союз с середняками, который обеспечивает *руководящую роль* рабочего класса, *укрепляет* диктатуру пролетариата и *облегчает* дело уничтожения классов.

«Под соглашением между рабочим классом и крестьянством,— говорит Ленин,— можно понимать что угодно. Если не иметь в виду, что соглашение, с точки зрения рабочего класса, лишь тогда является допустимым, правильным и принципиально возможным, когда оно поддерживает диктатуру рабочего класса и является одной из мер, направленных к уничтожению классов, то формула соглашения рабочего класса с крестьянством, конечно, остается формулой, которую все враги Советской власти и все враги диктатуры в своих взглядах и проводят» (Ленин, Сочинения, том XXVI, стр. 387).

И далее:

«Теперь,— говорит Ленин,— пролетариат держит в руках власть и руководит ею. Он руководит крестьянством. Что это значит — руководить крестьянством? Это значит, во-первых, вести линию на уничтожение классов, а не на мелкого производителя. Если бы мы с этой линии, коренной и основной, сбились, тогда мы перестали бы быть социалистами и попали бы в лагерь тех мелких буржуа, в лагерь эс-эров и меньшевиков, которые являются сейчас самыми злейшими врагами пролетариата» (Там же, стр. 399-400).

Вот она, точка зрения Ленина по вопросу о союзе с основными массами крестьянства, о союзе с середняками.

Ошибка группы т. Бухарина по вопросу о середняке состоит в том, что она не видит двойственной природы, двойственного положения середняка между рабочим классом и между капиталистами. «Средняк есть класс колеблющийся», говорил Ленин. Почему? Потому, что середняк, с одной стороны, труженик, что сближает его с рабочим классом, а с другой стороны — собственник, что сближает его с кулаком. Отсюда — колебания середняка. И это верно не только теоретически. Эти колебания проявляются также на практике ежедневно, ежечасно.

«Крестьянин,— говорит Ленин,— как труженик, тянет к социализму, предпочитая диктатуру рабочих диктатуре буржуазии. Крестьянин, как про-

давец хлеба, тянет к буржуазии, к свободной торговле, т. е. назад к «привычному» старому, «исконному» капитализму» (Ленин, Сочинения, том XXIV, стр. 314).

Поэтому союз с середняком может быть прочным лишь в том случае, если он направлен против капиталистических элементов, против капитализма вообще, если он обеспечивает руководящую роль рабочего класса в этом союзе, если он облегчает дело уничтожения классов.

Странно, что группа т. Бухарина забывает об этих простых и понятных вещах.

г) О нэпе и рыночных отношениях

Четвертая ошибка т. Бухарина касается вопроса о нэпе. Ошибка т. Бухарина состоит здесь в том, что он не видит двусторонности нэпа, он видит только одну сторону нэпа. Когда мы вводили нэп в 1921 г., мы направляли тогда его острие против военного коммунизма, против такого режима и порядков, которые исключают *какую бы то ни было* свободу торговли. Мы считали и считаем, что нэп означает *известную* свободу торговли. Эту сторону дела т. Бухарин запомнил. И это очень хорошо. Но т. Бухарин ошибается, полагая, что эта сторона дела исчерпывает нэп. Тов. Бухарин забывает, что нэп имеет еще другую сторону. Дело в том, что нэп вовсе не означает *полной* свободы торговли, *свободной* игры цен на рынке. Нэп есть свобода торговли в *известных* пределах, в *известных* рамках, *при обеспечении регулирующей роли государства и его роли на рынке*. В этом именно и состоит вторая, сторона нэпа. При чем эта сторона нэпа не менее, если не более, важна, чем первая его сторона. У нас нет на рынке свободной игры цен, как это бывает обычно в капиталистических странах. Мы определяем цены на хлеб в основном. Мы определяем цены на промтовары. Мы стараемся проводить политику снижения себестоимости и снижения цен на промтовары, стремясь сохранить стабильность цен на продукты сельского хозяйства. Разве не ясно, что таких особых и специфических порядков на рынке не бывает вообще в капиталистических странах.

Из этого следует, что, пока есть нэп, должны быть сохранены обе его стороны: и первая сторона, направленная против режима военного коммунизма и имеющая своей целью обеспечение *известной* свободы торговли, и вторая сторона, направленная против *полной* свободы торговли и имеющая своей целью обеспечение регулирующей роли государства на рынке. Уничтожьте одну из этих сторон, — и у вас не будет нэпа.

Тов. Бухарин думает, что нэпу может угрожать опасность лишь «слева», со стороны людей, желающих ликвидировать *всякую* свободу торговли. Это неверно. Это грубейшая ошибка. К тому же такая опасность сейчас менее всего реальна, ибо у нас нет, или почти нет, теперь таких людей в наших местных и центральных организациях, которые бы не понимали всей необходимости и целесообразности сохранения *известной* свободы торговли. Гораздо более реальна опасность справа, опасность со стороны людей, желающих ликвидировать регулирующую роль государства на рынке, желающих «раскрепостить» рынок и открыть таким образом эру

полной свободы торговли. Не может быть никакого сомнения, что эта опасность срыва нэпа справа гораздо более реальна теперь. Не следует забывать, что мелко-буржуазная стихия работает в этом именно направлении, — в направлении срыва нэпа справа. Следует также помнить, что вопли кулаков и зажиточных элементов, вопли спекулянтов и скупщиков, которым поддаются нередко многие наши товарищи, бомбардируют нэп с этой именно стороны. Тот факт, что т. Бухарин не видит этой второй, действительно реальной, опасности срыва нэпа, — этот факт с несомненностью говорит о том, что он поддался давлению мелко-буржуазной стихии.

Тов. Бухарин предлагает «нормализацию» рынка и «маневрирование» заготовительными ценами на хлеб по районам, т. е. повышение цен на хлеб. Что это значит? Это значит, что его не удовлетворяют советские условия рынка, он хочет спустить на тормозах регулирующую роль государства на рынке и предлагает пойти на уступки мелко-буржуазной стихии, срывающей нэп справа.

Допустим на минутку, что мы последовали советам т. Бухарина. Что из этого получится? Мы поднимаем цены на хлеб, скажем, осенью, в начале заготовительного периода. Но так как всегда имеются на рынке люди, всякие спекулянты и скупщики, которые могут заплатить за хлеб втрое больше, и так как мы не можем угнаться за спекулянтами, ибо они покупают всего какой-нибудь десяток миллионов пудов, а нам надо покупать сотни миллионов пудов, то держатели хлеба все равно будут придерживать хлеб, ожидая дальнейшего повышения цен. Стало быть, нам надо вновь прибавить цену на хлеб к весне, когда главным образом и начинается основная нужда государства в хлебе. Но что значит повысить цену на хлеб весной? Это значит зарезать бедноту и маломощные слои деревни, которые сами вынуждены покупать хлеб весной, отчасти для семян, отчасти для еды, тот самый хлеб, который они продали осенью по более дешевой цене. Сможем ли мы добиться чего-нибудь серьезного в результате этих операций в смысле получения достаточного количества хлеба? Вероятнее всего, что не сможем, так как всегда найдутся спекулянты и скупщики, которые сумеют вновь заплатить за тот же хлеб вдвое и втрое больше. Стало быть, мы должны быть готовы к новому повышению цен на хлеб, тщетно стараясь перекрыть спекулянтов и скупщиков.

Но из этого выходит, что, раз став на путь повышения цен на хлеб, мы должны и дальше катиться вниз, не имея гарантии получить достаточное количество хлеба.

Но дело на этом не кончается. Во-первых, подымая *заготовительные* цены на хлеб, мы должны будем потом поднять цены и на сырье, чтобы сохранить известную пропорцию в ценах на продукты сельского хозяйства. Во-вторых, повышая заготовительные цены на хлеб, мы не сможем сохранить низкую цену на хлеб в городах, — стало быть, должны будем поднять и *продажные* цены на хлеб. А так как мы не можем и не должны обидеть рабочих, — мы должны ускоренным темпом повышать зарплату. Но это не может не повести к тому, чтобы повысить цены и на промтовары, ибо в противном случае может получиться перекачка средств из города в деревню вопреки

интересам индустриализации. В результате мы должны будем выравнивать цены на промтовары и сельско-хозяйственные продукты не на базе *снижающихся* или по крайней мере стабилизированных цен, а на базе *повышающихся* цен как на хлеб, так и на промтовары. Иначе говоря, мы должны будем держать курс на *вздорожание* промтоваров и сельско-хозяйственных продуктов. Нетрудно понять, что такое «маневрирование» ценами не может не привести к полной ликвидации советской политики цен, к ликвидации регулирующей роли государства на рынке и к полному развязыванию мелко-буржуазной стихии. Кому это будет выгодно? Только зажиточным слоям города и деревни, ибо дорогие промтовары и сельско-хозяйственные продукты не могут не стать недоступными как для рабочего класса, так и для бедноты и маломощных слоев деревни. Выигрывают кулаки и зажиточные, нэпманы и другие состоятельные классы.

Это тоже будет смычка, но смычка своеобразная — смычка с состоятельными слоями деревни и города. Рабочие и маломощные слои деревни будут иметь полное право спросить нас: чья мы власть, рабоче-крестьянская или кулацко-нэпманская?

Разрыв с рабочим классом и с маломощными слоями деревни, смычка с зажиточными слоями деревни и города — вот к чему должны привести бухаринская «нормализация» рынка и «маневрирование» ценами на хлеб по районам.

Ясно, что партия не может стать на этот гибельный путь.

До чего спутались у т. Бухарина все понятия о нэпе и до чего он крепко засел в плен мелко-буржуазной стихии, — это видно, между прочим, из того более чем отрицательного отношения, которое он проявляет к вопросу о новых формах товарооборота между городом и деревней, между государством и крестьянством. Он возмущен и вопит против того, что государство стало поставщиком товаров для крестьянства, а крестьянство становится поставщиком хлеба для государства. Он считает это нарушением всех правил нэпа, чуть ли не срывом нэпа. Почему, спрашивается, на каком основании? Что может быть плохого в том, что государство, государственная промышленность является поставщиком товаров для крестьянства, а крестьянство — поставщиком хлеба для промышленности, для государства? Что может быть плохого с точки зрения марксизма и марксистской политики нэпа в том, что крестьянство уже *превратилось* в поставщика хлопка, свеклы, льна для нужд государственной промышленности, а государственная промышленность — в поставщика городских товаров, семян и орудий производства для этих отраслей сельского хозяйства? Метод контрактации является здесь основным методом установления этих новых форм товарооборота между городом и деревней. Но разве метод контрактации противоречит требованиям нэпа? Что может быть плохого в том, что крестьянство *становится* поставщиком государства и по линии хлеба, а не только по линии хлопка, свеклы, льна, благодаря тому же методу контрактации? Почему торговля мелкими партиями, торговля мелочная может называться товарооборотом, а торговля крупными партиями по заранее составленным договорам (контрактация) насчет цен и качества товара не может считаться товаро-

оборотом? Откуда эта несообразность? Разве трудно понять, что эти новые массовые формы товарооборота по методу контрактации между городом и деревней возникли именно на основе нэпа, что они являются крупнейшим шагом вперед со стороны наших организаций в смысле усиления планового, социалистического руководства народным хозяйством?

Не странно ли, что т. Бухарин разучился понимать эти простые и понятные вещи?

д) О темпе развития индустрии и новых формах смычки

Наконец, вопрос о темпе развития индустрии и о новых формах смычки между городом и деревней. Этот вопрос является одним из важнейших вопросов наших разногласий. Важность этого вопроса состоит в том, что в нем сосредоточены все нити наших *практических* разногласий по вопросам хозяйственной политики партии.

Что такое новые формы смычки, что это означает с точки зрения нашей хозяйственной политики?

Это означает прежде всего, что кроме старых форм смычки между городом и деревней, когда промышленность удовлетворяла главным образом *личные* потребности крестьянина (ситец, обувь, вообще мануфактура и т. д.), нам нужны еще новые формы смычки, когда промышленность будет удовлетворять *производственные* нужды крестьянского хозяйства (сельско-хозяйственные машины, тракторы, улучшенные семена, удобрение и т. д.). Если мы раньше удовлетворяли *главным образом* личные потребности крестьянина, мало задевая производственные нужды его хозяйства, то теперь, продолжая удовлетворять личные потребности крестьянина, нам нужно налегать во-всю на снабжение сельско-хозяйственными машинами, тракторами, удобрениями и т. д., имеющими прямое отношение к реконструкции сельско-хозяйственного производства на новой технической базе. Пока дело шло о *восстановлении* сельского хозяйства и освоении крестьянами бывших помещичьих и кулацких земель, мы могли довольствоваться старыми формами смычки. Но теперь, когда дело идет о *реконструкции* сельского хозяйства, этого уже недостаточно. Теперь надо идти дальше, помогая крестьянству перестроить сельско-хозяйственное производство на базе новой техники и коллективного труда.

Это означает, во-вторых, что наряду с перевооружением нашей промышленности мы должны начать серьезно перевооружать и сельское хозяйство. Мы перевооружаем и отчасти уже перевооружили нашу промышленность, подводя под нее новую техническую базу, снабжая ее новыми улучшенными машинами, новыми улучшенными кадрами. Мы строим новые заводы и фабрики, мы реконструируем и расширяем старые, мы развиваем металлургию, химию, машиностроение. На этой основе растут города, множатся новые промышленные пункты, расширяются старые. На этой базе растет спрос на продовольственные продукты, на сырье для промышленности. А сельское хозяйство остается при старых орудиях, при старых, дедовских, методах обработки земли, при старой, примитивной, теперь уже негодной или почти негодной технике, при старых мелко-крестьянских инди-

видуальных формах хозяйствования и труда. Чего стоит, например, тот факт, что до революции было у нас около 16 млн. дворов, а теперь их имеется не менее 25 млн.? О чем говорит все это, как не о том, что сельское хозяйство принимает все более распыленный, раздробленный характер. А характерная черта распыленных мелких хозяйств состоит в том, что они не в силах в должной мере использовать технику, машины, тракторы, данные агрономической науки, что они являются хозяйствами малотоварными. Отсюда недостаток товарного выхода сельско-хозяйственных продуктов. Отсюда опасность разрыва между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством. Отсюда необходимость подтянуть, подогнать сельское хозяйство к темпу развития нашей индустрии. И вот, чтобы не было этой опасности разрыва, надо начать по-серьезному перевооружать сельское хозяйство на базе новой техники. А чтобы его перевооружить, надо постепенно объединять раздробленные крестьянские хозяйства в крупные хозяйства, в коллективы, надо строить сельское хозяйство на базе коллективного труда, надо укрупнять коллективы, надо развивать старые и новые совхозы, надо систематически применять массовые формы контрактации ко всем основным отраслям сельского хозяйства, надо развивать систему машинно-тракторных станций, помогающих крестьянству осваивать новую технику и коллективизировать труд,— словом, надо постепенно переводить мелкие крестьянские хозяйства на базу крупного коллективного производства, ибо только крупное производство общественного типа способно использовать во-всю данные науки и новой техники и двинуть вперед семимильными шагами развитие нашего сельского хозяйства.

Это не значит, конечно, что мы должны забросить индивидуальное бедняцко-средняцкое крестьянское хозяйство. Нет, не значит. Индивидуальное бедняцко-средняцкое хозяйство в деле снабжения промышленности продовольствием и сырьем играет и будет еще играть в ближайшем будущем преобладающую роль. Именно поэтому необходимо поддерживать индивидуальное бедняцко-средняцкое хозяйство. Но это значит, что одного лишь индивидуального крестьянского хозяйства уже недостаточно. Об этом говорят наши хлебозаготовительные затруднения. Поэтому развитие индивидуального бедняцко-средняцкого хозяйства надо *дополнить* всемерным развитием коллективных форм хозяйства и совхозов. Поэтому нужно проложить мост между индивидуальным бедняцко-средняцким хозяйством и коллективными общественными формами хозяйства в виде массовой контрактации, в виде машинно-тракторных станций, в виде всемерного развития кооперативной общественности, с тем, чтобы облегчить крестьянам перевести свое мелкое индивидуальное хозяйство на рельсы коллективного труда. Без этих условий невозможно серьезное развитие сельского хозяйства. Без этих условий невозможно разрешение зерновой проблемы. Без этих условий невозможно избавление маломощных слоев крестьянства от бедности, от нищеты.

Это означает, наконец, что надо всемерно развивать нашу индустрию, как основной источник питания сельско-хозяйственного производства, по линии его реконструкции, надо развивать металлургию, химию, машиностро-

ение, надо строить тракторные заводы, заводы сельско-хозяйственных машин и т. д. Нет нужды доказывать, что невозможно развивать колхозы, невозможно развивать машинно-тракторные станции, не подтягивая основные массы крестьянства к коллективным формам хозяйствования через массовую контрактацию, не снабжая сельское хозяйство изрядным количеством тракторов, сельско-хозяйственных машин и т. д. Но снабжать деревню машинами и тракторами невозможно, не развивая нашу индустрию усиленным темпом. Отсюда быстрый темп развития нашей индустрии как ключ к реконструкции сельского хозяйства на базе коллективизма.

Таковы смысл и значение новых форм смычки.

Группа т. Бухарина вынуждена признать словесно необходимость новых форм смычки. Но это есть лишь *словесное* признание, рассчитанное на то, чтобы под флагом словесного признания новых форм смычки протащить нечто *прямо противоположное*. На самом деле т. Бухарин стоит против новых форм смычки. У т. Бухарина исходным пунктом является не быстрый темп развития индустрии, как рычага реконструкции сельско-хозяйственного производства, а развитие индивидуального крестьянского хозяйства. У него на первом плане «нормализация» рынка и допущение свободной игры цен на рынке сельскохозяйственных продуктов, допущение, по сути дела, полной свободы торговли. Отсюда его недоверчивое отношение к колхозам, что сказалось в его речи на июльском пленуме ЦК и в его тезисах перед июльским пленумом ЦК. Отсюда его отрицательное отношение ко всем и всяким формам чрезвычайных мер при заготовке хлеба против кулачества. Известно, что т. Бухарин убегает от чрезвычайных мер, как чорт от лада. Известно, что т. Бухарин все еще не может понять, что при нынешних условиях кулак не будет сдавать достаточное количество хлеба добровольно, в порядке самотека. Это доказано теперь двухлетним опытом нашей заготовительной работы.

Ну, а как быть, если все же нехватит товарного хлеба? Бухарин отвечает на это: не тревожьте кулака чрезвычайными мерами и ввезите хлеб из-за границы. Он еще недавно предлагал ввезти хлеб из-за границы миллионов 50 пудов, т. е. миллионов на 100 рублей валютной. А если валюта нужна для того, чтобы ввезти оборудование для индустрии? Бухарин отвечает на это: надо дать предпочтение ввозу хлеба из-за границы, отставив, очевидно, на задний план ввоз оборудования для промышленности.

Выходит, таким образом, что основой разрешения зерновой проблемы и реконструкции сельского хозяйства является не быстрый темп развития индустрии, а развитие индивидуального крестьянского хозяйства, включая сюда и кулацкое хозяйство, на базе свободного рынка и свободной игры цен на нем

Таким образом мы имеем дело с двумя различными планами хозяйственной политики.

Планпартии:

1. Мы перевооружаем (реконструкция) промышленность.
2. Мы начинаем серьезно перевооружать сельское хозяйство (реконструкция).

3. Для этого надо расширять строительство колхозов и совхозов, массовое применение контрактации и машинно-тракторных станций как средства установления *производственной смычки* менаду индустрией и сельским хозяйством.

4. Что касается хлебозаготовительных затруднений в данный момент, то необходимо признать допустимость временных чрезвычайных мер, подкрепленных общественной поддержкой середнячко-бедняцких масс, как одно из средств сломить сопротивление кулачества и взять у него максимально хлебные излишки, необходимые для того, чтобы обойтись без импорта хлеба и сохранить валюту для развития индустрии.

5. Индивидуальное беднячко-середняцкое хозяйство играет и будет еще играть преобладающую роль в деле снабжения страны продовольствием и сырьем, но оно одно лишь уже недостаточно, — развитие индивидуального беднячко-середняцкого хозяйства надо *дополнить* поэтому развитием колхозов и совхозов, массовой контрактацией, усиленным развитием машинно-тракторных станций для того, чтобы облегчить вытеснение капиталистических элементов из сельского хозяйства и постепенный перевод индивидуальных крестьянских хозяйств на рельсы крупных коллективных хозяйств, на рельсы коллективного труда.

6. Но чтобы добиться всего этого, необходимо прежде всего усилить развитие индустрии, металла, химии, машиностроения, тракторных заводов, заводов сельско-хозяйственных машин и т. д. Без этого невозможны разрешение зерновой проблемы и реконструкция сельского хозяйства.

Вывод: ключом реконструкции сельского хозяйства является быстрый темп развития нашей индустрии. Плант. Бухарина:

1. «Нормализация» рынка, допущение свободной игры цен на рынке и повышение цен на хлеб, не останавливаясь перед тем, что это может повести к вздорожанию промтоваров, сырья, хлеба.

2. Всемерное развитие индивидуального крестьянского хозяйства при известном сокращении темпа развития колхозов и совхозов (тезисы т. Бухарина в июле, речь Бухарина на июльском пленуме).

3. Заготовки путем самотека, исключаящие всегда и при всяких условиях даже частичное применение чрезвычайных мер против кулачества, если даже эти меры поддерживаются середнячко-бедняцкой массой.

4. В случае недостачи хлеба — ввоз хлеба миллионов на 100 рублей.

5. А если валюты нехватит на то, чтобы покрыть и ввоз хлеба и ввоз оборудования для промышленности, то надо сократить ввоз оборудования, а значит и темп развития нашей индустрии, — иначе у нас будет «топтанье на месте», а то и «прямое падение вниз» сельского хозяйства.

Вывод: ключом реконструкции сельского хозяйства является развитие индивидуального крестьянского хозяйства.

Вот как оборачивается дело, товарищи!

План т. Бухарина есть план *снижения* темпа развития индустрии и *подрыва* новых форм смычки.

Таковы наши разногласия.

Не опоздали ли мы с развитием новых форм смычки, с развитием колхозов, совхозов и т. д.?

Есть люди, утверждающие, что партия опоздала по крайней мере года на два с этим делом. Это неверно, товарищи. Это совершенно неверно. Так могут говорить только «левые» крикуны, не имеющие представления об экономике СССР. Что значит опоздать в этом деле? Если речь идет о том, чтобы предвидеть необходимость колхозов и совхозов, то это дело мы начали еще во время Октябрьского переворота. Что партия предвидела необходимость колхозов и совхозов еще тогда, в период Октябрьского переворота, — в этом не может быть никакого сомнения. Можно, наконец, взять нашу программу, принятую на VIII съезде партии (март 1919 г.). Необходимость колхозов и совхозов учтена там со всей ясностью. Но одного лишь предвидения необходимости колхозов и совхозов со стороны руководящей верхушки нашей партии недостаточно для того, чтобы провести в жизнь и организовать *массовое движение* за колхозы и совхозы. Стало быть, речь идет не о предвидении, а об *осуществлении* плана колхозно-совхозного строительства. Но для осуществления такого плана требуется целый ряд условий, которых у нас не было до сих пор и которые появились лишь в последнее время. Вот в чем дело, товарищи.

Чтобы провести план массового движения за колхозы и совхозы, для этого необходимо прежде всего, чтобы партийную верхушку поддержала в этом деле прежде всего партия в *своей массе*. А партия у нас миллионная, как известно. Следовательно, нужно было убедить широкие партийные массы в правильности политики руководящей верхушки. Это — во-первых.

Для этого необходимо, далее, чтобы в недрах крестьянства создалось массовое движение за колхозы, чтобы крестьянство не боялось колхозов, а само шло в колхозы, убеждаясь на опыте в преимуществе колхозов перед индивидуальным хозяйством. А это — дело серьезное, требующее известного времени. Это — во-вторых.

Для этого необходимо, далее, чтобы были у государства материальные средства, необходимые для финансирования движения, для финансирования колхозов и совхозов. А на это дело нужны сотни и сотни миллионов, дорогие товарищи. Это — в-третьих.

Для этого необходимо, наконец, чтобы была развита индустрия в более или менее достаточной мере, необходимой для того, чтобы снабжать сельское хозяйство машинами, тракторами, удобрениями и т. д. Это — в-четвертых.

Можно ли утверждать, что у нас были уже все эти условия года два или три назад? Нет, нельзя утверждать этого.

Нельзя забывать, что мы представляем партию *правлящую, а не оппозиционную*. Оппозиционная партия может давать лозунги, — я говорю о коренных практических лозунгах движения, — с тем, чтобы осуществить их после своего прихода к власти. Никто не может обвинять оппозиционную партию в том, что она не осуществляет своих коренных лозунгов немедленно, так как все понимают, что у руля стоит не она, оппозиционная партия, а другие партии. Совершенно иначе обстоит дело с партией правящей, какую пред-

ставляет наша большевистская партия. Лозунги такой партии представляют не простые (агитационные) лозунги, а нечто гораздо большее, ибо они имеют силу *практического решения, силу закона*, которые нужно проводить теперь же. Наша партия не может дать практический лозунг и потом отложить его проведение в жизнь. Это было бы обманом масс. Чтобы дать лозунг, особенно такой серьезный лозунг, как перевод миллионных масс крестьянства на рельсы коллективизма, надо иметь условия для их прямого осуществления, надо, наконец, создать, организовать эти условия. Вот почему для нас недостаточно одного лишь предвидения необходимости колхозов и совхозов со стороны партийной верхушки. Вот почему нам нужны условия, необходимые для того, чтобы *осуществить, провести в жизнь* наши лозунги.

Была ли наша партия в *своей массе* готова ко всемерному развитию колхозов и совхозов, скажем, года два или три назад? Нет, она не была еще к этому готова. Серьезный поворот в партийных массах в сторону новых форм смычки начался лишь с первых серьезных хлебозаготовительных затруднений. Понадобились эти затруднения для того, чтобы партия в массе ощутила всю необходимость форсирования новых форм смычки, и прежде всего колхозов и совхозов, и решительно поддержала в этом деле свой ЦК. Вот вам одно условие, которого не было у нас раньше и которое имеется теперь налицо.

Имелось ли у нас года два или три назад серьезное движение миллионных масс крестьянства в пользу колхозов или совхозов? Нет, не имелось. Всякому известно, что два или три года назад крестьянство враждебно относилось к совхозам, а колхозы третировало оно как ни к чему ненужную «коммунию». А теперь? Теперь — дело другое. Теперь имеются у нас уже целые слои крестьянства, глядящие на совхозы и колхозы как на источник помощи крестьянскому хозяйству семенами, улучшенным скотом, машинами, тракторами. Теперь подавай только машины и тракторы, дело колхозов пойдет вперед усиленным темпом.

Откуда взялся такой перелом среди известных, довольно значительных слоев крестьянства? Что ему благоприятствовало? Прежде всего развитие кооперации и кооперативной общественности. Не может быть сомнения, что без мощного развития кооперации, особенно сельскохозяйственной, создавшей психологическую базу среди крестьян в пользу колхозов, у нас не было бы той тяги к колхозам, которая проявляется теперь целыми слоями крестьянства. Большую роль сыграло здесь также наличие хорошо устроенных колхозов, давших крестьянам хорошие образцы того, как можно улучшить сельское хозяйство, объединяя мелкие крестьянские хозяйства в крупные, в коллективные хозяйства. Сыграло тут свою роль также наличие благоустроенных совхозов, помогавших крестьянам в деле улучшения хозяйства. Я уже не говорю о других фактах, хорошо известных всем вам. Вот вам еще одно условие, которого не было у нас раньше и которое имеется теперь у нас.

Далее, можно ли утверждать, что мы имели возможность года два или три назад серьезно финансировать колхозы и совхозы, отпуская на это дело сотни миллионов рублей? Нет, нельзя утверждать. Вы знаете хорошо, что у нас нехватало средств даже на развитие того минимума промышленно-

сти, без которого вообще невозможна никакая индустриализация, не говоря уже о реконструкции сельского хозяйства. Могли ли мы отнять эти средства у промышленности, представляющей базу индустриализации страны, и передать их колхозам и совхозам? Ясно, что не могли. Ну, а теперь? Теперь у нас есть средства для развития колхозов и совхозов.

Можно ли, наконец, утверждать, что мы уже имели года два или три назад достаточную базу в индустрии для усиленного снабжения сельского хозяйства машинами, тракторами и т. д.? Нет, нельзя этого утверждать. Тогда задача состояла в том, чтобы создать *минимум индустриальной базы* для снабжения сельского хозяйства в *будущем* машинами и тракторами. На создание этой базы и ушли у нас тогда наши скудные финансовые средства. Ну, а теперь? Теперь у нас есть эта индустриальная база для сельского хозяйства. Во всяком случае она, эта самая база, создается у нас ускоренным темпом.

Выходит, что условия, необходимые для массового развития колхозов и совхозов, создались у нас лишь в последнее время.

Вот как обстоит дело, товарищи.

Вот почему нельзя говорить, что мы опоздали с развитием новых форм смычки.

е) Тов. Бухарин как теоретик

Таковы в основном главные ошибки теоретика правой оппозиции — т. Бухарина — в основных вопросах нашей политики.

Говорят, что т. Бухарин теоретик нашей партии. Он, конечно, теоретик, и теоретик немалый. Но дело в том, что с теорией у него не все обстоит благополучно. Это видно хотя бы из того, что он нагромоздил целую кучу ошибок по вопросам партийной политики, только что охарактеризованных мною. Не может быть, чтобы эти ошибки, ошибки по линии Коминтерна, ошибки по вопросам о классовой борьбе, об обострении классовой борьбы, о крестьянстве, о нэпе, о новых формах смычки, — не может быть, чтобы все эти ошибки появились у него случайно. Нет, эти ошибки не случайны. Они, эти ошибки т. Бухарина, вышли из неправильной его установки, из его теоретических изъяснов. Да, т. Бухарин теоретик, но теоретик он не вполне марксистский, теоретик, которому надо еще доучиваться для того, чтобы стать вполне марксистским теоретиком.

Ссылаются на известное письмо т. Ленина о Бухарине как о теоретике. Давайте прочитаем это письмо:

«Из молодых членов ЦК, — говорит Ленин, — хочу сказать несколько слов о Бухарине и Пятакове. Это, по-моему, самые выдающиеся силы (из самых молодых сил), и относительно их надо бы иметь в виду следующее: Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но *его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)*» (Стенограмма июльского пленума 1926 г., вып. IV, стр. 66. Курсив мой. - И. Ст.).

Итак, теоретик без диалектики. Теоретик-схоластик. Теоретик, чьи «теоретические воззрения с очень большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским». Такова характеристика теоретической физиономии т. Бухарина, данная Лениным.

Вы сами понимаете, товарищи, что такому теоретику надо еще доучиваться. И если бы т. Бухарин понимал, что он теоретик не вполне еще законченный, что он нуждается в том, чтобы доучиться, что он теоретик, который не вполне еще усвоил диалектику, а диалектика есть душа марксизма,— если бы это он понимал, то он был бы скромнее, и от этого партия лишь выиграла бы. Но беда в том, что Бухарин не страдает скромностью. Беда в том, что он не только не страдает скромностью, но он берется даже учить нашего учителя Ленина по целому ряду вопросов, и прежде всего по вопросу о государстве. Вот в чем беда, товарищи.

Позвольте сослаться по этому случаю на известный теоретический спор между Лениным и Бухариным по вопросу о государстве, разыгравшийся в 1916 г. Это важно для нас для того, чтобы вскрыть как непомерные претензии т. Бухарина, собирающегося учить Ленина, так и корни его теоретических слабостей в таких важных вопросах, как вопрос о диктатуре пролетариата, о классовой борьбе и т. д. Как известно, в журнале «Интернационал молодежи» появилась в 1916 г. статья т. Бухарина, направленная, по сути дела, против т. Ленина, за подписью *Nota Bene*. В этой статье т. Бухарин пишет:

«...Совершенно ошибочно искать различия между социалистами и анархистами в том, что первые — сторонники, вторые — противники государства. Различие в самом деле заключается в том, что революционная социал-демократия хочет организовать новое общественное производство как централизованное, т. е. технически наиболее прогрессивное, тогда как децентрализованное анархическое производство означало бы лишь шаг назад к старой технике, к старой форме предприятий...»

«...Для социал-демократии, которая является или по крайней мере должна быть воспитательницей масс, теперь более чем когда-либо, необходимо подчеркивать свою принципиальную враждебность к государству... Теперешняя война показала, как глубоко корни государственности проникли в души рабочих».

Критикуя эти взгляды т. Бухарина, Ленин отвечает в специальной статье, опубликованной в 1916 г.:

«Это неверно. Автор ставит вопрос о том, в чем отличие отношения социалистов и анархистов к *государству*, а отвечает не на этот, а на *другой* вопрос, в чем различие их отношения к экономической основе будущего общества. Это очень важный и необходимый вопрос, конечно. Но отсюда не вытекает, чтобы можно было забывать *главное* в различии отношения социалистов и анархистов к государству. Социалисты стоят за использование современного государства и его учреждений в борьбе за освобождение рабочего класса, а равно за необходимость использовать государство для своеобразной переходной формы от капитализма к социализму. Такой переходной формой, *тоже* государством, является диктатура пролетариата. Анархисты хотят «отменить» государство, «взорвать» (*sprengen*) его, как выражается в одном месте т. *Nota Bene*, ошибочно приписывая этот взгляд социалистам. Социалисты — автор цитировал, к сожалению, слишком неполно относящиеся сюда слова Энгельса — признают отмирание, «постепенное» «засыпание» государства *после* экспроприации буржуазии...»

«Чтобы «подчеркивать» «принципиальную враждебность» к государству, надо действительно «ясно» понять ее, а у автора как раз ясности нет. Фраза же о «корнях государственности» совсем уже путаная, не марксистская и не социалистическая. Не «государственность» столкнулась с отрицанием государственности, а оппортунистическая политика (т. е. оппортунистическое, реформистское, буржуазное отношение к государству) столкнулась с революционной социал-демократической политикой (т. е. революционным социал-демократическим отношением к государству буржуазному и к использованию государства против буржуазии для ее свержения). Это вещи совсем, совсем различные» (*Ленин*, т. XIX, стр. 296, «Интернационал молодежи»).

Кажется ясно, в чем тут дело и в какую полуанархическую лужу угодил т. Бухарин!

Стэн. Ленин тогда в развернутом виде еще не формулировал необходимость «взрыва» государства. Бухарин, делая анархические ошибки, подходил к формулировке этого вопроса.

Сталин. Нет, т. Стэн, речь идет сейчас не об этом, речь идет об отношении к государству вообще, речь идет о том, что, по мнению Бухарина, рабочий класс должен быть *принципиально* враждебен ко *всякому* государству, в том числе и к государству рабочего класса.

Стэн. Ленин тогда говорил только об использовании государства, ничего не говоря в критике т. Бухарина о «взрыве».

Сталин. Ошибаетесь, т. Стэн. Смею заверить вас, что речь идет здесь о том, что рабочие должны подчеркнуть, по мнению Бухарина (и анархистов), свою принципиальную враждебность ко *всякому* государству, стало быть и к государству переходного периода, к государству рабочего класса. Попробуйте-ка растолковать нашим рабочим, что рабочий класс должен проникнуться принципиальной враждебностью к пролетарской диктатуре, которая тоже ведь есть государство. Позиция Бухарина, изложенная в его статье в «Интернационале молодежи», есть позиция отрицания государства в период, переходный от капитализма к социализму. Тов. Бухарин проглядел здесь «мелочь», а именно — он проглядел целый переходный период, когда рабочий класс не может обойтись без своего собственного государства, если он действительно хочет подавлять буржуазию и строить социализм. Это — во-первых. Во-вторых, неверно, что т. Ленин не касался тогда в своей критике теории «взрыва», «отмены» государства вообще. Ленин не только касался этой теории, как это видно из приведенных мною цитат, но он еще раскритиковал ее как теорию анархическую, противопоставив ей теорию *создания* нового государства после свержения буржуазии, а именно — государства пролетарской диктатуры. Наконец, нельзя смешивать анархическую теорию «взрыва» государства с марксистской теорией «слома», «разбития» буржуазно-государственной машины. Кое-кто из товарищей склонен смешивать эти два различных понятия, думая, что они представляют выражение одной и той же мысли. Но это неверно. Совершенно неверно, товарищи. Ленин исходил именно из марксистской теории «слома» буржуазно-государственной машины, когда он критиковал анархическую теорию «взрыва» и «отмены» государства вообще.

Может быть нелишне будет, если я приведу здесь, в целях большей

ясности, одну из рукописей т. Ленина о государстве, написанную, по всем видимостям, в конце 1916 или в начале 1917 г. (до Февральской революции 1917 г.). Из этой рукописи можно легко усмотреть, что: а) критикуя полуанархические ошибки т. Бухарина по вопросу о государстве, Ленин исходил из марксистской теории «слома» буржуазно-государственной машины, б) что хотя Бухарин, по выражению Ленина, «ближе к истине, чем Каутский», но он все же «вместо разоблачения каутскианцев помогает им своими ошибками». Вот текст этой рукописи:

«Чрезвычайно большую важность по вопросу о государстве имеет письмо Энгельса к Бебелю от 16/28 марта 1875 г. Вот главнейшее место полностью:

«...Свободное народное государство превратилось в свободное государство. По грамматическому смыслу этих слов свободное государство есть такое, в котором государство свободно по отношению к своим гражданам, т. е. государство с деспотическим правительством. Следовало бы бросить всю эту болтовню о государстве, особенно после Коммуны, которая не была уже государством в собственном смысле. «Народным государством» анархисты кололи нам глаза более чем достаточно, хотя уже сочинение Маркса против Прудона, а затем «Коммунистический манифест» говорят прямо, что с введением социалистического общественного строя государство само собою распускается (sich auflöst) и исчезает. Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще нуждается в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство как таковое перестает существовать. Мы предложили бы поэтому поставить везде вместо слова государство слово: «община» (Gemeinwesen), прекрасное старое немецкое слово, соответствующее французскому слову «коммуна» (курсив Энгельса).

Это, пожалуй, самое замечательное и, наверное, самое резкое место, так сказать, «против государства» у Маркса и Энгельса.

(1) «Бросить надо всю болтовню о государстве».

(2) «Коммуна была уже не государством в собственном смысле». (А чем же? Переходной формой от государства к негосударству, очевидно!)

(3) Анархисты нам довольно «кололи глаза» (in die Zähne geworfen, буквально—тыкали в морду) «народным государством» (Маркс и Энгельс, значит, стыдились этой явной ошибки своих немецких друзей; однако, они считали ее, и разумеется, по тогдашним обстоятельствам, правильно считали, несравненно менее важной ошибкой, чем ошибка анархистов. Это NVH (в книге латинские буквы не ясны—Ю.З.).

(4) Государство «само собою разлагается («распускается») (Nota Bene) и исчезает... (ср. позже: «отмирает») «со введением социалистического общественного строя»...

(5) Государство есть «временное учреждение», которое надобно «в борьбе, в революции»... (надобно пролетариату, разумеется)...

(6) Государство нужно не для свободы, а для подавления (Niederhaltung не есть подавление собственно, а удержание от реставрации, держание в покорности) противнико~~в~~пролетариата.

(7) Когда будет свобода, тогда не будет государства.

(8) «Мы (т. е. Энгельс и Маркс) предложили бы «везде» (в программе) говорить вместо «государство»—«община» (Gemeinwesen), «коммуна»!!!

Отсюда видно, как опошлили, опоганили Маркса и Энгельса не только оппортунисты, но и Каутский.

Оппортунисты ни одной из этих 8 богатейших мыслей не поняли!

Они взяли *только* практическую надобность настоящего: использовать политическую борьбу, использовать *современное* государство для обучения, воспитания пролетариата, для «вырывания уступок». Это верно (против анархистов), но это еще лишь $\frac{1}{100}$ марксизма, если можно так арифметически выразиться.

Каутский совсем затушевал (или забыл? или не понял?) в своей пропагандистской и вообще публицистической работе пп. 1, 2, 5, 6, 7, 8 и «Zerbrechen» Маркса (в полемике с Паннекуком в 1912 или 1913 г. Каутский (см. ниже, стр. 45—47) совсем уже свалился в оппортунизм по этому вопросу)...

От анархистов нас отличает (а) (в книге использованы в скобках латинские буквы «альфа», «бета», «гамма» и т.д.-Ю.З.) использование государства *теперь* и (в) во время *революции* пролетариата («диктатура пролетариата») — пункты, важнейшие для практики, тотчас. (Их-то и *забыл* Бухарин!)

От оппортунистов — более глубокие, «более вечные» истины о (аа) «временном» характере государства, о (вв) *вреде* «болтовни» о нем теперь, о (УУ) не совсем государственном характере диктатуры пролетариата, о (сс) противоречии государства и свободы, о (ее) более правильной идее (понятии, программном термине) «общины» вместо государства, о (gg) «разбитии» (Zerbrechen) бюрократически-военной машины. Не забыть еще, что *диктатуру пролетариата* открытые оппортунисты Германии (Бернштейн, Кольб etc.) прямо отрицают, а официальная программа и Каутский *косвенно*, молча о ней в повседневной агитации и *терпя* ренегатство Кольбов и К⁰.

Бухарину было писано в августе 1916 г.: «дай *дозреть* твоим мыслям о государстве». Он же, *не дав* дозреть, полез в печать как «Nota Вене» и сделал это так, что вместо разоблачения каутскианцев *помог им* своими ошибками!! А по сути дела Бухарин ближе к истине, чем Каутский» (В. Ленин).

Такова краткая история теоретического спора по вопросу о государстве.

Казалось бы, дело ясное: Бухарин допустил полуанархические ошибки, — пора исправить эти ошибки и пойти дальше по стопам Ленина. Но так могут думать лишь ленинцы. Бухарин, оказывается, с этим не согласен. Он утверждает, наоборот, что ошибался не он, а Ленин, что не он пошел или должен пойти по стопам Ленина, а, наоборот, Ленин оказался вынужденным пойти по стопам Бухарина. Вы не верите, товарищи? В таком случае послушайте дальше. После этих споров, имевших место в 1916 г., спустя 9 лет после этого, в продолжение которых т. Бухарин хранил молчание, *спустя год после смерти Ленина*, а именно в 1925 г., т. Бухарин печатает в сборнике «Революция права» статью «К теории империалистического государства», не принятую в свое время к печатанию редакцией «Сборника социал-демократа» (т. е. Лениным), в *примечании* к которой он прямо заявляет, что в этом споре был прав не Ленин, а он, Бухарин. Это может показаться невероятным, но это — факт, товарищи.

Послушайте текст этого примечания:

«Против статьи в «Интернационале молодежи» выступил с заметкой В. И. (т. е. Ленин). Читатели легко увидят, что у меня не было ошибки, которая мне приписывалась, ибо я отчетливо видел необходимость диктатуры пролетариата; с другой стороны, из заметки Ильича видно, что он тогда *неправильно относился к положению о «взрыве» государства* (разумеется, буржуазного), *смешивая этот вопрос с вопросом об отмирании диктатуры пролетариата* (Курсив мой. — И. Ст.). Быть может мне следовало бы тогда больше развить тему о диктатуре. Но в свое оправдание могу сказать, что *тогда* было такое повальное социал-демократическое воспевание буржуазного государства, при котором естественно было сосредоточить все внимание на вопросе о *взрыве* этой машины

Когда я приехал из Америки в Россию и увидел Надежду Константиновну (это было на нашем нелегальном VI съезде, и в это время Б. И. скрывался), ее первыми словами были слова: «Б. И. просил вам передать, что в вопросе о государстве у него нет теперь разногласий с вами». Занимаясь вопросом, *Ильич пришел к тем же выводам* (Курсив мой.— *И. Ст.*) относительно «взрыва», но он развил эту тему, а затем и учение о диктатуре настолько, что сделал целую эпоху в развитии теоретической мысли в этом направлении».

Так пишет о Ленине т. Бухарин *спустя год* после смерти Ленина. Вот вам образец гипертрофированной претенциозности недоучившегося теоретика!

Вполне возможно, что Надежда Константиновна в самом деле говорила т. Бухарину о том, о чем здесь пишет т. Бухарин. Но что же из этого следует? Из этого следует лишь одно, что у Ленина были некоторые основания думать, что т. Бухарин отказался или готов отказаться от своих ошибок. Только и всего. Но т. Бухарин рассчитал иначе. Он решил, что отныне создателем, или во всяком случае вдохновителем, марксистской теории государства должен считаться не Ленин, а он, т. е. т. Бухарин.

До сих пор мы считали и продолжаем считать себя ленинцами. А теперь оказывается, что и Ленин и мы, его ученики, являемся бухаринцами. Смешновато немножко, товарищи. Но что поделаешь, когда приходится иметь дело с разбухшей претенциозностью т. Бухарина. Можно подумать, что т. Бухарин обмолвился в своем примечании к упомянутой выше статье, что он сказал глупость и потом забыл о ней. Но это, оказывается, неверно. Тов. Бухарин говорил, оказывается, вполне серьезно. Это видно хотя бы из того, что заявление т. Бухарина *об ошибках* Ленина и *правоте* Бухарина, сделанное им в этом примечании, вновь было опубликовано недавно, а именно в 1927 г., т. е. спустя два года после первой вылазки т. Бухарина против Ленина, в биографическом очерке т. Марецкого о т. Бухарине, при чем т. Бухарин и не подумал протестовать против такой... смелости т. Марецкого. Ясно, что выступление т. Бухарина против Ленина нельзя считать случайностью.

Выходит, таким образом, что прав Бухарин, а не Ленин, что вдохновителем марксистской теории государства является не Ленин, а Бухарин. Такова, товарищи, картина теоретических вывихов и теоретических претензий т. Бухарина.

И этот человек имеет смелость после всего этого говорить здесь в своей речи, что в теоретической установке нашей партии «что-то гнило», что в теоретической установке нашей партии имеется уклон к троцкизму! И это говорит тот самый т. Бухарин, который допускает (и допускал в прошлом) ряд грубейших теоретических и практических ошибок, который недавно еще состоял в учениках у Троцкого, который вчера еще искал блока с троцкистами против ленинцев и бегал к ним с заднего крыльца! Ну, разве это не смешно, товарищи?

ж) Пятилетка или двухлетка

Позвольте теперь перейти к речи т. Рыкова. Если т. Бухарин пытался дать теоретическое обоснование правого уклона, то т. Рыков старается в своей речи подвести под это дело базу практических предложений, пугая нас «ужасами» из области наших затруднений по линии сельского хозяйства. Это не значит, что т. Рыков не коснулся теоретических вопросов. Нет, он их коснулся. Но, коснувшись их, допустил по крайней мере две серьезных ошибки.

В своем проекте резолюции о пятилетнем плане, отвергнутом комиссией Политбюро, т. Рыков говорит, что «центральная идея пятилетнего плана состоит в росте производительности народного труда». Несмотря на то, что комиссия Политбюро отвергла эту совершенно неправильную установку, т. Рыков защищал ее здесь в своей речи. Верно ли, что центральную идею пятилетнего плана в *советской стране* составляет рост производительности труда? Нет, неверно. Нам нужен ведь не *всякий* рост производительности народного труда. Нам нужен *определенный* рост производительности народного труда, а именно — такой рост, который обеспечивает *систематический перевес социалистического сектора народного хозяйства над сектором капиталистическим*. Вот в чем дело, товарищи. Пятилетний план, забывающий об этой центральной идее, есть не пятилетний план, а пятилетняя чепуха. В росте производительности труда вообще заинтересовано всякое общество, и капиталистическое и докапиталистическое. Отличие *советского* общества от всякого другого общества в том именно и состоит, что оно заинтересовано не во всяком росте производительности труда, а в таком росте, который обеспечивает перевес социалистических форм хозяйства над другими формами и прежде всего над капиталистическими формами хозяйства, который обеспечивает таким образом преодоление и вытеснение капиталистических форм хозяйства. А т. Рыков забыл об этой действительно центральной идее пятилетнего плана развития *советского* общества. В этом его первая теоретическая ошибка.

Вторая его ошибка состоит в том, что он не делает разницы или не хочет понять разницы с точки зрения товарооборота между, скажем, колхозом и между всяким индивидуальным хозяйством, в том числе индивидуальным капиталистическим хозяйством. Тов. Рыков уверяет, что с точки зрения товарооборота на хлебном рынке, с точки зрения получения хлеба он не видит разницы между колхозом и частным держателем хлеба, ему стало быть, все равно, покупаем ли мы хлеб у колхоза, у частного держателя или у какого-либо аргентинского скупщика хлеба. Это неверно, товарищи. Это совершенно неверно. Это есть повторение известного заявления т. Фрумкина, который уверял одно время, что ему все равно, где покупать и у кого покупать хлеб, у частника или у колхоза. Это есть замаскированная форма защиты, реабилитации, оправдания кулацких махинаций на хлебном рынке. Тот факт, что эта защита ведется с точки зрения товарооборота, — этот факт не меняет дела в том, что она есть все же оправдание кулацких махинаций на хлебном рынке. Если нет разницы с точки зрения товарооборота между коллективными и неколлективными формами хо-

зяйства, то стоит ли тогда развивать колхозы, стоит ли им давать льготы, стоит ли заниматься трудной задачей преодоления капиталистических элементов в сельском хозяйстве? Ясно, что т. Рыков взял неправильную установку. В этом его вторая теоретическая ошибка.

Но это мимоходом. Перейдем к практическим вопросам, поставленным в речи т. Рыкова.

Тов. Рыков утверждал здесь, что кроме пятилетнего плана нужен еще другой, параллельный план, а именно — двухлетний план развития сельского хозяйства. Он обосновывал это предложение насчет параллельного двухлетнего плана затруднениями в сельском хозяйстве. Он говорил: пятилетний план — дело хорошее, и он стоит за него, но если мы одновременно дадим двухлетний план сельского хозяйства, то будет еще лучше, — в противном случае дело с сельским хозяйством застрянет. С виду это предложение как будто ничего плохого не представляет. Но если присмотреться к делу, выходит, что двухлетний план сельского хозяйства придуман для того, чтобы подчеркнуть нереальный, бумажный характер пятилетнего плана, и наоборот. Могли ли мы с этим согласиться? Ясно, что не могли. Мы говорили т. Рыкову: если вы недовольны пятилетним планом по линии сельского хозяйства, если вы считаете недостаточными те ассигнования, которые даются по пятилетнему плану на развитие сельского хозяйства, то скажите прямо о ваших добавочных предложениях, о ваших добавочных вложениях, — мы согласны внести в пятилетний план эти добавочные вложения в сельское хозяйство. И что же? Оказалось, что у т. Рыкова не имеется никаких добавочных предложений насчет добавочных вложений для сельского хозяйства. Спрашивается: для чего же тогда параллельный двухлетний план сельского хозяйства? Мы говорили ему далее: кроме пятилетнего плана есть еще годовые планы, которые являются частью пятилетки, — давайте внесем в годовые планы первых двух лет те добавочные конкретные предложения по линии подъема сельского хозяйства, которые имеются у вас, если они вообще имеются у т. Рыкова. И что же? Оказалось, что таких конкретных планов добавочных ассигнований т. Рыков не имеет предложить. Мы поняли тогда, что в предложении т. Рыкова о двухлетнем плане имеется в виду не подъем сельского хозяйства, а желание подчеркнуть нереальный, бумажный характер пятилетки, желание развенчать пятилетку. Для «души», для вида — пятилетний план, для дела, для практической работы — двухлетний план, — вот такая стратегия получилась у т. Рыкова. Двухлетний план выступил у т. Рыкова на сцену для того, чтобы потом, в ходе практического осуществления пятилетнего плана, противопоставить пятилетке двухлетку, перестроить пятилетку и приспособить ее к двухлетнему плану, сократив и обкарнав ассигнования на дело индустрии.

Вот по каким соображениям отвергли мы предложение т. Рыкова о двухлетнем параллельном плане.

з) Вопрос о посевных площадях

Тов. Рыков пугал здесь партию, уверяя, что посевные площади по СССР имеют тенденцию систематически сокращаться. При этом он кивал в сторону партии, намекая на то, что в сокращении посевных площадей

виновата политика партии. Он прямо не говорил, что дело идет у нас к деградации. Но впечатление от его речи получается такое, что мы имеем налицо что-то вроде деградации. Верно ли, что посевные площади имеют тенденцию к систематическому сокращению? Нет, неверно. Тов. Рыков оперировал здесь средними числами о посевных площадях по стране. Но метод средних чисел, не корректированный данными по районам, не есть научный метод. Может быть т. Рыков читал когда-либо «Развитие капитализма» Ленина. Если он читал, он должен помнить, как Ленин ругает там буржуазных экономистов, пользующихся методом средних чисел о росте посевных площадей и игнорирующих данные по районам. Странно, что т. Рыков повторяет теперь ошибки буржуазных экономистов. И вот, если рассмотреть движение посевных площадей по районам, т. е. если подойти к делу по-научному, то выходит, что в одних районах посевные площади растут *систематически*, в других — они падают *иногда*, в зависимости главным образом от метеорологических условий, при чем нет таких данных, которые бы говорили о том, что мы имеем где-либо, хотя бы в одном из серьезных хлебных районов, *систематическое* сокращение посевных площадей.

В самом деле, посевные площади в районах, охваченных заморозками или засухой, например в некоторых областях Украины, в последнее время показывают сокращение.

Голос. Не вся Украина.

Шлихтер. На Украине посевные площади выросли на 2,7 %.

Сталин. Я имею в виду степную полосу Украины. А вот в других районах, скажем, в Сибири, в Поволжье, в Казакстане (так в книге-Ю.З.), в Башкирии, не затетых неблагоприятными климатическими условиями, посевные площади растут систематически. Чем объяснить, что в одних районах посевные площади растут систематически, а в других — иногда сокращаются? Нельзя же в самом деле утверждать, что политика партии на Украине — одна, а на востоке или в центре СССР — другая. Это же абсурд, товарищи. Ясно, что климатические условия имеют здесь немаловажное значение.

Верно, что кулаки сокращают посевные площади, независимо от климатических условий. В этом, пожалуй, «виновата» политика партии, состоящая в том, чтобы поддерживать бедняцко-середняцкие массы *против* кулачества. Но что из этого следует? Разве мы когда-либо обязывались вести такую политику, которая бы могла удовлетворять все социальные группы деревни, в том числе и кулаков? И вообще, разве мы можем вести такую политику, которая бы удовлетворяла и эксплуататоров и эксплуатируемых, если мы вообще хотим вести марксистскую политику? Что же тут особенного, если в результате нашей ленинской политики, рассчитанной на ограничение и преодоление капиталистических элементов в деревне, кулаки начинают частично сокращать свои посевы? Да разве может быть иначе? Может быть эта политика неверна, — пусть скажут нам об этом прямо. Не странно ли, что люди, называющие себя марксистами, частичное сокращение кулаками посевов стараются выдавать с перепугу за сокращение посевных площадей *вообще*, забывают о том, что, кроме кулаков, существуют еще бедняки и середняки, посевы которых расширяются, су-

ществуют колхозы и совхозы, посевы которых растут ускоренным темпом.

Наконец, еще одна неправильность в речи т. Рыкова по вопросу о посевных площадях. Тов. Рыков жаловался здесь, что кое-где, а именно в местах наибольшего развития колхозов, бедняцко-средняцкий индивидуальный клин начинает сокращаться. Это верно. А что здесь плохого? А как же иначе? Ежели бедняцко-средняцкие хозяйства начинают покидать индивидуальный клин и переходят на коллективное хозяйство, то разве не ясно, что расширение и умножение колхозов должно повлечь за собою некоторое сокращение индивидуального бедняцко-средняцкого клина? А как же вы хотите? Сейчас у колхозов имеются два с лишним миллиона гектаров земли. К концу пятилетки колхозы будут иметь более чем 25 миллионов гектаров. За счет кого тут вырастает колхозный клин? За счет индивидуального бедняцко-средняцкого клина. А как же вы хотите, дорогие товарищи? Как же иначе переводить бедняцко-средняцкое индивидуальное хозяйство на рельсы коллективного хозяйства? Разве не ясно, что колхозный клин будет расти в целом ряде районов за счет индивидуального клина? Странно, что люди не хотят понять этих простых вещей.

и) О хлебных заготовках

О наших хлебных затруднениях наговорили здесь кучу небылиц. Но главные моменты наших хлебных конъюнктурных затруднений упустили из виду. Забыли прежде всего о том, что в этом году мы собрали ржи и пшеницы, — я говорю о валовом сборе урожая, — миллионов на 500—600 пудов меньше, чем в прошлом году. Могло ли это не отразиться на наших хлебозаготовках? Конечно не могло не отразиться. Может быть в этом виновата политика ЦК? Нет, политика ЦК тут не при чем. Объясняется это серьезным неурожаем в степной полосе Украины (заморозки и засуха) и частичным неурожаем на Северном Кавказе, в ЦЧО, наконец, в Северо-Западной области. Этим главным образом и объясняется, что в прошлом году на 1 апреля заготовили мы хлеба на Украине (ржи и пшеницы) 200 млн. пудов, а в этом году — всего лишь 26—27 млн. пудов. Этим же надо объяснить падение заготовок пшеницы и ржи по ЦЧО почти в 8 раз и по Северному Кавказу — в 4 раза. Хлебозаготовки на востоке выросли за этот год в некоторых районах почти вдвое. Но они не могли возместить, и не возместили, конечно, той недостачи хлеба, которая имелаась у нас на Украине, на Северном Кавказе и в ЦЧО. Не следует забывать, что при нормальных урожаях Украина и Северный Кавказ заготавливают более половины, а иногда и две трети всего заготавливаемого хлеба по СССР. Странно, что это обстоятельство упустил из виду т. Рыков.

Наконец, второе обстоятельство, представляющее главный момент наших конъюнктурных хлебозаготовительных затруднений. Я имею в виду, сопротивление кулацких и зажиточных элементов деревни политике Советской власти по хлебозаготовкам. Тов. Рыков обошел это обстоятельство. Но обойти этот момент — значит обойти главное в хлебозаготовительном деле. О чем говорит опыт последних двух лет по хлебозаготовкам? Он говорит о том,

что состоятельные слои деревни, имеющие в своих руках значительные хлебные излишки и играющие на хлебном рынке командующую роль, не хотят нам давать добровольно нужное количество хлеба по ценам, определенным Советской властью. Нам нужно для обеспечения хлебом городов и промышленных пунктов, Красной армии и районов технических культур около 500 млн. пудов хлеба ежегодно. В порядке самотека нам удастся заготовить около 300—350 млн. пудов. Остальные 150 млн. пудов приходится брать в порядке организованного давления на кулацкие и зажиточные слои деревни. Вот о чем говорит нам опыт хлебозаготовок за последние два года.

Что произошло за эти два года, откуда такие перемены, почему раньше помогал самотек, а теперь оказался он недостаточным? Произошло то, что кулацкие и зажиточные элементы выросли за эти годы, ряд урожайных годов не прошел для них даром, они окрепли хозяйственно, накопили капитал и теперь они могут маневрировать на рынке, удерживая за собой хлебные излишки в ожидании высоких цен и оборачиваясь на других культурах. Хлеб не есть простой товар. Хлеб—не хлопок, который нельзя есть и который нельзя продать всякому. В отличие от хлопка, хлеб в наших нынешних условиях есть такой товар, который берут все и без которого нельзя существовать. Кулак это учитывает, и он придерживает его, заражая этим держателей хлеба вообще. Кулак знает, что хлеб есть валюта валют. Кулак знает, что излишки хлеба есть не только средство своего обогащения, но и средство закабаления бедноты. Хлебные излишки в руках кулака при данных условиях есть средство хозяйственного и политического усиления кулацких элементов. Поэтому, беря эти излишки у кулаков, мы не только облегчаем снабжение хлебом городов и Красной армии, но и подрываем средство хозяйственного и политического усиления кулачества.

Что нужно сделать для того, чтобы получить эти хлебные излишки? Нужно прежде всего ликвидировать психологию самотека как вредную и опасную вещь. Нужно *организовать* хлебозаготовки. Нужно мобилизовать бедняцко-середняцкие массы против кулачества и организовать их общественную поддержку мероприятиям Советской власти по усилению хлебозаготовок. Значение уральско-сибирского метода хлебозаготовок, проводимого по принципу самообложения, в том именно и состоит, что он дает возможность мобилизовать трудящиеся слои деревни против кулачества на предмет усиления хлебозаготовок. Опыт показал, что этот метод дает нам положительные результаты. Опыт показал, что эти положительные результаты получаются у нас в двух направлениях: во-первых, мы изымаем хлебные излишки состоятельных слоев деревни, облегчая этим снабжение страны; во-вторых, мы мобилизуем на этом деле бедняцко-середняцкие массы против кулачества, просвещаем их политически и организуем из них свою мощную многомиллионную политическую армию в деревне. Некоторые товарищи не учитывают этого последнего обстоятельства. А между тем оно именно и является одним из важных, если не самым важным результатом уральско-сибирского метода хлебозаготовок. Правда, этот метод сочетается иногда с применением чрезвычайных мер против кулачества, что вызывает

комические вопли у гг. Бухарина и Рыкова. А что в этом плохого? Почему нельзя иногда, при известных условиях, применять чрезвычайные меры против нашего классового врага, против кулачества? Почему можно сотнями арестовывать спекулянтов в городах и высылать их в Туруханский край, а у кулаков, пытающихся взять за горло Советскую власть и закабалить себе бедноту, нельзя брать излишков хлеба в порядке общественного принуждения по ценам, по которым сдают хлеб нашим заготовительным организациям бедняки и середняки? Откуда это следует? Разве наша партия когда-либо высказывалась в *принципе* против применения чрезвычайных мер в отношении кулачества? Товарищи Рыков и Бухарин очевидно стоят в *принципе* против всякого применения чрезвычайных мер в отношении кулачества. Но это ведь буржуазно-либеральная политика, а не марксистская политика, дорогие товарищи. Вы не можете не знать, что Ленин после введения нэпа высказывался даже за возврат к политике комбедов, конечно, при известных условиях. А ведь что такое частичное применение чрезвычайных мер против кулаков? Это даже не капля в море в сравнении с политикой комбедов.

Они, сторонники группы т. Бухарина, надеются убедить классового врага в том, чтобы он добровольно отрекся от своих интересов и сдал бы нам добровольно свои хлебные излишки. Они надеются, что кулак, который вырос, у которого есть возможность отыгрываться на других культурах и который прячет свои хлебные излишки,— они надеются, что этот самый кулак даст нам свои хлебные излишки добровольно по нашим заготовительным ценам. Не с ума ли они сошли? Не ясно ли, что они не понимают механики классовой борьбы, не знают, что такое классы? А известно ли им, как кулаки глумятся над нашими работниками и над Советской властью на сельских сходах, устраиваемых для усиления хлебозаготовок? Известны ли им такие факты, когда наш агитатор, например в Казакстане, два часа убеждал держателей хлеба сдать хлеб для снабжения страны, а кулак выступил с трубкой во рту и ответил ему: «А ты попляши, парень, тогда я тебе дам пуда два хлеба».

Голоса. Сволочи!

Сталин. Убедите-ка таких людей. Да, товарищи, класс есть класс. От этой истины не уйдешь. Уральско-сибирский метод тем собственно и хорош, что он облегчает возможность поднять бедняцко-середняцкие слои против кулаков; облегчает возможность сломить сопротивление кулаков и заставляет их сдать хлебные излишки органам Советской власти.

Теперь самым модным словом в рядах новой оппозиции, в рядах группы т. Бухарина, является слово «перегибы» в хлебозаготовках. Это слово представляет у них самый ходкий товар, так как оно помогает им маскировать свою собственную линию. Когда они хотят замаскировать свою линию, они обычно говорят: мы, конечно, не против нажима на кулаков, но мы против перегибов, которые допускаются в этой области и которые задевают середняка. Дальше идут рассказы об ужасах этих перегибов, читаются письма «крестьян», читаются панические письма товарищей, вроде т. Маркова, и потом делается вывод: надо отменить политику нажима на кулачество. Не

угодно ли: *так как* имеются перегибы в проведении правильной политики, *то надо, оказывается, отменить эту самую правильную политику*. Таков обычный прием оппортунистов: на основании перегибов по проведению правильной линии — отменить эту линию, заменив ее линией оппортунистической. При этом товарищи из группы т. Бухарина тщательно умалчивают о том, что существует еще другой сорт перегибов, более опасный и более вредный, а именно — перегибы в сторону срастания с кулачеством, в сторону приспособления к зажиточным слоям деревни, в сторону замены революционной политики партии оппортунистической политикой правых уклонистов.

Конечно, мы все против этих перегибов. Мы все против того, чтобы удары, направляемые против кулаков, задевали середняков. Это ясно, и в этом не может быть никакого сомнения. Но мы решительно против того, чтобы болтовней о перегибах, усердно практикуемой группой т. Бухарина, раскрасировать революционную политику нашей партии и подменить ее оппортунистической политикой группы т. Бухарина. Нет, товарищи, «этот номер у вас не пройдет».

Назовите хоть одну политическую меру партии, которая бы не сопровождалась тем или иным перегибом. Из этого следует, что надо бороться с перегибами. Но разве можно *на этом основании* охаивать самую линию, которая есть единственно правильная линия? Возьмем такую меру, как проведение 7-часового рабочего дня. Не может быть никакого сомнения, что эта мера есть одна из самых революционных мер, проводимых нашей партией за последнее время. Кому не известно, что эта, по существу глубоко революционная, мера то и дело сопровождается у нас целым рядом перегибов, иногда самых отвратительных? Значит ли это, что мы должны отменить политику проведения 7-часового рабочего дня? Понимают ли товарищи из новой оппозиции, в какую лужу они попадают, козыряя перегибами в хлебозаготовительном деле?

IV. О борьбе с правым уклоном

Мы перебрали таким образом все главные вопросы наших разногласий как в области теории, так и в области коминтерновской и внутренней политики нашей партии. Из сказанного видно, что заявление т. Рыкова о наличии у нас *единой* линии не соответствует действительности. Из сказанного видно, что у нас имеются на деле *две* линии. Одна линия — это генеральная линия партии, революционная ленинская линия нашей партии. Другая линия — это линия группы т. Бухарина. Эта вторая линия не вполне еще оформлена отчасти потому, что в рядах группы т. Бухарина имеется невообразимая путаница взглядов, отчасти потому, что она, эта вторая линия, будучи слабой по своему удельному весу в партии, старается так или иначе маскироваться. Но она, эта линия, все же существует, как видите, и существует она как линия, *отличная* от линии партии, как линия, *противопоставляющая* себя генеральной линии партии почти по всем вопросам нашей политики. Эта вторая линия есть в основном линия *правого* уклона.

Тов. Бухарин говорил здесь о «гражданской казни» трех членов Политбюро, «прорабатываемых», по его словам, организациями нашей партии. Он говорил, что партия подвергла трех членов Политбюро, тт. Бухарина, Рыкова и Томского, «гражданской казни», критикуя их ошибки в печати и на собраниях, в то время как они, эти три члена Политбюро, «вынуждены» были молчать. Это пустяки, товарищи. Это фальшивые слова либеральствующего коммуниста, пытающегося развинтить партию в ее борьбе против правого уклона.

У Бухарина выходит, что ежели он и его друзья увязли в правоуклонистских ошибках, то партия не имеет права разоблачать эти ошибки, партия должна прекратить борьбу с правым уклоном и дожидаться того момента, когда т. Бухарину и его друзьям угодно будет отказаться от своих ошибок. Не слишком ли многого требует от нас т. Бухарин? Не думает ли он, что партия существует для него, а не он для партии? А кто его заставляет молчать, пребывать в состоянии покоя, когда вся партия мобилизована против правого уклона и ведет решительные атаки против трудностей? Почему бы ему, т. Бухарину, и его ближайшим друзьям не выступить теперь и не повести решительную борьбу против правого уклона и примиренчества? Разве может кто-либо сомневаться в том, что партия приветствовала бы т. Бухарина и его ближайших друзей, если бы они решились на этот, не столь уж трудный, шаг? Почему же они не решаются на этот, в конце концов, обязательный для них шаг? Не потому ли, что интересы своей группы ставят они выше интересов партии и ее генеральной линии? Кто же виноват в том, что в борьбе с правым уклоном тт. Бухарин, Рыков и Томский оказались в нетях? Не ясно ли, что разговоры о «гражданской казни» трех членов Политбюро есть плохо замаскированная попытка трех членов Политбюро заставить партию замолчать и прекратить борьбу против правого уклона?

Борьба с правым уклоном не есть второстепенная задача нашей партии. Борьба с правым уклоном есть одна из решающих задач нашей партии. Если мы в своей собственной среде, в своей собственной партии, в политическом штабе пролетариата, который руководит движением и который ведет вперед пролетариат,— если мы в этом самом штабе допустим свободное существование и свободное функционирование правых уклонистов, пытающихся демобилизовать партию, разложить рабочий класс, приспособить нашу политику ко вкусам «советской» буржуазии и спасовать таким образом перед трудностями нашего строительства,— если мы все это допустим, то что это будет означать? Не будет ли это означать, что мы хотим спустить на тормозах революцию, разложить наше социалистическое строительство, сбежать от трудностей, сдать позиции капиталистическим элементам? Понимает ли группа т. Бухарина, что отказаться от борьбы с правым уклоном значит *предать* рабочий класс, *предать* революцию? Понимает ли группа т. Бухарина, что без преодоления правого уклона и примиренчества невозможно преодолеть стоящие перед нами трудности, без преодолений же этих трудностей невозможно добиться решающих успехов социалистического строительства? Чего стоят после всего этого жалкие слова о «гражданской казни» трех членов Политбюро?

Нет, товарищи, либеральной болтовней о «гражданской казни» не запугать вам партию. Партия требует от вас решительной борьбы с правым уклоном и примиренчеством в одной шеренге со всеми членами ЦК нашей партии. Она требует этого от вас для того, чтобы облегчить дело мобилизации рабочего класса, организовать наступление социализма по всему фронту, сломить сопротивление классовых врагов и обеспечить преодоление трудностей нашего строительства. Либо вы это требование партии выполните, и тогда партия будет приветствовать вас. Либо вы этого не сделаете,— но тогда пеняйте на себя.

«Вопросы ленинизма», стр. 240—287, изд. 10-е.

И. Сталин. ГОД ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА. К XVII годовщине Октября

Истекший год был годом великого перелома на всех фронтах социалистического строительства. Перелом этот шел и продолжает идти под знаком решительного *наступления* социализма на капиталистические элементы города и деревни. Характерная особенность этого наступления состоит в том, что оно уже дало нам ряд решающих *успехов* в основных областях социалистической перестройки (реконструкции) нашего народного хозяйства.

Из этого следует, что партия сумела целесообразно использовать отступление на первых стадиях нэпа для того, чтобы потом, на последующих его стадиях, организовать *перелом* и повести *успешное наступление* на капиталистические элементы.

Ленин говорил при введении нэпа:

«Мы сейчас отступаем, как бы отступаем назад, но мы это делаем, чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед. Только под одним этим условием мы отступили назад в проведении нашей новой экономической политики... чтобы после отступления начать упорнейшее наступление вперед» (т. XXVII, стр. 361—362).

Итоги истекшего года с несомненностью говорят о том, что партия с успехом выполняет в своей работе это решающее указание Ленина.

Если взять итоги истекшего года по линии хозяйственного строительства, имеющего для нас решающее значение, то *успехи* нашего наступления на этом фронте, наши *достижения* за истекший год можно было бы свести к трем основным моментам

1. В области производительности труда

Едва ли можно сомневаться, что одним из самых важных фактов, если не самым важным фактом нашего строительства за последний год, является тот факт, что нам удалось добиться *решительного перелома* в области про-

изводительности труда. Перелом этот выразился в развертывании *творческой инициативы* и могучего *трудового подъема* миллионных масс рабочего класса на фронте социалистического строительства. В этом наше первое и основное *достижение* за истекший год. Развертывание творческой инициативы и трудового подъема масс стимулировалось по трем основным линиям: а) по линии борьбы с бюрократизмом, сковывающим трудовую инициативу и трудовую активность масс — через *самокритику*; б) по линии борьбы с прогульщиками и разрушителями пролетарской трудовой дисциплины — через *социалистическое соревнование*; наконец, в) по линии борьбы с рутинной и косностью в производстве — через организацию *непрерывки*. В результате мы имеем величайшее достижение на фронте труда в виде трудового энтузиазма и трудовой переклички миллионных масс рабочего класса во всех концах нашей необъятной страны. А значение этого достижения поистине неопределимо, ибо только трудовой подъем и трудовой энтузиазм миллионных масс может обеспечить тот поступательный рост производительности труда, без которого немыслима окончательная победа социализма над капитализмом

«Производительность труда,— говорит Ленин,— это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда» (т. XXIV, стр. 342).

Исходя из этого, Ленин считает, что:

«Мы должны проникнуться тем трудовым энтузиазмом, той волей к труду, упорством, от которого теперь зависит быстрее спасение рабочих и крестьян, спасение народного хозяйства» (т. XXV, стр. 477).

Такова задача, поставленная Лениным перед партией. Истекший год показал, что партия с успехом выполняет эту задачу, решительно преодолевая стоящие на этом пути трудности.

Так обстоит дело с первым важным достижением партии за истекший год.

II. В области строительства промышленности

В неразрывной связи с этим первым достижением партии стоит второе ее достижение. Состоит оно, это второе достижение партии в том, что мы добились за истекший год благоприятного разрешения в основном *проблемы накопления* для капитального строительства тяжелой промышленности, взяли *ускоренный темп* развития производства средств производства и создали предпосылки для превращения нашей страны в страну *металлическую*. В этом наше второе и основное *достижение* за истекший год.

Проблема легкой индустрии не представляет особенных трудностей. Она уже разрешена нами несколько лет назад. Труднее и важнее проблема тяжелой индустрии. *Труднее*, так как она требует колоссальных вложений, при чем, как показывает история отсталых в промышленном отношении стран, тяжелая индустрия не обходится без колоссальных долгосрочных займов.

Важнее, так как без развития тяжелой промышленности мы не можем построить никакой промышленности, не можем провести никакой индустриализации. А так как мы не имели и не имеем ни долгосрочных займов, ни сколько-нибудь длительных кредитов, то острота проблемы становится для нас более чем очевидной. Из этого именно и исходят капиталисты всех стран, когда они отказывают нам в займах и кредитах, полагая, что мы не справимся своими собственными силами с проблемой накопления, сорвемся на вопросе о реконструкции тяжелой промышленности и вынуждены будем пойти к ним на поклон, в кабалу.

А что говорят нам на этот счет итоги истекшего года? Значение итогов истекшего года состоит в том, что они разбивают вдребезги расчеты господ капиталистов. Истекший год показал, что, несмотря на явную и тайную финансовую блокаду СССР, мы в кабалу к капиталистам не пошли и с успехом разрешили своими собственными силами проблему накопления, заложив основы тяжелой индустрии. Этого теперь не могут отрицать даже заядлые враги рабочего класса. В самом деле, если капитальные вложения в крупную промышленность в прошлом году составляли свыше 1 600 млн. руб., при чем из них около 1 300 млн. ушло на тяжелую промышленность, а капитальные вложения в крупную промышленность в этом году составляют свыше 3 400 млн. руб., при чем из них свыше 2 500 млн. уйдет на тяжелую промышленность; если валовая продукция крупной промышленности за прошлый год дала 23% роста, при чем тяжелая промышленность в том числе дала рост на 30%, а валовая продукция крупной промышленности на текущий год должна дать рост на 32%, при чем тяжелая промышленность в том числе должна дать рост на 46%, — то разве не ясно, что проблема накопления для построения тяжелой промышленности не представляет для нас непреодолимых трудностей. Как можно сомневаться в том, что мы идем вперед ускоренным шагом по линии развития нашей тяжелой индустрии, обгоняя старые темпы и оставляя позади нашу «исконную» отсталость?

Можно ли удивляться после всего сказанного, что предположения пятилетки оказались в истекшем году превзойденными, а *оптимальный* вариант пятилетки, считающийся у буржуазных писак «недостижимой фантастикой» и приводящий в ужас наших правых оппортунистов (группа т. Бухарина), превратился на деле в *минимальный* вариант пятилетки?

«Спасением для России, — говорит Ленин, — является не только хороший урожай в крестьянском хозяйстве, — этого еще мало, — и не только хорошее состояние легкой промышленности, поставляющей крестьянству предметы потребления, — этого тоже еще мало, — нам необходима также *тяжелая* индустрия... Без спасения тяжелой промышленности, без ее восстановления мы не сможем построить никакой промышленности, а без нее мы вообще погибнем, как самостоятельная страна... Тяжелая индустрия нуждается в государственных субсидиях. Если мы их не найдем, то мы, как цивилизованное государство — я уже не говорю, как социалистическое, — погибли» (т. XXVII, стр. 349).

Вот до чего круто формулирует Ленин проблему накопления и задачу партии по построению тяжелой промышленности.

Истекший год показал, что партия с успехом справляется с этой задачей, решительно преодолевая все и всякие трудности на этом пути.

Это не значит, конечно, что промышленность не будет иметь больше серьезных трудностей. Задача построения тяжелой промышленности упирается не только в проблему накопления. Она упирается еще в проблему кадров, в проблему а) *приобщения* десятков тысяч советски настроенных техников и специалистов к социалистическому строительству и б) *выработки* новых красных техников и красных специалистов из людей рабочего класса. Если проблему накопления можно считать в основном разрешенной, то проблема кадров ждет еще своего разрешения. А проблема кадров является теперь, в обстановке технической реконструкции промышленности, решающей проблемой социалистического строительства.

«Главное,— говорит Ленин,— чего нам нехватает,— культурности, умения управлять... Экономически и политически нэп вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики. Дело «только» в культурных силах пролетариата и его авангарда» (т. XXVII, стр. 207).

Очевидно, что речь идет здесь, прежде всего, о проблеме «культурных сил», о проблеме кадров для хозяйственного строительства вообще, для строительства и управления промышленности — в особенности.

Но из этого следует, что, несмотря на серьезнейшие достижения в области накопления, имеющие существенное значение для тяжелой промышленности, проблему построения тяжелой промышленности нельзя считать полностью разрешенной, пока не будет разрешена проблема кадров.

Отсюда задача партии — взяться вплотную за проблему кадров и овладеть этой крепостью во что бы то ни стало.

Так обстоит дело со вторым достижением партии за истекший год.

III. В области строительства сельского хозяйства

Наконец, о третьем достижении партии за истекший год, органически связанном с двумя первыми достижениями. Речь идет о *коренном переломе* в развитии нашего земледелия от мелкого и отсталого *индивидуального* хозяйства к крупному и передовому *коллективному* земледелию, к совместной обработке земли, к машинно-тракторным станциям, к артелям и колхозам, опирающимся на новую технику, наконец к гигантам-совхозам, вооруженным сотнями тракторов и комбайнов. Достижение партии состоит здесь в том, что нам удалось *повернуть* основные массы крестьянства в целом ряде районов от старого, *капиталистического* пути развития, от которого выигрывает лишь кучка богатеев-капиталистов, а громадное большинство крестьян вынуждено прозябать в нищете,— к новому, *социалистическому* пути развития, который вытесняет богатеев-капиталистов, а середняков и бедноту перевооружает по-новому, вооружает новыми орудиями, вооружает тракторами и сельскохозяйственными машинами, для того чтобы дать им выбраться из нищеты и кулацкой кабалы на широкий путь товарищеской, коллективной обработки земли. Достижение партии состоит в том, что нам удалось организовать этот *коренной перелом* в недрах самого крестьянства и повести за

собой широкие массы бедноты и середняков, несмотря на неимоверные трудности, несмотря на отчаянное противодействие всех и всяких темных сил, от кулаков и попов до филистеров и правых оппортунистов.

Вот некоторые цифры. В 1928 г. посевная площадь совхозов составляла 1 425 тыс. гектаров с товарной продукцией зерновых более 6 млн. центнеров (более 36 млн. пудов), а посевная площадь колхозов составляла 1 390 тыс. гектаров с товарной продукцией зерновых около $3\frac{1}{2}$ млн. центнеров (более 20 млн. пудов). В 1929 г. посевная площадь совхозов составляла 1 816 тыс. гектаров с товарной продукцией зерновых около 8 млн. центнеров (около 47 млн. пудов), а посевная площадь колхозов составляла 4 262 тыс. гектаров с товарной продукцией зерновых около 13 млн. центнеров (около 78 млн. пудов). В наступающем 1930 г. посевная площадь совхозов должна составить по контрольным цифрам 3 230 тыс. гектаров с 18 млн. центнеров товарной продукции зерновых (около 110 млн. пудов), а посевная площадь колхозов должна составить 15 млн. гектаров с товарной продукцией зерновых около 49 млн. центнеров (около 300 млн. пудов). Иначе говоря, в наступающем 1930 г. товарная продукция зерновых в совхозах и колхозах должна составить свыше 400 млн. пудов, т. е. свыше 50% товарной продукции зерновых *всего* сельского хозяйства (вне-деревенский оборот).

Нужно признать, что таких бурных темпов развития *не знает* даже наша социализированная крупная промышленность, темпы развития которой отличаются вообще большим размахом.

Разве не ясно, что наше молодое крупное социалистическое земледелие (колхозное и совхозное) имеет великую будущность, что оно будет проявлять чудеса роста?

Этот небывалый успех в области колхозного строительства объясняется целым рядом причин, из которых следовало бы отметить по крайней мере следующие.

Объясняется он, прежде всего, тем, что партия проводила ленинскую политику воспитания масс, последовательно подводя крестьянские массы к колхозам через насаждение кооперативной общественности. Объясняется он тем, что партия вела успешную борьбу как с теми, которые пытались обогнать движение и декретировать развитие колхозов («левые» фразеры), так и с теми, которые пытались тащить назад партию и остаться в хвосте движения (правые головотяпы). Без такой политики партия не смогла бы превратить колхозное движение в действительно массовое движение самих крестьян.

«Когда петроградский пролетариат и солдаты петроградского гарнизона брали власть,— говорит Ленин,— они прекрасно знали, что для строительства в деревне встретятся большие затруднения, что здесь надо идти более постепенно, что здесь пытаться вводить декретами, узаконениями общественную обработку земли было бы величайшей нелепостью, что на это могло пойти ничтожное число сознательных, а громадное большинство крестьян этой задачи не ставило. И поэтому мы ограничивались тем, что абсолютно необходимо в интересах развития революции: ни в коем случае не обгонять развития масс, а дожидаться, пока из собственного опыта этих масс, из их собственной борьбы вырастет движение вперед» (т. XXIII, стр. 252).

Если партия одержала крупнейшую победу на фронте колхозного строительства, то это потому, что она в точности выполняла это тактическое указание Ленина.

Объясняется он, этот небывалый успех в деле сельскохозяйственного строительства, во-вторых, тем, что Советская власть правильно учла растущую нужду крестьянства в новом инвентаре, в новой технике, она правильно учла безвыходность положения крестьянства при старых формах обработки земли и, учтя все это, во-время организовала ему помощь в виде прокатных пунктов, тракторных колонн, машинно-тракторных станций, в виде организации общественной обработки земли, в виде насаждения колхозов, наконец, в виде всесторонней помощи крестьянскому хозяйству силами совхозов. В истории человечества впервые появилась на свете власть, власть советов, которая доказала на деле свою готовность и свою способность оказывать трудящимся массам крестьянства систематическую и длительную *производственную* помощь. Разве не ясно, что трудящиеся массы крестьянства, страдающие исконной нуждой в инвентаре, не могли не уцепиться за эту помощь, став на путь колхозного движения? И разве можно удивляться тому, что отныне старый лозунг рабочих: «лицом к деревне» будет, пожалуй, дополняться новым лозунгом крестьян-колхозников: «лицом к городу»?

Объясняется он, этот небывалый успех в деле колхозного строительства, наконец, тем, что это дело взяли в свои руки передовые рабочие нашей страны. Я имею в виду рабочие бригады, десятками и сотнями рассеянные в основных районах нашей страны. Надо признать, что из всех существующих и возможных пропагандистов колхозного движения рабочие-пропагандисты являются лучшими пропагандистами среди крестьянских масс. Что же может быть удивительного в том, что рабочим удалось убедить крестьян в преимуществе крупного коллективного хозяйства перед индивидуальным мелким хозяйством, тем более, что существующие колхозы и совхозы являются наглядным примером, демонстрирующим это преимущество?

Вот на какой почве выросло наше достижение в области колхозного строительства, достижение, являющееся, по-моему, важнейшим и решающим достижением из всех достижений последних лет.

Рухнули и рассеялись в прах возражения «науки» против возможности и целесообразности организации крупных зерновых фабрик в 50—100 тыс. гектаров. Практика опровергла возражения «науки», показав лишний раз, что не только практика должна учиться у «науки», но и «науке» не мешало бы поучиться у практики. В капиталистических странах не прививаются крупные зерновые фабрики-гиганты. Но наша страна не есть капиталистическая страна. Нельзя забывать этой «маленькой» разницы. Там, у капиталистов, нельзя организовать крупную зерновую фабрику, не закупив целый ряд земельных участков или не платя абсолютной земельной ренты, что не может не обременять производство колоссальными расходами, ибо там существует частная собственность на землю. У нас, наоборот, не существует ни абсолютной земельной ренты, ни купли-продажи земельных участков, что не может не создавать благоприятных условий для развития крупного зернового хозяйства, ибо у нас нет частной собственности на землю. Там, у капиталистов, крупные зерновые

хозяйства имеют свою цель — получение максимума прибыли или, во всяком случае, получение такой прибыли, которая соответствует так называемой средней норме прибыли, без чего, вообще говоря, капитал не имеет интереса связываться в дело организации зернового хозяйства. У нас, наоборот, крупные зерновые хозяйства, являющиеся вместе с тем государственными хозяйствами, не нуждаются для своего развития ни в максимуме прибыли, ни в средней норме прибыли, а могут ограничиваться минимумом прибыли, а иногда обходятся и без всякой прибыли, что опять-таки создает благоприятные условия для развития крупного зернового хозяйства. Наконец, при капитализме не существует для крупных зерновых хозяйств ни особых льготных кредитов, ни особых льготных налогов, тогда как при советских порядках, рассчитанных на поддержку социалистического сектора, такие льготы существуют и будут существовать. Обо всем этом забыла достопочтенная «наука».

Рухнули и рассеялись в прах утверждения правых оппортунистов (группа т. Бухарина) насчет того, что а) крестьяне не пойдут в колхоз, что б) усиленный темп развития колхозов может вызвать лишь массовое недовольство и размычку крестьянства с рабочим классом, что в) «столбовой дорогой» социалистического развития в деревне являются *не* колхозы, а кооперация, что г) развитие колхозов и наступление на капиталистические элементы деревни может оставить страну без хлеба. Все это рухнуло и рассеялось в прах, как старый буржуазно-либеральный хлам.

Во-первых, крестьяне пошли в колхозы, пошли целыми деревнями, волостями, районами.

Во-вторых, массовое колхозное движение не ослабляет, а укрепляет смычку, давая ей новую, производственную базу. Теперь даже слепые видят, что если и есть какое-либо серьезное недовольство у основных масс крестьянства, то оно касается не колхозной политики Советской власти, а того, что Советская власть не может угнаться за ростом колхозного движения в деле снабжения крестьян машинами и тракторами.

В-третьих, спор о «столбовой дороге» социалистического развития деревни есть спор схоластический, достойный молодых мелко-буржуазных либералов типа Айхенвальда и Слепкова. Ясно, что пока не было массового колхозного движения, «столбовой дорогой» являлись низшие формы кооперации, снабженческая и сбытовая кооперация, а когда выступила на сцену высшая форма кооперации, ее колхозная форма, последняя стала «столбовой дорогой» развития. Говоря без кавычек, столбовую дорогу социалистического развития деревни составляет кооперативный план Ленина, охватывающий все формы сельско-хозяйственной кооперации, от низших (снабженческо-сбытовая) до высших (производственно-колхозная). *Противопоставлять* колхозы кооперации — значит издеваться над ленинизмом и распикироваться в своем собственном невежестве.

В-четвертых, теперь даже слепые видят, что без наступления на капиталистические элементы деревни и без развития колхозного и совхозного движения мы не имели бы теперь ни решающих успехов в деле хлебозаготовок, одержанных в текущем году, ни тех десятков миллионов неприкосновенных хлебных запасов, которые уже накопились в руках государства. Более того, можно с уверенностью сказать, что благодаря росту колхоз-

но-совхозного движения мы окончательно выходим или уже вышли из хлебного кризиса. И если развитие колхозов и совхозов пойдет усиленным темпом, то нет оснований сомневаться в том, что наша страна через каких-нибудь три года станет одной из самых хлебных стран, если не самой хлебной страной в мире.

В чем состоит *новое* в нынешнем колхозном движении? Новое и решающее в нынешнем колхозном движении состоит в том, что в колхозы идут крестьяне не отдельными группами, как это имело место раньше, а целыми селами, волостями, районами, даже округами. А что это значит? Это значит, что *в колхозы пошел середняк*. В этом основа того коренного перелома в развитии сельского хозяйства, который составляет важнейшее достижение Советской власти за истекший год.

Рушится и разбивается вдребезги меньшевистская «концепция» троцкизма насчет неспособности рабочего класса повести за собой основные массы крестьянства в деле социалистического строительства. Теперь даже слепые видят, что середняк повернул в сторону колхозов. Теперь ясно для всех, что пятилетка промышленности и сельского хозяйства есть пятилетка построения социалистического общества, что люди, не верящие в возможность построения социализма в нашей стране, не имеют права приветствовать нашу пятилетку.

Рушится и превращается в прах последняя надежда капиталистов всех стран, мечтающих о восстановлении капитализма в СССР, — «священный принцип частной собственности». Крестьяне, рассматриваемые ими как материал, унаваживающий почву для капитализма, массами покидают хваленое знамя «частной собственности» и переходят на рельсы коллективизма, на рельсы социализма. Рушится последняя надежда на восстановление капитализма.

Этим, между прочим, и объясняются отчаянные попытки капиталистических элементов нашей страны поднять против наступающего социализма все силы старого мира, попытки, приводящие к обострению борьбы классов. Не хочет капитал «вращаться» в социализм.

Этим же надо объяснить тот злобный вой против большевизма, который подняли в последнее время цепные собаки капитала, всякие там Струве и Гессены, Милюковы и Керенские, Даны и Абрамовичи. Шутка ли сказать: исчезает последняя надежда на восстановление капитализма.

О чем еще могут свидетельствовать это бешеное озлобление классовых врагов и этот неистовый вой лакеев капитала, как не о том, что партия действительно одержала решающую победу на самом трудном фронте социалистического строительства?

«Лишь в том случае, — говорит Ленин, — если удастся на деле показать крестьянам преимущества общественной, коллективной, товарищеской, артельной обработки земли, лишь если удастся помочь крестьянину при помощи товарищеского, артельного хозяйства, тогда только рабочий класс, держащий в своих руках государственную власть, действительно докажет крестьянину свою правоту, действительно привлечет на свою сторону прочно и настоящим образом многомиллионную крестьянскую массу» (т. XXIV, стр. 579).

Так ставит Ленин вопрос о путях привлечения многомиллионного крестьянства на сторону рабочего класса, о путях перевода крестьянства на рельсы колхозного строительства.

Истекший год показал, что партия с успехом справляется с этой задачей, решительно преодолевая все и всякие трудности на этом пути.

«Среднее крестьянство,— говорит Ленин,— в коммунистическом обществе только тогда будет на нашей стороне, когда мы облегчим и улучшим экономические условия его жизни. Если бы мы могли дать завтра 100 тыс. первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это—фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «я за коммунию» (т. е. за коммунизм). Но для того, чтобы это сделать, надо сначала победить международную буржуазию, надо заставить ее дать нам эти тракторы, или же надо поднять нашу производительность настолько, чтобы мы сами могли их доставить. Только так будет верно поставлен этот вопрос» (т. XXIV, стр. 170).

Так ставит Ленин вопрос о путях технического перевооружения середняка, о путях его привлечения на сторону коммунизма.

Истекший год показал, что партия с успехом справляется и с этой задачей. Известно, что к весне наступающего 1930 г. мы будем иметь на полях более 60 тыс. тракторов, через год после этого — свыше 100 тыс. тракторов, а спустя еще два года — более 250 тыс. тракторов. То, что считалось несколько лет назад «фантазией», мы имеем теперь возможность превратить с лихвой в действительность. Вот где причина того, что середняк повернул в сторону «коммунии». Так обстоит дело с третьим достижением партии. Таковы основные достижения партии за истекший год.

Вывод

Мы идем на всех парах по пути индустриализации — к социализму, оставляя позади нашу вековую «рассейскую» отсталость. Мы становимся страной металлической, страной автомобилизации, страной тракторизации. И когда посадим СССР на автомобиль, а мужика на трактор,— пусть попробуют догонять нас почтенные капиталисты, кичащиеся своей «цивилизацией». Мы еще посмотрим, какие из стран можно будет тогда «определить» в отсталые и какие в передовые.

«Правда» № 259, 7 ноября 1929 г.

«Вопросы ленинизма», стр. 288—298, изд. 10-е.

И. Сталин. К ВОПРОСАМ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ В СССР. Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г.

Товарищи! Основным фактом нашей общественно-хозяйственной жизни в настоящий момент, фактом, который обращает на себя всеобщее внимание, является факт колоссального роста колхозного движения.

Характерная черта нынешнего колхозного движения состоит в том, что в колхозы вступают не только отдельные группы бедноты, как это было до сих пор, но в колхозы пошел в своей массе и середняк. Это значит, что колхозное движение превратилось из движения отдельных групп и прослоек трудящихся крестьян в движение миллионов и миллионов основных масс крестьянства. Этим между прочим и следует объяснить тот колоссальной важности факт, что колхозное движение, принявшее характер мощной, нарастающей *антикулацкой* лавины, сметает на своем пути сопротивление кулака, ломает кулачество и прокладывает дорогу для широкого социалистического строительства в деревне.

Но если мы имеем основание гордиться *практическими* успехами социалистического строительства, то нельзя то же самое сказать об успехах нашей *теоретической* работы в области экономики вообще, в области сельского хозяйства в особенности. Более того: надо признать, что за нашими практическими успехами не поспевает теоретическая мысль, что мы имеем некоторый разрыв между практическими успехами и развитием теоретической мысли. Между тем необходимо, чтобы теоретическая работа не только поспевала за практической, но и опережала ее, вооружая наших практиков в их борьбе за победу социализма.

Я не буду здесь распространяться о значении теории. Вам оно достаточно хорошо известно. Известно, что теория, если она является действительно теорией, дает практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела. Все это имеет — и не может не иметь — громадное значение в деле нашего социалистического строительства. Беда в том, что мы начинаем хромать именно в этой области, в области теоретической разработки вопросов нашей экономики. Чем же иначе объяснить тот факт, что у нас в нашей общественно-политической жизни, все еще имеют хождение различные буржуазные и мелко-буржуазные теории по вопросам нашей экономики? Чем объяснить, что эти теории и теориейки не встречают до сих пор должного отпора? Чем же объяснить, что ряд основных положений марксистско-ленинской политической экономики, являющихся вернейшим противоядием против буржуазных и мелко-буржуазных теорий, начинает забываться, не популяризируется в нашей печати, не выдвигается почему-то на первый план? Разве трудно понять, что без непримиримой борьбы с буржуазными теориями на базе марксистско-ленинской теории невозможно добиться полной победы над классовыми врагами?

Новая практика рождает новый подход к проблемам экономики переходного периода. По-новому ставится теперь вопрос о нэпе, о классах, о темпах строительства, о смычке, о политике партии. Чтобы не отстать от практики, надо заняться теперь же разработкой всех этих проблем с точки зрения новой обстановки. Без этого невозможно преодоление буржуазных теорий, засоряющих головы наших практиков. Без этого невозможно выкорчевывание этих теорий, приобретших прочность предрассудков. Ибо только в борьбе с буржуазными предрассудками в теории можно добиться укрепления позиций марксизма-ленинизма.

Позвольте перейти к характеристике хотя бы некоторых из этих бур-

жуазных предрассудков, называемых теориями, и демонстрировать их не состоятельность в порядке освещения некоторых узловых проблем нашего строительства.

I. Теория «равновесия»

Вы, конечно, знаете, что среди коммунистов все еще имеет хождение так называемая теория «равновесия» секторов нашего народного хозяйства. Теория эта не имеет, конечно, ничего общего с марксизмом. Однако, она, эта самая теория, пропагандируется рядом наших товарищей из лагеря правых. По этой теории предполагается, что мы имеем прежде всего сектор социалистический, — это своего рода ящик, — и мы кроме того имеем сектор несоциалистический, если хотите — капиталистический, — это другой ящик. Оба эти ящика лежат на различных рельсах и мирно катятся вперед, не задевая друг друга. По геометрии известно, что параллельные линии не сходятся. Однако, авторы этой замечательной теории думают, что когда-нибудь эти параллели сойдутся, и, когда они сойдутся, у нас получится социализм. При этом теория эта упускает из виду, что за так называемыми «ящиками» стоят классы, а движение этих «ящиков» происходит в порядке ожесточенной классовой борьбы, борьбы на жизнь и смерть, борьбы по принципу «кто кого».

Нетрудно понять, что эта теория не имеет ничего общего с ленинизмом. Нетрудно понять, что эта теория имеет объективно своей целью отстоять позиции индивидуального крестьянского хозяйства, вооружить кулацкие элементы «новым» теоретическим оружием в их борьбе с колхозами и дискредитировать позиции колхозов. Однако, она, эта теория, имеет до сих пор хождение в нашей печати. И нельзя сказать, чтобы она встречала серьезный отпор, а тем более сокрушительный отпор со стороны наших теоретиков. Чем же иначе объяснить эту несообразность, как не отсталость нашей теоретической мысли?

Между тем стоило только извлечь из сокровищницы марксизма теорию воспроизводства и противопоставить ее теории равновесия секторов, чтобы от этой последней теории не осталось и следа. В самом деле, марксистская теория воспроизводства учит, что современное общество не может развиваться, не накапливая из года в год, а накапливать невозможно без расширенного воспроизводства из года в год. Это ясно и понятно. Наша крупная централизованная социалистическая промышленность развивается по марксистской теории расширенного воспроизводства, ибо она растет ежегодно в своем объеме, имеет свои накопления и двигается вперед семимильными шагами. Но наша крупная промышленность не исчерпывает народного хозяйства. Наоборот, в нашем народном хозяйстве все еще преобладает мелкое крестьянское хозяйство. Можно ли сказать, что наше мелкокрестьянское хозяйство развивается по принципу расширенного воспроизводства? Нет, нельзя этого сказать. Наше мелкокрестьянское хозяйство не только не осуществляет в своей массе ежегодно расширенного воспроизводства, но, наоборот, оно не всегда имеет возможность осуществлять даже простое воспроизводство. Можно ли двигать дальше ускоренным темпом нашу социализиро-

ванную индустрию, имея такую сельскохозяйственную базу, как мелко-крестьянское хозяйство, неспособное на расширенное воспроизводство и представляющее к тому же преобладающую силу в нашем народном хозяйстве? Нет, нельзя. Можно ли в продолжение более или менее долгого периода времени базировать Советскую власть и социалистическое строительство на двух *разных* основах — на основе самой крупной и объединенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства? Нет, нельзя. Это когда-либо должно кончиться полным развалом всего народного хозяйства. Где же выход? Выход в том, чтобы укрупнить сельское хозяйство, сделать его способным к накоплению, к расширенному воспроизводству и преобразовать таким образом сельско-хозяйственную базу народного хозяйства. Но как его укрупнить? Для этого существуют два пути. Существует путь *капиталистический*, состоящий в укрупнении сельского хозяйства посредством насаждения в нем капитализма, путь, ведущий к обнищанию крестьянства и к развитию капиталистических предприятий в сельском хозяйстве. Этот путь отвергается нами, как путь, несовместимый с советским хозяйством. Существует другой путь, путь *социалистический*, состоящий в насаждении колхозов и совхозов в сельском хозяйстве, путь, ведущий к объединению мелкокрестьянских хозяйств в крупные коллективные хозяйства, вооруженные техникой и наукой, и к вытеснению капиталистических элементов из земледелия. Мы стоим за этот второй путь.

Стало быть, вопрос стоит так: либо один путь, либо другой, либо *назад* — к капитализму, либо *вперед* — к социализму. Никакого третьего пути нет и не может быть. Теория «равновесия» есть попытка наметить третий путь. И именно потому, что она рассчитана на третий (не существующий) путь, она является утопичной, антимарксистской.

Так вот, стоило только противопоставить теорию воспроизводства Маркса теории «равновесия» секторов, чтобы не осталось и следа от этой последней теории.

Почему же это не делается со стороны наших аграрников-марксистов? Кому это нужно, чтобы смехотворная теория «равновесия» и хождение в нашей печати, а марксистская теория воспроизводства лежала под спудом?

II. Теория «самотека» в социалистическом строительстве

Перейдем ко второму предрассудку в политической экономии, ко второй теории буржуазного типа. Я имею в виду теорию «самотека» в деле социалистического строительства, теорию, не имеющую ничего общего с марксизмом, но усердно проповедуемую нашими товарищами из правого лагеря. Авторы этой теории утверждают приблизительно следующее. Был у нас капитализм, развивалась индустрия на капиталистической базе, а деревня шла за капиталистическим городом стихийно, самотеком, преобразуясь по образу и подобию капиталистического города. Если *так* происходило дело при капитализме, почему не может произойти то же самое и при советском хозяйстве, почему не может деревня, мелкокрестьянское хозяйство, пойти путем самотека за социалистическим городом, стихийно преоб-

разуясь по образу и подобию социалистического города? Авторы этой теории утверждают на этом основании, что деревня может пойти за социалистическим городом в порядке самотека. Отсюда вопрос: стоит ли нам гордиться насчет образования совхозов и колхозов, стоит ли нам ломать копья, если деревня и так может пойти за социалистическим городом?

Вот вам еще одна теория, имеющая объективно своей целью дать новое оружие в руки капиталистических элементов деревни в их борьбе против колхозов. Антимарксистская сущность этой теории не подлежит никакому сомнению.

Не странно ли, что наши теоретики все еще не удосужились расчехлостить эту странную теорию, засоряющую головы наших практиков-колхозников?

Нет сомнения, что ведущая роль социалистического города в отношении мелкокрестьянской деревни велика и неоценима. На этом именно и строится преобразующая роль индустрии в отношении сельского хозяйства. Но достаточно ли этого фактора для того, чтобы мелкокрестьянская деревня сама пошла за городом в деле социалистического строительства? Нет, недостаточно. При капитализме деревня шла стихийно за городом, потому что капиталистическое хозяйство города и мелкотоварное хозяйство крестьянина являются в своей основе *однотипным* хозяйством. Конечно, мелкокрестьянское товарное хозяйство не есть еще капиталистическое хозяйство. Но оно в своей основе однотипно с капиталистическим хозяйством, так как опирается на частную собственность на средства производства. Ленин тысячу раз прав, когда он говорит в своих заметках по поводу книжки т. Бухарина об «Экономике переходного периода» о *«товарно-капиталистической тенденции крестьянства»* в противоположность *социалистической тенденции пролетариата* (Курсив Ленина. — *И. Ст.*). Этим именно и объясняется, что «мелкое производство *рождает* капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» (*Ленин*). Можно ли, следовательно, сказать, что мелкотоварное крестьянское хозяйство в своей основе однотипно с социалистическим производством в городе? Очевидно, что нельзя этого сказать, не разрывая с марксизмом. Иначе Ленин не говорил бы, что «пока мы живем в мелкокрестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма». Стало быть, теория самотека в деле социалистического строительства есть теория гнилая, антиленинская. Стало быть, чтобы мелкокрестьянская деревня пошла за социалистическим городом, необходимо еще кроме всего прочего *насаждать* в деревне крупные социалистические хозяйства в виде совхозов и колхозов, как базы социализма, могущие *повести* за собой во главе с социалистическим городом основные массы крестьянства.

Дело ясное. Теория «самотека» в социалистическом строительстве есть теория антимарксистская. Социалистический город должен *вести* за собой мелкокрестьянскую деревню, *насаждая* в деревне колхозы и совхозы и преобразуя деревню на новый, социалистический лад.

Странно, что антимарксистская теория «самотека» в социалистическом строительстве не встречает до сих пор должного отпора со стороны наших теоретиков-аграрников.

III. Теория «устойчивости» мелкокрестьянского хозяйства

Перейдем к третьему предрассудку в политической экономии, к теории «устойчивости» мелкокрестьянского хозяйства. Всем известны возражения буржуазной политической экономии против известного тезиса марксизма о преимуществе крупного хозяйства перед мелким, имеющего будто бы силу только в промышленности, но не имеющего применения в сельском хозяйстве. Социал-демократические теоретики типа Давида и Герца, проповедующие эту теорию, пытались при этом «опереться» на тот факт, что мелкий крестьянин вынослив, терпелив, готов принять на себя любые лишения, лишь бы отстоять свой клочок земли, что, ввиду этого, в борьбе с крупным хозяйством в земледелии мелкокрестьянское хозяйство проявляет устойчивость. Нетрудно понять, что такая «устойчивость» хуже всякой неустойчивости. Нетрудно понять, что эта антимарксистская теория имеет своей целью лишь одно: восхваление и упрочение капиталистических порядков. И именно потому, что она имеет такую цель, именно поэтому удалось марксистам так легко разбить эту теорию. Но дело теперь не в этом. Дело в том, что наша практика, наша действительность дает новые аргументы против этой теории, а наши теоретики странным образом не хотят или не могут использовать это новое оружие против врагов рабочего класса. Я имею в виду практику уничтожения частной собственности на землю, практику национализации земли у нас, практику, освобождающую мелкого крестьянина от его рабской приверженности к своему клочку земли и облегчающую тем самым переход от *мелкого* крестьянского хозяйства к *крупному*, коллективному хозяйству.

В самом деле, что привязывало, привязывает и будет еще привязывать мелкого крестьянина в Западной Европе к его мелкому товарному хозяйству? Прежде всего и главным образом наличие своего собственного клочка земли, наличие частной собственности на землю. Он копил деньги годами для того, чтобы купить клочок земли, он его купил и, понятно, он не хочет с ним расстаться, предпочитая переносить все и всякие лишения, предпочитая впасть в дикость, лишь бы отстоять свой клочок земли — основу его индивидуального хозяйства. Можно ли сказать, что этот фактор в таком его виде продолжает действовать и у нас, в условиях советских порядков? Нет, нельзя сказать. Нельзя сказать, так как у нас нет частной собственности на землю. И именно потому, что у нас нет частной собственности на землю, у нас нет и той рабской приверженности крестьянина к земле, которая имеется на Западе. А это обстоятельство не может не облегчать перехода мелкокрестьянского хозяйства на рельсы колхозов.

Вот где одна из причин того, что *крупным* хозяйствам в деревне, колхозам в деревне, удастся так легко демонстрировать у нас, в условиях национализации земли, свое *превосходство* перед *мелким* крестьянским хозяйством.

Вот где великое революционное значение советских аграрных законов, уничтоживших абсолютную ренту, отменивших частную собственность на землю и установивших национализацию земли.

Но из этого следует, что мы имеем в своем распоряжении новый аргумент против буржуазных экономистов, провозглашающих устойчивость мелкокрестьянского хозяйства в его борьбе с крупным хозяйством.

Почему же этот новый аргумент не используется в достаточной мере нашими теоретиками-аграрниками в их борьбе против всех и всяких буржуазных теорий?

Проводя национализацию земли, мы исходили, между прочим, из теоретических предпосылок, данных в третьем томе «Капитала», в известной книге Маркса «Теории прибавочной ценности» и в аграрных трудах Ленина, представляющих богатейшую сокровищницу теоретической мысли. Я имею в виду теорию земельной ренты вообще, теорию абсолютной земельной ренты в особенности. Теперь ясно для всех, что теоретические положения этих трудов блестяще подтвердились практикой нашего социалистического строительства в городе и деревне.

Непонятно только, почему антинаучные теории «советских» экономистов типа Чаяновых должны иметь свободное хождение в нашей печати, а гениальные труды Маркса—Энгельса—Ленина о теории земельной ренты и абсолютной земельной ренты не должны популяризироваться и выдвигаться на первый план, должны лежать под спудом?

Вы помните, должно быть, известную брошюру Энгельса о «Крестьянском вопросе». Вы помните, конечно, до чего осмотрительно подходит Энгельс к вопросу о переводе мелких крестьян на путь товарищеского хозяйства, на путь коллективного хозяйства. Позвольте процитировать соответствующее место из брошюры Энгельса:

«Мы решительно стоим на стороне мелкого крестьянина. Мы будем делать все возможное, чтобы ему было сноснее жить, чтобы облегчить ему переход к товариществу, в случае, если он на это решится. В том же случае, если он еще не будет в состоянии принять это решение, мы постараемся предоставить ему *возможно больше времени* подумать об этом *на своем клочке*» (Курсив мой.—И. Ст.).

Вы видите, до чего осмотрительно подходит Энгельс к вопросу о переводе индивидуального крестьянского хозяйства на рельсы коллективизма. Чем объяснить такую с первого взгляда преувеличенную осмотрительность Энгельса? Из чего исходил он при этом? Очевидно, что он исходил из наличия частной собственности на землю, из того факта, что у крестьянина имеется «свой клочок» земли, с которым ему, крестьянину, трудно будет расстаться. Таково крестьянство на Западе. Таково крестьянство в капиталистических странах, где существует частная собственность на землю. Понятно, что тут нужна большая осмотрительность. Можно ли сказать, что у нас в СССР имеется такое положение? Нет, нельзя этого сказать. Нельзя, так как у нас нет частной собственности на землю, приковывающей крестьянина к его индивидуальному хозяйству. Нельзя, так как у нас имеется национализация земли, облегчающая дело перехода индивидуального крестьянина на рельсы коллективизма.

Вот где одна из причин той сравнительной легкости и быстроты, с какой у нас развивается в последнее время колхозное движение.

Досадно, что наши теоретики-аграрники не попытались еще вскрыть с должной ясностью эту разницу между положением крестьянина у нас и на Западе. Между тем такая работа имела бы величайшее значение не только для нас, советских работников, но и для коммунистов всех стран. Ибо для пролетарской революции в капиталистических странах не безразлично, придется ли там строить социализм с первых же дней взятия власти пролетариатом на базе национализации земли или без такой базы.

В своем недавнем выступлении в печати («Год великого перелома») я развивал известные аргументы за превосходство крупного хозяйства в земледелии перед мелким хозяйством, имея в виду крупные совхозы. Нечего и доказывать, что все эти аргументы относятся целиком и полностью и к колхозам, как к крупным хозяйственным единицам. Я говорю не только о колхозах развитых, имеющих машинно-тракторную базу, но и о колхозах первичных, представляющих, так сказать, мануфактурный период колхозного строительства и опирающихся на крестьянский инвентарь. Я имею в виду те первичные колхозы, которые создаются ныне в районах сплошной коллективизации и которые опираются на простое сложение крестьянских орудий производства. Взять, например, колхозы в районе Хопра в бывшей Донской области. С виду эти колхозы как будто бы не отличаются с точки зрения техники от мелкого крестьянского хозяйства (мало машин, мало тракторов). А между тем простое сложение крестьянских орудий в недрах колхозов дало такой эффект, о котором и не мечтали наши практики. В чем выразился этот эффект? В том, что переход на рельсы колхозов дал расширение посевной площади на 30, 40 и 50%. Чем объяснить этот «головокружительный» эффект? Тем, что крестьяне, будучи бессильны в условиях индивидуального труда, превратились в величайшую силу, сложив свои орудия и объединившись в колхозы. Тем, что крестьяне получили возможность обработать трудно обрабатываемые в условиях индивидуального труда заброшенные земли и целину. Тем, что крестьяне получили возможность взять целину в свои руки. Тем, что получилась возможность пустить в ход пустыри, отдельные клочки, межи и т. д. и т. п.

Вопрос об обработке заброшенных земель и целины имеет громадное значение для нашего сельского хозяйства. Вы знаете, что осью революционного движения в России в старое время служил аграрный вопрос. Вы знаете, что аграрное движение имело одной из своих целей уничтожение малоземелья. Многие думали тогда, что малоземелье это является абсолютным, т. е. что в СССР не имеется больше свободных земель, годных для обработки. А что выяснилось на деле? Теперь ясно для всех, что свободных земель было и осталось в СССР десятки миллионов гектаров. Но обработать их своими жалкими орудиями крестьянин не имел никакой возможности. И именно потому, что он не имел возможности обработать целину и заброшенные земли, именно поэтому тянулся он к «мягким землям», к землям, принадлежащим помещикам, к землям, удобным для обработки силами крестьянского инвентаря в условиях индивидуального труда. Вот в чем состояла основа

«малоземелья». Неудивительно поэтому, что наш Зернотрест имеет теперь возможность пустить в ход миллионы двадцать гектаров свободных земель, не занятых крестьянами и не могущих быть обработанными в порядке индивидуального труда силами мелкокрестьянского инвентаря.

Значение колхозного движения во всех его фазах,— и в первичной его фазе, и в более развитой фазе, когда оно вооружено тракторами,— состоит в том, что крестьяне получают теперь возможность пустить в ход заброшенные земли и целину. В этом секрет громадного расширения посевных площадей при переходе крестьян на коллективный труд. В этом одна из основ превосходства колхозов над индивидуальным крестьянским хозяйством.

Нечего и говорить, что превосходство колхозов перед индивидуальным крестьянским хозяйством станет еще более бесспорным, когда на помощь первичным колхозам в районах сплошной коллективизации подойдут наши машинно-тракторные станции и колонны, когда сами колхозы получат возможность сосредоточить в своих руках тракторы и комбайны.

IV. Город и деревня

Существует предрассудок, культивируемый буржуазными экономистами, насчет так называемых «ножниц», которому надо объявить беспощадную войну, как и всем другим буржуазным теориям, имеющим, к сожалению, распространение в советской печати. Я имею в виду теорию о том, что Октябрьская революция дала будто бы крестьянству меньше, чем Февральская резолюция, что Октябрьская революция, собственно говоря, ничего не дала крестьянству. Этот предрассудок одно время муссировался в нашей печати одним из «советских» экономистов. Правда, он, этот «советский» экономист, впоследствии отказался от своей теории. (*Голос: «Кто же это?»*) Это — Громан. Но эта теория была подхвачена троцкистско-зиновьевской оппозицией и использована против партии. При чем нет никаких оснований утверждать, что она не имеет хождения и в настоящее время в кругах «советской» общественности. Это очень важный вопрос, товарищи. Он затрагивает проблему взаимоотношений между городом и деревней. Он затрагивает проблему уничтожения противоположности между городом и деревней. Он затрагивает актуальнейший вопрос о «ножницах». Я думаю поэтому, что стоит заняться этой странной теорией.

Верно ли, что крестьяне ничего не получили от Октябрьской революции? Обратимся к фактам.

У меня в руках известная таблица известного статистика т. Немчинова, опубликованная в моей статье «На хлебном фронте». Из этой таблицы видно, что в дореволюционное время помещики «производили» не менее 600 млн. пудов зерновых хлебов. Стало быть, *помещики* являлись тогда держателями 600 млн. пудов хлеба. *Кулаки* «производили» тогда 1 900 млн. пудов хлеба. Это очень большая сила, которой владели тогда кулаки. *Беднота* же и *середняки* производили 2 500 млн. пудов хлеба. Такова картина положения в старой деревне, деревне до Октябрьской революции.

Какие изменения произошли в деревне после Октября? Беру цифры из той же таблицы. Взять, например, 1927 г. Сколько же производили в этом

году *помещики*? Ясно, что они ничего не производили и не могли производить, потому, что помещики были уничтожены Октябрьской революцией. Вы поймете, что это должно было послужить большим облегчением для крестьянства, ибо крестьяне освободились от помещичьего ярма. Это, конечно, большой выигрыш для крестьянства, полученный им в результате Октябрьской революции. Сколько производили *кулаки* в 1927 г.? 600 млн. пудов хлеба вместо 1900 млн. пудов. Стало быть, кулаки ослабли за период после Октябрьской революции более чем втрое. Вы поймете, что это не могло не облегчить положения бедноты и середняков. А сколько производили в 1927 г. *беднота и середняки*? 4 млрд. пудов вместо 2500 млн. пудов. Стало быть, беднота и середняки стали производить после Октябрьской революции на 1,5 млрд. пудов хлеба больше, чем в дореволюционное время.

Вот вам факты, говорящие о том, что бедняки и середняки получили колоссальный выигрыш от Октябрьской революции.

Вот что дала Октябрьская революция беднякам и середнякам.

Как можно после этого утверждать, что Октябрьская революция ничего не дала крестьянам?

Но это не все, товарищи. Октябрьская революция уничтожила частную собственность на землю, уничтожила куплю-продажу земли, установила национализацию земли. Что это значит? Это значит, что крестьянин, чтобы производить хлеб, вовсе не нуждается в том, чтобы покупать землю. Раньше он годами накапливал средства для того, чтобы приобрести землю, влезал в долги, шел в кабалу, лишь бы приобрести землю. Расходы на покупку земли, конечно, ложились на стоимость производства хлеба. Теперь крестьянин в этом не нуждается. Теперь он может производить хлеб, не покупая землю. Что это — облегчает крестьян или не облегчает? Ясно, что облегчает.

Далее. До последнего времени крестьянин вынужден был ковырять землю старым инвентарем в порядке индивидуального труда. Всякому известно, что индивидуальный труд, вооруженный старыми, теперь уже негодными орудиями производства, не дает того выигрыша, который необходим для того, чтобы жить сносно, систематически поднимать свое материальное положение, развить свою культуру и выйти на широкую дорогу социалистического строительства. Теперь, после усиленного развития колхозного движения, крестьяне имеют возможность объединить свой труд с трудом своих соседей, объединиться в колхоз, разбить целину, использовать заброшенную землю, получить машину и трактор и поднять таким образом производительность своего труда вдвое, если не втрое. А что это значит? Это значит, что крестьянин имеет теперь возможность благодаря объединению в колхозы производить гораздо больше, чем раньше, при той же затрате труда. Это значит, стало быть, что производство хлеба становится много дешевле, чем это имело место до последнего времени. Это значит, наконец, что при стабильности цен крестьянин может получить за хлеб гораздо больше, чем он получал до сих пор.

Как можно после всего этого утверждать, что Октябрьская реформа дала выигрыша крестьянству?

Разве не ясно, что люди, говорящие такую небывлицу, явным образом лгут на партию, на Советскую власть?

Но что из всего этого следует?

Из этого следует, что вопрос о «ножницах», вопрос о ликвидации «ножниц» должен быть поставлен теперь по-новому. Из этого следует, что если колхозное движение будет расти нынешним темпом, «ножницы» будут уничтожены в ближайшее время. Из этого следует, что вопрос об отношениях между городом и деревней становится на новую почву, что противоположность между городом и деревней будет размываться ускоренным темпом.

Это обстоятельство имеет, товарищи, величайшее значение для всего нашего строительства. Оно преобразует психологию крестьянина и поворачивает его лицом к городу. Оно создает почву для уничтожения противоположности между городом и деревней. Оно создает почву для того, чтобы лозунг партии «лицом к деревне» дополнялся лозунгом крестьян-колхозников «лицом к городу». И в этом нет ничего удивительного, ибо крестьянин получает теперь от города машину, трактор, агронома, организатора, наконец, прямую помощь для борьбы и преодоления кулачества. Крестьянин старого типа с его зверским недоверием к городу, как к грабителю, отходит на задний план. Его сменяет новый крестьянин, крестьянин-колхозник, смотрящий на город с надеждой на получение отсюда реальной *производственной* помощи. На смену крестьянину старого типа, боящемуся опуститься до бедноты и лишь украдкой подымающемуся до положения кулака (могут лишить избирательного права!), приходит новый крестьянин, имеющий новую перспективу — пойти в колхоз и выбраться из нищеты на широкую дорогу хозяйственного подъема.

Вот как оборачивается дело, товарищи.

Тем досаднее, товарищи, что наши теоретики-аграрники не приняли всех мер к тому, чтобы расчехловать и вырвать с корнями все и всякие буржуазные теории, пытающиеся развенчать завоевания Октябрьской революции и растущее колхозное движение.

V. О природе колхозов

Колхозы как *тип* хозяйства есть одна из форм социалистического хозяйства. В этом не может быть никакого сомнения.

Один из ораторов выступал здесь и развенчивал колхозы. Он уверял, что колхозы как хозяйственные организации не имеют ничего общего с социалистической формой хозяйства. Я должен заявить, товарищи, что такая характеристика колхозов совершенно неправильна. Не может быть сомнения, что она, эта характеристика, не имеет ничего общего с ленинизмом.

Чем определяется тип хозяйства? Очевидно, отношениями людей в процессе производства. Чем же иным можно определить тип хозяйства? Но разве в колхозе имеется класс людей, являющихся собственниками средств производства, и класс людей, лишенных этих средств производства? Разве в колхозе имеется класс эксплуататоров и класс эксплуатируемых? Разве колхоз не представляет обобществления основных орудий производства на

земле, принадлежащей, к тому же, государству? Какое имеется основание утверждать, что колхозы как тип хозяйства не представляют одну из форм социалистического хозяйства?

Конечно, в колхозах имеются противоречия. Конечно, в колхозах имеются индивидуалистические и даже кулацкие пережитки, которые еще не отпали, но которые обязательно должны отпасть с течением времени, по мере укрепления колхозов, по мере их механизации. Но разве можно отрицать, что колхозы в целом, взятые с их противоречиями и недостатками, колхозы как *хозяйственный* факт представляют в основном новый путь развития деревни, путь *социалистического* развития деревни в *противоположность* кулацкому, *капиталистическому* пути развития? Разве можно отрицать, что колхозы (я говорю о колхозах, а не о лжеколхозах) представляют при наших условиях базу и очаг социалистического строительства в деревне, выросшие в отчаянных схватках с капиталистическими элементами?

Не ясно ли, что попытки некоторых товарищей развенчать колхозы и объявить их буржуазной формой хозяйства являются лишенными всякого основания?

В 1923 г. у нас не было еще массового колхозного движения. Ленин в своей брошюре «О кооперации» имел в виду все виды кооперации, и низшие ее формы (снабженческо-сбытовые), и высшие (колхозная форма). Что же он говорил тогда о кооперации, о кооперативных предприятиях? Вот одна из цитат брошюры Ленина «О кооперации»:

«При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частно-капиталистических, как предприятия коллективные, но *не отличаются* (Курсив мой - И. Ст.) от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т.-е. рабочему классу».

Стало быть, Ленин берет кооперативные предприятия не сами по себе, а в связи с нашим существующим строем, в связи с тем, что они функционируют на земле, принадлежащей государству, в стране, где средства производства принадлежат государству, и, рассматривая их в таком порядке, Ленин утверждает, что кооперативные предприятия не отличаются от предприятий социалистических.

Так говорит Ленин о кооперативных предприятиях вообще.

Не ясно ли, что тем с большим основанием можно сказать то же самое о колхозах нашего периода?

Этим, между прочим, и объясняется, что Ленин считает «простой рост кооперации» при наших условиях «тождественным с ростом социализма».

Вы видите, что, развенчивая колхозы, вышеупомянутый оратор допустил грубейшую ошибку против ленинизма.

Из этой ошибки вытекает другая его ошибка — насчет классовой борьбы в колхозах. Оратор так красочно расписал классовую борьбу в колхозах, что можно подумать, что классовая борьба в колхозах *не отличается* от классовой борьбы вне колхозов. Более того, можно подумать, что она становится там еще более ожесточенной. Впрочем, не один только упомянутый

оратор грешен в этом деле. Болтовня о классовой борьбе, писк и визг насчет классовой борьбы в колхозах представляют теперь характерную черту всех наших «левых» крикунов. При чем наиболее комичным в этом писке является то, что пискуны эти «видят» классовую борьбу там, где ее нет или почти нет, но не видят ее там, где она существует и переливает через край.

Есть ли элементы классовой борьбы в колхозах? Да, есть. Не может не быть элементов классовой борьбы в колхозах, если там сохраняются еще пережитки индивидуалистической или даже кулацкой психологии, если там имеется еще некоторое неравенство. Можно ли сказать, что классовая борьба в колхозах равнозначна классовой борьбе вне колхозов? Нет, нельзя. В том-то и состоит ошибка наших «левых» фразеров, что они не видят этой разницы. Что значит классовая борьба *вне* колхозов, до образования колхозов? Это значит — борьба с кулаком, *владеющим* орудиями и средствами производства и *закабаляющим* себе бедноту при помощи этих орудий и средств производства. Эта борьба представляет борьбу не на жизнь, а на смерть. А что значит классовая борьба *на базе* колхозов? Это значит, прежде всего, что кулак разбит и лишен орудий и средств производства. Это значит, во-вторых, что бедняки и середняки объединены в колхозы, на базе обобществления основных орудий и средств производства. Это значит, наконец, что дело идет о борьбе между членами колхозов, из коих одни не освободились еще от индивидуалистических и кулацких пережитков и пытаются использовать некоторое неравенство в колхозах в свою выгоду, а другие желают изгнать из колхозов эти пережитки и это неравенство. Не ясно ли, что только слепые не могут видеть разницы между классовой борьбой на базе колхозов и классовой борьбой вне колхозов?

Было бы ошибочно думать, что ежели даны колхозы, то дано все необходимое для построения социализма. Тем более ошибочно было бы думать, что члены колхозов уже превратились в социалистов. Нет, придется еще много поработать над тем, чтобы переделать крестьянина-колхозника, выправить его индивидуалистическую психологию и сделать из него настоящего труженика социалистического общества. И это будет сделано тем скорее, чем скорее будут колхозы механизированы, чем скорее они будут тракторизированы. Но это несколько не умаляет величайшего значения колхозов, как рычага социалистического преобразования деревни. Великое значение колхозов в том именно и состоит, что они представляют основную базу для применения машин и тракторов в земледелии, что они составляют основную базу для переделки крестьянина, для переработки его психологии в духе пролетарского социализма. Ленин был прав, когда он говорил:

«Дело переработки мелкого земледельца, переработки всей его психологии и навыков есть дело, требующее поколений. Решить этот вопрос по отношению к мелкому земледельцу, оздоровить, так сказать, всю его психологию может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе, электрификация в массовом масштабе».

Кто может отрицать, что колхозы являются той именно формой социалистического хозяйства, через которую только и может приобщиться многомиллионное мелкое крестьянство к машинам и к тракторам, как к рычагам

хозяйственного подъема, как к рычагам социалистического развития сельского хозяйства?

Обо всем этом забыли наши «левые» фразеры.

Забыл об этом и наш оратор.

VI. Классовые сдвиги и поворот в политике партии

Наконец, вопрос о классовых сдвигах и наступлении социализма на капиталистические элементы деревни.

Характерная черта нашей работы за последний год состоит в том, что мы, как партия, как Советская власть: а) развернули наступление по всему фронту против капиталистических элементов деревни, б) это наступление дало и продолжает давать, как известно, весьма ощутительные *положительные* результаты.

Что это значит? Это значит, что от политики *ограничения* эксплуататорских тенденций кулачества мы перешли к политике *ликвидации* кулачества как класса. Это значит, что мы проделали и продолжаем проделывать один из решающих поворотов во всей нашей политике.

До последнего времени партия стояла на позиции *ограничения* эксплуататорских тенденций кулачества. Известно, что эта политика была провозглашена еще на VIII съезде. Она, эта самая политика, была вновь возвещена при введении нэпа и на XI съезде нашей партии. Всем памятно известное письмо Ленина на имя Преображенского (1922 г.), где он вновь возвращается к вопросу о необходимости проведения такой именно политики. Она была, наконец, подтверждена XV съездом нашей партии. Ее и проводили мы до последнего времени.

Правильна ли была эта политика? Да, она была безусловно правильна. Могли ли мы лет пять или года три назад предпринять такое наступление на кулачество? Могли ли мы тогда рассчитывать на успех такого наступления? Нет, не могли. Это было бы опаснейшим авантюризмом. Это было бы опаснейшей игрой в наступление. Ибо мы наверняка сорвались бы на этом и, сорвавшись, укрепили бы позиции кулачества. Почему? Потому, что у нас не было еще тех опорных пунктов в деревне, в виде широкой сети совхозов и колхозов, на которых можно было бы базироваться в решительном наступлении против кулачества. Потому, что мы не имели тогда возможности *заменить* капиталистическое производство кулака социалистическим производством в виде колхозов и совхозов.

В 1926—1927 гг. зиновьевско-троцкистская оппозиция усиленно навязывала партии политику немедленного наступления на кулачество. Партия не пошла на эту опасную авантюру, ибо она знала, что серьезные люди не могут позволить себе игру в наступление. Наступление на кулачество есть серьезное дело. Его нельзя смешивать с декламацией против кулачества. Его нельзя также смешивать с политикой цапапанья с кулачеством, которую усиленно навязывала партии зиновьевско-троцкистская оппозиция. Наступать на кулачество — это значит сломить кулачество и ликвидировать его как класс. Вне этих целей наступление есть декламация, цапапанье, пустозвонство, все что угодно, только не настоящее большевистское наступление. Наступать на кулачество — это значит подготовить-

ся к делу и ударить по кулачеству, но ударить по нему так, чтобы оно не могло больше подняться на ноги. Это и называется у нас, большевиков, настоящим наступлением. Могли ли мы предпринять лет пять или года три назад такое наступление с расчетом на успех? Нет, не могли.

В самом деле, кулак производил в 1927 г. более 600 млн. пудов хлеба, а вывозил из этой суммы в порядке внедеревенского обмена около 130 млн. пудов. Это довольно серьезная сила, с которой нельзя не считаться. А сколько производили тогда наши колхозы и совхозы? Около 80 млн. пудов, из коих вывезли на рынок (товарный хлеб) около 35 млн. пудов. Судите сами, могли ли мы тогда *заменить* кулацкое производство и кулацкий товарный хлеб производством и товарным хлебом наших колхозов и совхозов? Ясно, что не могли. Что значит при таких условиях предпринять решительное наступление на кулачество? Это значит наверняка сорваться, усилить позиции кулачества и остаться без хлеба. Вот почему мы не могли и не должны были предпринимать тогда наступления на кулачество вопреки авантюристским декламациям зиновьевско-троцкистской оппозиции.

Ну, а теперь? Как теперь обстоит дело? Теперь у нас имеется достаточная материальная база для того, чтобы ударить по кулачеству, сломить его сопротивление, ликвидировать его как класс и *заменить* его производство производством колхозов и совхозов. Известно, что в 1929 г. производство хлеба в колхозах и совхозах составляло не менее 400 млн. пудов (на 200 млн. пудов меньше, чем валовая продукция кулацкого хозяйства в 1927 г.). Известно, далее, что в 1929 г. колхозы и совхозы дали товарного хлеба более 130 млн. пудов (т. е. больше, чем кулак в 1927 г.). Известно, наконец, что в 1930 г. валовая хлебная продукция колхозов и совхозов будет составлять не менее 900 млн. пудов (т. е. более, чем валовая продукция кулака в 1927 г.), а товарного хлеба дадут они не менее 400 млн. пудов (т. е. несравненно больше, чем кулак в 1927 г.).

Вот как у нас обстоит теперь дело, товарищи.

Вот какая передвижка произошла у нас в экономике страны.

Вот какая передвижка классовых сил произошла у нас за последнее время.

Теперь у нас имеется, как видите, материальная база для того, чтобы *заменить* кулацкое производство производством колхозов и совхозов. Вот почему наше наступление на кулачество имеет теперь несомненный успех. Вот как надо наступать на кулачество, если говорить о действительном наступлении, а не ограничиваться пустопорожней декламацией против кулачества.

Вот почему мы перешли в последнее время от политики *ограничения* эксплуататорских тенденций кулачества к политике *ликвидации кулачества как класса*.

Ну, а как быть с политикой раскулачивания, можно ли допустить раскулачивание в районах сплошной коллективизации?— спрашивают с разных сторон. Смешной вопрос! Раскулачивания нельзя было допускать, пока мы стояли на точке зрения ограничения эксплуататорских тенденций кулачества, пока мы не имели возможности перейти в решительное наступле-

ние против кулачества, пока у нас не было возможности заменить кулацкое производство производством колхозов и совхозов. Тогда политика недопустимости раскулачивания была необходима и правильна. А теперь? Теперь — другое дело. Теперь мы имеем возможность повести решительное наступление на кулачество, сломить его сопротивление, ликвидировать его как класс и заменить его производство производством колхозов и совхозов. Теперь раскулачивание производится самими бедняцко-средняцкими массами, осуществляющими сплошную коллективизацию. Теперь раскулачивание в районах сплошной коллективизации не есть уже простая административная мера. Теперь раскулачивание представляет там составную часть образования и развития колхозов. Вот почему смешно и не-серьезно распространяться теперь о раскулачивании. Снявши голову, по волосам не плачут.

Не менее смешным кажется другой вопрос: можно ли пустить кулака в колхоз? Конечно, нельзя его пускать в колхоз. Нельзя, так как он является заклятым врагом колхозного движения. Кажется, ясно.

VII. Выводы

Вот, товарищи, шесть узловых вопросов, мимо которых не может пройти теоретическая работа наших аграрников-марксистов.

Значение этих вопросов состоит прежде всего в том, что марксистская их разработка дает возможность выкорчевать с корнями все и всякие буржуазные теории, распространяемые иногда — к стыду нашему — нашими товарищами-коммунистами и засоряющие головы нашим практикам. А выкорчевать эти теории и отбросить их прочь давно бы следовало. Ибо только в беспощадной борьбе с этими теориями может вырасти и окрепнуть теоретическая мысль аграрников-марксистов.

Значение этих вопросов состоит, наконец, в том, что они придают новый облик старым проблемам экономики переходного периода.

По-новому ставится теперь вопрос о нэпе, о классах, о колхозах, об экономике переходного периода. Надо вскрыть ошибку тех, которые нэп понимают, как отступление, и только как отступление. На самом деле Ленин еще при введении нэпа говорил, что нэп не исчерпывается отступлением, что он означает вместе с тем подготовку для нового решительного наступления на капиталистические элементы города и деревни. Надо вскрыть ошибку тех, которые думают, что нэп нужен лишь для связи между городом и деревней. Нам нужна не всякая связь между городом и деревней. Нам нужна такая связь, которая обеспечивает победу социализма. И если мы придерживаемся нэпа, то потому, что он служит делу социализма. А когда он перестанет служить делу социализма, мы его отбросим к черту. Ленин говорил, что нэп введен всерьез и надолго. Но он никогда, не говорил, что нэп введен навсегда.

Надо также поставить вопрос о популяризации марксистской теории перепроизводства. Надо разработать вопрос о схеме построения баланса нашего народного хозяйства. То, что опубликовало ЦСУ в 1928 г. в виде баланса народного хозяйства, есть не баланс, а игра в цифири. Не подхо-

дит также к делу трактовка Базарова и Громана проблемы баланса народного хозяйства. Схему баланса народного хозяйства СССР должны выработать революционные марксисты, если они вообще хотят заниматься разработкой вопросов экономики переходного периода.

Было бы хорошо, если бы наши марксисты-экономисты выделили специальную группу работников для разработки проблем экономики переходного периода в новой их постановке.

«Вопросы ленинизма», стр. 299—317, изд. 10-е.

И. Сталин. К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ ЛИКВИДАЦИИ КУЛАЧЕСТВА КАК КЛАССА

В № 16 «Красной Звезды», в статье «Ликвидация кулачества как класса», в общем бесспорно правильной, имеются две неточности в формулировках. Мне кажется, что необходимо исправить эти неточности.

1. В статье сказано:

«В восстановительный период мы проводили политику ограничения капиталистических элементов города и деревни. С началом реконструктивного периода мы перешли от политики ограничения к политике их вытеснения».

Это положение неверно. Политика ограничения капиталистических элементов и политика вытеснения их не есть две различных политики. Это одна и та же политика. Вытеснение капиталистических элементов деревни есть неизбежный результат и *составная* часть политики: ограничения капиталистических элементов, политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества. Вытеснение капиталистических *элементов* деревни не есть еще вытеснение кулачества как *класса*. Вытеснение капиталистических элементов деревни есть вытеснение и преодоление *отдельных отрядов* кулачества, не выдержавших налогового нажима, не выдержавших системы ограничительных мер Советской власти. Понятно, что политика ограничения эксплуататорских тенденций кулачества, политика ограничения капиталистических элементов деревни не может не вести к вытеснению отдельных отрядов кулачества. Поэтому вытеснение отдельных отрядов кулачества не может быть рассматриваемо иначе, как неизбежный результат и составная часть политики ограничения капиталистических элементов деревни.

Эта политика велась у нас не только в период восстановления, но и в период реконструкции, но и в период после XV съезда (декабрь 1927 г.), но и в период XVI конференции нашей партии (апрель 1929 г.), как и после этой конференции вплоть до лета 1929 г., когда наступила у нас полоса сплошной коллективизации, когда наступил *перелом* в сторону политики *ликвидации* кулачества как *класса*.

Если рассмотреть важнейшие документы партии, начиная хотя бы с XIV съезда в декабре 1925 г. (см. резолюцию по отчету ЦК) и кончая XVI конференцией в апреле 1929 г. (см. резолюцию «О путях подъема сельского хозяйства»), то нельзя не заметить, что тезис об «ограничении эксплуататорских тенденций кулачества» или «ограничении роста капитализма в деревне» идет всегда *рядом* с тезисом «о вытеснении капиталистических элементов деревни», о «преодолении капиталистических элементов деревни».

Что это значит?

Это значит, что партия *не отделяет* вытеснения капиталистических элементов деревни от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества, от политики ограничения капиталистических элементов деревни.

XV съезд партии, как и XVI конференция, стоит целиком на базе политики «ограничения эксплуататорских стремлений сельско-хозяйственной буржуазии» (резолюция XV съезда «О работе в деревне»), на базе политики «принятия новых мер, ограничивающих развитие капитализма в деревне» (см. там же), на базе политики «решительного ограничения эксплуататорских тенденций кулака» (см. резолюцию XV съезда о пятилетке), на базе политики «наступления на кулака» в смысле «перехода к дальнейшему, более систематическому и настойчивому ограничению кулака и чистника» (см. там же), на базе политики «еще более решительного хозяйственного вытеснения» «элементов частно-капиталистического хозяйства» в городе и деревне (см. резолюцию XV съезда по отчету ЦК).

Стало быть, а) неправ автор упомянутой статьи, изображая политику ограничения капиталистических элементов и политику их вытеснения, как две различные политики. Факты говорят, что мы имеем здесь дело с одной общей политикой ограничения капитализма, составной частью и результатом которой является вытеснение отдельных отрядов кулачества.

Стало быть, б) неправ автор упомянутой статьи, утверждая, что вытеснение капиталистических элементов деревни началось лишь в период реконструкции, в период XV съезда. На самом деле вытеснение имело место и до XV съезда, в период восстановления, и после XV съезда, в период реконструкции. В период XV съезда была лишь усилена политика ограничения эксплуататорских тенденций кулачества новыми добавочными мерами, в связи с чем должно было усиливаться и вытеснение отдельных отрядов кулачества.

2. В статье сказано:

«Политика ликвидации кулачества как класса целиком вытекает из политики вытеснения капиталистических элементов, являясь продолжением этой политики на новом этапе».

Это положение неточно и потому — неверно. Понятно, что политика ликвидации кулачества как класса не могла упасть с неба. Она была подготовлена всем предыдущим периодом ограничения, а значит и вытеснения капиталистических элементов деревни. Но это еще не значит, что она не отличается *коренным образом* от политики ограничения (и вытеснения) капитали-

стических элементов деревни, что она является будто бы *продолжением* го литики ограничения. Говорить так, как говорит наш автор,— значит отрицать наличие *перелома* в развитии деревни с лета 1929 г. Говорить так — значит отрицать тот факт, что мы проделали за этот период *поворот* в политике нашей партии в деревне. Говорить так — значит создать некоторое идеологическое укрытие для правых элементов нашей партии, цепляющихся теперь за решения XV съезда против *новой* политики партии так же, как цеплялся в свое время т. Фрумкин за решения XIV съезда против политики насаждения колхозов и совхозов.

Из чего исходил XV съезд, провозглашая усиление политики ограничения (и вытеснения) капиталистических элементов деревни? Из того, что, несмотря на это ограничение кулачества, кулачество как *класс* все же *должно остаться* до поры до времени. *На этом основании* XV съезд оставил в силе закон об аренде земли, прекрасно зная, что арендатором в своей массе являются кулаки. *На этом основании* XV съезд оставил в силе закон о найме труда в деревне, потребовав его точного проведения в жизнь. *На этом основании* была еще раз провозглашена недопустимость раскулачивания. Противоречат ли эти законы и эти постановления политике *ограничения* (и вытеснения) капиталистических элементов деревни? Безусловно, *нет*. Противоречат ли эти законы и эти постановления политике *ликвидации* кулачества как класса? Безусловно, *да!* Стало быть, эти законы и эти постановления придется теперь отложить в сторону в районах сплошной коллективизации, сфера распространения которой растет не по дням, а по часам. Впрочем, они уже отложены в сторону самим ходом колхозного движения в районах сплошной коллективизации.

Можно ли после этого утверждать, что политика ликвидации кулачества как класса есть *продолжение* политики ограничения (и вытеснения) капиталистических элементов деревни? Ясно, что нельзя.

Автор упомянутой статьи забывает, что нельзя вытеснить класс кулачества, как класс, мерами налогового и всякого иного ограничения, *оставляя* в руках этого класса орудия производства с правом свободного пользования землей и *сохраняя* в нашей практике закон о найме труда в деревне, закон об аренде, запрещение раскулачивания. Автор забывает, что при политике ограничения эксплуататорских тенденций кулачества можно рассчитывать на вытеснение лишь отдельных отрядов кулачества, что не противоречит, а, наоборот, предполагает *сохранение* до поры до времени кулачества как класса. Чтобы вытеснить кулачество как класс, для этого недостаточно политики ограничения и вытеснения отдельных его отрядов. Чтобы вытеснить кулачество как класс, надо *сломить* в открытом бою сопротивление этого класса и *лишить* его производственных источников его существования и развития (свободное пользование землей, орудия производства, аренда, право найма труда и т. д.). Это и есть *поворот* к политике ликвидации кулачества как класса. Без этого разговоры о вытеснении кулачества как класса есть пустая болтовня, угодная и выгодная лишь правым уклонистам. Без этого немыслима никакая серьезная, а тем более сплошная коллективизация деревни. Это хорошо поняли бедняки и середняки нашей деревни, громящие кулачество и осуществляющие сплош-

ную коллективизацию. Этого не понимают еще повидимому некоторые наши товарищи.

Стало быть, нынешняя политика партии в деревне есть не *продолжение* старой политики, а *поворот* от старой политики *ограничения* (и вытеснения) капиталистических элементов деревни к новой политике *ликвидации* кулачества как класса.

«Красная Звезда» № 18

21 января 1930 г.

«Вопросы ленинизма», стр. 318—321, изд. 10-е.

И. Сталин. ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ ОТ УСПЕХОВ. К вопросам колхозного движения

Об успехах Советской власти в области колхозного движения говорят теперь все. Даже враги вынуждены признать наличие серьезных успехов. А успехи эти, действительно, велики.

Это факт, что на 20 февраля с. г. уже коллективизировано 50% крестьянских хозяйств по СССР. Это значит, что мы *перевыполнили* пятилетний план к 20 февраля 1930 г. более чем вдвое.

Это факт, что на 28 февраля этого года колхозы успели *уже* ссыпать семян для яровых посевов более 36 млн. центнеров, т. е. более 90% плана, т. е. около 220 млн. пуд. Нельзя не признать, что сбор 220 млн. пуд. семян по одной лишь колхозной линии — после успешного выполнения хлебозаготовительного плана — представляет огромное достижение.

О чем все это говорит?

О том, что *коренной поворот деревни к социализму можно считать уже обеспеченным*.

Нет нужды доказывать, что успехи эти имеют величайшее значение для судеб нашей страны, для всего рабочего класса, как руководящей силы нашей страны, наконец, для самой партии. Не говоря уже о прямых практических результатах, они, эти успехи, имеют громадное значение для внутренней жизни самой партии, для воспитания нашей партии. Они вселяют в нашу партию дух бодрости и веры в свои силы. Они вооружают рабочий класс верой в победу нашего дела. Они подводят к нашей партии новые миллионные резервы.

Отсюда задача партии: *закрепить* достигнутые успехи и планомерно *использовать* их для дальнейшего продвижения вперед.

Но успехи имеют и свою теневую сторону, особенно когда они достаются сравнительно «легко», в порядке, так сказать, «неожиданности». Такие успехи иногда прививают дух самомнения и зазнайства: «Мы все можем!», «Нам все нипочем!». Они, эти успехи, нередко пьянят людей, при чем у людей начинает кружиться голова от успехов, теряется чувство меры, те-

ряется способность понимания действительности, появляется стремление переоценить свои силы и недооценить силы противника, появляются авантюристские попытки «в два счета» разрешить все вопросы социалистического строительства. Здесь уже нет места для заботы о том, чтобы *закрепить* достигнутые успехи и планомерно *использовать* их для дальнейшего продвижения вперед. Зачем нам закреплять достигнутые успехи, — мы и так сумеем добежать «в два счета» до полной победы социализма: «Мы все можем!», «Нам все нипочем!».

Отсюда задача партии: повести решительную борьбу с этими опасными и вредными для дела настроениями и изгнать их вон из партии.

Нельзя сказать, чтобы эти опасные и вредные для дела настроения имели сколько-нибудь широкое распространение в рядах нашей партии. Но они, эти настроения, все же имеются в нашей партии, при чем нет оснований утверждать, что они не будут усиливаться. И если они, эти настроения, получают у нас права гражданства, то можно не сомневаться, что дело колхозного движения будет значительно ослаблено и опасность срыва этого движения может стать реальностью.

Отсюда задача нашей прессы: систематически разоблачать эти и подобные им антиленинские настроения.

Несколько фактов.

1. Успехи нашей колхозной политики объясняются между прочим тем, что она, эта политика, опирается на *добровольность* колхозного движения и *учет разнообразия условий* в различных районах СССР. Нельзя насаждать колхозы силой. Это было бы глупо и реакционно. Колхозное движение должно опираться на активную поддержку со стороны основных масс крестьянства. Нельзя механически пересаживать образцы колхозного строительства в развитых районах в районы неразвитые. Это было бы глупо и реакционно. Такая «политика» одним ударом развенчала бы идею коллективизации. Надо тщательно учитывать разнообразие условий в различных районах СССР при определении темпа и методов колхозного строительства.

В колхозном движении впереди всех районов стоят у нас зерновые районы. Почему? Потому, во-первых, что в этих районах имеется у нас наибольшее количество окрепших уже совхозов и колхозов, благодаря которым крестьяне имели возможность убедиться в силе и значении новой техники, в силе и значении новой, коллективной организации хозяйства. Потому, во-вторых, что эти районы имеют за собой двухлетнюю школу борьбы с кулачеством во время хлебозаготовительных кампаний, что не могло не облегчить дело колхозного движения. Потому, наконец, что эти районы усиленным образом снабжались за последние годы лучшими кадрами из промышленных центров.

Можно ли сказать, что эти особо благоприятные условия имеются также и в других районах, например, в потребительских районах, вроде наших северных областей, или в районах все еще отсталых национальностей, вроде, скажем, Туркестана?

Нет, нельзя этого сказать.

Ясно, что принцип учета разнообразия условий в различных районах СССР наряду с принципом добровольности является одной из серьезнейших предпосылок здорового колхозного движения.

А что иногда происходит у нас на деле? Можно ли сказать, что принцип добровольности и учета местных особенностей не нарушается в ряде районов? Нет, нельзя этого сказать, к сожалению. Известно, например, что в ряде северных районов потребительской полосы, где благоприятных условий для немедленной организации колхозов сравнительно меньше, чем в зерновых районах, стараются нередко *подменить* подготовительную работу по организации колхозов чиновничьим декретированием колхозного движения, бумажными резолюциями о росте колхозов, организацией бумажных колхозов, которых еще нет в действительности, но о «существовании» которых имеется куча хвастливых резолюций. Или возьмем некоторые районы Туркестана, где благоприятных условий для немедленной организации колхозов еще меньше, чем в северных областях потребительской полосы. Известно, что в ряде районов Туркестана были уже попытки «догнать и перегнать» передовые районы СССР путем угрозы военной силой, путем угрозы лишить поливной воды и промтоваров тех крестьян, которые не хотят пока что идти в колхозы.

Что может быть общего между этой «политикой» унтера Пришибеева и политикой партии, опирающейся на добровольность и учет местных особенностей в деле колхозного строительства? Ясно, что между ними нет и не может быть ничего общего.

Кому нужны эти искривления, это чиновничье декретирование колхозного движения, эти недостойные угрозы по отношению к крестьянам? Никому, кроме наших врагов!

К чему они могут привести, эти искривления? К усилению наших врагов и к развенчанию идей колхозного движения.

Не ясно ли, что авторы этих искривлений, мнящие себя «левыми», на самом деле льют воду на мельницу правого оппортунизма?

2. Одно из величайших достоинств политической стратегии нашей партии состоит в том, что она умеет выбирать в каждый данный момент *основное звено* движения, уцепившись за которое она тянет потом всю цепь к одной общей цели для того, чтобы добиться разрешения задачи. Можно ли сказать, что партия уже выбрала основное звено колхозного движения в системе колхозного строительства? Да, можно и нужно.

В чем состоит оно, это основное звено?

Может быть в *товариществе по совместной обработке* земли? Нет, не в этом. Товарищества по совместной обработке земли, где средства производства еще не обобществлены, представляют уже пройденную ступень колхозного движения.

Может быть в *сельско-хозяйственной коммуне*? Нет, не в коммуне. Коммуны представляют пока еще единичное явление в колхозном движении. Для сельско-хозяйственных коммун, как *преобладающей* формы, где обобществлено не только все производство, но и распределение, условия еще не назрели.

Основное звено колхозного движения, его *преобладающую* форму в данный момент, за которую надо теперь ухватиться, представляет *сельско-хозяйственная артель*.

В *сельско-хозяйственной артели* обобществлены основные средства производства, главным образом по зерновому хозяйству: труд, землепользование, машины и прочий инвентарь, рабочий скот, хозяйственные постройки. В

ней *не обобществляются*: приусадебные земли (мелкие огороды, садики), жилые постройки, известная часть молочного скота, мелкий скот, домашняя птица и т. д. Артель является *основным звеном колхозного движения* потому, что она есть наиболее целесообразная форма разрешения зерновой проблемы. Зерновая же проблема является *основным звеном в системе всего сельского хозяйства* потому, что без ее разрешения невозможно разрешить ни проблему животноводства (мелкого и крупного), ни проблему технических и специальных культур, дающих основное сырье для промышленности. Вот почему сельскохозяйственная артель является в данный момент основным звеном в системе колхозного движения.

Из этого исходит «Примерный устав» колхозов, окончательный текст которого публикуется сегодня («Правда», 2 марта 1930 г.).

Из этого же должны исходить наши партийные и советские работники, одна из обязанностей которых состоит в том, чтобы изучить этот устав по существу и проводить его в жизнь до конца.

Такова установка партии в данный момент.

Можно ли сказать, что эта установка партии проводится в жизнь без нарушений и искажений? Нет, нельзя этого сказать, к сожалению. Известно, что в ряде районов СССР, где борьба за существование колхозов далеко еще не закончена и где артели еще не закреплены, имеются попытки выскочить за рамки артели и перепрыгнуть сразу к сельскохозяйственной коммуне. Артель еще не закреплена, а они уже «обобществляют» жилые постройки, мелкий скот, домашнюю птицу, при чем «обобществление» это вырождается в бумажно-бюрократическое декретирование, ибо нет еще налицо условий, делающих необходимым такое обобществление. Можно подумать, что зерновая проблема уже разрешена в колхозах, что она представляет уже превзойденную ступень, что основной задачей в данный момент является не разрешение зерновой проблемы, а разрешений проблемы животноводства и птицеводства. Спрашивается, кому нужна эта головотяпская «работа» по сваливанию в одну кучу различных форм колхозного движения? Кому нужно это глупое и вредное для дела забегание вперед? Дразнить крестьянина-колхозника «обобществлением» жилых построек, всего молочного скота, всего мелкого скота, домашней птицы, когда зерновая проблема еще *не разрешена*, когда артельная форма колхозов еще *не закреплена*, — разве не ясно, что такая «политика» может быть угодной и выгодной лишь нашим заклятым врагам? Один из таких ретивых «обобществителей» доходит даже до того, что дает приказ по артели, где он предписывает «учесть в трехдневный срок все поголовье домашней птицы каждого хозяйства», установить должность специальных «командиров» по учету и наблюдению, «занять в артели командные высоты», «командовать социалистическим боем, не покидая постов», и — ясное дело — зажать всю артель в кулак. Что это — политика руководства колхозом или политика его *разложения и дискредитации*? Я уже не говорю о тех, с позволения сказать, «революционерах», которые дело организации артели *начинают* со снятия с церкви колоколов. Снять колокола, — подумаешь какая ррреволюционность!

Как могли возникнуть в нашей среде эти головотяпские упражнения по

части «обобществления», эти смехотворные попытки перепрыгнуть через себя самих, попытки, имеющие своей целью обойти классы и классовую борьбу, а на деле льющие воду на мельницу наших классовых врагов? Они могли возникнуть лишь в атмосфере наших «легких» и «неожиданных» успехов на фронте колхозного строительства. Они могли возникнуть лишь в результате головотяпских настроений в рядах одной части партии: «Мы все можем!», «Нам все нипочем!». Они могли возникнуть лишь в результате того, что у некоторых наших товарищей закружилась голова от успехов, и они лишились на минутку ясности ума и трезвости взгляда.

Чтобы выправить линию нашей работы в области колхозного строительства, *надоположить конец этим настроениям.*

В этом теперь одна из очередных задач партии.

Искусство руководства есть серьезное дело. Нельзя отставать от движения, ибо отстать — значит оторваться от масс. Но нельзя и забежать вперед, ибо забежать вперед — значит потерять связь с массами. Кто хочет руководить движением и сохранить вместе с тем связи с миллионными массами, тот должен вести борьбу на два фронта — и против отстающих и против забегающих вперед.

Партия наша сильна и непобедима потому, что, руководя движением, она умеет сохранять и умножать свои связи с миллионными массами рабочих и крестьян.

«Правда» № 60, 2 марта 1930 г.

«Вопросы ленинизма», стр. 322—327, изд. 10-е.

И. Сталин. ОТВЕТ ТОВАРИЩАМ КОЛХОЗНИКАМ

Из газет известно, что статья Сталина «Головокружение от успехов» и известное постановление ЦК «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» вызвали многочисленные отклики в рядах практиков колхозного движения. В связи с этим я получил за последнее время ряд писем от товарищей колхозников с требованием ответить на поставленные там вопросы. Моя обязанность была ответить на письма в порядке частной переписки. Но это оказалась невозможным, так как больше половины писем было получено без указания адреса их авторов (забыли прислать адреса). Между тем, вопросы, затронутые в письмах, представляют громадный политический интерес для всех наших товарищей. Кроме того, понятно, что я не мог оставить без ответа и тех товарищей, которые забыли прислать свои адреса. Ввиду этого я оказался перед необходимостью ответить на письма товарищей колхозников открыто, т. е. в печати, взяв из них все нужные для дела вопросы. Я тем охотнее пошел на это дело, что имел на этот счет прямое решение ЦК.

Первый вопрос: В чем состоит корень ошибок в крестьянском вопросе?

Ответ. В неправильном подходе к середняку. В допущении насилия в области хозяйственных отношений с середняком. В забвении того, что хозяйственная смычка с середняцкими массами должна строиться не на основе насильственных мер, а на основе соглашения с середняком, на основе союза с середняком. В забвении того, что основой колхозного движения в данный момент является союз рабочего класса и бедноты с середняком против капитализма вообще, против кулачества в особенности.

Пока наступление велось против кулачества в едином фронте с середняком, все шло хорошо. Но когда некоторые наши товарищи, опьяненные успехами, стали незаметно сползать с пути наступления на кулака на путь борьбы с середняком, когда они, в погоне за высоким процентом коллективизации, стали применять к середняку насилие, лишая его избирательного права, «раскулачивая» и экспроприируя его, — наступление стало искривляться, единый фронт с середняком стал подрываться, и, ясное дело, кулак получил возможность попытаться вновь стать на ноги.

Забыли, что насилие, необходимое и полезное в деле борьбы с нашими классовыми врагами, недопустимо и пагубно в отношении середняка, являющегося нашим союзником

Забыли, что кавалерийские наскоки, необходимые и полезные для решения задач военного характера, непригодны и пагубны при решении задач колхозного строительства, организуемого к тому же в союзе с середняком.

В этом корень ошибок в крестьянском вопросе.

Вот что говорит Ленин насчет хозяйственных отношений с середняком:

«Больше всего мы должны основываться на той истине, что здесь методами насилия по самой сути дела ничего нельзя достигнуть. Здесь экономическая задача стоит совсем иначе. Здесь нет той верхушки, которую можно срезать, оставив весь фундамент, все здание. Той верхушки, которую в городе были капиталисты, здесь нет. *Действовать здесь насилием, значит погубить все дело... Нет ничего глупее, как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянина*» (т. XXIV, стр. 168).

Далее:

«*Насилие по отношению к среднему крестьянству представляет из себя величайший вред. Это — слой многочисленный, многомиллионный. Даже в Европе, где нигде он не достигает такой силы, где гигантски развита техника и культура, городская жизнь, железные дороги, где всего легче было бы думать об этом, — никто, ни один из самых революционных социалистов не предлагал насильственных мер по отношению к среднему крестьянству*» (т. XXIV, стр. 167).

Кажется, ясно.

Второй вопрос. Каковы главные ошибки в колхозном движении?

Ответ. Их, этих ошибок, по крайней мере, три.

1) Нарушили ленинский принцип добровольности при построении колхозов. Нарушили основные указания партии и примерный устав сельскохозяйственной артели о добровольности колхозного строительства.

Ленинизм учит, что крестьян надо переводить на рельсы коллективного хозяйства в порядке добровольности, путем убеждения в преимуществах общественного, коллективного хозяйства перед хозяйством единоличным. Ленинизм учит, что убедить крестьян в преимуществах коллективного хозяйства можно лишь в том случае, если будет *показано* ими *доказано* на деле, на опыте, что колхоз лучше единоличного хозяйства, что он выгоднее единоличного хозяйства, что колхоз дает выход крестьянину, бедняку и середняку, из нужды и нищеты. Ленинизм учит, что вне этих условий колхозы не могут быть прочными. Ленинизм учит, что всякая попытка навязать силой колхозное хозяйство, всякая попытка насадить колхозы в порядке принуждения может дать лишь отрицательные результаты, может лишь оттолкнуть крестьян от колхозного движения.

И действительно, пока это основное правило соблюдалось, колхозное движение давало успех за успехом. Но некоторые наши товарищи, опьяненные успехами, стали пренебрегать этим правилом, стали проявлять чрезмерную торопливость и, в погоне за высоким процентом коллективизации, стали насаждать колхозы в принудительном порядке. Неудивительно, что отрицательные результаты такой «политики» не заставили себя долго ждать. Наскоро возникшие колхозы стали так же быстро таять, как быстро они возникли, а часть крестьянства, вчера еще относившаяся к колхозам с громадным доверием, стала отворачиваться от них.

В этом первая и главная ошибка в колхозном движении.

Вот что говорит Ленин насчет добровольности колхозного строительства:

«Сейчас наша задача — переход к *общественной* обработке земли, переход к *крупному* общему хозяйству. Но никаких принуждений со стороны Советской власти быть не может; никакой закон к этому не принуждает. Сельскохозяйственная *коммуна* основывается *добровольно*, переход к *общественной обработке* земли может быть только *добровольным*, ни малейшего принуждения в этом отношении со стороны рабоче-крестьянского правительства не может быть, и законом не допускается. Если бы кто-либо из вас такие принуждения наблюдал, то вы должны знать, что это — злоупотребление, что это — нарушение закона, которое мы всеми силами стараемся исправить и будем исправлять» (Курсив мой.— *И. Ст.*) (т. XXIV, стр. 43).

Далее:

«Лишь в том случае, если удастся на деле *показать* крестьянам преимущества общественной, коллективной, товарищеской, артельного обработки земли, лишь, если удастся помочь крестьянину, при помощи товарищеского, артельного хозяйства, тогда только рабочий класс, держащий в своих руках государственную власть, действительно докажет крестьянину свою правоту, действительно привлечет на свою сторону прочно и настоящим образом многомиллионную крестьянскую массу. Поэтому значение всякого рода предприятий по содействию товарищескому, артельному земледелию нельзя преувеличивать. Мы имеем миллионы разбросанных, распыленных в глуши деревень, отдельных хозяйств... Лишь когда *практически, на опыте*, близком для крестьян, будет *доказано*, что переход к товарищескому, артельному земледелию необходим и возможен, лишь тогда мы в праве будем сказать, что в такой громадной крестьянской стране, как Россия, по пути социалистического земледелия сделан серьезный шаг» (Курсив мой.— *И. Ст.*) (т. XXIV, стр. 579—580).

Наконец, еще одно место из трудов Ленина:

«Поощряя товарищества всякого рода, а равно сельско-хозяйственные коммуны средних крестьян, представители Советской власти не должны допускать *ни малейшего принуждения* при создании таковых. Лишь те объединения ценны, которые проведены самими крестьянами по их свободному почину и выгоды коих проверены ими на практике. *Чрезмерная торопливость в этом деле вредна*, ибо способна лишь усиливать предубеждения среднего крестьянства против новшеств. Те представители Советской власти, которые позволяют себе употреблять не только прямое, но хотя бы и косвенное принуждение, в целях присоединения крестьян к коммунам, должны подвергаться строжайшей ответственности и отстранению от работы в деревне» (Курсив мой.—*И. Ст.*) (т. XXIV, стр. 174).

Кажется, ясно.

Едва ли нужно доказывать, что партия будет проводить эти указания Ленина со всей строгостью.

2) Нарушили ленинский принцип учета разнообразия условий в различных районах СССР применительно к колхозному строительству. Забыли, что в СССР имеются самые разнообразные области с различным экономическим укладом и уровнем культуры. Забыли, что среди этих областей имеются передовые, средние и отсталые области. Забыли, что темпы колхозного движения и методы колхозного строительства *не могут быть одинаковыми* для этих, далеко неодинаковых областей.

«Было бы ошибкой,— говорит Ленин,— если бы мы просто по шаблону списывали декреты для всех мест России, если бы большевики-коммунисты, советские работники на Украине и на Дону, стали без разбора, огулом распространять их на другие области»... ибо «мы ни в коем случае не связываем себя единообразным шаблоном, не решаем раз-на-всегда, что наш опыт, опыт Центральной России, можно целиком перенести на все окраины» (т. XXIV, стр. 125—126).

Ленин говорит далее, что:

«Центральную Россию, Украину, Сибирь шаблонизировать, подчинять известному шаблону будет величайшей глупостью» (т. XXVI, стр. 243).

Наконец, Ленин обязывает коммунистов Кавказа, чтобы они

«поняли своеобразие их положения, положения их республик, в отличие от положения и условий РСФСР, поняли необходимость не копировать нашу тактику, а обдуманно видоизменять ее применительно к различию конкретных условий» (т. XXVI, стр. 191).

Кажется, ясно.

На основании этих указаний Ленина ЦК нашей партии в своем постановлении «О темпе коллективизации» (см. «Правду» от 6 января 1930 г.) разбил области СССР, с точки зрения темпов коллективизации, на три группы, из коих Северный Кавказ, Средняя Волга и Нижняя Волга могут в основном закончить коллективизацию весной 1931 г., другие зерновые области (Украина, ЦЧО, Сибирь, Урал, Казакстан и т. д.) могут ее закончить в основном весной 1932 г., а остальные области могут растянуть коллективизацию до конца пятилетки, т. е. до 1933 г.

Кажется, понятно.

А что получилось на деле? Оказалось, что некоторые наши товарищи, упоенные первыми успехами колхозного движения, благополучно забыли и об указаниях Ленина, и о постановлении ЦК. Московская область, в лихора-

дочной погоне за вздутыми цифрами коллективизации, стала ориентировать своих работников на окончание коллективизации весной 1930 г., хотя она имела в своем распоряжении не менее трех лет (конец 1932 г.). ЦЧО, не желая «отстать от других», стала ориентировать своих работников на окончание коллективизации к первой половине 1930 г., хотя она имела в своем распоряжении не менее двух лет (конец 1931 г.). А закавказцы и туркестанцы, в своем рвении «догнать и перегнать» передовые районы, стали ориентироваться на окончание коллективизации в «кратчайший срок», хотя они имели в своем распоряжении целых четыре года (конец 1933 г.). Понятно, что при таком скоропалительном «темпе» коллективизации районы, менее подготовленные к колхозному движению, в своем рвении «перегнать» районы более подготовленные оказались вынужденными пустить в ход усиленный административный нажим, пытаясь возместить недостающие факторы быстрого темпа колхозного движения своим собственным административным пылом. Результаты известны. Всем известна та неразбериха, которая получилась в этих областях и которую пришлось потом распутывать в порядке вмешательства ЦК.

В этом вторая ошибка в колхозном движении.

3) Нарушили ленинский принцип недопустимости перескакивания через незавершенную форму движения применительно к колхозному строительству. Нарушили ленинский принцип — не обгонять развитие масс, не декретировать движение масс, не отрываться от масс, а двигаться вместе с массами и двигать их вперед, подводя их к нашим лозунгам и облегчая им убедиться на своем собственном опыте в правильности наших лозунгов.

«Когда петроградский пролетариат и солдаты петроградского гарнизона брали власть,— говорит Ленин,— они прекрасно знали, что для строительства в деревне встретятся большие затруднения, что здесь надо идти более постепенно, что здесь *пытаться вводить декретами, узаконениями общественную обработку земли было бы величайшей нелепостью*, что на это могло пойти ничтожное число сознательных, а громадное большинство крестьян этой задачи не ставило. И поэтому мы ограничивались тем, что абсолютно необходимо в интересах развития революции: ни в коем случае *не обгонять развития масс*, а дожидаться, пока из собственного опыта этих масс, из их собственной борьбы вырастет движение вперед» (Курсив мой.—И. Ст.) (т. XXIII, стр. 252).

Исходя из этих указаний Ленина, ЦК в известном своем постановлении «О темпе коллективизации» (см. «Правду» от 6 января 1930 г.) признал, что а) главной формой колхозного движения в данный момент является сельскохозяйственная артель, что б) необходимо ввиду этого выработать примерный устав сельскохозяйственной артели, как главной формы колхозного движения, что в) нельзя допускать в нашей практической работе «декретирование» сверху колхозного движения и «игру в коллективизацию».

Это значит, что сейчас мы должны держать курс не на коммуны, а на сельскохозяйственную артель, как главную форму колхозного строительства, что нельзя допускать перескакивания через сельскохозяйственную артель к коммуне, что нельзя подменять массовое дви-

жение крестьян к колхозам «декретированием» колхозов, «игрой в колхозы».

Кажется, ясно.

А что получилось на деле? Оказалось, что некоторые наши товарищи, опьяненные первыми успехами колхозного движения, благополучно забыли и об указаниях Ленина, и о постановлении ЦК. Вместо организации массового движения за сельскохозяйственную артель эти товарищи стали «переводить» крестьян-единоличников прямо на устав коммуны. Вместо закрепления артельной формы движения стали (обобществлять) в принудительном порядке мелкий скот, птицу, нетоварный молочный скот, жилые постройки. Результаты этой непозволительной для ленинца торопливости известны теперь всем. Устойчивых коммун, как правило, конечно, не создали. Но зато выпустили из рук ряд сельскохозяйственных артелей. Правда, остались «хорошие» резолюции. Но какой в них толк?

В этом третья ошибка в колхозном движении.

Третий вопрос. Как могли возникнуть эти ошибки и как их должна исправлять партия?

Ответ. Они возникли на основе наших быстрых успехов в области колхозного движения. Успехи иногда кружат голову. Они порождают нередко чрезмерное самомнение и зазнайство. Это особенно легко может случиться с представителями партии, стоящей у власти. Особенно такой партии, как наша партия, сила и авторитет которой почти что неизмеримы. Здесь вполне возможны факты комчанства, против которого с остервенением боролся Ленин. Здесь вполне возможна вера во всемогущество декрета, резолюции, распоряжения. Здесь вполне реальна опасность превращения революционных мероприятий партии в пустое, чиновничье декретирование отдельных представителей партии в тех или иных уголках нашей необъятной страны. Я имею в виду не только местных работников, но и отдельных областников, но и отдельных членов ЦК. «Коммунистическое чванство,— говорит Ленин,— значит то, что человек, состоя в коммунистической партии и не будучи еще оттуда вычищен, воображает, что все задачи свои он может решить коммунистическим декретированием» (т. XXVII, стр. 50—51).

Вот на какой почве возникли ошибки в колхозном движении, искривления партийной линии в деле колхозного строительства.

В чем состоит опасность этих ошибок и искривлений, если они будут продолжаться и впредь, если они не будут ликвидированы быстро и без остатка?

Опасность состоит здесь в том, что они, эти ошибки, ведут нас прямым сообщением к развенчанию колхозного движения, к разладу с середняком, к дезорганизации бедноты, к замешательству наших рядов, к ослаблению всего нашего социалистического строительства, к восстановлению кулачества. Говоря коротко, эти ошибки имеют тенденцию толкнуть нас с пути упрочения союза с основными массами крестьянства, с пути упрочения пролетарской диктатуры на путь разрыва с этими массами, на путь подрыва пролетарской диктатуры.

Опасность эта обозначилась уже во второй половине февраля, в тот самый момент, когда одна часть наших товарищей, ослепленная предыдущими

успехами, галопом неслась в сторону от ленинского пути. ЦК партии учел эту опасность и не замедлил вмешаться в дело, поручив Сталину дать зарвавшимся товарищам предупреждение в специальной статье о колхозном движении. Иные думают, что статья «Головокружение от успехов» представляет результат личного почина Сталина. Это, конечно, пустяки. Не для того у нас существует ЦК, чтобы допускать в таком деле личный почин кого бы то ни было. Это была глубокая разведка ЦК. И когда выяснились глубина и размеры ошибок, ЦК не замедлил ударить по ошибкам всей силой своего авторитета, опубликовав свое знаменитое постановление от 15 марта 1930 г.

Трудно остановить во время бешеного бега и повернуть на правильный путь людей, несущихся стремглав к пропасти. Но наш ЦК потому и называется Центральным Комитетом ленинской партии, что он умеет преодолевать и не такие трудности. И он преодолел уже эти трудности в основном.

Трудно остановить в таких случаях свой бег целым отрядам партии, во-время повернуть на правильный путь и перестроить свои ряды на ходу. Но наша партия потому и называется партией Ленина, что она обладает достаточной гибкостью для преодоления таких трудностей. И она уже преодолела в основном эти трудности.

Главное дело состоит здесь в том, чтобы проявить мужество признать свои ошибки и найти в себе силы ликвидировать их в кратчайший срок. Боязнь признать свои ошибки после упоения недавними успехами, боязнь самокритики, нежелание исправить ошибки быстро и решительно — в этом главная трудность. Стоит преодолеть эту трудность, стоит отбросить прочь раздутые цифровые задания и канцелярско-бюрократический максимализм, стоит переключить свое внимание на задачи организационно-хозяйственного строительства колхозов, чтобы от ошибок не осталось и следа. Нет никаких оснований сомневаться в том, что партия уже преодолела в основном эту опасную трудность.

«Все революционные партии,— говорит Ленин,— которые до сих пор гибли,— гибли от того, что *заснавались* и не умели видеть, в чем их сила, и *боялись говорить о своих слабостях*. А мы не погибнем, потому что не боимся говорить о своих слабостях, и научимся преодолевать слабость» (Курсив мой—И. Ст.) (т. XXVII, стр. 260—261).

Этих слов Ленина забывать нельзя.

Четвертый вопрос. Не есть ли борьба с искривлениями партлинии ход назад, отступление?

Ответ. Конечно, нет! Об отступлении могут здесь говорить лишь люди, считающие продолжение ошибок и искривлений наступлением, а борьбу с ошибками — отступлением. Наступление в порядке нагромождения ошибок и искривлений,— нечего говорить, хорошее «наступление».

Мы выдвинули сельско-хозяйственную артель как основную форму колхозного движения в данный момент, дав соответствующий примерный устав как руководство к работе по колхозному строительству. Отстаем ли мы от этого дела? Конечно, нет!

Мы выдвинули упрочение производственной смычки рабочего класса и

бедноты с середняком как основу колхозного движения в данный момент. Отступаем ли мы от этого дела? Конечно, нет!

Мы выдвинули лозунг ликвидации кулачества как класса, как главный лозунг нашей практической работы в деревне в данный момент. Отступаем ли мы от этого дела? Конечно, нет!

Мы взяли еще в январе 1930 г. известный темп коллективизации сельского хозяйства СССР, разбив области СССР на известные группы и определив для каждой группы свой особый темп. Отступаем ли мы от этого дела? Конечно, нет!

Где же тут «отступление» партии?

Мы хотим, чтобы люди, допустившие ошибки и искривления, отступили от своих ошибок. Мы хотим, чтобы головотяпы отступили от своего головотяпства на позиции ленинизма. Мы хотим этого, так как только при этом условии можно будет продолжать *действительное* наступление на наших классовых врагов. Значит ли это, что мы делаем этим ход назад? Конечно, нет! Это значит лишь то, что мы хотим вести *правильное* наступление, а не головотяпскую игру в наступление.

Разве не ясно, что только чудаки и «левые» загибщики могут расценивать такую установку партии, как отступление?

Люди, болтающие об отступлении, не понимают по крайней мере двух вещей.

1) Они не знают законов наступления. Они не понимают, что наступление *без закрепления* завоеванных позиций есть наступление, обреченное на провал. Когда может быть наступление успешным, скажем, в области военного дела? Когда люди не ограничиваются огульным продвижением вперед, а стараются вместе с тем *закрепить* захваченные позиции, *перегруппировать* свои силы сообразно с изменившейся обстановкой, *подтянуть* тылы, *подвести* резервы. Для чего все это нужно? Для того, чтобы гарантировать себя от неожиданностей, ликвидировать отдельные прорывы, от которых не гарантировано ни одно наступление, и подготовить, таким образом, полную ликвидацию врага. Ошибка польских войск в 1920 г., если взять только военную сторону дела, состоит в том, что они пренебрегли этим правилом. Этим, между прочим, и объясняется, что, докатившись огулом до Киева, они вынуждены были потом так же огулом откатиться до Варшавы. Ошибка советских войск в 1920 г., если взять опять-таки только военную сторону дела, состоит в том, что они повторили ошибку поляков при своем наступлении на Варшаву.

То же самое надо сказать о законах наступления на фронте классовой борьбы. Нельзя вести успешное наступление на предмет ликвидации классовых врагов, *не закрепляя* завоеванных позиций, *не перегруппировывая* свои силы, не обеспечивая фронт *резервами*, не подтягивая *тылы* и т. д.

Все дело в том, что головотяпы не понимают законов наступления. Все дело в том, что партия их понимает и проводит в жизнь.

2) Они не понимают классовой природы наступления. Кричат о наступлении. Но наступление на *какой* класс, в союзе с *каким* классом? Мы ведем наступление на капиталистические элементы деревни в союзе с середняком, ибо только такое наступление может дать нам победу. Но как быть,

если в пылу увлечения отдельных отрядов партии наступление начинает соскальзывать с правильного пути и поворачивается своим острием против нашего союзника, против середняка? Разве нам нужно *всякое* наступление, а не наступление на определенный класс в союзе с определенным классом? Дон-Кихот тоже ведь соображал, что он наступает на врагов, идя в атаку на мельницу. Однако, известно, что он расшиб себе лоб на этом, с позволения сказать, наступлении. Видимо, лавры Дон-Кихота не дают спать нашим «левым» загибщикам. *Пятый вопрос.* Какая у нас главная опасность, правая или «левая»? *Ответ.* Главная опасность у нас правая. Правая опасность была у нас и остается главной опасностью.

Не противоречит ли это положение известному тезису в постановлении ЦК от 15 марта 1930 г. о том, что ошибки и искривления «левых» загибщиков являются теперь главным тормозом колхозного движения? Нет, не противоречит. Дело в том, что ошибки «левых» загибщиков в области колхозного движения являются такими ошибками, которые создают благоприятную обстановку для усиления и укрепления правого уклона в партии. Почему? Потому, что эти ошибки изображают линию партии в превратном свете, — стало быть, они облегчают дело дискредитации партии, — следовательно, они облегчают борьбу правых элементов против руководства партии. Дискредитация партийного руководства есть та *самая* элементарная почва, на базе которой только и может разыграться борьба правых уклонистов против партии. Эту почву дают правым уклонистам «левые» загибщики, их ошибки и искривления. Поэтому, чтобы бороться с успехом с правым оппортунизмом, надо преодолеть ошибки «левых» оппортунистов. «Левые» загибщики являются объективно союзниками правых уклонистов.

Такова своеобразная связь между «левым» оппортунизмом и правым уклонизмом

Этой связью и нужно объяснить тот факт, что некоторые «левые» частенько поговаривают о блоке с правыми. Этим же нужно объяснить то своеобразное явление, что одна часть «леваков», вчера еще «проводившая» ура-наступление и пытавшаяся коллективизировать СССР в каких-нибудь две-три недели, сегодня впадает в пассивность, опускает руки и благополучно уступает поле борьбы правым уклонистам, ведя, таким образом, линию на действительное отступление (без кавычек!) перед кулачеством.

Особенность переживаемого момента состоит в том, что борьба с ошибками «левых» загибщиков является у нас условием и своеобразной формой успешной борьбы с правым оппортунизмом

Шестой вопрос. Как расценить отлив одной части крестьян из колхозов?

Ответ. Отлив одной части крестьян означает, что за последнее время народилось у нас некоторое количество непрочных колхозов, которые очищаются теперь от неустойчивых элементов. Это значит, что дутые колхозы исчезнут, прочные останутся и будут крепнуть. Я думаю, что это вполне нормальное явление. Некоторые товарищи приходят от этого в отчаяние, впадают в панику и судорожно хватаются за раздутые проценты. Другие злорадствуют и пророчат «провал» колхозного движения. И те и

другие жестоко ошибаются. И те и другие далеки от марксистского понимания существа колхозного движения.

Уходят из колхозов, прежде всего, так называемые мертвые души. Это даже не уход, а обнаружение пустоты. Нужны ли нам мертвые души? Конечно, не нужны. Я думаю, что северо-кавказцы и украинцы поступают совершенно правильно, когда они распускают колхозы с мертвыми душами и организуют действительно живые и действительно устойчивые колхозы. От этого только выигрывает колхозное движение.

Уходят, во-вторых, элементы чуждые, прямо враждебные нашему делу. Ясно, что чем скорее будут вышиблены такие элементы, тем лучше для колхозного движения.

Уходят, наконец, элементы колеблющиеся, которых нельзя назвать ни чуждыми, ни мертвыми душами. Это те самые крестьяне, которых мы еще не сумели убедить *сегодня* в правоте нашего дела, но которых мы наверняка убедим *завтра*. Уход таких крестьян представляет серьезный, хотя и временный, урон для колхозного движения. Поэтому борьба за колеблющиеся элементы колхозов является теперь одной из самых насущнейших задач колхозного движения.

Выходит, что отлив одной части крестьян из колхозов представляет не только отрицательное явление. Выходит, что, поскольку этот отлив освобождает колхозы от мертвых душ и прямо чуждых элементов, он означает благотворительный процесс оздоровления и укрепления колхозов.

Месяц назад считали, что мы имеем свыше 60% коллективизации по зерновым областям. Теперь ясно, что, если иметь в виду действительные и сколько-нибудь устойчивые колхозы, эта цифра была явно преувеличена. Если колхозное движение закрепится после отлива одной части крестьян на цифре в 40% коллективизации по зерновым областям, — а это осуществимо наверняка, — то это будет величайшим достижением колхозного движения в данный момент. Я беру среднюю цифру для зерновых областей, хорошо зная, что у нас имеются при этом отдельные районы сплошной коллективизации с цифрой в 80—90%. 40% коллективизации по зерновым областям — это значит, что первоначальный пятилетний план коллективизации мы сумели выполнить к весне 1930 г. *вдвое*.

Кто решится отрицать *решающий* характер этого *исторического* достижения в деле социалистического развития СССР?

Седьмой вопрос. Хорошо ли поступают колеблющиеся крестьяне, уходя из колхозов?

Ответ. Нет, они поступают нехорошо. Уходя из колхозов, они идут против своих же собственных интересов, ибо только колхозы дают крестьянам выход из нужды и темноты. Уходя из колхозов, они ставят себя в худшее положение, ибо лишают себя тех льгот и выгод, которые предоставляет колхозам Советская власть. Ошибки и искривления в колхозах не довод для выхода. Ошибки надо исправлять общими силами, оставаясь в колхозе. Их тем легче исправить, что Советская власть будет всеми силами бороться с ними.

Ленин говорит, что:

«Система мелкого хозяйства при товарном производстве *не в состоянии* избавить человечество от нищеты масс и угнетения их» (т. XX, стр. 122).

Ленин говорит, что:

«Мелким хозяйством из нужды не выйти» (т. XXIV, стр. 540).

Ленин говорит, что:

«Если мы будем сидеть по-старому в мелких хозяйствах, хотя и вольными гражданами на вольной земле, нам все равно грозит неминуемая гибель» (т. XX, стр. 417).

Ленин говорит, что:

«Только при помощи общего, артельного, товарищеского труда можно выйти из того тупика, в который загнала нас империалистская война» (т. XXIV, стр. 537).

Ленин говорит, что:

«Необходимо перейти к общей обработке в крупных образцовых хозяйствах», ибо «без этого выйти из той разрухи, из того прямо-таки отчаянного положения, в котором находится Россия, нельзя» (т. XX, стр. 418).

Что все это означает?

Это означает, что колхозы являются *единственным* средством, дающим крестьянам выход из нужды и темноты.

Ясно, что крестьяне поступают неправильно, выходя из колхозов.

Ленин говорит, что:

«Вы, конечно, все знаете из всей деятельности Советской власти, какое *громадное значение* придаем мы коммуна, артелям и всяким вообще организациям, направленным к превращению, постепенному содействию этому превращению мелкого, единоличного крестьянского хозяйства в общественное, товарищеское или артельное» (Курсив мой.—И. Ст.) (т. XXIV, стр. 579).

Ленин говорит, что:

«Советская власть дала прямое *преимущество* коммуна и товариществам, поставив их *на первое место*» (Курсив мой.—И. Ст.) (т. XXIII, стр. 399).

Что это значит?

Это значит, что Советская власть будет оказывать колхозам льготы и преимущества перед единоличными хозяйствами. Это значит, что она будет оказывать колхозам льготы и в смысле предоставления земли, и в смысле снабжения машинами, тракторами, семенным зерном и т. д., и в смысле облегчения налогового обложения, и в смысле предоставления кредитов.

Почему Советская власть оказывает льготы и преимущества колхозам? Потому, что колхозы являются *единственным* средством избавления крестьян от нищеты.

Потому, что преимущественная помощь колхозам является наиболее действительной формой помощи бедноте и середнякам.

На-днях Советская власть решила *освободить* от налогового обложения *на два года* весь обобществленный рабочий скот в колхозах (лошадей, волов и т. д.), всех коров, свиней, овец и птицу, находящихся как в коллективном владении колхозов, так и в индивидуальном владении колхозников.

Советская власть решила, кроме того, *отсрочить* к концу года покрытие задолженности колхозников по кредитам и *снять* все штрафы и судебные взыскания, наложенные до 1 апреля на крестьян, вошедших в колхозы.

Она решила, наконец, обязательно осуществить кредитование колхозников в настоящем году в размере 500 млн. руб.

Эти льготы пойдут на помощь крестьянам-колхозникам. Эти льготы пойдут на помощь тем крестьянам-колхозникам, которые сумели устоять перед отливом, которые закалились в борьбе с врагами колхозов, которые отстаивали колхозы и удержали в своих руках великое знамя колхозного движения. Эти льготы пойдут на помощь тем беднякам и середнякам колхозникам, которые составляют теперь основное ядро наших колхозов, которые укрепят и оформят наши колхозы и которые завоюют на сторону социализма миллионы и миллионы крестьянства. Эти льготы пойдут на помощь тем крестьянам-колхозникам, которые составляют теперь основные кадры колхозов и которые вполне заслуживают того, чтобы назвать их героями колхозного движения.

Этих льгот *не получают* крестьяне, ушедшие из колхозов.

Разве не ясно, что крестьяне допускают ошибку, уходя из колхозов?

Разве не ясно, что только возвращением в колхозы могут они обеспечить себе получение этих льгот?

Восьмой вопрос. Как быть с коммунами, не следует ли их распустить?

Ответ. Нет, не следует и незачем их распускать. Я говорю о действительных, а не бумажных коммунах. В зерновых областях СССР существует ряд великолепных коммун, которые заслуживают того, чтобы поощрять и поддерживать их. Я имею в виду старые коммуны, которые выдержали годы испытаний и закалились в борьбе, полностью оправдав свое существование. Что касается новых коммун, недавно только образовавшихся, то они смогут отстоять свое существование лишь в том случае, если они организовались *добровольно*, при активной поддержке крестьян, без *принудительного* обобществления быта.

Образование и ведение коммун — дело сложное и трудное. Крупные и устойчивые коммуны могут существовать и развиваться лишь при наличии опытных кадров и испытанных руководителей. Скоропалительный перевод с устава артели на устав коммун может лишь оттолкнуть крестьян от колхозного движения. Поэтому к этому делу надо относиться с особой серьезностью и без какой бы то ни было торопливости. Артель — более легкое дело и более доступна сознанию широких крестьянских масс. Поэтому артель является в данный момент наиболее распространенной формой колхозного движения. Лишь по мере укрепления и упрочения сельскохозяйственных артелей может создаваться почва для массового движения крестьян в сторону коммуны. Поэтому коммуна, представляющая высшую форму, может стать главным звеном колхозного движения лишь в будущем.

Девятый вопрос. Как быть с кулачеством?

Ответ. До сих пор речь шла у нас о середняке. Средняк есть союзник рабочего класса, и политика у нас должна быть с ним дружественной. Другое дело кулак. Кулак — есть враг Советской власти. С ним у нас нет и не может быть мира. Наша политика в отношении кулачества есть

политика его ликвидации как класса. Это, конечно, не значит, что мы можем его ликвидировать в один присест. Но это значит, что мы будем вести дело на то, чтобы окружить его и ликвидировать.

Вот что говорит Ленин о кулаке:

«Кулаки — самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры, не раз восстанавливавшие в истории других стран власть помещиков, царей, попов, капиталистов. Кулаков больше, чем помещиков и капиталистов. Но все же кулаки — меньшинство в народе... Эти кровопийцы нажились на народной нужде во время войны, они скопили тысячи и сотни тысяч денег, повышая цены на хлеб и другие продукты. Эти пауки жирели на счет разоренных войною крестьян, на счет голодных рабочих. Эти пиявки пили кровь трудящихся, богатея тем больше, чем больше голодал рабочий в городах и на фабриках. Эти вампиры подбирали и подбирают себе в руки помещичьи земли, они снова и снова кабелят бедных крестьян» (т. XXIII, стр. 206—207).

Мы терпели этих кровопийц, пауков и вампиров, проводя политику ограничения их эксплуататорских тенденций. Терпели, так как нечем было заменить кулацкое хозяйство, кулацкое производство. Теперь мы имеем возможность заменить с лихвой их хозяйство хозяйством наших колхозов и совхозов. Терпеть дальше этих пауков и кровопийц незачем. Терпеть дальше этих пауков и кровопийц, поджигающих колхозы, убивающих колхозных деятелей и пытающихся сорвать сев, — значит идти против интересов рабочих и крестьян.

Поэтому политика ликвидации кулачества как класса должна проводиться со всей той настойчивостью и последовательностью, на которую только способны большевики.

Десятый вопрос. В чем состоит ближайшая практическая задача колхозов?

Ответ. Ближайшая практическая задача колхозов состоит в борьбе за сев, в борьбе за наибольшее расширение посевных площадей, в борьбе за правильную организацию сева.

К задаче сева должны быть приспособлены сейчас все другие задачи колхозов.

Работе по организации сева должны быть подчинены сейчас все другие работы в колхозах.

Это значит, что устойчивость колхозов и их беспартийного актива, способность руководителей колхозов и их большевистского ядра будут проверяться не на трескучих резолюциях и широковещательных приветствиях, а на живом деле правильной организации сева.

Но чтобы осуществить с честью эту практическую задачу, надо повернуть внимание колхозных работников в сторону *хозяйственных* вопросов колхозного строительства, в сторону вопросов *внутриколхозного* строительства.

До последнего времени в центре внимания колхозных работников стояла погоня за высокими цифрами коллективизации, при чем люди не хотели видеть разницы между действительной коллективизацией и коллективизацией бумажной. Теперь это увлечение цифрами должно быть отброшено прочь. Теперь внимание работников должно быть сосредоточено на *закреплении* колхозов, на организационном *оформлении* колхозов, на *организации* деловой работы в колхозах.

До последнего времени внимание колхозных работников было сосредоточено на организации крупных колхозных единиц, на организации так называемых «гигантов», при чем «гиганты» нередко вырождались в громоздкие бумажные комендатуры, лишенные хозяйственных корней в деревнях и селах. Показная работа поглощала, стало быть, работу деловую. Теперь это увлечение показной стороной должно быть отброшено прочь. Теперь внимание работников должно быть заострено на организационно-хозяйственной работе колхозов в деревнях и селах. Когда эта работа покажет надлежащие успехи, «гиганты» появятся сами собой.

До последнего времени на привлечение середняков к руководящей работе в колхозах обращалось мало внимания. Между тем, среди середняков имеются замечательные хозяева, которые могли бы стать великолепными хозяйственными работниками колхозного строительства. Теперь этот недостаток в нашей работе должен быть ликвидирован. Теперь задача состоит в том, чтобы привлечь к руководящей работе в колхозах лучших людей из середняков и дать им развернуть на этом деле свои способности.

До последнего времени не обращали достаточного внимания на работу среди крестьянок. Истекший период показал, что работа среди крестьянок является у нас наиболее слабым местом нашей работы. Теперь этот недостаток должен быть ликвидирован решительно и бесповоротно.

До последнего времени коммунисты ряда районов исходили из того, что они могут разрешить своими собственными силами все задачи колхозного строительства. Исходя из этого, они не обращали достаточного внимания на привлечение беспартийных к ответственной работе в колхозах, на выдвижение беспартийных на руководящую работу в колхозах, на организацию в колхозах широкого беспартийного актива. История нашей партии доказала, а истекший период колхозного строительства лишний раз показал, что такая установка является в корне неправильной. Если бы коммунисты замыкались в свою скорлупу, отгораживаясь стеной от беспартийных, они загубили бы все дело. Если коммунистам удавалось покрыть себя славой в боях за социализм, а враги коммунизма оказывались разбитыми, то это, между прочим, потому, что коммунисты умели привлекать к делу лучших людей из беспартийных, они умели черпать силы среди широких слоев беспартийных, они умели окружать свою партию широким беспартийным активом. Теперь этот недостаток нашей работы с беспартийными должен быть ликвидирован решительно и бесповоротно.

Исправить эти недочеты нашей работы, ликвидировать их в корне — это именно и значит поставить на рельсы *хозяйственную* работу колхозов.

Итак:

- 1) Правильная организация сева — такова задача.
- 2) Сосредоточение внимания на хозяйственных вопросах колхозного движения — таково средство, необходимое для разрешения этой задачи.

«Правда» №92,

3 апреля 1930 г.

«Вопросы ленинизма», стр. 323—314, изд. 10-е.

**И. Сталин. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ ЦЕНТРАЛЬНОГО
КОМИТЕТА XVI СЪЕЗДУ ВКП(б). Доклад и
заключительное слово. 27 июня—2 июля 1930 г.**

1. Растущий кризис мирового капитализма и внешнее положение СССР

Товарищи! Со времени XV съезда прошло 2 $\frac{1}{2}$ года. Период времени, кажется, не очень большой. А между тем за это время произошли серьезные изменения в жизни народов и государств. Если охарактеризовать в двух словах истекший период, его можно было бы назвать периодом *переломным*. Он был переломным не только для нас, для СССР, но и для капиталистических стран всего мира. Но между этими двумя переломами существует коренная разница. В то время, как перелом этот означал для СССР поворот в сторону нового, более серьезного экономического *подъема*, для капиталистических стран перелом означал поворот к экономическому *упадку*. У нас, в СССР, *растущий* подъем социалистического строительства и в промышленности, и в сельском хозяйстве. У них, у капиталистов, *растущий* кризис экономики и в промышленности, и в сельском хозяйстве.

Такова картина нынешнего положения в двух словах.

Вспомните положение дел в капиталистических странах 2 $\frac{1}{2}$ года тому назад. Рост промышленного производства и торговли почти во всех странах капитализма. Рост производства сырья и продовольствия почти во всех аграрных странах. ореол вокруг САСШ, как страны самого полного капитализма. Победные песни о «процветании». Низкопоклонство перед долларом. Славословия в честь новой техники, в честь капиталистической рационализации. Объявление эры «оздоровления» капитализма и несокрушимой прочности капиталистической стабилизации. «Всеобщий» шум и гам насчет «неминуемой гибели» Страны советов, насчет «неминувшего краха» СССР.

Так обстояло дело вчера.

А какова картина теперь?

Теперь — экономический кризис почти во всех промышленных странах капитализма. Теперь — сельско-хозяйственный кризис во всех аграрных странах. Вместо «процветания» — нищета масс и колоссальный рост безработицы. Вместо подъема сельского хозяйства — разорение миллионных масс крестьянства. Рушатся иллюзии насчет всемогущества капитализма вообще, всемогущества северо-американского капитализма в особенности. Все слабее становятся победные песни в честь доллара и капиталистической рационализации. Все сильнее становятся пессимистические завывания насчет «ошибок» капитализма. А «всеобщий» шум о «неминуемой гибели» СССР сменяется «всеобщим» злобным шипением насчет

необходимости наказать «эту страну», которая смеет развивать свою экономику, когда кругом царит кризис.

Такова картина теперь.

Вышло именно так, как говорили большевики года два-три тому назад.

Большевики говорили, что рост техники в капиталистических странах, рост производительных сил и капиталистической рационализации, при ограниченных пределах жизненного уровня миллионных масс рабочих и крестьян, должны неминуемо привести к жестокому экономическому кризису. Буржуазная пресса посмеивалась над «оригинальным пророчеством» большевиков. Правые уклонисты отмежевывались от большевистского прогноза, подменяя марксистский анализ либеральной болтовней об «организованном капитализме». А что вышло на деле? Вышло так, как говорили большевики.

Таковы факты.

Перейдем к рассмотрению данных об экономическом кризисе в капиталистических странах.

1. Мировой экономический кризис

а) При изучении кризиса бросаются в глаза прежде всего следующие факты:

1. Нынешний экономический кризис есть кризис *перепроизводства*. Это значит, что произведено товаров больше, чем может поглотить рынок. Это значит, что произведено мануфактуры, топлива, фабрично-заводских изделий, предметов питания больше, чем могут купить на наличные деньги основные потребители, т. е. народные массы, доходы которых остаются на низком уровне. А так как покупательная способность народных масс в условиях капитализма остается на минимально низком уровне, то «излишек» товаров, мануфактуры, хлеба и т. д. капиталисты оставляют на складах или даже уничтожают, чтобы удержать высокие цены, производство сокращают, рабочих рассчитывают, и народные массы вынуждены бедствовать из-за того, что произведено слишком много товаров.

2. Нынешний кризис является первым после войны *мировым* экономическим кризисом. Он является мировым кризисом не только в том смысле, что охватывает все или почти все *промышленные* страны мира, при чем даже Франция, систематически впрыскивающая в свой организм миллиарды марок репарационных платежей Германии, не смогла избежать известной депрессии, которая должна, по всем данным, перейти в кризис. Он является мировым кризисом еще в том смысле, что кризис *промышленный* совпал по времени с кризисом *сельско-хозяйственным*, охватывающим производство всех видов сырья и продовольствия в основных *аграрных* странах мира.

3. Нынешний мировой кризис разворачивается *неравномерно*, несмотря на его *всеобщий* характер, поражая те или иные страны в разное время и с различной силой. Промышленный кризис начался раньше всего в Польше, Румынии, на Балканах. Он разворачивался там в продолжение всего прошлого года. Явные признаки начавшегося сельско-хозяйственного кризиса имелись уже в конце 1928 г. в Канаде, в САСШ, в Аргентине, в Бразилии, в Австралии. За весь этот период промышленность САСШ идет в гору.

К середине 1929 г. промышленное производство в САСШ достигает почти рекордной высоты. Только со второй половины 1929 г. начинается перелом, и потом уже разворачивается стремительный кризис промышленного производства, отбросивший САСШ к уровню 1927 г. Вслед за этим идет промышленный кризис в Канаде, в Японии. Затем идут банкротства и кризис в Китае и колониальных странах, где кризис усугубляется падением цен на серебро и где кризис перепроизводства сочетается с разрушением крестьянского хозяйства, доведенного эксплуатацией феодалов и непосильными налогами до полного истощения. Что касается Западной Европы, то там кризис начинает входить в силу лишь в начале этого года, при чем не везде с одинаковой силой, а Франция даже в этот период все еще продолжает проявлять рост промышленного производства.

Я думаю, что нет необходимости особенно останавливаться на цифровых данных, демонстрирующих наличие кризиса. О том, что кризис существует, теперь уже не спорят. Я ограничусь поэтому приведением одной небольшой, но характерной таблицы, опубликованной недавно германским «Институтом конъюнктурных исследований». Таблица эта изображает развитие горной промышленности и основных отраслей крупной обрабатывающей индустрии в САСШ, Англии, Германии, Франции, Польше, СССР, начиная с 1927 г., при чем уровень производства в 1928 г. принимается за 100.

Вот эта таблица:

Годы	СССР	САСШ	Англия	Германия	Франция	Польша
1927	82,4	95,5	105,5	100,1	86,6	88,5
1928	100	100	100	100	100	100
1929	123,5	106,3	107,9	101,8	109,4	99,8
1930 (первый квартал)	155,5	95,5	107,4	93,4	113,1	84,6

О чем говорит эта таблица?

Она говорит, прежде всего, о том, что САСШ, Германия и Польша, переживают *резко выраженный кризис* крупного промышленного производства, при чем за первый квартал 1930 г. в САСШ после *подъема* в первой половине 1929 г. уровень производства упал в сравнении с 1929 г. на 10,8%, снизившись до уровня 1927 г.; в *Германии* после трехлетнего *застоя* уровень производства снизился в сравнении с прошлым годом на 8,4%, упав ниже уровня 1927 г. на 6,7%, а в *Польше* после прошлогоднего *кризиса* уровень производства снизился в сравнении с прошлым годом на 15,2%, упав ниже уровня 1927 г. на 3,9%.

Она говорит, во-вторых, о том, что *Англия* уже три года топчется на одном месте, вокруг уровня 1927 г., и переживает тяжелый экономический *застой*, при чем в первом квартале 1930 г. она успела уже снизить уровень производства в сравнении с прошлым годом на 0,5%, вступив, таким образом, в начальную фазу *кризиса*.

Она говорит, в-третьих, о том, что из крупных капиталистических стран только во *Франции* имеет место некоторый *рост* крупной промышленности, при чем, если процент прироста в 1928 г. составлял 13,4, а в 1929 г. 9,4, то в первом квартале 1930 г. прирост в сравнении с 1929 г.

составляет всего лишь 3,7%, давая, таким образом, картину из года в год *снижающейся* кривой роста.

Она говорит, наконец, о том, что из всех стран в мире только в СССР имеет место *бурный подъем* крупной промышленности, при чем уровень производства в первом квартале 1930 г. превышает уровень 1927 г. более чем *вдвое*, а процент прироста подымается с 17,6 в 1928 г. до 23,5 в 1929 г. и до 32 в первом квартале 1930 г., давая, таким образом, картину из года в год *подымающейся* кривой роста.

Могут сказать, что если так обстояло дело до конца первого квартала этого года, то не исключено, что во втором квартале этого года оно могло измениться к лучшему. Но данные второго квартала решительно опровергают подобное предположение. Наоборот, они говорят о том, что во втором квартале положение еще больше ухудшилось. Эти данные говорят о новом *падении акций* на нью-йоркской бирже и новой *волне банкротств* в САСШ; о новом *сокращении* производства, *снижении заработной платы* рабочих и *росте безработицы*, в САСШ, Германии, Англии, Италии, Японии, Южной Америке, Польше, Чехо-Словакии и т. д.; о вступлении ряда отраслей промышленности Франции в полосу *застоя*, являющегося при нынешней международной экономической обстановке признаком начинающегося кризиса. Безработных в САСШ имеется теперь более 6 млн., в Германии—около 5 млн., в Англии—более 2 млн., в Италии, Южной Америке, Японии—по миллиону, в Польше, Чехо-Словакии, Австрии—по 500 тысяч. Я уже не говорю о дальнейшем обострении сельскохозяйственного кризиса, разоряющего миллионы фермеров и трудовых крестьян. Кризис перепроизводства в сельском хозяйстве дошел до того, что ради сохранения высоких цен и прибылей буржуазии в Бразилии выброшено в море 2 млн. мешков кофе, в Америке стали топить вместо угля кукурузой, в Германии миллионы пудов ржи превращены в корм для свиней, а по части хлопка и пшеницы принимаются все меры к тому, чтобы сократить посевные площади процентов на 10—15.

Такова общая картина развертывающегося мирового экономического кризиса.

б) Теперь, когда мировой экономический кризис развертывает свое разрушительное действие, спуская ко дну целые слои средних и мелких капиталистов, разоряя целые группы рабочей аристократии и фермеров и обрекая на голод миллионные массы рабочих,— все спрашивают: где причина кризиса, в чем его основа, как с ним бороться, как его уничтожить? Измышляются самые разнообразные «теории» кризиса. Предлагают Целые проекты «смягчения», «предупреждения», «ликвидации» кризиса. Буржуазные оппозиции кивают на буржуазные правительства, которые, оказывается, «не приняли всех мер» для предупреждения кризиса. «Демократы» обвиняют «республиканцев», «республиканцы»—«демократов», а все вместе — группу Гувера с ее «Федеральной резервной системой», которая не сумела «обуздать» кризис. Существуют даже такие мудрецы, которые причину мирового экономического кризиса видят в «кознях большевиков». Я имею в виду известного «промышленника» Рехберга, который, собственно, мало похож на промышленника и скорее всего напоминает «промышленника» среди литераторов и «литератора» среди промышленников. (Смех.)

Понятно, что все эти теории и проекты не имеют ничего общего с наукой. Нужно признать, что буржуазные экономисты оказались полными банкротами перед лицом кризиса. Более того, они оказались лишенными даже того минимума чуткости жизни, в котором не всегда можно отказать их предшественникам. Эти господа забывают, что кризисы нельзя рассматривать, как случайное явление в системе капиталистического хозяйства. Эти господа забывают, что экономические кризисы являются неизбежным результатом капитализма. Эти господа забывают, что кризисы родились вместе с рождением господства капитализма. На протяжении более чем сотни лет происходят периодические экономические кризисы, повторяясь через каждые 12—10—8 и меньше лет. За этот период буржуазные правительства всех рангов и цветов, буржуазные деятели всех степеней и способностей,— все без исключения пытались пробовать свои силы на предмет «предупреждения» и «уничтожения» кризисов. Но все они терпели поражение. Терпели поражение, так как нельзя предупреждать или уничтожить экономические кризисы, оставаясь в рамках капитализма. Что же тут удивительного, если нынешние буржуазные деятели также терпят поражение? Что же тут удивительного, если мероприятия буржуазных правительств ведут на деле не к смягчению кризиса, не к облегчению положения миллионных масс трудящихся, а к новым взрывам банкротств, к новой волне безработицы, к поглощению менее сильных капиталистических объединений более сильными капиталистическими объединениями?

Основа экономических кризисов перепроизводства, их причина лежит в самой системе капиталистического хозяйства. Основа кризиса лежит в противоречии между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения результатов производства. Выражением этого основного противоречия капитализма является противоречие между колоссальным *ростом* производственных возможностей капитализма, рассчитанным на получение *максимума* капиталистической прибыли, и относительным *сокращением* платежеспособного спроса со стороны миллионных масс трудящихся, жизненный уровень которых капиталисты все время стараются держать в пределах крайнего *минимума*. Чтобы выиграть в конкуренции и выжать побольше прибыли, капиталисты вынуждены развивать технику, проводить рационализацию, усилить эксплуатацию рабочих и поднимать производственные возможности своих предприятий до крайних пределов. Чтобы не отстать друг от друга, все капиталисты вынуждены так или иначе стать на этот путь бешеного развития производственных возможностей. Но рынок внутренний и рынок внешний, покупательная способность миллионных масс рабочих и крестьян, являющихся в последнем счете основными покупателями, остаются на низком уровне. Отсюда кризисы перепроизводства. Отсюда известные результаты, повторяющиеся более или менее периодически, в силу которых товары остаются непроданными, производство сокращается, растет безработица, снижается заработная плата и, тем самым, еще больше обостряется противоречие между уровнем производства и уровнем платежеспособного спроса. Кризис перепроизводства есть проявление этого противоречия в бурных и разрушительных формах. Если бы капитализм мог приспособить производство не к получению

максимума прибыли, а к систематическому улучшению материального положения народных масс, если бы он мог обращать прибыль не на удовлетворение прихотей паразитических классов, не на усовершенствование методов эксплуатации, не на вывоз капитала, а на систематический подъем материального положения рабочих и крестьян, то тогда не было бы кризисов. Но тогда и капитализм не был бы капитализмом. Чтобы уничтожить кризисы, надо уничтожить капитализм.

Такова основа экономических кризисов перепроизводства вообще.

Но дело этим не может ограничиваться при характеристике *нынешнего* кризиса. Нынешний кризис не есть простое повторение старых кризисов. Он происходит и разворачивается в некоторых новых условиях, которые необходимо выявить, чтобы получить полную картину кризиса. Он осложняется и углубляется целым рядом особых обстоятельств, без уяснения которых невозможно составить себе ясное представление о нынешнем экономическом кризисе.

Что это за особые обстоятельства?

Они, эти особые обстоятельства, сводятся к следующим характерным фактам:

1. Кризис сильнее всего поразил *главную страну* капитализма, его цитадель, САСШ, сосредоточивающие в своих руках не менее половины всего производства и потребления всех стран мира. Понятно, что это обстоятельство не может не вести к колоссальному расширению сферы влияния кризиса, к обострению кризиса и накоплению сверхсметных трудностей для мирового капитализма.

2. В ходе разворачивания экономического кризиса промышленный кризис главных капиталистических стран не просто совпал, а *переплелся* с сельско-хозяйственным кризисом в аграрных странах, усугубив трудности и предопределив неизбежность общего упадка хозяйственной активности. Нечего и говорить, что промышленный кризис будет усиливать сельско-хозяйственный, а сельско-хозяйственный — затягивать промышленный, что не может не привести к углублению экономического кризиса в целом.

3. Нынешний капитализм, в отличие от старого капитализма, является капитализмом *монополистическим*, а это предопределяет неизбежность борьбы капиталистических объединений за сохранение высоких, монопольных цен на товары, несмотря на перепроизводство. Понятно, что это обстоятельство, делая кризис особенно мучительным и разорительным для народных масс, являющихся основными потребителями товаров, не может не повести к затягиванию кризиса, не может не затормозить его рассасывание.

4. Нынешний экономический кризис разворачивается на базе *общего кризиса* капитализма, возникшего еще в период империалистской войны, подтачивающего устои капитализма и облегчившего наступление экономического кризиса.

Что это означает?

Это означает, прежде всего, что империалистская война и ее последствия усилили загнивание капитализма и подорвали его равновесие, что мы живем теперь в эпоху войн и революций, что капитализм уже не представляет *единственной и всеохватывающей* системы мирового хозяйства, что

наряду с *капиталистической* системой хозяйства существует *социалистическая* система, которая растет, которая преуспевает, которая противостоит капиталистической системе и которая самым фактом своего существования демонстрирует гнилость капитализма, расшатывает его основы

Это означает, далее, что империалистская война и победа революции в СССР расшатали устои империализма в *колониальных и зависимых* странах, что авторитет империализма в этих странах уже подорван, что он не в силах больше по-старому хозяйничать в этих странах.

Это означает, дальше, что за время войны и после нее в колониальных и зависимых странах появился и вырос свой собственный молодой капитализм, который с успехом конкурирует на рынках со старыми капиталистическими странами, обостряя и осложняя борьбу за рынки сбыта.

Это означает, наконец, что война оставила большинству капиталистических стран тяжелое наследство в виде *хронической недогрузки предприятий* и наличия *миллионных армий безработных*, превратившихся из резервных в *постоянные армии безработных*, что создавало для капитализма массу трудностей еще до нынешнего экономического кризиса и что должно еще больше осложнить дело во время кризиса.

Таковы обстоятельства, усугубляющие и обостряющие мировой экономический кризис.

Нужно признать, что нынешний экономический кризис является самым серьезным и самым глубоким кризисом из всех существовавших до сих пор мировых экономических кризисов.

2. Обострение противоречий капитализма

Важнейшим результатом мирового экономического кризиса является обнажение и обострение противоречий, присущих мировому капитализму.

а) Обнажаются и обостряются *противоречия между важнейшими империалистическими странами*, борьба за рынки сбыта, борьба за сырье, борьба за вывоз капитала. Теперь никого из капиталистических государств уже не удовлетворяет старое распределение сфер влияния и колоний. Они видят, что изменилось соотношение сил и нужно соответственно с этим переделить рынки сбыта, источники сырья, сферы влияния и т. д. Главное из этих противоречий — противоречие между САСШ и Англией. И в области вывоза готовых товаров, и в области вывоза капитала борьба идет главным образом между САСШ и Англией. Стоит взять любую экономическую газету, любой документ о вывозе товаров и капитала, чтобы убедиться в этом. Главная арена борьбы — Южная Америка, Китай, колонии и доминионы старых империалистических государств. Перевес сил в этой борьбе, — причем перевес определенный, — на стороне САСШ. За главным противоречием идут противоречия не главные, но довольно существенные: между Америкой и Японией, между Германией и Францией, между Францией и Италией, между Англией и Францией и т. д.

Не может быть никакого сомнения, что в связи с развивающимся кризисом борьба за рынки сбыта, за сырье, за вывоз капитала будет усиливаться с каждым месяцем, с каждым днем.

Средства борьбы: таможенная политика, дешевый товар, дешевый кредит, перегруппировка сил и новые военно-политические союзы, рост вооружений и подготовка к новым империалистским войнам, наконец — война. Я говорил о кризисе, охватившем все отрасли производства. Но есть одна отрасль, которая не захвачена кризисом. Эта отрасль — военная промышленность. Она все время растет, несмотря на кризис. Буржуазные государства бешено вооружаются и перевооружаются. Для чего? Конечно, не для беседы, а для войны. А война нужна империалистам, так как она есть единственное средство для передела мира, для передела рынков сбыта, источников сырья, сфер приложения капитала.

Вполне понятно, что в этой обстановке так называемый пацифизм доживает последние дни, Лига наций гниет заживо, «проекты разоружения» проваливаются в пропасть, а конференции по сокращению морских вооружений превращаются в конференции по обновлению и расширению морского флота.

Это значит, что опасность войны будет нарастать ускоренным темпом.

Пусть болтают социал-демократы о пацифизме, о мире, о мирном развитии капитализма и пр. Опыт пребывания социал-демократии у власти в Германии и Англии показывает, что пацифизм является у них лишь маской, необходимой для прикрытия подготовки новых войн.

б) Обнажаются и будут обостряться *противоречия между странами-победительницами и странами-побежденными*. Из числа последних имею в виду главным образом Германию. Несомненно, что в связи с кризисом и обострением проблемы рынков усилятся нажим на Германию, являющуюся не только должником, но и крупнейшим экспортером. Оригинальные отношения, сложившиеся между странами-победительницами и Германией, можно было бы изобразить в виде пирамиды, на верху которой по-господски сидят Америка, Франция, Англия и т. д. с планом Юнга в руках, с надписью: «Плати!», а внизу распластана Германия, выбиваемая из сил и вынужденная вытягивать из себя все силы для того, чтобы выполнить приказ о платеже миллиардных контрибуций. Вы хотите знать, что это такое? Это есть «дух Локарно». Думать, что такое положение может пройти даром для мирового капитализма, — значит ничего не понимать в жизни. Думать, что германская буржуазия сумеет заплатить в ближайшие 10 лет 20 миллиардов марок, а германский пролетариат, живущий под двойным ярмом «своей» и «чужой» буржуазии, даст германской буржуазии выжать из его жил эти 20 миллиардов без серьезных боев и потрясений, — значит сойти с ума. Пусть германские и французские политики делают вид, что они верят в это чудо. Мы, большевики, в чудеса не верим.

в) Обнажаются и обостряются *противоречия между империалистическими государствами и колониальными и зависимыми странами*. Растущий экономический кризис не может не усилить нажима империалистов на колонии и зависимые страны, представляющие основные рынки сбыта и сырья. И действительно, нажим усиливается до последней степени. Это факт, что европейская буржуазия находится теперь в состоянии войны со «своими» колониями в Индии, в Индо-Китае, в Индонезии, в Северной Африке. Это факт, что «независимый» Китай уже поделен фактически на сферы влияния, а генеральские клики контр-революционных гоминдановцев, воюя меж-

ду собой и разоряя китайский народ, выполняют волю своих хозяев из империалистического лагеря.

Нужно считать окончательно проваленной лживую версию о том, что работники русских посольств в Китае являются виновниками нарушения «мира и спокойствия» в Китае. Русских посольств давно уже нет ни в южном, ни в среднем Китае. Но зато имеются английские, японские, германские, американские и всякие иные посольства. Русских посольств давно уже нет ни в южном, ни в среднем Китае. Но зато имеются немецкие, английские и японские военные советники при воюющих китайских генералах. Русских посольств давно уже нет там. Но зато имеются английские, американские, немецкие, чехо-словацкие и всякие иные орудия, винтовки, аэропланы, танки, отравляющие газы. И что же? Вместо «мира и спокойствия» мы имеем теперь в южном и среднем Китае самую разнузданную и самую разорительную генеральскую войну, финансируемую и инструктируемую «цивилизованными» государствами Европы и Америки. Получается довольно пикантная картина «цивилизаторской» работы капиталистических государств. Неизвестно только, при чем тут русские большевики?

Было бы смешно думать, что эти бесчинства империалистов пройдут им даром. Китайские рабочие и крестьяне уже ответили на них созданием советов и красной армии. Говорят, что там уже образовалось советское правительство. Я думаю, что если это верно, то в этом нет ничего удивительного. Не может быть сомнения, что только советы могут спасти Китай от окончательного развала и обнищания.

Что касается Индии, Индо-Китая, Индонезии, Африки и т. д., то нарастание революционного движения в этих странах, принимающее порой формы национальной войны за освобождение, не подлежит никакому сомнению. Господа буржуа рассчитывают залить эти страны кровью и опереться на полицейские штыки, призвав на помощь людей вроде Ганди. Не может быть сомнения, что полицейские штыки — плохая опора. Царизм тоже старался в свое время опереться на полицейские штыки, но какая из этого вышла опора — всем известно. Что касается помощников типа Ганди, то царизм имел их целое стадо в лице либеральных соглашателей всякого рода, из чего, однако, ничего, кроме конфуза, не получилось.

г) Обнажились и обострились *противоречия между буржуазией и пролетариатом* в капиталистических странах. Кризис уже успел усилить нажим капиталистов на рабочий класс. Кризис уже успел вызвать новую волну капиталистической рационализации, новое ухудшение положения рабочего класса, рост безработицы, расширение постоянной армии безработных, снижение заработной платы. Не удивительно, что эти обстоятельства революционизируют обстановку, обостряют борьбу классов и толкают рабочих на новые классовые бои.

В связи с этим разрушаются и падают социал-демократические иллюзии среди рабочих масс. После опыта пребывания у власти социал-демократов, срывающих забастовки, организующих локауты и расстреливающих рабочих, злой насмешкой звучат в ушах рабочих лживые обещания насчет «производственной демократии», «промышленного мира», «мирных методов» борьбы. Много ли найдется теперь рабочих, способных поверить лживой проповеди социал-фашистов? Известные рабочие демонстрации 1

августа 1929 г. (против военной опасности) и 6 марта 1930 г. (против безработицы) показывают, что лучшие люди из рабочего класса уже отвернулись от социал-фашистов. Экономический кризис нанесет новый удар социал-демократическим иллюзиям среди рабочих. Немного найдется теперь рабочих, которые после банкротств и разорений в связи с кризисом согласятся поверить в возможность обогащения «каждого рабочего» путем участия в «демократизированных» акционерных компаниях. Нечего и говорить, что кризис нанесет сокрушительный удар всем таким и подобным им иллюзиям.

Но отход рабочих масс от социал-демократии означает поворот их в сторону коммунизма. Оно так и происходит на самом деле. Рост профсоюзного движения, примыкающего к компартии; избирательные успехи компартий; волна забастовок, происходящих при руководящем участии коммунистов; перерастание экономических забастовок в политические протесты, организуемые коммунистами; массовые демонстрации сочувствующих коммунизму рабочих, встречающие живейший отклик в рабочем классе,— все это говорит о том, что рабочие массы видят в компартии единственную партию, способную бороться с капитализмом, единственную партию, достойную доверия рабочих, единственную партию, за которой можно и стоит идти в борьбе за освобождение от капитализма. Это есть поворот масс в сторону коммунизма. Это есть залог превращения наших братских компартий в большие массовые партии рабочего класса. Необходимо только, чтобы коммунисты сумели оценить обстановку и использовали ее должным образом. Развертывая непримиримую борьбу с социал-демократией, представляющей агентуру капитала в рабочем классе, и разбивая в прах все и всякие уклоны от ленинизма, льющие воду на мельницу социал-демократии, компартии показали, что они стоят на правильном пути. Необходимо, чтобы они окончательно закрепились на этом пути. Ибо только при этом условии могут они рассчитывать на завоевание большинства рабочего класса и успешную подготовку пролетариата к грядущим классовым битвам. Ибо только при этом условии можно рассчитывать на дальнейший рост влияния и авторитета Коммунистического Интернационала.

Таково состояние основных противоречий мирового капитализма, до крайности обострившихся в связи с мировым экономическим кризисом.

О чем говорят все эти факты?

О том, что стабилизации капитализма приходит конец.

О том, что подъем революционного движения масс будет нарастать с новой силой.

О том, что мировой экономический кризис будет перерастать в ряде стран в кризис политический.

Это значит, во-первых, что буржуазия будет искать выхода из положения в дальнейшей фашизации в области внутренней политики, используя для этого все реакционные силы, в том числе и социал-демократию.

Это значит, во-вторых, что буржуазия будет искать выхода в новой империалистской войне и интервенции в области внешней политики.

Это значит, наконец, что пролетариат, борясь с капиталистической эксплуатацией и военной опасностью, будет искать выхода в революции.

3. Отношения между СССР и капиталистическими государствами

а) Я говорил выше о противоречиях мирового капитализма. Но кроме этих противоречий существует еще одно противоречие. Я говорю о противоречии между капиталистическим миром и СССР. Правда, это противоречие не есть противоречие *внутрикапиталистического* порядка. Оно есть противоречие между капитализмом в целом и между страной строящегося социализма. Но это не мешает ему разлагать и расшатывать самые основы капитализма. Более того, оно вскрывает до корней все противоречия капитализма и собирает их в один узел, превращая их в вопрос жизни и смерти самих капиталистических порядков. Поэтому каждый раз, когда капиталистические противоречия начинают обостряться, буржуазия обращает свои взоры в сторону СССР: нельзя ли разрешить то или иное противоречие капитализма, или все противоречия, вместе взятые, за счет СССР, этой Страны советов, цитадели революции, революционизирующей одним своим существованием рабочий класс и колонии, мешающей наладить новую войну, мешающей переделить мир по-новому, мешающей хозяйничать на своем обширном внутреннем рынке, так необходимом капиталистам, особенно теперь, в связи с экономическим кризисом.

Отсюда тенденция к авантюристским наскокам на СССР и к интервенции, которая (тенденция) должна усилиться в связи с развертывающимся экономическим кризисом.

Наиболее яркой выразительницей этой тенденции в данный момент является нынешняя буржуазная Франция, родина любвеобильной «Пан-Европы», «колыбель» пакта Келлога, самая агрессивная и милитаристская страна из всех агрессивных и милитаристских стран мира.

Но интервенция есть палка о двух концах. Это в точности известно буржуазии. Хорошо, думает она, если интервенция пройдет гладко и кончится поражением СССР. Ну, а как быть, если она кончится поражением капиталистов? Была ведь уже одна интервенция, которая кончилась крахом. Если первая интервенция, когда большевики были слабы, кончилась крахом, какая гарантия, что вторая не кончится также крахом? Все видят, что теперь большевики куда сильнее и экономически, и политически, и в смысле подготовки обороноспособности страны. А как быть с рабочими капиталистических стран, которые не дадут интервенировать СССР, которые будут бороться против интервенции и которые в случае чего могут ударить в тыл капиталистам? Не лучше ли пойти по линии усиления торговых связей с СССР, против чего и большевики не возражают?

Отсюда тенденция к продолжению мирных отношений с СССР.

Таким образом, мы имеем два ряда факторов и две различных тенденции, действующих в противоположных направлениях:

1. Политика подрыва экономических связей СССР с капиталистическими странами, провокационные наскоки на СССР, явная и скрытая работа по подготовке интервенции против СССР. Это — факторы, угрожающие международному положению СССР. Действиями этих факторов объясняются такие факты, как разрыв английского консервативного кабинета с СССР, захват КВЖД китайскими милитаристами, финансовая

блокада СССР, «поход» клерикалов во главе с папой против СССР, организация вредительства наших спецов агентами иностранных государств, организация взрывов и поджогов, вроде тех, которые были проделаны некоторыми служащими «Лена-Гольдфильдс», покушения на представителей СССР (Польша), придирки к нашему экспорту (САСШ, Польша) и т. п.

2. Сочувствие и поддержка СССР со стороны рабочих капиталистических стран, рост экономического и политического могущества СССР, рост обороноспособности СССР, политика мира, неизменно проводимая Советской властью. Это — факторы, укрепляющие международное положение СССР. Действиями этих факторов объясняются такие факты, как успешная ликвидация конфликта на КВЖД, восстановление сношений с Великобританией, рост экономических связей с капиталистическими странами и т. д.

Борьбой этих двух факторов определяется внешнее положение СССР.

б) Говорят, что камнем преткновения в деле улучшения экономических связей с буржуазными государствами является вопрос о долгах. Я думаю, что это не довод за платеж долгов, а предлог в руках агрессивных элементов для интервенционистской пропаганды. Наша политика в этой области ясна и вполне обоснована. При условии предоставления нам кредитов мы согласны платить небольшую долю довоенных долгов, рассматривая их, как добавочный процент на кредиты. Без этого условия мы не можем и не должны платить. От нас требуют большего? На каком основании? Разве не известно, что эти долги были получены царским правительством, которое было свергнуто революцией и за обязательства которого советское правительство не может брать на себя ответственности? Говорят о международном праве, о международных обязательствах. Но на основании какого международного права отсекали господу «союзники» от СССР Бессарабию и отдали ее в рабство румынским боярам? По каким международным обязательствам капиталисты и правительства Франции, Англии, Америки, Японии напали на СССР, интервенировали его, грабили его целых три года и разоряли его население? Если это называется международным правом и международным обязательством, то что же называется тогда грабежом? (*Смех. Аплодисменты.*) Не ясно ли, что, допустив эти грабительские акты, господу «союзники» лишили себя права ссылаться на международное право, на международные обязательства?

Говорят, далее, что делу налажения «нормальных» отношений мешает пропаганда русских большевиков. С целью предотвращения вредного действия пропаганды господу буржуа то и дело отгораживаются «кордонами», «проволочными заграждениями», милостиво предоставляя честь охраны «заграждений» Польше, Румынии, Финляндии и т. д. Говорят, что Германию берут завидки из-за того, что ей не хотят будто бы поручить охрану «кордонов» и «проволочных заграждений». Надо ли доказывать, что болтовня о пропаганде — не довод за установление «нормальных отношений», а предлог для интервенционистской пропаганды. Как могут люди, не желающие быть смешными, «отгораживаться» от идей большевизма, если в самой стране имеется почва, благоприятная для этих идей? Царизм тоже «отгораживался» в свое время от большевизма, но не «отгородился», как известно. Не отгоро-

дился, так как большевизм растет везде и всюду, не извне, а изнутри. Нет, кажется, стран, более «отгороженных» от русских большевиков, чем Китай, Индия, Индо-Китай. И что же? Большевизм растет там и будет расти, несмотря на всякие «кордоны», так как есть там, очевидно, условия, благоприятствующие большевизму. При чем же тут пропаганда русских большевиков? Вот если бы господа капиталисты могли как-нибудь «отгородиться» от экономического кризиса, от нищеты масс, от безработицы, от низкой заработной платы, от эксплуатации трудящихся, — тогда другое дело, тогда не было бы у них и большевистского движения. Но в том-то и дело, что всякий прохвост норовит оправдать свою слабость или свою неспособность ссылкой на пропаганду русских большевиков.

Говорят, далее, что камнем преткновения является наш советский строй, коллективизация, борьба с кулачеством, антирелигиозная пропаганда, борьба с вредителями и контр-революционерами из «людей науки», изгнание Беседовских, Соломонов, Дмитриевских и т. п. Но это уж становится совсем забавным. Им, оказывается, не нравится советский строй. Но нам также не нравится капиталистический строй. (*Смех. Аплодисменты.*) Не нравится, что десятки миллионов безработных вынуждены у них голодать и нищенствовать, тогда как маленькая кучка капиталистов владеет миллиардными богатствами. Но раз мы уже согласились не вмешиваться во внутренние дела других стран, не ясно ли, что не стоит возвращаться к этому вопросу? Коллективизация, борьба с кулачеством, борьба с вредителями, антирелигиозная пропаганда и т. п. представляют неотъемлемое право рабочих и крестьян СССР, закрепленное нашей конституцией. Конституцию СССР мы должны и будем выполнять со всей последовательностью. Понятно, следовательно, что кто не хочет считаться с нашей конституцией — может проходить дальше, на все четыре стороны. Что касается Беседовских, Соломонов, Дмитриевских и т. п., то мы и впредь будем выкидывать вон таких людей, как бракованный товар, ненужный и вредный для революции. Пусть поднимают их на щит те, которые питают особые симпатии к отбросам. (*Смех.*) Жернова нашей революции работают хорошо. Они берут все годное и отдают советам, а отбросы выкидывают вон. Говорят, что во Франции, среди парижского буржуа, имеется большой спрос на этот бракованный товар. Что же, пусть импортируют его на здоровье. Правда, это несколько обременит импортные статьи торгового баланса Франции, против чего всегда протестуют господа буржуа. Но это уж их дело. Давайте, не будем вмешиваться во внутренние дела Франции. (*Смех. Аплодисменты.*)

Так обстоит дело с «препонами», мешающими налажению «нормальных» отношений с другими странами.

Выходит, что «препоны» эти являются мнимыми «препонами», пущенными в ход для того, чтобы получить предлог для антисоветской пропаганды.

Наша политика есть политика мира и усиления торговых связей со всеми странами. Результатом этой политики является улучшение отношений с рядом стран и заключение ряда договоров по торговле, технической помощи и т. д. Ее же результатом является присоединение СССР к пакту Келлога, подписание известного протокола по линии пакта Келлога с Польшей,

Румынией, Литвой и т. д., подписание протокола о продлении действия договора с Турцией о дружбе и нейтралитете. Наконец, результатом этой политики является тот факт, что нам удалось отстоять мир, не дав врагам вовлечь себя в конфликты, несмотря на ряд провокационных актов и авантюристские наскоки поджигателей войны. Эту политику мира будем вести и впредь всеми силами, всеми средствами. Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому. (*Аплодисменты.*)

Такова наша внешняя политика.

Задача состоит в том, чтобы проводить и впредь эту политику со всей настойчивостью, свойственной большевикам.

II. Растущий подъем социалистического строительства и внутреннее положение СССР

Перейдем к внутреннему положению СССР.

В противоположность капиталистическим странам, где царят теперь экономический *кризис и растущая безработица*, внутреннее положение нашей страны представляет картину *растущего подъема* народного хозяйства и *прогрессивного сокращения* безработицы. Выросла и ускорила темпы своего развития крупная промышленность. Окрепла тяжелая промышленность. Социалистический сектор промышленности продвинулся далеко вперед. Выросла новая сила в сельском хозяйстве — совхозы и колхозы. Если года два назад мы имели кризис зернового производства и опирались в своей хлебозаготовительной работе главным образом на индивидуальное хозяйство, то теперь центр тяжести переместился на колхозы и совхозы, а зерновой кризис можно считать в основном разрешенным. Основные массы крестьянства окончательно повернули в сторону колхозов. Соппротивление кулачества отбито. Внутреннее положение СССР еще более упрочилось.

Такова общая картина внутреннего положения СССР в данный момент.

Рассмотрим конкретные данные.

1. Рост народного хозяйства в целом

а) Если в 1926/27 г., т. е. к XV съезду партии, по *всему сельскому хозяйству*, включая лесное хозяйство, рыболовство и т. д., мы имели валовой продукции в довоенных рублях на сумму в 12 370 млн. руб., т. е. 106,6% от довоенного уровня, то в следующем году, т. е. в 1927/28 г., мы имели 107,2%, в 1928/29 г. — 109,1%, а в текущем 1929/30 г., судя по ходу развития сельского хозяйства, мы будем иметь не менее 113—114% от довоенного уровня.

Налицо неуклонный, хотя и сравнительно медленный, рост продукции сельского хозяйства в целом.

Если в 1926/27 г., т. е. к XV съезду партии, мы имели по *всей промышленности*, как мелкой, так и крупной, считая и мукомольную промышленность, валовой продукции в довоенных рублях на сумму в 8 641 млн. руб., т. е. 102,5% от довоенного уровня, то в следующем году, т. е. в 1927/28 г., мы имели 122%, в 1928/29 г. — 142,5%, а в текущем 1929/30 г., судя по

ходу развития промышленности, будем иметь не менее 180% от довоенного уровня.

Налицо небывало быстрый рост продукции промышленности в целом.

б) Если в 1926/27 г., т. е. к XV съезду партии, мы имели *грузооборот* по всей нашей ж.-д. *сети* 81,7 миллиардов тонно-километров, т. е. 127% от довоенного уровня, то в следующем году, т. е. в 1927/28 г., мы имели 134,2%, в 1928/29 г.—162,4%, а в текущем 1929/30 г., по всем данным, мы будем иметь не менее 193% от довоенного уровня. Что касается нового ж.-д. строительства, то за отчетный период, т. е. считая с 1927/28 г., ж.-д. сеть увеличивается с 76 тыс. км до 80 тыс. км, что составит 136,7% от довоенного уровня.

в) Если состояние *торгово-посреднического оборота* в стране в 1926/27 г. принять за 100 (31 млрд. руб.), то выходит, что за 1927/28 г. размеры оборотов выросли до 124,6%, в 1928/29 г.— до 160,4%, а в текущем 1929/30 г., судя по всем данным, размеры оборотов составят 202%, т. е. будут удвоены в сравнении с 1926/27 г.

г) Если *сводные балансы* всех наших *кредитных учреждений* на 1 октября 1927 г. принять за 100 (9 173 млн. руб.), то выходит, что на 1 октября 1928 г. мы имели рост до 141%, а на 1 октября 1929 г.— до 201,1%, т. е. удвоение в сравнении с 1927 г.

д) Если *сводный государственный бюджет* на 1926/27 г. принять за 100 (6 371 млн. руб.), то выходит, что в 1927/28 г. мы имели рост государственного бюджета до 125,5%, в 1928/29 г.— до 146,7%, а в 1929/30 г.—до 204,4%, т. е. удвоение в сравнении с бюджетом 1926/27 г. (12 605 иёі. ёбá.).

е) Если наш *внешнеторговый оборот* (экспорт-импорт) составлял в 1926/27 г. 47,9% от довоенного уровня, то в 1927/28 г. мы имели рост внешне-торгового оборота до 56,8%, в 1928/29 г.— до 67,9%, а в 1929/30 г., по всем данным, будем иметь не менее 80% от довоенного уровня.

ж) В итоге мы имеем следующую картину роста всего *народного дохода* за отчетный период (в неизменных ценах 1926/27 г.): в 1926/27 г. народный доход составлял, по данным Госплана, 23 127 млн. руб.; в 1927/28 г.— 25 396 млн. руб.,— прирост на 9,8%; в 1928/29 г.— 28 596 млн. руб.,— прирост на 12,6%; в 1929/30 г., судя по всем данным, народный доход должен составить не менее 34 млрд. руб., с приростом, стало быть, за год на 20%. Средний годовой прирост за отчетные 3 года составляет, следовательно, более 15%.

Если принять во внимание, что средний годовой прирост народного дохода в таких странах, как САСШ, Англия, Германия, составляет не более 3—8%, то надо признать, что темп роста народного дохода в СССР является поистине *рекордным*.

2. Успехи индустриализации

Рост народного хозяйства идет у нас не стихийно, а в определенном направлении, а именно — в направлении индустриализации, под знаком индустриализации, под знаком роста удельного веса индустрии в общей систе-

ме народного хозяйства, под знаком превращения нашей страны из аграрной в индустриальную.

а) Динамика соотношения между промышленностью в целом и сельским хозяйством в целом с точки зрения удельного веса промышленности в *валовой* продукции всего народного хозяйства рисуется за отчетный период в следующем виде: в довоенное время доля промышленности в валовой продукции народного хозяйства составляла 42,1%, доля сельского хозяйства—57,9%; в 1927/28 г. доля промышленности — 45,2%, сельского хозяйства—54,8%; в 1928/29 г. доля промышленности— 48,7%, сельского хозяйства — 51,3%; в 1929/30 г. доля промышленности, по всем данным, должна составить не менее 53%, а доля сельского хозяйства — не более 47%.

Это, значит, что удельный вес промышленности начинает уже обладать над удельным весом сельского хозяйства, и мы находимся накануне превращения из страны *аграрной* в страну *индустриальную*. (*Аплодисменты.*)

б) Еще более резкий перевес получается в пользу промышленности с точки зрения ее удельного веса в *товарной* продукции народного хозяйства. Если в 1926/27 г. доля товарной продукции промышленности в общем балансе товарного производства народного хозяйства составляла 68,8%, а доля товарной продукции сельского хозяйства — 31,2%, то в 1927/28 г. мы имели для промышленности 71,2%, для сельского хозяйства — 28,8%; в 1928/29 г. для промышленности — 72,4%, для сельского хозяйства — 27,6%; а для 1929/30 г., по всем данным, мы будем иметь для промышленности 76%, для сельского же хозяйства — 24%.

В этом особо неблагоприятном положении сельского хозяйства сказывается между прочим мелкокрестьянский и малотоварный характер сельского хозяйства. При этом понятно, что это положение должно будет в известной степени измениться по мере укрупнения сельского хозяйства по линии совхозов и колхозов, по мере увеличения его товарности.

в) Но развитие промышленности вообще не дает еще полной картины темпа индустриализации. Для получения полной картины необходимо еще установить динамику соотношения между тяжелой и легкой промышленностью. Поэтому самым ярким показателем роста индустриализации нужно считать поступательный рост удельного веса производства *орудий и средств производства* (тяжелая промышленность) в общей продукции промышленности. Если в 1927/28 г. доля производства орудий и средств производства в общей продукции *всей* промышленности составляла 27,2%, а доля производства предметов широкого потребления— 72,8%, то в 1928/29 г. доля производства орудий и средств производства дает 28,7% против 71,3%, а в 1929/30 г. доля производства орудий и средств производства, по всем данным, составит уже 32,7% против 67,3%.

Если же взять не всю промышленность, а *только* планируемую ВСНХ, охватывающую все основные отрасли индустрии, то здесь соотношение между производством орудий и средств производства и производством предметов широкого потребления рисуется в еще более благоприятном виде, а именно: в 1927/28 г. доля производства орудий и средств производства составляла 42,7% против 57,3%; в 1928/29 г.— 44,6% против 55,4%; а

в 1929/30 г., по всем данным, будет составлять не менее 48% против 52% производства предметов широкого потребления.

Развитие нашего народного хозяйства идет под знаком индустриализации, под знаком укрепления и развития своей собственной тяжелой промышленности.

Это значит, что мы уже подняли и разворачиваем дальше основу нашей экономической независимости, нашу тяжелую индустрию.

3. Командующее положение социалистической промышленности и темп ее роста

Развитие нашего народного хозяйства идет под знаком индустриализации. Но нам нужна не всякая индустриализация. Нам нужна такая индустриализация, которая обеспечивает растущий перевес *социалистических форм промышленности* над формами мелко-товарными и тем более *капиталистическими*. Характерная черта нашей индустриализации состоит в том, что она есть индустриализация *социалистическая*, индустриализация, обеспечивающая победу *обобщественного* сектора промышленности над сектором *частно-хозяйственным*, над сектором мелко-товарным и капиталистическим.

Вот некоторые данные о росте капитальных вложений и валовой продукции по секторам.

а) Если взять рост *капитальных вложений* в промышленность по секторам, то мы получим следующую картину. *Обобщественный сектор*: в 1926/27 г.— 1 270 млн. руб.; в 1927/28 г.— 1 614 млн. руб.; в 1928/29 г.— 2 046 млн. руб.; в 1929/30 г.— 4 275 млн. руб. *Частно-хозяйственный и капиталистический сектор*: в 1926/27 г.— 63 млн. руб.; в 1927/28 г.— 64 млн. руб.; в 1928/29 г.— 56 млн. руб.; в 1929/30 г.— 51 млн. руб.

Это значит, во-первых, что капитальные вложения по обобщественному сектору промышленности *выросли* за это время более чем *втрое* (335%).

Это значит, во-вторых, что капитальные вложения частно-хозяйственного и капиталистического сектора *снизились* за это время на *одну пятую часть* (81%).

Частно-хозяйственный и капиталистический сектор живет за счет старого капитала и идет к своей гибели.

б) Если взять рост *валовой продукции* промышленности по секторам, то мы получим следующую картину. *Обобщественный сектор*: в 1926/27 г.— 11 999 млн. руб.; в 1927/28 г.— 15 389 млн. руб.; в 1928/29 г.— 18 903 млн. руб.; в 1929/30 г.— 24 740 млн. руб. *Частнохозяйственный и капиталистический сектор*: в 1926/27 г.— 4 043 млн. руб.; в 1927/28 г.— 3 704 млн. руб.; в 1928/29 г.— 3 389 млн. руб.; в 1929/30 г.— 3 310 млн. руб.

Это значит, во-первых, что валовая продукция по обобщественному сектору промышленности *выросла* за три года более чем *вдвое* (206,2%).

Это значит, во-вторых, что валовая продукция промышленности по частно-хозяйственному и капиталистическому сектору *снизилась* за тот же период почти на *одну пятую часть* (81,9%).

Если же взять продукцию не всей промышленности, а только *крупной* (цензовой) промышленности и рассмотреть ее по секторам, то получим следующую картину соотношений обобщественного и частно-хозяйственного секторов. Удельный вес обобщественного сектора в продукции крупной промышленности страны: 1926/27 г.—97,7%; 1927/28 г.—98,6%; 1928/29 г.—99,1%; 1929/30 г.—99,3%. Удельный вес частнохозяйственного сектора в продукции крупной промышленности страны: 1926/27 г.—2,3%; 1927/28 г.—1,4%; 1928/29 г.—0,9%; 1929/30 г.—0,7%.

Как видите, капиталистические элементы в крупной промышленности уже пошли ко дну.

Ясно, что вопрос «кто кого», вопрос о том, социализм ли победит капиталистические элементы в промышленности или они победят социализм,—уже решен в основном в пользу социалистических форм промышленности. Решен окончательно и бесповоротно. (*Аплодисменты.*)

в) Особенно интересны данные о *темпе развития* планируемой ВСНХ государственной промышленности за отчетный период. Если валовую продукцию планируемой ВСНХ социалистической промышленности за 1926/27 г. принять за 100, то выходит, что в 1927/28 г. валовая продукция этой промышленности выросла до 127,4%, в 1928/29 г.—до 158,6%, а в 1929/30 г. она вырастает до 209,8%.

Это значит, что планируемая ВСНХ социалистическая промышленность, охватывающая все основные отрасли промышленности и всю тяжелую промышленность, добилась за три года *более чем удвоения*.

Нельзя не признать, что ни одна страна в мире не знает таких бешеных темпов развития своей крупной промышленности.

Это обстоятельство и дает нам основание говорить о пятилетке в четыре года.

г) Некоторые товарищи скептически смотрят на лозунг «*пятилетка в четыре года*». Еще совсем недавно одна часть товарищей расценивала нашу пятилетку, утвержденную V съездом советов, как фантастику. Я уже не говорю о буржуазных писателях, у которых глаза на лоб лезут из-за одного лишь слова «пятилетка». А что мы имеем на деле, если рассматривать пятилетку с точки зрения ее осуществления за первые два года? О чем говорит нам проверка исполнения пятилетки в ее оптимальном варианте? Она говорит не только о том, что мы можем выполнить пятилетку в четыре года. Она говорит еще о том, что мы можем ее выполнить по целому ряду отраслей промышленности в три и далее в два с половиной года. Это может показаться скептикам из оппортунистического лагеря невероятным. Но это факт, оспаривать который было бы глупо и смешно.

Судите сами.

По пятилетке *нефтяная промышленность* должна была дать в 1932/33 г. продуктов на 977 млн. руб. А на деле она дает продукции уже в 1929/30 г. на 809 млн. руб., т. е. 83% намеченной в пятилетке продукции для 1932/33 г. Стало быть, мы выполняем пятилетний план по нефтяной промышленности в каких-нибудь $2\frac{1}{2}$ года.

Поторфьяной промышленности мы должны были получить по пятилетке в 1932/33 г. продуктов на 122 млн. руб. А на деле она дает уже в 1929/30 г.

продуктов на 115 млн. руб. с лишним, т. е. 96% намеченной пятилеткой продукции для 1932/33 г. Стало быть, мы выполняем пятилетний план по торфяной промышленности в $2\frac{1}{2}$ года, если не раньше.

По пятилетке *общее машиностроение* должно дать в 1932/33 г. продуктов на 2 058 млн. руб. А на деле оно дает уже в 1929/30 г. продуктов на 1 458 млн. руб., т. е. 70% намеченной пятилеткой продукции для 1932/33 г. Стало быть, мы выполняем пятилетний план по общему машиностроению в $2\frac{1}{2}$ — 3 года.

По пятилетке *с.-х. машиностроение* должно дать продуктов в 1932/33 г. на 610 млн. руб. А на деле оно дает уже в 1929/30 г. продуктов на 400 млн. руб., т. е. 60% с лишним намеченной пятилеткой продукции для 1932/33 г. Стало быть, мы выполняем пятилетний план по с.-х. машиностроению в 3 года, если не раньше.

По пятилетке *электротехническая промышленность* должна дать продукции в 1932/33 г. на 896 млн. руб. А на деле она дает уже в 1929/30 г. продукции на 503 млн. руб., т. е. 56% с лишним намеченной пятилеткой продукции для 1932/33 г. Стало быть, мы выполняем пятилетний план электротехнической промышленности в 3 года.

Таковы небывалые темпы развития нашей социалистической промышленности.

Мы идем вперед ускоренным темпом, догоняя в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны.

д) Это не значит, конечно, что мы уже догнали их в смысле размеров производства, что наша промышленность уже достигла *уровня* развития промышленности передовых капиталистических стран. Нет, далеко еще не значит. *Темп* развития промышленности и *уровень* развития промышленности нельзя смешивать друг с другом. У нас многие смешивают их, полагая, что ежели мы добились небывалых темпов развития промышленности, то мы тем самым уже достигли уровня развития промышленности передовых капиталистических стран. Но это в корне неверно.

Взять, например, производство электроэнергии, где мы имеем очень высокие темпы. По производству электрической энергии мы добились увеличения с 1924 г. по 1929 г. почти до 600%, тогда как САСШ увеличили продукцию электроэнергии за тот же период лишь до 181%, Канада—до 218%, Германия—до 241%, Италия—до 222%. Как видите, мы имеем здесь темп прямо небывалый, превосходящий темпы всех других государств. Но если взять уровень развития производства электроэнергии в этих странах, например в 1929 г., и сравнить его с уровнем развития в СССР, то картина получится для СССР далеко неутешительная. Несмотря на небывалый темп развития производства электроэнергии, продукция электроэнергии в СССР в 1929 г. составляла лишь 6 465 млн. к/ч., тогда как САСШ имели 126 000 млн. к/ч., Канада имела 17 628 млн. к/ч., Германия—33 000 млн. к/ч., Италия—10 850 млн. к/ч.

Разница, как видите, колоссальная.

Выходит, что по уровню развития мы стоим позади всех этих государств.

Или взять, например, производство чугуна у нас. Если принять производство чугуна за 1926/27 г. за 100 (2,9 млн. тонн), то за три года, т. е. с 1927/28 г. по 1929/30 г., производство чугуна увеличивается у нас почти *вдвое*, доходя до 190% (5,5 млн. тонн). Темп развития, как видите, довольно высокий. Но если посмотреть на дело с точки зрения уровня развития чугунного производства у нас и сравнить размеры производства чугуна в СССР с размерами производства передовых капиталистических стран, то картина получится довольно неутешительная. Начать с того, что довоенного уровня производства чугуна мы достигаем и превзойдем его лишь в текущем 1929/30 г. Уже это одно заставляет нас притти к тому неумолимому выводу, что без дальнейшего ускорения темпа развития металлургии мы рискуем поставить под угрозу судьбу всего нашего промышленного производства. Что касается уровня развития чугунной промышленности у нас и на Западе, то мы имеем следующую картину: производство чугуна в САСШ в 1929 г. выражалось в цифре 42,3 млн. тонн; в Германии—13,4 млн. тонн; во Франции—10,45 млн. тонн; в Англии—7,7 млн. тонн; а в СССР производство чугуна составит в конце 1929/30 г. всего лишь 5,5 млн. тонн.

Разница, как видите, немалая.

Выходит, таким образом, что по уровню развития чугунного производства мы стоим позади всех этих стран.

О чем все это говорит?

О том, что:

- 1) *нельзя смешивать* темп развития промышленности с уровнем ее развития;
- 2) мы дьявольски *отстали* в смысле уровня развития нашей промышленности от передовых капиталистических стран;
- 3) только *дальнейшее ускорение* темпа развития нашей промышленности даст нам возможность догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны;
- 4) люди, болтающие о необходимости *снижения* темпа развития нашей промышленности, являются врагами социализма, агентами наших классовых врагов. (*Аплодисменты.*)

4. Сельское хозяйство и зерновая проблема

Выше я говорил о состоянии сельского хозяйства в целом, со включением лесного хозяйства, рыбной ловли и т. д., без подразделения сельского хозяйства на основные его отрасли. Если выделить из сельского хозяйства в целом основные его отрасли, как, например, зерновое хозяйство, животноводство и технические культуры, то положение дел рисуется, по данным Госплана и НКЗема СССР, в следующем виде:

а) Если принять *посевные площади зерновых* культур 1913 г. за 100, то получим следующую картину движения посевных площадей зерновых по годам: 1926/27 г.—96,9%; 1927/28 г.—94,7%; 1928/29 г.—98,2%; а в текущем 1929/30 г., по всем данным, составят 105,1% от довоенного уровня.

Обращает на себя внимание факт падения посевных площадей зерновых культур за 1927/28 г. Объясняется это падение не деградацией зерно-

вого хозяйства, как болтали об этом невежды из лагеря правых оппортунистов, а гибелью озимых посевов в размере 7 700 тыс. га (20% озимых посевов по СССР).

Если взять, далее, *валовую* продукцию зерновых 1913 г. за 100, то получим следующую картину: в 1927 г.—91,9%; в 1928 г.—90,8%; в 1929 г.—94,4%; а в 1930 г., по всем данным, получаем до 110% от довоенной нормы

Здесь также обращает на себя внимание падение валовой продукции зерновых за 1928 г., объясняемое гибелью озимых на Украине и Северном Кавказе.

Что касается *товарной* части валовой продукции зерновых (внедеревенский оборот), то мы имеем еще более поучительную картину. Если принять товарную часть зерновой продукции 1913 г. за 100, то выходит, что в 1927 г. мы имели 37% товарной продукции; в 1928 г.—36,8%; в 1929 г.—58%; а в текущем 1930 г. будем иметь, по всем данным, не менее 73% от довоенного уровня.

Выходит, таким образом, что по части посевных площадей и валовой продукции зерновых мы достигаем довоенной нормы и немного превышаем ее лишь в текущем 1930 г.

Выходит, далее, что по части *товарной* продукции зерновых мы далеко еще не достигли довоенной нормы и будем отставать от нее еще в этом году процентов на 25.

В этом основа наших хлебных затруднений, особенно обострившихся в 1928 г.

В этом же основа зерновой проблемы.

б) Такая же приблизительно картина открывается, но с более тревожными показателями, в области *животноводства*.

Если принять поголовье всех видов скота в 1916 г. за 100, то получается следующая картина по годам. В 1927 г. лошадей имелось 88,9%, крупного рогатого скота—114,3%, овец и коз—119,3%, свиней—111,3%; в 1928 г. лошадей—94,6%, крупного рогатого скота—118,5%, овец и коз—126%, свиней—126,1%; в 1929 г. лошадей—96,9%, крупного рогатого скота—115,6%, овец и коз—127,8%, свиней—103%; в 1930 г. лошадей—88,6%, крупного рогатого скота—89,1%, овец и коз—87,1%, свиней—60,1% от нормы 1916 г.

Как видите, если принять во внимание данные последнего года, то мы имеем явные признаки начавшегося сокращения животноводческого хозяйства.

Еще более неутешительная картина получается с точки зрения *товарного выхода* животноводства, особенно по части мяса и сала. Если принять валовую продукцию мяса и сала по каждому году за 100, то товарный выход мяса и сала соответственно составляет: в 1926 г.—33,4%, в 1927 г.—32,9%, в 1928 г.—30,4%, в 1929 г.—29,2%.

Мы имеем, таким образом, явные признаки неустойчивости и экономической ненадежности мелкого и малотоварного хозяйства по животноводству.

Выходит, что вместо превышения по животноводству нормы 1916 г. мы имеем за последний год явные признаки отхода вниз от этой нормы.

Таким образом, вслед за зерновой проблемой, которую мы уже разрешаем в основном с успехом, встает перед нами проблема мясная, острота которой сказывается уже теперь и которая ждет своего разрешения. в) Иную картину открывает нам развитие *технических* культур, дающих сырье нашей промышленности. Если принять *площадь посева* технических культур 1913 г. за 100, то мы имеем: по *хлопку* в 1927 г.—107,1%, в 1928 г.—131,4%, в 1929 г.—151,4%, в 1930 г.—217% от довоенного уровня; по *льну* в 1927 г.—86,6%, в 1928 г.—95,7%, в 1929 г.—112,9%, в 1930 г.—125% от довоенного уровня; по *сахарной свекле* в 1927 г.—106,6%, в 1928 г.—124,2%, в 1929 г.—125,8%, в 1930 г.—169% от довоенного уровня; по *масличным* в 1927 г.—179,4%, в 1928 г.—230,9%, в 1929 г.—219,7%, в 1930 г.—не менее 260% от довоенного уровня.

Такую же в основном благоприятную картину дает *валовая продукция* технических культур. Если принять валовую продукцию 1913 г. за 100, то мы имеем по *хлопку* в 1928 г.—110,5%, в 1929 г.—119%, в 1930 г., по всем данным, будем иметь 182,8% от довоенного уровня; по *льну* в 1928 г.—71,6%, в 1929 г.—81,5%, в 1930 г., по всем данным, будем иметь 101,3% от довоенного уровня; по *сахарной свекле* в 1928 г.—93%, в 1929 г.—58%, в 1930 г., по всем данным, будем иметь 139,4% от довоенного уровня; по *масличным* в 1928 г.—161,9%, в 1929 г.—149,8%, в 1930 г., по всем данным, будем иметь 220% от довоенного уровня.

По техническим культурам мы имеем, таким образом, более благоприятную картину, если не считать 1929 г. для свеклы, урожай которой был поврежден мотыльком.

Впрочем, и здесь, в области технических культур, возможны и вероятны в будущем серьезные колебания и проявления неустойчивости ввиду преобладания мелкого хозяйства, по образцу тех колебаний и проявлений неустойчивости, которые демонстрируются в этих цифрах в отношении льна и масличных культур, менее всего задетых влиянием колхозов и совхозов.

Перед нами стоят, таким образом, следующие проблемы сельского хозяйства:

- 1) проблема упрочения положения технических культур путем обеспечения соответствующим районам достаточного количества дешевых хлебных продуктов;
- 2) проблема поднятия животноводства и разрешения мясного вопроса путем обеспечения соответствующим районам достаточного количества дешевых зерновых продуктов и кормов;
- 3) проблема окончательного разрешения вопроса о зерновом хозяйстве, как главного вопроса сельского хозяйства в данный момент.

Выходит, что зерновая проблема является основным звеном в системе сельского хозяйства и ключом к разрешению всех других проблем последнего.

Выходит, что разрешение зерновой проблемы является первой по очереди задачей в ряду других проблем сельского хозяйства.

Но разрешить зерновую проблему и вывести тем самым сельское хозяйство на путь серьезного подъема, — это значит ликвидировать в кор-

не отсталость сельского хозяйства, вооружить его тракторами и сельхозмашинами, снабдить его новыми кадрами научных работников, поднять производительность труда, увеличить товарность. Без этих условий нечего и мечтать о разрешении зерновой проблемы.

Возможно ли осуществить все эти условия на базе мелкого индивидуального крестьянского хозяйства? Нет, невозможно. Невозможно, так как мелкое крестьянское хозяйство не в силах принять и освоить новую технику, не в силах поднять в достаточной степени производительность труда, не в силах увеличить в достаточной мере товарность сельского хозяйства. Остается один путь, путь *укрупнения* сельского хозяйства, путь насаждения крупных хозяйств, вооруженных современной техникой. Но советская страна не может стать на путь организации крупных *капиталистических* хозяйств. Она может и должна пойти лишь на организацию крупных хозяйств *социалистического* типа, вооруженных новой техникой. Такими хозяйствами и являются у нас *совхозы* и *колхозы*.

Отсюда задача насаждения совхозов и объединения мелких крестьянских хозяйств в крупные коллективные хозяйства, как *единственный* путь разрешения проблемы сельского хозяйства вообще, зерновой проблемы в особенности.

На этот путь и стала партия в своей повседневной практической работе после XV съезда, особенно после обнаружившихся серьезных хлебных затруднений в начале 1928 г.

Следует отметить, что эту коренную проблему, как практическую задачу, поставила на очередь дня наша партия еще на XV съезде, когда не было еще у нас серьезных хлебных затруднений. В известной резолюции XV съезда «О работе в деревне» прямо говорится, что:

«Б настоящий период задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве *основной задачи* партии в деревне».

Может быть нелишне будет также привести соответствующее место из отчетного доклада ЦК на XV съезде, где так же резко и определенно ставится проблема ликвидации отсталости сельского хозяйства на началах коллективизации. Вот что сказано там:

«Где же выход? Выход в переходе мелких и распыленных крестьянских хозяйств в крупные и объединенные хозяйства на основе общественной обработки земли, в переходе на коллективную обработку земли на базе новой, высшей техники. Выход в том, чтобы мелкие и мельчайшие крестьянские хозяйства постепенно, но неуклонно, *не в порядке нажима, а в порядке показа и убеждения*, объединять в крупные хозяйства на основе общественной, товарищеской, коллективной обработки земли, с применением с.-х. машин и тракторов, с применением научных приемов интенсификации земледелия. *Других выходов нет*».

5. Поворот крестьянства в сторону социализма и темп развития совхозно-колхозного строительства

Поворот крестьянства в сторону коллективизации начался не сразу. Он, этот поворот, и не мог начаться сразу. Правда, лозунг коллективизации был провозглашен партией еще на XV съезде. Но для массового поворота крестьянства в сторону социализма недостаточно еще провозглашения ло-

зунга. Для поворота требуется, по крайней мере, еще одно обстоятельство, а именно, чтобы сами крестьянские массы убедились в правильности провозглашенного лозунга и приняли его как свой собственный лозунг. Поэтому поворот этот подготавливался исподволь. Подготавливался он всем ходом нашего развития, всем ходом развития нашей индустрии, и прежде всего развитием индустрии, поставляющей машины и тракторы для сельского хозяйства. Подготавливался он политикой решительной борьбы с кулачеством и ходом наших хлебозаготовок в их новых формах за 1928 и 1929 гг., ставящих кулацкое хозяйство под контроль бедняцко-средняцких масс. Подготавливался он развитием с.-х. кооперации, приучающей индивидуального крестьянина к коллективному ведению дела. Подготавливался он сетью колхозов, где крестьянин проверял преимущество коллективных форм хозяйства перед индивидуальным хозяйством. Подготавливался он, наконец, сетью разбросанных по всему СССР и вооруженных новой техникой совхозов, где крестьянин получал возможность убедиться в силе и преимуществах новой техники. Было бы ошибочно видеть в наших совхозах только лишь источник хлебных ресурсов. На самом деле совхозы с их новой техникой, с их помощью окружающим крестьянам, с их невиданным хозяйственным размахом явились той ведущей силой, которая облегчила поворот крестьянских масс и двинула их на путь коллективизации.

Вот на какой основе возникло то массовое колхозное движение миллионов бедняков и середняков, которое началось во второй половине 1929 г. и которое открыло собой период великого перелома в жизни нашей страны.

Какие мероприятия принял ЦК для того, чтобы встретить во всеоружии и возглавить это движение?

Мероприятия ЦК проходят по трем линиям: по линии организации и финансирования совхозов, по линии организации и финансирования колхозов, наконец, по линии организации строительства тракторов и с.-х. машин и снабжения ими деревни через машинно-тракторные станции, через тракторные колонны и т. д.

а) Еще в апреле 1928 г. Политбюро ЦК приняло решение об организации в 3—4 года *новых совхозов* с расчетом, чтобы они, эти совхозы, могли дать к концу этого срока не менее 100 млн. пудов товарного хлеба. В дальнейшем это решение было подтверждено пленумом ЦК. Был организован Зернотрест, которому было поручено исполнение этого решения. Наряду с этим было принято решение об укреплении *старых совхозов* и расширении их посевных полей. Был организован Совхозцентр, которому было поручено проведение в жизнь этого решения.

Нельзя не отметить, что эти решения были приняты в штыки со стороны оппортунистической части нашей партии. Были разговоры о том, что деньги, помещенные в совхозы, являются «выброшенными» деньгами. Была также критика со стороны людей «науки», поддержанная оппортунистическими элементами партии, насчет невозможности и бессмысленности организации крупных совхозов. Однако, ЦК вел свою линию и довел ее до конца, несмотря ни на что.

В 1927/28 г. было отпущено на финансирование совхозов (не считая оборотного краткосрочного кредита) 65,7 млн. рублей. В 1928/29 г. было

отпущено 185,8 млн. рублей. Наконец в текущем году отпущено 856,2 млн. руб. Отдано в распоряжение совхозов за отчетный период 18 тысяч тракторов в 350 тыс. лошадиных сил.

Каковы результаты этих мероприятий?

Посевная площадь Зернотреста составляла в 1928/29 г. 150 тыс. га, в 1929/30 г.—1 060 тыс. га, в 1930/31 г. составит 4 500 тыс. га, в 1931/32 г. составит 9 000 тыс. га, а в 1932/33 г., т. е. к концу пятилетки, составит 14 000 тыс. га. *Посевная площадь Совхозцентра* составляла в 1928/29 г. 430 тыс. га, в 1929/30 г.—860 тыс. га, в 1930/31 г. составит 1 800 тыс. га, в 1931/32 г. составит 2 000 тыс. га, а в 1932/33 г. составит 2 500 тыс. га. *Посевная площадь Укросовхозобъединения* составляла в 1928/29 г. 170 тыс. га, в 1929/30 г.—280 тыс. га, в 1930/31 г. составит 500 тыс. га, а в 1932/33 г. составит 720 тыс. га. *Посевная площадь Союзсахара* (по зерну) составляла в 1928/29 г. 780 тыс. га, в 1929/30 г.—820 тыс. га, в 1930/31 г. составит 860 тыс. га, в 1931/32 г. составит 980 тыс. га, а в 1932/33 г. составит 990 тыс. га.

Это значит, во-первых, что один лишь Зернотрест будет иметь к концу пятилетки *столько же* посевной площади зерновых, сколько имеет теперь вся Аргентина. (*Аплодисменты.*)

Это значит, во-вторых, что все совхозы, вместе взятые, будут иметь к концу пятилетки на 1 млн. га *больше* посевной площади зерновых, чем имеет теперь вся Канада. (*Аплодисменты.*)

Что касается *валовой и товарной* зерновой продукции совхозов, то мы имеем следующую картину движения по годам: в 1927/28 г. мы имели от всех совхозов валовой продукции 9,5 млн. ц, из них товарных 6,1 млн. ц; в 1928/29 г.—12,8 млн. ц, из них товарных 7,9 млн. ц; в 1929/30 г. будем иметь, по всем данным, 28,2 млн. ц, из них товарных 18 млн. ц (108 млн. пуд.); в 1930/31 г. будем иметь 71,7 млн. ц, из них товарных 61 млн. ц (370 млн. пудов) и т. д. и т. п.

Таковы наличные и ожидаемые результаты совхозной политики нашей партии.

По решению Политбюро ЦК в апреле 1928 г. об организации новых совхозов выходило, что мы должны получить от новых совхозов не менее 100 млн. пудов товарного хлеба в 1931/32 г. На деле же получается, что мы будем иметь уже в 1931/32 г. от одних только новых совхозов более 200 млн. пудов. Получается перевыполнение программы в 2 раза.

Выходит, что люди, смеявшиеся над решением Политбюро ЦК, жестоко посмеялись над самими собой.

По пятилетнему плану, утвержденному съездом советов, мы должны были иметь к концу пятилетки посевных площадей по совхозам всех систем 5 млн. га. А на деле мы имеем посевных площадей совхозов уже в этом году 3,8 млн. га, а в будущем году, т. е. на третьем году пятилетки, будем иметь 8 млн. га посевных площадей.

Это значит, что мы выполняем и перевыполняем пятилетнюю программу совхозного строительства в 3 года.

По пятилетнему плану мы должны были иметь валовой продукции зерновых по совхозам к концу пятилетки 54,3 млн. ц. А на деле мы имеем валовой

продукции зерновых от совхозов уже в этом году 28,2 млн. ц, а в будущем году будем иметь 71,7 млн. ц.

Это значит, что по валовой продукции зерновых мы выполняем и перевыполняем пятилетку в 3 года.

Пятилетка в 3 года.

Пусть болтают теперь буржуазные писаки и их оппортунистические подголоски, что нельзя выполнить и перевыполнить пятилетку совхозного строительства в 3 года.

б) Что касается *колхозного* строительства, то мы имеем еще более благоприятную картину.

Еще в июле 1928 г. пленумом ЦК было принято следующее решение о колхозном строительстве:

«Неуклонно проводить в жизнь поставленную XV съездом задачу «объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы», как *добровольные объединения*, построенные на базеновой техники и представляющие высшую форму зернового хозяйства как в смысле социалистического преобразования сельского хозяйства, так и в смысле обеспечения радикального повышения его производительности и товарности» (см. резолюцию июльского пленума ЦК «О политике хлебозаготовок в связи с общим хозяйственным положением» 1928 г.).

В дальнейшем это решение получило свое подтверждение в резолюциях XVI конференции партии и в специальной резолюции ноябрьского пленума ЦК 1929 г. о колхозном движении. Во второй половине 1929 г., когда обозначился коренной поворот крестьянства в сторону колхозов и когда середняк в своей массе пошел в колхозы, Политбюро ЦК приняло специальное решение от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству».

В этой резолюции ЦК:

1) установил наличие *массового поворота крестьян* в сторону колхозов и возможность перевыполнения пятилетнего плана колхозного строительства весной 1930 г.;

2) установил наличие материальных и иных условий, необходимых для *замены кулацкого производства производством колхозов*, в связи с чем провозгласил необходимость перехода от политики ограничения к политике ликвидации кулачества как класса;

3) дал перспективу о том, что уже весной 1930 г. посевная площадь, обработанная на обобществленных началах, *значительно превысит 30 млн. га*;

4) разбил СССР на 3 группы районов, установив для каждой из них *ориентировочные сроки* завершения в основном коллективизации;

5) *пересмотрел метод землеустройства* в пользу колхозов и формы финансирования сельского хозяйства, определив для колхозов на 1929/30 г. не менее 500 млн. руб. кредита;

6) определил *артельную форму* колхозного движения, как *основное звено колхозной системы* в данный момент;

7) дал отповедь оппортунистическим элементам партии, пытающимся тормозить колхозное движение из-за недостатка машин и тракторов;

8) наконец, дал предупреждение партийным работникам от возможных перегибов в колхозном движении и опасности декретирования колхозного строительства сверху, опасности, создающей угрозу подмены действительно и массового колхозного движения игрой в коллективизацию.

Следует отметить, что это решение ЦК было встречено более чем недружелюбно со стороны оппортунистических элементов нашей партии. Были разговоры и шушуканья насчет того, что ЦК ударился в фантастику, что он «транжирит» народные деньги на «несуществующие» колхозы. Правые элементы потирали руки, предвкушая «обеспеченный» провал. Однако, ЦК вел свою линию со всей настойчивостью и довел ее до конца, несмотря ни на что, несмотря на обывательское хихиканье правых, несмотря на перегибы и головокружение «левых».

В 1927/28 г. было отпущено на финансирование колхозов 76 млн. руб., в 1928/29 г.— 170 млн. руб., наконец, в текущем году отпущено 473 млн. руб. Отпущено, кроме того, 65 млн. руб. в фонд коллективизации. Определены льготы колхозам, повысившие финансовые ресурсы колхозов на 200 млн. рублей. Обеспечено колхозам хозяйственное имущество раскулаченных кулаков, стоимостью более 400 млн. руб. Обеспечено на использование для колхозных полей не менее 30 тыс. тракторов мощностью более чем 400 тыс. лошадиных сил, не считая 7 тыс. тракторов Трактороцентра, обслуживающих колхозы, и помощи тракторами, оказываемой колхозам системой совхозов. Дано колхозам в этом году семенной ссуды и семенной помощи 10 млн. *ц* зерна (61 млн. пудов). Наконец, оказана непосредственная организационная помощь колхозам в деле создания машинно-конных баз, число которых превышает 7 тыс., с использованием в них не менее 1 300 тыс. лошадей.

Каковы результаты этих мероприятий?

Посевная площадь колхозов составляла в 1927 г. 0,8 млн. *га*, в 1928 г.— 1,4 млн. *га*, в 1929 г.— 4,3 млн. *га*, в 1930 г.— не менее 36 млн. *га*, считая яровой и озимый клин.

Это значит, во-первых, что за 3 года колхозная посевная площадь выросла более чем в 40 раз. (*Аплодисменты.*)

Это значит, во-вторых, что у наших колхозов имеется теперь *столько же* посевной площади, сколько у Франции и Италии, вместе взятых. (*Аплодисменты.*)

Что касается *валовой* продукции зерновых и *товарной* их части, то мы имеем следующую картину. В 1927 г. мы имели от колхозов 4,9 млн. *ц*, из них товарных 2 млн. *ц*; в 1928 г.— 8,4 млн. *ц*, из них товарных 3,6 млн. *ц*; в 1929 г.— 29,1 млн. *ц*, из них товарных 12,7 млн. *ц*; в 1930 г. мы будем иметь, по всем данным, 256 млн. *ц* (1 550 млн. пудов), из них товарных не менее 82 млн. *ц* (более 500 млн. пудов).

Нужно признать, что ни одна отрасль нашей промышленности, развивающейся в общем довольно ускоренным темпом, не дала еще таких небывалых темпов подъема, как колхозное строительство.

О чем говорят все эти цифры?

Они говорят, прежде всего, о том, что валовая продукция зерновых в колхозах выросла за 3 года более чем в 50 раз, а товарная более чем в 40 раз.

Они говорят, во-вторых, о том, что мы имеем возможность получить в этом году от колхозов *более половины* всей товарной продукции зерна в стране.

Они говорят, в-третьих, о том, что судьбу сельского хозяйства и его основных проблем будут отныне определять не индивидуальные крестьянские хозяйства, а колхозы и совхозы.

Они говорят, в-четвертых, о том, что процесс ликвидации кулачества как класса идет у нас вперед на всех парах.

Они говорят, наконец, о том, что в стране уже произошли такие экономические сдвиги, которые дают полное основание утверждать, что нам удалось повернуть деревню на новый путь, на путь коллективизации, обеспечив тем самым успешное строительство социализма не только в городе, но и в деревне.

В своем постановлении от 5 января 1930 г. Политбюро ЦК определило к весне 1930 г. программу колхозных посевных площадей, обработанных на обобщественных началах, в 30 млн. *га*. На деле же мы имеем 36 млн. *га*. Получается перевыполнение программы ЦК.

Выходит, что люди, смеявшиеся над решением ЦК, жестоко посмеялись над самими собой. Не помогли оппортунистическим болтунам нашей партии ни мелко-буржуазная стихия, ни перегибы в колхозном движении. По пятилетнему плану мы должны были иметь к концу пятилетки посевных площадей по колхозам 20,6 млн. *га*. А на деле мы имеем посевных площадей колхозов уже в этом году 36 млн. *га*.

Это значит, что мы уже перевыполнили пятилетнюю программу колхозного строительства в 2 года более чем в $1\frac{1}{2}$ раза. (*Аплодисменты.*)

По пятилетнему плану мы должны были иметь к концу пятилетки валовой продукции зерновых по колхозам 190,5 млн. *ц*. А на деле мы будем иметь валовой продукции зерновых по колхозам уже в этом году 256 млн. *ц*.

Это значит, что мы уже перевыполняем пятилетнюю программу колхозной продукции зерна в 2 года более чем на 30%.

Пятилетка в 2 года. (Аплодисменты.)

Пусть болтают теперь оппортунистические кумушки, что нельзя выполнить и перевыполнить пятилетку колхозного строительства в 2 года.

6. Улучшение материального и культурного положения рабочих и крестьян

Выходит, таким образом, что поступательный рост общественного сектора как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства является фактом, не подлежащим никакому сомнению.

Что это может означать с точки зрения материального положения трудящихся?

Это означает, что тем самым заложены уже основы для коренного улучшения материального и культурного положения рабочих и крестьян.

Почему, каким образом?

Потому, во-первых, что рост общественного сектора означает прежде всего сокращение эксплуататорских элементов города и деревни паде-

ние их удельного веса в народном хозяйстве. А это значит, что доля рабочих и крестьян в народном доходе страны неминуемо должна возрастать за счет сокращения доли эксплуататорских классов.

Потому, во-вторых, что при росте обобществленного сектора часть народного дохода, шедшая до сих пор для кормления эксплуататорских классов и их челяди, должна остаться отныне в самом производстве, на расширение производства, на постройку новых фабрик и заводов, на улучшение быта трудящихся. А это значит, что численность и сила рабочего класса должны возрастать, а безработица сокращаться и рассасываться.

Потому, наконец, что рост обобществленного сектора, поскольку он ведет к улучшению материального положения рабочего класса, означает поступательный рост емкости внутреннего рынка, увеличение спроса на продукты промышленности со стороны рабочих и крестьян. А это значит, что рост внутреннего рынка будет обгонять рост промышленности и толкать ее вперед, к непрерывному расширению.

Все эти и подобные обстоятельства ведут к неуклонному улучшению материального и культурного положения рабочих и крестьян.

а) Начнем с вопроса о *численном росте* рабочего класса и *сокращении безработицы*.

Если количество лиц наемного труда (без безработных) составляло в 1926/27 г. 10 990 тыс., то в 1927/28 г. мы имели 11 456 тыс., в 1928/29 г.—11 997 тыс., а в 1929/30 г., по всем данным, будем иметь не менее 13 129 тыс. Из них лиц физического труда (включая с.-х. рабочих и сезонных рабочих) в 1926/27 г.—7 069 тыс., в 1927/28 г.— 7 404 тыс., в 1928/29 г.—7 758 тыс., в 1929/30 г.—8 533 тыс. Из них рабочих крупной промышленности (без служащих) в 1926/27 г.— 2 439 тыс., в 1927/28 г.—2 632 тыс., в 1928/29 г.—2 858 тыс., в 1929/30 г.—3 029 тыс.

Это значит, что мы имеем картину последовательного роста численности рабочего класса, при чем, если процент роста лиц наемного труда составляет за 3 года 19,5, а лиц физического труда— 20,7, то процент роста индустриальных рабочих составляет 24,2.

Перейдем к вопросу о *безработице*. Нужно сказать, что в этой области существует большая неразбериха как у НКТруда, так и у ВЦСПС. С одной стороны, по данным этих учреждений, выходит, что мы имеем безработных около миллиона человек, из коих минимально квалифицированные составляют всего 14,3%, а около 73% составляют лица так называемого интеллигентного труда и неквалифицированные, при чем громадное большинство из числа последних составляют женщины и подростки, не имевшие отношения к промышленному производству. С другой стороны, по тем же данным, мы переживаем ужасающий голод в квалифицированной рабочей силе, биржи труда не удовлетворяют спроса наших предприятий на рабочую силу процентов на 80, и мы вынуждены, таким образом, наскоро, буквально на-ходу переучивать совершенно неквалифицированных людей и готовить из них квалифицированных на удовлетворение хотя бы минимальных потребности наших предприятий. Попробуйте-ка разобраться в этой не-

разберихе. Ясно, во всяком случае, что эти безработные не составляют *нирезервной*, ни, тем более, *постоянной* армии безработных нашей промышленно-сти. И что же? Даже по данным НКТруда выходит, что за последнее время количество безработных *сократилось* в сравнении с прошлым годом более чем на 700 тыс. чел. Это означает сокращение числа безработных на 1 мая этого года более чем на 42%.

Вот вам еще один результат роста социалистического сектора в нашем народном хозяйстве.

б) Еще более разительный результат получается, если рассмотреть дело с точки зрения распределения народного дохода по классам. Вопрос о распределении народного дохода по классам является коренным вопросом с точки зрения материального и культурного положения рабочих и крестьян. Недаром буржуазные экономисты Германии, Англии, САСШ стараются запутать этот вопрос в пользу буржуазии, то и дело публикуя свои «совершенно объективные» исследования на этот счет.

По данным Всегерманского статистического управления, доля зарплат в народном доходе Германии составляла в 1929 г. 70%, а доля буржуазии—30%. По данным Федеральной торговой комиссии и Национального бюро экономических исследований, доля рабочих в народном доходе САСШ за 1923 г. составляла более 54%, а доля капиталистов — 45% с лишним. Наконец, по данным экономистов Болей и Стэмпа, доля рабочего класса в народном доходе Англии на 1924 г. составляла немного меньше 50%, а доля капиталистов немного больше 50% народного дохода Англии.

Понятно, что нельзя принять результаты этих исследований на веру. Нельзя, так как кроме погрешностей чисто экономического порядка в этих исследованиях имеются еще другого рода погрешности, имеющие своей целью отчасти скрыть доходы капиталистов и преуменьшить их, отчасти раздуть и увеличить доходы рабочего класса, причисляя к рабочим чиновников, получающих огромные оклады. Я уже не говорю о том, что в этих исследованиях часто не учитываются доходы фермеров и вообще сельских капиталистов.

Тов. Варга подверг критическому анализу эти данные. И вот что у него получилось. Оказывается, что доля рабочих и прочих трудящихся города и деревни, не эксплуатирующих чужого труда, составляла в Германии 55% народного дохода, в САСШ—54%, в Англии— 45%, доля же капиталистов в Германии—45%, в САСШ—46%, в Англии— 55%.

Так обстоит дело в крупнейших капиталистических странах.

А как обстоит дело в СССР?

Вот вам данные Госплана. Оказывается, что:

а) Доля *рабочих и трудящихся крестьян, не эксплуатирующих чужого труда*, составляла у нас в 1927/28 г. 75,2% всего народного дохода (в том числе доля городских и сельских рабочих—33,3%), в 1928/29 г.—76,5% (в том числе доля городских и сельских рабочих— 33,2%), в 1929/30 г.—77,1% (в том числе доля городских и сельских рабочих—33,5%).

б) Доля *кулаков и городских капиталистов* составляла в 1927/28 г. 8,1%, в 1928/29 г.—6,5%, в 1929/30 г.—1,8%.

в) Доля *кустарей*, большинство которых представляет трудящийся элемент, составляла в 1927/28 г. 6,5%, в 1928/29 г.—5,4%, в 1929/30 г.— 4,4%.

г) Доля *государственного сектора*, доходы которого являются доходами рабочего класса и вообще трудящихся масс, составляла в 1927/28 г. 8,4%, в 1928/29 г.—10%, в 1929/30 г.—15,2%.

д) Наконец, доля так называемых *прочих* (имеются в виду пенсии) составляла в 1927/28 г. 1,8%, в 1928/29 г.—1,6%, в 1929/30 г.—1,5%.

Выходит, таким образом, что в то время как в передовых капиталистических странах доля эксплуататорских классов в народном доходе составляет около 50%, а то и больше того, у нас, в СССР, доля эксплуататорских классов составляет не более 2% народного дохода.

Этим, собственно, и объясняется тот поразительный факт, что в САСШ в 1922 г., по словам американского буржуазного писателя *Денни*, «1% собственников сосредоточивал в своих руках 59% всего национального богатства», а в Англии в 1920/21 г., по словам того же *Денни*, «менее 2% всего числа собственников владело 64% всего национального богатства» (см. книжку *Денни* «Америка завоевывает Британию»).

Могут ли иметь место подобные факты у нас, в СССР, в стране советов? Ясно, что не могут. В СССР давно уже нет и не может быть таких «собственников».

Но если в СССР в 1929/30 г. всего лишь около 2% народного дохода перепадает на долю эксплуататорских классов, то куда девается остальная масса народного дохода?

Ясно, что она остается в руках рабочих и трудящихся крестьян.

Вот где источник силы и авторитета Советской власти среди миллионов рабочего класса и крестьянства.

Вот где основа систематического роста материального благосостояния рабочих и крестьян СССР.

е) В свете этих решающих фактов становятся вполне понятными систематическое увеличение реальной зарплаты рабочих, рост бюджета социального страхования рабочих, усиление помощи беднякам и середнякам хозяйствам крестьянства, увеличение ассигнований на рабочее жилищное строительство, на улучшение быта рабочих, на материнство и младенчество и в связи с этим поступательный рост народонаселения СССР при сокращении смертности, особенно смертности детей.

Известно, например, что *реальная зарплата* рабочих, считая соцстрах и отчисления от прибылей в фонд улучшения быта рабочих, выросла в отношении довоенного уровня до 167%. Один лишь бюджет социального страхования рабочих вырос за последние 3 года с 980 млн. руб. в 1927/28 г. до 1 400 млн. руб. в 1929/30 г. На охрану материнства и младенчества ушло за последние 3 года (1927/28—1929/30 гг.) 494 млн. руб. На дошкольное воспитание (детские сады, площадки и т. д.) ушло за тот же период 204 млн. руб. На рабочее жилищное строительство—1 880 млн. руб.

Это не значит, конечно, что уже сделано все необходимое для серьезного увеличения реальной зарплаты, что нельзя было поднять реальную зарплату на более высокую ступень. И если это не сделано, то в этом виноват

бюрократизм нашего снабженческого аппарата вообще, бюрократизм потребительской кооперации прежде всего и в особенности. По данным Госплана, обобществленный сектор по внутренней торговле охватывает в 1929/30 г. по опту более 99% и по рознице более 89%. Это значит, что кооперация систематически побивает частный сектор и становится монополистом в области торговли. Это, конечно, хорошо. Но плохо то, что эта монополия в ряде случаев идет во вред потребителям. Оказывается, что, несмотря на свое почти монопольное положение в торговле, кооперация предпочитает снабжать рабочих более «доходными» товарами, дающими большие прибыли (га-лантерея и т. д.), и избегает снабжать их товарами менее «доходными», хотя и более необходимыми для рабочих (с.-х. продукты). В связи с этим рабочие вынуждены около 25% своих потребностей в с.-х. продуктах удовлетворять на частном рынке, переплачивая на ценах. Я уже не говорю о том, что аппарат кооперации более всего заботится о балансе, ввиду чего слишком туго идет на снижение розничных цен, несмотря на категорические директивы со стороны руководящих центров. Выходит, что кооперация действует в данном случае не как социалистический сектор, а как своеобразный сектор, зараженный неким нэпманским духом. Спрашивается, кому нужна такая кооперация и какая польза для рабочих от ее монополии, если она не выполняет задачи серьезного улучшения реальной зарплаты рабочих?

И если, несмотря на это, реальная зарплата у нас все же неуклонно повышается из года в год, то это значит, что наш строй, система распределения народного дохода и вся установка по линии зарплаты таковы, что они имеют возможность парализовать и перекрыть все и всякие минусы, идущие от кооперации.

Если прибавить к этому обстоятельству ряд других факторов вроде увеличения роли общественного питания, удешевления жилищ для рабочих, громадного количества стипендий для рабочих и детей рабочих, культурного обслуживания и т. д., то можно смело сказать, что увеличение зарплаты рабочих составит гораздо больший процент, чем это указывается в статистике некоторых наших учреждений.

Все это, вместе взятое, плюс перевод на 7-часовой рабочий день более 830 тыс. индустриальных рабочих (33,5%), плюс перевод на пятидневную неделю более 1 $\frac{1}{2}$ млн. индустриальных рабочих (63,4%), плюс наличие широкой сети домов отдыха, санаторий и курортов для рабочих, через которые пропущено за последние 3 года более 1 700 тыс. рабочих,— все это создает такую обстановку работы и быта рабочего класса, которая дает нам возможность вырастить новое поколение рабочих, здоровых и жизнерадостных, способных поднять могущество Советской страны на должную высоту и защитить ее грудью от покушений со стороны врагов. *(Ап-лодисменты.)*

Что касается помощи крестьянам, как индивидуальным, так и коллективизированным, имея в виду и помощь бедноте, то она выразилась за последние 3 года (1927/28—1929/30 гг.) в сумме не менее 4 млрд. руб., отпущенных по линии кредита и государственного бюджета. Известно, что одной лишь семенной помощи было выдано крестьянам за эти 3 года не менее 154 млн. пудов зерна.

Не удивительно, что рабочие и крестьяне живут у нас в общем не плохо, смертность населения уменьшилась по сравнению с довоенным временем на 36% по общей и на 42,5% по детской линии, а *ежегодный прирост* населения составляет у нас более 3 млн. душ. (*Аплодисменты.*)

Что касается культурного положения рабочих и крестьян, то и в этой области имеем некоторые достижения, которые, однако, ни в коем случае не могут нас удовлетворить ввиду их незначительности. Если не считать рабочих клубов всякого рода, изб-читален, библиотек и ликбеза, который охватывает в этом году $10\frac{1}{2}$ млн. чел., то положение культурно-образовательного дела представляется в следующем виде. Школы начального образования охватывают в текущем году 11 638 тыс. учащихся; школы II ступени—1 945 тыс.; индустриально-технические, транспортные, с-х. школы и производственные курсы массовой квалификации—333,1 тыс.; техникумы и равные им профшколы—238,7 тыс.; вузы и втузы—190,4 тыс. Все это дало возможность довести процент грамотности по СССР до 62,6% против 33% в довоенное время.

Главное теперь — перейти на обязательное первоначальное обучение. Я говорю «главное», так как такой переход означал бы решающий шаг в деле культурной революции. А перейти к этому делу давно пора, ибо мы имеем теперь все необходимое для организации всеобщего первоначального образования в подавляющем большинстве районов СССР. До сего времени мы вынуждены были «экономить на всем, даже на школах» для того, чтобы «спасти, восстановить тяжелую промышленность» (Ленин). За последнее время, однако, мы уже восстановили тяжелую промышленность и двигаем ее дальше. Следовательно, настало время, когда мы должны взяться за организацию всеобщего обязательного первоначального образования.

Я думаю, что съезд поступит правильно, если он примет на этот счет определенное и совершенно категорическое решение. (*Аплодисменты.*)

7. Трудности роста, борьба классов и наступление социализма по всему фронту

Я говорил о наших достижениях в деле развития народного хозяйства. Я говорил о достижениях в области промышленности, в области сельского хозяйства, в области реконструкции всего народного хозяйства на началах социализма. Я говорил, наконец, о достижениях по линии улучшения материального положения рабочих и крестьян.

Но было бы ошибочно думать, что мы добились этих достижений «легко и спокойно», в порядке, так сказать, самотека, без особых усилий и напряжений воли, без борьбы и встряски. Такие достижения не даются в порядке самотека. На самом деле мы добились этих достижений в решительной борьбе с трудностями, в серьезной и длительной борьбе за преодоление трудностей.

О трудностях говорят у нас все. Но не все отдают себе отчет в характере этих трудностей. А между тем проблема трудностей имеет для нас серьезнейшее значение.

Отсюда вопрос: в чем состоят характерные черты наших трудностей, какие враждебные силы скрываются за ними и как мы их преодолеваем?

а) При характеристике наших трудностей надо иметь в виду, по крайней мере, следующие обстоятельства.

Прежде всего необходимо учесть то обстоятельство, что нынешние наши трудности являются трудностями *реконструктивного* периода. Что это значит? Это значит, что они коренным образом отличаются от трудностей *восстановительного* периода нашего хозяйства. Если при восстановительном периоде речь шла о загрузке старых заводов и помощи сельскому хозяйству на его старой базе, то теперь дело идет о том, чтобы коренным образом перестроить, реконструировать и промышленность и сельское хозяйство, изменив их техническую базу, вооружив их современной техникой. Это значит, что перед нами стоит задача перестройки всей технической базы народного хозяйства. А это требует новых, более солидных вложений в народное хозяйство, новых, более опытных кадров, способных овладеть новой техникой и двинуть ее вперед.

Надо иметь в виду, во-вторых, то обстоятельство, что реконструкция народного хозяйства не ограничивается у нас перестройкой его технической базы, а, наоборот, требует вместе с тем перестройки социально-экономических отношений. Я имею здесь в виду, главным образом, сельское хозяйство. В промышленности, которая уже объединена и социализирована, техническая реконструкция имеет уже в основном готовую социально-экономическую базу. Задача реконструкции состоит здесь в том, чтобы усилить процесс вытеснения капиталистических элементов в промышленности. Не так просто обстоит дело в сельском хозяйстве. Реконструкция технической базы сельского хозяйства преследует, конечно, те же цели. Но особенность сельского хозяйства состоит у нас в том, что в нем все еще преобладает мелкое крестьянское хозяйство, что мелкое хозяйство лишено возможности освоить новую технику, что, ввиду этого, перестройка технической базы сельского хозяйства *невозможна* без одновременной перестройки старого социально-экономического уклада, без объединения мелких хозяйств в крупные коллективные хозяйства, без выкорчевывания корней капитализма в сельском хозяйстве.

Понятно, что эти обстоятельства не могут не осложнять наших трудностей, не могут не осложнять нашей работы по преодолению этих трудностей.

Надо иметь в виду, в-третьих, то обстоятельство, что наша работа по социалистической реконструкции народного хозяйства, рвущая экономические связи капитализма и опрокидывающая вверх дном все силы старого мира, не может не вызывать отчаянного сопротивления со стороны этих сил. Оно так и есть, как известно. Злостное вредительство верхушки *буржуазной интеллигенции* во всех отраслях нашей промышленности, зверская борьба *кулачества* против коллективных форм хозяйства в деревне, саботаж мероприятий Советской власти со стороны *бюрократических элементов* аппарата, являющихся агентурой классового врага,— таковы пока что

главные формы сопротивления отживающих классов нашей страны. Ясно, что эти обстоятельства не могут послужить к облегчению нашей работы по реконструкции народного хозяйства.

Надо иметь в виду, в-четвертых, то обстоятельство, что сопротивление отживающих классов нашей страны происходит не изолированно от внешнего мира, а встречает поддержку со стороны капиталистического окружения. Капиталистическое окружение не есть простое географическое понятие. Капиталистическое окружение — это значит, что вокруг СССР имеются враждебные классовые силы, готовые поддержать наших классовых врагов внутри СССР и морально, и материально, и путем финансовой блокады, и, при случае, путем военной интервенции. Доказано, что вредительство наших спецов, антисоветские выступления кулачества, поджоги и взрывы наших предприятий и сооружений субсидируются и вдохновляются извне. Империалистический мир не заинтересован в том, чтобы СССР стал на ноги и получил возможность догнать и перегнать передовые капиталистические страны. Отсюда его помощь силам старого мира в СССР. Понятно, что это обстоятельство также не может служить к облегчению нашей реконструктивной работы.

Но характеристика наших трудностей будет неполной, если не принять во внимание еще одно обстоятельство. Речь идет об особом характере наших трудностей. Речь идет о том, что наши трудности являются не трудностями *упадка* или трудностями *застоя*, а трудностями *роста*, трудностями *подъема*, трудностями *продвижения вперед*. Это значит, что наши трудности коренным образом отличаются от трудностей капиталистических стран. Когда в САСШ говорят о трудностях, имеют в виду трудности *упадка*, ибо Америка переживает ныне кризис, т. е. упадок хозяйства. Когда в Англии говорят о трудностях, имеют в виду трудности *застоя*, ибо Англия переживает вот уже несколько лет застой, т. е. приостановку движения вперед. Когда же мы говорим о наших трудностях, имеем в виду не упадок и не застой в развитии, а *рост* наших сил, *подъем* наших сил, *продвижение* нашей экономики *вперед*. На сколько пунктов *продвинуться вперед* к такому-то сроку, на сколько процентов выработать *больше* продуктов, на сколько миллионов гектаров засеять *больше*, на сколько месяцев *раньше* построить завод, фабрику, железную дорогу, — вот какие вопросы имеют у нас в виду, когда говорят о трудностях. Следовательно, наши трудности, в отличие от трудностей, скажем, Америки или Англии, есть трудности *роста*, трудности *продвижения вперед*.

А что это значит? Это значит, что наши трудности являются такими трудностями, которые *сами содержат в себе возможность их преодоления*. Это значит, что отличительная черта наших трудностей состоит в том, что они *сами дают нам базу для их преодоления*.

Что же из всего этого вытекает?

Из этого вытекает, прежде всего, что наши трудности являются не трудностями мелких и случайных «неполадок», а трудностями классовой борьбы.

Из этого вытекает, во-вторых, что за нашими трудностями скрываются наши классовые враги, что трудности эти осложняются отчаянным сопротивлением отживающих классов нашей страны, поддержкой этих клас-

сов извне, наличием бюрократических элементов в наших собственных учреждениях, наличием неуверенности и косности в некоторых прослойках нашей партии.

Из этого вытекает, в-третьих, что для преодоления трудностей необходимо, прежде всего, отбить атаки капиталистических элементов, подавить их сопротивление и расчистить, таким образом, дорогу для быстрого продвижения вперед.

Из этого вытекает, наконец, что самый характер наших трудностей, являющихся трудностями *мироста*, дает нам *возможности*, необходимые для подавления классовых врагов.

Но чтобы использовать эти *возможности* и превратить их в *действительность*, чтобы подавить сопротивление классовых врагов и добиться преодоления трудностей, для этого существует лишь одно средство: организовать *наступление* на капиталистические элементы *по всему фронту* и изолировать оппортунистические элементы в наших собственных рядах, мешающие наступлению, мечущиеся в панике из стороны в сторону и вносящие в партию неуверенность в победе. (*Аплодисменты.*)

Других средств нет.

Только люди, потерявшие голову, могут искать выхода в ребяческой формуле т. Бухарина о мирном вращении капиталистических элементов в социализм. Развитие шло у нас и продолжает идти не по формуле т. Бухарина. Развитие шло и продолжает идти по формуле Ленина — «кто кого». Мы ли их, эксплуататоров, сомнем и подавим, или они нас, рабочих и крестьян СССР, сомнут и подавят, — так стоит вопрос, товарищи.

Итак, *организация наступления социализма по всему фронту*, — вот такая задача встала перед нами при развертывании работы по реконструкции *всего* народного хозяйства.

Партия так именно поняла свою миссию, организовав наступление против капиталистических элементов нашей страны.

б) Но допустимо ли вообще наступление и притом наступление по всему фронту в условиях существования нэпа?

Иные думают, что наступление несовместимо с нэпом, что нэп есть, по сути дела, отступление, что коль скоро отступление кончено, нэп должен быть отменен. Это, конечно, глупость. Глупость, исходящая либо от троцкистов, которые ничего в ленинизме не поняли и думают «отменить» нэп «в два счета», либо от правых оппортунистов, которые также ничего в ленинизме не поняли и болтовней об «угрозе отмены нэпа» думают выторговать себе отказ от наступления. Если бы нэп исчерпывался отступлением, Ленин не сказал бы на XI съезде партии, когда нэп проводился у нас со всей последовательностью, что «отступление кончено». Разве Ленин, говоря об окончании отступления, не заявлял, вместе с тем, что мы думаем проводить нэп «всерьез и надолго»? Стоит только поставить этот вопрос, чтобы понять всю несообразность болтовни о несовместимости нэпа с наступлением. На самом деле нэп предполагает не только *отступление* и допущение оживления частной торговли, допущение оживления капитализма при обеспечении регулирующей роли государства (начальная стадия нэпа). На самом деле

нэп предполагает не только *отступление* и допущение оживления частной торговли, допущение оживления капитализма при обеспечении регулирующей роли государства (начальная стадия нэпа). На самом деле нэп предполагает вместе с тем на известной стадии развития *наступление* социализма на капиталистические элементы, *сужение* поля деятельности частной торговли, относительное и абсолютное *сокращение* капитализма, растущий *перевес* общественного сектора над сектором необобщественным, победу социализма над капитализмом (нынешняя стадия нэпа). Нэп введен для победы социализма над капиталистическими элементами. Переходя в наступление по всему фронту, мы еще не отменяем нэпа, ибо частная торговля и капиталистические элементы еще остаются, товарооборот и денежное хозяйство еще остаются, — но мы наверняка отменяем начальную стадию нэпа, развертывая последующую его стадию, нынешнюю стадию нэпа, которая есть последняя стадия нэпа.

Вот что говорил Ленин в 1922 г., спустя год после введения нэпа:

«Мы сейчас отступаем, как бы отступаем назад, но мы это делаем, чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед. Только под одним этим условием мы отступили назад в проведении нашей новой экономической политики. Где и как мы должны теперь перестроиться, приспособиться, переорганизоваться, чтобы после отступления начать упорнейшее наступление вперед, мы еще не знаем. Чтобы провести все эти действия в нормальном порядке, нужно, как говорит пословица, не десять, а сто раз примерить, прежде чем решить» (т. XXVII, стр. 361—362).

Кажется, ясно.

Но вот вопрос: наступило ли уже время для того, чтобы перейти в наступление, назрел ли уже момент для наступления?

Ленин говорил в другом месте, в том же 1922 г., о необходимости:

«Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами»... что «тогда и ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем» (т. XXVII, стр. 231—232).

И вот все тот же вопрос: наступило ли уже время для такого ускорения движения, для ускорения темпа нашего развития, правильно ли выбрали мы момент, перейдя в решительное наступление по всему фронту во второй половине 1929 г.?

На этот вопрос партия уже дала ясный и определенный ответ.

Да, такой момент уже наступил.

Да, партия правильно выбрала момент, перейдя в наступление по всему фронту.

Об этом говорят растущая активность рабочего класса и небывалый рост авторитета партии среди миллионных масс трудящихся.

Об этом говорят растущая активность бедняцко-средняцких масс и коренной поворот этих масс в сторону колхозного строительства.

Об этом говорят наши достижения как в области развития индустрии, так и в области строительства совхозов и колхозов.

Об этом говорит тот факт, что мы имеем теперь возможность не только заменить кулацкое производство производством колхозов и совхозов, но и перекрыть его в несколько раз.

Об этом говорит тот факт, что мы сумели уже разрешить в основном зерновую проблему и накопить известные хлебные резервы, переместив

центр тяжести товарной продукции зерна из области индивидуального производства в область колхозно-совхозного производства.

Вот где доказательство того, что партия правильно выбрала момент, перейдя в наступление по всему фронту и провозгласив лозунг ликвидации кулачества как класса.

Что было бы, если бы мы послушались правых оппортунистов из группы т. Бухарина, если бы отказались от наступления, свернули бы темп развития индустрии, задержали бы развитие колхозов и совхозов и базировались бы на индивидуальном крестьянском хозяйстве?

Мы наверняка сорвали бы нашу индустрию, загубили бы дело социалистической реконструкции сельского хозяйства, остались бы без хлеба и расчистили бы дорогу для засилия кулачества. Мы сидели бы у разбитого корыта.

Что было бы, если бы мы послушались «левых» оппортунистов из группы Троцкого—Зиновьева и открыли бы наступление в 1926/27 г., когда мы не имели никакой возможности заменить кулацкое производство производством колхозов и совхозов?

Мы наверняка сорвались бы на этом деле, продемонстрировали бы свою слабость, усилили бы позиции кулачества и вообще капиталистических элементов, толкнули бы середняка в объятия кулачества, сорвали бы наше социалистическое строительство и остались бы без хлеба. Мы сидели бы у разбитого корыта.

Результаты — те же самые.

Недаром говорят у нас рабочие: «пойдешь «налево» — придешь направо». (*Аплодисменты.*)

Некоторые товарищи думают, что главное в наступлении социализма составляют репрессии, а если репрессии не нарастают, то нет и наступления.

Верно ли это? Это, конечно, неверно.

Репрессии являются необходимым элементом наступления, но элементом вспомогательным, а не главным. Главное в наступлении социализма, при наших современных условиях, состоит в усилении темпа развития нашей промышленности, в усилении темпа развития совхозов и колхозов, в усилении темпа экономического вытеснения капиталистических элементов города и деревни, в мобилизации масс вокруг социалистического строительства, в мобилизации масс против капитализма. Вы можете арестовать и выслать десятки и сотни тысяч кулаков, но если вы одновременно с этим не сделаете всего необходимого для того, чтобы ускорить строительство новых форм хозяйства, заменить новыми формами хозяйства старые, капиталистические формы, подорвать и ликвидировать производственные источники экономического существования и развития капиталистических элементов деревни, — кулачество все равно возродится и будет расти.

Другие думают, что наступление социализма является огульным продвижением вперед, без соответствующей подготовки, без перегруппировки сил в ходе наступления, без закрепления завоеванных позиций, без использования резервов для развития успехов, а если появились признаки, скажем, отлива одной части крестьян из колхозов, то это значит, что мы

имеем уже «отлив революции», упадок движения, приостановку наступления.

Верно ли это? Это, конечно, неверно.

Во-первых, ни одно наступление, будь оно самое успешное, не обходится без некоторых прорывов и заскоков на отдельных участках фронта. Говорить на этом основании о приостановке или провале наступления — значит не понимать существа наступления.

Во-вторых, не бывало и не может быть *успешного* наступления без перегруппировки сил в ходе самого наступления, без закрепления захваченных позиций, без использования резервов для развития успеха и доведения до конца наступления. При огульном продвижении, т. е. без соблюдения этих условий, наступление должно неминуемо выдохнуться и провалиться. Огульное продвижение вперед есть смерть для наступления. Об этом говорит богатый опыт нашей гражданской войны.

В-третьих, как можно проводить аналогию между «отливом революции», который возникает обычно на базе *упадка* движения, и отливом одной части крестьян из колхозов, который возник на базе продолжающегося *подъема* движения, на базе продолжающегося *подъема* всего нашего социалистического строительства, и промышленного и колхозного, на базе продолжающегося *подъема* нашей революции? Что может быть общего между этими двумя совершенно разнородными явлениями?

в) В чем состоит существо большевистского наступления в наших, современных условиях?

Существо большевистского наступления состоит, прежде всего, в том, чтобы мобилизовать классовую бдительность и революционную активность масс против капиталистических элементов нашей страны; мобилизовать творческую инициативу и самостоятельность масс против бюрократизма наших учреждений и организаций, держащего под спудом колоссальные резервы, таящиеся в недрах нашего строя, и не дающего их использовать; организовать соревнование и трудовой подъем масс за поднятие производительности труда, за развертывание социалистического строительства.

Существо большевистского наступления состоит, во-вторых, в том, чтобы организовать перестройку всей практической работы профсоюзных, кооперативных, советских и всяких иных массовых организаций применительно к потребностям реконструктивного периода; создать в них ядро из наиболее активных и революционных работников, оттеснив и изолировав оппортунистические, тред-юнионистские, бюрократические элементы; изгнать вон из них чуждые и переродившиеся элементы и выдвинуть новых работников снизу.

Существо большевистского наступления состоит, далее, в том, чтобы мобилизовать максимум средств на дело финансирования нашей индустрии, на дело финансирования наших совхозов и колхозов и направить на развертывание всего этого дела лучших людей нашей партии.

Существо большевистского наступления состоит, наконец, в том, чтобы мобилизовать самую партию для организации всего дела наступления; укрепить и отточить партийные организации, изгнав оттуда элементы бюрократизма и перерождения; изолировать и оттеснить выразителей

правого и «левого» уклонов от ленинской линии, выдвинув на первый план настоящих, стойких ленинцев.

Таковы основы большевистского наступления в данный момент.

Как осуществляла партия этот план наступления?

Вы знаете, что партия осуществляла этот план со всей последовательностью.

Началось дело с того, что партия развернула широкую *самокритику*, сосредоточив внимание масс на недостатках нашего строительства, на недостатках наших организаций и учреждений. Еще на XV съезде была провозглашена необходимость усиления самокритики. Шахтинское дело и вредительство в различных отраслях промышленности, вскрывшие отсутствие революционного чутья в отдельных звеньях партии, с одной стороны, борьба с кулачеством и вскрывшиеся недостатки наших деревенских организаций, с другой стороны, дали дальнейший толчок самокритике. В своем обращении 2 июня 1928 г. ЦК дал окончательное оформление кампании за самокритику, призвав все силы партии и рабочего класса развернуть самокритику «сверху донизу и снизу доверху», «не взирая на лица». Отмежевавшись от троцкистской «критики», идущей с той стороны баррикады и имеющей своей целью дискредитацию и ослабление Советской власти, партия объявила задачей самокритики беспощадное вскрытие недостатков нашей работы для *улучшения* нашего строительства, для *укрепления* Советской власти. Известно, что призыв партии вызвал живейший отклик в массах рабочего класса и крестьянства.

Партия организовала, далее, широкую кампанию за борьбу против *бюрократизма*, дав лозунг проведения *чистки* партийных, профсоюзных, кооперативных и советских организаций от чуждых и обюрократившихся элементов. Продолжением этой кампании является известное постановление ЦК и ЦКК от 16 марта 1930 г. о выдвижении рабочих в госаппарат и массовом рабочем контроле над советским аппаратом (шефство заводов). Известно, что эта кампания вызвала величайший подъем и активность рабочих масс. Результатом этой кампании является громадный подъем авторитета партии среди трудящихся масс, рост доверия к ней со стороны рабочего класса, вступление в партию новых сотен тысяч рабочих, резолюции рабочих о желании вступить в партию целыми цехами и заводами. Наконец, результатом этой кампании является освобождение наших организаций от ряда косных и бюрократических элементов, освобождение ВЦСПС от старого оппортунистического руководства.

Партия организовала, далее, широкое социалистическое *соревнование* и массовый *трудовой подъем* на фабриках и заводах. Воззвание XVI конференции партии о соревновании поставило дело на рельсы. Ударные бригады двигают его дальше. Ленинский комсомол и руководимая им рабочая молодежь увенчивают дело соревнования и ударничества решающими успехами. Нужно признать, что наша революционная молодежь сыграла в этом деле исключительную роль. Теперь уже не может быть сомнения, что одним из самых важных фактов, если не самым важным фактом, нашего строительства является в данный момент социалистическое соревнование фабрик и

заводов, переключка сотен тысяч рабочих о достигнутых результатах по соревнованию, широкое развитие *ударничества*. Только слепые не видят, что в психологии масс и в их отношении к труду произошел громадный перелом, в корне изменивший облик наших заводов и фабрик. Не так давно еще раздавались у нас голоса о «надуманности» и «несостоятельности» соревнования и ударничества. Теперь эти «мудрые» люди не устаиваются даже насмешки,— их считают просто отжившими свой век «мудрецами». Теперь дело соревнования и ударничества является делом завоеванным и закрепленным. Это факт, что социалистическим соревнованием охвачено у нас не менее двух миллионов рабочих, а в ударные бригады вовлечено более миллиона рабочих.

Самое замечательное в соревновании состоит в том, что оно производит коренной переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело *чести*, в дело *славы*, в дело *доблести* и *геройства*. Ничего подобного нет и не может быть в капиталистических странах. Там, у них, у капиталистов, самое желанное дело, заслуживающей общественного одобрения,— иметь ренту, жить на проценты, быть свободным от труда, считающегося презренным занятием. У нас, в СССР, наоборот, самым желанным делом, заслуживающим общественного одобрения, становится возможность быть героем труда, возможность быть героем ударничества, окруженным ореолом почета среди миллионов трудящихся.

Не менее замечательным в соревновании нужно считать тот факт, что оно начинает распространяться и в деревне, захватив уже наши совхозы и колхозы. Всем известны многочисленные факты настоящего трудового энтузиазма в миллионных массах совхозников и колхозников.

Кто мог мечтать года два назад о таких успехах соревнования и ударничества?

Партия мобилизовала, далее, финансовые ресурсы страны для развертывания дела совхозов и колхозов, снабдила совхозы лучшими организаторами, дала на помощь колхозам 25 тыс. передовых рабочих, выдвинула лучших людей из колхозных крестьян на дело руководства колхозами, организовала сеть курсов колхозников, заложив, таким образом, основы для выработки стойких и испытанных кадров колхозного движения.

Наконец, партия перестроила свои собственные ряды на боевой лад, перевооружила печать, организовала борьбу на два фронта, разгромила остатки троцкизма, разбила наголову правых уклонистов, изолировала примиренцев, обеспечила, таким образом, единство своих рядов на базе ленинской линии, необходимое для успешного наступления, и провела правильное руководство наступлением, одернув и поставив на место как постепенцев из лагеря правых, так и «левых» загибщиков в области колхозного движения.

Таковы основные мероприятия партии, проведенные ею во исполнение наступления по всему фронту.

Всем известно, что наступление это увенчалось успехом во всех областях нашей работы.

Вот где причина того, что нам удалось преодолеть целый ряд трудностей периода реконструкции нашего народного хозяйства.

Вот где причина того, что нам удастся с успехом преодолевать самую большую трудность нашего строительства, трудность поворота основных масс крестьянства в сторону социализма.

Иностранцы спрашивают иногда о внутреннем положении СССР. Но разве может быть сомнение в том, что внутреннее положение СССР является прочным и непоколебимым? Посмотрите на капиталистические страны, на рост кризиса и безработицы в этих странах, на забастовки и локауты, на антиправительственные демонстрации, — какое может быть сравнение между внутренним положением в этих странах и внутренним положением в СССР?

Нужно признать, что Советская власть является теперь самой прочной властью из всех существующих властей в мире. (*Аплодисменты.*)

8. Капиталистическая или социалистическая система хозяйства

Мы имеем, таким образом, картину внутреннего положения СССР.

Мы имеем, вместе с тем, картину внутреннего положения главнейших капиталистических стран.

Невольно возникает вопрос: а каковы итоги, если сопоставить друг с другом и сравнить эти две картины?

Этот вопрос тем более интересен, что буржуазные деятели всех стран, буржуазная печать всех степеней и рангов, от ярко капиталистических до меньшевистско-троцкистских, в один голос кричат о «процветании» капиталистических стран, о «гибели» СССР, о «финансовом и хозяйственном крахе» СССР и т. п.

Итак, каковы итоги анализа положения у нас, в СССР, и у них, в капиталистических странах?

Отметим главные, общеизвестные факты.

У них, у капиталистов, экономический *кризис* и *упадок* производства как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства.

У нас, в СССР, экономический *подъем* и *рост* производства во всех отраслях народного хозяйства.

У них, у капиталистов, *ухудшение* материального положения трудящихся, *снижение* заработной платы рабочих и *рост* безработицы.

У нас, в СССР, *подъем* материального положения трудящихся, *повышение* заработной платы рабочих и *сокращение* безработицы.

У них, у капиталистов, *рост* забастовок и демонстраций, ведущий к *потере* миллионов рабочих дней.

У нас, в СССР, отсутствие забастовок и *рост* трудового подъема рабочих и крестьян, *дающий* нашему строю миллионы добавочных рабочих дней.

У них у капиталистов, *обострение* внутреннего положения и *нарастание* революционного движения рабочего класса против капиталистического режима.

У нас, в СССР, *укрепление* внутреннего положения и *сплочение* миллионных масс рабочего класса вокруг Советской власти.

У них, у капиталистов, *обострение* национального вопроса и *рост* национально-освободительного движения в Индии, в Индо-Китае, в Индонезии, на Филиппинских островах и т. д., переходящий в *национальную войну*.

У нас, в СССР, *укрепление* основ национального братства, обеспеченный национальный *мир* и *сплочение* миллионных масс народов СССР вокруг Советской власти.

У них, у капиталистов, *растерянность* и перспектива дальнейшего *ухудшения* положения.

У нас, в СССР, *вера в свои силы* и перспектива дальнейшего *улучшения* положения.

Болтают о «гибели» СССР, «процветании» капиталистических стран и т. п. Не вернее ли будет говорить о неминуемой гибели тех, которые попали столь «неожиданно» в водоворот экономического кризиса и все еще не могут выбраться из трясины упадка?

Где причины столь серьезного *провала* у них, у капиталистов, и серьезных *успехов* у нас, в СССР?

Говорят, что состояние народного хозяйства зависит во многом от обилия или недостатка капиталов. Это, конечно, верно. Не объясняется ли кризис в капиталистических странах и подъем в СССР обилием капиталов у нас и недостатком капиталов у них? Нет, конечно, нет. Всякому известно, что капиталов в СССР гораздо меньше, чем в капиталистических странах. Если бы дело *решалось* в данном случае состоянием накопления, мы имели бы кризис, а капиталистические страны — подъем

Говорят, что состояние хозяйства зависит во многом от технической и организационной подкованности хозяйственных кадров. Это, конечно, верно. Не объясняется ли кризис в капиталистических странах и подъем в СССР недостатком технических кадров у них и обилием их у нас? Нет, конечно, нет. Всякому известно, что технически испытанных кадров в капиталистических странах гораздо больше, чем у нас, в СССР.

Мы никогда не скрывали и не намерены скрывать, что в области техники мы являемся учениками немцев, англичан, французов, итальянцев и, прежде всего и главным образом, американцев. Нет, дело тут не решается обилием или недостатком технических кадров, хотя проблема кадров имеет серьезное значение для развития народного хозяйства.

Может быть разгадка вопроса состоит в том, что уровень культурного состояния у нас выше, чем в капиталистических странах? Опять-таки нет. Всякому известно, что общекультурный уровень масс у нас ниже, чем в САСШ, в Англии, в Германии и т. д. Нет, дело не в культурности масс, хотя она и имеет громадное значение для развития народного хозяйства.

Может быть причина состоит здесь в личных качествах руководителей капиталистических стран? Опять-таки нет. Кризисы родились вместе с наступлением господства капитализма. Вот уже больше столетия происходят периодические экономические кризисы капитализма, повторяясь через каждые 12—10—8 и меньше лет. Все партии капитализма, все сколько-нибудь видные деятели капитализма, от самых «гениальных» до самых посредственных, пробовали свои силы в деле «предупреждения» или

«уничтожения» кризиса. Но все они терпели поражение. Что же тут удивительного в том, что Гувер с его группой также потерпел поражение? Нет, дело тут не в руководителях или партиях капитализма, хотя и руководители и партии капитализма имеют здесь немалое значение.

В чем же тогда дело?

В чем причина того, что СССР, несмотря на его культурную отсталость, несмотря на недостаток капиталов, несмотря на недостаток технически выкованных хозяйственных кадров, находится в состоянии растущего *экономического подъема* и имеет на фронте экономического строительства решающие *успехи*, а передовые капиталистические страны, несмотря на обилие капиталов, обилие технических кадров и более высокий уровень культуры, находятся в состоянии растущего экономического *кризиса* и терпят в области хозяйственного развития *поражение за поражением*?

Причина — в *различии* экономических *систем* хозяйства у нас и у капиталистов.

Причина — в *несостоятельности* капиталистической системы хозяйства.

Причина — в *преимуществах* советской системы хозяйства перед системой капиталистической.

Что такое советская система хозяйства?

Советская система хозяйства означает, что:

1) власть класса капиталистов свергнута и заменена властью рабочего класса;

2) орудия и средства производства, земля, фабрики, заводы и т. д. отобраны у капиталистов и переданы в собственность рабочего класса и трудящихся масс крестьянства;

3) развитие производства подчинено не принципу конкуренции и обеспечения капиталистической прибыли, а принципу планового руководства и систематического подъема материального и культурного уровня трудящихся;

4) распределение народного дохода происходит не в интересах обогащения эксплуататорских классов и их многочисленной паразитической челяди, а в интересах систематического повышения материального положения рабочих и крестьян и расширения социалистического производства в городе и деревне;

5) систематическое улучшение материального положения трудящихся и непрерывный рост их потребностей (покупательной способности), будучи постоянно растущим источником расширения производства, гарантирует рабочий класс от кризисов перепроизводства, роста безработицы и т. д.;

6) рабочий класс является хозяином страны, работающим не на капиталистов, а на свой собственный класс.

Что такое капиталистическая система хозяйства? Капиталистическая система хозяйства означает, что:

1) власть в стране принадлежит капиталистам;

2) орудия и средства производства сосредоточены в руках эксплуататоров;

3) производство подчинено не принципу улучшения материального положения трудящихся масс, а принципу обеспечения высокой капиталистической прибыли;

4) распределение народного дохода происходит не в интересах улучшения материального положения трудящихся, а в интересах обеспечения максимума прибылей эксплуататоров;

5) капиталистическая рационализация и быстрый *рост* производства, имеющие своей целью обеспечение высоких прибылей капиталистов, наталкиваются, как на преграду, на нищенское положение и *снижение* материальной обеспеченности миллионных масс трудящихся, не всегда имеющих возможность удовлетворить свои потребности даже в пределах крайнего минимума, что неизбежно создает почву для неминуемых кризисов перепроизводства, роста безработицы и т. д.;

6) рабочий класс является классом эксплуатируемым, работающим не на себя, а на чужой класс, на класс эксплуататоров.

Таковы преимущества *советской* системы хозяйства перед системой *капиталистической*.

Таковы преимущества *социалистической* организации хозяйства перед организацией *капиталистической*.

Вот где причина того, что у нас, в СССР, имеется растущий экономический подъем, а у них, у капиталистов, растущий экономический кризис.

Вот где причина того, что у нас, в СССР, рост потребления (покупательной способности) масс все время обгоняет рост производства, толкая его вперед, а у них, у капиталистов, наоборот, рост потребления масс (покупательной способности) никогда не поспевает за ростом производства и все время отстает от него, то и дело обрекая производство на кризисы.

Вот где причина того, что у них, у капиталистов, считается вполне нормальным уничтожать во время кризисов «избыток» товаров и сжигать «излишек» с.-х. продуктов, чтобы поддержать высокие цены и обеспечить высокие прибыли, тогда как у нас, в СССР, виновников таких преступлений отправили бы в дом умалишенных. (*Аплодисменты.*)

Вот где причина того, что там, у капиталистов, рабочие бастуют и демонстрируют, организуя революционную борьбу против существующей капиталистической власти, тогда как у нас, в СССР, мы имеем картину великого трудового соревнования миллионов рабочих и крестьян, готовых грудью отстоять Советскую власть.

Вот где причина устойчивости и прочности внутреннего положения СССР, неустойчивости и шаткости внутреннего положения капиталистических стран.

Нужно признать, что система хозяйства, не знающая, куда девать «излишки» своего производства, и вынужденная их сжигать в момент, когда в массах царят нужда и безработица, голод и разорение, такая система хозяйства сама произносит над собой смертный приговор.

Последние годы были периодом испытания на практике, периодом экзамена двух противоположных систем хозяйства, советской и капиталистической. За эти годы пророчеств о «гибели» и «крахе» советской системы было более чем достаточно. Разговоров и песнопений о «процветании» капитализ-

ма — еще больше. И что же? Эти годы лишний раз показали, что капиталистическая система хозяйства является системой *несостоятельной*, что советская система хозяйства обладает такими *преимуществами*, о которых не смеет мечтать ни одно буржуазное государство, будь оно самое «демократическое», «общенародное» и т. п.

В своей речи на конференции ВКП(б) в мае 1921 г. Ленин говорил:

«Сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой. Все на Советскую Российскую республику смотрят, все трудящиеся во всех странах мира, без всякого исключения и без всякого преувеличения. Это достигнуто. Замолчать, скрыть капиталисты ничего не могут, они больше всего ловят поэтому наши хозяйственные ошибки и нашу слабость. На этом поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу — и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно» (т. XXVI, стр. 410—411).

Надо признать, что задачу, поставленную Лениным, наша партия выполняет с успехом.

9. Очередные задачи

а) Общие

1) Прежде всего проблема *правильного размещения промышленности по СССР*. Как бы мы ни развивали народное хозяйство, нельзя обойтись без вопроса о том, как правильно разместить промышленность как ведущую отрасль народного хозяйства. Сейчас дело обстоит так, что наша промышленность, как и наше народное хозяйство, опирается в основном на угольно-металлургическую базу на Украине. Понятно, что без такой базы немыслима индустриализация страны. И вот такой базой является у нас украинская топливно-металлургическая база. Но может ли в дальнейшем одна лишь эта база удовлетворять и юг, и центральную часть СССР, и север, и северо-восток, и Дальний Восток, и Туркестан? Все данные говорят нам о том, что не может. Новое в развитии нашего народного хозяйства состоит, между прочим, в том, что эта база уже стала для нас недостаточной. Новое состоит в том, чтобы, всемерно развивая эту базу и в дальнейшем, начать вместе с тем немедленно создавать вторую угольно-металлургическую базу. Этой базой должен быть Урало-Кузнецкий комбинат, соединение кузнецкого коксующегося угля с уральской рудой. (*Аплодисменты.*) Постройка автозавода в Нижнем, тракторного завода в Челябинске, машиностроительного завода в Свердловске, комбайновых заводов в Саратове и Новосибирске; наличие растущей цветной металлургии в Сибири и Казакстане, требующей создания сети ремонтных мастерских и ряда основных металлургических заводов на востоке; наконец, решение о постройке текстильных фабрик в Новосибирске и в Туркестане, — все это повелительно требует немедленного приступа к делу образования второй угольно-металлургической базы на Урале.

Вы знаете, что ЦК нашей партии высказался в этом именно духе в своей резолюции об Уралмете.

2) Далее, проблема *правильного размещения основных отраслей сельского хо-*

зяйства по СССР, проблема специализации наших областей по сельскохозяйственным культурам и отраслям. Понятно, что при мелкокрестьянском хозяйстве серьезное проведение специализации невозможно. Невозможно, так как мелкое хозяйство, как хозяйство неустойчивое, лишенное необходимых резервов, вынуждено разводить у себя все и всякие культуры, чтобы в случае провала на одних культурах можно было обернуться на других. Понятно также, что без обеспечения в руках государства известных резервов зерна невозможно поставить дело специализации. Теперь, когда мы перешли к крупному хозяйству и обеспечили в руках государства резервы зерна, мы можем и должны поставить себе задачу правильной организации специализации по культурам и отраслям. При этом исходным пунктом этого дела является окончательное разрешение зерновой проблемы. Я говорю «исходным пунктом», так как без разрешения зерновой проблемы, без организации богатой сети складов зерна в животноводческих, хлопковых, свекловичных, льняных, табачных районах невозможно двинуть вперед животноводство и технические культуры, невозможно обеспечить организацию специализации наших областей по культурам и отраслям.

Задача состоит в том, чтобы использовать открывшиеся возможности и двинуть это дело вперед.

3) Далее идет проблема *кадров* как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства. Всем известна слабая техническая подкованность наших хозяйственных кадров, наших специалистов, техников и хозяйственных работников. Дело осложняется тем, что одна часть специалистов, связанная с бывшими хозяевами и стимулируемая из-за границы, оказалась во главе вредительского дела. Дело еще больше осложняется тем обстоятельством, что целый ряд наших хозяйственников-коммунистов не проявил при этом революционной бдительности и часто оказывался в духовном плену у вредительских элементов. Между тем перед нами стоят колоссальные задачи реконструкции всего народного хозяйства, требующие большого количества новых кадров, способных овладеть новой техникой. В связи с этим проблема кадров превратилась у нас в проблему поистине животрепещущую.

Разрешение этой проблемы идет у нас по линии следующих мероприятий: 1) решительная борьба с вредителями; 2) максимум заботы и чуткости в отношении громадного большинства специалистов и техников, отмежевавшихся от вредителей (я имею в виду не краснобаев и кривляк типа Устрялова, а действительно научных работников, работающих заодно с рабочим классом, не мудрствуя лукаво); 3) организация технической помощи из-за границы; 4) посылка наших хозяйственников за границу для учебы и вообще приобретения опыта по технике; 5) передача технических учебных заведений соответствующим хозяйственным организациям на предмет быстрой выработки достаточного количества техников и специалистов из людей рабочего класса.

Задача состоит в том, чтобы развернуть работу по осуществлению этих мероприятий.

4) Проблема *борьбы с бюрократизмом*. Опасность бюрократизма состоит, прежде всего, в том, что он держит под спудом колоссальные резервы, талящиеся в недрах нашего строя, не давая их использовать, старается

свести на-нет творческую инициативу масс, сковывая ее канцелярщиной, и ведет дело к тому, чтобы каждое новое начинание партии превратить в мелкое и никчемное крохоборчество. Опасность бюрократизма состоит, во-вторых, в том, что он не терпит *проверки исполнения* и пытается превратить основные указания руководящих организаций в пустую бумажку, оторванную от живой жизни. Опасность представляют не только и не столько старые бюрократы, застрявшие в наших учреждениях, но и — особенно — новые бюрократы, бюрократы советские, среди которых «коммунисты»-бюрократы играют далеко не последнюю роль. Я имею в виду тех «коммунистов», которые канцелярскими распоряжениями и «декретами», в силу которых они верят, как в фетиш, стараются подменить творческую инициативу и самостоятельность миллионных масс рабочего класса и крестьянства.

Задача состоит в том, чтобы разбить бюрократизм в наших учреждениях и организациях, ликвидировать бюрократические «нравы» и «обычаи» и расчистить дорогу для использования резервов нашего строя, для развертывания творческой инициативы и самостоятельности масс.

Задача эта нелегкая. Ее не разрешишь «в два счета». Но ее нужно разрешить во что бы то ни стало, если мы хотим действительно преобразовать нашу страну на началах социализма.

В борьбе с бюрократизмом работа партии идет по четырем линиям: по линии развертывания *самокритики*., по линии организации дела *проверки исполнения*, по линии *чистки* аппарата и, наконец, по линии *выдвижения* снизу в аппарат преданных работников из людей рабочего класса.

Задача состоит в том, чтобы приложить все силы к выполнению всех этих мероприятий.

5) Проблема роста *производительности труда*. Без систематического роста производительности труда как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства мы не можем разрешить задач реконструкции, не можем не только догнать и перегнать передовые капиталистические страны, но даже отстоять свое самостоятельное существование. Поэтому проблема роста производительности труда имеет для нас первостепенное значение.

Мероприятия партии по части разрешения этой проблемы идут по трем линиям: по линии систематического *улучшения материального положения* трудящихся, по линии насаждения *товарищеской трудовой дисциплины* в предприятиях промышленности и сельского хозяйства, наконец, по линии организации *социалистического соревнования и ударничества*. Все это — на базе улучшенной техники и рациональной организации труда.

Задача состоит в том, чтобы развернуть дальше массовую кампанию по осуществлению этих мероприятий.

6) Проблема *снабжения*. Сюда относится вопрос о *достаточном снабжении* трудящихся города и деревни необходимыми продуктами, вопрос о приспособлении *кооперативного аппарата* к нуждам рабочих и крестьян, вопрос о систематическом увеличении *реальной зарплаты* рабочих, вопрос о *снижении цен* на промтовары и сельскохозяйственные продукты. О недостатках по-

требительской кооперации я уже говорил. Необходимо ликвидировать эти недостатки и добиться проведения *политики снижения цен*. Что касается недостатка товаров (товарный голод), то мы имеем теперь возможность развернуть сырьевую базу легкой промышленности и двинуть вперед производство городских товаров массового потребления. Снабжение хлебом можно считать уже обеспеченным. Труднее обстоит дело со снабжением мясом, молочными продуктами и овощами. Эта трудность, к сожалению, не может быть ликвидирована в продолжение нескольких месяцев. Для преодоления этой трудности необходим, по крайней мере, год. Через год мы будем иметь возможность, благодаря прежде всего организованным для этого дела совхозам и колхозам, обеспечить полностью снабжение мясом, молочными продуктами и овощами. А что значит овладеть снабжением этими продуктами, когда мы уже имеем в своих руках хлебные резервы, мануфактуру, усиленное жилищное строительство для рабочих и дешевые коммунальные услуги? Это значит овладеть всеми теми основными факторами, которые определяют бюджет рабочего и его реальную заработную плату. Это значит обеспечить дело быстрого роста реальной зарплаты рабочих наверняка и окончательно.

Задача состоит в том, чтобы развернуть работу всех наших организаций в этом направлении.

7) Проблема *кредита и денежного обращения*. Рациональная организация кредитного дела и правильное маневрирование денежными резервами имеют серьезное значение для развития народного хозяйства. Мероприятия партии по разрешению этой проблемы идут по двум линиям: по линии сосредоточения всего дела краткосрочного кредита в Госбанке и по линии организации безналичного расчета в обобщественном секторе. Тем самым, во-первых, Госбанк превращается в общегосударственный аппарат учета производства и распределения продуктов, во-вторых, из обращения освобождаются целые массы денег. Не может быть никакого сомнения, что эти мероприятия приведут (они уже приводят) к упорядочению всего кредитного дела и укреплению нашего червонца.

8) Проблема *резервов*. Уже говорилось несколько раз и повторять не приходится, что государство вообще, наше государство в особенности, не может обойтись без резервов. У нас есть кое-какие резервы по хлебу, по товарам, по валюте. Наши товарищи имели возможность ощутить за это время благотворительное действие этих резервов. Но «кое-каких» резервов нам недостаточно. Нам нужны более солидные резервы по всем линиям.

Отсюда задача — накапливать резервы.

6) По промышленности

1) Главная проблема — форсированное развитие *черной металлургии*. Имейте в виду, что мы достигли довоенной нормы производства чугуна и перевыполняем ее только в текущем 1929/30 г. Это большая угроза для всего нашего народного хозяйства. Чтобы ликвидировать эту угрозу, надо наладить форсированное развитие черной металлургии. Нам нужно к концу пятилетки не 10 млн. тонн чугуна, как требует этого пятилетка, а 17 млн.

тонн. Эту задачу мы должны выполнить во что бы то ни стало, если мы хотим по-настоящему развернуть дело индустриализации нашей страны.

Большевики должны показать, что они сумеют справиться с этой задачей.

Это не значит, конечно, что мы должны забросить *легкую* индустрию. Нет, не значит. До сих пор мы экономили на всем, в том числе и на легкой индустрии, для того, чтобы восстановить тяжелую индустрию. Но тяжелую индустрию мы уже восстановили. Ее нужно только развернуть дальше. Теперь мы можем повернуться к легкой индустрии и двинуть ее вперед ускоренным темпом. Новое в развитии нашей промышленности состоит, между прочим, в том, что мы имеем теперь возможность развивать ускоренным темпом и тяжелую, и легкую индустрию. Перевыполнение планов хлопковых, льняных и свекловичных посевов в этом году, успешное разрешение проблемы кендыря и искусственного шелка,— все это говорит о том, что мы имеем возможность действительно двинуть вперед легкую промышленность.

2) Проблема *рационализации, снижения себестоимости и улучшения качества* продукции. Нельзя дальше терпеть прорехи в области рационализации, невыполнение плана по снижению себестоимости и безобразное качество продукции ряда наших предприятий. Эти прорехи и недостатки давят на все наше народное хозяйство и не дают ему двигаться вперед. Пора, давно пора покончить с этим позорным пятном

Большевики должны показать, что они сумеют справиться с этой задачей.

3) Проблема *единоначалия*. Нестерпимыми становятся также нарушения в области проведения единоначалия на предприятиях. Рабочие то и дело жалуются: «нет хозяина на заводе», «нет порядка в работе». Нельзя дальше терпеть, чтобы наши предприятия превращались из производственных организмов в парламенты. Нужно, наконец, понять нашим партийным и профсоюзным организациям, что без обеспечения единоначалия и установления строгой ответственности за ход работы мы не можем разрешить задач реконструкции промышленности.

в) По сельскому хозяйству

1) Проблема *животноводства и технических культур*. Теперь, когда уже разрешили в основном зерновую проблему, мы можем приступить к одновременному разрешению и проблемы животноводства, представляющей в данный момент животрепещущую проблему, и проблемы технических культур. При разрешении этих проблем нам нужно двигаться тем же путем, которым шли в области разрешения зерновой проблемы. То есть, через организацию совхозов и колхозов, являющихся опорными пунктами нашей политики, постепенно преобразовывать техническую и экономическую основу нынешнего мелкокрестьянского животноводства и технических культур. «Скотовод», «Овцевод», «Свиновод», «Масляно-молочный трест» плюс колхозы в области животноводства; существующие совхозы и колхозы в области технических культур,— таковы отправные пункты разрешения стоящих перед нами проблем

2) Проблема *дальнейшего развертывания совхозного и колхозного строитель-*

ства. Едва ли необходимо распространяться о том, что эта проблема является для нас *первоочередной* проблемой всего нашего строительства в деревне. Теперь даже слепые видят, что сделан огромный, коренной поворот крестьянства от старого к новому, от кулацкой кабалы к свободной колхозной жизни. Нет больше возврата к старому. Кулачество обречено и будет ликвидировано. Остается лишь один путь, путь колхозов. А путь колхозов не есть уже путь неизвестный и неизведанный. Он изведен и проверен на тысячи ладов самими крестьянскими массами. Изведен и оценен, как новое, дающее крестьянам освобождение от кулацкой кабалы, от нужды, от темноты. В этом основа наших достижений.

Как будет разворачиваться дальше новое движение в деревне? Впереди пойдут совхозы, как становой хребет перестройки старого уклада деревни. За ними потянутся многочисленные колхозы, как опорные пункты нового движения в деревне. Соединенная работа этих двух систем создает условия для полной коллективизации всех областей СССР.

Одно из самых замечательных завоеваний колхозного движения состоит в том, что оно уже успело выдвинуть тысячи *организаторов* и десятки тысяч *агитаторов* колхозного дела из *самых крестьян*. Теперь уже не мы одни, квалифицированные большевики, а сами крестьяне из колхозов, десятки тысяч крестьян-организаторов и агитаторов колхозного дела будут нести вперед знамя коллективизации. А крестьяне-агитаторы являются замечательными агитаторами колхозного движения, ибо они найдут такие аргументы в пользу колхозов, понятные и приемлемые для остальной массы крестьян, о которых мы, квалифицированные большевики, не можем даже мечтать.

Раздаются кое-где голоса о необходимости отказа от политики сплошной коллективизации. Есть сведения, что даже в нашей партии имеются сторонники этой «идеи». Но так могут говорить только люди, сомкнувшиеся, вольно или невольно, с врагами коммунизма. Метод сплошной коллективизации является тем необходимым методом, без которого невозможно выполнение пятилетнего плана коллективизации всех областей СССР. Как можно от него отказываться, не предавая коммунизм, не предавая интересы рабочего класса и крестьянства?

Это не значит, конечно, что в области колхозного движения все пройдет у нас «гладко» и «нормально». Колебания внутри колхозов будут еще. Приливы и отливы будут еще. Но это не может и не должно смущать строителей колхозного движения. Это тем более не может служить серьезным препятствием для мощного развития колхозного движения. Такое здоровое движение, каким, несомненно, является колхозное движение, все равно добьется своего, несмотря ни на что, несмотря на отдельные препятствия и трудности.

Задача состоит в том, чтобы подготовить силы и наладить дело для дальнейшего развертывания колхозного движения.

3) Проблема наибольшего *приближения аппарата к районам и селам*. Не может быть сомнения, что мы не смогли бы поднять громадную работу по перестройке сельского хозяйства и развитию колхозного движения, если бы не провели *районирования*. Укрупнение волостей и преобразование их в районы, унич-

тожение губерний и преобразование их в менее крупные единицы (округа), наконец, создание областей, как прямых опорных пунктов ЦК, — таков общий вид районирования. Цель районирования — приблизить партийно-советский и хозяйственно-кооперативный аппарат к району и селу, для того чтобы получить возможность своевременно разрешать наболевшие вопросы сельского хозяйства, его подъема, его реконструкции. В этом смысле, повторю, районирование дало громадный плюс всему нашему строительству.

Но все ли сделано для того, чтобы действительно приблизить, и по-настоящему приблизить, аппарат к районам и селам? Нет, не все сделано. Сейчас центр тяжести колхозного строительства перемещен в районные организации. Сюда стекаются нити колхозного строительства и всякой другой хозяйственной работы в деревне, и по линии кооперации, и по линии советов, и по линии кредита, и по линии заготовок. Достаточно ли снабжены нужными и необходимыми работниками районные организации для того, чтобы поднять всю эту разнообразную работу? Не может быть сомнений, что они снабжены работниками крайне недостаточно. Где же выход? Что нужно сделать для того, чтобы поправить этот недочет и обеспечить районные организации по всем отраслям нашей работы достаточным количеством нужных работников? Для этого нужно сделать, по крайней мере, две вещи: 1) упразднить округа (*аплодисменты*), которые превращаются в ненужное средостение между областью и районами, и за счет освободившихся окружных работников усилить районные организации; 2) связать районные организации непосредственно с областью (крайкомом, нац. ЦК). Это и будет доведением до конца дела районирования, доведением до конца дела приближения аппарата к районам и селам.

Здесь аплодировали по случаю перспективы упразднения округов. Конечно, округа надо ликвидировать. Но было бы ошибочно думать, что это обстоятельство дает нам право охаивать округа, как это допускают некоторые товарищи на страницах «Правды». Не следует забывать, что округа вынесли на своих плечах громадную работу и сыграли в свое время большую историческую роль. (*Аплодисменты.*) Я думаю также, что было бы ошибочно проявлять чрезмерную торопливость в деле упразднения округов. ЦК принял решение об упразднении округов. Но он вовсе не думает, что это дело надо провести немедленно. Очевидно, что придется проделать необходимую подготовительную работу, раньше чем упразднить округа.

г) По транспорту

Наконец проблема *транспорта*. Нет необходимости распространяться о громадном значении транспорта для всего народного хозяйства. И не только для народного хозяйства. Как известно, транспорт имеет серьезнейшее значение и для обороны страны. И вот, несмотря на громадное значение транспорта, хозяйство транспорта, реконструкция этого хозяйства все еще отстает от общего темпа развития. Надо ли еще доказывать, что при таком положении мы рискуем превратить транспорт в «узкое место» народного хо-

зяйства, могущее затормозить наше продвижение вперед? Не пора ли положить конец такому положению?

Особенно плохо обстоит дело с речным транспортом. Это факт, что Волжское пароходство едва добилось 60%, а Днепровское—40% довоенного времени. 60 и 40% довоенного времени — это все, что может занести речной транспорт в список своих «достижений». Нечего говорить, большое «достижение»! Не пора ли покончить с этим позором? (*Голоса: «Пора».*)

Задача состоит в том, чтобы взяться, наконец, по-большевистски за дело транспорта и двинуть его вперед.

Таковы очередные задачи партии.

Что требуется для того, чтобы осуществить эти задачи?

Для этого требуется прежде всего и главным образом *продолжение* развернутого наступления на капиталистические элементы по всему фронту и *доведение его до конца*.

В этом центр и основа нашей политики в данный момент. (*Аплодисменты.*)

III. Партия

Перехожу к вопросу о партии.

Я говорил выше о преимуществах советской системы хозяйства перед системой капиталистической. Говорил о тех колоссальных возможностях, которые предоставляет нам наш строй в деле борьбы за полную победу социализма. Говорил о том, что *без* этих возможностей, без использования этих возможностей мы не могли бы добиться тех успехов, которые завоеваны нами за истекший период.

Но вот вопрос: сумела ли партия правильно использовать возможности, предоставляемые нам советским строем; не продержала ли она эти возможности под спудом, помешав, таким образом, рабочему классу развернуть до конца всю свою революционную мощь; сумела ли она выжать из этих возможностей все то, что можно было выжать, для того, чтобы развернуть по всему фронту социалистическое строительство?

Советский строй дает колоссальные *возможности* для полной победы социализма. Но *возможность* не есть еще *действительность*. Чтобы превратить возможность в действительность, необходим целый ряд условий, в числе которых линия партии и правильное проведение этой линии играют далеко не последнюю роль.

Несколько примеров.

Правые оппортунисты утверждают, что нэп обеспечивает нам победу социализма,— следовательно, можно не беспокоиться насчет темпа индустриализации, развития совхозов и колхозов и т. п., так как наступление победы все равно обеспечено, в порядке, так сказать, самотека. Это, конечно, неверно и глупо. Говорить так — значит отрицать роль партии в строительстве социализма, отрицать ответственность партии за это строительство. Ленин вовсе не говорил, что нэп обеспечивает нам

победу социализма. Ленин говорил лишь о том, что «экономически и политически нэп вполне обеспечивает нам *возможность* постройки фундамента социалистической экономики». Но возможность не есть еще *действительность*. Чтобы возможность превратить в действительность, надо прежде всего отбросить теорию самотека, надо перестроить (реконструировать) народное хозяйство и повести решительное наступление на капиталистические элементы города и деревни.

Правые оппортунисты утверждают, далее, что в нашем строе не заложены основания для раскола между рабочим классом и крестьянством, — следовательно, можно не беспокоиться насчет установления правильной политики в отношении социальных групп деревни, так как кулак все равно встет в социализм, а союз рабочих и крестьян будет обеспечен в порядке, так сказать, самотека. Это также неверно и глупо. Так могут говорить только люди, не понимающие того, что политика партии, да еще такой партии, которая стоит у власти, является здесь основным моментом, определяющим судьбу дела союза рабочих и крестьян. Ленин вовсе не считал исключенной опасность раскола между рабочим классом и крестьянством. Ленин говорил о том, что «в нашем социальном строе *не заложены с необходимостью* основания для такого раскола», но «*если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами, тогда раскол будет неизбежен*». В связи с этим Ленин считал, что:

«Главная задача нашего ЦК и ЦКК, как и нашей партии в целом, состоит в том, чтобы внимательно следить за обстоятельствами, из которых может вытечь раскол, и *предупреждать* их, ибо в последнем счете судьба нашей республики будет зависеть от того — пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст «нэпманам», т. е. новой буржуазии, разъединить себя с рабочими, расколоть себя с ними».

Следовательно, раскол между рабочим классом и крестьянством не исключен, но он вовсе не обязателен, так как в нашем строе заложена *возможность* предотвратить этот раскол и упрочить союз рабочего класса и крестьянства. А что требуется для того, чтобы эту возможность превратить в действительность? Чтобы возможность *предотвращения* раскола превратить в действительность, нужно прежде всего похоронить теорию самотека, нужно выкорчевать корни капитализма, организовав колхозы и совхозы, и перейти от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса.

Выходит, таким образом, что нужно строго различать между *возможностями*, имеющимися в нашем строе, и *использованием* этих возможностей, превращением этих возможностей в *действительность*.

Выходит, что вполне допустимы случаи, когда возможности для победы имеются, а партия не видит этих возможностей или не умеет их правильно использовать, ввиду чего вместо победы может получиться поражение.

И вот все тот же вопрос: сумела ли партия правильно использовать *возможности и преимущества*, предоставляемые нам советским строем; все ли она делала для того, чтобы *превратить эти возможности в действительность* и

обеспечить, таким образом, нашему строительству максимум успехов?

Иначе говоря: правильно ли руководили партия и ее ЦК строительством социализма за истекший период?

Что требуется для правильного руководства партии в наших, современных условиях?

Для правильного руководства партии необходимо, помимо всего прочего, чтобы линия партии была правильна, чтобы массы понимали правильность партийной линии и поддерживали ее активно, чтобы партия не ограничивалась выработкой генеральной линии, а руководила изо дня в день проведением ее в жизнь, чтобы партия вела решительную борьбу с уклонами от генеральной линии и примиренчеством с ними, чтобы в борьбе с уклонами партии ковала единство своих рядов и железную дисциплину.

Что сделано партией и ее ЦК для осуществления этих условий?

1. Вопросы руководства социалистическим строительством

а) Основная установка партии в данный момент состоит в *переходе* от наступления социализма на *отдельных участках* хозяйственного фронта к наступлению *по всему фронту* и в области промышленности, и в области сельского хозяйства. XIV съезд был, по преимуществу, съездом *индустриализации*. XV съезд был, по преимуществу, съездом *коллективизации*. Это была подготовка к *общему* наступлению. В отличие от пройденных этапов период перед XVI съездом является периодом *общего* наступления социализма *по всему фронту*, периодом усиленного строительства социализма и в области промышленности, и в области сельского хозяйства. XVI съезд есть съезд *развернутого наступления* социализма *по всему фронту*, ликвидации кулачества как класса и проведения в жизнь сплошной коллективизации.

Вот вам в двух словах существо генеральной линии нашей партии.

Правильна ли эта линия?

Да, правильна. Факты говорят, что генеральная линия нашей партии является единственно правильной линией. (*Аплодисменты.*)

Об этом свидетельствуют те успехи и достижения, которые имеем мы на фронте социалистического строительства. Не бывало и не может быть, чтобы решительная победа, одержанная партией за истекший период на фронте социалистического строительства в городе и деревне, была результатом неправильной политики. Только правильная генеральная линия могла дать нам такую победу.

Об этом свидетельствует тот неистовый вой против политики нашей партии, который подняли за последнее время наши классовые враги, капиталисты и их печать, папа и епископы всякого рода, социал-демократы и «русские» меньшевики типа Абрамовича и Дана. Капиталисты и их лакеи поносят нашу партию, — значит генеральная линия нашей партии правильна. (*Аплодисменты.*)

Об этом свидетельствует всем известная теперь судьба троцкизма. Господа из лагеря троцкистов болтали о «перерождении» Советской власти, о «термидоре», о «неминуемой победе» троцкизма а т. д. А что на деле

получилось? Получился распад, конец троцкизма. Одна часть троцкистов, как известно, порвала с троцкизмом и в многочисленных заявлениях своих представителей признала правоту партии, расписавшись в контр-революционности троцкизма. Другая часть троцкистов, действительно, переродилась в типичных мелко-буржуазных контр-революционеров, превратившись на деле в осведомительное бюро капиталистической печати по делам ВКП. А Советская власть, которая должна была «переродиться» (или «уже переродилась»), продолжает здравствовать и строить социализм, с успехом ломая хребет капиталистическим элементам нашей страны и их мелко-буржуазным подпевалам.

Об этом свидетельствует всем известная теперь судьба правых уклонистов. Они болтали и кричали о «гибельности» партийной линии, о «вероятной катастрофе» в СССР, о необходимости «спасти» страну от партии и ее руководства и т. д. А что на деле получилось? На деле получилось то, что партия одержала крупнейшие успехи на всех фронтах строительства социализма, а группа правых уклонистов, желавшая «спасти» страну, но потом признавшая ошибочность своих взглядов, сидит теперь на мели.

Об этом свидетельствуют растущая революционная активность рабочего класса и крестьянства, активная поддержка политики партии со стороны миллионных масс трудящихся и, наконец, тот небывалый трудовой энтузиазм рабочих и крестьян-колхозников, который поражает своей грандиозностью и врагов и друзей нашей страны. Я уже не говорю о таких признаках роста доверия к партии, как заявления рабочих о вступлении в партию целыми цехами и заводами, рост числа членов партии в промежутке от XV съезда до XVI съезда более чем на 600 тыс. чел., вступление в партию за первый лишь квартал этого года 200 тыс. новых членов. О чем говорит все это, как не о том, что миллионные массы трудящихся сознают правильность политики нашей партии и готовы ее поддержать?

Нужно признать, что этих фактов не было бы, если бы генеральная линия нашей партии не была единственно правильной линией.

б) Но партия не может ограничиваться выработкой генеральной линии. Она должна еще проверять изо дня в день проведение генеральной линии на практике. Она должна руководить проведением генеральной линии, улучшая и совершенствуя в ходе работы принятые планы хозяйственного строительства, исправляя и предупреждая ошибки.

Как выполнял эту работу ЦК нашей партии?

Работа ЦК в этой области шла, главным образом, по линии исправления и уточнения пятилетнего плана в смысле увеличения темпов и сокращения сроков, по линии проверки исполнения установленных заданий хозяйственными организациями.

Вот несколько основных постановлений ЦК, исправляющих пятилетний план в духе повышения темпов строительства и сокращения сроков исполнения

По черной металлургии: пятилетний план предусматривает доведение производства чугуна в последний год пятилетки до 10 млн. т; решение же ЦК находит эту норму, недостаточной и, считает, что производство чугуна в

последний год пятилетки должно быть поднято до 17 млн. *т.*

По тракторостроению: пятилетний план предусматривает доведение производства тракторов в последний год пятилетки до 55 тыс. штук; решение же ЦК находит это задание недостаточным и считает, что производство тракторов в последний год пятилетки должно быть поднято до 170 тыс. штук.

То же самое нужно сказать об *автостроении*, где вместо производства 100 тыс. штук автомобилей (грузовых и легковых) в последний год пятилетки, предусмотренных пятилетним планом, решено поднять производство автомобилей до 200 тыс. штук.

То же самое имеет место в отношении *цветной металлургии*, где наметка пятилетнего плана увеличена более чем на 100%, и *сельхозмашиностроения*, где наметки пятилетнего плана также увеличены более чем на 100%.

Я уже не говорю о строительстве *комбайнов*, которое не было вовсе учтено в пятилетнем плане и производство которых должно быть доведено в последний год пятилетки минимум до 40 тыс. штук.

По совхозному строительству: пятилетний план предусматривает расширение посевных площадей к концу пятилетки до 5 млн. *га*; решение же ЦК находит эту норму недостаточной и считает, что посевные площади совхозов к концу пятилетки должны быть доведены до 18 млн. *га*.

По колхозному строительству: пятилетний план предусматривает расширение посевных площадей к концу пятилетки до 20 млн. *га*; решение же ЦК находит эту норму явно недостаточной (она уже перевыполнена в этом году) и считает, что к концу пятилетки коллективизация СССР должна быть в основном закончена и посевные площади колхозов к этому сроку должны покрыть девять десятых всей посевной территории СССР, обрабатываемой ныне индивидуальными хозяевами. (*Аплодисменты.*)

И так далее и тому подобное.

Такова в общем картина руководства ЦК делом проведения генеральной линии партии, делом планирования социалистического строительства.

Могут сказать, что, меняя так основательно наметки пятилетнего плана, ЦК нарушает принцип планирования и роняет авторитет планирующих органов. Но так могут говорить только безнадежные бюрократы. Для нас, для большевиков, пятилетний план не есть нечто законченное и раз навсегда данное. Для нас пятилетний план, как и всякий план, есть лишь план, принятый в порядке первого приближения, который надо уточнять, изменять и совершенствовать на основании опыта мест, на основании опыта исполнения плана. Никакой пятилетний план не может учесть всех тех возможностей, которые таятся в недрах нашего строя и которые открываются лишь в ходе работы, в ходе осуществления плана на фабрике, на заводе, в колхозе, в совхозе, в районе и т. д. Только бюрократы могут думать, что плановая работа *заканчивается* составлением плана. Составление плана есть лишь *начало планирования*. Настоящее плановое руководство разворачивает-

ся лишь после составления плана, после проверки на местах, в ходе осуществления, исправления и уточнения плана.

Вот почему ЦК и ЦКК совместно с плановыми органами республики сочли необходимым исправить и улучшить пятилетний план на основании данных опыта в духе повышения темпов строительства и сокращения сроков исполнения.

Вот что говорил Ленин насчет принципа планирования и планового руководства на VIII съезде советов при обсуждении десятилетнего плана ГОЭЛРО:

«Наша программа партии не может оставаться только программой партии. Она должна превратиться в программу нашего хозяйственного строительства, иначе она негодна и как программа партии. Она должна дополниться второй программой партии, планом работ по воссозданию всего народного хозяйства и доведению его до современной техники... Мы должны прийти к тому, чтобы принять известный план. Конечно, это будет план, принятый только в порядке первого приближения. Эта программа партии не будет так неизменна, как наша настоящая программа, подлежащая изменению только на съездах партии. Нет, эта программа каждый день, в каждой мастерской, в каждой волости будет улучшаться, разрабатываться, совершенствоваться и видоизменяться... Следя за опытами науки и практики, на местах нужно стремиться неуклонно к тому, чтобы план выполнялся скорее, чем он назначен, для того чтобы массы видели, что тот долгий период, который нас отделяет от полного восстановления промышленности, опыт может сократить. Это зависит от нас. Давайте в каждой мастерской, в каждом депо, в каждой области улучшать хозяйство, и тогда мы срок сократим. И мы его сокращаем» (т. XXVI, стр. 45, 46, 43).

Вы видите, что ЦК шел по пути, указанному Лениным, изменяя и улучшая пятилетний план, сокращая сроки и повышая темпы строительства.

На какие возможности опирался ЦК, повышая темпы строительства и сокращая сроки исполнения пятилетнего плана? На резервы, скрытые в недрах нашего строя и открывающиеся лишь в ходе работы, на возможности, предоставляемые нам реконструктивным периодом. ЦК считает, что перестройка технической базы промышленности и сельского хозяйства *при социалистической организации производства* открывает такие возможности ускорения темпов, о которых не может мечтать ни одна капиталистическая страна.

Только этими обстоятельствами можно объяснить тот факт, что наша социалистическая промышленность за последние три года увеличила свою продукцию более чем вдвое, а прирост продукции этой промышленности на 1930/31 г. должен вырасти в сравнении с текущим годом на 47%, при чем *един лишь этот прирост* по своему объему будет равняться объему продукции *всей* крупной промышленности довоенного времени.

Только этими обстоятельствами можно объяснить тот факт, что совхозное строительство перевыполняет пятилетний план в три года, а колхозное строительство уже перевыполнило пятилетку в два года.

Существует теория, по которой высокие темпы развития допустимы только в восстановительный период, с переходом же в реконструктивный период темпы строительства должны резко снижаться из года в год. Эта теория называется теорией «потухающей кривой». Эта теория есть теория оправдания нашей отсталости. Она не имеет ничего общего с марксизмом, с ленинизмом. Она есть буржуазная теория, рассчитанная на то, чтобы

закрепить отсталость нашей страны. Из людей, имевших или имеющих отношение к нашей партии, эту теорию отстаивают и проповедают лишь троцкисты и, пожалуй, правые уклонисты.

О троцкистах существует мнение, как о сверхиндустриалистах. Но это мнение правильно лишь отчасти. Оно правильно лишь постольку, поскольку речь идет о конце *восстановительного* периода, когда троцкисты действительно развили сверхиндустриалистские фантазии. Что касается *реконструктивного* периода, то *троцкисты, с точки зрения темпов, являются самыми-микрайнимиминималистамиисамымипоганенькимикапитулянтами.* (Смех. Аплодисменты.) В своих платформах и декларациях троцкисты не дали цифровых данных насчет темпов, ограничиваясь лишь общей болтовней о темпах. Но есть один документ, где троцкисты изобразили в цифрах свое понимание темпов развития государственной промышленности. Я имею в виду докладную записку «Особого совещания по восстановлению основного капитала» государственной промышленности (ОСВОК), построенную на принципах троцкизма. Интересно разобрать в двух словах этот документ, относящийся к 1925/26 г. Интересно, так как он целиком отражает троцкистскую схему потухающей кривой.

По этому документу предлагалось *вложить* в государственную промышленность в 1926/27 г. 1 543 млн. руб.; в 1927/28 г.— 1 490 млн. руб.; в 1928/29 г.— 1 320 млн. руб.; в 1929/30 г.— 1 060 млн. руб. (по ценам 1926/27 г.).

Такова картина *потухающей* троцкистской кривой.

А сколько мы вложили на деле? На деле мы вложили в государственную промышленность в 1926/27 г. 1 065 млн. руб.; в 1927/28 г.— 1 304 млн. руб.; в 1928/29 г.— 1 819 млн. руб.; в 1929/30 г.— 4 775 млн. руб. (по ценам 1926/27 г.).

Такова картина *подымающейся* большевистской кривой.

По этому документу *продукция* государственной промышленности должна была вырасти в 1926/27 г. на 31,6%; в 1927/28 г.— на 22,9%; в 1928/29 г.— на 15,5%; в 1929/30 г.— на 15%.

Такова картина *потухающей* троцкистской кривой.

А что вышло у нас на деле? На деле прирост продукции госпромышленности составлял в 1926/27 г. 19,7%; в 1927/28 г.— 26,3%; в 1928/29 г.— 24,3%; в 1929/30 г.— 32%; а в 1930/31 г. составит 47% прироста.

Такова картина *подымающейся* большевистской кривой.

Известно, что Троцкий специально защищает эту капитулянтскую теорию потухающей кривой в своей книжке «К социализму или капитализму». Он прямо говорит там, что так как «до войны расширение промышленности в основе своей состояло в постройке новых заводов», а «в наше время расширение в гораздо большей степени состоит в использовании старых заводов и загрузке старого оборудования», то «естественно, следовательно, если с *завершением восстановительного процесса* коэффициент роста должен будет *значительно снизиться*», при чем он предлагает «в ближайшие годы поднять коэффициент промышленного роста не только в 2, но и в 3 раза выше довоенных 6%, а может быть и более того».

Итак, трижды шесть процентов годового прироста промышленности. Сколько же это составит? Всего 18% прироста за год. Стало быть, 18% годового прироста продукции госпромышленности составляет, по мнению троцкистов, тот наивысший предел планирования ускоренного темпа развития в *период реконструкции*, к которому нужно стремиться как к идеалу. Сравните теперь эту крохоборческую мудрость троцкистов с тем действительным приростом продукции, который имеем мы за последние три года (в 1927/28 г.— 26,3%, в 1928/29 г.— 24,3%, в 1929/30 г.— 32%), сравните эту капитулянтскую философию троцкистов с наметкой контрольных цифр Госплана на 1930/31 г. в 47% прироста, который превышает *наивысшие* темпы прироста продукции в *восстановительный* период, — и вы поймете всю реакционность троцкистской теории «потухающей кривой», всю глубину неверия троцкистов в возможности *реконструктивного* периода.

Вот где причина того, что троцкисты поют теперь о «чрезмерности» большевистских темпов развития промышленности и колхозного строительства.

Вот где причина того, что *троцкистов не отличишь теперь от наших правых уклонистов*.

Понятно, что, не разгромив троцкистско-правоуклонистской теорий «потухающей кривой», мы не могли бы развернуть ни действительного планирования, ни повышения темпов и сокращения сроков строительства. Чтобы руководить проведением в жизнь генеральной линии партии, чтобы исправлять и улучшать пятилетний план строительства, чтобы повышать темпы и предупреждать ошибки строительства, надо было прежде всего разбить и ликвидировать реакционную теорию «потухающей кривой».

ЦК так и поступил, как я уже говорил выше.

2. Вопросы руководства внутрипартийными делами

Можно подумать, что работа по руководству социалистическим строительством, работа по проведению в жизнь генеральной линии партии проходила у нас в партии спокойно и плавно, без борьбы и напряжения воли. Но это неверно, товарищи. На самом деле эта работа шла в борьбе с внутрипартийными трудностями, в борьбе со всякого рода уклонами от ленинизма как в области общей политики, так и в области национального вопроса. Наша партия живет и подвигается не в безвоздушном пространстве. Она живет и подвигается в самой гуще жизни, подвергаясь влиянию окружающей среды. А среда у нас состоит, как известно, из различных классов и социальных групп. Мы предприняли развернутое наступление на капиталистические элементы, мы продвинули далеко вперед нашу социалистическую промышленность, мы развернули строительство совхозов и колхозов. Но такие явления не могут пройти даром для эксплуататорских классов, Эти явления обычно сопровождаются разорением отживающих классов, разорением кулачества в деревне, сужением поля деятельности мелкобуржуазных слоев города. Понятно, что все это не может не обострить борьбу классов, сопротивление отживающих классов политике Советской власти. Было бы

смешно думать, что сопротивление этих классов не найдет того или иного отражения в рядах нашей партии. И оно, действительно, находит в партии свое отражение. Отражением сопротивления отживающих классов и являются все и всякие уклоны от ленинской линии, имеющиеся в рядах нашей партии.

Можно ли вести успешную борьбу с классовыми врагами, не борясь одновременно с уклонами в нашей партии, не преодолевая этих уклонов? Нет, нельзя. Нельзя, так как невозможно развернуть настоящую борьбу с классовыми врагами, имея в тылу их отражение в партии, оставляя в тылу людей, не верящих в наше дело и всячески старающихся затормозить наше движение вперед.

Отсюда непримиримая борьба с уклонами от ленинской линии, как очередная задача партии.

Почему правый уклон является теперь главной опасностью в партии? Потому, что он отражает кулацкую опасность, а кулацкая опасность в данный момент, в момент развернутого наступления и корчевки корней капитализма, является основной опасностью в стране.

Что нужно было сделать ЦК для того, чтобы преодолеть правый уклон, доконать «левый» уклон и расчистить дорогу для максимального сплочения партии вокруг ленинской линии?

а) Нужно было, прежде всего, покончить с остатками троцкизма в партии, с пережитками троцкистской теории. Троцкистскую группу, как оппозицию, мы давно уже разгромили и выкинули вон. Теперь троцкистская группа представляет антипролетарскую и антисоветскую контр-революционную группу, старательно осведомляющую буржуазию о делах нашей партии. Но остатки троцкистской теории, пережитки троцкизма не вполне еще выветрены из партии. Так вот, надо было прежде всего покончить с этими пережитками.

В чем состоит существо троцкизма?

Существо троцкизма состоит, прежде всего, в отрицании возможности построения социализма в СССР силами рабочего класса и крестьянства нашей страны. Что это значит? Это значит, что если в ближайшее время не подоспеет помощь победоносной мировой революции, мы должны будем капитулировать перед буржуазией и расчистить дорогу для буржуазно-демократической республики. Стало быть, мы имеем здесь буржуазное отрицание возможности построения социализма в нашей стране, прикрываемое «революционной» фразой о победе мировой революции. Можно ли при таких взглядах поднять миллионные массы рабочего класса на трудовой энтузиазм, на социалистическое соревнование, на массовое ударничество, на развернутое наступление против капиталистических элементов? Ясно, что нельзя. Было бы глупо думать, что наш рабочий класс, проделавший три революции, пойдет на трудовой энтузиазм и массовое ударничество ради того, чтобы унавозить почву для капитализма. Наш рабочий класс идет на трудовой подъем не ради капитализма, а ради того, чтобы окончательно похоронить капитализм и построить в СССР социализм. Отнимите у него уверенность в возможности построения социализма — и вы уничтожите всякую почву для соревнования, для трудового подъема, для ударничества.

Отсюда вывод: чтобы поднять рабочий класс на трудовой подъем и со-

ревнование и организовать развернутое наступление, надо было прежде всего похоронить буржуазную теорию троцкизма о невозможности построения социализма в нашей стране.

Существо троцкизма состоит, во-вторых, в отрицании возможности вовлечения основных масс крестьянства в дело социалистического строительства в деревне. Что это значит? Это значит, что рабочий класс не в силах повести за собой крестьянство в деле перевода индивидуальных крестьянских хозяйств на коллективные рельсы, что если в ближайшее время не подоспел на помощь рабочему классу победа мировой революции, крестьянство восстановит старые буржуазные порядки. Стало быть, мы имеем здесь буржуазное отрицание сил и возможностей пролетарской диктатуры повести крестьянство к социализму, прикрываемое маской «революционных» фраз о победе мировой революции. Можно ли при таких взглядах поднять крестьянские массы на колхозное движение, организовать массовое колхозное движение, организовать ликвидацию кулачества как класса? Ясно, что нельзя.

Отсюда вывод: чтобы организовать массовое колхозное движение крестьянства и ликвидировать кулачество, надо было прежде всего похоронить буржуазную теорию троцкизма о невозможности приобщения трудящихся масс крестьянства к социализму.

Существо троцкизма состоит, наконец, в отрицании необходимости железной дисциплины в партии, в признании свободы фракционных группировок в партии, в признании необходимости образования троцкистской партии. Для троцкизма ВКП(б) должна быть не единой и сплоченной боевой партией, а собранием групп и фракций со своими центрами, со своей печатью и т. д. А что это значит? Это значит провозглашение свободы политических фракций в партии. Это значит, что вслед за свободой политических группировок в партии должна притти свобода политических партий в стране, т. е. буржуазная демократия. Стало быть, мы имеем здесь признание свободы фракционных группировок в партии вплоть до допущения политических партий в стране диктатуры пролетариата, прикрываемое фразой о «внутрипартийной демократии», об «улучшении режима» в партии. То, что свобода фракционной склоки интеллигентских групп не есть еще внутрипартийная демократия, что проводимая партией развернутая самокритика и колоссальная активность партийных масс являются проявлением действительной и подлинной внутрипартийной демократии,— этого троцкизму не дано понять. Можно ли при таких взглядах на партию обеспечить железную дисциплину в партии, обеспечить железное единство партии, необходимое для успешной борьбы с классовыми врагами? Ясно, что нельзя.

Отсюда вывод: чтобы обеспечить железное единство партии и пролетарскую дисциплину в ней, надо было прежде всего похоронить организационную теорию троцкизма.

Капитулянтство на деле, как *содержание*, «левые» фразы и «революционно»-авантюристские замашки, как *форма*, прикрывающая и рекламирующая капитулянтское содержание,— таково существо троцкизма.

Эта двойственность троцкизма отражает двойственное положение разоряющейся городской мелкой буржуазии, не терпящей «режима» диктату-

ры пролетариата и старающейся либо перескочить «сразу» в социализм, чтобы избавиться от разорения (отсюда *авантюризм и истерика* в политике), либо, если это невозможно, пойти на любые уступки капитализму (отсюда *капитулянтство* в политике).

Этой двойственностью троцкизма объясняется тот факт, что свои «бешеные», будто бы, атаки против правых уклонистов троцкизм обычно увенчивает *блоком* с ними, как с капитулянтами без маски.

А что из себя представляют «левые» загибы, имевшие место в партии в области колхозного движения? Они представляют некоторую, правда бессознательную, попытку возродить у нас традиции троцкизма на практике, возродить троцкистское отношение к среднему крестьянству. Они являются результатом той ошибки в политике, которую Ленин называет «переадминистрированием». Это значит, что некоторые наши товарищи, увлеченные успехами колхозного движения, стали подходить к проблеме колхозного строительства не как строители, а как администраторы по преимуществу, допустив ввиду этого ряд грубейших ошибок.

У нас существуют в партии люди, которые думают, что не надо было одергивать «левых» загибщиков. Они считают, что не надо было обижать наших работников и противодействовать их увлечению, если даже это увлечение привело к ошибкам. Это чепуха, товарищи. Так могут говорить лишь такие люди, которые хотят обязательно плыть по течению. Это те самые люди, которые никогда не смогут усвоить ленинской линии — идти против течения, когда этого требует обстановка, когда этого требуют интересы партии. Это хвостисты, а не ленинцы. Партии потому и удалось повернуть целые отряды наших товарищей на правильную дорогу, партии потому и удалось выправить ошибки и добиться успехов, что она решительно пошла против течения во имя проведения в жизнь генеральной линии. Это и есть ленинизм на практике, ленинизм в руководстве.

Вот почему я думаю, что, не преодолев «левых» загибов, мы не смогли бы добиться тех успехов в колхозном движении, которые имеем теперь.

Так обстоит дело с борьбой с остатками троцкизма и их отпрысками на практике.

Несколько иначе обстоит дело с вопросом о правом оппортунизме, во главе которого стояли или стоят тт. Бухарин, Рыков и Томский.

О правых уклонистах нельзя сказать, что они не признают возможности построения социализма в СССР. Нет, они ее признают, и в этом их отличие от троцкистов. Но беда правых уклонистов состоит в том, что, признавая формально возможность построения социализма в одной стране, они не хотят признавать тех путей и средств борьбы, без которых невозможно построить социализм. Они не хотят признавать, что всемерное развитие индустрии является ключом преобразования всего народного хозяйства на началах социализма. Они не хотят признавать непримиримой классовой борьбы с капиталистическими элементами и развернутого наступления социализма на капитализм. Они не понимают, что все эти пути и средства явля-

ются той системой мероприятий, без которых невозможно удержание диктатуры пролетариата и построение социализма в нашей стране. Они думают, что социализм можно построить втихомолку, самотеком, без классовой борьбы, без наступления на капиталистические элементы. Они думают, что капиталистические элементы либо сами отомрут незаметно, либо будут вращаться в социализм. А так как таких чудес в истории не бывает, то выходит, что *правые уклонисты скатываются на деле на точку зрения отрицания возможности построения социализма в нашей стране.*

О правых уклонистах нельзя также говорить, что они отрицают возможность вовлечения основных масс крестьянства в дело построения социализма в деревне. Нет, они ее признают, и в этом их отличие от троцкистов. Но, признавая ее формально, они вместе с тем отрицают те пути и средства, без которых невозможно вовлечение крестьянства в дело построения социализма. Они не хотят признавать, что совхозы и колхозы являются основным средством и «столбовой дорогой» вовлечения основных масс крестьянства в дело построения социализма. Они не хотят признавать, что без проведения в жизнь политики ликвидации кулачества как класса невозможно добиться преобразования деревни на началах социализма. Они думают, что деревню можно перевести на рельсы социализма втихомолку, самотеком, без классовой борьбы, путем одной лишь снабженческо-сбытовой кооперации, ибо они уверены, что кулак сам вырастет в социализм. Они думают, что главное теперь не в высоких темпах развития индустрии и не в колхозах и совхозах, а в том, чтобы «развязать» рыночную стихию, «раскрепостить» рынок и «снять путы» с индивидуальных хозяйств вплоть до капиталистических элементов деревни. Но так как кулак не может вращаться в социализм, а «раскрепощение» рынка означает вооружение кулачества и разоружение рабочего класса, то выходит, что *правые уклонисты на деле скатываются на точку зрения отрицания возможности вовлечения основных масс крестьянства в дело построения социализма.*

Этим, собственно, и объясняется тот факт, что свои петушинные бои с троцкистами правые уклонисты обычно увенчивают закулисными переговорами с троцкистами насчет блока с ними.

Основное зло правого оппортунизма состоит в том, что он *разрывает* с ленинским пониманием классовой борьбы и скатывается на точку зрения мелко-буржуазного либерализма.

Не может быть сомнений, что победа правого уклона в нашей партии означала бы полное разоружение рабочего класса, вооружение капиталистических элементов в деревне и нарастание шансов на реставрацию капитализма в СССР.

Правые уклонисты не стоят на точке зрения образования другой партии, и в этом их еще одно отличие от троцкистов. Лидеры правых уклонистов открыто признали свои ошибки и капитулировали перед партией. Но было бы глупо думать на этом основании, что правый уклонизм уже похоронен. Сила правого оппортунизма измеряется не этим обстоятельством. Сила правого оппортунизма состоит в силе мелко-буржуазной стихии, в силе напора на партию со стороны капиталистических элементов вообще, со стороны кулачества — в особенности. И именно потому, что правый уклон отражает

сопротивление основных элементов отживающих классов, именно поэтому правый уклон есть основная опасность нашего времени в партии.

Вот почему партия сочла необходимым повести решительную и непримиримую борьбу с правым уклоном.

Не может быть сомнения, что без решительной борьбы с правым уклоном, без изоляции его руководящих элементов мы не могли бы добиться мобилизации сил партии и рабочего класса, мобилизации сил бедноты и середняцких масс крестьянства на дело развернутого наступления социализма, на дело организации совхозов и колхозов, на дело восстановления нашей тяжелой индустрии, на дело ликвидации кулачества как класса.

Так обстоит дело с «левым» и правым уклонами в партии.

Задача состоит в том, чтобы продолжать и впредь непримиримую борьбу на два фронта как с «левыми», представляющими *мелко-буржуазный радикализм*, так и с правыми, представляющими *мелко-буржуазный либерализм*.

Задача состоит в том, чтобы продолжать и впредь *непримиримую* борьбу с теми *примиренческими* элементами в партии, которые не понимают или делают вид, что не понимают необходимости решительной борьбы на два фронта.

б) Картина борьбы с уклонами в партии будет неполной, если мы не коснемся имеющихся в партии уклонов в области *национального вопроса*. Я имею в виду, во-первых, уклон к великорусскому шовинизму и, во-вторых, уклон к местному национализму. Эти уклоны не столь заметны и напористы, как «левый» или правый уклон. Их можно было бы назвать ползучими уклонами. Но это еще не значит, что они не существуют. Нет, они существуют и, главное, — растут. В этом не может быть никакого сомнения. Не может быть сомнения, так как общая атмосфера обострения классовой борьбы не может не вести к известному обострению национальных трений, имеющих свое отражение в партии. Поэтому следовало бы раскрыть и выставить на свет божий физиономию этих уклонов.

В чем состоит существо уклона к великорусскому шовинизму в наших современных условиях?

Существо уклона к великорусскому шовинизму состоит в стремлении обойти национальные различия языка, культуры, быта; в стремлении подготовить ликвидацию национальных республик и областей; в стремлении подорвать принцип национального равноправия и развенчать политику партии по национализации аппарата, национализации прессы, школы и других государственных и общественных организаций.

Уклонисты этого типа исходят при этом из того, что так как при победе социализма нации должны слиться воедино, а их национальные языки должны превратиться в единый общий язык, то пришла пора для того, чтобы ликвидировать национальные различия и отказаться от политики поддержки развития национальной культуры ранее угнетенных народов. Они ссылаются при этом на Ленина, неправильно цитируя его, а иногда прямо искажая и клеветая на Ленина. Ленин сказал, что в социализме сольются интересы национальностей в одно целое, — не следует ли из этого, что

пора покончить с национальными республиками и областями в интересах... интернационализма? Ленин сказал в 1913 г. в полемике с бундовцами, что лозунг национальной культуры есть буржуазный лозунг,— не следует ли из этого, что пора покончить с национальной культурой народов СССР в интересах... интернационализма? Ленин сказал, что национальный гнет и национальные перегородки уничтожаются при социализме,— не следует ли из этого, что пора покончить с политикой учета национальных особенностей народов СССР и перейти на политику ассимиляции в интересах... интернационализма? И так далее и тому подобное.

Не может быть сомнения, что этот уклон в национальном вопросе, прикрываемый к тому же маской интернационализма и именем Ленина, является самым утонченным и потому самым опасным видом великорусского национализма.

Во-первых, Ленин никогда не говорил, что национальные различия должны исчезнуть, а национальные языки должны слиться в один общий язык в пределах *одного* государства, *до победы социализма во всем мире* масштабе. Ленин, наоборот, говорил нечто прямо противоположное, а именно, что «национальные и государственные различия между народами и странами... будут держаться еще *очень и очень долго* даже *после* осуществления диктатуры пролетариата во *всем мире* масштабе» (Курсив мой.— *И. Ст.*) (т. XXV, стр. 229). Как можно ссылаться на Ленина, забывая об этом основном его указании?

Правда, один из бывших марксистов, а ныне ренегат и реформист, г. Каутский утверждает нечто прямо противоположное тому, чему учит нас Ленин. Он утверждает, вопреки Ленину, что победа пролетарской революции в австро-германском объединенном государстве в середине прошлого столетия привела бы к образованию *одного общего* немецкого языка и к *онемечению* чехов, так как «одна лишь сила освободившегося от пут обмена, одна лишь сила современной культуры, которую несли с собой немцы, без всякой насильственной германизации *превратила бы в немцев отсталых чешских мелких буржуа, крестьян и пролетариев, которым ничего не могла дать их захудалая национальность*» (см. предисловие к немецкому изданию «Революция и контр-революция»). Понятно, что такая «концепция» вполне гармонирует с социал-шовинизмом Каутского. С этими взглядами Каутского и боролся я в 1925 г. в своем выступлении в Университете народов Востока. Но неужели для нас, для марксистов, желающих остаться до конца интернационалистами, может иметь какое-либо положительное значение эта антимарксистская болтовня зарвавшегося немецкого социал-шовиниста? Кто прав, Каутский или Ленин? Если прав Каутский, чем объяснить тогда тот факт, что такие сравнительно отсталые национальности, как белоруссы и украинцы, более близкие к великоруссам, чем чехи к немцам, не обрусьи в результате победы пролетарской революции в СССР, а, наоборот, возродились и развились, как самостоятельные нации? Чем объяснить, что такие нации, как туркмены, киргизы, узбеки, таджики (не говоря уже о грузинах, армянах, азербайджанцах и т. д.). несмотря на свою

отсталость, не только не обрусели в связи с победой социализма в СССР, а, наоборот, возродились и развились в самостоятельные нации? Не ясно ли, что наши уважаемые уклонисты в погоне за показным интернационализмом попали в лапы каутскианского социал-шовинизма? Не ясно ли, что, ратуя за один общий язык в пределах *одного* государства, в пределах СССР, они добиваются по сути дела восстановления *привилегий* господствовавшего ранее языка, а именно — *великорусского* языка? Где же тут интернационализм?

Во-вторых, Ленин никогда не говорил, что уничтожение национального гнета и слияние интересов национальностей в одно целое равносильно уничтожению национальных различий. Мы уничтожили национальный гнет, мы уничтожили национальные привилегии и установили национальное равноправие. Мы уничтожили государственные границы в старом смысле слова, пограничные столбы и таможенные преграды между национальностями СССР. Мы установили единство экономических и политических интересов народов СССР. Но значит ли это, что мы уничтожили тем самым национальные различия, национальные языки, культуру, быт и т. д.? Ясно, что не значит. Но если национальные различия, язык, культура, быт и т. д. остаются, не ясно ли, что требование уничтожения национальных республик и областей в данный исторический период является требованием реакционным, направленным против интересов диктатуры пролетариата? Понимают ли наши уклонисты, что уничтожить теперь нацреспублики и области — это значит лишить миллионные массы народов СССР возможности получить образование на *родном* языке, лишить их возможности иметь школу, суд, администрацию, общественные и иные организации и учреждения на *родном* языке, лишить их возможности приобщиться к социалистическому строительству? Не ясно ли, что в погоне за показным интернационализмом наши уклонисты попали в лапы реакционных великорусских шовинистов и забыли, совершенно забыли о лозунге культурной революции в период диктатуры пролетариата, имеющем одинаковую силу для *всех* народов СССР, и для великоруссов, и для невеликоруссов?

В-третьих, Ленин никогда не говорил, что лозунг развития национальной культуры в *условиях диктатуры пролетариата* является реакционным лозунгом. Наоборот, Ленин всегда стоял за то, чтобы *помочь* народам СССР развить свою национальную культуру. Под руководством Ленина, а не кого-либо другого, была составлена и принята на X съезде партии резолюция по национальному вопросу, где прямо говорится о том, что:

«Задача партии состоит в том, чтобы *помочь* трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, *помочь* им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке».

Не ясно ли, что Ленин стоял целиком и полностью за лозунг развития национальной культуры *в условиях диктатуры пролетариата*?

Разве не ясно, что отрицание лозунга национальной культуры в условиях диктатуры пролетариата означает отрицание необходимости культурного подъема невеликорусских народов СССР, отрицание необходимости общеобязательного образования для этих народов, отдачу этих народов на духовную кабалу реакционным националистам?

Ленин, действительно, квалифицировал лозунг национальной культуры *при господстве буржуазии* как лозунг реакционный. Но разве могло быть иначе? Что такое национальная культура при господстве национальной буржуазии? *Буржуазная* по своему содержанию и национальная по своей форме культура, имеющая своей целью отравить массы ядом национализма и укрепить господство буржуазии. Что такое национальная культура при диктатуре пролетариата? *Социалистическая* по своему содержанию и национальная по форме культура, имеющая своей целью воспитать массы в духе интернационализма и укрепить диктатуру пролетариата. Как можно смешивать эти два принципиально различных явления, не разрывая с марксизмом? Разве не ясно, что, борясь с лозунгом национальной культуры при буржуазных порядках, Ленин ударял по буржуазному *содержанию* национальной культуры, а не по ее национальной форме? Было бы глупо предположить, что Ленин рассматривал социалистическую культуру, как культуру *безнациональную*, не имеющую той или иной национальной формы. Бундовцы, действительно, приписывали Ленину одно время эту бессмыслицу. Но из сочинений Ленина известно, что он резко протестовал против такой клеветы, решительно отмежевываясь от такой бессмыслицы. Неужели наши уважаемые уклонисты так-таки поплелись по стопам бундовцев?

Что же осталось после всего сказанного от аргументов наших уклонистов?

Ничего, кроме жонглирования флагом интернационализма и клеветы на Ленина.

Уклоняющиеся в сторону великорусского шовинизма глубоко ошибаются, полагая, что период строительства социализма в СССР есть период развала и ликвидации национальных культур. Дело обстоит как раз наоборот. На самом деле период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период *расцвета* национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме. Они, очевидно, не понимают, что развитие национальных культур должно развернуться *с новой силой* с введением и укоренением общеобязательного первоначального образования на родном языке. Они не понимают, что только при условии развития национальных культур можно будет приобщить по-настоящему отсталые национальности к делу социалистического строительства. Они не понимают, что в этом именно и состоит основа ленинской политики *помощи и поддержки* развития национальных культур народов СССР.

Может показаться странным, что мы, сторонники *слияния* в будущем национальных культур в одну общую (и по форме и по содержанию) культуру, с одним общим языком, являемся вместе с тем сторонниками *расцвета* нацио-

нальных культур в данный момент, в период диктатуры пролетариата. Но в этом нет ничего странного. Надо дать национальным культурам развиваться и развернуться, выявив все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с одним общим языком. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране *для* слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт, — в этом именно и состоит диалектичность ленинской постановки вопроса о национальной культуре.

Могут сказать, что такая постановка вопроса «противоречива». Но разве не такая же «противоречивость» имеется у нас с вопросом о государстве? Мы за отмирание государства. И мы вместе с тем стоим за усиление диктатуры пролетариата, представляющей самую мощную и самую могучую власть из всех существующих до сих пор государственных властей. Высшее развитие государственной власти в целях подготовки условий *для* отмирания государственной власти — вот марксистская формула. Это «противоречиво»? Да, «противоречиво». Но противоречие это жизненное, и оно целиком отражает марксову диалектику.

Или, например, ленинская постановка вопроса о праве наций на самоопределение, вплоть до отделения. Ленин иногда изображал тезис о национальном самоопределении в виде простой формулы: «разъединение для объединения». Вы только подумайте — разъединение для объединения. Это отдает даже парадоксом. А между тем эта «противоречивая» формула отражает ту жизненную правду марксовой диалектики, которая дает большевикам возможность брать самые неприступные крепости в области национального вопроса.

То же самое нужно сказать о формуле насчет национальной культуры: расцвет национальных культур (и языков) в период диктатуры пролетариата в одной стране в целях подготовки условий для отмирания и слияния их в одну общую социалистическую культуру (и в один общий язык) в период победы социализма во всем мире.

Кто не понял этого своеобразия и «противоречивости» нашего переходного времени, кто не понял этой диалектики исторических процессов, тот погиб для марксизма.

Беда наших уклонистов состоит в том, что они не понимают и не хотят понять марксову диалектику.

Так обстоит дело с уклоном к великорусскому шовинизму.

Нетрудно понять, что этот уклон отражает стремление отживающих классов господствовавшей ранее великорусской нации вернуть себе утраченные привилегии.

Отсюда опасность великорусского шовинизма, как главная опасность в партии в области национального вопроса.

В чем состоит существо уклона к местному национализму?

Существо уклона к местному национализму состоит в стремлении обособиться и замкнуться в рамках своей национальной скорлупы, в стремлении затушевать классовые противоречия внутри своей нации, в стремлении

защититься от великорусского шовинизма путем отхода от общего потока социалистического строительства, в стремлении не видеть того, что сближает и соединяет трудящиеся массы национальностей СССР, и видеть лишь то, что может их отдалить друг от друга.

Уклон к местному национализму отражает недовольство отживающих классов ранее угнетенных наций режимом диктатуры пролетариата, их стремление обособиться в свое национальное государство и установить там свое классовое господство.

Опасность этого уклона состоит в том, что он культивирует буржуазный национализм, ослабляет единство трудящихся народов СССР и играет наруку интервенционистам.

Таково существо уклона к местному национализму.

Задача партии состоит в том, чтобы вести решительную борьбу с этим уклоном и обеспечить условия, необходимые для интернационального воспитания трудящихся масс народов СССР.

Так обстоит дело с уклонами в нашей партии, с «левым» и правым уклоном в области общей политики, с уклонами в области национального вопроса.

Таково наше внутривнутрипартийное положение.

Теперь, когда партия вышла победителем из борьбы за генеральную линию, когда ленинская линия нашей партии торжествует по всему фронту, многие склонны забыть о тех трудностях, которые создавали нам в нашей работе все и всякие уклонисты. Более того, некоторые обывательски настроенные товарищи до сих пор еще думают, что можно было обойтись без борьбы с уклонистами. Нечего и говорить, что эти товарищи находятся в глубоком заблуждении. Стоит только оглянуться назад и вспомнить о художествах троцкистов и правых уклонистов, стоит только вспомнить историю борьбы с уклонами за истекший период, чтобы понять всю пустоту и никчемность этой партийной обывательщины. Не может быть сомнения, что, не обуздав уклонистов и не разбив их в открытом бою, мы не могли бы добиться тех успехов, которыми по праву гордится теперь наша партия.

В борьбе с уклонами от ленинской линии выраста и окрепла наша партия. В борьбе с уклонами выковала она себе *ленинское единство* своих рядов. Никто уже не отрицает теперь того неоспоримого факта, что никогда еще не была так сплочена партия вокруг своего ЦК, как теперь. Все вынуждены теперь признать, что партия теперь более, чем когда-либо, *едина и сплочена*, что XVI съезд является одним из немногих съездов нашей партии, где нет больше оформленной и сплоченной оппозиции, способной противопоставить свою особую линию генеральной линии партии.

Чему обязана партия этим своим решающим достижением?

Она обязана этим достижением тому обстоятельству, что в своей борьбе с уклонами она всегда вела *принципиальную* политику, никогда не опускаясь до закулисных комбинаций и дипломатического гешефтмахерства.

Ленин говорил, что принципиальная политика есть *единственно* правильная политика. Мы вышли победителями из борьбы с уклонами потому, что честно и последовательно выполняли этот завет Ленина. (*Аплодисменты.*)

Я кончаю, товарищи.

Каков общий вывод?

Мы имели за истекший период ряд решающих успехов на всех фронтах социалистического строительства. Мы имели эти успехи потому, что сумели держать высоко великое знамя Ленина. Если хотим победить, мы должны и впредь держать знамя Ленина высоко, охраняя его чистоту и непятнанность. *(Аплодисменты.)*

Таков общий вывод.

Со знаменем Ленина победили мы в боях за Октябрьскую революцию.

Со знаменем Ленина добились мы решающих успехов в борьбе за победу социалистического строительства,

С этим же знаменем победим в пролетарской революции во всем мире.

Да здравствует ленинизм! *(Громкие, долго не смолкающие аплодисменты. Овации всего зала.)*

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Товарищи! После прений по отчету ЦК, после всего того, что произошло у нас на съезде в связи с выступлением бывших лидеров правой оппозиции, мне остается мало что сказать в своем заключительном слове.

Я говорил в своем докладе, что XVI съезд партии является одним из тех немногих съездов в истории нашей партии, на котором нет скольконибудь оформленной оппозиции, могущей выставить свою собственную линию и противопоставить ее линии партии. Оно, как видите, так именно и вышло на самом деле. На нашем съезде, на XVI съезде партии, не оказалось не только оформленной оппозиции, но не нашлось даже маленькой группы или даже отдельных товарищей, которые считали бы правоммерным выйти здесь на трибуну и заявить о неправильности линии партии. Ясно, что линия нашей партии есть единственно правильная линия, при чем правильность ее, оказывается, до того очевидна и неоспорима, что даже бывшие лидеры правой оппозиции сочли нужным без колебаний подчеркнуть в своих выступлениях правильность всей политики партии.

Понятно, что после всего этого нет нужды распространяться о правильности тех положений, которые были развиты в отчетном докладе. Нет в этом нужды, так как линия партии, ввиду ее очевидной правильности, не нуждается, стало быть, на этом съезде в дальнейшей ее защите. И если, несмотря на это, я не отказался от заключительного слова, то это потому, что все же не лишне, по-моему, ответить коротко на некоторые записки, которые были поданы товарищами в президиум съезда, и потом сказать несколько слов в связи с выступлением бывших лидеров правой оппозиции.

Большая часть записок касается некоторых второстепенных вопросов: почему в отчетных докладах не упомянуто о коневодстве, — нельзя ли упомянуть об этом в заключительном слове *(смех)*; почему в отчетных докладах

не упомянуто о жилищном строительстве,— нельзя ли сказать об этом что-либо в заключительном слове; почему в отчетных докладах не сказали ничего об электрификации сельского хозяйства,— нельзя ли сказать что-либо об этом в заключительном слове. И так дальше в этом духе.

Я должен ответить всем этим товарищам, что я не мог коснуться в своем докладе всех вопросов народного хозяйства. И не только не мог, но не имел права на это, ибо я не имею права вторгаться в область докладов тт. Куйбышева и Яковлева, которые должны доложить вам о конкретных проблемах промышленности и сельского хозяйства. В самом деле, если в отчете ЦК коснуться всех вопросов, то о чем же должны тогда говорить докладчики в своих докладах о промышленности, о сельском хозяйстве и т. д. (*Голоса: «Правильно!»*)

В частности, насчет записки об электрификации сельского хозяйства должен заметить, что автор этой записки допускает некоторые неправильности. Он уверяет, что мы уже «вплотную подошли» к электрификации сельского хозяйства, что НКЗем не дает развиваться этому делу, что Ленин думал об этом иначе и т. д. Все это неверно, товарищи. Нельзя говорить, что мы «вплотную подошли» к делу электрификации сельского хозяйства. Если бы мы, действительно, вплотную подошли к электрификации сельского хозяйства, то мы имели бы уже теперь районов 10—15 с электрифицированным с.-х. производством. Но вы знаете хорошо, что ничего подобного нет у нас пока. Все, что можно теперь сказать об электрификации сельского хозяйства, это то, что электрификация находится у нас в стадии опытной разработки. Ленин так и смотрел на это дело, поощряя опыты по электрификации сельского хозяйства. Некоторые товарищи думают, что тракторы уже отжили свой век, что пришла пора перейти от тракторов к электрификации сельского хозяйства. Это, конечно, чепуха и фантастика. Таких товарищей надо осаживать. НКЗем так именно и поступает с этими товарищами. Стало быть, недовольство автора записки НКЗемом нельзя считать обоснованным.

Вторая группа записок касается национального вопроса. Одна из этих записок, которую я считаю наиболее интересной, сопоставляет трактовку проблемы национальных языков в моем докладе на XVI съезде с той трактовкой, которая дана в моем выступлении в Университете народов Востока в 1925 г., и находит, что тут есть некоторая неясность, которая должна быть разъяснена. «Вы,— говорит записка,— возражали тогда против теории (*Каутского*) отмирания национальных языков и создания одного общего языка в период социализма (*в одной стране*), а теперь, в своем докладе на XVI съезде, заявляете, что коммунисты являются сторонниками слияния национальных культур и национальных языков в одну общую культуру с одним общим языком (*в период победы социализма в мировом масштабе*),— нет ли тут неясности?»

Я думаю, что тут нет ни неясности, ни какого бы то ни было противоречия. В своем выступлении в 1925 г. я возражал против национал-шовинистской теории Каутского, в силу которой победа пролетарской революции в середине прошлого столетия в объединенном австро-германском государстве должна была привести к слиянию наций в одну общую *немецкую* нацию с одним

общим немецким языком и к онемечению чехов. Я возражал против этой теории, как против антимарксистской, антиленинской, ссылаясь на факты из жизни нашей страны после победы социализма в СССР, опровергающие эту теорию. Я и теперь возражаю против этой теории, как это видно из моего отчетного доклада на этом XVI съезде. Возражаю, так как теория слияния всех наций, скажем, СССР, в одну общую *великорусскую* нацию с *одним* общим *великорусским* языком есть теория национал-шовинистская, теория антиленинская, противоречащая основному положению ленинизма, состоящему в том, что национальные различия не могут исчезнуть в ближайший период, что они должны остаться еще надолго даже после победы пролетарской революции в *мировом масштабе*. Что касается более далекой перспективы национальных культур и национальных языков, то я всегда держался и продолжаю держаться того ленинского взгляда, что в период победы социализма в *мировом масштабе*, когда социализм окрепнет и войдет в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым. Об этом я также определенно заявил в своём докладе на XVI съезде.

Где же тут неясность и что, собственно, требуется здесь разъяснить? Видимо, авторы записки не вполне уяснили себе по крайней мере две вещи.

Они не уяснили себе *прежде всего* тот факт, что мы уже вступили в СССР в период социализма, при чем, несмотря на то, что мы вступили в этот период, нации не только не отмирают, а, наоборот, развиваются и расцветают. В самом деле, вступили ли мы уже в период социализма? Наш период обычно называется периодом переходным от капитализма к социализму. Он назывался периодом переходным в 1918 г., когда Ленин в своей знаменитой статье «О «левом» ребячестве» впервые охарактеризовал этот период с его пятью укладами хозяйственной жизни. Он называется переходным в настоящее время, в 1930 г., когда некоторые из этих укладов, как устарелые, уже идут ко дну, а один из этих укладов, а именно — новый уклад в области промышленности и сельского хозяйства растет и развивается с невиданной быстротой. Можно ли сказать, что эти два переходных периода являются тождественными, что они не отличаются друг от друга коренным образом? Ясно, что нельзя. Что имели мы в 1918 г. в области народного хозяйства? Разрушенную промышленность и зажимки, отсутствие колхозов и совхозов как массового явления, рост «новой» буржуазии в городе и кулачества в деревне. Что имеем мы теперь? Восстановленную и реконструируемую социалистическую промышленность, развитую систему совхозов и колхозов, имеющих более 40% всех посевов по СССР по одному лишь яровому клину, умирающую «новую» буржуазию в городе, умирающее кулачество в деревне. И там переходный период. И здесь переходный период. И все же они в корне отличаются друг от друга, как небо от земли. И все же никто не может отрицать, что мы стоим на пороге ликвидации последнего серьезного капиталистического класса, класса кулаков. Ясно, что мы уже вышли из переходного периода в старом его смысле, вступив в период прямого и развернутого социалистического

строительства по всему фронту. Ясно, что мы уже вступили в период социализма, ибо социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства, хотя до построения социалистического общества и уничтожения классовых различий еще далеко. И все же, несмотря на это, национальные языки не только не отмирают и не сливаются в один общий язык, а, наоборот, национальные культуры и национальные языки развиваются и расцветают. Не ясно ли, что теория отмирания национальных языков и слияния их в один общий язык в рамках *одного* государства в период развернутого социалистического строительства, в период социализма в *одной* стране, есть теория неправильная, антимарксистская, антиленинская.

Авторы записки не уяснили, *во-вторых*, того, что вопрос об отмирании национальных языков и слиянии их в один общий язык есть не вопрос *внутригосударственный*, не вопрос победы социализма в *одной* стране, а вопрос *международный*, вопрос победы социализма в *международном* масштабе. Авторы записки не поняли, что нельзя смешивать победу социализма в *одной стране* с победой социализма в *международном* масштабе. Ленин недаром говорил, что национальные различия останутся еще надолго даже после победы диктатуры пролетариата в международном масштабе. Кроме того, надо принять во внимание еще одно обстоятельство, имеющее отношение к ряду национальностей СССР. Есть Украина в составе СССР. Но есть и другая Украина в составе других государств. Есть Белоруссия в составе СССР. Но есть и другая Белоруссия в составе других государств. Думаете ли вы, что вопрос об украинском и белорусском языке может быть разрешен вне учета этих своеобразных условий? Возьмите, далее, национальности СССР, расположенные по южной его границе, от Азербайджана до Казакстана и Бурято-Монголии. Все они находятся в том же положении, что и Украина и Белоруссия. Понятно, что и тут придется принять во внимание своеобразие условий развития этих национальностей. Не ясно ли, что все эти и подобные им вопросы, связанные с проблемой национальных культур и национальных языков, не могут быть разрешены в рамках одного государства, в рамках СССР?

Вот как обстоит дело, товарищи, с национальным вопросом вообще, с упомянутой выше запиской по национальному вопросу, в частности.

Позвольте теперь перейти к выступлению бывших лидеров правой оппозиции.

Чего требует съезд от бывших лидеров правой оппозиции? Может быть, раскаяния, самобичевания? Конечно, нет! Никогда наша партия, съезд нашей партии не пойдет на то, чтобы требовать от членов партии чего-либо такого, что может их унижить. Съезд требует от бывших лидеров правой оппозиции трех вещей: во-первых, чтобы они отдали себе отчет в том, что между линией партии и той линией, которую они защищали, лежит пропасть, что линия, которую они отстаивали, ведет объективно не к победе социализма, а к победе капитализма (*голоса*: «Правильно!»); во-вторых, чтобы они заклеили эту линию, как антиленинскую, и отмежевались от нее открыто и честно (*голоса*: «Правильно!»); в-третьих, чтобы они стали нога в ногу с нами и повели вместе с нами решительную борьбу против всех и

всяких правых уклонистов. (*Голоса: «Правильно!» Бурные аплодисменты.*)

Вот чего требует съезд от бывших лидеров правой оппозиции. Есть ли в этих требованиях что-либо унижительное для них, как для людей, желающих остаться большевиками?

Ясно, что тут нет и не может быть ничего унижительного. Всякий большевик, всякий революционер, всякий уважающий себя партиец поймет, что он может только подняться и выиграть в глазах партии, если он признает открыто и честно ясные и неоспоримые факты.

Вот почему я думаю, что разговоры т. Томского насчет того, что его хотят послать в пустыню Гоби и заставить есть дикий мед и акриды, есть пустые прибаутки провинциально-водевильного характера, не имеющие ничего общего с вопросом о достоинстве революционера. (*Смех. Аплодисменты.*)

Могут спросить, почему же съезд вновь предъявляет бывшим лидерам правой оппозиции эти требования? Разве это не факт, что они, эти требования, были уже раз предъявлены им в ноябре 1929 года, на пленуме ЦК? Разве это не факт, что они, бывшие лидеры правой оппозиции, пошли тогда на эти требования, отказались от своей линии, признав ее ошибочность, признали правильность линии партии и обещали бороться с правым уклоном вместе с партией? Да, все это было. В чем же тогда дело? Дело в том, что они не выполнили своего обещания, не выполнили и не выполняют тех обязательств, которые дали семь месяцев тому назад. (*Голоса: «Правильно!»*) Тов. Угланов был совершенно прав, когда он заявил в своей речи, что они не выполнили своих обязательств, данных ноябрьскому пленуму ЦК.

Вот где источник того недоверия, которое встречают они теперь на этом съезде.

Вот почему съезд вновь предъявляет им свои требования. Тт. Рыков, Томский и Угланов жаловались здесь, что съезд относится к ним с недоверием. А кто в этом виноват? Виноваты они сами. Кто не выполняет своих обязательств, тот не может рассчитывать на доверие.

Были ли у них, у бывших лидеров правой оппозиции, возможности, случаи выполнить свое обещание и поставить крест на прошлом? Конечно, были. А что они сделали в продолжение семи месяцев, чтобы использовать эти возможности и случаи? Ничего.

Недавно т. Рыков был на уральской конференции. Был у него, стало быть, самый благоприятный случай исправить свои ошибки. И что же? Вместо того, чтобы открыто и решительно порвать со своими колебаниями, он стал там финтить и маневрировать. Понятно, что уральская конференция не могла не дать ему отпора. Сравните теперь речь т. Рыкова на уральской конференции с его речью на XVI съезде. Между ними пропасть. Там он финтит и маневрирует, воюя с уральской конференцией. Здесь он пытается открыто и громогласно признать свои ошибки, пытается порвать с правой оппозицией и обещает поддерживать партию в борьбе с уклонами. Откуда такая перемена, чем ее объяснить? Она объясняется, очевидно, той угрожающей обстановкой, которая создалась в партии для бывших лидеров правой оппозиции. Неудивительно поэтому, что у съезда создалось оп-

ределенное впечатление: пока не нажмешь на этих людей, ничего от них не добьешься. *(Общий смех. Продолжительные аплодисменты.)*

Была ли у т. Угланова возможность выполнить свое обещание, данное ноябрьскому пленуму ЦК? Да, была. Я имею в виду беспартийное собрание на заводе «Мосэлектрик», где он недавно выступал. И что же? Вместо того, чтобы выступить, как подобает большевику, он стал там охаивать линию партии. Понятно, что за это он получил должный отпор со стороны ячеек завода. Сравните теперь это его выступление с его заявлением, напечатанным сегодня в «Правде». Между ними пропасть. Чем объясняется эта перемена? Той же угрожающей обстановкой, создавшейся вокруг бывших лидеров правой оппозиции. Что же тут удивительного, если съезд сделал из этого определенный урок: не нажавши на этих людей, ничего от них не добьешься. *(Общий смех. Аплодисменты.)*

Или, например, т. Томский. Недавно он был в Тифлисе на закавказской конференции. Имел, стало быть, случай заглазить свои грехи. И что же? Он коснулся там в своей речи совхозов, колхозов, кооперации, культурной революции и всякой такой штуки, но о главном, т. е. о своей оппортунистической работе в ВЦСПС, он не сказал ни слова. Это называется выполнением обязательств, данных партии! Захотел перехитрить партию, не понимая, что миллионы глаз смотрят на каждого из нас и тут никого не перехитришь. Сравните теперь его выступление в Тифлисе с его выступлением на этом съезде, где он прямо и открыто признал свои оппортунистические ошибки по руководству ВЦСПС. Между ними пропасть. Чем объяснить эту разницу? Той же угрожающей обстановкой, создавшейся вокруг бывших лидеров правой оппозиции. Что же удивительного, если съезд попытался надавить как следует на этих товарищей, чтобы добиться от них выполнения их обязательств. *(Аплодисменты. Общий смех всего зала.)*

Вот где источник недоверия, которое все еще питает съезд к этим товарищам.

Чем объяснить такое, более чем странное, поведение бывших лидеров правой оппозиции?

Чем объяснить тот факт, что они ни разу не попытались за истекший период выполнить свои обязательства добровольно, без давления извне?

Это объясняется по крайней мере двумя обстоятельствами.

Во-первых, тем, что они, будучи не вполне еще уверены в правильности линии партии, продолжали втихомолку некую фракционную работу, отсиживались до поры до времени и выжидали удобного случая для того, чтобы вновь выступить открыто против партии. Собираясь на свои фракционные собрания и обсуждая партийные вопросы, они обычно прикидывали: подождем до весны, авось партия провалится с посевами, — тогда и ударим как следует. Весна, однако, не давала им никаких плюсов, так как посевы проходили благоприятно. Тогда они вновь прикидывали: подождем до осени, авось партия провалится с хлебозаготовками, — тогда и ударим по ЦК. Однако, осень также подводила их, оставляя их на бобах. И так как весна и осень повторяются каждый год, то бывшие лидеры правой оппозиции продолжали

отсиживаться, вновь возлагая свои надежды то на весну, то на осень. (*Общий хохот всего зала.*)

Понятно, что, отсиживаясь от сезона к сезону и выжидая благоприятного момента для удара на партию, они не могли выполнить своих обязательств.

Наконец, вторая причина. Состоит она, эта вторая причина, в том, что бывшие лидеры правой оппозиции не понимают наших большевистских темпов, не верят в эти темпы и вообще не приемлют ничего такого, что выходит из рамок постепенного развития, из рамок самотека. Более того, наши большевистские темпы, наши новые пути развития, связанные с периодом реконструкции, обострение классовой борьбы и последствия этого обострения вселяют в них тревогу, растерянность, боязнь, страх. Понятно поэтому, что они отпихиваются от всего того, что связано с наиболее острыми лозунгами нашей партии. Они болеют той же болезнью, которой болел известный чеховский герой Беликов, учитель греческого языка, человек в футляре. Помните чеховский рассказ «Человек в футляре»? Этот герой, как известно, ходил всегда в калошах, в пальто на вате, с зонтиком и в жаркую и в холодную погоду. «Позвольте, для чего вам калоши и пальто на вате в июле месяце, в такую жаркую погоду?», — спрашивали Беликова. «На всякий случай», — отвечал Беликов, — как бы чего не вышло: а вдруг ударит мороз, как же тогда?» (*Общий смех. Аплодисменты.*) Он боялся, как чумы, всего нового, всего того, что выходит из обычного круга серой обывательской жизни. Открыли новую столовую, — у Беликова уже тревога: «оно, конечно, может быть, и хорошо иметь столовую, но смотрите, как бы чего не вышло». Организовали драматический кружок, открыли читальню, — Беликов опять в тревоге: «драматический кружок, новая читальня, — для чего бы это? Смотрите, как бы чего не вышло». (*Общий смех.*) i

То же самое надо сказать о бывших лидерах правой оппозиции. Помните историю с передачей втузов хозяйственным наркоматам? Мы хотели передать всего два втуза ВСНХ. Дело, казалось бы, маленькое. А между тем мы встретили отчаянное сопротивление со стороны правых уклонистов. «Передать два втуза ВСНХ? Зачем это? Не лучше ли подождать? Смотрите, как-бы чего не вышло из этой затеи». А теперь все втузы у нас переданы хозяйственным наркоматам. И ничего — живем.

Или, например, вопрос о чрезвычайных мерах против кулаков. Помните, какую истерику закатывали нам по этому случаю лидеры правой оппозиции? «Чрезвычайные меры против кулаков? Зачем это? Не лучше ли проводить либеральную политику в отношении кулаков? Смотрите, как бы чего не вышло из этой затеи». А теперь мы проводим политику ликвидации кулачества как класса, политику, в сравнении с которой чрезвычайные меры против кулачества представляют пустышку. И ничего — живем. Или, например, вопрос о колхозах и совхозах. «Совхозы и колхозы? Зачем они? Куда нам торопиться? Смотрите, как бы чего не вышло из этих совхозов и колхозов». И так далее и тому подобное.

Вот эта боязнь нового, неумение подойти по-новому к новым вопросам, эта тревога — «как бы чего не вышло» — эти черты человека в футляре и мешают бывшим лидерам правой оппозиции по-настоящему слиться с партией.

Особенно смешные формы принимают у них эти черты человека в футляре при появлении трудностей, при появлении малейшей тучки на горизонте. Появилась у нас где-либо трудность, загвоздка,— они уже в тревоге: как бы чего не вышло. Зашуршал где-либо таракан, не успев еще вылезть как следует из норы,— а они уже шарахаются назад, приходят в ужас и начинают вопить о катастрофе, о гибели Советской власти. *(Общий хохот.)* Мы успокаиваем их и стараемся убедить, что тут нет еще ничего опасного, что это всего-навсего таракан, которого не следует бояться. Куда там! Они продолжают вопить свое: «Как так таракан? Это не таракан, а тысяча разъяренных зверей! Это не таракан, а пропасть, гибель Советской власти». И пошла писать губерния... Бухарин пишет по этому поводу тезисы и посылает их в ЦК, утверждая, что политика ЦК довела страну до гибели, что Советская власть наверняка погибнет, если не сейчас, то по крайней мере через месяц. Рыков присоединяется к тезисам Бухарина, оговариваясь, однако, что у него имеется серьезнейшее разногласие с Бухариным, состоящее в том, что Советская власть погибнет, по его мнению, не через месяц, а через месяц и два дня. *(Общий смех.)* Томский присоединяется к Бухарину и Рыкову, но протестует против того, что не сумели обойтись без тезисов, не сумели обойтись без документа, за который придется потом отвечать: «Сколько раз я вам говорил,— делайте, что хотите, но не оставляйте документов! не оставляйте следов». *(Гомерический хохот всего зала. Продолжительные аплодисменты.)* Правда, потом, через год, когда всякому дураку становится ясно, что тараканья опасность не стоит и выеденного яйца, правые уклонисты начинают приходить в себя и, расхрабравшись, непрочь пуститься даже в хвостовство, заявляя, что они не боятся никаких тараканов, что таракан этот к тому же такой тщедушный и дохлый. *(Смех. Аплодисменты.)* Но это через год, а пока изволь-ка маяться с этими канительщиками...

Вот, товарищи, обстоятельства, которые мешают бывшим лидерам правой оппозиции подойти ближе к ядру партийного руководства и слиться с ним до конца.

Чем можно тут помочь делу?

Для этого есть лишь одно средство: порвать окончательно со своим прошлым, перевооружиться по-новому и слиться воедино с ЦК нашей партии в его борьбе за большевистские темпы развития, в его борьбе с правым уклоном

Других средств нет.

Сумеют сделать это бывшие лидеры правой оппозиции,— хорошо. Не сумеют,— пусть пеняют на себя. *(Продолжительные аплодисменты всего зала. Овация. Все встанут и поют «Интернационал».)*

«Вопросы ленинизма», стр. 345-438, изд. 10-е.

О ФРАКЦИОННОЙ РАБОТЕ СЫРЦОВА, ЛОМИНАДЗЕ И ДР. *Постановление ЦК и ЦКК. 1 декабря 1930 г.*

1. Заслушав сообщение Центральной контрольной комиссии о фракционной антипартийной работе Сырцова, Ломинадзе, Шацкого и др. и объяснения последних, ЦК и ЦКК устанавливают, что:

а) тов. Сырцов организовал подпольную антипартийную группу, в руководящее ядро которой входили Нусинов, Каврайский, Гальперин, Курс и др.;

б) тов. Ломинадзе возглавлял существовавшую в течение значительного времени фракционную антипартийную группу, в руководящее ядро которой входили Шацкий, Резник и др.;

в) эти фракционные подпольные группы организовали «лево»-правый блок на основе общей политической платформы, совпадающей во всем основном с платформой правых оппортунистов;

г) эта платформа, навеянная паникой перед трудностями и желанием поспекулировать на них, требует по сути дела отказа от большевистских темпов строительства и провозглашает необходимость «сужения фронта капитального строительства» (Ломинадзе);

д) для оправдания своей оппортунистической платформы тт. Сырцов, Ломинадзе и др. прибегали к таким чисто меньшевистским, грубо клеветническим приемам борьбы с партийным и советским руководством, как объявление успехов нашего строительства «очковничеством» (Сырцов), объявление Сталинградского тракторного завода «потемкинской деревней» (Сырцов), утверждение о том, что в советском аппарате Закавказья «царит барско-феодалное отношение к нуждам и интересам рабочих и крестьян» (Ломинадзе) и т. п.;

е) обе группы допускали в своей фракционной работе расконспирирование секретных решений партии;

ж) как т. Сырцов, так и тт. Ломинадзе и Шацкий проводили в своих отношениях к партийному руководству тактику двурушничества и обмана партии, а при опросе в ЦКК давали заведомо неправдивые показания.

2. ЦК и ЦКК устанавливают далее, что тем самым тт. Сырцов, Ломинадзе, Шацкий и др. *нарушили*:

а) постановление X съезда партии о единстве, а именно:

«Чтобы осуществить строгую дисциплину внутри партии и добиться наибольшего единства при устранении всякой фракционности, съезд дает ЦК полномочия применять в случаях нарушения дисциплины или возрождения или допущения фракционности все меры партийных взысканий вплоть до исключения из партии, а по отношению к членам ЦК — перевод их в кандидаты, и даже, как крайнюю меру, исключение из партии».

б) Постановление объединенного пленума ЦК и ЦКК в апреле 1929 г., а именно:

«Установить специальные меры вплоть до исключения из ЦК и из партии, могущие гарантировать секретность решений ЦК и Политбюро ЦК».

в) Постановление XV съезда партии, а именно: «Члены партии, отказывающиеся правдиво отвечать на вопросы контрольных комиссий, подлежат немедленному исключению из партии».

3. На основании всех этих фактов ЦК и ЦКК постановляют:

а) тт. Сырцова и Ломинадзе исключить из состава ЦК ВКП(б).

б) тов. Шацкина исключить из состава ЦКК ВКП(б).

Журнал «Партийное строительство»

№ 23—24 за 1930 г., стр. 66.

И. Сталин. О ЗАДАЧАХ ХОЗЯЙСТВЕННИКОВ. Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. 4 февраля 1931 г.

Товарищи! Работы вашей конференции подходят к концу. Сейчас вы будете принимать резолюции. Не сомневаюсь, что они будут приняты единогласно. В этих резолюциях,— я их знаю немного,— вы одобряете контрольные цифры промышленности на 1931 год и даете обязательство выполнить их.

Слово большевика — серьезное слово. Большевики привыкли выполнять обещания, которые они дают. Но что значит обязательство выполнить контрольные цифры на 1931 год? Это значит — обеспечить общий прирост промышленной продукции на 45%. А это очень большая задача. Мало того. Такое обязательство означает, что вы не только дадите обещание нашу пятилетку выполнить в 4 года,— это дело уже решенное, и никаких резолюций тут больше не нужно,— *это значит, что вы обещаетесь выполнить ее в 3 года по основным, решающим отраслям промышленности.*

Это хорошо, что конференция дает обещание выполнить план на 1931 год, выполнить пятилетку в три года. Но мы научены «горьким опытом». Мы знаем, что не всегда обещания выполняются. В начале 1930 года тоже было дано такое обещание выполнить годовой план. Тогда надо было увеличить продукцию нашей промышленности на 31—32%. Однако, обещание не было выполнено полностью. Прирост промышленной продукции на деле составил за 1930 год 25%. Мы должны задать вопрос: а не повторится ли то же самое и в этом году? Руководители, работники нашей промышленности дают сейчас обещание увеличить продукцию промышленности в 1931 году на 45%. Но какая гарантия, что обещание будет выполнено?

Что требуется для того, чтобы выполнить контрольные цифры, чтобы дать прирост продукции в 45%, чтобы добиться выполнения пятилетки не в 4, а по основным и решающим отраслям в 3 года?

Для этого требуются два основных условия.

Во-первых, чтобы были реальные или, как у нас выражаются, «объективные» возможности для этого.

Во-вторых, чтобы было желание и умение руководить нашими предприятиями таким образом, чтобы эти возможности были претворены в жизнь.

Были ли у нас в прошлом году «объективные» возможности для полного выполнения плана? Да, были. Неоспоримые факты свидетельствуют об этом. Эти факты состоят в том, что в марте и апреле прошлого года промышленность дала прирост продукции на 31% в сравнении с предыдущим годом. Почему же, спрашивается, мы не выполнили плана за весь год? Что помешало? Чего нехватило? *Нехватило умения использовать имеющиеся возможности. Нехватило умения правильно руководить заводами, фабриками, шахтами.*

Мы имели первое условие: «объективные» возможности для выполнения плана. Но мы не имели в достаточной степени второго условия: умения руководить производством. И именно потому, что умения руководить предприятиями нехватило, — именно потому план оказался невыполненным. Вместо 31—32% прироста мы дали только 25%.

Конечно, 25% *прироста* — большое дело. Ни одна капиталистическая страна не имела в 1930 году и не имеет сейчас *прироста* продукции. Во всех без исключения капиталистических странах имеет место резкое *падение* производства. В таких условиях 25% *прироста* — большой шаг вперед. Но мы могли дать больше. Мы имели для этого все необходимые «объективные» условия.

Итак, какая гарантия, что в этом году не повторится казус прошлого года, что план будет выполнен полностью, что имеющиеся возможности нами будут использованы так, как надо их использовать, что ваше обещание не останется в известной части на бумаге?

В истории государств, в истории стран, в истории армий бывали случаи, когда имелись все возможности для успеха, для победы, но они, эти возможности, оставались втуне, так как руководители не замечали этих возможностей, не умели воспользоваться ими, и армии терпели поражение.

Есть ли у нас все возможности, необходимые для выполнения контрольных цифр на 1931 год?

Да, такие возможности у нас имеются.

В чем состоят эти возможности, что требуется для того, чтобы эти возможности существовали в реальности?

Прежде всего требуются достаточные *природные богатства* в стране: железная руда, уголь, нефть, хлеб, хлопок. Есть ли они у нас? Есть. Есть больше, чем в любой другой стране. Взять хотя бы Урал, который представляет такую комбинацию богатств, какой нельзя найти ни в одной стране. Руда, уголь, нефть, хлеб — чего только нет на Урале! У нас имеется в стране все, кроме разве каучука. Но через год-два и каучук мы будем иметь в своем распоряжении. С этой стороны, со стороны природных богатств, мы обеспечены полностью. Их у нас даже больше, чем нужно.

Что еще требуется?

Требуется *наличие такой власти*, которая имела бы желание и силу

двинуть использование этих огромных природных богатств на пользу народа. Есть ли у нас такая власть? Есть. Правда, наша работа по использованию природных богатств не всегда обходится без трений между нами же работниками. Например, в прошлом году Советской власти пришлось вести некоторую борьбу по вопросу об образовании второй угольно-металлургической базы, без которой мы не можем больше развиваться. Но мы уже преодолели эти препятствия. И у нас будет в скором времени эта база.

Что еще требуется?

Еще требуется, чтобы эта власть пользовалась *поддержкой* миллионов масс рабочих и крестьян. Пользуется ли наша власть такой поддержкой? Да, пользуется. Во всем мире не найдете вы другой такой власти, которая бы пользовалась такой поддержкой рабочих и крестьян, какой пользуется Советская власть. Не буду ссылаться на факты роста социалистического соревнования, на факты роста ударничества, на кампанию борьбы за встречный промфинплан. Все эти факты, в которых наглядно видна поддержка Советской власти со стороны миллионов масс, общеизвестны.

Что еще надо, чтобы выполнить и перевыполнить контрольные цифры на 1931 ãã?

Нужно еще наличие *такого строя*, который бы был свободен от неизлечимых болезней капитализма и который бы давал серьезные преимущества перед капитализмом. Кризис, безработица, расточительство, нищета широких масс — вот неизлечимые болезни капитализма. Наш строй не страдает этими болезнями, потому что власть в наших руках, в руках рабочего класса, потому что мы ведем плановое хозяйство, планомерно накапливаем ресурсы и правильно распределяем их по отраслям народного хозяйства. Мы свободны от неизлечимых болезней капитализма. В этом наше отличие, в этом наше решающее преимущество перед капитализмом. Посмотрите, как капиталисты хотят выйти из кризиса. Они снижают максимально заработную плату рабочих. Они снижают максимально цены на сырье и продовольственные продукты. Но они не хотят снижать сколько-нибудь серьезно цены на промышленные изделия. Это значит, что они хотят выйти из кризиса за счет основных потребителей товаров, за счет рабочих, за счет крестьян, за счет трудящихся тех стран, которые производят сырье и продовольствие. Капиталисты подрубают тот сук, на котором они сидят. И вместо выхода из кризиса получается его усугубление, получается накопление новых предпосылок, ведущих к новому, еще более жестокому кризису. Наше преимущество состоит в том, что мы не знаем кризисов перепроизводства, мы не имеем и не будем иметь миллионов безработных, мы не имеем анархии в производстве, ибо мы ведем плановое хозяйство. Но это не все. Мы — страна самой концентрированной промышленности. Это значит, что мы можем строить нашу промышленность на основе самой лучшей техники и обеспечивать благодаря этому невиданную производительность труда, невиданный темп накопления. Наша слабость в прошлом была в том, что эта промышленность базировалась на распыленном и мелком крестьянском хозяйстве. Но это *было*. Теперь этого уже нет. Завтра, может быть, через год, мы станем стра-

ной самого крупного в мире сельского хозяйства. Совхозы и колхозы, — а они являются формами крупного хозяйства, — уже в этом году дали половину всего нашего товарного зерна. А это значит, что наш строй, советский строй, дает нам такие возможности быстрого продвижения вперед, о которых не может мечтать ни одна буржуазная страна.

Что еще требуется для того, чтобы двигаться вперед семимильными шагами?

Требуется наличие *партии*, достаточно сплоченной и единой для того, чтобы направить усилия всех лучших людей рабочего класса в *одну точку*, и достаточно опытной для того, чтобы не сдрейфить перед трудностями и систематически проводить в жизнь правильную, революционную, большевистскую политику. Есть ли у нас такая партия? Да, есть. Правильна ли ее политика? Да, правильна, ибо она дает серьезные успехи. Это признают теперь не только друзья, но и враги рабочего класса. Посмотрите, как воют и беснуются против нашей партии всем известные «уважаемые» джентльмены — Фиш в Америке, Черчилль в Англии, Пуанкаре во Франции. Почему они воют и беснуются? Потому, что политика нашей партии правильна, потому, что она дает успех за успехом.

Вот, товарищи, все те возможности, которые облегчают нам осуществление контрольных цифр 1931 года, которые дают возможность выполнить пятилетку в 4, а в решающих отраслях — даже в 3 года.

Таким образом первое условие для выполнения плана — «объективные» возможности — у нас есть налицо.

Есть ли у нас второе условие — умение использовать эти возможности?

Иначе говоря, есть ли у нас правильное руководство фабриками, заводами, шахтами? Все ли тут обстоит благополучно?

К сожалению, не все тут обстоит благополучно. И мы как большевики должны это сказать прямо и открыто.

Что значит руководить производством? У нас не всегда смотрят по-большевистски на вопрос о руководстве предприятиями. У нас нередко думают, что руководить — это значит подписывать бумаги. Это печально, но это факт. Иногда невольно вспоминаешь помпадуров Щедрина. Помните, как помпадурша поучала молодого помпадура: не ломай голову над наукой, не вникай в дело, пусть другие занимаются этим, не твое это дело, — твое дело руководить, подписывать бумаги. Надо признать, к стыду нашему, что и среди нас, большевиков, есть не мало таких, которые руководят путем подписывания бумаг. А вот, чтобы вникать в дело, овладеть техникой, стать хозяином дела, — на этот счет — ни-ни.

Как могло случиться, что мы, большевики, проделавшие три революции, вышедшие с победой из жестокой гражданской войны, разрешившие крупнейшую задачу создания промышленности, повернувшие крестьянство на путь социализма, — как могло случиться, что в деле руководства производством мы пасуем перед бумажкой?

Причина тут заключается в том, что подписывать бумагу легче, чем руководить производством. И вот многие хозяйственники пошли по этой ли-

нии наименьшего сопротивления. Есть тут и наша вина, вина центра. Лет десять назад был дан лозунг: «Так как коммунисты технику производства еще как следует не понимают, так как им нужно еще учиться управлять хозяйством, то пусть старые техники и инженеры, специалисты, ведут производство, а вы, коммунисты, не вмешивайтесь в технику дела, но, не вмешиваясь, изучайте технику, изучайте науку управления производством не покладая рук, чтобы потом стать вместе с преданными нам специалистами настоящими руководителями производства, настоящими хозяевами дела». Таков был лозунг. А что вышло на деле? Вторую часть этой формулы отбросили, ибо учиться труднее, чем подписывать бумаги, а первую часть формулы опошили, истолковав невмешательство как отказ от изучения техники производства. Получилась чепуха, вредная и опасная чепуха, от которой чем скорее освободимся, тем лучше.

Сама жизнь не раз сигнализировала нам о неблагополучии в этом деле. Шахтинское дело было первым сигналом. Шахтинское дело показало, что у парторганизаций и профсоюзов нехватило революционной бдительности. Оно показало, что наши хозяйственники безобразно отстали в техническом отношении, что некоторые старые инженеры и техники, работая бесконтрольно, легче скатываются на путь вредительства, тем более, что их непрерывно донимают «предложениями» враги из-за границы. Второй сигнал — процесс «Промпартии».

Конечно, в основе вредительства лежит классовая борьба. Конечно, классовый враг бешено сопротивляется социалистическому наступлению. Но одного этого для объяснения такого пышного расцвета вредительства — мало.

Как могло случиться, что вредительство приняло такие широкие размеры? Кто виноват в этом? Мы в этом виноваты. Если бы мы делом руководства хозяйством поставили иначе, если бы мы гораздо раньше перешли к изучению техники дела, к овладению техникой, если бы мы почаще и толково вмешивались в руководство хозяйством, — вредителям не удалось бы так много навредить.

Надо самим стать специалистами, хозяевами дела, надо повернуться лицом к техническим знаниям, — вот куда толкала нас жизнь. Но ни первый сигнал, ни даже второй сигнал не обеспечили еще необходимого поворота. Пора, давно пора повернуться лицом к технике. Пора отбросить старый лозунг, отживший лозунг о невмешательстве в технику, и стать самим специалистами, знатоками дела, стать самим полными хозяевами дела.

Спрашивают часто, почему у нас нет единоначалия? Его нет и не будет, пока мы не овладеем техникой. Пока среди нас, среди большевиков, не будет достаточного количества людей, хорошо знакомых с вопросами техники, экономики и финансов, у нас не будет действительного единоначалия. Пишите сколько угодно резолюций, клянитесь какими угодно словами, но если не овладеете техникой, экономикой, финансами завода, фабрики, шахты — толку не будет, единоначалия не будет.

Задача, стало быть, состоит в том, чтобы нам самим овладеть техникой, самим стать хозяевами дела. Только в этом гарантия того, что наши планы будут полностью выполнены, а единоначалие будет проведено.

Дело это, конечно, не легкое, но вполне преодолимое. Наука, технический опыт, знания — все это дело наживное. Сегодня нет их, а завтра будут. Главное тут состоит в том, чтобы иметь страстное большевистское желание овладеть техникой, овладеть наукой производства. При страстном желании можно добиться всего, можно преодолеть все.

Иногда спрашивают, нельзя ли несколько замедлить темпы, придержать движение. Нет, нельзя, товарищи! Нельзя снижать темпы! Наоборот, по мере сил и возможностей их надо увеличивать. Этого требуют от нас наши обязательства перед рабочими и крестьянами СССР. Этого требуют от нас наши обязательства перед рабочим классом всего мира.

Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно. Помните слова дореволюционного поэта: «Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь». Эти слова старого поэта хорошо заучили эти господа. Они били и приговаривали: «ты обильная» — стало быть, можно на твой счет поживиться. Они били и приговаривали: «ты убогая, бессильная» — стало быть, можно бить и грабить тебя безнаказанно. Таков уже закон эксплуататоров — бить отсталых и слабых. Волчий закон капитализма. Ты отстал, ты слаб — значит ты неправ, стало быть, тебя можно бить и поработать. Ты могуч — значит ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться.

Вот почему нельзя нам больше отставать.

В прошлом у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас рабочая, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость. Хотите ли, чтобы наше социалистическое отечество было убито и чтобы оно утеряло свою независимость? Но если этого не хотите, вы должны в кратчайший срок ликвидировать его отсталость и развить настоящие большевистские темпы в деле строительства его социалистического хозяйства. Других путей нет. Вот почему Ленин говорил во время Октября: «Либо смерть, либо догнать и перегнать передовые капиталистические страны».

Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут.

Вот что диктуют нам наши обязательства перед рабочими и крестьянами СССР.

Но у нас есть еще другие, более серьезные и более важные обязательства. Это — обязательства перед мировым пролетариатом. Они совпадают с обязательствами первого рода. Но мы их ставим выше. Рабочий класс СССР есть часть мирового рабочего класса. Мы победили не только усилиями рабочего класса СССР, но и благодаря поддержке мирового

рабочего класса. Без такой поддержки нас давно расклевали бы. Говорят, что наша страна является ударной бригадой пролетариата всех стран. Это хорошо сказано. Но это накладывает на нас серьезнейшие обязательства. Ради чего поддерживает нас международный пролетариат, чем мы заслужили такую поддержку? Тем, что мы первые кинулись в бой с капитализмом, мы первые установили рабочую власть, мы первые стали строить социализм. Тем, что мы делаем дело, которое в случае успеха перевернет весь мир и освободит весь рабочий класс. А что требуется для успеха? Ликвидация нашей отсталости, развитие высоких, большевистских темпов строительства. Мы должны двигаться вперед так, чтобы рабочий класс всего мира, глядя на нас, мог сказать: вот он, мой передовой отряд, вот она, моя ударная бригада, вот она, моя рабочая власть, вот оно, мое отечество,— они делают свое дело, наше дело — хорошо,— поддержим их против капиталистов и раздеем дело мировой революции. Должны ли мы оправдать надежды мирового рабочего класса, выполнить наши обязательства перед ним? Да, должны, если мы не хотим опозориться вконец.

Таковы наши обязательства, внутренние и международные. Вы видите, что они диктуют нам большевистские темпы развития. Не скажу, что в отношении руководства хозяйством у нас за эти годы ничего не сделано. Сделано, и даже очень много. Мы вдвое увеличили продукцию промышленности по сравнению с довоенной. Мы создали самое крупное в мире сельскохозяйственное производство. Но мы могли бы сделать еще больше, если бы постарались за это время по-настоящему овладеть производством, его техникой, его финансово-экономической стороной.

Максимум в десять лет мы должны пробежать то расстояние, на которое мы отстали от передовых стран капитализма. Для этого есть у нас все «объективные» возможности. Нехватает только уметь использовать по-настоящему эти возможности. А это зависит от нас. *Только* от нас! Пора нам научиться использовать эти возможности. Пора покончить с гнилой установкой невмешательства в производство. Пора усвоить другую, новую, соответствующую нынешнему периоду установку: вмешиваться во все. Если ты директор завода — вмешивайся во все дела, вникай во все, не упускай ничего, учись и еще раз учись. Большевики должны овладеть техникой. Пора большевикам самим стать специалистами. Техника в период реконструкции решает все. И хозяйственник, не желающий изучать технику, не желающий овладеть техникой,— это анекдот, а не хозяйственник.

Говорят, что трудно овладеть техникой. Неверно! Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять. Мы решили ряд труднейших задач. Мы свергли капитализм. Мы взяли власть. Мы построили крупнейшую социалистическую индустрию. Мы повернули середняка на путь социализма. Самое важное с точки зрения строительства мы уже сделали. Нам осталось немного: изучить технику, овладеть наукой. И когда мы сделаем это, у нас пойдут такие темпы, о которых сейчас мы не смеем и мечтать. И мы это сделаем, если захотим этого по-настоящему!

**И. Сталин. НОВАЯ ОБСТАНОВКА — НОВЫЕ ЗАДАЧИ
ХОЗЯЙСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА. Речь на
совещании хозяйственников 23 июня 1931 г.**

Товарищи! Из материалов совещания видно, что с точки зрения выполнения плана наша промышленность представляет довольно пеструю картину. Есть отрасли промышленности, которые дали прирост продукции за истекшие пять месяцев в сравнении с прошлым годом в 40—50%. Есть отрасли, которые дали не более 20—30% прироста. Есть, наконец, отдельные отрасли промышленности, которые дали минимальный прирост — каких-нибудь 6—10%, а то и меньше того. К числу последних следует отнести угольную промышленность и черную металлургию. Картина, как видите, пестрая.

Чем объяснить эту пестроту? Где причина отставания некоторых отраслей промышленности? Где причина того, что некоторые отрасли промышленности дают всего лишь 20—25% прироста, а угольная промышленность и черная металлургия дают еще меньше прироста, плетутся в хвосте за другими отраслями?

Причина состоит в том, что за последнее время условия развития промышленности изменились в корне, создалась новая обстановка, требующая новых приемов руководства, а некоторые наши хозяйственники вместо того, чтобы изменить приемы работы, все еще продолжают работать по-старому. Дело, стало быть, в том, что новые условия развития промышленности требуют работы по-новому, а некоторые наши хозяйственники не понимают этого и не видят того, что нужно руководить теперь по-новому.

В этом причина отставания некоторых отраслей нашей промышленности.

Что это за новые условия развития нашей промышленности? Откуда они взялись?

Их, этих новых условий, по крайней мере, шесть. Рассмотрим эти условия.

I. Рабочая сила

Речь идет прежде всего об обеспечении предприятий *рабочей силой*. Раньше обычно рабочие сами шли на заводы, на фабрики, — был, стало быть, некий самотек в этом деле. А самотек этот вытекал из того, что была безработица, было расслоение в деревне, была нищета, был страх голода, который гнал людей из деревни в город. Помните формулу: «Бегство мужика из деревни в город»? Что заставляло крестьянина бегать из деревни в город? Страх голода, безработица, то обстоятельство, что де-

ревня была для него мачехой, и он готов был бежать из нее хоть к чорту на рога, лишь бы получить какую-либо работу.

Так или почти так обстояло у нас дело в недавнем прошлом.

Можно ли сказать, что мы имеем теперь такую же точно картину? Нет, нельзя этого сказать. Наоборот, обстановка теперь изменилась в корне. И именно потому, что обстановка изменилась, у нас нет больше самотека рабочей силы. Что же, собственно, изменилось за это время? Во-первых, мы ликвидировали безработицу,— стало быть, мы уничтожили ту силу, которая давила на «рынок труда». Во-вторых, мы подорвали в корне расслоение в деревне,— стало быть, преодолели ту самую массовую нищету, которая гнала крестьянина из деревни в город. Наконец, мы снабдили деревню десятками тысяч тракторов и сельхозмашин, разбили кулака, организовали колхозы и дали крестьянам возможность жить и работать по-человечески. Теперь деревню уже нельзя назвать мачехой для крестьянина. И именно потому, что ее нельзя назвать больше мачехой, крестьянин стал оседать в деревне, и у нас не стало больше ни «бегства мужика из деревни в город», ни самотека рабочей силы.

Вы видите, что мы имеем теперь совершенно новую обстановку и новые условия обеспечения предприятий рабочей силой.

Что же из этого вытекает?

Из этого вытекает, во-первых, то, что нельзя больше рассчитывать на самотек рабочей силы. Значит, от «политики» самотека надо перейти к политике *организованного* набора рабочих для промышленности. Но для этого существует лишь один путь — путь договоров хозяйственных организаций с колхозами и колхозниками. Вы знаете, что на этот путь стали уже некоторые хозяйственные организации и колхозы, причем опыт показал, что практика договоров дает серьезные успехи как для колхозов, так и для промышленных предприятий.

Из этого вытекает, во-вторых, то, что нужно немедленно перейти на *механизацию* наиболее тяжелых процессов труда, развертывая это дело во всю (лесная промышленность, строительное дело, угольная промышленность, погрузка—выгрузка, транспорт, черная металлургия и т. п.). Это не значит, конечно, что нужно якобы забросить ручной труд. Наоборот, ручной труд долго еще будет играть в производстве серьезнейшую роль. Но это значит, что механизация процессов труда является той *новой* для нас и *решающей* силой, без которой невозможно выдержать ни наших темпов, ни новых масштабов производства.

У нас есть еще немало хозяйственников, которые «не верят» ни в механизацию, ни в договоры с колхозами. Это те самые хозяйственники, которые не понимают новой обстановки, не хотят работать по-новому и вздыхают по «старым добрым временам», когда рабочая сила «сама шла» на предприятия. Нечего и говорить, что такие хозяйственники, как небо от земли, далеки от тех новых задач хозяйственного строительства, которые ставит нам новая обстановка. Они, очевидно, думают, что затруднения с рабочей силой представляют случайное явление, что недостаток рабочей силы исчезнет сам, в порядке, так сказать, самотека. Это заблуждение, това-

рищи. Затруднения с рабочей силой не могут исчезнуть сами. Они могут исчезнуть лишь в результате наших собственных усилий.

Итак, *организованно набирать рабочую силу в порядке договоров с колхозами, механизировать труд*— такова задача.

Так обстоит дело с вопросом о первом новом условии развития нашей промышленности. Перейдем к вопросу о втором условии.

II. Зарплата рабочих

Я говорил только что об организованном наборе рабочих для наших предприятий. Но набрать рабочих еще не значит сделать все дело. Для того, чтобы обеспечить наши предприятия рабочей силой, необходимо добиться того, чтобы закрепить рабочих за производством и сделать состав рабочих на предприятии более или менее постоянным. Едва ли нужно доказывать, что без постоянного состава рабочих, более или менее усвоивших технику производства и привыкших к новым механизмам,— невозможно двигаться вперед, невозможно выполнить производственные планы. В противном случае пришлось бы каждый раз заново обучать рабочих и тратить половину времени на их обучение, вместо того, чтобы использовать его для производства. А что у нас происходит теперь на деле? Можно ли сказать, что состав рабочих на предприятиях является у нас более или менее постоянным? Нет, нельзя этого сказать, к сожалению. Наоборот, у нас все еще имеется на предприятиях так называемая *текучесть* рабочей силы. Более того, на ряде предприятий текучесть рабочей силы не только не исчезает, а, наоборот, растет и усиливается. Во всяком случае, мало вы найдете предприятий, где бы не менялся состав рабочих в продолжение полугодия или даже квартала, по крайней мере, на 30—40%.

Раньше, в период восстановления промышленности, когда техническое оборудование было у нас несложное, а масштабы производства невелики,— можно было кое-как «терпеть» так называемую текучесть рабочей силы. Теперь — другое дело. Теперь обстановка изменилась в корне. Теперь, в период развернутой реконструкции, когда масштабы производства стали гигантскими, а техническое оборудование до крайности сложным,— текучесть рабочей силы превратилась в бич производства, дезорганизующий наши предприятия. «Терпеть» теперь текучесть рабочей силы — значит разложить нашу промышленность, уничтожить возможность выполнения производственных планов, подорвать возможность улучшения качества продукции.

Где причины текучести рабочей силы?

В неправильной организации зарплаты, в неправильной тарифной системе, в «левацкой» уравниловке в области зарплаты. В ряде предприятий тарифные ставки установлены у нас таким образом, что почти исчезает разница между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным, между трудом тяжелым и трудом легким. Уравниловка ведет к тому, что неквалифицированный рабочий не заинтересован переходить в квалифицированные и лишен, таким образом, перспективы продвижения вперед, ввиду

чего он чувствует себя «дачиком» на производстве, работающим лишь временно для того, чтобы «подработать» немного и потом уйти куда-либо в другое место «искать счастья». Уравниловка ведет к тому, что квалифицированный рабочий вынужден переходить из предприятия в предприятие для того, чтобы найти, наконец, такое предприятие, где могут оценить квалифицированный труд должным образом.

Отсюда «всеобщее» движение из предприятия в предприятие, текучесть рабочей силы.

Чтобы уничтожить это зло, надо отменить уравниловку и разбить старую тарифную систему. Чтобы уничтожить это зло, надо организовать такую систему тарифов, которая бы учитывала разницу между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным, между трудом тяжелым и трудом легким. Нельзя терпеть, чтобы каталь в черной металлургии получал столько же, сколько подметальщик. Нельзя терпеть, чтобы машинист на железнодорожном транспорте получал столько же, сколько переписчик. Маркс и Ленин говорят, что разница между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным будет существовать даже при социализме, даже после уничтожения классов, что лишь при коммунизме должна исчезнуть эта разница, что, ввиду этого, «зарплата» даже при социализме должна выдаваться по труду, а не по потребности. Но наши уравниловцы из хозяйственников и профсоюзников не согласны с этим и полагают, что эта разница уже исчезла при нашем советском строе. Кто прав — Маркс и Ленин или уравниловцы? Надо полагать, что правы тут Маркс и Ленин. Но из этого следует, что кто строит теперь тарифную систему на «принципах» уравниловки, без учета разницы между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным, тот рвет с марксизмом, рвет с ленинизмом.

В каждой отрасли промышленности, на каждом предприятии, в каждом цехе имеются ведущие группы более или менее квалифицированных рабочих, которых надо закрепить за производством прежде всего и главным образом, если мы действительно хотим обеспечить постоянный состав рабочих на предприятии. Они, эти ведущие группы рабочих, составляют основное звено производства. Закрепить их за предприятием, за цехом — значит закрепить весь состав рабочих, подорвать в корне текучесть рабочей силы. А как их закрепить за предприятием? Их можно закрепить лишь путем выдвижения их вверх, путем поднятия уровня их зарплаты, путем такой организации зарплаты, которая воздает должное квалификации работника. А что значит выдвинуть их вверх и поднять уровень их зарплаты? Это значит, кроме всего прочего, открыть перспективу для неквалифицированных рабочих и дать им стимул для продвижения вверх, для продвижения в разряд квалифицированных. Вы сами знаете, что нам нужны теперь сотни тысяч и миллионы квалифицированных рабочих. Но чтобы создать квалифицированных, надо дать стимул и перспективу необученным рабочим к движению вперед, к продвижению вверх. И чем смелее мы станем на этот путь, тем лучше, ибо в этом основное средство ликвидации текучести рабочей силы. Экономить же в этом деле — значит совершить преступление, идти против интересов нашей социалистической индустрии.

Но это не все.

Для закрепления рабочих за предприятием необходимо еще дальнейшее улучшение снабжения и жилищных условий рабочих. Нельзя отрицать, что в области жилищного строительства и снабжения рабочих сделано за последние годы не мало. Но того, что сделано, совершенно недостаточно для того, чтобы покрыть быстро растущие потребности рабочих. Нельзя ссылаться на то, что раньше жилищ было меньше, чем теперь, и что, ввиду этого, можно успокоиться на достигнутых результатах. Нельзя также ссылаться на то, что раньше снабжение рабочих было куда хуже, чем теперь, и что можно, ввиду этого, довольствоваться существующим положением. Только гнилые и насквозь протухшие люди могут утешаться ссылками на прошлое. Надо исходить не из прошлого, а из растущих потребностей рабочих в настоящем. Нужно понять, что условия существования рабочих изменились у нас в корне. Рабочий ныне — не то, что раньше. Нынешний рабочий, наш советский рабочий, хочет жить с покрытием всех своих материальных и культурных потребностей и в смысле продовольственного снабжения, и в смысле жилищ, и в смысле обеспечения культурных и всяких иных потребностей. Он имеет на это право, и мы обязаны обеспечить ему эти условия. Правда, он не страдает у нас от безработицы, он свободен от ярма капитализма, он больше не раб, а хозяин своего дела. Но этого мало. Он требует обеспечения всех своих материальных и культурных потребностей, и мы обязаны исполнить это его требование. Не забывайте, что мы сами выступаем теперь с известными требованиями к рабочему, — требуем от него трудовой дисциплины, напряженной работы, соревнования, ударничества. Не забывайте, что громадное большинство рабочих приняло эти требования Советской власти с большим подъемом и выполняет их геройски. Не удивляйтесь поэтому, что, осуществляя требования Советской власти, рабочие будут в свою очередь требовать от нее выполнения ее обязательств по дальнейшему улучшению материального и культурного положения рабочих.

Итак, *ликвидировать текучесть рабочей силы, уничтожить уравниловку, правильно организовать зарплату, улучшить бытовые условия рабочих* — такова задача.

Так обстоит дело с вопросом о втором новом условии развития нашей промышленности.

Перейдем к вопросу о третьем условии.

III. Организация труда

Я говорил выше о необходимости ликвидации текучести рабочей силы, о закреплении рабочих на предприятиях. Но закреплением рабочих не исчерпывается все дело. Мало добиться уничтожения текучести. Нужно еще поставить рабочих в такие условия труда, которые бы давали им возможность работать с толком, поднимать производительность, улучшать качество продукции. Нужно, стало быть, организовать труд на предприятиях таким образом, чтобы производительность подымалась из месяца в месяц, из квартала в квартал.

Можно ли сказать, что нынешняя фактическая организация труда на наших предприятиях отвечает современным требованиям производства? К

сожалению, нельзя этого сказать. Во всяком случае, у нас все еще имеется ряд предприятий, где организация труда поставлена из рук вон плохо, где вместо порядка и согласованности в работе имеют место беспорядок и неразбериха, где вместо ответственности за работу царит полная безответственность и *обезличка*.

Что такое обезличка? Обезличка есть отсутствие всякой ответственности за порученную работу, отсутствие ответственности за механизмы, за станки, за инструменты. Понятно, что при обезличке не может быть и речи о сколько-нибудь серьезном подъеме производительности труда, об улучшении качества продукции, о бережном отношении к механизмам, станкам, инструментам. Вы знаете, к чему привела обезличка на железнодорожном транспорте. К таким же результатам приводит она и в промышленности. Мы уничтожили обезличку на железнодорожном транспорте и подняли работу последнего. Мы должны сделать в промышленности то же самое для того, чтобы поднять ее работу на высшую ступень.

Раньше можно было еще кое-как «обходиться» той неправильной организацией труда, которая с удобством уживается с обезличкой и отсутствием ответственности каждого за данную конкретную работу. Теперь — другое дело. Теперь обстановка совершенно другая. При нынешних грандиозных масштабах производства и наличии гигантов-предприятий обезличка является таким бичом промышленности, который создает угрозу для всех наших производственных и организационных достижений на предприятиях.

Как могла укорениться у нас обезличка на ряде предприятий? Она пришла в предприятия как незаконная спутница непрерывки. Было бы неправильно сказать, что непрерывка обязательно влечет за собой обезличку в производстве. При правильной организации труда, при организации ответственности каждого за определенную работу, при наличии прикрепления определенных групп рабочих к механизмам, станкам, при правильной организации смен, не уступающих друг другу по качеству и квалификации, — при этих условиях непрерывка ведет к громадному росту производительности труда, улучшению качества работы, к искоренению обезлички. Так обстоит дело, например, на железнодорожном транспорте, где существует теперь непрерывка, но где нет больше обезлички. Можно ли сказать, что на предприятиях промышленности мы имеем такую же благоприятную картину с непрерывкой? К сожалению, нельзя этого сказать. Дело в том, что на ряде предприятий перешли у нас на непрерывку слишком поспешно, без подготовки соответствующих условий, без должной организации смен, более или менее равноценных по качеству и квалификации, без организации ответственности каждого за данную конкретную работу. А это привело к тому, что непрерывка, предоставленная воле стихии, превратилась в обезличку. В результате мы имеем на ряде предприятий бумажную, словесную непрерывку и не бумажную, реальную обезличку. В результате — отсутствие чувства ответственности за работу, небрежное отношение к механизмам, массовая поломка станков и отсутствие стимула к поднятию производительности труда. Недаром говорят рабочие: «мы бы подняли про-

изводительность труда и улучшили бы дело, но кто нас оценит, когда никто ни за что не отвечает?»

Из этого следует, что кое-кто из наших товарищей поторопились кое-где с введением непрерывки и, поторопившись, извратили непрерывку, превратив ее в обезличку. Для ликвидации этого положения и уничтожения обезлички существуют два выхода. Либо изменить условия проведения непрерывки так, чтобы непрерывка не превращалась в обезличку, по образцу того, как это проделали в отношении железнодорожного транспорта. Либо там, где нет сейчас благоприятных условий для такого опыта, — отбросить прочь бумажную непрерывку, перейти временно на 6-дневную прерывку, как это проделали недавно на Сталинградском тракторном, и подготовить условия к тому, чтобы вернуться потом к действительной, не бумажной непрерывке, вернуться к непрерывке без обезлички.

Других выходов нет.

Не может быть сомнения, что наши хозяйственники достаточно хорошо понимают все это. Но они молчат. Почему? Потому, очевидно, что бояться правды. Но с каких пор большевики стали бояться правды? Разве это не верно, что в ряде предприятий непрерывка превратилась в обезличку, что непрерывка извращена таким образом до последней степени? Спрашивается, кому нужна такая непрерывка? Кто решится сказать, что интересы сохранения этой бумажной и извращенной непрерывки выше интересов правильной организации труда, выше интересов развития производительности труда, выше интересов действительной непрерывки, выше интересов нашей социалистической промышленности? Не ясно ли, что чем скорее похороним бумажную непрерывку, тем скорее добьемся организации действительной, не бумажной непрерывки?

Некоторые товарищи думают, что обезличку можно уничтожить заклинаниями, широковещательными речами. Я знаю, во всяком случае, ряд хозяйственников, которые в своей борьбе с обезличкой ограничиваются тем, что то и дело выступают на собраниях с проклятиями по адресу обезлички, полагая, видимо, что после таких речей обезличка сама должна исчезнуть, так сказать, в порядке самотека. Они глубоко заблуждаются, если они думают, что обезличку можно выжить из практики речами и заклинаниями. Нет, товарищи, обезличка сама никогда не исчезнет. Ее можем и должны уничтожить только мы сами, ибо мы с вами стоим у власти и мы вместе с вами отвечаем за все, в том числе и за обезличку. Я думаю, что было бы гораздо лучше, если бы наши хозяйственные руководители, вместо того, чтобы заниматься речами и заклинаниями, засели на месяц—другой, скажем, на шахте или на заводе, изучили бы все детали и «мелочи» организации труда, уничтожили бы там на деле обезличку и потом распространяли бы опыт данного предприятия на другие предприятия. Это было бы куда лучше. Это было бы действительной борьбой против обезлички, борьбой за правильную, большевистскую организацию труда, борьбой за правильную расстановку сил на предприятии.

Итак, *ликвидировать обезличку, улучшить организацию труда, правильно расставить силы на предприятии* — такова задача.

Так обстоит дело с вопросом о третьем новом условии развития нашей промышленности.

Перейдем к вопросу о четвертом условии.

IV. Вопрос о производственно-технической интеллигенции рабочего класса

Изменилась обстановка также в отношении командного состава промышленности вообще, в отношении инженерно-технического персонала в частности.

Раньше дело обстояло у нас так, что основным источником всей нашей промышленности служила украинская угольно-металлургическая база. Украина снабжала металлом все наши промышленные районы, как Юг, так и Москву и Ленинград. Она же снабжала углем наши основные предприятия в СССР. Я исключаю здесь Урал, так как удельный вес Урала в сравнении с Донбассом представлял незначительную величину. Сообразно с этим мы имели три основных очага выработки командного состава промышленности: Юг, Московский район, Ленинградский район. Понятно, что при таком положении вещей мы могли так или иначе обходиться тем минимумом инженерно-технических сил, которым только и могла тогда располагать наша страна.

Так было в недавнем прошлом.

Но теперь мы имеем совершенно другую обстановку. Теперь ясно, я думаю, что, сохраняя нынешние темпы развития и гигантские масштабы производства, мы уже не в состоянии оборачиваться на одной лишь украинской угольно-металлургической базе. Вы знаете, что нам уже не хватает украинского угля и металла, несмотря на рост их производства. Вы знаете, что мы вынуждены, ввиду этого, создать новую угольно-металлургическую базу на Востоке — Урал-Кузбасс. Вы знаете, что мы эту базу создаем не без успеха. Но этого мало. Нам нужно создать, далее, металлургию в самой Сибири для удовлетворения ее растущих потребностей. И мы ее уже создаем. Нам нужно создать, кроме того, новую базу цветной металлургии в Казакстане, в Туркестане. Нам нужно развить, наконец, широчайшее железнодорожное строительство. Это диктуется интересами СССР в целом — интересами окраинных республик так же, как и интересами центра.

Но из этого следует, что мы не можем уже обходиться тем минимумом инженерно-технических и командных сил промышленности, которым мы обходились раньше. Из этого следует, что старых очагов формирования инженерно-технических сил уже недостаточно, что необходимо создать целую сеть новых очагов — на Урале, в Сибири, в Средней Азии. Нам нужно теперь обеспечить себя втрое, впятеро больше инженерно-техническими и командными силами промышленности, если мы действительно думаем осуществить программу социалистической индустриализации СССР.

Но нам нужны не *всякие* командные и инженерно-технические силы. Нам нужны *такие* командные и инженерно-технические силы, которые способны понять политику рабочего класса нашей страны, способны усвоить эту политику и готовы осуществить ее на совесть. А что это значит? Это значит,

что наша страна вступила в такую фазу развития, когда *рабочий класс должен создать себе свою собственную производственно-техническую интеллигенцию*, способную отстаивать его интересы в производстве, как интересы господствующего класса.

Ни один господствующий класс не обходился без своей собственной интеллигенции. Нет никаких оснований сомневаться в том, что рабочий класс СССР также не может обойтись без своей собственной производственно-технической интеллигенции.

Советская власть учла это обстоятельство и открыла двери высших учебных заведений по всем отраслям народного хозяйства для людей рабочего класса. Вы знаете, что десятки тысяч рабоче-крестьянской молодежи учатся теперь в высших учебных заведениях. Если раньше, при капитализме, высшие учебные заведения являлись монополией барчуков, то теперь, при советском строе, рабоче-крестьянская молодежь составляет там господствующую силу. Нет сомнения, что мы получим скоро из наших учебных заведений тысячи новых техников и инженеров, новых командиров нашей промышленности.

Но это только одна сторона дела. Другая сторона дела состоит в том, что производственно-техническая интеллигенция рабочего класса будет формироваться не только из людей, прошедших высшую школу, — она будет рекрутироваться также из практических работников наших предприятий, из квалифицированных рабочих, из культурных сил рабочего класса на заводе, на фабрике, в шахте. Инициаторы соревнования, вожаки ударных бригад, практические вдохновители трудового подъема, организаторы работ на тех или иных участках строительства — вот новая прослойка рабочего класса, которая и должна составить вместе с прошедшими высшую школу товарищами ядро интеллигенции рабочего класса, ядро командного состава нашей промышленности. Задача состоит в том, чтобы не оттирать этих инициативных товарищей, смелее выдвигать их на командные должности, дать им возможность проявить свои организаторские способности, дать им возможность пополнить свои знания и создать им соответствующую обстановку, не жалея на это денег.

Среди этих товарищей имеется не мало беспартийных. Но это не может служить препятствием к тому, чтобы смелее выдвигать их на руководящие должности. Наоборот, именно их, этих беспартийных товарищей, следует окружать особым вниманием, следует выдвигать на командные должности, чтобы они убедились на деле, что партия умеет ценить способных и талантливых работников. Некоторые товарищи думают, что на руководящие должности на фабриках, на заводах можно выдвигать лишь партийных товарищей. На этом основании они нередко оттирают способных и инициативных беспартийных товарищей, выдвигая на первое место партийцев, хотя и менее способных и неинициативных. Нечего и говорить, что нет ничего глупее и реакционнее сказать, с позволения сказать, «политики». Едва ли нужно доказывать, что такой «политикой» можно лишь дискредитировать партию и оттолкнуть от партии беспартийных рабочих. Наша политика состоит вовсе не в том, чтобы превратить партию в замкнутую каску. Наша политика состоит в том, чтобы между партийными и беспартийными

ми рабочими существовала атмосфера «взаимного доверия», атмосфера «взаимной проверки» (Ленин). Партия наша сильна в рабочем классе, между прочим, потому, что она проводит такую именно политику.

Итак, *добиться того, чтобы у рабочего класса СССР была своя собственная производственно-техническая интеллигенция* — такова задача.

Так обстоит дело с вопросом о четвертом новом условии развития нашей промышленности.

Перейдем к вопросу о пятом условии.

V. Признаки поворота среди старой производственно-технической интеллигенции

По-иному ставится также вопрос об отношении к старой, буржуазной производственно-технической интеллигенции.

Года два назад дело обстояло у нас таким образом, что наиболее квалифицированная часть старой технической интеллигенции была заражена болезнью вредительства. Более того, вредительство составляло тогда своего рода моду. Одни вредили, другие покрывали вредителей, третьи умывали руки и соблюдали нейтралитет, четвертые колебались между Советской властью и вредителями. Конечно, большинство старой технической интеллигенции продолжало работать более или менее лояльно. Но речь идет здесь не о большинстве, а о наиболее квалифицированной части технической интеллигенции.

Чем создавалось вредительское движение, чем оно культивировалось? Обострением классовой борьбы внутри СССР, наступательной политикой Советской власти в отношении капиталистических элементов города и деревни, сопротивлением этих последних политике Советской власти, сложностью международного положения, трудностями колхозного и совхозного строительства. Если активность боевой части вредителей подкреплялась интервенционистскими затеями империалистов капиталистических стран и хлебными затруднениями внутри страны, то колебания другой части старой технической интеллигенции в сторону активных вредителей усиливались модными разговорами троцкистско-меньшевистских болтунов насчет того, что «из колхозов и совхозов все равно ничего не выйдет», «Советская власть все равно перерождается и должна в скором времени пасть», «большевики своей политикой сами способствуют интервенции» и т. д. и т. п. Кроме того, если даже некоторые старые большевики из числа правых уклонистов не устояли против «поветрия» и качнулись в этот период в сторону от партии, то нет оснований удивляться тому, что известная часть старой технической интеллигенции, никогда не нюхавшей большевизма, тоже, с божьей помощью, колебнулась.

Понятно, что при таком положении вещей Советская власть могла практиковать лишь одну единственную политику в отношении старой технической интеллигенции — политику *разгрома* активных вредителей, *расслоения* нейтральных и *привлечения* лояльных.

Так было год—два назад.

Можно ли сказать, что мы имеем теперь такую же точно обстановку? Нет, нельзя этого сказать. Наоборот, у нас сложилась теперь совершенно другая обстановка. Начать с того, что мы разбили и с успехом преодолеваем капиталистические элементы города и деревни. Конечно, это не может радовать старую интеллигенцию. Очень вероятно, что они все еще выражают соболезнование своим разбитым друзьям. Но не бывает того, чтобы сочувствующие и, тем более, нейтральные и колеблющиеся добровольно согласились разделить судьбу своих активных друзей, после того, как эти последние потерпели жестокое и непоправимое поражение. Далее, мы преодолели хлебные затруднения, и не только преодолели, но вывозим за границу такое количество хлеба, какого не вывозили еще за время существования Советской власти. Стало быть, отпадает и этот «аргумент» колеблющихся. Далее, теперь даже слепые видят, что на фронте колхозного и совхозного строительства мы определенно победили, добившись величайших успехов. Стало быть, самое главное в «арсенале» старой интеллигенции ушло в пропасть. Что касается интервенционистских упований буржуазной интеллигенции, то надо признать, что они оказались, — пока, по крайней мере, — домиком, построенным на песке. В самом деле, шесть лет сулили интервенцию и ни разу не попытались интервенировать. Пора признать, что нашу прозорливую буржуазную интеллигенцию просто водили за нос. Я уже не говорю о том, что само поведение активных вредителей на известном судебном процессе в Москве должно было развенчать и действительно развенчало идею вредительства.

Понятно, что эти новые обстоятельства не могли остаться без влияния на нашу старую техническую интеллигенцию. Новая обстановка должна была создать и действительно создала новые настроения среди старой технической интеллигенции. Этим, собственно, и объясняется тот факт, что мы имеем определенные признаки поворота известной части этой интеллигенции, ранее сочувствовавшей вредителям, в сторону Советской власти. Тот факт, что не только этот слой старой интеллигенции, но даже определенные вчерашние вредители, значительная часть вчерашних вредителей начинает работать на ряде заводов и фабрик заодно с рабочим классом, — этот факт с несомненностью говорит о том, что поворот среди старой технической интеллигенции уже начался. Это не значит, конечно, что у нас нет больше вредителей. Нет, не значит. Вредители есть и будут, пока есть у нас классы, пока имеется капиталистическое окружение. Но это значит, что коль скоро значительная часть старой технической интеллигенции, так или иначе сочувствовавшая ранее вредителям, повернула теперь в сторону Советской власти, — активных вредителей осталось небольшое количество, они изолированы и они должны будут уйти до поры до времени в глубокое подполье.

Но из этого следует, что сообразно с этим должна измениться и наша политика в отношении старой технической интеллигенции. Если в период разгара вредительства наше отношение к старой технической интеллигенции выражалось главным образом в политике разгрома, то теперь, в период поворота этой интеллигенции в сторону Советской власти, наше отношение к ней должно выражаться, главным образом, в политике привлечения

и заботы о ней. Было бы неправильно и недиалектично продолжать старую политику при новых, изменившихся условиях. Было бы глупо и неразумно рассматривать теперь чуть ли не каждого специалиста и инженера старой школы, как не пойманного преступника и вредителя. «Спецеество» всегда считалось и остается у нас вредным и позорным явлением.

Итак, изменить отношение к инженерно-техническим силам старой школы, проявлять к ним побольше внимания и заботы, смелее привлекать их к работе— такова задача.

Так обстоит дело с вопросом о пятом новом условии развития нашей промышленности.

Перейдем к вопросу о последнем условии.

VI. О хозрасчете

Картина была бы неполной, если бы я не коснулся еще одного нового условия. Речь идет об источниках накопления для промышленности, для народного хозяйства, об усилении темпов этого накопления. В чем состоит новое и особенное в развитии нашей промышленности с точки зрения накопления? В том, что старых источников накопления начинает уже нехватать для дальнейшего разворачивания промышленности. В том, что необходимо, стало быть, нащупать новые источники накопления и усилить старые, если мы действительно хотим сохранить и развить большевистские темпы индустриализации.

Из истории капиталистических стран известно, что ни одно молодое государство, желавшее поднять на высшую ступень свою индустрию, не обходилось без помощи извне в виде долгосрочных кредитов или займов. Исходя из этого, капиталисты западных стран начисто отказали нашей стране в кредитах и займах, полагая, что отсутствие кредитов и займов наверняка подрежет индустриализацию нашей страны. Но капиталисты ошиблись. Они не учли того, что наша страна, в отличие от стран капиталистических, располагает некоторыми особыми источниками накопления, достаточными для того, чтобы восстановить и развить дальше индустрию. И действительно, мы не только восстановили промышленность, не только восстановили сельское хозяйство и транспорт, но мы успели уже поставить на рельсы грандиозное дело реконструкции тяжелой промышленности, сельского хозяйства, транспорта. Понятно, что на это дело ушли у нас десятки миллиардов рублей. Откуда черпались эти миллиарды? Из легкой промышленности, из сельского хозяйства, из бюджетных накоплений. Так шло у нас дело до последнего времени. Совершенно по-иному обстоит дело теперь. Если раньше хватало старых источников накопления для реконструкции промышленности и транспорта, то теперь их начинает уже явным образом нехватать. Дело идет теперь не о том, чтобы реконструировать старую промышленность. Дело идет о создании новой, технически вооруженной, промышленности на Урале, в Сибири, Казакстане. Дело идет о создании нового крупного сельско-хозяйственного производства в зерновых, животноводческих и сырьевых районах СССР. Дело идет о создании новой железнодорожной сети между Востоком и Западом СССР. Понятно, что старых источников накопления не может хватить на это грандиозное дело.

Но это не все. К этому надо добавить то обстоятельство, что благодаря бесхозяйственному ведению дела принципы хозрасчета оказались совершенно подорванными в целом ряде наших предприятий и хозяйственных организаций. Это факт, что в ряде предприятий и хозяйственных организаций давно уже перестали считать, калькулировать, составлять обоснованные балансы доходов и расходов. Это факт, что в ряде предприятий и хозяйственных организаций понятия: «режим экономии», «сокращение непроизводительных расходов», «рационализация производства» — давно уже вышли из моды. Очевидно, они рассчитывают на то, что Госбанк «все равно нам выдаст необходимые суммы». Это факт, что за последнее время себестоимость на целом ряде предприятий стала повышаться. Им дано задание снизить себестоимость на 10 и больше процентов, а они ее повышают. А что такое снижение себестоимости? Вы знаете, что каждый процент снижения себестоимости означает накопление внутри промышленности в 150—200 млн. руб. Ясно, что повышать себестоимость при этих условиях — значит терять для промышленности и всего народного хозяйства сотни миллионов рублей.

Из всего этого следует, что нельзя уже больше оборачиваться на одной лишь легкой промышленности, на одних лишь бюджетных накоплениях, на одних лишь доходах от сельского хозяйства. Легкая промышленность представляет богатейший источник накопления, и она имеет теперь все шансы развиваться дальше, но источник этот не беспределен. Сельское хозяйство представляет не менее богатый источник накопления, но оно само нуждается теперь, в период его реконструкции, в финансовой помощи от государства. Что касается бюджетных накоплений, то сами знаете, что они не могут и не должны быть беспредельными. Что же остается? Остается тяжелая промышленность. Стало быть, надо добиться того, чтобы тяжелая промышленность — и прежде всего ее машиностроительная часть — также давала накопления. Стало быть, усиливая и разворачивая старые источники накопления, нужна добиться того, чтобы тяжелая промышленность — и прежде всего машиностроение — также давала накопление.

В этом выход.

А что для этого требуется? Уничтожение бесхозяйственности, мобилизация внутренних ресурсов промышленности, внедрение и укрепление хозрасчета во всех наших предприятиях, систематическое снижение себестоимости, усиление внутрипромышленного накопления во всех без исключения отраслях промышленности.

Таков путь к выходу.

Итак, *внедрить и укрепить хозрасчет, поднять внутрипромышленное накопление* — такова задача.

VII. По-новому работать, по-новому руководить

Таковы, товарищи, новые условия развития нашей промышленности.

Значение этих новых условий состоит в том, что они создают для промышленности новую обстановку, требующую новых приемов работы, новых приемов руководства.

Итак:

а) Выходит, таким образом, что нельзя уже рассчитывать больше по-старому на самотек рабочей силы. Чтобы обеспечить промышленность рабочей силой, надо ее набирать организованным порядком, надо механизировать труд. Думать, что можно обойтись без механизации при наших темпах работы и масштабах производства,— значит надеяться на то, что можно вычерпать море ложкой.

б) Выходит, далее, что нельзя дальше терпеть текучесть рабочей силы в промышленности. Чтобы избавиться от этого зла, надо организовать зарплату по-новому и сделать состав рабочих на предприятиях более или менее постоянным

в) Выходит, дальше, что нельзя больше терпеть обезличку в производстве. Чтобы избавиться от этого зла, надо по-новому организовать труд, надо расставить силы таким образом, чтобы каждая группа рабочих отвечала за работу, за механизмы, за станки, за качество работы.

г) Выходит, далее, что невозможно больше по-старому обходиться тем минимумом старых инженерно-технических сил, который мы унаследовали от буржуазной России. Чтобы поднять нынешние темпы и масштабы производства, нужно добиться того, чтобы у рабочего класса была своя собственная производственно-техническая интеллигенция.

д) Выходит, дальше, что нельзя по-старому валить в одну кучу всех специалистов и инженерно-технические силы старой школы. Чтобы учесть изменившуюся обстановку, надо изменить нашу политику и проявить максимум заботы в отношении тех специалистов и инженерно-технических сил, которые определенно поворачивают в сторону рабочего класса.

е) Выходит, наконец, что нельзя по-старому оборачиваться на старых источниках накопления. Чтобы обеспечить дальнейшее развертывание промышленности и сельского хозяйства, нужно добиться того, чтобы пустить в дело новые источники накопления, ликвидировать бесхозяйственность, внедрить хозрасчет, снизить себестоимость и поднять внутри-промышленное накопление.

Таковы новые условия развития промышленности, требующие новых приемов работы, новых приемов руководства хозяйственным строительством.

Что требуется для того, чтобы наладить руководство по-новому?

Для этого требуется прежде всего, чтобы наши хозяйственные руководители поняли новую обстановку, изучили конкретно новые условия развития промышленности и перестроили свою работу сообразно с требованиями новой обстановки.

Для этого требуется, далее, чтобы наши хозяйственные руководители руководили предприятиями не «вообще», не «с воздуха», а конкретно, предметно, чтобы они подходили к каждому вопросу не с точки зрения общей болтовни, а строго деловым образом, чтобы они не ограничивались бумажной отпиской или общими фразами и лозунгами, а входили в технику дела, вникали в детали дела, вникали в «мелочи», ибо из «мелочей» строятся теперь великие дела.

Для этого требуется, далее, чтобы наши нынешние громоздкие объединения, имеющие иногда в своем составе 100—200 предприятий,— ра-

зукрупнить немедленно и разбить на несколько объединений. Понятно, что председатель объединения, имеющий дело с сотней и больше заводов, не может по-настоящему знать этих заводов, их возможностей, их работы. Понятно, что, не зная заводов, он не в состоянии руководить ими. Стало быть, чтобы дать возможность председателям объединений по-настоящему изучить заводы и руководить ими, надо их разгрузить от излишка заводов, надо разбить объединения на несколько объединений и приблизить объединения к заводам.

Для этого требуется, далее, чтобы наши объединения перешли от коллегиального управления к управлению единоличному. Сейчас дело обстоит так, что в коллегиях объединений сидят по 10—15 человек и пишут бумаги, ведут дискуссию. Управлять так дальше нельзя, товарищи. Надо прекратить бумажное «руководство» и переключиться на действительную, деловую, большевистскую работу. Пусть остается во главе объединения председатель объединения и несколько заместителей. Этого будет вполне достаточно для управления объединением. Остальных членов коллегии лучше было бы спустить вниз — на заводы и фабрики. Это было бы куда полезнее и для них и для дела.

Для этого требуется, далее, чтобы председатели объединений и их заместители почаще объезжали заводы, подольше оставались там для работы, получше знакомились с заводскими работниками и не только учили местных людей, но и учились у них. Думать, что можно руководить теперь из канцелярии, сидя в конторе, вдали от заводов, — значит заблуждаться. Чтобы руководить заводами, надо почаще общаться с работниками предприятий, надо поддерживать с ними живую связь.

Наконец, два слова о нашем производственном плане на 1931 г. Существуют некоторые околопартийные обыватели, которые уверяют, что наша производственная программа нереальна, невыполнима. Это нечто вроде «премудрых пескарей» Щедрина, которые всегда готовы распространять вокруг себя «пустоту недомыслия». Реальна ли наша производственная программа? Безусловно, да! Она реальна хотя бы потому, что у нас есть налицо все необходимые условия для ее осуществления. Она реальна хотя бы потому, что ее выполнение зависит теперь исключительно от нас самих, от нашего умения и нашего желания использовать имеющиеся у нас богатейшие возможности. Чем же иначе объяснить тот факт, что целый ряд предприятий и отраслей промышленности уже *перевыполнил* план? Было бы глупо думать, что производственный план сводится к перечню цифр и заданий. На самом деле производственный план есть живая и практическая деятельность миллионов людей. Реальность нашего производственного плана — это миллионы трудящихся, творящие новую жизнь. Реальность нашей программы — это живые люди, *это* мы с вами, наша воля к труду, наша готовность работать по-новому, наша решимость выполнить план. Есть ли у нас она, эта самая решимость? Да, есть. Стало быть, наша производственная программа может и должна быть осуществлена.

«Вопросы ленинизма», стр. 448—466, изд. 10-е.

*И. Сталин. БЕСЕДА С НЕМЕЦКИМ ПИСАТЕЛЕМ
ЭМИЛЕМ ЛЮДВИГОМ. 13 декабря 1931 г.*

Людвиг. Я Вам чрезвычайно признателен за то, что Вы нашли возможным меня принять. В течение более 20 лет я изучаю жизнь и деятельность выдающихся исторических личностей. Мне кажется, что я хорошо разбираюсь в людях, но зато я ничего не понимаю в социально-экономических условиях.

Сталин. Вы скромничаете.

Людвиг. Нет, это действительно так. И именно поэтому я буду задавать вопросы, которые быть может Вам покажутся странными. Сегодня, здесь, в Кремле, я видел некоторые реликвии Петра Великого, и первый вопрос, который я хочу Вам задать, следующий: допускаете ли Вы параллель между собой и Петром Великим? Считаете ли Вы себя продолжателем дела Петра Великого?

Сталин. Ни в каком роде. Исторические параллели всегда рискованны. Данная параллель бессмысленна.

Людвиг. Но ведь Петр Великий очень много сделал для развития своей страны, для того, чтобы перенести в Россию западную культуру.

Сталин. Да, конечно, Петр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры. Что касается меня, то я только ученик Ленина и моя цель — быть достойным его учеником. Задача, которой я посвящаю свою жизнь, состоит в возвышении другого класса, а именно — рабочего класса. Задачей этой является не укрепление какого-либо национального государства, а укрепление государства социалистического, и значит — интернационального, причем всякое укрепление этого государства содействует укреплению всего международного рабочего класса. Если бы каждый шаг в моей работе по возвышению рабочего класса и укреплению социалистического государства этого класса не был направлен на то, чтобы укреплять и улучшать положение рабочего класса, то я считал бы свою жизнь бесцельной.

Вы видите, что Ваша параллель не подходит.

Что касается Ленина и Петра Великого, то последний был каплей в море, а Ленин — целый океан.

Людвиг. Марксизм отрицает выдающуюся роль личности в истории. Не видите ли Вы противоречия между материалистическим пониманием истории и тем, что Вы все-таки признаете выдающуюся роль исторических личностей?

Сталин. Нет, противоречия здесь нет. Марксизм вовсе не отрицает роли выдающихся личностей или того, что люди делают историю. У Маркса, в его «Нищете философии» и других произведениях, Вы можете найти слова о том, что именно люди делают историю. Но, конечно, люди делают историю не так, как им подсказывает какая-нибудь фантазия, не так, как им придет в голову. Каждое новое поколение встречается с определенными условиями, уже имевшимися в готовом виде в момент, когда это поколение родилось. И великие люди стоят чего-нибудь только постольку, поскольку они умеют правильно понять эти условия, понять, как их изменить. Если они этих условий не понимают и хотят эти условия изменить так, как им подсказывает их фантазия, то они, эти люди, попадают в положение Дон-Кихота. Таким образом, как раз по Марксу, вовсе не следует противопоставлять людей условиям. Именно люди, но лишь поскольку они правильно понимают условия, которые они застали в готовом виде, и лишь поскольку они понимают, как эти условия изменить,— делают историю. Так, по крайней мере, понимаем Маркса мы, русские большевики. А мы изучали Маркса не один десяток лет.

Людвиг. Лет 30 тому назад, когда я учился в университете, многочисленные немецкие профессора, считавшие себя сторонниками материалистического понимания истории, внушали нам, что марксизм отрицает роль героев, роль героических личностей в истории.

Сталин. Это были вульгаризаторы марксизма. Марксизм никогда не отрицал роли героев. Наоборот, роль эту он признает значительной, однако, с теми оговорками, о которых я только что говорил.

Людвиг. Вокруг стола, за которым мы сидим, 16 стульев. За границей, с одной стороны, знают, что СССР — страна, в которой все должно решаться коллегиально, а, с другой стороны, знают, что все решается единолично. Кто же решает?

Сталин. Нет, единолично нельзя решать. Единоличные решения всегда или почти всегда — однобокие решения. Во всякой коллегии, во всяком коллективе имеются люди, с мнением которых надо считаться. Во всякой коллегии, во всяком коллективе имеются люди, могущие высказать и неправильные мнения. На основании опыта трех революций мы знаем, что приблизительно из 100 единоличных решений, не проверенных, не исправленных коллективно, 90 решений — однобокие. В нашем руководящем органе, в Центральном комитете нашей партии, который руководит всеми нашими советскими и партийными организациями, имеется около 70 членов. Среди этих 70 членов ЦК имеются наши лучшие промышленники, наши лучшие кооператоры, наши лучшие снабженцы, наши лучшие военные, наши лучшие пропагандисты, наши лучшие агитаторы, наши лучшие знатоки совхозов, наши лучшие знатоки колхозов, наши лучшие знатоки индивидуального крестьянского хозяйства, наши лучшие знатоки народностей Советского Союза и национальной политики. В этом ареопаге сосредоточена мудрость нашей партии. Каждый имеет возможность исправить чье-либо единоличное мнение, предложение. Каждый имеет возможность внести свой опыт. Если бы этого не было, если бы решения принимались единолично, мы имели бы в своей работе серьезнейшие ошибки. Поскольку же каждый имеет возможность исправлять ошибки отдельных лиц, и поскольку мы считаемся с

этимися исправлениями, наши решения получаются более или менее правильными.

Людвиг. За Вами десятки лет подпольной работы. Вам приходилось подпольно перевозить и оружие, и литературу, и т. д. Не считаете ли Вы, что враги советской власти могут заимствовать Ваш опыт и бороться с советской властью теми же методами?

Сталин. Это, конечно, вполне возможно.

Людвиг. Не в этом ли причина строгости и беспощадности Вашей власти в борьбе с ее врагами?

Сталин. Нет, главная причина не в этом. Можно привести некоторые исторические примеры. Когда большевики пришли к власти, они сначала проявляли по отношению к своим врагам мягкость. Меньшевики продолжали существовать легально и выпускали свою газету. Эсеры также продолжали существовать легально и имели свою газету. Даже кадеты продолжали издавать свою газету. Когда генерал Краснов организовал контрреволюционный поход на Ленинград и попал в наши руки, то по условиям военного времени мы могли его по меньшей мере держать в плену, более того, мы должны были бы его расстрелять. А мы его выпустили «на честное слово». И что же? Вскоре выяснилось, что подобная мягкость только подрывает крепость советской власти. Мы совершили ошибку, проявляя подобную мягкость по отношению к врагам рабочего класса. Если бы мы повторили и дальше эту ошибку, мы совершили бы преступление по отношению к рабочему классу, мы предали бы его интересы. И это вскоре стало совершенно ясно. Очень скоро выяснилось, что чем мягче мы относимся к нашим врагам, тем больше сопротивления эти враги оказывают. Вскоре правые эсеры — Гоц и др. и правые меньшевики организовали в Ленинграде контрреволюционное выступление юнкеров, в результате которого погибло много наших революционных матросов. Тот же Краснов, которого мы выпустили «на честное слово», организовал белогвардейских казаков. Он объединился с Мамоновым и в течение двух лет вел вооруженную борьбу против советской власти. Вскоре оказалось, что за спиной этих белых генералов стояли агенты западных капиталистических государств — Франции, Англии, Америки, Японии. Мы убедились в том, как мы ошибались, проявляя мягкость. Мы поняли из опыта, что с этими врагами можно справиться лишь в том случае, если применять к ним самую беспощадную политику подавления.

Людвиг. Мне кажется, что значительная часть населения Советского Союза испытывает чувство страха, боязни перед советской властью, и что на этом чувстве страха в определенной мере покоится устойчивость советской власти. Мне хотелось бы знать, какое душевное состояние создается у Вас лично при сознании, что в интересах укрепления власти надо внушать страх. Ведь в общении с Вашими товарищами, с Вашими друзьями Вы действуете совсем иными методами, а не методами внушения боязни, а населению внушается страх.

Сталин. Вы ошибаетесь. Впрочем, Ваша ошибка — ошибка многих. Неужели Вы думаете, что можно было бы в течение 14 лет удерживать власть и иметь поддержку миллионных масс благодаря методу запугивания, устрашения? Нет, это невозможно. Лучше всех умело запугивать царское

правительство. Оно обладало в этой области громадным старым опытом. Европейская, в частности французская, буржуазия всячески помогала в этом царизму и учила его устрашать народ. Несмотря на этот опыт, несмотря на помощь европейской буржуазии, политика устрашения привела к разгрому царизма.

Людвиг. Но ведь Романовы продержались 300 лет.

Сталин. Да, но сколько было восстаний и возмущений на протяжении этих 300 лет: восстание Стеньки Разина, восстание Емельяна Пугачева, восстание декабристов, революция 1905 г., революция в феврале 1917 г., Октябрьская революция. Я уже не говорю о том, что нынешние условия политической и культурной жизни страны в корне отличаются от условий старого времени, когда темнота, некультурность, покорность и политическая забитость масс давали возможность тогдашним «правителям» оставаться у власти на более или менее продолжительный срок.

Что касается народа, что касается рабочих и крестьян СССР, то они вовсе не такие смиренные, покорные и запуганные, какими Вы себе их представляете. В Европе многие представляют себе людей в СССР по-старинке, думая, что в России живут люди, во-первых, покорные, во-вторых, ленивые. Это устарелое и в корне неправильное представление. Оно создалось в Европе с тех времен, когда стали наезжать в Париж русские помещики, транжирили там награбленные деньги и бездельничали. Это были действительно безвольные и никчемные люди. Отсюда делались выводы о «русской лени». Но это ни в какой мере не может касаться русских рабочих и крестьян, которые добывали и добывают средства к жизни своим собственным трудом. Довольно странно считать покорными и ленивыми русских крестьян и рабочих, проделавших в короткий срок три революции, разгромивших царизм и буржуазию и победоносно строящих ныне социализм.

Вы только что спрашивали меня, решает ли у нас все один человек. Никогда, ни при каких условиях, наши рабочие не потерпели бы теперь власти одного лица. Самые крупные авторитеты сходят у нас на-нет, превращаются в ничто, как только им перестают доверять рабочие массы, как только они теряют контакт с рабочими массами. Плеханов пользовался совершенно исключительным авторитетом. И что же? Как только он стал политически хромать, рабочие его забыли, отошли от него и забыли его. Другой пример: Троцкий. Троцкий тоже пользовался большим авторитетом, конечно, далеко не таким, как Плеханов. И что же? Как только он отошел от рабочих, его забыли.

Людвиг. Совсем забыли?

Сталин. Вспоминают иногда — со злобой.

Людвиг. Все со злобой?

Сталин. Что касается наших сознательных рабочих, то они вспоминают о Троцком со злобой, с раздражением, с ненавистью.

Конечно, имеется некоторая небольшая часть населения, которая действительно боится советской власти и борется с ней. Я имею в виду остатки умирающих, ликвидируемых классов и прежде всего незначительную часть крестьянства, — кулачество. Но тут речь идет не только о политике устрашения, которая действительно существует. Всем изве-

стно, что мы, большевики, не ограничиваемся здесь устрашением и идем дальше, ведя дело к ликвидации этой буржуазной прослойки.

Но если взять трудящееся население СССР, рабочих и трудящихся крестьян, представляющих не менее 90% населения, то они стоят за советскую власть и подавляющее большинство их активно поддерживает советский режим. А поддерживают они советский строй потому, что этот строй обслуживает коренные интересы рабочих и крестьян. В этом основа прочности советской власти, а не в политике так называемого устрашения.

Людвиг. Я Вам очень благодарен за этот ответ. Прошу Вас извинить меня, если я Вам задам вопрос, могущий Вам показаться странным. В Вашей биографии имеются моменты, так сказать, «разбойных» выступлений. Интересовались ли Вы личностью Степана Разина? Каково Ваше отношение к нему, как «идейному разбойнику»?

Сталин. Мы, большевики, всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев и др. Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета. Для нас всегда представляло интерес изучение истории первых попыток подобных восстаний крестьянства. Но, конечно, какую-нибудь аналогию с большевиками тут нельзя проводить. Отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели. Кроме того, говоря о Разине и Пугачеве, никогда не надо забывать, что они были царистами: они выступали против помещиков, но за «хорошего царя». Ведь таков был их лозунг. Как видите, аналогия с большевиками никак не подходит. *Людвиг.* Разрешите задать Вам несколько вопросов из Вашей биографии. Когда я был у Масарика, то он мне заявил, что осознал себя социалистом уже с 6-летнего возраста. Что и когда сделало Вас социалистом?

Сталин. Я не могу утверждать, что у меня уже с 6 лет была тяга к социализму. И даже не с 10 или с 12 лет. В революционное движение я вступил с 15-летнего возраста, когда я связался с подпольными группами русских марксистов, проживавших тогда в Закавказье. Эти группы имели на меня большое влияние и привили мне вкус к подпольной марксистской литературе.

Людвиг. Что Вас толкнуло на оппозиционность? Быть может плохое обращение со стороны родителей?

Сталин. Нет. Мои родители были необразованные люди, но обращались они со мной совсем не плохо. Другое дело духовная семинария, где я учился тогда. Из протеста против издевательского режима и иезуитских методов, которые имелись в семинарии, я готов был стать и действительно стал революционером, сторонником марксизма, как действительно революционного учения.

Людвиг. Но разве Вы не признаете положительных качеств иезуитов?

Сталин. Да, у них есть систематичность, настойчивость в работе. Но основной их метод — это слежка, шпионаж, залезание в душу, издевательство,— что может быть в этом положительного? Например, слежка в пансионате: в 9 часов звонок к чаю, уходим в столовую, а когда возвращаемся к себе в комнаты, оказывается, что уже за это время обыскали и перепотрошили все наши вещевые ящики... Что может быть в этом положительного?

Людвиг. Я наблюдаю в Советском Союзе исключительное уважение ко всему американскому, я бы сказал даже преклонение перед всем американским, т. е. перед страной доллара, самой последовательной капиталистической страной. Эти чувства имеются и в Вашем рабочем классе, и относятся они не только к тракторам и автомобилям, но и к американцам вообще. Чем Вы это объясняете?

Сталин. Вы преувеличиваете. У нас нет никакого особого уважения ко всему американскому. Но мы уважаем американскую деловитость во всем,— в промышленности, в технике, в литературе, в жизни. Никогда мы не забываем о том, что САСШ — капиталистическая страна. Но среди американцев много здоровых людей в духовном и физическом отношении, здоровых по всему своему подходу к работе, к делу. Этой деловитости, этой простоте мы и сочувствуем. Несмотря на то, что Америка высоко развитая капиталистическая страна, там нравы в промышленности, навыки в производстве содержат нечто от демократизма, чего нельзя сказать о старых европейских капиталистических странах, где все еще живет дух барства феодальной аристократии.

Людвиг. Вы даже не подозреваете, как Вы правы.

Сталин. Как знать, может быть и подозреваю. Несмотря на то, что феодализм, как общественный порядок, давно уже разбит в Европе, значительные пережитки его продолжают существовать и в быту и в нравах. Феодальная среда продолжает выделять и техников, и специалистов, и ученых, и писателей, которые вносят барские нравы в промышленность, в технику, науку, литературу. Феодальные традиции не разбиты до конца. Этого нельзя сказать об Америке, которая является страной «свободных колонизаторов», без помещиков, без аристократов. Отсюда крепкие и сравнительно простые американские нравы в производстве. Наши рабочие-хозяйственники, побывавшие в Америке, сразу подметили эту черту. Они не без некоторого приятного удивления рассказывали, что в Америке в процессе производства трудно отличить с внешней стороны инженера от рабочего. И это им нравится, конечно. Совсем другое дело в Европе.

Но если уже говорить о наших симпатиях к какой-либо нации, или вернее к большинству какой-либо нации, то, конечно, надо говорить о наших симпатиях к немцам. С этими симпатиями не сравнить наших чувств к американцам!

Людвиг. Почему именно к немецкой нации?

Сталин. Я прежде всего констатирую это, как факт.

Людвиг. За последнее время среди некоторых немецких политиков наблюдаются серьезные опасения, что политика традиционной дружбы СССР и Германии будет оттеснена на задний план. Эти опасения возник-

ли в связи с переговорами СССР с Польшей. Если бы в результате этих переговоров признание нынешних границ Польши со стороны СССР стало бы фактом, то это означало бы тяжелое разочарование для всего германского народа, который до сих пор считает, что СССР борется против версальской системы и не собирается ее признавать.

Сталин. Я знаю, что среди некоторых немецких государственных деятелей наблюдается известное недовольство и тревога по поводу того, как бы Советский Союз в своих переговорах или в каком-либо договоре с Польшей не совершил шаг, который означал бы, что Советский Союз дает свою санкцию, гарантию владениям и границам Польши. По моему мнению, эти опасения ошибочны. Мы всегда заявляли о нашей готовности заключить с любым государством пакт о ненападении. С рядом государств мы уже заключили эти пакты. Мы заявляли открыто о своей готовности подписать подобный пакт и с Польшей. Если мы заявляем, что мы готовы подписать пакт о ненападении с Польшей, то мы это делаем не ради фразы, а для того, чтобы действительно такой пакт подписать. Мы политики, если хотите, особого рода. Имеются политики, которые сегодня обещают или заявляют одно, а на следующий день либо забывают, либо отрицают то, о чем они заявляли, и при этом даже не краснеют. Так мы не можем поступать. То, что делается во-вне, неизбежно становится известным и внутри страны, становится известным всем рабочим и крестьянам. Если бы мы говорили одно, а делали другое, то мы потеряли бы наш авторитет. В момент, когда поляки заявили о своей готовности вести с нами переговоры о пакте о ненападении, мы, естественно, согласились и приступили к переговорам.

Что является с точки зрения немцев наиболее опасным из того, что может произойти? Изменение отношений к немцам, их ухудшение? Но для этого нет никаких оснований. Мы точно так же, как и поляки, должны заявить в пакте, что не будем применять насилия, нападения для того, чтобы изменить границы Польши, СССР или нарушить их независимость. Так же, как мы даем это обещание полякам, точно так же и они дают нам такое же обещание. Без такого пункта о том, что мы не собираемся вести войны, чтобы нарушить независимость или целостность границ наших государств, без подобного пункта нельзя заключать пакт. Без этого нечего и говорить о пакте. Таков максимум того, что мы можем сделать. Является ли это признанием версальской системы? Нет. Или может быть это является гарантированием границ? Нет. Мы никогда не были гарантами Польши и никогда ими не станем, так же как Польша не была и не будет гарантом наших границ. Наши дружественные отношения к Германии остаются такими же, какими были до сих пор. Таково мое твердое убеждение.

Таким образом, опасения, о которых Вы говорите, совершенно необоснованы. Опасения эти возникли на основании слухов, которые распространялись некоторыми поляками и французами. Эти опасения исчезнут, когда мы опубликуем пакт, если он будет подписан Польшей. Все увидят, что он не содержит ничего против Германии.

Людвиг. Я Вам очень благодарен за это заявление. Разрешите задать Вам следующий вопрос: Вы говорите об «уравниловке», причем это слово имеет определенный иронический оттенок по отношению ко всеобщему уравни-

нию. Но ведь всеобщее уравнивание является социалистическим идеалом.

Сталин. Такого социализма, при котором все люди получали бы одну и ту же плату, одинаковое количество мяса, одинаковое количество хлеба, носили бы одни и те же костюмы, получали бы одни и те же продукты в одном и там же количестве,— такого социализма марксизм не знает. Марксизм говорит лишь одно: пока окончательно не уничтожены классы, и пока труд не стал из средства для существования первой потребностью жизни, добровольным трудом на общество, люди будут оплачиваться за свою работу по труду. «От каждого по его способностям, каждому по его труду»,— такова марксистская формула социализма, т. е. формула первой стадии коммунизма, первой стадии коммунистического общества. Только на высшей стадии коммунизма, только при высшей фазе коммунизма каждый, трудясь в соответствии со своими способностями, будет получать за свой труд в соответствии со своими потребностями. «От каждого по способностям, каждому по потребностям».

Совершенно ясно, что разные люди имеют и будут иметь при социализме разные потребности. Социализм никогда не отрицал разницу во вкусах, в количестве и качестве потребностей. Прочтите, как Маркс критиковал Штирнера за его тенденции к уравниловке, прочтите марксову критику Готской программы 1875 г., прочтите последующие труды Маркса, Энгельса, Ленина, и Вы увидите, с какой резкостью они нападают на уравниловку. Уравниловка имеет своим источником крестьянский образ мышления, психологию дележки всех благ поровну, психологию примитивного крестьянского «коммунизма». Уравниловка не имеет ничего общего с марксистским социализмом. Только люди, не знакомые с марксизмом, могут представлять себе дело так примитивно, будто русские большевики хотят собрать воедино все блага и затем разделить их поровну. Так представляют себе дело люди, не имеющие ничего общего с марксизмом. Так представляли себе коммунизм люди вроде примитивных «коммунистов» времен Кромвеля и Французской революции. Но марксизм и русские большевики не имеют ничего общего с подобными уравниловскими «коммунистами».

Людвиг. Вы курите папиросу. Где Ваша легендарная трубка, г-н Сталин? Вы сказали когда-то, что слова и легенды проходят, дела остаются. Но поверьте, что миллионы за границей, не знающие о некоторых Ваших словах и делах, знают о Вашей легендарной трубке.

Сталин. Я забыл трубку дома.

Людвиг. Я задам Вам один вопрос, который Вас может сильно поразить.

Сталин. Мы, русские большевики, давно разучились поражаться.

Людвиг. Да и мы в Германии тоже.

Сталин. Да, Вы скоро перестанете поражаться в Германии.

Людвиг. Мой вопрос следующий: Вы неоднократно подвергались риску и опасности, Вас преследовали. Вы участвовали в боях. Ряд Ваших близких друзей погиб. Вы остались в живых. Чем Вы это объясняете? И верите ли Вы в судьбу?

Сталин. Нет, не верю. Большевики, марксисты «в судьбу» не верят.

Само понятие судьбы, понятие «шикзая» — предрассудок, ерунда, пережиток мифологии, вроде мифологии древних греков, у которых богиня судьбы направляла судьбы людей.

Людвиг. Значит тот факт, что Вы не погибли, является случайностью?

Сталин. Имеются и внутренние, и внешние причины, совокупность которых привела к тому, что я не погиб. Но совершенно независимо от этого на моем месте мог быть другой, ибо кто-то *должен* был здесь сидеть. «Судьба» — это нечто незакономерное, нечто мистическое. В мистику я не верю. Конечно, были причины того, что опасности прошли мимо меня. Но мог иметь место ряд других случайностей, ряд других причин, которые могли привести к прямо противоположному результату. Так называемая судьба тут не при чем.

Людвиг. Ленин провел долгие годы за границей, в эмиграции. Вам пришлось быть за границей очень недолго. Считаете ли Вы это Вашим недостатком, считаете ли Вы, что больше пользы для революции приносили те, которые, находясь в заграничной эмиграции, имели возможность вплотную изучать Европу, но зато отрывались от непосредственного контакта с народом, или те из революционеров, которые работали здесь, знали настроение народа, но зато мало знали Европу?

Сталин. Ленина из этого сравнения надо исключить. Очень немногие из тех, которые оставались в России, были так тесно связаны с русской действительностью, с рабочим движением внутри страны, как Ленин, хотя он и находился долго за границей. Всегда, когда я к нему приезжал за границу — в 1907, 1908, 1912 гг., я видел у него груды писем от практиков из России, и всегда Ленин знал больше, чем те, которые оставались в России. Он всегда считал свое пребывание за границей бременем для себя.

Тех товарищей, которые оставались в России, которые не уезжали за границу, конечно, гораздо больше в нашей партии и ее руководстве, чем бывших эмигрантов, и они, конечно, имели возможность принести больше пользы для революции, чем находившиеся за границей эмигранты. Ведь у нас в партии осталось мало эмигрантов. На 2 миллиона членов партии их наберется 100—200. Из числа 70 членов ЦК едва ли больше 3—4 жили в эмиграции.

Что касается знакомства с Европой, изучения Европы, то, конечно, те, которые хотели изучать Европу, имели больше возможностей сделать это, находясь в Европе. И в этом смысле те из нас, которые не жили долго за границей, кое-что потеряли. Но пребывание за границей вовсе не имеет решающего значения для изучения европейской экономики, техники, кадров рабочего движения, литературы всякого рода, беллетристической или научной. При прочих равных условиях, конечно, легче изучить Европу, побывав там. Но тот минус, который получается у людей, не бывавших долго в Европе, не имеет большого значения. Наоборот, я знаю многих товарищей, которые прожили по 20 лет за границей, жили где-нибудь в Шарлоттенбурге или в Латинском квартале, сидели в кафе годами, пили пиво и все же не сумели изучить Европу и не поняли ее.

Людвиг. Не считаете ли Вы, что у немцев, как нации, любовь к порядку развита больше, чем любовь к свободе?

Сталин. Когда-то в Германии действительно очень уважали законы. В 1907 г., когда мне пришлось прожить в Берлине 2—3 месяца, мы, русские большевики, нередко смеялись над некоторыми немецкими друзьями по поводу этого уважения к законам. Ходил, например, анекдот о том, что когда берлинский социал-демократический форштанд назначил на определенный день и час какую-то манифестацию, на которую должны были прибыть члены организации со всех пригородов, то группа в 200 человек из одного пригорода, хотя и прибыла своевременно в назначенный час в город, но на демонстрацию не попала, ибо в течение двух часов стояла на перроне вокзала и не решалась его покинуть: отсутствовал контролер, отбирающий билеты при выходе, и некому было сдать билеты. Рассказывали шутя, что понадобился русский товарищ, который указал немцам простой выход из положения: выйти с перрона, не сдав билетов...

Но разве теперь в Германии есть что-нибудь похожее? Разве теперь в Германии уважают законы? Разве те самые национал-социалисты, которые, казалось бы, должны больше всех стоять на страже буржуазной законности, не ломают эти законы, не разрушают рабочие клубы и не убивают безнаказанно рабочих? Я уже не говорю о рабочих, которые, как мне кажется, давно уже потеряли уважение к буржуазной законности. Да, немцы значительно изменились за последнее время.

Людвиг. При каких условиях возможно окончательное и полное объединение рабочего класса под руководством одной партии? Почему, как говорят коммунисты, подобное объединение рабочего класса возможно только после пролетарской революции?

Сталин. Подобное объединение рабочего класса вокруг коммунистической партии легче всего может быть осуществлено в результате победоносной пролетарской революции. Но оно несомненно будет осуществлено в основном еще до революции.

Людвиг. Является ли честолюбие стимулом или помехой для деятельности крупной исторической личности?

Сталин. При различных условиях роль честолюбия различна. В зависимости от условий честолюбие может быть стимулом или помехой для деятельности крупной исторической личности. Чаще всего оно бывает помехой.

Людвиг. Является ли Октябрьская революция в каком-либо смысле продолжением и завершением Великой Французской Революции?

Сталин. Октябрьская революция не является ни продолжением, ни завершением Великой Французской Революции. Целью французской революции была ликвидация феодализма для утверждения капитализма. Целью же Октябрьской революции является ликвидация капитализма для утверждения социализма.

«Большевик» № 8 за 1932 г., стр. 33—42.

Приложение к теме XIII: ВАЖНЕЙШИЕ ДАТЫ (1928—1932)

1928

Февраль

9—25 февраля. IX пленум ИККИ.

15 февраля. Советской делегацией на подготовительной комиссии конференции по разоружению в Женеве внесен проект всеобщего полного и немедленного разоружения.

28 февраля. Опубликована речь товарища Сталина на торжественном заседании Моссовета, посвященном десятилетию Красной Армии.

Март

10 марта. Опубликовано сообщение прокурора Верховного суда Союза о раскрытии контрреволюционной вредительской организации в Шахтинском районе Донбасса.

23 марта. Подготовительная комиссия к конференции по разоружению отклонила советский проект разоружения. Советская делегация внесла проект частичного разоружения.

Апрель

6—11 апреля. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) обсудил вопросы о хлебозаготовках и о шахтинском деле.

13 апреля. Доклад товарища Сталина на активе московской организации — «О работах апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б)».

Май

5—16 мая. VIII съезд ВЛКСМ. Речь товарища Сталина о задачах комсомола.

18 мая—5 июля. Судебный процесс над вредителями (шахтинское дело).

27 мая. Опубликован проект программы Коммунистического Интернационала.

28 мая. Беседа товарища Сталина со студентами Института красной профессуры, Комакадемии и Свердловского университета на тему «На хлебном фронте».

Июнь

3 июня. Опубликовано обращение ЦК о развитии самокритики.

Июль

3 июля. Опубликована статья товарища Сталина «Ленин и вопрос о союзе с середняком».

4—12 июля. Пленум ЦК ВКП(б). Приняты постановления о хлебозаготовках, об организации новых (зерновых) совхозов, об улучшении подготовки новых специалистов.

13 июля. Доклад товарища Сталина на собрании актива ленинградской парторганизации — «О работах июльского пленума ЦК БКП(б)». *17 июля—1 сентября.* VI конгресс Коминтерна. Участвовало 532 делегата (331 с решающим и 151 с совещательным голосом) от 65 организаций из 57 стран. Всемирно-историческое значение конгресса состоит в том, что он принял программу Коминтерна, разработанную под непосредственным руководством товарища Сталина.

Август

20 августа—18 сентября. V конгресс КИМ. *27 августа.* Подписание пакта Келлога.

Октябрь

19 октября. Речь товарища Сталина на пленуме МК и МКК — «О правой опасности в БКП(б)».

Ноябрь

16—24 ноября. Пленум ЦК БКП(б). Приняты постановления о контрольных цифрах на 1928/29 г., о первых итогах и дальнейшем проведении 7-часового рабочего дня, о вербовке рабочих и регулировании роста партии. Товарищ Сталин произнес речь «Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б)».

1929

Апрель

16—23 апреля. Объединенный пленум ЦК и ЦКК. Рассмотрены вопросы о внутривластных делах, о чистке партии и т. д. Пленум осудил правооппортунистическую фракционную деятельность Бухарина, Рыкова и Томского.

23—29 апреля. XVI конференция БКП(б). Конференция одобрила пятилетний план развития народного хозяйства, постановила провести чистку и проверку членов и кандидатов ВКП(б) и обсудила вопрос о борьбе с бюрократизмом. Конференция приняла воззвание о развитии социалистического соревнования и ударничества.

29 апреля. Пленум ЦК БКП(б). Речь товарища Сталина «О правом уклоне в ВКП(б)».

Май

9 мая. ЦК принял постановление о социалистическом соревновании фабрик и заводов.

20—28 мая. V съезд советов СССР принял первый пятилетний план народного хозяйства.

Июль

3—19 июля. X пленум ИККИ. Снятие Бухарина, лидера правого уклона, с работы в Коминтерне.

10 июля. Налет китайских войск и белогвардейских отрядов на КВЖД.

10 июля. Нота протеста советского правительства по поводу налета на КВЖД.

17 июля. Разрыв дипломатических отношений с Китаем в связи с конфликтом на КВЖД.

Август

1 августа. Первый Международный антивоенный красный день.

13 августа. Опубликован приказ наркомвоенмора Ворошилова об организации Особой дальневосточной армии.

Ноябрь

5 ноября. Возобновление дипломатических отношений с Англией.

7 ноября. Опубликована статья товарища Сталина «Год великого перелома».

10—17 ноября. Пленум ЦК ВКП(б). Пленум вывел Бухарина из состава Политбюро и сделал предупреждение остальным лидерам правой оппозиции — Рыкову, Томскому. Пленум постановил: «признать пропаганду взглядов правого оппортунизма и примиренчества с ним несовместимой с пребыванием в рядах ВКП(б)».

Декабрь

21 декабря. Пятидесятилетие со дня рождения товарища Сталина.

22 декабря. Подписан советско-китайский протокол. Достигнуто соглашение по всем основным вопросам о положении КВЖД.

27 декабря. Товарищ Сталин произносит речь на конференции аграрников-марксистов — «К вопросам аграрной политики в СССР».

1930

Январь

1 января. Первый Всесоюзный день ударника.

6 января. Опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и о мерах помощи государства колхозному строительству».

Февраль

10 февраля. Напечатан ответ товарища Сталина на вопросы свердловцев о коллективизации, ликвидации кулачества как класса и т. д.

Март

2 марта. Опубликовано статья товарища Сталина «Головокружение от успехов».

15 марта. Постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении».

Апрель

3 апреля. В «Правде» напечатана статья товарища Сталина «Ответ товарищам колхозникам».

16 апреля. Подписано торговое соглашение между Англией и СССР.

Июнь

16 июня. Пуск Сталинградского тракторного завода.

25 июня. Пленум ЦК ВКП(б).

26 июня—13 июля. XVI съезд ВКП(б) — съезд развернутого наступления социализма по всему фронту. Политотчет ЦК делал товарищ Сталин. Съезд объявил взгляды правой оппозиции несовместимыми с принадлежностью к ВКП(б).

Первый съезд советов Китая.

Июль

13 июля. Пленум ЦК ВКП(б).

Ноябрь

25 ноября—7 декабря. Процесс «промпартии» (контрреволюционная вредительская и шпионская организация, состоявшая из верхушки старой технической интеллигенции).

Декабрь

1 декабря. ЦК и ЦКК приняли постановление о фракционной двурушнической деятельности Сырцова, Ломинадзе и др.

17—21 декабря. Объединенный пленум ЦК и ЦКК. Вынесены постановления о народнохозяйственном плане на 1931 г., о снабжении мясом и овощами и др. Пленум освободил Рыкова от обязанностей члена Политбюро и председателя Совнаркома СССР.

19 декабря. Постановление Президиума ЦИК СССР о назначении В. М. Молотова председателем Совнаркома СССР.

1931

Январь

1 января. Сдана в эксплуатацию Туркестано-сибирская железная дорога (Турксиб).

16 января. Опубликовано постановление ЦК и СНК о железнодорожном транспорте.

16—26 января. IX съезд ВЛКСМ. Комсомол принял шефство над военным воздушным флотом

Февраль

4 февраля. Речь товарища Сталина «О задачах хозяйственников» на I Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. На Челябинском тракторостроительном заводе изготовлен первый советский гусеничный трактор «Сталинец».

Март

1—9 марта. Процесс контрреволюционной вредительской организации меньшевиков.

5 марта. XV съезд советов принял постановление о всеобщем обучении и политехнизации массовой школы.

Март—апрель

25 марта—13 апреля. XI пленум Исполкома Коминтерна. Обсуждены задачи секций Коминтерна и вопрос об опасности военной интервенции против СССР. Под влиянием твердолобых английская торговая палата приняла антисоветскую резолюцию с ссылками на пресловутый советский демпинг.

Май

5 мая. Состоялось всесоюзное совещание по разработке нового генплана электрификации СССР.

Июнь

11—15 июня. Пленум ЦК. Доклад т. Кагановича о развитии городского хозяйства.

23 июня. Речь товарища Сталина на совещании хозяйственников: «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства» (шесть условий победы).

Июль

31 июля. Опубликовано постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) о развертывании социалистического животноводства.

Август

3 августа. Опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О темпах дальнейшей коллективизации и задачах укрепления колхозов» (центральная задача, говорится в постановлении, — организационно-хозяйственное укрепление колхозов).

Сентябрь

26 сентября. Закончено строительство Харьковского тракторного завода.

Октябрь

28—31 октября. Пленум ЦК ВКП(б). Приняты постановления о железнодорожном транспорте, развертывании советской торговли, улучшении снабжения рабочих и др.

Ноябрь

В № 19—20 «Большевика» напечатано письмо товарища Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» — «О некоторых вопросах истории большевизма».

Декабрь

13 декабря. Беседа товарища Сталина с немецким писателем Эмилем Людвигом.

1932

Январь

30 января—4 февраля. XVII конференция ВКП(б). Приняты решения О работе промышленности в завершающем году пятилетки и даны директивы к составлению второго пятилетнего плана (1933—1937 гг.) развития народного хозяйства СССР.

6 января. Опубликовано постановление ЦК ВКП(б) об организации наркоматов легкой и лесной промышленности, о преобразовании ВСНХ в Наркомат тяжелой промышленности

Май

6 мая. Белогвардеец Горгулов убил президента Французской республики Думера. Во Франции началась кампания с целью изобразить Горгулова большевиком. Эта кампания была разоблачена полностью и позорно провалилась.

Июль

25 июля. Подписание советско-польского договора о ненападении.

Август

7 августа. Постановление ЦИК и Совнаркома СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности».

27 августа—15 сентября. XII пленум ИККИ. Участвовало 174 делегата (38 с решающим и 136 с совещательным голосом) из 35 стран. XII пленум ИККИ констатировал, что наступил конец относительной стабилизации капитализма.

Сентябрь

15 сентября. Международный антивоенный конгресс в Амстердаме. Советская делегация голландским правительством не допущена на конгресс.

25 сентября. 40-летие литературной деятельности великого пролетарского писателя Максима Горького. Приветствие товарища Сталина Максиму Горькому.

28 сентября—8 октября. Пленум ЦК ВКП(б). Рассмотрены вопросы о развитии советской торговли, о производстве товаров ширпотреба, о развитии черной металлургии.

Октябрь

10 октября. Закончено строительство Днепрогэса.

Ноябрь

29 ноября. Подписание франко-советского договора о ненападении.

Декабрь

10 декабря. Постановление ЦК ВКП(б) о проведении чистки партии в 1933 г.

12 декабря. Восстановление дипломатических отношений между Китаем и СССР.

Тема XIV. ПАРТИЯ БОЛЬШЕВИКОВ В БОРЬБЕ ЗА ВТОРУЮ ПЯТИЛЕТКУ

*И. Сталин. ИТОГИ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ. Доклад на
объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). 7 января 1933 г.*

I. Международное значение пятилетки

Товарищи! При появлении в свет пятилетнего плана едва ли предполагали люди, что пятилетка может иметь громадное международное значение. Наоборот, многие думали, что пятилетка есть частное дело Советского Союза, дело важное и серьезное, но все-таки частное, национальное дело Советского Союза.

История, однако, показала, что международное значение пятилетки неизмеримо. История показала, что пятилетка является не частным делом Советского Союза, а делом всего международного пролетариата.

Еще задолго до появления пятилетнего плана, в период, когда мы кончали борьбу с интервентами и переходили на рельсы хозяйственного строительства,— еще в этот период Ленин говорил, что наше хозяйственное строительство имеет глубокое международное значение, что каждый шаг вперед Советской власти по пути хозяйственного строительства встречает глубокий отклик в самых разнообразных слоях капиталистических стран и раскалывает людей на два лагеря — лагерь сторонников пролетарской революции и лагерь ее противников.

Ленин говорил тогда:

«Сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой. Все на Советскую Российскую республику смотрят, все трудящиеся во всех странах мира, без всякого исключения и без всякого преувеличения. Это достигнуто... На этом поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу — и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно. Поэтому вопросы хозяйственного строительства приобретают для нас значение совершенно исключительное. На этом фронте мы должны одержать победу

медленным, постепенным, — быстрым нельзя, — но неуклонным повышением и движением вперед» (см. т. XXVI, стр. 410—411).

Это было сказано в тот период, когда мы заканчивали войну с интервентами, когда от военной борьбы с капитализмом мы переходили к борьбе на хозяйственном фронте, к периоду хозяйственного строительства.

С тех пор прошло много лет, и каждый шаг Советской власти в области хозяйственного строительства, каждый год, каждый квартал блестяще подтверждали правильность этих слов тов. Ленина.

Но самое блестящее подтверждение правильности слов Ленина дал пятилетний план нашего строительства, возникновение этого плана, его развитие, его осуществление. В самом деле, кажется, ни один шаг по пути хозяйственного строительства в нашей стране не встречал такого отклика в самых разнообразных слоях капиталистических стран Европы, Америки, Азии, как вопрос о пятилетнем плане, об его развитии, об его осуществлении.

Первое время пятилетний план был встречен со стороны буржуазии и ее печати насмешкой. «Фантазия», «бред», «утопия», — так они окрестили тогда наш пятилетний план. Потом, когда начало выясняться, что осуществление пятилетнего плана дает реальные результаты, — они стали бить в набат, утверждая, что пятилетний план угрожает существованию капиталистических стран, что его осуществление приведет к заполнению европейских рынков товарами, к усилению демпинга и углублению безработицы. Затем, когда и этот трюк, использованный против Советской власти, не дал ожидаемых результатов, — открылась серия путешествий в СССР различных представителей всякого рода фирм, органов печати, обществ разного рода и т. д. с целью разглядеть своими собственными глазами, — что же, собственно говоря, творится в СССР. Я не говорю здесь о рабочих делегациях, которые с самого начала появления пятилетнего плана выражали свое восхищение начинаниям и успехам Советской власти и проявляли свою готовность поддержать рабочий класс СССР.

С этого времени и начался раскол так называемого общественного мнения, буржуазной печати, буржуазных обществ всякого рода и т. д. Одни утверждали, что пятилетний план потерпел полный крах и большевики стоят на краю гибели. Другие, наоборот, уверяли, что хотя большевики скверные люди, — с пятилетним планом у них все же выходит дело и они, должно быть, добьются своей цели.

Может быть не лишне будет, если я приведу отзывы разного рода органов буржуазной печати.

Возьмем, например, американскую газету «Нью-Йорк Таймс». В конце ноября 1932 года эта газета пишет:

«Пятилетний промышленный план, поставивший своей целью сделать вызов чувству пропорции, стремящийся к своей цели «независимо от издержек», как часто с гордостью похвалялась Москва, не является в действительности планом. Это — спекуляция».

Выходит, что пятилетка даже не план, а пустая спекуляция. А вот отзыв английской буржуазной газеты «Дейли Телеграф», данный в конце ноября 1932 года:

«Если рассматривать план, как пробный камень для «планируемой экономики», то мы должны сказать, что он потерпел полный крах».

Отзыв «Нью-Йорк Таймс» в ноябре 1932 года:

«Коллективизация позорно провалилась. Она привела Россию на грань голода».

Отзыв буржуазной газеты в Польше «Газета Польска», данный летом 1932 года:

«Положение показывает, как будто, что правительство советов зашло со своей политикой коллективизации деревни в тупик».

Отзыв английской буржуазной газеты «Финаншиэл Таймс», данный в ноябре 1932 года:

«Сталин и его партия в результате своей политики оказываются перед лицом краха системы пятилетнего плана и провала всех задач, которые он должен был осуществить».

Отзыв итальянского журнала «Политика»:

«Было бы абсурдом думать, что четыре года работы народа, состоящего из 160 млн. человек, четыре года сверхчеловеческого экономического и политического напряжения со стороны режима такой силы, какую представляет собой большевистский режим, ничего не создали. Напротив, они создали много... И тем не менее катастрофа налицо, она является фактом, очевидным для всех. В этом убедились друзья и враги, большевики и антибольшевики, оппозиционеры справа и слева».

Наконец, отзыв американского буржуазного журнала «Керрент Истори»:

«Обозрение нынешнего положения дел в России, таким образом, ведет к заключению, что пятилетняя программа провалилась как в отношении объявленных целей, так и еще более основательно в отношении ее основных социальных принципов».

Таковы отзывы одной части буржуазной печати.

Едва ли стоит критиковать авторов этих отзывов. Я думаю, что не стоит. Не стоит, так как эти «твердолобые» люди принадлежат к той породе ископаемых средне-векового периода, для которых факты не имеют значения и которые, как бы ни осуществлялся у нас пятилетний план,— все равно будут твердить свое.

Перейдем к отзывам других органов печати, идущим из того же буржуазного лагеря.

Вот отзыв известной буржуазной газеты во Франции «Тан», данный в январе 1932 года:

«СССР выиграл первый тур, индустриализуясь без помощи иностранного капитала».

Отзыв той же «Тан», данный летом 1932 года:

«Коммунизм гигантскими темпами завершает реконструкцию, в то время, как капиталистический строй позволяет двигаться только медленными шагами... Во Франции, где земельная собственность разделена до бесконечности между отдельными собственниками, невозможно механизировать сельское хозяйство; советские же, индустриализуя сельское хозяйство, сумели разрешить проблему... В состязании с нами большевики оказались победителями».

Отзыв английского буржуазного журнала «Раунд Тэйбл»:

Достижения пятилетнего плана представляют собой изумительное явление. Тракторные заводы Харькова и Сталинграда, автомобильный завод АМО в Москве, автомобильный завод в Н.-Новгороде, Днепровская гидроэлектрическая станция, грандиозные сталелитейные заводы в Магнитогорске и Кузнецке, целая сеть машиностроительных и химических заводов на Урале, который превращается в советский Рур,— все эти и другие промышленные достижения во всей стране свидетельствуют, что каковы бы ни были трудности, советская промышленность, как хорошо орошаемое растение, растет и крепнет... Пятилетний план заложил основы будущего развития и чрезвычайно усилил мощь СССР».

Отзыв английской буржуазной газеты «Финаншиэл Таймс»:

«Успехи, достигнутые в машиностроительной промышленности, не подлежат никаким сомнениям. Восхваления этих успехов в печати и в речах отнюдь не являются необоснованными. Не надо забывать, что прежде Россия производила только самые простые машины и орудия. Правда, и теперь абсолютные цифры ввоза машин и инструментов увеличиваются; но пропорциональная доля импортированных машин по сравнению с теми, которые были произведены в самом СССР, непрерывно уменьшается. СССР в настоящее время производит все оборудование, необходимое для своей металлургической и электрической промышленности. Он сумел создать свою собственную автомобильную промышленность. Он создал производство орудий и инструментов, которое охватывает всю гамму от самых маленьких инструментов большой точности и вплоть до наиболее тяжелых прессов. Что же касается сельскохозяйственных машин, то СССР уже не зависит от ввоза из-за границы. Вместе с тем советское правительство принимает меры к тому, чтобы запаздывание в продукции угля и железа не препятствовало осуществлению пятилетки в четыре года. Не подлежит сомнению, что построенные вновь огромные заводы гарантируют значительный рост продукции тяжелой промышленности».

Отзыв австрийской буржуазной газеты «Нейе Фрейе Прессе», данный в начале 1932 года:

«Большевизм можно проклинать, но его нужно знать. *Пятилетка — это новый колосс*, который необходимо принимать во внимание и, во всяком случае, в хозяйственный расчет».

Отзыв английского капиталиста Гиббсона Джарви, председателя банка «Юнайтед доминион», данный в октябре 1932 года:

«Я хочу разъяснить, что я не коммунист и не большевик, я — определенный капиталист и индивидуалист... Россия движется вперед, в то время, как слишком много наших заводов бездействует и примерно 3 млн. нашего народа ищут в отчаянии работы. Пятилетку высмеивали и предсказывали ее провал. Но вы можете считать несомненным, что в условиях пятилетнего плана сделано больше, чем намечалось... Во всех промышленных городах, которые я посетил, возникают новые районы, построенные по определенному плану, с широкими улицами, украшенными деревьями и скверами, с домами наиболее современного типа, школами, больницами, рабочими клубами и неизбежными детскими яслями и детскими домами, где заботятся о детях работающих матерей... Не пытайтесь недооценивать русских планов и не делайте ошибки, надеясь, что советское правительство может провалиться... Сегодняшняя Россия — страна с душой и идеалом. Россия — страна изумительной активности. Я верю, что стремления России являются здоровыми... Быть может самое важное — в том, что вся молодежь и рабочие в России имеют одну вещь, которой, к сожалению, недостает сегодня в капиталистических странах, а именно — надежду».

Отзыв американского буржуазного журнала «Нейшен», данный в ноябре 1932 года:

«Четыре года пятилетнего плана принесли с собой поистине замечательные достижения. Советский Союз работал с интенсивностью военного времени над созидательной задачей построения основ новой жизни. *Лицо страны меняется буквально до неузнаваемости...* Это верно относительно Москвы с ее сотнями заново асфальтированных улиц и скверов, новых зданий, с новыми пригородами и кордоном новых фабрик на ее окраинах. Это верно и относительно менее значительных городов. Новые города возникли в степях и пустынях, не какие-нибудь несколько городов, а по меньшей мере 50 городов с населением от 50 до 250 тыс. человек. Все они возникли в последние четыре года, каждый из них является центром нового предприятия или ряда предприятий, построенных для разработки естественных ресурсов. Сотни новых районных электростанций и целый ряд гигантов, подобно Днепрострою, постепенно воплощают в жизнь формулу Ленина: «Социализм есть Советская власть плюс электрификация»... Советский Союз организовал массовое производство бесконечного множества предметов, которых Россия никогда раньше не производила: тракторов, комбайнов, высококачественных сталей, синтетического каучука, шарикоподшипников, мощных дизелей, турбин с 50 тыс. квт., телефонного оборудования, электрических машин для горной промышленности, аэропланов, автомобилей, велосипедов и нескольких сот типов новых машин... Впервые в истории Россия добывает алюминий, магнезит, апатиты, иод, поташ и многие другие ценные продукты. *Путеводным точкам советских равнин не являются больше кресты и купола церквей, а зерновые элеваторы и силосные башни.* Колхозы строят дома, хлева, свинарники. Электричество проникает в деревню, радио и газеты завоевали ее. Рабочие учатся работать на новейших машинах. Крестьянские парни производят и обслуживают сельскохозяйственные машины, которые больше и сложнее, чем то, что видел когда-либо Америка. *Россия начинает «мыслить машинами».* Россия быстро переходит от века дерева к веку железа, стали, бетона и моторов».

Отзыв «лево»-реформистского журнала в Англии «Форвард», данный в сентябре 1932 года:

«Бросается в глаза огромная работа, которая происходит в СССР. Новые заводы, новые школы, новые кино, новые клубы, новые громадные дома—всюду новые постройки. Многие из них уже кончены, другие еще окружены лесами. Трудно рассказать английскому читателю, что сделано за последние два года и что делается дальше. Надо все это видеть для того, чтобы этому поверить. Наши собственные достижения, осуществленные нами во время войны,— лишь пустяк по сравнению с тем, что делается в СССР. Американцы признают, что даже в период самой стремительной созидательной горячки в западных штатах там не было ничего похожего на теперешнюю лихорадочную творческую деятельность в СССР. За последние два года в СССР произошло так много изменений, что отказываешься далее представлять себе, что же будет в этой стране еще через 10 лет... Выбросьте из головы фантастические страшные истории, рассказываемые английскими газетами, которые так упорно и так нелепо лгут о СССР. Выбросьте также из головы всю ту половинчатую правду и впечатления, основанные на непонимании, которые пущены в ход дилетантствующими интеллигентами, покровительственно глядящими на СССР сквозь очки среднего класса, но не имеющими ни малейшего представления о том, что происходит там... СССР строит новое общество на здоровых основах. Чтобы осуществить эту цель, надо подвергаться риску, надо работать с энтузиазмом, с такой энергией, какой мир до сих пор не знал, надо бороться с огромнейшими трудностями, неизбежными при стремлении построить социализм в обширной стране, изолированной от остального мира. Но, посетив эту страну вторично за два года, я получил впечатление, что она идет по пути прочного прогресса, планирует творит и строит, и все это в таком масштабе, который является ярким вызовом по адресу враждебного капиталистического мира».

Таковы разногласия и раскол в лагере буржуазных кругов, из которых одни стоят за уничтожение СССР с его якобы провалившимся пятилетним планом, а другие, видимо, за торговое сотрудничество с СССР, рассчитывая, очевидно, на то, что из успехов пятилетнего плана можно будет извлечь для себя некоторую выгоду.

Особо стоит вопрос об отношении рабочего класса капиталистических стран к вопросу о пятилетке, к вопросу об успехах социалистического строительства в СССР. Можно было бы здесь ограничиться приведением отзыва одной из многочисленных рабочих делегаций, ежегодно приезжающих в СССР, хотя бы, например, бельгийской рабочей делегации. Отзыв этот типичен для всех без исключения рабочих делегаций, все равно, идет ли речь об английских или французских делегациях, о германских или американских или о делегациях других стран. Вот он:

«Мы восхищены тем громадным строительством, которое мы наблюдали во время нашего путешествия. В Москве, как и в Макеевке, Горловке, Харькове и Ленинграде, мы могли констатировать, с каким энтузиазмом там работают. Все машины — новейшей конструкции. На заводах — чистота, много воздуха и света. Мы видели, как в СССР рабочим оказывается медицинская и санитарная помощь. Рабочие жилища построены вблизи от заводов. В рабочих городках организованы школы и ясли; дети окружены самыми тщательными заботами. Мы могли видеть разницу между старыми и вновь построенными заводами, между старыми и новыми жилищами. Все, что мы видели, дало нам ясное представление о громадной силе трудящихся, строящих новое общество под руководством коммунистической партии. Мы наблюдали в СССР большой культурный подъем в то время, как в других странах царит упадок во всех областях, царит безработица. Мы могли видеть, какие страшные трудности советские трудящиеся встречают на своем пути. Мы тем в большей степени понимаем гордость, с которой они показывают нам свои победы. Мы убеждены, что они преодолеют все препятствия».

Вот вам международное значение пятилетки. Стоило нам проделать строительную работу в продолжение каких-нибудь 2—3 лет, стоило показать первые успехи пятилетки, чтобы весь мир раскололся на два лагеря, на лагерь людей, которые лают на нас без устали, и лагерь людей, которые поражены успехами пятилетки, не говоря уже о том, что имеется и усиливается наш собственный лагерь во всем мире, — лагерь рабочего класса капиталистических стран, который радуется успехам рабочего класса СССР и готов оказать ему поддержку на страх буржуазии всего мира.

Что это значит?

Это значит, что международное значение пятилетки, международное значение ее успехов и завоеваний — не подлежит сомнению.

Это значит, что капиталистические страны чреватые пролетарской революцией, и именно потому, что они чреватые пролетарской революцией, буржуазия хотела бы почерпнуть в неудачах пятилетки новый аргумент против революции, тогда как пролетариат, наоборот, старается почерпнуть и действительно черпает в успехах пятилетки новый аргумент за революцию, против буржуазии всего мира.

Успехи пятилетки мобилизуют революционные силы рабочего класса всех стран против капитализма, — таков неоспоримый факт.

Не может быть сомнения, что международное революционное значение пятилетки действительно неизмеримо.

Тем с большим вниманием должны мы отнестись к вопросу о пятилетке, о содержании пятилетки, об основных задачах пятилетки.

Тем с большей тщательностью мы должны проанализировать итоги пятилетки, итоги исполнения и проведения в жизнь пятилетнего плана.

II. Основная задача пятилетнего плана и путь ее осуществления

Перейдем к вопросу о пятилетнем плане по существу.

Что такое пятилетний план?

В чем состояла основная задача пятилетнего плана?

Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы перевести нашу, страну с ее отсталой, подчас средневековой техникой — на рельсы новой, современной техники.

Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы превратить СССР из страны аграрной и немощной, зависимой от капризов капиталистических стран, — в страну индустриальную и могучую, вполне самостоятельную и независимую от капризов мирового капитализма.

Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы, превращая СССР в страну индустриальную, — вытеснить до конца капиталистические элементы, расширить фронт социалистических форм хозяйства и создать экономическую базу для уничтожения классов в СССР, для построения социалистического общества.

Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы создать в нашей стране такую индустрию, которая была бы способна перевооружить и реорганизовать не только промышленность в целом, но и транспорт, но и сельское хозяйство — на базе социализма.

Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы перевести мелкое и раздробленное сельское хозяйство на рельсы крупного коллективного хозяйства, обеспечить тем самым экономическую базу социализма в деревне и ликвидировать таким образом возможность восстановления капитализма в СССР.

Наконец, задача пятилетнего плана состояла в том, чтобы создать в стране все необходимые технические и экономические предпосылки для максимального поднятия обороноспособности страны, дающей возможность организовать решительный отпор всем и всяким попыткам военной интервенции извне, всем и всяким попыткам военного нападения извне.

Чем диктовалась эта основная задача пятилетки, чем она обосновывалась?

Необходимостью ликвидации технико-экономической отсталости Советского Союза, обрекающей его на незавидное существование, необходимостью создать в стране такие предпосылки, которые дали бы ей возможность не только догнать, но со временем и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны.

Соображением о том, что Советская власть не может долго держаться на базе отсталой промышленности, что только современная крупная промышлен-

ленность, не только не уступающая, но могущая со временем превзойти промышленность капиталистических стран,— может служить действительным и надежным фундаментом для Советской власти.

Соображением о том, что Советская власть не может долго базироваться на двух противоположных основах, на крупной социалистической промышленности, которая *уничтожает* капиталистические элементы, и на мелком единоличном крестьянском хозяйстве, которое *порождает* капиталистические элементы.

Соображением о том, что пока не подведена под сельское хозяйство база крупного производства, пока не объединены мелкие крестьянские хозяйства в крупные коллективные хозяйства,— опасность восстановления капитализма в СССР является самой реальной опасностью из всех возможных опасностей.

Ленин говорил:

«Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему *политическому* строю догнала передовые страны.

Но этого мало. Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и *экономически*... Погибнуть, или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей» (см. т. XXI, стр. 191).

Ленин говорил:

«Пока мы живем в мелкокрестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Это необходимо запомнить. Каждый, внимательно наблюдавший за жизнью деревни, в сравнении с жизнью города, знает, что мы корней капитализма не вырвали и фундамент, основу у внутреннего врага не подорвали. Последний держится на мелком хозяйстве, и чтобы подорвать его, есть одно средство — перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства... Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно» (см. т. XXVI, Стр. 46—47).

Эти положения и легли в основу тех соображений партии, которые привели к выработке пятилетнего плана, которые привели к определению основной задачи пятилетнего плана.

Так обстоит дело с основной задачей пятилетки.

Но осуществление такого грандиозного плана нельзя начинать вразброс, с чего попало. Чтобы осуществить такой план, нужно прежде всего найти основное звено плана, ибо только найдя основное звено и ухватившись за него,— можно было вытянуть все остальные звенья плана.

В чем состояло основное звено пятилетнего плана?

Основное звено пятилетнего плана состояло в тяжелой промышленности с ее сердцевиной — машиностроением. Ибо только тяжелая промышленность способна реконструировать и поставить на ноги и промышленность в целом, и транспорт, и сельское хозяйство. С нее и надо было начать осуществление пятилетки. Стало быть, восстановление тяжелой промышленности нужно было положить в основу осуществления пятилетнего плана.

Мы имеем указания Ленина и на этот предмет:

«Спасением для России является не только хороший урожай в крестьянском хозяйстве, — этого еще мало, — и не только хорошее состояние легкой промышленности, представляющей крестьянству предметы потребления, — этого тоже еще мало, — нам необходима также *тяжелая* индустрия... Без спасения тяжелой промышленности, без ее восстановления мы не сможем построить никакой промышленности, а без нее мы вообще погибнем как самостоятельная страна... Тяжелая индустрия нуждается в государственных субсидиях. Если мы их не найдем, то мы, как цивилизованное государство — я уже не говорю, как социалистическое, — погибли» (см. т. XXVII, стр. 349).

Но восстановление и развитие тяжелой индустрии, особенно в такой отсталой и небогатой стране, какой была наша страна в начале пятилетки, является самым трудным делом, ибо тяжелая индустрия требует, как известно, громадных финансовых затрат и наличия известного минимума опытных технических сил, без чего, вообще говоря, невозможно восстановление тяжелой индустрии. Знала ли об этом партия и отдавала ли себе в этом отчет? Да, знала. И не только знала, но заявляла об этом во всеуслышание. Партия знала, каким путем была построена тяжелая индустрия в Англии, Германии, Америке. Она знала, что тяжелая индустрия была построена в этих странах либо при помощи крупных займов, либо путем ограбления других стран, либо же и тем и другим путем одновременно. Партия знала, что эти пути закрыты для нашей страны. На что же она рассчитывала? Она рассчитывала на собственные силы нашей страны. Она рассчитывала на то, что, имея Советскую власть и опираясь на национализацию земли, промышленности, транспорта, банков, торговли, мы можем проводить строжайший режим экономии для того, чтобы накапливать достаточные средства, необходимые для восстановления и развития тяжелой индустрии. Партия прямо говорила, что это дело потребует серьезных жертв и что мы должны пойти на эти жертвы открыто и сознательно, если хотим добиться цели. Партия рассчитывала поднять это дело внутренними силами нашей страны без кабальных кредитов и займов извне.

Вот что говорил Ленин на этот счет:

«Мы должны постараться построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами, доверие крестьян по отношению к себе и с величайшей экономией изгнали бы из своих общественных отношений всякие следы каких бы то ни было излишеств.

Мы должны свести наш госаппарат до максимальной экономии. Мы должны изгнать из него все следы излишеств, которых в нем осталось так много от царской России, от ее бюрократическо-капиталистического аппарата.

Не будет ли это царством крестьянской ограниченности?

Нет. Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волховстроя и прочее.

В этом и только в этом будет наша надежда. Только тогда мы в состоянии будем пересестъ, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую, именно, с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономии, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, — на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.» (см. т. XXVII, стр. 417).

Пересесть с обнищавшей мужицкой лошади на лошадь крупной машинной индустрии, вот какую цель преследовала партия, вырабатывая пятилетний план и добиваясь его осуществления.

Установить строжайший режим экономии и накапливать средства, необходимые для финансирования индустриализации нашей страны,— вот на какой путь надо было стать, чтобы добиться восстановления тяжелой индустрии и осуществления пятилетнего плана.

Смелая задача? Трудный путь? Но наша партия потому и называется ленинской партией, что она не имеет права бояться трудностей.

Более того. Уверенность партии в осуществимости пятилетки и вера в силы рабочего класса были до того сильны, что партия нашла возможным поставить себе задачу осуществить это трудное дело не в пять лет, как этого требовал пятилетний план, а в четыре года, собственно — четыре года и три месяца, если прибавить особый квартал.

На этой основе и родился знаменитый лозунг: «Пятилетка в четыре года».

И что же?

Факты показали впоследствии, что партия была права.

Факты показали, что без этой смелости и веры в силы рабочего класса партия не могла бы добиться той победы, которой гордимся мы теперь по праву.

III. Итоги пятилетки в четыре года в области промышленности

Перейдем теперь к вопросу об итогах осуществления пятилетнего плана.

Каковы итоги пятилетки в четыре года в области *промышленности* ?

Добились ли мы победы в этой области?

Да, добились. И не только добились, а сделали больше, чем мы сами ожидали, чем могли ожидать самые горячие головы в нашей партии. Этого не отрицают теперь даже враги. Тем более не могут этого отрицать наши друзья.

У нас не было черной металлургии, основы индустриализации страны. У нас она есть теперь.

У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь.

У нас не было серьезной и современной химической промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было действительной и серьезной промышленности по производству современных сельскохозяйственных машин. У нас она есть теперь.

У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь.

В смысле производства электрической энергии мы стоим на самом последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест.

В смысле производства нефтяных продуктов и угля мы стояли на последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест.

У нас была лишь одна единственная угольно-металлургическая база — на Украине, с которой мы с трудом справлялись. Мы добились того, что не только подняли эту базу, но создали еще новую угольно-металлургическую базу — на Востоке, составляющую гордость нашей страны.

Мы имели лишь одну единственную базу текстильной промышленности — на Севере нашей страны. Мы добились того, что будем иметь в ближайшее время две новых базы текстильной промышленности — в Средней Азии и Западной Сибири.

И мы не только создали эти новые громадные отрасли промышленности, но мы их создали в таком масштабе и в таких размерах, перед которыми бледнеют масштабы и размеры европейской индустрии.

А все это привело к тому, что капиталистические элементы вытеснены из промышленности окончательно и бесповоротно, а социалистическая промышленность стала единственной формой индустрии в СССР.

А все это привело к тому, что страна наша из аграрной стала индустриальной, ибо удельный вес промышленной продукции в отношении сельскохозяйственной поднялся, с 48% в начале пятилетки (1928 г.) до 70% к концу четвертого года пятилетки (1932 г.)

А все это привело к тому, что к концу четвертого года пятилетки нам удалось выполнить программу общего промышленного производства, рассчитанную на пять лет, — на 93,7%, подняв объем промышленной продукции более чем *втрое* в сравнении с довоенным уровнем и более чем *вдвое* в сравнении с уровнем 1928 г. Что же касается программы производства по тяжелой промышленности, то мы выполнили пятилетний план на 108%. Правда, мы здесь недовыполнили общую программу пятилетки на 6%. Но это объясняется тем, что, ввиду отказа соседних стран подписать с нами пакты о ненападении и осложнений на Дальнем Востоке, нам пришлось наскоро переключить ряд заводов в целях усиления обороны на производство современных орудий обороны. Ну, а переключение это, ввиду необходимости пройти некий подготовительный период, привело к тому, что заводы эти прекратили производство продукции в продолжение четырех месяцев, что не могло не отразиться на выполнении общей программы производства по пятилетнему плану в течение 1932 года. Операция эта привела к тому, что мы восполнили целиком и полностью пробелы в деле обороноспособности страны. Но она не могла не отразиться отрицательно на выполнении программы производства по пятилетнему плану. Не может быть никакого сомнения, что без этого привходящего обстоятельства мы не только выполнили бы, но наверняка перевыполнили бы цифровую часть пятилетнего плана.

Наконец, все это привело к тому, что из страны слабой и неподготовленной к обороне Советский Союз превратился в страну могучую в смысле обороноспособности, в страну, готовую ко всяким случайностям, в страну, способную производить в массовом масштабе все современные орудия обороны и снабдить ими свою армию в случае нападения извне.

Таковы в общем итоги пятилетки в четыре года в области промышленности.

Теперь судите сами, чего стоит после всего этого болтовня буржуазной печати о «провале» пятилетки в области промышленности.

А как обстоит дело с *капиталистическими* странами, переживающими ныне жестокий кризис, в смысле роста их промышленной продукции?

Вот всем известные официальные данные.

В то время как объем промышленной продукции СССР к концу 1932 года *вырос* в сравнении с довоенным уровнем до 334%, объем промышленной продукции САСШ *снизился* за тот же период до 84% довоенного уровня, Англии—до 75, Германии—до 62%.

В то время как объем промышленной продукции СССР *вырос* к концу 1932 года в сравнении с уровнем 1928 года до 219%, объем промышленной продукции САСШ *снизился* за тот же период до 56%, Англии—до 80%, Германии—до 55%, Польши—до 54%.

О чем говорят эти данные, как не о том, что капиталистическая система промышленности не выдержала экзамена в тягбе с советской системой, что советская система промышленности имеет все преимущества перед системой капиталистической.

Нам говорят, что все это хорошо, построено много новых заводов, заложены основы индустриализации. Но было бы гораздо лучше отказаться от политики индустриализации, от политики расширения производства средств производства, или по крайней мере отложить это дело на задний план с тем, чтобы производить больше ситца, обуви, одежды и прочих предметов широкого потребления. Предметов широкого потребления произведено меньше, чем нужно, а это создает известные затруднения.

Но тогда надо знать и надо отдать себе отчет, к чему привела бы нас подобная политика отодвигания на задний план задач индустриализации. Конечно, мы могли бы из полутора миллиардов рублей валюты, истраченных за этот период на оборудование нашей тяжелой промышленности, отложить половину на импорт хлопка, кожи, шерсти, каучука и т. д. У нас было бы тогда больше ситца, обуви, одежды. Но у нас не было бы тогда ни тракторной, ни автомобильной промышленности, не было бы сколько-нибудь серьезной черной металлургии, не было бы металла для производства машин,— и мы были бы безоружны перед лицом вооруженного новой техникой капиталистического окружения. Мы лишили бы себя тогда возможности снабжать сельское хозяйство тракторами и сельхозмашинами,— стало быть мы сидели бы без хлеба. Мы лишили бы себя возможности одержать победу над капиталистическими элементами в стране,— стало быть мы неимоверно повысили бы шансы на реставрацию капитализма. Мы не имели бы тогда всех тех современных средств обороны, без которых невозможна государственная независимость страны, без которых страна превращается в объект военных операций внешних врагов. Наше положение было бы тогда более или менее аналогично положению нынешнего Китая, который не имеет своей тяжелой промышленности, не имеет своей военной промышленности, и который клюют теперь все, кому только не лень.

Одним словом мы имели бы в таком случае военную интервенцию, не пакты о ненападении, а войну, войну опасную и смертельную, войну кровавую и не-

равную, ибо в этой войне мы были бы почти что безоружны перед врагами, имеющими в своем распоряжении все современные средства нападения.

Вот как оборачивается дело, товарищи.

Ясно, что уважающая себя государственная власть, уважающая себя партия не могла стать на такую гибельную точку зрения.

И именно потому, что партия отвергла такую антиреволюционную установку,— именно поэтому она добилась решающей победы в деле выполнения пятилетнего плана в области промышленности.

Осуществляя пятилетку и организуя победу в области промышленного строительства, партия проводила политику наиболее ускоренных темпов развития промышленности. Партия как бы подхлестывала страну, ускоряя ее бег вперед.

Правильно ли поступала партия, проводя политику наиболее ускоренных темпов?

Да, безусловно правильно.

Нельзя не подгонять страну, которая отстала на сто лет и которой угрожает из-за ее отсталости смертельная опасность. Только таким образом можно было дать стране возможность наскоро перевооружиться на базе новой техники и выйти, наконец, на широкую дорогу.

Далее, мы не могли знать, в какой день нападут на СССР империалисты и прервут наше строительство, а что они могли напасть в любой момент, пользуясь технико-экономической слабостью нашей страны,— в этом не могло быть сомнения. Поэтому партия была вынуждена подхлестывать страну, чтобы не упустить времени, использовать до дна передышку и успеть создать в СССР основы индустриализации, представляющие базу его могущества. Партия не имела возможности ждать и маневрировать, и она должна была проводить политику наиболее ускоренных темпов.

Наконец, партия должна была покончить в возможно короткий срок со слабостью страны в области обороны. Условия момента, рост вооружений в капиталистических странах, провал идеи разоружения, ненависть международной буржуазии к СССР,— все это толкало партию на то, чтобы форсировать дело усиления обороноспособности страны, основы ее независимости.

Но имела ли партия реальную возможность осуществлять политику наиболее ускоренных темпов? Да, имела. Она имела эту возможность не только потому, что она успела во-время раскатать страну в духе быстрого продвижения вперед, но прежде всего потому, что она могла опереться в деле широкого нового строительства на старые или обновленные заводы и фабрики, которые были уже освоены рабочими и инженерно-техническим персоналом и которые давали ввиду этого возможность осуществлять наиболее ускоренные темпы развития.

Вот на какой основе выросли у нас в период первой пятилетки быстрый подъем нового строительства, пафос развернутого строительства, герои и ударники новостроев, практика бурных темпов развития.

Можно ли сказать, что во второй пятилетке придется проводить такую же точно политику наиболее ускоренных темпов?

Нет, нельзя этого сказать.

Во-первых, в результате успешного проведения пятилетки мы уже *выполнили*, в основном ее главную задачу — подведение базы новой современной техники под промышленность, транспорт, сельское хозяйство. Стоит ли после этого подхлестывать и подгонять страну? Ясно, что нет в этом теперь необходимости.

Во-вторых, в результате успешного выполнения пятилетки нам *удалось* уже поднять обороноспособность страны на должную высоту. Стоит ли после этого подхлестывать и подгонять страну? Ясно, что теперь нет в этом необходимости.

Наконец, в результате успешного выполнения пятилетки нам удалось построить десятки и сотни новых больших заводов и комбинатов, имеющих новую сложную технику. Это значит, что в объеме промышленной продукции во второй пятилетке основную роль будут играть уже не старые заводы, техника которых уже освоена, как это имело место в период первой пятилетки, а новые заводы, техника которых еще не освоена и которую надо освоить. Но освоение новых предприятий и новой техники представляет гораздо больше трудностей, чем использование старых или обновленных заводов и фабрик, техника которых уже освоена. Оно требует больше времени для того, чтобы поднять квалификацию рабочих и инженерно-технического персонала и приобрести новые навыки для полного использования новой техники. Не ясно ли после всего этого, что если бы даже хотели, мы не могли бы осуществить в период второй пятилетки, особенно в первые два-три года второй пятилетки, политику наиболее ускоренных темпов развития.

Вот почему я думаю, что для второй пятилетки нам придется взять менее ускоренные темпы роста промышленной продукции. В период первой пятилетки ежегодный прирост промышленной продукции составлял в среднем 22%. Я думаю, что для второй пятилетки придется взять 13—14% ежегодного прироста промышленной продукции в среднем. Для капиталистических стран такой темп прироста промышленной продукции составляет недостижимый идеал. И не только такой темп прироста промышленной продукции, — даже 5% ежегодного среднего прироста составляет для них теперь недостижимый идеал. Но на то они и капиталистические страны. Другое дело — советская страна с советской системой хозяйства. При нашей системе хозяйства мы имеем полную возможность и мы должны осуществить 13—14% ежегодного прироста продукции, как *минимум*.

В период первой пятилетки мы сумели организовать энтузиазм, пафос *нового строительства* и добились решающих успехов. Это очень хорошо. Но теперь этого недостаточно. Теперь это дело должны мы дополнить энтузиазмом, пафосом *освоения* новых заводов и новой техники, серьезным поднятием производительности труда, серьезным сокращением себестоимости.

В этом теперь главное.

Ибо только на этой базе мы можем добиться того, чтобы, скажем, ко второй половине второй пятилетки взять новый мощный разбег как в области строительства, так и в области прироста промышленной продукции.

Наконец, несколько слов о самих темпах и процентах ежегодного прироста продукции. Наши промышленники мало занимаются этим вопросом. А между тем это очень интересный вопрос. Что такое проценты прироста продукции и что собственно кроется за каждым процентом прироста? Возьмем, например, 1925 год, период восстановительный. Годовой прирост продукции был тогда 66%. Валовая продукция промышленности составляла 7 700 млн. рублей. 66% прироста составляло тогда в абсолютных цифрах 3 миллиарда с лишним. Стало быть, каждый процент прироста равнялся тогда 45 миллионам рублей. Возьмем теперь 1928 год. Он дал 26% прироста, т. е. почти втрое меньше в процентном отношении, чем 1925 год. Валовая продукция промышленности составляла тогда 15 500 млн. рублей. Весь прирост на год составил в абсолютных цифрах 3 280 млн. рублей. Стало быть, каждый процент прироста равнялся тогда 126 млн. рублей, т. е. составлял почти втрое большую сумму, чем в 1925 году, когда мы имели 66% прироста. Возьмем, наконец, 1931 год. Он дал 22% прироста, т. е. втрое меньше, чем в 1925 году. Валовая продукция промышленности составляла тогда 30 800 млн. рублей. Весь прирост дал в абсолютных цифрах 5 600 млн. с лишним. Стало быть, каждый процент прироста составил свыше 250 млн. рублей, т. е. в шесть раз больше, чем в 1925 году, когда мы имели 66% прироста, и вдвое больше, чем в 1928 году, когда мы имели 26 с лишним процентов прироста.

О чем все это говорит? О том, что при изучении темпов прироста продукции нельзя ограничиваться рассмотрением одной лишь общей суммы процентов прироста,— надо еще знать, что скрывается за каждым процентом прироста и какова общая сумма годового прироста продукции. Мы берем, например, для 1933 г. 16% прироста, т. е. в четыре раза меньше, чем в 1925 году. Но это еще не значит, что прирост продукции за этот год будет также в четыре раза меньше. Прирост продукции в 1925 году в абсолютных цифрах составил 3 миллиарда с лишним, а каждый процент равнялся 45 миллионам рублей. Нет оснований сомневаться в том, что прирост продукции в 1933 г. в абсолютных цифрах при норме 16% прироста составит не менее 5 миллиардов рублей, т. е. почти вдвое больше, чем в 1925 г., а каждый процент прироста будет равняться по крайней мере 320—340 миллионам рублей, т. е. будет составлять по крайней мере в семь раз большую сумму, чем каждый процент прироста в 1925 году.

Вот как оборачивается дело, товарищи, если рассматривать вопрос о темпах и процентах прироста конкретно.

Так обстоит дело с итогами пятилетки в четыре года в области промышленности.

IV. Итоги пятилетки в четыре года в области сельского хозяйства

Перейдем к вопросу об итогах пятилетки в четыре года в области сельского хозяйства.

Пятилетка в области сельского хозяйства есть пятилетка коллективизации. Из чего исходила партия, проводя коллективизацию?.

Партия исходила из того, что для упрочения диктатуры пролетариата и построения социалистического общества, кроме индустриализации, необходим еще переход от мелкого индивидуального крестьянского хозяйства к крупному коллективному сельскому хозяйству, снабженному тракторами и современными сельхозмашинами, как единственно прочной основе Советской власти в деревне.

Партия исходила из того, что без коллективизации невозможно вывести нашу страну на широкую дорогу построения экономического фундамента социализма, невозможно избавить многомиллионное трудящееся крестьянство от нищеты и невежества.

Ленин говорил, что

«Мелким хозяйством из нужды не выйти» (см. т. XXIV, стр. 540).

Ленин говорил, что

«Если мы будем сидеть по-старому в мелких хозяйствах, хотя и вольными гражданами на вольной земле, нам все равно грозит неминуемая гибель» (см. т. XX, стр. 417).

Ленин говорил, что

«Только при помощи общего, артельного, товарищеского труда можно выйти из того тупика, в который загнала нас империалистская война» (см. т. XXIV, стр. 537).

Ленин говорил, что

«Необходимо перейти к общей обработке в крупных образцовых хозяйствах; без этого выйти из той разрухи, из того прямо-таки отчаянного положения, в котором находится Россия, нельзя» (см. т. XX, стр. 418).

Исходя из этого, Ленин пришел к следующему основному выводу:

«Лишь в том случае, если удастся на деле показать крестьянам преимущества общественной, коллективной, товарищеской, артельной обработки земли, лишь, если удастся помочь крестьянину, при помощи товарищеского, артельного хозяйства, тогда только рабочий класс, держащий в своих руках государственную власть, действительно докажет крестьянину свою правоту, действительно привлечет на свою сторону прочно и на стоящим образом многомиллионную крестьянскую массу» (см. т. XXIV, стр. 579—580).

Из этих положений Ленина исходила партия, проводя программу коллективизации сельского хозяйства, программу пятилетки в области сельского хозяйства.

В связи с этим задача пятилетки по сельскому хозяйству состояла в том, чтобы объединить разрозненные и мелкие индивидуальные крестьянские хозяйства, лишенные возможности использовать тракторы и современные сельхозхозяйственные машины, — в крупные коллективные хозяйства, вооруженные всеми современными орудиями высоко развитого сельского хозяйства, а свободные земли покрыть образцовыми государственными хозяйствами, совхозами.

Задача пятилетки по сельскому хозяйству состояла в том, чтобы превратить СССР из страны мелко-крестьянской и отсталой в страну крупного сельского хозяйства, организованного на базе коллективного труда и дающего наибольшую товарность.

Чего добилась партия, проводя программу пятилетки в четыре года в области сельского хозяйства? Выполнила она эту программу или потерпела крах?

Партия добилась того, что в продолжение каких-нибудь трех лет она сумела организовать более 200 тысяч коллективных хозяйств и около 5 тысяч созхозов зернового и животноводческого направления, добившись одновременно расширения посевных площадей за 4 года на 21 миллион гектар.

Партия добилась того, что колхозы объединяют теперь свыше 60% крестьянских хозяйств с охватом свыше 70% всех крестьянских площадей, что означает *перевыполнение* пятилетки *в три раза*.

Партия добилась того, что вместо 500—600 миллионов пудов товарного хлеба, заготовлявшегося в период преобладания индивидуального крестьянского хозяйства, она имеет теперь возможность заготавливать 1 200—1 400 миллионов пудов зерна ежегодно.

Партия добилась того, что кулачество как класс разгромлено, хотя и не добито еще, трудовое крестьянство освобождено от кулацкой кабалы и эксплуатации и под Советскую власть подведена прочная экономическая база в деревне, база коллективного хозяйства.

Партия добилась того, что СССР уже преобразован из страны мелко-крестьянского хозяйства в страну самого крупного сельского хозяйства в мире.

Таковы в общем итоги пятилетки в четыре года в области сельского хозяйства.

Судите теперь сами: чего стоит после всего этого болтовня буржуазной печати о «крахе» коллективизации, о «провале» пятилетки в области сельского хозяйства.

А как обстоит дело с сельским хозяйством в *капиталистических* странах, переживающих ныне жестокий сельскохозяйственный кризис?

Вот всем известные официальные данные.

Сокращены посевные площади в основных хлебопроизводящих странах на 8—10%. Сокращены посевные площади по хлопку в САСШ на 15%, по сахарной свекле в Германии и Чехо-Словакии — на 22—30%, по льну в Литве и Латвии — на 25—30%.

По данным американского сельскохозяйственного департамента стоимость валовой продукции сельского хозяйства в САСШ *снизилась* с 11 миллиардов долларов в 1929 г. до 5 млрд. в 1932 году, т. е. более чем на 50%. По зерну там же стоимость валовой продукции *снизилась* с 1 288 миллионов долларов в 1929 г. до 391 миллиона долларов в 1932 г., т. е. более чем на 68%. По хлопку там же — *снижение* с 1 389 миллионов долларов в 1929 г. до 397 миллионов долларов в 1932 году, т. е. снижение более чем на 70%.

Не говорят ли все эти факты о преимуществах советской системы сельского хозяйства перед системой капиталистической? Не говорят ли эти факты о том, что колхозы являются более жизнеспособной формой хозяйства, чем единоличные и капиталистические хозяйства?

Говорят, что колхозы и совхозы не вполне рентабельны, что они поглощают уйму средств, что держать такие предприятия нет никакого резона, что целесообразнее было бы распустить их, оставив лишь рентабель-

ные из них. Но так могут говорить лишь люди, которые ничего не смыслят в вопросах народного хозяйства, в вопросах экономики. Более половины текстильных предприятий несколько лет тому назад были нерентабельны. Одна часть наших товарищей предлагала нам тогда закрыть эти предприятия. Что было бы с нами, если бы мы послушались их? Мы совершили бы величайшее преступление перед страной, перед рабочим классом, ибо мы разорили бы этим нашу подымавшуюся промышленность. Как же мы поступили тогда? Мы выждали год с лишним и добились того, что вся текстильная промышленность стала рентабельной. А наш автозавод в городе Горьком? Тоже ведь нерентабелен пока что. Не прикажете ли закрыть его? Или наша черная металлургия, которая тоже пока что нерентабельна? Не закрыть ли ее, товарищи? Если так смотреть на рентабельность, то мы должны были бы развивать во-всю лишь некоторые отрасли промышленности, дающие наибольшую ренту, например,— кондитерскую промышленность, мукомольную промышленность, парфюмерную, трикотажную, промышленность детских игрушек и т. д. Я, конечно, не против развития этих отраслей промышленности. Наоборот, они должны быть развиты, так как они также нужны для населения. Но, во-первых, они не могут быть развиты без оборудования и топлива, которые дает им тяжелая индустрия. Во-вторых, на них невозможно базировать индустриализацию. Вот в чем дело, товарищи.

На рентабельность нельзя смотреть торгашески, с точки зрения данной минуты. Рентабельность надо брать с точки зрения общенародного хозяйства в разрезе нескольких лет. Только такая точка зрения может быть названа действительно ленинской, действительно марксистской. И эта точка зрения обязательна не только в отношении промышленности, но в еще большей степени — в отношении колхозов и совхозов. Вы только подумайте: в каких-нибудь три года мы создали более 200 тысяч колхозов и около 5 тысяч совхозов, т. е. мы создали совершенно новые крупные предприятия, имеющие такое же значение для сельского хозяйства, как заводы и фабрики для промышленности. Назовите страну, которая сумела создать в продолжение трех лет не 205 тысяч новых крупных предприятий, а хотя бы 25 тысяч таких предприятий. Вы не назовете, ибо нет и не бывало такой страны. А мы создали 205 тысяч новых предприятий в сельском хозяйстве. И вот есть, оказывается, на свете люди, которые требуют, чтобы эти предприятия стали сразу рентабельными, а если они не станут сразу рентабельными, то разрушить и распустить их. Не ясно ли, что лавры Герострата не дают спать этим более чем странным людям?

Говоря о нерентабельности колхозов и совхозов, я вовсе не хочу, сказать, что они все нерентабельны. Ничего подобного! Всем известно, что уже теперь имеется целый ряд высоко рентабельных колхозов и совхозов. У нас имеются тысячи колхозов и десятки совхозов, вполне рентабельных уже теперь. Эти колхозы и совхозы составляют гордость нашей партии, гордость Советской власти. Колхозы и совхозы, конечно, не везде одинаковы. Среди колхозов и совхозов имеются старые, новые и совсем молодые. Это еще слабые, не вполне отлившиеся хозяйственные организмы. Они переживают в своем организационном строительстве, приблизительно, тот же

период, какой переживали наши заводы и фабрики в 1920—21 гг. Понятно, что они не могут быть еще рентабельными в своем большинстве. Но что они станут рентабельными в продолжение 2—3 лет, так же, как стали рентабельными наши фабрики и заводы после 1921 года,— в этом не может быть никакого сомнения. Отказать им в помощи и поддержке на том основании, что не все они рентабельны в данную минуту,— значит совершить величайшее преступление перед рабочим классом и крестьянством. Только враги народа и контрреволюционеры могут ставить вопрос о ненужности колхозов и совхозов.

Осуществляя пятилетку по сельскому хозяйству, партия проводила коллективизацию ускоренными темпами. Правильно ли поступала партия, проводя политику ускоренных темпов коллективизации? Да, безусловно правильно, хотя и не обошлось здесь дело без некоторых увлечений. Проводя политику ликвидации кулачества как класса и выкорчевывая кулацкие гнезда, партия не могла остановиться на полдороге,— она должна была довести до конца это дело.

Это, во-первых.

Во-вторых, располагая тракторами и сельхозмашинами, с одной стороны, и пользуясь отсутствием частной собственности на землю (национализация земли!), с другой стороны, партия имела все возможности форсировать коллективизацию сельского хозяйства. И она действительно добилась в этой области величайшего успеха, ибо перевыполнила программу пятилетки по коллективизации втрое.

Значит ли это, что мы должны проводить политику форсированных темпов коллективизации и в период второй пятилетки? Нет, не значит. Дело в том, что мы *уже закончили* в основном коллективизацию основных районов СССР. Стало быть, сделали больше в этой области, чем можно было ожидать. И не только закончили в основном коллективизацию. Мы добились того, что в создании громадного большинства крестьянства колхозы стали наиболее приемлемой формой хозяйства. Это — громадное завоевание, товарищи. Стоит ли после этого пороть горячку насчет быстрых темпов коллективизации? Ясно, что не стоит.

Теперь вопрос стоит уже не об ускоренных темпах коллективизации, и тем более не о том — быть или не быть колхозам,— этот вопрос уже решен положительно. Колхозы закреплены, и путь к старому, единоличному хозяйству закрыт окончательно. Теперь задача состоит в том, чтобы укрепить колхозы *организационно*, вышибить оттуда вредительские элементы, подобрать настоящие, проверенные большевистские кадры для колхозов и сделать колхозы действительно большевистскими.

В этом теперь главное.

Так обстоит дело с пятилеткой в четыре года в области сельского хозяйства.

V. Итоги пятилетки в четыре года в области улучшения материального положения рабочих и крестьян

Я говорил выше об успехах в области промышленности и сельского хозяйства, о подъеме промышленности и сельского хозяйства в СССР. Какие результаты получились от этих успехов с точки зрения улучшения

материального положения рабочих и крестьян? В чем состоят основные результаты наших успехов в области промышленности и сельского хозяйства с точки зрения коренного улучшения материального положения трудящихся?

Они состоят, во-первых, в *уничтожении безработицы* и ликвидации неуверенности в завтрашнем дне среди рабочих.

Они состоят, во-вторых, в охвате колхозным строительством почти всей крестьянской бедноты, в подрыве на этой основе расслоения крестьянства на кулаков и бедняков и в *уничтожении в связи с этим обнищания и пауперизма в деревне*.

Это — громадное завоевание, товарищи, о котором не может мечтать ни одно буржуазное государство, будь оно самым что ни на есть «демократическим» государством.

У нас, в СССР, рабочие давно уже забыли о безработице. Года три тому назад мы имели около полутора миллионов безработных. Вот уже два года, как уничтожили мы безработицу. И рабочие успели уже забыть за это время о безработице, об ее гнете, об ее ужасах. Посмотрите-ка на капиталистические страны, какие ужасы творятся там на почве безработицы. В этих странах имеется теперь не менее 30—40 миллионов безработных. Что это за люди? О них обычно говорят, что это «конченные люди».

Они каждый день добиваются работы, ищут работы, готовы принять почти любые условия работы, но их не принимают на работу, потому что они «лишние» люди. И это в то время, когда огромные массы товаров и продуктов расточаются ради капризов баловней судьбы, сынков капиталистов и помещиков. Безработным отказывают в пище, потому что им нечем платить за пищу, им отказывают в крове, потому что им нечем платить за квартиру. Чем и где они живут? Они живут скудными подачками с барского стола, раскапыванием мусорных ящиков, где они находят гнилые остатки пищи, живут в трущобах больших городов, а больше всего в лачужках за городом, наскоро выстроенных безработными из досок от ящиков и древесной коры. Но это не все. От безработицы страдают не только безработные. От нее страдают также имеющие работу рабочие. Страдают, так как наличие большого количества безработных создает для них неустойчивое положение на производстве, неуверенность в завтрашнем дне. Сегодня они работают на предприятии, но они не уверены, что, проснувшись завтра, не узнают, что они уже рассчитаны.

Одно из основных завоеваний пятилетки в 4 года состоит в том, что мы уничтожили безработицу и избавили рабочих СССР от ее ужасов.

То же самое надо сказать о крестьянах. Они также забыли о расслоении крестьян на кулаков и бедняков, об эксплуатации бедноты со стороны кулаков, о разорении, которое каждый год пускало по миру сотни тысяч и миллионы бедноты. Года 3—4 тому назад у нас имелось бедняков среди крестьян не менее 30% всего крестьянского населения. Это составляло более десятка миллионов людей. А еще раньше, до Октябрьской революции, бедняки составляли не менее 60% крестьянского населения. Что такое бедняки? Это такие люди, у которых обычно не хватало для хозяйства либо семян, либо лошади, либо орудий, либо не хватало всех этих вещей

вместе взятых. Бедняки это такие люди, которые жили впроголодь и как правило находились в кабале у кулаков, а в старое время — и у кулаков и у помещиков. Еще совсем недавно около полутора миллионов, а то и целых два миллиона бедняков направлялось ежегодно на заработки на юг — на Северный Кавказ и Украину, в наймиты к кулакам, а еще раньше — к кулакам и помещикам. Еще больше приходило их ежегодно к заводским воротам, заполняя ряды безработных. И не только бедняки находились в таком незавидном положении. Добрая половина середняков находилась в такой же нужде и лишениях, как бедняки. Обо всем этом успели уже забыть крестьяне.

Что дала пятилетка в четыре года беднякам и низшим слоям середняков? Она подорвала и разбила кулачество как класс, освободив бедняков и добрую половину середняков от кулацкой кабалы. Она вовлекла их в колхозы и создала для них прочное положение. Она уничтожила тем самым возможность расслоения крестьянства на эксплуататоров—кулаков и эксплуатируемых—бедняков. Она подняла бедноту и низшие слои середняков в колхозах на положение людей обеспеченных, уничтожив тем самым процесс разорения и обнищания крестьянства. Теперь уже нет у нас таких случаев, чтобы миллионы крестьян срывались ежегодно со своих мест и уходили на заработки в далекие края. Для того, чтобы вытянуть крестьянина на работу куда-нибудь вне его собственного колхоза, теперь надо подписывать договор с колхозом, да еще обеспечить колхознику даровой проезд по железной дороге. Теперь уже нет у нас таких случаев, чтобы сотни тысяч и миллионы крестьян разорялись и обивали пороги фабрик и заводов. Это дело было, но оно давно уж сплыло. Теперь крестьянин — обеспеченный хозяин, член колхоза, имеющего в своем распоряжении тракторы, сельхозмашины, семфонды, запфонды и т. д. и т. п.

Вот, что дала пятилетка бедноте и низшим слоям середняков.

Вот в чем суть основных завоеваний пятилетки в области улучшения материального положения рабочих и крестьян.

В результате этих основных завоеваний в области улучшения материального положения рабочих и крестьян, мы имеем за первую пятилетку:

а) рост численности рабочих и служащих крупной промышленности *вдвое* в сравнении с 1928 годом, что дает перевыполнение пятилетнего плана на 57%;

б) рост народного дохода,—стало быть, рост доходов рабочих и крестьян,—достигшего в 1932 году 45,1 миллиардов рублей, что дает увеличение на 85% по сравнению с 1928 годом;

в) рост средне-годовой заработной платы рабочих и служащих крупной промышленности на 67% в сравнении с 1928 годом, что дает перевыполнение пятилетки на 18%;

г) рост фонда социального страхования на 292% в сравнении с 1928 годом (4 120 млн. рублей в 1932 г. против 1 050 млн. рублей в 1928 г.), что дает перевыполнение пятилетнего плана на 111%;

д) рост общественного питания с охватом свыше 70% рабочих решающих отраслей промышленности, что дает перевыполнение пятилетки в шесть раз.

Конечно, мы еще не добились того, чтобы полностью обеспечить матери-

альные запросы рабочих и крестьян. И едва ли мы добьемся этого в ближайшие годы. Но мы несомненно добились того, что материальное положение рабочих и крестьян улучшается у нас из года в год. В этом могут сомневаться разве только заклятые враги Советской власти или, может быть, некоторые представители буржуазной печати, в том числе и одна часть корреспондентов этой печати в Москве, которые понимают в экономике народов и в положении трудящихся едва ли больше, чем, скажем, абиссинский король в высшей математике.

А как обстоит дело с положением рабочих и крестьян в капиталистических странах?

Вот официальные данные.

Катастрофически возросло количество безработных в капиталистических странах. В САСШ по официальным данным по одной только обрабатывающей промышленности число занятых рабочих уменьшилось с 8,5 миллионов человек в 1928 г. до 5,5 миллионов в 1932 г., по данным же Американской федерации труда число безработных в САСШ во всей промышленности доходит к концу 1932 года до 11 миллионов человек. В Англии количество безработных по данным официальной статистики возросло с 1 290 тысяч в 1928 г. до 2,8 миллионов человек в 1932 г. В Германии по официальным данным количество безработных возросло с 1 376 тысяч в 1928 г. до 5,5 миллионов в 1932 г. Такая же картина наблюдается во всех капиталистических странах, причем официальная статистика, как правило, преуменьшает данные о безработных, количество которых колеблется в капиталистических странах от 35 до 40 миллионов человек.

Систематически проводится снижение заработной платы рабочих. По официальным данным снижение среднемесячной зарплаты в САСШ достигло 35% по сравнению с уровнем 1928 г., в Англии за тот же срок — 15%, а в Германии даже — 50%. По подсчетам Американской федерации труда потери американских рабочих в результате снижения зарплаты в 1930/31 г. составили более 35 миллиардов долларов.

Значительно сокращены и без того незначительные фонды страхования рабочих в Англии и Германии. В САСШ и во Франции совершенно отсутствуют или почти отсутствуют какие бы то ни было формы страхования безработных, ввиду чего колоссально растет число бездомных рабочих и беспризорных детей, особенно в САСШ.

Не лучше обстоит дело с положением крестьянских масс в капиталистических странах, где сельскохозяйственный кризис в корне подрывает крестьянское хозяйство и пускает миллионы разоренных крестьян и фермеров по миру.

Таковы итоги пятилетки в четыре года в области улучшения материального положения трудящихся СССР.

VI. Итоги пятилетки в четыре года в области товарооборота между городом и деревней

Перейдем теперь к вопросу об итогах пятилетки в четыре года в области роста товарооборота между городом и деревней.

Громадный рост продукции промышленности и сельского хозяйства, рост

товарных излишков как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, наконец, рост потребностей рабочих и крестьян,— все это не могло не привести и действительно привело к оживлению и расширению товарооборота между городом и деревней.

Производственная смычка между городом и деревней есть основная форма смычки. Но одной лишь производственной смычки недостаточно. Ее надо дополнить смычкой товарной для того, чтобы связь между городом и деревней стала прочной и неразрывной. Этого можно добиться лишь через развертывание советской торговли. Было бы неправильно думать, что советскую торговлю можно развернуть через какой-либо один канал, например, через кооперацию. Для развертывания советской торговли необходимо использовать все каналы: и кооперативную сеть, и государственно-торговую сеть, и колхозную торговлю.

Некоторые товарищи думают, что развертывание советской торговли, особенно же развертывание колхозной торговли, есть возврат к первой стадии нэпа. Это совершенно неверно.

Между советской торговлей, в том числе колхозной торговлей, и торговлей первой стадии нэпа существует коренная разница.

На первой стадии нэпа мы допускали оживление капитализма, допускали частный товарооборот, допускали «деятельность» частных торговцев, капиталистов, спекулянтов.

Это была более или менее свободная торговля, ограниченная лишь регулирующей ролью государства. Тогда частно-капиталистический сектор в товарообороте страны занимал довольно большое место. Я уже не говорю о том, что тогда не было у нас ни такой развитой промышленности, как теперь, не было ни колхозов, ни совхозов, работающих по плану и дающих в распоряжение государства громадные резервы сельскохозяйственных продуктов и городских изделий.

Можно ли сказать, что мы имеем теперь такое же положение? Конечно, нельзя этого сказать.

Во-первых, советскую торговлю нельзя ставить на одну доску с торговлей на первой стадии нэпа, хотя бы и регулируемой государством. Если торговля на первой стадии нэпа допускала оживление капитализма и функционирование частно-капиталистического сектора в товарообороте, то советская торговля исходит из отрицания как того, так и другого. Что такое советская торговля? Советская торговля есть торговля без капиталистов — малых и больших, торговля без спекулянтов — малых и больших. Это особого рода торговля, которой не знала до сих пор история и которую практикуем только мы, большевики, в условиях советского развития.

Во-вторых, мы имеем теперь довольно развитую государственную промышленность и целую систему колхозов и совхозов, обеспечивающих государству громадные резервы сельскохозяйственных и промышленных товаров для разворота советской торговли. Этого не было и не могло быть в условиях первой стадии нэпа.

В-третьих, мы добились того, что за последний период вышибли совершенно из товарооборота частных торговцев, купцов, посредников всякого рода. Конечно, это не исключает того, что могут вновь появиться в товарообороте по закону атавизма частные торговцы и спекулянты, исполь-

зуя для этого наиболее удобное для них поле, а именно — колхозную торговлю. Более того, сами колхозники иногда не прочь пуститься в спекуляцию, что не делает им, конечно, чести. Но против этих нездоровых явлений у нас имеется недавно изданный закон Советской власти о мерах пресечения спекуляции и наказания спекулянтов. Вы знаете, конечно, что закон этот не страдает особой мягкостью. Вы поймете, конечно, что такого закона не было и не могло быть в условиях первой стадии нэпа.

Вы видите, что говорить после всего этого о возврате к торговле первой стадии нэпа, — значит ничего, ровным счетом ничего не понимать в нашей советской экономике.

Нам говорят, что невозможно развернуть торговлю, если даже она является советской торговлей, без здорового денежного хозяйства и здоровой валюты, что надо прежде всего лечить денежное хозяйство и нашу советскую валюту, которая якобы не представляет никакой ценности. Так говорят нам экономисты капиталистических стран. Я думаю, что эти уважаемые экономисты понимают в политической экономии не больше, чем, скажем, архиепископ Кентерберийский в антирелигиозной пропаганде. Как можно утверждать, что наша советская валюта не представляет никакой ценности? Разве это не факт, что на эту валюту строили мы Магнитострой, Днепрострой, Кузнецкстрой, Сталинградский и Харьковский тракторные заводы, Горьковский и Московский автомобильные заводы, сотни тысяч колхозов и тысячи совхозов? Не думают ли эти господа, что все эти предприятия построены из соломы или из глины, а не из действительных материалов, имеющих определенную ценность? Чем обеспечивается устойчивость советской валюты, если иметь в виду, конечно, организованный рынок, имеющий решающее значение в товарообороте страны, а не рынок неорганизованный, имеющий лишь подчиненное значение? Конечно, не только золотым запасом. Устойчивость советской валюты обеспечивается прежде всего громадным количеством товарных масс в руках государства, пускаемых в товарооборот по устойчивым ценам. Кто из экономистов может отрицать, что такое обеспечение, имеющее место только в СССР, является более реальным обеспечением устойчивости валюты, чем любой золотой запас? Поймут ли когда-нибудь экономисты капиталистических стран, что они окончательно запутались с теорией золотого запаса, как единственного обеспечения устойчивости валюты?

Так обстоит дело с вопросами, связанными с разворачиванием советской торговли.

Чего добились мы в результате проведения пятилетки в области развращения советской торговли?

В итоге пятилетки мы имеем:

а) увеличение продукции легкой промышленности, поднявшейся до 187% по сравнению с 1928 годом;

б) рост розничного кооперативно-государственного товарооборота, составляющего сейчас в ценах 1932 года 39,6 миллиардов рублей, т. е. увеличение товарной массы в розничной торговле до 175% от 1928 года;

в) рост государственно-кооперативной торговой сети на 158 тысяч лавок и магазинов по отношению к 1929 году;

г) все увеличивающееся развертывание колхозной торговли и сельскохозяйственных заготовок отдельных государственных и кооперативных организаций.

Таковы факты.

Совершенно другую картину представляет положение товарооборота внутри *капиталистических* стран, где кризис привел к катастрофическому сокращению торговли, массовому закрытию предприятий и разорению мелких и средних торговцев, банкротству крупных торговых фирм и затовариванию торговых предприятий при продолжающемся падении покупательной способности трудящихся масс.

Таковы итоги пятилетки в четыре года в области развития товарооборота.

VII. Итоги пятилетки в четыре года в области борьбы с остатками враждебных классов

В итоге осуществления пятилетки в области промышленности, сельского хозяйства и торговли мы утвердили во всех сферах народного хозяйства принцип социализма, изгнав оттуда капиталистические элементы.

К чему это должно было привести в отношении капиталистических элементов и к чему оно на самом деле привело?

Это привело к тому, что оказались вышибленными из колеи последние остатки умирающих классов: промышленники и их челядь, торговцы и их приспешники, бывшие дворяне и попы, кулаки и подкулачники, бывшие белые офицеры и урядники, бывшие полицейские и жандармы, всякого рода буржуазные интеллигенты шовинистического толка и все прочие антисоветские элементы.

Будучи вышибленными из колеи и разбросавшись по лицу всего СССР, эти бывшие люди расползлись по нашим заводам и фабрикам, по нашим учреждениям и торговым организациям, по предприятиям железнодорожного и водного транспорта и главным образом — по колхозам и совхозам. Расползлись и укрылись они там, накинув маску «рабочих» и «крестьян», причем кое-кто из них пролез даже в партию.

С чем они пришли туда? Конечно, с чувством ненависти к Советской власти, с чувством лютой вражды к новым формам хозяйства, быта, культуры.

Пойти в прямую атаку против Советской власти эти господа уже не в силах. Они и их классы несколько раз вели уже такие атаки, но были разбиты и рассеяны. Поэтому единственное, что остается им делать,— это пакостить и вредить рабочим, колхозникам, Советской власти, партии. И они пакостят как только могут, действуя тихой сапой. Поджигают склады и ломают машины. Организуют саботаж. Организуют вредительство в колхозах, в совхозах, причем некоторые из них, в числе которых имеются и кое-какие профессора, в своем вредительском порыве доходят до того, что прививают скотине в колхозах и совхозах чуму, сибирскую язву, способствуют распространению менингита среди лошадей и т. д.

Но главное не в этом. Главное в «деятельности» этих бывших людей состоит в том, что они организуют массовое воровство и хищение государственного имущества, кооперативного имущества, колхозной собственности. Воровство и хищение на фабриках и заводах, воровство и хищение железнодорожных грузов, воровство и хищение в складах и торговых предприятиях,— особенно воровство и хищение в совхозах и колхозах,— такова основная форма «деятельности» этих бывших людей. Они чувствуют как бы классовым инстинктом, что основой советского хозяйства является общественная собственность, что именно эту основу, надо расшатать, чтобы напакостить Советской власти,— и они действительно стараются расшатать общественную собственность путем организации массового воровства и хищения.

Для организации хищений они используют частно-собственнические навыки и пережитки колхозников, вчерашних единоличников, а ныне членов колхозов. Вы, как марксисты, должны знать, что сознание людей отстает в своем развитии от фактического их положения. Колхозники по положению уже не единоличники, а коллективисты, но сознание у них пока еще старое, частно-собственническое. И вот бывшие люди из рядов эксплуататорских классов используют частно-собственнические привычки колхозников, чтобы организовать расхищение общественного имущества и тем поколебать основу советского строя — общественную собственность.

Многие наши товарищи благодушно смотрят на подобное явление, не понимая смысла и значения фактов массового воровства и хищения. Они, как слепые, проходят мимо этих фактов, полагая, что «тут нет ничего особенного». Но они, эти товарищи, глубоко заблуждаются. Основой нашего строя является общественная собственность так же, как основой капитализма — собственность частная. Если капиталисты провозгласили частную собственность священной и неприкосновенной, добившись в свое время укрепления капиталистического строя, то мы, коммунисты, тем более должны провозгласить общественную собственность священной и неприкосновенной, чтобы закрепить тем самым новые социалистические формы хозяйства во всех областях производства и торговли. Допускать воровство и хищение общественной собственности,— все равно, идет ли дело о собственности государственной или о собственности кооперативной и колхозной,— и проходить мимо подобных контр-революционных безобразий,— значит содействовать подрыву советского строя, опирающегося на общественную собственность, как на свою базу. Из этого исходило наше советское правительство, когда оно издало недавно закон об охране общественной собственности. Этот закон есть основа революционной законности в настоящий момент. А обязанность строжайшего его проведения в жизнь является первейшим долгом каждого коммуниста, каждого рабочего и колхозника.

Говорят, что революционная законность нашего времени ничем не отличается от революционной законности первого периода нэпа, что революционная законность нашего времени есть возврат к революционной законности первого периода нэпа. Это совершенно неверно. Революционная законность первого периода нэпа обращалась своим острием главным образом против крайностей военного коммунизма, против «незаконных» конфискации и поборов.

Она гарантировала частному хозяину, единоличнику, капиталисту сохранность их имущества при условии строжайшего соблюдения ими советских законов. Совершенно по-иному обстоит дело с революционной законностью в наше время. Революционная законность нашего времени направлена своим острием не против крайностей военного коммунизма, которых давно уже нет в природе, а против воров и вредителей в общественном хозяйстве, против хулиганов и расхитителей общественной собственности. Основная забота революционной законности в наше время состоит следовательно в охране общественной собственности, а не в чем-либо другом.

Вот почему борьба за охрану общественной собственности, борьба всеми мерами и всеми средствами, предоставляемыми в наше распоряжение законами Советской власти,— является одной из основных задач партии.

Сильная и мощная диктатура пролетариата,— вот что нам нужно теперь для того, чтобы развеять в прах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации.

Некоторые товарищи поняли тезис об уничтожении классов, создании бесклассового общества и отмирании государства, как оправдание лени и благодушия, оправдание контр-революционной теории потухания классовой борьбы и ослабления государственной власти. Нечего и говорить, что такие люди не могут иметь ничего общего с нашей партией. Это— пережденцы, либо двурушники, которых надо гнать вон из партии. Уничтожение классов достигается не путем потухания классовой борьбы, а путем ее усиления. Отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление, необходимое для того, чтобы добить остатки умирающих классов и организовать оборону против капиталистического окружения, которое далеко еще не уничтожено и не скоро еще будет уничтожено.

В результате осуществления пятилетки мы добились того, что вышибли вконец последние остатки враждебных классов из их производственных позиций, разгромили кулачество и подготовили почву для его уничтожения. Таков итог пятилетки в области борьбы с последними отрядами буржуазии. Но этого мало. Задача состоит в том, чтобы вышибить этих бывших людей из наших же собственных предприятий и учреждений и окончательно их обезвредить.

Нельзя сказать, чтобы эти бывшие люди могли что-либо изменить своими вредительскими и воровскими махинациями в нынешнем положении в СССР. Они слишком слабы и немощны для того, чтобы противостоять мероприятиям Советской власти. Но если наши товарищи не вооружатся революционной бдительностью и не изгонят из практики обывательски-благодушное отношение к фактам воровства и расхищения общественной собственности, то бывшие люди могут наделать не мало пакостей.

Надо иметь в виду, что рост мощи советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов. Именно потому, что они умирают и доживают последние дни, они будут переходить от одних форм наскоков к другим, более резким формам наскоков, апеллируя к отсталым слоям населения и мобилизуя их против Советской власти. Нет

такой пакости и клеветы, которую бы эти бывшие люди не возвели на Советскую власть и вокруг которых не попытались бы мобилизовать отсталые элементы. На этой почве могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контр-революционных партий эс-эров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут ожить и зашевелиться осколки контр-революционных оппозиционных элементов из троцкистов и правых уклонистов. Это, конечно, не страшно. Но все это надо иметь в виду, если мы хотим покончить с этими элементами быстро и без особых жертв.

Вот почему революционная бдительность является тем самым качеством, которое особенно необходимо теперь большевикам

VIII. Общие выводы

Таковы основные итоги проведения в жизнь пятилетнего плана в области промышленности и сельского хозяйства, в области улучшения быта трудящихся и развития товарооборота, в области укрепления Советской власти и разворачивания классовой борьбы против остатков и пережитков отживающих классов.

Таковы успехи и завоевания Советской власти за последние четыре года.

Было бы ошибочно думать на основании этих успехов, что все обстоит у нас благополучно. Конечно, у нас не все еще обстоит благополучно. Недостатков и ошибок в нашей работе имеется достаточно. Бесхозяйственность и бестолковщина все еще имеют место в нашей практике. Я, к сожалению, не могу сейчас остановиться на недостатках и ошибках, так как рамки порученного мне итогового доклада не дают для этого простора. Но дело теперь не в этом. Дело в том, что, несмотря на недостатки и ошибки, наличия которых никто из нас не отрицает, мы добились таких серьезных успехов, которые вызывают восхищение в рабочем классе всего мира, мы добились такой победы, которая имеет поистине всемирно-историческое значение.

Что могло сыграть и что действительно сыграло главную роль в том, что, несмотря на ошибки и недостатки, партия добилась все же решающих успехов в деле проведения пятилетки в четыре года?

Где те основные силы, которые обеспечили нам эту историческую победу, несмотря ни на что?

Это, прежде всего, активность и самоотверженность, энтузиазм и инициатива миллионных масс рабочих и колхозников, развивших вместе с инженерно-техническими силами колоссальную энергию по разворачиванию социалистического соревнования и ударничества. Не может быть сомнения, что без этого обстоятельства мы не могли бы добиться цели, не могли бы двинуться вперед ни на шаг.

Это, во-вторых, твердое руководство партии и правительства, звавших массы вперед и преодолевавших все и всякие трудности на пути к цели.

Это, наконец, особые достоинства и преимущества советской системы хозяйства, таящей в себе колоссальные возможности, необходимые для преодоления всех и всяких трудностей.

Таковы три основные силы, определившие историческую победу СССР. Общие выводы:

1. Итоги пятилетки опрокинули утверждение буржуазных и социал-демократических деятелей о том, что пятилетний план есть фантазия, бред, неосуществимая мечта. Итоги пятилетки показали, что пятилетний план уже осуществлен.

2. Итоги пятилетки разбили известный буржуазный «символ веры» о том, что рабочий класс не способен строить новое, что он способен лишь разрушить старое. Итоги пятилетки показали, что рабочий класс способен так же хорошо строить новое, как и разрушать старое.

3. Итоги пятилетки разбили тезис социал-демократов о том, что невозможно построить социализм в одной, отдельно взятой стране. Итоги пятилетки показали, что вполне возможно построить в одной стране социалистическое общество, ибо экономический фундамент такого общества уже построен в СССР.

4. Итоги пятилетки опрокинули утверждение буржуазных экономистов о том, что капиталистическая система хозяйства является наилучшей системой, что всякая другая система хозяйства непрочна и неспособна выдержать экзамен перед лицом трудностей экономического развития. Итоги пятилетки показали, что капиталистическая система хозяйства несостоятельна и непрочна, что она уже отживает свой век и должна уступить свое место другой, высшей, советской, социалистической системе хозяйства, что единственная система хозяйства, которая не боится кризисов и способна преодолеть трудности, неразрешимые для капитализма, — это советская система хозяйства.

5. Наконец, итоги пятилетки показали, что партия непобедима, *если* она знает, куда вести дело, и не боится трудностей.

(Бурные, долго не смолкающие аплодисменты, переходящие в овацию, зал стоя приветствует тов. Сталина.)

«Вопросы ленинизма», стр. 478—512, изд. 10-е.

И. Сталин. О РАБОТЕ В ДЕРЕВНЕ. Речь на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). 11 января 1933 г.

Товарищи! Я думаю, что ораторы правильно обрисовали состояние партийной работы в деревне, ее недостатки, ее достоинства, — особенно ее недостатки. И все же, мне кажется, что они не сказали самого главного насчет недостатков нашей работы в деревне, не вскрыли корней этих недостатков. А между тем эта сторона представляет для нас наибольший интерес. Позвольте поэтому, высказать свое мнение о недостатках нашей

работы в деревне, высказать со всей той прямоотой, которая свойственна большевикам.

В чем состоит главный недостаток нашей работы в деревне за последний год, за 1932 год?

Главный недостаток состоит в том, что хлебозаготовки в этом году прошли у нас с большими трудностями, чем в предыдущем году, чем в 1931 году.

Объяснить это плохим состоянием урожая никак нельзя, потому что урожай у нас был в этом году не хуже, а лучше, чем в предыдущем году. Никто не может отрицать, что валовой сбор хлебов в 1932 г. был больше, чем в 1931 году, когда засуха в 5-ти основных районах Северо-Востока СССР значительно сократила хлебный баланс страны. Конечно, мы и в 1932 г. имели некоторые потери урожая вследствие неблагоприятных климатических условий на Кубани и Тереке, а также в некоторых районах Украины. Но не может быть сомнения в том, что эти потери не составляют и половинной доли тех потерь, которые имели место в 1931 году в силу засухи в северо-восточных районах СССР. Стало быть, в 1932 г. хлеба у нас было в стране больше, чем в 1931 году. И все же, несмотря на это обстоятельство, хлебозаготовки прошли у нас в 1932 г. с большими затруднениями, чем в предыдущем году.

В чем тут дело? Где причины этого недостатка нашей работы? Чем объяснить это несоответствие?

1) Объясняется это прежде всего тем, что наши товарищи на местах, наши деревенские работники не сумели учесть новой обстановки в деревне, созданной объявлением колхозной торговли хлебом. И именно потому, что они не учли новой обстановки, именно поэтому они не сумели перестроиться на новый лад применительно к новой обстановке. Пока не было колхозной торговли хлебом, пока не было двух цен на хлеб, государственной и рыночной,— обстановка в деревне была одна. С объявлением колхозной торговли хлебом обстановка должна была измениться круто, ибо объявление колхозной торговли означает легализацию рыночной цены на хлеб, более высокой, чем установленная государственная цена. Нечего и доказывать, что это обстоятельство должно было создать у крестьян известную сдержанность в деле сдачи хлеба государству. Крестьянин прикидывал так: «объявлена колхозная торговля хлебом, легализована рыночная цена, на рынке я могу за то же количество хлеба получить больше, чем при сдаче хлеба государству,— стало быть, ежели я не дурак, я должен хлеб попридержать, сдавать его государству меньше, оставить его для колхозной торговли больше и таким образом добиться того, чтобы выручить больше за то же количество проданного хлеба».

Самая простая и естественная логика!

Но беда тут состоит в том, что наши деревенские работники, во всяком случае многие из них, не поняли этой простой и естественной вещи. Чтобы не сорвать заданий Советской власти, коммунисты должны были при этой новой обстановке с первых же дней уборки, еще в июле месяце 1932 г.,— они должны были всемерно усилить и подгонять хлебозаготовки. Этого тре-

бовала обстановка. А как они поступили на деле? Вместо того, чтобы подгонять хлебозаготовки, они стали подгонять образование всякого рода фондов, усиливая тем самым сдержанность сдатчиков хлеба в деле выполнения их обязанностей перед государством. Не поняв новой обстановки, они стали бояться не того, что сдержанность крестьян в деле хлебосдачи может затормозить хлебозаготовки, а стали бояться того, что крестьяне не догадуются попридержать хлеб для вывоза его потом на рынок по линии колхозной торговли и, чего доброго, возьмут да сдадут весь свой хлеб на элеваторы.

Иначе говоря, наши деревенские коммунисты, по крайней мере большинство из них, раскусили колхозную торговлю лишь с ее *положительной* стороны, поняли и усвоили ее *положительную* сторону, но совершенно не поняли и не усвоили *отрицательных* сторон колхозной торговли, — не поняли того, что отрицательные стороны колхозной торговли могут причинить большой вред государству, если они, т. е. коммунисты, не начнут с первых же дней уборки хлеба подгонять во-всю хлебозаготовительную кампанию.

И эта ошибка была допущена не только работниками в колхозах. Она была допущена также директорами совхозов, которые, преступно придерживая хлеб, подлежащий сдаче государству, стали продавать его на сторону по более высокой цене.

Учитывали ли Совнарком и ЦК эту новую обстановку, сложившуюся в связи с колхозной торговлей хлебом, в известном своем постановлении о развертывании колхозной торговли? Да, учитывали. В этом постановлении прямо говорится, что колхозную торговлю хлебом можно открыть лишь после того, как будет выполнен целиком и полностью план хлебозаготовок и будут собраны семена. Там прямо сказано, что только после окончания хлебозаготовок и засыпки семян, примерно к 15-му января 1933 года, — только после выполнения этих условий можно будет открыть колхозную торговлю хлебом. Этим своим постановлением Совнарком и ЦК как бы говорили нашим деревенским работникам: не заслоняйте своего внимания заботой о фондах и запасах всякого рода, не отвлекайтесь от главной задачи, разверните хлебозаготовки с первых же дней уборки и форсируйте их, ибо первая заповедь — выполнение плана хлебозаготовок, вторая заповедь — засыпка семян, и только после выполнения этих условий можете начать и развертывать колхозную торговлю хлебом.

Ошибка Политбюро ЦК и Совнаркома состояла, может быть, в том, что они недостаточно настойчиво подчеркнули эту сторону дела и недостаточно громко предупредили наших деревенских работников об опасностях, таящихся в колхозной торговле. Но, что они об этих опасностях предупредили, и предупредили достаточно ясно, — в этом не может быть никакого сомнения. Надо признать, что ЦК и Совнарком несколько переоценили ленинскую зачатку и прозорливость наших работников на местах, не только районных, но и ряда областных.

Может быть не надо было объявлять колхозную торговлю хлебом? Может быть это была ошибка, особенно, если иметь в виду то обстоятельство, что колхозной торговле присущи не только положительные, но и некоторые отрицательные стороны?

Нет, это не было ошибкой. Ни одно революционное мероприятие не гарантировано от некоторых отрицательных сторон, если оно проводится неправильно. То же самое надо сказать о колхозной торговле хлебом. Колхозная торговля нужна и выгодна как деревне, так и городу, как рабочему классу, так и крестьянству. И именно потому, что она выгодна, ее надо было ввести.

Чем руководствовались Совнарком и ЦК, вводя колхозную торговлю хлебом?

Прежде всего тем, чтобы расширить базу товарооборота между городом и деревней и улучшить снабжение рабочих сельскохозяйственными продуктами, а крестьян — городскими изделиями. Не может быть сомнений, что одной лишь государственной и кооперативной торговли для этого недостаточно. Эти каналы товарооборота нужно было дополнить новым каналом — колхозной торговлей. И мы их дополнили, введя колхозную торговлю.

Они руководствовались, далее, тем, чтобы при помощи колхозной торговли хлебом дать колхознику добавочный источник дохода и укрепить его экономическое положение.

Они руководствовались, наконец, тем, чтобы введением колхозной торговли дать крестьянину новый толчок для улучшения работы колхозов как по линии сева, так и по линии уборки.

Вы знаете, что все эти соображения Совнаркома и ЦК целиком и полностью подтвердились фактами из жизни колхозов за последнее время. Усиление процесса укрепления колхозов, прекращение выходов из колхозов, нарастающая тяга единоличников в колхозы, стремление колхозников принимать новых членов с большим разбором, — все это и многое подобное с несомненностью говорит о том, что колхозная торговля не только не ослабила, а наоборот, усилила и упрочила положение колхозов.

Стало быть, недочеты нашей работы в деревне объясняются не колхозной торговлей, а на всегда правильным ее проведением, неумением учесть новую обстановку, неумением перестроить свои ряды применительно к новой обстановке, созданной объявлением колхозной торговли хлебом.

2) Вторая причина недостатков нашей работы в деревне состоит в том, что наши товарищи на местах, — и не только эти товарищи, — не поняли изменения условий нашей работы в деревне, происшедшего в связи с утверждением господствующего положения колхозов в основных хлебных районах. Мы все радуемся тому, что колхозная форма хозяйства стала господствующей формой в наших хлебных районах. Но не все понимают то, что это обстоятельство не уменьшает, а увеличивает наши заботы и нашу ответственность в деле развития сельского хозяйства. Многие думают, что кольцо скоро достигнуто, скажем, 70 или 80% коллективизации в том или ином районе, в той или иной области, то этим уже все дано, и мы можем предоставить дело естественному ходу вещей, предоставить дело самотеку, полагая, что коллективизация сама сделает свое дело, сама подымет сельское хозяйство. Но это глубокое заблуждение, товарищи. На самом деле, переход к коллективному хозяйству, как преобладающей форме хозяйства,

не уменьшает, а увеличивает наши заботы о сельском хозяйстве, не уменьшает, а увеличивает руководящую роль коммунистов в деле подъема сельского хозяйства. Самотек теперь больше чем когда-либо опасен для дела развития сельского хозяйства. Самотек теперь может погубить все дело.

Пока в деревне преобладал единоличный хозяин, партия могла ограничивать свое вмешательство в дело развития сельского хозяйства отдельными актами помощи, совета или предупреждения. Тогда единоличник сам должен был заботиться о своем хозяйстве, ибо ему не на кого было взвалить ответственность за это хозяйство, которое было лишь его личным хозяйством, и не на кого было рассчитывать, кроме себя самого. Тогда единоличник должен был сам заботиться о севе, об уборке, и вообще обо всех процессах сельско-хозяйственного труда, если он не хотел остаться без хлеба и стать жертвой голода. С переходом на коллективное хозяйство дело существенно изменилось. Колхоз не есть единоличное хозяйство. Колхозники так и говорят теперь: «колхоз мой и не мой, он мой, но вместе с тем он принадлежит Ивану, Филиппу, Михаилу и другим членам колхоза, колхоз общий». Теперь он, колхозник, вчерашний единоличник и сегодняшний коллективист,— теперь он может взвалить ответственность и может рассчитывать на других членов колхоза, зная, что колхоз не оставит его без хлеба. Поэтому забот у него, у колхозника, стало меньше, чем при индивидуальном хозяйстве, ибо заботы и ответственность за хозяйство распределены ныне между всеми колхозниками.

Что же из этого следует? А из этого следует то, что центр тяжести ответственности за ведение хозяйства переместился теперь от отдельных крестьян на руководство колхоза, на руководящее ядро колхоза. Теперь крестьяне требуют заботы о хозяйстве и разумного ведения дела не от самих себя, а от руководства колхоза, или, вернее, не столько от самих себя, сколько от руководства колхоза. А что это значит? Это значит, что партия уже не может теперь ограничиваться отдельными актами вмешательства в процесс сельско-хозяйственного развития. Она должна теперь взять в свои руки руководство колхозами, принять на себя ответственность за работу и помочь колхозникам вести свое хозяйство вперед на основе данных науки и техники.

Но это не все. Колхоз есть крупное хозяйство. Но крупное хозяйство нельзя вести без плана. Крупное хозяйство в земледелии, охватывающее сотни, а иногда и тысячи дворов, может вестись лишь в порядке планового руководства. Без этого оно должно погибнуть и развалиться. Вот вам еще одно новое условие при колхозном строе, в корне отличающееся от условий ведения единоличного мелкого хозяйства. Можно ли предоставить ведение такого хозяйства, так называемому, естественному ходу вещей, самотеку? Ясно, что нельзя. Чтобы вести такое хозяйство, надо обеспечить колхоз известным минимумом элементарно грамотных людей, способных планировать хозяйство и вести его организованно. Понятно, что без систематического вмешательства со стороны Советской власти в дело колхозного строительства, без ее систематической помощи наладить такое хозяйство невозможно.

А что из этого следует? А из этого следует то, что колхозный строй не уменьшает, а увеличивает заботы и ответственность партии и правительства в отношении развития сельского хозяйства. Из этого следует, что партия, если она хочет руководить колхозным движением, должна входить во все детали колхозной жизни и колхозного руководства. Из этого следует, что партия должна не «уменьшать», а умножать свои связи с колхозами, что она должна знать все происходящее в колхозах, чтобы вовремя прийти на помощь и предупредить грозящие колхозам опасности.

А что мы видим на деле? На деле мы видим оторванность целого ряда районных и областных организаций от жизни колхозов, от их запросов. Сидят люди в канцеляриях и самодовольно скрипят перьями, не замечая, что развитие колхозов идет мимо бюрократических канцелярий. В отдельных случаях оторванность от колхозов доходила до того, что некоторые члены краевых организаций узнавали о делах в колхозах у себя в крае не от соответствующих районных организаций, а от членов ЦК в Москве. Это печально, но это факт, товарищи. Переход от индивидуального хозяйства к колхозам должен был привести к усилению руководства коммунистов в деревне. А на деле в ряде случаев этот переход привел к тому, что коммунисты почили на лаврах, козыряя высоким процентом коллективизации, и предоставили дело самотеку, предоставили дело естественному ходу вещей. Проблема планового руководства колхозным хозяйством должна была привести к усилению руководства коммунистов в колхозах. А на деле в ряде случаев получилось то, что коммунисты оказались в нетях, а в колхозах заправляли бывшие белые офицеры, бывшие петлюровцы и вообще враги рабочих и крестьян.

Так обстоит дело со второй причиной недостатков нашей работы в деревне.

3) Третья причина недостатков нашей работы в деревне состоит в том, что многие наши товарищи переоценили колхозы, как новую форму хозяйства, переоценили и превратили их в икону. Они решили, что коль скоро даны колхозы, как социалистическая форма хозяйства,— то этим уже дано все, этим уже обеспечены правильное ведение дела колхозов, правильное планирование колхозного хозяйства, превращение колхозов в образцовые социалистические хозяйства. Они не поняли, что колхозы в смысле своего организационного устройства все еще слабы и нуждаются в серьезной помощи со стороны партии, как в смысле снабжения их проверенными большевистскими кадрами, так и в смысле текущего руководства колхозными делами. Но это не все, и даже не главное. Главный недостаток состоит тут в том, что многие наши товарищи переоценили силы и возможности самих колхозов, как новой формы организации сельского хозяйства. Они не поняли того, что колхоз сам по себе, несмотря на то, что он является социалистической формой хозяйства,— далеко еще не гарантирован от всякого рода опасностей и проникновения в руководство колхозом всякого рода контрреволюционных элементов, не гарантирован от того, что при известных условиях колхозы могут быть использованы антисоветскими элементами в своих целях.

Колхоз есть социалистическая форма *хозяйственной* организации так же, как советы являются социалистической формой *политической* организации. Как колхозы, так и советы являются величайшим завоеванием нашей революции, величайшим завоеванием рабочего класса. Но колхозы и советы представляют лишь *форму* организации, правда, социалистическую, но все же *форму* организации. Все зависит от того, какое *содержание* будет влито в эту форму. Мы знаем случаи, когда советы рабочих и солдатских депутатов поддерживали на известный период контр-революцию против революции. Так было дело у нас, в СССР, например, в июле 1917 г., когда советами руководили меньшевики и эс-эры и советы прикрывали контр-революцию против революции. Так было дело в Германии в конце 1918 года, когда советами руководили социал-демократы и когда они прикрывали контр-революцию против революции. Стало быть, дело не только в советах, как в форме организации, хотя сама эта форма представляет величайшее революционное завоевание. Дело, прежде всего, в содержании работы советов, дело в характере работы советов, дело в том, *кто* именно руководит советами,— революционеры или контр-революционеры. Этим, собственно, и объясняется тот факт, что контр-революционеры не всегда высказываются против советов. Известно, например, что глава русской контрреволюции Милюков во время Кронштадтского восстания высказывался за советы, но без коммунистов. «Советы без коммунистов» — вот каков был тогда лозунг главы русской контр-революции Милюкова. Контр-революционеры поняли, что дело не только в самих советах, но прежде всего в том, кто будет ими руководить.

То же самое надо сказать о колхозах. Колхозы, как социалистическая форма организации хозяйства, могут показать чудеса хозяйственного строительства, если во главе их стоят действительные революционеры, большевики, коммунисты. И наоборот — колхозы могут превратиться на известный период в прикрытие всякого рода контр-революционных деяний, если в колхозах будут заправлять эс-эры и меньшевики, петлюровские офицеры и прочие белогвардейцы, бывшие деникинцы и колчаковцы. При этом следует иметь в виду, что колхозы как форма организации не только не гарантированы от проникновения антисоветских элементов, но представляют даже на первое время некоторые удобства для временного использования их контр-революционерами. Пока крестьяне вели индивидуальное хозяйство,— они были разрознены и отделены друг от друга, ввиду чего контр-революционные поползновения антисоветских элементов в крестьянской среде не могли дать большого эффекта. Совершенно другая картина получается при переходе крестьян к колхозному хозяйству. Здесь крестьяне имеют уже в лице колхозов готовую форму массовой организации. Ввиду этого проникновение антисоветских элементов в колхозы и их антисоветская деятельность могут дать гораздо больший эффект. Надо полагать, что все это учитывают антисоветские элементы. Известно, что одна часть контр-революционеров, например, на Северном Кавказе, сама старается создавать нечто вроде колхозов, используя их как легальное прикрытие для своих подпольных организаций. Известно также, что антисоветские элементы в ряде районов, где они еще не разоблачены и не разгромлены,— охотно идут в колхозы, даже восхваляют колхозы для того,

чтобы создать внутри колхозов гнезда контр-революционной работы. Известно также, что одна часть антисоветских элементов сама высказывается теперь за колхозы, но с тем, чтобы в колхозах не было коммунистов. «Колхозы без коммунистов» — вот какой лозунг вынашивается теперь в среде антисоветских элементов. Стало быть, дело не только в самих колхозах, как социалистической форме организации, но прежде всего в том, какое содержание вливается в эту форму, — дело прежде всего в том, *кто* стоит во главе колхозов и *кто* руководит ими.

С точки зрения ленинизма колхозы, как и советы, взятые как форма организации, есть оружие, и только оружие. Это оружие можно при известных условиях направить против революции. Его можно направить против контр-революции. Оно может служить рабочему классу и крестьянству. Оно может служить при известных условиях врагам рабочего класса и крестьянства. Все дело в том, в чьих руках находится это оружие и против кого оно будет направлено.

Это начинают понимать враги рабочих и крестьян, руководимые классовым инстинктом.

Этого еще не понимают, к сожалению, некоторые наши коммунисты. И именно потому, что некоторые наши коммунисты не поняли этой простой вещи, — именно поэтому мы имеем теперь такую картину, что в ряде колхозов управляют делами хорошо замаскированные антисоветские элементы, организуя там вредительство и саботаж.

4) Четвертая причина недостатков нашей работы в деревне состоит в неумении целого ряда наших товарищей на местах перестроить фронт борьбы с кулачеством, в непонимании того, что лицо классового врага изменилось за последнее время, изменилась тактика классового врага в деревне и что сообразно с этим надо изменить свою тактику, чтобы добиться успеха. Враг понял изменившуюся обстановку, понял силу и могущество нового строя в деревне и, поняв это, перестроился, изменил свою тактику, — перешел от прямой атаки против колхозов к работе тихой сапой. А мы этого не поняли, новой обстановки не разглядели и продолжаем искать классового врага там, где его нет уже, продолжаем вести старую тактику упрощенной борьбы с кулачеством, тогда как она, эта самая тактика, давно уже устарела.

Ищут классового врага вне колхозов, ищут его в виде людей с зверской физиономией, с громадными зубами, с толстой шеей, с обрезом в руках. Ищут кулака, каким мы его знаем из плакатов. Но таких кулаков давно уже нет на поверхности. Нынешние кулаки и подкулачники, нынешние антисоветские элементы в деревне — это большей частью люди «тихие», «сладенькие», почти «святые». Их не нужно искать далеко от колхоза, они сидят в самом колхозе и занимают там должности кладовщиков, завхозов, счетоводов, секретарей и т. д. Они никогда не скажут — «долой колхозы». Они «за» колхозы. Но они ведут в колхозах такую саботажническую и вредительскую работу, что колхозам от них не поздоровится. Они никогда не скажут — «долой хлебозаготовки». Они «за» хлебозаготовки. Они «только» пускаются в демагогию и требуют, чтобы колхоз образовал фонд для животноводства, втрое больший по размерам, чем это требуется для дела, чтобы колхоз образовал страховой фонд, втрое больший по размерам, чем это требуется для дела, чтобы колхоз выдавал на общественное питание

от 6 до 10 фунтов хлеба в день на работника и т. д. Понятно, что после таких «фондов» и выдач на общественное питание, после такой жульнической демагогии хозяйственная мощь колхоза должна быть подорвана, а для хлебозаготовок не остается места.

Чтобы разглядеть такого ловкого врага и не поддаться демагогии, нужно обладать революционной бдительностью, нужно обладать способностью сорвать маску с врага и показать колхозникам его действительное контрреволюционное лицо. Но много ли имеется у нас в деревне коммунистов, обладающих этими качествами? Коммунисты нередко не только не разоблачают таких классовых врагов, а наоборот, сами поддаются их жульнической демагогии и плетутся за ними в хвосте.

Не замечая классового врага в его новой маске и не умея разоблачить его мошеннические махинации, некоторые наши товарищи нередко успокаивают себя тем, что кулаков уже нет, якобы, на свете, что антисоветские элементы в деревне уже уничтожены в результате политики ликвидации кулачества как класса и что можно помириться ввиду этого с существованием «нейтральных» колхозов, не являющихся ни большевистскими, ни антисоветскими, но которые сами, так сказать стихийным порядком, должны будут перейти на сторону Советской власти. Но это глубокое заблуждение, товарищи. Кулаки разбиты, но они далеко еще не добиты. Более того, — они не скоро еще будут добиты, если коммунисты будут зевать и благодуствовать, полагая, что кулаки сами сойдут в могилу в порядке так сказать стихийного своего развития. Что касается «нейтральных» колхозов, то их нет вообще и не может быть в природе. «Нейтральные» колхозы — это фантазия людей, которым даны глаза для того, чтобы ничего не видеть. При такой острой классовой борьбе, какая имеется у нас теперь в Советской стране, для «нейтральных» колхозов не остается места, при такой обстановке колхозы могут быть *либо* большевистскими, *либо* антисоветскими. И если мы не руководим в тех или иных колхозах, то это значит, что ими руководят антисоветские элементы. В этом не может быть никакого сомнения.

5) Наконец, еще одна причина недостатков нашей работы в деревне. Стоит она, эта причина, в недооценке роли и ответственности коммунистов в деле колхозного строительства, в недооценке роли и ответственности коммунистов в деле хлебозаготовок. Говоря о трудностях хлебозаготовок, коммунисты обычно взваливают ответственность на крестьян, утверждая, что во всем виноваты крестьяне. Но это совершенно неверно и безусловно несправедливо. Крестьяне тут не при чем. Если речь идет об ответственности и виновности, то ответственность падает целиком и полностью на коммунистов, а виноваты здесь во всем — только мы, коммунисты.

В мире нет и не бывало такой могучей и авторитетной власти, как наша, Советская власть. В мире нет и не бывало такой могучей и авторитетной партии, как *наша*, коммунистическая партия. Никто не мешает и не может помешать нам вести дело колхозов так, как требуют этого интересы кол-

хозов, интересы государства. И если нам не всегда удастся вести дело колхозов так, как требует этого ленинизм, если мы допускаем нередко ряд грубых, непростительных ошибок, скажем, по линии хлебозаготовок, то виноваты в этом мы, и только мы.

Мы виноваты в том, что не разглядели отрицательных сторон колхозной торговли хлебом и допустили ряд грубейших ошибок. *Мы* виноваты в том, что целый ряд наших организаций оторвался от колхозов, почил на лаврах и отдался стихии самотека. *Мы* виноваты в том, что целый ряд наших товарищей все еще переоценивает колхозы, как форму массовой организации, не понимая, что дело не столько в самой форме, сколько в том, чтобы самим взять на себя руководство колхозами и вышибить из руководства колхозами антисоветские элементы. *Мы* виноваты в том, что не разглядели новой обстановки и не уяснили себе новую тактику классового врага, действующего тихой сапой.

Спрашивается, при чем тут крестьяне?

Я знаю целые группы колхозов, которые развиваются и процветают, аккуратно выполняют задания государства и крепнут в хозяйственном отношении изо дня в день. С другой стороны, я знаю и такие колхозы, расположенные по соседству с предыдущими колхозами, которые, несмотря на одинаковый с ними урожай и одинаковые с ними объективные условия,— чахнут и разлагаются. В чем причина? Причина в том, что первой группой колхозов руководят настоящие коммунисты, а второй группой руководят шляпы, правда, с партийным билетом в кармане, но все же шляпы.

Спрашивается, при чем тут крестьяне?

Результатом недооценки роли и ответственности коммунистов является то, что нередко причину недостатков нашей работы в деревне ищут не там, где ее надлежит искать, и недостатки остаются ввиду этого неустранными.

Не в крестьянах надо искать причину затруднений в хлебозаготовках, а в нас самих, в наших собственных рядах. Ибо *мы* стоим у власти, *мы* располагаем средствами государства, *мы* призваны руководить колхозами и *мы* должны нести всю полноту ответственности за работу в деревне.

Таковы главные причины, определившие недостатки нашей работы в деревне.

Можно подумать, что я нарисовал слишком мрачную картину, что у нас вся работа в деревне состоит из одних лишь недостатков. Но это, конечно, неверно. На самом деле наша работа в деревне имеет наряду с этими недостатками целый ряд серьезнейших и решающих достижений. Но я уже сказал в начале своей речи, что в мои задачи не входит характеристика наших достижений, что я взялся говорить только о недостатках нашей работы в деревне.

Можно ли исправить эти недостатки? Да, безусловно можно. Исправим ли мы их в ближайшее время? Да, безусловно исправим. В этом не может быть никакого сомнения.

Я думаю, что политотделы МТС и совхозов являются одним из тех ре-

шающих средств, при помощи которых можно будет устранить эти недостатки в самый короткий срок. (*Бурные, долго не смолкающие аплодисменты.*)
«Вопросы ленинизма», стр. 513—524, изд. 10-е.

И. Сталин. РЕЧЬ НА ПЕРВОМ ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ КОЛХОЗНИКОВ-УДАРНИКОВ. 19 февраля 1933 г.

Товарищи колхозники и колхозницы! Я не думал выступать на вашем съезде. Не думал, так как в речах ораторов, выступавших до меня, сказано уже все, что нужно было сказать,— сказано хорошо и метко. Стоит ли после этого еще выступать? Но так как вы настаиваете, а сила в ваших руках (*продолжительные аплодисменты*),— я обязан подчиниться.

Скажу несколько слов по отдельным вопросам.

1. Путь колхозов — единственно правильный путь

Первый вопрос— правилен ли тот путь, на который вступило колхозное крестьянство, правилен ли колхозный путь?

Вопрос этот не праздный. Вы, ударники колхозов, должно быть не сомневаетесь в том, что колхозы стоят на правильном пути. Возможно поэтому, что этот вопрос покажется вам излишним. Но не все крестьяне думают так, как вы. Среди крестьян имеется еще немало таких людей, в том числе среди колхозников, которые сомневаются в правильности колхозного пути. И в этом нет ничего удивительного. В самом деле, сотни лет жили люди по-старинке, шли по старому пути, гнули спину перед кулаком и помещиком, перед ростовщиком и спекулянтом. Нельзя сказать, что этот старый, капиталистический путь встречал одобрение со стороны крестьян. Но он, этот старый путь, был путь проторенный, привычный, и никто еще не доказал на деле, что можно жить как-нибудь по-иному, по-лучшему. Тем более, что во всех буржуазных странах все еще живут люди по-старинке... И вдруг, врываются в эту старую болотную жизнь большевики, врываются как буря и говорят: пора бросить старый путь, пора начать жить по-новому, по-колхозному, пора начать жить не так, как живут все в буржуазных странах, а по-новому, по-артельному. А что это за новая жизнь,— кто ее знает. Как бы она не вышла хуже старой жизни. Во всяком случае новый путь — не привычный путь, не проторенный и не совсем еще изведанный. Не лучше ли остаться при старом пути? Не лучше ли подождать с переходом на новый колхозный путь? Стоит ли рисковать?

Вот какие сомнения разбирают нынче одну часть трудового крестьянства.

Должны ли мы рассеять эти сомнения? Должны ли мы выставить их, эти самые сомнения, на свет божий и показать — чего они стоят? Ясно, что должны.

Стало быть, вопрос, поставленный выше, нельзя назвать праздным вопросом

Итак, правилен ли тот путь, на который стало колхозное крестьянство?

Некоторые товарищи думают, что переход на новый путь, на путь колхозов начался у нас три года тому назад. Это верно лишь отчасти. Конечно, массовое строительство колхозов началось у нас три года тому назад. Переход этот ознаменовался, как известно, разгромом кулачества и движением миллионных масс бедноты и середняков в сторону колхозов. Все это верно. Но для того, чтобы начать этот массовый переход к колхозам, надо было иметь в руках некоторые предварительные условия, без чего, вообще говоря, немыслимо массовое колхозное движение. Надо было прежде всего иметь Советскую власть, которая помогала и продолжает помогать крестьянам стать на путь колхозов. Надо было, во-вторых, выгнать помещиков и капиталистов, отобрать у них заводы и земли и объявить их собственностью народа. Надо было, в-третьих, обуздать кулачество и отобрать у него машины и тракторы. Надо было, в-четвертых, объявить, что машинами и тракторами могут пользоваться лишь объединенные в колхозы бедняки и середняки. Надо было, наконец, индустриализовать страну, поставить новую тракторную промышленность, построить новые заводы сельскохозяйственного машиностроения для того, чтобы снабжать в изобилии тракторами и машинами колхозное крестьянство. Без этих предварительных условий нечего было думать о массовом переходе на путь колхозов, начатом три года тому назад.

Стало быть, для того, чтобы перейти на путь колхозов, надо было прежде всего проделать Октябрьскую революцию, свергнуть капиталистов и помещиков, отобрать у них землю и заводы и поставить новую промышленность.

С Октябрьской революции и начался переход на новый путь, на путь колхозов. Он развернулся с новой силой лишь года три тому назад потому, что только к этому времени сказались во всей широте хозяйственные результаты Октябрьской революции, только к этому времени удалось двинуть вперед индустриализацию страны.

История народов знает немало революций. Они отличаются от Октябрьской революции тем, что все они были однобокими революциями. Сменялась одна форма эксплуатации трудящихся другой формой эксплуатации, но сама эксплуатация оставалась. Сменялись одни эксплуататоры и угнетатели другими эксплуататорами и угнетателями, но сами эксплуататоры и угнетатели оставались. Только Октябрьская революция поставила себе целью — уничтожить *всякую* эксплуатацию и ликвидировать *всех* и *всяких* эксплуататоров и угнетателей.

Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся. Но вместо них она по-

ставила крепостников и крепостническую форму эксплуатации трудящихся. Одни эксплуататоры сменились другими эксплуататорами. При рабстве «закон» разрешал рабовладельцам убивать рабов. При крепостных порядках «закон» разрешал крепостникам «только» продавать крепостных.

Революция крепостных крестьян ликвидировала крепостников и отменила крепостническую форму эксплуатации. Но она поставила вместо них капиталистов и помещиков, капиталистическую и помещичью форму эксплуатации трудящихся. Одни эксплуататоры сменились другими эксплуататорами. При крепостных порядках «закон» разрешал продавать крепостных. При капиталистических порядках «закон» разрешает «только» обрекать трудящихся на безработицу и обнищание, на разорение и голодную смерть.

Только наша советская революция, только наша Октябрьская революция поставила вопрос так, чтобы не менять одних эксплуататоров на других, не менять одну форму эксплуатации на другую, — а искоренить всякую эксплуатацию, искоренить всех и всяких эксплуататоров, всех и всяких богатеев и угнетателей, и старых и новых. (*Продолжительные аплодисменты.*)

Вот почему Октябрьская революция является предварительным условием и необходимой предпосылкой для перехода крестьян на новый, колхозный путь.

Правильно ли поступили крестьяне, поддержав Октябрьскую революцию? Да, они поступили правильно. Они поступили правильно, так как Октябрьская революция помогла им смахнуть с плеч помещиков и капиталистов, ростовщиков и кулаков, купцов и спекулянтов.

Но это только одна сторона вопроса. Прогнать угнетателей, прогнать помещиков и капиталистов, обуздать кулаков и спекулянтов, — это очень хорошо. Но этого мало. Для того, чтобы окончательно освободиться от старых пут, для этого недостаточно одного лишь разгрома эксплуататоров. Для этого нужно еще построить новую жизнь, построить такую жизнь, которая бы давала возможность трудящемуся крестьянину улучшать свое материальное и культурное положение и подниматься вверх изо дня в день, из года в год. Для этого надо поставить новый строй в деревне, колхозный строй. В этом другая сторона вопроса.

Чем отличается старый строй от нового, колхозного строя?

При старом строе крестьяне работали в одиночку, работали старыми дедовскими способами, старыми орудиями труда, работали на помещиков и капиталистов, на кулаков и спекулянтов, работали, живя впроголодь и обогащая других. При новом, колхозном строе крестьяне работают сообща, артельно, работают при помощи новых орудий — тракторов и сельхозмашин, работают на себя и на свои колхозы, живут без капиталистов и помещиков, без кулаков и спекулянтов, работают для того, чтобы изо дня в день улучшать свое материальное и культурное положение. Там, при старом строе, — правительство буржуазное и поддерживает оно богатеев против трудящихся крестьян. Здесь, при новом, колхозном строе, — правительство рабоче-крестьянское и поддерживает оно рабочих и крестьян

против всех и всяких богатеев. Старый строй ведет к капитализму. Новый строй — к социализму.

Вот вам два пути, путь капиталистический и путь социалистический, путь вперед — к социализму и путь назад — к капитализму.

Есть люди, которые думают, что можно стать на какой-то третий путь. Особенно охотно хватаются за этот никому неведомый третий путь некоторые колеблющиеся товарищи, не вполне еще уверенные в правильности колхозного пути. Они хотят, чтобы мы вернулись к старому строю, вернулись к единоличному хозяйству, но без капиталистов и помещиков. Они хотят при этом, чтобы мы допустили «только» кулаков и прочих мелких капиталистов, как законное явление нашего хозяйственного строя. На самом деле это не третий путь, а второй,— путь к капитализму. Ибо, что значит вернуться к единоличному хозяйству и восстановить кулачество? Это значит восстановить кулацкую кабалу, восстановить эксплуатацию крестьянства кулачеством и дать кулаку власть. Но можно ли восстановить кулачество и сохранить вместе с тем Советскую власть? Нет, нельзя. Восстановление кулачества должно повести к созданию кулацкой власти и к ликвидации Советской власти,— стало быть, оно должно повести к образованию буржуазного правительства. А образование буржуазного правительства должно в свою очередь повести к восстановлению помещиков и капиталистов, к восстановлению капитализма. Так называемый третий путь есть на самом деле путь второй, путь возврата к капитализму. Спросите-ка крестьян,— хотят ли они восстановить кулацкую кабалу, вернуться к капитализму, ликвидировать Советскую власть и восстановить власть помещиков и капиталистов? Спросите-ка их, и вы узнаете, какой путь считает большинство трудящихся крестьян единственно правильным путем.

Стало быть, есть только два пути: *либо* вперед, на гору — к новому, колхозному строю, *либо* назад, под гору — к старому, кулацко-капиталистическому строю.

Третьего пути нет.

Трудовое крестьянство поступило правильно, отвергнув путь капиталистический и став на путь колхозного строительства.

Говорят, что путь колхозов есть правильный путь, но он трудный. Это верно лишь отчасти. Конечно, трудности на этом пути имеются. Хорошая жизнь даром не дается. Но дело в том, что главные трудности уже пройдены, а те трудности, которые стоят перед вами, не стоят даже того, чтобы серьезно разговаривать о них. Во всяком случае в сравнении с теми трудностями, которые пережили рабочие лет 10—15 тому назад, ваши нынешние трудности, товарищи колхозники, кажутся детской игрушкой. Ваши ораторы выступали тут и хвалили рабочих Ленинграда, Москвы, Харькова, Донбасса. Они говорили, что у них, у рабочих, есть достижения, а у вас, у колхозников, гораздо меньше достижений. Мне кажется, что в речах ваших ораторов сквозила даже некоторая товарищеская зависть: дескать, как бы это было хорошо, если бы у нас, у крестьян-колхозников, были такие же достижения, как у вас, у рабочих Ленинграда, Москвы, Донбасса, Харькова... Все это хорошо. А вы знаете, чего стоили эти достижения рабочим Ленинграда и Москвы, какие лишения пережили они

для того, чтобы добиться, наконец, этих достижений? Я мог бы вам рассказать некоторые факты из жизни рабочих в 1918 году, когда целыми неделями не выдавали рабочим ни куска хлеба, не говоря уже о мясе и прочих продуктах питания. Лучшими временами считались тогда те дни, когда удавалось выдавать рабочим Ленинграда и Москвы по восьмушке фунта черного хлеба и то наполовину со жмыхами. И это продолжалось не месяц и не полгода, а целых два года. Но рабочие терпели и не унывали, ибо они знали, что придут лучшие времена и они добьются решающих успехов. И что же, — вы видите, что рабочие не ошиблись. Сравните-ка ваши трудности и лишения с трудностями и лишениями, пережитыми рабочими, и вы увидите, что о них не стоит даже серьезно разговаривать.

Что требуется для того, чтобы двинуть дальше колхозное движение и развернуть во-всю колхозное строительство?

Для этого требуется прежде всего, чтобы у колхозов имелась вполне обеспеченная и пригодная для обработки земля. Есть ли она у вас? Да, есть. Известно, что все лучшие земли переданы колхозам и закреплены за ними прочно. Стало быть, колхозники могут обрабатывать и улучшать эту землю вволю, не боясь, что она уйдет от них в чужие руки.

Для этого требуется, во-вторых, чтобы колхозники могли пользоваться тракторами и машинами. Есть ли они у вас? Да, есть. Всем известно, что наши тракторные заводы и заводы сельхозмашиностроения работают прежде всего и главным образом на колхозы, снабжая их всеми современными орудиями.

Для этого требуется, наконец, чтобы правительство поддерживало во-всю колхозных крестьян и людьми и финансами и не давало последышам враждебных классов разлагать колхозы. Есть ли у вас такое правительство? Да, есть. Оно называется рабоче-крестьянским советским правительством. Назовите мне страну, где бы правительство поддерживало не капиталистов и помещиков, не кулаков и прочих богатеев, а трудящихся крестьян. На свете нет и не бывало такой страны. Только у нас, в советской стране, существует правительство, которое стоит горой за рабочих и крестьян-колхозников, за всех трудящихся города и деревни против всех богатеев и эксплуататоров. *(Продолжительные аплодисменты.)*

Стало быть, у вас есть все для того, чтобы развернуть колхозное строительство и добиться полного освобождения от старых пут.

От вас требуется только одно — трудиться честно, делить колхозные доходы по труду, беречь колхозное добро, беречь тракторы и машины, установить хороший уход за конем, выполнять задания вашего рабоче-крестьянского государства, укреплять колхозы и вышибать вон из колхозов пробравшихся туда кулаков и подкулачников.

Вы должно быть согласитесь со мной, что преодолеть эти трудности, т. е. работать честно и беречь колхозное добро, — не так уж трудно. Тем более, что работа идет теперь у вас не на богатеев и не на эксплуататоров, а на себя, на свои собственные колхозы.

Вы видите, что колхозный путь, путь социализма является единственно правильным путем для трудящихся крестьян.

2. Наша ближайшая задача — сделать всех колхозников зажиточными

Второй вопрос — чего мы добились на новом пути, на нашем колхозном пути, и чего мы думаем добиться в ближайшие 2—3 года.

Социализм — дело хорошее. Счастливая социалистическая жизнь — дело бесспорно хорошее. Но все это — дело будущего. Главный вопрос теперь не в том, чего мы добьемся в будущем. Главный вопрос в том, чего мы уже добились в настоящем. Крестьянство стало на колхозный путь. Это очень хорошо. Но чего оно добилось на этом пути? Чего мы добились осязательно, идя по колхозному пути?

Мы добились того, что помогли миллионным массам бедняков войти в колхозы. Мы добились того, что, войдя в колхозы и пользуясь там лучшей землей и лучшими орудиями производства, миллионные массы бедняков поднялись до уровня середняков. Мы добились того, что миллионные массы бедняков, жившие раньше впроголодь, стали теперь в колхозах середняками, стали людьми обеспеченными. Мы добились того, что подорвали расслоение крестьян на бедняков и кулаков, разбили кулаков и помогли беднякам стать хозяевами своего труда внутри колхозов, стать середняками.

Как обстояло дело до развертывания колхозного строительства, года 4 тому назад? Богатели и шли в гору кулаки. Нищали и разорялись бедняки, попадая в кабалу к кулакам. Карабкались вверх к кулакам середняки и каждый раз срывались вниз, пополняя ряды бедняков на потеху кулаков. Не трудно догадаться, что от всей этой кутерьмы выигрывали лишь кулаки, да может быть кое-кто из зажиточных. На каждые 100 дворов в деревне можно было насчитать 4—5 кулацких дворов, 8 или 10 дворов зажиточных, дворов 45—50 середняцких да дворов 35 бедняцких. Стало быть, самое меньшее—35 % всех крестьянских дворов составляли бедняки, вынужденные нести ярмо кулацкой кабалы. Я уже не говорю о маломощных слоях середняков, составлявших более половины середняцкого крестьянства, которые мало чем отличались по своему положению от бедняков и находились в прямой зависимости от кулаков.

Развернув колхозное строительство, мы добились того, что уничтожили эту кутерьму и несправедливость, разбили кулацкую кабалу, всю эту массу бедняков вовлекли в колхозы, дали им там обеспеченное существование и подняли их до уровня середняков, могущих пользоваться колхозной землей, льготами в пользу колхозов, тракторами, сельскохозяйственными машинами

А что это значит? Это значит, что не менее 20 миллионов крестьянского населения, не менее 20 миллионов бедняков — спасли от нищеты и разорения, спасли от кулацкой кабалы и превратили благодаря колхозам в обеспеченных людей.

Это большое достижение, товарищи. Это такое достижение, какого не знал еще мир и какого не достигало еще ни одно государство в мире.

Вот вам практические, осязательные результаты колхозного строительства, результаты того, что крестьянство стало на путь колхозов.

Но это только *первый* наш шаг, *первое* наше достижение на пути колхозного строительства.

Было бы неправильно думать, что мы должны остановиться на этом первом шаге, на этом первом достижении. Нет, товарищи, мы не можем остановиться на этом достижении. Чтобы двинуться дальше и окончательно укрепить колхозы, мы должны сделать *второй* шаг, мы должны добиться *нового* достижения. В чем состоит этот второй шаг? Он состоит в том, чтобы поднять колхозников, — и бывших бедняков, и бывших середняков, — еще выше. Он состоит в том, чтобы *сделать всех колхозников зажиточными*. Да, товарищи, зажиточными. (*Продолжительные аплодисменты.*)

Мы добились того, что подняли благодаря колхозам бедняков до уровня середняков. Это очень хорошо. Но этого мало. Мы должны теперь добиться того, чтобы сделать еще один шаг вперед и помочь всем колхозникам, и бывшим беднякам, и бывшим середнякам, — подняться до уровня зажиточных. Этого можно добиться и этого мы должны добиться во что бы то ни стало. (*Продолжительные аплодисменты.*) У нас имеется теперь все для того, чтобы добиться этой нашей цели. Наши машины и тракторы используются теперь плохо. Земля наша обрабатывается неважно. Стоит только улучшить использование машин и тракторов, стоит только улучшить обработку земли — и мы добьемся того, что увеличим количество наших продуктов вдвое, втрое. А этого вполне достаточно для того, чтобы сделать всех колхозников зажиточными тружениками колхозных полей.

Раньше как обстояло дело насчет зажиточных? Для того, чтобы стать зажиточным, надо было обижать своих соседей, надо было поэксплуатировать их, продавать им дороже, покупать у них дешевле, нанять кое-кого из батраков, поэксплуатировать их порядочно, накопить капиталец и, укрепившись, — пролезть потом в кулаки. Этим, собственно, и объясняется, что зажиточные вызывали раньше при единоличном хозяйстве недоверие и ненависть бедняков и середняков. Теперь дело обстоит иначе. Теперь и условия другие. Для того, чтобы стать колхозникам зажиточными, теперь вовсе не требуется обижать или эксплуатировать своих соседей. Да и не легко теперь эксплуатировать кого-либо, так как частной собственности на землю или аренды нет у нас больше, машины и тракторы принадлежат государству, а люди, владеющие капиталом, не в моде теперь в колхозах. Была такая мода да сплыла она навеки. Чтобы стать колхозникам зажиточными, для этого требуется теперь только одно — работать в колхозе честно, правильно использовать тракторы и машины, правильно использовать рабочий скот, правильно обрабатывать землю, беречь колхозную собственность.

Иногда говорят: ежели социализм, — зачем еще трудиться? Трудились раньше, трудимся теперь, — не пора ли перестать трудиться? Такие речи в корне неправильны, товарищи. Это философия лодырей, а не честных тружеников. Социализм вовсе не отрицает труд. Наоборот, социализм строится на труде. Социализм и труд неотделимы друг от друга. Ленин, наш великий учитель, говорил: «Кто не трудится, тот не ест». Что это значит, против кого направлены слова Ленина? Против эксплуата-

торов, против тех, которые сами не трудятся, а заставляют трудиться других и обогащаются за счет других. А еще против кого? Против тех, которые сами лодырничают и хотят за счет других поживиться. Социализм требует не лодырничанья, а того, чтобы все люди трудились честно, трудились не на других, не на богатеев и эксплуататоров, а на себя, на общество. И если мы будем трудиться честно, трудиться на себя, на свои колхозы,— то мы добьемся того, что в какие-нибудь 2—3 года поднимем всех колхозников, и бывших бедняков, и бывших середняков, до уровня зажиточных, до уровня людей, пользующихся обилием продуктов и ведущих вполне культурную жизнь.

В этом теперь наша ближайшая задача. Этого мы можем добиться и этого мы должны добиться во что бы то ни стало. *(Продолжительные аплодисменты.)*

3. Отдельные замечания

А теперь позвольте перейти к некоторым отдельным замечаниям.

Прежде всего о наших *партийцах* в деревне. Среди вас имеются партийные, но еще больше беспартийных. Это очень хорошо, что беспартийных собралось на съезд больше, чем партийных, потому что именно беспартийных нужно прежде всего привлекать к нашему делу. Есть коммунисты, которые подходят к беспартийным колхозникам по-большевистски. Но есть и такие, которые кичатся своей партийностью и не подпускают близко беспартийных. Это нехорошо и вредно. Сила большевиков, сила коммунистов состоит в том, что они умеют окружать нашу партию миллионами беспартийного актива. Мы, большевики, не имели бы тех успехов, которые имеем теперь, если бы не умели завоевать на сторону партии доверие миллионов беспартийных рабочих и крестьян. А что для этого требуется? Для этого требуется, чтобы партийные не отгораживались от беспартийных, чтобы партийные не замыкались в свою партийную скорлупу, чтобы они не кичились своей партийностью, а прислушивались к голосу беспартийных, чтобы они не только учили беспартийных, но и учились у них.

Не следует забывать, что партийные не падают с неба. Следует помнить, что все партийные сами были когда-то беспартийными. Сегодня он беспартийный, а завтра станет партийным. Чем же, собственно, тут кичиться? Среди нас, старых большевиков, найдется немало людей, которые работают в партии лет 20—30. А ведь мы сами были когда-то тоже беспартийными. Что было бы с нами, если бы лет 20—30 тому назад стали помыкать нами тогдашние партийцы и не стали бы подпускать к партии? Возможно, что мы были бы тогда отдалены от партии на ряд лет. А ведь мы, старые большевики,— не последние люди, товарищи. *(Веселое оживление, продолжительные аплодисменты.)*

Вот почему наши партийцы, нынешние молодые партийцы, которые иногда задирают нос перед беспартийными, должны помнить все это, должны помнить, что не кичливость, а скромность украшает большевика.

Теперь несколько слов *о женщинах, о колхозницах*. Женский вопрос в колхозах — большой вопрос, товарищи. Я знаю, что многие из вас недооценивают женщин и даже посмеиваются над ними. Но это ошибка, товарищи, серьезная ошибка. Дело тут не только в том, что женщины составляют половину населения. Дело прежде всего в том, что колхозное движение выдвинуло на руководящие должности целый ряд замечательных и способных женщин. Посмотрите на съезд, на его состав, — и вы увидите, что женщины давно уже продвинулись из отсталых в передовые. Женщины в колхозах — большая сила. Держать эту силу под спудом, значит допустить преступление. Наша обязанность состоит в том, чтобы выдвигать вперед женщин в колхозах и пустить эту силу в дело.

Конечно, у Советской власти было в недавнем прошлом маленькое недоразумение с колхозницами. Дело шло о корове. Но теперь дело с коровой устроено, и недоразумение отпало. *(Продолжительные аплодисменты.)* Мы добились того, что у большинства колхозников уже имеется по корове на двор. Пройдет еще год—два, — и вы не найдете ни одного колхозника, у которого не было бы своей коровы. Уж мы, большевики, постараемся, чтобы все колхозники имели у нас по корове. *(Продолжительные аплодисменты.)*

Что касается самих колхозниц, то они должны помнить о силе и значении колхозов для женщин, должны помнить, что только в колхозе имеют они возможность стать на равную ногу с мужчиной. Без колхозов — неравенство, в колхозах — равенство прав. Пусть помнят об этом товарищи колхозницы и пусть они берегут колхозный строй, как зеницу ока. *(Продолжительные аплодисменты.)*

Два слова о *комсомольцах и комсомолках* в колхозах. Молодежь — наша будущность, наша надежда, товарищи. Молодежь должна сменить нас, стариков. Она должна донести наше знамя до победного конца. Среди крестьян имеется немало стариков, отягощенных старым грузом, отягощенных привычками и воспоминаниями о старой жизни. Понятно, что им не всегда удастся поспевать за партией, за Советской властью. Не то наша молодежь. Она свободна от старого груза и она легче всего усваивает ленинские заветы. И именно потому, что молодежь легче всего усваивает ленинские заветы, именно поэтому она призвана вести вперед отстающих и колеблющихся. Правда, у нее не хватает знаний. Но знания — дело наживное. Сегодня их нет, завтра они будут. Поэтому задача состоит в том, чтобы учиться и еще раз учиться ленинизму. Товарищи комсомольцы и комсомолки! Учитесь большевизму и ведите вперед колеблющихся! Болтайте поменьше, работайте побольше — и дело у вас выйдет наверняка. *(Аплодисменты.)*

Несколько слов об *единоличниках*. Об единоличниках здесь мало говорили. Но это еще не значит, что их нет больше на свете. Нет, не значит. Единоличники есть и их нельзя сбрасывать со счета, потому что они являются нашими завтрашними колхозниками. Я знаю, что одна часть единоличников развратилась окончательно и ушла в спекуляцию. Этим, должно быть, объясняется, что наши колхозники принимают единоличников в состав колхозов с большим разбором, а иногда и вовсе не принимают их. Это, конечно, правильно и возражений тут не может быть. Но есть другая, большая

часть единоличников, которая в спекуляцию не ушла, а добывает свой хлеб честным трудом. Эти единоличники может быть не прочь были бы войти в колхоз. Но им мешают, с одной стороны, их колебания насчет правильности колхозного нуги, а с другой — то ожесточение, которое имеется теперь среди колхозников против единоличников.

Конечно, надо понять колхозников и войти в их положение. За эти годы они натерпелись немало обид и насмешек со стороны единоличников. Но обиды и насмешки не должны иметь тут решающего значения. Плох тот руководитель, который не умеет забывать обиду и который свои чувства ставит выше интересов колхозного дела. Если вы хотите быть руководителями, вы должны уметь забывать об обидах, нанесенных вам отдельными единоличниками. Два года тому назад я получил письмо с Волги от одной крестьянки-вдовы. Она жаловалась, что ее не хотят принять в колхоз, и требовала от меня поддержки. Я запросил колхоз. Из колхоза мне ответили, что они не могут ее принять в колхоз, так как она оскорбила колхозное собрание. В чем же дело? Да в том, что на собрании крестьян, где колхозники призывали единоличников вступить в колхоз, эта самая вдова в ответ на призыв подняла, оказывается, подол и сказала — нате, получайте колхоз. (*Веселое оживление, смех.*) Несомненно, что она поступила неправильно и оскорбила собрание. Но можно ли отказывать ей в приеме в колхоз, если она через год искренно раскаялась и признала свою ошибку? Я думаю, что нельзя ей отказывать. Я так и написал колхозу. Вдову приняли в колхоз. И что же? Оказалось, что она работает теперь в колхозе не в последних, а в первых рядах. (*Аплодисменты.*)

Вот вам еще один пример, говорящий о том, что руководители, если они хотят остаться действительными руководителями, должны уметь забывать об обидах, если этого требуют интересы дела.

То же самое надо сказать об единоличниках вообще. Я не против того, чтобы принимали в колхозы с разбором. Но я против того, чтобы закрывали путь в колхозы всем единоличникам, без разбора. Это не *наша*, не большевистская политика. Колхозники не должны забывать, что они сами были недавно единоличниками.

Наконец, несколько слов о письме *безенчукских колхозников*. Письмо это было напечатано, и вы его должно быть читали. Письмо бесспорно хорошее. Оно свидетельствует о том, что среди наших колхозников имеется немало опытных и сознательных организаторов и агитаторов колхозного дела, представляющих гордость нашей страны. Но в письме имеется одно неправильное место, с которым никак нельзя согласиться. Дело в том, что безенчукские товарищи изображают свой труд в колхозе трудом скромным и почти что незначительным, а труд ораторов и вождей, говорящих иногда трехаршинные речи, — трудом великим и творческим. Можно ли с этим согласиться? Нет, товарищи, никак нельзя с этим согласиться. Безенчукские товарищи допустили тут ошибку. Возможно, что они допустили эту ошибку из скромности. Но от этого ошибка не перестает быть ошибкой. Прошли те времена, когда вожди считались единственными творцами истории, а рабочие и крестьяне не принимались в расчет. Судьбы народов и государств

решаются теперь не только вождями, но прежде всего и главным образом миллионными массами трудящихся. Рабочие и крестьяне, без шума и треска строящие заводы и фабрики, шахты и железные дороги, колхозы и совхозы, создающие все блага жизни, кормящие и одевающие весь мир, — вот кто настоящие герои и творцы новой жизни. Об этом, видимо, забыли наши безенчукские товарищи. Нехорошо, когда люди переоценивают свои силы и начинают кичиться своими заслугами. Это ведет к хвастовству, а хвастовство дело нехорошее. Но еще хуже, когда люди начинают недооценивать свои силы и не видят, что их «скромный» и «незаметный» труд является на самом деле трудом великим и творческим, решающим судьбы истории.

Я хотел бы, чтобы безенчукские товарищи одобрили эту мою маленькую поправку к их письму.

Давайте кончим на этом, товарищи.

(Долго не смолкающие аплодисменты, переходящие в овацию. Все встанут и приветствуют тов. Сталина. Крики «ура». Из зала несутся возгласы: «Да здравствует тов. Сталин, ура! Да здравствует передовой колхозник! Да здравствует наш вождь тов. Сталин!»)

«Вопросы ленинизма», стр. 525—537, изд. 10-е.

И. Сталин. ОТЧЕТНЫЙ ДОКЛАД XVII СЪЕЗДУ ПАРТИИ О РАБОТЕ ЦК ВКП(б). 26 января 1934 г.

I. Продолжающийся кризис мирового капитализма и внешнее положение Советского Союза

Товарищи! Со времени XVI съезда прошло более трех лет. Период очень большой. Но он более, чем какой-либо другой период, насыщен содержанием. Я думаю, что ни один из периодов последнего десятилетия не был так богат событиями, как этот период.

В области *экономической* эти годы были годами продолжающегося мирового экономического кризиса. Кризис охватил не только промышленность, но и сельское хозяйство в целом. Кризис бушевал не только в сфере производства и торговли. Он перенесся также в сферу кредита и денежного обращения, перевернув вверх дном установившиеся между странами кредитные и валютные отношения. Если раньше еще спорили кое-где — есть мировой экономический кризис, или нет его, то теперь уже не спорят об этом, ибо слишком ясны наличие кризиса и его опустошительные действия. Теперь спорят уже о другом — можно ли выйти из кризиса или нет выхода, а если есть выход, — то каким образом осуществить его.

В области *политической* эти годы были годами дальнейшего обострения отношений как между капиталистическими странами, так и внутри этих стран. Война Японии с Китаем и оккупация Манчжурии, обострившие отношения на Дальнем Востоке; победа фашизма в Германии и торжество идеи реванша, обострившие отношения в Европе; выход Японии и Германии из Лиги наций, давший новый толчок росту вооружений и подготовке к империалистской войне; поражение фашизма в Испании, лишний раз указывающее на то, что революционный кризис назревает и фашизм далеко не долговечен, — таковы важнейшие факты отчетного периода. Не удивительно, что буржуазный пацифизм дышит на ладан, а разоружительные тенденции открыто и прямо сменяются тенденциями вооружения и довооружения.

Среди этих бушующих волн экономических потрясений и военно-политических катастроф СССР стоит отдельно, как утес, продолжая свое дело социалистического строительства и борьбы за сохранение мира. Если там, в капиталистических странах, все еще бушует экономический кризис, то в СССР продолжается подъем как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства. Если там, в капиталистических странах, идет лихорадочная подготовка к новой войне для нового передела мира и сфер влияния, то СССР продолжает систематическую упорную борьбу против угрозы войны и за мир, причем нельзя сказать, чтобы усилия СССР в этой области не имели никакого успеха.

Такова общая картина международного положения в данный момент.

Перейдем к рассмотрению основных данных об экономическом и политическом положении капиталистических стран.

1. Движение экономического кризиса в капиталистических странах

Нынешний экономический кризис в капиталистических странах отличается от всех аналогичных кризисов между прочим тем, что он является наиболее продолжительным и затяжным. Если раньше кризисы исчерпывались в 1—2 года, то нынешний кризис продолжается вот уже пятый год, опустошая год за годом хозяйство капиталистических стран и высасывая из него жир, накопленный в предыдущие годы. Не удивительно, что этот кризис является наиболее тяжелым из всех кризисов.

Чем объяснить этот небывало затяжной характер современного промышленного кризиса?

Объясняется это прежде всего тем, что промышленный кризис захватил все без исключения капиталистические страны, затруднив маневрирование одних стран за счет других.

Объясняется это, во-вторых, тем, что кризис промышленный переплелся с кризисом аграрным, охватившим все без исключения аграрные и полуграрные страны, что не могло не осложнить и углубить кризис промышленный.

Объясняется это, в-третьих, тем, что аграрный кризис усилился за это время и охватил все отрасли сельского хозяйства, в том числе животноводство, доведя его до деградации, до перехода от машин к ручному труду, до замены трактора лошадью, до резкого сокращения, а иногда и

полного отказа от применения искусственных удобрений, что еще больше затянуло промышленный кризис.

Объясняется это, в-четвертых, тем, что господствующие в промышленности монопольные картели стараются сохранить высокие цены на товары, — обстоятельство, делающее кризис особенно болезненным и мешающее рассасыванию товарных запасов.

Объясняется это, наконец, — и это главное — тем, что промышленный кризис разыгрался в условиях *общего* кризиса капитализма, когда капитализм не имеет уже и не может иметь ни в основных государствах, ни в колониях и зависимых странах той силы и прочности, какие он имел до войны и Октябрьской революции, когда промышленность капиталистических стран получила в наследство от империалистской войны хроническую недогрузку предприятий и миллионные армии безработных, от которых она не в силах больше освободиться.

Таковы обстоятельства, определившие глубоко затяжной характер нынешнего промышленного кризиса.

Этими же обстоятельствами объясняется и тот факт, что кризис не ограничился сферой производства и торговли и захватил также кредитную систему, валюту, сферу долговых обязательств и т. д., разбив традиционно установившиеся отношения как между отдельными странами, так и между социальными группами в отдельных странах.

Большую роль сыграло здесь падение цен на товары. Несмотря на сопротивление монопольных картелей, падение цен росло со стихийной силой, причем падали цены прежде всего и больше всего на товары неорганизованных товаровладельцев, — крестьян, ремесленников, мелких капиталистов, и лишь постепенно и в меньшей степени товаровладельцев организованных, — объединенных в картели капиталистов. Падение цен сделало положение должников (промышленники, ремесленники, крестьяне и т. п.) невыносимым и, наоборот, положение кредиторов — неслыханно привилегированным. Такое положение должно было привести и действительно привело к колоссальному банкротству фирм и отдельных предпринимателей. В продолжение последних 3 лет на этой почве погибли десятки тысяч акционерных обществ в САСШ, в Германии, в Англии, во Франции. За банкротствами акционерных обществ пошло обесценение валют, несколько облегчившее положение должников. За обесценением валют — легализованная государством неуплата долгов как внешних, так и внутренних. Крах таких банков, как Дармштадтский и Дрезденский банки в Германии, Кредит-Анштальт в Австрии, и таких концернов, как концерн Крейгера в Швеции, Инсул-Концерн в САСШ и т. д. — всем известен.

Понятно, что за этими явлениями, расшатывавшими основы кредитной системы, должны были последовать и действительно последовали прекращение платежей по кредитам и иностранным займам, прекращение платежей по межсоюзническим долгам, прекращение экспорта капитала, новое сокращение внешней торговли, новое сокращение экспорта товаров, усиление борьбы за внешние рынки, торговая война между странами и демпинг. Да, товарищи,

демпинг. Я говорю не о советском мнимом демпинге, о котором еще совсем недавно до хрипоты кричали некоторые благородные депутаты благородных парламентов Европы и Америки. Я говорю о действительном демпинге, практикуемом теперь почти всеми «цивилизованными» государствами, о чем благоразумно хранят молчание эти храбрые и благородные депутаты.

Понятно также, что эти сопутствующие промышленному кризису разрушительные явления, разыгравшиеся вне сферы производства, не могли в свою очередь не повлиять на ход промышленного кризиса в смысле его усугубления и усложнения.

Такова общая картина движения промышленного кризиса.

Вот некоторые цифры из официальных материалов, иллюстрирующие движение промышленного кризиса за отчетный период.

Объем промышленной продукции в процентах к 1929 году

	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
СССР	100,0	129,7	161,9	184,7	201,6
САСШ	100,0	80,7	68,1	53,8	64,9
Англия	100,0	92,4	83,8	83,8	86,1
Германия	100,0	83,3	71,7	59,8	66,8
Франция	100,0	100,7	89,2	69,1	77,4

Эта таблица, как видите, сама говорит за себя.

В то время как промышленность основных капиталистических стран падала из года в год в сравнении с уровнем 1929 года и лишь в 1933 году стала немного оправляться, далеко еще не достигнув, однако, уровня 1929 года, промышленность СССР росла из года в год, переживая процесс непрерывного подъема.

В то время как промышленность основных капиталистических стран показывает в среднем *сокращение* объема своей продукции к концу 1933 года в сравнении с уровнем 1929 года на 25% и больше, промышленность СССР *выросла* за это время больше чем вдвое, т. е. больше чем на 100%. (*Аплодисменты.*)

Может показаться, судя по этой таблице, что из 4 капиталистических стран Англия находится в наиболее благоприятном положении. Но это не совсем верно. Если взять промышленность этих стран и сравнить ее с довоенным уровнем, то картина получается несколько иная.

Вот соответствующая таблица.

Объем промышленной продукции в процентах к довоенному уровню:

	1913 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
СССР	100	194,3	252,1	314,7	359,0	391,9
САСШ	100	170,2	137,3	115,9	91,4	110,2
Англия	100	99,1	91,5	83,0	82,5	85,2
Германия	100	113,0	99,8	81,0	67,6	75,4
Франция	100	139,0	140,0	124,0	96,1	107,6

Как видите, промышленность Англии и Германии все еще не достигла довоенного уровня, тогда как САСШ и Франция превысили его на несколь-

ко процентов, а СССР поднял — увеличил свою промышленную продукцию за этот период в сравнении с довоенным уровнем более чем на 290%. (*Англо-дисменты.*)

Но из этих таблиц следует еще один вывод.

В то время как промышленность основных капиталистических стран все время падала, начиная с 1930 года и особенно с 1931 года, дойдя в 1932 году до точки наибольшего упадка, — в 1933 году она стала несколько оправляться и подыматься. Если взять месячные данные по 1932 и 1933 годам, то они еще больше подтверждают этот вывод, ибо они говорят о том, что промышленность этих стран, несмотря на колебания ее продукции в продолжение 1933 года, не обнаружила тенденции довести колебания вниз до уровня наибольшего упадка, имевшего место летом 1932 года.

Что это значит?

Это значит, что промышленность основных капиталистических стран, повидимому, уже прошла точку наибольшего упадка, к которой она больше не возвращалась в течение 1933 года.

Некоторые склонны приписать это явление влиянию исключительно искусственных факторов вроде военно-инфляционной конъюнктуры. Не может быть сомнения, что военно-инфляционная конъюнктура играет здесь не малую роль. Это особенно верно в отношении Японии, где этот искусственный фактор является главной и решающей силой некоторого оживления некоторых, главным образом, военных отраслей промышленности. Но было бы грубой ошибкой объяснять все военно-инфляционной конъюнктурой. Такое объяснение неправильно хотя бы потому, что охарактеризованные мною некоторые сдвиги в промышленности наблюдаются не в отдельных и случайных районах, а во всех или почти во всех промышленных странах, в том числе в странах с твердой валютой. Очевидно, что наряду с военно-инфляционной конъюнктурой здесь имеет место также действие внутренних экономических сил капитализма.

Капитализму удалось несколько облегчить положение промышленности *за счет рабочих* — путем углубления их эксплуатации через усиление интенсивности их труда, *за счет фермеров* — путем проведения политики наиболее низких цен на продукты их труда, на продовольствие и отчасти на сырье, *за счет крестьян колоний и экономически слабых стран* — путем еще большего снижения цен на продукты их труда, главным образом, на сырье и затем на продовольствие.

Значит ли это, что мы имеем дело с переходом от кризиса к обычной депрессии, влекущей за собой новый подъем и расцвет промышленности? Нет, не значит. Во всяком случае в настоящее время не существует таких данных, прямых или косвенных, которые бы говорили о наступающем подъеме промышленности в капиталистических странах. Более того, — судя по всему, таких данных и не может быть, по крайней мере в ближайшее время. Не может быть, так как продолжают действовать все те неблагоприятные условия, которые не дают промышленности капиталистических стран подняться сколько-нибудь серьезно вверх. Речь идет о продолжающемся *общем* кризисе капитализма, в обстановке которого протекает *эконо-*

мический кризис, о хронической недогрузке предприятий, о хронической массовой безработице, о переплетении промышленного кризиса с сельскохозяйственным кризисом, об отсутствии тенденции к сколько-нибудь серьезному обновлению основного капитала, предвещающему обычно наступление подъема, и т. д. и т. п.

Очевидно, что мы имеем дело с переходом от точки наибольшего упадка промышленности, от точки наибольшей глубины промышленного кризиса — к депрессии, но к депрессии не обычной, а к депрессии особого рода, которая не ведет к новому подъему и расцвету промышленности, но и не возвращает ее к точке наибольшего упадка.

2. Обострение политического положения в капиталистических странах

Результатом затяжного экономического кризиса явилось небывалое доселе обострение политического положения капиталистических стран как внутри этих стран, так и между ними.

Усиление борьбы за внешние рынки, уничтожение последних остатков свободной торговли, запретительные таможенные пошлины, торговая война, война валют, демпинг и многие другие аналогичные мероприятия, демонстрирующие крайний *национализм* в экономической политике, обострили до крайности отношения между странами, создали почву для военных столкновений и поставили на очередь войну, как средство нового передела мира и сфер влияния в пользу более сильных государств.

Война Японии с Китаем, оккупация Манчжурии, выход Японии из Лиги наций и продвижение в Северный Китай — еще больше обострили положение. Усиление борьбы за Великий океан и рост военно-морских вооружений в Японии, САСШ, Англии, Франции представляют результат этого обострения.

Выход Германии из Лиги наций и призрак реванша дали новый толчок к обострению положения и росту вооружений в Европе.

Не удивительно, что буржуазный пацифизм влачит теперь жалкое существование, а болтовня о разоружении сменяется «деловыми» разговорами о вооружении и довооружении.

Опять, как и в 1914 году, на первый план выдвигаются партия воинствующего империализма, партии войны и реванша.

Дело явным образом идет к новой войне.

Еще больше обостряется, ввиду действия тех же факторов, внутреннее положение капиталистических стран. Четыре года промышленного кризиса истощили и довели до отчаяния рабочий класс. Четыре года сельскохозяйственного кризиса разорили вконец неимущие слои крестьянства не только в основных капиталистических странах, но и — особенно — в зависимых и колониальных странах. Это факт, что, несмотря на всякие статистические ухищрения, имеющие своей целью преуменьшение числа безработных, количество безработных по официальным данным буржуазных учреждений доходит в Англии до 3 млн., в Германии до 5 млн., в САСШ до 10 млн., не говоря уже о других странах Европы. Добавьте к этому частично безработных, количество которых превышает десяток миллионов, добавьте миллионные массы разорившихся крестьян, — и вы получите при-

близительную картину нужды и отчаяния трудящихся масс. Народные массы не дошли еще до того, чтобы пойти на штурм капитализма, но что идея штурма зреет в сознании масс,— в этом едва ли может быть сомнение. Об этом красноречиво говорят хотя бы такие факты, как испанская революция, свергнувшая режим фашизма, и рост советских районов в Китае, который не в силах приостановить соединенная контр-революция китайской и иностранной буржуазии.

Этим, собственно, и объясняется тот факт, что господствующие классы капиталистических стран старательно уничтожают или сводят на нет последние остатки парламентаризма и буржуазной демократии, которые могут быть использованы рабочим классом в его борьбе против угнетателей, загоняют в подполье коммунистические партии и переходят к открыто террористическим методам сохранения своей диктатуры.

Шовинизм и подготовка войны, как основные элементы внешней политики, обуздание рабочего класса и террор в области внутренней политики, как необходимое средство для укрепления тыла будущих военных фронтов,— вот что особенно занимает теперь современных империалистских политиков.

Не удивительно, что фашизм стал теперь наиболее модным товаром среди воинствующих буржуазных политиков. Я говорю не только о фашизме вообще, но прежде всего о фашизме германского типа, который неправильно называется национал-социализмом, ибо при самом тщательном рассмотрении невозможно обнаружить в нем даже атома социализма.

В этой связи победу фашизма в Германии нужно рассматривать не только как признак слабости рабочего класса и результат измен социал-демократии рабочему классу, расчистившей дорогу фашизму. Ее надо рассматривать также, как признак слабости буржуазии, как признак того, что буржуазия уже не в силах властвовать старыми методами парламентаризма и буржуазной демократии, ввиду чего она вынуждена прибегнуть во внутренней политике к террористическим методам управления,— как признак того, что она не в силах больше найти выход из нынешнего положения на базе мирной внешней политики, ввиду чего она вынуждена прибегнуть к политике войны.

Таково положение.

Как видите, дело идет к новой империалистской войне, как к выходу из нынешнего положения.

Конечно, нет оснований предполагать, что война может дать действительный выход. Наоборот, она должна еще больше запутать положение. Более того, она наверняка развяжет революцию и поставит под вопрос само существование капитализма в ряде стран, как это имело место в ходе первой империалистской войны. И если, несмотря на опыт первой империалистской войны, буржуазные политики все же хватаются за войну, как утопающий за соломинку, то это значит, что они окончательно запутались, попали в тупик и готовы лететь стремглав в пропасть.

Не мешает поэтому рассмотреть коротко те планы организации войны, которые вынашиваются теперь в кругах буржуазных политиков.

Одни думают, что войну надо организовать против одной из великих держав. Они думают нанести ей уничтожающее поражение и поправить свои дела за ее счет. Допустим, что они организовали такую войну. Что из этого мо-

жет получиться? Как известно, во время первой империалистской войны тоже хотели уничтожить одну из великих держав — Германию и поживиться за ее счет. А что из этого вышло? Германию они не уничтожили, но посеяли в Германии такую ненависть к победителям и создали такую богатую почву для реванша, что до сих пор еще не могут, да, пожалуй, не скоро еще смогут расхлебать ту отвратительную кашу, которую сами же заварили. Но зато они получили разгром капитализма в России, победу пролетарской революции в России и — ясное дело — Советский Союз. Где гарантия, что вторая империалистская война даст им «лучшие» результаты, чем первая? Не вернее ли будет предположить обратное?

Другие думают, что войну надо организовать против одной из слабых в военном отношении, но обширных в смысле рынка стран, например — против Китая, который, оказывается, нельзя назвать к тому же государством в собственном смысле слова, а представляет лишь «неорганизованную территорию», нуждающуюся в том, чтобы ее захватили сильные государства. Они хотят, очевидно, окончательно его поделить и поправить свои дела за его счет. Допустим, что они организовали такую войну. Что из этого может получиться? Известно, что в начале XIX века точно так же смотрели на Италию и Германию, как смотрят теперь на Китай, т. е. считали их «неорганизованными территориями», а не государствами, и поработщали их. А что из этого получилось? Из этого получились, как известно, война Германии и Италии за независимость и объединение этих стран в самостоятельные государства. Из этого получилось усиление ненависти к поработителям в сердцах народов этих стран, результаты которой до сих пор еще не ликвидированы и, пожалуй, не скоро еще будут ликвидированы. Спрашивается: где гарантия, что то же самое не получится в результате войны империалистов против Китая?

Третьи думают, что войну должна организовать «высшая раса», скажем, германская «раса», против «низшей расы», прежде всего — против славян, что только такая война может дать выход из положения, так как «высшая раса» призвана оплодотворять «низшую» и властвовать над ней. Допустим, что эту странную теорию, которая так же далека от науки, как небо от земли, — допустим, что эту странную теорию перевели на практику. Что из этого может получиться? Известно, что старый Рим точно так же смотрел на предков нынешних германцев и французов, как смотрят теперь представители «высшей расы» на славянские племена. Известно, что старый Рим третировал их «низшей расой», «варварами», призванными быть в вечном подчинении «высшей расе», «великому Риму», причем, — между нами будь сказано, — старый Рим имел для этого некоторое основание, чего нельзя сказать о представителях нынешней «высшей расы». (*Гром аплодисментов.*) А что из этого вышло? Вышло то, что не-римляне, т. е. все «варвары», объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим. Спрашивается: где гарантия, что претензии представителей нынешней «высшей расы» не приведут к тем же плачевным результатам? Где гарантия, что фашистско-литературным политикам в Берлине посчастливится больше, чем старым и испытанным завоевателям в Риме? Не вернее ли будет предположить обратное?

Наконец, четвертые думают, что войну надо организовать против СССР. Они думают разбить СССР, поделить его территорию и пожить за его счет. Ошибочно было бы полагать, что так думают только некоторые военные круги в Японии. Нам известно, что такие же планы вынашиваются в кругах политических руководителей некоторых государств Европы. Допустим, что эти господа перешли от слов к делу. Что из этого может получиться? Едва ли можно сомневаться, что эта война будет самой опасной для буржуазии войной. Она будет самой опасной не только потому, что народы СССР будут драться на смерть за завоевания революции. Она будет самой опасной для буржуазии еще потому, что война будет происходить не только на фронтах, но и в тылу у противника. Буржуазия может не сомневаться, что многочисленные друзья рабочего класса СССР в Европе и Азии постараются ударить в тыл своим угнетателям, которые затеяли преступную войну против отечества рабочего класса всех стран. И пусть не пеняют на нас господа буржуа, если они на другой день после такой войны не досчитаются некоторых близких им правительств, ныне благополучно царствующих «милостью божией». *(Гром аплодисментов.)* Она такая война против СССР уже была, если вспомните, 15 лет тому назад. Как известно, всеми уважаемый Черчилль облек тогда эту войну в поэтическую формулу — «нашествие 14 государств». Вы помните, конечно, что эта война сплотила всех трудящихся нашей страны в единый лагерь самоотверженных бойцов, грудью защищавших свою рабоче-крестьянскую родину от внешних врагов. Вы знаете, чем она кончилась. Она кончилась изгнанием интервентов из нашей страны и созданием революционных «Комитетов действия» в Европе. Едва ли можно сомневаться, что вторая война против СССР приведет к полному поражению нападающих, к революции в ряде стран Европы и Азии и разгрому буржуазно-помещичьих правительств этих стран. Таковы военные планы запутавшихся буржуазных политиков.

Как видите, они не блещут ни умом, ни доблестью. *(Аплодисменты.)*

Но если буржуазия избирает путь войны, то рабочий класс капиталистических стран, доведенный до отчаяния 4-летним кризисом и безработицей, становится на путь революции. Это значит, что зреет и будет назревать революционный кризис. И революционный кризис будет нарастать тем скорее, чем больше будет запутываться буржуазия в своих военных комбинациях, чем чаще будет она прибегать к террористическим методам борьбы против рабочего класса и трудящихся крестьян.

Некоторые товарищи думают, что коль скоро имеется революционный кризис, буржуазия должна попасть в безвыходное положение, что ее конец, стало быть, уже предопределен, что победа революции тем самым уже обеспечена и что им остается только ждать падения буржуазии и писать победные резолюции. Это глубокая ошибка. Победа революции никогда не приходит сама.. Ее надо подготовить и завоевать. А подготовить и завоевать ее может только сильная пролетарская революционная партия. Бывают моменты, когда положение — революционное, власть буржуазии шатается до самого основания, а победа революции все же не приходит, так как нет налицо революционной партии пролетариата, достаточно сильной и авторитетной для того,

чтобы повести за собой массы и взять власть в свои руки. Было бы неразумно думать, что подобные «случаи» не могут иметь места.

Не мешало бы в связи с этим вспомнить вещие слова Ленина о революционном кризисе, сказанные им на II конгрессе Коминтерна:

«Мы подошли теперь к вопросу о революционном кризисе, как основе нашего революционного действия. И тут надо, прежде всего, отметить две распространенные ошибки. С одной стороны, буржуазные экономисты изображают этот кризис как простое «беспокойство», по изящному выражению англичан. С другой стороны, иногда революционеры стараются доказать, что кризис абсолютно безвыходный. Это ошибка. Абсолютно безвыходных положений не бывает. Буржуазия ведет себя, как обнаглевший и потерявший голову хищник, она делает глупость за глупостью, обостряя положение, ускоряя свою гибель. Все это так. Но нельзя «доказать», что лет абсолютно никакой возможности, чтобы она не усыпила такое-то меньшинство эксплуатируемых такими-то уступочками, чтобы она не подавила такое-то движение или восстание такой-то части угнетенных и эксплуатируемых. Пытаться «доказывать» наперед «абсолютную» безвыходность было бы пустым педанством или игрой в понятия и в словечки. Настоящим «доказательством» в этом и подобных вопросах может быть только практика. Буржуазный строй во всем мире переживает величайший революционный кризис. Надо «доказать» теперь практикой революционных партий, что у них достаточно сознательности, организованности, связи с эксплуатируемыми массами, решительности, умения, чтобы использовать этот кризис для успешной, для победоносной революции» (Ленин, 1920 г., т. XXV, стр. 340—341).

3. Отношения между СССР и капиталистическими государствами

Легко понять, до чего трудно было СССР проводить свою мирную политику в этой, отравленной миазмами военных комбинаций, атмосфере.

В обстановке этой предвоенной свистопляски, охватившей целый ряд стран, СССР продолжал стоять за эти годы твердо и непоколебимо на своих мирных позициях, борясь с угрозой войны, борясь за сохранение мира, идя навстречу тем странам, которые стоят так или иначе за сохранение мира, разоблачая и срывая маску с тех, кто подготавливает, провоцирует войну.

На что рассчитывал СССР в этой трудной и сложной борьбе за мир?

- а) На свою растущую хозяйственную и политическую мощь.
- б) На моральную поддержку миллионов масс рабочего класса всех стран, кровно заинтересованного в сохранении мира.
- в) На благоразумие тех стран, которые не заинтересованы по тем или иным мотивам в нарушении мира и которые хотят развить торговые отношения с таким исправным контрагентом, как СССР.
- г) Наконец — на нашу славную армию, готовую оборонять страну от наскоков извне.

На этой базе возникла наша кампания за заключение пакта о ненападении и пакта об определении нападающей стороны с соседними государствами. Вы знаете, что эта кампания имела успех. Как известно, пакт о ненападении заключен не только с большинством наших соседних государств на Западе и Юге, в том числе с Финляндией и Польшей, но и с такими *странами*, как Франция, Италия, а пакт об определении нападающей стороны — с

теми же соседними государствами, включая сюда и Малую Антанту.

На этой же базе укрепилась дружба между СССР и Турцией, улучшились отношения и стали бесспорно удовлетворительными между СССР и Италией, улучшились отношения с Францией, Польшей и другими Балтийскими государствами, восстановлены отношения с САСШ, с Китаем и т. д.

Из ряда фактов, отражающих успехи мирной политики СССР, следует отметить и выделить два факта, имеющие бесспорно серьезное значение.

1) Я имею в виду, во-первых, тот перелом к лучшему в отношениях между СССР и Польшей, между СССР и Францией, который произошел в последнее время. В прошлом, как известно, с Польшей были у нас неважные отношения. В Польше убивали представителей нашего государства. Польша считала себя барьером западных государств против СССР. На Польшу рассчитывали все и всякие империалисты, как на передовой отряд, в случае военного нападения на СССР. Не лучше обстояло дело с отношениями между СССР и Францией. Достаточно вспомнить факты из истории суда над вредительской группой Рамзина в Москве, чтобы восстановить в памяти картину взаимоотношений между СССР и Францией. И вот эти нежелательные отношения начинают постепенно исчезать. Они заменяются другими отношениями, которые нельзя назвать иначе, как отношениями сближения. Дело не только в том, что мы подписали пакт о ненападении с этими странами, хотя сам по себе пакт имеет серьезнейшее значение. Дело прежде всего в том, что атмосфера, зараженная взаимным недоверием, начинает рассеиваться. Это не значит, конечно, что наметившийся процесс сближения можно рассматривать, как достаточно прочный, обеспечивающий конечный успех дела. Неожиданности и зигзаги политики, например, в Польше, где антисоветские настроения еще сильны, далеко еще нельзя считать исключенными. Но перелом к лучшему в наших отношениях, независимо от его результатов в будущем,— есть факт, заслуживающий того, чтобы отметить и выдвинуть его вперед, как фактор улучшения дела мира.

Где причина этого перелома, чем он стимулируется?

Прежде всего ростом силы и могущества СССР.

В наше время со слабыми не принято считаться,— считаются только с сильными. А затем — некоторыми изменениями в политике Германии, отражающими рост реваншистских и империалистских настроений в Германии

Некоторые германские политики говорят по этому поводу, что СССР ориентируется теперь на Францию и Польшу, что из противника Версальского договора он стал его сторонником, что эта перемена объясняется установлением фашистского режима в Германии. Это не верно. Конечно, мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной. Дело также не в мнимых изменениях в нашем отношении к Версальскому договору. Не нам, испытавшим позор Брестского мира, воспевать Версальский договор. Мы не согласны только с тем, чтобы из-за этого договора мир был ввергнут в пучину новой войны. То же самое надо сказать о мнимой переори-

ентации СССР. У нас не было ориентации на Германию, так же как у нас нет ориентации на Польшу и Францию. Мы ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящем на СССР и только на СССР. (*Бурные аплодисменты.*) И если интересы СССР требуют сближения с теми или иными странами, незаинтересованными в нарушении мира, мы идем на это дело без колебаний.

Нет, не в этом дело. Дело в изменении политики Германии. Дело в том, что еще перед приходом к власти нынешних германских политиков, особенно же после их прихода — в Германии началась борьба между двумя политическими линиями, между политикой старой, получившей отражение в известных договорах СССР с Германией, и политикой «новой», напоминающей в основном политику бывшего германского кайзера, который оккупировал одно время Украину и предпринял поход против Ленинграда, превратив прибалтийские страны в плацдарм для такого похода, причем «новая» политика явным образом берет верх над старой. Нельзя считать случайностью, что люди «новой» политики берут во всем перевес, а сторонники старой политики оказались в опале. Не случайно также известное выступление Гугенберга в Лондоне, так же как не случайны не менее известные декларации Розенберга, руководителя внешней политики правящей партии Германии. Вот в чем дело, товарищи.

2) Я имею в виду, во-вторых, восстановление нормальных отношений между СССР и Соединенными штатами Северной Америки. Не может быть сомнения, что этот акт имеет серьезнейшее значение во всей системе международных отношений. Дело не только в том, что он поднимает шансы дела сохранения мира, улучшает отношения между обеими странами, укрепляет торговые связи между ними и создает базу для взаимного сотрудничества. Дело в том, что он кладет вежу между старым, когда САСШ считались в различных странах оплотом для всяких антисоветских тенденций, и новым, когда этот оплот добровольно снят с дороги ко взаимной выгоде обеих стран.

Таковы два основных факта, отражающие успехи советской политики мира.

Было бы, однако, неправильно думать, что за отчетный период все шло у нас гладко. Нет, далеко не все шло у нас гладко.

Вспомните хотя бы нажим со стороны Англии, эмбарго, наложенное на наш экспорт, попытку вмешаться в наши внутренние дела и прошупать нас на этом, — испытать силу нашего сопротивления. Правда, из этой попытки ничего не вышло, и эмбарго было снято потом, но неприятный осадок от этих наскоков все еще дает знать о себе во всем, что касается отношений между Англией и СССР, в том числе в переговорах о торговом договоре. А наскоки эти на СССР нельзя считать случайностью. Известно, что одна часть английских консерваторов не может жить без таких наскоков. И именно потому, что они не случайны, мы должны учитывать, что будут и впредь наскидывать на СССР, создавать угрозы всякого рода, наносить ему вред и т. п.

Нельзя не иметь также в виду отношений между СССР и Японией, которые нуждаются в серьезном улучшении. Отказ Японии от подписания пак-

та о ненападении, в котором Япония нуждается не меньше, чем СССР, лишний раз подчеркивает, что в области наших отношений не все обстоит благополучно. То же самое надо сказать насчет перерыва переговоров о КВЖД, происшедшего не по вине СССР, а также насчет того, что японские агенты творят недопустимые вещи на КВЖД незаконно арестовывают советских служащих на К В Ж Д и т. п. Я уже не говорю о том, что одна часть военных людей в Японии открыто проповедует в печати необходимость войны с СССР и захвата Приморья при явном одобрении другой части военных, а правительство Японии вместо того, чтобы призвать к порядку поджигателей войны, делает вид, что это его не касается. Не трудно понять, что подобные обстоятельства не могут не создавать атмосферу беспокойства и неуверенности. Конечно, мы будем и впредь настойчиво проводить политику мира и добиваться улучшения отношений с Японией, ибо мы хотим улучшения этих отношений. Но не все здесь зависит от нас. Поэтому мы должны вместе с тем принять все меры к тому, чтобы оградить нашу страну от неожиданностей и быть готовыми к ее защите от нападения. (*Бурные аплодисменты.*)

Как видите, наряду с успехами нашей мирной политики мы имеем и ряд отрицательных явлений.

Таково внешнее положение СССР.

Наша внешняя политика ясна. Она есть политика сохранения мира и усиления торговых отношений со всеми странами. СССР не думает угрожать кому бы то ни было и — тем более — напасть на кого бы то ни было. Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира. Но мы не боимся угроз и готовы ответить ударом на удар поджигателей войны. (*Бурные аплодисменты.*) Кто хочет мира и добивается деловых связей с нами, тот всегда найдет у нас поддержку. А те, которые попытаются напасть на нашу страну, — получат сокрушительный отпор, чтобы впредь не повадно было им совать свое свиное рыло в наш советский огород. (*Гром аплодисментов.*)

Такова наша внешняя политика. (*Гром аплодисментов.*)

Задача состоит в том, чтобы проводить в жизнь и впредь эту политику со всей настойчивостью и последовательностью.

II. Продолжающийся подъем народного хозяйства и внутреннее положение СССР

Перехожу к вопросу о внутреннем положении СССР.

С точки зрения внутреннего положения СССР отчетный период представляет картину все более развертывающегося подъема как в области народного хозяйства, так и в области культуры.

Подъем этот был не только простым количественным накоплением сил. Подъем этот замечателен тем, что он внес принципиальные изменения в структуру СССР и коренным образом изменил лицо страны.

СССР за этот период преобразился в корне, сбросив с себя обличие отсталости и средневековья. Из страны аграрной он стал страной индустриальной. Из страны мелкого единоличного сельского хозяйства он

стал страной коллективного крупного механизированного сельского хозяйства. Из страны темной, неграмотной и некультурной он стал — вернее, становится — страной грамотной и культурной, покрытой громадной сетью высших, средних и низших школ, действующих на языках национальностей СССР.

Созданы новые отрасли производства: станкостроение, автомобильная промышленность, тракторная промышленность, химическая промышленность, моторостроение, самолетостроение, комбайностроение, производство мощных турбин и генераторов, качественных сталей, ферросплавов, синтетического каучука, азота, искусственного волокна и т. д. и т. п. *(Продолжительные аплодисменты.)*

Построены и пущены в ход за этот период тысячи новых вполне современных промышленных предприятий. Построены гиганты вроде Днепростроя, Магнитостроя, Кузнецкстроя, Челябинстроя, Бобриков, Уралмашстроя, Крамашстроя. Реконструированы на базе новой техники тысячи старых предприятий. Построены новые предприятия и созданы очаги промышленности в национальных республиках и на окраинах СССР: в Белоруссии, на Украине, на Северном Кавказе, в Закавказье, в Средней Азии, в Казахстане, в Бурято-Монголии, в Татарии, Башкирии, на Урале, в Восточной и Западной Сибири, на Дальнем Востоке и т. д.

Создано свыше 200 тыс. колхозов и 5 тыс. совхозов с новыми районными центрами и промышленными пунктами для них.

Выросли почти на пустом месте новые большие города с большим количеством населения. Колоссально разрослись старые города и промышленные пункты.

Заложены основы Урало-кузнецкого комбината — соединения кузнецкого коксующегося угля с уральской железной рудой. Новую металлургическую базу на Востоке можно считать таким образом превращенной из мечты в действительность.

Заложены основы новой мощной нефтяной базы в районах западного и южного склонов Уральского хребта — по Уральской области, Башкирии, Казахстану (Вероятно принятое написание того времени-Ю.З.).

Очевидно, что громадные капитальные вложения государства во все отрасли народного хозяйства, составившие за отчетный период более 60 миллиардов рублей,— не прошли даром и начинают уже давать свои результаты.

В результате этих достижений народный доход СССР вырос с 29 миллиардов рублей в 1929 году до 50 миллиардов в 1933 году при громадном падении народного дохода за тот же период во всех без исключения капиталистических странах.

Понятно, что все эти достижения И весь этот подъем должны были привести — и действительно привели — к дальнейшему укреплению внутреннего положения СССР.

Как могли произойти эти колоссальные изменения в какие-либо 3—4 года на территории громадного государства с его отсталой техникой, с его отсталой культурой? Не чудо ли это? Это было бы чудом, если бы развитие шло на базе капитализма и единоличного мелкого хозяйства. Но

это не может быть названо чудом, если иметь в виду, что развитие шло у нас на основе развертывания социалистического строительства.

Понятно, что этот гигантский подъем мог развернуться лишь на базе успешного строительства социализма, на базе общественного труда десятков миллионов людей, на базе преимуществ социалистической системы хозяйства перед системой капиталистической и единолично-крестьянской.

Не удивительно поэтому, что колоссальный подъем экономики и культуры СССР за отчетный период означал вместе с тем ликвидацию капиталистических элементов и оттеснение на задний план единоличного крестьянского хозяйства. Это факт, что удельный вес социалистической системы хозяйства в области промышленности составляет в настоящее время 99%, а в сельском хозяйстве, если иметь в виду посевные площади зерновых культур,— 84,5%, тогда как на долю единоличного крестьянского хозяйства приходится всего 15,5%.

Выходит, что капиталистическое хозяйство в СССР уже ликвидировано, а единолично-крестьянский сектор в деревне оттеснен на второстепенные позиции.

Ленин говорил при введении нэпа, что в нашей стране имеются элементы пяти общественно-экономических укладов: 1) патриархальное хозяйство (в значительной степени натуральное хозяйство), 2) мелкотоварное производство (большинство крестьян из тех, кто продает хлеб), 3) частнохозяйственный капитализм, 4) государственный капитализм, 5) социализм. Ленин считал, что из всех этих укладов должен в конце концов возобладать социалистический уклад. Мы можем теперь сказать, что первый, третий и четвертый общественно-экономические уклады уже не существуют, второй общественно-экономический уклад оттеснен на второстепенные позиции, а пятый общественно-экономический уклад— социалистический уклад является безраздельно господствующей и единственно командующей силой во всем народном хозяйстве. *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)*

Таков итог.

В этом итоге — основа прочности внутреннего положения СССР, основа стойкости его передовых и тыловых позиций в обстановке капиталистического окружения.

Перейдем к рассмотрению конкретных материалов по отдельным вопросам экономического и политического положения Советского Союза.

1. Подъем промышленности

Из всех отраслей народного хозяйства наиболее быстро росла у нас промышленность. За отчетный период, т. е. начиная с 1930 года, промышленность выросла у нас более, чем вдвое, а именно на 101,6%, а в сравнении с довоенным уровнем она выросла почти вчетверо, а именно на 291,9%.

Это значит, что индустриализация шла у нас на всех парах.

Быстрый рост индустриализации привел к тому, что в валовой продукции всего народного хозяйства продукция промышленности заняла главенствующее место.

Вот соответствующая таблица.

**Удельный вес промышленности в валовой продукции
народного хозяйства в процентах (в ценах 1926/27г.):**

	1913 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
1. Промышленность (без мелкой)	42,1	54,5	61,6	66,7	70,7	70,4
2. Сельское хозяйство	57,9	45,5	38,4	33,3	29,3	29,6
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Это значит, что страна наша стала прочно и окончательно — индустриальной страной.

Решающее значение в деле индустриализации имеет рост производства орудий и средств производства в общем объеме развития промышленности. Данные за отчетный период показывают, что удельный вес этой статьи в общем объеме промышленности занял преобладающее место.

Вот соответствующая таблица.

**Удельный вес продукции двух основных групп
отраслей крупной промышленности (в ценах 1926/27г.):**

	Валовая продукция (в млрд. руб.)				
	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Вся крупная промышленность	21,0	27,5	33,9	38,5	41,9
В том числе:					
Гр. «А». Орудия и средства производства	10,2	14,5	18,8	22,0	24,3
Гр. «Б». Предметы потребления	10,8	13,0	15,1	16,5	17,6
Удельный вес	(в процентах)				
Гр. «А». Орудия и средства производства	48,5	52,6	55,4	57,0	53,0
Гр. «Б». Предметы потребления	51,5	47,4	44,6	43,0	42,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица, как видите, не нуждается в разъяснениях.

В нашей все еще молодой в техническом отношении стране промышленность имеет особую задачу. Она должна реконструировать на новой технической базе не только себя самое, не только все отрасли промышленности, в том числе легкую, пищевую, лесную промышленность. Она должна еще реконструировать все виды транспорта и все отрасли сельского хозяйства. Но она может выполнять эту задачу лишь в том случае, если машиностроение — основной рычаг реконструкции народного хозяйства — займет в ней преобладающее место. Данные отчетного периода показывают, что машино-

строение завоевало у нас в общем объеме промышленности ведущую роль.

Вот соответствующая таблица.

***Удельный вес отдельных отраслей промышленности
в процентах к итогу по валовой продукции:***

	СССР			
	1913 г.	1929 г.	1932 г.	1933 г.
Каменноугольная	2,9	2,1	1,7	2,0
Коксовая	0,8	0,4	0,5	0,6
Нефтедобывающая	1,9	1,8	1,5	1,4
Нефтеобрабатывающая	2,3	2,5	2,9	2,6
Черная металлургия	нет св.	4,5	3,7	4,0
Цветная металлургия	» »	1,5	1,3	1,2
Машиностроение	11,0	14,8	25,0	26,1
Основная химия	0,8	0,6	0,8	0,9
Хлопчатобумажная	18,3	15,2	7,6	7,3
Шерстяная	3,1	3,1	1,9	1,8

Это значит, что промышленность наша развивается на здоровой основе, а ключ реконструкции—машиностроение—целиком в наших руках. Необходимо только, чтобы он был использован умело, рационально.

Интересную картину открывает развитие промышленности за отчетный период по социальным секторам.

Вот соответствующая таблица.

***Валовая продукция крупной промышленности
по социальным секторам (в ценах 1926/27 г.):***

	Валовая продукция (в млн. руб.)				
	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Вся продукция	21 025	27 477	33 903	38 464	41 968
В том числе:					
I. Обобщественная промышленность	20 891	27 402	св. нет	38 436	41 940
В том числе:					
а) государственная промышленность	19 143	24 989	» »	35 587	38 932
б) кооперативная промышленность	1 748	2 413	» »	2 849	3 008
II. Частная промышленность	134	75	» »	28	28
	(в процентах)				
Вся продукция	100	100	100	100	100
В том числе:					
I. Обобщественная промышленность	99,4	99,7	св. нет	99,93	99,93
В том числе:					
а) государственная промышленность	91,1	90,9	» »	92,52	92,76
б) кооперативная промышленность	8,3	8,8	» »	7,41	7,17
II. Частная промышленность	0,6	0,3	» »	0,07	0,07

Из этой таблицы видно, что с капиталистическими элементами в промышленности уже покончено, а социалистическая система хозяйства является теперь единственной и монопольной системой в нашей промышленности. (*Аплодисменты.*)

Но из всех достижений промышленности, завоеванных ею за отчетный период, самым важным достижением нужно считать тот факт, что она сумела за это время воспитать и выковать тысячи новых людей и новых руководителей промышленности, целые слои новых инженеров и техников, сотни тысяч молодых квалифицированных рабочих, освоивших новую технику и двинувших вперед нашу социалистическую промышленность. Не может быть сомнения, что без этих людей промышленность не могла бы иметь тех успехов, которые имеет теперь и которыми она в праве гордиться. Данные говорят, что за отчетный период промышленность выпустила в производство из школ фабрично-заводского ученичества около 800 тыс. более или менее квалифицированных рабочих, а из вузов, вузов и техникумов — более 180 тыс. инженеров и техников. Если верно, что проблема кадров является серьезнейшей проблемой нашего развития, то надо признать, что наша промышленность начинает серьезно овладевать этой проблемой.

Таковы основные достижения нашей промышленности.

Было бы, однако, неправильно думать, что промышленность имела лишь одни успехи. Нет, у нее есть и свои недостатки. Главные из них:

- а) Продолжающееся отставание *черной металлургии*;
- б) Неупорядоченность *дела цветной металлургии*;
- в) Недооценка серьезнейшего значения развития добычи *местных углей* в общем топливном балансе страны (Подмосковный район, Кавказ, Урал, Караганда, Средняя Азия, Сибирь, Дальний Восток, Северный край и т. д.);
- г) Отсутствие должного внимания к вопросу организации новой *нефтяной базы* в районах Урала, Башкирии, Эмбы;
- д) Отсутствие серьезной заботы о развертывании производства товаров *широкого потребления* как по легкой и пищевой промышленности, так и по лесной промышленности;
- е) Отсутствие должного внимания к вопросу развертывания *местной промышленности*;
- ж) Совершенно недопустимое отношение к вопросу об улучшении *качества продукции*;
- з) Продолжающееся отставание в деле подъема *производительности труда*, снижения *себестоимости*, внедрения *хозрасчета*;
- и) Все еще не ликвидированная плохая организация труда и зарплаты, обезличка в работе, уравниловка в системе зарплаты;
- к) Далеко еще не ликвидированный *канцелярско-бюрократический* метод руководства в хозяйственных наркоматах и их органах, в том числе в наркоматах легкой и пищевой промышленности.

Едва ли нужно еще разъяснять абсолютную необходимость срочной ликвидации этих недостатков. Черная и цветная металлургии, как известно, не выполнили своего плана на протяжении первой пятилетки. Они не выполнили его также за первый год второй пятилетки. Если они будут и впредь отставать, они могут превратиться в тормоз для промышленности и в при-

чину ее прорывов. Что касается создания новых баз угольной и нефтяной промышленности, то не трудно понять, что без выполнения этой неотложной задачи мы можем посадить на мель и промышленность и транспорт. Вопрос о ширпотребе и развитии местной промышленности, так же как и вопросы об улучшении качества продукции, подъеме производительности труда, снижении себестоимости и внедрении хозрасчета — также не нуждаются в разъяснении. Что касается плохой организации труда и зарплаты и канцелярско-бюрократического метода руководства, то, как показала история с Донбассом, равно как с предприятиями легкой и пищевой промышленности, эта опасная болезнь гнездится во всех отраслях промышленности, тормозя их развитие. Если она не будет ликвидирована, промышленность будет хромать на обе ноги. Очередные задачи:

1) Сохранить за машиностроением его нынешнюю ведущую роль в системе промышленности.

2) Ликвидировать отставание черной металлургии.

3) Упорядочить дело цветной металлургии.

4) Развернуть во-всю добычу местных углей во всех известных уже районах, организовать новые районы угледобычи (например, в Бурейском районе Дальнего Востока), превратить Кузбасс во второй Донбасс. *(Продолжительные аплодисменты.)*

5) Взяться серьезно за организацию нефтяной базы в районах западных и южных склонов Уральского хребта.

6) Развернуть производство товаров широкого потребления по всем хозяйственным наркоматам.

7) Развязать местную советскую промышленность, дать ей возможность проявить инициативу в деле производства товаров ширпотреба и оказать ей возможную помощь сырьем и средствами.

8) Улучшить качество выпускаемых товаров, прекратить выпуск некомплектной продукции и карать всех тех товарищей, невзирая на лица, которые нарушают или обходят законы Советской власти о качестве и комплектности продукции.

9) Добиться систематического роста производительности труда, снижения себестоимости и внедрения хозрасчета.

10) Добить обезличку в работе и уравниловку в системе зарплаты.

11) Ликвидировать канцелярско-бюрократический метод руководства во всех звеньях хозяйственных наркоматов, систематически проверяя исполнение решений и указаний руководящих центров нижестоящими органами.

2. Подъем сельского хозяйства

Несколько по-иному пошло развитие в области сельского хозяйства. Во много раз медленнее, чем в промышленности, но все же быстрее, чем в период преобладания единоличного хозяйства, нарастал за отчетный период подъем основных отраслей сельского хозяйства. А по животноводческой отрасли мы имели даже обратный процесс — падение поголовья скота, и только в 1933 году и то в одной лишь свиноводческой отрасли наметились признаки подъема.

Очевидно, что громадные трудности объединения разрозненных мелких крестьянских хозяйств в колхозы, трудное дело создания почти на пустом месте большого количества крупных зерновых и животноводческих хозяйств, и, вообще, *реорганизационный* период перестройки и перевода единоличного сельского хозяйства на новые колхозные рельсы, требующий много времени и больших издержек, — все эти факторы неизбежно предрешили как медленные темпы подъема сельского хозяйства, так и сравнительно долгий период упадка в развитии поголовья скота.

По сути дела отчетный период был для сельского хозяйства не столько периодом быстрого подъема и мощного разбега, сколько периодом создания предпосылок для такого подъема и такого разбега в ближайшем будущем.

Если взять данные о росте посевных площадей всех культур, а затем особо — технических культур, то развитие сельского хозяйства за отчетный период рисуется в следующем виде.

Посевные площади всех культур по СССР:

	В миллионах гектар					
	1913 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Вся посевная площадь	105,0	118,0	127,2	136,3	134,4	129,7
В том числе:						
а) Зерновые	94,4	96,0	101,8	104,4	99,7	101,5
б) Технические	4,5	8,8	10,5	14,0	14,9	12,0
в) Огородно-бахчевые	3,3	7,6	8,0	9,1	9,2	8,6
г) Кормовые	2,1	5,0	6,5	8,8	10,6	7,3

Посевные площади технических культур по СССР:

	В миллионах гектар					
	1913 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Хлопок	0,69	1,06	1,58	2,14	2,17	2,05
Лен (долгунец)	1,02	1,63	1,75	2,39	2,51	2,4
Сахарная свекла	0,65	0,77	1,04	1,39	1,54	1,21
Масличные	2,00	5,20	5,22	7,55	7,98	5,79

Эти таблицы отражают две основные линии в сельском хозяйстве:

1) Линию на всемерное расширение посевных площадей в период разгара реорганизации сельского хозяйства, когда колхозы создавались десят-

ками тысяч, когда они сгоняли кулаков с земли, захватывали освободившиеся земли и прибирали их к рукам.

2) Линию на отказ от огульного расширения посевных площадей, линию на переход от огульного расширения площадей к улучшению обработки земли, к внедрению правильного севооборота и пара, к поднятию урожайности и, если этого потребует практика, — к временному сокращению существующих посевных площадей.

Как известно, вторая линия, — единственно правильная линия в сельском хозяйстве, — была провозглашена в 1932 году, когда реорганизационный период в сельском хозяйстве подходил к концу и вопрос о поднятии урожайности стал одним из основных вопросов подъема сельского хозяйства.

Но данные о росте посевных площадей нельзя считать вполне достаточными показателями развития сельского хозяйства. Бывает, что площади растут, а продукция не растет, или даже — падает, ввиду того, что обработка земли ухудшилась и урожайность на единицу площади — пала. Ввиду этого данные о площадях необходимо дополнить данными о валовой продукции.

Вот соответствующая таблица.

Валовая продукция зерновых и технических культур по СССР:

	В миллионах центнеров					
	1913 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Зерновые	801,0	717,4	835,4	694,8	698,7	898,0
Хлопок (сырец)	7,4	8,6	11,1	12,9	12,7	13,2
Лен (волокно)	3,3	3,6	4,4	5,5	5,0	5,6
Сахарная свекла	109,0	62,5	140,2	120,5	65,6	90,0
Масличные	21,5	35,8	36,2	51,0	45,5	46,0

Из этой таблицы видно, что годы наибольшего разгара реорганизации сельского хозяйства — 1931 и 1932 годы — были годами наибольшего уменьшения продукции зерновых культур.

Из этой таблицы следует, далее, что лен и хлопок, в районах которых реорганизация сельского хозяйства шла менее быстрыми темпами, почти не пострадали вовсе и шли на подъем более или менее ровно и неуклонно, сохраняя высокий уровень своего развития.

Из этой таблицы следует, в-третьих, что в то время как масличные культуры испытали лишь некоторое колебание, сохраняя высокий уровень своего развития в сравнении с довоенным уровнем, сахарная свекла, в районах которой наблюдались наиболее высокие темпы реорганизации сельского хозяйства и которая последней вступила в реорганизационный период, — испытала наибольший упадок в последний год реорганизации, в 1932 году, снизив продукцию ниже довоенного уровня.

Из этой таблицы следует, наконец, что 1933 год — первый год после

окончания реорганизационного периода — является переломным годом в развитии зерновых и технических культур.

Это значит, что зерновые культуры прежде всего, а за ними — технические культуры отныне будут идти к мощному подъему твердо и уверенно.

Наиболее болезненно перенесла реорганизационный период животноводческая отрасль сельского хозяйства.

Вот соответствующая таблица.

Поголовье скота по СССР:

	В миллионах голов					
	1916 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
а) Лошади	35,1	34,0	30,2	26,2	19,6	16,6
б) Крупный рогатый скот	58,9	68,1	52,5	47,9	40,7	38,6
в) Овцы и козы	115,2	147,2	108,8	77,7	52,1	50,6
г) Свины	20,3	20,9	13,6	14,4	11,6	12,2

Из этой таблицы видно, что по поголовью скота мы имеем за отчетный период не подъем, а все еще продолжающийся упадок в сравнении с довоенным уровнем. Очевидно, что наибольшая насыщенность животноводческих отраслей сельского хозяйства крупнокулацкими элементами, с одной стороны, и усиленная кулацкая агитация за убой скота, имевшая благоприятную почву в годы реорганизации, с другой стороны, — нашли свое отражение в этой таблице.

Из этой таблицы следует, далее, что упадок поголовья начался с первого же года реорганизации (1930 год) и продолжается вплоть до 1933 года, при чем упадок достиг наибольших размеров в первые три года, а в 1933 году, в первый год после окончания реорганизационного периода, когда зерновые культуры пошли в подъем, размеры упадка поголовья дошли до минимума

Из этой таблицы следует, наконец, что по свиноводству уже начался обратный процесс, и в 1933 году уже наметились признаки прямого подъема.

Это значит, что 1934 год должен и может стать годом перелома к подъему во всем животноводческом хозяйстве.

Как развивалась у нас коллективизация крестьянских хозяйств за отчетный период?

Вот соответствующая таблица.

Коллективизация:

	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Число колхозов (в тысячах)	57,0	85,9	211,1	211,05	224,5
Число хозяйств в колхозах (в миллионах)	1,0	6,0	13,0	14,9	15,2
Процент коллективизации крестьянских хозяйств	3,9	23,6	52,7	61,5	65,0

А как шло движение зерновых посевных площадей по секторам?
Вот соответствующая таблица.

Посевные площади зерновых по секторам:

Секторы	Посевы зерновых в миллионах гектар					В процен- тах к площади 1933 г.
	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	
1. Совхозы	1,3	2,9	8,1	9,3	10,8	10,6
2 Колхозы	3,4	29,7	61,0	69,1	75,0	73,9
3. Единоличники	91,1	69,2	35,3	21,3	15,7	15,5
Весь посев зерновых по СССР	96,0	101,8	104,4	99,7	101,5	100,0

О чем говорят эти таблицы?

Они говорят о том, что реорганизационный период сельского хозяйства, когда количество колхозов и число их членов росли бурными темпами, уже закончен, закончен еще в 1932 году.

Следовательно, дальнейший процесс коллективизации представляет процесс постепенного всасывания и перевоспитания остатков индивидуальных крестьянских хозяйств колхозами.

Это значит, что колхозы победили окончательно и бесповоротно. (*Бурные, продолжительные аплодисменты.*)

Они говорят, далее, о том, что совхозы и колхозы вместе владеют 84,5% всех зерновых площадей по СССР.

Это значит, что колхозы и совхозы вместе стали такой силой, которая решает судьбу всего сельского хозяйства и всех его отраслей.

Они говорят, далее, о том, что 65% объединенных в колхозы крестьянских хозяйств владеют 73,9% всех зерновых посевных площадей, тогда как вся масса остающихся индивидуальных крестьянских хозяйств, составляющих 35% всего крестьянского населения, владеет всего лишь 15,5% всех зерновых посевных площадей.

Если добавить к этому тот факт, что колхозы сдали в 1933 году государству по всем видам поступлений более миллиарда пудов зерна, а единоличные крестьяне, выполнившие план на все 100%, — сдали всего около 130 миллионов пудов, тогда как в 1929/30 году единоличные крестьяне сдали государству около 780 миллионов пудов, а колхозы не более 120 миллионов пудов, — то станет ясней ясного, что колхозы и единоличные крестьяне за отчетный период полностью поменялись ролями, причем колхозы стали за это время господствующей силой сельского хозяйства, а единоличные крестьяне — второстепенной силой, вынужденной подчиняться и приспосабливаться к колхозному строю.

Надо признать, что трудовое крестьянство, наше советское крестьянство окончательно и бесповоротно стало под красное знамя социализма. *(Продолжительные аплодисменты.)*

Пусть болтают эсеров-меньшевистские и буржуазно-троцкистские кулачки, что крестьянство по природе контр-революционно, что оно призвано восстановить в СССР капитализм, что оно не может быть союзником рабочего класса в деле построения социализма, что в СССР невозможно построить социализм. Факты говорят, что эти господа клеветают и на СССР и на советское крестьянство. Факты говорят, что наше советское крестьянство окончательно отчалило от берегов капитализма и пошло вперед в союзе с рабочим классом — к социализму. Факты говорят, что мы уже построили фундамент социалистического общества в СССР и нам остается лишь увенчать его надстройками,— дело, несомненно, более легкое, чем построение фундамента социалистического общества.

Сила колхозов и совхозов не исчерпывается, однако, ростом их посевных площадей и продукции. Она отражается также и в росте их тракторного парка, в росте их механизации. Несомненно, что в этом отношении наши колхозы и совхозы шагнули далеко вперед.

Вот соответствующая таблица.

**Тракторный парк сельском хозяйстве СССР
(с учетом амортизации):**

	В тысячах штук					Мощность в тысячах лошадиных сил				
	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Всего тракторов	34,9	72,1	125,3	148,5	204,1	391,4	1 003,5	1 850,0	2 225,0	3 100,0
В том числе: а) тракторов в МТС	2,4	31,1	63,3	74,8	122,3	23,9	372,5	848,0	1 077,0	1 782,0
б) тракторов в совхозах всех систем	9,7	27,7	51,5	64,0	81,8	123,4	483,1	892,0	1 043,0	1 318,0

Стало быть, 204 тысячи тракторов и 3 миллиона 100 тысяч лошадиных сил для колхозов и совхозов. Сила, как видите, не малая, способная выкорчевать все и всякие корни капитализма в деревне. Сила, вдвое превышающая то количество тракторов, о котором говорил в свое время Ленин как о далекой перспективе.

Что касается парка сельхозмашин в машинно-тракторных станциях и в совхозах Наркомсовхозов, то об этом имеются данные в следующих таблицах.

По МТС:

	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Комбайнов (тысяч штук)	7 шт.	0,1	2,2	11,5
Двигателей и локомобилей (тысяч штук)	0,1	4,9	6,2	17,6
Сложных и полусложных молотилок (тысяч штук)	2,9	27,8	37,0	50,0
Электроустановок для молотыбы	168	268	551	1 283
Число ремонтных мастерских в МТС	104	770	1 220	1 933
Грузовых автомобилей (тысяч штук)	0,2	1,0	6,0	13,5
Легковых автомобилей (штук)	17	191	245	2 800

По совхозам Наркомсовхозов:

	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Комбайнов (тысяч штук)	1,7	6,3	11,9	13,5
Двигателей и локомобилей (тысяч штук)	0,3	0,7	1,2	2,5
Сложных и полусложных молотилок (тысяч штук)	1,4	4,2	7,1	8,0
Электроустановок	42	1 12	164	222
Ремонтных мастерских:				
а) капитального ремонта	72	133	208	302
б) среднего ремонта	75	160	215	476
в) текущего ремонта	205	310	578	1 166
Грузовых автомобилей (тысяч штук)	2,1	3,7	6,2	10,9
Легковых автомобилей (штук)	118	385	625	1 890

Я думаю, что эти данные не нуждаются в разъяснениях.

Не малое значение имело для подъема сельского хозяйства также образование политотделов МТС и совхозов и снабжение сельского хозяйства квалифицированными работниками. Теперь все признают, что работники политотделов сыграли громадную роль в деле улучшения работы колхозов и совхозов. Известно, что за отчетный период Центральным комитетом партии направлено в деревню для укрепления кадров сельского хозяйства более 23 тысяч коммунистов, из коих земельных работников более 3 тысяч, совхозных работников более 2 тысяч, работников политотделов МТС более 13 тысяч и работников политотделов совхозов свыше 5 тысяч.

То же самое надо сказать о снабжении колхозов и совхозов новыми инженерно-техническими и агрономическими силами. Известно, что за отчетный период работников этой группы направлено в сельское хозяйство более 111 тысяч человек.

Трактористов, комбайнеров, штурвальных, шоферов подготовлено за отчетный период и направлено по одной лишь наркомземовской системе свыше 1 миллиона 900 тысяч человек.

Подготовлено и переподготовлено за тот же период председателей и членов правлений колхозов, бригадиров по полеводству, бригадиров по животноводству, счетоводов — свыше 1 миллиона 600 тысяч человек.

Этого, конечно, мало для нашего сельского хозяйства. Но это все же кое-что.

Как видите, государство сделало все возможное для того, чтобы облегчить работу органов Наркомзема и Наркомсовхозов по руководству колхозным и совхозным строительством.

Можно ли сказать, что должным образом использованы эти возможности?

К сожалению, нельзя этого сказать.

Начать с того, что наркоматы эти заражены в большей степени, чем другие наркоматы, болезнью бюрократически-канцелярского отношения к делу. Решают вопросы, но не думают о том, чтобы проверить исполнение, призвать к порядку нарушителей указаний и распоряжений руководящих органов, выдвинуть вперед честных и добросовестных исполнителей.

Наличие громадного парка тракторов и машин обязывает, казалось бы, земельные органы держать эти ценные машины в порядке, во-время их ремонтировать, использовать их на работе более или менее сносно. Что делается ими в этой области? К сожалению, очень мало. Хранение тракторов и машин неудовлетворительно. Ремонт также неудовлетворителен, ибо до сих пор еще не хотят понять, что основу ремонта составляет текущий и средний ремонт, а не капитальный. Что касается использования тракторов и машин, то неудовлетворительное состояние этого дела до того ясно и общеизвестно, что не нуждается в доказательствах.

Одной из очередных задач сельского хозяйства является введение правильных севооборотов, расширение чистых паров, улучшение семенного дела по всем отраслям земледелия. Что делается в этой области? К сожалению, пока что — очень мало. Семенное дело по зерну и хлопку так запутано, что придется еще долго распутывать его.

Одним из действительных средств поднятия урожайности технических культур является снабжение их удобрениями. Что делается в этой области? Пока что — очень мало. Удобрения есть, но органы Наркомзема не умеют их принимать, а приняв, не проявляют заботы о том, чтобы во-время доставить их на место и рационально их использовать.

Насчет совхозов следует сказать, что они все еще остаются не на высоте своих задач. Я далек от того, чтобы недооценить большое революционизирующее значение наших совхозов. Но если сопоставить громадные вложения государства в дело совхозов с нынешними фактическими результатами работы совхозов, то получается громадное несоответствие к невыгоде совхозов. Главной причиной этого несоответствия является то обстоятельство, что наши зерновые совхозы слишком громоздки, директора не справляются с громадными совхозами, сами совхозы слишком специализированы, не имеют севооборота и парового клина, не имеют в своем составе животноводческих элементов. Необходимо, очевидно, разукрупнить совхозы и ликвидировать их чрезмерную специализированность. Можно подумать,

что Наркомсовхозов своевременно поставил этот вопрос и добился его разрешения. Но это не верно. Вопрос был поставлен и разрешен по инициативе людей, не имеющих никакого отношения к Наркомату совхозов.

Наконец, вопрос о животноводстве. Я уже докладывал о тяжелом положении животноводства. Можно подумать, что наши земельные органы проявляют лихорадочную деятельность по ликвидации кризиса животноводства, что они поднимают тревогу, мобилизуют работников и берут на приступ проблему животноводства. К сожалению, ничего подобного не произошло и не происходит. Они не только не поднимают тревогу по поводу тяжелого положения животноводства, а — наоборот — стараются замазать вопрос, а иногда в своих докладах пытаются даже скрыть от общественного мнения страны действительное положение животноводства, что совершенно недопустимо для большевиков. Надеяться после этого, что земельные органы сумеют вывести на дорогу и поднять на должную высоту животноводство, — значит строить на песке. Дело животноводства должны взять в свои руки вся партия, все наши работники, партийные и беспартийные, имея в виду, что проблема животноводства является теперь такой же первоочередной проблемой, какой была вчера уже разрешенная с успехом проблема зерновая. Нечего и доказывать, что советские люди, бравшие не одно серьезное препятствие на пути к цели, сумеют взять и это препятствие. *(Гром аплодисментов.)*

Таков краткий и далеко не полный перечень недостатков, которые надо ликвидировать, и перечень задач, которые надо разрешить в ближайшее время.

Но дело не исчерпывается этими задачами. Имеются еще другие задачи по линии сельского хозяйства, о которых следовало бы сказать несколько слов.

Следует, прежде всего, иметь в виду, что старое деление наших областей на промышленные и аграрные уже изжило себя. Нет у нас больше областей исключительно аграрных, которые бы снабжали хлебом, мясом, овощами промышленные области, равно как нет у нас больше исключительно промышленных областей, которые могли бы рассчитывать на то, что получают все необходимые продукты извне, из других областей. Развитие ведет к тому, что все области становятся у нас более или менее промышленными, и чем дальше, тем больше они будут становиться промышленными. Это значит, что Украина, Северный Кавказ, ЦЧО и другие бывшие аграрные районы не могут уже больше отпускать на сторону, в промышленные центры столько продуктов, сколько отпускали они раньше, так как вынуждены кормить свои собственные города и своих собственных рабочих, количество которых будет расти. Но из этого следует, что каждая область должна завести у себя свою сельско-хозяйственную базу, чтобы иметь свои овощи, свою картошку, свое масло, свое молоко и в той или иной степени — свой хлеб, свое мясо, — если она не хочет попасть в затруднительное положение. Вы знаете, что это дело вполне осуществимо и оно уже делается теперь.

Задача состоит в том, чтобы довести это дело до конца во что бы то ни стало.

Следует, далее, обратить внимание на то, что известное деление наших областей на потребительские и производящие тоже начинает терять свой исключительный характер. Такие «потребительские» области, как Московская и Горьковская, дали в этом году государству около 80 миллионов пудов хлеба. Это, конечно, не мелочь. В так называемой потребительской полосе имеется около 5 миллионов гектар целинных земель, покрытых кустарником. Известно, что климат в этой полосе не плохой, осадков не мало, засухи не бывает. Если очистить эти земли от кустарника и произвести ряд мероприятий организационного характера, можно будет получить громадный район зерновых культур, могущий дать товарного зерна при обычно большой урожайности в этих местах — не меньше, чем дает теперь Нижняя или Средняя Волга. Это было бы большим подспорьем для северных промышленных центров.

Очевидно, задача состоит в том, чтобы образовать в районах потребительской полосы большой массив зерновых культур.

Наконец, вопрос о борьбе с засухой в Заволжье. Насажение лесов и лесозащитных полос в восточных районах Заволжья имеет громадное значение. Эта работа, как известно, уже производится, хотя нельзя сказать, чтобы она проводилась с достаточной интенсивностью. Что касается орошения Заволжья, — а это главное с точки зрения борьбы с засухой, — то нельзя допустить, чтобы это дело было отложено в долгий ящик. Правда, оно было несколько заторможено некоторыми внешними обстоятельствами, отвлекшими массу сил и средств. Но теперь нет больше оснований откладывать его дальше. Мы не можем обойтись без серьезной и совершенно стабильной, свободной от случайностей погоды, базы хлебного производства на Волге, дающей ежегодно миллионов 200 пудов товарного зерна. Это совершенно необходимо, если учесть рост городов на Волге, с одной стороны, и всякие возможные осложнения в области международных отношений, с другой. Задача состоит в том, чтобы приступить к серьезной работе по организации дела орошения Заволжья. *(Аплодисменты.)*

3. Подъем материального положения и культуры трудящихся

Мы обрисовали таким образом положение нашей промышленности и сельского хозяйства, их развитие за отчетный период, их состояние в данный момент.

В итоге мы имеем:

а) Мощный подъем производства как в области промышленности, так и в области основных отраслей сельского хозяйства.

б) Окончательную победу на основе этого подъема социалистической системы хозяйства над системой капиталистической как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, превращение социалистической системы в единственную систему всего народного хозяйства, вытеснение капиталистических элементов из всех сфер народного хозяйства.

в) Окончательный отход громадного большинства единоличных крестьян от мелко-товарного единоличного хозяйства, объединение их в коллективные хозяйства на базе коллективного труда и коллективной собственности на

средства производства, полную победу коллективного хозяйства над мелко-товарным индивидуальным хозяйством.

г) Растущий процесс дальнейшего расширения колхозов за счет единоличных крестьянских хозяйств, количество которых падает, таким образом, из месяца в месяц и которые превращаются по сути дела в подсобную силу для колхозов и совхозов.

Понятно, что эта историческая победа над эксплуататорами не могла не привести к коренным улучшениям в материальном положении и во всем быту трудящихся.

Ликвидация паразитических классов привела к исчезновению эксплуатации человека человеком. Труд рабочего и крестьянина освобожден от эксплуатации. Доходы, выжимавшиеся эксплуататорами из народного труда, остаются ныне в руках трудящихся и используются частью для расширения производства и привлечения в производство новых отрядов трудящихся, частью — для прямого повышения доходов рабочих и крестьян.

Исчезла безработица — бич рабочего класса. Если в буржуазных странах миллионы безработных терпят нужду и страдания из-за отсутствия работы, то у нас нет больше рабочих, которые бы не имели работы и заработка.

С исчезновением кулацкой кабалы исчезла нищета в деревне. Любой крестьянин, колхозник или единоличник, имеет теперь возможность жить по-человечески, если он только хочет работать честно, а не лодырничать, не бродяжничать и не расхищать колхозное добро.

Уничтожение эксплуатации, уничтожение безработицы в городе, уничтожение нищеты в деревне — это такие исторические достижения в материальном положении трудящихся, о которых не могут даже мечтать рабочие и крестьяне самых что ни на есть «демократических» буржуазных стран.

Изменился облик наших крупных городов и промышленных центров. Неизбежным признаком крупных городов буржуазных стран являются трущобы, так называемые рабочие кварталы на окраинах города, представляющие груды темных, сырых, большей частью подвальных, полуразрушенных помещений, где обычно ютятся неимущий люд, копошась в грязи и проклиная судьбу. Революция в СССР привела к тому, что эти трущобы исчезли у нас. Они заменены вновь отстроенными хорошими и светлыми рабочими кварталами, при чем во многих случаях рабочие кварталы выглядят у нас лучше, чем центры города.

Еще больше изменился облик деревни. Старая деревня с ее церковью на самом видном месте, с ее лучшими домами урядника, попа, кулака на первом плане, с ее полуразваленными избами крестьян на заднем плане — начинает исчезать. На ее место выступает новая деревня с ее общественно-хозяйственными постройками, с ее клубами, радио, кино, школами, библиотеками и яслями, с ее тракторами, комбайнами, молотилками, автомобилями. Исчезли старые знатные фигуры кулака-эксплоататора, ростовщика-кровососа, купца-спекулянта, батюшки-урядника. Теперь знатными людьми являются деятели колхозов и совхозов, школ и клубов, старшие трактористы да комбайнеры, бригадиры по полеводству и животноводству, лучшие ударники и ударницы колхозных полей.

Исчезает противоположность между городом и деревней. Город перестает быть в глазах крестьян центром их эксплуатации. Все крепче становятся нити хозяйственной и культурной смычки между городом и деревней. От города и его промышленности деревня получает теперь помощь — тракторами, сельхозмашинами, автомобилями, людьми, средствами. Да и сама деревня имеет теперь свою промышленность в виде машинно-тракторных станций, ремонтных мастерских, всякого рода промышленных предприятий колхозов, небольших электростанций и т. п. Культурная пропасть между городом и деревней заполняется.

Таковы основные достижения трудящихся в области улучшения их материального положения, быта, культуры.

На основе этих достижений мы имеем за отчетный период:

а) Рост народного дохода с 35 миллиардов в 1930 году до 50 миллиардов в 1933 году, причем, так как доля капиталистических элементов, в том числе концессионеров, в народном доходе составляет в настоящее время менее полпроцента, то почти весь народный доход распределяется между рабочими и служащими, трудящимися крестьянами, кооперацией и государством.

б) Рост населения Советского Союза со 160,5 миллионов человек в конце 1930 года до 168 миллионов в конце 1933 года.

в) Рост численности рабочих и служащих с 14 миллионов 530 тысяч в 1930 году до 21 миллиона 883 тысяч в 1933 году, причем количество лиц физического труда поднялось за этот период от 9 миллионов 489 тысяч до 13 миллионов 797 тысяч человек, количество рабочих крупной промышленности, в том числе рабочих транспорта, поднялось от 5 миллионов 79 тысяч до 6 миллионов 882 тысяч человек, количество сельско-хозяйственных рабочих — от 1 миллиона 426 тысяч до 2 миллионов 519 тысяч человек, а количество рабочих и служащих в торговле от 814 тысяч до 1 миллиона 497 тысяч человек.

г) Рост фонда заработной платы рабочих и служащих с 13 миллиардов 597 миллионов руб. в 1930 году до 34 миллиардов 280 миллионов руб. в 1933 году.

д) Рост средне-годовой заработной платы рабочих промышленности с 991 рубля в 1930 году до 1 тысячи 519 рублей в 1933 году.

е) Рост фонда социального страхования рабочих и служащих с 1 миллиарда 810 миллионов руб. в 1930 году до 4 миллиардов 610 миллионов руб. в 1933 году.

ж) Перевод всей надземной промышленности на 7-часовой рабочий день.

з) Помощь государства крестьянам в виде организации для них 2 тысяч 860 машинно-тракторных станций с вложением в это дело 2 миллиардов рублей.

и) Помощь государства крестьянам в виде кредита колхозам в размере 1 миллиарда 600 миллионов рублей.

к) Помощь государства крестьянам в виде семенной и продовольственной ссуды в течение отчетного периода в размере 262 миллионов пудов зерна.

л) Помощь государства маломощным крестьянам в виде льгот по налогу и страхованию в размере 370 миллионов рублей.

Что касается культурного развития страны, мы имеем за отчетный период:

а) Введение по всему СССР всеобщего обязательного начального образования и повышение процента грамотности с 67% в конце 1930 года до 90% в конце 1933 года.

б) Рост числа учащихся в школах всех ступеней с 14 миллионов 358 тысяч в 1929 году до 26 миллионов 419 тысяч человек в 1933 году, в том числе по *начальному* образованию — с 11 миллионов 697 тысяч до 19 миллионов 163 тысяч, по *среднему* образованию — с 2 миллионов 453 тысяч до 6 миллионов 674 тысяч человек, по *высшему* образованию — с 207 тысяч до 491 тысячи человек,

в) Рост числа детей по дошкольному обучению с 338 тысяч в 1929 году до 5 миллионов 917 тысяч в 1933 году.

г) Рост числа высших учебных заведений, общих и специальных, с 91 единицы в 1914 году до 600 единиц в 1933 году.

д) Рост числа научно-исследовательских институтов с 400 единиц в 1929 году до 840 в 1933 году.

е) Рост числа учреждений клубного типа с 32 тысяч в 1929 году до 54 тысяч в 1933 году.

ж) Рост числа кинотеатров, киноустановок в клубах и кинопередвижек с 9 тысяч 800 единиц в 1929 году до 29 тысяч 200 единиц в 1933 году.

з) Рост разового тиража газет с 12 миллионов 500 тысяч в 1929 году до 36 миллионов 500 тысяч в 1933 году.

Не мешает, может быть, отметить, что удельный вес рабочих среди учащихся в высших учебных заведениях составляет у нас 51,4%, а удельный вес трудящихся крестьян — 16,5%, тогда как в Германии, например, удельный вес рабочих среди учащихся в высших учебных заведениях составлял в 1932/33 учебном году всего 3,2%, а удельный вес мелких крестьян — всего 2,4%.

Следует отметить, как отрадный факт и как признак роста культуры в деревне, — рост активности женщин-колхозниц в области общественно-организаторской работы. Известно, например, что женщин-колхозниц состоит в настоящее время председателями колхозов — около 6 тысяч, членами правлений колхозов — свыше 60 тысяч, бригадирами — 28 тысяч, звеновыми организаторами — 100 тысяч, заведующими колхозными товарными фермами — 9 тысяч, трактористами — 7 тысяч. Нечего и говорить, что эти данные не являются полными. Но и то малое, что имеется в этих данных, достаточно ярко говорит о большом росте культуры в деревне. Это обстоятельство имеет, товарищи, громадное значение. Оно имеет громадное значение потому, что женщины составляют половину населения нашей страны, они составляют громадную армию труда, и они призваны воспитывать наших детей, наше будущее поколение, т. е. нашу будущность. Вот почему мы не можем допустить, чтобы эта громадная армия трудящихся прозябала в темноте и невежестве! Вот почему мы должны приветствовать растущую общественную активность трудящихся женщин и их выдвижение на руководящие посты, как несомненный признак роста нашей культуры. *(Продолжительные аплодисменты.)*

Наконец, следует отметить еще один факт, но уже отрицательного характера. Я имею в виду то недопустимое явление, что педагогические и медицинские «факультеты» все еще находятся у нас в загоне. Это большой недостаток, граничащий с нарушением интересов государства. С этим недостатком надо обязательно покончить. И чем скорее будет сделано это, тем лучше.

4. Подъем товарооборота и транспорт

Мы имеем таким образом:

а) рост продукции промышленности, в том числе продукции по ширпотребу;

б) рост продукции сельского хозяйства;

в) рост потребностей и спроса на продукты и изделия со стороны трудящихся масс города и деревни.

Что еще требуется для того, чтобы сомкнуть эти условия и обеспечить всей массе потребителей получение необходимых товаров и продуктов?

Некоторые товарищи думают, что достаточно наличия этих условий, чтобы экономическая жизнь страны забила ключом. Это глубокое заблуждение. Можно представить, что имеются все эти условия, но если товар не доходит до потребителя, экономическая жизнь не только не может забить ключом, а наоборот,— будет расстроена и дезорганизована до основания. Надо, наконец, понять, что товары производятся в последнем счете не для производства, а для потребления. У нас бывали случаи, когда товаров и продуктов было не мало, но они не только не доходили до потребителя, а продолжали годами гулять в бюрократических закоулках так называемой товаропроводящей сети— в стороне от потребителя. Понятно, что при этих условиях промышленность и сельское хозяйство теряли всякий стимул к расширению производства, товаропроводящая сеть затоваривалась, а рабочие и крестьяне оставались без товаров и продуктов. В результате — расстройство экономической жизни страны, несмотря на наличие товаров и продуктов. Чтобы экономическая жизнь страны могла забить ключом, а промышленность и сельское хозяйство имели стимул к дальнейшему росту своей продукции, надо иметь еще одно условие, а именно,— развернутый *товарооборот* между городом и деревней, между районами и областями страны, между различными отраслями народного хозяйства. Необходимо, чтобы страна была покрыта богатой сетью торговых баз, магазинов, лавок. Необходимо, чтобы по каналам этих баз, магазинов, лавок безостановочно циркулировали товары от мест производства к потребителю. Необходимо, чтобы в это дело были вовлечены и государственная торговая сеть, и кооперативная торговая сеть, и местная промышленность, и колхозы, и единоличники крестьяне.

Это и называется у нас развернутой *советской торговлей*, торговлей без капиталистов, торговлей без спекулянтов.

Как видите, развертывание советской торговли является той актуальнейшей задачей, без разрешения которой невозможно дальше двигаться вперед.

И все же, несмотря на полную очевидность этой истины, партии пришлось преодолевать за отчетный период целый ряд препятствий на пути к развертыванию советской торговли, которые можно было бы формулировать для краткости, как результат вывиха ума у одной части коммунистов по вопросам о необходимости и значении советской торговли.

Начать с того, что в рядах одной части коммунистов все еще царит высокомерное, пренебрежительное отношение к торговле вообще, к советской торговле, в частности. Эти, с позволения сказать, коммунисты рассматривают советскую торговлю, как второстепенное, нестоящее дело, а работников торговли — как конченных людей. Эти люди, очевидно, не понимают, что своим высокомерным отношением к советской торговле они выражают не большевистские взгляды, а взгляды захудалых дворян, имеющих большую амбицию, но лишенных всякой амуниции. (*Аплодисменты.*) Эти люди не понимают, что советская торговля есть наше, родное, большевистское дело, а работники торговли, в том числе работники прилавка, если они только работают честно, — являются проводниками нашего, революционного, большевистского дела. (*Аплодисменты.*) Понятно, что партии пришлось слегка погромить этих, с позволения сказать, коммунистов, а их дворянские предрассудки — бросить в помойную яму. (*Продолжительные аплодисменты.*)

Пришлось преодолеть, далее, предрассудки другого рода. Речь идет о левацкой болтовне, имеющей хождение среди одной части наших работников, о том, что советская торговля является якобы пройденной стадией, что нам надо наладить прямой продуктообмен, что деньги будут скоро отменены, так как они превратились якобы в простые расчетные знаки, что незачем развивать торговлю, ежели стучится в дверь прямой продуктообмен. Следует отметить, что эта левацко-мелкобуржуазная болтовня, играющая наруку капиталистическим элементам, стремящимся сорвать развертывание советской торговли, имеет хождение не только среди одной части красных профессоров, но и среди некоторых работников торговли. Конечно, смешно и забавно, что эти люди, неспособные наладить простейшее дело советской торговли, болтают о своей готовности наладить более сложное и трудное дело прямого продуктообмена. Но Дон-Кихоты потому и называются Дон-Кихотами, что они лишены элементарного чутья жизни. Эти люди, которые так же далеки от марксизма, как небо от земли, очевидно, не понимают, что деньги останутся у нас еще долго, вплоть до завершения первой стадии коммунизма, — социалистической стадии развития. Они не понимают, что деньги являются тем инструментом буржуазной экономики, который взяла в свои руки Советская власть и приспособила к интересам социализма для того, чтобы развернуть во-всю советскую торговлю и подготовить тем самым условия для прямого продуктообмена. Они не понимают, что продуктообмен может притти лишь на смену и в результате идеально налаженной советской торговли, чего у нас нет и в помине и что не скоро будет у нас. Понятно, что партия, стремясь организовать развернутую советскую торговлю, сочла необходимым погромить и этих «левых» уродов, а их мелко-буржуазную болтовню — пустить на ветер.

Пришлось, далее, преодолеть нездоровые привычки торговых работников к механическому распределению товаров, ликвидировать пренебрежение к требованиям ассортимента и к требованиям потребителя, ликвидировать механическую засылку товаров, обезличку в торговле. В этих целях были открыты торговые базы, областные и межрайонные, открыты десятки тысяч новых магазинов и палаток.

Пришлось ликвидировать, далее, монопольное положение кооперации на рынке, в связи с чем обязали все наркоматы открыть торговлю собственными товарами, а Наркомснаб — развернуть широкую коммерческую торговлю сельско-хозяйственными продуктами, что привело, с одной стороны, в порядке соревнования, к улучшению торговли в кооперации, а с другой стороны — к снижению цен на рынке, к оздоровлению рынка.

Развернули широкую сеть столовых с пониженными ценами на отпускаемый товар («общественное питание»), организовали отделы рабочего снабжения («ОРСы») при заводах и фабриках с откреплением от заводского снабжения элементов, не имеющих отношения к заводу, при чем по одной лишь системе Наркомтяжа пришлось открепить не менее 500 тысяч посторонних элементов.

Наладили единый централизованный банк краткосрочного кредита — Государственный банк с 2 тысячами 200 районных отделений на местах, способных финансировать торговые операции.

В результате этих мероприятий мы имеем за отчетный период:

а) рост сети магазинов и торговых палаток со 184 тысяч 662 единиц в 1930 году до 277 тысяч 974 в 1933 году;

б) вновь созданную сеть областных торговых баз в количестве 1 тысячи 11 единиц и межрайонных торговых баз в количестве 864 единиц;

в) вновь созданную сеть ОРСов в количестве 1 тысячи 600 единиц;

г) рост сети коммерческих магазинов по торговле хлебом, охватывающей в настоящее время 330 городов;

д) рост сети столовых общественного питания, охватывающей в настоящее время 19 миллионов 800 тысяч потребителей;

е) рост товарооборота по государственной и кооперативной линии со включением столовых общественного питания с 18 миллиардов 900 миллионов рублей в 1930 году до 49 миллиардов рублей в 1933 году.

Было бы ошибочно думать, что всего этого разворота советской торговли достаточно, чтобы удовлетворить потребности нашей экономики. Наоборот, теперь больше, чем когда-либо, становится ясным, что нынешнее состояние товарооборота не может удовлетворить наших потребностей. Поэтому задача состоит в том, чтобы развернуть дальше советскую торговлю, втянуть в это дело местную промышленность, усилить колхозно-крестьянскую торговлю и добиться новых решающих успехов в области подъема советской торговли.

Необходимо, однако, отметить, что дело не может ограничиться одним лишь развертыванием советской торговли. Если развитие нашей экономики упирается в развитие товарооборота, в развитие советской торговли, то развитие советской торговли в свою очередь упирается в развитие на-

шего транспорта как железнодорожного и водного, так и автомобильного. Может случиться, что товары есть, имеется полная возможность развернуть товарооборот, но транспорт не поспевает за развитием товарооборота и отказывается везти грузы. Как известно, оно так и бывает у нас сплошь и рядом. Поэтому, транспорт является тем узким местом, о которое может споткнуться, да, пожалуй, уже начинает спотыкаться вся наша экономика и, прежде всего, наш товарооборот.

Правда, железнодорожный транспорт увеличил свой грузооборот с 133,9 миллиардов тонно-километров в 1930 году до 172 миллиардов тонно-километров в 1933 году. Но этого мало, слишком мало для нас, для нашей экономики.

Водный транспорт увеличил свой грузооборот с 45,6 миллиардов тонно-километров в 1930 году до 59,9 миллиардов тонно-километров в 1933 году. Но этого мало, слишком мало для нашей экономики.

Я уже не говорю об автомобильном транспорте, парк которого увеличился с 8 тысяч 800 автомобилей (грузовых и легковых) в 1913 году до 117 тысяч 800 автомобилей в конце 1933 года. Этого так мало для нашего народного хозяйства, что стыдно даже говорить об этом.

Не может быть сомнения, что все эти виды транспорта могли бы работать много лучше, если бы органы транспорта не болели известной болезнью, называемой канцелярско-бюрократическим методом руководства. Поэтому, кроме того, что нужно помочь транспорту людьми и средствами, задача состоит в том, чтобы искоренить в органах транспорта бюрократический-канцелярский отношение к делу и сделать их более оперативными.

Товарищи! Мы добились того, что основные вопросы промышленности решены правильно, и промышленность стоит теперь твердо на ногах. Мы добились того, что основные вопросы сельского хозяйства также решены правильно, и сельское хозяйство — мы можем сказать это прямо — также стоит теперь твердо на ногах. Но мы можем лишиться этих достижений, если наш товарооборот начнет хромать, и транспорт окажется у нас гирей на ногах. Поэтому задача развертывания товарооборота и решительно-го улучшения транспорта является той очередной и актуальнейшей задачей, без разрешения которой мы не можем двигаться вперед.

III. Партия

Перехожу к вопросу о партии.

Настоящий съезд проходит под флагом полной победы ленинизма, под флагом ликвидации остатков антиленинских группировок.

Разбита и рассеяна антиленинская группа троцкистов. Ее организаторы околачиваются теперь за границей на задворках буржуазных партий.

Разбита и рассеяна антиленинская группа правых уклонистов. Ее организаторы давно уже отреклись от своих взглядов и теперь всячески стараются загладить свои грехи перед партией.

Разбиты и рассеяны национал-уклонистские группировки. Их организаторы либо окончательно спаялись с интервенционистской эмиграцией, либо принесли повинную.

Большинство сторонников этих антиреволюционных групп вынуждено было признать правильность линии партии и капитулировало перед партией.

Если на XV съезде приходилось еще доказывать правильность линии партии и вести борьбу с известными антиленинскими группировками, а на XVI съезде — добывать последних приверженцев этих группировок, то на этом съезде — и доказывать нечего, да, пожалуй — и бить некого. Все видят, что линия партии победила. (*Гром аплодисментов.*)

Победила политика индустриализации страны. Ее результаты для всех теперь очевидны. Что можно возразить против этого факта?

Победила политика ликвидации кулачества и сплошной коллективизации. Ее результаты также очевидны для всех. Что можно возразить против этого факта?

Доказано на опыте нашей страны, что победа социализма в одной, отдельно взятой стране — вполне возможна. Что можно возразить против этого факта?

Очевидно, что все эти успехи и, прежде всего, победа пятилетки окончательно деморализовали и разбили вирах все и всякие антиленинские группировки.

Надо признать, что партия сплочена теперь воедино, как никогда раньше. (*Бурные, долго не смолкающие аплодисменты.*)

1. Вопросы идейно-политического руководства

Значит ли это, однако, что борьба кончена и дальнейшее наступление социализма отпадает, как излишняя вещь?

Нет, не значит.

Значит ли это, что у нас все обстоит в партии благополучно, никаких уклонов не будет в ней больше и — стало быть — можно теперь почить на лаврах?

Нет, не значит.

Врагов партии, оппортунистов всех мастей, национал-уклонистов всякого рода — разбили. Но остатки их идеологии живут еще в головах отдельных членов партии и нередко дают о себе знать. Партию нельзя рассматривать, как нечто оторванное от окружающих людей. Она живет и подвизается внутри окружающей ее среды. Неудивительно, что в партию проникают нередко извне нездоровые настроения. А почва для таких настроений несомненно имеется в нашей стране, хотя бы потому, что у нас все еще существуют некоторые промежуточные слои населения как в городе, так и в деревне, представляющие питательную среду для таких настроений.

XVII конференция нашей партии сказала, что одна из основных политических задач при осуществлении второй пятилетки состоит «в преодолении пережитков капитализма в экономике и сознании людей». Это совершенно правильная мысль. Но можно ли сказать, что мы уже преодолели все пережитки капитализма в экономике? Нет, нельзя этого сказать. Тем

более нельзя сказать, что мы преодолели пережитки капитализма в сознании людей. Нельзя этого сказать не только потому, что сознание людей в его развитии отстает от их экономического положения, но и потому, что все еще существует капиталистическое окружение, которое старается оживать и поддерживать пережитки капитализма в экономике и сознании людей в СССР и против которого мы, большевики — должны все время держать порох сухим.

Понятно, что эти пережитки не могут не являться благоприятной почвой для оживления идеологии разбитых антиленинских групп в головах отдельных членов нашей партии. Добавьте к этому не очень высокий теоретический уровень большинства членов нашей партии, слабую идеологическую работу партийных органов, загруженность наших партийных работников чисто практической работой, отнимающую у них возможность пополнить свой теоретический багаж, — и вы поймете, откуда берется та путаница по ряду вопросов ленинизма в головах отдельных членов партии, которая нередко проникает в нашу печать и которая облегчает дело оживления остатков идеологии разбитых антиленинских групп.

Вот почему нельзя говорить, что борьба кончена и нет больше необходимости в политике наступления социализма.

Можно было бы взять ряд вопросов ленинизма и продемонстрировать на них — насколько еще живучи среди некоторых членов партии остатки идеологии разбитых антиленинских групп.

Взять, например, вопрос о построении *бесклассового социалистического общества*. XVII конференция партии сказала, что мы идем к созданию бесклассового, социалистического общества. Понятно, что бесклассовое общество не может прийти в порядке, так сказать, самотека. Его надо заводить и построить усилиями всех трудящихся — путем усиления органов диктатуры пролетариата, путем развертывания классовой борьбы, путем уничтожения классов, путем ликвидации остатков капиталистических классов, в боях с врагами как внутренними, так и внешними.

Дело кажется ясное.

А между тем, кому не известно, что провозглашение этого ясного и элементарного тезиса ленинизма породило немалую путаницу в головах и нездоровые настроения среди одной части членов партии? Тезис о нашем продвижении к бесклассовому обществу, данный, как лозунг, они поняли, как стихийный процесс. И они прикидывали: ежели бесклассовое общество, то значит — можно ослабить классовую борьбу, можно ослабить диктатуру пролетариата и вообще покончить с государством, которое все равно должно отмереть в ближайшее время. И они приходили в телячий восторг в ожидании того, что скоро не будет никаких классов, — значит не будет классовой борьбы, — значит не будет забот и треволнений, — значит можно сложить оружие и пойти на боковую — спать в ожидании пришествия бесклассового общества. (*Общий смех всего зала.*)

Не может быть сомнения, что эта путаница в головах и эти настроения, как две капли воды, похожи на известные взгляды правых уклонистов, в силу которых старое должно самотеком врасти в новое, и в один прекрас-

ный день мы незаметно должны оказаться в социалистическом обществе.

Как видите, остатки идеологии разбитых антиленинских групп вполне способны к оживлению и далеко еще не потеряли своей живучести.

Понятно, что если бы эта путаница во взглядах и эти небольшевистские настроения овладели большинством нашей партии, партия оказалась бы демобилизованной и разоруженной.

Возьмем, далее, вопрос о сельскохозяйственной *артели* и сельскохозяйственной *коммуне*. Теперь все признают, что артель является при нынешних условиях единственно правильной формой колхозного движения. И это вполне понятно: а) артель правильно сочетает личные, бытовые интересы колхозников с их общественными интересами, б) артель удачно приспособляет личные, бытовые интересы — к общественным интересам, облегчая тем самым воспитание вчерашних единоличников в духе коллективизма.

В отличие от артели, где обобществлены только средства производства, в коммунах до последнего времени были обобществлены не только средства производства, но и быт каждого члена коммуны, т. е. члены коммуны в отличие от членов артели не имели в личном владении домашнюю птицу, мелкий скот, корову, зерно, приусадебную землю. Это значит, что в коммунах личные, бытовые интересы членов не столько учитывались и сочетались с интересами общественными, сколько заглушались последними в интересах мелко-буржуазной уравниловки. Понятно, что это обстоятельство является самой слабой стороной коммун. Этим собственно и объясняется, что коммуны не имеют большого распространения и попадают лишь единицами и десятками. По этой же причине коммуны, чтобы отстоять свое существование и не развалиться, оказались вынужденными отказать от обобществления быта, начинают работать по трудовым дням, стали выдавать зерно на дом, допускают личное владение домашней птицей, мелким скотом, коровой и т. д., но из этого следует, что коммуны фактически перешли на положение артелей. И в этом нет ничего плохого, ибо этого требуют интересы здорового развития массового колхозного движения.

Это не значит, конечно, что коммуна вообще не нужна, что она не является больше высшей формой колхозного движения. Нет, коммуна нужна и она, конечно, является высшей формой колхозного движения, но не нынешняя коммуна, которая возникла на базе неразвитой техники и недостатка продуктов и которая сама переходит на положение артели, а — будущая коммуна, которая возникнет на базе более развитой техники и обилия продуктов. Нынешняя сельскохозяйственная коммуна возникла на основе мало развитой техники и недостатка продуктов. Этим, собственно, и объясняется, что она практиковала уравниловку и мало считалась с личными, бытовыми интересами своих членов, ввиду чего она вынуждена теперь перейти на положение артели, где разумно сочетаются личные и общественные интересы колхозников. Будущая коммуна вырастет из развитой и зажиточной артели. Будущая сельскохозяйственная коммуна возникнет тогда, когда на полях и в фермах артели будет обилие зерна, скота, птицы, овощей и всяких других продуктов, когда при артелях заведутся механизированные

прачечные, современные кухни-столовые, хлебозаводы и т. д., когда колхозник увидит, что ему выгоднее получать мясо и молоко с фермы, чем завести свою корову и мелкий скот, когда колхозница увидит, что ей выгоднее обедать в столовой, брать хлеб с хлебозавода и получать стираное белье из общественной прачечной, чем самой заниматься этим делом. Будущая коммуна возникнет на базе более развитой техники и более развитой артели, на базе обилия продуктов. Когда это будет? Конечно, не скоро. Но это будет. Было бы преступлением искусственно ускорять процесс перерастания артели в будущую коммуны. Это спутало бы все карты и облегчило бы дело наших врагов. Процесс перерастания артели в будущую коммуны должен происходить постепенно, по мере того, как *все* колхозники *будут* убеждаться в необходимости такого перерастания.

Так обстоит дело с вопросом об артели и коммуне.

Дело, казалось бы, ясное и почти что элементарное.

А между тем, среди одной части членов партии имеется изрядная путаница по этому вопросу. Считают, что, объявив артель основной формой колхозного движения, партия отделилась от социализма, отступила назад от коммуны, от высшей формы колхозного движения — к низшей. Почему, спрашивается? Потому, оказывается, что в артели нет равенства, так как там сохраняется разница в потребностях и в личном быту членов артели, тогда как в коммуне есть равенство, так как там уравнилены и потребности и личное бытовое положение ее членов. Но, во-первых, у нас нет больше таких коммун, где бы существовали поравнение, уравниловка в области потребностей и личного быта. Практика показала, что коммуны наверняка погибли бы, если бы они не отказались от уравниловки и не перешли на деле на положение артели. Стало быть, нечего ссылаться на то, чего нет уже в природе. Во-вторых, всякому ленинцу известно, если он только настоящий ленинец, что уравниловка в области потребностей и личного быта есть реакционная мелко-буржуазная нелепость, достойная какой-нибудь первобытной секты аскетов, но не социалистического общества, организованного по-марксистски, ибо нельзя требовать, чтобы у всех людей были одинаковые потребности и вкусы, чтобы все люди в своем личном быту жили по одному образцу. И наконец: разве среди рабочих не сохраняется разница как в потребностях, так и в их личном быту? Значит ли это, что рабочие стоят дальше от социализма, чем члены сельско-хозяйственных коммун?

Эти люди очевидно думают, что социализм требует уравниловки, уравнивания, нивелировки потребностей и личного быта членов общества. Нечего и говорить, что такое предположение не имеет ничего общего с марксизмом, ленинизмом. Под равенством марксизм понимает не уравниловку в области личных потребностей и быта, а уничтожение классов, т. е. а) равное освобождение всех трудящихся от эксплуатации после того, как капиталисты свергнуты и экспроприированы, б) равную отмену для всех частной собственности на средства производства после того, как они переданы в собственность всего общества, в) равную обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их труду (*социалистическое общество*), г) равную обязанность всех трудить-

ся по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их потребностям (*коммунистическое* общество). При этом марксизм исходит из того, что вкусы и потребности людей не бывают и не могут быть одинаковыми и равными по качеству или по количеству ни в период социализма, ни в период коммунизма.

Вот вам марксистское понимание равенства.

Никакого другого равенства марксизм не признавал и не признает.

Делать отсюда вывод, что социализм требует уравниловки, уравнивания, нивелировки потребностей членов общества, нивелировки их вкусов и личного быта, что по марксизму все должны ходить в одинаковых костюмах и есть одни и те же блюда, в одном и том же количестве, — значит говорить пошлости и клеветать на марксизм.

Пора усвоить, что марксизм является врагом уравниловки. Еще в «Манифесте коммунистической партии» бичевали Маркс и Энгельс примитивный утопический социализм, называя его реакционным за его проповедь «всеобщего аскетизма и грубой уравнительности». Энгельс в своем «Анти-Дюринге» посвятил целую главу бичующей критике «радикального уравнительного социализма», выдвинутого Дюрингом, как противовес против марксистского социализма.

«Реальное содержание пролетарского требования равенства, — говорил Энгельс, — сводится к требованию уничтожения классов. Всякое требование равенства, идущее дальше этого, неизбежно приводит к нелепости».

То же самое говорит Ленин:

«Энгельс был тысячу раз прав, когда писал: понятие равенства *помимо* уничтожения классов есть глупейший и вздорный предрассудок. Буржуазные профессора за понятие равенства пытались нас изобличить в том, будто мы хотим одного человека сделать равным другим. В этой бессмыслице, которую они сами придумали, они пытались обвинить социалистов. Но они не знали по своему невежеству, что социалисты — и именно основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс — говорили: равенство есть пустая фраза, если под равенством не понимать уничтожения классов. Классы мы хотим уничтожить, в этом отношении мы стоим за равенства. Но претендовать на то, что мы сделаем всех людей равными друг другу, это пустейшая фраза и глупая выдумка интеллигента» (*Речь Ленина «Об обмане народа лозунгами свободы и равенства»*).

Кажется, ясно.

Буржуазные писатели охотно изображают марксистский социализм, как старую царскую казарму, где все подчинено «принципу» уравниловки. Но марксисты не могут быть ответственными за невежество и тупость буржуазных писателей.

Не может быть сомнения, что эта путаница во взглядах у отдельных членов партии насчет марксистского социализма и увлечение уравниловскими тенденциями сельско-хозяйственных коммун похожи, как две капли воды, на мелко-буржуазные взгляды наших левацких головотяпов у которых идеализация сельско-хозяйственных коммун доходила одно время до того, что они пытались насадить коммуны даже на заводах и фабриках, где квалифицированные и неквалифицированные рабочие, работая каждый по своей профессии, должны были отдавать зарплату в общий котел и делить

ее потом поровну. Известно, какой вред причинили нашей промышленности эти уравниловско-мальчишеские упражнения «левых» головотяпов.

Как видите, остатки идеологии разбитых антипартийных групп имеют довольно большую живучесть.

Понятно, что, если бы эти левацкие взгляды восторжествовали в партии, партия перестала бы быть марксистской, а колхозное движение было бы вконец дезорганизовано.

Или, например, возьмем вопрос о лозунге: «*сделать всех колхозников зажиточными*». Этот лозунг касается не только колхозников. Он еще больше касается рабочих, так как мы хотим сделать всех рабочих зажиточными, — людьми, ведущими зажиточную и вполне культурную жизнь.

Казалось бы, дело ясное. Незачем было свергать капитализм в октябре 1917 года и строить социализм на протяжении ряда лет, если не добьемся того, чтобы люди жили у нас в довольстве. Социализм означает не нищету и лишения, а уничтожение нищеты и лишений, организацию зажиточной и культурной жизни для всех членов общества.

А между тем, этот ясный и по сути дела элементарный лозунг вызвал целый ряд недоумений, путаницу и неразбериху среди одной части членов партии. Не есть ли, говорят они, этот лозунг возвращение к старому, отвергнутому партией, лозунгу: «обогащайтесь»? Ежели все станут зажиточными, продолжают они, и беднота перестанет существовать, — на кого же нам, большевикам, опираться в своей работе, как же мы будем работать без бедноты?

Может быть это и смешно, но существование таких наивных и антиленинских взглядов среди части членов партии является несомненным фактом, с которым нельзя не считаться.

Эти люди, очевидно, не понимают, что между лозунгом «обогащайтесь» и лозунгом «сделать всех колхозников зажиточными» лежит целая пропасть. Во-первых, обогащаться могут только *отдельные* лица или группы, тогда как лозунг о зажиточной жизни касается не отдельных лиц или групп, а *всех* колхозников. Во-вторых, обогащаются *отдельные* лица или группы для того, чтобы подчинить себе остальных людей и *эксплуатировать* их, тогда как лозунг о зажиточной жизни *всех* колхозников при наличии обобществления средств производства в колхозах *исключает* всякую возможность эксплуатации одних другими. В-третьих, лозунг «обогащайтесь» был дан в период начальной стадии нэпа, когда капитализм частично восстанавливался, когда кулаки были в силе, в стране преобладало единоличное крестьянское хозяйство, а колхозное хозяйство находилось в зачаточном состоянии, тогда как лозунг «сделать всех колхозников зажиточными» дан в последней стадии нэпа, когда капиталистические элементы в промышленности уничтожены, кулаки в деревне разгромлены, индивидуальное крестьянское хозяйство оттеснено на задний план, а колхозы превращены в господствующую форму сельского хозяйства. Я уже не говорю о том, что лозунг «сделать всех колхозников зажиточными» дан не изолированно, а в неразрывной связи с лозунгом «сделать колхозы большевистскими».

Не ясно ли, что лозунг «обогащайтесь» означал по сути дела призыв — *восстановить* капитализм, тогда как лозунг «сделать всех колхозников зажиточными» означает призыв — *добить* последние остатки капитализма путем усиления экономической мощи колхозов и превращения всех колхозников в зажиточных тружеников? (*Возгласы: «..Правильно!»*)

Не ясно ли, что между этими лозунгами нет и не может быть ничего общего? (*Возгласы: «Правильно!»*)

Что касается того, что без существования бедноты немислимы будто бы ни большевистская работа, ни социализм, то это такая глупость, о которой неловко даже говорить. Ленинцы опираются на бедноту, когда есть капиталистические элементы и есть беднота, которую эксплуатируют капиталисты. Но когда капиталистические элементы разгромлены, а беднота освобождена от эксплуатации, задача ленинцев состоит не в том, чтобы закрепить и сохранить бедность и бедноту, предпосылки существования которых уже уничтожены, а в том, чтобы уничтожить бедность и поднять бедноту до зажиточной жизни. Было бы глупо думать, что социализм может быть построен на базе нищеты и лишений, на базе сокращения личных потребностей и снижения уровня жизни людей до уровня жизни бедноты, которая к тому же сама не хочет больше оставаться беднотой и прет вверх к зажиточной жизни. Кому нужен такой, с позволения сказать, социализм? Это был бы не социализм, а карикатура на социализм. Социализм может быть построен лишь на базе бурного роста производительных сил общества, на базе обилия продуктов и товаров, на базе зажиточной жизни трудящихся, на базе бурного роста культуры. Ибо социализм, марксистский социализм означает не сокращение личных потребностей, а всемерное их расширение и расцвет, не ограничение или отказ от удовлетворения этих потребностей, а всестороннее и полное удовлетворение всех потребностей культурно-развитых трудящихся людей.

Не может быть сомнения, что эта путаница во взглядах у отдельных членов партии насчет бедноты и зажиточности есть отражение взглядов наших левацких головотяпов, идеализирующих бедноту, как извечную опору большевизма при всех и всяких условиях, и рассматривающих колхозы, как арену ожесточенной классовой борьбы.

Как видите, и здесь, в этом вопросе, остатки идеологии разбитых антипартийных групп все еще не теряют своей живучести.

Понятно, что если бы подобные головотяпские взгляды одержали победу в нашей партии, колхозы не имели бы тех успехов, которых они добились за последние два года, и они развалились бы в кратчайший срок.

Или взять, например, *национальный вопрос*. И здесь также, в области национального вопроса, как и в области других вопросов, у одной части партии имеется путаница во взглядах, создающая известную опасность. Я говорил о живучести пережитков капитализма. Следует заметить, что пережитки капитализма в сознании людей гораздо более живучи в области национального вопроса, чем в любой другой области. Они более живучи, так как имеют возможность хорошо маскироваться в национальном костюме. Многие думают, что грехопадение Скрыпника есть единичный случай, исключение из правила. Это неверно. Грехопадение Скрыпника и его группы

на Украине не есть исключение. Такие же вывихи наблюдаются у отдельных товарищей и в других национальных республиках.

Что значит уклон к национализму, — все равно, идет ли речь об уклоне к великорусскому национализму или об уклоне к местному национализму? Уклон к национализму есть приспособление интернационалистской политики рабочего класса к националистской политике буржуазии. Уклон к национализму отражает попытки «своей», «национальной» буржуазии подорвать советский строй и восстановить капитализм. Источник у обоих уклонов, как видите, — общий. Это — *отход* от ленинского интернационализма. Если хотите держать под огнем оба уклона, надо бить, прежде всего, по этому источнику, по тем, которые отходят от интернационализма — все равно — идет ли речь об уклоне к местному национализму, или об уклоне к великорусскому национализму. (*Бурные аплодисменты.*)

Спорят о том, какой уклон представляет главную опасность, уклон к великорусскому национализму или уклон к местному национализму? При современных условиях это — формальный и поэтому пустой спор. Глупо было бы давать пригодный для всех времен и условий готовый рецепт о главной и неглавной опасности. Таких рецептов нет вообще в природе. Главную опасность представляет тот уклон, против которого перестали бороться и которому дали таким образом разрастись до государственной опасности. (*Продолжительные аплодисменты.*)

На Украине еще совсем недавно уклон к украинскому национализму не представлял главной опасности, но когда перестали с ним бороться и дали ему разрастись до того, что он сомкнулся с интервенционистами, этот уклон стал главной опасностью. Вопрос о главной опасности в области национального вопроса решается не пустоопорожными формальными спорами, а марксистским анализом положения дел в данный момент и изучением тех ошибок, которые допущены в этой области.

То же самое надо сказать о *правом* и *левом* уклоне в области общей политики. И здесь, как и в других областях, имеется немалая путаница во взглядах у отдельных членов нашей партии. Иногда, ведя борьбу против правого уклона, отводят руку от «левого» уклона и ослабляют борьбу с ним, полагая, что он не опасен, или мало опасен. Это серьезная и опасная ошибка. Это уступка «левому» уклону, недопустимая для члена партии. Это тем более недопустимо, что в последнее время «левые» окончательно скатились на позицию правых и по сути дела ничем от них уже не отличаются.

Мы всегда заявляли, что «левые» — это те же правые, маскирующие свою правизну левыми фразами. Теперь «левые» сами подтверждают это наше заявление. Возьмите прошлогодние номера троцкистского «Бюллетеня». Чего требуют и о чем пишут там господа троцкисты, в чем выражается их «левая» программа? Они требуют: *ропуска совхозов*, как нерентабельных, *ропуска большей части колхозов*, как дутых, *отказа от политики ликвидации кулачества*, *возврата к концессионной политике* и *сдачи в концессию целого ряда наших промышленных предприятий*, как нерентабельных.

Вот вам программа презренных трусов и капитулянтов, контрреволюционная программа восстановления капитализма в СССР!

Чем она отличается от программы крайних правых? Ясно, что ничем. Выходит, что «левые» открыто присоединились к контрреволюционной программе правых для того, чтобы составить с ними блок и повести совместную борьбу против партии.

Как можно после этого говорить, что «левые» не опасны или мало опасны? Не ясно ли, что люди, говорящие такую несуслазницу, льют воду на мельницу заклятых врагов ленинизма?

Как видите, и здесь, в области уклонов от линии партии, — все равно, идет ли речь об уклонах по общей политике, или об уклонах в национальном вопросе, — пережитки капитализма в сознании людей, в том числе в сознании отдельных членов нашей партии — имеют достаточную живучесть.

Вот вам несколько серьезных и актуальных вопросов нашей идейно-политической работы, по которым имеются в отдельных прослойках партии неясность взглядов, путаница, а то и прямое отклонение от ленинизма. А ведь это не единственные вопросы, на которых можно было бы демонстрировать путаницу во взглядах среди отдельных членов партии.

Можно ли после этого говорить, что у нас все обстоит в партии благополучно?

Ясно, что нельзя.

Наши задачи в области идейно-политической работы:

- 1) Поднять теоретический уровень партии на должную высоту;
- 2) Усилить идеологическую работу во всех звеньях партии;
- 3) Вести неустанную пропаганду ленинизма в рядах партии;
- 4) Воспитывать парторганизации и окружающий их беспартийный актив в духе ленинского интернационализма;
- 5) Не замазывать, а критиковать смело отклонения некоторых товарищей от марксизма-ленинизма;
- 6) Систематически разоблачать идеологию и остатки идеологии враждебных ленинизму течений.

2. Вопросы организационного руководства

Я говорил о наших успехах. Говорил о победе линии партии как в области народного хозяйства и культуры, так и в области преодоления антиленинских группировок в партии. Я говорил о всемирно-историческом значении нашей победы. Это не значит, однако, что победа одержана везде и во всем и уже разрешены все вопросы. Таких успехов и побед вообще не бывает в природе. Неразрешенных вопросов и прорех всякого рода остается у нас еще не мало. Впереди у нас — куча задач, требующих разрешения. Но это несомненно означает, что большая часть неотложных очередных задач уже разрешена с успехом, и в этом смысле величайшая победа нашей партии не подлежит сомнению.

Но вот вопрос: как создавалась эта победа, как она добывалась на деле, какой борьбой, какими усилиями?

Некоторые думают, что достаточно выработать правильную линию партии, провозгласить ее во всеуслышание, изложить ее в виде общих тезисов и резолюций и проголосовать ее единогласно, чтобы победа пришла

сама собой, так сказать, самотеком. Это, конечно, неверно. Это большое заблуждение. Так могут думать только неисправимые бюрократы и канцеляристы. На самом деле, эти успехи и победы были получены не в порядке самотека, а в порядке ожесточенной борьбы за проведение линии партии. Победа никогда не приходит *сама*, — ее обычно притаскивают. Хорошие резолюции и декларации за генеральную линию партии — это только начало дела, ибо они означают лишь желание победить, но не самую победу. После того, как дана правильная линия, после того, как дано правильное решение вопроса, успех дела зависит от организационной работы, от организации борьбы за проведение в жизнь линии партии, от правильного подбора людей, от проверки исполнения решений руководящих органов. Без этого правильная линия партии и правильные решения рискуют потерпеть серьезный ущерб. Более того: после того, как дана правильная политическая линия, организационная работа решает все, в том числе и судьбу самой политической линии, — ее выполнение, или ее провал.

На самом деле победа была добыта и завоевана путем систематической и жестокой борьбы со всякого рода трудностями на пути к проведению линии партии, путем преодоления этих трудностей, путем мобилизации партии и рабочего класса на дело преодоления трудностей, путем организации борьбы за преодоление трудностей, путем смещения негодных работников и подбора лучших, способных повести борьбу с трудностями.

Что это за трудности и где они гнездятся?

Эти трудности являются трудностями нашей организационной работы, трудностями нашего организационного руководства. Они гнездятся в нас самих, в наших руководящих работниках, в наших организациях, в аппаратах наших партийных, советских, хозяйственных, профсоюзных, комсомольских и всяких иных организаций.

Нужно понять, что сила и авторитет наших партийно-советских, хозяйственных и всяких иных организаций и их руководителей выросли до небывалой степени. И именно потому, что их сила и авторитет выросли до небывалой степени, — от их работы зависит теперь все или почти все. Ссылка на так называемые объективные условия не имеет оправдания. После того, как правильность политической линии партии подтверждена опытом ряда лет, а готовность рабочих и крестьян поддержать эту линию не вызывает больше сомнений, — роль так называемых объективных условий свелась к минимуму, тогда как роль наших организаций и их руководителей стала решающей, исключительной. А что это значит? Это значит, что ответственность за наши прорывы и недостатки в работе ложится отныне на девять десятых не на «объективные» условия, а на нас самих, и только на нас.

Мы имеем в партии более двух миллионов членов и кандидатов. Мы имеем в комсомоле более четырех миллионов членов и кандидатов. Мы имеем свыше трех миллионов рабочих и крестьянских корреспондентов. В Осоавиахиме имеется у нас больше 12 миллионов членов. В профсоюзах — свыше 17 миллионов членов. Этим организациям обязаны мы нашими успехами. И если, несмотря на наличие таких организаций и таких возможностей, облегчающих достижение успехов, мы имеем не мало недостатков в работе и не малое

количество прорывов, то виноваты в этом только мы, наша организационная работа, наше плохое организационное руководство.

Бюрократизм и канцелярщина аппаратов управления; болтовня о «руководстве вообще» вместо живого и конкретного руководства; функциональное построение организаций и отсутствие личной ответственности; обезличка в работе и уравниловка в системе зарплаты; отсутствие систематической проверки исполнения; боязнь самокритики, — вот где истоки наших трудностей, вот где гнездятся теперь наши трудности.

Было бы наивно думать, что можно побороть эти трудности при помощи резолюций и постановлений. Бюрократы и канцеляристы давно уже набили руку на том, чтобы на словах продемонстрировать верность решениям партии и правительства, а на деле — положить их под сукно. Чтобы побороть эти трудности, надо было ликвидировать отставание нашей организационной работы от требований политической линии партии, надо было поднять уровень организационного руководства во всех сферах народного хозяйства до уровня политического руководства, надо было добиться того, чтобы наша организационная работа обеспечивала практическое проведение в жизнь политических лозунгов и решений партии.

Чтобы побороть эти трудности и добиться успехов, надо было *организовать* борьбу за преодоление этих трудностей, надо было вовлечь массы рабочих и крестьян в эту борьбу, надо было мобилизовать самоё партию, надо было очистить партию и хозяйственные организации от ненадежных, неустойчивых, переродившихся элементов.

Что требовалось для этого?

Нам нужно было организовать:

- 1) Развертывание самокритики и вскрытие недостатков в нашей работе;
- 2) Мобилизацию партийных, советских, хозяйственных, профсоюзных и комсомольских организаций на борьбу с трудностями;
- 3) Мобилизацию рабоче-крестьянских масс на борьбу за проведение в жизнь лозунгов и решений партии и правительства;
- 4) Развертывание соревнования и ударничества среди трудящихся;
- 5) Широкую сеть политотделов МТС и совхозов и приближений партийно-советского руководства к селу;
- 6) Разукрупнение наркоматов, главных управлений и трестов и приближение хозяйственного руководства к предприятию;
- 7) Уничтожение обезлички в работе и ликвидацию уравниловки в системе зарплаты;
- 8) Уничтожение «функционалки», усиление личной ответственности и установку на ликвидацию коллегий;
- 9) Усиление проверки исполнения и установку на реорганизацию ЦКК и РКИ в духе дальнейшего усиления проверки исполнения;
- 10) Передвижку квалифицированных работников из канцелярии поближе к производству;
- 11) Разоблачение и изгнание из аппаратов управления неисправимых бюрократов и канцеляристов;
- 12) Снятие с постов нарушителей решений партии и правительства,

очковтирателей и болтунов и выдвижение на их место новых людей — людей дела, способных обеспечить конкретное руководство порученной работой и укрепление партийно-советской дисциплины;

13) Чистку советско-хозяйственных организаций и сокращение их штатов;

14) Наконец, чистку партии от ненадежных и переродившихся людей. Вот в основном те средства, которые должна была выдвинуть

партия для того, чтобы побороть трудности, поднять уровень нашей организационной работы до уровня политического руководства и обеспечить, таким образом, проведение в жизнь линии партии.

Вы знаете, что ЦК нашей партии так именно и вел свою организационную работу за отчетный период.

ЦК руководствовался при этом гениальной мыслью Ленина о том, что главное в организационной работе — *подбор людей и проверка исполнения*.

По части подбора людей и смещения тех, которые не оправдали себя, я хотел бы сказать несколько слов.

Помимо неисправимых бюрократов и канцеляристов, насчет устранения которых у нас нет никаких разногласий, есть у нас еще два типа работников, которые тормозят нашу работу, мешают нашей работе и не дают нам двигаться вперед.

Один тип работников это люди с известными заслугами в прошлом, люди, ставшие вельможами, люди, которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков. Это те самые люди, которые не считают своей обязанностью исполнять решения партии и правительства и которые разрушают, таким образом, основы партийной и государственной дисциплины. На что они рассчитывают, нарушая партийные и советские законы? Они надеются на то, что Советская власть не решится тронуть их из-за их старых заслуг. Эти зазнавшиеся вельможи думают, что они незаменимы и что они могут безнаказанно нарушать решения руководящих органов. Как быть с такими работниками? Их надо без колебаний снимать с руководящих постов, невзирая на их заслуги в прошлом. (*Возгласы: «Правильно!»*) Их надо смещать с понижением по должности и опубликовывать об этом в печати. (*Возгласы: «Правильно!»*) Это необходимо для того, чтобы сбить спесь с этих зазнавшихся вельмож-бюрократов и поставить их на место. Это необходимо для того, чтобы укрепить партийную и советскую дисциплину во всей нашей работе. (*Возгласы: «Правильно!»* *Аплодисменты.*)

А теперь о втором типе работников. Я имею в виду тип болтунов, я бы сказал, честных болтунов (*смех*), людей честных, преданных Советской власти, но не способных руководить, не способных что-либо организовать. У меня в прошлом году была беседа с одним таким товарищем, очень уважаемым товарищем, но неисправимым болтуном, способным потопить в болтовне любое живое дело. Вот она, эта беседа.

Я: Как у вас обстоит дело с севом?

Он: С севом, товарищ Сталин? Мы мобилизовались. (*Смех.*)

Я: Ну, и что же?

Он: Мы поставили вопрос ребром. (*Смех.*)

Я: Ну, а дальше как?

Он: У нас есть перелом, товарищ Сталин, скоро будет перелом. *(Смех.)*

Я: А все-таки?

Он: У нас намечаются сдвиги. *(Смех.)*

Я: Ну, а все-таки, как у вас с севом?

Он: С севом у нас пока ничего не выходит, товарищ Сталин. *(Общий хохот.)*

Вот вам физиономия болтуна. Они мобилизовались, поставили вопрос ребром, у них и перелом, и сдвиги, а дело не двигается с места.

Точь в точь так, как охарактеризовал недавно один украинский рабочий состояние одной организации, когда его спросили о наличии линии в этой организации: «Что же, линия... линия, конечно, есть, только работы не видно». *(Общий смех.)* Очевидно, что эта организация тоже имеет своих честных болтунов.

И когда снимаешь с постов таких болтунов, отсылая их подальше от оперативной работы, они разводят руками и недоумевают: «За что же нас снимают? Разве мы не сделали всего того, что необходимо для дела, разве мы не собрали слет ударников, разве мы не провозгласили на конференции ударников лозунгов партии и правительства, разве мы не избрали весь состав Политбюро ЦК в почетный президиум *(общий смех)*, разве не послали приветствие товарищу Сталину,— чего же еще хотите от нас?» *(Общий хохот.)*

Как быть с этими неисправимыми болтунами? Ведь если их оставить на оперативной работе, они способны потопить любое живое дело в потоке водянистых и нескончаемых речей. Очевидно, что их надо снимать с руководящих постов и ставить на другую, не оперативную работу. Болтунам не место на оперативной работе. *(Возгласы: «Правильно!» Аплодисменты.)*

Как направлял ЦК дело подбора людей в советских и хозяйственных организациях и как он вел дело укрепления проверки исполнения,— я уже доложил коротко. Более подробно доложит вам товарищ Каганович по третьему пункту порядка дня съезда.

Что касается дальнейшей работы по усилению проверки исполнения, то об этом я хотел бы сказать несколько слов.

Правильная организация проверки исполнения имеет решающее значение в деле борьбы с бюрократизмом и канцелярщиной. Проводятся ли решения руководящих организаций или кладутся под сукно бюрократами и канцеляристами? Проводятся ли они правильно или извращаются? Работает ли аппарат честно и по-большевистски или вертится на холостом ходу,— обо всем этом можно узнать во-время лишь в результате хорошо поставленной проверки исполнения. Хорошо поставленная проверка исполнения — это тот прожектор, который помогает освещать состояние работы аппарата в любое время и выводить на свет божий бюрократов и канцеляристов. Можно с уверенностью сказать, что девять десятых наших прорех и прорывов объясняется отсутствием правильно поставленной проверки исполнения. Не может быть сомнения, что при наличии такой проверки исполнения прорехи и прорывы были бы наверняка предупреждены.

Но, чтобы проверка исполнения достигла цели, необходимы по крайней мере два условия: во-первых, — чтобы проверка исполнения была систематическая, а не эпизодическая; во-вторых, — чтобы во главе дела проверки исполнения во всех звеньях партийно-советских и хозяйственных организаций стояли не второстепенные лица, а достаточно авторитетные люди, — сами руководители организации.

Наибольшее значение имеет правильная организация проверки исполнения для центральных руководящих учреждений. РКИ по своей организации не может удовлетворять требованиям хорошо поставленной проверки исполнения. Несколько лет тому назад, когда наша хозяйственная работа была более проста и менее удовлетворительна и когда можно было рассчитывать на возможность *инспектирования* работы всех наркоматов и всех хозорганов, РКИ была на месте. Но теперь, когда наша хозяйственная работа разрослась и стала сложнее, и когда нет уже ни необходимости, ни возможности *инспектировать* ее из одного центра, РКИ должна перестроиться. Нам нужна теперь не инспекция, а проверка исполнения решений центра, — нам нужен теперь *контроль* над исполнением решений центра. Нам нужна теперь такая организация, которая, не задаваясь универсальной целью инспектирования всех и вся, могла бы сосредоточить все свое внимание на работе по контролю, на работе по проверке исполнения решений центральных учреждений Советской власти. Такой организацией может быть только Комиссия советского контроля при СНК Союза ССР, работающая по заданиям СНК и имеющая на местах независимых от местных органов представителей. А чтобы у нее был достаточный авторитет и чтобы она могла в случае необходимости привлечь к ответственности любого ответственного работника, — необходимо, чтобы кандидаты в члены Комиссии советского контроля намечались съездом партии и утверждались СНК и ЦИК-ом Союза ССР. Я думаю, что только такая организация могла бы укрепить советский контроль и советскую дисциплину.

Что касается ЦКК, то, как известно, она была создана прежде всего и главным образом для предупреждения раскола в партии. Вы знаете, что опасность раскола действительно существовала у нас одно время. Вы знаете, что ЦКК и ее организациям удалось предотвратить опасность раскола. Но теперь у нас нет больше опасности раскола. Но зато у нас имеется теперь настоятельная необходимость такой организации, которая могла бы сосредоточить главное свое внимание на работе по проверке исполнения решений партии и ее Центрального комитета. Такой организацией может быть только Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б), работающая по заданиям партии и ее ЦК и имеющая на местах независимых от местных организаций представителей. Понятно, что такая ответственная организация должна иметь большой авторитет. А чтобы она имела достаточный авторитет и чтобы она могла привлекать к ответственности любого провинившегося ответственного работника, в том числе и членов ЦК, — необходимо, чтобы членов этой Комиссии мог выбирать и смещать лишь высший орган партии — съезд партии. Не может быть сомнения, что такая организация будет вполне способна обеспечить контроль над исполнением решений центральных органов партии и укрепить партийную дисциплину.

Так обстоит дело с вопросами организационного руководства. Наши задачи в области организационной работы:

- 1) Подгонять и впредь нашу организационную работу к требованиям политической линии партии;
- 2) Поднять организационное руководство до уровня политического руководства;
- 3) Добиться того, чтобы организационное руководство полностью обеспечивало проведение в жизнь политических лозунгов и решений партии.

Я кончаю, товарищи, отчетный доклад.

Какие следуют из него выводы?

Теперь уже все признают, что наши успехи велики и необычайны, Страна переведена в сравнительно короткий срок на рельсы индустриализации и коллективизации. С успехом осуществлена первая пятилетка. Это рождает чувство гордости и укрепляет веру в свои силы у наших работников. Это, конечно, хорошо. Но успехи имеют иногда и свою теневую сторону. Они порождают иногда некоторые опасности, которые, если дать им развиваться,— могут развинтить все дело. Есть, например, опасность, что у некоторых наших товарищей может закружиться голова от таких успехов. Такие случаи бывали у нас, как известно. Есть опасность, что кое-кто из наших товарищей, опьянев от успехов, зазнается вконец и начнет убаюкивать себя хвастливыми песнями, вроде того, что «нам теперь море по колено», что «можем хоть кого шапками закидать» и т. п. Это вовсе не исключено, товарищи. Нет ничего опаснее, как подобные настроения, ибо они разоружают партию и демобилизуют ее ряды. Если такие настроения возобладают в нашей партии, мы можем оказаться перед угрозой срыва всех наших успехов. Конечно, первую пятилетку выполнили с успехом. Это верно. Но этим дело не кончается и не может кончиться, товарищи. Впереди вторая пятилетка, которую тоже надо выполнить и тоже с успехом. Вы знаете, что планы выполняются в борьбе с трудностями, в ходе преодоления трудностей. Значит, будут трудности, будет и борьба с ними. Тт. Молотов и Куйбышев докладывают вам о плане второй пятилетки. Из их докладов вы увидите, какие большие трудности предстоит нам преодолеть для осуществления этого грандиозного плана. Значит не убаюкивать надо партию,— а развивать в ней бдительность, не усыплять ее,— а держать в состоянии боевой готовности, не разоружать, а вооружать, не демобилизовывать,— а держать ее в состоянии мобилизации для осуществления второй пятилетки.

Отсюда первый вывод: *не увлекаться достигнутыми успехами и не зазнаваться.*

Мы добились успехов потому, что имели правильную руководящую линию партии и сумели организовать массы для проведения в жизнь этой линии. Нечего и говорить, что без этих условий мы не имели бы тех успехов, которые имеем теперь и которыми гордимся по праву. По иметь правильную линию и суметь провести ее в жизнь — это большая редкость в жизни правящих партий.

Посмотрите на окружающие страны: много ли вы найдете правящих партий, имеющих правильную линию и проводящих ее в жизнь? Собственно,

таких партий нет теперь в мире, ибо все они живут без перспектив, путаются в хаосе кризиса и не видят путей для того, чтобы выбраться из трясины. Только наша партия знает, куда вести дело, и ведет его вперед с успехом. Чему обязана наша партия этим своим преимуществом? Тому, что она является партией марксистской, партией ленинской. Она обязана тому, что руководствуется в своей работе учением Маркса, Энгельса, Ленина. Не может быть сомнения, что пока мы остаемся верными этому учению, пока мы владеем этим компасом, — будем иметь успехи в своей работе.

Говорят, что на Западе в некоторых государствах уже уничтожен марксизм. Говорят, что его уничтожило будто бы буржуазно-националистическое течение, называемое фашизмом. Это, конечно, пустяки. Так могут говорить лишь люди, не знающие истории. Марксизм есть научное выражение коренных интересов рабочего класса. Чтобы уничтожить марксизм, надо уничтожить рабочий класс. А уничтожить рабочий класс невозможно. Более 80 лет прошло с тех пор, как марксизм выступил на арену. За это время десятки и сотни буржуазных правительств пытались уничтожить марксизм. И что же? Буржуазные правительства приходили и уходили, а марксизм оставался. (*Бурные аплодисменты.*) Более того, — марксизм добился того, что он одержал полную победу в одной шестой части света, причем добился победы в той самой стране, где марксизм считали окончательно уничтоженным. (*Бурные аплодисменты.*) Нельзя считать случайностью, что страна, где марксизм одержал полную победу, является теперь единственной страной в мире, которая не знает кризисов и безработицы, тогда как во всех остальных странах, в том числе и в странах фашизма, вот уже четыре года царят кризис и безработица. Нет, товарищи, это не случайность. (*Продолжительные аплодисменты.*)

Да, товарищи, мы обязаны своими успехами тому, что работали и боролись под знаменем Маркса, Энгельса, Ленина.

Отсюда второй вывод: *быть верными до конца великому знамени Маркса, Энгельса, Ленина. (Аплодисменты.)*

Рабочий класс СССР силен не только тем, что у него имеется испытанная в боях ленинская партия. Он силен, далее, не только тем, что имеет поддержку миллионных масс трудящихся крестьян. Он силен еще тем, что его подпирает и ему помогает мировой пролетариат. Рабочий класс СССР есть часть мирового пролетариата, его передовой отряд, а наша республика — детище мирового пролетариата. Не может быть сомнения, что если бы не было у него поддержки со стороны рабочего класса капиталистических стран, он не удержал бы власти в своих руках, он не обеспечил бы условий для социалистического строительства, — стало быть — у него не было бы тех успехов, которые он имеет теперь. Интернациональные связи рабочего класса СССР с рабочими капиталистических стран, братский союз рабочих СССР с рабочими всех стран, — вот один из краеугольных камней силы и могущества Республики Советов. Рабочие на Западе говорят, что рабочий класс СССР является ударной бригадой мирового пролетариата. Это очень хорошо. Это значит, что мировой пролетариат готов и впредь поддерживать рабочий класс СССР по мере

сил и возможностей. Но это накладывает на нас серьезные обязанности. Это значит, что мы должны оправдать своей работой почетное звание ударной бригады пролетариев всех стран. Это обязывает нас к тому, чтобы работать лучше и бороться лучше за окончательную победу социализма в нашей стране, за победу социализма во всех странах.

Отсюда третий вывод: *быть верными до конца делу пролетарского интернационализма, делу братского союза пролетариев всех стран. (Аплодисменты.)* Таковы выводы.

Да здравствует великое и непобедимое знамя Маркса, Энгельса, Ленина! *(Бурные, продолжительные аплодисменты всего зала. Съезд устраивает овацию товарищу Сталину. Пение «Интернационала». По исполнении «Интернационала» овация возобновляется с новой силой. Возгласы: «Ура Сталину», «Да здравствует Сталин», «Да здравствует ЦК партии».)*

Вместо заключительного слова

Товарищи! Прения на съезде выявили полное единство взглядов наших партийных руководителей, можно сказать, по всем вопросам партийной политики. Возражений против отчетного доклада, как знаете, не было никаких. Выявлена, стало быть, необычайная идейно-политическая и организационная сплоченность рядов нашей партии. *(Аплодисменты.)* Спрашивается, есть ли после этого надобность в заключительном слове? Я думаю, что нет такой надобности. Разрешите мне поэтому отказаться от заключительного слова. *(Бурная овация, весь съезд встает, громовое «ура»; коллективные возгласы: «Да здравствует Сталин!» Съезд, стоя, поет «Интернационал». После исполнения «Интернационала» овация возобновляется. Крики «ура!» «Да здравствует Сталин!» «Да здравствует ЦК!»)*

«Вопросы ленинизма», стр. 538—598, изд. 10-е.

И. Сталин. РЕЧЬ В КРЕМЛЕВСКОМ ДВОРЦЕ НА ВЫПУСКЕ АКАДЕМИКОВ КРАСНОЙ АРМИИ. 4 мая 1935 г.

Товарищи! Нельзя отрицать, что за последнее время мы имели большие успехи как в области строительства, так и в области управления. В связи с этим слишком много говорят у нас о заслугах руководителей, о заслугах вождей. Им приписывают все, почти все наши достижения. Это конечно, неверно и неправильно. Дело не только в вождях. Но не об этом я

хотел бы говорить сегодня. Я хотел бы сказать несколько слов о кадрах, о наших кадрах вообще и в частности о кадрах нашей Красной Армии.

Вы знаете, что мы получили в наследство от старого времени отсталую технически и полунищую, разоренную страну. Разоренная четырьмя годами империалистической войны, повторно разоренная тремя годами гражданской войны, страна с полуграмотным населением, с низкой техникой, с отдельными оазисами промышленности, тонувшими среди моря мельчайших крестьянских хозяйств,— вот какую страну получили мы в наследство от прошлого. Задача состояла в том, чтобы эту страну перевести с рельс средневековья и темноты на рельсы современной индустрии и механизированного сельского хозяйства. Задача, как видите, серьезная и трудная. Вопрос стоял так: *либо* мы эту задачу разрешим в кратчайший срок и укрепим в нашей стране социализм, *либо* мы ее не разрешим и тогда наша страна — слабая технически и темная в культурном отношении — потеряет свою независимость и превратится в объект игры империалистических держав.

Наша страна переживала тогда период жесточайшего голода в области техники. Не хватало машин для индустрии. Не было машин для сельского хозяйства. Не было машин для транспорта. Не было той элементарной технической базы, без чего не мыслимо индустриальное преобразование страны. Были только отдельные предпосылки для создания такой базы. Надо было создать первоклассную индустрию. Надо было направить эту индустрию на то, чтобы она была способна реорганизовать технически не только промышленность, но и сельское хозяйство, но и наш железнодорожный транспорт. А для этого надо было пойти на жертвы и навести во всем жесточайшую экономию, надо было экономить и на питании, и на школах, и на мануфактуре, чтобы накопить необходимые средства — для создания индустрии. Другого пути для изживания голода в области техники не было. Так учил нас Ленин, и мы шли в этом деле по стопам Ленина.

Понятно, что в таком большом и трудном деле нельзя было ждать сплошных и быстрых успехов. В таком деле успехи могут обозначиться лишь спустя несколько лет. Необходимо было поэтому вооружиться крепкими нервами, большевистской выдержкой и упорным терпением, чтобы преодолеть первые неудачи и неуклонно идти вперед к великой цели, не допуская колебаний и неуверенности в своих рядах.

Вы знаете, что мы вели это дело таким именно образом. Но не у всех наших товарищей хватило нервов, терпения и выдержки. Среди наших товарищей нашлись люди, которые после первых же затруднений стали звать к отступлению. Говорят, что «кто старое помянет, тому глаз вон». Это, конечно, верно. Но у человека имеется память, и невольно вспоминаешь о прошлом при подведении итогов нашей работы. *(Веселое оживление в зале.)* Так вот, были у нас товарищи, которые испугались трудностей и стали звать партию к отступлению. Они говорили: «Что нам ваша индустриализация и коллективизация, машины, черная металлургия, тракторы, комбайны, автомобили? Дали бы лучше побольше мануфактуры, купили бы лучше

побольше сырья для производства ширпотреба и побольше бы давали населению всех тех мелочей, чем красен быт людей. Создание индустрии при нашей отсталости, да еще первоклассной индустрии — опасная мечта».

Конечно, мы могли бы 3 миллиарда рублей валюты, добытых путем жесточайшей экономии и истраченных на создание нашей индустрии,— мы могли бы их обратить на импорт сырья и усиление производства предметов широкого потребления. Это тоже своего рода «план». Но при таком «плане» мы не имели бы ни металлургии, ни машиностроения, ни тракторов и автомобилей, ни авиации и танков. Мы оказались бы безоружными перед внешними врагами. Мы подорвали бы основы социализма в нашей стране. Мы оказались бы в плену у буржуазии, внутренней и внешней.

Очевидно, надо было выбирать между двумя планами: между планом отступления, который вел и не мог не вести к поражению социализма, и планом наступления, который вел и, как знаете, уже привел к победе социализма в нашей стране.

Мы выбрали план наступления и пошли вперед по ленинскому пути, оттерев назад этих товарищей как людей, которые видели кое-как только у себя под носом, но закрывали глаза на ближайшее будущее нашей страны, на будущее социализма в нашей стране.

Но эти товарищи не всегда ограничивались критикой и пассивным сопротивлением. Они угрожали нам поднятием восстания в партии против Центрального Комитета. Более того: они угрожали кое-кому из нас пулями. Видимо, они рассчитывали запугать нас и заставить нас свернуть с ленинского пути. Эти люди, очевидно, забыли, что мы, большевики,— люди особого покроя. Они забыли, что большевиков не запугаешь ни трудностями, ни угрозами. Они забыли, что нас ковал великий Ленин, наш вождь, наш учитель, наш отец, который не знал и не признавал страха в борьбе. Они забыли, что чем сильнее беснуются враги и чем больше впадают в истерику противники внутри партии, тем больше накаляются большевики для новой борьбы и тем стремительней двигаются они вперед.

Понятно, что мы и не думали сворачивать с ленинского пути. Более того, укрепившись на этом пути, мы еще стремительнее пошли вперед, сметая с дороги все и всякие препятствия. Правда, нам пришлось при этом по пути память бока кое-кому из этих товарищей. Но с этим уж ничего не поделаешь. Должен признаться, что я тоже приложил руку к этому делу. *(Бурные аплодисменты, возгласы «ура».)*

Да, товарищи, мы пошли уверенно и стремительно по пути индустриализации и коллективизации нашей страны. И теперь этот путь можно считать уже пройденным.

Теперь уже все признают, что мы добились на этом пути громадных успехов. Теперь все признают, что мы имеем уже мощную и первоклассную промышленность, мощное и механизированное сельское хозяйство, развертывающийся и идущий в гору транспорт, организованную и прекрасно оснащенную Красную Армию.

Это значит, что мы изжили уже в основном период голода в области техники.

Но изжив период голода в области техники, мы вступили в новый период, в период, я бы сказал, голода в области людей, в области кадров, в области работников, умеющих оседлать технику и двинуть ее вперед. Дело в том, что у нас есть фабрики, заводы, колхозы, совхозы, армия, есть техника для всего этого дела, но не хватает людей, имеющих достаточный опыт, необходимый для того, чтобы выжать из техники максимум того, что можно из нее выжать. Раньше мы говорили, что «техника решает все». Этот лозунг помог нам в том отношении, что мы ликвидировали голод в области техники и создали широчайшую техническую базу во всех отраслях деятельности для вооружения наших людей первоклассной техникой. Это очень хорошо. Но этого далеко и далеко недостаточно. Чтобы привести технику в движение и использовать ее до дна, нужны люди, овладевшие техникой, нужны кадры, способные освоить и использовать эту технику по всем правилам искусства. Техника без людей, овладевших техникой, — мертва. Техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса. Если бы на наших первоклассных заводах и фабриках, в наших совхозах и колхозах, в нашей Красной Армии имелось достаточное количество кадров, способных оседлать эту технику, страна наша получила бы эффекта втрое и вчетверо больше, чем она имеет теперь. Вот почему упор должен быть сделан теперь на людях, на кадрах, на работниках, овладевших техникой. Вот почему старый лозунг — «техника решает все», являющийся отражением уже пройденного периода, когда у нас был голод в области техники, — должен быть теперь заменен новым лозунгом, лозунгом о том, что «кадры решают все». В этом теперь главное.

Можно ли сказать, что наши люди поняли и осознали полностью великое значение этого нового лозунга? Я бы этого не сказал. В противном случае мы бы не имели того безобразного отношения к людям, к кадрам, к работникам, которое наблюдаем нередко в нашей практике. Лозунг «кадры решают все» — требует, чтобы наши руководители проявляли самое заботливое отношение к нашим работникам, к «малым» и «большим», в какой бы области они ни работали, выращивали их заботливо, помогали им, когда они нуждаются в поддержке, поощряли их, когда они показывают первые успехи, выдвигали их вперед и т. д. А между тем на деле мы имеем в целом ряде случаев факты бездушно-бюрократического и прямо безобразного отношения к работникам. Этим, собственно, и объясняется, что вместо того, чтобы изучать людей и только после изучения ставить их на посты, нередко швыряются людьми, как пешками. Ценить машины и рапортовать о том, сколько у нас имеется техники на заводах и фабриках, — научились, но я не знаю ни одного случая, где бы с такой же охотой рапортовали о том, сколько людей мы вырастили за такой-то период и как мы помогали людям в том, чтобы они росли и закалялись в работе. Чем это объясняется? Объясняется это тем, что у нас не научились еще ценить людей, ценить работников, ценить кадры.

Я вспоминаю случай в Сибири, где я был одно время в ссылке. Дело

было весной, во время половодья. Человек тридцать ушло на реку ловить лес, унесенный разбушевавшейся громадной рекой. К вечеру вернулись они в деревню, но без одного товарища. На вопрос о том, где же тридцатый, они равнодушно ответили, что тридцатый «остался там». На мой вопрос: «как же так, остался?» они с тем же равнодушием ответили: «чего-ж там еще спрашивать, утонул, стало-быть». И тут же один из них стал торопиться куда-то, заявив, что «надо-бы пойти кобылу напоить». На мой упрек, что они скотину жалеют больше, чем людей, один из них ответил при общем одобрении остальных: «Что-ж нам жалеть их, людей-то? Людей мы завсегда сделать можем. А вот кобылу... попробуй-ка сделать кобылу». (*Общее оживление в зале.*) Вот вам штрих, может быть малозначительный, но очень характерный. Мне кажется, что равнодушное отношение некоторых наших руководителей к людям, к кадрам и неумение ценить людей является пережитком того странного отношения людей к людям, которое сказалось в только что рассказанном эпизоде в далекой Сибири. Так вот, товарищи, если мы хотим изжить с успехом голод в области людей и добиться того, чтобы наша страна имела достаточное количество кадров, способных двигать вперед технику и пустить ее в действие, — мы должны прежде всего научиться ценить людей, ценить кадры, ценить каждого работника, способного принести пользу нашему общему делу. Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры. Надо понять, что при наших нынешних условиях «кадры решают все». Будут у нас хорошие и многочисленные кадры в промышленности, в сельском хозяйстве, на транспорте, в армии, — наша страна будет непобедима. Не будет у нас таких кадров — будем хромать на обе ноги.

Заканчивая речь, разрешите провозгласить тост за здоровье и преуспевание наших академиков-выпускников по Красной Армии! Желаю им успеха в деле организации и руководства обороной нашей страны!

Товарищи! Вы окончили высшую школу и получили там первую закалку. Но школа — это только подготовительная ступень. Настоящая закалка кадров получается на живой работе, вне школы, на борьбе с трудностями, на преодолении трудностей. Помните, товарищи, что только те кадры хороши, которые не боятся трудностей, которые не прячутся от трудностей, а наоборот — идут навстречу трудностям для того, чтобы преодолеть и ликвидировать их. Только в борьбе с трудностями куются настоящие кадры. А если наша армия будет иметь в достаточном количестве настоящие закаленные кадры, она будет непобедима.

За ваше здоровье, товарищи! (*Бурные аплодисменты всего зала. Все встают и громкими возгласами «ура» приветствуют товарища Сталина.*)

«Речь товарища Сталина в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной. Армии 4 мая 1935 года», Партиздат, 1935 г.

И. Сталин. РЕЧЬ НА ПРИЕМЕ КОЛХОЗНИЦ-УДАРНИЦ СВЕКЛОВИЧНЫХ ПОЛЕЙ РУКОВОДИТЕЛЯМИ ПАРТИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВА. 10 ноября 1935 г.

Товарищи, то, что мы сегодня видели здесь, это кусок новой жизни, той жизни, которая называется у нас колхозной, социалистической жизнью. Мы слушали простые слова простых трудовых людей, как они боролись и преодолевали трудности для того, чтобы добиться успехов в деле соревнования. Мы слушали речи женщин не обычных, а, я бы сказал, женщин—героинь труда, потому что только героини труда могли добиться тех успехов, которых они добились. У нас не бывало раньше таких женщин. Мне вот 56 лет уже, видал виды, видал достаточно трудящихся мужчин и женщин. Но таких женщин я не встречал. Это совершенно новые люди. Только свободный труд, только колхозный труд мог породить таких героинь труда в деревне.

Таких женщин не бывало и не могло быть в старое время.

В самом деле, если подумать, что представляли собой женщины раньше, в старое время. Пока женщина была в девушках, она считалась, так сказать, последней из трудящихся. Работала она на отца, работала, не покладая рук, и отец еще попрекал: «Я тебя кормлю». Когда она становилась замужней, она работала на мужа, работала так, как ее заставлял работать муж, и муж же ее опять же попрекал: «Я тебя кормлю». Женщина в деревне была последней из трудящихся. Понятно, что в таких условиях героини труда среди женщин-крестьянок не могли появиться. Труд считался тогда проклятием для женщины, и она его избегала всячески.

Только колхозная жизнь могла сделать труд делом почета, только она могла породить настоящих героинь-женщин в деревне. Только колхозная жизнь могла уничтожить неравенство и поставить женщину на ноги. Это вы сами хорошо знаете. Колхоз ввел трудодень. А что такое трудодень? Перед трудоднем все равны — и мужчины, и женщины. Кто больше трудодней выработал, тот больше и заработал. Тут уж ни отец, ни муж попрекать женщину не может, что он ее кормит. Теперь женщина, если она трудится и у нее есть трудодни, она сама себе хозяйка. Я помню, на втором колхозном съезде вел беседу с несколькими товарищами-женщинами. Одна из них, из Северного края, говорила:

«Года два назад никто ко мне на двор из женихов заглядывать не хотел. Бесприданница! Теперь у меня пятьсот трудодней. И что же? Отбою нет от женихов, хотят, говорят, жениться, а я еще посмотрю, сама выбирать буду женишков».

Трудоднями колхоз освободил женщину и сделал ее самостоятельной. Она теперь работает уже не на отца, пока она в девушках, не на мужа, когда она замужем, а прежде всего на себя работает. Вот это и значит освобождение женщины-крестьянки, это и значит колхозный строй, который делает

женщину трудовую равной всякому мужчине трудовому. Только на этой базе, в этих условиях могли появиться такие великолепные женщины. Поэтому я сегодняшнюю встречу рассматриваю не просто, как обычную встречу передовых людей с членами правительства, а как торжественный день, когда демонстрируются успехи и способности освобожденного труда женщины. Я думаю, что правительство должно отметить героинь труда, приехавших сюда, чтобы доложить правительству о своих успехах.

Как отметить сегодняшний день?

Мы совещались здесь, я, тт. Ворошилов, Чернов, Молотов, Каганович, Орджоникидзе, Калинин, Микоян, и мы пришли к такой мысли — войти в правительство с ходатайством о вознаграждении наших героинь труда орденом Ленина, — звеньевых орденом Ленина, а рядовых ударниц — орденом Трудового знамени. Придется, конечно, особо отметить т. Марию Демченко.

Ворошилов. Молодец

Молотов. Главная виновница.

Сталин. Я думаю, что Марии Демченко, как запевале всего этого дела, кроме того, что дадут ей орден Ленина, нужно еще выразить благодарность от Центрального Исполнительного Комитета Советов, а колхозникам ее звена дать ордена Трудового знамени.

Голос. Они здесь, кроме одной. Она больна.

Сталин. Больную тоже придется наградить. Так мы думаем отметить сегодняшний день. (*Бурные, продолжительные аплодисменты, все встают.*)

«Героини социалистического труда», стр. VII—X, Партиздат, 1936 г.

И. Сталин. РЕЧЬ НА ПЕРВОМ ВСЕСОЮЗНОМ СОВЕЩАНИИ СТАХАНОВЦЕВ. 17 ноября 1935 г.

1. Значение стахановского движения

Товарищи! О стахановцах здесь, на этом совещании, так много и так хорошо говорили, что мне, собственно, мало что остается сказать. Все же, раз меня вызвали на трибуну, придется сказать несколько слов.

Стахановское движение нельзя рассматривать, как обычное движение рабочих и работниц. Стахановское движение это такое движение рабочих и работниц, которое войдет в историю нашего социалистического строительства, как одна из самых славных ее страниц.

В чем состоит значение стахановского движения?

Прежде всего в том, что оно выражает новый подъем социалистического соревнования, новый, высший этап социалистического соревнования. Поче-

му новый, почему высший? Потому, что оно, стахановское движение, выгодно отличается, как выражение социалистического соревнования, от старого этапа социалистического соревнования. В прошлом, года три тому назад, в период первого этапа социалистического соревнования, социалистическое соревнование не обязательно было связано с новой техникой. Да тогда у нас, собственно, и не было почти новой техники. Нынешний же этап социалистического соревнования — стахановское движение, наоборот, — обязательно связан с новой техникой. Стахановское движение было бы немислимо без новой, высшей техники. Перед вами люди, вроде товарищей Стаханова, Бусыгина, Сметанина, Кривоноса, Пронина, Виноградовых и многих других, люди новые, рабочие и работницы, которые полностью овладели техникой своего дела, оседлали ее и погнали вперед. Таких людей у нас не было или почти не было года три тому назад. Это — люди новые, особенные.

Далее. Стахановское движение это такое движение рабочих и работниц, которое ставит своей целью преодоление нынешних технических норм, преодоление существующих проектных мощностей, преодоление существующих производственных планов и балансов. Преодоление — потому, что они, эти самые нормы, стали уже старыми для наших дней, для наших новых людей. Это движение ломает старые взгляды на технику, ломает старые технические нормы, старые проектные мощности, старые производственные планы и требует создания новых, более высоких технических норм, проектных мощностей, производственных планов. Оно призвано произвести в нашей промышленности революцию. Именно поэтому оно, стахановское движение, является в основе своей глубоко революционным.

Здесь говорили уже, что стахановское движение, как выражение новых, более высоких технических норм, представляет собой образец той высокой производительности труда, которую может дать только социализм и чего не может дать капитализм. Это совершенно правильно. Почему капитализм разбил и преодолел феодализм? Потому, что он создал более высокие нормы производительности труда, он дал возможность обществу получать несравненно больше продуктов, чем это имело место при феодальных порядках. Потому, что он сделал общество более богатым. Почему может, должен и обязательно победит социализм капиталистическую систему хозяйства? Потому, что он может дать более высокие образцы труда, более высокую производительность труда, чем капиталистическая система хозяйства. Потому, что он может дать обществу больше продуктов и может сделать общество более богатым, чем капиталистическая система хозяйства.

Некоторые думают, что социализм можно укрепить путем некоторого материального поравнения людей на базе бедняцкой жизни. Это не верно. Это мелкобуржуазное представление о социализме. На самом деле социализм может победить только на базе высокой производительности труда, более высокой, чем при капитализме, на базе изобилия продуктов и всякого рода предметов потребления, на базе зажиточной и культурной жизни всех членов общества. Но для того, чтобы социализм мог добиться этой своей цели и сделать наше советское общество наиболее зажиточным, — необходимо иметь

в стране такую производительность труда, которая перекрывает производительность труда передовых капиталистических стран. Без этого нечего и думать об изобилии продуктов и всякого рода предметов потребления. Значение стахановского движения состоит в том, что оно является таким движением, которое ломает старые технические нормы, как недостаточные, перекрывает в целом ряде случаев производительность труда передовых капиталистических стран и открывает, таким образом, практическую возможность дальнейшего укрепления социализма в нашей стране, возможность превращения нашей страны в наиболее зажиточную страну. Но этим не исчерпывается значение стахановского движения. Его значение состоит еще в том, что оно prepares условия для перехода от социализма к коммунизму.

Принцип социализма состоит в том, что в социалистическом обществе каждый работает по своим способностям и получает предметы потребления не по своим потребностям, а по той работе, которую он произвел для общества. Это значит, что культурно-технический уровень рабочего класса все еще невысок, противоположность между трудом умственным и трудом физическим продолжает существовать, производительность труда еще не так высока, чтобы обеспечить изобилие предметов потребления, ввиду чего общество вынуждено распределять предметы потребления не соответственно потребностям членов общества, а соответственно работе, произведенной ими для общества.

Коммунизм представляет более высокую ступень развития. Принцип коммунизма состоит в том, что в коммунистическом обществе каждый работает по своим способностям и получает предметы потребления не по той работе, которую он произвел, а по тем потребностям культурно-развитого человека, которые у него имеются. Это значит, что культурно-технический уровень рабочего класса стал достаточно высок для того, чтобы подорвать основы противоположности между трудом умственным и трудом физическим, противоположность между трудом умственным и трудом физическим уже исчезла, а производительность труда поднялась на такую высокую ступень, что может обеспечить полное изобилие предметов потребления, ввиду чего общество имеет возможность распределять эти предметы соответственно потребностям его членов.

Некоторые думают, что уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим можно добиться путем некоторого культурно-технического поравнения работников умственного и физического труда на базе снижения культурно-технического уровня инженеров и техников, работников умственного труда, до уровня средне-квалифицированных рабочих. Это совершенно неверно. Так могут думать о коммунизме только мелкобуржуазные болтуны. На самом деле уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим можно добиться лишь на базе подъема культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда. Было бы смешно думать, что такой подъем неосуществим. Он вполне осуществим в условиях советского строя, где производительные силы страны освобождены от оков капитализма, где труд освобожден от гнета эксплуатации, где у власти стоит рабочий класс и

где молодое поколение рабочего класса имеет все возможности обеспечить себе достаточное техническое образование. Нет никаких оснований сомневаться в том, что только такой культурно-технический подъем рабочего класса может подорвать основы противоположности между трудом умственным и трудом физическим, что только он может обеспечить ту высокую производительность труда и то изобилие предметов потребления, которые необходимы для того, чтобы начать переход от социализма к коммунизму.

Стахановское движение знаменательно в этой связи в том отношении, что оно содержит в себе первые начатки, правда, еще слабые, но все же начатки такого, именно культурно-технического подъема рабочего класса нашей страны.

В самом деле, присмотритесь к товарищам стахановцам. Что это за люди? Это, главным образом,— молодые или средних лет рабочие и работницы, люди культурные и технически подкованные, дающие образцы точности и аккуратности в работе, умеющие ценить фактор времени в работе и научившиеся считать время не только минутами, но и секундами. Большинство из них прошло так называемый технический минимум и продолжает пополнять свое техническое образование. Они свободны от консерватизма и застойности некоторых инженеров, техников и хозяйственников, они идут смело вперед, ломая устаревшие технические нормы и создавая новые, более высокие, она вносят поправки в проектные мощности и хозяйственные планы, составленные руководителями нашей промышленности, они то и дело дополняют и поправляют инженеров и техников, они нередко учат и толкают их вперед, ибо это — люди, вполне овладевшие техникой своего дела и умеющие выжимать из техники максимум того, что можно из нее выжать. Сегодня стахановцев еще мало, но кто может сомневаться, что завтра их будет вдесятеро больше? Разве не ясно, что стахановцы являются новаторами в нашей промышленности, что стахановское движение представляет будущность нашей индустрии, что оно содержит в себе зерно будущего культурно-технического подъема рабочего класса, что оно открывает нам тот путь, на котором только и можно добиться тех высших показателей производительности труда, которые необходимы для перехода от социализма к коммунизму и уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим?

Таково, товарищи, значение стахановского движения в деле нашего социалистического строительства.

Думали ли об этом великом значении стахановского движения Стаханов и Бусыгин, когда они приступали к ломке старых технических норм? Конечно, нет. У них были свои заботы,— они стремились к тому, чтобы вывести предприятие из прорыва и перевыполнить хозяйственный план. Но добиваясь этой цели, им пришлось разбить старые технические нормы и развить высокую производительность труда, перекрывшую передовые капиталистические страны. Было бы однако смешно думать, что это обстоятельство может хоть сколько-нибудь умалить великое историческое значение движения стахановцев.

То же самое можно сказать о тех рабочих, которые впервые организовали в нашей стране Советы Рабочих Депутатов в 1905 году. Они, конечно, не

думали, что Советы Рабочих Депутатов послужат основой социалистического строя. Они только оборонялись от царизма, от буржуазии, создавая Советы Рабочих Депутатов. Но это обстоятельство нисколько не противоречит тому несомненному факту, что движение за Советы Рабочих Депутатов, начатое в 1905 году ленинградскими и московскими рабочими, привело в конечном счете к разгрому капитализма и победе социализма в одной шестой части мира.

2. Корни стахановского движения

Мы присутствуем сейчас у колыбели стахановского движения, у его истоков.

Следовало бы отметить некоторые характерные черты стахановского движения.

Бросается в глаза прежде всего тот факт, что оно, это движение, началось как-то самопроизвольно, почти стихийно, снизу, без какого бы то ни было давления со стороны администрации наших предприятий. Более того. Это движение зародилось и стало разворачиваться в известной мере вопреки воле администрации наших предприятий, даже в борьбе с ней. Товарищ Молотов уже рассказывал вам о том, какие муки пришлось пережить товарищу Мусинскому, лесопильщику в Архангельске, когда он тайком от хозяйственной организации, тайком от контролеров вырабатывал новые, более высокие технические нормы. Судьба самого Стаханова была не лучшей, ибо ему приходилось обороняться при своем движении вперед не только от некоторых чинов администрации, но и от некоторых рабочих, высмеивавших и травивших его за «новшества». Что касается Бусыгина, то известно, что он за свои «новшества» чуть было не поплатился потерей работы на заводе, и лишь вмешательство начальника цеха товарища Соколинского помогло ему остаться на заводе.

Как видите, если и имело место какое-либо воздействие со стороны администрации наших предприятий, то оно шло не навстречу стахановскому движению, а наперекор ему. Стало быть, стахановское движение зародилось и развернулось как движение, идущее снизу. И именно потому, что оно зародилось самопроизвольно, именно потому, что оно идет снизу, оно является наиболее жизненным и непреодолимым движением современности.

Следует, далее, остановиться еще на одной характерной черте стахановского движения. Состоит она, эта характерная черта, в том, что стахановское движение разнеслось по всему лицу нашего Союза не постепенно, а с какой-то невиданной быстротой, как ураган. С чего началось дело? Стаханов поднял техническую норму добычи угля впятеро или вшестеро, если не больше. Бусыгин и Сметанин сделали то же самое, один — в области машиностроения, другой — в области обувной промышленности. Газеты сообщили об этих фактах. И вдруг — пламя стахановского движения объяло всю страну. В чем тут дело? Откуда взялась такая быстрота в деле распространения стахановского движения? Может быть Стаханов и Бусыгин являются большими организаторами с большими связями в областях и районах СССР, и они сами организовали это дело? Нет, ко-

нечно, нет! Может быть Стаханов и Бусыгин имеют претензию быть великими фигурами нашей страны и они сами разнесли искры стахановского движения по всей стране? Это тоже неверно. Вы видели здесь Стаханова и Бусыгина. Они выступали на совещании. Это — люди простые и скромные, без каких бы то ни было претензий на то, чтобы стяжать лавры фигур всесоюзного масштаба. Мне даже кажется, что они несколько смущены тем размахом движения, которое развернулось у нас вопреки их ожиданиям. И если, несмотря на это, спички, брошенной Стахановым и Бусыгиным, оказалось достаточно для того, чтобы все это дело развернулось в пламя, — то это значит, что стахановское движение является делом вполне назревшим. Только движение, которое вполне созрело и ждет толчка для того, чтобы вырваться на волю, — только такое движение могло распространиться так быстро и нарастать, как снежный ком.

Чем объяснить, что стахановское движение оказалось делом вполне назревшим? Где причины того, что оно получило такое быстрое распространение? Каковы корни стахановского движения?

Их, этих причин, по крайней мере четыре.

1) Основой стахановского движения послужило прежде всего коренное улучшение материального положения рабочих. Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда весело живется, работа спорится. Отсюда высокие нормы выработки. Отсюда герои и героини труда. В этом прежде всего корень стахановского движения. Если бы у нас был кризис, если бы у нас была безработица — бич рабочего класса, если бы у нас жилось плохо, неприглядно, не весело, то никакого стахановского движения не было бы у нас. (*Аплодисменты.*) Наша пролетарская революция является единственной в мире революцией, которой довелось показать народу не только свои политические результаты, но и результаты материальные. Из всех рабочих революций мы знаем только одну, которая кое-как добилась власти. Это — Парижская Коммуна. Но она существовала не долго. Она, правда, попыталась разбить оковы капитализма, но она не успела их разбить и тем более не успела показать народу благие материальные результаты революции. Наша революция является единственной, которая не только разбила оковы капитализма и дала народу свободу, но успела еще дать народу материальные условия для зажиточной жизни. В этом сила и непобедимость нашей революции. Конечно, хорошо прогнать капиталистов, прогнать помещиков, прогнать царских опричников, взять власть и получить свободу. Это очень хорошо. Но, к сожалению, одной лишь свободы далеко еще недостаточно. Если нехватает хлеба, нехватает масла и жиров, нехватает мануфактуры, жилища плохие, то на одной лишь свободе далеко не уедешь. Очень трудно, товарищи, жить одной лишь свободой. (*Одобрительные возгласы, аплодисменты.*) Чтобы можно было жить хорошо и весело, необходимо, чтобы блага политической свободы дополнялись благами материальными. Характерная особенность нашей революции состоит в том, что она дала народу не только свободу, но и материальные блага, но и возможность зажиточной и культурной жизни. Вот почему жить стало у нас весело и вот на какой почве выросло стахановское движение.

2) Вторым источником стахановского движения является у нас отсутствие эксплуатации. Люди работают у нас не на эксплуататоров, не для обогащения туенядцев, а на себя, на свой класс, на свое, советское общество, где у власти стоят лучшие люди рабочего класса. Поэтому-то труд имеет у нас общественное значение, он является делом чести и славы. При капитализме труд имеет частный, личный характер. Выработал больше, получай больше и живи себе, как знаешь. Никто тебя не знает и знать не хочет. Ты работаешь на капиталистов, ты их обогащаешь? А как же иначе? Для того тебя и наняли, чтобы ты обогащал эксплуататоров. Ты не согласен с этим, — ступай в ряды безработных и прозябай, как знаешь, — найдем других, более сговорчивых. Поэтому-то труд людей не высоко ценится при капитализме. Понятно, что в таких условиях стахановскому движению не может быть места. Другое дело — в условиях советского строя. Здесь трудовой человек в почете. Здесь он работает не на эксплуататоров, а на себя, на свой класс, на общество. Здесь трудовой человек не может чувствовать себя заброшенным и одиноким. Наоборот, трудовой человек чувствует себя у нас свободным гражданином своей страны, своего рода общественным деятелем. И если он работает хорошо и дает обществу то, что может дать, — он герой труда, он овеян славой. Понятно, что только в таких условиях могло зародиться стахановское движение.

3) Третьим источником стахановского движения следует считать наличие у нас новой техники. Стахановское движение органически связано с новой техникой. Без новой техники, без новых заводов и фабрик, без нового оборудования стахановское движение не могло бы у нас зародиться. Без новой техники можно поднять технические нормы в один-два раза — не больше. Если стахановцы подняли технические нормы в пять и в шесть раз, то это значит, что они опираются целиком и полностью на новую технику. Таким образом выходит, что индустриализация нашей страны, реконструкция наших заводов и фабрик, наличие новой техники и нового оборудования послужили одной из причин, породивших стахановское движение.

4) Но на одной лишь новой технике далеко не уедешь. Можно иметь первоклассную технику, первоклассные заводы и фабрики, но если нет людей, способных оседлать эту технику, техника так и останется у вас голой техникой. Чтобы новая техника могла дать свои результаты, надо иметь еще людей, кадры рабочих и работниц, способные стать во главе техники и двинуть ее вперед. Зарождение и рост стахановского движения означают, что у нас уже народились такие кадры среди рабочих и работниц. Года два тому назад партия сказала, что, построив новые заводы и фабрики и дав нашим предприятиям новое оборудование, — мы сделали лишь половину дела. Партия сказала тогда, что энтузиазм строительства новых заводов надо дополнить энтузиазмом их освоения, что только таким путем можно довести дело до конца. Очевидно, что за эти два года шло освоение этой новой техники и рождение новых кадров. Теперь ясно, что такие кадры уже имеются у нас. Понятно, что без таких кадров, без этих новых людей у нас не было бы никакого стахановского движения. Таким образом новые люди из рабочих и работниц, освоившие новую технику, послужили

той силой, которая оформила и двинула вперед стахановское движение.

Таковы условия, породившие и двинувшие вперед стахановское движение.

3. Новые люди — новые технические нормы

Я говорил, что стахановское движение развилось не в порядке постепенности, а в порядке взрыва, прорвавшего какую-то плотину. Очевидно, что ему пришлось преодолеть какие-то препоны. Кто-то ему мешал, кто-то его зажимал, и вот, накопив силы, стахановское движение прорвало эти препоны и залило страну.

В чем тут дело, кто же, собственно, мешал?

Мешали старые технические нормы и люди, стоявшие за спиной этих норм. Несколько лет тому назад наши инженерно-технические и хозяйственные работники составили известные технические нормы применительно к технической отсталости наших рабочих и работниц. С тех пор прошло несколько лет. Люди за это время выросли и подковались технически. А технические нормы оставались неизменными. Понятно, что эти нормы оказались теперь для наших новых людей устаревшими. Теперь все ругают действующие технические нормы. Но они ведь не с неба упали. И дело тут вовсе не в том, что эти технические нормы были составлены в свое время, как нормы заниженные. Дело прежде всего в том, что теперь, когда эти нормы стали уже устаревшими, пытаются отстаивать их, как нормы современные. Цепляются за техническую отсталость наших рабочих и работниц, ориентируются на эту отсталость, исходят из отсталости, и дело доходит наконец до того, что начинают играть в отсталость. Ну, а как быть, если эта отсталость отходит в область прошлого? Неужели мы будем преклоняться перед нашей отсталостью и делать из нее икону, фетиш? Как быть, если рабочие и работницы успели уже вырасти и подковаться технически? Как быть, если старые технические нормы перестали соответствовать действительности, а наши рабочие и работницы успели уже на деле перекрыть их впятеро, вдсятеро? Разве мы когда-либо присягали на верность нашей отсталости? Кажется, не было этого у нас, товарищи? *(Общий смех.)* Разве мы исходили из того, что наши рабочие и работницы так и останутся навеки отсталыми? Как будто бы мы не исходили из этого? *(Общий смех.)* В чем же тогда дело? Неужели у нас нехватит смелости сломить консерватизм некоторых наших инженеров и техников, сломить старые традиции и нормы и дать простор новым силам рабочего класса?

Толкуют о науке. Говорят, что данные науки, данные технических справочников и инструкций противоречат требованиям стахановцев о новых, более высоких, технических нормах. Но о какой науке идет здесь речь? Данные науки всегда проверялись практикой, опытом. Наука, порвавшая связи с практикой, с опытом, — какая же это наука? Если бы наука была такой, какой ее изображают некоторые наши консервативные товарищи, то она давно погибла бы для человечества. Наука потому и называется наукой, что она не признает фетишей, не боится поднять руку на отживающее, ста-

рое и чутко прислушивается к голосу опыта, практики. Если бы дело обстояло иначе, у нас не было бы вообще науки, не было бы, скажем, астрономии, и мы все еще пробавлялись бы обветшалой системой Птолемея, у нас не было бы биологии, и мы все еще утешались бы легендой о сотворении человека, у нас не было бы химии, и мы все еще пробавлялись бы прорицаниями алхимиков.

Вот почему я думаю, что наши инженерно-технические и хозяйственные работники, успевшие уже порядочно поотстать от стахановского движения, сделали бы хорошо, если бы они перестали цепляться за старые технические нормы и перестроились по-настоящему, по-научному, на новый, стахановский лад.

Хорошо, скажут нам. Но как быть с техническими нормами вообще? Нужны ли они для промышленности, или можно обойтись вовсе без всяких норм?

Одни говорят, что нам не нужно больше никаких технических норм. Это неверно, товарищи. Более того,— это глупо. Без технических норм невозможно плановое хозяйство. Технические нормы нужны, кроме того, для того, чтобы отстающие массы подтягивать к передовым. Технические нормы — это большая регулирующая сила, организующая на производстве широкие массы рабочих вокруг передовых элементов рабочего класса. Следовательно, нам нужны технические нормы, но не те, какие существуют теперь, а более высокие.

Другие говорят, что технические нормы нужны, но их надо довести теперь же до тех достижений, которых добились Стахановы, Бусыгины, Виноградовы и другие. Это тоже неверно. Такие нормы были бы нереальны для настоящего времени, ибо рабочие и работницы, менее подкованные технически, чем Стахановы и Бусыгины, не смогли бы выполнить таких норм. Нам нужны такие технические нормы, которые проходили бы где-нибудь посередине между нынешними техническими нормами и теми нормами, которых добились Стахановы и Бусыгины. Взять, например, Марию Демченко, всем известную пятисотницу по свекле. Она добилась урожая свеклы на гектар в 500 и больше центнеров. Можно ли это достижение сделать нормой урожайности для всего свекловичного хозяйства, скажем, на Украине? Нет, нельзя. Рано пока говорить об этом. Мария Демченко добилась пятисот и больше центнеров на один гектар, а средний урожай по свекле, например, на Украине в этом году составляет 130—132 центнера на гектар. Разница, как видите, не маленькая. Можно ли дать норму для урожайности по свекле в 400 или 300 центнеров? Все знатоки дела говорят, что нельзя этого делать пока что. Очевидно, что придется дать норму по урожайности на гектар по Украине на 1936 год в 200—250 центнеров. А норма эта не маленькая, так как, в случае ее выполнения, она могла бы дать нам вдвое больше сахара, чем в 1935 году. То же самое надо сказать насчет промышленности. Стаханов перекрыл существующую техническую норму, кажется, раз в десять или даже больше. Объявить это достижение новой технической нормой для всех работающих на отбойном молотке было бы неразумно. Очевидно, что придется дать норму, проходящую где-либо по-

середине между существующей технической нормой и нормой, осуществленной товарищем Стахановым.

Одно во всяком случае ясно: нынешние технические нормы уже не соответствуют действительности, они отстали и превратились в тормоз для нашей промышленности, а для того, чтобы не тормозить нашу промышленность, необходимо их заменить новыми, более высокими техническими нормами. Новые люди, новые времена, — новые технические нормы.

4. Ближайшие задачи

В чем состоят наши ближайшие задачи с точки зрения интересов стахановского движения?

Чтобы не разбрасываться, давайте сведем это дело к двум ближайшим задачам.

Во-первых. Задача состоит в том, чтобы помочь стахановцам развернуть дальше стахановское движение и распространить его вширь и вглубь на все области и районы СССР. Это с одной стороны. И с другой стороны — обуздать все те элементы из хозяйственных и инженерно-технических работников, которые упорно цепляются за старое, не хотят двигаться вперед и систематически тормозят развертывание стахановского движения. Чтобы распространить во-всю стахановское движение по всему лицу нашей страны, для этого одних лишь стахановцев, конечно, недостаточно. Необходимо, чтобы наши партийные организации включились в это дело и помогли стахановцам довести движение до конца. В этом отношении Донецкая областная организация проявила бесспорно большую инициативу. Хорошо работают в этом смысле Московская и Ленинградская областные организации. А как другие области? Они, видимо, все еще «раскачиваются». Например, что-то не слышно или очень мало слышно об Урале, хотя Урал является, как известно, громадным промышленным центром. То же самое надо сказать о Западной Сибири, о Кузбассе, где еще, по всем видимостям, не успели «раскачаться». Впрочем, можно не сомневаться, что наши партийные организации возьмутся за это дело и помогут стахановцам преодолеть трудности. Что касается другой стороны дела — обуздания упорствующих консерваторов из среды хозяйственных и инженерно-технических работников, — то здесь дело будет обстоять несколько посложнее. Придется в первую очередь убеждать, терпеливо и по-товарищески убеждать эти консервативные элементы промышленности — в прогрессивности стахановского движения и в необходимости перестроиться на стахановский лад. А если убеждения не помогут, придется принять более решительные меры. Взять, например, Наркомат Путей Сообщения. В центральном аппарате этого наркомата недавно существовала группа профессоров, инженеров и других знатоков дела — среди них были и коммунисты, — которая уверяла всех в том, что 13—14 километров коммерческой скорости в час является пределом, дальше которого нельзя, невозможно двигаться, если не хотят вступить в противоречие с «наукой об эксплуатации». Это была довольно авторитетная группа, которая проповедывала свои взгляды устно и печатно, давала инструкции соответствующим органам НКПС и вообще

являлась «властителем дум» среди эксплуатационников. Мы, не знатоки дела, на основании предложений целого ряда практиков железнодорожного дела в свою очередь уверяли этих авторитетных профессоров, что 13—14 километров не могут быть пределом, что при известной организации дела можно расширить этот предел. В ответ на это эта группа вместо того, чтобы прислушаться к голосу опыта и практики и пересмотреть свое отношение к делу, бросилась в борьбу с прогрессивными элементами железнодорожного дела и еще больше усилила пропаганду своих консервативных взглядов. Понятно, что нам пришлось дать этим уважаемым людям слегка в зубы и вежливенько выпроводить их из центрального аппарата НКПС. (*Аплодисменты.*) И что же? Мы имеем теперь коммерческую скорость в 18—19 километров в час. (*Аплодисменты.*) Мне думается, товарищи, что в крайнем случае придется прибегнуть к этому методу и в других областях нашего народного хозяйства, если, конечно, упорствующие консерваторы не перестанут мешать и бросать палки в колеса стахановскому движению.

Во-вторых. Задача состоит в том, чтобы помочь перестроиться и возглавить стахановское движение тем хозяйственникам, инженерам и техникам, которые не хотят мешать стахановскому движению, которые сочувствуют этому движению, но не сумели еще перестроиться, не сумели еще возглавить стахановское движение. Я должен сказать, товарищи, что таких хозяйственников, инженеров и техников имеется у нас не мало. И если мы поможем этим товарищам, то их будет у нас несомненно еще больше.

Я думаю, что, если эти задачи будут выполнены нами, стахановское движение развернется во-всю, охватит все области и районы нашей страны и покажет нам чудеса новых достижений.

5. Два слова

Несколько слов насчет настоящего совещания, насчет его значения. Ленин учил, что настоящими руководителями-большевиками могут быть только такие руководители, которые умеют не только учить рабочих и крестьян, но и учиться у них. Кое-кому из большевиков эти слова Ленина не понравились. Но история показывает, что Ленин оказался прав и в этой области на все сто процентов. В самом деле, миллионы трудящихся, рабочих и крестьян трудятся, живут, борются. Кто может сомневаться в том, что эти люди живут не впустую, что, живя и борясь, эти люди накапливают громадный практический опыт? Разве можно сомневаться в том, что руководители, пренебрегающие этим опытом, не могут считаться настоящими руководителями? Стало быть, мы, руководители партии и правительства, должны не только учить рабочих, но и учиться у них. Что вы, члены настоящего совещания, кое-чему поучились здесь, на совещании, у руководителей нашего правительства,— этого я не стану отрицать. Но нельзя отрицать и того, что и мы, руководители правительства, многому поучились у вас, у стахановцев, у членов настоящего совещания. Так вот, спасибо вам, товарищи, за учебу, большое спасибо! (*Бурные аплодисменты.*)

Наконец, два слова о том, как следовало бы ознаменовать настоящее совещание. Мы здесь в президиуме совещались и решили, что придется как-либо отметить это совещание руководителей власти с руководителями стахановского движения. И вот мы пришли к такому решению, что человек 100—120 из вас придется представить к высшей награде.

Голоса. Правильно. (Бурные аплодисменты.)

Сталин. Если вы одобряете, товарищи, то мы это дело проведем.

(Участники совещания стахановцев устраивают бурную восторженную овацию товарищу Сталину. Весь зал гремит от рукоплесканий, мощное «ура» потрясает своды зала. Бесчисленные возгласы, приветствующие вождя партии товарища Сталина, несутся со всех концов. Оvation заканчивается мощным пением «Интернационала» — три тысячи участников совещания исполняют пролетарский гимн.)

«Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц — стахановцев». Стенотчет, стр. 361—376, Партиздат, 1935 г.

И. Сталин. РЕЧЬ НА СОВЕЩАНИИ ПЕРЕДОВЫХ КОМБАЙНЕРОВ И КОМБАЙНЕРОК. 1 декабря 1935 г.

Товарищи! Разрешите прежде всего приветствовать вас в связи с теми достижениями, которых вы добились на фронте уборки урожая. Достижения ваши немалы. Если в среднем по всему СССР выработка на комбайн поднялась у нас вдвое за один год, то это немалое достижение. Это достижение особенно важно в условиях нашей страны, где технически подкованных людей все еще мало. Наша страна всегда отличалась недостатком технически подкованных кадров, особенно в области земледелия. Техническая подготовка кадров в рамках целой страны — это очень большое дело. Она требует десятилетий. И если мы в сравнительно короткие сроки добились того, что из вчерашних крестьянских сынов и дочерей вырабатывали отличных комбайнеров и комбайнерок, перекрывающих нормы капиталистических стран, то это значит, что у нас дело выращивания технических кадров идет вперед семимильными шагами. Да, товарищи, ваши успехи значительны и серьезны, и вы вполне заслуживаете того, чтобы руководители партии и правительства приветствовали вас. *(Аплодисменты.)*

А теперь позвольте перейти к существу дела.

У нас часто говорят, что мы уже разрешили зерновую проблему. Это, конечно, верно, если иметь в виду нынешний переживаемый нами период. Мы собираем в этом году более пяти с половиной миллиардов пудов зерна. Этого вполне хватает для того, чтобы вдосталь накормить население и отложить

еще достаточные запасы, необходимые для всяких непредвиденных случаев. Это, конечно, не плохо для сегодняшнего дня. Но мы не можем ограничиваться только сегодняшним днем. Мы должны думать и о завтрашнем дне, о ближайшем будущем. А если посмотреть на дело с точки зрения завтрашнего дня, то достигнутые результаты нас не могут удовлетворить. Сколько потребуется нам зерна в ближайшем будущем, скажем, года через три-четыре? Нам потребуется не менее 7—8 миллиардов пудов зерна. Вот как обстоит дело, товарищи. Стало быть, мы должны уже теперь принять меры к тому, чтобы производство хлеба росло у нас из года в год и чтобы мы оказались к этому сроку вполне подготовленными к выполнению этой важнейшей задачи. В старое время, до революции, в нашей стране производилось зерна около 4—5 миллиардов пудов в год. Хватало этого хлеба или нет — это другой вопрос. Во всяком случае все считали, что хватало, так как каждый год вывозили за границу около 400—500 миллионов пудов зерна. Так обстояло дело в прошлом. Другое дело теперь, в наших советских условиях. Я уже говорил, что мы должны уже теперь готовиться к тому, чтобы довести в ближайшем будущем, года через три-четыре, ежегодное производство хлеба до 7—8 миллиардов пудов. Разница, как видите, — немалая. То четыре или пять миллиардов пудов, а то семь-восемь миллиардов пудов зерна.

Откуда такая разница? Чем объяснить этот колоссальный рост потребности в зерне в нашей стране?

Объясняется это тем, что наша страна уже не та, какой она была в старое, дореволюционное время.

Начать хотя бы с того, что у нас за последние годы промышленность и города выросли по крайней мере вдвое в сравнении со старым временем. Сейчас у нас городов, жителей в городах, промышленности и рабочих, занятых в промышленности, по крайней мере вдвое больше, чем в старое время. Что это значит? Это значит, что несколько миллионов тружеников изъехали мы из села, перевели в города, сделали рабочими и служащими, и они теперь вместе с остальными рабочими двигают вперед нашу промышленность. Это значит, что если несколько миллионов тружеников, связанных раньше с деревней, производили хлеб, то теперь они не только не производят хлеба, я, наоборот, сами нуждаются в том, чтобы им подвозили хлеб из деревни. А города у нас будут расти и потребность в хлебе будет увеличиваться.

Это первая причина роста потребности в зерне.

Далее. В старое время у нас технических культур было меньше, чем теперь. Мы производим теперь хлопка вдвое больше, чем в старое время. Что касается льна, свеклы и других технических культур, то мы их производим несравненно больше, чем в старое время. Что же из этого вытекает? А из этого вытекает то, что люди, занятые производством технических культур, не могут в достаточной степени заниматься производством хлеба. Стало быть, надо иметь большие запасы зерна для людей, производящих технические культуры, чтобы можно было все более и более увеличивать производство технических культур, производство хлопка, льна, свеклы, подсолнуха и так далее. А производство технических куль-

тур нам придется все более и более увеличивать, если мы хотим двинуть вперед нашу легкую промышленность и нашу пищевую промышленность.

Вот вам вторая причина роста потребности в зерне.

Дальше. Я уже говорил, что в старое время производили у нас 4—5 миллиардов пудов зерна в год. Царские министры обычно говорили тогда: «Сами не будем доедать, а хлеб вывозить будем». Что это за люди, которые недоедали? Конечно, не царские министры. Недоедавшие люди это — 20—30 миллионов деревенской бедноты, которая действительно недоедала и жила впроголодь для того, чтобы царские министры имели возможность вывозить хлеб за границу. Так было в старое время. Теперь у нас совершенно другое время. Советское правительство не может допустить, чтобы население недоедало. Вот уже 2—3 года как бедноты у нас нет больше, безработицы не стало, недоедание исчезло, и мы прочно вступили на путь зажиточности. Вы спросите — куда девались 20—30 миллионов голодной бедноты? Они перешли в колхозы, обосновались там и с успехом строят свою зажиточную жизнь. А что это значит? Это значит, что нам требуется теперь гораздо больше хлеба для прокормления трудящихся крестьян, чем в старое время, ибо вчерашние бедняки, а ныне колхозники, обосновавшиеся в колхозах, должны иметь достаточно хлеба для того, чтобы строить свою зажиточную жизнь. Вы знаете, что они его имеют и будут иметь еще больше.

Такова третья причина колоссального роста потребности в зерне в нашей стране.

Дальше. У нас теперь все говорят, что материальное положение трудящихся значительно улучшилось, что жить стало лучше, веселее. Это, конечно, верно. Но это ведет к тому, что население стало размножаться гораздо быстрее, чем в старое время. Смертности стало меньше, рождаемости больше, и чистого прироста получается несравненно больше. Это, конечно, хорошо, и мы это приветствуем. (*Веселое оживление в зале.*) Сейчас у нас каждый год чистого прироста населения получается около трех миллионов душ. Это значит, что каждый год мы получаем приращение на целую Финляндию. (*Общий смех.*) Ну, а это ведет к тому, что приходится кормить все больше и больше людей.

Вот вам еще одна причина роста потребности в хлебе.

Наконец, еще одна причина. Я говорил о людях и о росте их потребности в хлебе. Но продовольствие людей не ограничивается одним лишь хлебом. Им нужно еще мясо, жиры. Рост городов, рост технических культур, общий рост народонаселения, зажиточная жизнь, — все это ведет к росту потребности в мясе, в жирах. Необходимо, стало быть, иметь хорошо поставленное животноводство с большим количеством скота, мелкого и крупного, для того, чтобы иметь возможность удовлетворить растущие потребности населения в мясных продуктах. Все это ясно. Но рост животноводства немыслим без больших запасов зерна для скота. Только растущее и разворачивающееся зерновое хозяйство может создать условия, необходимые для роста животноводства.

Вот вам еще одна причина колоссального роста потребности в зерне в нашей стране.

Таковы, товарищи, причины, в корне изменившие лицо нашей страны и

ставящие перед нами неотложную задачу — довести ежегодное производство зерна в ближайшем будущем до 7—8 миллиардов пудов.

Можем ли выполнить эту задачу?

Да, можем. В этом не может быть сомнения.

Что требуется для того, чтобы выполнить эту задачу?

Для этого требуется, прежде всего, чтобы господствующей формой хозяйства в земледелии было у нас не мелкое, а крупное хозяйство. Почему именно крупное? Потому, что только крупное хозяйство способно освоить современную технику, только крупное хозяйство способно использовать в достаточной степени современные агротехнические знания, только крупное хозяйство способно применять как следует удобрения. В капиталистических странах, где господствующей формой в земледелии является единоличное мелкое хозяйство, крупные хозяйства создаются путем обогащения небольшой группы землевладельцев и разорения большинства крестьян. Там обычно земли разорившихся крестьян переходят в руки богатых землевладельцев, а сами крестьяне, чтобы не умереть с голоду, идут в наемиты к этим землевладельцам. Мы считаем этот путь неправильным и разорительным. Он для нас неприемлем. Мы стали, поэтому, на другой путь образования крупных хозяйств в земледелии. Мы стали на путь объединения мелко-крестьянских хозяйств в большие коллективные хозяйства, обрабатывающие землю коллективным трудом и пользующиеся всеми благами и возможностями крупного хозяйства. Это есть путь колхозов. Является ли для нас теперь колхозная форма крупного хозяйства господствующей формой нашего земледелия? Да, является. В колхозах у нас имеется теперь около 90% всего крестьянства. Стало быть, крупное хозяйство в земледелии, колхозное хозяйство как господствующая форма, — у нас уже есть налицо.

Для этого требуется, во-вторых, чтобы у колхозов, у наших крупных хозяйств было достаточно удобных земель. Есть ли такие земли у наших колхозов? Да, есть. Вы знаете, что все царские, помещичьи и кулацкие земли переданы уже колхозам. Вы знаете, что эти земли уже закреплены за колхозами навечно. Стало быть, у колхозов имеется достаточно удобных земель для того, чтобы развернуть во-всю производство зерна.

Для этого требуется, в-третьих, чтобы у колхозов было достаточно техники, тракторов, сельскохозяйственных машин, комбайнов. Сами понимаете, что на одном лишь ручном труде далеко не уедешь. Стало быть, нужна богатая техника для того, чтобы колхозы могли развернуть производство зерна. Есть ли у колхозов такая техника? Да, есть. И чем дальше, тем больше будет у них этой техники.

Для этого требуется, наконец, чтобы у колхозов были люди, кадры, умеющие обращаться с техникой, освоившие эту технику и научившиеся оседлать ее. Есть ли у колхозов такие люди, такие кадры? Да, есть. Правда, еще мало, но все же они есть. Настоящее совещание, где присутствуют лучшие комбайнеры и комбайнерки и которое представляет лишь небольшую часть той армии комбайнеров и комбайнерок, которые имеются у колхозов, — это совещание является доказательством того, что такие кадры уже народились в колхозах. Правда, их, этих кадров, все еще мало, и

в этом, товарищи, главная наша загвоздка. Но нет оснований сомневаться в том, что количество этих кадров будет расти у нас не годами и месяцами, а днями и часами.

Выходит, таким образом, что мы имеем все условия, необходимые для того, чтобы добиться в ближайшем будущем ежегодного производства зерна в размере 7—8 миллиардов пудов.

Вот почему я думаю, что неотложная задача, о которой я говорил выше, безусловно выполняема.

Главное теперь в том, чтобы налечь на кадры, обучить кадры, помочь отстающим освоить технику, выращивать изо дня в день людей, способных освоить технику и погнать ее вперед. В этом теперь главное, товарищи.

Особое внимание следует обратить на комбайны и на комбайнеров. Вы знаете, что самое ответственное дело в зерновом хозяйстве уборка. Уборка — дело сезонное и она не любит ждать. Убрал во-время — выиграл, опоздал в уборке — проиграл. Значение комбайна состоит в том, что он помогает убрать урожай во-время. Это очень большое и серьезное дело, товарищи.

Но значение комбайна этим не ограничивается. Его значение состоит еще в том, что он избавляет нас от громадных потерь. Сами знаете, что уборка при помощи лобогрейки дает громадные потери зерна. Сначала скосить, потом собрать в снопы, потом собрать в скирды, потом свозить урожай к молотилкам, — все это потери и потери. Все признают, что при этой системе уборки мы теряем около 20—25% урожая. Великое значение комбайна состоит в том, что он доводит эти потери до незначительного минимума. Знатоки дела говорят, что уборка при помощи лобогрейки, при прочих равных условиях, дает урожайность на гектар на 10 пудов меньше, чем уборка при помощи комбайна. Если взять 100 миллионов гектар зерновых посевов, а их у нас гораздо больше, как известно, то потери при уборке лобогрейками составят миллиард пудов зерна. Попробуйте теперь организовать уборку на этих 100 миллионах гектар при помощи комбайна, имея в виду, что комбайн работает не плохо, — и вы получите выигрыш на целый миллиард пудов зерна. Цифра немалая, как видите.

Вот до чего велико значение комбайна и людей, работающих на комбайне.

Вот почему я думаю, что внедрение комбайна в земледелие и выращивание многочисленных кадров комбайнеров и комбайнерок является первостепенной задачей.

Вот почему, заканчивая речь, я хотел бы выразить желание, чтобы число наших комбайнеров и комбайнерок росло не по дням, а по часам, чтобы они, обучаясь технике комбайна и обучая этому делу своих товарищей, стали, наконец, действительными победителями в сельском хозяйстве нашей страны.

(Бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию, громкое «ура», возгласы с мест: «Да здравствует любимый Сталин!»)

Еще два слова, товарищи. Мы здесь в президиуме втихомолку беседовали и нашли, что следовало бы представить участников настоящего

совещания к высшей награде, к ордену — за хорошую работу. Мы это дело думаем провести, товарищи, в ближайшие дни.

(Бурные, продолжительные аплодисменты, крики «ура», возгласы: «Спасибо товарищу Сталину!»)

«Совещание передовых комбайнеров и комбайнерок СССР с членами ЦК БКП(б) и правительства»,
стр. 115—123, Партиздат, 1935 г.

И. Сталин. РЕЧЬ НА СОВЕЩАНИИ ПЕРЕДОВЫХ КОЛХОЗНИКОВ И КОЛХОЗНИЦ ТАДЖИКИСТАНА И ТУРКМЕНИСТАНА С РУКОВОДИТЕЛЯМИ ПАРТИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВА. 4 декабря 1935 г.

Товарищи! Президиум настоящего совещания поручил мне заявить вам о двух вещах:

Во-первых, о том, что у президиума имеется намерение представить к высшей награде — к ордену всех участников и участниц данного совещания — за отличную работу.

(Продолжительные, бурные аплодисменты. Крики «ура». Возгласы: «Да здравствует товарищ Сталин!» Продолжительная овация и приветственные возгласы по адресу руководителей партии и правительства.)

Во-вторых, о том, что у правительства имеется решение дать по грузовику каждому колхозу, представленному здесь, и преподнести каждому из участников совещания по патефону с пластинками *(аплодисменты)* и часы: мужчинам — карманные, а женщинам — ручные. *(Продолжительные аплодисменты)*

Мне говорят отовсюду, что я должен кое-что сказать.

Возгласы: Правильно! (Аплодисменты.)

Что тут сказать? Все сказано.

Очевидно, что дело с хлопком у вас пойдет. Это видно из всего того, что у нас здесь происходит. Колхозы у вас растут, желание работать имеется, машины дадим, удобрение получите, помощь всякая, какая только необходима, — тов. Молотов, председатель Совнаркома, уже заявил вам об этом, — будет оказана. Стало быть, дело с хлопком у вас пойдет и зажиточная жизнь развертывается.

Но есть, товарищи, одна вещь, более ценная, чем хлопок — это дружба народов нашей страны. Настоящее совещание, ваши речи, ваши дела говорят о том, что дружба между народами нашей великой страны укрепляется. Это очень важно и знаменательно, товарищи. В старое время, когда у власти в нашей стране стояли царь, капиталисты, помещики, политика правительства состояла в том, чтобы сделать один народ — русский народ — господствующим, а все другие народы — подчиненными, угнетен-

ными. Это была зверская, волчья политика. В октябре 1917 года, когда у нас развернулась великая пролетарская революция, когда мы свергли царя, помещиков и капиталистов, великий Ленин, наш учитель, наш отец и воспитатель сказал, что не должно быть отныне ни господствующих, ни подчиненных народов, что народы должны быть равными и свободными. Этим он похоронил в гроб старую царскую, буржуазную политику и провозгласил новую, большевистскую политику — политику дружбы, политику братства между народами нашей страны.

С тех пор прошло 18 лет. И вот, мы имеем уже благие результаты этой политики. Настоящее совещание является ярким доказательством того, что быломu недоверию между народами СССР давно уже положен конец, что недоверие сменилось полным взаимным доверием, что дружба между народами СССР растет и крепнет. Это, товарищи, самое ценное из того, что дала нам большевистская национальная политика.

А дружба между народами СССР — большое и серьезное завоевание. Ибо пока эта дружба существует, народы нашей страны будут свободны и непобедимы. Никто не страшен нам, ни внутренние, ни внешние враги, пока эта дружба живет и здравствует. Можете не сомневаться в этом, товарищи.

(Бурная овация, все присутствующие встанут, возгласы: «Сталину ура!»)

«Совещание передовых колхозников и колхозниц
Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Казакстана и
Кара-Калпакии с руководителями партии и правительства»,
стр. 59—60, Сельхозгиз, 1936 г.

И. Сталин. БЕСЕДА С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ АМЕРИКАНСКОГО ГАЗЕТНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «СКРИППС-ГОВАРД НЬЮСПЕЙПЕРС» Г-НОМ РОЙ ГОВАРДОМ. 1-го марта 1936 г.

Говард: Каковы будут, по Вашему, последствия недавних событий в Японии для положения на Дальнем Востоке?

Сталин: Пока трудно сказать. Для этого имеется слишком мало материалов. Картина недостаточно ясна.

Говард: Какова будет позиция Советского Союза в случае, если Япония решится на серьезное нападение против Монгольской Народной Республики?

Сталин: В случае, если Япония решится напасть на Монгольскую Народную Республику, покушаясь на ее независимость, нам придется помочь Монгольской Народной Республике. Заместитель Литвинова Стомоняков уже

заявил недавно об этом японскому послу в Москве, указав на неизменно дружественные отношения, которые СССР поддерживает с МНР с 1921 года. Мы поможем МНР так же, как мы помогли ей в 1921 году.

Говард: Приведет ли, таким образом, японская попытка захватить Улан-Батор к позитивной акции СССР?

Сталин: Да, приведет.

Говард: Развили ли японцы за последние несколько дней какую-либо такую активность в районе границы МНР, которая (активность) была бы сочтена в СССР, как агрессивная?

Сталин: Японцы, кажется, продолжают накапливать войска у границ МНР, но каких-либо новых попыток к пограничным столкновениям пока не замечается.

Говард: Советский Союз опасается, что Германия и Польша имеют направленные против него агрессивные намерения и подготавливают военное сотрудничество, которое должно помочь реализовать эти намерения. Между тем Польша заявляет о своем нежелании разрешить любым иностранным войскам использовать ее территорию, как базу для операций против третьего государства. Как в СССР представляют себе нападение со стороны Германии? С каких позиций, в каком направлении могут действовать германские войска?

Сталин: История говорит, что когда какое-либо государство хочет воевать с другим государством, даже не соседним, то оно начинает искать границы, через которые оно могло бы добраться до границ государства, на которое оно хочет напасть. Обычно агрессивное государство находит такие границы. Оно их находит либо при помощи силы, как это имело место в 1914 г., когда Германия вторглась в Бельгию, чтобы ударить по Франции, либо оно берет такую границу «в кредит», как это сделала Германия в отношении Латвии, скажем, в 1918 году, пытаясь через нее проваться к Ленинграду. Я не знаю, какие именно границы может приспособить для своих целей Германия, но думаю, что охотники дать ей границу «в кредит» могут найтись.

Говард: Во всем мире говорят о войне. Если действительно война неизбежна, то когда, мистер Сталин, она, по Вашему, разразится?

Сталин: Это невозможно предсказать. Война может вспыхнуть неожиданно. Ныне войны не объявляются. Они просто начинаются. Но с другой стороны я считаю, что позиции друзей мира укрепляются. Дружбы мира могут работать открыто, они опираются на мощь общественного мнения, в их распоряжении такие инструменты, как например, Лига Наций. В этом плюс для друзей мира. Их сила в том, что их деятельность против войны опирается на волю широких народных масс. Во всем мире нет народа, который хотел бы войны. Что касается врагов мира, то они вынуждены работать тайно. В этом минус врагов мира. Впрочем, не исключено, что именно в силу этого они могут решиться на военную авантюру, как на акт отчаяния.

Одним из новейших успехов дела друзей мира является ратификация франко-советского пакта о взаимной помощи французской палатой депутатов. Этот пакт является известной преградой для врагов мира.

Говард: Если вспыхнет война, то в какой части света она может раз-

разиться раньше? Где грозовые тучи войны больше всего сгустились — на Востоке или на Западе?

Сталин: Имеются, по-моему, два очага военной опасности. Первый очаг находится на Дальнем Востоке, в зоне Японии. Я имею в виду неоднократные заявления японских военных с угрозами по адресу других государств. Второй очаг находится в зоне Германии. Трудно сказать, какой очаг является наиболее угрожающим, но оба они существуют и действуют. По сравнению с этими двумя основными очагами военной опасности итало-абиссинская война является эпизодом. Пока наибольшую активность проявляет дальневосточный очаг опасности. Возможно, однако, что центр этой опасности переместится в Европу. Об этом говорит хотя бы недавнее интервью г. Гитлера, данное им одной французской газете. В этом интервью Гитлер как будто пытается говорить миролюбивые вещи, но это свое «миролюбие» он так густо пересыпает угрозами по отношению к Франции и Советскому Союзу, что от «миролюбия» ничего не остается. Как видите, даже тогда, когда г. Гитлер хочет говорить о мире, он не может обойтись без угроз. Это симптом.

Говард: В чем, по Вашему, заключается основная причина современной военной опасности?

Сталин: В капитализме.

Говард: В каких именно проявлениях капитализма?

Сталин: В его империалистических захватнических проявлениях. Вы помните, как возникла первая мировая война. Она возникла из-за желания переделывать мир. Сейчас та же подоплека. Имеются капиталистические государства, которые считают себя обделенными при предыдущем переделе сфер влияния, территорий, источников сырья, рынков и т. д. и которые хотели бы снова переделить их в свою пользу. Капитализм в его империалистической фазе — такая система, которая считает войну законным методом разрешения международных противоречий, методом законным если не юридически, то по существу.

Говард: Не считаете ли Вы, что и в капиталистических странах может существовать обоснованное опасение, как бы Советский Союз не решил силой навязать свои политические теории другим народам?

Сталин: Для подобных опасений нет никаких оснований. Если Вы думаете, что советские люди хотят сами, да еще силой, изменить лицо окружающих государств, то Вы жестоко заблуждаетесь. Советские люди, конечно, хотят, чтобы лицо окружающих государств изменилось, но это дело самих окружающих государств. Я не вижу, какую опасность могут видеть в идеях советских людей окружающие государства, если эти государства действительно крепко сидят в седле.

Говард: Означает ли это Ваше заявление, что Советский Союз в какой-либо мере оставил свои планы и намерения произвести мировую революцию?

Сталин: Таких планов и намерений у нас никогда не было.

Говард: Мне кажется, мистер Сталин, что во всем мире в течение долгого времени создавалось иное впечатление.

Сталин: Это я считаю плодом недоразумения.

Говард: Трагическим недоразумением?

Сталин: Нет, комическим. Или, пожалуй, трагикомическим.

Видите ли, мы, марксисты, считаем, что революция произойдет и в других странах. Но произойдет она только тогда, когда это найдут возможным или нужным революционеры этих стран. Экспорт революции — это чепуха. Каждая страна, если она этого захочет, сама произведет свою революцию, а ежели не захочет, то революции не будет. Вот, например, наша страна захотела произвести революцию и произвела ее, и теперь мы строим новое бесклассовое общество. Но утверждать, будто мы хотим произвести революцию в других странах, вмешиваясь в их жизнь, это значит говорить то, чего нет и чего мы никогда не проповедывали.

Говард: В момент установления дипломатических отношений между СССР и США президент Рузвельт и г-н Литвинов обменялись тождественными ногами по вопросу о пропаганде. В п. 4-ом письма г. Литвинова президенту Рузвельту говорилось, что советское правительство обязуется «не допускать образования или пребывания на своей территории каких-либо организаций или групп и принимать на своей территории предупредительные меры против деятельности каких-либо организаций или групп или представителей, или должностных лиц каких-либо организаций или групп в отношении Соединенных Штатов в целом, или какой-либо их части, их территории или владений, имеющих целью свержение или подготовку свержения или изменение силой политического или социального строя». Я прошу Вас, мистер Сталин, объяснить мне, почему г-н Литвинов подписал это письмо, если выполнение обязательств по этому пункту несовместимо с желаниями Советского Союза или вне его власти?

Сталин: Выполнение обязательств по пункту, который Вы процитировали, — в нашей власти, мы эти обязательства выполняли и будем выполнять.

По нашей конституции политические эмигранты имеют право проживать на нашей территории. Мы им предоставляем право убежища точно так же, как и США дают право убежища политическим эмигрантам. Совершенно очевидно, что когда Литвинов подписывал это письмо, он исходил из того, что содержащиеся в нем обязательства имеют обоюдный характер. Считаете ли Вы, мистер Говард, противоречащим соглашению Рузвельт—Литвинов, если на территории США находятся русские белогвардейские эмигранты, ведущие пропаганду против Советов и в пользу капитализма, пользующиеся материальной поддержкой американских граждан и иногда представляющие собой группы террористов? Очевидно, эти эмигранты пользуются имеющимся и в США правом убежища. Что касается нас, то мы никогда не потеряли бы на своей территории ни одного террориста, против кого бы он ни замыслил свои преступления. Повидимому, в США право убежища толкуется более расширительно, чем в нашей стране. Что же, мы не в претензии.

Вы мне, быть может, возразите, что мы сочувствуем этим политическим эмигрантам, прибывающим на нашу территорию. Но разве нет американских граждан, сочувствующих белогвардейским эмигрантам, которые ведут пропаганду за капитализм и против Советов? Стало быть о чем же речь?

Речь идет о том, чтобы не помогать этим лицам, не финансировать их деятельность. Речь идет о том, чтобы должностные лица обеих стран не вмешивались во внутреннюю жизнь другой страны. Наши должностные лица честно выполняют это обязательство. Если кто-нибудь из них провинился, пусть нам скажут.

Если зайти слишком далеко и потребовать высылки всех белогвардейских эмигрантов из США, то это было бы посягательством на право убежища, провозглашенное и в США и в СССР. Тут надо признать известный разумный предел для требований и контр-требований. Литвинов подписал свое письмо президенту Рузвельту не в качестве частного лица, а в качестве представителя государства, точно так же, как это сделал и президент Рузвельт. Их соглашение является соглашением между двумя государствами. Подписывая это соглашение, и Литвинов и президент Рузвельт, как представители двух государств, имели в виду деятельность агентов своего государства, которые не должны и не будут вмешиваться во внутренние дела другой стороны. Провозглашенное в обеих странах право убежища не могло быть затронуто этим соглашением. В этих рамках надо толковать соглашение Рузвельт—Литвинов, как соглашение представителей двух государств.

Говард: Но разве американские делегаты Броудер и Дарси не призывали на VII Конгрессе Коммунистического Интернационала, состоявшемся в прошлом году в Москве, к насильственному ниспровержению американского правительства?

Сталин: Признаюсь, что не помню речей т.т. Броудера и Дарси, не помню даже, о чем они говорили. Возможно, что они говорили что-нибудь в этом роде. Но не советские люди создавали американскую коммунистическую партию. Она создана американцами. Она существует в США легально, она выставляет своих кандидатов на выборах, включая и президентские. Если т.т. Броудер и Дарси выступили однажды в Москве с речью, то у себя дома в США они выступали с подобными и даже наверняка более решительными речами сотни раз. Ведь американские коммунисты имеют возможность свободно проповедывать свои идеи. Совершенно неправильно было бы считать советское правительство ответственным за деятельность американских коммунистов.

Говард: Да, но на этот раз речь идет о деятельности американских коммунистов, имевшей место на советской территории, в нарушение п. 4 соглашения Рузвельт—Литвинов.

Сталин: Что представляет собой деятельность коммунистической партии, в чем она может проявляться? Деятельность эта заключается обычно в организации рабочих масс, в организации митингов, демонстраций, забастовок и т. д. Совершенно понятно, что всего этого американские коммунисты не могут проделать на советской территории. У нас в СССР нет американских рабочих.

Говард: Могу ли я понять Ваше заявление так, что может быть найдено такое истолкование взаимных обязательств, при котором добрые отношения между нашими странами были бы ограждены и продолжены?

Сталин: Да, безусловно.

Говард: Вы признаете, что коммунистическое общество в СССР еще не построено. Построен государственный социализм. Фашизм в Италии и национал-социализм в Германии утверждают, что ими достигнуты сходные результаты. Не является ли общей чертой для всех названных государств нарушение свободы личности и другие лишения в интересах государства?

Сталин: Выражение «государственный социализм» неточное. Под этим термином многие понимают такой порядок, при котором известная часть богатств, иногда довольно значительная, переходит в руки государства или под его контроль, между тем как в огромном большинстве случаев собственность на заводы, фабрики, землю остается в руках частных лиц. Так многие понимают «государственный социализм». Иногда за этим термином скрывается порядок, при котором капиталистическое государство, в интересах подготовки или ведения войны, берет на свое содержание некоторое количество частных предприятий. Общество, которое мы построили, никак не может быть названо «государственным социализмом». Наше советское общество является социалистическим, потому что частная собственность на фабрики, заводы, землю, банки, транспортные средства у нас отменена и заменена собственностью общественной. Та общественная организация, которую мы создали, может быть названа организацией советской, социалистической, еще не вполне достроенной, но в корне своем социалистической организацией общества. Основой этого общества является общественная собственность: государственная, т. е. всенародная, а также кооперативно-колхозная собственность. Ни итальянский фашизм, ни германский национал-«социализм» ничего общего с таким обществом не имеют. Прежде всего, потому, что частная собственность на фабрики и заводы, на землю, банки, транспорт и т. д. осталась там нетронутой и поэтому капитализм остается в Германии и Италии во всей силе.

Да, Вы правы, мы еще не построили коммунистического общества. Построить такое общество не так-то легко. Разница между обществом социалистическим и коммунистическим Вам наверное известна. В социалистическом обществе еще имеется некоторое имущественное неравенство. Но в социалистическом обществе уже нет безработицы, уже нет эксплуатации, уже нет угнетения национальностей. В социалистическом обществе каждый обязан трудиться, хотя и получает за свой труд еще не сообразно своим потребностям, а сообразно количеству и качеству вложенного труда. Поэтому еще существует заработная плата, притом неравная, дифференцированная. Только тогда, когда удастся создать такой порядок, при котором люди получают от общества за свой труд не по количеству и качеству труда, а сообразно их потребностям, можно будет сказать, что мы построили коммунистическое общество.

Вы говорите о том, что для того, чтобы построить наше социалистическое общество, мы пожертвовали личной свободой и терпели лишения. В Вашем вопросе сквозит мысль, что социалистическое общество отрицает личную свободу. Это неверно. Конечно, для того, чтобы построить

что-нибудь новое, приходится нагонять экономию, накапливать средства, сокращать временно свои потребности, занимать у других. Если хочешь построить новый дом, то копишь деньги, временно урезаешь свои потребности, иначе дома можешь и не построить. Это подавно справедливо, когда речь идет о том, чтобы построить целое новое человеческое общество. Приходилось временно урезать некоторые потребности, накапливать соответствующие средства, напрягать силы. Мы так именно и поступили и построили социалистическое общество.

Но это общество мы построили не для ущемления личной свободы, а для того, чтобы человеческая личность чувствовала себя действительно свободной. Мы построили его ради действительной личной свободы, свободы без кавычек. Мне трудно представить себе, какая может быть «личная свобода» у безработного, который ходит голодным и не находит применения своего труда. Настоящая свобода имеется только там, где уничтожена эксплуатация, где нет угнетения одних людей другими, где нет безработицы и нищенства, где человек не дрожит за то, что завтра может потерять работу, жилище, хлеб. Только в таком обществе возможна настоящая, а не бумажная, личная и всякая другая свобода.

Говард: Считаете ли Вы совместимым параллельное развитие американской демократии и советской системы?

Сталин: Американская демократия и советская система могут мирно сосуществовать и соревноваться. Но одна не может развиваться в другую. Советская система не перерастет в американскую демократию и наоборот. Мы можем мирно сосуществовать, если не будем придирается друг к другу по всяким мелочам.

Говард: В СССР разрабатывается новая конституция, предусматривающая новую избирательную систему. В какой мере эта новая система может изменить положение в СССР, поскольку на выборах по-прежнему будет выступать только одна партия?

Сталин: Мы примем нашу новую конституцию должно быть в конце этого года. Комиссия по выработке конституции работает и должна будет скоро свою работу закончить. Как уже было объявлено, по новой конституции выборы будут всеобщими, равными, прямыми и тайными. Вас смущает, что на этих выборах будет выступать только одна партия. Вы не видите, какая может быть в этих условиях избирательная борьба. Очевидно, избирательные списки на выборах будет выставлять не только коммунистическая партия, но и всевозможные общественные беспартийные организации. А таких у нас сотни. У нас нет противопоставляющих себя друг другу партий, точно так же как у нас нет противостоящих друг другу класса капиталистов и класса эксплуатируемых капиталистами рабочих. Наше общество состоит исключительно из свободных тружеников города и деревни — рабочих, крестьян, интеллигенции. Каждая из этих прослоек может иметь свои специальные интересы и отражать их через имеющиеся многочисленные общественные организации. Но коль скоро нет классов, коль скоро грани между классами стираются, коль скоро остается лишь некоторая, но не коренная разница между различными прослойками со-

циалистического общества, не может быть питательной почвы для создания борющихся между собой партий. Где нет нескольких классов, не может быть нескольких партий, ибо партия есть часть класса.

При национал-«социализме» также существует только одна партия. Но из этой фашистской однопартийной системы ничего не выйдет. Дело в том, что в Германии остался капитализм, остались классы, классовая борьба, которая все равно прорвется наружу, в том числе и в области борьбы партий, представляющих противоположные классы, так же, как прорвалась, скажем, в Испании. В Италии также существует только одна — фашистская — партия, но по тем же причинам и там из этого ничего не выйдет.

Почему наши выборы будут всеобщими? Потому, что все граждане, за исключением лишенных избирательных прав по суду, будут иметь право избирать и быть избранными.

Почему наши выборы будут равными? Потому, что ни различие в имущественном отношении (еще частично существующее), ни расовая и национальная принадлежность не будут давать никаких привилегий или ущерба. Женщины будут пользоваться активным и пассивным избирательным правом на равных правах с мужчинами. Наши выборы будут подлинно равными.

Почему тайные? А потому, что мы хотим дать советским людям полную свободу голосовать за тех, кого они хотят избрать, кому они доверяют обеспечение своих интересов.

Почему прямые? Потому, что непосредственные выборы на местах во все представительные учреждения, вплоть до верховных органов, лучше обеспечивают интересы трудящихся нашей необъятной страны. Вам кажется, что не будет избирательной борьбы. Но она будет, и я предвижу весьма оживленную избирательную борьбу. У нас не мало учреждений, которые работают плохо. Бывает, что тот или иной местный орган власти не умеет удовлетворить те или иные из многосторонних и все возрастающих потребностей трудящихся города и деревни. Построил ли ты или не построил хорошую школу? Улучшил ли ты жилищные условия? Не бюрократ ли ты? Помог ли ты сделать наш труд более эффективным, нашу жизнь более культурной? Таковы будут критерии, с которыми миллионы избирателей будут подходить к кандидатам, отбрасывая негодных, вычеркивая их из списков, выдвигая лучших и выставляя их кандидатуры. Да, избирательная борьба будет оживленной, она будет протекать вокруг множества острейших вопросов, — главным образом вопросов практических, имеющих первостепенное значение для народа. Наша новая избирательная система подтянет все учреждения и организации, заставит их улучшить свою работу. Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти. Наша новая советская конституция будет, по-моему, самой демократической конституцией из всех существующих в мире.

Записал: *К. Уманский.*

«Беседа товарища Сталина с председателем американского
газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюспейперс»
г-ном Рой Говардом», Партиздат, 1936 г.

**И. Сталин. МАДРИД. ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ИСПАНИИ.
ТОВАРИЩУ ХОЗЕ ДИАС**

Трудящиеся Советского Союза выполняют лишь свой долг, оказывая посильную помощь революционным массам Испании. Они отдают себе отчет, что освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а — общее дело всего передового и прогрессивного человечества.

Братский привет!

И. Сталин.

«Правда» от 16 октября 1936 г.

**И. Сталин. О ПРОЕКТЕ КОНСТИТУЦИИ СОЮЗА ССР.
Докладна Чрезвычайном VIII Всесоюзном, Съезде Советов.
25 ноября 1936г.**

Появление тов. СТАЛИНА на трибуне встречается продолжительной, бурной овацией всего зала. Весь зал встает. Со всех сторон несутся крики: «Ура тов. СТАЛИНУ!», «Да здравствует тов. СТАЛИН!», «Да здравствует Великий СТАЛИН!», «Великому гению тов. СТАЛИНУ ура!», «Виват!», «Рот фронт!», «Тов. СТАЛИНУ слава!»

I. Образование Конституционной Комиссии и ее задачи

Товарищи!

Конституционная Комиссия, проект которой представлен на рассмотрение настоящего Съезда, была образована, как известно, по специальному постановлению VII Съезда Советов Союза ССР. Постановление это было принято 6 февраля 1935 года. Оно гласит:

«1. Внести в Конституцию Союза ССР изменения в направлении:

а) дальнейшей демократизации избирательной системы в смысле замены не вполне равных выборов равными, многостепенных — прямыми, открытых — закрытыми;

б) уточнения социально-экономической основы Конституции в смысле приведения Конституции в соответствие с нынешним соотношением классовых сил в СССР (создание новой социалистической индустрии, разгром кулачества, победа колхозного строя, утверждение социалистической собственности, как основы советского общества и т. п.).

2. Предложить Центральному Исполнительному Комитету Союза ССР избрать Конституционную Комиссию, которой поручить выработать исправленный текст Конституции на указанных в пункте первом основах и внести его на утверждение Сессии ЦИК Союза ССР.

3. Ближайшие очередные выборы органов советской власти в Союзе ССР провести на основе новой избирательной системы».

Это было 6 февраля 1935 года. Через день после принятия этого постановления, т. е. 7 февраля 1935 года, собралась Первая Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР и, во исполнение постановления VII Съезда Советов СССР, образовала Конституционную Комиссию в количестве 31 человека. Она поручила Конституционной Комиссии выработать проект исправленной Конституции СССР.

Таковы формальные основания и директивы верховного органа СССР, на базе которых должна была развернуть свою работу Конституционная Комиссия.

Таким образом Конституционная Комиссия должна была внести изменения в ныне действующую Конституцию, принятую в 1924 году, учтя при этом те сдвиги в жизни Союза ССР в сторону социализма, которые были осуществлены за период от 1924 года до наших дней.

II. Изменения в жизни СССР за период от 1924 года до 1936 года

Каковы те изменения в жизни СССР, которые осуществились за период от 1924 года до 1936 года и которые должна была отразить Конституционная Комиссия в своем проекте Конституции?

В чем существо этих изменений?

Что имели мы в 1924 году?

Это был первый период НЭП'а, когда Советская власть допустила некоторое оживление капитализма при всемерном развитии социализма, когда она рассчитывала на то, чтобы в ходе соревнования двух систем хозяйства, капиталистической и социалистической, организовать перевес социалистической системы над капиталистической. Задача состояла в том, чтобы в ходе этого соревнования укрепить позиции социализма, добиться ликвидации капиталистических элементов и завершить победу социалистической системы, как основной системы народного хозяйства.

Наша промышленность представляла тогда незавидную картину, особенно тяжелая промышленность. Правда, она восстанавливалась понемногу, но далеко еще не довела своей продукции до довоенного уровня. Она базировалась на старой отсталой и небогатой технике. Конечно, она развивалась в сторону социализма. Удельный вес социалистического сектора нашей промышленности составлял тогда около 80 процентов. Но сектор капитализма имел все же за собой не менее 20 процентов промышленности.

Наше сельское хозяйство представляло еще более неприглядную картину. Правда, класс помещиков был уже ликвидирован, но зато класс сельскохозяйственных капиталистов, класс кулаков, представлял еще довольно значительную силу. В целом сельское хозяйство напоминало тогда необъятный океан мелких единоличных крестьянских хозяйств с их отсталой

средневековой техникой. В этом океане в виде отдельных точек и островов существовали колхозы и совхозы, которые не имели еще, собственно говоря, сколько-нибудь серьезного значения в нашем народном хозяйстве. Колхозы и совхозы были слабы, а кулак был еще в силе. Мы говорили тогда не о ликвидации кулачества, а об его ограничении.

То же самое надо сказать насчет товарооборота в стране. Социалистический сектор в товарообороте составлял каких-нибудь 50—60 процентов,— не больше, а все остальное поле было занято купцами, спекулянтами и прочими частниками.

Такова была картина нашей экономики в 1924 году.

Что мы имеем теперь, в 1936 году?

Если мы имели тогда первый период НЭП'а, начало НЭП'а, период некоторого оживления капитализма, то мы имеем теперь последний период НЭП'а, конец НЭП'а, период полной ликвидации капитализма во всех сферах народного хозяйства.

Начать хотя бы с того, что наша промышленность выросла за этот период в гигантскую силу. Теперь уже нельзя назвать ее слабой и технически плохо оснащенной. Наоборот, она базируется теперь на новой, богатой современной технике с сильно развитой тяжелой индустрией и еще более развитым машиностроением. Самое же главное в том, что капитализм изгнан вовсе из сферы нашей промышленности, а социалистическая форма производства является теперь безраздельно господствующей системой в области нашей промышленности. Нельзя считать мелочью тот факт, что наша нынешняя социалистическая индустрия с точки зрения объема продукции превосходит индустрию довоенного времени более чем в семь раз.

В области сельского хозяйства вместо океана мелких единоличных крестьянских хозяйств с их слабой техникой и засилием кулака мы имеем теперь самое крупное в мире механизированное, вооруженное новой техникой производство в виде всеобъемлющей системы колхозов и совхозов. Всем известно, что кулачество в сельском хозяйстве ликвидировано, а сектор мелких единоличных крестьянских хозяйств с его отсталой средневековой техникой занимает теперь незначительное место, причем удельный вес его в сельском хозяйстве в смысле размера посевных площадей составляет не более 2—3 процентов. Нельзя не отметить тот факт, что колхозы имеют сейчас в своем распоряжении 316 тысяч тракторов мощностью в 5 миллионов 700 тысяч лошадиных сил, а вместе с совхозами имеют свыше 400 тысяч тракторов мощностью в 7 миллионов 580 тысяч лошадиных сил.

Что касается товарооборота в стране, то купцы и спекулянты изгнаны вовсе из этой области. Весь товарооборот находится теперь в руках государства, кооперации и колхозов. Народилась и развилась новая, советская торговля, торговля без спекулянтов, торговля без капиталистов.

Таким образом полная победа социалистической системы во всех сферах народного хозяйства является теперь фактом.

А что это значит?

Это значит, что эксплуатация человека человеком уничтожена, ликвидирована, а социалистическая собственность на орудия и средства про-

изводства утверждена, как незыблемая основа нашего советского общества.
(Продолжительные аплодисменты.)

В результате всех этих изменений в области народного хозяйства СССР мы имеем теперь новую, социалистическую экономику, не знающую кризисов и безработицы, не знающую нищеты и разорения и дающую гражданам все возможности для зажиточной и культурной жизни.

Таковы в основном изменения, происшедшие в области нашей *экономики* за период от 1924 года до 1936 года.

Сообразно с этими изменениями в области экономики СССР изменилась и *классовая структура* нашего общества.

Класс помещиков, как известно, был уже ликвидирован в результате победоносного окончания гражданской войны. Что касается других эксплуататорских классов, то они разделили судьбу класса помещиков. Не стало класса капиталистов в области промышленности. Не стало класса кулаков в области сельского хозяйства. Не стало купцов и спекулянтов в области товарооборота. Все эксплуататорские классы оказались, таким образом, ликвидированными.

Остался рабочий класс.

Остался класс крестьян.

Осталась интеллигенция.

Но было бы ошибочно думать, что эти социальные группы не претерпели за это время никаких изменений, что они остались такими же, какими они были, скажем, в период капитализма.

Взять, например, рабочий класс СССР. Его часто называют по старой памяти пролетариатом. Но что такое пролетариат? Пролетариат есть класс, лишенный орудий и средств производства при системе хозяйства, когда орудия и средства производства принадлежат капиталистам и когда класс капиталистов эксплуатирует пролетариат. Пролетариат — это класс, эксплуатируемый капиталистами. Но у нас класс капиталистов, как известно, уже ликвидирован, орудия и средства производства отобраны у капиталистов и переданы государству, руководящей силой которого является рабочий класс. Стало быть, нет больше класса капиталистов, который мог бы эксплуатировать рабочий класс. Стало быть, наш рабочий класс не только не лишен орудий и средств производства, а наоборот, он ими владеет совместно со всем народом. А раз он ими владеет, а класс капиталистов ликвидирован, — исключена всякая возможность эксплуатации рабочего класса. Можно ли после этого назвать наш рабочий класс пролетариатом? Ясно, что нельзя. Маркс говорил: для того, чтобы пролетариат освободил себя, он должен разгромить класс капиталистов, отобрать у капиталистов орудия и средства производства и уничтожить те условия производства, которые порождают пролетариат. Можно ли сказать, что рабочий класс СССР уже осуществил эти условия своего освобождения? Безусловно можно и должно. А что это значит? Это значит, что пролетариат СССР превратился в совершенно новый класс, в рабочий класс СССР, уничтоживший капиталистическую систему хозяйства, утвердивший социалистическую собственность на орудия и средства производства и направляющий советское общество по пути коммунизма.

Как видите, рабочий класс СССР это — совершенно новый, освобожденный от эксплуатации, рабочий класс, подобного которому не знала еще история человечества.

Перейдем к вопросу о крестьянстве. Обычно принято говорить, что крестьянство — это такой класс мелких производителей, члены которого атомизированы, разбросаны по лицу всей страны, копаются в одиночку в своих мелких хозяйствах с их отсталой техникой, являются рабами частной собственности и безнаказанно эксплуатируются помещиками, кулаками, купцами, спекулянтами, ростовщиками и т. п. И действительно, крестьянство в капиталистических странах, если иметь в виду его основную массу, является таким именно классом. Можно ли сказать, что наше современное крестьянство, советское крестьянство, в своей массе похоже на подобное крестьянство? Нет, нельзя этого сказать. Такого крестьянства у нас уже нет. Наше советское крестьянство является совершенно новым крестьянством. У нас нет больше помещиков и кулаков, купцов и ростовщиков, которые могли бы эксплуатировать крестьян. Стало быть, наше крестьянство есть освобожденное от эксплуатации крестьянство. Далее, наше советское крестьянство в своем подавляющем большинстве есть колхозное крестьянство, т. е. оно базирует свою работу и свое достояние не на единоличном труде и отсталой технике, а на коллективном труде и современной технике. Наконец, в основе хозяйства нашего крестьянства лежит не частная собственность, а коллективная собственность, выросшая на базе коллективного труда.

Как видите, советское крестьянство — это совершенно новое крестьянство, подобного которому еще не знала история человечества.

Перейдем, наконец, к вопросу об интеллигенции, к вопросу об инженерно-технических работниках, о работниках культурного фронта, о служащих вообще и т. п. Она также претерпела большие изменения за истекший период. Это уже не та старая заскорузлая интеллигенция, которая пыталась ставить себя над классами, а на самом деле служила в своей массе помещикам и капиталистам. Наша советская интеллигенция это — совершенно новая интеллигенция, связанная всеми корнями с рабочим классом и крестьянством. Изменился, во-первых, состав интеллигенции. Выходцы из дворянства и буржуазии составляют небольшой процент нашей советской интеллигенции. 80—90 процентов советской интеллигенции — это выходцы из рабочего класса, крестьянства и других слоев трудящихся. Изменился, наконец, и самый характер деятельности интеллигенции. Раньше она должна была служить богатым классам, ибо у нее не было другого выхода. Теперь она должна служить народу, ибо не стало больше эксплуататорских классов. И именно поэтому она является теперь равноправным членом советского общества, где она вместе с рабочими и крестьянами, в одной упряжке с ними, ведет стройку нового бесклассового социалистического общества.

Как видите, это совершенно новая, трудовая интеллигенция, подобной которой не найдете ни в одной стране земного шара.

Таковы изменения, происшедшие за истекшее время в области классовой структуры советского общества.

О чем говорят эти изменения?

Они говорят, во-первых, о том, что грани между рабочим классом и крестьянством, равно как между этими классами и интеллигенцией — стираются, а старая классовая исключительность — исчезает. Это значит, что расстояние между этими социальными группами все более и более сокращается.

Они говорят, во-вторых, о том, что экономические противоречия между этими социальными группами падают, стираются.

Они говорят, наконец, о том, что падают и стираются также политические противоречия между ними.

Так обстоит дело с изменениями в области *классовой структуры СССР*.

Картина изменений в общественной жизни СССР была бы не полкой, если бы не сказать несколько слов об изменениях еще в одной области. Я имею в виду область *национальных* взаимоотношений в СССР. В Советский Союз входят, как известно, около 60 наций, национальных групп и народностей. Советское государство есть государство многонациональное. Понятно, что вопрос о взаимоотношениях между народами СССР не может не иметь для нас первостепенного значения.

Союз Советских Социалистических Республик образовался, как известно, в 1922 году на Первом Съезде Советов СССР. Образовался он на началах равенства и добровольности народов СССР. Ныне действующая Конституция, принятая в 1924 году, есть первая Конституция Союза ССР. Это был период, когда отношения между народами не были еще как следует налажены, когда пережитки недоверия к великороссам еще не исчезли, когда центробежные силы все еще продолжали действовать. Нужно было наладить в этих условиях братское сотрудничество народов на базе экономической, политической и военной взаимопомощи, объединив их в одно союзное многонациональное государство. Советская власть не могла не видеть трудностей этого дела. Она имела перед собой неудачные опыты многонациональных государств в буржуазных странах. Она имела перед собой провалившийся опыт старой Австро-Венгрии. И все же она пошла на опыт создания многонационального государства, ибо она знала, что многонациональное государство, возникшее на базе социализма, должно выдержать все и всякие испытания.

С тех пор прошло 14 лет. Период достаточный для того, чтобы проверить опыт. И что же? Истекший период с несомненностью показал, что опыт образования многонационального государства, созданного на базе социализма, удался полностью. Это есть несомненная победа ленинской национальной политики. *(Продолжительные аплодисменты.)*

Чем объяснить эту победу?

Отсутствие эксплуататорских классов, являющихся основными организаторами междунациональной драки; отсутствие эксплуатации, культивирующей взаимное недоверие и разжигающей националистические страсти; наличие у власти рабочего класса, являющегося врагом всякого порабощения и верным носителем идей интернационализма; фактическое осуществление взаимной помощи народов во всех областях хозяйственной и общественной жизни; наконец, расцвет национальной культуры народов СССР, национальной по форме, социалистической по содержанию, — все эти и подобные им факторы привели к тому, что изменился в корне облик

народов СССР, исчезло в них чувство взаимного недоверия, развилось в них чувство взаимной дружбы и наладилось, таким образом, настоящее братское сотрудничество народов в системе единого союзного государства.

В результате мы имеем теперь вполне сложившееся и выдержавшее все испытания многонациональное социалистическое государство, прочности которого могло бы позавидовать любое национальное государство в любой чаше света. (*Бурные аплодисменты.*)

Таковы изменения, происшедшие за истекший период, в области *национальных взаимоотношений* в СССР.

Таков общий итог изменений в области хозяйственной и общественно-политической жизни в СССР, происшедших за период от 1924 года до 1936 года.

III. Основные особенности проекта Конституции

Какое отражение получили все эти изменения в жизни СССР в проекте новой Конституции?

Иначе говоря: каковы основные особенности проекта Конституции, представленного на рассмотрение настоящего Съезда?

Конституционной Комиссии было поручено внести изменения в текст Конституции 1924 года. В результате работы Конституционной Комиссии получился новый текст Конституции, проект новой Конституции СССР. Составляя проект новой Конституции, Конституционная Комиссия исходила из того, что конституция не должна быть смешиваема с программой. Это значит, что между программой и конституцией имеется существенная разница. В то время как программа говорит о том, чего еще нет и что должно быть еще добыто и завоевано в будущем, конституция, наоборот, должна говорить о том, что уже есть, что уже добыто и завоевано теперь, в настоящем. Программа касается главным образом будущего, конституция настоящего.

Два примера для иллюстрации.

Наше советское общество добилось того, что оно уже осуществило в основном социализм, создало социалистический строй, т. е. осуществило то, что у марксистов называется иначе первой или низшей фазой коммунизма. Значит, у нас уже осуществлена в основном первая фаза коммунизма, социализм. (*Продолжительные аплодисменты.*) Основным принципом этой фазы коммунизма является, как известно, формула: «от каждого по его способностям, каждому по его труду». Должна ли наша Конституция отразить этот факт, факт завоевания социализма? Должна ли она базироваться на этом завоевании? Безусловно должна. Должна, так как социализм для СССР есть то, что уже добыто и завоевано.

Но советское общество еще не добилось осуществления высшей фазы коммунизма, где господствующим принципом будет формула: «от каждого по его способностям, каждому по его потребностям», хотя оно и ставит себе целью добиться в будущем осуществления высшей фазы коммунизма. Может ли наша Конституция базироваться на высшей фазе коммунизма, которой еще нет и которая должна быть еще завоевана? Нет, не может, так как

высшая фаза коммунизма есть для СССР то, что еще не осуществлено и что должно быть осуществлено в будущем. Не может, если она не хочет превратиться в программу или декларацию о будущих завоеваниях.

Таковы рамки нашей Конституции в данный исторический момент.

Таким образом проект новой Конституции представляет собой итог пройденного пути, итог уже добытых завоеваний. Он является, стало быть, регистрацией и законодательным закреплением того, что уже добыто и завоевано на деле. (*Бурные аплодисменты.*)

В этом первая особенность проекта новой Конституции СССР.

Далее. Конституции буржуазных стран исходят обычно из убеждения о незыблемости капиталистического строя. Главную основу этих конституций составляют принципы капитализма, его основные устои: частная собственность на землю, леса, фабрики, заводы и прочие орудия и средства производства; эксплуатация человека человеком и наличие эксплуататоров и эксплуатируемых; необеспеченность трудящегося большинства на одном полюсе общества и роскошь нетрудящегося, но обеспеченного, меньшинства на другом полюсе; и т. д. и т. п. Они опираются на эти и подобные им устои капитализма. Они их отражают, они их закрепляют в законодательном порядке.

В отличие от них проект новой Конституции СССР исходит из факта ликвидации капиталистического строя, из факта победы социалистического строя в СССР. Главную основу проекта новой Конституции СССР составляют принципы социализма, его основные устои, уже завоеванные и осуществленные: социалистическая собственность на землю, леса, фабрики, заводы и прочие орудия и средства производства; ликвидация эксплуатации и эксплуататорских классов; ликвидация нищеты большинства и роскоши меньшинства; ликвидация безработицы; труд, как обязанность и долг чести каждого работоспособного гражданина по формуле: «кто не работает, тот не ест». Право на труд, т. е. право каждого гражданина на получение гарантированной работы; право на отдых; право на образование; и т. д. и т. п. Проект новой Конституции опирается на эти и подобные им устои социализма. Он их отражает, он их закрепляет в законодательном порядке.

Такова вторая особенность проекта новой Конституции.

Дальше. Буржуазные конституции молчаливо исходят из предпосылки о том, что общество состоит из антагонистических классов, из классов, владеющих богатством, и классов, не владеющих им, что какая бы партия ни пришла к власти, государственное руководство обществом (диктатура) должно принадлежать буржуазии, что конституция нужна для того, чтобы закрепить общественные порядки, удобные и выгодные имущим классам.

В отличие от буржуазных конституций проект новой Конституции СССР исходит из того, что в обществе нет уже больше антагонистических классов, что общество состоит из двух дружественных друг другу классов, из рабочих и крестьян, что у власти стоят эти именно трудящиеся классы, что государственное руководство обществом (диктатура) принадлежит рабочему классу, как передовому классу общества, что конституция нужна для того, чтобы закрепить общественные порядки, удобные и выгодные трудящимся.

Такова третья особенность проекта новой Конституции.

Дальше. Буржуазные конституции молчаливо исходят из предпосылки о том, что нации и расы не могут быть равноправными, что есть нации полноправные и есть нации неполноправные, что кроме того существует еще третья категория наций или рас, например, в колониях, у которых имеется еще меньше прав, чем у неполноправных наций. Это значит, что все эти конституции в основе своей являются националистическими, т. е. конституциями господствующих наций.

В отличие от этих конституций проект новой Конституции СССР, наоборот, — глубоко интернационален. Он исходит из того, что все нации и расы равноправны. Он исходит из того, что разница в цвете кожи или в языке, культурном уровне или уровне государственного развития, равно как другая какая-либо разница между нациями и расами — не может служить основанием для того, чтобы оправдать национальное неравенство. Он исходит из того, что все нации и расы, независимо от их прошлого и настоящего положения, независимо от их силы или слабости, — должны пользоваться одинаковыми правами во всех сферах хозяйственной, общественной, государственной и культурной жизни общества.

Такова четвертая особенность проекта новой Конституции.

Пятую особенность проекта новой Конституции составляет его последовательный и до конца выдержанный демократизм. С точки зрения демократизма буржуазные конституции можно разбить на две группы: одна группа конституций прямо отрицает или сводит фактически на нет равенство прав граждан и демократические свободы. Другая группа конституций охотно приемлет и даже афиширует демократические начала, но делает при этом такие оговорки и ограничения, что демократические права и свободы оказываются совершенно изуродованными. Они говорят о равных избирательных правах для всех граждан, но тут же ограничивают их оседлостью и образовательным и даже имущественным цензом. Они говорят о равных правах граждан, но тут же оговариваются, что это не касается женщин, или касается их частично. И т. д. и т. п.

Особенность проекта новой Конституции СССР состоит в том, что он свободен от подобных оговорок и ограничений. Для него не существует активных или пассивных граждан, для него все граждане активны. Он не признает разницы в правах между мужчинами и женщинами, «оседлыми» и «неоседлыми», имущими и неимущими, образованными и необразованными. Для него все граждане равны в своих правах. Не имущественное положение, не национальное происхождение, не пол, не служебное положение, а личные способности и личный труд каждого гражданина определяют его положение в обществе.

Наконец, еще одна особенность проекта новой Конституции. Буржуазные конституции обычно ограничиваются фиксированием формальных прав граждан, не заботясь об условиях осуществления этих прав, о возможности их осуществления, о средствах их осуществления. Говорят о равенстве граждан, но забывают, что не может быть действительного равенства между хозяином и рабочим, между помещиком и крестьянином, если у первых имеется богатство и политический вес в обществе, а вторые лишены и того

и другого, если первые являются эксплуататорами, а вторые эксплуатируемыми. Или еще: говорят о свободе слова, собраний и печати, но забывают, что все эти свободы могут превратиться для рабочего класса в звук пустой, если он лишен возможности иметь в своем распоряжении подходящие помещения для собраний, хорошие типографии, достаточное количество печатной бумаги и т. д.

Особенность проекта новой Конституции состоит в том, что он не ограничивается фиксированием формальных прав граждан, а переносит центр тяжести на вопрос о гарантиях этих прав, на вопрос о средствах осуществления этих прав. Он не просто провозглашает равенство прав граждан, но и обеспечивает его законодательным закреплением факта ликвидации режима эксплуатации, факта освобождения граждан от всякой эксплуатации. Он не просто провозглашает право на труд, но и обеспечивает его законодательным закреплением факта отсутствия кризисов в советском обществе, факта уничтожения безработицы. Он не просто провозглашает демократические свободы, но и обеспечивает их в законодательном порядке известными материальными средствами. Понятно поэтому, что демократизм проекта новой Конституции является не «обычным» и «общепризнанным» демократизмом вообще, а демократизмом *социалистическим*.

Таковы основные особенности проекта новой Конституции СССР.

Таково отражение в проекте новой Конституции тех сдвигов и изменений в хозяйственной и общественно-политической жизни СССР, которые осуществились за период от 1924 года до 1936 года.

IV. Буржуазная критика проекта Конституции

Несколько слов о буржуазной критике проекта Конституции.

Вопрос о том, как относится к проекту Конституции иностранная буржуазная печать, представляет бесспорно известный интерес. Поскольку иностранная печать отражает общественное мнение различных слоев населения в буржуазных странах, мы не можем пройти мимо той критики, которую развернула эта печать против проекта Конституции.

Первые признаки реакции иностранной печати на проект Конституции выразились в определенной тенденции — замолчать проект Конституции. Я имею в виду в данном случае наиболее реакционную, фашистскую печать. Эта группа критиков сочла за лучшее просто замолчать проект Конституции, представить дело так, как будто проекта не было и нет его вообще в природе. Могут сказать, что замалчивание не есть критика. Но это неверно. Метод замалчивания, как особый способ игнорирования, является тоже формой критики, правда, глупой и смешной, но все же формой критики. (*Общий смех, аплодисменты.*) Но с методом замалчивания не вышло у них. В конце концов они оказались вынужденными открыть клапан и сообщить миру, что, как это ни печально, проект Конституции СССР все же существует, и не только существует, но и начинает оказывать зловерное воздействие на умы. Да иначе и не могло быть, так как есть все же на свете какое-то общественное мнение, читатели, живые люди, которые хотят знать правду

о фактах, и держать их долго в тисках обмана нет никакой возможности. На обмане далеко не уедешь...

Вторая группа критиков признает, что проект Конституции действительно существует в природе, но она считает, что проект не представляет большого интереса, так как он является по сути дела не проектом конституции, а пустой бумажкой, пустым обещанием, рассчитанным на то, чтобы сделать известный маневр и обмануть людей. Они добавляют при этом, что лучшего проекта и не мог дать СССР, так как сам СССР является не государством, а всего-навсего — географическим понятием (*общий смех*), а раз он не является государством, то и конституция его не может быть действительной конституцией. Типичным представителем этой группы критиков является, как это ни странно, германский официоз «Дейтше Дипломатиш-Политише Корреспонденц». Этот журнал прямо говорит, что проект Конституции СССР является пустым обещанием, обманом, «потемкинской деревней». Он без колебаний заявляет, что СССР не является государством, что СССР «представляет не что иное, как точно определяемое географическое понятие» (*общий смех*), что Конституция СССР не может быть ввиду этого признана действительной конституцией.

Что можно сказать о таких, с позволения сказать, критиках?

В одном из своих сказок-рассказов великий русский писатель Щедрин дает тип бюрократа-самодура, очень ограниченного и тупого, но до крайности самоуверенного и ретивого. После того как этот бюрократ навел во «вверенной» ему области «порядок и тишину», истребив тысячи жителей и спалив десятки городов, он оглянулся кругом и заметил на горизонте Америку, страну, конечно, малоизвестную, где имеются, оказывается, какие-то свободы, смущающие народ, и где государством управляют иными методами. Бюрократ заметил Америку и возмутился: что это за страна, откуда она взялась, на каком таком основании она существует? (*Общий смех, аплодисменты.*) Конечно, ее случайно открыли несколько веков тому назад, но разве нельзя ее снова закрыть, чтоб духу ее не было вовсе? (*Общий смех.*) И сказав это, положил резолюцию: «Закрыть снова Америку!» (*Общий смех.*)

Мне кажется, что господа из «Дейтше Дипломатиш-Политише Корреспонденц» как две капли воды похожи на щедринского бюрократа. (*Общий смех, одобрительные аплодисменты.*) Этим господам СССР давно уже намозоллил глаза. Девятнадцать лет стоит СССР как маяк, заражая духом освобождения рабочий класс всего мира и вызывая бешенство у врагов рабочего класса. И он, этот СССР, оказывается, не только просто существует, но даже растет, и не только растет, но даже преуспевает, и не только преуспевает, но даже сочиняет проект новой Конституции, проект, возбуждающий умы, вселяющий новые надежды угнетенным классам. (*Аплодисменты.*) Как же после этого не возмущаться господам из германского официоза? Что это за страна, вопят они, на каком таком основании она существует (*общий смех*), и если ее открыли в октябре 1917 года, то почему нельзя ее снова закрыть, чтоб духу ее не было вовсе? И сказав это, постановили: закрыть снова СССР, объявить во всеуслышание, что

СССР, как государство, не существует, что СССР есть не что иное, как простое географическое понятие! *(Общий смех.)*

Кладя резолюцию о том, чтобы закрыть снова Америку, щедринский бюрократ, несмотря на всю свою тупость, все же нашел в себе элементы понимания реального, сказав тут же про себя: «Но, кажется, сие от меня не зависит». *(Взрыв веселого смеха, бурные аплодисменты.)* Я не знаю, хватит ли ума у господ из германского официоза догадаться, что «закрыть» на бумаге то или иное государство они, конечно, могут, но если говорить серьезно, то «сие от них не зависит»... *(Взрыв веселого смеха, бурные аплодисменты.)*

Что касается того, что Конституция СССР является будто бы пустым обещанием, «потемкинской деревней» и т. д., то я хотел бы сослаться на ряд установленных фактов, которые сами говорят за себя.

В 1917 году народы СССР свергли буржуазию и установили диктатуру пролетариата, установили Советскую власть. Это факт, а не обещание.

Затем, Советская власть ликвидировала класс помещиков и передала крестьянам более 150 миллионов гектаров бывших помещичьих, казенных и монастырских земель и это — сверх тех земель, которые находились и раньше в руках крестьян. Это факт, а не обещание.

Затем, Советская власть экспроприировала класс капиталистов, отобрала у них банки, заводы, железные дороги и прочие орудия и средства производства, объявила их социалистической собственностью и поставила во главе этих предприятий лучших людей рабочего класса. Это факт, а не обещание. *(Продолжительные аплодисменты.)*

Затем, организовав промышленность и сельское хозяйство на новых, социалистических началах, с новой технической базой, Советская власть добилась того, что ныне земледелие в СССР дает в $1\frac{1}{2}$ раза больше продукции, чем в довоенное время, индустрия производит в 7 раз больше продукции, чем в довоенное время, а народный доход вырос в 4 раза в сравнении с довоенным временем. Все это — факты, а не обещания. *(Продолжительные аплодисменты.)*

Затем, Советская власть уничтожила безработицу, провела в жизнь право на труд, право на отдых, право на образование, обеспечила лучшие материальные и культурные условия рабочим, крестьянам и интеллигенции, обеспечила проведение в жизнь всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании граждан. Все это — факты, а не обещания. *(Продолжительные аплодисменты.)*

Наконец, СССР дал проект новой Конституции, который является не обещанием, а регистрацией и законодательным закреплением этих общеизвестных фактов, регистрацией и законодательным закреплением того, что уже добыто и завоевано.

Спрашивается, к чему сводится после всего этого болтовня господ из германского официоза о «потемкинских деревнях», если не к тому, что они

задались целью скрыть от народа правду об СССР, ввести народ в заблуждение, обмануть его.

Таковы факты. А факты, как говорят, упрямая вещь. Господа из германского официоза могут сказать, что тем хуже для фактов. *(Общий смех.)* Но тогда им можно ответить словами известной русской поговорки: «дуракам закон не писан». *(Веселый смех, продолжительные аплодисменты.)*

Третья группа критиков не прочь признать известные достоинства за проектом Конституции, она считает его положительным явлением, но она, видите ли, очень сомневается, чтобы ряд его положений можно было провести в жизнь, ибо она убеждена, что эти положения вообще неосуществимы и должны остаться на бумаге. Это, говоря мягко, скептики. Они, эти скептики, имеются во всех странах.

Нужно сказать, что мы встречаемся с ними не впервые. Когда большевики брали власть в 1917 году, скептики говорили: большевики, пожалуй, не плохие люди, но с властью у них дело не пойдет, они провалятся. На деле, однако, оказалось, что провалились не большевики, а скептики.

Во время гражданской войны и иностранной интервенции эта группа скептиков говорила: Советская власть, конечно, вещь не плохая, но Деникин с Колчаком плюс иностранцы, пожалуй, одолеют ее. На деле, однако, оказалось, что скептики и здесь просчитались.

Когда Советская власть опубликовала первый пятилетний план, скептики опять выступили на сцену, говоря: пятилетка, конечно, дело хорошее, но она едва ли осуществима, надо полагать, что у большевиков с пятилетней дело не выйдет. Факты, однако, показали, что скептикам опять не повезло: пятилетний план был осуществлен в четыре года.

То же самое надо сказать о проекте новой Конституции и ее критике со стороны скептиков. Стоило опубликовать проект, чтобы эта группа критиков вновь появилась на сцене с ее унылым скепсисом, с ее сомнениями насчет осуществимости некоторых положений Конституции. Нет никаких оснований сомневаться в том, что скептики провалятся и в данном случае, провалятся нынче так же, как они не раз проваливались в прошлом.

Четвертая группа критиков, атакуя проект новой Конституции, характеризует его, как «сдвиг вправо», как «отказ от диктатуры пролетариата», как «ликвидацию большевистского режима». «Большевики качнулись вправо, это факт» — говорят они на разные голоса. Особенно усердствуют в этом отношении некоторые польские и отчасти американские газеты.

Что можно сказать об этих, с позволения сказать, критиках?

Если расширение базы диктатуры рабочего класса и превращение диктатуры в более гибкую, стало быть, — более мощную систему государственного руководства обществом трактуется ими не как усиление диктатуры рабочего класса, а как ее ослабление или даже как отказ от нее, то позволительно спросить: а знают ли вообще эти господа — что такое диктатура рабочего класса?

Если законодательное закрепление победы социализма, законодательное закрепление успехов индустриализации, коллективизации и демократизации называется у них «сдвигом вправо», то позволительно спросить: а знают ли вообще эти господа — чем отличается левое от правого? *(Общий смех, аплодисменты.)*

Не может быть сомнения, что эти господа окончательно запутались в своей критике проекта Конституции и, запутавшись, перепутали правое с левым.

Нельзя не вспомнить по этому случаю дворовую «девчонку» Пелагею из «Мертвых душ» Гоголя. Она, как рассказывает Гоголь, взялась как-то показать дорогу кучеру Чичикова Селифану, но, не сумев отличить правую сторону дороги от левой ее стороны, запуталась и попала в неловкое положение. Надо признать, что наши критики из польских газет, несмотря на всю их амбицию, все же недалеко ушли от уровня понимания Пелагеи, дворовой «девчонки» из «Мертвых душ». (*Аплодисменты.*) Если вспомните, кучер Селифан счел нужным отчитать Пелагею за смешение правого с левым, сказав ей: «Эх ты, черноногая... не знаешь, где право, где лево». Мне кажется, что следовало бы так же отчитать наших незадачливых критиков, сказав им: Эх вы, горе-критики... не знаете, где право, где лево. (*Продолжительные аплодисменты.*)

Наконец, еще одна группа критиков. Если предыдущая группа обвиняет проект Конституции в отказе от диктатуры рабочего класса, то эта группа обвиняет его, наоборот, в том, что он ничего не меняет в существующем положении в СССР, что он оставляет нетронутой диктатуру рабочего класса, не допускает свободу политических партий и сохраняет в силе нынешнее руководящее положение партии коммунистов в СССР. При этом эта группа критиков считает, что отсутствие свободы партий в СССР является признаком нарушения основ демократизма.

Я должен признать, что проект новой Конституции действительно оставляет в силе режим диктатуры рабочего класса, равно как сохраняет без изменения нынешнее руководящее положение Коммунистической партии СССР. (*Бурные аплодисменты.*) Если уважаемые критики считают это недостатком проекта Конституции, то можно только пожалеть об этом. Мы же, большевики, считаем это достоинством проекта Конституции. (*Бурные аплодисменты.*)

Что касается свободы различных политических партий, то мы держимся здесь несколько иных взглядов. Партия есть часть класса, его передовая часть. Несколько партий, а значит и свобода партий может существовать лишь в таком обществе, где имеются антагонистические классы, интересы которых враждебны и непримиримы, где имеются, скажем, капиталисты и рабочие, помещики и крестьяне, кулаки и беднота и т. д. Но в СССР нет уже больше таких классов, как капиталисты, помещики, кулаки и т. п. В СССР имеются только два класса, рабочие и крестьяне, интересы которых не только не враждебны, а наоборот — дружелюбны. Стало быть, в СССР нет почвы для существования нескольких партий, а значит и для свободы этих партий. В СССР имеется почва только для одной партии, Коммунистической партии. В СССР может существовать лишь одна партия — партия коммунистов, смело и до конца защищающая интересы рабочих и крестьян. А что она не плохо защищает интересы этих классов, в этом едва ли может быть какое-либо сомнение. (*Бурные аплодисменты.*)

Говорят о демократии. Но что такое демократия? Демократия в капиталистических странах, где имеются антагонистические классы, есть в последнем счете демократия для сильных, демократия для имущего мень-

шинства. Демократия в СССР, наоборот, есть демократия для трудящихся, т. е. демократия для всех. Но из этого следует, что основы демократизма нарушаются не проектом новой Конституции СССР, а буржуазными конституциями. Вот почему я думаю, что Конституция СССР является единственной в мире до конца демократической конституцией.

Так обстоит дело с буржуазной критикой проекта новой Конституции СССР.

V. Поправки и дополнения к проекту Конституции

Перейдем к вопросу о поправках и дополнениях к проекту Конституции, внесенных гражданами при всенародном обсуждении проекта. Всенародное обсуждение проекта Конституции дало, как известно, довольно значительное количество поправок и дополнений. Все они опубликованы в советской печати. Ввиду большого разнообразия поправок и неодинаковой их ценности следовало бы их разбить, по-моему, на три категории.

Отличительная черта поправок первой категории состоит в том, что они трактуют не о вопросах Конституции, а о вопросах текущей законодательной работы будущих законодательных органов. Отдельные вопросы страхования, некоторые вопросы колхозного строительства, некоторые вопросы промышленного строительства, вопросы финансового дела, — таковы темы этих поправок. Видимо, авторы этих поправок не уяснили себе разницы между конституционными вопросами и вопросами текущего законодательства. Именно поэтому они стараются втиснуть в Конституцию как можно больше законов, ведя дело к тому, чтобы превратить Конституцию в нечто вроде свода законов. Но конституция не есть свод законов. Конституция есть основной закон, и только основной закон. Конституция не исключает, а предполагает текущую законодательную работу будущих законодательных органов. Конституция дает юридическую базу для будущей законодательной деятельности таких органов. Поэтому поправки и дополнения такого рода, как не имеющие прямого отношения к Конституции, должны быть, по-моему, направлены в будущие законодательные органы страны.

Ко второй категории следует отнести такие поправки и дополнения, которые пытаются внести в Конституцию элементы исторических справок или элементы декларации о том, чего еще не добились Советская власть и чего она должна добиться в будущем. Отметить в Конституции, какие трудности преодолели на протяжении долгих лет партия, рабочий класс и все трудящиеся в борьбе за победу социализма; указать в Конституции конечную цель советского движения, т. е. построение полного коммунистического общества, — таковы темы этих поправок, повторяющиеся в разных вариациях. Я думаю, что такие поправки и дополнения также должны быть отложены в сторону, как не имеющие прямого отношения к Конституции. Конституция есть регистрация и законодательное закрепление тех завоеваний, которые уже добыты и обеспечены. Если мы не хотим исказить этот основной характер Конституции, мы не должны заполнять ее историческими справками о прошлом или декларациями о будущих завоеваниях трудя-

щихся СССР. Для этого дела имеются у нас другие пути и другие документы.

Наконец, к третьей категории следует отнести такие поправки и дополнения, которые имеют прямое отношение к проекту Конституции.

Значительная часть поправок этой категории имеет редакционный характер. Поэтому их можно было бы передать в Редакционную комиссию настоящего Съезда, которую, я думаю, создаст Съезд, поручив ей установить окончательную редакцию текста новой Конституции.

Что касается остальных поправок третьей категории, то они имеют более существенное значение, и о них придется, по-моему, сказать здесь несколько слов.

1) Прежде всего о поправках к 1-ой статье проекта Конституции. Имеется четыре поправки. Одни предлагают вместо слов «государство рабочих и крестьян» сказать: «государство трудящихся». Другие предлагают к словам «государство рабочих и крестьян» добавить: «и трудовой интеллигенции». Третьи предлагают вместо слов «государство рабочих и крестьян» сказать: «государство всех рас и национальностей, населяющих территорию СССР». Четвертые предлагают слово «крестьян» заменить словом «колхозников» или словами: «трудящихся социалистического земледелия».

Следует ли принять эти поправки? Я думаю, что не следует.

О чем говорит 1-ая статья проекта Конституции? Она говорит о классовом составе советского общества. Можем ли мы, марксисты, обойти в Конституции вопрос о классовом составе нашего общества? Нет, не можем. Советское общество состоит, как известно, из двух классов, из рабочих и крестьян. Первая статья проекта Конституции об этом именно и говорит. Стало быть, 1-ая статья проекта Конституции правильно отображает классовый состав нашего общества. Могут спросить: а трудовая интеллигенция? Интеллигенция никогда не была и не может быть классом, — она была и остается прослойкой, рекрутирующей своих членов среди всех классов общества. В старое время интеллигенция рекрутировала своих членов среди дворян, буржуазии, отчасти среди крестьян и лишь в самой незначительной степени среди рабочих. В наше, советское время интеллигенция рекрутирует своих членов главным образом среди рабочих и крестьян. Но как бы она ни рекрутировалась и какой бы характер она ни носила, интеллигенция все же является прослойкой, а не классом.

Не ущемляет ли это обстоятельство прав трудовой интеллигенции? Нисколько! Первая статья проекта Конституции говорит не о правах различных слоев советского общества, а о классовом составе этого общества. О правах различных слоев советского общества, в том числе о правах трудовой интеллигенции, говорится главным образом в десятой и одиннадцатой главах проекта Конституции. Из этих глав явствует, что рабочие, крестьяне и трудовая интеллигенция совершенно равноправны во всех сферах хозяйственной, политической, общественной и культурной жизни страны. Стало быть, об ущемлении прав трудовой интеллигенции не может быть и речи.

То же самое надо сказать о нациях и расах, входящих в состав СССР. Во второй главе проекта Конституции уже сказано, что СССР

есть свободный союз равноправных наций. Стоит ли повторять эту формулу в первой статье проекта Конституции, трактующей не о национальном составе советского общества, а об его классовом составе? Ясно, что не стоит. Что касается прав наций и рас, входящих в состав СССР, то об этом говорится во второй, десятой и одиннадцатой главах проекта Конституции. Из этих глав явствует, что нации и расы СССР пользуются одинаковыми правами во всех сферах хозяйственной, политической, общественной и культурной жизни страны. Стало быть, не может быть и речи об ущемлении национальных прав.

Также неправильно было бы заменить слово «крестьянин» словом «колхозник» или словами «трудящийся социалистического земледелия». Во-первых, среди крестьян кроме колхозников имеются еще свыше миллиона дворов не-колхозников. Как быть с ними? Не думают ли авторы этой поправки сбросить их со счета? Это было бы неразумно. Во-вторых, если большинство крестьян стало вести колхозное хозяйство, то это еще не значит, что оно перестало быть крестьянством, что у него нет больше своего личного хозяйства, личного двора и т. д. В-третьих, пришлось бы тогда заменить также слово «рабочий» словами «труженик социалистической промышленности», чего, однако, авторы поправки почему-то не предлагают. Наконец, разве у нас уже исчезли класс рабочих и класс крестьян? А если они не исчезли, то стоит ли вычеркивать из лексикона установившиеся для них наименования? Авторы поправки, видимо, имеют в виду не настоящее, а будущее общество, когда классов уже не будет и когда рабочие и крестьяне превратятся в тружеников единого коммунистического общества. Они, стало быть, явным образом забегают вперед. Но при составлении Конституции надо исходить не из будущего, а из настоящего, из того, что уже есть. Конституция не может и не должна забегать вперед.

2) Далее идет поправка к 17-ой статье проекта Конституции. Поправка состоит в том, что предлагают исключить вовсе из проекта Конституции 17-ую статью, говорящую о сохранении за Союзными республиками права свободного выхода из СССР. Я думаю, что это предложение неправильно и потому не должно быть принято Съездом. СССР есть добровольный союз равноправных Союзных республик. Исключить из Конституции статью о праве свободного выхода из СССР, — значит нарушить добровольный характер этого союза. Можем ли мы пойти на этот шаг? Я думаю, что мы не можем и не должны идти на этот шаг. Говорят, что в СССР нет ни одной республики, которая хотела бы выйти из состава СССР, что ввиду этого статья 17-ая не имеет практического значения. Что у нас нет ни одной республики, которая хотела бы выйти из состава СССР, это, конечно, верно. Но из этого вовсе не следует, что мы не должны зафиксировать в Конституции право Союзных республик на свободный выход из СССР. В СССР нет также такой Союзной республики, которая хотела бы подавить другую Союзную республику. Но из этого вовсе не следует, что из Конституции СССР должна быть исключена статья, трактующая о равенстве прав Союзных республик.

3) Далее имеется предложение дополнить вторую главу проекта Конституции новой статьей, содержание которой сводится к тому, что авто-

номные советские социалистические республики при достижении соответствующего уровня хозяйственного и культурного развития могут быть преобразованы в союзные советские социалистические республики. Можно ли принять это предложение? Я думаю, что не следует его принимать. Оно неправильно не только со стороны его содержания, но и со стороны его мотивов. Нельзя мотивировать перевод автономных республик в разряд союзных республик хозяйственной и культурной их зрелостью, также как нельзя мотивировать оставление той или иной республики в списке автономных республик ее хозяйственной или культурной отсталостью. Это был бы не марксистский, не ленинский подход. Татарская Республика, например, остается автономной, а Казахская Республика становится союзной, но это еще не значит, что Казахская Республика с точки зрения культурного и хозяйственного развития стоит выше, чем Татарская Республика. Дело обстоит как раз наоборот. То же самое надо сказать, например, об Автономной Республике Немцев Поволжья и о Киргизской Союзной Республике, из коих первая в культурном и хозяйственном отношении стоит выше, чем вторая, хотя и остается автономной республикой.

Каковы те признаки, наличие которых дает основание для перевода автономных республик в разряд союзных республик?

Их, этих признаков, — три.

Во-первых, необходимо, чтобы республика была окраинной, не окруженной со всех сторон территорией СССР. Почему? Потому что если за Союзной республикой сохраняется право выхода из Союза ССР, то необходимо, чтобы эта республика, ставшая Союзной, имела возможность логически и фактически поставить вопрос об ее выходе из СССР. А такой вопрос может поставить только такая республика, которая, скажем, граничит с каким-либо иностранным государством и, стало быть, не окружена со всех сторон территорией СССР. Конечно, у нас нет республик, которые бы фактически ставили вопрос о выходе из СССР. Но раз остается за Союзной республикой право выхода из СССР, то надо обставить дело так, чтобы это право не превращалось в пустую и бессмысленную бумажку. Возьмем, например, Башкирскую или Татарскую Республику. Допустим, что эти автономные республики перевели в разряд союзных республик. Могли ли бы они поставить вопрос логически и фактически о своем выходе из СССР? Нет, не могли бы. Почему? Потому что они со всех сторон окружены советскими республиками и областями и им, собственно говоря, некуда выходить из состава СССР. *(Общий смех, аплодисменты.)* Поэтому перевод таких республик в разряд союзных республик был бы неправилен.

Во-вторых, необходимо, чтобы национальность, давшая советской республике свое имя, представляла в республике более или менее компактное большинство. Взять, например, Крымскую Автономную Республику. Она является окраинной республикой, но крымские татары не имеют большинства в этой республике, наоборот, — они представляют там меньшинство. Стало быть, было бы неправильно и нелогично перевести Крымскую Республику в разряд союзных республик.

В-третьих, необходимо, чтобы республика была не очень маленькой в смысле количества ее населения, чтобы она имела населения, скажем, не

меньше, а больше хотя бы миллиона. Почему? Потому что было бы неправильно предположить, что маленькая советская республика, имеющая минимальное количество населения и незначительную армию, могла рассчитывать на независимое государственное существование. Едва ли можно сомневаться, что империалистические хищники живо прибрали бы ее к рукам.

Я думаю, что без наличия этих трех объективных признаков было бы неправильно в настоящий исторический момент ставить вопрос о переводе той или иной автономной республики в разряд союзных республик.

4) Далее предлагают вычеркнуть в статьях 22-ой, 23-ьей, 24-ой, 25-ой, 26-ой, 27-ой, 28-ой и 29-ой подробное перечисление административно-территориального деления союзных республик на края и области. Я думаю, что это предложение также неприемлемо. В СССР имеются люди, которые готовы с большой охотой и безустали перекраивать края и области, внося этим путаницу и неуверенность в работе. Проект Конституции создает для этих людей узду. И это очень хорошо, потому что здесь, как и во многом другом, требуется у нас атмосфера, уверенности, требуется стабильность, ясность.

5) Пятая поправка касается 33-ьей статьи. Считают нецелесообразным создание двух палат и предлагают уничтожить Совет Национальностей. Я думаю, что эта поправка также неправильна. Однопалатная система была бы лучше двухпалатной, если бы СССР представлял единое национальное государство. Но СССР не есть единое национальное государство. СССР есть, как известно, многонациональное государство. У нас имеется верховный орган, где представлены *общие* интересы всех трудящихся СССР независимо от их национальности. Это — Совет Союза. Но у национальностей СССР кроме общих интересов имеются еще *свои особые, специфические* интересы, связанные с их национальными особенностями. Можно ли пренебрегать этими специфическими интересами? Нет, нельзя. Нужен ли специальный верховный орган, который бы отражал эти именно специфические интересы? Безусловно нужен. Не может быть сомнения, что без такого органа невозможно было бы управлять таким многонациональным государством, как СССР. Таким органом является вторая палата, Совет Национальностей СССР.

Ссылаются на парламентскую историю европейских и американских государств, ссылаются на то, что двухпалатная система в этих странах дала лишь минусы, что вторая палата вырождается обычно в центр реакции и в тормоз против движения вперед. Все это верно. Но это происходит потому, что в этих странах между палатами нет равенства. Как известно, второй палате дают нередко больше прав, чем первой, и затем, как правило, вторая палата организуется недемократическим путем, нередко путем назначения ее членов сверху. Несомненно, что этих минусов не будет, если провести равенство между палатами и вторую палату организовать так же демократически, как и первую.

6) Предлагают далее дополнение к проекту Конституции, требующее уравнивания количества членов обеих палат. Я думаю, что это предложение можно было бы принять. Оно дает, по-моему, явные политические плюсы, так как подчеркивает равенство палат.

7) Далее идет дополнение к проекту Конституции, в силу которого

предлагается выбирать депутатов в Совет Национальностей так же, как и в Совет Союза, путем прямых выборов. Я думаю, что это предложение также можно было бы принять. Правда, оно может создать некоторые технические неудобства при выборах. Но зато оно даст большой политический выигрыш, так как оно должно повысить авторитет Совета Национальностей.

8) Далее идет дополнение к статье 40-ой, в силу которого предлагается предоставить Президиуму Верховного Совета право издавать временные законодательные акты. Я думаю, что это дополнение неправильно и не должно быть принято Съездом. Надо, наконец, покончить с тем положением, когда законодательствует не один какой-нибудь орган, а целый ряд органов. Такое положение противоречит принципу стабильности законов. А стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было. Законодательная власть в СССР должна осуществляться только одним органом, Верховным Советом СССР.

9) Далее предлагают дополнение к 48-ой статье проекта Конституции, в силу которого требуют, чтобы председатель Президиума Верховного Совета Союза ССР избирался не Верховным Советом СССР, а всем населением страны. Я думаю, что это дополнение неправильно, ибо оно не соответствует духу нашей Конституции. По системе нашей Конституции в СССР не должно быть единоличного президента, избираемого всем населением, наравне с Верховным Советом, и могущего противопоставлять себя Верховному Совету. Президент в СССР коллегиальный, — это Президиум Верховного Совета, включая и председателя Президиума Верховного Совета, избираемый не всем населением, а Верховным Советом, и подотчетный Верховному Совету. Опыт истории показывает, что такое построение верховных органов является наиболее демократическим, гарантирующим страну от нежелательных случайностей.

10) Далее идет поправка к той же 48-ой статье. Она гласит: увеличить количество заместителей председателя Президиума Верховного Совета СССР до одиннадцати с тем, чтобы от каждой Союзной республики имелся один заместитель. Я думаю, что эту поправку можно было бы принять, ибо она улучшает дело и может лишь укрепить авторитет Президиума Верховного Совета СССР.

11) Далее идет поправка к статье 77-ой. Она требует организации нового общесоюзного народного комиссариата, — Наркомата Оборонной Промышленности. Я думаю, что эту поправку также следовало бы принять (*апплодисменты*), ибо назрело время для того, чтобы выделить нашу оборонную промышленность и дать ей соответствующее наркоматское оформление. Мне кажется, что это могло бы только улучшить дело обороны нашей страны.

12) Далее идет поправка к статье 124-ой проекта Конституции, требующая ее изменения в том направлении, чтобы запретить отправление религиозных обрядов. Я думаю, что эту поправку следует отвергнуть, как не соответствующую духу нашей Конституции.

13) Наконец, еще одна поправка, имеющая более или менее существенный характер. Я говорю о поправке к 135-ой статье проекта Конституции. Она предлагает лишить избирательных прав служителей культа, быв-

ших белогвардейцев, всех бывших людей и лиц, не занимающихся общепольным трудом, или же, во всяком случае,— ограничить избирательные права лиц этой категории, дав им только право избирать, но не быть избранными. Я думаю, что эта поправка также должна быть отвергнута. Советская власть лишила избирательных прав нетрудовые и эксплуататорские элементы не на веки вечные, а временно, до известного периода. Было время, когда эти элементы вели открытую войну против народа и противодействовали советским законам. Советский закон о лишении их избирательного права был ответом Советской власти на это противодействие. С тех пор прошло немало времени. За истекший период мы добились того, что эксплуататорские классы уничтожены, а Советская власть превратилась в непобедимую силу. Не пришло ли время пересмотреть этот закон? Я думаю, что пришло время. Говорят, что это опасно, так как могут пролезть в верховные органы страны враждебные Советской власти элементы, кое-кто из бывших белогвардейцев, кулаков, попов и т. д. Но чего тут собственно бояться? Волков бояться, в лес не ходить. (*Веселое оживление в зале, бурные аплодисменты.*) Во-первых, не все бывшие кулаки, белогвардейцы или попы враждебны Советской власти. Во-вторых, если народ кой-где и изберет враждебных людей, то это будет означать, что наша агитационная работа поставлена из рук вон плохо, и мы вполне заслужили такой позор, если же наша агитационная работа будет идти по-большевистски, то народ не пропустит враждебных людей в свои верховные органы. Значит, надо работать, а не хныкать (*бурные аплодисменты*), надо работать, а не дожидаться того, что все будет предоставлено в готовом виде в порядке административных распоряжений. Ленин еще в 1919 году говорил, что недалеко то время, когда Советская власть сочтет полезным ввести всеобщее избирательное право без всяких ограничений. Обратите внимание: *без всяких ограничений*. Это он говорил в то время, когда иностранная военная интервенция не была еще ликвидирована, а наша промышленность и сельское хозяйство находились в отчаянном положении. С тех пор прошло уже 17 лет. Не пора ли, товарищи, выполнить указание Ленина? Я думаю, что пора.

Вот что говорил Ленин в 1919 году в своем труде «Проект программы РКП(б)». Разрешите зачитать:

«Р. К. П. должна разъяснять трудящимся массам, во избежание неправильного обобщения преходящих исторических надобностей, что лишение избирательных прав части граждан отнюдь не касается в Советской республике, как это бывало в большинстве буржуазно-демократических республик, определенного разряда граждан, пожизненно объявляемых бесправными, а относится только к эксплуататорам, только к тем, кто вопреки основным законам социалистической Советской республики упорствует в отстаивании своего эксплуататорского положения, в сохранении капиталистических отношений. Следовательно, в Советской республике, с одной стороны, с каждым днем укрепления социализма и сокращения числа тех, кто имеет объективно возможность оставаться эксплуататором или сохранять капиталистические отношения, уменьшается само собою процент лишаемых избирательного права. Едва ли теперь в России этот процент больше чем два, три процента. С другой стороны, в самом недалеком будущем прекращение внешнего нашествия и довершение экспроприации эксплуататоров может, при известных условиях, создать положение, когда проле-

тарская государственная власть изберет другие способы подавления сопротивления эксплуататоров и введет всеобщее избирательное право *без всяких ограничений*» (Ленин, т. XXIV, стр. 94, Партиздат, 1935 г.).

Кажется, ясно.

Так обстоит дело с поправками и добавлениями к проекту Конституции СССР.

VI. Значение новой Конституции СССР

Судя по результатам всенародного обсуждения, длившегося почти 5 месяцев, можно предположить, что проект Конституции будет одобрен настоящим Съездом. (*Бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Зал встает.*)

Через несколько дней Советский Союз будет иметь новую, социалистическую Конституцию, построенную на началах развернутого социалистического демократизма.

Это будет исторический документ, трактующий просто и сжато, почти в протокольном стиле, о фактах победы социализма в СССР, о фактах освобождения трудящихся СССР от капиталистического рабства, о фактах победы в СССР развернутой, до конца последовательной демократии.

Это будет документ, свидетельствующий о том, что то, о чем мечтали и продолжают мечтать миллионы честных людей в капиталистических странах, — уже осуществлено в СССР. (*Бурные аплодисменты.*)

Это будет документ, свидетельствующий о том, что то, что осуществлено в СССР, вполне может быть осуществлено и в других странах. (*Бурные аплодисменты.*)

Но из этого следует, что международное значение новой Конституции СССР едва ли может быть переоценено.

Теперь, когда мутная волна фашизма оплевывает социалистическое движение рабочего класса и смешивает с грязью демократические устремления лучших людей цивилизованного мира, новая Конституция СССР будет обвинительным актом против фашизма, говорящим о том, что социализм и демократия непобедимы. (*Аплодисменты.*) Новая Конституция СССР будет моральной помощью и реальным подспорьем для всех тех, кто ведут ныне борьбу против фашистского варварства. (*Бурные аплодисменты.*)

Еще большее значение имеет новая Конституция СССР для народов СССР. Если для народов капиталистических стран Конституция СССР будет иметь значение программы действий, то для народов СССР она имеет значение итога их борьбы, итога их побед на фронте освобождения человечества. В результате пройденного пути борьбы и лишений приятно и радостно иметь свою Конституцию, трактующую о плодах наших побед. Приятно и радостно знать, за что бились наши люди и как они добились всемирно-исторической победы. Приятно и радостно знать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром, что она дала свои результаты. (*Продолжительные аплодисменты.*) Это вооружает духовно наш ра-

бочий класс, наше крестьянство, нашу трудовую интеллигенцию. Это двигает вперед и поднимает чувство законной гордости. Это укрепляет веру в свои силы и мобилизует на новую борьбу для завоевания новых побед коммунизма. *(Бурная овация. Весь зал встает. Громовое «ура». Общие возгласы: «Да здравствует товарищ Сталин!» Съезд стоя поет «Интернационал». После исполнения «Интернационала» овация возобновляется. Крики: «Ура!», «Да здравствует наш вождь товарищ Сталин!»)*

«О проекте Конституции Союза ССР»,
Партиздат, 1936 г.

КОНСТИТУЦИЯ (ОСНОВНОЙ ЗАКОН) СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Глава I

Общественное устройство

Статья 1. Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян.

Статья 2. Политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата.

Статья 3. Вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся.

Статья 4. Экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, утвердившиеся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплуатации человека человеком.

Статья 5. Социалистическая собственность в СССР имеет либо форму государственной собственности (всенародное достояние), либо форму кооперативно-колхозной собственности (собственность отдельных колхозов, собственность кооперативных объединений).

Статья 6. Земля, ее недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, банки, средства связи, организованные государством крупные сельскохозяйственные предприятия (совхозы, машинотракторные станции и т. п.), а также коммунальные предприятия и основной жилищный фонд в городах и промышленных пунктах являются государственной собственностью, то-есть всенародным достоянием.

Статья 7. Общественные предприятия в колхозах и кооперативных организациях с их живым и мертвым инвентарем, производимая колхозами и кооперативными организациями продукция, равно как их общественные постройки составляют общественную, социалистическую собственность колхозов и кооперативных организаций.

Каждый колхозный двор, кроме основного дохода от общественного колхоз-

ного хозяйства, имеет в личном пользовании небольшой приусадебный участок земли и в личной собственности подсобное хозяйство на приусадебном участке, жилой дом, продуктивный скот, птицу и мелкий сельскохозяйственный инвентарь — согласно устава сельскохозяйственной артели.

Статья 8. Земля, занимаемая колхозами, закрепляется за ними в бесплатное и бессрочное пользование, то-есть навечно.

Статья 9. Наряду с социалистической системой хозяйства, являющейся господствующей формой хозяйства в СССР, допускается законом мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключаящее эксплуатацию чужого труда.

Статья 10. Право личной собственности граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления и удобства, равно как право наследования личной собственности граждан — охраняются законом.

Статья 11. Хозяйственная жизнь СССР определяется и направляется государственным народнохозяйственным планом в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности.

Статья 12. Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает, тот не ест».

В СССР осуществляется принцип социализма: «от каждого по его способности, каждому — по его труду».

Глава II

Государственное устройство

Статья 13. Союз Советских Социалистических Республик есть союзное государство, образованное на основе добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик:

Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, Украинской Советской Социалистической Республики, Белорусской Советской Социалистической Республики, Азербайджанской Советской Социалистической Республики, Грузинской Советской Социалистической Республики, Армянской Советской Социалистической Республики, Туркменской Советской Социалистической Республики, Узбекской Советской Социалистической Республики, Таджикской Советской Социалистической Республики, Казахской Советской Социалистической Республики, Киргизской Советской Социалистической Республики.

Статья 14. Ведению Союза Советских Социалистических Республик в лице его высших органов власти и органов государственного управления подлежат:

- а) представительство Союза в международных сношениях, заключение и ратификация договоров с другими государствами;
- б) вопросы войны и мира;
- в) принятие в состав СССР новых республик;
- г) контроль за исполнением Конституции СССР и обеспечение ответственности Конституций союзных республик с Конституцией СССР;
- д) утверждение изменений границ между союзными республиками;
- е) утверждение образования новых краев и областей, а также новых автономных республик в составе союзных республик;
- ж) организация обороны СССР и руководство всеми вооруженными силами СССР;
- з) внешняя торговля на основе государственной монополии; и) охрана государственной безопасности;
- к) установление народнохозяйственных планов СССР;
- л) утверждение единого государственного бюджета СССР, а также налогов и доходов, поступающих на образование бюджетов союзного, республиканских и местных;
- м) управление банками, промышленными и сельскохозяйственными учреждениями и предприятиями, а также торговыми предприятиями— общесоюзного значения;
- н) управление транспортом и связью;
- о) руководство денежной и кредитной системой;
- п) организация государственного страхования;
- р) заключение и предоставление займов;
- с) установление основных начал землепользования, а равно пользования недрами, лесами и водами;
- т) установление основных начал в области просвещения и здравоохранения;
- у) организация единой системы народнохозяйственного учета;
- ф) установление основ законодательства о труде;
- х) законодательство о судостроительстве и судопроизводстве; уголовный и гражданский кодексы;
- ц) законы о союзном гражданстве; законы о правах иностранцев;
- ч) издание общесоюзных актов об амнистии.

Статья 15. Суверенитет союзных республик ограничен лишь в пределах, указанных в статье 14 Конституции СССР. Вне этих пределов каждая Союзная республика осуществляет государственную власть самостоятельно. СССР охраняет суверенные права союзных республик.

Статья 16. Каждая Союзная республика имеет свою Конституцию, учитывающую особенности республики и построенную в полном соответствии с Конституцией СССР.

Статья 17. За каждой Союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР.

Статья 18. Территория союзных республик не может быть изменяема без их согласия.

Статья 19. Законы СССР имеют одинаковую силу на территории всех союзных республик.

Статья 20. В случае расхождения закона Союзной республики с законом общесоюзным, действует общесоюзный закон.

Статья 21. Для граждан СССР устанавливается единое союзное гражданство.

Каждый гражданин Союзной республики является гражданином СССР.

Статья 22. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика состоит из краев: Азово-Черноморского, Дальне-Восточного, Западно-Сибирского, Красноярского, Северо-Кавказского; областей: Воронежской, Восточно-Сибирской, Горьковской, Западной, Ивановской, Калининской, Кировской, Куйбышевской, Курской, Ленинградской, Московской, Омской, Оренбургской, Саратовской, Свердловской, Северной, Сталинградской, Челябинской, Ярославской; автономных советских социалистических республик: Татарской, Башкирской, Дагестанской, Бурят-Монгольской, Кабардино-Балкарской, Калмыцкой, Карельской, Коми, Крымской, Марийской, Мордовской, Немцев Поволжья, Северо-Осетинской, Удмуртской, Чечено-Ингушской, Чувашской, Якутской; автономных областей: Адыгейской, Еврейской, Карачаевской, Ойротской, Хакасской, Черкесской.

Статья 23. Украинская Советская Социалистическая Республика состоит из областей: Винницкой, Днепропетровской, Донецкой, Киевской, Одесской, Харьковской, Черниговской и Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики.

Статья 24. В Азербайджанской Советской Социалистической Республике состоят Нахичеванская Автономная Советская Социалистическая Республика и Нагорно-Карабахская автономная область.

Статья 25. В Грузинской Советской Социалистической Республике состоят: Абхазская АССР, Аджарская АССР, Юго-Осетинская автономная область.

Статья 26. В Узбекской Советской Социалистической Республике состоит Кара-Калпакская АССР.

Статья 27. В Таджикской Советской Социалистической Республике состоит Горно-Бадахшанская автономная область.

Статья 28. Казахская Советская Социалистическая Республика состоит из областей: Актюбинской, Алма-Атинской, Восточно-Казахстанской, Западно-Казахстанской, Карагандинской, Кустанайской, Северо-Казахстанской, Южно-Казахстанской.

Статья 29. Армянская ССР, Белорусская ССР, Туркменская ССР и Киргизская ССР не имеют в своем составе автономных республик, равно как краев и областей.

Глава III

Высшие органы государственной власти Союза Советских Социалистических Республик

Статья 30. Высшим органом государственной власти СССР является Верховный Совет СССР.

Статья 31. Верховный Совет СССР осуществляет все права, присвоенные Союзу Советских Социалистических Республик согласно статьи 14 Конституции, поскольку они не входят, в силу Конституции, в

компетенцию подотчетных Верховному Совету СССР органов СССР: Президиума Верховного Совета СССР, Совета Народных Комиссаров СССР и Народных Комиссариатов СССР.

Статья 32. Законодательная власть СССР осуществляется исключительно Верховным Советом СССР.

Статья 33. Верховный Совет СССР состоит из двух палат: Совета Союза и Совета Национальностей.

Статья 34. Совет Союза избирается гражданами СССР по избирательным округам по норме: один депутат на 300 тысяч населения.

Статья 35. Совет Национальностей избирается гражданами СССР по союзным и автономным республикам, автономным областям и национальным округам по норме: по 25 депутатов от каждой союзной республики, по 11 депутатов от каждой автономной республики, по 5 депутатов от каждой автономной области и по одному депутату от каждого национального округа.

Статья 36. Верховный Совет СССР избирается сроком на четыре года.

Статья 37. Обе палаты Верховного Совета СССР: Совет Союза и Совет Национальностей равноправны.

Статья 38. Совету Союза и Совету Национальностей в одинаковой мере принадлежит законодательная инициатива.

Статья 39. Закон считается утвержденным, если он принят обеими палатами Верховного Совета СССР простым большинством каждой.

Статья 40. Законы, принятые Верховным Советом СССР, публикуются на языках союзных республик за подписями председателя и секретаря Президиума Верховного Совета СССР.

Статья 41. Сессии Совета Союза и Совета Национальностей начинаются и заканчиваются одновременно.

Статья 42. Совет Союза избирает председателя Совета Союза и двух его заместителей.

Статья 43. Совет Национальностей избирает председателя Совета Национальностей и двух его заместителей.

Статья 44. Председатели Совета Союза и Совета Национальностей руководят заседаниями соответствующих палат и ведают их внутренним распорядком.

Статья 45. Совместные заседания обеих палат Верховного Совета СССР ведут поочередно председатели Совета Союза и Совета Национальностей.

Статья 46. Сессии Верховного Совета СССР созываются Президиумом Верховного Совета СССР два раза в год.

Внеочередные сессии созываются Президиумом Верховного Совета СССР по его усмотрению или по требованию одной из союзных республик.

Статья 47. В случае разногласия между Советом Союза и Советом Национальностей вопрос передается на разрешение согласительной комиссии, образованной на паритетных началах. Если согласительная комиссия не приходит к согласному решению или если ее решение не удовлетворяет одну из палат, вопрос рассматривается вторично в палатах. При отсутствии согласного решения двух палат, Президиум Верховного

Совета СССР распускает Верховный Совет СССР и назначает новые выборы.

Статья 48. Верховный Совет СССР избирает на совместном заседании обеих палат Президиум Верховного Совета СССР в составе: председателя Президиума Верховного Совета СССР, одиннадцати его заместителей, секретаря Президиума и 24 членов Президиума.

Президиум Верховного Совета СССР подотчетен Верховному Совету СССР во всей своей деятельности.

Статья 49. Президиум Верховного Совета СССР:

- а) созывает сессии Верховного Совета СССР;
- б) дает толкование действующих законов СССР, издает указы;
- в) распускает Верховный Совет СССР на основании 47 статьи Конституции СССР и назначает новые выборы;
- г) производит всенародный опрос (референдум) по своей инициативе или по требованию одной из союзных республик;
- д) отменяет постановления и распоряжения Совета Народных Комиссаров СССР и Советов Народных Комиссаров союзных республик в случае их несоответствия закону;
- е) в период между сессиями Верховного Совета СССР освобождает от должности и назначает отдельных Народных Комиссаров СССР по представлению председателя Совета Народных Комиссаров СССР с последующим внесением на утверждение Верховного Совета СССР;
- ж) награждает орденами и присваивает почетные звания СССР;
- з) осуществляет право помилования;
- и) назначает и сменяет высшее командование вооруженных сил СССР;
- к) в период между сессиями Верховного Совета СССР объявляет состояние войны в случае военного нападения на СССР или в случае необходимости выполнения международных договорных обязательств по взаимной обороне от агрессии;
- л) объявляет общую и частичную мобилизацию;
- м) ратифицирует международные договоры;
- и) назначает и отзывает полномочных представителей СССР в иностранных государствах;

о) принимает верительные и отзывные грамоты аккредитованных при нем дипломатических представителей иностранных государств.

Статья 50. Совет Союза и Совет Национальностей избирают мандатные комиссии, которые проверяют полномочия депутатов каждой палаты.

По представлению мандатной комиссии палаты решают либо признать полномочия, либо кассировать выборы отдельных депутатов.

Статья 51. Верховный Совет СССР назначает, когда он сочтет необходимым, следственные и ревизионные комиссии по любому вопросу.

Все учреждения и должностные лица обязаны выполнять требования этих комиссий и представлять им необходимые материалы и документы.

Статья 52. Депутат Верховного Совета СССР не может быть привлечен к судебной ответственности или арестован без согласия Верховного Совета СССР, а в период, когда нет сессии Верховного Совета СССР,— без согласия Президиума Верховного Совета СССР.

Статья 53. По истечении полномочий или после досрочного роспуска Вер-

ховного Совета СССР Президиум Верховного Совета СССР сохраняет свои полномочия вплоть до образования вновь избранным Верховным Советом СССР нового Президиума Верховного Совета СССР.

Статья 54. По истечении полномочий или в случае досрочного роспуска Верховного Совета СССР Президиум Верховного Совета СССР назначает новые выборы в срок не более двух месяцев со дня истечения полномочий или роспуска Верховного Совета СССР.

Статья 55. Вновь избранный Верховный Совет СССР созывается Президиумом Верховного Совета СССР прежнего состава не позже, как через месяц после выборов.

Статья 56. Верховный Совет СССР образует на совместном заседании обеих палат Правительство СССР — Совет Народных Комиссаров СССР.

Глава IV

Высшие органы государственной власти союзных республик

Статья 57. Высшим органом государственной власти Союзной республики является Верховный Совет Союзной республики.

Статья 58. Верховный Совет Союзной республики избирается гражданами республики сроком на четыре года.

Нормы представительства устанавливаются Конституциями союзных республик.

Статья 59. Верховный Совет Союзной республики является единственным законодательным органом республики.

Статья 60. Верховный Совет Союзной республики:

а) принимает Конституцию республики и вносит в нее изменения в соответствии со статьей 16 Конституции СССР;

б) утверждает Конституции находящихся в ее составе автономных республик и определяет границы их территории;

в) утверждает народнохозяйственный план и бюджет республики;

г) пользуется правом амнистии и помилования граждан, осужденных судебными органами Союзной республики.

Статья 61. Верховный Совет Союзной республики избирает Президиум Верховного Совета Союзной республики в составе: председателя Президиума Верховного Совета Союзной республики, его заместителей, секретаря Президиума и членов Президиума Верховного Совета Союзной республики.

Полномочия Президиума Верховного Совета Союзной республики определяются Конституцией Союзной республики.

Статья 62. Для ведения заседаний Верховный Совет Союзной республики избирает своего председателя и его заместителей.

Статья 63. Верховный Совет Союзной республики образует Правительство Союзной республики — Совет Народных Комиссаров Союзной республики.

Глава V

Органы государственного управления Союза Советских Социалистических Республик

Статья 64. Высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти Союза Советских Социалистических Республик является Совет Народных Комиссаров СССР.

Статья 65. Совет Народных Комиссаров СССР ответственен перед Верховным Советом СССР и ему подотчетен, а в период между сессиями Верховного Совета — перед Президиумом Верховного Совета СССР, которому подотчетен.

Статья 66. Совет Народных Комиссаров СССР издает постановления и распоряжения на основе и во исполнение действующих законов и проверяет исполнение.

Статья 67. Постановления и распоряжения Совета Народных Комиссаров СССР обязательны к исполнению на всей территории СССР.

Статья 68. Совет Народных Комиссаров СССР:

а) объединяет и направляет работу общесоюзных и союзно-республиканских Народных Комиссариатов СССР и других подведомственных ему хозяйственных и культурных учреждений;

б) принимает меры по осуществлению народнохозяйственного плана, государственного бюджета и укреплению кредитно-денежной системы ;

в) принимает меры по обеспечению общественного порядка, защите интересов государства и охране прав граждан;

г) осуществляет общее руководство в области сношений с иностранными государствами;

д) определяет ежегодные контингенты граждан, подлежащих призыву на действительную военную службу, руководит общим строительством вооруженных сил страны;

е) образует, в случае необходимости, специальные Комитеты и Главные Управления при Совете Народных Комиссаров СССР по делам хозяйственного, культурного и оборонного строительства.

Статья 69. Совет Народных Комиссаров СССР имеет право по отраслям управления и хозяйства, отнесенным к компетенции СССР, приостанавливать постановления и распоряжения Советов Народных Комиссаров Союзных республик и отменять приказы и инструкции Народных Комиссаров СССР.

Статья 70. Совет Народных Комиссаров СССР образуется Верховным Советом СССР в составе:

Председателя Совета Народных Комиссаров СССР;

Заместителей председателя Совета Народных Комиссаров СССР;

Председателя Государственной плановой комиссии СССР;

Председателя Комиссии советского контроля;

Народных Комиссаров СССР;

Председателя Комитета заготовок;
 Председателя Комитета по делам искусств;
 Председателя Комитета по делам высшей школы.

Статья 71. Правительство СССР или Народный Комиссар СССР, к которым обращен запрос депутата Верховного Совета СССР, обязаны не более чем в трехдневный срок дать устный или письменный ответ в соответствующей палате.

Статья 72. Народные Комиссары СССР руководят отраслями государственного управления, входящими в компетенцию СССР.

Статья 73. Народные Комиссары СССР издают в пределах компетенции соответствующих Народных Комиссариатов приказы и инструкции на основании и во исполнение действующих законов, а также постановлений и распоряжений Совета Народных Комиссаров СССР, и проверяют их исполнение.

Статья 74. Народные Комиссариаты СССР являются или общесоюзными или союзно-республиканскими.

Статья 75. Общесоюзные Народные Комиссариаты руководят порученной им отраслью государственного управления на всей территории СССР или непосредственно или через назначаемые ими органы. *Статья 76.* Союзно-республиканские Народные Комиссариаты руководят порученной им отраслью государственного управления, как правило, через одноименные Народные Комиссариаты союзных республик и управляют непосредственно лишь определенным ограниченным числом предприятий по списку, утверждаемому Президиумом Верховного Совета СССР.

Статья 77. К общесоюзным Народным Комиссариатам относятся Народные Комиссариаты:

Оборонь;
 Иностраннх дел;
 Внешней торговли;
 Путей сообщения;
 Связи;
 Водного транспорта;
 Тяжелой промышленности;
 Оборонной промышленности

Статья 78. К союзно-республиканским Народным Комиссариатам относятся Народные Комиссариаты:

Пищевой промышленности;
 Легкой промышленности;
 Лесной промышленности;
 Земледелия;
 Зерновых и животноводческих совхозов;
 Финансов;
 Внутренней торговли;
 Внутренних дел;
 Юстиции;
 Здравоохранения.

Глава VI

Органы государственного управления союзных республик

Статья 79. Высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти Союзной республики является Совет Народных Комиссаров Союзной республики.

Статья 80. Совет Народных Комиссаров Союзной республики ответственен перед Верховным Советом Союзной республики и ему подотчетен, а в период между сессиями Верховного Совета Союзной республики — перед Президиумом Верховного Совета Союзной республики, которому подотчетен.

Статья 81. Совет Народных Комиссаров Союзной республики издает постановления и распоряжения на основе и во исполнение действующих законов СССР и Союзной республики, постановлений и распоряжений Совета Народных Комиссаров СССР и проверяет их исполнение.

Статья 82. Совет Народных Комиссаров Союзной республики имеет право приостанавливать постановления и распоряжения Советов Народных Комиссаров автономных республик и отменять решения и распоряжения исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся краев, областей и автономных областей.

Статья 83. Совет Народных Комиссаров Союзной республики образуется Верховным Советом Союзной республики в составе:

Председателя Совета Народных Комиссаров Союзной республики;

Заместителей председателя;

Председателя Государственной плановой комиссии;

Народных Комиссаров:

Пищевой промышленности;

Легкой промышленности;

Лесной промышленности;

Земледелия;

Зерновых и животноводческих совхозов;

Финансов;

Внутренней торговли;

Внутренних дел;

Юстиции;

Здравоохранения;

Просвещения;

Местной промышленности;

Коммунального хозяйства;

Социального обеспечения;

Уполномоченного Комитета заготовок;

Начальника Управления по делам искусств;

Уполномоченных общесоюзных Народных Комиссариатов.

Статья 84. Народные Комиссары Союзной республики руководят отраслями государственного управления, входящими в компетенцию Союзной республики.

Статья 85. Народные Комиссары Союзной республики издают в преде-

лах компетенции соответствующих Народных Комиссариатов приказы и инструкции на основании и во исполнение законов СССР и Союзной республики, постановлений и распоряжений Совета Народных Комиссаров СССР и Союзной республики, приказов и инструкций союзно-республиканских Народных Комиссариатов СССР.

Статья 86. Народные Комиссариаты Союзной республики являются союзно-республиканскими или республиканскими.

Статья 87. Союзно-республиканские Народные Комиссариаты руководят порученной им отраслью государственного управления, подчиняясь как Совету Народных Комиссаров Союзной республики, так и соответствующему союзно-республиканскому Народному Комиссариату СССР.

Статья 88. Республиканские Народные Комиссариаты руководят порученной им отраслью государственного управления, подчиняясь непосредственно Совету Народных Комиссаров Союзной республики.

Глава VII

Высшие органы государственной власти Автономных Советских Социалистических Республик

Статья 89. Высшим органом государственной власти Автономной республики является Верховный Совет АССР.

Статья 90. Верховный Совет Автономной республики избирается гражданами республики сроком на четыре года по нормам представительства, устанавливаемым Конституцией Автономной республики.

Статья 91. Верховный Совет Автономной республики является единственным законодательным органом АССР.

Статья 92. Каждая Автономная республика имеет свою Конституцию, учитывающую особенности Автономной республики и построенную в полном соответствии с Конституцией Союзной республики.

Статья 93. Верховный Совет Автономной республики избирает Президиум Верховного Совета Автономной республики и образует Совет Народных Комиссаров Автономной республики, согласно своей Конституции.

Глава VIII

Местные органы государственной власти

Статья 94. Органами государственной власти в краях, областях, автономных областях, округах, районах, городах, селах (станицах, деревнях, хуторах, кишлаках, аулах) являются Советы депутатов трудящихся.

Статья 95. Краевые, областные, автономных областей, окружные, районные, городские, сельские (станиц, деревень, хуторов, кишлаков, аулов) Советы депутатов трудящихся избираются соответственно трудящимися края, области, автономной области, округа, района, города, села сроком на два года.

Статья 96. Нормы представительства в Советы депутатов трудящихся определяются Конституциями союзных республик.

Статья 97. Советы депутатов трудящихся руководят деятельностью подчиненных им органов управления, обеспечивают охрану государственного порядка, соблюдение законов и охрану прав граждан, руководят местным хозяйственным и культурным строительством, устанавливают местный бюджет.

Статья 98. Советы депутатов трудящихся принимают решения и дают распоряжения в пределах прав, предоставленных им законами СССР и Союзной республики.

Статья 99. Исполнительными и распорядительными органами краевых, областных, автономных областей, окружных, районных, городских и сельских Советов депутатов трудящихся являются избираемые ими исполнительные комитеты в составе: председателя, его заместителей, секретаря и членов.

Статья 100. Исполнительным и распорядительным органом сельских Советов депутатов трудящихся в небольших поселениях, в соответствии с Конституциями союзных республик, являются избираемые ими председатель, его заместитель и секретарь.

Статья 101. Исполнительные органы Советов депутатов трудящихся непосредственно подотчетны как Совету депутатов трудящихся, их избравшему, так и исполнительному органу вышестоящего Совета депутатов трудящихся.

Глава IX

Суд и прокуратура

Статья 102. Правосудие в СССР осуществляется Верховным Судом СССР, Верховными Судами союзных республик, краевыми и областными судами, судами автономных республик и автономных областей, окружными судами, специальными судами СССР, создаваемыми по постановлению Верховного Совета СССР, народными судами.

Статья 103. Рассмотрение дел во всех судах осуществляется с участием народных заседателей, кроме случаев, специально предусмотренных законом

Статья 104. Верховный Суд СССР является высшим судебным органом. На Верховный Суд СССР возлагается надзор за судебной деятельностью всех судебных органов СССР и союзных республик.

Статья 105. Верховный Суд СССР и специальные суды СССР избираются Верховным Советом СССР сроком на пять лет.

Статья 106. Верховные Суды союзных республик избираются Верховными Советами союзных республик сроком на пять лет.

Статья 107. Верховные Суды автономных республик избираются Верховными Советами автономных республик сроком на пять лет.

Статья 108. Краевые и областные суды, суды автономных областей, окружные суды избираются краевыми, областными или окружными Советами депутатов трудящихся или Советами депутатов трудящихся автономных областей сроком на пять лет.

Статья 109. Народные суды избираются гражданами района на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании — сроком на три года.

Статья 110. Судопроизводство ведется на языке союзной или автономной республики или автономной области с обеспечением для лиц, не владеющих этим языком, полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также права выступать на суде на родном языке.

Статья 111. Разбирательство дел во всех судах СССР открытое, поскольку законом не предусмотрены исключения, с обеспечением обвиняемому права на защиту.

Статья 112. Судьи независимы и подчиняются только закону.

Статья 113. Высший надзор за точным исполнением законов всеми Народными Комиссариатами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР возлагается на Прокурора СССР.

Статья 114. Прокурор СССР назначается Верховным Советом СССР сроком на семь лет.

Статья 115. Республиканские, краевые, областные прокуроры, а также прокуроры автономных республик и автономных областей назначаются Прокурором СССР сроком на пять лет.

Статья 116. Окружные, районные и городские прокуроры назначаются прокурорами союзных республик с утверждения Прокурора СССР сроком на пять лет.

Статья 117. Органы прокуратуры осуществляют свои функции независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняясь только Прокурору СССР.

Глава X

Основные права и обязанности граждан

Статья 118. Граждане СССР имеют право на труд, то-есть право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством.

Право на труд обеспечивается социалистической организацией народного хозяйства, неуклонным ростом производительных сил советского общества, устранением возможности хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы.

Статья 119. Граждане СССР имеют право на отдых.

Право на отдых обеспечивается сокращением рабочего дня для подавляющего большинства рабочих до 7 часов, установлением ежегодных отпусков рабочим и служащим с сохранением заработной платы, предоставлением для обслуживания трудящихся широкой сети санаториев, домов отдыха, клубов.

Статья 120. Граждане СССР имеют право на материальное обеспечение в старости, а также — в случае болезни и потери трудоспособности.

Это право обеспечивается широким развитием социального страхования рабочих и служащих за счет государства, бесплатной медицинской помо-

щью трудящимся, предоставлением в пользование трудящимся широкой сети курортов.

Статья 121. Граждане СССР имеют право на образование.

Это право обеспечивается всеобще-обязательным начальным образованием, бесплатностью образования, включая высшее образование, системой государственных стипендий подавляющему большинству учащихся в высшей школе, обучением в школах на родном языке, организацией на заводах, в совхозах, машинотракторных станциях и колхозах бесплатного производственного, технического и агрономического обучения трудящихся.

Статья 122. Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни.

Возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских ясель и садов.

Статья 123. Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом.

Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения — караются законом.

Статья 124. В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами.

Статья 125. В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется законом

- а) свобода слова,
- б) свобода печати,
- в) свобода собраний и митингов,
- г) свобода уличных шествий и демонстраций.

Эти права граждан обеспечиваются предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления.

Статья 126. В соответствии с интересами трудящихся и в целях развития организационной самостоятельности и политической активности народных масс гражданам СССР обеспечивается право объединения в общественные организации: профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества, а наиболее активные и созна-

тельные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков), являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных.

Статья 127. Гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора.

Статья 128. Неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки охраняются законом.

Статья 129. СССР предоставляет право убежища иностранным гражданам, преследуемым за защиту интересов трудящихся, или научную деятельность, или национально-освободительную борьбу.

Статья 130. Каждый гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию Союза Советских Социалистических Республик, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития.

Статья 131. Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся.

Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа.

Статья 132. Всеобщая воинская обязанность является законом.

Воинская служба в Рабоче-Крестьянской Красной Армии представляет почетную обязанность граждан СССР.

Статья 133. Защита отечества есть священный долг каждого гражданина СССР. Измена родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж — караются по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние.

Глава XI

Избирательная система

Статья 134. Выборы депутатов во все Советы депутатов трудящихся: Верховный Совет СССР, Верховные Советы союзных республик, краевые и областные Советы депутатов трудящихся, Верховные Советы автономных республик, Советы депутатов трудящихся автономных областей, окружные, районные, городские и сельские (станции, деревни, хутора, кишлака, аула) Советы депутатов трудящихся, — производятся избирателями на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Статья 135. Выборы депутатов являются всеобщими: все граждане СССР, достигшие 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельнос-

ти, имеют право участвовать в выборах депутатов и быть избранными, за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав.

Статья 136. Выборы депутатов являются равными: каждый гражданин имеет один голос; все граждане участвуют в выборах на равных основаниях.

Статья 137. Женщины пользуются правом избирать и быть избранными наравне с мужчинами.

Статья 138. Граждане, состоящие в рядах Красной Армии, пользуются правом избирать и быть избранными наравне со всеми гражданами.

Статья 139. Выборы депутатов являются прямыми: выборы во все Советы депутатов трудящихся, начиная от сельского и городского Совета депутатов трудящихся вплоть до Верховного Совета СССР, производятся гражданами непосредственно путем прямых выборов.

Статья 140. Голосование при выборах депутатов является тайным.

Статья 141. Кандидаты при выборах выставляются по избирательным округам.

Право выставления кандидатов обеспечивается за общественными организациями и обществами трудящихся: коммунистическими партийными организациями, профессиональными союзами, кооперативами, организациями молодежи, культурными обществами.

Статья 142. Каждый депутат обязан отчитываться перед избирателями в своей работе и в работе Совета депутатов трудящихся и может быть в любое время отозван по решению большинства избирателей в установленном законом порядке.

Глава XII

Герб, флаг, столица

Статья 143. Государственный герб Союза Советских Социалистических Республик состоит из серпа и молота на земном шаре, изображенном в лучах солнца и обрамленном колосьями, с надписью на языках союзных республик: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Наверху герба имеется пятиконечная звезда.

Статья 144. Государственный флаг Союза Советских Социалистических Республик состоит из красного полотнища, с изображением на его верхнем углу у древка золотых серпа и молота и над ними красной пятиконечной звезды, обрамленной золотой каймой. Отношение ширины к длине 1 : 2.

Статья 145. Столицей Союза Советских Социалистических Республик является город Москва.

Глава XIII

Порядок изменения Конституции

Статья 146. Изменение Конституции СССР производится лишь по решению Верховного Совета СССР, принятому большинством не менее $\frac{2}{3}$ голосов в каждой из его палат.

**И. Сталин. О НЕДОСТАТКАХ ПАРТИЙНОЙ РАБОТЫ И
МЕРАХ ЛИКВИДАЦИИ ТРОЦКИСТСКИХ И ИНЫХ
ДВУРУШНИКОВ. Доклад из заключительного слова на
пленуме ЦК ВКП(б) 3—5 марта 1937г.**

Товарищи!

Из докладов и прений по ним, заслушанных на Пленуме, видно, что мы имеем здесь дело со следующими тремя основными фактами.

Во-первых, вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств, в числе которых довольно активную роль играли троцкисты, задела в той или иной степени все или почти все наши организации, как хозяйственные, так и административные и партийные.

Во-вторых, агенты иностранных государств, в том числе троцкисты, проникли не только в низовые организации, но и на некоторые ответственные посты.

В-третьих, некоторые наши руководящие товарищи, как в центре, так и на местах, не только не сумели разглядеть настоящее лицо этих вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, но оказались до того беспечными, благодушными и наивными, что нередко сами содействовали продвижению агентов иностранных государств на те или иные ответственные посты.

Таковы три бесспорных факта, естественно вытекающих из докладов и прений по ним.

1. Политическая беспечность

Чем объяснить, что наши руководящие товарищи, имеющие богатый опыт борьбы со всякого рода антипартийными и антисоветскими течениями, оказались в данном случае столь наивными и слепыми, что не сумели разглядеть настоящее лицо врагов народа, не сумели распознать волков в овечьей шкуре, не сумели сорвать с них маску?

Можно ли утверждать, что вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств, действующих на территории СССР, может являться для нас чем-либо неожиданным и небывалым? Нет, нельзя этого утверждать. Об этом говорят вредительские акты в разных отраслях народного хозяйства за последние 10 лет, начиная с шахтинского периода, зафиксированные в официальных документах.

Можно ли утверждать, что за последнее время не было у нас каких-либо предостерегающих сигналов и предупреждающих указаний насчет вредительской, шпионской или террористической деятельности троцкистско-зиновьевских агентов фашизма? Нет, нельзя этого утверждать. Такие сигналы были, и большевики не имеют права забывать о них.

Злодейское убийство товарища Кирова было первым серьезным предупреждением, говорящим о том, что враги народа будут двурушничать и, двурушничая, будут маскироваться под большевика, под партийца, для того, чтобы втереться в доверие и открыть себе доступ в наши организации.

Судебный процесс «Ленинградского центра», равно как судебный процесс «Зиновьева—Каменева», дал новое обоснование урокам, вытекающим из факта злодейского убийства товарища Кирова.

Судебный процесс «Зиновьевско-троцкистского блока» расширил уроки предыдущих процессов, показав воочию, что зиновьевцы и троцкисты объединяют вокруг себя все враждебные буржуазные элементы, что они превратились в шпионскую и диверсионно-террористическую агентуру германской полицейской охранки, что двурушничество и маскировка являются единственным средством зиновьевцев и троцкистов для проникновения в наши организации, что бдительность и политическая прозорливость представляют наиболее верное средство для предотвращения такого проникновения, для ликвидации зиновьевско-троцкистской шайки.

Центральный Комитет ВКП(б) в своем закрытом письме от 18 января 1935 года по поводу злодейского убийства товарища Кирова решительно предостерегал партийные организации от политического благодушия и обыкательского ротозейства. В закрытом письме сказано:

«Надо покончить с оппортунистическим благодушием, исходящим из ошибочного предположения о том, что по мере роста наших сил враг становится будто бы все более ручным и безобидным. Такое предположение в корне неправильно. Оно является отрыжкой правого уклона, уверяющего всех и вся, что враги будут потихоньку вползать в социализм, что они станут в конце концов настоящими социалистами. Не дело большевиков почивать на лаврах и ротозействовать. Не благодушие нам нужно, а бдительность, настоящая большевистская революционная бдительность. Надо помнить, что чем безнадежнее положение врагов, тем охотнее они будут хвататься за крайние средства, как единственные средства обреченных в их борьбе с советской властью. Надо помнить это и быть бдительным».

В своем закрытом письме от 29 июля 1936 года по поводу шпионско-террористической деятельности троцкистско-зиновьевского блока Центральный Комитет ВКП(б) вновь призывал партийные организации к максимальной бдительности, к умению распознавать врагов народа, как бы хорошо они ни были замаскированы. В закрытом письме сказано:

«Теперь, когда доказано, что троцкистско-зиновьевские изверги объединяют в борьбе против советской власти всех наиболее озлобленных и заклятых врагов трудящихся нашей страны,— шпионов, провокаторов, диверсантов, белогвардейцев, кулаков и т. д., когда между этими элементами, с одной стороны, и троцкистами и зиновьевцами, с другой стороны, стерлись всякие грани,— все наши партийные организации, все члены партии должны понять, что бдительность коммунистов необходима на любом участке и во всякой обстановке. Неотъемлемым качеством каждого большевика в настоящих условиях должно быть умение распознавать врага партии, как бы хорошо он ни был замаскирован».

Значит, сигналы и предупреждения были.

К чему призывали эти сигналы и предупреждения?

Они призывали к тому, чтобы ликвидировать слабость партийно-орга-

низационной работы и превратить партию в неприступную крепость, куда не мог бы проникнуть ни один двурушник.

Они призывали к тому, чтобы покончить с недооценкой партийно-политической работы и сделать решительный поворот в сторону всемерного усиления такой работы, в сторону усиления политической бдительности.

И что же? Факты показали, что сигналы и предупреждения воспринимались нашими товарищами более чем туго.

Об этом красноречиво говорят всем известные факты из области кампании по проверке и обмену партийных документов.

Чем объяснить, что эти предостережения и сигналы не возымели должного действия?

Чем объяснить, что наши партийные товарищи, несмотря на их опыт борьбы с антисоветскими элементами, несмотря на целый ряд предостерегающих сигналов и предупреждающих указаний, оказались политически близорукими перед лицом вредительской и шпионско-диверсионной работы врагов народа?

Может быть наши партийные товарищи стали хуже, чем они были раньше, стали менее сознательными и дисциплинированными? Нет, конечно, нет!

Может быть они стали перерождаться? Опять же нет! Такое предположение лишено всякого основания.

Так в чем же дело? Откуда такое ротозейство, беспечность, благодушие, слепота?

Дело в том, что наши партийные товарищи, будучи увлечены хозяйственными кампаниями и колоссальными успехами на фронте хозяйственного строительства, забыли просто о некоторых очень важных фактах, о которых большевики не имеют права забывать. Они забыли об одном основном факте из области международного положения СССР и не заметили двух очень важных фактов, имеющих прямое отношение к нынешним вредителям, шпионам, диверсантам и убийцам, прикрывающимся партийным билетом и маскирующимся под большевика.

II. Капиталистическое окружение

Что это за факты, о которых забыли или которых просто не заметили наши партийные товарищи?

Они забыли о том, что советская власть победила только на одной шестой части света, что пять шестых света составляют владения капиталистических государств. Они забыли, что Советский Союз находится в обстановке капиталистического окружения. У нас принято болтать о капиталистическом окружении, но не хотят вдуматься, что это за штука — капиталистическое окружение. Капиталистическое окружение — это не пустая фраза, это очень реальное и неприятное явление. Капиталистическое окружение — это значит, что имеется одна страна, Советский Союз, которая установила у себя социалистические порядки, и имеется, кроме того, много стран — буржуазные страны, которые продолжают вести капиталистический образ жизни и которые окружают Советский Союз, выжидая случая для того, чтобы напасть на него, разбить его или, во всяком случае — подорвать его мощь и ослабить его. Об этом основном

факте забыли наши товарищи. А ведь он именно и определяет основу взаимоотношений между капиталистическим окружением и Советским Союзом.

Взять, например, буржуазные государства. Наивные люди могут подумать, что между ними существуют исключительно добрые отношения, как между государствами однотипными. Но так могут думать только наивные люди. На самом деле отношения между ними более чем далеки от добрососедских отношений. Доказано, как дважды два четыре, что буржуазные государства засылают друг к другу в тыл своих шпионов, вредителей, диверсантов, а иногда и убийц, дают им задание внедриться в учреждения и предприятия этих государств, создать там свою сеть и «в случае необходимости» — взорвать их тылы, чтобы ослабить их и подорвать их мощь. Так обстоит дело в настоящее время. Так обстояло дело и в прошлом. Взять, например, государства в Европе времен Наполеона I. Франция кишела тогда шпионами и диверсантами из лагеря русских, немцев, австрийцев, англичан. И, наоборот, Англия, немецкие государства, Австрия, Россия имели тогда в своем тылу не меньшее количество шпионов и диверсантов из французского лагеря. Агенты Англии дважды устраивали покушение на жизнь Наполеона и несколько раз подымали вандейских крестьян во Франции против правительства Наполеона. А что из себя представляло наполеоновское правительство? Буржуазное правительство, которое задушило французскую революцию и сохранило только те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии. Нечего и говорить, что наполеоновское правительство не оставалось в долгу у своих соседей и тоже предпринимало свои диверсионные мероприятия. Так было в прошлом, 130 лет тому назад. Так обстоит дело теперь, спустя 130 лет после Наполеона I. Сейчас Франция и Англия кишат немецкими шпионами и диверсантами и, наоборот, в Германии в свою очередь подвизаются англо-французские шпионы и диверсанты. Америка кишит японскими шпионами и диверсантами, а Япония — американскими.

Таков закон взаимоотношений между буржуазными государствами.

Спрашивается, почему буржуазные государства должны относиться к советскому социалистическому государству более мягко и более добрососедски, чем к однотипным буржуазным государствам? Почему они должны засылать в тылы Советского Союза меньше шпионов, вредителей, диверсантов и убийц, чем засылают их в тылы родственных им буржуазных государств? Откуда вы это взяли? Не вернее ли будет, с точки зрения марксизма, предположить, что в тылы Советского Союза буржуазные государства должны засылать вдвое и втрое больше вредителей, шпионов, диверсантов и убийц, чем в тылы любого буржуазного государства?

Не ясно ли, что пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств?

Обо всем этом забыли наши партийные товарищи и, забыв об этом, оказались застигнутыми врасплох.

Вот почему шпионско-диверсионная работа троцкистских агентов японо-немецкой полицейской охраны оказалась для некоторых наших товарищей полной неожиданностью.

III. Современный троцкизм

Далее. Ведя борьбу с троцкистскими агентами, наши партийные товарищи не заметили, проглядели, что нынешний троцкизм уже не тот, чем он был, скажем, лет 7—8 тому назад, что троцкизм и троцкисты претерпели за это время серьезную эволюцию, в корне изменившую лицо троцкизма, что ввиду этого и борьба с троцкизмом, методы борьбы с ним должны быть изменены в корне. Наши партийные товарищи не заметили, что троцкизм перестал быть политическим течением в рабочем классе, что из политического течения в рабочем классе, каким он был 7—8 лет тому назад, троцкизм превратился в оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств.

Что такое политическое течение в рабочем классе? Политическое течение в рабочем классе — это такая группа или партия, которая имеет свою определенную политическую физиономию, платформу, программу, которая не прячет и не может прятать своих взглядов от рабочего класса, а наоборот, пропагандирует свои взгляды открыто и честно, на глазах у рабочего класса, которая не боится показать свое политическое лицо рабочему классу, не боится демонстрировать своих действительных целей и задач перед рабочим классом, а наоборот, с открытым забралом идет в рабочий класс для того, чтобы убедить его в правоте своих взглядов. Троцкизм в прошлом, лет 7—8 тому назад, был одним из таких политических течений в рабочем классе, правда, антиленинским и потому глубоко ошибочным, но все же политическим течением.

Можно ли сказать, что нынешний троцкизм, троцкизм, скажем, 1936 года, является политическим течением в рабочем классе? Нет, нельзя этого говорить. Почему? Потому, что современные троцкисты боятся показать рабочему классу свое действительное лицо, боятся открыть ему свои действительные цели и задачи, старательно прячут от рабочего класса свою политическую физиономию, опасаясь, что если рабочий класс узнает об их действительных намерениях, он проклянет их, как людей чуждых, и прогонит их от себя. Этим, собственно, и объясняется, что основным методом троцкистской работы является теперь не открытая и честная пропаганда своих взглядов в рабочем классе, а маскировка своих взглядов, подбострастное и подхалимское восхваление взглядов своих противников, фарисейское и фальшивое втаптывание в грязь своих собственных взглядов.

На судебном процессе 1936 года, если вспомните, Каменев и Зиновьев решительно отрицали наличие у них какой-либо политической платформы. У них была полная возможность развернуть на судебном процессе свою политическую платформу. Однако они этого не сделали, заявив, что у них нет никакой политической платформы. Не может быть сомнения, что оба они

лгали, отрицая наличие у них платформы. Теперь даже слепые видят, что у них была своя политическая платформа. Но почему они отрицали наличие у них какой-либо политической платформы? Потому что они боялись открыть свое подлинное политическое лицо, они боялись продемонстрировать свою действительную платформу реставрации капитализма в СССР, опасаясь, что такая платформа вызовет в рабочем классе отращение.

На судебном процессе в 1937 году Пятаков, Радек и Сокольников стали на другой путь. Они не отрицали наличия политической платформы у троцкистов и зиновьевцев. Они признали наличие у них определенной политической платформы, признали и развернули ее в своих показаниях. Но развернули ее не для того, чтобы призвать рабочий класс, призвать народ к поддержке троцкистской платформы, а для того, чтобы проклясть и заклеить ее, как платформу антинародную и антипролетарскую. Реставрация капитализма, ликвидация колхозов и совхозов, восстановление системы эксплуатации, союз с фашистскими силами Германии и Японии для приближения войны с Советским Союзом, борьба за войну и против политики мира, территориальное расчленение Советского Союза с отдачей Украины немцам, а Приморья — японцам, подготовка военного поражения Советского Союза в случае нападения на него враждебных государств и, как средство достижения этих задач, — вредительство, диверсия, индивидуальный террор против руководителей советской власти, шпионаж в пользу японо-немецких фашистских сил, — такова развернутая Пятаковым, Радеком и Сокольниковым политическая платформа нынешнего троцкизма. Понятно, что такую платформу не могли не прятать троцкисты от народа, от рабочего класса. И они прятали ее не только от рабочего класса, но и от троцкистской массы, и не только от троцкистской массы, но даже от руководящей троцкистской верхушки, состоявшей из небольшой кучки людей в 30—40 человек. Когда Радек и Пятаков потребовали от Троцкого разрешения на созыв маленькой конференции троцкистов в 30—40 человек для информации о характере этой платформы, Троцкий запретил им это, сказав, что нецелесообразно говорить о действительном характере платформы даже маленькой кучке троцкистов, так как такая «операция» может вызвать раскол.

«Политические деятели», прячущие свои взгляды, свою платформу не только от рабочего класса, но и от троцкистской массы, и не только от троцкистской массы, но и от руководящей верхушки троцкистов, — такова физиономия современного троцкизма.

Но из этого вытекает, что современный троцкизм нельзя уже называть политическим течением в рабочем классе.

Современный троцкизм есть не политическое течение в рабочем классе, а беспринципная и безыдейная банда вредителей, диверсантов, разведчиков, шпионов, убийц, банда заклятых врагов рабочего класса, действующих по найму у разведывательных органов иностранных государств.

Таков неоспоримый результат эволюции троцкизма за последние 7—8 лет.

Такова разница между троцкизмом в прошлом и троцкизмом в настоящем.

Ошибка наших партийных товарищей состоит в том, что они не заметили этой глубокой разницы между троцкизмом в прошлом и троцкизмом в настоящем. Они не заметили, что троцкисты давно уже перестали быть идейными людьми, что троцкисты давно уже превратились в разбойников с большой дороги, способных на любую гадость, способных на все мерзкое вплоть до шпионажа и прямой измены своей родине, лишь бы напакостить советскому государству и советской власти. Они не заметили этого и не сумели поэтому вовремя перестроиться для того, чтобы повести борьбу с троцкистами по-новому, более решительно.

Вот почему мерзости троцкистов за последние годы явились для некоторых наших партийных товарищей полной неожиданностью.

Дальше. Наконец, наши партийные товарищи не заметили того, что между нынешними вредителями и диверсантами, среди которых троцкистские агенты фашизма играют довольно активную роль, с одной стороны, и вредителями и диверсантами времен шахтинского периода, с другой стороны, имеется существенная разница.

Во-первых. Шахтинцы и промпартийцы были открыто чуждыми нам людьми. Это были большей частью бывшие владельцы предприятий, бывшие управляющие при старых хозяевах, бывшие компаньоны старых акционерных обществ, либо просто старые буржуазные специалисты, открыто враждебные нам политически. Никто из наших людей не сомневался в подлинности политического лица этих господ. Да и сами шахтинцы не скрывали своего неприязненного отношения к советскому строю. Нельзя то же самое сказать о нынешних вредителях и диверсантах, о троцкистах. Нынешние вредители и диверсанты, троцкисты, — это большей частью люди партийные, с партийным билетом в кармане, — стало быть, люди формально не чужие. Если старые вредители шли против наших людей, то новые вредители, наоборот, лебезят перед нашими людьми, восхваляют наших людей, подхалимничают перед ними для того, чтобы втереться в доверие. Разница, как видите, существенная.

Во-вторых. Сила шахтинцев и промпартийцев состояла в том, что они обладали в большей или меньшей степени необходимыми техническими знаниями, в то время, как наши люди, не имевшие таких знаний, вынуждены были учиться у них. Это обстоятельство давало вредителям шахтинского периода большое преимущество, давало им возможность вредить свободно и беспрепятственно, давало им возможность обманывать наших людей *технически*. Не то с нынешними вредителями, с троцкистами. У нынешних вредителей нет никаких технических преимуществ по отношению к нашим людям. Наоборот, технически наши люди более подготовлены, чем нынешние вредители, чем троцкисты. За время от шахтинского периода до наших дней у нас выросли десятки тысяч настоящих технически подготовленных большевистских кадров. Можно было бы назвать тысячи и десятки тысяч технически выросших большевистских руководителей, в сравнении с которыми все эти Пятаковы и Лившицы, Шестовы и Богуславские, Мураловы и Дробнисы являются пустыми болтунами и приготовишками с точки зре-

ния технической подготовки. В чем же в таком случае состоит сила современных вредителей, троцкистов? Их сила состоит в партийном билете, в обладании партийным билетом. Их сила состоит в том, что партийный билет дает им политическое доверие и открывает им доступ во все наши учреждения и организации. Их преимущество состоит в том, что, имея партийные билеты и прикидываясь друзьями советской власти, они обманывали наших людей *политически*, злоупотребляли доверием, вредили втихомолку и открывали наши государственные секреты врагам Советского Союза. «Преимущество» сомнительное по своей политической и моральной ценности, но все же «преимущество». Этим «преимуществом» и объясняется, собственно, то обстоятельство, что троцкистские вредители, как люди с партбилетом, имеющие доступ во все места наших учреждений и организаций, оказались прямой находкой для разведывательных органов иностранных государств.

Ошибка некоторых наших партийных товарищей состоит в том, что они не заметили, не поняли всей этой разницы между старыми и новыми вредителями, между шахтинцами и троцкистами, и, не заметив этого, не сумели во-время перестроиться для того, чтобы повести борьбу с новыми вредителями по-новому.

IV. Теневые стороны хозяйственных успехов

Таковы основные факты из области нашего международного и внутреннего положения, о которых забыли или которых не заметили многие наши партийные товарищи.

Вот почему наши люди оказались застигнутыми врасплох событиями последних лет по части вредительства и диверсий.

Могут спросить: но почему наши люди не заметили всего этого, почему они забыли обо всем этом?

Откуда взялись все эти забывчивость, слепота, беспечность, благодушие?

Не есть ли это органический порок в работе наших людей?

Нет, это не органический порок. Это — временное явление, которое может быть быстро ликвидировано при наличии некоторых усилий со стороны наших людей.

В чем же тогда дело?

Дело в том, что наши партийные товарищи за последние годы были всецело поглощены хозяйственной работой, они были до крайности увлечены хозяйственными успехами и, будучи увлечены всем этим делом, — забыли обо всем другом, забросили все остальное.

Дело в том, что, будучи увлечены хозяйственными успехами, они стали видеть в этом деле начало и конец всего, а на такие дела, как международное положение Советского Союза, капиталистическое окружение, усиление политической работы партии, борьба с вредительством и т. п. — не стали просто обращать внимания, полагая, что все эти вопросы представляются второстепенное или даже третьестепенное дело.

Успехи и достижения — дело, конечно, великое. Наши успехи в области социалистического строительства действительно огромны. Но успе-

хи, как и все на свете, имеют и свои теневые стороны. У людей, мало искушенных в политике, большие успехи и большие достижения нередко порождают беспечность, благодушие, самодовольство, чрезмерную самоуверенность, зазнайство, хвастовство. Вы не можете отрицать, что за последнее время хвастунов у нас развелось видимо-невидимо. Неудивительно, что в этой обстановке больших и серьезных успехов в области социалистического строительства создаются настроения бахвальства, настроения парадных манифестаций наших успехов, создаются настроения недооценки сил наших врагов, настроения переоценки своих сил и, как следствие всего этого,— появляется политическая слепота.

Тут я должен сказать несколько слов об опасностях, связанных с успехами, об опасностях, связанных с достижениями.

Об опасностях, связанных с трудностями, мы знаем по опыту. Вот уже несколько лет ведем борьбу с такого рода опасностями и, надо сказать, не без успеха. Опасности, связанные с трудностями, у людей нестойких порождают нередко настроения уныния, неверия в свои силы, настроения пессимизма. И, наоборот, там, где дело идет о том, чтобы побороть опасности, проистекающие из трудностей, люди закаляются в этой борьбе и выходят из борьбы действительно твердокаменными большевиками. Такова природа опасностей, связанных с трудностями. Таковы результаты преодоления трудностей.

Но есть другого рода опасности, опасности, связанные с успехами, опасности, связанные с достижениями. Да, да, товарищи, опасности, связанные с успехами, с достижениями. Опасности эти состоят в том, что у людей, мало искушенных в политике и не очень много видавших, обстановка успехов — успех за успехом, достижение за достижением, перевыполнение планов за перевыполнением,— порождает настроения беспечности и самодовольства, создает атмосферу парадных торжеств и взаимных приветствий, убивающих чувство меры и притупляющих политическое чутье, размагничивает людей и толкает их на то, чтобы почить на лаврах.

Неудивительно, что в этой одуряющей атмосфере зазнайства и самодовольства, атмосфере парадных манифестаций и шумливых самовосхвалений люди забывают о некоторых существенных фактах, имеющих первостепенное значение для судеб нашей страны, люди начинают не замечать таких неприятных фактов, как капиталистическое окружение, новые формы вредительства, опасности, связанные с нашими успехами и т. п. Капиталистическое окружение? Да это же чепуха! Какое значение может иметь какое-то капиталистическое окружение, если мы выполняем и перевыполняем наши хозяйственные планы? Новые формы вредительства, борьба с троцкизмом? Все это пустяки! Какое значение могут иметь все эти мелочи, когда мы выполняем и перевыполняем наши хозяйственные планы? Партийный устав, выборность парторганов, отчетность партийных руководителей перед партийной массой? Да есть ли во всем этом нужда? Стоит ли вообще возиться с этими мелочами, если хозяйство у нас растет, а материальное положение рабочих и крестьян все более и более улучшается? Пустяки все это! Планы перевыполняем, партия у нас неплохая, ЦК партии тоже неплохой,— какого рожна еще нам нужно? Станные люди сидят там в Моск-

ве, в ЦК партии: выдумывают какие-то вопросы, толкуют о каком-то вредительстве, сами не спят, другим спать не дают...

Вот вам наглядный пример того, как легко и «просто» заражаются политической слепотой некоторые наши неопытные товарищи в результате головокружительного увлечения хозяйственными успехами.

Таковы опасности, связанные с успехами, с достижениями.

Таковы причины того, что наши партийные товарищи, увлекшись хозяйственными успехами, забыли о фактах международного и внутреннего характера, имеющих существенное значение для Советского Союза, и не заметили целого ряда опасностей, окружающих нашу страну.

Таковы корни нашей беспечности, забывчивости, благодушия, политической слепоты.

Таковы корни недостатков нашей хозяйственной и партийной работы.

V. Наши задачи

Как ликвидировать эти недостатки нашей работы?

Что нужно сделать для этого?

Необходимо осуществить следующие мероприятия.

1) Необходимо прежде всего повернуть внимание наших партийных товарищей, увязавших в «текущих вопросах» по линии того или иного ведомства, — в сторону больших политических вопросов международного и внутреннего характера.

2) Необходимо поднять политическую работу нашей партии на должную высоту, поставив во главу угла задачу политического просвещения и большевистской закалки партийных, советских и хозяйственных кадров.

3) Необходимо разъяснять нашим партийным товарищам, что хозяйственные успехи, значение которых бесспорно очень велико и которых мы будем добиваться и впредь, изо дня в день, из года в год, — все же не исчерпывают всего дела нашего социалистического строительства.

Разъяснять, что теневые стороны, связанные с хозяйственными успехами и выражающиеся в самодовольстве, беспечности, в притуплении политического чутья, могут быть ликвидированы лишь в том случае, если хозяйственные успехи сочетаются с успехами партийного строительства и развернутой политической работы нашей партии.

Разъяснять, что сами хозяйственные успехи, их прочность и длительность целиком и полностью зависят от успехов партийно-организационной и партийно-политической работы, что без этого условия хозяйственные успехи могут оказаться построенными на песке.

4) Необходимо помнить и никогда не забывать, что капиталистическое окружение является основным фактом, определяющим международное положение Советского Союза.

Помнить и никогда не забывать, что пока есть капиталистическое окружение, — будут и вредители, диверсанты, шпионы, террористы, засылаемые в тылы Советского Союза разведывательными органами иностранных государств, помнить об этом и вести борьбу с теми товарищами, которые недооценивают значения факта капиталистического окружения, которые недооценивают силы и значения вредительства.

Разъяснять нашим партийным товарищам, что никакие хозяйственные

успехи, как бы они ни были велики, не могут аннулировать факта капиталистического окружения и вытекающих из этого факта результатов.

Принять необходимые меры для того, чтобы наши товарищи, партийные и беспартийные большевики, имели возможность знакомиться с целями и задачами, с практикой и техникой вредительско-диверсионной и шпионской работы иностранных разведывательных органов.

5) Необходимо разъяснить нашим партийным товарищам, что троцкисты, представляющие активные элементы диверсионно-вредительской и шпионской работы иностранных разведывательных органов, давно уже перестали быть политическим течением в рабочем классе, что они давно уже перестали служить какой-либо идее, совместимой с интересами рабочего класса, что они превратились в беспринципную и безыдейную банду вредителей, диверсантов, шпионов, убийц, работающих по найму у иностранных разведывательных органов.

Разъяснить, что в борьбе с современным троцкизмом нужны теперь не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчевывания и разгрома.

6) Необходимо разъяснить нашим партийным товарищам разницу между современными вредителями и вредителями шахтинского периода, разъяснить, что если вредители шахтинского периода обманывали наших людей на технике, используя их техническую отсталость, то современные вредители, обладающие партийным билетом, обманывают наших людей на политическом доверии к ним, как к членам партии, используя политическую беспечность наших людей.

Необходимо дополнить старый лозунг об овладении техникой, соответствующий периоду шахтинских времен, новым лозунгом о политическом воспитании кадров, об овладении большевизмом и ликвидации нашей политической доверчивости, лозунгом, вполне соответствующим нынешнему переживаемому периоду.

Могут спросить: разве нельзя было лет десять тому назад, в период шахтинских времен, дать сразу оба лозунга, и первый лозунг об овладении техникой, и второй лозунг о политическом воспитании кадров? Нет, нельзя было. Так у нас дела не делаются в большевистской партии. В поворотные моменты революционного движения всегда выдвигается один какой-либо основной лозунг, как узловый, для того, чтобы, ухватившись за него, вытянуть через него всю цепь. Ленин так учил нас: найдите основное звено в цепи нашей работы, ухватитесь за него и вытягивайте его для того, чтобы через него вытянуть всю цепь и идти вперед. История революционного движения показывает, что эта тактика является единственно правильной тактикой. В шахтинский период слабость наших людей состояла в их технической отсталости. Не политические, а технические вопросы составляли тогда для нас слабое место. Что касается наших политических отношений к тогдашним вредителям, то они были совершенно ясны, как отношения большевиков к политически чуждым людям. Эту нашу техническую слабость мы ликвидировали тем, что дали лозунг об овладении техникой и воспитали за истекший период десятки и сотни тысяч технически подкованных большевистских кадров. Другое дело теперь, когда мы

имеем уже технически подкованные большевистские кадры и когда в роли вредителей выступают не открыто чуждые люди, не имеющие к тому же никаких технических преимуществ в сравнении с нашими людьми, а люди, обладающие партийным билетом и пользующиеся всеми правами членов партии. Теперь слабость наших людей составляет не техническая отсталость, а политическая беспечность, слепое доверие к людям, случайно получившим партийный билет, отсутствие проверки людей не по их политическим декларациям, а по результатам их работы. Теперь узловым вопросом для нас является не ликвидация технической отсталости наших кадров, ибо она в основном уже ликвидирована, а ликвидация политической беспечности и политической доверчивости к вредителям, случайно получившим партийный билет.

Такова коренная разница между узловым вопросом в деле борьбы за кадры в период шахтинских времен и узловым вопросом настоящего периода.

Вот почему мы не могли и не должны были давать лет десять тому назад сразу оба лозунга, и лозунг об овладении техникой, и лозунг о политическом воспитании кадров.

Вот почему старый лозунг об овладении техникой необходимо теперь дополнить новым лозунгом об овладении большевизмом, о политическом воспитании кадров и ликвидации нашей политической беспечности.

7) Необходимо разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас должна будто бы все более и более затухать, что по мере наших успехов классовый враг становится будто бы все более и более ручным.

Это — не только гнилая теория, но и опасная теория, ибо она усыпляет наших людей, заводит их в капкан, а классовому врагу дает возможность оправиться для борьбы с советской властью.

Наоборот, чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они итти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы, как последние средства обреченных.

Надо иметь в виду, что остатки разбитых классов в СССР неодинокі. Они имеют прямую поддержку со стороны наших врагов за пределами СССР. Ошибочно было бы думать, что сфера классовой борьбы ограничена пределами СССР. Если один конец классовой борьбы имеет свое действие в рамках СССР, то другой ее конец протягивается в пределы окружающих нас буржуазных государств. Об этом не могут не знать остатки разбитых классов. И именно потому, что они об этом знают, они будут и впредь продолжать свои отчаянные вылазки.

Так учит нас история. Так учит нас ленинизм.

Необходимо помнить все это и быть на-чеку.

8) Необходимо разбить и отбросить прочь другую гнилую теорию, говорящую о том, что не может быть будто бы вредителем тот, кто не всегда вредит и кто хоть иногда показывает успехи в своей работе.

Эта странная теория изобличает наивность ее авторов. Ни один вредитель не будет все время вредить, если он не хочет быть разоблачен-

ным в самый короткий срок. Наоборот, настоящий вредитель должен время от времени показывать успехи в своей работе, ибо это — единственное средство сохраниться ему, как вредителю, втереться в доверие и продолжать свою вредительскую работу.

Я думаю, что вопрос этот ясен и не нуждается в дальнейших разъяснениях.

9) Необходимо разбить и отбросить прочь третью гнилую теорию, говорящую о том, что систематическое выполнение хозяйственных планов сводит будто бы на-нет вредительство и результаты вредительства.

Подобная теория может преследовать лишь одну цель: пощекотать ведомственное самолюбие наших работников, успокоить их и ослабить их борьбу с вредительством.

Что значит—«систематическое выполнение наших хозяйственных планов»?

Во-первых, доказано, что все наши хозяйственные планы являются заниженными, ибо они не учитывают огромных резервов и возможностей, тающихся в недрах нашего народного хозяйства.

Во-вторых, суммарное выполнение хозяйственных планов по наркоматам в целом еще не значит, что по некоторым очень важным отраслям так же выполняются планы. Наоборот, факты говорят, что целый ряд наркоматов, выполнивших и даже перевыполнивших годовые хозяйственные планы, систематически не выполняет планов по некоторым очень важным отраслям народного хозяйства.

В-третьих, не может быть сомнения в том, что если бы вредители не были разоблачены и выброшены вон, с выполнением хозяйственных планов дело обстояло бы куда хуже, о чем следовало бы помнить близоруким авторам разбираемой теории.

В-четвертых, вредители обычно приурочивают главную свою вредительскую работу не к периоду мирного времени, а к периоду кануна войны или самой войны. Допустим, что мы стали бы убаюкивать себя гнилой теорией о «систематическом выполнении хозяйственных планов» и не трогали бы вредителей. Представляют ли авторы этой гнилой теории, какой колоссальный вред нанесли бы нашему государству вредители в случае войны, если бы дали им остаться в недрах нашего народного хозяйства под сенью гнилой теории о «систематическом выполнении хозяйственных планов».

Не ясно ли, что теория о «систематическом выполнении хозяйственных планов» есть теория, выгодная для вредителей?

10) Необходимо разбить и отбросить прочь четвертую гнилую теорию, говорящую о том, что стахановское движение является будто бы основным средством ликвидации вредительства.

Эта теория выдумана для того, чтобы под шумок болтовни о стахановцах и стахановском движении отвести удар от вредителей.

Тов. Молотов в своем докладе демонстрировал целый ряд фактов, говорящих о том, как троцкистские и не-троцкистские вредители в Кузбассе и Донбассе, злоупотребляя доверием наших политически беспечных товарищей, систематически водили за нос стахановцев, ставили им палки в колеса, искусственно создавали целый ряд препятствий для их успешной работы и добились, наконец, того, что расстроили их работу.

Что могут сделать одни лишь стахановцы, если вредительское ведение капитального строительства, скажем, в Донбассе привело к разрыву между подготовительными работами по добыче угля, которые отстают от темпов, и всеми другими работами? Не ясно ли, что само стахановское движение нуждается в реальной помощи с нашей стороны против всех и всяких махинаций вредителей для того, чтобы двинуть вперед дело и выполнить свою великую миссию? Не ясно ли, что борьба с вредительством, борьба за ликвидацию вредительства, обуздание вредительства является условием, необходимым для того, чтобы стахановское движение могло развернуться во всю ширь?

Я думаю, что вопрос этот так же ясен и не нуждается в дальнейших разъяснениях.

11) Необходимо разбить и отбросить прочь пятую гнилую теорию, говорящую о том, что у троцкистских вредителей нет будто бы больше резервов, что они добирают будто бы свои последние кадры.

Это неверно, товарищи. Такую теорию могли выдумать только наивные люди. У троцкистских вредителей есть свои резервы. Они состоят прежде всего из остатков разбитых эксплуататорских классов в СССР. Они состоят из целого ряда групп и организаций за пределами СССР, враждебных Советскому Союзу.

Взять, например, троцкистский контрреволюционный IV интернационал, состоящий на две трети из шпионов и диверсантов. Чем это не резерв? Разве не ясно, что этот шпионский интернационал будет выделять кадры для шпионско-вредительской работы троцкистов?

Или еще, взять, например, группу пройдохи Шеффо в Норвегии, приютившую у себя обер-шпиона Троцкого и помогавшую ему пакостить Советскому Союзу. Чем эта группа не резерв? Кто может отрицать, что эта контрреволюционная группа будет и впредь оказывать услуги троцкистским шпионам и вредителям?

Или еще, взять, например, другую группу такого же пройдохи, как Шеффо, группу Суварина во Франции. Чем она не резерв? Разве можно отрицать, что эта группа пройдох также будет помогать троцкистам в их шпионско-вредительской работе против Советского Союза?

А все эти господа из Германии, всякие там Рут Фишеры, Масловы, Урбансы, продавшие душу и тело фашистам, — чем они не резерв для троцкистской шпионско-вредительской работы?

Или, например, известная орда писателей из Америки во главе с известным жуликом Истменом, все эти разбойники пера, которые тем и живут, что клеветают на рабочий класс СССР, — чем они не резерв для троцкизма?

Нет, надо отбросить прочь гнилую теорию о том, что троцкисты добирают будто бы последние кадры.

12) Наконец, необходимо разбить и отбросить прочь еще одну гнилую теорию, говорящую о том, что так как нас, большевиков, много, а вредителей мало, так как нас, большевиков, поддерживают десятки миллионов людей, а троцкистских вредителей лишь единицы и десятки, то мы, большевики, могли бы и не обращать внимания на какую-то кучку вредителей.

Это неверно, товарищи. Эта более чем странная теория придумана для

того, чтобы утешить некоторых наших руководящих товарищей, провалившихся на работе ввиду их неумения бороться с вредительством, и усыпить их бдительность, дать им спокойно спать.

Что троцкистских вредителей поддерживают единицы, а большевиков десятки миллионов людей — это, конечно, верно. Но из этого вовсе не следует, что вредители не могут нанести нашему делу серьезнейший вред. Для того, чтобы напакостить и навредить, для этого вовсе не требуется большое количество людей. Чтобы построить Днепрострой, надо пустить в ход десятки тысяч рабочих. А чтобы его взорвать, для этого требуется может быть несколько десятков человек, не больше. Чтобы выиграть сражение во время войны, для этого может потребовался несколько корпусов красноармейцев. А для того, чтобы провалить этот выигрыш на фронте, для этого достаточно несколько человек шпионов где-нибудь в штабе армии или даже в штабе дивизии, могущих выкрасть оперативный план и передать его противнику. Чтобы построить большой железнодорожный мост, для этого требуются тысячи людей. Но чтобы его взорвать, на это достаточно всего несколько человек. Таких примеров можно было бы привести десятки и сотни.

Стало быть, нельзя утешать себя тем, что нас много, а их, троцкистских вредителей, мало.

Надо добиться того, чтобы их, троцкистских вредителей, не было вовсе в наших рядах..

Так обстоит дело с вопросом о том, как ликвидировать недостатки нашей работы, общие для всех наших организаций, как хозяйственных и советских, так и административных и партийных.

Таковы меры, необходимые для того, чтобы ликвидировать эти недостатки.

Что касается специально партийных организаций и недостатков в их работе, то о мерах ликвидации этих недостатков достаточно подробно говорится в представляемом на ваше усмотрение проекте резолюции. Я думаю, поэтому, что нет необходимости распространяться здесь об этой стороне дела.

Хотелось бы только сказать несколько слов по вопросу о политической подготовке и усовершенствовании наших партийных кадров.

Я думаю, что если бы мы смогли, если бы мы сумели наши партийные кадры, снизу доверху, подготовить идеологически и закалить их политически таким образом, чтобы они могли свободно ориентироваться во внутренней и международной обстановке, если бы мы сумели сделать их вполне зрелыми ленинцами, марксистами, способными решать без серьезных ошибок вопросы руководства страной, то мы разрешили бы этим девять десятых всех наших задач.

Как обстоит дело с руководящим составом нашей партии?

В составе нашей партии, если иметь в виду ее руководящие слои, имеется около 3—4 тысяч высших руководителей. Это, я бы сказал, — генералитет нашей партии.

Далее идут 30—40 тысяч средних руководителей. Это — наше партийное офицерство.

Дальше идут около 100—150 тысяч низшего партийного командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер офицерство.

Поднять идеологический уровень и политическую закалку этих командных кадров, влить в эти кадры свежие силы, ждущие своего движения, и расширить таким образом состав руководящих кадров,— вот задача.

Что требуется для этого?

Прежде всего необходимо предложить нашим партийным руководителям, от секретарей ячеек до секретарей областных и республиканских партийных организаций, подобрать себе в течение известного периода по два человека, по два партийных работника, способных быть их действительными заместителями. Могут сказать: а где их достать, двух заместителей на каждого, у нас нет таких людей, нет соответствующих работников. Это неверно, товарищи. Людей способных, людей талантливых у нас десятки тысяч. Надо только их знать и во-время выдвигать, чтобы они не переставали на старом месте и не начинали гнить. Ищите да обрящите.

Далее. Для партийного обучения и переподготовки секретарей ячеек необходимо создать в каждом областном центре четырехмесячные *«Партийные курсы»*. На эти курсы надо направлять секретарей всех первичных партийных организаций (ячеек), а потом, по прохождении курсов и возвращении их на место,— их заместителей и наиболее способных членов первичных парторганизаций.

Дальше. Для политической переподготовки первых секретарей районных организаций необходимо создать по СССР, скажем, в 10-ти наиболее важных центрах, восьмимесячные *«Ленинские курсы»*. На эти курсы следует направлять первых секретарей районных и окружных партийных организаций, а потом, по прохождении курсов и возвращении их на место,— их заместителей и наиболее способных членов районных и окружных организаций.

Дальше. Для идеологической переподготовки и политического усовершенствования секретарей городских организаций необходимо создать при ЦК ВКП(б) шестимесячные *«Курсы по истории и политике партии»*. На эти курсы следует направлять первых или вторых секретарей городских организаций, а потом, по прохождении курсов и возвращении их на место,— наиболее способных членов городских организаций.

Наконец, необходимо создать при ЦК ВКП(б) шестимесячное *«Совещание по вопросам внутренней и международной политики»*. Сюда надо направлять первых секретарей областных и краевых организаций и центральных комитетов национальных коммунистических партий. Эти товарищи должны дать не одну, а несколько смен, могущих заменить руководителей Центрального Комитета нашей партии. Это необходимо и это должно быть сделано.

Я кончаю, товарищи.

Мы изложили таким образом основные недостатки нашей работы, как те, которые общи для всех наших организаций, хозяйственных, административных, партийных, так и те, которые свойственны лишь специально партийным организациям, недостатки, используемые врагами рабочего класса для своей диверсионно-вредительской и шпионско-террористической работы.

Мы наметили, далее, основные мероприятия, необходимые для того, чтобы ликвидировать эти недостатки и обезвредить диверсионно-вредительские и шпионско-террористические вылазки троцкистско-фашистских агентов иностранных разведывательных органов.

Спрашивается, можем ли осуществить все эти мероприятия, есть ли у нас для этого все необходимые возможности?

Безусловно, можем. Можем, так как у нас есть в нашем распоряжении все средства, необходимые для того, чтобы осуществить эти мероприятия.

Чего же нехватает у нас?

Нехватает только одного: готовности ликвидировать свою собственную беспечность, свое собственное благодушие, свою собственную политическую близорукость.

В этом загвоздка.

Но неужели мы не сумеем разделаться с этой смешной и идиотской болезнью, мы, которые свергли капитализм, построили в основном социализм и подняли великое знамя мирового коммунизма?

У нас нет оснований сомневаться в том, что безусловно разделаемся с ней, если, конечно, захотим этого. Разделаемся не просто, а по-большевистски, по-настоящему.

И когда мы разделаемся с этой идиотской болезнью, мы можем сказать с полной уверенностью, что нам не страшны никакие враги, ни внутренние, ни внешние, нам не страшны их вылазки, ибо мы будем их разбивать в будущем так же, как разбиваем их в настоящем, как разбивали их в прошлом. *(Аплодисменты.)*

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Товарищи!

Я говорил в своем докладе об основных вопросах обсуждаемого дела. Прения показали, что у нас имеется теперь полная ясность, имеется понимание задач и есть готовность ликвидировать недостатки нашей работы. Но прения показали также, что есть некоторые конкретные вопросы нашей организационно-политической практики, по которым нет еще у нас вполне ясного понимания. Таких вопросов я насчитал семь.

Разрешите сказать несколько слов об этих вопросах.

1) Теперь, надо полагать, все поняли, осознали, что чрезмерное увлечение хозяйственными кампаниями и хозяйственными успехами при недооценке и забвении партийно-политических вопросов — ведет к тупику. Необходимо, стало быть, повернуть внимание работников в сторону партийно-политических вопросов с тем, чтобы успехи хозяйственные сочетались и шли рядом с успехами партийно-политической работы.

Как практически осуществить задачу усиления партийно-политической работы, задачу освобождения партийных организаций от хозяйственных мелочей? Как видно из прений, некоторые товарищи склонны делать из этого неправильный вывод о том, что теперь придется будто бы отойти вовсе от хозяйственной работы. По крайней мере были голоса: ну,

теперь, слава богу, освободимся от хозяйственных дел, теперь можно заняться и партийно-политической работой. Правильен ли этот вывод? Нет, неправилен. Когда наши партийные товарищи, увлекаясь хозяйственными успехами, отходили от политики, это была крайность, стоившая нам больших жертв. Если теперь некоторые наши товарищи, берясь за усиление партийно-политической работы, вздумают отойти от хозяйства, то это будет другая крайность, которая будет нам стоить не меньших жертв. Нельзя шарахаться от одной крайности к другой. Нельзя отделять политику от хозяйства. Мы не можем уйти от хозяйства так же, как не можем уйти от политики. Для удобства изучения люди обычно отделяют методологически вопросы хозяйства от вопросов политики. Но это делается лишь методологически, искусственно, только для удобства изучения. В жизни, наоборот, на практике политика и хозяйство неотделимы. Они существуют вместе и действуют вместе. И тот, кто думает в нашей практической работе отделить хозяйство от политики, усилить хозяйственную работу ценой умаления политической работы или, наоборот, усилить политическую работу ценой умаления хозяйственной работы,— тот обязательно попадет в тупик.

Смысл известного пункта проекта резолюции об освобождении партийных организаций от хозяйственных мелочей и усилении партийно-политической работы состоит не в том, чтобы отойти от хозяйственной работы и хозяйственного руководства, а только лишь в том, чтобы не допускать больше практики подмены и обезличения хозяйственных органов, в том числе и особенно земельных органов, нашими партийными организациями. Необходимо, стало быть, усвоить метод большевистского руководства хозяйственными органами, состоящий в том, чтобы систематически помогать этим органам, систематически укреплять их и руководить хозяйством не помимо этих органов, а через них. Нужно дать хозяйственным органам и прежде всего земельным органам лучших людей, нужно укомплектовать эти органы новыми лучшими работниками, способными выполнять возложенные на них задачи. Только после того, как будет проделана эта работа, можно будет рассчитывать на то, что партийные организации будут полностью освобождены от хозяйственных мелочей. Понятно, что дело это серьезное и требует известного времени. Но пока это не сделано, партийным организациям придется и впредь, на определенно короткий срок, заниматься вплотную сельскохозяйственными делами со всеми их мелочами, пахотой, севом, уборкой и т. д.

2) Два слова о вредителях, диверсантах, шпионах и т. д. Теперь, я думаю, ясно для всех, что нынешние вредители и диверсанты, каким бы флагом они ни маскировались, троцкистским или бухаринским, давно уже перестали быть политическим течением в рабочем движении, что они превратились в беспринципную и безыдейную банду профессиональных вредителей, диверсантов, шпионов, убийц. Понятно, что этих господ придется громить и корчевать беспощадно, как врагов рабочего класса, как изменников нашей родины. Это ясно и не требует дальнейших разъяснений.

Но вот вопрос: как практически осуществить задачу разгрома и вы-

корчевывания японо-германских агентов троцкизма? Значит ли это, что надо бить и выкорчевывать не только действительных троцкистов, но и тех, которые когда-то колебались в сторону троцкизма, а потом, давно уже, отошли от троцкизма, не только тех, которые действительно являются троцкистскими агентами вредительства, но и тех, которые имели когда-то случай пройти по улице, по которой когда-то проходил тот или иной троцкист? По крайней мере такие голоса раздавались здесь на пленуме. Можно ли считать такое толкование резолюции правильным? Нет, нельзя считать правильным. В этом вопросе, как и во всех других вопросах, необходим индивидуальный, дифференцированный подход. Нельзя стричь всех под одну гребенку. Такой огульный подход может только повредить делу борьбы с действительными троцкистскими вредителями и шпионами.

Среди наших ответственных товарищей имеется некоторое количество бывших троцкистов, которые давно уже отошли от троцкизма и ведут борьбу с троцкизмом не хуже, а лучше некоторых наших уважаемых товарищей, не имевших случая колебаться в сторону троцкизма. Было бы глупо опорачивать теперь таких товарищей.

Среди наших товарищей есть и такие, которые идеологически стояли всегда против троцкизма, но, несмотря на это, поддерживали личную связь с отдельными троцкистами, которую они не замедлили ликвидировать, как только стала для них ясной практическая физиономия троцкизма. Не хорошо, конечно, что они прервали свою личную приятельскую связь с отдельными троцкистами не сразу, а с опозданием. Но было бы глупо валить таких товарищей в одну кучу с троцкистами.

3) Что значит — правильно подбирать работников и правильно расставлять их на работе?

Это значит подбирать работников, во-первых, по политическому признаку, т. е. заслуживают ли они политического доверия и, во-вторых, по деловому признаку, т. е. пригодны ли они для такой-то конкретной работы.

Это значит не превращать деловой подход в деляческий подход, когда люди интересуются деловыми качествами работников, но не интересуются их политической физиономией.

Это значит не превращать политический подход в единственный и исчерпывающий подход, когда люди интересуются политической физиономией работников, но не интересуются их деловыми качествами.

Можно ли сказать, что это большевистское правило выполняется нашими партийными товарищами? К сожалению, нельзя этого сказать. Здесь на пленуме уже говорили об этом. Но не сказали всего. Дело в том, что это испытанное правило нарушается в нашей практике сплошь и рядом и при том самым грубым образом. Чаще всего подбирают работников не по объективным признакам, а по признакам случайным, субъективным, обывательски-мещанским. Подбирают чаще всего так называемых знакомых, приятелей, земляков, лично преданных людей, мастеров по восхвалению своих шефов — безотносительно к их политической и деловой пригодности.

Понятно, что вместо руководящей группы ответственных работников получается семейка близких людей, артель, члены которой стараются

жить в мире, не обижать друг друга, не выносить сора из избы, восхвалять друг друга и время от времени посылать в центр пустопорожние и тошнотворные рапорта об успехах.

Не трудно понять, что в такой семейственной обстановке не может быть места ни для критики недостатков работы, ни для самокритики руководителей работы.

Понятно, что такая семейственная обстановка создает благоприятную среду для выращивания подхалимов, людей, лишенных чувства своего достоинства и потому не имеющих ничего общего с большевизмом.

Взять, например, товарищей Мирзояна и Вайнова. Первый из них является секретарем краевой партийной организации Казахстана, второй — секретарем Ярославской областной партийной организации. Эти люди в нашей среде — не последние работники. А как они подбирают работников? Первый перетаскил с собой в Казахстан из Азербайджана и Урала, где он раньше работал, 30—40 «своих» людей и расставил их на ответственные посты в Казахстане. Второй перетаскил с собой в Ярославль из Донбасса, где он раньше работал, свыше десятка тоже «своих» людей и расставил их тоже на ответственные посты. Есть, стало быть, своя артель у товарища Мирзояна. Есть она и у товарища Вайнова. Разве нельзя было подобрать работников из местных людей, руководствуясь известным большевистским правилом о подборе и расстановке людей? Конечно, можно было бы. Почему же они этого не сделали? Потому, что они нарушают большевистское правило подбора работников, которое исключает возможность обывательски-мещанского подхода, исключает возможность подбора работников по признакам семейственности и артельности. Кроме того, подбирая в качестве работников лично преданных людей, эти товарищи хотели, видимо, создать для себя обстановку некоторой независимости как в отношении местных людей, так и в отношении ЦК партии. Допустим, что товарищи Мирзоян и Вайнов в силу тех или иных обстоятельств будут переведены из места нынешней их работы в какие-либо другие места. Как они должны поступать в таком случае в отношении своих «хвостов»? Неужели им придется снова перетаскивать их в новые места своей работы?

Вот к какому абсурду приводит нарушение большевистского правила о правильном подборе и расстановке работников.

4) Что значит — проверять работников, проверять исполнение заданий?

Проверять работников, это значит проверять их не по их обещаниям и декларациям, а по результатам их работы.

Проверять исполнение заданий, это значит проверять их не только в канцелярии и не только по формальным отчетам, но прежде всего проверять их на месте работы по фактическим результатам исполнения.

Нужна ли вообще такая проверка? Безусловно, нужна. Нужна, во-первых, потому, что только такая проверка дает возможность распознать работника, определить его действительные качества. Нужна, во-вторых, потому, что только такая проверка дает возможность определить достоинства и недостатки исполнительского аппарата. Нужна, в-третьих, потому, что только такая проверка дает возможность определить достоинства и недостатки самих заданий.

Некоторые товарищи думают, что проверять людей можно только сверху, когда руководители проверяют руководимых по результатам их работы. Это неверно. Проверка сверху, конечно, нужна, как одна из действительных мер проверки людей и проверки исполнения заданий. Но проверка сверху далеко еще не исчерпывает всего дела проверки. Существует еще другого рода проверка, проверка снизу, когда массы, когда руководимые проверяют руководителей, отмечают их ошибки и указывают пути их исправления. Этого рода проверка является одним из самых действительных способов проверки людей.

Партийные массы проверяют своих руководителей на активах, на конференциях, на съездах путем заслушивания их отчетов, путем критики недостатков, наконец, путем избрания или неизбрания в руководящие органы тех или иных руководящих товарищей. Точное проведение демократического централизма в партии, как этого требует устав нашей партии, безусловная выборность партийных органов, право выставления и отвода кандидатов, закрытое голосование, свобода критики и самокритики, — все эти и подобные им мероприятия необходимо провести в жизнь для того, между прочим, чтобы облегчить проверку и контроль руководителей партии со стороны партийных масс.

Беспартийные массы проверяют своих хозяйственных, профессионалистских и иных руководителей на беспартийных активах, на массовых совещаниях всякого рода, где они заслушивают отчеты своих руководителей, критикуют недостатки и намечают пути их исправления.

Наконец, народ проверяет руководителей страны во время выборов в органы власти Советского Союза путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Задача состоит в том, чтобы соединить проверку сверху с проверкой снизу.

5) Что значит — обучать кадры на их собственных ошибках?

Ленин учил, что добросовестное вскрытие ошибок партии, изучение причин, породивших эти ошибки, и намечение путей, необходимых для исправления этих ошибок, является одним из вернейших средств правильного обучения и воспитания партийных кадров, правильного обучения и воспитания рабочего класса и трудящихся масс. Ленин говорит:

«Отношение политической партии к ее ошибкам есть один из важнейших и вернейших критериев серьезности партии и исполнения ею на деле ее обязанностей к своему классу и к трудящимся массам. Открыто признать ошибку, вскрыть ее причины, проанализировать обстановку, ее породившую, обсудить внимательно средства исправить ошибку — вот это признак серьезной партии, вот это исполнение ею своих обязанностей, вот это — воспитание и обучение класса, а затем и массы».

Это значит, что обязанностью большевиков является не замазывание своих ошибок, не увильнение от вопроса об их ошибках, как это бывает у нас часто, а честное и открытое признание своих ошибок, честное и открытое намечение путей для исправления этих ошибок, честное и открытое исправление своих ошибок.

Я бы не сказал, чтобы многие из наших товарищей с удовольствием пошли на это дело. Но большевики, если они действительно хотят быть большевиками, должны найти в себе мужество открыто признать свои ошибки,

вскрыть их причины, наметить пути их исправления и тем помочь партии дать кадрам правильное обучение и правильное политическое воспитание. Ибо только на этом пути, только в обстановке открытой и честной самокритики можно воспитать действительно большевистские кадры, можно воспитать действительных большевистских лидеров.

Два примера, демонстрирующие правильность положения Ленина, Взять, например, наши ошибки с колхозным строительством. Вы помните, должно быть, 1930 год, когда наши партийные товарищи думали разрешить сложнейший вопрос перевода крестьянства на колхозное строительство в какие-нибудь 3—4 месяца и когда Центральный Комитет партии оказался вынужденным осадить увлекающихся товарищей. Это был один из самых опасных периодов в жизни нашей партии. Ошибка состояла в том, что наши партийные товарищи забыли о добровольности колхозного строительства, забыли, что нельзя переводить крестьян на колхозный путь путем административного нажима, забыли, что колхозное строительство требует не нескольких месяцев, а нескольких лет тщательной и продуманной работы. Они забыли об этом и не хотели признавать своих ошибок. Вы помните, должно быть, что указание ЦК о головокружении от успехов и о том, чтобы наши товарищи на местах не забегали вперед, игнорируя реальную обстановку,— было встречено в штыки. Но это не удержало ЦК от того, чтобы пойти против течения и повернуть наших партийных товарищей на правильный путь. И что же? Теперь ясно для всех, что партия добилась своего, повернув наших партийных товарищей на правильный путь. Сейчас у нас имеются десятки тысяч великолепных кадров из крестьян по колхозному строительству и колхозному руководству. Эти кадры обучались и воспитались на ошибках 1930 года. Но этих кадров не было бы у нас теперь, если бы партия не осознала тогда своих ошибок и не исправила их своевременно.

Другой пример уже из области промышленного строительства. Я имею в виду наши ошибки в период шахтинского вредительства. Наши ошибки состояли в том, что мы не учитывали всей опасности технической отсталости наших кадров в промышленности, мы мирились с этой отсталостью и думали развернуть широкое социалистическое промышленное строительство при помощи враждебно настроенных специалистов, обрекая наши хозяйственные кадры на роль плохих комиссаров при буржуазных специалистах. Вы помните, должно быть, как неохотно признавали тогда наши хозяйственные кадры свои ошибки, как неохотно признавали они свою техническую отсталость и до чего туго усваивали они лозунг — «овладеть техникой». И что же? Факты показывают, что лозунг «овладеть техникой» возымел свое действие и дал свои благие результаты. Теперь у нас имеются десятки и сотни тысяч великолепных большевистских хозяйственных кадров, уже овладевших техникой идвигающих вперед нашу промышленность. Но этих кадров не было бы у нас теперь, если бы партия спасовала перед упорством хозяйственников, не желавших признать свою техническую отсталость, если бы партия не осознала тогда своих ошибок и не исправила их своевременно.

Некоторые товарищи говорят, что нецелесообразно говорить открыто о своих ошибках, так как открытое признание своих ошибок может быть расценено нашими врагами, как наша слабость, и может быть использовано ими. Это пустяки, товарищи, сущие пустяки. Открытое признание наших ошибок и честное их исправление, наоборот, может лишь усилить нашу партию, поднять авторитет нашей партии в глазах рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции, поднять силу и мощь нашего государства. А это главное. Были бы с нами рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция, а все остальное приложится.

Другие товарищи говорят, что открытое признание наших ошибок может привести не к обучению и укреплению наших кадров, а к их ослаблению и расстройству, что мы должны щадить и беречь свои кадры, что мы должны щадить их самолюбие и спокойствие. Для этого они предлагают замазывать ошибки наших товарищей, ослабить силу, критики, а еще лучше — пройти мимо этих ошибок. Такая установка является не только в корне неправильной, но и в высшей степени опасной, опасной прежде всего для кадров, которые хотят «щадить» и «беречь». Щадить и сохранить кадры при помощи замазывания их ошибок,— это значит наверняка погубить эти самые кадры. Мы бы наверняка загубили свои колхозные большевистские кадры, если бы не вскрыли ошибок 1930 года и не обучили их на этих ошибках. Мы бы наверняка загубили свои промышленные большевистские кадры, если бы мы не вскрыли ошибок наших товарищей в период шахтинского вредительства и не обучили наши промышленные кадры на этих ошибках. Кто думает щадить самолюбие наших кадров путем замазывания их ошибок, тот губит и кадры, и самолюбие кадров, ибо он замазыванием их ошибок облегчает повторение новых, может быть более серьезных ошибок, которые, надо полагать, приведут к полному провалу кадров в ущерб их «самолюбию» и «спокойствию».

б) Ленин учил нас не только учить массы, но и учиться у масс.

Что это значит?

Это значит, что мы, руководители, не должны зазнаваться и должны понимать, что, если мы являемся членами ЦК или наркомов, то это еще не значит, что мы обладаем всеми знаниями, необходимыми для того, чтобы правильно руководить. Чин сам по себе не дает знаний и опыта. Звание — тем более.

Это значит, что одного лишь нашего опыта, опыта руководителей недостаточно для того, чтобы правильно руководить, что необходимо, стало быть, дополнять свой опыт, опыт руководителей, опытом масс, опытом партийной массы, опытом рабочего класса, опытом народа.

Это значит ни на минуту не ослаблять, а тем более не разрывать наших связей с массами.

Это значит, наконец, чутко прислушиваться к голосу масс, к голосу рядовых членов партии, к голосу так называемых «маленьких людей», к голосу народа.

Что значит правильно руководить?

Это вовсе не значит сидеть в канцелярии и строчить директивы.

Правильно руководить — это значит:

во-первых, найти правильное решение вопроса, а правильное решение

невозможно найти без учета опыта масс, которые на своей собственной спине испытывают результаты нашего руководства;

во-вторых, организовать исполнение правильного решения, чего, однако, нельзя сделать без прямой помощи со стороны масс;

в-третьих, организовать проверку исполнения этого решения, чего, опять-таки, невозможно сделать без прямой помощи масс.

Мы, руководители, видим вещи, события, людей только с одной стороны, я бы сказал — сверху, наше поле зрения, стало быть, более или менее ограничено. Массы, наоборот, видят вещи, события, людей с другой стороны, я бы сказал — снизу, их поле зрения тоже, стало быть, в известной степени ограничено. Чтобы получить правильное решение вопроса, надо объединить эти два опыта. Только в таком случае руководство будет правильным

Вот что значит не только учить массы, но и учиться у масс.

Два примера, демонстрирующие правильность этого положения Ленина.

Это было несколько лет тому назад. Мы, члены ЦК, обсуждали вопрос об улучшении положения в Донбассе. Проект мероприятий, представленный Наркомтяжем, был явно неудовлетворительный. Трижды возвращали проект в Наркомтяж. Трижды получали из Наркомтяжа все разные проекты. И все же нельзя было признать их удовлетворительными. Наконец, мы решили вызвать из Донбасса несколько рабочих и рядовых хозяйственных и профессиональных работников. Три дня беседовали с этими товарищами. И все мы, члены ЦК, должны были признать, что только они, эти рядовые работники, эти «маленькие люди» сумели подсказать нам правильное решение. Вы помните должно быть известное решение ЦК и Совнаркома о мерах усиления добычи угля в Донбассе. Так вот это решение ЦК и Совнаркома, которое признано всеми нашими товарищами правильным и даже знаменитым решением, подсказали нам простые люди из низов.

Другой пример. Я имею в виду пример с тов. Николаенко. Кто такая Николаенко? Николаенко — это рядовой член партии. Она — обыкновенный «маленький человек». Целый год она подавала сигналы о неблагополучии в партийной организации в Киеве, разоблачала семейственность, мещанско-обывательский подход к работникам, зажим самокритики, засилье троцкистских вредителей. От нее отмахивались, как от назойливой мухи. Наконец, чтобы отбиться от нее, взяли и исключили ее из партии. Ни Киевская организация, ни ЦК КП(б)У не помогли ей добиться правды. Только вмешательство Центрального Комитета партии помогло распутать этот запутанный узел. А что выяснилось после разбора дела? Выяснилось, что Николаенко была права, а Киевская организация была неправа. Ни больше, ни меньше. А ведь кто такая Николаенко? Она, конечно, не член ЦК, она не нарком, она не секретарь Киевской областной организации, она даже не секретарь какой-либо ячейки, она только простой рядовой член партии.

Как видите, простые люди оказываются иногда куда ближе к истине, чем некоторые высокие учреждения.

Можно было бы привести еще десятки и сотни таких примеров.

Выходит таким образом, что для руководства нашим делом одного лишь

нашего опыта, опыта руководителей, далеко еще недостаточно. Для того, чтобы правильно руководить, необходимо опыт руководителей дополнить опытом партийной массы, опытом рабочего класса, опытом трудящихся, опытом так называемых «маленьких людей».

А когда это возможно?

Это возможно лишь в том случае, если руководители связаны с массами теснейшим образом, если они связаны с партийными массами, с рабочим классом, с крестьянством, с трудовой интеллигенцией.

Связь с массами, укрепление этой связи, готовность прислушиваться к голосу масс, — вот в чем сила и непобедимость большевистского руководства.

Можно признать как правило, что пока большевики сохраняют связь с широкими массами народа, они будут непобедимыми. И наоборот, стоит большевикам оторваться от масс и потерять связь с ними, стоит им покрыться бюрократической ржавчиной, чтобы они лишились всякой силы и превратились в пустышку.

У древних греков в системе их мифологии был один знаменитый герой — Антей, который был, как повествует мифология, сыном Посейдона — бога морей и Геи — богини земли. Он питал особую привязанность к матери своей, которая его родила, вскормила и воспитала. Не было такого героя, которого бы он не победил — этот Антей. Он считался непобедимым героем. В чем состояла его сила? Она состояла в том, что каждый раз, когда ему в борьбе с противником приходилось туго, он прикасался к земле, к своей матери, которая родила и вскормила его, и получал новую силу. Но у него было все-таки свое слабое место — это опасность быть каким-либо образом оторванным от земли. Враги учитывали эту его слабость и подкарауливали его. И вот нашелся враг, который использовал эту его слабость и победил его. Это был Геркулес. Но как он его победил? Он оторвал его от земли, поднял на воздух, отнял у него возможность прикоснуться к земле и задушил его таким образом в воздухе.

Я думаю, что большевики напоминают нам героя греческой мифологии, Антея. Они, так же, как и Антей, сильны тем, что держат связь со своей матерью, с массами, которые породили, вскормили и воспитали их. И пока они держат связь со своей матерью, с народом, они имеют все шансы на то, чтобы остаться непобедимыми.

В этом ключ непобедимости большевистского руководства.

7) Наконец, еще один вопрос. Я имею в виду вопрос о формальном и бездушно-бюрократическом отношении некоторых наших партийных товарищей к судьбе отдельных членов партии, к вопросу об исключении из партии членов партии, или к вопросу о восстановлении исключенных в правах членов партии. Дело в том, что некоторые наши партийные руководители страдают отсутствием внимания к людям, к членам партии, к работникам. Более того, они не изучают членов партии, не знают чем они живут и как они растут, не знают вообще работников. Поэтому у них нет индивидуального подхода к членам партии, к работникам партии. И именно потому, что у них нет индивидуального подхода при оценке членов партии и партийных работников, они обычно действуют наобум: либо хвалят их огулом, без меры, либо

избивают их также огулом и без меры, исключают из партии тысячами и десятками тысяч. Такие руководители вообще стараются мыслить десятками тысяч, не заботясь об «единицах», об отдельных членах партии, об их судьбе. Исключить из партии тысячи и десятки тысяч людей они считают пустяковым делом, утешая себя тем, что партия у нас двухмиллионная и десятки тысяч исключенных не могут что-либо изменить в положении партии. Но так могут подходить к членам партии лишь люди, по сути дела, глубоко антипартийные.

В результате такого бездушного отношения к людям, к членам партии и партийным работникам искусственно создается недовольство и озлобление в одной части партии, а троцкистские двурушники ловко подцепляют таких озлобленных товарищей и умело тащат их за собой в болото троцкистского вредительства.

Сами по себе троцкисты никогда не представляли большой силы в нашей партии. Вспомните последнюю дискуссию в нашей партии в 1927 году. Это был настоящий партийный референдум. Из 854 тысяч членов партии голосовало тогда 730 тысяч членов партии. Из них за большевиков, за Центральный Комитет партии против троцкистов голосовало 724 тысячи членов партии, за троцкистов — 4 тысячи членов партии, то-есть около полпроцента, и воздержалось 2 600 членов партии. Не приняло участия в голосовании 123 тысячи членов партии. Не приняли они участия либо потому, что были в отъезде, либо потому, что были в сменах. Если к 4 тысячам, голосовавших за троцкистов, прибавить всех воздержавшихся,— полагая, что они тоже сочувствовали троцкистам,— и если к этой сумме прибавить не полпроцента не участвовавших в голосовании, как это следовало бы сделать по правилу, а пять процентов не участвовавших, то-есть около 6 тысяч членов партии, то получится около 12 тысяч членов партии, сочувствовавших так или иначе троцкизму. Вот вам вся сила господ троцкистов. Добавьте к этому то обстоятельство, что многие из этого числа разочаровались в троцкизме и отошли от него, и вы получите представление о ничтожности троцкистских сил. И если, несмотря на это, троцкистские вредители все же имеют кое-какие резервы около нашей партии, то это потому, что неправильная политика некоторых наших товарищей по вопросу об исключении из партии и восстановлении исключенных, бездушное отношение некоторых наших товарищей к судьбе отдельных членов партии и отдельных работников искусственно плодят количество недовольных и озлобленных и создают, таким образом, троцкистам эти резервы.

Исключают большей частью за так называемую пассивность. Что такое пассивность? Считают, оказывается, что ежели член партии не усвоил программу партии, то он пассивен и подлежит исключению. Но это же неправильно, товарищи. Нельзя же так буквоедски толковать устав нашей партии. Чтобы усвоить программу партии, надо быть настоящим марксистом, проверенным и теоретически подготовленным марксистом. Я не знаю, много ли найдется у нас членов партии, которые уже усвоили нашу программу, стали настоящими марксистами, теоретически подготовленными и проверенными. Если идти дальше по этому пути, то нам пришлось бы оставить в партии только интеллигентов и вообще людей ученых. Кому нужна

такая партия? У нас имеется проверенная и выдержавшая все испытания ленинская формула о членстве в партии. По этой формуле членом партии считается тот, кто *признает* программу партии, платит членские взносы и работает в одной из ее организаций. Обратите внимание: в ленинской формуле говорится не об *усвоении* программы, а о *признании* программы. Это две совершенно различные вещи. Нечего и доказывать, что прав здесь Ленин, а не наши партийные товарищи, все болтающие об усвоении программы. Оно и понятно. Если бы партия исходила из того, что членами партии могут быть только такие товарищи, которые уже усвоили программу и стали теоретически подготовленными марксистами, то она не создавала бы в партии тысячи партийных кружков, сотни партийных школ, где членов партии обучают марксизму и помогают им усвоить нашу программу. Совершенно ясно, что если партия организует такие школы и кружки среди членов партии, то это потому, что она знает, что члены партии не успели еще усвоить партийную программу, не успели еще стать теоретически подготовленными марксистами.

Стало быть, чтобы выправить нашу политику по вопросу о членстве в партии и об исключении из партии, необходимо покончить с нынешним головотяпским толкованием вопроса о пассивности.

Но у нас есть еще другая погрешность в этой области. Дело в том, что наши товарищи не признают середины между двумя крайностями. Стоит рабочему, члену партии слегка провиниться, опоздать раз—два на партийное собрание, не заплатить почему-либо членских взносов, чтобы его мигом выкинули вон из партии. Не интересуются степенью его провинности, причиной неявки на собрание, причиной неплатежа членских взносов. Бюрократизм в этих вопросах прямо невиданный. Не трудно понять, что именно в результате такой бездушной политики оказались выброшенными из партии замечательные кадровые рабочие, великолепные стахановцы. А разве нельзя было, раньше чем исключить из партии, сделать предупреждение, если это не действует — поставить на вид или вынести выговор, а если и это не действует — поставить срок для исправления или, в крайнем случае, перевести в кандидаты, но не исключать с маху из партии? Конечно, можно было. Но для этого требуется внимательное отношение к людям, к членам партии, к судьбе членов партии. А этого-то именно и не хватает у некоторых наших товарищей.

Пора, товарищи, давно пора покончить с этим безобразием. (*Аплодисменты.*)

Приложение к теме XIV. ВАЖНЕЙШИЕ ДАТЫ (1933—1937)

1933

Январь

7—12 января. Объединенный пленум ЦК и ЦКК. Доклад товарища Сталина «Об итогах первой пятилетки». Речь товарища Сталина «О работе в деревне». По докладу т. Кагановича вынесено решение о создании политотделов МТС и совхозов. Пленум одобрил решение Политбюро ЦК о проведении чистки партии в течение 1933 г. и приостановке приема в партию до окончания чистки. Принято решение об антипартийной группировке Эйсмонта, Толмачева, Смирнова А. П. и др.

30 января. Фашистский переворот в Германии.

Февраль

19 февраля. Речь товарища Сталина на первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников. Товарищ Сталин поставил как важнейшую и ближайшую задачу колхозного движения «сделать всех колхозников зажиточными, а колхозы — большевистскими».

23 февраля. Приветствие товарища Сталина Красной Армии в связи с ее 15-летней годовщиной.

Март

3 марта. Арест вождя германской компартии т. Тельмана фашистским правительством.

Апрель

4 апреля. Английский парламент принял закон о запрещении советского импорта в Англию.

12—19 апреля. Процесс вредителей на электростанциях.

Июнь

1 июня. Пуск Челябинского тракторного завода.

20 июня. Смерть Клары Цеткин.

29 июня. Открытие Беломорско-балтийского канала.

Июль

3 июля. По предложению СССР 8 держав (СССР, Афганистан, Эстония, Латвия, Персия, Польша, Румыния и Турция) подписали договор об определении нападающей стороны (агрессора).

4 июля. Опубликовано постановление ЦК ВКП(б) об организации политотделов на железнодорожном транспорте.

15 июля. Пуск Уральского завода тяжелого машиностроения.

Август

15 августа. Опубликовано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О помощи бескорванным колхозникам в обзаведении коровами».

Сентябрь

2 сентября. Заключение итало-советского пакта о ненападении.

21 сентября—23 декабря. Фашистский суд в Германии над коммунистами: Димитровым, Поповым и Таневым по провокационному обвинению их в поджоге рейхстага. Суд кончился позорным провалом обвинения.

Октябрь

9 октября. Опубликовано сообщение ТАСС, разоблачающее подготовку Японией и Манчжурией захвата КВЖД.

11 октября. Выход Германии из Лиги наций.

29 октября. Пятнадцатилетие ВЛКСМ. Приветствие товарища Сталина комсомолу.

Ноябрь

4 ноября. Закончено строительство первой очереди Бобриковского химкомбината.

5 ноября. Умер Сен-Катаяма — вождь компартии Японии.

16 ноября. Установление нормальных дипломатических отношений между СССР и США.

28 ноября—12 декабря. XIII пленум ИККИ обсудил вопросы о фашизме, военной опасности и задачах компартии, о деятельности компартии Германии, о тактике единого фронта в Англии и обратился к рабочим всех стран с воззванием против белого террора. Пленум подчеркнул, что «в настоящее время мир уже вплотную подходит к новому туру революций и войн».

Декабрь

23 декабря. Товарищ Сталин принял делегацию колхозников Днепропетровской области.

1934

Январь

4 января. Опубликовано беседа товарища Сталина с американским корреспондентом г. Дюранти.

26 января—10 февраля. XVII съезд ВКП(б). Товарищ Сталин выступает с отчетным докладом о работе ЦК ВКП(б). Съезд принимает решения по докладам тт. Молотова и Куйбышева о втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1933—1937 гг.), по докладу т. Кагановича об организационных вопросах (партийное и советское строительство). Создание Комиссии советского контроля при СНК СССР и реорганизация ЦКК в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б). Съезд принимает новый устав ВКП(б).

30 января. Стратостат «Осоавиахим» стартовал под Москвой для научного исследования стратосферы в зимних условиях. Потерпел катастрофу, во время которой погибли герои: Федосеенко, Лысенко, Усыскин.

Февраль

Вооруженная борьба австрийского пролетариата против фашизма (Вена).

7—14 февраля. Грандиозное антифашистское выступление французского пролетариата. Баррикадные бои с полицией и фашистскими дружинниками в Париже, Бордо, Лионе, Гренобле, Нанте и Лилле.

13 февраля—13 апреля. В Полярном море затонул пароход «Челюскин». Героические дни пребывания челюскинцев на льдине и спасение их советскими летчиками.

16 февраля. Подписание англо-советского торгового договора.

27 февраля. Приезд в Москву Димитрова, Попова и Танева.

Март

16 марта. Революционные бои в Испании, стачки в Мадриде, всеобщая забастовка в Валенсии, Сеговии, Барселоне.

Апрель

4 апреля. Продление пактов о ненападении между СССР, Эстонией, Латвией и Литвой до конца 1945 г.

16—20 апреля. Постановление ЦИК СССР об установлении высшей степени отличия — звания «Героя Советского Союза» и о присвоении этого звания летчикам, спасшим челюскинцев. Награждение орденами Ленина непосредственных участников спасения челюскинцев и орденами Красной звезды всех участников полярного похода «Челюскина».

Июнь

20 июня. Постановление ЦИК СССР о ликвидации Реввоенсовета и переименовании Наркомвоенмора в Народный комиссариат обороны СССР.

29 июня—1 июля. Пленум ЦК ВКП(б). Обсуждены вопросы о выполнении плана поставок зерна и мяса и об улучшении и развитии животноводства.

Июль

10 июля. Постановление ЦИК СССР об образовании общесоюзного Народного комиссариата внутренних дел со включением в его состав ОГПУ.

23 июля. Беседа товарища Сталина с английским писателем Гербертом Уэллсом.

Август—сентябрь

17 августа—1 сентября. I Всесоюзный съезд советских писателей.

18 сентября. Вступление СССР в Лигу наций.

28 сентября. Пуск Краматорского машиностроительного завода.

Октябрь

Всеобщая забастовка и вооруженная борьба рабочих в Испании.

Ноябрь

25—28 ноября. Пленум ЦК ВКП(б). Рассмотрены вопросы: 1) об отмене карточной системы по хлебу и некоторым другим продуктам; 2) о политотделах в сельском хозяйстве. Кроме того пленум рассмотрел следующие текущие вопросы: а) о развитии животноводства, б) о примерном уставе сельскохозяйственной артели, в) о финансовом положении и о задолженности колхозов, г) об индивидуальном крестьянском хозяйстве и отсталых колхозах, д) о комбайнах и комбайнерах. Политотделы МТС, по решению пленума, должны быть превращены в обычные партийные органы.

Декабрь

1 декабря. В Ленинграде от руки гнусных, презренных агентов фашизма, подлых подонков троцкистско-бухаринской банды шпионов, вредителей, диверсантов, убийц погиб секретарь Центрального и Ленинградского комитетов ВКП(б), член Политбюро ЦК ВКП(б), член Президиума ЦИК СССР — Сергей Миронович Киров.

16 декабря. Черная металлургия досрочно выполнила свой годовой план, выплавив 10 миллионов тонн чугуна.

26 декабря. Беседа товарищей Сталина, Молотова и Орджоникидзе с металлургами.

1935**Январь**

18 января. Опубликован приговор Военной коллегии Верховного суда СССР по делу подпольной контрреволюционной группы «московского центра» в составе Зиновьева, Евдокимова, Гертника, Каменева и др. Обвиняемые приговорены к различным срокам тюремного заключения.

25 января. Умер член Политбюро ЦК, первый заместитель председателя СНК и СТО СССР, председатель Комиссии советского контроля — Валерьян Владимирович Куйбышев.

Январь—февраль

28 января—6 февраля. VII Всесоюзный съезд советов: 1) отчетный доклад т. Молотова о работе правительства; 2) отчетный доклад народного комиссара тяжелой промышленности т. Орджоникидзе; 3) доклад о мероприятиях по укреплению и развитию животноводства; 4) доклад т. Молотова о внесении некоторых изменений в Конституцию Союза ССР.

11 — 17 февраля. II Всесоюзный съезд колхозников-ударников. Съезд утвердил новый примерный устав сельскохозяйственной артели.

Март

5 марта. Опубликовано постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) о повышении заработной платы медицинским работникам и об увеличении ассигнований на здравоохранение в 1935 г.

23 марта. Подписано соглашение о продаже КВЖД.

29 марта. Прием английского министра А. Идена товарищем Сталиным, во время которого товарищ Сталин и Иден обменялись мнениями по международным вопросам, а также по вопросам дальнейшего развития англо-советских отношений.

30 марта. Опубликовано постановление пленума Ленинградского горкома ВКП(б) «О задачах партийно-организационной и политически-воспитательной работы»).

Апрель

1—4 апреля. Состоялось совещание работников железнодорожного транспорта, созванное по поручению ЦК ВКП(б). В работах совещания принимал участие товарищ Сталин.

6 апреля. Опубликовано постановление правительства о реорганизации Госплана СССР.

26 апреля. Правительственная комиссия по приемке московского метрополитена закончила свою работу. СНК и ЦК ВКП(б) постановили начать нормальную эксплуатацию московского метро с 15 мая.

28 апреля. Опубликовано постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) о государственном плане развития животноводства на 1935 г.

28 апреля. Опубликовано воззвание Исполбюро Красного интернационала профсоюзов о борьбе за единый фронт и единство профдвижения.

Май

2 мая. Подписан пакт о взаимопомощи между Францией и СССР.

4 мая. Речь товарища Сталина в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии («кадры решают все»).

14 мая. Опубликовано постановление ЦК ВКП(б) о реорганизации Культпропа ЦК ВКП(б).

14 мая. Прием товарищем Сталиным и товарищем Молотовым министра иностранных дел Франции Пьера Лаваля.

14 мая. Выступление товарища Сталина на торжественном заседании, посвященном пуску метрополитена.

16 мая. Заключен договор о взаимной помощи между СССР и Чехословакией.

5—7 июня. Состоялся пленум ЦК ВКП(б). Пленум рассмотрел два вопроса: 1) об уборке и заготовках сельскохозяйственных продуктов и 2) о служебном аппарате Секретариата ЦИК Союза ССР и Енукидзе.

9 июня. Прием тт. Сталиным и Молотовым министров Чехословакии Э. Бенеша.

14 июня. Опубликовано постановление ЦК ВКП(б) о пропагандистской работе в ближайшее время.

14 июня. Товарищи Сталин, Молотов, Ворошилов и др. посетили Софринский полигон, где ознакомились с достижениями советской артиллерии.

15—17 июня. XI пленум ЦК ВЛКСМ вынес постановление о перестройке работы комсомола

23 июня. В СССР приехал всемирно-известный писатель, друг Советского Союза — Ромэн Роллан.

27 июня. Советские стратонавты на стратостате «СССР 1-бис» поднялись с научными целями на высоту 16 тыс. метров.

27 июня. Опубликовано постановление ЦК ВКП(б) о проверке партийных документов.

28 июня. Состоялась беседа между товарищем Сталиным и писателем Ромэн Ролланом.

30 июня. Советские парашютисты поставили ряд мировых рекордов по высотным, запяжным групповым прыжкам с парашютом.

Июль

6 июля. Празднование дня Конституции СССР.

7 июля. Состоялось первое заседание пленума Конституционной комиссии по внесению изменений в Конституцию СССР, избранной на 1-й сессии ЦИК Союза VII созыва. Председателем подкомиссии по общим вопросам Конституции и Редакционной комиссии избран товарищ Сталин.

11 июля. Опубликовано постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) о генеральном плане реконструкции Москвы.

13 июля. Установлены нормальные дипломатические отношения между СССР и Бельгией.

16 июля. Товарищи Сталин, Орджоникидзе, Каганович и др. посетили Научно-экспериментальный автотракторный институт, где присутствовали при испытании нового типа гусеничного трактора.

25 июля. Открылся VII конгресс Коминтерна.

29 июля—5 августа. В «Правде» опубликован доклад т. Берия на тифлисском партактиве «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье».

30 июля. В Кремле состоялся прием работников железнодорожного транспорта, на котором с речью о задачах железнодорожного транспорта выступил товарищ Сталин.

Август

8 августа. Опубликовано постановление СНК и ЦК ВКП(б) об издании и продаже учебников для начальной, неполной средней и средней школы.

25 августа. Опубликовано приветствие товарища Сталина участникам конного пробега Ашхабад—Москва.

Сентябрь

2 сентября. Опубликовано сообщение о том, что забойщик шахты «Центральная-Ирмино» Алексей Стаханов поставил рекорд работы советского отбойного молотка, дав за 6-часовую смену 102 тонны угля, что составляет 10% суточной добычи всей шахты.

4 сентября. Опубликовано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной, неполной средней и средней школе.

11 сентября. В «Правде» опубликовано сообщение о том, что метод Алексея Стаханова подхвачен передовыми забойщиками Донбасса.

26 сентября. Опубликовано постановление СНК и ЦК ВКП(б) о снижении цен на хлеб и отмене карточной системы на мясо, рыбу, сахар, жиры и картофель.

Октябрь

2 октября. Опубликовано сообщение о том, что итальянские войска на границе Абиссинии перешли в наступление без формального объявления войны.

Во всех отраслях промышленности и транспорта разворачивается движение рабочих и работников за стахановские методы труда.

Ноябрь

10 ноября. В Кремле состоялся прием колхозниц-ударниц свекловичных полей руководителями партии и правительства. На приеме с речью выступил товарищ Сталин.

14 ноября. В Кремле открылось первое Всесоюзное совещание рабочих и работников — стахановцев промышленности и транспорта. *17 ноября.* На первом Всесоюзном совещании стахановцев с речью выступил товарищ Сталин.

Декабрь

1 декабря. В зале заседаний ЦК ВКП(б) состоялось совещание передовых комбайнеров и комбайнеров СССР с членами ЦК ВКП(б) и правительства. С речью выступил товарищ Сталин.

4 декабря. В Кремле состоялось совещание передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана с руководителями партии и правительства. В конце совещания с речью выступил товарищ Сталин.

5—8 декабря. В ЦК ВКП(б) состоялось совещание руководителей нечерноземной полосы СССР с членами ЦК ВКП(б) и правительства.

10—14 декабря. В ЦК ВКП(б) состоялось совещание по вопросам строительства.

19 декабря. В Кремле состоялось совещание передовых колхозников и колхозниц Узбекистана, Казахстана и Кара-Калпакии с руководителями партии и правительства.

21—25 декабря. Состоялся пленум ЦК ВКП(б). Пленум рассмотрел следующие вопросы: 1) вопросы промышленности и транспорта в связи со стахановским движением и 2) итоги проверки партийных документов.

23 декабря. В Кремле состоялся прием делегации младших командиров Тихоокеанского флота.

27—29 декабря. В Кремле состоялось совещание передовиков урожайности по зерну, трактористов и машинистов молотилок с руководителями партии и правительства.

30 декабря. В Кремле в связи с 15-летием Советской Армении состоялся прием делегации трудящихся Советской Армении.

1936

Январь

3—7 января. В Кремле состоялось совещание руководящих работников МТС и земельных органов с руководителями партии и правительства.

4 января. В Кремле состоялся прием работников промышленности золотой, цветных, легких и редких металлов руководителями партии и правительства.

10 января. Открылась 2-я сессия ЦИК СССР VII созыва. С докладом о народнохозяйственном плане на 1936 г. выступил т. Молотов.

15—19 января. В ЦК ВЛКСМ состоялось совещание о детской литературе.

21 января. В связи с 15-летием установления советской власти в Азербайджане состоялся в Кремле прием делегации Советского Азербайджана руководителями партии и правительства.

27 января. Опубликовано замечание товарищей Сталина, Жданова, Кирова на конспект учебника по истории СССР и замечания о конспекте учебника по новой истории.

27 января. Состоялся прием делегатов трудящихся Бурят-Монгольской АССР руководителями партии и правительства в Кремле.

Февраль

1 февраля. Открылась 2-я сессия ВЦИК XVI созыва.

8 февраля. СНК и ЦК БКП(б) приняли решение о ликвидации Коммунистической академии и передаче ее учреждений Академии наук СССР.

13—16 февраля. В Кремле состоялось совещание передовиков животноводства с руководителями партии и правительства.

Март

1 марта. Состоялась беседа товарища Сталина с председателем американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюспейперс» г. Рой Говардом.

7—10 марта. Состоялся III пленум Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). Пленум вынес следующие резолюции, утвержденные ЦК ВКП(б): 1) о работе уполномоченных КПК и 2) о работе партколлегии КПК и порядке наложения партийных взысканий на членов и кандидатов БКП(б).

8 марта. Опубликовано сообщение о расторжении Германией Локарнского договора.

14 марта. Состоялось совещание передовиков по льну и конопле с руководителями партии и правительства.

19 марта. В связи с 15-летием Грузинской АССР состоялся прием делегации Советской Грузии руководителями партии и правительства в Кремле.

19 марта. Состоялась беседа председателя СНК СССР т. Молотова с главным редактором французской газеты «Тан» г. Шастенэ.

Апрель

8 апреля. Опубликован протокол о взаимной помощи между СССР и Монгольской народной республикой.

10 апреля. Опубликовано постановление СНК и ЦК БКП(б) о повышении заработной платы учителям и другим школьным работникам.

11—21 апреля. X съезд ВЛКСМ. Съезд заслушал доклад т. Косарева о работе ЦК ВЛКСМ и принял новую программу и устав ВЛКСМ.

Май

10 мая. В Большом кремлевском дворце открылось Всесоюзное совещание жен хозяйственников и инженерно-технических работников тяжелой промышленности.

11 мая. Опубликовано сообщение о том, что Абиссиния аннексирована Италией. Итальянский король провозглашен императором Эфиопии.

17 мая. Опубликовано сообщение: «15 мая под председательством товарища Сталина состоялось очередное заседание Пленума Конституционной комиссии, избранной 1-й сессией ЦИК СССР VII созыва. Комиссия подвергла тщательному рассмотрению представленный Редакционной подкомиссией проект Конституции СССР, установила его окончательный текст и постановила внести его на рассмотрение ближайшей сессии Центрального Исполнительного Комитета СССР».

Июнь

1—4 июня. Состоялся пленум ЦК БКП(б). Пленум рассмотрел следующие вопросы:

1) Проект Конституции СССР (докладчик товарищ Сталин).

2) Об уборке урожая и сельскохозяйственных заготовках.

Кроме того пленум рассмотрел в текущих делах вопрос об обмене партийных документов и поручил Оргбюро ЦК выработать на основе сообщения т. Ежова и предложений товарища Сталина постановление по вопросу о порядке приема

в члены партии и разборе апелляции исключенных из партии при проверке партдокументов.

9 июня. Товарищи Сталин, Молотов и Ворошилов присутствовали в ЦДКА на вечере лучших людей авиации РККА, награжденных орденами Союза.

11 июня. Президиум ЦИК СССР заслушал доклад председателя Конституционной комиссии товарища Сталина о проекте Конституции СССР. Проект Конституции одобрен Президиумом ЦИК СССР для внесения на рассмотрение Всесоюзного съезда советов. Съезд советов назначен на 25 ноября 1936 г.

12 июня. Опубликован проект Конституции Союза ССР для всенародного обсуждения.

18 июня. Умер великий русский писатель, гениальный художник слова, беззаветный друг трудящихся, боец за победу коммунизма— товарищ А. М. Горький.

28 июня. Опубликовано приветствие товарища Сталина работникам золотой промышленности, досрочно выполнившей полугодовой план 1936 г.

28 июня. Опубликовано постановление ЦИК Союза ССР и СНК СССР о запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах. Постановление принято ЦИК Союза ССР после широкого обсуждения проекта постановления трудящимися всей страны.

Июль

17 июля. 60-летие М. М. Литвинова. Опубликовано приветствие товарищей Сталина и Молотова.

18 июля. Начало военно-фашистского мятежа против республиканской Испании, организованного испанскими фашистами.

22 июля. Опубликовано приветствие товарища Сталина летчику-испытателю т. В. Коккинаки с достижением международного рекорда высоты на двухмоторном самолете с коммерческим грузом в 500 килограммов.

28 июля. Отважные советские летчики Чкалов, Байдукров и Беляков блестяще завершили беспрецедентный в истории человечества дальний беспосадочный перелет протяжением в 9 374 километра.

26 июля. Летчик Алексеев на самолете с коммерческим грузом в 1 000 килограммов поднялся на высоту 12 километров 695 метров.

29 июля. Опубликовано сообщение об установлении летчиком Коккинаки нового рекорда высотного полета на транспортном самолете с нагрузкой в 1000 килограммов на высоту в 11 746 метров.

29 июля. Опубликовано постановление Центрального исполнительного комитета Союза ССР «Об установлении ежегодно в годовщину приема железнодорожников руководителями партии и правительства 30 июля — Всесоюзного дня железнодорожного транспорта Советского Союза».

Август

3 августа. На Красной площади в Москве состоится 120-тысячный грандиозный митинг солидарности с испанским народом.

10 августа. Встреча отважного экипажа самолета Чкалова, Байдукрова и Белякова товарищем Сталиным и руководителями партии и правительства.

19 августа. Военная коллегия Верховного суда СССР начала слушание дела троцкистско-зиновьевской банды убийц.

24 августа. Закончился процесс троцкистско-зиновьевского контрреволюционного центра. Участники центра — враги народа Зиновьев, Каменев, Ев-

докимов, Бакаев, Мрачковский и др. понесли заслуженную кару: советский суд по требованию великого советского народа приговорил их к расстрелу. *27 августа.* Опубликовано приветствие товарища Сталина летчику Кокки-наки с достижением нового высотного полета.

Сентябрь

Советский народ по инициативе женщин — работниц Трехгоркой мануфактуры в Москве организует продовольственную помощь детям и женщинам героической Испании.

14 сентября. Опубликовано приветствие товарища Сталина летчику Леваневскому и штурману Левченко в связи с завершением ими исторического перелета Лос-Анжелос—Москва.

16 сентября. Опубликовано приветствие товарища Сталина летчику Юмашеву с достижением рекорда высоты 8 102 метра на четырехмоторном советском самолете с грузом в 5 тыс. килограммов.

20 сентября. Опубликовано поздравление товарища Сталина герою Советского Союза т. Молокову в связи с успешным проведением замечательной работы по установлению воздушных путей Арктики.

26 сентября. Постановление ЦИК Союза ССР о назначении Ежова Н. И. народным комиссаром внутренних дел Союза ССР.

30 сентября. Опубликовано обращение ЦК ВКП(б) ко всем организациям партии о возобновлении приема новых членов в ВКП(б).

Октябрь

1 октября. Сталевары Донбасса по инициативе сталевара Мазая начали соревнование на выполнение сталинского задания выпустить 60 тыс. тонн стали и 45 тыс. тонн проката в сутки.

10 октября. Опубликовано поздравления товарища Сталина командору большого женского автопробега А. Волковой и пом. командора по политчасти т. С. Орловой и командору перехода на одноместных таймунах по маршруту Краснодарск—Москва в связи с успешным завершением похода.

16 октября. Опубликовано приветственная телеграмма Центрального комитета коммунистической партии Испании товарищу Сталину и ответ товарища Сталина Центральному комитету коммунистической партии Испании, адресованный Хозе Диасу. (Текст телеграммы товарища Сталина см. на стр. 668.)

22 октября. Опубликовано постановление ЦК ВКП(б) об извращениях некоторыми местными партийными организациями постановления ЦК ВКП(б) о возобновлении приема новых членов в ВКП(б).

28 октября. Советский Союз отмечал 50-летие верного друга и соратника великого Сталина, выдающегося организатора блестящих побед социалистической индустрии, неутомимого борца за дело коммунизма — Григория Константиновича Орджоникидзе.

Ноябрь

6 ноября. Опубликовано поздравление товарища Сталина летчику-испытателю Алексееву в связи с достижением всесоюзного рекорда высоты на двухмоторном советском самолете с коммерческим грузом в 1 тонну.

23 ноября. Опубликовано приговор по делу контрреволюционной троцкистско-диверсионной группы на Кемеровском руднике, действовавшей по заданиям антисоветского троцкистского центра, получавшей непосредственные указания от врага народа Троцкого через предателя, диверсанта, вредителя Г. Пятакова. Обвиняемые по делу этой группы, ставившие своей целью по заданию фашистских правительств и кровавого пса фашизма — Троцкого реставрировать капитализм в нашей стране, приговорены к расстрелу.

25 ноября. Открылся Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд советов. С докладом о проекте Конституции Союза ССР выступил вождь народов СССР и всего трудящегося человечества, творец Конституции товарищ Сталин. Доклад транслировался по радио всеми радиостанциями Союза. Миллионы рабочих, крестьян в городах и селах нашей родины, сотни тысяч людей за границей слушали по радио исторический доклад товарища Сталина.

Декабрь

5 декабря. Состоялось заключительное заседание Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда советов. В этот день принята Сталинская конституция — величайший документ социализма. День принятия Конституции Союза ССР — 5 декабря — объявлен съездом советов всенародным праздником трудящихся Советского Союза.

1937

Январь

Новый подъем социалистического соревнования по всей стране в ответ на письмо сталеваров-стахановцев Донбасса и обращение Серго Орджоникидзе. *8 января.* Прием товарищем Сталиным германского писателя Лиона Фейхтвангера.

11 января. Опубликовано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О повышении заработной платы педагогическому персоналу техникумов, рабфаков, школ для взрослых и детских домов».

23—30 января. Судебный процесс над антисоветским троцкистским центром. Участники центра — враги народа Пятаков, Серебряков, Муралов, Лифшиц и др. советским судом по требованию советского народа приговорены к расстрелу.

Февраль

1 февраля. Опубликовано сообщение о потоплении фашистскими пиратами советского парохода «Комсомол» и о взятии в плен его команды.

10 февраля. Вся страна отмечает 100-летие со дня смерти величайшего русского поэта А. С. Пушкина. В Большом театре состоялось торжественное заседание, на котором присутствовали товарищи Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Орджоникидзе и другие члены ЦК партии и правительства.

18 февраля. Скончался нарком тяжелой промышленности, член Политбюро ЦК ВКП(б) Григорий Константинович Орджоникидзе.

Март

Закончился февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б). На пленуме 3 марта товарищ Сталин сделал доклад о недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Установив виновность Бухарина и Рыкова, как изменников и предателей, Пленум исключил их из партии и передал их дело для следствия в НКВД.

Апрель

26 апреля. Опубликовано сообщение о досрочном выполнении второго пятилетнего плана промышленности и железнодорожного транспорта.

29 апреля. Опубликовано постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе угольной промышленности Донбасса», «О третьем пятилетнем плане народного хозяйства» и «О снижении розничных цен на промышленные товары широкого потребления».

27 апреля—5 мая. Происходил III пленум ЦК ВЛКСМ. Пленум обсудил вопрос о подготовке комсомольских организаций к выборам в Советы по новой избирательной системе и недостатках политико-воспитательной работы в комсомоле; об отчетах и выборах комсомольских органов.

5 мая. Вся страна отмечает 25-летие ленинско-сталинской «Правды».

14 мая. Советскими летчиками под командованием Байдукова установлен международный рекорд скоростного полета с грузом в 5 тыс. кг на дистанцию в 2 тыс. км на транспортном четырехмоторном моноплане.

/ 6 мая. Опубликовано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об освобождении от уплаты денежных налогов и сборов колхозников и единоличников, нетрудоспособных ввиду преклонного возраста».

21 мая. Северный полюс завоеван большевиками: самолет СССР «Н-170», пилотируемый Героем Советского Союза Водопьяновым, с группой в 11 человек совершил посадку на Северном полюсе. Задача перелета—создать научную базу на Северном полюсе.

24 мая. Опубликовано приветствие партии и правительства славным участникам полярной экспедиции. Открытие Международной выставки в Париже.

26 мая. На Северном полюсе опустились самолеты героя Советского Союза Молокова и Алексева.

Июнь

5 июня. На дрейфующую станцию Северного полюса опустился самолет летчика Мазурука.

Самолеты северной экспедиции с Северного полюса вылетели на остров Рудольфа. Члены научной экспедиции товарищи Папанин, Кренкель, Федоров и Ширшов остались на год на Северном полюсе для научно-исследовательской работы.

11 июня. Опубликовано сообщение прокуратуры о приговоре к расстрелу изменников родине — Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Эйдемана, Фельдмана, Примакова и Путьна. Весь советский народ встретил приговор единодушным одобрением

12 июня. Скончался старейший член партии, член бюро Комиссии советского контроля при СНК СССР — М. И. Ульянова.

19—20 июня. Советские летчики — Герой Советского Союза Чкалов, Байдуков и Беляков совершили беспосадочный перелет по маршруту Москва—Северный полюс—Америка.

Очередной июньский пленум ЦК ВКП(б) рассмотрел и одобрил «Проект положения о выборах в Верховный Совет СССР».

Июль

4 июля. Окончено строительство канала Москва—Волга.

7 июля. 4-я сессия ЦИК СССР утвердила «Положение о выборах в Верховный Совет СССР».

12—14 июля. Советские летчики—Герой Советского Союза Громов, Юмашев и Данилин совершили второй беспосадочный перелет по маршруту Москва—Северный полюс—Америка. Самолет пролетел 10 200 км.

17 июля. Подписано двустороннее морское соглашение между Англией и СССР.

21—29 июля. Международный геологический конгресс в Москве.

Август

2 августа. Бандитский налет японцев и русских белогвардейцев на советское консульство в Тяньцзине.

4 августа. Заключено советско-американское торговое соглашение.

12 августа. Воздушный корабль «Н-209» под командованием Героя Советского Союза Леваневского вылетел по маршруту Москва—Северный полюс—Америка.

15 августа. Опубликовано сообщение правительственной комиссии об организации помощи потерпевшему аварии самолету т. Леваневского.

21 августа. Заключение договора СССР с Китаем о ненападении.

21—28 августа. IV пленум ЦК ВЛКСМ принял решение о борьбе с вредительством врагов народа в комсомоле.

23 августа. Опубликовано постановление ЦИК и СНК СССР «О разделении Народного комиссариата тяжелой промышленности». Из НКТП выделены машиностроительная промышленность и заводы металлических изделий. Образован Народный комиссариат машиностроения. Наркомом тяжелой промышленности утвержден товарищ Л. М. Каганович.

30 августа. Тренировочный полет субстратостата на высоту 15 200 метров (стратонавты гг. Украинский и Алексеев).

В Средиземном море фашистскими пиратами потоплен советский торговый теплоход «Тимирязев».

Сентябрь

Вся страна готовится к выборам в Верховный Совет СССР.

1 сентября. В Эгейском море фашистами потоплен советский пароход «Благоев».

7 сентября. Опубликовано нота протеста правительства СССР правительству Италии по поводу потопления советских судов.

24 сентября. Опубликовано постановление СНК СССР «О льготах колхозам, колхозникам и единоличникам по мясопоставкам».

Октябрь

6—8 октября. Вседонецкий слет стахановцев и ударников угля.

8 октября. Заключение торгового договора между СССР и Турцией.

12 октября. Опубликовано постановление ЦИК СССР о том, что днем выборов в Верховный Совет СССР объявляется 12 декабря 1937 г., а также постановления «Об утверждении состава Центральной Избирательной Комиссии по выборам в Верховный Совет» и «Об избирательных округах по выборам в Верховный Совет СССР».

11-12 октября. Пленум ЦК ВКП(б) рассмотрел вопросы избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР и принял соответствующие решения. Пленум ввел в состав членов Политбюро товарища Ежова Н. И.

18 октября. Опубликовано постановление ЦИК и СНК СССР «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах».

С 20 октября по всей стране с огромным подъемом происходят многочисленные предвыборные собрания рабочих, колхозников, красноармейцев и служащих. Трудящиеся СССР демонстрируют свою сплоченность вокруг большевистской партии и советского правительства. Первым кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР выдвинут товарищ Сталин.

29 октября. Прием руководящих работников и стахановцев металлургии и угольной промышленности руководителями партии и правительства в Кремле.

Ноябрь

2 ноября. Опубликовано постановление СНК СССР «О повышении заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим фабрично-заводской промышленности и транспорта».

7 ноября. Празднование XX годовщины Октябрьской революции.

10 ноября. Опубликовано открытое письмо окружным избирательным комиссиям о согласии членов ЦК ВКП(б) баллотироваться по различным районам СССР.

12 ноября. Опубликовано постановление СНК СССР «О введении штатных должностей и должностных окладов для профессорско-преподавательского состава в вузах».

30 ноября. Опубликовано постановление СНК СССР «О программе производства промышленности и о работе железных дорог на 1938 г. и на первый квартал 1938 г.»

Декабрь

7 декабря. Опубликовано «Обращение Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков) ко всем избирателям, рабочим, работницам, крестьянам, крестьянкам, к Красной Армии, к советской интеллигенции» с призывом голосовать за кандидатов блока коммунистов и беспартийных.

9 и 10 декабря. Опубликовано: «Обращение ВЦСПС ко всем членам профсоюзов, ко всем рабочим, работницам, служащим, инженерам и техникам, учителям, работникам науки и искусства» и «Обращение ЦК ВЛКСМ, Осоавиахима, Комитета по делам физкультуры» с призывом голосовать за кандидатов блока коммунистов и беспартийных.

11 декабря. Речь товарища Сталина перед избирателями Сталинского избирательного округа г. Москвы.

12 декабря. По всему Советскому Союзу состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Участвовало 96,5% населения.

14 декабря. Сообщение Центральной избирательной комиссии о результатах выборов в Верховный Совет СССР. Выборы показали полную победу блока коммунистов и беспартийных.

16 декабря. По всему Советскому Союзу проходили мощные демонстрации трудящихся, приветствовавших депутатов в Верховный Совет.

20 декабря. Двадцатилетие ВЧК—ОГПУ—НКВД. Советский народ горячо приветствовал НКВД, неусыпного стража социалистической революции, и его руководителя, любимца советского народа, верного сталинского ученика Н. И. Ежова.

23 декабря. Подписано советско-литовское торговое соглашение.

31 декабря. Опубликовано постановление ЦИК и СНК СССР «Об образовании Народного Комиссариата по Военно-Морским Делах СССР».